

АЛЕКСЕЕВ А.Н.

**ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ**

Из неопубликованных глав

Том 2/1

СПб. 2013

Содержание томов 1 - 3 ¹

ТОМ 1

= Эскиз предисловия: Из истории написания книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Краткое пояснение к новому проекту.

Часть 1

- 1. ОПЫТ ИЗЫСКАНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ**
- 2. ЧЕЛОВЕК, ЕГО РАБОТА И ЖИЗНЬ НА БАМЕ**
- 3. ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС И СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ**
- 4. СОЦИОЛОГИЯ И ТЕАТР**
- 5. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ или НАСКОЛЬКО ПРАВОМЕРНО «ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ» ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ**
- 6. ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУГОМ**

Часть 2

- 7. УЧИТЕЛЯ ЖИЗНИ: А. ШВЕЙЦЕР, А.А. УХТОМСКИЙ, А.А. ЛЮБИЩЕВ (триптих)**

Часть 3

= Вместо предисловия к части 3: СУДИ СЕБЯ САМ (ауторефлексия 1991 г.)

- 8. ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК (Комсомольская журналистика. 1957–1963)**
- 9. ЭКЗАМЕН НА ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ (Партийная журналистика. 1964-1965)**
- 10. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Массовая коммуникация. 1966-1975)**
- 11. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Контент-анализ. 1970-1975)**

---

¹ Настоящее оглавление является укрупненным и не отражает разделов и подразделов внутри глав. Детализированное содержание тома 2 см. ниже, а также – по главам - в начале всякой главы. - А. А. Август 2013.

12. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Участие в проекте «Человек и его работа – 1976»)

13. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Общественные движения и новая пресса России. 1989-1999)

14. РАЗНОЕ

Приложения к тому 1

= План-проспект рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001)

= Послесловие: Из автопрезентации тома 1

ТОМ 2/1

Глава без №. АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОМА 1

= От автора – сегодня. Предупреждение к главам 15-17

15. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (начало)

16. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (продолжение – 1)

17. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (продолжение – 2)

18. СУБЪЕКТЫ САМОСТОЯНИЯ

Приложения к тому 2/1

= Седьмая глава: несколько вступительных слов ко 2-й части "Выхода из мертвой зоны"

= Театр и публика. Современный отклик на труды 30-летней давности

ТОМ 2/2

Часть 1

19. СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИ: РЕТРОСПЕКЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, РЕФЛЕКСИЯ

Часть 2

20. КОРНИ И ВЕТВИ (Аносовы-Пузановы. XIX-XXI век)

21. КОРНИ И ВЕТВИ (Семейная хроника Зинаиды Вахарловской)

22. ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. ДНЕВНИК И ПИСЬМО КАК СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Часть 3

23. О НАБЛЮДАЮЩЕМ УЧАСТИИ И ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

24. ДИСКУССИЯ ЧЕРЕЗ ОКЕАН (О нарративной идентичности, о жизненном выборе, о натурном эксперименте)

Приложения к тому 2/2

= Генеалогические деревья: Сабакины, Аносовы, Пузановы

= «Все мы родственники...» (народная генеалогия)

= Эвристичный сон

ТОМ 3

Часть 1

25. А. АЛЕКСЕЕВ, Р. ЛЕНЧОВСКИЙ. «ПРОФЕССИЯ – СОЦИОЛОГ...»: АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ

26. «ЛИЧНОСТНОЕ НАУКОВЕДЕНИЕ» (История социологии «в лицах»)

27. ИЗ ЖИЗНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА (2007-2012)

28. ДЕЛА МЕМОРИАЛЬСКИЕ

Часть 2

29. «ПУСТЬ ДОКАЖЕТ, ЗАЧЕМ ЕЙ ЭТО НАДО!...» (История одного судебного процесса)

30. НАШ ЗАУРЯДНЫЙ / НЕЗАУРЯДНЫЙ СЛУЧАЙ (Дело Егора Новиковского)

31. ДЕРЕВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ (Дело ветерана Великой отечественной войны Желябужского)

Часть 3

32. «ВАС СНИМАЕТ СКРЫТАЯ КАМЕРА ИСТОРИИ...» (2011-2012)

33. ИЗ КОЛОНКИ А. АЛЕКСЕЕВА НА КОГИТА.РУ (2012 - ...)

Приложения к тому 3

= «Сезам, отворись!»

= Вместо заключения: продолжение следует?!

(Том 3 пока в проекте; возможны изменения)

**

Принятые сокращения:

ДСиСА – 1 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003

ДСиСА – 2 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003

ДСиСА – 3 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2005

ДСиСА – 4 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2005

Из неопубликованных глав. Том 1 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1. Электронное издание. 2012

Все вышеуказанные тома см. в Сети: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

ПС-1 : [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 1. СПб.: Норма, 2010.](#)

ПС-2 : [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 2. СПб.: Норма, 2010.](#)

ПС-3 : [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 1. СПб.: Норма, 2010.](#)

ПС-4 : [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 4. СПб.: Норма, 2010.](#)

Все вышеуказанные тома в Сети см. : <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>

+++

Содержание тома 2/1

Глава без №. АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОМА 1 (с. 10)

От автора – сегодня. Предупреждение к главам 15-17

Глава 15. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (начало) (с. 72)

15.1. ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ (К.А. Абульханова-Славская)

15.2. «ВОСПОМИНАНИЯ – ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЙ, ИЗ КОТОРОГО НЕТ ИЗГНАНИЯ...» (И.В. Баландина)

15.3. ПУТИ ВЫХОДА ИЗ ПЛЕНА БИНАРНОЙ ПАРАДИГМЫ (Р.Г. Баранцев)

15.4. ТЕОРИЯ РАЗДАТКА В РОССИИ СЕГОДНЯ – ОЧЕРЕДНОЙ ЦИКЛ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РАЗДАТОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ? (О.Э. Бессонова)

15.5. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАИН (А.В. Блюм)

15.6. ПАМЯТИ РЭМА НАУМОВИЧА БЛЮМА

15.7. "ПРИВАТИЗАЦИЯ НЕ ПРИВЕЛА К КАКИМ-ЛИБО ЗНАЧИМЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ТРУДОВОМ ПОВЕДЕНИИ И МОТИВАЦИИ..." (В.И. Герчиков)

15.8. ДИАЛОГ ВО ИМЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ("ПОИСКИ" – С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ) (М.Я. Гефтер)

15.9. КАК ОТСТОЯТЬ СВОИ ПРАВА ПЕРЕД ЧИНОВНИКОМ (10 ЗАПОВЕДЕЙ) (В.Д. Глухов)

15.10. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ (Е.И. Головаха и А.А. Кроник)

15.11. «ГОСПОДИ, ХРАНИ ДРУЗЕЙ, КТО БЫ В НИХ НИ ЦЕЛИЛСЯ...» (А.Э. Головков)

15.12. «РУТИНА», «СОБЫТИЯ» И «ЗАГАДКА ЖИЗНИ»: ТРИ СЛОЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ (В.Б. Голофаст)

15.13. ПУТИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1980-е гг.) (Л.А. Гордон; В.П. Дудченко и О.Г. Савельев)

15.14. «...И НЕТ НАЗВАНИЯ ЭТОМУ!» (СНЫ И ЯВЬ) (И.К. Грушевая)

15.15. СОЦИОЛОГ СРЕДИ ТЕАТРОВЕДОВ И ТЕАТРОВЕД СРЕДИ СОЦИОЛОГОВ (В.Н. Дмитриевский)

Ремарки

- Жизнь сама по себе - целостна! (раздел 15.1); Теория - гипотеза! (15.4); Театр абсурда, или «чистый Орвелл»... (15.5); «...персонифицированные конфиденциальные сведения...» (15.5); Исследование "случаев" (15.7); Пересечения кругов общения и дружбы (15.11); Латентная сторона жизни (15.12); Биографический метод и диалог (15.12); «Хотите - верьте, хотите - нет!» (15.14); «Вот и помянули Его...» (15.14); Кто у кого учился... (15.15)

Глава 16. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (продолжение – 1) (с. 232)

16.1. ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ И МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОЕ СОДРУЖЕСТВО
(Б.З. Докторов)

16.2. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ "ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ..."
(В.П. Дудченко)

16.3. РЫЦАРЬ ОНТОСИНТЕЗА (В.С. Дудченко)

16.4. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СОЦИОЛОГА (Л.К. Дудченко)

16.5. ИСКЛЮЧЕНИЯ, ПРОЯСНЯЮЩИЕ ПРАВИЛО (А.И. Зверев)

16.6. ЧЕЛОВЕК, ОСВОБОЖДАЮЩИЙ СЕБЯ САМ (Л.Е. Кесельман)

16.7. СОЦИОЛОГ-ЛИТЕРАТОР (А.А. Кетегат)

16.8. ТРУД НА СЕБЯ – ТРУД НА ОБЩЕСТВО (Г.А. Климентов)

16.9. ЭЛЕКТРОНОТЕРАПИЯ: ЭБОНИТОВЫЙ ДИСК ГОНЧАРОВА (Э.П. Кудрявцев)

16.10. ОТЕЦ И ДОЧЬ (Р.И. Ленчовский; А.Р. Ленчовская)

16.11. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И РЕФЛЕКСИЯ (Б.И. Максимов)

16.12. ВЫГОДА ОТ ГУМАНИЗМА (К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ) (С.Ф. Минакова)

16.13. РАБОЧИЙ-ФИЛОСОФ СЕРГЕЙ НИКИТИН, ИЗ ВОРОНЕЖА

16.14. «БЫЛИ МЫ РАННИМИ...». 1961 (В.Б. Ольшанский)

16.15. ДНЕВНИК: ОБЩЕНИЕ С САМИМ СОБОЙ И САМОСОЗНАНИЕ ПИСЬМОМ (К.С. Пигров)

Ремарки

Отклик на отклик... (16.2); Habitus и жизненный процесс (16.3); Человек и «животное» (16.6); Главный жанр моего друга (16.6); Делать то, чего никто за тебя не сделает (15.22); Предложения о привлечении трудящихся к управлению производством (16.8); Приборы Гончарова (16.9); Не выдержал травли (16.9); Электронотерапия Гончарова и энионтехнология Зорина (16.9); Дочь выросла (16.10); "...по адресу ли?" (16.12); Экология личности и философия личности (16.12); «Хождения в рабочие» (16.14); Совпадение тем (16.15); Архетипы коммуникации (16.15)

Глава 17. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (продолжение – 2) (с. 402)

17.1. МАТЕРИАЛЬНЫЙ ФЕТИШИЗМ КАК СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ (С.С. Рапопорт)

17.2. «...ОН НЕНАВИДЕЛ СЛОВО „РАБ“, ЗА ТО ПОПАЛСЯ В ГЛАВНЫЙ ШТАБ...» (В.Е. Ронкин)

17.3. К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (Г.И. Саганенко)

17.4. ПАРАЦЕЛЬС - БЭКОН - ГЕТЕ (XVI-XIX века) (К.А. Свасьян)

17.5. ВОЗРАСТ ДЖУЛЬЕТТЫ (Н.С. Сергеева)

17.6. 20 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ (В.В. Сокирко)

17.7. СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ (М.М. Соколов)

17.8. МОЙ СТАРШИЙ ДРУГ, РАБОЧИЙ, ПУБЛИЦИСТ (А.Г. Солипатров)

17.9. ЧТО НАС ЖДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? (В.М. Тягушев)

17.10. ГОЛОДАЙ. ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ. РОЖДЕСТВЕНО (А.Ю. Чернов)

17.11. МУЗЫКАНТ, ФИЛОСОФ, МАТЕМАТИК (С.В. Чесноков)

17.12. О СИТУАЦИОННЫХ АСПЕКТАХ КОММУНИКАЦИИ (Б.Ф. Шифрин)

17.13. ПЕРВЫЙ СРЕДИ «СОЦИОЛОГОВ-РАССТРИГ» (Ю.А. Щеголев)

17.14. ПРОЛЕГОМЕНЫ СОЦИОГЕНЕТИКИ (А.Н. Ющенко)

17.15. УЧИТЕЛЬ (В.А. Ядов)

Ремарки

На плечах титанов (17.3); Отклики на идею (17.8); Что значит «Ура!» (17.13)

Вместо заключения (к главам 15-17)

Постскриптум (к главам 15-17)

Глава 18. СУБЪЕКТЫ САМОСТОЯНИЯ (с. 519)

От автора – сегодня

18.1. «НАДОБНО РАСКРЫТЬ И В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОДОБИЕ ЭКВАТОРА...» (ГАВРИИЛ БАТЕНЬКОВ)

18.2. ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК СОЦИОЛОГ

18.3. "ОСТРОВ САХАЛИН" (АНТОН ЧЕХОВ)

18.4. «Я ТЕПЕРЬ НЕ УМРУ...» (ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР КРУТИЦКИЙ)

18.5. СЛОВО ПЕРЕД КАЗНЬЮ (БОМБОМЕТАТЕЛЬ ИВАН КАЛЯЕВ)

18.6. ЖИЗНЬ И СУДЬБА (ИНЖЕНЕР-КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ ВЛАДИМИР
КОСТЕНКО)

18.7. «КРУТОЙ МАРШРУТ» (ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ)

18.8. ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ (ПЕТР АБОВИН-ЕГИДЕС)

18.9. СЛОВО И ДЕЛО АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ

18.10. 100 СЕМЕЙСТВ СЕЛА ВИКУЛОВО 20 ЛЕТ НАЗАД (О
САМОДЕЯТЕЛЬНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ГРАЖДАНСКОМ
ПОДВИГЕ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ А.В. ДАВЫДОВА)

18.11. «Я ВАМ ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ...» (ЗАКИР ГАБАЙДУЛИН)

18.12. «НАДО ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО НАДО...» (АНДРЕЙ КУБАНИН)

Вместо заключения (к главе 18)

Ремарки

- Чехов – социолог (раздел 18.3); Агиография XX века (16.4); Лицо и
Система (18.5); Письма-дневники Юлия Даниэля (18.9); Жизнь не по лжи (18.10)

Приложения к тому 2/1 (с. 591)

Приложение 1. СЕДЬМАЯ ГЛАВА: НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ
КО 2-Й ЧАСТИ "ВЫХОДА ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ"

Приложение 2. ТЕАТР И ПУБЛИКА. СОВРЕМЕННЫЙ ОТКЛИК НА ТРУДЫ
30-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

+++

Глава без №

АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОМА 1

[Обойдусь без специального авторского предуведомления к настоящей главе без №. Ее замысел и специфика явствуют из нижеследующего собрания текстов.

*Замечу лишь, что эта глава содержит около двух сотен персонально адресованных автоаннотаций на том 1 книги: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1». Иногда они отчасти повторяют, но чаще дополняют друг друга. – А. А. Январь 2013]*²

**... пусть другие здраво и рассудят,
что когда писал ты и к чему.**

Леонид Мартынов

ВСТУПЛЕНИЕ

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

В отличие от «бумажных» книжных даров (для которых может и не найтись места на книжной полке одариваемого), и дарить, и получать в дар книги в электронном формате не так обременительно. А чтобы не возникло ситуации «демяновой ухи», отправитель предупреждает, что его послание претендует, разве что, на ознакомление адресата с сокращенным оглавлением и предисловием новой книги, которая под скрепкой.

Поняв из такого рода афиши, «от какой шубы этот рукав», какую цель ставил перед собой автор самостоятельного электронного издания «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1» (уж достиг ли цели – другой вопрос), адресат сам решит, как с этим поступить

Ваш – Андрей Алексеев. Август 2012

А. Алексеев - <...>

...А теперь поделюсь с Вами одним своим (творческим?) замыслом.

В течение 20 дней августа, я занимался рассылкой этого нового тома («Из неопубликованных глав...») примерно в 180 адресов – друзьям, коллегам, родственникам, людям весьма различающихся кругов занятий и интересов. Причем это не было «всерной» рассылкой, одновременными анонимными копиями. Нет, я каждому написал личное письмо, своего рода расширенную дарственную надпись.

(В каждом таком письме была индивидуализированная попытка объяснить адресату, а заодно - уяснить самому себе замысел и смысл предпринятого опыта. Интерпретации множились по мере возрастания числа адресатов).

Кто-то никак пока не откликнулся на мою отправку, кто-то подтвердил получение и выразил определенную заинтересованность, кто-то подошел к этому делу вроде Вас – с чрезвычайным и оперативным читательским вниманием.

---

² Фрагменты этой «автопрезентации» см. также в: Из неопубликованных глав. Том 1 (Приложения).

Дальше – вот что. Я собрал все эти свои письма, расположив их не в хронологической последовательности, а *по алфавиту фамилий адресатов*, тем самым задал случайный параметр, независимый от содержания и даты написания письма. (Письма, написанные подряд, имеют бОльшие шансы в чем-то повторять друг друга).

Таким образом, возник некий калейдоскоп, поворачивая который не знаешь, какую конфигурацию получишь. Но тем самым читатель этого собрания обращений и интерпретаций вовлекается в некую импровизацию и алеаторику (игра случая).

Как это получилось, Вы можете посмотреть в прилагаемом файле. Эта работа еще не завершена. Во-первых, примерно 20 человекам я еще не успел послать свой том, из числа тех, кому собирался. Во-вторых, некоторые мне отвечали, далеко не односложно, чем давали повод ответить на их письма. Я эти (свои) ответы тоже прилагал, иногда цитируя в них письма корреспондентов.

В Вашем случае - цитировать недостаточно, а хочется привести письмо целиком, убрав лишь сугубо личные моменты. Прилагаю мою «редакцию», вполне допуская, что она заслуживает авторской корректировки. Буду признателен, если Вы сделаете это, а все остальное – полистаете, как некий контекст. <...> 11.09.2012.

[Рассылка осуществлялась в течение второй половины августа – первой половины сентября 2012 г. Всего было отправлено около 200 писем. Ниже – извлечения из личных писем, которыми сопровождалась отправка адресату объемного файла «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том I». – А. А.]

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ³

Ристо Алапуру

<...> В приложении к этому письму - произведение, которое Тебе, может быть, будет интересно просмотреть. Это – некий дополнительный том к моей «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (2003-2005), ныне доступной и [в интернете](#). В нем (этом томе) – собрание трудов автора, от журналистики 50-х гг. до социологии наших дней, причем не лучших трудов, а характерных для разных периодов личной и общественной эволюции. Своего рода взаимоналожение биографии, науки и истории. Обрати внимание на главу 7. <...> 14.09.2012.

Елене Алексеевой

<...> А вот Вам продолжение и / или приложение к "Драматической социологии...". Не пугайтесь размеров. Читать можно выборочно. Вот главу 7 ⁴ - лучше целиком. Но и это - по мере возможностей и желания.

Как говорится, "пора собирать камни". А для чего? А чтобы удобней было снова разбрасывать. Такая диалектика. <...> 13.08.2012.

Марии Алесиной

<...> Посылаю Вам сработанное и давно, и недавно (как посмотреть) приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Сейчас не упомяну,

---

³ Настоящая композиция составлена почти исключительно из текстов писем самого автора книги. В редких случаях приводятся и ответные письма корреспондентов (в подстрочных примечаниях). Лаконичные подтверждения получения и благодарности за присылку книги в нижеследующей подборке никак не отражены

⁴ Глава 7: «Учителя жизни: А. Швейцер, А. А. Ухтомский, А. А. Любищев (триптих)».

дарил ли я Вам этот 4-томник лет 7-8 назад. Если нет – он доступен [в интернете](#), в удобном для обозрения формате.

Полистав этот файл, сами поймете, что там, к чему, даже и себя найдете в главе 4.

Это попытка «автобиографии в текстах». Тексты репрезентируют личность, а личность – эпоху. Такой «сверхзамысел». Читать это все – непосильная задача. Но полистать стоит.

Мне хочется особо обратить Ваше внимание на главу 7. Она, так сказать, не «про меня». <...> 18.08.2012.

Виктору Аллахвердову

<...> Я подумал, что Вам может быть профессионально интересен этот опыт автоинтерпретации на базе текстов, порожденных в рамках так наз. творческой, да еще и идеологизированной профессии. Методология применима, думаю, и не только для социолога и / или журналиста.

Изданная лет 8 назад книга «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», к которой настоящий том является приложением, ныне доступна [в интернете](#)).

Буду рад, если полистаете на досуге то, что под скрепкой. Обратите внимание на главу 7, составляющую смысловой контрапункт остальным, хрономатическим главам. <...> 20.08.2012.

М. Аникиной, В. Хрулю

<...> Вам может быть небезынтересно (скорее для перелистывания, чем для чтения) это приложение к моей книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», изданной лет 7-9 назад (электронная версия - <...>). То, что туда в свое время не вошло. Среди прочего – изыскания в области теории массовой коммуникации, с которых автор когда-то начинал свою социологическую карьеру (глава 10). Понятие «социального субъекта» в его модели МК тогда было благоприобретено у Б.А. Грушина (субъект общественного мнения). Ну, обо всем остальном – судите сами и читайте авторские ремарки.

В этом томе иногда трудно отделить «читиво» от «архива». Обратите внимание на главу 7. <...> 20.08.2012.

Ольге Ансберг

<...> Мне думается, Вам может быть небезынтересен этот том – приложение к книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», на которую Вам случалось ссылаться в своей («Общественные движения Ленинграда в годы перестройки»). (Кстати, упомянутая «Драматическая социология...» теперь доступна [в интернете](#)).

Смысл этого тома – автопортрет личности и эпохи, образованный текстами, порожденными в разные их (как личности, так и эпохи) периоды развития. Автопортрет не лицеприятный (для автора и эпохи), впрочем – см. комментарии (ремарки), по ходу действия.

А кое-что там имеет и не только исторический, но и общечеловеческий интерес.

Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7, занимающую в этой книге особое место. <...> 30.08.2012.

Евгению Анучину

<...> Посылаю Вам – для перелистывания на досуге – свой «новейший» труд, приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Этого 4-

томника у Вас нет, но можно заглянуть [в интернет](#). А ныне высылаемое – то, что в свое время туда не вместились. Получился этаким автопортрет без ретуши, а сквозь него проступают «эпохи зримые черты».

Обратите внимание на главу 7. Она уже не «про меня», а про великих старших современников. Это – «люди на все времена». <...> 18.08.2012.

***

<...> Спасибо за отклик. В "анналы" мои изыскания, думаю, не войдут. Зато - пища для будущих археологов. Здесь скучное перемежается увлекательным, но, может быть, скучное и есть самое интересное. Ваше пожелание, чтобы "пребыла со мной бодрость духа до самого конца" надеюсь исполнить. <...> 19.08.2012.

Владимиру Асееву

<...> Пока суд да дело, возник целый том – продолжение «Драматической социологии...». 4-томник доступен [в интернете](#). А здесь – то, что туда в свое время не уместилось. Получилось своего рода профессиональное «ретро». Читать целиком, конечно, немислимо, но полистать стоит. Обрати внимание на главу 7. Она уже – не про автора, а про великих старших современников. <...>. 15.08.2012.

Алексее Бабию

<...> Посылаю Вам свою свежее испеченную книжку – приложение к книге, не той, что я Вам подарил в июле, а другой: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», которая Вам скорее всего неизвестна, она вышла 7-9 лет назад. (Ее электронную версию см.: [<...>](#)).

Буду рад, если полистаете на досуге. Это форма своего рода документированной профессиональной автобиографии. Но есть и актуальное. Среди разделов книги особое место занимает глава 7. Ее рекомендую почитать. <...> 23.08.2012.

***

<...> Надо же, какие пересечения жизненных исканий! Вы, оказывается, еще раньше меня оригинально пошли "по стопам" Любичева ⁵, и продержались в этом жестком режиме чуть не 20 лет. Я же только экспериментировал и ограничился трехлетним испытанием своей, навеянной любичевским прецедентом, ауторефлексивной методики "Время жизни" (1979-1981). Моя система учета времени изначально была куда "мягче" Вашей и нацелена на максимизацию не "пользы", но "свободы" (которые, впрочем, хорошо коррелируют друг с другом).

Этот опыт описан в томе 1 моей "Драматической социологии..." и я пересылаю Вам электронную версию соответствующей главы. (Там к сожалению некоторые колонки в табличных материалах смещены, но, по счастью, только а "однодневных" примерах, а не в усредненных и итоговых данных). См. там разделы 6.5 и 6.6.

Ну, технологически у меня все было куда примитивнее, чем у Вас. Но для моих задач и смыслов хватало.

Еще - поделюсь с Вами одним замечательным трактатом всемирно известного американского философа, психолога, праксеолога и т. д. Стивена Кови. "Семь навыков высокоэффективных людей. Возврат к этике характера" (1989). Совсем недавно мой коллега Леонид Кесельман "навел" меня на этот своего рода учебник жизни, который мне лично очень созвучен.

Я с большим удовольствием ознакомился с главой "Хронометраж" из Вашего "почти полного собрания сочинений", разумеется, не удержался заглянуть и в другие

---

⁵ Имеется в виду применявшаяся А.А. Любичевым система учета времяпользования, подробно описанная в книге Д. Гранина «Эта странная жизнь...».

уголки [Вашего сайта](#), и оценил, сколь высоки планки Вашей разносторонности (симбиоза технического и гуманитарного), литературной одаренности и самоиронии. В этих замечательных качествах я могу тягаться с Вами лишь в последнем. В чем Вы, возможно, убедитесь, полистав другие главы моего собрания сочинений 50-70-х гг. (ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ).

Я же обязательно освою (не сразу!) Ваше "почти полное собрание" и проч. <...>
26.08.2012.

Рэму Баранцеву и Нине Москалевой

<...> Посылаю Вам еще один свой циклопический ауторефлексивный труд. Нам с Рэмом впору соревноваться по количеству "ретро"-томов. "Наследили" однако в истории... Но морская волна следы смывает, и редко когда выбрасывает на берег бутылку с письментами.

Обратите внимание на главу 7, где про Ухтомского и про Любищева. <...>
13.08.2012.

***

<...> Мне кажется, в любом возрасте стоит исповедовать "мудрость отказа". <...> И - делать то, и, по возможности, только то, чего никто и / или лучше тебя не сделает. <...> Не так свыше нам подаются знаки, как от нас же самих. А в современной любищевiane - Ты не <...>, а Ветроуд. <...> 24.08.2012.

Юрию Барбою

<...> Посылаю Тебе кое-что "о времени и о себе". Или, как я предпочитаю говорить, "о времени в себе" и о "себе во времени". Ну, главу 4 ⁶ Тебе сам Бог велел посмотреть. Остальные - избирательно, по настроению и по вкусу, и не к спеху.. Обрати внимание на главу 7.

Один из моих корреспондентов (кстати, драматург и сценарист) приветил меня: "...даже внимательное чтение оглавления (*предпочтительно - полное, которое в тексте под скрепкой.* - А. А.) резко расширяет "пространство памяти". У меня, во всяком случае. Дело даже не в самой памяти - в любом случае, помнишь только то, что помнишь - а в том, что выплывает вдруг полузабытый понятийный словарь, поросшие травой цели и задачи целых поколений, интеллектуальные моды и т. д. Т. е. твой "репрезентативный подход" - самый правильный и ценный. Буду потихоньку читать...".

А Виталий (*Дмитриевский.* - А. А.) уважил меня, вспомнив эйзенштейновский "монтаж аттракционов".

Чего доброго, приласкаешь и Ты. А я уж соскучился по "театральной" критике, которую коллекционирую с не меньшим усердием. <...> 17.08.2012.

***

<...> Высоко ценю твою похвалу: «...урывками читаю тебя и, в частности, успел удивиться, что театральные материалы не так уж и постарели, как следовало предполагать. Должно быть, вы тогда были умные. Надо же!»

А я вспоминаю свои, придуманные когда-то, «3 стадии авторского восприятия собственных текстов»: 1-я стадия: "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!"; 2-я: "Какой ужас!"; 3-я: "А для того времени я был не такой уж и дурак!". <...> 5.09.2012

Елене Батенковой и Дмитрию Бродскому

<...> Посылаю Вам приложение к "Драматической социологии...", изготовленное, как увидите, и давно, и недавно. Исследователям советской социологии, и вообще -

---

⁶ Из неопубликованных глав. Том 1. Глава 4: «Социология и театр».

советской ментальности - на съедение. Читать невозможно перелистывать. (Вопрос - где запятая?). Обратите внимание на главу 7. <...> 16.08.2012.

Владиславу Бачинину

<...> Посылаю Вам своего рода приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», Вам известной. (Кстати в Интернете: [<...>](#)). Эту композицию немисливо читать, но перелистать на досуге, наверное, стоит. Эволюция личности на фоне полувекового самодвижения эпохи. Обратите внимание на главу 7: Швейцер, Ухтомский, Любичев. <...> 18.08.2012.

Борису Беленкину, Елене Струковой

<...> Посылаю моим дорогим историкам и библиофилам некое произведение в оригинальном жанре - репрезентативная выборка трудов автора «Драматической социологии...» (кстати, ее нынешний сетевой адрес: [<...>](#)), произросших еще до «эксперимента социолога-рабочего», а именно – в 50-700-е гг. Полистайте на досуге,

Пожалуй, особенно не соскучитесь над журналистикой 50-х. Так и вижу Бориса, произносящего на очередных биографических чтениях в Питере ⁷ свой доклад-фельетон о создателе и певце первых бригад коммунистического труда и т. п. (А почему бы нет?).

Вам объяснять дальше, что там к чему – нет нужды. Мемуаристы, как известно, любят себя пересказывать, но не цитировать. Вот, пытаюсь поломать эту традицию. Обратите внимание на главу 7. <...> 26.08.2012.

Николаю Беляку

<...> Посылаю Тебе свое «новейшее» произведение в стиле «ретро». В отличие от «Драматической социологии...», это «социологическая ауторефлексия», по преимуществу. Разумеется, незачем все это читать, но перелистать на досуге, скажем, главы 4, 7, 8 Тебе желаю. Мемуаристы не любят себя цитировать. Между тем, не отретушированные тексты – лучшая презентация личности, а через нее и эпохи.

Не помню, сообщал ли, что известный тебе 4-томник середины 2000-х ⁸ теперь общедоступен [в интернете](#). <...> 20.08.2012.

Владимиру Белякову

<...> С одной стороны, этот мой труд – не в русле Ваших нынешних профессиональных и гражданственных интересов. С другой стороны, и Вам биографический жанр не чужд. А тут еще – «биография в документах». Траектория личности и отчасти портрет эпохи. Полистайте на досуге, не углубляясь в профессиональные подробности. Иногда нелегко отделить «читиво» от «архива». Но если я сейчас это все не соберу и не откомментирую, кто же это за меня сделает?

Интернет-прописка «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», изданной в 2000-х,, - [<...>](#). Этот том – своего рода приложение к ней.

Видели ли Вы свой «Август 1991» на [Когита.ру](#)? <...> 20.08.2012.

Юлии Беспаловой

<...> Как и Вы, я имею обыкновение делать социологию из собственного повседневного опыта. Вот, посылаю Вам что-то вроде продолжения "Драматической

---

⁷ Имеются в виду ежегодные Международные биографические чтения памяти В.В. Иофе.

⁸ Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

социологии и социологической ауторефлексии" (кстати, этот 4-томник теперь вывешен в удобном формате [на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга](#)). Здесь - профессиональная авторетроспектива, даже еще с "досоциологических" (для автора) времен. Не без "покаяния" однако. Буду рад, если полистаете на досуге (когда он еще будет?) . Читать уместно выборочно. Главу 7 (просветительскую) рекомендую прочесть целиком. <...> 14.08.2012.

Веронике Боде

<...> Примите мои поздравления с [аудиотекстовой интернет-брошюрой о российских социологах](#). Вы хорошо [заметили](#): "А больше всего удивляет (и восхищает) меня сам профессор Докторов...". Меня этот профессор уже не удивляет, но восхищает по-прежнему. Также и Ваше творчество вызывает мою симпатию и глубокое уважение.

Мне захотелось послать Вам «новейшее» произведение одного из героев-фигурантов Ваших интервью с Борисом. Вряд ли Вы держали в руках мою «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию» (издано в 2003-2005 гг.). Теперь она соседствует с Вашей интернет-брошюрой на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга: [<...>](#).

А посылаю я – довольно «жестокую» исповедь шестидесятника, а именно – своего рода интеллектуальную (авто)биографию, составленную из не отретушированных журналистских, а затем социологических текстов чуть не за 50 лет. Надо заметить, что себя цитировать наши обществоведы, вообще-то не любят. Так что полистать это на досуге Вам, как профессионалу, может быть интересно.

Разумеется, мое послание не содержит никаких «самопредложений». Мой адресат – Вероника Боде, а не радио «Свобода». <...> 19.08.2012.

Олегу Божкову

<...> Посылаю Тебе своего рода продолжение "Драматической социологии...", оно же и некая "ретро-социология", замешанная на "социологической ауторефлексии". В эстраде такие симбиозы, кажется, обозначаются: "мастер оригинального жанра". Полистай на досуге. А в главах 4 и 14 найдешь и себя. Без ностальгии, однако.

Кстати, мы с Тобой оба из одного не столь уж массового подвида социологов - выходцев из журналистики. <...> 15.08.2012.

Марку Борнштейну

<...> Посылаю Тебе – для перелистывания на досуге – опыт автобиографии, составленной из авторских текстов за 50 лет. Кое-что увлекательно, почти все – поучительно. «Чтиво» и «архив» перемешаны. Наукообразное, разумеется, пропускай. Обрати внимание на главу 7.

Не помню, сообщал ли, что «Драматическая социология...», вышедшая в середине 2000-х, теперь общедоступна [в интернете](#) («Театр жизни на заводских подмостках» и проч.). <...> 20.08.2012.

Любови Борусяк

<...> Вспоминая Ваших «Взрослых людей» на Полит.ру (увы, прекративших там свое существование), мне захотелось послать Вам, просто «для души» (не так даже Вашей, как собственной), этот случай историко-биографической ретроспекции, в виде репрезентативной выборки авторских текстов 30-летней давности и глубже. Полистайте на досуге – в развлекательных и / или познавательных целях.

Этот том - приложение к "Драматической социологии и социологической ауторефлексии", вышедшей в 2003-2005 гг. (ныне прописана и [в интернете](#)).

Обратите внимание на главу 7. Она выполняет роль контрапункта относительно всех остальных глав. <...> 26.08.2012.

***

Ваш отклик, по ознакомлении с рукописью, да еще в столь превосходных степенях, мне весьма дорог. Ибо уж Вы-то вполне могли избаловаться Вашими, как правило, очень яркими собеседниками (видеобеседы "Взрослые люди" – действительно, галерея "национального достояния"). <...>

К сожалению, "Из неопубликованных глав..." так и останется только электронным изданием (со временем будет вывешено в интернете).

Вышедшее в первой половине 2000-х бумажное издание "Драматической социологии и социологической ауторефлексии" добыть сейчас негде, кроме как у меня, но и у меня свободных экземпляров не осталось. Зато могу подарить (прислав по почте) более поздний 4-томник:

Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010.

Он, кстати, тоже есть [в интернете](#). И на сайте "Международная биографическая инициатива" тоже имеется.

Для присылки же бумажного издания необходимы: а) точный почтовый адрес и б) Ваша готовность получать бандероль на почте.

Кажется, я раньше не посылал Вам (а только сетевую ссылку) мою самодеятельную композицию: ««ВЗРОСЛЫЕ ЛЮДИ» (Любовь Борусяк и ее 55 собеседников)». См. [под скрепкой](#). <...> 9.09.2012.

***

<...> Мне кажется, Ваши "Взрослые люди", собранные вместе, - уже увлекательная книга.⁹ Разве что сгруппировать Ваши видеобеседы не по алфавиту фамилий, а тематически или еще как-либо иначе, хотя и в случайном порядке по алфавиту есть своя алеаторическая прелесть. А каждую тематическую группу видеобесед снабдить своей преамбулой и / или постскриптомом. Именно видеобеседы, в сопровождении расшифровок, хорошо укладываются в электронную книгу. Посоветуйтесь с Борисом (Докторовым. – А. А.), у него на этот счет есть опыт.

В любом случае, очень советую скачать из интернета видеoverсии своих бесед, пока они еще доступны на Полит.ру. Это будет, наверное, потруднее, чем открывать мои тома, но стоит это сделать, может быть, с чьей-нибудь профессиональной помощью, - для себя, и для будущих зрителей / слушателей / читателей. <...> 10.09.2012.

Анатолию Бородину

<...> Притом, что мы почти ровесники, Тебе может быть особенно интересно это ретроспективное автообозрение, включая и "дурного шестидесятника" и "марксистскую теорию массовой коммуникации". Полистай на досуге. Правда, для этого желательно иметь свой компьютер. Ведь комп - не только передающее устройство, но и кладовая. <...> Обрати внимание на главу 7. Она универсальна по адресу. <...> 15.08.2012. 15:05.

Михаилу Борщевскому

<...> Наша с Р. Ленчовским «Профессия – социолог...» у Тебя, кажется, есть, а моя «Драматическая социология...» - вряд ли. Впрочем, она теперь прописана и [в интернете](#). А вот это – приложение к последней из названных. Этакая профессиональная ретроспекция за 50 лет, включая 60-70-е, так что кое-что из вошедшего сюда Тебе может

---

⁹ Л. Б. в своем письме замечает, что хотела бы написать книгу на основе своих видеобесед.

быть памятно. Я ставил своей задачей отбор не лучших, но характерных для автора того времени текстов. Скажем так: для социологического самопознания и отображения эпохи. Полистай, под настроение. Обрати внимание на главу 7. У нее – особая функция. <...> 30.08.2012.

Евдокии Брандман

<...> Посылаю Тебе свое «новейшее» произведение. Это - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#), Полистай на досуге. Обрати внимание на главу 7. <...> 27.08.2012.

Майклу Буравому

<...> Сомневаюсь, что этот труд достоин Вашего пристального внимания, но сообщить о предпринятом опыте мне показалось уместным. Опыт состоит в создании композиции журналистских и социологических работ автора за 50 с лишним лет, отобранных не по признаку качества и / или значимости, а по критерию характерности, соответствия разным периодам жизни автора и исторического времени.

Эпоха формирует личность, личность порождает тексты, тексты характеризуют личность и отчасти эпоху. И это – в динамике. Вот такое ауторефлексивное исследование.

Этот том является приложением к книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», той самой, где рассказывается об «эксперименте социолога-рабочего» на одном из ленинградских заводов (1980-е гг.) и проч. Эта книга, кстати, теперь доступна [в интернете](#). <...> 14.09.2012.

<...> I doubt that this work is worthy your close attention, but to report about the undertaken experience it seemed to me appropriate. Experience consists in creation of composition of journalistic and sociological works of the author for more than 50 years which have been selected not on the basis of quality and/or importance, and by criterion of typicalness, compliance to the different periods of life of the author and historical time.

The era forms the personality, the personality generates texts, texts characterize the personality and partly an era. And it is in dynamics. Here such a self-reflexive research.

This volume is an annex to the book «Dramatic sociology and sociological self-reflexion», the same, where the author tells about the «experiment of the sociologist-worker» on one of the Leningrad plants (the 1980th) and so on. This book, by the way, is now available [on the Internet](#). <...> 14.09.2012.

***

<...> Рад Вашему привету и поздравлению и благодарю за компетентное признание.¹⁰ Со своей стороны, я высоко ценю Ваше научное творчество и общественную деятельность. Прилагаю одну из своих статей еще 2008 г. – «За открытую социологию», посвященную развитию Ваших идей о «публичной социологии». Эта статья вошла и в книгу:

---

¹⁰ Письмо М.. Буравого:

«...Dear Andrei Alekseev, Thank you so much for thinking of me, and congratulations on this wonderful book. I have been hearing about your work for more than 30 years, and so I'm glad it is now accessible to all. I look forward to the day when I will be able to read at least some of it. Yours is an extraordinarily important accomplishment and contribution to sociology. Thank you very much for sending it to me. Best wishes, Michael»

Перевод: «Уважаемый Андрей Алексеев! Большое спасибо, что подумали обо мне, и мои поздравления с этой замечательной книгой. Я слышал о Вашей работе более 30 лет назад, и рад, что она теперь стала доступной всем. Я с нетерпением жду того дня, когда у меня появится возможность с нею ознакомиться, хотя бы частично. Вами сделан чрезвычайно важный вклад в социологию. Спасибо, что послали мне эту книгу. С наилучшими пожеланиями, Майкл».

Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010.

Эта последняя также доступна в интернете: [Том 1](#); [Том 2](#); [Том 3](#); [Том 4](#).

Еще раз – спасибо. <...> 17.09.2012.

<...> I am glad to your greetings and congratulation, and thank You for the competent recognition. For my part, I highly appreciate your scientific creativity and public work. Here I apply one of my articles even 2008 – «For the Open Sociology», devoted to development of your ideas about «public sociology». This article was included and into the book:

Alekseev A.N, Lenchovsky R.I. Profession: Sociologist. The Dramatic Sociology Approach to the SI RAS Affair in 2008 / 2009 and More. Documents, Observations, and Reflections. Vol. 1-4. SPb.: Norma, 2010.

This the last is also available on the Internet: [Vol. 1](#); [Vol 2](#); [Vol. 3](#); [Vol. 4](#).

Once again – thanks. <...> 17.09.2012.

Георгию и Нине Бурковским

<...> Посылаю Вам что-то вроде продолжения «Драматической социологии...». (Теперь уже не фрагменты, а целый том.). Сами разберетесь, что тут к чему. Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7. <...> 15.08.2012.

Любови Вахарловской

<...> Посылаю Тебе приложение к "Драматической социологии и социологической ауторефлексии". Эти 4 томика 2003-2005 гг. у вас стоят где-то на полке. А электронная версия - [в интернете](#). Ну, а этот файл - тоже сохрани, скажем, для внуков. Полистай на досуге, хотя бы в будущем. Там - порой увлекательно, порой поучительно. А главу 7 (про Швейцера, Ухтомского и Любищева) советую уже сейчас почитать. <...> 16.08.2012.

***

<...> Спасибо за подтверждение получения. Скучное и слишком "ученое" - пропускай. Интересно, кто кого опередит: я - в писании или Ты - в чтении. С учетом своего "свободного режима" могу и обскакать.

Этот же файл я послал Марии и Василию. Так сказать, "на вырост". <...> 17.08.2012.

Марии Вахарловской

<...> Где-то в середине 2000-х вышла моя книжка (в 4-х томах) «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» Она есть в домашней библиотеке Виктора Глебовича. Доступна она и [в интернете](#).

Сейчас посылаю Тебе приложение к этой книжке, которое существует только в электронном варианте

Полистай его на досуге, Возможно, там есть кое-что для Тебя интересное.

Обрати внимание на главу 7. Имена Швейцера, Ухтомского, Любищева вряд ли Тебе не знакомы. Но тут – нетривиальные сюжеты. <...> 16.08.2012.

Юрию Вдовину

<...> Пользуюсь случаем послать Тебе свое новое произведение. Это - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#). Полистай этот том на досуге, не углубляясь в профессиональные подробности. . Обрати внимание на главу 7.

Мы с Тобой все никак не обменяемся бумажными изданиями собственных сочинений. Может, у Тебя сохранилась электронная версия своего? Тогда пришли, пожалуйста. <...> 27.08.2012.

Ирине Васильевой, Анне Ленчовской, Анастасии Марасовой, Марине Оршанской, А. Соловей, Майе Ядовой, Максиму Якубсону,

<...> Мне показалось осмысленным адресовать этот файл тем детям своих друзей, чьи электронные адреса мне известны. (Своим-то уже послал). Дети, дай Бог, переживут родителей. Глядишь, и дольше сохранится в их компьютерах.

Не подумайте, что я придаю чрезмерное значение этому «посланию в будущее». Но ведь нам не дано предугадать, как наше слово отзовется.

Эти тексты были написаны, в большинстве своем, в 50-70-е гг. прошлого века. И даже тогда где-то напечатаны, с помощью линотипа или ротапронта. Потом, в начале 2000-х, разысканы автором и набраны в ныне не менее архаичном «лексиконе». Потом, в 2010-х гг., конвертированы в ворд и windows и заново упорядочены.

Рукописи не горят – сказано, понятно, в переносном смысле. Вот и файлы не стираются, тоже в переносном смысле. Хотя и горят библиотеки, и сайты, как недавно мне объяснил один опытный интернетчик, дольше 10 лет не живут.

Так или иначе, будем сопротивляться ползучей энтропии.

...Этот том – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», ныне прописанной и [в интернете](#). Он слишком тяжеловесен, чтобы читать его подряд. Но достаточно перелистывания, чтобы почувствовать аромат времени сознательной жизни ваших родителей - времени «вегетерианского», в отличие от кровожадного, выпавшего на долю дедов.

История не повторяется, хотя отзвуками и отблесками тех и других времен, полна наша современная жизнь, а какой она станет пару десятилетий спустя - вы сами увидите.

И вот тогда может возникнуть потребность сравнить не только с нынешней, но и позапрошлой жизнью. Такому сравнению автор хотел бы способствовать.

Обратите внимание на главу 7. Она продлевает «цепь времен» уже в первую половину минувшего века. <...> 27.08.2012.

Андрею Вейхеру

<...> Я думаю, Тебе будет небезынтересно полистать это сочинение – опыт не слишком лицеприятной (для автора) репрезентации собственного социологического и – раньше – журналистского творчества, КАКИМ ОНО БЫЛО - 30-50 лет назад. Кое-что тут Тебе даже, может быть, знакомо - если не содержание, то стилистика. («Есть социальный заказ...»). Кстати, прислал бы Ты мне текст этой песенки).

Настоящий не слабый по объему том (ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ) является приложением к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она прописана также и [в интернете](#)).

Обрати внимание на главу 7. <...> 29.08.2012.

***

<...> Я рад, что моя "антология" оказалась Тебе "в жилу" <...> "Медленно изменяться" у нас и впрямь уже не получится, а "задумываться о пройденном" пора.

Я очень благодарен Тебе за оценку: "Твой способ встроиться в цепь времени гуманистичен и даёт душевную опору. Потому читаю и читаю. Подражать тебе невозможно. А позицию для толчка к обращению к миру, который продолжается, по-своему по кусочкам строю". Взаимозависимость автора и читателя в формировании жизненных позиций - и есть желанный эффект для автора.

Продолжение следует. <...> 2.09.2012.

Ирэне Вербловской

<...> Посылаю Вам свое «новейшее» произведение. Это - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#). Буду рад, если полистаете на досуге, не углубляясь в профессиональные подробности. Для Вас, думаю, нет нужды пояснять, что тут к чему, и цель, и смысл, и жанр. Обратите внимание на главу 7. <...> 27.08.2012.

Александрю Винникову

<...> Читать этот самоотчет за 50 лет, понятно, немислимо, а полистать на досуге, может быть, интересно. Сооружено - то ли в расчете на историческое мышление читателя, то ли для воспитания в нем исторического мышления. Тоже "эксперимент на себе". Обращи внимание на главу 7. <...> 16.08.2012.

Борису Вишневскому

<...> Благодарю за регулярную информацию о новостях [Вашего блога на «Эхе»](#), ну а Ваши публикации в «Новой газете» никогда меня не минуют.

В отличие от обычных своих рассылок, посылаю собственный том - приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она прописана также и [в интернете](#)). Не исключено, что Вам, при нынешней перегруженности, и перелистать его не удастся, Но, по крайней мере, узнаете о существовании некой авторской антологии, причем – не лучшего, а скорее характерного из каждого периода от 50-х гг. до наших дней. Скажем так: это самое нелицеприятное (к себе самому) из произведений Вашего корреспондента. Обратите внимание на общепросветительскую главу 7. <...> 28.08.2012.

Михаилу Габовичу

<...> Несколько лет назад я дарил Вам 4-томник «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». (Ныне он, кстати, общедоступен [в интернете](#)). Сейчас дополню это приложением «...из неопубликованных глав». В отличие от основного корпуса книги, здесь бумажного издания не будет, а только электронное. Смысл этой работы явствует из предисловия и оглавления. Обратите внимание на главу 7. <...> 15.09.2012.

Владимиру Гельману

<...> Посылаю Вам свой «новейший» труд, собранный из кусков, разделов и глав, не уместившихся в свое время в 4-томнике «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Получилось – кому самоотчет, кому – развлечение, а кому и портрет эпохи через персональный автопортрет. Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7. А также на предисловие к части 3 ("Суди себя сам").

Кстати, «Драматическая социология...», в удобном для обозрения формате, сейчас доступна [в интернете](#). А это приложение существует только как самодеятельное электронное издание.<...> 16.08.2012

Якову Гилинскому

<...> Посылаю Тебе продолжение и / или приложение к "Драматической социологии..." - те ее разделы и главы, которые когда-то не вместились в известный Тебе 4-томник, а теперь вот упаковались в отдельное достаточно связное сочинение. Еще одна

форма портрета Времени и интеллектуальной биографии - через авторские тексты разных, минувших лет. В некотором смысле поинтереснее традиционного "Избранного" или "opus magnum". А вот главу 7 советую прочитать целиком. Она несколько наособицу, хоть и вписана в сквозной сюжет. <...> 18.08.2012.

Борису Гладареву

<...> Пожалуй, Вам может быть интересен этот том – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», ныне легко доступной [в интернете](#). Здесь соединяются история личности, история социологии и история общества. Оглавление довольно прозрачно. Разумеется, читать подряд незачем, а - избирательно, по вкусу. Обратите внимание на главу 7. <...> 15.09.2012.

Валерию Глухову

<...> Посылаю Тебе продолжение «Драматической социологии...», составленное из ее не опубликованных в свое время глав и разделов. Там чего только нет. Полистай на досуге. Даже и себя найдешь (в главе 14). По возможности, распечатай оглавление и предисловие для Юры (*Щеголева. - А. А.*) . <...> 15.08.2012.

Евгению Головахе

<...> На мой взгляд, одним из законных жанров «лично-ориентированной социологии» может быть исследование социальных институтов и процессов через порожденные в рамках этих институтов и в русле этих процессов «человеческие документы», каковыми выступают также продукты профессионального творчества личности, будь то сам автор исследования или кто иной. Вот такой «эксперимент над самим собой» предпринят Вашим корреспондентом в настоящем произведении, являющем собой приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Буду рад, если, не пытаясь это все читать, полистаете на досуге. <...> 31.08.2012.

Льву Гольдштейну

<...> Посылаю Вам недавно сработанное приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она прописана также и [в интернете](#)). Возможно, Вам будет небезынтересно увидеть «сквозь даль времен» журналистику 50-х и социологию 70-х, в авторском исполнении. Дальше не комментирую. Будет время – полистайте. Обратите внимание на главу 7. Ее стоит прочитать целиком. <...> 28.08.2012/

Якову Гордину

<...> Пополню Вашу коллекцию из моих сочинений, возможно, еще хранящихся в редакционном шкафу «Звезды», на сей раз электронным томом – приложением к известной Вам «Драматической социологии...» (ее сетевая прописка теперь - [<...>](#)).

Полистать этот том Вам может быть небезынтересно, как историку, ибо он являет собой ретроспективу не отретушированных авторских текстов от 50-х гг. до наших дней, а это – порой развлекательно, и всегда поучительно (не для читателя, так для автора). Обратите внимание на главу 7, посвященную Швейцеру, Ухтомскому и Любичеву. <...> 29.08.2012.

Вадиму и Татьяне Гороховским

<...> Все никак не собраться для встречи. Но 4-томник «Профессия – социолог...» давно для Вас отложен. Его теперь можно полистать и в Интернете (что даже удобнее). Вот адреса: «Профессия – социолог...» - на сайте «Международная биографическая инициатива»: [Том 1](#); [Том 2](#); [Том 3](#); [Том 4](#). (В томе 4, среди прочего, отходная по нашему общему знакомому «антигерою»).

Кстати, и «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» тоже теперь общедоступна [в интернете](#).

А сейчас посылаю своего рода продолжение «Драматической социологии...». Это то, что в свое время не вместились в 4 тома, а теперь вот пригодилось. Этакая «интеллектуальная биография», воплощенная в авторских текстах за 50 лет. Полистайте, а кое-что и почитайте, на выбор. Обратите внимание на главу 7. Ее стоит прочитать целиком. <...> 18.08.2012.

Анне Готлиб

<...> "Документированная биография" и "социологическая ауторефлексия" - чем не жанры "качественной социологии"? Вот я и экспериментирую с ними. Исследование эпохи и человека через продукты деятельности субъекта. Полистайте на досуге. <...> 13.08.2012.

***

<...> Спасибо, Аня, что «любите мои тексты». Еще впереди - 2-й и 3-й тома "...из неопубликованных глав". Нужно быть совершенно героическим читателем, чтобы осилить 600 стр. ретро-текстов 1-го тома. Но при перелистывании обращайтесь внимание на современные ремарки. Вот главу 7 стоит прочитать целиком. <...> 13.08.2012.

Александр Гофману

<...> Посылаю Вам приложение и / или продолжение "Драматической социологии...", на которую Вы когда-то, давно, писали рецензию.

Получив по электронной почте послание с приложением около 650 компьютерных страниц, естественно подумать: «Неужели отправитель рассчитывает, что я буду это все читать?». Нет, на это он не рассчитывает. А рассчитывает лишь на безразмерность почтового ящика на Яндексе.

Порадовался я тут на днях программе и списку тезисов (количеством ок. 1,5 тыс.) уфимского [ВСК-4](#).¹¹ На всякий случай - пересылаю сводную картину, для справок. <...> 13.08.2012.

Лидии Графовой

<...> Посылаю Вам некий труд в оригинальном жанре. Он составлен из авторских текстов от 50-х гг. до наших дней, однако отобранных не по критериям достоинства, а в интересах адекватного представительства личности и Времени. Чего тут почти нет – это «эксперимента социолога-рабочего», но ему посвящена отдельная книга – «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», изданная в 2003-2005 гг. (ее современная интернетная прописка - [<...>](#)). А этот том – приложение к той книге. Возраст (78 лет, однако!) зовет к ретроспекции и самокритике. «Суди себя сам» - название одного из представленных здесь текстов, выражающее одну из главных идей этого тома.

Я буду рад, если Вы на досуге (коего у Вас, как всегда, немного, при Вашем способе жизни), не к спеху, полистаете этот многостраничный файл. Приостанавливаясь в местах, которые Вас заинтересуют (для чего придуманы «завлекательные» заголовки глав и разделов). Один из моих друзей (искусствовед) усмотрел здесь... эйзенштейновский

---

¹¹ Очередной, 4-й Всероссийский социологический конгресс.

«монтаж аттракционов», Чем очень мне польстил. Но любое читательское неудовольствие мне было бы дороже комплиментов.

Обратите внимание на главу 7. Она носит общекультурно-просветительский характер, но и несет особую смысловую нагрузку. <...> 20.08.2012.

***

<...> Я очень обрадован Вашей реакцией. Вы оценили главную идею - спасибо Слишком врубаться в этот текст, не только сейчас, но и потом не надо. Там ведь много и скукоты. Но, увы, требование репрезентативности не позволяло ее исключать. Зато попадаются и перлы, например в комсомольской журналистике начала 60-х: "А влюбленные сидели рядом... и читали проект программы партии". И т. п. Не соскучишься.

Вы, как я погляжу, живете по-прежнему сверхнапряженной жизнью. <...> Я же, в силу разных обстоятельств, веду физически скорее отшельнический образ жизни (виртуально - совсем иной). Придумал себе максимум: "Делай то и, по возможности, только то, чего никто кроме тебя и /или лучше тебя не сделает". И следую ей. <...> 21.08.2012.

***

<...> Если это первый номер журнала ["Миграция. XXI век"](#) - "без Вас", то очень трогательно они Вас проводили. Радуюсь Вашим очень симпатичным портретам (3 фото, текст Ж. Зайончковский, приветственный адрес) и "автопортретам" (тексты самой Л. Графовой).

Я прочитал не только Ваши очерки и эссе, но и текст президента Фонда, и некоторые другие. (Кстати, перепечатка Вашей статьи из «Российской газеты» 5-летней давности - сильный журналистский ход). И как-то особенно ясно ощутил "миграционную проблему", включая самый жгучий ее момент (репатриацию русских из ближнего зарубежья), как модельный процесс общей российской гангрены. Интересно, как перерождалась ФМС из социальной службы, созданной 20 лет назад для помощи людям, в социальный институт, реальной функцией которого является - людям вредить. И так - повсюду: в правоохранении, здравоохранении, образовании, ЖКХ, градостроительстве, экологии, избирательной системе, законодательстве. Действительно адский коктейль непрофессионализма, беззакония и аморальности.

Моя, понравившаяся Вам, "максима" если не требует, то учит "мудрости отказа". Хорошо, что Вы ушли с редакторской должности, успев высоко поднять планку, пусть даже она без Вас упадет. Очень желаю Вам взять - условно - 3-4-месячный "творческий отпуск", чтобы написать "Разнесенные ветром". Я думаю даже, что она у Вас написана - частями, вроде опубликованных в этом номере журнала, и достаточно составить из этих кусков композицию и написать предисловие и заключение. <...> 21.08.2012.

Петру Гринфельду, Татьяне Мерсадыковой

<...> Посылаю милому моему сердцу [«Альтсофту»](#) своего рода приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», про которую Вы, возможно, слышали. (Ныне она представлена и [в интернете](#)).

Это – довольно самокритичное произведение, являющее собой репрезентативную выборку того, что автор насочинял в прошлом веке. Полистайте на досуге, не слишком углубляясь в профессиональный подробности. Отчасти развлекательно, отчасти поучительно. Обратите внимание на главу 7. <...> 26.08 - 13.09.2012.

***

Дорогая Таня! Вы не первая, кто интересуется вордовской версией, чтобы читать в ридере. Охотно высылаю Вам тот же самый том в ворде. Что касается тех (томов), что в интернете, то они, увы, только в pdf. <...> 13.09.2012.

Виктору Гуревичу

<...> Возможно, Вам будет интересен этот том – не воспоминаний, а документальных свидетельств из биографии и истории, вовсе не драматических, но поучительных. Это – приложение к книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», той, где описываются «приключения социолога-наладчика» и т. п. (ее нынешний сетевой адрес - [<...>](#)).

Читать целиком этот том, понятно, невозможно, но полистать на досуге, в развлекательных и познавательных целях, пожалуй, стоит. Обратите внимание на главу 7. <...> 25.08.2012.

Людмиле Гурьевой

<...> Не уверен в твоём адресе. Но вроде с него мои рассылки, которые я стал также и Тебе посылать, не возвращаются.

На сей раз – собственное «новейшее» произведение, возвращающее в прошлый век. Кое-что в нем будет Тебе, пожалуй, интересно. Это – приложение к моей «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей 7-9 лет назад, однако ныне общедоступной [в интернете](#).

Обрати внимание на главу 5.¹² Главу 7 стоит прочитать целиком. Остальное перелистать.

С благодарной памятью о твоём участии в некоторых из событий тех давних лет. Томская социологическая лаборатория была для социолога-рабочего надёжным тылом, а ее руководитель – адресатом его крамольных, нештатных отчетов. <...> 16.09.2012.

Павлу Гутионтову

<...> Вот, высылаю свое «новейшее» произведение - том 1 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии. Из неопубликованных глав». Этакая антология, с охватом 50 лет, при отборе не лучшего (хоть и такое есть), но по преимуществу характерного. «Суди себя сам!», однако. Пожалуй, главы 8-9, с журналистикой 50-х гг., могут быть Тебе особенно интересны. Но и с социологией 70-х порой не соскучишься. Буду рад, если полистаешь. Ведь не читать же это, в самом деле. Обрати внимание на главу 7. <...> 13.09.2012.

Андрею Давыдову

<...> Посылаю Вам свое продолжение и / или приложение к "Драматической социологии..." Совсем "не системная" социология. Но ведь все нужны, не правда ли?

Получив по электронной почте послание с приложением около 650 компьютерных страниц, естественно подумать: «Неужели отправитель рассчитывает, что я буду это все читать?». Нет, на это не рассчитывает. А только - на безразмерность почтового ящика на Яндексе. <...> 12.08.2012.

Наталии Дадали

<...> Вот плоды моих "новейших" автоизысканий, впрочем, не для "внутреннего пользования". Личность социолога как отражение эпохи. Такова, наверное, "сверхидея" этого продолжения "Драматической социологии...". Интересно, что я почти ничего не разыскивал специально, а все из того, что не вместились в 4-томник середины 2000-х. Полистай на досуге. Главу 7 стоит прочитать целиком. <...> 15.08.2012.

---

¹² Глава 5: «Эпистолярные эксперименты, или насколько правомерно «обобществление» личной переписки».

Александр Даниэлю

Посылаю Вам нечто вроде «исповеди шестидесятника», составленное из собственных текстов за 50 лет. Своего рода автобиография в документах, или, если угодно, представительная (именно так!) выборка из личного архива, хрономатематически организованная и скупоткомментированная автором. Не приглашаю Вас все это читать, но для понимания методологии достаточно перелистывания.

Когда мы обсуждали «Архив архивов», как-то не затронули один из критериев отбора собраний для нашего Свода: только ли те, в которых так или иначе зафиксированы факты репрессий? И вообще, где грань, отделяющая жертв советского террора от «не жертв»? В. Долгий-Рапопорт в видеоинтервью из цикла бесед Любви Борусяк на Полит.ру «Взрослые люди» точно заметил: «Те, кто не был репрессирован, души у тех репрессировались». Такую травму получили едва ли не все наши современники, старшие и младшие. И редко кому удалось полностью от нее реабилитироваться.

Так что и данный архив достаточно благополучного советского гражданина, с этой точки зрения, претендует быть частью исторической памяти о «репрессированном сознании».

Обратите также внимание на главу 7: ««Загадка жизни» академика Ухтомского» и проч. <...> 22.08.2012.

Наталии Деминой

<...> Посылаю Вам свой "новейший" труд, разумеется, не для чтения, а для информации о факте его существования и, возможно, для перелистывания - когда-нибудь, на досуге. Жанр - своего рода "ретро", документально-биографический и ауторефлексивный. <...> 14.08.2012.

Константину Дивисенко

<...> Вот документированная профессиональная автобиография, которую можно было бы оприходовать в Вашем Биографическом фонде. Великовата. Но в электронном виде много места не займет в шкафу. Полистайте на досуге. Для Вас это уже по преимуществу история. Социологический автопортрет как портрет минувшей эпохи. <...> 15.08.2012.

Виталию Дмитриевскому

<...> Вот Тебе новая книга - для досужего чтения и / или перелистывания. Не к спеху. Особенно рекомендую главу 7. А и над 5, 8, 9 не соскучишься. <...> 12.08.2012.

***

<...> Ну, я никак не рассчитывал, что Ты сразу же возьмешься это читать, так основательно, да еще в условиях твоего цейтнота. Ты, конечно сверх-благодарный читатель. А в мой обзор определений "счастья" ¹³ стоило бы добавить: "Счастье - это когда Тебя понимают". В принципе именно такую "панораму в движении" я пытался соорудить. Да Ты мне еще подкинул эйзенштейновский "монтаж аттракционов"! Вообще, Господь-бог - великий драматург и режиссер. Ему только иногда не хватает талантливых ассистентов.

Диапазон охваченных твоим читательским вниманием / упоминанием сюжетов чрезвычайно велик. Иногда даже выходит за рамки этого тома. Ты что, заглядывал и в основной корпус "Драматической социологии..."? (Например, дело о "поврежденной двери"). ¹⁴

---

¹³ См. главу 1 в томе 1 «...из неопубликованных глав».

¹⁴ Из письма В. Дмитриевского:

Твои служебные новости <...>. Хотелось бы, конечно, 3-й том "Театра и зрителя" делать не задарма. Ну, если появится "свободное время", то в этом плюсов по крайней мере не меньше чем минусов.

Я бы не советовал слишком усердствовать над версткой. Наши огрехи мы замечаем куда чаще, чем наши читатели.

Я Тебе не говорил про свою триаду авторского восприятия собственных текстов: 1-я стадия: "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!"; 2-я : "Какой ужас!"; 3-я: "А для того времени я был не такой уж и дурак!". Ты сейчас - на 2-й. А вообще-то надо стремиться синтезировать все три стадии. <...> Когда теперь ждать Тебя в Питере? <...> 16.08.2012.

Борису Докторову

<...> Посылаю Тебе первому то, что будет рассылаться, причем каждому с кратким персональным обращением, вот как Тебе сейчас. <...> 11.08.2012.

***

<...> Спасибо за предложение превратить содержание в оглавление. Думаю, здесь надо пойти по компромиссному варианту, отвечающему замыслу "самодеятельного электронного издания". Я сам проставлю в "содержании" страницы, но только для глав. Это полезно для ориентировки, а искать все равно лучше через опцию "найти" (CTRL+ f) . Тебе останется лишь еще раз перевести в из ворда в pdf, что у Тебя получается так быстро и ловко. Я хотел бы сделать это уже после того как завершу персональную рассылку лично знакомым корреспондентам, которую сейчас делаю, но перед выставлением в Интернет на сайте <...>, как договаривались.

Часть 2 включает в себя единственную (седьмую) главу - из смысловых соображений. Эта глава-триптих (о Швейцере, Ухтомском и Любищеве), кстати, самая крупная. Но мне и структурно хотелось ее выделить. Она разделяет часть 1 , образованную по тематическому принципу, и часть 3, построенную хронографически. <...> 18.08.2012.

***

<...> "Норма", в лице ее создателя и директора Маргариты Филипповой, - не только интеллигентное, но и самоотверженное издательство, занимающееся многолетней

«...Самые первые впечатления после беглого просмотра с возникающими остановками - вдруг за что-то зацеплялся. Многие сюжеты, факты, документы были известны, но очень для меня многое нового и неожиданного.

В совокупности возникает панорама времен, "шестидесятничество" как детство, затем отрочество, юность и зрелость персонально твои, но и целого поколения. Замысел грандиозен, человек и время, люди и судьбы. Очень интересны возникающие временные сопоставления - в диалогах с Р. Ленчовским 12 лет. Интерпретация событий в разные годы, особенности восприятия разных лет. Портреты - рабочих, коллег, ученых, друзей и врагов - в их судьбах, владеющих обстоятельствами и подчинившихся им. Потрясающие фигуры "возрожденческого" масштаба начиная от Любичева и др.. - часто несопоставимые по личностным, духовным, профессиональным измерениям, по таланту, мировоззрению, кругозору, но отражающие время, его дыхание, настроения момента и эпохи.

Очень интересен мне период конца 50-х - начала шестидесятых: "Смена " и "Ленинградская правда". Мы с тобой толкались на одной поляне, я в эти годы часто печатался в этих газетах. И даже, как мне припоминается, читал тогда твой очерк про «странного парня» Гурия. Но и другие материалы (про Англию, например) сейчас увлекают подробностями, достоверностью, интонацией - диалог с Министром, например в "Ленправде" . Вообще, как здорово Ты работаешь с источниками, со статьями, с письмами, - прямо эйзенштейновский "монтаж аттракционов".

Главная удача мне видится в создании диалога, драматургического построения, увлекательного сюжетного развития. - битвы в ВИРе, конфликт в Ленинградской правде" и резонанс. Куски из диссертации - аудитория журналистики и аудитория театра - здесь явные и глубокие параллели в сфере коммуникативных связей... И еще очень много чего.

Конечно, всего я не осмыслил и многое пропустил, но очень хотелось добраться до конца. Первый том - 660 страниц - вот это замах!..»

благотворительностью по отношению к таким, как Алексеев, Ронкин, Кетегат, Динабург. Маргарита - наш добрый гений, сотрудничество с которой - праздник и редкое везенье. И еще там она собрала замечательный круг талантливых профессионалов: макетировщиков-верстальщиков, редакторов-корректоров, художника. Посмотри, например, на обложки томов Сочинений В. Ронкина. <...> 12.09.2012

***

<...> Рад пополнению новыми именами Вашей с Вероникой Бодэ [аудио-текстовой брошюры «Портреты российских социологов. Интервью для радио Свобода»](#). А насчет [«Продолжение будет...»](#) Ты, как видно, мне напророчил.

...Я почти закончил персональную рассылку тома 1 «...из неопубликованных глав». Не удержался, чтобы не сделать это экспериментальной процедурой. В итоге возникло начало тома 2 в виде своеобразной эпистолярной презентации первого тома.

Посылаю Тебе «Автопрезентацию тома 1». Замысел, смысл и жанр этой композиции явствуют из вступления к ней.

В начале следующей недели приведу в порядок оглавление тома, попрошу тебя конвертировать в pdf и можно будет вывешивать на сайте ЦСПиМ, как договаривались. <...> 18.09.2012.

Р. С. Один из моих адресатов спросил: «Подтверждаешь ли Ты свой девиз, высказанный 40 лет назад: «Вся жизнь – игра. Наука – тоже». Я ответил: «Подтверждаю». <...>

Вячеславу Долинину

<...> Посылаемый том – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», о которой Вы, наверное, слышали. (Кстати, ее нынешняя сетевая прописка - [<...>](#)). Полистайте его на досуге, не слишком углубляясь в профессиональные подробности, но, по возможности, не пропуская современных ремарок. Это произведение рассчитано на читателя – не более снисходительного, чем автор к самому себе. Журналистские корреспонденции 50-х и социологические статьи 70-х – тоже «человеческие документы». Эпоха формирует личность, личность порождает тексты, тексты репрезентируют личность, а та – эпоху. Таков, в общем виде, замысел и смысл этого произведения. Обратите внимание на главу 7. <...> 23.08.2012.

Артему Доможирову

<...> Посылаю Вам свою новую книжку, являющую собой приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». (Кстати, та теперь прописана и [в интернете](#)). Думаю, кое-что в этом томе может Вас заинтересовать. Например – это возможность прикоснуться к реальной, а не мемуарно приукрашенной журналистике 50-х или социологии 70-х. Ну, оглавление подскажет. Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7.

Со временем, это будет вывешено в интернете. На бумажное издание я не рассчитываю. <...> 23.08.2012.

Борису Дубину

<...> Посылаю Вам своего рода исследование "Человека советского", в сферах социологии и журналистики, на примере собственной персоны. Полистайте на досуге. <...> 13.08.2012.

Евгению Дукову

<...> Благодарю за актуальную общественно-политическую информацию, которой Вы время от времени подпитываете мои рассылки. Со своей стороны, мне показалось «не лишним» послать Вам свое собственное произведение, в оригинальном жанре «интеллектуальной биографии» составленной из не отретушированных текстов – продуктов профессионального творчества (журналистика, социология), от 50-х гг. до наших дней. Картинка получается довольно выразительная. Полистайте на досуге, не углубляясь в профессиональные подробности. Обратите внимание на главу 7, имеющую общепросветительский характер.

Этот том – приложение к моей книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», изданной в середине 2000-х, однако ныне общедоступной [в интернете](#). <...> 16.09.2012.

Наталии Евдокимовой

<...> Посылаю Вам – для перелистывания на досуге (который у Вас не часто бывает, я полагаю) этот электронный том – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг. (ныне она представлена также и [в интернете](#)). Он может быть интересен как собрание не отретушированных авторских текстов советского времени (тут и журналистика 50-х, и социология 70-х), этакий автопортрет личности на фоне эпохи и картинка эпохи в исполнении этой личности. Обратите внимание на главу 7 (о наших великих старших современниках). В отличие от остальных, она заслуживает не перелистывания, а чтения. <...> 25.08.2012.

Александр Железцову

<...> Мне подумалось, что Ты можешь не без интереса перелистать эту "документальную социодраму". Особняком стоит глава 7. Она - просветительская. <...> 13.08.2012.

***

<...> Спасибо за ценный для меня отклик. Читать (точнее - листать) мой "ого-го-объем" целесообразно - пропуская многие документы, особенно "научно-социологические" тексты. Ну, я думаю, сам разберешься. Я тоже придаю особенное значение оглавлениям.¹⁵

Твой диптих бьет по мозгам и хватает за душу. Текст сгущен до предела, и это особое мастерство. Понятно, что для уважаемых журналов это "чересчур", но Ты ведь на них не рассчитывал. Вспомнились С. Каледин, Л. Габышев. К сожалению, я не читал "жесткую" прозу 90-х об афганской войне. И вообще от современной литературы безнадежно отстал. К твоим двум рассказам надо подходить не как к зарисовкам, а как к моделям - художественным. Думаю, не всякий читатель на это способен. <...> 14.08.2012.

Валерию Заворотному

<...> Мне захотелось послать Вам этот том, который Вам как социальному писателю и историку и человеку общественно отзывчивому, может быть интересен.

...Вот жил человек, 50 с лишним лет (это только при советской власти), писал некие тексты (журналистские, потом социологические), потом собрал их вместе, вроде

---

¹⁵ Из письма А. Железцова:

"...даже внимательное чтение оглавления резко расширяет "пространство памяти". У меня, во всяком случае. Дело даже не в самой памяти - в любом случае, помнишь только то, что помнишь - а в том, что выплывает вдруг полузабытый понятийный словарь, поросшие травой цели и задачи целых поколений, интеллектуальные моды и т. д. Т. е. твой "репрезентативный подход" - самый правильный и ценный. Буду потихоньку читать (объемы-то у тебя - ого-го!)..."

даже ужаснулся, а еще потом - «остранился» от них настолько, что даже решил заново опубликовать, современникам для развлечения, а потомкам – в назидание (или наоборот).

Один из героев моей «Драматической социологии...» (она есть [в интернете](#)), дед моего друга, до 1917 г. – борец с царским самодержавием, а после – краевед (именем которого назван краеведческий музей в г. Боровичи) назвал свои революционные стихи начала прошлого века – «человеческими документами». Вот так и я.

Полистайте на досуге, не углубляясь в профессиональные подробности. Обратите внимание на главу 7. Она – «особ статья».

Если есть в Вашем «портфеле» какие новинки, в электронном виде, пришлите, пожалуйста. <...> 30.08.2012.

***

<...> Благодарю за отклик и все же немного предостерегаю от чтения 650 стр. моей "антологии" подряд. Про нее можно сказать: ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ. (В общем, и то, и другое).

А вот Ваши лаконичные общественно-политические эссе-колонки в "Ежедневном журнале", я проглотил залпом, благо они так компактно расположились [на Вашем сайте](#), рядом с давно любезными моему сердцу "Кухтиком" и "Спасти Петербург". И я высоко идентифицирован с этим Вашим "Дневником писателя".

Я вознамерился включить их (все четыре вместе: "Битва оловянных солдатиков"; "Диалог со стенкой"; "Перекресток"; "Суверенная бюрократия") в свою очередную рассылку, для чего даже не испрашиваю разрешения, ибо они и так представлены в интернете. Но вот подумал: последняя из четырех - майская, а не было ли еще - в июне-августе, а если и не было, то нет ли на подходе, или в "загашнике"? И если да, то нельзя ли это новое - присоединить к этой моей / Вашей проектируемой подборке?

...Когита.ру задала давеча своему кругу авторов и читателей три вопроса. [Я ответил:](#)

После приговора Pussy Riot

1. Приговор совпал с Вашими ожиданиями? - Да, я этого ожидал
2. Что вам сказал приговор? - Власть все больше проигрывает гражданскому обществу «по очкам», но надеется на несбыточный нокаут
3. Что теперь делать? - Публичное осмысление процесса Pussy Riot как ситуации, модельной относительно современных общественных процессов; максимальная демонстрация нелегитимности и аморальности господствующих социальных институтов; противодействие этим институтам как можно более широким репертуаром общественных шагов.

<...> 1.09.2012.

***

Ваша спонтанная рецензия на мою «Драматическую социологию...» для меня очень значима и радостна. Тем дороже, что исходит она не от коллеги-социолога, а от литератора. Вл. Канторович когда-то писал о социологии: «Родственная нам наука...». Впрочем, так ли уж важно, социология ли это, литература ли, лишь бы расширяла горизонт и углубляла понимание мира.

И еще, как известно, все жанры хороши, кроме скучного.

У «Драматической социологии» было много вариантов подзаголовков. Среди них: «Выход из мертвой зоны», «Приключения социолога-наладчика»... Заголовком (подзаголовком) нового тома (Из неопубликованных глав...) могло бы быть: «Суди себя сам».

Тут - и сбережение памяти, и познание действием, и личностный эксперимент, и «точка пересечения биографии и истории» (пользуясь выражением одного из самых ярких социологов середины прошлого века, американца Ч.Р. Миллса, автора книг «Властвующая элита» и «Социологическое воображение»).

Вы это все уловили в моей книге и поддержали. Спасибо! <...> 09.2012.¹⁶

Витольду Залесскому

<...> Посылаю Вам свою новую книжку. Это – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», которую не знаю, держали ли Вы в руках (она вышла в 2003-2005 гг.; сетевая прописка названной книги - <...>).

В этом же томе – что интересно: в отличие от физико-математических и т. п. наук, тружеником которых Вы являетесь, гуманитариям советских времен зачастую есть сегодня, чего «стесняться» в своем волей-неволей идеологизированном, а еще и подцензурном прошлом творчестве. Потому мемуаристы предпочитают себя пересказывать, а не цитировать.

Попробуй, отдели в журналистике 50-х или социологии 70-х зерна от плевел. А вот и не надо отделять. Полезно - как есть – выставлять на читательский суд. И – суди себя сам! В этом основная идея данного тома.

Буду рад, если бегло полистаете его на досуге, не слишком вникая в профессиональные подробности, которые не так уж интересны. Обратите внимание на главу 7.

С большим удовольствием прочитал отчет о Вашем case study вокруг 4 марта¹⁷ на [Когита ру](http://kognita.ru). Отличное наблюдающее участие! <...> 23.08.2012.

---

¹⁶ Из письма В. Заворотного:

«...Только что закончил читать Вашу «Драматическую социологию». Спасибо Вам. Прекрасная, очень интересная и, уверен, очень нужная сейчас работа.

Знаете, я тут вспомнил, как после выхода первого издания «Кухтика», мне передали, что один из тогдашних политиков, прочитав книжку, сказал: «Это учебник по политэкономии для людей, даже не знающих слова «политэкономия».

Но «Кухтик» всего лишь литературный опус, и тот отзыв - всего лишь красивая фраза. А Ваши книги, я уверен, могут (и наверняка будут) служить учебником по истории социологии не только для профессионалов, но и для людей, даже не слышавших об этой науке (или слышавших очень мало).

Что касается моего восприятия четырехтомника, то, найдя все четыре тома на сайте, я, должен признаться, поначалу слегка опешил, увидев объем проделанной Вами работы. Опешил, поняв, что со всем материалом мне просто не справиться. Поэтому решил читать лишь непосредственно Ваши тексты и тексты, написанные Вами в соавторстве. Другие отложил на потом.

Поверьте, я давно с таким интересом не читал научную литературу. Говорю абсолютно искренне. <...>

Седьмая и восьмая главы из второго тома - «Дело» социолога-рабочего» - действительно «особые главы». Это уже не только научная работа, это почти готовый роман. Правда.

Вообще, мне кажется, многое из сказанного Вами в этих главах подтверждает Ваши слова: «Сама по себе проблема, что обстоятельства делают с человеком, куда менее интересная, чем проблема, что человек может сделать с обстоятельствами».

Очень понравилась девятая глава «Год Оруэлла (1984)». Быть может, потому, что хорошо помню то время. Именно тогда среди моих друзей-диссидентов, с которыми я имел счастье работать, зародилось ощущение: «скоро должно что-то произойти». Хотя никто, разумеется, не знал, когда наступит это «скоро», и мало кто из нас верил, что нам удастся его застать.

Читая девятую главу, я вспомнил один забавный эпизод.

Дело было в начале восьмидесятых годов. Как-то вечером мы с другом тащили по улице очередную коробку с «крамолой». Я, помню, чертовски устал, остановился и сказал ему: «Ты хоть понимаешь, что мы с тобой никогда не увидим здесь другой жизни?»

А он, глянув на меня, спокойно ответил: «Понимаю, понимаю... Ты коробку поудобнее ухвати, легче нести будет...» И мы пошли дальше...

Но вот, донесли всё же...

Ваша работа (я имею в виду не только этот четырехтомник) по сути своей - продолжение дела, смысл которого - сохранить у людей неискаженную память о себе и о своей стране. Память, исказить которую сейчас снова пытаются. Но, как говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Без памяти нет совести». (Я уже приводил эти слова, как эпиграф к своей книжке). <...>

Еще раз хочу сказать Вам большое спасибо за то, что Вы сделали. И вообще за всё, что Вы делаете...».

¹⁷ Дата выборов Президента РФ 2012 г.

Татьяне Заславской

<...> Посылаю Вам свою новую книжку - еще одно продолжение "Драматической социологии и социологической рефлексии". Не для чтения, так для сведения. <...> 12.08.2012.

***

<...> Очень рад Вашему теплему отклику и проявленному интересу. Берегите силы. Мне было бы совестно, если бы Вы на перелистывание этого тома потратили больше пары часов. Вот главу 7 (о Швейцере, Ухтомском и Любищеве, начинающуюся со стр. 200) стоит посмотреть. Особенно ""Загадку жизни" академика Ухтомского". Что касается активности (ментальной), то по мне - так это способ самосохранения, начиная с определенного возраста. <...> 22.08.2012.

Виктору Захарову

<...> Посылаю Тебе "...из неопубликованных глав" известной Тебе "Драматической социологии...". Еще один ауторефлексивный экскурс в наше общее прошлое, которое однако у каждого свое. Обрати также внимание на главу 7. Ее стоит не пролистать, но прочитать. <...> 13.08.2012.

Елене Здравомысловой и Виктору Воронкову

<...> Посылаю Вам свой "новейший" труд и еще один опыт в области не столько "драматической социологии", сколько "социологической ауторефлексии". Попытка репрезентативной профессиональной автопрезентации, без ретуши. Думаю, прецеденты такого рода в мировой практике есть, но мне неизвестны. Для советской же общественной науки - особенно актуально.

Читать все это, с учетом габаритов конструкции, немислимо, но полистать на досуге - возможно, увлекательно и наверняка поучительно. Тем более, что мы с Вами, несмотря на некоторую разницу в возрасте, вырастали в профессии более или менее синхронно и, так сказать, друг у друга на глазах.

Из "внесоциологических" сюжетов, обратите внимание на главу 7.

...Этот текст существует в виде только самостоятельного электронного издания. <...> 17.08.2012.

Михаилу Илле

<...> Посылаю Вам своего рода продолжение "Драматической социологии...". Один из моих корреспондентов так на него откликнулся:

" Знаешь, даже внимательное чтение оглавления резко расширяет "пространство памяти". У меня, во всяком случае. Дело даже не в самой памяти - в любом случае, помнишь только то, что помнишь - а в том, что выплывает вдруг полузабытый понятийный словарь, поросшие травой цели и задачи целых поколений, интеллектуальные моды и т. д. Т. е. твой "репрезентативный подход" - самый правильный и ценный. Буду потихоньку читать...".

Полистайте и Вы на досуге. Младшим - в новинку, ну, а нам, "взращенным" советской эпохой, полезно сверить "зарубки памяти". <...> 15.08.2012.

Владимиру и Марине Ильиным

<...> Посылаю Вам кое-что вроде продолжения. "Драматической социологии...". С акцентуированным ауторефлексивным уклоном. (Материал диктует). Можно рассматривать это и как профессиональный самоотчет. Но существенна здесь

репрезентативность, не правда ли? Изобретение жанров продолжается. Интересно было создавать из "отходов" (книги 2003-2005 гг.) целостность. В общем, полистайте на досуге. Главу 7 стоит почитать целиком. <...> 15.08.2012.

Андрею Каленову, Александре Тесаковой

<...> Возможно, Вам будет интересно полистать на досуге приложение к моей, теперь уже давней книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». (Она доступна [в интернете](#)).

Это – своего рода упорядоченный и откомментированный авторский архив человека, большую часть своей жизни порождавшего тексты в рамках сугубо идеологизированных профессиональных сфер (журналистика; социология). С одной стороны – общественная история, с другой – персональная ретроспекция. Обратите внимание на главу 7. <...> 24.08.2012.

Дмитрию Караулову

<...> Этот том является приложением не к «Профессии – социолог...» (книга, которая у Вас есть), а к более ранней – «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», которую я в свое время дарил Интерьерному театру. (В интернете - [<...>](#)).

Полистайте на досуге, не углубляясь в профессиональные подробности. Некоторые сюжеты здесь увлекательны, некоторые – поучительны. Обратите внимание на главу 7. <...> 20.08.2012.

Оксане Карпенко

<...> Посылаю Вам опыт социологической ауторефлексии, в общем уместный для профессионалов нашей науки, выросших еще при советской власти. Увы, большинство предпочитает о себе вспоминать, а не себя цитировать.

Полистайте на досуге (не читать же 650 страниц!). Из "не социологических" сюжетов обратите внимание на главу 7. <...> 17.08.2012.

Нине Катерли

<...> Посылаю Вам свое «новейшее» сочинение, являющее собой более или менее представительную выборку из авторских текстов за 50 лет. Этакая автобиография из «человеческих документов», каковыми могут быть и журналистские корреспонденции, и научные статьи, не говоря уж о личных письмах.

Эпоха формирует личность, личность порождает тексты, тексты репрезентируют личность, а та - эпоху. И все это в динамике.

В этом приложении к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», изданной 7-9 лет назад (кстати, ее нынешняя интернетная «прописка» - [<...>](#)) есть, между прочим, глава, имеющая к Вам лично прямое отношение, поскольку включает большое письмо к Вам 1981 года. (Вы, вероятно, забыли этот эпизод; то было в самом начале нашего знакомства). Это – глава 5 (см. стр. 167).

...Я, разумеется, не призываю Вас читать все 650 страниц, но полистайте на досуге, и, вполне возможно, кое-что там остановит Ваше внимание. Иногда достаточно почитать ремарку, современный комментарий. Ну и заголовки, особенно давних лет, достаточно выразительны.

Особо рекомендую главу 7. Она выпадает из магистрального хронотопа. Но довольно информативна и несет важную смысловую нагрузку. <...> 20.08.2012.

Леониду Кесельману

<...> Вот, посылаю Тебе свое "новейшее" произведение - "...из неопубликованных глав". Полистай, по мере возможности и желания. <...> 13.08.2012.

Анри Кетегату

<...> Посылаю Тебе еще одно продолжение "Драматической социологии..." . Тоже своего рода "Диск". Сам разберешься - что к чему, что стоит, а что не обязательно читать. <...> 12.08.2012.

***

<...> Не удержусь от искушения воспроизвести твое письмо:

«Да, Андрей, не все рукава, не вошедшие в шубу, отходы производства. Без рукава "У Тихона", при первопубликации оторванного Катковым да так потом и не пришитого автором, и "Бесы" не совсем шуба. И в отличие от Ставрогина, которому было "скушно припоминать прошлое", нам припоминать прошлое не скушно. И хоть очередной твой диск, по обыкновению, массивен, усидчивый читатель найдёт себе рукав по вкусу. Спасибо и до встречи через месяц. <...>»

Ну вот и замечательно, что через месяц увидимся. Тебя ждут: два тома Сочинений В. Ронкина ([том 1](#); [том 2](#)) и один том - [Ю. Динабурга](#). И все это, как и Алексеев, и Кетегат, - в издании "Нормы". Что бы мы без Маргариты (*Филипповой*. - А. А.) делали!

Ты, наверное, получил от Фирсова том его "[Истории советской социологии](#)". Ты в историю этой социологии (уже без кавычек) теперь вошел, хоть и не очень для этого старался.

Скажи, пожалуйста, висит ли где-нибудь в Интернете твой "Диск" ¹⁸, кроме как у меня в [ВЕБ-пещере](#)? У меня он там скачан рекордное количество раз - 46.

Увы, мой диск опять тяжеленек. Но я надеюсь не так на усидчивого, как на любопытного читателя. <...> 13.08.2012.

Олесе Козиной

<...> Посылаю Вам приложение и / или продолжение "Драматической социологии и социологической ауторефлексии". Полистайте на досуге. Не обязательно сегодня, можно - послезавтра. Эскиз эпохи через автопортрет личности. Ведь тексты автора - всегда его автопортрет. Не правда ли? <...> 18.08.2012.

Л. Козловой

<...> А вот Вам и еще одно продолжение "Драматической социологии и социологической ауторефлексии". Последней тут, пожалуй, побольше, чем первой. Главу 7 стоит почитать - она просветительская. Остальное - разве что на досуге, избирательно.

Получив по электронной почте послание с приложением около 650 компьютерных страниц, естественно подумать: «Неужели отправитель рассчитывает, что я буду это все читать?». Нет, не рассчитывает.

Но ведь почтовый ящик на Яндексе безразмерен. <...> 12.08.2012.

Татьяне Козярской

---

¹⁸ Кетегат А. Диск. СПб.: Норма, 2011. Ныне помещен на сайте [«Международная биографическая инициатива»](#).

<...> Посылаю Вам своей «новейший» труд – своего рода приложение к 4-томнику «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Его у Вас в бумажном виде нет, но он есть [в интернете](#). Что касается настоящего, то его можно перелистывать, останавливаясь на заинтересовавших местах. Там, понятно, не только социология. Это в некотором смысле «ретро», автобиография, составленная из авторских текстов, характеризующих как человека, так и Время. А вот главу 7 советую прочитать целиком, ну, конечно, не к спеху, когда выдастся свободная минутка. <...> 18.08.2012.

Ольге Коленниковой

<...> Посылаю Вам свое «новейшее» произведение – дополнительный том «Драматической социологии и социологической рефлексии. (Не помню, есть ли Вас предыдущие тома; в интернете - [<...>](#)). Своего рода антология трудов автора за 50 лет, от журналистики 50-х, до социологии 90-х. Сами увидите, что там стоит читать, что не стоит. Обратите внимание на главу 7.

Пользуюсь случаем спросить, не изменился ли электронный адрес у Инны Владимировны. Я посылал ей то же самое (Рывкина Инна <...>), еще в августе. Но так и не знаю, достигло ли ее мое послание. А рассылки мои доходят? До Вас? До нее? <...> 13.09.2012.

***

<...> Спасибо за отклик. Мне кажется, не бывает не "уникальных" личностей. <...> Рад, что мои рассылки Вам "в жилу". Они не регулярны, так что не стоит тревожиться их отсутствием, когда такое случается. <...> 17.09.2012

Борису Колоницкому

<...> Как историку, Вам может быть интересен этот опыт эскиза эпохи через автопортрет ее "обитателя". Ведь наши тексты - фракталы личности и времени. Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7. <...> 17.08.2012.

Инне Коренька

<...> Возможно, Вы слышали раньше о моей книжке (в 4-х томах) "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия". Она есть в библиотеке Виктора Глебовича (*Вахарловского, ныне покойного. – А. А.*). Доступна она и [в интернете](#).

Посылаю приложение к этой книге, которое существует только в электронной версии.

Может быть, Вам будет интересно его полистать, останавливаясь лишь на том, что особенно заинтересует. Особенно рекомендую - главу 7.<...> 16.08.2012.

Николаю Корневу

<...> Посылаю Вам свой очередной свежееиспеченный "хлебец". С учетом его габаритов - не для чтения, а для перелистывания на досуге и выбора кусков для чтения "по вкусу". Где-то - увлекательно, где-то - поучительно. Главу 7 стоит прочитать целиком. <...> 14.08.2012.

***

<...> Поделюсь секретами своей "революционной технологии масштабирования времени" - не в форме принципов или правил, а на конкретном примере. Добрых 9/10 этого текста (включая большинство современных комментариев) хранилось в моем компьютере 10-12 лет, будучи набрано (еще в Лексиконе) в составе циклопической рукописи, которую никогда бы не издать, ни за какие гранты. Но поскольку та рукопись была сделана более или менее качественно, все не уместившиеся в изданном в 2003-2005

гг. 4-томнике куски, оказались готовыми к использованию в подходящий момент и надлежащем месте. Если угодно, это можно назвать принципом "безотходного производства". Что бы ни писал - озаглавливать, подписывать и датировать, и хотя бы пару раз перечитать, прежде чем как-то употребить и / или отправить в архив – «до востребования».

Итак, поразивший Вас своей краткосрочностью месяц создания данного тома был потрачен в основном на придумывание композиции и написание введения и заключения, не считая конвертирования txt в doc и заполнения нескольких обнаружившихся содержательных лакун.

Кстати, по этим же "рецептам" был сооружен не так давно другой том - наша переписка с Борисом Докторовым 2006 г. и все относящееся к ней - под названием "В поисках Адресата". Я, кажется, его не рассылал, а только в свое время оповещал [о сетевом адресе на сайте "Международная биографическая инициатива"](#). Сейчас же, на всякий случай, прилагаю. Советую там почитать, в частности, 2 текста: начинающиеся на стр. 245 и 313; см. оглавление.

Благодарю за сопоставление моей персоны с олимпийскими атлетами. Я, как и они, тоже - "быстрее, выше, дальше", ну, может, еще также и глубже.¹⁹ <...> 22.08.2012.

Татьяне Косиновой

<...> Без умысла и намека, просто по-дружески, посылаю Вам свое «новейшее» произведение в стиле «ретро». Это – приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», изданной в 2003-2005 гг. (интернетная прописка - [<...>](#)). Скажем так: хронотематически упорядоченный личный архив, где попадается и «чтиво», выудить которое помогает опись (оглавление).

История «дурного шестидесятника» достаточно драматична – уже не событийно, а скорее ментально («приключения духа»). Станете перелистывать – обращайтесь внимание на ремарки (современные комментарии). Впрочем, в контексте Вашей сверхзагруженной жизни, это перелистывание может произойти не скоро.

Обратите внимание на главу 7 (триптих об «учителях жизни»). <...> 22.08.2012.

***

<...> Вы пишете: "Может, опубликуем?". Ну, Вы же меня в свое время правильно выучили - слишком большие тексты на Когиту не предлагать. Спасибо! Но слишком тяжеловесно будет. У меня есть принципиальная договоренность о размещении этого тома на профессиональном социологическом сайте, там где и остальные тома ["Драматической социологии..."](#). А вот когда они вывесят всю эту громадину, можно устроить что-то вроде презентации на общественном портале, скажем, оглавление, предисловие или даже я эксклюзивно напишу пару страниц, и - линк на тот сайт. Правильно ли я рассуждаю?

А пока я рассылаю этот томище друзьям и коллегам, с шутливым пожеланием: ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ.

Про презентацию книги [Ю. Динабурга](#) я знаю. Мы договорились с Олей Старовойтовой, что я на днях разошлю его томик (Вам - прилагаю уже сегодня) и пресс-релиз презентации. А потом за несколько дней до 6 сентября еще раз напомним об этом

---

¹⁹ Из письма Н. Корнева:

«...Пока отреагирую лишь на интенсивность Вашей работы - ахнул, увидев, что Вы сотворили эту новую книгу за июль и кусочек августа!!! Возникло ощущение, что Вы владеете некой революционной технологией масштабирования времени с невероятным его наполнением мыслью, да еще и фиксируемой в текстовой форме. Что рядом с этим августовские олимпийские рекорды по перемещению всего лишь человеческих тел в физическом пространстве - всего лишь быстрее, выше и дальше...».

мероприятии в Музее Ахматовой. Хорошо, что и Вы дали информацию и анонс на Когитору. <...> 22 08 2012.

***

<...> Мини-опрос – это опрос немногих или предусматривающий краткие ответы? Примем второе.

1. Что значимого и важного происходит сегодня в петербургской социологии?

Говорить о «петербургской социологии», как целом, затруднительно. Есть отдельные центры социологической науки и образования, слабо связанные друг с другом. Есть отдельные яркие и сильные фигуры, в том числе и среди молодежи. Но особых «прорывов» в сфере будь то вузовской, будь то, тем более, академической науки – не наблюдается. Эпицентр социологической жизни переместился в не государственные организации, вроде Европейского университета в СПб или Центра независимых социологических исследований. Из значимых событий последнего времени я бы отметил выход в свет фундаментального труда – «История советской социологии» Б.М. Фирсова.

Впрочем, отрадно, что из 1500 (примерно) заявок на участие в очередном 4-м Всероссийском социологическом конгрессе (который будет происходить в Уфе, в октябре 2012 г.) около 80 принадлежат питерцам.

2. Что не происходит, хотя просится? Чего в супе не хватает? Какие есть лакуны?

Не происходит какой бы то ни было деятельности Санкт-Петербургской ассоциации социологов. Дело дошло до того, что на очередном отчетно-выборном собрании этой ассоциации в июне с. г. всерьез обсуждался вопрос о ее самороспуске. Не хватает координации внутри социологического сообщества, авторитетного экспертного центра, межведомственного научного семинара (семинаров), опыта инициативной «публичной социологии».

3. Что лично Вы сейчас делаете в науке: Ваши исследования, проекты, тексты...

Основным из моих личных проектов сейчас является условно названный мною: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав». Недавно справился с томом 1 (из 3-х запроектированных) и разослал рукопись на суд ближайшим коллегам. Однако рассчитывать на бумажное издание не приходится. Придется ограничиться публикацией в Сети. <...> 10.09.2012

Владимиру Костюшеву

<...> Посылаю, что-то вроде продолжения и / или приложения к "Драматической социологии...". Профессиональная авторетроспектива, если она достаточно репрезентативна и не отретуширована, может быть информативной и эвристичной не только для самопознания. Полистай на досуге. <...> 15.08.2012.

Елене Костюшевой

<...> Мне показалось уместным послать Вам свое новое произведение – свод авторских профессиональных текстов за многие годы, так или иначе иллюстрирующих разные периоды новейшей политической и социокультурной истории (России). Свод – репрезентативный для автора и в известном смысле репрезентирующий эпоху. Журналистские и социологические работы – как «человеческие документы», не отретушированные, отчасти откомментированные.

Этот том является приложением к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне легко доступной [в интернете](#).

Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7. <...> 30.08.2012.

Александр и Льву Крыленковым, Анне и Павлу Барковым

<...> Мне показалось уместным послать Вам свою новую книгу – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (та сейчас доступна [в интернете](#)).

Это - довольно репрезентативное собрание текстов автора, порожденных в рамках высоко идеологизированных социальных институтов советского времени (журналистика, социология). Представляет определенный исторический (а может, и не только) интерес. Разумеется, читать незачем, а полистать, в развлекательных и познавательных целях, пожалуй, стоит. Обратите внимание на главу 7. Вот ее рекомендую прочитать целиком. <...> 26.08.2012.

Михаилу Левину и Елене Мартыновой

<...> Посылаю Тебе своего рода приложение и / или продолжение "Драматической социологии...". Драма тут не внешняя, событийная, а внутренняя. Своего рода "исторический автопортрет" (в багровых тонах). Обрати внимание на главу 12. Там твое интервью с Ядовым. Рекомендую прочитать главу 7. Остальное - избирательно, по настроению и по вкусу. <...> 14.08.2012.

***

<...> Ну, слава Богу, пришла пора зернам прорасть. В моем лице Ты получишь не только прилежного, но и очень заинтересованного читателя. Готов читать и сырые наброски. Или хотя бы "декларацию о замысле".

Изучение моего "исторического портрета" - не лучшее занятие для супругов, обычно разделенных океаном. Так что не отвлекайтесь с Леной на посторонние темы. Лучше пришлите совместную фотографию, на фоне (то ли океана, то ли гор). <...> 18.08.2012.

Алексею Левинсону

<...> Собственная жизнь и профессиональная карьера - вполне уместный объект исследования для социолога. Не правда ли? Вот и еще опыт на эту тему. Полистайте на досуге. <...> 13.08.2012.

Роману Ленчовскому

<...> Начинаю рассылку с Тебя и Бориса. Вот так это будет выглядеть, с кратким персональным обращением, как к Тебе сейчас. <...> 11.08.2012.

***

<...> Я начал персональную рассылку, не спеша. <...> По крайней мере, оглавление (и, м.б., предисловие) в «теле» письма прочтет каждый.

Вообще – не читать друг друга стало нормой профессионального этикета. Я и сам себя ловлю на том, что мне достаточно знать КЕМ, КОГДА и ГДЕ написано, чтобы примерно «вычислить» содержание

... Действительно, с вордовским файлом серьезному читателю работать удобнее (и для выделений, и для копирования). Посылаю... Мои PDF и вордовская версия идентичны.

...Опосредованная пересылка публичной pdf версии не возбраняется и сегодня, если вдруг вздумаешь кого-то «осчастливить»

Сам я пошлю pdf версию, в течение ближайших 10 дней, по украинским адресам, кроме Тебя: <...>.

Это – как надписать и подарить книгу; что уж там с ней потом будет – не наше дело. <...> 12.08.2012.

Юрию Линнику

<...> Когда-то я дарил Вам "Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию". Все четыре тома теперь можно найти и [в интернете](#). А вот здесь - то, что туда не вошло, по разным причинам. А теперь, при соответствующей компоновке и аранжировке оказалось как бы самостоятельным произведением, отражающем эпоху через личность, а личность - через ее тексты давних лет. Читать это все немыслимо, а полистать на досуге - может и стоит.

А в начале части 3 - одно из моих любимых Ваших стихотворений: "Линия жизни".
<...> 18.08.2012.

Евгении Литвиновой

<...> Не знаю, случалось ли Вам держать в руках мою книгу «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (ее интернетный адрес - [<...>](#)). Но советская журналистика 50-х или социология 70-х, уже в силу возраста, Вам почти наверняка близко не знакомы. Вот, есть шанс прикоснуться к ним, полистав ныне посылаемое мною приложение к вышеуказанной книге. Пропускайте скучное, задерживайте взгляд на современных ремарках, Обратите внимание на главу 7. Эти имена Вам, наверное, знакомы, но сюжеты не тривиальны.

Впрочем, если сейчас некогда – отложите до лучших времен. <...> 22.08.2012.

Самуилу Лурье

<...> Мне захотелось послать Вам этот труд, как пример ауторефлексии человека поколения, предшествовавшего Вашему, а, стало быть, и более зашоренного, чем Ваше, от чего долго освобождался. Некоторым достоинством данного произведения является предпочтение, оказываемое документальным свидетельствам относительно мемуарных реконструкций. В качестве «человеческих документов» продукты профессионального творчества в разные периоды жизни и исторические времена могут оказаться интересными.

Хорошо, если когда-нибудь полистаете на досуге, приостанавливаясь в наиболее «интригующих» местах. (Читать нельзя перелистывать; запятую все же – после второго слова). Обратите внимание на главу 7. <...> 13.09.2012.

***

<...> Благодарю, Самуил. Если будете читать, то прошу: избирательно! Ужасающий объем - способ сохранения документов, а не устрашения читателя. "Труд и правда", - почти девиз. Но удержусь от его провозглашения.²⁰ <...> 15.09.2012.

Светлане Лурье

<...> Посылаю Вам что-то вроде приложения к "Драматической социологии...". Полистайте на досуге. Или - наугад - откройте какую-нибудь главу. Они все автономны. А интрига - или слишком глубоко запрятана, или, напротив, на поверхности. Этакая "исповедь шестидесятника". Особо рекомендую главу 7. <...> 16.08.2012.

Эрлене и Феликсу Лурье

---

²⁰ Из письма С. Лурье:

«...Большое спасибо. Буду читать и думать. Объем почти ужасает, но жизнь ведь еще не кончилась. И мало на свете книг, в которые вложено столько труда и правды...»

<...> Посылаю Вам приложение (дополнительный том) к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Как говорится, «про запас», для перелистывания на досуге.

Все это извлечено из «дальнего архива». Журналистские заметки и «ученые труды» (у меня), как и личные письма, и стихи, и фото (у вас), могут быть «человеческими документами». Обратите внимание на главу 7. Она – общепросветительская. <...> 16.09.2012.

Наталии Мазлумяновой

<...> С легкой руки Бориса (*Докторова. – А. А.*), я тоже взялся соорудить 3-томное электронное издание. Правда, не профессиональное, но самодеятельное. Однако если не читать, то перелистывать можно. Чего и Вам желаю - не сегодня, так когда-нибудь, на досуге. <...> 12.08.2012.

Мэри Маколи

<...> К пересылаемому Тебе ныне сочинению («Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»») Ты имеешь самое прямое отношение. В чем можешь убедиться, открыв его на стр. 334-335. Между прочим, выражение «интеллектуальная биография» я впервые услышал от Тебя. Специфика данного жанра в моем исполнении – композиция «человеческих документов», каковыми, среди прочего, могут быть и журналистские корреспонденции, и научные и / или псевдонаучные статьи. Выборка достаточно репрезентативна. Полистай на досуге.

Вот, «суди себя сам, на глазах у читателя». Воздержусь от более подробных комментариев, см. общее предисловие. Обрати внимание на главу 7. Она – важный контрапункт всему остальному содержанию.

Р. S. Пожалуй, рискну еще приложить свою последнюю публикацию в «Социологическом журнале». ²¹ Сюжет – политико-социологический. И далеко не «ретро». <...> 19.08.2012.

Борису Максимова

<...> Ну вот, отправленная Тебе в июне первая ретро-композиция выросла в полновесный том.

Один из моих адресатов написал:

"Знаешь, даже внимательное чтение оглавления резко расширяет "пространство памяти". У меня, во всяком случае. Дело даже не в самой памяти - в любом случае, помнишь только то, что помнишь - а в том, что выплывает вдруг полузабытый понятийный словарь, поросшие травой цели и задачи целых поколений, интеллектуальные моды и т. д. Т. е. твой "репрезентативный подход" - самый правильный и ценный. Буду потихоньку читать..."

К многочисленным определениям "счастья", которые в главе 1, можно бы добавить: "Счастье - это взаимопонимание". <...> 14.08.2012.

***

Отвечу на твой вопрос иотреагирую на твое «потрясение». ²²

---

²¹ Алексеев А.Н. Выборы 4 марта: до и после (заметки социолога) // Социологический журнал, 2012, № 1.

²² Из письма Б. Максимова:

«...Дай Бог мне сил и времени прочитать, хотя бы почитать. Тобой в очередной раз потрясаюсь. Ты работаешь как трактор, негр, целый институт и даже может быть как академия. Задался только я вопросом:

А) Жанр моих трудов – отчасти синтетический. Это заведомо не академическая социология, и даже есть сомнение – наука ли вообще. От чего я как-то не комплекую. Ибо не только лишь «света в окошке», как в науке.

Б) Что касается «производительности» (разумеется, при известном творческом азарте), то вот мое ноу-хау: *постановка одного и того же текста в разные контексты*.

Скажем, когда-то в начале 60-х написал я очерк «Странный парень» и опубликовал в «Смене». 40 лет спустя, когда героя этого очерка и моего многолетнего друга, литейщика и электролизника – преподавателя философии – водителя большегрузных автомобилей, Гурия Забелина уже не стало, расположил я этот очерк в мемуарной части своей социологической книги, да не вместились эта часть в тогдашнее издание.

А вот теперь, еще 10 лет спустя, оказалось, что этот очерк прекрасно ложится в тему «слишком правоверного комсомольца, или дурного шестидесятника» (это я уже не про героя, а про рефлексирующего автора).

Итак, собственно сегодняшний труд – найти этому тексту новый контекст, да, может быть, еще написать пару абзацев современного комментария.

Правда, для такого «поливалентного» использования, надо, по возможности, сберегать тексты до их востребования в новых контекстах. <...> 10.09.2012.

Олегу Манаеву

<...> Посылаю Тебе свое новое сочинение, точнее – ретро-композицию, приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Не помню, писал ли, что этот 4-томник теперь общедоступен [в интернете](#). А это гигантское приложение – своего рода интеллектуальная биография, составленная из текстов прошлых лет, кои уместно трактовать как «человеческие документы», а я их скупко комментирую. Ну, сам разберешься. ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ. Ставь запятую где хочешь, но рекомендую – после второго слова. Обрати внимание на главу 7. <...> 19.08.2012.

***

<...> Только сейчас заметил, что не поблагодарил Тебя во-время за подтверждение получения очередного из моих трудов, которые, как Ты пишешь, становятся "все более грандиозными". "Буду по ним постепенно путешествовать...". Bon voyage! <...> 3.09.2012.

Анатолию Марасову

<...> Пришла пора и мне Вам кое-что послать. Полистайте на досуге эти "неопубликованные главы" "Драматической социологии и социологической ауторефлексии". Документ Личности и Времени. Чем-то напоминает плавание под водой. Да еще с неисправным аквалангом. <...> 18.08.2012.

***

<...> Благодарю за подтверждение получения. Не вздумайте читать мое сочинение подряд. Перелистайте на досуге, приостанавливаясь по мере заинтересованности. Объем же - издержки симбиоза "чтива" и "архива".

Спасибо за приложение к "Этюдам...".²³ В недавно вышедшем номере "Социологического журнала", который (журнал) Вы вряд ли держите под рукой, на мой взгляд, заслуживающая Вашего внимания статья "о сознании и коммуникации".²⁴ Я попросил редактора прислать мне этот текст, и пересылаю Вам. Там круг идей и пласт литературы, который может быть для Вас интересен.

каков же жанр твоих трудов? Ты, как всегда, оригинален, пожалуй, ни в какие рамки не влезаешь... И никуда тебе влезать не надо. Вот только для меня загадка - где черпаешь ты силы?...

²³ Марасов А.Н. Этюды к описанию сознания. Ульяновск: Издатель Качалин, 2012.

²⁴ Басов Н.В. Создание сознания в социальной интеракции // Социологический журнал, 2012, № 1.

А еще в этом же номере журнала - моя статья, на остро актуальную политико-социологическую тему. Рискну переслать ее Вам, хоть и знаю, что вы не склонны отвлекаться от магистральных для Вас сюжетов. <...> 19.08.2012.

Александру Марголису

<...> Поделюсь с Вами своим новым произведением – в оригинальном жанре документированной автобиографии, являющей собой достаточно представительную и нелицеприятно составленную выборку продуктов авторского творчества за 50 лет. Тут и журналистика 50-х, и социология 70-х, и современная рефлексия, для которой трудно подобрать профессиональное определение.

В любом случае может оказаться небезынтересным для историка. Ибо эпоха формирует личность, личность порождает тексты, тексты репрезентируют личность, а - та эпоху. Все это – в динамике.

Можно рассматривать это и как «исповедь шестидесятника». Не случайно многие мемуаристы предпочитают себя пересказывать, а не цитировать.

С учетом как габаритов (за 600 страниц!), так и содержания этого труда, его - **ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ**. Ставьте запятую где хотите, но все же советую - после второго слова. А приостанавливайте перелистывание – тоже, где хотите, по мере локальной заинтересованности.

Еще замечу: это сочинение являет собой пример строительства из подручных (тех, что под руками) материалов. Можно сказать, что автор писал эту книгу всю жизнь, соорудил же - за один месяц. И даже не рыская в закромах умственной и / или письменной памяти. А всего лишь собрав вместе и осмысленно расположив отходы от предыдущей книги – того, что туда не вместились. (Имеется в виду «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» 2003-2005 гг. издания; интернетная прописка - [<...>](#)).

Ну, правда, несколько усмотренных при этом «лакун» дополнительно заполнил. Но на 9/10 это даже и набрано было 10-12 лет назад, еще в допотопном Лексиконе. (Слава Богу, конвертировать из txt в doc – не хитрое дело). Потому и уложился – за месяц.

Обратите внимание на главу 7. Имена Вам наверняка знакомы, а сюжеты – не тривиальны. И смысловую нагрузку здесь несут особую. Некий контрапункт приключениям духа главного героя, которым вообразил себя автор. <...> 22.08.2012.

Василию Мартыненко

<...> Где-то в вашем доме на книжной полке стоят 4 тома "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия". Не думаю, что Ты держал их в руках. Вывешены они теперь и [в интернете](#).

Сейчас я посылаю Тебе приложение к этим томам, которое существует только в электронной версии. Буду признателен, если Ты скачаешь его себе на диск и сохранишь - хоть для себя, хоть для других, кому это не сейчас, так позже может стать интересным. А вот главу 7 советую Тебе уже сейчас почитать - для общего гуманитарного развития.

Благодаря испугу, который испытал мой компьютер от одного твоего приближения, я просто пересылаю этот файл в каждом очередном письме (например, предыдущее адресовалось Маше Мартыненко), что требует секунд, а не минут, если бы приходилось прикреплять его к каждому письму в отдельности. Уж как это у Тебя получилось - Бог весть. <...> 16.08.2012.

Марии Мартыненко

<...> Когда-то давно я дарил Вашему семейству 4 тома под названием "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия". Они и сейчас, вероятно,

стоят у вас на книжной полке. Но вряд ли Ты в них заглядывала. Доступны они теперь и [в интернете](#).

Так вот, посылаю Тебе приложение к этой книге.

Сохрани этот файл на жестком диске. Может не сегодня, так потом им заинтересуешься. Тем более, что бумажной версии не будет. А главу 7 советую почитать уже сегодня. Для расширения общекультурного кругозора, так сказать. <...> 16.08.2012.

Марии Мацкевич

<...> Посылаю Вам что-то вроде продолжения "Драматической социологии...", очередную репрезентацию индивидуальной профессиональной памяти как капли в море исторической. Полистайте на досуге. (Такие объемы только и можно листать). Для расширения исторического, социокультурного кругозора - обратите внимание на главу 7

Пользуюсь также случаем отметить заметку О. Яницкого «Сети исторической памяти» [в его блоге на сайте ИС РАН](#), на случай, если раньше Вам не попадалась на глаза. <...> 15.08.2012.

Светлане Минаковой

<...> 20 сентября мы всем семейством отправились в Колтуши, благо одна знакомая взялась нас туда отвезти на машине. Застали Светлану-младшую, которая немного рассказала о Тебе. Мы оставили ей для передачи Тебе через Андрея (*сына С. Минаковой. – А. А.*) экземпляр журнала «Телескоп» (2012., № 4. – А. А.) со статьей, посвященной нашим с Тобой тестовым методикам 70-80-х гг., а также 4-томник А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...», Хотя и не быстро, эти дары Тебя достигнут.

Еще, возможно, Андрей сумеет как-то доставить Тебе электронную версию приложения к моей более ранней книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», Тебе известной. (Она теперь, кстати, легко доступна в интернете - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>). Этот дополнительный том я сейчас пересылаю Светлане-младшей, в расчете, что и он Тебя не минует. Жаль, что Ты сама практически не пользуешься электронной почтой.

В этом последнем (томе) твоего внимания заслуживает, по крайней мере, глава 1 – «Опыт изысканий в области социологии личности». Туда, кстати, включены и наши с Тобой публикации в «Литературном обозрении» и в «Неве» 1980-х гг.

...Я так и не знаю твоего почтового адреса в Апатитах. Так что был бы признателен, если бы Ты, получив это письмо и книжные передачи, написала бы по адресу: <...> 22.09.2012.

Сергею Михельсону

<...> Сейчас не вспомню, дарил ли я Тебе свою «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию». Возможно, и нет (мы ведь в 2000-х гг. практически не пересекались). Ну, теперь эта книга легко доступна [в интернете](#).

Сейчас же – посылаю приложение к упомянутому 4-томнику, впрочем, достаточно автономное. Своего рода «интеллектуальная биография», составленная из авторских текстов разных лет, от журналистики 50-х гг. до социологии 90-х. Буду рад, если почитаешь на досуге. Обрати внимание на главу 7. <...> 15.09.2012.

Виктору Монахову

<...> В свое время я дарил Тебе свой 4-томник «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». (Ныне он удобно доступен [в интернете](#)). Вот, дополняю его настоящим приложением. Данный том – своего рода презентация трудов автора, в

общем адекватных «господствующим мыслям эпохи». Сверхзадача – проследить эволюцию личности и – отчасти – эпохи. Если будешь перелистывать, вникать в профессиональные подробности советской социологии, понятно, незачем. Обрати внимание на общекультурно-просветительскую главу 7. <...> 15.09.2012.

***

<...> Рад, что Ты заинтересовался некоторыми конкретными разделами моей (авто)ретроспекции. Несколько человек, пользующиеся ридерами, просили меня прислать вордовскую версию, как более удобную для ридера. Коль скоро и Ты собираешься использовать эту технику, посылаю тот же текст в ворде, на всякий случай. <...> 16.09.2012

Алле Назимовой и Виктору Шейнису

<...> Посылаю Вам документальную "ретроэпопею", без ностальгии, но с авторефлексией. Полистайте на досуге. Алла! Обрати внимание на главу 12.²⁵ Вам обоим - рекомендую главу 7. <...> 13.08.2012.

Юрию Нестерову и Валентине Узуновой

<...> Посылаю Вам свое новое произведение. Это - приложение к «Драматической социологии и социологической авторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#). При возможности, полистайте на досуге.

Здесь достаточно репрезентативно представлены авторские тексты, порожденные в рамках высоко идеологизированных социальных институтов советского времени. Едва ли не у любого «гуманитария» есть такое «досье на самого себя», да не любят его показывать. Я пробую нарушить эту традицию. Обратите внимание на главу 7. Она его (внимания) заслуживает безотносительно к авторству. <...> 27.08.2012.

Ольге Новиковской

<...> Скачай этот файл на жесткий диск и сбереги для правнуков.

Это – приложение к «Драматической социологии и социологической авторефлексии.». (Кстати, ее современная «прописка» [в интернете](#) - [<...>](#)).

Советую – уже сегодня – почитать главу 7. Остальное – полистай. <...> 26.08.2012.

Ивану Новиковскому, Марии Тихоновой

<...> Посылаю Вам приложение к «Драматической социологии и социологической авторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг. (Она теперь доступна и [в интернете](#)).

Скачайте этот файл на жесткий диск и сохраните для внуков. Можете и сами полистать в развлекательных и / или познавательных целях.

А вот главу 7 (о Швейцере, Ухтомском и Любищеве) – советую прочитать целиком. <...> 26.08.2012.

Марине Оршанской

<...> Рад, что мои рассылки Вам по вкусу. На всякий случай, прилагаю файл со своей рукописью "Драматическая социология... Из неопубликованных глав", которую я посылал в августе. На сей раз - Вам персонально. К чтению Вас это никак не обязывает. Разве что - приглашает к перелистыванию. <...> 20.09.2012.

Приложение: **Рассылка 2012 09 09 1100 лет назад и сегодня**

---

²⁵ Глава 12: «Профессия: социолог (Участие в проекте «Человек и его работа – 1976)».

Содержание

- (1) Прощание с Анатолием Ежелевым
- (2) Вышел в свет сборник «Юрий Динабург»
- (3) Поклон от Вещего Олега: 1100 лет первому русскому межгосударственному акту
- (4) От какого наследства Дмитрия Медведева отказывается Владимир Путин? Да и сам Медведев
- (5) Путин и журавли
- (6) Колонка Валерия Заворотного в «Ежедневном журнале».
- (7) Голосуйте за Ивана Павлова!
- (8) Презентация собрания сочинений Валерия Ронкина
- (9) «Диск» А. Кетегата и «Жизнь в эпизодах» В. Дмитриевского – в интернете
- 10) Борис Фирсов. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки
- (11) Глобальный диалог – газета Международной социологической ассоциации
- (12) Владимир Костюшев. Социология бедствия
- (13) А. Алексеев. Выборы 4 марта: до и после (заметки социолога)
- (14) Евгения Чирикова, знающая как надо поступать ей самой
- (15) Александр Галич (очерк В. Новодворской)
- (16) Д. Коцюбинский. Предчувствие russy riot, или исповедь обезьяны
- (17) Финал дела Егора. Комментарий
- (18) Остановить Дракона

***

<...> Размножение информации как способ жизни - неплохая мысль!²⁶ Замечу, что это оптимально в сочетании с "доминантой на Лицо другого" (по Ухтомскому). Об этой "доминанте" и законе "заслуженного собеседника" см. в главе 7 моей рукописи. За рукописями и впрямь надо "присматривать". Их еще можно запечатывать в бутылку и кидать в море. Иногда рыбаки вылавливают. Вот таким "посланием в будущее, "даром следующим" (по выражению Рэма Баранцева) является и 2-томник Вашего отца. Слава Богу, за его рукописями "присмотрели", Вы - в том числе. 3.10.2012.

Вилену Очаковскому

<...> Завтра Тебе исполнится 75. Я думаю, Ты в этот свой жизненный отрезок, на пороге 4-й четверти жизни, вместил раза в два больше событий и свершений, чем иные-прочие. Так что – не просто поздравляю, а и желаю такой же «плотности жизни», и не вообще жизни, а - достойной жизни, какой Тебе удалось ее устроить, на радость – и себе, и близким, и далеким, кровным родственникам, побратимам и просто случайным встречаемым, а и – всем современникам, младшим, старшим и ровесникам. Им с Тобою – повезло. Обнимаем. Зина и я.

Дарить проще всего книги. Тем более – электронные. Вот - приложение к известной Тебе «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#). Сам разберешься, что тут к чему. Обрати внимание на главу 7. Намек: не пора ли и Тебе заняться собиранием и

---

²⁶ Из письма М. Оршанской:

«...Я тоже верю в сохранение рукописей, особенно, если за ними кто-то присматривает. Некоторым помогают высшие силы, но порой стоит заботиться о них, как о цветах - пересаживать, подкармливать, высекать на камне, вывешивать на сайте - масса способов, чтоб донести свою мысль или просто наблюдение следующим людям. Не в назидание, а просто это еще один способ жизни человека - (плодиться) и размножать информацию...».

разборкой прежних продуктов своего творчества – того, что сохранилось? Не переваливай на потомков того, что можешь сделать лучше их. <...> 28.08.2012.

Ивану Павлову

<...> В дополнение к книжке «Профессия – социолог...», которую я однажды имел удовольствие Вам подарить, посылаю еще один том – дополнение к более ранней книге: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», - вышедшей в 2003-2005 гг. (в интернете: [<...>](#)).

Будет время и настроение – полистайте. Это своего рода «ретро», некий пример профессиональной самокритики. Ибо писано лет 30 назад и ранее. Обратите внимание на главу 7. <...> 29.08.2012.

***

<...> Благодарю за отклик. Сетевая ссылка – это на книжку, вышедшую 7-9 лет назад. А под скрепкой было своего рода приложение к ней, которое со временем тоже будет вывешено в интернете, но так и останется электронным изданием. Я рад, что мои общественно-политические и культурно-просветительские рассылки-дайджесты Вам интересны. <...> 5.09.2012.

Владимиру Паниотто

<...> Хочу думать, что Ты не соскучишься при беглом просмотре этого тома, прикасаясь, то к журналистике 50-х, то к материалам опроса строителей БАМ, то к «марксистской теории массовой коммуникации». Это произведение ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ. Вот, например, главу 7 стоит читать. А изыскания в области общественной активности советских рабочих сегодня имеют разве что сугубо историко-научный интерес.

Так или иначе, сверх-идея этого произведения такова: эпоха формирует личность, личность порождает тексты, тексты репрезентируют личность, а заодно и эпоху. Отбор текстов намеренно нелицеприятен для автора. Зато реалистичен. <...> 31.08.2012.

***

<...> Спасибо за проявленный интерес. Я вспоминаю, как Ты лет 12 назад «раскрутил» всех участников киевского семинара по жизненным путям на публичную ретроспекцию своих профессиональных биографий. Считаю этот том моим запоздалым ответом.

Круг проектов КМИСа впечатляет. Конечно, он требует от директора суеты, но наверняка Ты владеешь искусством «делегирования руководства» (по Стивену Кови).

Уже не первый раз в откликах на мою персональную рассылку «Из неопубликованных глав» встречаю упоминание о ридере. Наконец, понял, что мечта автора – забраться в ридер адресата (если у того он есть, конечно). Насчет перевода в звуковую форму – шутку ценю. Но тогда понадобится плэйер... <...> 6.09.2012.

Александру Патиеву

<...> Посылаю Вам приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», Вам известной. (Кстати, эта книга теперь удобно доступна [в интернете](#)).

Это – некий симбиоз «архива» и «читива», авторские труды (журналистика, социология) прошлого века, могущие представить интерес с мемуарной и познавательной точки зрения. Оглавление помогает ориентироваться, Полистайте на досуге, не углубляясь в профессиональные подробности. Обратите внимание на главу 7. <...> 16.09.2012.

Елене Петренко

<...> Посылаю Вам недавно изготовленное приложение (дополнительный том) к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии».. Тут Вам и автопортрет личности, и пособие к истории советской социологии, и панорама исторического времени, в некотором роде. Не рассчитываю на пристальное чтение, но полистать может быть небезынтересно. Обратите внимание на главу 7. <...> 14.09.2012.

***

<...> Спасибо, Лена. Признаюсь, слеплена без ностальгии, и не без стыда. Но когда не воспоминания, а аутентичные тексты - и впрямь, прошедшее время оживает и звучат голоса из патефона.²⁷ <...> 14.09.2012.

Константину Пигрову

<...> Посылаю Вам свое «новейшее» произведение - приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она доступна также и [в интернете](#)).

Репрезентативное собрание не отретушированных авторских текстов, пусть даже публиковавшихся, за определенный исторический период - тоже своего рода «дневник», во всяком случае – автопортрет на фоне эпохи и самой этой эпохи фрактал.

Буду рад, если полистаете на досуге, не углубляясь в подробности. Обратите внимание на главу 7. Ее смысловая нагрузка – особая. <...> 29.08.2012/

Никите Покровскому

<...> Вспоминая нашу декабрьскую переписку, мне захотелось послать Вам свой труд "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1". Буду рад, если когда-нибудь, на досуге, полистаете.

А с уфимским (октябрьским) Всероссийским социологическим конгрессом все идет своим, нормальным чередом. Я прикинул на [сайте РОС](#) - около 1,5 тыс. докладов заявлено. Мои поздравления организаторам. Команда, возглавляемая тремя академиками и одним плагиатором, похоже, прикусила язык. Их внеочередной московский (февральский) конгресс канул в лету. <...> 13.08.2012.

Татьяне Притыкиной, Дмитрию Притыкину

Как историку, Вам может быть профессионально небезынтересен этот опыт отображения эпохи через личность, а личности – через ее тексты, порожденные в рамках социальных институтов определенного исторического времени. Буду рад, если на досуге полистаете этот труд, не углубляясь в подробности социологических опусов. Читать это подряд, понятно, невозможно, разве что в порядке специального изыскания в области журналистики 50-х или социологии 70-х.

Обратите внимание на главу 7, особенно на ««Загадку жизни» академика Ухтомского».

Настоящее произведение является приложением к книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», изданной в 2003-2005 гг. Ее нынешний интернетный адрес: [<...>](#).

Копию рискую послать Дмитрию, хоть и мало знакомы. <...> 22.08.2012.

***

---

²⁷ Из письма Е. Петренко:

«...Спасибо за присланный текст. Полистала - захватило дух! Таки Вы правы: панорама нашего времени, которое вроде бы как и задремало, куда то вытеснялось... А вот ведь оказывается все живо и слова и голоса... Спасибо Вам, Андрей...».

<...> Рад понимающему читателю, В чем, впрочем, про Вас не сомневался; лишь бы нашла время почитать. Свою ремарку-комментарий к автобиографии А. Ухтомского 1938 г., на которую Вы обратили внимание, сейчас перечитал, и самому понравилась.

Ваше пожелание - "не убирать ладоней со лба" - очень трогательно и лестно. Спасибо! <...> 26.08.2012.

Татьяне Протасенко

<...> Посылаю Вам свой "новейший" труд - еще одну "ветвь" драматической социологии, с упором на "социологическую ауторефлексию". Социологи охотно вспоминают, но, как правило, избегают показывать неотретушированные тексты минувших времен. А это - порой увлекательно, а порой поучительно. Полистайте на досуге. <...> 15.08.2012.

Марине Пугачевой

<...> Посылаю Вам что-то вроде продолжения "Драматической социологии...". Правда, с особым акцентом на "социологическую ауторефлексию". Как человека, купающегося в волнах западной литературы, спрошу: известны ли Вам прецеденты такого жанра? По крайней мере для российских (б. советских) социологов он представляется уместным. Разумеется, немыслимо читать все 650 стр. Но полистать на досуге, может, и стоит. <...> 14.08.2012.

Дмитрию Равинскому

<...> Вспоминаю, как Вы рецензировали «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию» в НЛЮ. А вот Вам – приложение к тем томам, а именно: то, что туда не уместилось.

Как человека «книжного», спрошу: известны ли Вам прецеденты такого жанра? Назовем его «документированной автобиографией». Основной корпус этого тома составляют не отретушированные журналистские и / или социологические тексты за несколько десятилетий, ну, с минимально необходимыми комментариями.

Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7, уже не автобиографическую. <...> 20.08.2012.

***

<...> Вы пишете, что «документы, переписка, заметки - часто печатаются вместе с воспоминаниями (да и не только воспоминаниями)». Ну, я имел виду не отдельные документы, прилагаемые к воспоминаниям и т. п., а (широкую) презентацию продуктов профессионального творчества, порожденных в рамках высоко идеологизированных социальных институтов советского времени. <...> 22.08.2012.

Владимиру Рамму

<...> Посылаю Тебе что-то вроде приложения к известной Тебе «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (кстати, ее интернетная прописка - [<...>](#)). Разумеется, не призываю Тебя читать 650 страниц, а полистать – возможны и развлечение, и польза. Сам увидишь, что там к чему. Мемуаристы-гуманитарии неохотно цитируют собственные тексты прошлых лет. Но эти не отретушированные тексты репрезентируют личность и эпоху более или менее адекватно. Обрати внимание на главу 7. Она – общекультурно-просветительская. <...> 20.08.2012.

Сергею Рапопорту

<...> Посылаю Тебе некоторые плоды своих археологических изысканий. В известном смысле - продолжение "Драматической социологии..." . Будет возможность и желание - полистай на досуге. <...> 12.08.2012.

Дмитрию Рогозину

<...> Когда-то давно я дарил Вам "Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию". Считайте эту пересылку приложением. Если будете перелистывать, обратите внимание на главу 7. Она информативна. <...> 12.08.2012.

Алле Родионовой

<...> Вот, посылаю Вам "...из неопубликованных глав" все той же "Драматической социологии...". Кое-что тут написано еще до Вашего рождения. Выбирайте фрагменты для чтения по вкусу, руководствуясь оглавлением. Главы 1 и 7 рекомендую прочитать целиком. <...> 14.08.2012.

Михаилу Рожанскому

<...> Посылаю Вам свой "новейший" труд. Читать, его, конечно, незачем, но если полистаете, буду считать свою цель достигнутой. Тут интересна модель жанра, наверняка имеющего прецеденты, но мне они неизвестны. Так что вполне доморощенное. А сделано-то - из "отходов" давнего 4-томника, куда не вместились все поначалу заготовленное, а теперь вот пригодилось. <...> 14.08.2012.

Павлу Романову и Елене Ярской-Смирновой

<...> Я думаю, социологическая ауторефлексия - законный жанр социологического исследования. Посылаю Вам нечто из области "Профессия.doc". И советское прошлое Вам далеко не безынтересно. Полистайте на досуге, которого у Вас, разумеется, не так много. <...> 13.08.2012.

Ирине Ронкиной

<...> Посылаю Тебе свой новый том. Особенно рекомендую главу 7. Остальное - по вкусу. <...> 11.08.2012.

***

<...> Большое спасибо за «попутную» вычитку глав 7-10 моего сочинения. Сегодня повторил рассылку информации:
22 сентября 2012 г. (суббота) в 17-00 в НИЦ «Мемориал» (СПб) по адресу: ул. Рубинштейна, 23, оф. 103, - состоится презентация сочинений Валерия Ронкина (в 2-х книгах).

В приложениях (под скрепкой) – полные тексты обоих томов сочинений В.Е. Ронкина (версия pdf). <...> 12.09.2012.

***

<...> Текст завтрашней, заключительной (третьей) рассылки о предстоящей презентации будет таким:

«Уважаемые коллеги!

Напоминаю, что 22 сентября 2012 г. (суббота) в 17-00 в НИЦ «Мемориал» (СПб) по адресу: ул. Рубинштейна, 23, оф. 103, - состоится презентация сочинений Валерия Ронкина (в 2-х книгах).

Сетевые адреса, с которых можно скачать полный текст книги, я сообщал раньше (том 1 - <http://narod.ru/disk/60751830001.d62bb45a7053548ac4b6623549aaaf70/Ronkin%20V%20Works%20Vol%201.pdf.html> ; том 2 - <http://narod.ru/disk/60752091001.41cee56616630e1596fe745d6d9c584a/Ronkin%20V%20Works%20Vol%202.pdf.html>). Кроме того, неделю назад, я рассылал полные тексты обоих томов, в формате pdf. Таким образом, обеспечена возможность предварительного ознакомления с презентуемой книгой.

Сообщаю, что всем участникам презентации 22 сентября будет подарено по экземпляру книги.

Благодарю за внимание. Ваш – Андрей Алексеев. 18.09.2012»

Р. С. Информацию о предстоящей презентации см. также на Когита.ру - <http://www.cogita.ru/analitka/novye-knigi/sochineniya-ronkina>

Юлию Рыбакову

<...> Слава Богу, теперь можно дарить «невесомые» электронные издания. Это - приложение к известной Тебе «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#). Полистай при случае, не пугаясь объема. Здесь многое можно просто перелистывать. Журналистика 50-х и социология 70-х довольно выразительны. А нарисованный своими писаниями тех лет автопортрет в равной мере характеризует и автора, и эпоху. Обрати внимание на главу 7. Вот ее стоит почитать целиком. <...> 27.08.2012.

Розалине Рывкиной

<...> Достигают ли Тебя мои эпизодические рассылки? Правда, последняя была давненько (в июне).

Пересланная Тобой книжка попала ко мне с большим опозданием. Потому и не поздравил во-время.

Посылаю Тебе свой очередной ауторефлексивный том. Полистай на досуге. <...> 12.08.2012.

Галине Саганенко

<...> Посылаю Тебе своего рода продолжение "Драматической социологии...". Сама разберешься - по оглавлению и предисловию - что к чему. Полистай на досуге. Главу 7 рекомендую прочитать. Она имеет просветительский характер. <...> 15.08.2012.

Фуату Самигулину

<...> Возможно, Тебе будет интересно полистать на досуге это «ретро», разумеется, пропуская всяческое «научообразие». Авторские тексты разных лет репрезентируют человека в развитии и смену вех исторического времени.

Не помню, дарил ли я Тебе в свое время свою «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию», к которой настоящий том является приложением. Тот 4-томник, вышедший в бумажном издании в середине 2000-х, теперь доступен [в интернете](#).

А в этом томе – обрати внимание на главу 7. <...> 20.08.2012.

Альфреду Сарно

<...> Посылаю Тебе свой "новейший" труд. Этакая "историко-биографическая профессиональная ретроспектива". Один из моих вчерашних адресатов очень хорошо сформулировал:

«Знаешь, даже внимательное чтение оглавления резко расширяет "пространство памяти". У меня, во всяком случае. Дело даже не в самой памяти - в любом случае, помнишь только то, что помнишь - а в том, что выплывает вдруг полузабытый понятийный словарь, поросшие травой цели и задачи целых поколений, интеллектуальные моды и т. д. Т. е. твой "репрезентативный подход" - самый правильный и ценный. Буду потихоньку читать...»

Желаю и Тебе неспешного, избирательного знакомства с этим ауторефлексивным опусом. <...> 14.08.2012.

Виктории Семеновой

<...> Думаю, в Вашей коллекции "качественной социологии" еще нет такого "зверя". Пусть будет. Буду рад, если когда-нибудь, на досуге, полистаете эту "социологическую ауторефлексию". <...> 14.08.2012.

Наталии Сидоровой

<...> Когда-то давно я дарил Вам "Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию". Здесь то, что не уместилось в те 4 тома. Ну, и выстроено хроно-тематически и / или тематико-хронологически. Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7. Она в аккурат для ["Парадиза"](#). <...> 16.08.2012.

Елене Смирновой

<...> Отправленные Тебе в июне ретро-фрагменты разрослись до полноценного тома. Опять же - "безотходное производство"... Полистай на досуге. "Суди себя сам", не дожидаясь суда ни человеческого, ни Божеского. Обрати внимание на главу 7. <...> 15.08.2012. 11:50.

Николаю Соколову

<...> Посылаю Вам свое «новейшее» произведение – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», изданной в 2003-2005 гг., о которой Вы, возможно, наслышаны. (Кстати, ее современная сетевая прописка - [<...>](#)).

Как историку, Вам может быть небезынтересно настоящее довольно репрезентативное собрание не отретушированных трудов журналиста и социолога, родившегося в год убийства Кирова и большую часть своей жизни порождавшего тексты в рамках идеологизированных социальных институтов советского времени.

Полистайте на досуге, пропуская не интересное для Вас содержательно, но, по возможности не пропуская современных ремарок. Это своеобразный личный архив – упорядоченный и откомментированный. Обратите внимание на главу 7. <...> 23.08.2012.

Аркадию Соснову

<...> Как Ты рассказывал, твоя журналистская карьера началась (при участии Светлой памяти Анатолия Степановича Ежелева), в 1969 г. Моя – во второй половине 1950-х гг. (Я работал в «Смене» вплоть до 1961 г. А А.С. там же – с 1963 г.)

В определенном, не тривиальном смысле Ты старше меня как минимум на 10 лет.

А вот какой была журналистика конца 50-х – начала 60-х - Ты вряд ли хорошо осведомлен, во всяком случае – не из личного опыта.

С этой точки зрения, Тебе могут быть интересны главы 8 и 9 ²⁸ настоящего моего «новейшего», весьма откровенного и неліцеприятногo автобиографического произведения – приложения к «Драматической социологии...», Тебе знакомой. (Кстати, ее нынешний сетевой адрес - <...>).

Ну, и социологию 60-х -70-х, в исполнении автора этих строк, приношу Тебе на усмотрение, без ретуши (в этом же томе). Полистай на досуге, в развлекательных и познавательных целях.

Особое внимание обрати на главу 7. Она уже «не про меня». <...> 25.08.2012.

Ольге Старовойтовой

<...> Если бы дарил бумажную книгу, надписал бы: «Ольге Старовойтовой, одному из прилежных читателей и рецензентов "Драматической социологии...", ее как бы продолжение с ретроспективным и ауторефлексивным уклоном». Полистай на досуге. А главу 7 - почитай целиком. <...> 12.08.2012.

Леониду Столовичу

<...> Посылаю Вам что-то вроде антологии собственных сочинений, от 50-х гг. до наших дней, в основном социология, и еще раньше - журналистика. Это – приложение (дополнительный том) к моей «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», которой, в отличие от нашей с Р. Ленчовским книжки «Профессия – социолог...», у Вас нет, но она «близко лежит» [в интернете](#).

Замысел этого нового тома – в отображении эпохи через личность автора, а этой последней – через порождавшиеся ею в рамках идеологизированных социальных институтов тексты. (Тоже «человеческие документы»!).

Разумеется, не приглашаю все это читать. Перелистаете – уже хорошо. Обратите внимание на главу 7 (о Швейцере, Ухтомском и Любичеве). <...> 14.09.2012.

***

<...> Спасибо за усмотренную "грандиозность замысла и исполнения" моих "неопубликованных глав". Стоит заметить, что это в самом деле куски, не уместившиеся в основной корпус "Драматической социологии", только заново скомпонованные. Получилось своего рода "безотходное производство". Впрочем, вполне заслуживает эпиграммы: "Поэма так длинна, что даже в ней есть удачные места" (из Вашего "БЭСЭДЭР - это БЭСЭДЭР!").

С удовольствием беру на вооружение Вашу шутку: "...из-за нездоровья, не очень "в форме", но еще "в содержании". ²⁹ О да! Но будучи "в содержании", Вы тем самым и "форму" поддерживаете. Здоровье с Творчеством коррелируют. <...> 15.09.2012.

Александру Сунгурову, Михаилу Горному, Антуану Аракеляну

<...> Посылаю Вам свою новую книгу. Это – приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». (Та теперь доступна [в интернете](#)).

Желаю вам полистать на досуге этот том, являющий собой неліцеприятный (для автора) портрет его персоны периода 50-70-х гг, и отчасти эпохи, - в развлекательных и

---

²⁸ Глава 8: Дурной шестидесятник (Комсомольская журналистика. 1957–1963); Глава 9: Экзамен на гражданственность (Партийная журналистика. 1964-1965).

²⁹ Из письма Л. Столовича:

«...Я, к сожалению, из-за нездоровья не очень «в форме», но еще «в содержании». Посылаю Вам свидетельства последнего [из новейших публикаций](#)...».

познавательных целях. Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает глава 7, посвященная уже не автору, а нашим великим старшим современникам. <...> 26.08.2012.

Анне Темкиной

<...> Посылаю Тебе что-то вроде продолжения и / или приложения к известному Тебе 4-томнику "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия". Полистай на досуге. Некоторые сюжеты могут Тебя заинтересовать. Обрати внимание на главу 7.

Этот текст существует только в виде самостоятельного электронного издания. <...> 17.08.2012.

Ольге Тиховской

<...> В поезде или на улице Роз - откройте, полистайте новую книгу. Тоже "межкультурная коммуникация". <...> 12.08.2012.

Александрю Тихонову

<...> Посылаю Тебе "...из неопубликованных глав" "Драматической социологии...", выстроившихся в ауторефлексивную цепочку. Мы хоть и не совсем ровесники, но эпоха - у нас одна. Так что кое-что Тебе будет интересно сопоставить. Полистай на досуге. Обрати внимание на главу 7. Она, так сказать, просветительская.

Мои поздравления насчет предстоящего конгресса. Я прикинул - около 1,5 тыс. докладов. <...> 13.08.2012.

***

<...> За СОЦИСом я не особенно слежу. Так что если пришлешь электронную версию твоей статьи там, буду признателен.

Попадался ли Тебе на глаза наш с Р. Ленчовским 4-томник "Профессия - социолог...", вышедший в 2010 году? Он доступен и в интернете: на сайте «Международная биографическая инициатива»: [Том 1](#); [Том 2](#); [Том 3](#); [Том 4](#)

Тебя там более или менее близко касается глава 4 (в томе 2). <...> 14.08.2012.

Лидии Ткаченко-Сокирко

<...> Вы собирались читать мои "не опубликованные главы" осенью. Ну, тем временем, вырос целый том, который можно уже только перелистывать. Чего Вам желаю. Обязательно почитайте главу 7. <...> 16.08.2012.

***

<...> Вы, как всегда, самый усердный, а главное – самый ответственный мой читатель. Говорят еще: «благодарный читатель». Но благодарен должен быть прежде всего автор. Со времен Вашей давней рецензии на «Драматическую социологию...» я чутко прислушиваюсь к вашим отзывам, которые Вы сами, как-то недооцениваете.

Вы интересно и адекватно отделили в моих «неопубликованных главах» ученые умствования от человеческих сюжетов, к которым, действительно, относится и социологическая публицистика из главы 1, но, скажем, не относятся тесты на поведенческую направленность и ценностный профиль личности (из этой же главы). И в баумовских изысканиях вы заинтересовались «живой жизнью», а вовсе не социологической моделью личности строителя. И «социология и театр» Вам «не пошла» в силу некоторой «учености» (уж что говорить о теории «образа жизни и жизненного процесса» (в главе 3).

Вы для меня – некоторый камертон «человечности» социологических штудий и рефлексий, притом что вовсе не обязательно по этому камертону всегда настраивать свои

инструменты. Хотя я и адепт «личностного знания» (в смысле Майкла Полани), но вовсе не считаю его единственно возможным.

Вообще, Вы ищете в авторе книги, которую берете в руки, любопытствующего, размышляющего о жизни и нравственного субъекта, и если усматриваете это в нем, хоть отчасти, с доверием относитесь ко всему, что бы он ни насочинял.

Ваш интерес к биографическим сюжетам мне особенно ценен, и судя по тому, как Вы выстроили логику жизни автора, я сумел отобрать для этого необходимые и достаточные материалы. В этот том не вошли семейные хроники – моя и Зины (это будет во втором томе), Но первая, писаная еще лет 15 назад, давно [вывешена в интернете](#) - (тоже, кстати, «неопубликованная глава» ДСиСА).

Ваши беглые, попутные замечания, практически все, представляются мне точными и греют душу пониманием. Не стану здесь их рефлекторно комментировать. Иногда Вы обращали внимание на то, чему я сам не придавал большого значения.

А вот пассаж, который я из Вашего письма сюда перепишу, ввиду его для меня значимости:

«Открывшаяся перед Вами перспектива звала к подходящей Вам по натуре деятельности, но потребовала дани - допустить спекулятивность в то, что выходило из-под Вашего пера. Пришлось допускать... Верю (найти не пыталась – в цитаты из автореферата, книги и пр. социологических статей мне вчитываться не удавалось), что была «изрядная спекулятивность» при анализе «массовой коммуникации в социалистическом обществе». Сочувствую. Надо ли было защищать диссертацию с такими издержками или сразу идти в истопники? – Надо! Во-первых, по Вашей оценке, Вы определённо (несмотря на отзывы рецензентов) держали истмат за свою теоретическую базу, во-вторых, не сразу стали различать, где у Вас действительно марксизм, а где демонстрация лояльности. Хорошо, что судьба уберегла Вас от ухода с концами «в истопники»! Уход через 10 лет в рабочие после того, что Вы уже показали себя способным социологом, должен был сопровождаться удержанием Вас в орбите социологии».

Здесь, как и в других случаях, пересказывая меня, Вы мне самому меня объясняли. Все же как-то и я Вам в этом помог своими современными ремарками.

Вы пишете, что читали мой том как бы одновременно с «Историей моего современника». Конечно, лестно оказаться в такой компании. Я сам Короленко очень почитаю. <...> 7.11.2012.

Дмитрию Травину

<...> Посылаю Вам еще один, свежее испеченный том – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», Вам известной. В определенном смысле, документированные «приключения духа» героя одного из Ваших очерков. Можно трактовать и как «исповедь шестидесятника». Вообще шестидесятники склонны к покаяниям, но редко иллюстрируют их собственными текстами давних лет. Вот – претендую ломать традицию. Полистайте на досуге, в профессиональных целях, не углубляясь в подробности.

Обращу Ваше внимание на главу 7, она – не автобиографическая.

Пользуюсь случаем сообщить, что 4-хтомник 2003-2005 гг. теперь доступен [в интернете](#). <...> 20.08.2012.

Георгию Трубникову

<...> В отличие от моих обычных «просветительских» веерных рассылок (которых, кстати, давно не было), посылаю, на сей раз «прицельно», некоторым своим адресатам, которым это может быть отчасти интересно, собственное «новейшее» сочинение -

приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг. (ныне она прописана также и [в интернете](#)).

Опыт репрезентативной выборки авторских текстов от 50-х гг. до наших дней. Тоже – форма автобиографии, [использовавшаяся и Вами](#), разве что не с такой хронологической глубиной. Полистайте, когда будет время и настроение, не углубляясь в профессиональные (социологические) подробности. Обратите внимание на главу 7. Имена ее героев Вам наверняка знакомы, но сюжеты не тривиальны. <...> 29.08.2012.

Григорию Тульчинскому

<...> Зная Ваш интерес к различным оригинальным формам автобиографии и т. п., пополню Вашу копилку еще одним жанром: довольно репрезентативная выборка неотретушированных авторских текстов от 1950-х гг. до наших дней. Жанр пока мало распространенный, хоть и информативный, особенно для представителей гуманитарных профессий.

Это - приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она прописана также и [в интернете](#)). Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7. <...> 28.08.2012.

Сергею Файбушевичу

<...> Посылаю Тебе, на сей раз, вместо «привычной» общекультурной, политической и профессиональной рассылки, свое недавнее сочинение, точнее – композицию давних, которая может быть Тебе интересна. Это - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она прописана также и [в интернете](#)).

Кое – что здесь Тебе даже будет знакомо (социология 70-х). Вообще же небесполезно на себя самого в прошлом оборачиваться. Ну, и некая картинка эпохи. Полистай на досуге. Обрати внимание на главу 7. <...> 30.08.2012.

***

<...> Твой спонтанный приветственный отзыв впору вывесить в рамке на стенку: «...Хотел сначала бегло просмотреть, но не удержался и начал читать подряд. Её (эту книгу. – А. А.) трудно отнести к какому-то одному жанру, поэтому читатель начинает напоминать человека, перебирающего разные драгоценности в шкатулке. Мне кажется, она должна быть интересна не только участникам и современникам описываемых событий, но и "социологической молодёжи", часто не помнящей научного родства и не очень понимающей страну, в которой живут. А глава 7 <...>, кроме интересных фактов, ещё раз напомнила мне о необходимости существования человеческих и научных эталонов - образцов поведения для занимающихся наукой».

В общем, я к этому самому и стремился, только не надеялся на столь прилежного и благодарного читателя. <...> 6.09.2012.

Ларисе Федотовой

<...> Мне захотелось послать Тебе продолжение своей «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Не уверен, что она у Тебя есть, но сейчас все 4 тома общедоступны [в интернете](#).

Настоящее же произведение – «в оригинальном жанре». Этакая «автобиография в не отретушированных авторских текстах», отобранных не по принципу достоинства, а по принципу репрезентативности. Глава 10 (массовая коммуникация) дает повод для самоиронии, не говоря уж о журналистской юности. А вот про контент-анализ (глава 11) – вроде и недурно. Обрати внимание на главу 7. Она выпадает из ауторефлексивного ряда, но несет особую информационную и смысловую нагрузку.

В общем, полистай на досуге. Читать все целиком, понятно, невозможно. <...>
19.08.2012.

***

<...> Ну, Лариса, после твоего отклика касательно глав о массовой коммуникации и контент-анализа я почувствовал себя не Аристотелем, так Спинозой (разумеется, в узкой сфере своей компетенции). «Классика», как Ты говоришь, «нетленна», но она еще и архаична, и наивна, она полна как открытий, так и предрассудков. Еще раз – моя благодарность и поклон Тебе – участнику новосибирского семинара (1970) и автору [современного учебника по контент-анализу \(2001\)](#). <...> 1.09.2012.

Маргарите Филипповой

<...> Посылаю для "досужего чтения". Особенно рекомендую главу 7. Остальные – на усмотрение и по вкусу. <...> 11.08.2012.

Борису Фирсову

<...> Посылаю новую книгу. Полистай на досуге, в меру возможностей и желания. Кое-что тут Тебе хорошо знакомо. Но есть и неизвестное. <...> 12.08.2012.

Ирине Флиге

<...> Посылаю Вам свежее испеченный труд под названием «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав». Это достаточно оригинальный жанр автобиографии, составленной из «человеческих документов», каковыми могут быть, будучи рассмотрены в определенном контексте, не только дневники, письма, деловые бумаги и т. п., но и творческие продукты, включая журналистские корреспонденции и научные статьи, как бы безличны они ни были. Всякий автор намеренно и / или неосознанно рисует свой автопортрет своими сочинениями.

Разумеется, я не приглашаю Вас читать этот громадный файл и вникать во все профессиональные подробности и смены круга занятий и интересов автора. Но полистать на досуге, самостоятельно находя себе «читиво» в этом упорядоченном «архиве», есть смысл. «Читиво» же (хотя бы журналистика 50-х гг. или социология 70-х) оказывается и автоизобличительным, и поучительным.

Обратите внимание на главу 7. «Люди своего времени» в принципе могут быть и «людьми на все времена», пользуясь выражением Ю. Шрейдера о Любимцеве. <...>
22.08.2012.

Ирине Фомичевой

<...> Я подумал, что для Тебя может представить некоторый интерес мой «новейший» труд. 4-томник «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» сейчас общедоступен [в интернете](#). А это – своего рода приложение к той книге середины 2000-х.

Полистай на досуге. Улыбнись главе про массовую коммуникацию (60-е гг.). Содрогайся по поводу журналистских опусов 50-х гг. Эпоха формирует личность, а личность порождает тексты. И обратно: тексты репрезентируют личность, а личность – эпоху. Такова «сверхидея» настоящей то ли автобиографии, то ли антологии.

Обрати внимание на главу 7. Она и автономна, и несет смысловую нагрузку в данном контексте. Ибо, в отличие от других частей, она о людях «на все времена», живших в «свое время». <...> 19.08.2012.

***

<...> Благодарю за отклик. Да, мне не приходится скучать и даже есть амбиция не дать соскучиться моим читателям. <...> 26.08.2012.

Валерию Хмелько

<...> Посылаю Тебе свое «новейшее» произведение – «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»». Получилась современная композиция из архаических (хотя и не только) авторских текстов, некоторые из которых могут показаться Тебе знакомыми – если не по содержанию, то по стилистике. Разумеется, не призываю Тебя все это читать, но полистать, думаю, стоит. Шестидесятники не очень любят цитировать собственные тексты. В качестве «дурного шестидесятника» я рискнул сделать эту «антологию» репрезентативной. Обрати внимание на расположенную в центре главу 7. Она выступает контрапунктом всем остальным. <...> 31.08.2012.

Светлане Хуткой

<...> Вспоминая Ваш визит на Малую Охту в Питере, после которого Вы отправились в Киев с рюкзаком, набитым экземплярами нашей с Романом Ленчовским книжки ³⁰, я подумал, что Вам может быть интересно полистать произведение, составленное из давних социологических опусов одного из представителей поколения Ваших учителей. Это - дополнительный том «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», той, что давно висит на сайте КМИСа, а в более удобном формате см. на сайте [ЦСПиМ](#):. Для него отобрано не лучшее, но характерное для автора и его профессиональной сферы в разные времена. Если угодно – репрезентативная выборка. Обратите внимание на главу 7. Она – о великих старших современниках автора. <...> 14.09.2012.

Нине Цветаевой

<...> Думаю, эта "исповедь социолога" достаточно созвучна Вашим историко-социологическим изысканиям в области советской ментальности и т. п. Полистайте на досуге. В отличие от всех остальных глав, главу 7 стоит прочитать целиком. <...> 15.08.2012.

Любови Цой

<...> В отличие от своих «веерных», массовых рассылок, посылаю на этот раз «точечную», с персональными обращениями. Это – приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (кстати, ныне, в удобном формате, доступной и [в Интернете](#)). Этакая профессиональная (авто)биография в текстах, порожденных в рамках высоко идеологизированных социальных институтов советского времени. Довольно нелицеприятная (для автора), порой увлекательная, во всяком случае – поучительная. Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7, выпадающую из общего (автобиографического) ряда. <...> 13.09.2012.

Юрию Чернецкому

<...> Посылаю Вам недавно собранное мною приложение к 4-томнику "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия". (Не помню сообщал ли, что он теперь доступен и в интернете, в удобном для обозрения формате: [<...>](#)).

---

³⁰ Алексеев А.Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010.

Приложение это существует только как самостоятельное электронное издание. Что там к чему - сами увидите. Не рассчитано на чтение подряд, но на перелистывание во всяком случае. Кое-что там Вам наверняка будет интересно. В частности, сам жанр и методология репрезентативного профессионального автопортрета в динамике. Обратите внимание на главу 7. Она носит общепросветительский характер. <...> 16.08.2012.

***

<...> Рассылать мою композицию <...> не надо. Дело в том, что некоторые из (Ваших адресатов) будут удивлены, получив этот текст не от меня. А я еще не закончил собственную (аксиальную, а не ретиальную на сей раз) рассылку. Где-то через пару недель текст, вероятно, будет вывешен в Интернете, и тогда - достаточно разослать ссылку. А 9-мегабайтному приложению под скрепкой только хорошо знающие автора люди могут обрадоваться. И то не обязательно.

Вот Вашему отклику, когда полистаете (читать невозможно перелистывать; куда бы поставить запятую?) буду рад. <...> 17.08.2012.

***

<...> Да, Ваше общественное созревание было побыстрее моего, уже в силу разницы в возрасте. Младший - в известном смысле опытнее, ибо раньше обретает исторический опыт, данный старшему в более позднем возрасте. Однако логика - та же: от романтической экзальтации к суровому реализму. А персональное мировосприятие формируется из "подручного" идейного материала, будь то коммунистическая идеология (но тогда "с человеческим лицом"), будь то общечеловеческие ценности (в советские времена обруганные как "абстрактный гуманизм"). <...> 11.10.2012.

Андрею Чернову

<...> Мне захотелось послать Тебе продолжение и / или приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Когда-то эти тексты не вместились в изданные 4 тома. Теперь оказалось, что, соответствующим образом упорядоченные, они презентуют автора, а автор... репрезентирует эпоху.

Еще в 90-х гг. я взял на вооружение твое словечко: «дурной шестидесятник». Теперь, если не поленишься долистать до части 3-й, Ты встретишь его (разумеется, со ссылкой на первоисточник).

ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ. Думаю все же, что реально, а стало быть - предпочтительно последнее. Обращаю твое внимание на главу 7. Имена знакомые, но материал новый. <...> 18.08.2012.

***

Дорогие Андрей и Наташа! Ваши «древнерусские новости» не остались незамеченными прогрессивной общественностью. Т. Косинова инициативно вывесила на Когита.ру информацию по мотивам последнего дополнения А. Ч. к моей вчерашней рассылке. "Несториана" - медиа-ресурс, однако. Поздравляю! <...> 11.09.2012.

ПРИЛОЖЕНИЕ. [Когита.ру](http://kogita.ru): Несториана – новый медиаресурс

На днях в Петербурге появился [новый электронный ресурс "Несториана"](http://kogita.ru), повествующий о том, "откуда (и куда) идет Русская земля". Сайт посвящен Нестору и его книге, создан и поддерживается Андреем Черновым и Натальей Введенской.

«Начинаем сайт с того, что с разрешения «Вита Новы» выкладываем в сеть pdf нашего издания «Повести временных лет»» - сообщает Андрей Чернов.

Эта книга – событие не только научной, а общекультурной жизни - комментирует социолог Андрей Алексеев.

[Повесть временных лет](#). Перевод Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Комментарии А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова, при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. 129 иллюстраций Мюда Мечева. СПб.: Вита Нова, 2012.

Там же, на сайте «Несториана» можно ознакомиться и скачать:

«Слово о полку Игореве». [Три последние книги А. Чернова, посвященные “Слову о полку Игореве”](#).

Аудио со стиховой реконструкцией древнерусского текста «Слова» и переводом ([читает А. Чернов](#)).

И многое другое.

Из вступления к сайту:

«Даже страшно, как конец смыкается с началом», – сказал в 1997 году Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда узнал об открытии археологом Евгением Рябининым древнейшей восточно-славянской каменно-земляной Любшанской крепости VIII–IX вв. в низовьях Волхова.

Вопрос откуда (и куда) идет Русская земля, в начале XII столетия поставил киевский монах летописец Нестор.

Первая редакция его «Повести временных лет», как утверждает современная наука, была закончена к 1115 году. Но, похоже, и этот юбилей мы не заметим, как не заметили тихо миновавшую на днях древнейшую дату русской истории. А зафиксирована она в том же труде Нестора: 2 (7 по новому стилю) сентября 912 года Вещий Олег подписал внешнеполитический акт о вечном мире и любви с греками. Этому предшествовали события не только исторические, но и геологические.

Как в Египте ежегодные разливы Нила создали избыток «простого продукта» и обеспечили расцвет древнеегипетской цивилизации, так и тут, на северо-западе Восточной Европы, геологическое поднятие Карельского щита привело к тысячелетнему разливу Ладоги и Ильменя, а потом, когда накануне новой эры Нева прорвалась к Финскому заливу, к появлению новых, буквально всплывших с озерного дна плодородных земель. На освободившиеся от тысячелетнего водного плена земли Южного Приладожья и Ильменского Поозерья в VI веке пришли от устья Вислы и Одера будущие новгородские словене. Они умели обрабатывать тяжелую пойменную почву, вместо бороны-суковатки пахали плугом с металлическим наконечником..

Здесь, надо думать, и родилась легенда о граде Китеже: люди знали, что их кормит дно бывшего озера. И верили, что в случае опасности озеро их и укроет.

Россия началась с трехступенчатой торговли при старейшине Гостомысле: в Ладоге по арабской технологии делали бусы, их у финских охотников меняли на меха, а меха продавали арабским купцам за серебряные дирхемы. Началась с разноплеменного союза свободных людей (славян, финнов, местных скандинавов), которые и викинга Рюрика (очевидно, Рёрика Ютландского) наняли на службу, чтобы блюсти торговый путь.

Эту вот начальную Русь князь Олег и сшил в единое государство, присоединив к Новгороду и Ладоге (древнейшему русскому городу и первой столице Рюрика) сначала Смоленск, а потом и Киев.

За хвостом куницы и соболя мы дошли до Аляски и Калифорнии. Отсюда и тип русский цивилизации — не кочевой и не оседлый, а промысловый: безытнанный и прекраснотушный, мечтательный и необустроенный. Такой, где народ и начальство – это в мирные дни два разных народа.

Впрочем, как заметил поэт и археолог Валентин Берестов, Романовы продержались 300 лет, а Новгородская республика — 350.

Вопрос откуда (и куда!) идет Русская земля, поставил летописец Нестор. Этой сайт посвящен ему и его книге – Повести временных лет.

А.Ч. 2–7 сентября 2012»

Ресурс ежедневно пополняется.

См. также:

[Забывтая годовщина](#): 1100 лет вечного мира и вечной любви с греками

[Выступление в издательстве «Вита Нова»](#)

См. также [Живой журнал](#) и [сайт](#) Андрея Чернова

Елене Чикадзе

<...> Посылаю Вам что-то вроде продолжения и / или приложения к "Драматической социологии...". Еще один опыт "качественной" социологии "в оригинальном жанре". Читать это все немисливо, а полистать на досуге, думаю, стоит. Обратите внимание на главу 7. <...> 17.08.2012.

Софье Чуйкиной

<...> Не зная достоверно, где Вы сейчас обитаете, мне захотелось послать Вам этот электронный том - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг. (ныне она прописана также и [в интернете](#)). Для изыскателя в области биографии и истории, это может быть небезынтересно. Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7. <...> 29.08.2012.

Дмитрию Шалину

<...> Даря бумажные книги , принято делать надписи. Я бы написал "Исследователю российской (советской) интеллигенции - от одного из ее представителей". Заодно - недавняя публикация в "Социологическом журнале". <...> 12.08.2012.

***

<...> В добрый час, Дима. Еще одно полешко в Ваш (наш общий) костер. <...> 12.08.2012.

Анне Шароградской

<...> Посылаю Вам свое новое сочинение - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг. (ныне она прописана также и [в интернете](#)). Буду рад, если полистаете на досуге, не углубляясь в социологические подробности. Интерес тут может быть исторический (например, образцы журналистики 50-х гг.), и не только, Для меня значима сама идея репрезентативной выборки авторских текстов за 50 лет, в общем позволяющая наглядно представить и динамику личности, и самодвижение эпохи. Нелицеприятное, однако, для автора произведение.

Обратите внимание на главу 7. Она о наших великих старших современниках. <...> 29.08.2012.

Павлу Шелищу

Посылаю Тебе свое «новейшее» произведение - приложение к известной Тебе «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она доступна также и [в интернете](#)). Это – своего рода антология не лучших, но характерных для времени написания авторских текстов за 50 лет, такая форма отображения «себя во времени» и «времени в себе», через профессиональные (журналистика 50-х, социология 70-х и т. п.) тексты. Я думаю, Ты отнесешься к такой форме «науковедения» с пониманием. Полистай на досуге. Обрати внимание на главу 7. <...> 30.08.2012.

Александре Широковой

<...> В отличие от своих «традиционных» рассылок (кстати, давно их не было), эта – не «веерная», а «точечная», т. е. с персональным обращением. И на сей раз – свое собственное произведение – приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она прописана также и [в интернете](#)).

Тоже «качественная» социология – в виде свода не отрегулированных и отчасти откомментированных текстов, презентующих как автора, так и время, когда они были порождены. Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7. <...> 29.08 – 13.09.2012.

***

<...> Тронут Вашим откликом - и на рассылки, и на "Суди себя сам" (условное название тома, составленного из неопубликованных глав "Драматической социологии..."). Усмотрев у Вашего корреспондента "умение владеть языком и временем", Вы дали его трудам наивысшую из оценок.

"Мастер-класс" может быть и персональным, и заочным. Если угодно, его девиз: "Если хочешь, делай как я, по возможности, не повторяя моих ошибок".

Да, начинать чтение есть смысл с главы 7. Она - своего рода камертон, для восприятия всего остального. <...> 13.09.2012.

Александру Шишлову

<...> Посылаю Вам приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», ныне общедоступной [в интернете](#). Настоящий том - собрание трудов автора, но не лучших с современной точки зрения, а характерных для времени, когда они порождались. Этакий оригинальный жанр автобиографии в текстах или персональной антологии как интеллектуальной биографии.

Не думаю, что это первоочередное чтение для Вас, но пусть будет в Вашем электронном архиве. Рекомендую главу 7, как общегуманитарное чтение.

При желании, присылайте рабочие тексты для «нештатной экспертизы». <...> 15.09.2012.

Владимиру Шляпентоху

<...> Посылаю свою новую книжку - "Драматическая социология... Из неопубликованных глав". Для досужего не чтения, но перелистывания. Заодно - и недавняя статья в "СЖ" о страстях вокруг электоральных опросов и т. п.³¹ В отношении последней мне было бы чрезвычайно интересно твое экспертное мнение. К вопросу о достоверности (социологических данных)... <...> 12.08.2012.

***

<...> Спасибо за суперкомплиментарный отзыв.³² Вообще-то говоря, Я, как и Вы и как и все, кому Вы отправили копии своей рецензии на мои последние труды, строю свою активность - для собственного удовольствия, ну, если угодно, еще для собственного выживания. Как я понял, прочитав недавнюю работу Лены Петренко и ее коллег - "[Добровольчество](#)", я типичный волонтер.

Мои рассылки все же несколько запаздывают. При случае, заглядывайте на Когита.ру: <http://www.cogita.ru/>; <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1>. 28.10.2012.

---

³¹ Социологический журнал, 2012, № 1.

³² Из письма В. Шляпентоха:

«...Какое замечательное дело Вы ведете!!!! Как грандиозен Ваш индивидуальный вклад в историю России! Как великолепно Ваша последняя книга!! Как предельно бескорыстна Ваша гражданская активность!!...». Копии своего письма В. Ш. отправил также группе коллег.

***

<...> Ну, похоже, опять возник «казус» А., по крайней мере, в сознании ближайших коллег. Шляпентох «спровоцировал», и некоторые коллеги подхватили, вполне искренне, но и непроизвольно испытывая актора на самокритичность. Кажется, на презентации последней книжки придумалась такая формула: «Согласиться нельзя оспорить». Ибо невозможно отвечать на аплодисменты иначе чем поклоном. Я и в самом деле думаю, что главная черта волонтерства – вовсе не подвижничество, а самореализация, жажда свободы и удовольствие быть полезным другим. <...> 29.10.2012.

Владимиру Шнитке

<...> Посылаю Вам свое «новейшее» произведение - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг. (ныне она прописана также и [в интернете](#)). Это - собрание не отретушированных авторских текстов, порожденных в рамках высоко идеологизированных социальных институтов советского времени. Своего рода автопортрет личности и эпохи в динамике. Буду рад, если полистаете на досуге, не углубляясь в профессиональные подробности. Обратите внимание на главу 7. <...> 28.08.2012.

Нине Шустровой

<...> А вот и приложение и/или продолжение "Драматической социологии...". То, что не вместились в издание 2003-2005 гг., а теперь - выстроилось чуть ли не в интеллектуальную биографию. Полистай и /или почитай - где выборочно, а где и подряд. <...> 13.08.2012.

Владимиру Ядову

<...> Получив по электронной почте послание с приложением около 650 компьютерных страниц, естественно подумать: «Неужели отправитель рассчитывает, что я буду это все читать?». Нет, не рассчитывает.

Но подарить Тебе свое новое произведение автор считает для себя приятной обязанностью. Из оглавления и предисловия сам увидишь - что к чему. <...> 12.08.2012.

***

<...> Благодарю за персональный отклик на массовую рассылку.

Пользуюсь случаем спросить: достигло ли Тебя мое письмо от 12.08.2012 с новым томом "Драматической социологии..." (Из неопубликованных глав)?

Еще - поздравляю с достаточной массовостью [очередного, 4-го Всероссийского социологического конгресса \(Уфа, октябрь 2012\)](#). Я прикинул по списку заявок, который на сайте РОС, на середину августа - около 1500.

Прилагаю свою "композицию", для внутреннего пользования: ВСК-4: СТРУКТУРА, АВТОРЫ, НАЗВАНИЯ ДОКЛАДОВ... (по сост. на 13.08.2012). Все это есть на сайте РОС, но здесь более компактно и удобно для обозрения. <...> 10.09.2012.

Майе Ядовой

<...> Из Вашей статьи в СОЦИСе явствует, что современные, модернистские ценности скорее одобряются, чем реализуются в нашей молодежной среде, но хотя бы так: появляется шанс не поверхностного освоения, а отсюда - и более полноценной реализации, в перспективе. Вам, пожалуй, в этой связи могут быть небезынтересны наши с С. Минаковой опыты в области социологии личности, рубежа 70-80-х гг. Я имею в виду

не столько репертуар ценностей, сколько их "модальности" (См. главу 1 "Неопубликованных глав...").³³

Вполне согласен с Вами, что "в наш век высоких технологий его (моего нового тома) "электронность" больше достоинство, чем недостаток".

Когда меня благодарят за то, что "не забываю", я обычно отвечаю так: "Я забываю Вас не больше, чем Вы меня, а стало быть - помню". <...> 28.08.2012.

***

<...> Я так увлекся своим волонтерством на Когита.ру (см.: <http://www.cogita.ru/> ; <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1>), что многим задержался с ответом. Спасибо за отклик. Я рад, что Вы оценили в наших с С. Минаковой изысканиях касательно жизненной мотивации и / или ценностной направленности ценностной направленности личности то, что там является действительно ценным, а именно: их (ценностей) модальности : "ценность-ориентация"; «ценность-интенция»; «ценность-реализация»; «ценность-переживание», и их операционализации: «одобряю в других...»; «свойственно лично мне...»; «реализуется в моей жизни...»; «сожалею, когда не удастся вполне реализовать...». <...>

На уфимский Конгресс я не поеду. Во-первых – *некогда*, во-вторых – *незачем*, в-третьих – *не на что*. Ну, и не настолько я легкокрыл и быстроног. Любой из этих причин было бы недостаточно для отказа, но вместе – более чем.

Мне вполне хватит Ваших впечатлений об этом конгрессе, которые, у Вас, надеюсь, появятся. Буду ждать Вашу весточку. <...> 13.10.2012.

Ирине Яковлевой

<...> Посылаю Тебе своего рода "интеллектуальную (авто)биографию" в оригинальном жанре хронологически и тематически упорядоченного свода собственных произведений (социологических и не только) за 50 лет. Понятно, что авторские тексты суть его автопортреты. Поскольку все датировано, читатель если не ровесник, то +5 -15 - по возрасту, может сопоставить с собственным непониманием: а) того же возраста; б) того же хронологического периода. Ну, а младшим - так сказать, "в назидание". В чем-то они глупее нас, в чем-то умнее.

Впрочем, никак не призываю Тебя все это читать. Полистай на досуге, приостанавливаясь для чтения по мере заинтересованности.

Обрати внимание на главу 7. Ее, пожалуй, стоит прочитать целиком. <...> 16.08.2012.

Феликсу Якубсону

<...> Посылаю Тебе свое новое произведение. Это - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#). Полистай на досуге. Обрати внимание на главу 7.

Некоторая публичная ауторетроспекция, причем не ради самоутверждения, а ради самопонимания (ну и понимания другими, в том числе и себя) всегда полезна. Как писал поэт Леонид Мартынов, «пусть другие здраво и рассудят, что когда писал ты и к чему». <...> 27.08.2012.

Олегу Яницкому

---

³³ Глава 1: «Опыт изысканий в области социологии личности».

<...> Ну, вот пришла и мне пора послать Вам кое-что из своего. В жанре если не "драматической социологии", то "социологической ауторефлексии". Впрочем, глава 7 в этом томе еще и просветительская.

Если перелистаете, уже автору отрадно.

Со своей стороны рад следить за Вашим блогом на сайте ИС РАН. Глубоко солидарен с Вашим эссе [о Сетях исторической памяти](#). <...> 12.08.2012.

ПОСТСКРИПТУМ

А. Алексеев - В. Дмитриевскому

<...> Месяц я сооружал этот том. И месяц его рассылал. Поделюсь с Тобой еще одним эпистолярным экспериментом. Не поясняю. Думаю, Ты сам легко уловишь его смысл и специфику. Сюда еще добавится примерно полдюжины имен. <...> 16.09.2012. 20:30

(К этому письму прилагался проект вышеприведенной автопрезентации тома 1. – А. А.)

В. Дмитриевский - А. Алексееву

<...> Очень увлекательно! Поначалу кажется текст несколько разбросанным, несобраным, а потом как магнитом стягивается в узел, образует многоцветную, мозаичную панораму настроений при этом и смысловую целостность, диалог живой, эмоциональный, смещающий привычные понятия, персонажи меняются как в калейдоскопе, стремительность, ускорение <...>. Освежает! Живая речь, динамичный пульс времени, прорисовываются сюжеты и индивидуальности - очень интересно. Жду продолжения. <...> 16.09.2012.

А. Алексеев – В. Дмитриевскому

<...> Да, мне была важна смысловая целостность при случайном порядке 200 адресов, разнообразии личных обращений и самобытности каждого собеседника. Хорошо коли получилось. Спасибо. <...> 17.09.2012.

***

А. Алексеев - <...>

<...> Спасибо Тебе за сверхдотошную рецензию на мою «Автопрезентацию тома 1». Уж не знаю, что в ней является приложением к чему: комплименты к замечаниям, или наоборот. <...> Так или иначе, мой очередной эпистолярный «эксперимент», с твоей точки зрения, удачен / неудачен в разных планах и отношениях, что Ты не только декларируешь, но и стараешься доказать. Ну, доказательства тоже убедительны / неубедительны в разных отношениях.

«Эксперимент» этот не был вполне запланированным, т. е. изначально сознательным. Для меня было естественно предпринять рассылку готового (хотя бы вчерне) продукта людям близкого, близко-среднего и, среднего (в отличие от дальнего) круга (кругов), т. е. таким людям, которым я мог бы без напряжения написать лично-деловое письмо. Таковых оказалось около 200, так что вся «процедура» заняла больше месяца. Где-то в первой трети я сообразил, что эта «личная» (правда, тематизированная) переписка обретает экспериментальный и литературный смысл.

Вообще, я очень редко пишу личные письма, как таковые, ну, так сказать, интимные (в широком смысле). Поэтому проблем с публикацией собственных писем у меня, как правило, не возникает. Вопрос: может ли человек распоряжаться собственными

письмами? Интимными – нет: они в равной мере суть собственность адресанта и адресата (хоть злоупотребления в таких случаях чаще происходят именно от адресатов).

Письма же не интимные не требуют согласования с адресатом при их публикации, тем более – если адресат и адресант пользуются взаимным доверием.

Понимая, что мои персональные обращения к потенциальным читателям и / или экспертам являют собой полифонический (несмотря на единство источника) концептуализированный комментарий к рассылаемому произведению, я изобрел процедуру и способ интерпретации, изложенный в письме к <...> (см. вначале). Замечу, что было бы странно, если бы на 180 писем не набралось n-ого количества повторов - не только мыслей, но даже и выражений: ведь подборка была практически монотематичной.

Оправданны и некоторые побочные сюжеты, затрагиваемые в этой переписке. Ибо они так или иначе характеризуют ее достаточно содержательный контекст.

Первоначально я не предполагал приводить письма своих адресатов, ограничиваясь только собственными. Тем самым я избавлял себя от необходимости занудных согласований, позволяя себе порой лишь фрагментарно цитировать отклики своих корреспондентов.

Впрочем, даже объемное цитирование не требовало согласования с людьми, абсолютно доверяющими моему такту, вроде <...>.ё

Как раз развернутый отклик <...> (кстати сказать, профессионального писателя) вызвал желание воспроизвести его целиком (при отсутствии у нас с ним многолетнего опыта общения и дружбы, было испрошено и получено его согласие).

Понятно, я цитировал и – иногда – воспроизводил, «себе, для памяти», лишь относительно немногие из ответов своих адресатов. (Возможно, эти «постскрипумы» стоит запихнуть в подстрочные примечания).

Итак, морально-этические ограничения вроде бы здесь соблюдены, а строгие запреты (*на публикацию личных писем. – А. А.*) не уместны. Я не ожидаю на этот счет «рекламаций». По логике Д. Ш., усмотревшего как-то в «драматической социологии» недостаток разрешений, от моих партнеров на заводе, на экспериментальное наблюдение и взаимодействие социолога-рабочего с ними, я должен был бы у каждого из 200 адресатов испросить согласие на упоминание его имени (коль скоро считать мое письма экспериментом). Но не будем доводить дело до абсурда, как это делает наша власть с применением закона о персональных данных.

Итак, при всей моей благорасположенности к твоей критике или, скажем так, этическим сомнениям, я не вижу оснований для «решительной ревизии» данной главы без №. Что, разумеется, не исключает ее редактирования (не текстов, но их композиции), при подготовке тома 2 (состав которого пока окончательно не определен).

Самым «решительным решением», понятно, было бы вообще оставить эту главу «между нами, своими». Но мне не хотелось бы так уж поступаться авторскими интересами и, возможно, интересами будущих и неведомых читателей. <...> 10.10.2012.

<...> Почему включены в готовый том 1 извлечения из проектируемого тома 2?. Да хотя бы потому, что я никак не могу гарантировать, что этот проект будет завершен. Опять же, эти выжимки представляются уместными в конце тома 1, так же как полная композиция - в начале тома 2.

С учетом сказанного выше, я уклоняюсь от ответа на вопрос, когда «планирую» завершить работу над томом 2 «...из неопубликованных глав», тем более – рассылать его. Достаточно сказать, что эта работа ведется в свободные от других забот (того же волонтерства на Когита.ру) часы. <...> 11.10.2012.

***

Уважаемые коллеги!

В августе-сентябре с. г. мне довелось рассылать вам, каждому персонально, файл со своей новой работой: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав, Том 1». От души благодарю тех, кто откликнулся на эту рассылку, а некоторые – так даже более или менее подробно поделились впечатлениями от знакомства с этим авторским трудом.

Это был не то чтобы черновой, но еще не окончательный вариант работы. Теперь же этот 600-страничный том, в его финальном виде (с исправленными опечатками и после учета некоторых читательских замечаний) вывешен в интернете, на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>.

Там же - и все 4 тома «основного корпуса» книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (СПб.: Норма, 2003-2005).

4 тома существуют также и в бумажном издании, а «Из неопубликованных глав» - только как электронное издание

Ниже воспроизводится авторская аннотация к этому проекту.

Благодарю за внимание. Ваш – Андрей Алексеев. 12.11.2012.

Приложение ³⁴

[Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. — СПб.: Норма, 2003-2005.](#)

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

На рубеже 70-80-х гг. прошлого века автором с коллегами было предпринято андерграундное экспертно-прогностическое исследование, ставшее впоследствии известным по названию анкеты - «Ожидаете ли Вы перемен?». Другое неординарное исследовательское предприятие автора, относящееся к 1980-м гг., известно под названием эксперимент социолога-рабочего. Материалы этих двух и ряда других социологических опытов наиполнейшим образом представлены в настоящей книге.

В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное «социолого-драматургическое» произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый натурный эксперимент – «наблюдающее участие» социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то производственная, научная, общественная жизнь

Первый том («В поисках жанра») посвящен начальному этапу эксперимента социолога-рабочего. На этом этапе был разработан и опробован социологический метод наблюдающего участия, предполагающий активное вмешательство исследователя в изучаемые социальные процессы, синтез практической деятельности, рефлексии и игры.

Во втором томе («Контрапункты») рассматривается продолжение эксперимента при «вновь возникших» обстоятельствах - состоявшейся в середине 80-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес социолога-испытателя. Социологически осмысливается личный опыт самообороны от этих обвинений, при товарищеской поддержке коллег (ученых, рабочих, журналистов).

Основное содержание третьего тома («Полигон») составляет заключительный этап эксперимента социолога-рабочего. Как и предыдущие, данная часть книги являет собой

---

³⁴ В настоящем приложении к автоаннотациям 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003-2005) и «...из неопубликованных глав. Том 1» (2012) добавлены автоаннотации томов 2/1 и 2/2 «...из неопубликованных глав». (А. А. Сентябрь 2013).

композицию авторских текстов разных лет (тексты – личные, деловые, научные). Причем, как и в предыдущих томах, эти аутентичные документы – иногда развернуто, иногда вкратце – комментируются автором «из сегодня».

Широко представлены в книге – во всех ее частях – также тексты других лиц (как правило, коллег и друзей автора). Это в особенности относится к заключительному, четвертому тому («Версии»), где сопоставляются разные трактовки, истолкования эксперимента социолога-рабочего (от апологетических до резко-критических), а также представлены материалы исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» (рубеж 1970-80-х гг.).

Автор является одним из пионеров внедрения качественных («гибких», «мягких») методов исследования в практику современной отечественной социологии. Особое внимание в книге уделено проблематике многообразия и соотношения разных способов социального познания.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

[Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1. СПб.: 2012.](#)

Этот проект возник на базе материалов, готовившихся для книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», но не вошедших туда, в силу недостатка места и / или других обстоятельств. Подробно это объяснено в «Эскизе предисловия».

Том 1 включает в себя тематически и хронологически упорядоченные произведения автора – журналиста, а затем социолога - 50-х – 90-х годов. Смысл этого тома – автопортрет личности и эпохи, образованный текстами, порожденными в разные их (как личности, так и эпохи) периоды развития.

[Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 2/1. СПб.: 2013.](#)

Данный том являет собой собрание текстов, принадлежащих или же посвященных лицам, которых автор называет «заслуженными собеседниками» (в смысле А.А. Ухтомского: те собеседники, которых он, автор, заслужил). В большинстве своем это коллеги и друзья автора, но есть и такие, с которыми он лично не был знаком.

Эти тексты так или иначе резонируют (рифмуются) с собственными сюжетами и идеями «Драматической социологии...».

[Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 2/2. СПб.: 2013.](#)

Основное содержание данного тома составляют теория, методология и практические опыты историко-биографических изысканий, включая опыты семейной хроники, принадлежащие лично автору и / или его родственникам.

Кроме того, предпринята дальнейшая разработка проблематики «драматической социологии», как варианта гуманистических и акционистских исследований, а также наблюдающего участия как исследовательского метода

+++

(2.07.2012- 27.06.2013)

От автора – сегодня. Предуведомление к главам 15-17

Здесь уместно напомнить «Предуведомление» к тому 4 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Вот оно:

«...Кто читал или хотя бы бегло просматривал предыдущие тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» — не мог не заметить, сколь большое место в этой книге занимают тексты авторов, обозначенных в оглавлении, но не на титуле. Что же касается четвертого, заключительного тома, то произведения моих друзей и коллег, а также пространные цитаты из трудов других авторов — здесь не просто соседствуют с собственными текстами социолога-испытателя, но явно возобладают над ними. Почему так? И насколько это вообще приемлемо (допустимо...)? Дело в том, что обращаясь к тем или иным сюжетам эксперимента и «дела» социолога-испытателя или углубляясь в какую-либо связанную с ними тему, я — чем дальше, тем больше — убеждался в том, что другие люди (иногда близкие соратники, а иногда и лично не знакомые...) своими текстами комментируют, дополняют, а иногда и опровергают автора — полнее, точнее, убедительнее, чем он может сделать это сам.

Поначалу даже испугался: все же на обложке — только моя фамилия... А потом успокоил себя: в конце концов, мне важно сообщить читателю некоторую информацию, донести некоторую мысль или (иногда) чувство.

И если автор сделает это с «посторонней» помощью, мысль может вовсе не проиграть, а выиграть!

Так возникли «гроздь» приложений к отдельным главам и даже — вот! — целый том (часть) книги, где субъект драматической социологии выступает уже не сочинителем, а редактором-составителем своего рода дайджеста, антологии, если угодно — хрестоматии.

Это — иногда иллюстрация, иногда пояснение, а иногда и **объяснение** того что рассказано в «Приключениях социолога-наблюдателя» (будь то их событийная фабула, будь то «приключения духа»). При этом, желая поделиться с читателями некоторыми высоко значимыми для него, но «не своими» идеями, автор книги предпочитает не пересказывать эти идеи своими словами, а представлять их **в аутентичном виде**! Надеюсь, что читатель не станет за это пенять автору, а, напротив, одобрит его своего рода самоотвержение и взятую на себя «секретарскую» роль.

...Невозможно все пережить, все «испытать на собственной шкуре». Но разве духовное завещание С. Поршнякова, самостоятельное исследование А. Давыдова, заметки и письма Р. Ленчовского и А. Кетегата, экзистенции Ю. Щеголева, тексты С. Розета, А. Базникина, В. Очаковского, А. Ющенко, В. Сокирко, А. Солипатрова, экоантропологическая социология Т. Дридзе, производственная — Б. Максимова, экономическая — Р. Рывкиной, «делегированное наблюдение» Л. Кесельмана, публицистика Л. Графовой, А. Головова, А. Ежелева, эссе и мемуары В. Ронкина, жизне-мысли и мысли-действия Г. Гачева, письмо-дневник О. Старовойтовой, стихи Э. Ракитской, неомифология и культурология Ю. Линника, философическая проза А. Марасова, тринитарная методология Р. Баранцева, разнообразное творчество О. Козиной, не говоря уж — о работах, выполнявшихся совместно (с Н. Шустровой, В. Шейнисом, С. Минаковой, Б. Беликовым и др.), а также — о сохранившихся, по счастью, экспертных листах «Ожидаете ли Вы перемен?» (их около полусотни, и среди них драгоценные для меня социальные предвидения, в частности, А. Соснина и Э. Соколова), наконец — о трудах путеводителей — как «ближайших» (В. Ядов, В. Шубкин, М. Гефтер...), так и «отдаленных во времени и пространстве» (А. Ухтомский, А. Любичев, А. Швейцер, М. Полани, Ч. Р. Миллс...), — разве все это **в совокупности** не является отражением (и воплощением) того социально-личностного и профессионально-научного опыта, который отвечает (дает пищу для ответов...) на те же вопросы, что ставил перед собой — и прежде, и сегодня — социолог-испытатель?

И этот опыт, это творчество (во всем многообразии его содержания и форм) наполняет уверенностью, что в своих поисках автор был — и остался! — не одинок.

Причем, как мне кажется, полнее и ярче всего раскрывается это богатство — **в диалогах**. Иногда — диалоги в явной форме, например, личная переписка; иногда — в их неявной форме: «переключка, часто даже не осознаваемая самими собеседниками, а усмотренная и предъявленная «третьей стороной», т. е. автором-составителем.

В итоге сложилось в этой книге в целом (и в данном томе, в частности) нечто, вначале вовсе не планировавшееся мною. А теперь уже и трудно себе представить, как же можно было бы без всего этого обойтись, если хочешь что-то понять и что-то сообщить — о «времени в себе» и о «себе во времени». И вообще, если хочешь дать читателю свободу выбора в самоидентификации не только с автором, но и с другими, любезными ему людьми, с их приключениями, исканиями, с их судьбами, наконец. Так или иначе, еще неизвестно, что к чему на самом деле является приложением или дополнением: творчество моих собеседников и соавторов — к истории эксперимента и «дела» социолога-рабочего, или же наоборот.

А. А.

Май 2000 — июль 2005»³⁵

Эта позиция и авторский замысел сложились еще в рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001), из которой я сейчас черпаю материалы. Причем реализуются они (позиция и замысел), как видно из оглавления рукописи³⁶, в основном за счет так называемой «Седьмой главы», почти исключительно состоявшей из **не авторских** текстов.

Однако ограничения в объеме издания и другие обстоятельства в дальнейшем подтолкнули к распределению этих текстов по всему корпусу книги (в виде приложений к соответствующим главам)³⁷, с изрядными вынужденными потерями.

Вот теперь эти «потери», то есть не вошедшие в 4-томник «Драматической социологии...» 2003-2005 гг. материалы, автор постарается восполнить в настоящей и последующей главах.

Круг авторов, представленных в настоящей главе, условно обозначен: **ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ**. Имеется в виду «собеседник», в смысле А.А. Ухтомского: тот собеседник, которого ты (всей своей предшествующей жизнью) **заслужил**.³⁸ Как правило, это друзья и коллеги автора, хоть есть и люди, с которыми автор лично не знаком. Однако их тексты так или иначе входят в резонанс с содержанием книги (своего рода – заочный диалог).

Порядка полусотни имен. Тексты – их собственные и / или о них. Все очень разные: и по жанру, и по теме, и по стилю. Что ж, это одно из отражений (свидетельств) множественности героев и разнообразия сюжетов книги, как таковой.

В отличие от 4-томника, где каждый такой текст выступает тематическим приложением к той или иной главе, здесь эти «приложения» расположены в случайном относительно содержания порядке, а именно – **в алфавите фамилий авторов**.³⁹

Конечно, расположение этих материалов в случайном (алфавитном) порядке может представить некоторую трудность для читателя, привыкшего с «системному» построению и изложению. С другой стороны, не хотелось бы навязывать читателю какую бы то ни было логику композиции и ее восприятия, хотя бы эта логика и казалась (оказалась) безукоризненной.

К тому же, некоторые тексты затруднительно уложить в какие-либо тематические рубрики. Так что пусть уж лучше они остаются в причудливом «оссиановом» беспорядке.

Представлю здесь (теперь известно как сложившийся) круг своих со-беседников / со-авторов:

- К.А. Абульханова-Славская; И.В. Баландина; Р.Г. Баранцев; О.Э. Бессонова; А.В. Блюм; Р.Н. Блюм; А.Н. Волков; В.И. Герчиков; М.Я. Гефтер; В.Д. Глухов; Е.И. Головаха; А.Э. Головкин; В.Б. Голофаст; П.Т. Гончаров; Л.А. Гордон; И.К. Грушевая; В. Н. Дмитриевский; Б.З. Докторов; В.П. Дудченко; В.С. Дудченко; Л.К. Дудченко; А.М. Зверев; Л.Е. Кесельман; А.А. Кетегат; Г.А. Климентов; А.А. Кроник; Э.П. Кудрявцев; А.Р.

³⁵ Цит. по: ДСиСА – 4.

³⁶ См.: Из неопубликованных глав. Том 1 (Приложение)

³⁷ См.: ДСиСА – 1; ДСиСА – 2; ДСиСА – 3; ДСиСА – 4.

³⁸ См.: Из неопубликованных глав. Том 1 (Глава 7).

³⁹ Этот же прием использовался в предыдущей главе без №: «Автопрезентация тома 1».

Ленчовская; Р.И. Ленчовский; Б.И. Максимов; С.Ф. Минакова; С. Никитин; В.Б. Ольшанский; К.С. Пигров; Н.А. Преображенский; С.С. Рапопорт; В.Е. Ронкин; О.Г. Савельев; Г.И. Саганенко; К.А. Свасьян; Н.С. Сергеева; В.В. Сокирко; М.М. Соколов; А.Г. Солипатров; В.М. Тягушев; А.Ю. Чернов; С.В. Чесноков; Б.Ф. Шифрин; Ю.А. Щеголев; А.Н. Ющенко; В.А. Ядов.

Читатель сам рассудит, насколько уместно было включение этих материалов в состав (контекст?) рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001).

Напомню, что в этот перечень вошли лишь те лица, чьи тексты – все или некоторые – по тем или иным причинам остались «за бортом» 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», изданного в 2003-2005 гг. Так что круг собеседников-соавторов на самом деле заведомо шире.

Заранее оговорю, что предъявление здесь этих текстов вовсе не означает полного согласия автора этих строк с каждым из своих «заслуженных собеседников». Иногда составитель данной главы комментирует воспроизводимые тексты, иногда – нет. Существенно однако, что каждый текст датирован. И, может быть, точка зрения самого автора (соответствующего текста) за истекшее время претерпела (претерпела бы) изменения.

Иначе говоря: будем относиться к этим текстам как к *документам личности и времени*.

Еще одно замечание. Автор поставил своей задачей «уложить» в этот том все тексты, фигурировавшие в Седьмой главе рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001), за исключением уже представленных автором в основном корпусе одноименного 4-томника 2003-2005 гг. Это было для автора и своеобразным ограничением.

Однако, в жизни диалог и тесное сотрудничество с некоторыми из «заслуженных собеседников» рубежа веков продолжалось / продолжается. И поскольку это так, автор разрешил себе для таких случаев включение в данную главу также и позднейших текстов этих своих со-авторов и / или о них. То есть как бы продлил беседу с ними.

Все эти исключения из принятого правила (ограничения) отмечены в подстрочных примечаниях. Да и из датировки текстов заметен эпизодический (не частый!) выход за хронологические пределы исходной рукописи.⁴⁰

А. Алексеев. 19.01-27.07.2013

= Из предисловия к разделу «Жизненная позиция»⁴¹

Отобрав для настоящего раздела "Седьмой главы" весьма разноплановые сочинения - как некоторые собственные, так и сочинения своих друзей (со-беседников, со-авторов), как давние, так и современные "пробы пера", - автор этой книги хотел бы показать: как жизненная позиция личности ОБЪЕКТИВИРУЕТСЯ В ТЕКСТЕ.

Причем среди представленных здесь текстов можно встретить как "программные", так и вовсе не являющиеся таковыми (т. е. никак не претендующими свою жизненную позицию заявлять). Дело в том, что в коммуникации - и в частности, письменной – происходит естественное (часто - не осознаваемое!) САМО-выражение, или АВТО-характеристика субъекта.

---

⁴⁰ Такое дополнение текстов, взятых из рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) имело место для следующих персоналий: **А.В. Блюм; В.И. Герчиков; В.Б. Голофаст; В.Н. Дмитриевский; Б.З. Докторов; В.С. Дудченко; Л.Е. Кесельман; А.А. Кетегат; Р.И. Ленчовский; В.Е. Ронкин; В.В. Сокирко; А.Г. Солипатров, Ю.А. Щеголев, В.А. Ядов.**

⁴¹ См. оглавление рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) в: Из неопубликованных глав. Том 1 (Приложение).

Утрируя, можно сказать: "покажи мне одну написанную тобой страницу, и я скажу тебе... кто ты!". (Конечно, можно и солгать... Но мироотношенческая фальшь, в отличие от фактической лжи, обычно заметна).

Но и не только иллюстративная цель здесь преследуется... Эту "вторую цель" читатель, пожалуй, усмотрит сам, сопоставив столь разные, на первый взгляд, тексты.

(Декабрь 1999)

+++

Глава 15

ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (начало)

Содержание главы 15

От автора - сегодня

15.1. ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ (К.А. Абульханова-Славская)

15.2. «ВОСПОМИНАНИЯ - ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЙ, ИЗ КОТОРОГО НЕТ ИЗГНАНИЯ...» (И.В. Баландина)

15.3. ПУТИ ВЫХОДА ИЗ ПЛЕНА БИНАРНОЙ ПАРАДИГМЫ (Р.Г. Баранцев)

15.4. ТЕОРИЯ РАЗДАТКА В РОССИИ СЕГОДНЯ – ОЧЕРЕДНОЙ ЦИКЛ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РАЗДАТОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ? (О.Э. Бессонова)

15.5. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАИН (А.В. Блюм)

15.6. ПАМЯТИ РЭМА НАУМОВИЧА БЛЮМА

15.7. "ПРИВАТИЗАЦИЯ НЕ ПРИВЕЛА К КАКИМ-ЛИБО ЗНАЧИМЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ТРУДОВОМ ПОВЕДЕНИИ И МОТИВАЦИИ..." (В.И. Герчиков)

15.8. ДИАЛОГ ВО ИМЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ("ПОИСКИ" - С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ) (М.Я. Гефтер)

15.9. КАК ОТСТОЯТЬ СВОИ ПРАВА ПЕРЕД ЧИНОВНИКОМ (10 ЗАПОВЕДЕЙ) (В.Д. Глухов)

15.10. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ (Е.И. Головаха и А.А. Кроник)

15.11. «ГОСПОДИ, ХРАНИ ДРУЗЕЙ, КТО БЫ В НИХ НИ ЦЕЛИЛСЯ...» (А.Э. Головков)

15.12. «РУТИНА», «СОБЫТИЯ» И «ЗАГАДКА ЖИЗНИ»: ТРИ СЛОЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ (В.Б. Голофаст)

15.13. ПУТИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1980-е гг.) (Л.А. Гордон; В.П. Дудченко и О.Г. Савельев)

15.14. «...И НЕТ НАЗВАНИЯ ЭТОМУ!» (СНЫ И ЯВЬ) (И.К. Грушевая)

15.15. СОЦИОЛОГ СРЕДИ ТЕАТРОВЕДОВ И ТЕАТРОВЕД СРЕДИ СОЦИОЛОГОВ (В.Н. Дмитриевский)

**

15.1. ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ

[Ниже - извлечения из работы Ксении Александровны Абульхановой-Славской⁴² начала 1990-х гг., впоследствии неоднократно переиздававшейся. С этой работой созвучны некоторые собственные тексты автора настоящей книги.⁴³ - А. А. 2000]

= Из сборника «Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь» (1990)

Личностная регуляция времени

<...> Личная жизнь, жизненный путь личности и является тем вторичным ценностным образованием и процессом, который личность осуществляет в порядке объективации, самовыражения. Жизненные отношения, жизненные перспективы, жизненная позиция - та действительность, которая существует и воспроизводится личностью постольку, поскольку она имеет ценность для личности. Ценностное отношение к жизни или переживание ее ценности проявляется в мотиве **УСПЕТЬ ВОПЛОТИТЬ СЕБЯ В ЖИЗНИ** [здесь и далее выделено мною. - А. А.], в чем-то непреходящем, человечески ценном, общественно значимом. Эта основная потребность развития выражается по крайней мере в трех отношениях: в стремлении расширить границы своего индивидуального бытия и своей конечности, в стремлении объективировать себя в формах, неподвластных течению времени, в формах объективных, результативно-статичных, наконец, в стремлении сделать свою жизнь более интересной в настоящем. Последнее и составляет основу деятельности личности, основу переживания времени как ценного или как пустого, бессмысленного.

Противоречие жизни личности может выглядеть так, что, совершая во времени реальные действия, поступки, личность оказывается не в силах переживать их как ценность (в силу общественных или личных причин). Это есть обесценение, уничтожение личностного времени, а тем самым потребности и способности к развитию. Однако разрешение основного жизненного противоречия целиком не зависит от личности. **СУБЪЕКТОМ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТЬ НАЧИНАЕТ СТАНОВИТЬСЯ ПО МЕРЕ РАЗВИТИЯ ЕЕ СПОСОБНОСТИ К РЕГУЛЯЦИИ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ.**

В основе последней лежит ряд составляющих. Как известно, психологические способности (развитие которых также в известном смысле не зависит от личности) - это образования, представляющие в первую очередь природно-личностный, а затем личностно-социальный потенциал, который дает ускорение интеллектуальному, деятельному, жизненному продвижению личности. Способный человек в отличие от неспособного задает определенный темп деятельности, открывает для себя возможность действовать с большей скоростью, в иных временных масштабах. Управление своими способностями, использование их личностью для овладения новыми темпами, новыми

---

⁴² **К.А. Абульханова-Славская** - доктор философских наук, кандидат педагогических наук (по психологии), заведующая лабораторией психологии личности Института психологии РАН, профессор кафедры психологии личности факультета психологии НИУ ВШЭ.

Ученица С. Л. Рубинштейна, первые годы своей научной деятельности проработала под его руководством, развивая его теорию деятельности в своей дальнейшей работе.

К основным проблемам, которые рассматривает в своих работах К. А. Абульханова, относятся: а) категория субъекта в психологии, научная модель субъекта деятельности и личности как субъекта жизненного пути; б) проблема соотношения индивидуального и социального в психологии.

Личность в концепции К. А. Абульхановой представлена как субъект жизненного пути. (По «Википедии»).

⁴³ См.: ДСиСА -1 (Глава 5); Из неопубликованных глав. Том 1 (Главы 1 и 7).

временными возможностями уже есть особая способность личности к организации времени жизни. Это использование-неиспользование происходит в реальных структурах организации жизни (образования, труда, досуга и т. д.).

Далее, независимость объективного хода жизни от личности, которая диктуется объективностью общественного и природно-биологического времени жизни, проявляется в том, что личность не может ускорять (или удлинять) время общественных событий, занятий, не может увеличивать продолжительность своей жизни, от нее не зависит общественно необходимое время труда, она не может увеличить продолжительность свободного времени.

Однако при независимости от нее общественного времени личность тем не менее развивает в себе способность устанавливать со временем оптимальные «отношения». Она развивает в себе особую способность соответствовать, быть адекватной объективному ходу времени, потребность успевать, действовать своевременно ходу общественных и природных процессов. Своевременность овладения профессией, включая получение образования и становления мастерства, своевременное прохождение этапов профессиональной жизни (карьеры) диктуется и существующей социальной нормативностью, и ценностью оптимальных возрастных сроков прохождения этих этапов, и личностной потребностью в объективации. Иногда неосознанно человек ставит себе сроки, оценивая их несоблюдение как жизненную неудачу или победу. Осуществление основных жизненных этапов (вступление в брак, рождение детей, «карьеры») размещается каждым в своеобразном ценностно-временном континууме, в котором и получает определенную личностную оценку («еще успею», «еще рано», «уже поздно», «скоро будет поздно»). Эти временно-смысловые оценки и являются часто важнейшей составляющей мотивации (или ее падения) и затем регуляции реальных жизненных соотношений и деятельности личности в объективном времени. **СВОЕВРЕМЕННОСТЬ - ТАКОВО ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ЖИЗНИ, ОСОЗНАВАЕМОЕ ИЛИ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ ОСНОВАНИЕ РЕГУЛЯЦИИ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ.** Это образование, как показывают наши предварительные исследования, имеет индивидуально типологический характер. Мера осознанности времени жизни как жизненной проблемы и т. д. весьма различна у разных людей. Это можно, в свою очередь, объяснить разными причинами: у одних это связано с общей осознанностью жизни, с развитой способностью к жизненной рефлексии, у других - с появлением такого осознания в силу жизненных обстоятельств, трудностей и противоречий. Различна и мотивирующая сила этого чувства своевременности: у ряда людей ярко выражена жизненная торопливость, совершенно безотносительно к реальным объективным обстоятельствам их жизни, как будто время подстегивает их, как будто они боятся все время упустить главное, у других подобное качество вообще отсутствует. Однако при всех типологических различиях, оказываясь несвоевременной, личность упускает и социальные возможности и не может реализовать индивидуальные.

Чаще всего в сфере труда, однако у некоторых в сфере именно личной жизни развивается (иногда тоже неосознаваемая) способность к организации времени в более узком смысле слова, которую часто квалифицируют как составляющую организованного человека. Самоорганизация во времени, организация временных параметров своего труда и личных занятий включает и планирование, и учет времени, и учет производительности, скорости труда и временных интервалов, требований и т. д. Продуктивное использование времени, ориентация во времени, способность по-своему структурировать время в условиях объективной временной неопределенности - неопределенности времени наступления событий, отсутствия строгой детерминации временем - это особые личностные временные способности, которые обеспечивают ее своевременность, продуктивность, оптимальность ее общественной и личной жизни. Именно здесь проявляется возможность свободного владения временем и относительной независимости от его объективного хода. Здесь формируется предпочтительное для личности

распределение времени в соответствии с субъективной значимостью занятий и событий, способность ЭКОНОМИТЬ ВРЕМЯ, пренебрегая незначительным, умение абстрагироваться от текучки и суеты, которая часто диктуется структурами жизни.

Организация времени проявляется и в способности личности включаться в события и структуры социальной жизни, придающие ее жизни большее ускорение, более продуктивный темп, в сферы, развивающие ее. Она проявляется в способности улавливать сущность, логику событий, включаясь в них в оптимальный момент.

Однако способность к организации времени не существует как формальная, оторванная от его ценности и переживания. Само по себе переживание ценности времени без соединения со способностью к его организации дает так же мало, как способность к его организации, безотносительно к целям и их значимости для личности. Ценностный аспект времени не измеряется его переживанием как таковым, субъективно удлиняемым или укорачиваемым личностью. Ценность времени личности - это ее способность сохранения во времени своей направленности на удовлетворение потребности, а также оптимальная организация условий ее удовлетворения, т. е. основных жизненных потребностей. ПОДЛИННЫМ СУБЪЕКТОМ ЖИЗНИ СТАНОВИТСЯ ТА ЛИЧНОСТЬ, КОТОРАЯ СПОСОБНА ОРГАНИЗОВАТЬ СВОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КАК ЦЕЛОЕ, сохранив на протяжении времени и обстоятельств свои важнейшие потребности, которые не удалось реализовать в настоящем, направляя всю свою жизнь на достижение главных ценностей, на решение задач самовыражения.⁴⁴

Сферы общественной жизни объективно различаются по насыщенности событиями, противоречиями, по социальной перспективности, темпам развития. Попадая в такие сферы (профессиональной деятельности, культурной, общественной жизни и даже личного общения) личность получает большие возможности, более интенсивно взаимодействует со средой, повышает ритм жизни. В данном случае общественная детерминация расширяет возможности личности, умножает ее потенциал.

Исходя из сказанного, можно более точно определить понятие психологического будущего (перспективы), которое остается достаточно неопределенным при наличии большого числа работ в этой области. Одни определяют будущее относительно прошлого и настоящего, другие - с точки зрения его структуры, третьи - ценностного содержания. Мы предлагаем различать психологическую, личностную и жизненную перспективы как три различных понятия.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА - это когнитивная способность предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем. Эта способность, как показывают наши исследования, типологически варьирует.

ЛИЧНОСТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА не только когнитивная способность предвидеть будущее, но и целостная готовность к нему в настоящем, установка на будущее (например, готовность к трудностям в будущем, к неопределенности и т. д.). Такая перспектива может иметь место даже у личностей с когнитивно бедным, нерасчлененным, неосознанным представлением о будущем. Личностная перспектива открывается при наличии способностей как будущих возможностей, зрелости, а потому готовности к неожиданностям, трудностям, присущего ей потенциала, способности к организации времени.

Психологической перспективой обладает тот, кто способен предвидеть будущее, кто видит личностную перспективу, имеет жизненный опыт, личностный потенциал.

ЖИЗНЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА включает совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают возможность оптимизации дальнейшего жизненного продвижения. Как было отмечено, это может быть не зависящая от личности включенность в более развивающие, более перспективные сферы

---

⁴⁴ Мы бы добавили: «...и самоотдачи». Думаю, и А. Швейцер, и А.А. Ухтомский возразили бы против трактовки «самовыражения» как стержневого жизненного мотива. (См.: Из неопубликованных глав - 1 (Глава 7).

общественной жизни, которые сразу выводят личность на другой уровень и масштаб жизни, но чаще всего жизненная перспектива открывается тому, кто сам создал систему оптимальных (т. е. имеющих множество возможностей) жизненных отношений, систему опор, которые обладают все возрастающей ценностью. Совокупность таких опор и отношений, которая гарантирует все возрастающую ценность жизни личности в будущем, расширяет ее возможности, мы назовем **ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИЕЙ**. Такая жизненная позиция детерминирует будущее личности. Определенные жизненные рубежи, достигнутые человеком, в последующем способствуют ускорению его жизни, требуют в будущем меньше усилий, в некотором смысле «обеспечивают» его будущее. Обладая личностной перспективой, человек при отсутствии такой выработанной позиции может быстро исчерпать свои личностные возможности, способности, попадая в зоны жизни, насыщенные трудностями, противоречиями, или, напротив, бедные событиями, не способствующие развитию, подобно сенсорно бедному полю.

Если развитие есть потенцирование, резервирование времени (и тем самым создание предпосылок будущего в настоящем), если способность к регуляции и организации времени есть основа личностной готовности к будущему, то позиция личности есть вторичное жизненное образование. Активность как качество субъекта жизни связана именно с жизненной позицией.

Личность как субъекта жизненного пути характеризует, кроме уровня развития и активность.

Если развитие есть потенцирование и резервирование времени, если переживание ценности есть способность умножения, присвоения времени личностью, если способность к организации времени есть его оптимальное использование, то активность есть практически-действенная форма его реализации. Авторы концепции психологического времени часто сводят этот аспект к субъективному времени, к представлениям, целям, будущему и т. д. Однако личностное время - это и объективный способ реализации субъективного, форма, интенсивность и качество его реализации, т. е. **АКТИВНОСТЬ**. Динамической характеристикой обладает не только побуждение, мотив, но и личностный способ реализации - поступок. Но поступок есть не только реализованный мотив, а активность - это не только форма выражения потребностей.

Понятие активности может быть полностью раскрыто тогда, когда объективные условия реализации потребностей рассматриваются не как данные в готовом виде, т. е. наличные, уже адекватные потребностям, но и как препятствующие их удовлетворению, не соответствующие им и т. д. Активность выступает тогда как преобразование, формирование, преодоление встречных детерминирующих тенденций. **АКТИВНОСТЬ ВОЗНИКАЕТ НА СТЫКЕ ДВУХ ВРЕМЕН, ДВУХ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ - СУБЪЕКТИВНОЙ И ОБЪЕКТИВНОЙ**. Она предстает как разрешение противоречий между этими временами, как поиск соответствия между ними, как их сопряжение.

Активность должна быть определена как реальная организация времени жизни, а не только способность к ней. Организация времени жизни - это структурирование объективных - общественного и природного времен, преобразование их воздействия, снятие ограничений, расширение возможностей, изменение направлений. Активность есть реальное умножение, расширение, наполненность времени жизни.

Это достигается различными путями: в одном случае - путем оптимального использования природных возможностей, в другом - это структурирование оптимально-индивидуального темпа жизни, деятельности. в третьем - путем определения своевременности включения личности в социальные процессы. Так, личность должна выявить логическую фазу и временной период события, в который нужно проявить активность, например, как ускорение этого события. За пределами этой фазы даже максимум активности ничего не меняет. Человек выбирает формы активности, которые нужны, чтобы предотвратить наступление событий или поддержать их развитие или

затормозить их ход и т. д. Максимум активности, приложенный в неадекватной форме, не может повлиять на развертывание событий. Из этих общих примеров очевидно, что **АКТИВНОСТЬ ЕСТЬ СОПРЯЖЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ, ЦЕЛЕЙ, ЦЕННОСТЕЙ И ОБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ.**

Анализ развития, способности к организации жизни во времени и активности как трех аспектов времени жизни личности обнаруживает, что существуют не сами по себе как таковые природное, социальное, индивидуальное времена, но разные формы собственно личностного времени. Так, развитию соответствует прежде всего потенциальное время, временной способности личности - наличное, заданное обществом время, активности - реальное время личности. Последнее - то время, соединенное с переживанием личности, которое становится реальной личностной ценностью.

Эти три личностных времени зависят от нее, но в разной мере подлежат управлению. Потенциальное время - время развития (в том числе и его темпы, периоды) - это время, которым личность может управлять непосредственно. Конечно, развитие способности к организации времени и развертывание активности непосредственно влияют на временные параметры развития личности. Способность к организации времени жизни есть способность к управлению, овладению временем. Одновременно она зависит также и от активности личности, т. е. от способа включения ее в социальные процессы, и от развития личности и ее потенциалов. Иными словами, **РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ЕСТЬ ПРОЦЕСС, КОТОРЫЙ СОДЕРЖИТ ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗРАСТАНИЯ ВРЕМЕНИ, НЕ ЗАВИСЯЩУЮ ОТ ЛИЧНОСТИ, ТОГДА КАК АКТИВНОСТЬ ЕСТЬ ФОРМА ОПТИМИЗАЦИИ САМОЙ ЛИЧНОСТЬЮ РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ, ЧТО ПРЕВРАЩАЕТ ЛИЧНОСТНОЕ ВРЕМЯ ЕЩЕ И В ЦЕННОСТЬ.**

Эти теоретические соображения позволяют выдвинуть гипотезу, что не существует как такового понятия биографического, индивидуально-неповторимого времени, что личностное время имеет вариативно-типологический характер.

Первоначально было проведено эмпирическое исследование и построена типология по двум основаниям: характеру регуляции времени и уровню активности. Первый этап построения типологии был проведен под нашим руководством В.И. Ковалевым на основании глубинного интервью, биографического метода и литературных материалов. На втором этапе был применен комплекс проективных методик, а также модифицированная методика С.Я. Рубинштейн для выявления соотношения реального и желательного времени и модифицированная методика Б.В. Зайгарник для выявления краткосрочного и пролонгированного эффекта незаконченности действия, т. е. краткосрочной и пролонгированной активности.

Выявились четыре основных типа регуляции времени: пассивно-ситуативный, активно-ситуативный, пассивно-продолгованный и активно-продолгованный по характеру регуляции времени жизни или ее отсутствию и активности.

1. **СТИХИЙНО-ОБЫДЕННЫЙ** тип регуляции времени: личность находится в зависимости от событий и обстоятельств жизни, она не успевает за временем, не может организовать последовательность событий, предвосхищать их наступление или предотвращать его, этот способ жизни характеризуется ситуативностью поведения, отсутствием личностной инициативы.

2. **ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДЕЙСТВЕННЫЙ** тип регуляции времени: личность активно организует течение событий, направляет их ход, своевременно включается в них, добиваясь эффективности, однако инициатива охватывает только отдельные периоды течения событий, но не их объективные или субъективные последствия; отсутствует продолгованная регуляция времени жизни - жизненная линия. Личность соотносится с событийным временем.

3. **СОЗЕРЦАТЕЛЬНЫЙ** тип: проявляется в пассивности, отсутствии способности к организации времени. Продолгованные тенденции обнаруживаются только в духовной, интеллектуальной творческой жизни. Понимание сложности и противоречивости жизни

или уход в сферу научных, общечеловеческих, исторических перспектив не позволяет проявить собственную активность.

4. **СОЗИДАТЕЛЬНО-ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ** тип характеризуется пролонгированной организацией времени, соотнесенной со смыслом жизни, с логикой общественных тенденций.

Построение полной типологии требует включения и третьего основания - развития, что даст большее число типов, однако такая типология требует лонгитюдинального исследования. Данная типология, построенная всего по двум основаниям, является не только типологией, но и ИЕРАРХИЕЙ: типы 1-й и 4-й представляют собой низший и высший уровни развития - наименее и наиболее оптимальные типы. Иными словами, данная типология может быть и определенным шагом на пути построения типологии по трем основаниям. (Хотя типы 2-й и 3-й не представляют собой иерархических уровней, что также требует специального исследования).

Данная типология служит диагностической цели, а также подтверждает исходное положение о зависимости личности от общественного времени, независимости последнего от личности и зависимости времени от личности. Однако это положение конкретизируется для каждого типа особым образом, т. е. в каждом варианте действует в разных пределах. Иными словами, каждый тип представляет собой не субъективные структуры личностного времени, а своеобразные способы связи зависимости-независимости общественного и индивидуального времени, а также **ОТНОШЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ-НЕЗАВИСИМОСТИ СОБСТВЕННО ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ ОТ ЛИЧНОСТИ**.

Данная типология позволяет понять, что только один из типов, последний, обладает способностью к целостной, пролонгированной регуляции и организации времени жизни, т. е. в подлинном смысле является субъектом своей жизни, наличие пролонгированной регуляции позволяет ему произвольно членить жизненные периоды, этапы в относительной независимости от объективного событийного ряда и придавать жизни целостность.

На основе данной типологии можно еще раз убедиться в ограниченности событийного подхода к жизненному пути: для первых двух типов жизненный путь выступает действительно как **СОБЫТИЙНЫЙ**, но он оказывается таковым исключительно в силу типа их личностной временной организации, которая имеет краткосрочный характер. Для двух последних типов жизненный путь представляет собой **НЕПРЕРЫВНУЮ ЛИНИЮ**, хотя и в их жизни, конечно, имеют место события.

Косвенно данная типология позволила выявить и ценность времени для каждого из типов, и то, как выявлять эту ценность. Например, для функционального типа как значимая выступает именно данная ситуация и данный момент его активности: за пределами того времени, когда дело сделано, она теряет свою ценность (и может быть даже забыта, стерта из памяти человека). Новый подъем активности, острота расчета момента действия, взвешивание соотношения внешних и внутренних сил привязаны к следующей ситуации (хотя сама ситуация во времени может быть достаточно длительной, а продлевать ее значимость может и сам человек в силу своей активности).

Для пролонгированного типа существует скорее вневременная ценность, т. е. для него значимость времени выходит за пределы его личной жизни вообще; это может быть **ВРЕМЯ НАУКИ, ИСКУССТВА, ИСТОРИИ** (описание этого типа дал в свое время еще К. Юнг). Для него ценность времени - это не ценность того или иного способа жизни, тем более не способа действия, а переживание ценности самого человеческого бытия, вечного, **ВНЕВРЕМЕННОГО** проявления человеческого духа. <...>

(Абульханова-Славская К.А. Личностная регуляция времени / Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь». М., 1990. Цит. по: Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб, М., Харьков, Минск: Питер, 2000, с. 284-294).

Ремарка: жизнь сама по себе - целостна!

См. также другие работы К.А. Абульхановой-Славской: «Диалектика человеческой жизни» (1977); «Деятельность и психология личности» (1980); «Стратегия жизни» (1991).⁴⁵

При солидарности с основными положениями цитированной выше работы, выразим сомнение по поводу интерпретации предложенной К. А.-С. типологии личностной регуляции времени как **иерархии** типов.

Вызывает возражения также слишком категоричное (на наш взгляд!) утверждение, что **только один** из типов такой регуляции придает жизни, как таковой, целостность. Если бы это было так, то пришлось бы отказать в «целостности жизни» большинству Гениев человечества.

Вообще, целостность, с нашей точки зрения, есть не только идеал, но и - в определенном смысле - **НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ ЖИЗНИ** (всякой жизни, жизни как таковой!).

Другое дело, что высочайшие примеры личностного самоосуществления и духовного и / или практического воздействия на мир часто являют собой носители как раз созидательно-преобразующего типа отношений со временем, т.е. «властители» времени своей жизни.

(Ср. с постановкой вопроса у В.Н. Муравьева: «Овладение временем как задача научной организации труда».)⁴⁶

Выше подробно рассматривался «случай» А.А. Любичева.⁴⁷ Из современных примеров хочется указать на уникальный феномен «овладения временем» и жизненной самоорганизации Александра Исаевича Солженицына. (Декабрь 1999).

И.В. Баландина

15.2. «ВОСПОМИНАНИЯ - ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЙ, ИЗ КОТОРОГО НЕТ ИЗГНАНИЯ...»

= Несколько вступительных слов

О давнем и дорогом друге, учительнице литературы в школе рабочей молодежи, а позднее - руководителе литературного объединения «Лира» в г. Волхове, с которой судьба свела еще в начале 1960-х гг., - **Ирине Владимировне Баландиной** (ныне покойной. - А. А. 2013) уже рассказывалось в «Драматической социологии...».⁴⁸

---

⁴⁵ Ряд фрагментов из книги К.А. Абульхановой-Славской «Стратегия жизни» были включены в ДСиСА – 3 (Глава без №).

⁴⁶ См.: ДСиСА. Из неопубликованных глав. Том 1 (Глава 7).

⁴⁷ См. там же.

⁴⁸ См.: ДСиСА – 1 (Приложения к части 1).

Цитирую оттуда:

«...Гурий познакомил меня со своими любимыми учителями — Еленой Васильевной Вонсик и Ириной Владимировной Баландиной. Елена Васильевна была уже в весьма преклонном возрасте (она скончалась в 1975 г.), а Ирина Владимировна преподавала литературу в вечерней школе. Среди инженеров и рабочих Волховского алюминиевого было много их учеников, но Гурий был их любимцем. Именно они, эти две учительницы, как рассказывал Гурий, разбудили в нем серьезные гуманитарные интересы, так что рабочий-литейщик стал позднее преподавателем философии.

Мы тесно подружились, часто встречались вчетвером... Это общение (обычно на квартире Е.В.) было настоящим пиром ума и праздником души. Приобщение к возвышенному... Помню, некоторые из встреч превращались в импровизированные литературные вечера: Ирина Владимировна замечательно декламировала стихи. Елена Васильевна относилась к Гурию и ко мне как к сыновьям.

А когда я уехал из Волхова (в 1964 г.), связь поддерживалась ставшими уже более редкими встречами, а в основном — перепиской, к сожалению, не очень регулярной (по моей вине). В частности, в

Случилось так, что, когда в прошлом (2000. – А. А.) году И.В. тяжело заболела и вынуждена был переехать из Волхова к сыну Александру и его супруге Галине в Петербург,, оказалось утрачено самое ценное из «имущества» интеллигентного человека: любимые книги, альбомы с фотографиями, конспекты и рукописи, письма от близких людей, короче - весь личный архив.

Сейчас, живя у родственников в Санкт-Петербурге, Ирина Владимировна очень страдает без всего этого. И мы с моей женой Зинаидой Вахарловской стараемся, в меру наших сил (и кажется, не безуспешно!), помочь «воспрянуть духом» милому нам человеку.

Ирина Владимировна слаба физически; но она может, хоть и с трудом, самостоятельно гулять возле дома (она теперь живет в районе метро «Дыбенко»), читать, писать, разговаривать. И общение с нею - праздник для тех, кто готов черпать из этого животворного источника души и интеллекта.

...Вниманию читателя предлагаются записки (пока - только начало, несколько страничек!) И.В. Баландиной, которые она сочиняет, по нашей с Зиной просьбе, иногда - по несколько строчек в день.

«Эти записки - нужны и ценны!», - убеждали мы Ирину Владимировну. «Кому?» - спрашивала поначалу И.В. (Уже не спрашивает!). Я отвечал словами любимого ею Тютчева: «Нам не дано предугадать...».

Теперь в наших дружеских встречах в доме с видом на Неву, на Малой Охте (примерно раз в месяц родственники отпускают И.В. к нам на денек, «погостить») появился «деловой» момент: за полчаса-час я успеваю набрать в компьютере очередные пару страниц, написанных разборчивым (хоть рука и «дрожит»...) учительским почерком.

Шутя, я окрестил эти, поначалу отрывочные заметки - «камешками на ладони» (вспомнив В. Солоухина). Пока сегодня вдруг И. В. меня не поправила: «Пусть будет: ЧАСТИЦЫ БЫТИЯ!». Да, это точнее и, вместе с тем, многозначнее.

А название этого раздела не мною выдуманно. С этих слов свои записки начала сама Ирина Владимировна. (14.01.2001).

= Из записок И.В. Баландиной (2000)

Частицы бытия

Воспоминания – это единственный рай, из которого нет изгнания... Ностальгия по детству: деревенской околице, деревянному мостику, полоскам цветущего льна, желтеющей ржи с васильками... Душа навсегда осталась в этом раю.

ОТРОЧЕСТВО - арка в жизнь. В нем тоже немало света. А вся сознательная жизнь: голодное студенчество, война, послевоенные годы прошли в условиях медленного распада. Природа, экология, даже климат - все разрушается, деградирует, умирает. Что близко и дорого...

Правда, на каждом отрезке жизни были свои радости и печали. О некоторых, вернее - нескольких, хочется вспомнить, и записать, пока совсем не забылось.

ЖУРАВЛИ. Мне семь или восемь лет. Мы с отцом на прогулке в лесу. (Вся наша семья любила природу с нежностью, радостью, болью...). Весна. Сначала грязная, с веселыми лужицами, дорога. Затем небольшая разлившаяся речушка. За ней отлогая поляна, на ней только что прилетевшая стая журавлей, ТАНЦУЮЩИХ ЖУРАВЛЕЙ. Потом я видела, как танцуют улетающие или прилетающие крупные птицы. Но это - первое.

письмах И. В. рассказы о житейских буднях и деликатное руководство кругом чтения адресата перемежалось стихами, которые, при встрече, «забыла Вам с Гурием почитать»...».

МЫ С МАТЕРЬЮ В ЛЕСУ. Июнь-месяц. Цветок. Опушка леса усыпана жемчугом. Как его много! Мои любимые, не просто любимые, а самые любимые цветы - Ландыши. В тени, в лесу крутые, на полянках помельче. Аромат изумительный. Форма каждого маленького колокольчика изысканна. Висят на стебельке, смотрят вниз. На каждом стебельке от 5-6 до 12 жемчужинок. (По-видимому, никогда не увижу... Разве во сне).

ЛОВЛЯ РЫБЫ. В реке, на которой я выросла, когда-то ловилось много рыбы. Утром в 5-6 часов меня будит отец - проверять переметы, поставленные поздно вечером. Мое дело - грести. Отец на корме медленно выбирает перемет. Попадала крупная и мелкая рыба. Сомы, лещи, судаки. Мелкую отпускали плавать, расти, крупная составляла летнее питание семьи. Экономика была трудной. Быстрая и широкая, историческая река Волхов питала нас и многие семьи. Шла первая пятилетка. Возводились ... *[неразб. - А. А.]* чудогиганты... *[Приписка И.В.: «добавить». - А. А.]*

НАША СЕМЬЯ. Отец (директор школы) Владимир Степанович Баландин (1882-1945). Мать - Любовь Николаевна - учительница (1896-1983). Братья - Володя и Женя, чуть младше меня (погибли на войне). Бабушка Софья Ивановна.

Жили в селе Гостинополе, хорошо известном в истории. Расположено за 30-35 км. от Новой Ладogi, вверх по течению *[Волхова. - А. А.]*.

Как ни трудна была жизнь, но детство и отрочество - это самые отрадные воспоминания в моей жизни. Летом - работа на колхозном поле, зимой - школа. Десятилетку я окончила в г. Волхове, в 1937 году. Затем - пединститут им. Покровского.

Училась всегда хорошо. Даже в 5-7-м классах пользовалась вниманием своих одноклассников, хотя была маленькой, хрупкой, невзрачной и болезненной девчонкой, к тому же застенчивой и скромной.

...Мои излияния напоминают сочинение ученицы 7 класса. Но все же вспоминаются маленькие радости и большие горести школьного и институтского периода.

ПОДРУГИ. Из их множества было по существу только три, до конца жизни. Люда Львова (с 7 лет до 97 г.). Катя Степнова (с 8 класса по сей день). Ида Фарбер (с 1 курса института по сей день).

Вспоминаются стихи (Ботвинник или Смеляков):

«Приятели всегда хватало.
Общителен по нраву я .
Друзей же было очень мало.
На то они и есть друзья».

(По нраву я не общительна).

[Записки были поначалу фрагментарными... Это смущало И.Б. Я говорил: «...Их не надо поправлять, редактировать, «выстраивать». Пусть эти записки растут - как ландыши на поляне. Пусть будут - как танцующие журавли. Все - само собой «организуется»...». - А. А.]

ШКОЛА. Волховская средняя школа. Только что построенное, громадное по тому времени здание. Много классов 1-х - 7-х. Старших мало. Обучение в них платное. 8-й, 9-й, 10-й классы - по одному. Учились хорошо, с желанием и интересом. Среди учителей было много старых, работавших еще в гимназиях. Старшие классы - маленькие по числу учеников. Наш первый выпуск - всего 15 человек.

Оценки у меня были отличные по всем предметам, но любила я литературу и историю и собиралась на литфак по окончании, что и произошло. Спасибо школе! <...>

СТУДЕНЧЕСТВО. Я - студентка Педагогического института им. Покровского, литературного факультета. Все необычно, все так ново, все интересно. Расписание занятий, названия дисциплин завораживают: античная литература, античная история, древнерусская литература, древнерусский язык (а на втором курсе была и латынь), психология, история педагогики... А преподаватели какие! Городецкий Б.П.,

Рождественский (читал историю России), Лир, Шнирман, Берковский, Рифман, Якубинский, Рубцова... Все, чему учили, не скоро перечислишь. Всем, кто учил нас, - низкий поклон!

(Иногда преподаватели внезапно исчезали. Время такое...)

Учение мое шло успешно. В дипломе за весь институтский курс, кроме двух четверок, все оценки отличные.

Мои ответы на гос. экзамене по русской литературе очень понравились экзаменаторам. Б.П. Городецкий пригласил меня поступать в аспирантуру.

...Не хочется вспоминать все экономические трудности, горькие дни, а их было немало. <...>

РОДИТЕЛИ. Моя мать родилась, уже упоминалось, в 1896 году, в уездном городке Тотма, б. Вологодской губернии. Ее отец (мой дед) был художник-богомаз. Расписывал церкви в округе и в городе, считался хорошим художником. Ерехинский Николай (отчество забыла). Умер рано, в 33 года («...от чахотки, от водки, раньше срока угас...»). Бабушка Софья, мать моей мамы, одна поднимала двоих дочерей. Прачка, кухарка, нянька... Неграмотная женщина - вытянула.

Мама окончила Тотминскую гимназию с восьмым педагогическим классом. Учась в старших классах, занималась репетиторством купеческих детей. Получала небольшую стипендию (Цесаревича или княгини Ольги - не помню). Ее жених погиб в Первую мировую войну. Работать ее направили в село Шуйское (Вологодской губернии).

Отец - Баландин Владимир Степанович - родился в селе Гостинополье, был четвертым сыном в семье Баландиных. Дед (отец отца - Баландин Стефан Максимович) - выходец из Ярославской губернии (мой дед по отцу). Портной. Как мастер, пользовался успехом на селе. Имел четырех сыновей. Только один, младший, Баландин Владимир Степанович, получил образование. Он окончил Гатчинское педучилище, затем Главный педагогический институт в Петербурге. Учился «на медные деньги», жил частными уроками, при этом помогал еще старой матери. В институте ему дали стипендию (был за успеваемость «казеннокоштным студентом»).

Окончив пединститут, отец работал в мужской гимназии в Вологде. На фронт в 1914 г. его не взяли из-за зрения. После Окт. революции его направили в село Шуйское организовывать народную школу. В этом селе, в этой школе, он встретил мою мать. Поженились. Переехали ближе к родине. Работал директором колонии типа макаренковской в Андрееве (30 км. от Волхова).

Потом мы жили в Гостинополье, его родном селе. Закончил жизнь в Волхове в 1945 г., жил 63 года. Умер в лодке: ловил рыбу, сделался удар.

О своих дедах помню мало. Никогда их не видела. О родителях - многое. Отец был всегда занят заведыванием школой, общественной работой, конструировал радиоприемники, физические приборы. Мать работала в школе, вела драматический кружок на селе. Она уделяла нам больше внимания. Мы, дети, были больше привязаны к ней.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ. Очень часто вспоминаются некоторые эпизоды из нашей семейной жизни, из нашего детства. С годами все проходит. «Как о воде протекшей будешь вспоминать...» (из «Книги Иова»). Вот она, протекшая вода.

Вечер. В одном из классов школы топится большая круглая печь. От нее тепло и светло. На углях чугунок с картошкой. Ждем (мы, дети), когда она сварится. А мама рассказывает нам «Ундину» Жуковского, читает наизусть сказки и поэмы Пушкина, басни Крылова... С тех пор много воды утекло. Сами вечера эти кажутся сказкой.

ДАРЫ ЛЕСНЫЕ. С матерью, реже с отцом или с бабушкой, отдана дань лесным походам. Не было у нас ни сада, ни огорода, но зато избеганы все ближние леса. В отрочестве своем, да и не только в отрочестве, в любую пору жизни, собирала и землянику, и чернику, и малину, и бруснику, и грибы (даже белые). Рвала ромашки на

лугах, доставала лилии из речушек и канав. Хочется, как некогда Иоанн Дамаскин, петь гимны природе. «Благодарю вас, Леса и голубые небеса...».

И. Баландина, октябрь-декабрь 2000

[Продолжение записок Ирины Владимировны Баландиной следует. Но уже - за пределами этой книги. - А. А.]

Р.Г. Баранцев

15.3. ПУТИ ВЫХОДА ИЗ ПЛЕНА БИНАРНОЙ ПАРАДИГМЫ

Несколько вступительных слов

С моим другом, математиком и философом, профессором математико-механического факультета Санкт-Петербургского университета **Рэмом Георгиевичем Баранцевым** читатель уже не раз встречался на страницах «Драматической социологии...».

См., в частности: ДСиСА -1 (Глава 5); ДСиСА – 2 (Глава 8; Приложение к главе 8); Из неопубликованных глав. Том 1 (Глава 7). См. также: ПС-2 (раздел 7.5).

Из вышеперечисленного см. особенно композицию извлечений из теоретико-методологических трудов Р. Баранцева 1980-1990-х гг., посвященных проблематике тринитарной методологии: «Р.Г. Баранцев. Фрагменты о системных триадах» (ДСиСА – 2, Приложение к главе 8).

Уже в середине 2000-х вышла в свет обобщающая монография: Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М. - Ижевск: РХД, 2005.

Наиболее компактно справочная информация о Р.Г. Баранцева представлена в нашей публикации на «Когита.ру»: «Р. Баранцев. Избранные тексты». ⁴⁹

Ниже – две работы Рэма Баранцева рубежа 1990-2000-х гг, а также несколько позднейших работ.

А. А. Июль 2013

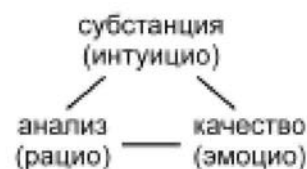
...Познание движется не только рациональной дорогой. Наше мышление способно оперировать и четкими понятиями, и художественными образами, и размытыми символами одновременно. Соответственно, выделяются рациональный, сенситивный и интуитивный способы познания. Иными словами, можно говорить об аналитическом, качественном и субстанциональном аспектах мышления. Постулат о равноправии и единстве этих сторон ведет к следующей структурной формуле:

---

⁴⁹ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/rem-barancev-izbrannye-teksty>.

Преамбула этого материала:

«Рэм Георгиевич Баранцев – петербургский математик и философ, один из ведущих отечественных специалистов в области синергетики, профессор матмеха СПбГУ. Собрание его философских и методологических трудов, а также уникальная композиция эпистолярных хроник и других «крупниц памяти» - ныне легко доступны в Сети».

Такая триада, названная нами системной, оказалась весьма плодотворной при исследовании целостных объектов. Она помогает сознательно контролировать полноту описания и позволяет дополнять отдельные монады и диады до целостных комплексов. Интересны также классификационные и дефинитивные функции этой структуры. <...>

Триадические конструкции системного типа имеют глубокие исторические корни. Встречаются они и в современной литературе <...>. Но доминирует в настоящее время диадная схема мышления. Поэтому восстановление триадного сознания требует значительных усилий и качественной перестройки...

Р. Баранцев (1982)⁵⁰

(1)

= Из сборника «Синергетика, философия, культура» (2001)

Явление цвишенизма в социальных кризисах

Не мир тесен, а слой тонок.
Л. Кербер ([1], с. 7)

Прошлое и будущее всегда легче поддаются идеализации, чем настоящее. Там был и будет порядок, а здесь сегодня - хаос. Можно, конечно, и на сегодняшний день взглянуть в усредняющем внешнем масштабе, но тогда окажется, что **жизнь - только миг** и придется согласиться с поэтом, что **на свете счастья нет**, удовлетворившись тем, что **есть покой и воля**. А в человеческом масштабе повседневности **покой нам только снится**.

Социум - людская суeta. Но складывается вдруг множество малых движений в одном направлении и появляются крупномасштабные сдвиги. Однако эти эмерджентные плоды самоорганизации не обязательно прогрессивны. Явления лазера, лавины, толпы вызывают скорее ужас, чем восхищение. Эффект когерентности, будучи главной мишенью синергетики [2], по-прежнему остается загадочным.

Переходные ситуации встречаются человеку и в нормальном режиме жизни: поступление в вуз, свадьба, таможенный досмотр и т.п. Но как должна чувствовать себя щепка, увлекаемая грозным аттрактором? Вспоминая о спокойном прошлом и мечтая о лучшем будущем, несчастный атом хаоса являет собой тип человека, который социологи называли **гомо цвишенс** (от нем. zwischen - между) [3; 4].

1. Переходные слои

Гетерогенная среда - не событие, а норма. Однородные участки заведомо ограничены: и в пространстве, и во времени, и в масштабе.

Можно различать следующие типы переходных зон:

1) **Горизонтальные** слои - между областями одного уровня общности в семантическом пространстве: поверхности фаз, границы государств, стыки наук и т. п.

⁵⁰ См. ДСиСА – 2, с. 180.

Здесь происходят междисциплинарные взаимодействия, устанавливаются правила общения, рождаются продукты симбиоза (геохимия, биофизика и пр.).

2) **Вертикальные** слои - между разными уровнями общности. Через них взаимодействуют целостности разных масштабов. Таков, например, кинетический слой между молекулярным и газодинамическим уровнями. Или бюрократический аппарат, отделяющий человека от высших органов власти.

3) **Внешние** слои - между известным и неизвестным, на границе знания. В такие слои заглядывают творцы типа Е. Геделя, М. Эшера, И. Баха, которых Д. Хофштадер объединил в своей книге [5] по способности постигать и преодолевать собственные пределы. Уровень общности здесь оказывается подчиненным параметром.

В синергетике обычно имеется в виду слой вертикальный, между микро- и макроуровнями. В таких слоях происходит перестройка мира с одного масштаба на другой. Здесь встречаются разные законы, действуют смешанные языки, рождаются новые смыслы [6]. Но для понимания механизма этих процессов концепции только вертикального слоя недостаточно. Цвишенсы взаимодействуют также между собой и плутают на грани осознаваемого, оказавшись в полосе междуцарствия, без надежных ориентиров и привычной шкалы ценностей. Потеряв представление об определенном **русле жизни**, человек прекращается в **джокера** [7].

Жить в эпоху перемен действительно опасно. В Китае, например, такое могли пожелать разве что недругу. В России отношение к перестройкам иное, скорее восторженное, чем опасливое. Можно вспомнить Тютчева (**Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые**), Горького (**Пусть сильнее грянет буря**), Ленина, наконец, которые «никогда не чувствовал себя так свободно и легко, как в эпоху революционных потрясений» ([8], с. 101). А вот как пишет на этот счет В.И. Вернадский: «Мы переживаем не кризис, волнующий слабые души, а величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия... Стоя на этом переломе, охватывая взором раскрывающееся будущее, - мы должны быть счастливы, что нам суждено это пережить, в создании такого будущего участвовать» ([9], с. 255).

2. Одномерные тупики

Участвовать! - ибо безучастно в ноосфере не окажешься; лежа на печи, в нее не въедешь. Но ведь не всякая активность ведет к подъему. Можно ненароком и навредить. А барахтаться как притчевая лягушка тоже ведь не очень достойно. Да и в сметане ли? Как ни крути, нужно иметь цель.

И целью становится поиск **золотой середины** между всяческими крайностями, строительство вожделенного центра. В бурной центристской деятельности забыто предупреждение Гете о том, что между двумя противоположными мнениями находится не истина, а проблема. Третье - необходимо, но поиски его ведутся почему-то на той же оси, которая задается двумя крайними точками. Потому, видать, что, вырвавшись из мира линейных уравнений, синергетика продолжает оставаться линейной, и тем самым одномерной, в структурах, порождаемых бинарной идеологией. Бинаризм - мощное орудие традиционной аналитической парадигмы, и стереотипы его оказались сильнее, чем хотелось ожидать. Попытки переключения с бинарной системы на тернарную мечутся пока в пределах вырожденных, линейных, одномерных триадических схем, как вагонетка в рельсовом тупике. [10].

Ущербоность тупиковой одномерности особенно ярко проявляется в тех талантливых исследованиях, где изобретательность анализа вызывает горькое восхищение.

М.Н. Эпштейн [11], переходя от двоичной модели к троичной, ищет, прежде всего, **золотую** середину: «русской культуре необходимо какое-то среднее пространство (с. 206), «третье - нейтральная зона между святым и грешным» (с. 202), «область естественного лежит между небесной областью сверхъестественного и инфернальной областью

протivoестественного» (с. 207). Но середина, раздвинув крайние позиции достаточно далеко, может захватить все пространство, так что наступает медиократия, расцвет мещанства. Возникает новая оппозиция: либо демонизм как сверхнапряженное отношение полюсов, столкновение ада с раем, либо господство серости, пошлости, скуки. Вместо середины в качестве третьего можно брать синтез, снимающий противоположность тезиса и антитезиса. Но гегелевская триада лишь декларирует снятие противоречия, не раскрывает его движущей структуры. И если ни медиация (нейтральная зона), ни тотализация (слияние противоположностей), то остается «прямая интеракция и инверсия полюсов» (с. 213). История русской культуры при этом выглядит как «бесконечная серия вывертов и надрывов», а переход от бинарной модели к тернарной - как не уход с распутья, а его дальнейшее углубление и новое осознание его безвыходности (с. 176). Поймет ли читатель, что эта обреченность - свойство не русской культуры, а одномерной модели?

Жиль Делез [12], различая события, происходящие с вещами, и предложения, описывающие эти события в языке, ищет смысл в слое между означаемым и означающим. Поместив его на этой оси, нетрудно видеть, что «смысл, с одной стороны, есть атрибут жизненных ситуаций, а с другой - содержание мыслимых предложений» (с. 159). Не имея сторонних источников, приходится обходиться двумя заданными, нагружая смысл «с обеих сторон - и как выраженное в предложении, и как событие, происходящее в состояниях тел» (с. 157). Но в какой пропорции? Меры - нет. И, гуляя от одного полюса до другого, предполагаемый смысл оказывается то в предложении (с. 219), то в событии (с. 252). Жиль Делез, философ, которого Мишель Фуко рискнул назвать знаковой фигурой нынешнего века (с. 9), тоже не избежал плена одномерной модели.

Ф.И. Гиренок [13], теряя состояние целостности при скольжении по масштабам в переходных слоях, находит утешение в бичевании читателя скептическими парадоксами, построенными тоже на безысходности одномерных представлений. С позиций подсознательного детерминизма неопределенность диады становится нестерпимой, различие переходит в разделение, взгляд рассеивается, парадоксы вырастают до абсурда. <...>

Одномерное мышление не только ущербно; оно агрессивно и опасно. Ибо несет в себе гибельный антагонизм, чреватый социальными взрывами. В одномерном мире всякое качественное изменение протекает как «радикальное отталкивание от предыдущего этапа... выворачивание старого наизнанку» ([14], с. 221). «Мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего и апокалиптического рождения нового» ([15], с. 268). «Взрывы - неизбежный элемент линейного динамического процесса» (с. 257). «Это... суровый диктат бинарной исторической структуры» (с. 270). «Русская культура осознает себя в категориях взрыва» (с. 269).

Россиеведение и по сей день продолжает оставаться в тисках одномерного мышления, выводя отсюда метания, распри, раскол российского общества. Вот, например, взгляд А.С. Ахиезера: «Россия - промежуточная неорганическая цивилизация, где спор двух основных цивилизаций разрывает ее тело и душу, порождая катастрофы, угрозы ее существованию» ([16], с. 24). Задавая место России между Востоком и Западом не только в географическом, но и в смысловом пространстве, такие социологи кроют российские характеристики путем линейной комбинации свойств Востока и Запада, вместо поиска собственных корней и утверждения самобытных качеств.

3. Пространство смыслов

Испытание цвишенизмом ниспослано человечеству видимо для того, чтобы произошла «глубокая моральная перестройка духа и смысла человеческой культуры, обретение нового смысла существования» ([17], с. 368). Переход к новой стратегии жизни Н.Н. Моисеев называет «самой фундаментальной проблемой науки за всю историю человечества» (с. 364).

«Храбрым каждый раз надо быть заново», - говорил Антуан де Сент-Экзюпери. И новая храбрость может очень отличаться от прежней самоотверженной драки с очевидными врагами. В переходном слое истории нет четкого разделения на своих и чужих, привычные ценности перемешаны, никакой выбор не внушает уверенности. Меняется не сторона баррикады, не наклон маятника, не цвет знамен, а сама постановка глобальной проблемы, решение которой необходимо для входа в ноосферу.

Эта проблема - в переходе от анализа к синтезу, от разделения к единению, от вражды к сотрудничеству. Проблема освобождения от бинарной идеологии. Необходимость такого шага в принципе уже осознается [18; 19], но его структурное решение [20] все еще остается неосвоенным. Суть в том, что на оси, образуемой в смысловом пространстве противоположными мнениями, происходит лишь столкновение интересов, но нет условий их совмещения, критерия разрешимости, меры компромисса. Для этого нужен выход в новое измерение семантического пространства, освоение тринитарной методологии [21], которое начинается с различения вырожденной, переходной и системной троичных структур. Освобождение от бинарной методологии становится возможным на основе системной триады, где каждая пара элементов находится в соотношении дополнительности, а третий задает меру совмещения. При этом существенно помогает универсальная семантическая формула **рацио-эмоцио-интуицио**, имеющая глубокие архетипические корни.

Таким образом, храбрость сейчас должна проявиться в том, чтобы не побояться шагнуть в новые измерения смыслового пространства, которые как раз и формируются в переходных слоях, где большие градиенты способствуют смелым движениям. Но смелость должна быть метафизической, ибо без нее многомерные структуры останутся формальными схемами, которые не способны раскрыть тайну когерентного эффекта самоорганизации. Переход к многомерности станет качественным расширением сознания, когда каждое измерение будет восприниматься не по отдельности, а совместно, в целостном единстве. Главная трудность здесь - в привычке к одномерным вербальным текстам. Но существуют и пространственные тексты, позволяющие «представить в форме, доступной непосредственному созерцанию, целостные структуры, которые в вербальном языке и других семиотических системах имеются лишь имплицитно» ([22], с. 155).

Вопрос о числе измерений, требуемых для достижения целостности, тесно связанный с числом управляющих параметров, в какой-то мере зависит от индивидуальной природы рассматриваемого объекта. Но существует и общий критерий, диктуемый универсальной семантикой системной триады. Тернарная структура, необходимая для синтеза, окажется и достаточной, если удастся скомплексировать существенные факторы по тринитарному образцу [23]. Тогда работа по свертке разнообразия, отсеиванию мелочей, сжатию информации в макропараметры будет проходить целенаправленно, подтверждая, что «триединое... и есть логика целого» ([24], с. 238). Таким образом, проблема, порождаемая хаосом переходного слоя, состоит в освоении новых измерений смыслового пространства, их комплексировании и испытании на целостность.

С расширением сознания меняется сама постановка вопросов. Искусственная проблема первичности замещается естественной проблемой сосуществования. На смену альтернативности приходит целостность. И место России находится не между рациональным Западом и интуитивным Востоком, а в области эмоцио [25], где зреет спасительный импульс общенациональной энергии. Здесь, а не между адом и раем, находится чистилище.

Конечно, новые смыслы несут угрозу старым устоям и воспринимаются как опасности. Но они же несут и новые возможности, если вовремя сориентироваться в образующихся структурах. Чтобы воспринять и понять новые закономерности, нужно прежде всего поверить в их существование. Наука XVII-XX веков не стала бы открывать

законы, если бы не доверяла Природе. Пора распространить область доверия на ноосферу, сферу разума и духа, пространство смыслов [27].

Реализация возможностей опирается на витальный потенциал общества. Жив ли он в России? Способны ли мы избавиться от пресловутой склонности к крайностям, о которой говорили многие радетели русской культуры?

А.П. Чехов заметил, что русскому человеку середина неинтересна ([1], с. 426). Но это не удручает, а обнадеживает, так как интерес (*inter esse*), будучи свободным от привязки к середине, легче направляется в новые измерения.

И.П. Павлов, признавая несосредоточенность, пристрастность, фантастичность русского ума, не оставлял надежды на его способность посмотреть на себя и окружающее без самообмана [28].

Ю.М. Лотман, озабоченный взрывоопасной полярностью русской культуры, в отличие от западной, включающей нейтрализующую середину, [14] почему-то упускает из виду фольклор, насыщенный как раз тринитарными образцами, не вырожденными в одномерную схему.

Горячо болея за Россию, Н.Н. Моисеев восклицал: «Исчезновение чувства собственного достоинства русского человека, и не только русского, а гражданина России, - одно из самых мерзких преступлений большевизма и источник неисчислимых бед» ([29], с. 294). Но так ли уж безнадежно положение с достоинством, если вновь и вновь обнаруживается способность русского человека к жертве - «этому предельному проявлению человеческого достоинства ([30], с. 352). Политический нос и экономический хвост вязнут сейчас в нашей безнравственной реальности, ибо душа народа еще не прошла через очищающее раскаяние. Преемственность ответственности пока не стала императивом общественного сознания. «Если суждены нам... впереди революции не губительные, но спасительные, то они могут быть революциями нравственными», - справедливо полагает А.И.Солженицын ([31], с. 120).

Этические соображения при выборе аттрактора в спектре нелинейной структуры нашего социума оказываются существенными, ибо приходится иметь дело «с новым типом сложности, связанным с человеческой интуицией и человеческими эмоциями» ([32], с. 70). «Ориентирами здесь служат не только знания о возможных сценариях, но и, прежде всего, ценности и нравственные установки, предостерегающие от необдуманных и опасных действий» ([33], с. 25). Семантическая формула системной триады становится востребованной по существу.

Литература

1. Конецкий В.В. Эхо. СПб, 1998.
2. Баранцев Р.Г. Нелинейность-когерентность-открытость как системная триада синергетики // Мост, 1999, № 29, с. 54-55.
3. Харин Ю.А. Современный цвишенизм: реалии и перспективы человека как социоантропной тотальности // Субъективные притязания и объективная логика в развитии общества переходного типа. Гродно, 1998, с. 150-152.
4. Баранцев Р.Г. Испытание цвишенизмом // Страна культура. Владивосток, 2000, № 8-9, с. 11; Будущее России: новые нравственные императивы // Социология и общество. СПб, 2000, с. 282-283.
5. Hofstadter D.R. Godel, Escher, Bach: an Eternel Golden Braid. N.Y., 1999, 777 p.
6. Баранцев Р.Г. Бинарная наследственность, тернарные структуры, переходные слои // Синергетика. Вып. 3. М., 2000, с. 353-361.
7. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Джокеры, русла, или Поиски третьей парадигмы // Синергетическая парадигма. М., 2000, с. 353-361.
8. Ленин В.И. Краткая биография. М., 1955, 312 с.
9. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988, 520 с.

10. Баранцев Р.Г. Тупиковость одномерного воображения // Материалы конференции по социальному воображению. СПб, 2000, с. 98-101.
  11. Эпштейн М.Н. Русская культура на распутье. Секуляризация и переход от двоичной модели к троичной // Звезда, 1999, N 1, с. 202-220, № 2, с. 155-176.
  12. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995, 300 с.
  13. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М., 1998, 416 с. Синергетика и соборность // Онтология и эпистемология синергетики. М., 1997, с. 155-158. Археография события // Событие и смысл (Синергетический опыт языка). М., 1999, с. 67-78.
  14. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды, т. 1. М., 1994.
  15. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992, 272 с.
  16. Ахиезер С.С. Россия - специфическая цивилизация // Россия и Запад: диалог культур. Тверь, 1994, с. 22-24.
  17. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М., 1995, 376 с.
  18. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетическое расширение антропного принципа // Синергетическая парадигма. М., 2000, с. 80-106.
  19. Аршинов В.И., Редюхин В.И. Синергетический подход к управлению российским обществом // Синергетика и социальное управление. М., 1998, с. 152-164.
  20. Баранцев Р.Г. Дефиниции асимптотики и системные триады // Асимптотические методы в теории систем. Иркутск, 1980, с. 70-81.
  21. Баранцев Р.Г. О тринитарной методологии // Между физикой и метафизикой: наука и философия. СПб, 1998, с. 51-61.
  22. Чертов Л.Ф. Особенности пространственного семиозиса // Метафизические исследования. Вып. 11. Язык, СПб, 1999, с.140-155.
  23. Баранцев Р.Г. Комплексирование управляющих параметров // Логико-алгебраические методы в науке, технике и экономике. Ульяновск, 2000, с. 11-13.
  24. Григорьева Т.П. Синергетика и Восток // Синергетическая парадигма. М., 2000, с. 215-242.
  25. Баранцев Р.Г. О месте России в семантическом пространстве социума // 2-й Российский философский конгресс. Екатеринбург. 1999, т. 2, ч. 1, с. 128-130. Barantsev R.G. Russland - zwischen Ost und West? // Die Menschenrechte im interkulturellen Dialog. Bamberg, 1998, S. 125-140.
  26. Моисеев Н.Н. Можно ли говорить о России в будущем времени? // Наука и жизнь, 1998, № 1, с. 2-9.
  27. Павлов И.П.. О русском уме // Природа, 1999, № 8, с. 93-102.
  28. Налимов В.В. На грани третьего тысячелетия. М., 1994, 74 с.
  29. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня: свободные размышления, 1917-1993. М., 1994. 304 с.
  30. Налимов В.В. Канатоходец. М., 1994, 456 с.
  31. Солженицын А.И.. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир, 1998, N 9, с. 47-125, № 11, с. 93-153.
  32. Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века // Синергетическая парадигма. М., 2000, с. 56-79.
  33. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации // Синергетическая парадигма. М., 2000, с. 12-27.
- (Баранцев Р.Г. Явление цвишенизма в социальных кризисах / Синергетика, философия, культура. М.: РАГС, 2001)

**О месте России
в семантическом пространстве социума**

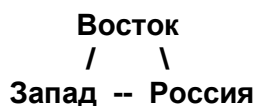
Структурирование происходит обычно в пространстве предметном, реже - в методологическом. Но существует и пространство смыслов, которое осваивается, например в работах В.В. Налимова, Н.Н. Моисеева, Г.В. Рязанова.

Большинство работ о судьбе России начинается с определения ее места между Востоком и Западом, причем переход из географического пространства в смысловое совершается беспрепятственно. При такой постановке вопроса создается впечатление, что характеристики России можно получить путем комбинации свойств Востока и Запада. Еще Гете заметил, что между двумя противоположными мнениями находится не истина, но проблема. Однако россиеведение по сей день продолжает оставаться в тисках бинарного мышления, выводя отсюда метания, распри, раскол российского общества:

«Организационная основа культуры всегда дуальна... Третье - срединное. Россия - промежуточная неорганическая цивилизация, где спор двух основных цивилизаций разрывает ее тело и душу, порождая катастрофы, угрозы ее существованию» (А. Ахиезер). Идейные блуждания, казалось бы, должны выводить в многомерное пространство социокультурных координат. Но расплодившиеся перечисления цивилизаций, менталитетов, свойств национального характера еще не свидетельствуют о расширении сознания. Ибо даже упорядоченное расположение в ряд остается одномерной структурой. Но в одномерном мире нет места синтезу. Для разрешения противоречий необходима мера, которая может появиться лишь при взгляде со стороны. Минимальная ячейка синтеза - системная триада, элементы которой априорно равноправны и каждый из них может служить мерой совмещения двух других, обеспечивая тем самым целостное единство. Этим она существенно отличается от триад линейных (вырожденных), остающихся одномерными, и переходных (гегелевских), лишь манифестирующих снятие противоречия, не раскрывая его движущей структуры.

Системные триады, сложившиеся в самых разных культурных традициях, обладают общим свойством: один элемент отражает аналитический аспект целого (рацио), другой - качественный (эмоцио), третий - субстанциальный (интуицию). В семантическом пространстве тем самым выявляются универсальные координаты.

Признавая за Востоком доминанту «интуицию», за Западом - «рацио», меру их совмещения очевидно следует искать в аспекте «эмоцио». Не эту ли роль играет Россия в поддержании целостности триады

Оглядываясь на классические триады: дух-тело-душа, добро-истина-красота, вера-надежда-любовь, воля-ум-чувство, видим, что специфика России там, где душа, красота, любовь. Именно эти понятия всегда ассоциировались с российским менталитетом. Чувство в России преобладает над умом и волей. Различая онтологию, гносеологию и аксиологию, стоит обратить внимание на аксиологический аспект русской философии. Для нее характерно не стремление к созданию завершенных систем, а нравственные искания и литературный стиль. Душу России сильнее всего выразили как раз писатели.

В России сейчас политический нос и экономический хвост вязнут в безнравственной реальности, ибо душа народа еще не прошла через очищающее раскаяние. По словам А. Солженицына мы должны строить Россию нравственную - или уж никакую. А пока - мы заслуженно терпим бесконтрольные, безнаказанные, безответственные власти, мечтая о государственном руководстве, которое будет

бескорыстным, мужественным, мудрым и высвободит животворящую самостоятельность русского народа, питаемую многовековыми традициями.

Тем временем душа России продолжает жить и трудиться. Искусство по-прежнему служит надежной опорой русского менталитета. Может быть, благодаря именно осознанию Красоты, и Наука, и Искусство, и Духовные учения объединяются под Знамя культуры и на русской земле создается Международная Лига Защиты Культуры, инициированная Н. Рерихом еще в 1931 году.

Говоря о помехах, стоящих на пути к Космическому сознанию, В. Налимов называет логизированность науки и догматизированность религии. Что касается искусства, то оно жестких преград не ставит, а как раз способствует объединению науки и религии в целостную культуру.

(Баранцев Р. О месте России в семантическом пространстве социума / 2-й Российский философский конгресс. Т. 2, ч. 1. Екатеринбург, 1999, с. 128-130).⁵¹

= А. Алексеев - Р. Баранцеву (июль 2000)

Рэм!

Предлагаю твоему вниманию фрагменты своей новой книги, имеющие более или менее прямое к Тебе касательство (от твоих собственных текстов до беглых, однако оценочных упоминаний твоей персоны). В общем, Ты тут - и «действующее лицо», и «собеседник», и «соавтор» (не только в этих кусках, но в них, в частности и в особенности).

...По извлечении этих разделов из полного текста книги, замечая, что они вместе складываются в какую-то брошюру (не без внутренней целостности). Впору поручить какому-нибудь студенту писать курсовую работу: «Образ Рэма Баранцева в книге Андрея Алексеева».

(Впрочем, так в старину назывались обычно школьные сочинения).

Так или иначе, жду твоего суда и РАЗРЕШЕНИЯ (на каковое - надеюсь),

Тв. Андр. Ал., 18.07.2000

[Ниже – (3), (4), (5) – уже более поздние, не входившие в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001), тексты Р.Г. Баранцева и / или о нем. - А. А. Июль 2013]

(3)

= Из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...»

«Дар следующим...» (Р. Баранцев)⁵²

Моему другу, профессору матмеха Санкт-Петербургского университета Рэму Георгиевичу Баранцеву принадлежит замечательная шутка: *«Впадать в мемуаризм надо раньше, чем в маразм, с упреждением»*. Он высказался так, уже написав и издав автобиографический цикл, который, строго говоря, мемуарами не является. Потому и пишу «мемуары» – в кавычках.

---

⁵¹ Подробнее эти мысли развиты в работе: Баранцев Р.Г. Находится ли Россия между Востоком и Западом? // Мир огненный, 1997, № 3/14/.

⁵² См. ПС-2 (Глава 7). См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/barantsev_alekseev.html.

Рассказывать о жизненном пути и многостороннем вкладе Р. Г. Баранцева в отечественную естественную и гуманитарную науку здесь не стану. Адресую только к двум сетевым ресурсам - персональным страницам Р. Б.:

- а) на сайте «Академии тринитаризма» <...>⁵³ и
- б) на сайте математико-механического факультета Санкт-Петербургского гос. университета <...>.⁵⁴

На первом – в основном философские труды, среди которых обобщающим является «Становление тринитарного мышления» (2005) <...>.⁵⁵ На втором - мемуарные сочинения. О них скажу подробнее.

Первая книга – *«История семиодинамики: документы, беседы, комментарии»* - вышла в 2006 г.⁵⁶ По жанру – это композиция личных, деловых и научных документов, посвященная истории становления семиодинамики, которую можно определить как ближайшую предтечу синергетики в нашем, отечественном, научном контексте. История – драматическая, поскольку организованный в свое время Р. Баранцевым семинар по семиодинамике в Ленинградском университете был разгромлен в первой половине 1980-х, сам Р. Б. стал объектом идеологических обвинений и преследования, а трудам семинара пришлось подождать издания свыше 10 лет.

Кратко эта история описана в очерке Я.А. Гордина *««Дело» Баранцева Психологический этюд эпохи позднего большевизма»*, опубликованном в журнале «Звезда», 2000, № 4. <...>.⁵⁷

Вторая книга - *«Крупицы памяти»* (2007)⁵⁸ - тоже неординарный мемуар. Р. Б. так его аннотирует:

«Воспоминания – единственная настоящая ценность, которая остается с нами, пока жива память. И надо успеть передать это наследие в фонд ноосферы, питая не архив исторических истин, а нескончаемый поток мыслей, проходящий через каждого человека. Жизнь продолжается как эстафета смысла. А истина (алетейя) есть отсутствие забвения... И тогда вечность - в каждом мгновении.

Книга воспоминаний – дар следующим».

Рэм Баранцев структурирует свои воспоминания и документальные свидетельства прошлых лет.

Сначала речь об ушедших – коллегах, друзьях, родных («Они – были»; яркие зарисовки, емкие характеристики, бережная память...). Потом – «пробежкой о себе» (это – название раздела; тематически структурированная автобиография). Далее - обзор публикаций (свыше 400), подразделенный на периоды: предметный, методический, семантический. До начала 1980-х гг. - только математика и физика (Р. Б. – доктор физ.-мат. наук, лауреат Государственной премии за работы в области газо- и аэродинамики), после чего специально-научные труды все более и более перемежаются философскими: Р. Б. ныне признанный лидер в области тринитарной методологии и триадного синтеза, один из ведущих российских синергетиков.⁵⁹ Затем - тексты интервью и выступлений, как на научные, так и общественные темы. И, наконец, фрагменты дневников турпоходов (далеко не любительский туризм...) и поездок в «дальние страны».

---

⁵³ См.: <http://www.trinitas.ru/>. Точечный адрес - <http://www.trinitas.ru/rus/doc/avtr/00/0032-00.htm>.

⁵⁴ См.: <http://gamma.math.spbu.ru/>. Точечный адрес - http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/index_r.html.

⁵⁵ Электронная версия - <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0226/002a/02261086.htm>.

⁵⁶ Электронная версия - <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/semiodynamics.pdf>.

⁵⁷ Электронная версия - <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/gordin.html>. См. также: ДСиСА - 2 (Глава 8).

⁵⁸ Электронная версия - <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/memory.pdf>.

⁵⁹ В «Краткой научной биографии» Р. Баранцев отмечает в ряду своих основных научных достижений: *семантический архетип системной триады, принцип неопределенности-дополнительности-совместности, системную триаду синергетики*. См.: http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/index_r.html.

Не могу не отметить, что столь строгой и прозрачной организации материала в мемуарах мне встречать до сих пор не приходилось. Информативность и оригинальность сочетаются с глубиной ненавязчивой ауторефлексии.

Как уже отмечалось, «Крупницы памяти» вышли в 2007 г. И в этом же году – еще две книжки:

- «Люди в письмах. 1. Деловые и дружеские»⁶⁰ и
- «Люди в письмах. 2. Вокруг Любищева».⁶¹

Здесь – переписка с очень известными и не очень известными людьми, друзьями и коллегами, как правило, на научные (но и не только...) темы. А – «Вокруг Любищева»... Дело в том, что Р. Б. – один из младших друзей выдающегося (я бы предпочел сказать – великого...) российского биолога, историка науки, философа А.А. Любищева (широкой публике известного в основном по документальной повести Д. Гранина «Эта странная жизнь...»).

Будучи одним из «душеприказчиков» и хранителей архива Любищева (ныне депонированного в Архив РАН), Р. Б. является редактором и составителем изданий основных трудов Любищева, увидевших свет десятилетия спустя после их написания. Он же – постоянный участник и организатор продолжающихся уже не первое десятилетие ежегодных «Любищевских чтений» (Ульяновск).

Предисловие ко второму тому «Людей в письмах» («Любищев в моей судьбе») размещено также и на сайте «Международная биографическая инициатива» <...>.⁶²

(К настоящему времени вышли уже семь томов «Людей в письмах», из семи, запланированных Р. Баранцевым несколько лет назад, плюс один дополнительный том: «Письма последних лет». См. об этом ниже. – А. А. Июль 2013).

<...> Еще – стоит указать, что все упомянутые автобиографические и мемуарные книги Р. Б. вышли в издательстве НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика» (Москва-Ижевск).

А. Алексеев

Июнь 2007 – сентябрь 2008

= А. Алексеев – Р. Баранцеву (август 2009)

<...> Твое внимание к обстоятельствам окружающей и собственной жизни, сбережение скриптов (до которого мне далеко!) сделало Тебя истинным Наблюдающим участником собственной жизни (с большой буквы). Когда-то я провозгласил это как кредо. Ты обошелся без манифестов. Правда, Ты как господин Журден, долго не знал, что говоришь прозой. Теперь оказывается, что эта проза дороже всяких стихов. <...> 26.08.2009.

(4)

= Из композиции «Р. Баранцев Избранные тексты (Автография. Становление тринитарного мышления. Синергетика)» (Сост. - А. Алексеев. 2013)⁶³

От составителя

---

⁶⁰ Электронная версия - <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/letter1.pdf>.

⁶¹ Электронная версия - <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/letter2.pdf>.

⁶² См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/barantsev_liubishchev.html.

⁶³ См. на сайте «Международная биографическая инициатива»:

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/barantsev_texts.pdf

В личности моего друга и коллеги Рэма Георгиевича Баранцева, я бы сказал, соединяются три начала: *творческое, системное и нравственное*. Вот и опять – триада, хоть вроде и не системная, в смысле Р. Баранцева.

(Системные триады обычно соотносимы с выдвигаемой Р. Баранцевым семантической формулой: *рацио – эмоцио – интуицио*. А тут – не получается. Но об основных идеях и принципах тринитарной методологии – речь впереди).

Мне уже не однажды доводилось и цитировать тексты Рэма, и перепечатывать их, выстраивать композиции, включать их в состав своих книг, так же – и публикации о нем. Сейчас я попробовал собрать своего рода антологию его творчества - автографического (смысл этого термина станет понятен ниже) и научного, Но не всего научно-профессионального - специальные труды по математике или, скажем, гидроаэродинамике, понятно, мало доступны непрофессионалам. А только методологические и философские труды, имеющие общенаучное и, я бы сказал, общекультурное значение.

Еще одно ограничение. Для этой «антологии» я отбирал работы, написанные не раньше 2003 года, а, как правило, – от 2005 года и позже. То есть работы, как принято говорить, наиболее зрелые, вбирающие в себя труд и опыт всей предшествующей жизни.

Здесь стоит сказать, что сами по себе творческие поиски и ПУТЬ к основным жизненным и научным результатам вовсе не оказался «за кадром», поскольку отражен в первой, по преимуществу автографической (автобиографической) части настоящей композиции. Вторая же часть включает в себя одну итоговую, относительно большую работу: «Становление тринитарного мышления» (2005), - а также множество докладов, изданных в материалах различных конференций 2006-2012 годов.

Лаконичные тезисы – излюбленный жанр Рэма Баранцева, а выстроенные в хронологическом порядке, они отражают преемственность интересов и логику движения творческой мысли.

Рэм Баранцев оказался новатором не только в научно-профессиональной сфере, но и в способе самонаблюдения и рефлексии по поводу собственной жизни. При уже отмечавшей систематичности и склонности к порядку (на фоне далеко не безоблачной и не благополучной жизни), мой друг сумел сохранить огромный архив личной и деловой переписки, разнообразные тексты собственных выступлений, отзывов, конспектов, записей по ходу и / или в итоге некоторых жизненных событий. Это был некий подвиг «скриптизации бытия»; а, согласно известному латинскому изречению, *verba volant, scripta manent* (слова улетают, письменна остаются).

В итоге, оказалось возможным на склоне лет издать не просто «мемуары», а документированную историю жизни, отражающую, разумеется, также жизнь множества людей, с которыми свела судьба. Так в течение 7 лет возникли аж 14 томов, из которых 8 составляют «Люди в письмах», а также: «История семиодинамики», «Крупницы памяти», «Вешки интереса» «Знаки внимания», «Избранное» и, наконец, «Остатки».

Рэм и здесь остался методологом и создал некий образец (эталон?) подведения жизненных (а не только научных, подчеркну это) итогов. И это его «дар следующим» (выражение Р. Баранцева, употребленное им, впрочем, по отношению к ЛЮБЫМ воспоминаниям и т. п.). Разумеется, всякий эталон в общественном поведении существует не для копирования, а для творческого использования.

Лично мне, как человеку специализирующемуся, в частности, в биографике и документалистике, этот опыт представляется весьма ценным. Что касается тринитарной методологии, пионером и лидером которой в российской науке является Рэм Баранцев, то она мною приветствуется и, в меру сил, применяется вот уже, наверное, четверть века. И я рад как-то способствовать освоению хотя бы основных ее идей моими коллегами и потенциальными читателями настоящей композиции.

Понятно, что оптимально при этом обращение к первоисточнику (вот поэтому - «избранные тексты», а не переложения).

Разумеется, как в автографическом, так и в философско-методологическом разделах, моя антология являет собой лишь некоторую выборку текстов. Поэтому составитель озаботился тем, чтобы – при желании – читатель мог обратиться не только к оглавлениям, предисловиям, извлечениям, но и к полным текстам презентуемых книг.

Большая часть этих текстов давно вывешена в интернете (см. об этом ниже), однако далеко не все - в удобных для обозрения и особенно – пригодных для копирования форматах. Это побудило воспользоваться вордовскими авторскими (предиздательскими) версиями, любезно предоставленными мне Рэмом Баранцевым. Собрав их все в один архив, я разместил его на Яндекс.Народ.ру:

[Баранцев Р. 15 книг. Заархивировано](#): Становление тринитарного мышления; История семиодинамики; Крупицы памяти; Люди в письмах 1-7; Вешки интереса; Знаки внимания; Избранное; Письма последних лет; Остатки (2005-2012). 13 МБ.⁶⁴

Итак, моя составительская функция и просветительская (в известном смысле – медиаторская) роль выполнены. О том, насколько это удалось, пусть судят автор, с одной стороны, и читатель, с другой.

Андрей Алексеев. 13-16.01.2013.

Р.Г. Баранцев. Избранные тексты

**(Автография. Становление тринитарного мышления. Синергетика)
(Сост. - А. Алексеев. 2013)**

Содержание:

Вместо предисловия

= От составителя

= Из книги А. Алексеева и Б. Докторова «В поисках Адресата».

= Из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...»

Часть 1. Из жизни Р.Г. Баранцева

= [Краткая научная биография Р. Баранцева](#)

= Р. Баранцев. Пробежкой – о себе (2004-2005)

= Р. Баранцев. Автография (2008)

= Р. Баранцев. [Любищев в моей судьбе](#) (2007)

= Собрание автоаннотаций, предисловий и оглавлений 14 книг Р. Баранцева, изданных за последние 7 лет

- [История семиодинамики: документы, беседы, комментарии](#) (2006)

- Крупицы памяти (2007)

- Люди в письмах 1: Деловые и дружеские (2007)

- Люди в письмах 2: Вокруг Любищева (2007)

- Люди в письмах 3: Граждане науки (2008)

- Люди в письмах 4: Философия и синергетика (2008)

- Люди в письмах 5: Антропосфера (2009)

- Люди в письмах 6: Фрактальность социума (2009)

- Люди в письмах 7: Целостность и стиль (2009)

- [Вешки интереса](#) (2010)

- [Знаки внимания: отклики, отзывы, рецензии](#) (2010)

- Избранное (2010)

- [Письма последних лет](#) (2011)

---

⁶⁴ Я собрал вместе, в единый архив, электронные версии 15 книг Р. Б. и разместил этот архив, параллельно, на Яндекс.Народ.ру и на Яндекс.Диск. Желаящие могут воспользоваться - для просмотра и / или скачивания. На Яндекс.Народ.ру: <http://narod.ru/disk/65097719001.5ed883b63c3064ad1d9ccc2f30190f50/Barantzev%20R%2015%20books.rar.html>
На Яндекс.Диск: <http://yadi.sk/d/pciW1L272UWiZ>

- Остатки (2012)
- = Из книги «Крупицы памяти»
- Р. Баранцев. Хибины (Из туристского дневника; 1967)
  - Р. Баранцев. Колвицкие тундры (40 лет спустя; 75-летие, ознаменованное туристским походом)
  - Р. Баранцев. Откровенно – землякам (2006)

Часть 2. Из философских и методологических трудов

- = Р. Баранцев. Синергетика в современном естествознании (Введение; 2003)
- = Р. Баранцев. Становление тринитарного мышления (Полный текст; 2005) ⁶⁵
- = Р. Баранцев. Презентация книги «Становление тринитарного мышления» (2006)
- = Р. Баранцев. [Тринитарный критерий целостности](#) (2004-2005?)

Из книги «Избранное»

- = Р. Баранцев. Асимптотика и мягкая математика (2005)
- = Р. Баранцев. Нелинейность и асимптотичность (2006)
- = Р. Баранцев. Философски аспект асимптотической математики (2007)
- = Р. Баранцев. Тринитарный архетип в русской литературе (2007)
- = Р. Баранцев. Культура как синтез науки, искусства и религии (2008)
- = Р. Баранцев. Активность как имманентное свойство материи (2008)
- = Р. Баранцев. Размышления о стиле (2009)
- = Р. Баранцев. Активность материи и время (2009)
- = Р. Баранцев. От земного Креста к небесной Троице (2009)
- = Р. Баранцев. Активность личности (2010)
- = Р. Баранцев. Сила: от физики к философии (2010)

Из книги «Остатки»

- = Р. Баранцев. Размышление о синергетике (год?)
- = Р. Баранцев. Фрактальный прорыв переходных слоёв (2011)
- = Р. Баранцев. Неопределённость-дополнительность-совместность (2012)
- = Р. Баранцев. Тринитарное понимание материи (2012)
- = Р. Баранцев. Смысл жизни – вклад в культурное наследие (2012)
- = Р. Баранцев. О драматизме бытия (2012)

Из книги «Крупицы памяти»

- = Р. Баранцев. Целостность общения (2006)

Приложения

- = [Очерк Я. Гордина «Дело Баранцева»](#)
- = Из очерка Н. Максимовой «Встретимся через 900 лет»
- = [И. Андрианов. Нонконформист](#)
- = [Персональная страница Р.Г. Баранцева на сайте матмеха СПбГУ](#)

---

⁶⁵ Структура книги «Становления тринитарного мышления»:

Предисловие

Введение: кризис бинаризма

1. Тернарные структуры

1.1. Типы триад

1.2. Тринитарное наследие

1.3. Свойства системной триады

2. Тринитарность в естествознании

2.1. Асимптотическая математика

2.2. Системные триады в физике

2.3. Актуальность синергетики

3. Тринитарность в обществознании

3.1. Синтез в культуре

3.2. Восхождение к ноосфере

3.3. Стезя России

Заключение: к новой парадигме

Литература

(5)

= Из «Автографии» Р. Баранцева (2008) ⁶⁶

Биография – слово стареющее, поскольку, согласно В.И. Вернадскому, из биосферы нам положено подниматься в ноосферу. Однако переход этот не гарантирован, так что пусть пока будет автография.

Родился я 2 октября 1931 г. в г. Кирове (Вятке). Родители – из бедных крестьянских семей. Стараясь учиться, они сумели получить высшее образование. Мать стала учителем истории, отец – агрономом. Всю войну он прошел в пехоте и демобилизовался в звании капитана. Но последствия контузии помешали ему перестроиться на мирную жизнь. Отказавшись выполнять партийное поручение по взиманию налогов с обедневших колхозников, он покончил с собой в ноябре 1946 года. Мать умерла в 1998 г., немного не дожив до 94 лет. Из семерых детей пятеро умерли рано, младший сын (брат Владимир) дожил до 2002 г. Третий сын, в моем лице, остался один и собирается дожить (*по крайней мере*. – А. А.) до 82 лет.

<...> Приоритет науки определил для меня стиль всей жизни. Полки с книгами вырастали в стеллажи, заполнявшие жилище. Рядом с рабочим столом появилась картотека книг и журнальных статей. Определился список изданий, регулярно просматриваемых на выставках новых поступлений в библиотеках университета и академии наук. Выписки, конспекты, переводы заполняли канцелярские тетради по разным разделам науки. Широкий фронт интересов постепенно фокусировался в тех направлениях, по которым шла работа на кафедре, читались лекции, выполнялись госбюджетные и хоздоговорные темы. <...>

Трансзвуковая газодинамика вывела на краевые задачи математической физики с вырождением или сингулярностью на границах. Им был посвящен мой первый значительный цикл публикаций. Следующий составили работы по аэродинамике разреженных газов. Затем Сергей Васильевич (*Валландер*. – *Ред.*) предложил мне заняться проблемой взаимодействия разреженных газов с поверхностями космических аппаратов. Пришлось изучать физику поверхностей, теорию рассеяния, теорию случайных функций, ставить и решать задачи, различая молекулярный, кинетический и газодинамический уровни описания. Результаты этой работы составили предмет докторской диссертации и очередной монографии. Прикладные исследования велись по хоздоговорам с рядом серьезных организаций, так что довелось встречаться и с Сергеем Павловичем Королевым, которого в открытой печати тогда называли не иначе как Главным Конструктором космонавтики. За эти работы в 1973 году С. В. Валландеру, мне и еще нескольким сотрудникам из смежных организаций была присуждена Государственная премия.

Неожиданный кризис произошел в 1983 году, когда партийные органы признали идеологически вредной работу методологического семинара по семиодинамике и меня отстранили от научного руководства тремя хоздоговорными работами по важнейшим темам. Распалась и группа моих сотрудников.

Увлечение методологией было не случайным. Еще в 1967 году я увидел, что в пространстве науки моя деятельность лучше проектируется не на плоскость задач, а на плоскость методов, где отчетливо определяются три группы: методы точные, асимптотические и эвристические. Осознание самоценности методов привело к инверсии приоритетов: не метод для задачи, а задача для метода. Тогда же был определен общий характер интересов: не численные процедуры, не теоремы существования и единственности,

---

⁶⁶ «Автография» Р. Баранцева написана для собрания биографических и мемуарных материалов «Разные судьбы», собираемых инициативной группой выпускников математико-механического факультета Ленинградского университета 1954 г. Этот текст был включен автором в книгу: Баранцев Р.Г. Остатки М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика, 2012. (А. А. Июль 2013).

а вопросы аналитической формы и структуры. Предметное и методическое измерения научного пространства нуждались в дополнении семантической компонентой, выход на которую через динамику знаковых систем и был осужден как идеологическая диверсия. Но эти же идеи вскоре пробились к жизни через синергетику, судьба которой оказалась более удачливой.

Мои работы по тринитарной структуре целостности, выходя за рамки традиционной научной парадигмы, ищут сейчас осмысления в более широком, философском контексте.

За 50 лет научной работы количество карточек в моей библиографии выросло до 40 тысяч <...>, список публикаций насчитывает более 400 названий, включая 10 монографий и 5 учебных пособий. Кроме того, написано 14 отзывов на диссертации, 35 – на авторефераты, 18 – на книги, 75 – на статьи; 13 раз я был официальным оппонентом по докторским диссертациям, 42 – по кандидатским. В 70-е годы трижды выдвигался в члены-корреспонденты Академии наук СССР, однако агитационной работы среди избирателей не вел, а по гамбургскому счету, стало быть, не потянул.

<...> Эпистолярный жанр совершенно уникален. Сочетая в себе документальность *рацио*, задушевность *эмоцио* и зоркость *интуицио*, он не сводится ни к научным трактатам, ни к интимным дневникам, ни к эзотерическим таинствам. В нем всегда находил прибежище тот личностный эликсир, который не допускался в серьезной литературе, претендующей на публикацию. Я насчитал более 500 человек, с которыми вел переписку. Почти как у А. А. Любищева. Правда, не оставляя ни одного письма без ответа, я, в отличие от Любищева, писал коротко, сжато, излагая не свободный полет мысли, а лишь выжимки размышлений. Самая мощная волна существенного общения пришла ко мне от А. А. Любищева. Другой сильный толчок дала драматическая история семиодинамики. Третья волна идет от синергетики. Время меняет акценты ценности. Ветхие листочки могут стать важными документами истории.

<...> После долгих и трудных размышлений я решил опубликовать значительную часть своего эпистолярного архива.

Цикл «Люди в письмах» состоит из семи томов:

1. *Деловые и дружеские*. 2. *Вокруг А. А. Любищева*. 3. *Граждане науки*. 4. *Философия и синергетика*. 5. *Антропосфера*. 6. *Фрактальный социум*. 7. *Целостность и стиль*.⁶⁷

Восстановление переписки возвращает автора к прежним временам и проблемам, заставляя вновь переживать волнения тех дней, вспоминая забытые детали, переоценивая свои поступки, отмечая досадные промахи и радуясь удачным находкам (своим и встречным). Фехтовальность диалогического текста поддерживает напряжение интриги, возбуждает интерес и делает эпистолярный жанр притягательным для читателя. Чтение писем известных тебе людей интригует открытием тонких сторон их души, вселяет радость и удивление богатством человеческой натуры.

Но каждый раз возникает опасение, не снизится ли их облик под бременем суеты бытовых деталей. Ведь, как признавал Александр Сергеевич, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен». Поэтому публикатор постоянно ощущает себя в напряжении этического контроля.

Однако обитатели Олимпа, ответственные (возможно по совместительству) за эпистолярную сферу, оказываются достаточно требовательными, чтобы достойные люди сохраняли свой уровень в письмах через магию стиля. Честный стиль – чуткий и надежный навигатор. Безопасно, безобидно, безвредно ведет он эпистолярный диалог сквозь рифы низких истин и мифы ложных домислов и дарит читателю реалии современной жизни, характеры незаурядных личностей, размышления о высших ценностях, не допуская при этом ни секретных сведений, ни интимных признаний, ни опасных заявлений.

---

⁶⁷ Это – названия соответствующих томов. Электронные версии всех семи томов «Людей в письмах» см. на сайте матмеха СПбГУ: <http://gamma.math.spbu.ru/>. Точечный адрес – http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/index_r.html.

Содержание писем, интрига, значимость - неоднородны. Одних читателей заинтересует предмет переписки, других привлекут характеры людей – авторов писем, третьи найдут свежие краски в срезе социальной истории, отраженной в этих письмах. В любом случае читатель видится разнообразным, а чтение – избирательным. «Нам не дано предугадать...».

Кроме эпистолярного цикла, за последние годы изданы «*Становление тринитарного мышления*» - 2005, «*История семиодинамики*» - 2006, «*Крупицы памяти*» - 2007. Задуманы «*Знаки внимания*» и «*Вешики интереса*», на которые есть еще почти пять лет.

<...> В чем смысл бытия? Вряд ли найдется человек, который никогда не задавал этого вопроса, себе или другим, хотя бы мысленно. И, вероятно, правы те, кто полагает, что понимание смысла чего-либо невозможно изнутри; требуется увидеть это извне, выйдя туда хотя бы частично. Значит ли это, что пока мы живы, смысл жизни для нас сокрыт? И кто хочет быстрее дойти до смысла, должен поторопиться умереть?

Однако люди – не только живые существа, но и существа мыслящие. Кроме биосферы, им доступна ноосфера. Судить о жизни человек может извне, не умерев, а поднявшись в пространство разума и духа, в ноосферу. Там, надо полагать, будет шанс обнаружить искомый смысл. Не умея пока достаточно уверенно ориентироваться в ноосфере, я удовлетворяюсь ответом: «Смысл жизни – в осуществлении». Правда, такой ответ сразу же требует уточнения: «В осуществлении чего?». Ожидаемое «Себя» вряд ли нас устроит. Лучше сказать: «Того, что заложено в тебе природой».

В понимание природы я включаю здесь и сознательную компоненту, которую называют по-разному: Бог, Демиург, Создатель, Творец, Вселенский Разум, Самоорганизующаяся Вселенная и т. п. Как же определить свое предназначение, допуская направляющую роль провидения вместе со свободой нашей воли?

Говорят, кому много дано, с того много и спрашивается. Это кажется справедливым. Но интереснее обратная теорема: Много спрашивается – значит много дано. Действительно, загружают того, кто везет, а с пустого и беспомощного – какой спрос?! Отвечая на вызовы судьбы, мы активизируем свой потенциал, раскрывая его глубины и тайны, осознавая тем самым свое призвание.

Мне довелось пережить несколько критических моментов, которые синергетики называют точками бифуркации. В них прежняя траектория теряет устойчивость, а попадание на одну из новых зависит от внутренней асимптотики, не зная которой, говорят о хаосе случайных влияний. Оглядываясь сейчас на эти узловые события, я вижу три фактора, взаимодействие которых определяло выбор дальнейшего пути. Во-первых, генетическая основа, под которой я подразумеваю не только родительские гены, но и все ментальное наследие Малой Родины. Во-вторых, индивидуальная склонность к непонятному, неизвестному, неосвоенному, любопытство на грани авантюризма. В-третьих, заботливая рука судьбы, ангел-хранитель, благо провидения. Были моменты, когда эта невидимая рука отводила меня от слишком благополучного пути или же спасала от гибели в чрезвычайной ситуации.

<...> Склонность к неизведанному доставила мне немало проблем в жизни, а в работе она проявилась в том, что, освоив какую-то область, я не задерживался в ней надолго, не закреплялся, не выращивал научной школы. Вряд ли это положительное качество. Но освоенное и понятное переставало увлекать, интерес устремлялся к новым проблемам. Кстати, в турпоходах мы тоже предпочитали маршруты по бездорожью.

Руку судьбы признают далеко не все. Я тоже, пока не ощущал ее, будучи рационалистом, полагал, что делаю себя в социуме сам. Но мир устроен значительно сложнее, чем наше представление о нем. Судьбоносные события, видимо, все-таки существуют. Реализовал ли я свой потенциал? Осуществился ли? Программа, конечно, не исчерпана, да и к незапланированному я открыт. Но главное, пожалуй, свершилось.

Когда-то в зимнем походе по Хибинам после преодоления основного перевала я сказал ребятам: «Поход еще не закончен, но уже состоялся». Так можно сказать и о жизни, которая осуществлялась эти 77 лет.

Р. Баранцев
28.12.2008

...Путешествуя в пространстве, используют средства перемещения. Движение во времени – невольное развитие, со шлейфом памяти и взором мечты. Третий вид путешествий – в масштабе – преобразование. Не заглядывание в микро- и макромиры с помощью приборов, а отважный риск Гулливера. И скорее в живом сознании, чем в косной материи...

Р. Баранцев. Сахалин и Курилы (1990) ⁶⁸

(6)

Мой старший друг Рэм Баранцев

= Из портала Когита.ру ⁶⁹

Публикуем три текста Рэма Баранцева (все три – 2012 года), воспроизводимые из его книги *Баранцев Р.Г. Остатки. Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2012.*

Пользуюсь случаем привести здесь также автоаннотацию и предисловие автора к этой книге, которая (пока!) замыкает его серию из 14 книг (см. выше), составляющих своеобразный жизненный отчет.

А. Алексеев. Май 2013.

«Остатки». Аннотация

Взгляд на пройденную жизнь, которая ещё не закончена, но, кажется, уже состоялась. Пора подводить итоги, вспоминать учеников и спутников, участие в конференциях, узловые события. Продолжается и работа, пишутся статьи, письма, отзывы, справляются юбилеи. Как говорил когда-то незабвенный А.А.Любищев: «И в старости есть много радости».

Для тех, кто уходит оптимистами.

«Остатки». Предисловие

Остатки – это не отбросы, не мусор, хотя горы мусора и могут их поглотить. Это – как люди, оказавшиеся без пристанища, не нашедшие пока себе подходящего места. Но раствориться, потеряться они не хотят.

Плоды благотворной деятельности человека всегда оказываются почему-то меньше ненужных отходов этой деятельности. Как заметил Маяковский: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Это – о поэзии, но жизнь человека – тоже как поэма.

---

⁶⁸ См. Баранцев Р. Г. Крупицы памяти. М. – Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2007, с. 271. (Электронная версия - <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/memory.pdf>).

⁶⁹ См.: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/moi-starshii-drug-rem-barancev>

Посетив за один день на Курильском острове Шикотан кладбище и свалку мусора, я был поражён, насколько первое место скромнее второго. Наши телесные останки – жалкая мелочь по сравнению с тем мусором, который мы после себя оставляем. Так и с результатами культурной деятельности. Но это всё-таки не мусор.

(6.4.) Тринитарное понимание материи

Следуя Аристотелю, мы понимаем под материей всё то, из чего состоит мир. И опираясь на тринитарную методологию [1], рассматриваем, наряду с веществом, обладающим массой, и полем, обладающим энергией, также третью компоненту материи – силу, обладающую активностью. При этом представление о материи преодолевает бинарную альтернативность и обретает системную целостность. Сопоставляя триаду материи вещество-сила-поле с семантической формулой системной триады рацию-эмоцию-интуицию, мы видим, что сила оказывается в аспекте эмоции, т.е. там же, где активность, движение, жизнь. Архетип, претендующий, как и сила, на роль направляющего параметра порядка в гуманитарной сфере, ассоциируется с таинственным понятием стиля.

Прежде всего, следуя Аристотелю, будем понимать под материей всё то, из чего состоит мир. Тогда идейное содержание мира оказывается не антитезой материальному, а тоже частью материи. Физики уже перестали отождествлять материю с веществом, обладающим массой, и допускают в материю другую, самостоятельную компоненту – поле, обладающее энергией. Однако бинарная оппозиция вещество-поле продолжает порождать модельные вопросы типа первичности, уводя философию в спекулятивные дебри. Бинарная структура, будучи инструментом анализа, вообще не способна вести к синтезу целостности. Для примирения сторон оппозиции требуется третья компонента организации, задающая меру компромисса. Включая тернарную структуру [1], мы обнаруживаем существование семантического архетипа системной триады

Интуицию

Рацию

Эмоцию

помогающего находить нужную компоненту в подходящем смысловом месте. Так, относя вещество к *рацию*, а поле к *интуицию*, мы видим, что меру их совмещения следует искать в области *эмоции*, трактуя это слово достаточно широко на том же уровне общности, каковой задают соседи по системной триаде. Оно должно объяснять творческое взаимодействие *рацию* и *интуицию* в динамике жизни.

Допуская саморазвитие Вселенной [2], мы должны признать, что сущее активно. И это свойство всё более заявляет о себе как ведущий фактор эволюции. «Движущим фактором эволюции на всех уровнях можно признать активность», - утверждает известный эволюционист, историк и философ науки Ю.В.Чайковский ([3], с.112). И если активность действует *на всех уровнях*, то следует признать её исходным свойством всего, из чего состоит мир. «В философском смысле активность представляет собой имманентно присущее материи свойство, её атрибут», - утверждает Г.Я. Буш [4]. Эти соображения настойчиво ведут к радикальному решению, для принятия которого требуется, однако, метафизическая смелость. Но когда оно принято, складывается целостная картина материи.

Различая два самостоятельных вида материи: **вещество**, обладающее массой, и **поле**, обладающее энергией, современная физика обрекает биологию на метания между двумя полюсами. С одной стороны, продолжают попытки объяснить феномен жизни на субстратной основе [5]. С другой стороны, сохраняются надежды на плодотворность концепции биополя [6]. Но «До сих пор отсутствует определение жизни, которое

удовлетворило бы всех... Всё, что мы можем, - это перечислить и описать те признаки живых систем, которые отличают их от неживых объектов» ([7], с.394). Соглашаясь в понимании материи с Аристотелем, введём в состав материи такую компоненту, как **сила**, обладающая активностью. При этом представление о материи преодолевает бинарную альтернативность и обретает системную целостность [1]. Сопоставляя триаду материи вещество-сила-поле с семантической формулой системной триады рацию-эмоцио-интуицию, мы видим, что сила оказывается в аспекте эмоцио, т.е. там же, где активность, движение, жизнь.

Удивительно, что столь расхожее понятие физики, как сила, так и не было удостоено чести стать философской категорией, хотя многие крупные философы упоминали его с не меньшим уважением, чем движение и материю. Приведём несколько высказываний о силе, принадлежащим известным философам: Николай **Кузанский**: Сила изначально присуща самой материи ...Предположение о Единой силе Вселенной, которая, возможно, является причиной её возникновения. Тема XXI века! Бенедикт **Спиноза**: Человек или общество (государство) воспроизводит своё бытие благодаря мощи (силе), которой он или оно изначально обладают. Джон **Локк**: Сила обнаруживается “в отношениях” и фиксируется в сознании как одна из фундаментальных идей, способных объяснить другие сложные идеи, как, например, свободу. **Лейбниц**: Всякое тело всегда обладает движущей силой, более того – действительным внутренним движением, изначально присущим вещам... Эта первичная активная сила, которую можно назвать жизнью. **Ламетри**: Материя содержит в себе оживляющую её движущую силу. **Дидро**: Сила, будучи атрибутом материи, проявляет себя в законах по-разному, в различных обликах в зависимости от форм её движения. **Кант**: Материя наполняет пространство не просто благодаря своему существованию, а благодаря особой движущей силе. **Шеллинг**: Феномен каждой силы есть материя. **Гегель**: Движущаяся материя и есть сила...Понятие силы сохраняется... как сущность в самой её действительности. **Бюхнер**: Без силы нет материи – без материи нет силы. **Дицген**: В онтологии сила есть материя, а в гносеологии – материя есть сила.

А. Бэттлер [8] признаёт, что, хотя «все упомянутые философы так или иначе увязывали силу с материей и движением» (с.67) и «приходили к выводу о существовании силы “внутри” самой материи как её движущей основы» (с.289), но всё же «сила не стала философским инструментом познания» (с.68). В заключении автор пишет: «Из моего определения онтологической силы – онтобии как атрибута бытия, который определяет его существование, вытекает, что всё материальное пространство обладает силой» (с.289-290).

Самостоятельный статус признавал за силой ещё Ньютон. И на Востоке сила понималась как воплощение гармонии движения, свойственной самим вещам. В Китае «внимание было обращено не на взаимодействующие тела, а на силовое пространство между ними», - напоминает Ю.С. Владимиров ([9], с.31). Переход метафизики из предметного пространства в пространство отношений заостряет интерес к понятию активной силы. «Очевидно, какая-то сила действует в мире, большая, чем мы сами,... та сила, которая, собственно, и творит историю», - пишет М.К.Мамардашвили ([10], с.35 и 27). Порождая новое, активная сила становится креативной. «Я не могу представить никакого порядка, никакого космоса, возникшего без участия творческого начала», - чувствовал Б.С. Кузин ([11], с.182). «Познавая, наш разум не наблюдает, он формирует действительность... Мысль – самая мощная сила», - предрекал В.И. Вернадский ([12], с.281 и 353). Через активность проявляется внутренняя способность материи к саморазвитию. Любопытно, что о творческой способности сознания писал и Ленин, указав, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» ([13], с.204). Не удивительно, что это место послужило предметом изощрённой и мучительной спекуляции со стороны философов, заинтересованных в материалистической трактовке такой фразы (см., напр., [14]).

Архетип, претендующий, как и сила, на роль направляющего параметра порядка в гуманитарной сфере, ассоциируется с таинственным понятием стиля. Художественным стилем интересуются искусствоведы и дизайнеры, поведенческим – этологи и этнологи, творческим – психологи и философы. В творческой деятельности любого учёного тоже формируется свой стиль, столь же индивидуальный, как почерк. Труды В.И. Вернадского, Б.С. Кузина, А.А. Любищева различаются по стилю не меньше, чем по содержанию. Однако научные работы ценятся больше по результату, чем по стилю. И хотя красота изложения признаётся критерием правильности, но скорее всё-таки подтверждающим, чем определяющим. Если же говорить об учёных, работающих в сфере образования, то весьма любопытно, что наши воспоминания об учителях оказываются связанными именно со стилем преподавания, с их особым умением научить пониманию.

Чем ярче личность, тем сильнее звучит голос стиля. Обратившись к этой проблеме, я обнаружил, что по ней существует богатая литература: А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, М.С. Каган, Ю.В. Линник, Д.С. Лихачёв, ... Но хорошего определения стиля я, к сожалению, не нашёл. В зависимости от подхода это понятие трактовалось по-разному: принцип организации, инструмент упорядочивания, механизм регуляции, знак детерминации и т.д. Попытки характеризовать стиль через способы, методы, подходы, нормы, принципы, образцы, каноны и т.п. не привели к достаточно общей дефиниции этого “хитрого” понятия. Показателен в этом отношении апофатический поиск А.Ф. Лосева под знаком вопроса «Что не есть художественный стиль?». Оказывается, это не есть только его чувственный образ, не есть отвлечённая идея предмета, не есть просто только его форма, не есть приём, не есть структура произведения или его модель, не есть метод построения, не есть только природное явление или только явление искусства и много чего ещё – не есть ([15], с.283-285). А что же он есть? А.Ф. Лосев связывает художественный стиль со смыслом, переработанным художником в чувственно-смысловой образ, порождающий не только понимание, но и сопереживание. *Атом* Демокрита, *вода* Фалеса, *огонь* Гераклита – образы, выразительно говорящие о стиле этих философов.

Проблема стиля очень походит на проблему целостности, тоже не решаемую через формализацию. Понимая стиль как целостность образной системы мыслительных и выразительных средств человека, мы тем самым связываем это понятие с характерными свойствами личности, со всеми способностями человека, образующими его как целостность. «Стиль – это сам человек», – смело заявил Жорж Бюффон на заседании Французской академии 25 августа 1753 года. «Стиль – это человек, которого нет, но который ищется, чтобы быть», – уточняет в наше время К.А. Свасьян ([16], с.130). О том же пишет и М.К. Мамардашвили: «Человек – это прежде всего постоянное усилие стать человеком, человек – это ... состояние, которое творится непрерывно» ([10], с.26). Вся жизнь – самостановление через поиск, узнавание и совершенствование своего стиля. Таков путь самоосуществления. И человека, и этноса. Становление стиля – процесс асимптотический: совершенство приближается, но не достигается. Всегда остаётся недоопределённость, открывающая путь к бесконечности. И движение продолжается, совмещая, как говорил Гёте, величайшее дерзновение с величайшим смирением.

В книге М.К. Мамардашвили [17] меня зацепили слова: «Необходимо... ввести онтологический принцип неполноты бытия». И беседуя однажды с К.А. Свасьяном, я стремился выяснить глубинную суть этого принципа. Допущение небытия, внебытия, инобытия снимало бы нажим вопроса, но меня это не устраивало. Можно было бы также увидеть ответ в том, что «творение продолжается». Но мне казалось, что М.К. имел в виду неполноту бытия как таковую. И тогда смысл этого принципа становится мучительно загадочным. Для меня эта загадка смыкалась с проблемой открытости, допускающей наличие неконтролируемых источников знания. И я продолжал мысленный поиск, рассуждая путём итераций. Так, если допускать существование бытия, не охваченного мыслью, то можно говорить о неполноте мыслимого бытия. Нет, лучше так: Существует

Вселенная, которую мы постепенно осваиваем мыслью, расширяя бытие (реальность). Или ещё точнее: Вселенная осознаёт себя через человека, становясь тем самым бытием; и это процесс не раскрытия готовой Вселенной, а процесс её становления. И если действительность есть актуально наличное бытие, то мир становится действительностью в ходе осмысления его человеком. Происходит осуществление сущности. Таков контекст жизни стиля. Выступая однажды с докладом «Асимптотичность человека», я закончил его словами: «Рационалист предпочитает иметь дело со счётной бесконечностью. Интуитивист полагает её континуальной. Живой человек общается с бесконечностью асимптотической».

Понятия, образы, символы – три выразительные средства человека, соответствующие семантической матрице «рацио-эмоцио-интуицию» [1]. Место стиля, выражаемого образно, сгущается, как видим, в сфере *эмоцио*, где его роль аналогична роли научной парадигмы в сфере *рацио*. Однако тут надо иметь в виду не только индивидуальный, но и коллективный стиль, выражающий концептуальную систему, направление искусства, дух эпохи. Простираясь от личности до эпохи, стиль демонстрирует феномен масштабной инвариантности, указывая одновременно на ограничения фрактальных свойств. «Дано мне тело - что мне делать с ним, таким единым и таким моим?», с удивлением вопрошал поэт ([18], с.68). «Народы – в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы», - писал П.Я. Чаадаев ([19], с.44). «Монархии, как и республики, падают не по причинам экономическим, политическим, нет, гибнут от утраты стиля», - отмечает Ю.В. Давыдов ([20], с.335). Фрактальность бытия, выделяя масштабную инвариантность, помогает понимать общественные явления, судя по себе. Социальные структуры подобны правилам поведения человека ([21], с.115). Возникновение пассионариев подобно зарождению идей. Сети общения похожи на клубки мыслей.

В проекции на системную триаду синергетики «нелинейность-когерентность-открытость» [22] видно функциональное родство стиля с фактором когерентности, занимающим ту же семантическую нишу (*эмоцио*) и превращающим взаимодействие элементов в параметры организации системы. Значит, стиль служит штурманом самоорганизации целостности. Если понятие параметра не ограничивать математическим смыслом, то эту роль могут играть и сугубо гуманитарные концепты. Г.Хакен, например, в качестве таковых рассматривает национальный характер, общественное мнение и даже моду [23]. Тогда и сам стиль, вырастая из архетипа, может претендовать на роль направляющего параметра порядка, стягивая организующие силы, как аттрактор. В организационном процессе выстраивается форма отношений, структура связей. Самоорганизация происходит в пространстве отношений, которое богаче предметного и количественно, и структурно, и семантически. Так и стиль выражается не столько в вещах, сколько в отношениях, составляющих, кстати, язык когерентности. Формирование параметров соответствует возникновению понимания, постижения целостности системы. Этот процесс не ограничивается аспектом *рацио*, он захватывает человека в целом, неизбежно включая и стиль.

Выражая семантику формы, стиль является предметом морфологии. Но если строго ограничивать его сферой культуры, то придётся отказать в этом свойстве всей той природе, которой культура не коснулась. Такое отношение к природе несёт в себе следы высокомерия, породившего экологический кризис. Современная концепция коэволюции предлагает относиться к природе более уважительно, признавая за ней собственную стратегию развития, включающую феномен стиля. Замышляя работу о стиле как об эстетической трактовке органических форм, А.А. Любищев ещё в 1918 году обнаружил, что «в природе несравненно больше красоты, чем полагалось бы, если бы строение организма преследовало только утилитарные цели» ([24], с.4). Развивая теорию органической формы, А.А.Любищев вполне допускал участие в эволюции

нотогенетического фактора, который отлично вписывается в современную синергетическую концепцию самоорганизующейся Вселенной. Да и у А.Ф.Лосева стиль не есть “только явление искусства”.

Символизируя глубинные архетипы, структурные формы видятся как знаки и, становясь понятиями, обретают смысл параметров порядка. Начиная этот путь как символы, они быстро ведут к образу, выражающему стиль. Ещё на стадии интуиции представление о человеке часто складывается по одному характерному слову, жесту, поступку. Достаточно вспомнить образы, которые создали Олег Ефремов в фильме «Три тополя на Плющихе», Евгений Урбанский в «Балладе о солдате», Олег Даль – в любой роли. Не менее сильно заявляет о стиле разящая фраза Андрея Платонова, дерзкая фантазия Сальвадора Дали, волшебная мелодия Моцарта. Стиль своеобразен, потому что выдаёт образ своей целостности. Задача образования – в том же русле: формирование внутреннего образа внешнего мира. В триаде выразительных средств человека «понятия-образы-символы» стиль доминирует через “эмоцию” образа, т.е. там же, где динамика, сила, жизнь. И если биоэтнос, согласно Л.Н. Гумилёву, характеризуется поведением, то нооэтнос, возможно, будет характеризоваться стилем [25].

Литература

1. Баранцев Р.Г. Становление тринитарного мышления. М.- Ижевск: НИЦ «РХД», - 2005.
2. Jantsch E. The self-organizing universe: scientific and human implications of emerging paradigm of evolution.- Oxford,- 1980. См. также: ОНС.- 1999.- №1.- С.143-158.
3. Чайковский Ю.В. Идея отбора опровергнута опытом. Какой фактор движет эволюцию? // XX Любимцевские чтения, Ульяновск.- 2006.- С.104-114.
4. Буш Г.Я. О диалогической теории творчества // Современные проблемы теории творчества.- М.,- 1992.- С.12-27.
5. Иваницкий Г.Р. XXI век: что такое жизнь с точки зрения физики // Успехи физических наук. – 2010.- Т.180.- №4.- С.337-369.
6. Любимцев А.А. – Гурвич А.Г. Диалог о биополе. Ульяновск: УГПУ. – 1998. – 208 с.
7. Реутов В.П., Шехтер А.Н. Как в XX веке физики, химики и биологи отвечали на вопрос: что есть жизнь? // Успехи физических наук.- 2010,- Том 180,- №4.- С.393-414.
8. Бэттлер А. Диалектика силы: онтобия.- М.: УРСС.- 2005.- 320 с.
9. Владимиров Ю.С. Метафизика. М.: БИНОМ, 2002, 550 с.
10. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы.- М.:Логос, 2004.-272с.
11. Кузин Б.С. Из писем к А.А.Гурвич // Вопросы философии,- 1992.- №5.- С.166-190.
12. Аксёнов Г.П. Вернадский.- М., 1994.- 544 с.
13. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Соч., 4-е изд.- М.: ГИПЛ.- 1958.- Т.38.- С. 73-231.
14. Цзэсюнь. Является ли мыслью Ленина положение, что сознание творит мир? // Вопросы философии.- 2007.- №5.- С.85-98.
15. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля.- Киев: Collegium,- 1994,- 288 с.
16. Свасьян К.А. Послесловие к книге Андрея Белого: Глоссолалия. Поэма о звуке. - М.: Evidentis, 2002.- 143 с.
17. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. - Тбилиси,- 1984,- 82 с.
18. Мандельштам О.Э. Сочинения в двух томах.- М: ХЛ. Т. 1,-1990,638с.
19. Чаадаев П.Я. Статьи и письма.- М.: Современник,- 1989,- 623 с.
20. Давыдов Ю.В. . Бестселлер.- СПб,- 2004,- 560 с.
21. Капра Ф. Скрытые связи.- М.: София,- 2004,- 336 с.

22. Баранцев Р.Г. Имманентные проблемы синергетики // Вопросы философии, - 2002, - №9. - С.91-101. См. также: Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. - М.: Наука, 2002. - С.460-477.

23. Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками // Синергетическая парадигма. - М.: Прогресс-Традиция, - 2003. - С.106-122.

24. Материалы научного дневника А.А.Любищева // XXII Любищевские чтения. - Ульяновск, - 2008. - Том 1. - С.3-53.

25. Баранцев Р.Г. Размышления о стиле // XXIII Любищевские чтения. Ульяновск, 2009. С.232-239.

(6.5.) Смысл жизни – вклад в культурное наследие

**Если бы человечество поняло смысл Существования,
то оно приобщилося бы к космическому творчеству.**

Беспредельность . 454 .

Понятию смысла (и особенно смысла жизни) посвящено множество работ ([1-3] и др.). Но определить его оказалось чрезвычайно трудно. Ю.А.Шрейдер, например, предлагает: «Смысл феномена – это внеположенная ему сущность, о которой он призван свидетельствовать» [4]. А В.И.Смирнов, апофатически отстраняя такие термины как мысль, знание, ценность, значение, бытие, сущее, решается на следующий катафатический вариант: «Смысл есть обстоятельство позволительного вхождения знания в со-знание» [5]. В.В.Налимов рассматривает смысл как интуитивную компоненту сознания, наряду с текстом (рацио) и языком (эмоцио) [6]. В поисках смысла можно видеть потребность в постижении целостности.

Выступая однажды перед земляками в Вятском госуниверситете, я говорил, что смысл человеческой жизни состоит в максимальном осуществлении личности, в реализации того, что заложено в человеке природой [7]. Создатель заботится обо всех, но каждый ли человек нужен для культурного наследия? Хочется думать, что культура наполняется только добрыми деяниями. Однако на земном уровне добро сопутствует со злом, встречаясь с ним в душе каждого человека, наделённого свободой выбора. И Божество спускается в человеческую юдоль, чтобы помочь человеку достичь божественной сферы путём постепенного уподобления. В троическом космосе дьявол уже не имеет подобающего пристанища, так что «Зло есть “privatio boni”». Эта классическая формула лишает его абсолютного бытия и превращает в какую-то тень, обладающую лишь относительным, зависимым от света бытием. Добро, напротив, наделяется позитивностью и субстанцией» ([8], с.70).

Осуществление Замысла становится возможным на уровне ноосферы, куда человечеству предстоит подниматься согласно предсказанию В.И.Вернадского. «Познавая, наш разум не наблюдает, он формирует действительность... Мысль – самая мощная сила», - писал В.И.([9], с.281 и 353). Через активность проявляется внутренняя способность материи к саморазвитию. Любопытно, что о творческой способности сознания писал и Ленин, указав, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» ([10], с.204). Не удивительно, что это место послужило предметом изощрённой и мучительной спекуляции со стороны философов, заинтересованных в материалистической трактовке такой фразы (см., напр., [11]).

Современный петербургский писатель замечает, что «Человеческая жизнь ослепительна лишь в первой её части. Затем всё более настигают страхи и понимание трагизма бытия» [12]. Мысленно отвечая, говорю, что страхи меня не берут, но понимание действительно настигает. Трагизм бытия есть уже в том, что оно остаётся незавершённым, недоопределённым, оно продолжает становиться, и человек – активный участник этого процесса. М.К.Мамардашвили, провозглашая онтологический принцип неполноты бытия [13], вероятно имел в виду, что мир постепенно становится действительностью в ходе

осмысления его человеком. Полнота нуждается в асимптотическом подходе. Живое не может быть абсолютно полным.

Остросюжетные события, доминируя локально, сами по себе с течением времени обычно утрачивают значение. Длительное влияние оказывают лишь глубинные процессы. Масштабная инвариантность коррелирует тут с культурной ценностью [14]. Сама культура есть целостность, объединяющая достижения науки, искусства и религии [15,16]. Синтез этих ветвей, реализованный в творчестве Рерихов [17], осуществлял также Гёте - натуралист, поэт, философ. В России аналогичной фигурой был Ломоносов. Или Достоевский, о котором В.С.Соловьёв писал: «Будучи *религиозным* человеком, он был вместе с тем вполне свободным *мыслителем* и могучим *художником*. Эти три стороны, эти три высшие дела не разграничивались у него между собою и не исключали друг друга, а входили нераздельно во всю его деятельность. В своих убеждениях он никогда не отделял истину от добра и красоты, в своём художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, потому что эти три живут только своим союзом. Добро, отделённое от истины и красоты, есть только неопределённое чувство, бессильный порыв, истина отвлечённая есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир. Для Достоевского же это были только три неразлучные вида одной безусловной идеи» ([18], с.305).

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся». Память культуры избирательна. Но если история, определяя рейтинг людей, народов, государств, учитывает степень их актуализации, то, реализуя наш потенциал, мы тем самым вносим нужный вклад в культурное наследие, раскрывая при этом смысл самой жизни.

Литература

1. Поиски смыслов. СПб, 2004, 176 с.
2. Трофимова Н.А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения. СПб, 2010, 110 с.
3. Шарма О. Беседы о цели и смысле жизни. М.: Саттва. 2010, 480 с.
4. Шрейдер Ю.А. Этика. М., 1998, 270 с.
5. Смирнов В.И. О понятии смысла // Человек и современный мир. СПб, 1997. С. 37-39.
6. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989, 287 с.
7. Баранцев Р.Г. Воспоминания // Сборник трудов Международной научной конференции «Методология современной науки. Моделирование сложных систем». Киров, 2007. С. 5-23.
8. Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // В кн. «Ответ Иову» М.: Канон, 2006, 352 с.
9. Аксёнов Г.П. Вернадский.- М., 1994.- 544 с
10. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Соч., 4-е изд.- М.: ГИПЛ.- 1958.- Т. 38.- С. 73-231.
11. Цзэсюнь. Является ли мыслью Ленина положение, что сознание творит мир? // Вопросы философии.- 2007.- №5.- С. 85-98.
12. Рекшан В. Хорошая книга про себя // Газета «Невское время» за 29.10.10.
13. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984, 82 с.
14. Истина и благо: универсальное и сингулярное. М.: ИФ, 2002, 376 с.
15. Борзова Е.П. Триадология. СПб, 2007, 672 с.
16. Баранцев Р.Г. Культура как синтез науки, искусства и религии // Тезисы докладов. Первый Российский культурологический конгресс. СПб. 2006. С.94. Фундаментальные проблемы культурологии. Том 1. Теория культуры. СПб: Алетейя, 2008. С. 274-278.

17. Баранцев Р.Г. Целостность рериховского наследия // Дельфис, 2005, №1. С.7-9; Рериховское наследие. Том IV, СПб, 2009. С. 685-689.
18. Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. 822 с.

(6.6.) О драматизме бытия

Идут белые снега,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
но, наверно, нельзя.

Е. Евтушенко

В газете «Невское время» не так давно была напечатана статья В. Рекшана [1], в которой автор утверждает: «Человеческая жизнь ослепительна лишь в первой её части. Затем всё более настигают страхи и понимание трагизма бытия». Мысленно отвечая, говорю, что хотя страхи меня не берут, понимание действительно настигает. Трагизм бытия можно видеть уже в том, что оно остаётся незавершённым, недоопределённым, оно продолжает становиться, и человек – активный участник этого процесса. Но трагична ли такая ситуация? Нам почему-то хочется определённости, завершённости, полноты. Однако в статике полноты, пожалуй, даже больше трагизма, чем в динамике процесса. Слова «От бытия к становлению» (From being to becoming) [2] – это не отказ от бытия, а напоминание о его динамической фазе. Оппозиция “статика-динамика” ищет разрешения в ритмике. Бытие – драматично.

М.К. Мамардашвили, провозглашая онтологический принцип неполноты бытия [3], видимо имел в виду, что мир становится реальностью в ходе осмысления его человеком. Полнота – идеал искусственный и нуждается в асимптотическом подходе. Живое не может быть абсолютно полным. «Для человека полное знание истины невозможно на земле. Истина как совершенное знание онтологична и постигается по мере духовного развития, возводясь к верховной истине – Богу» ([4], с.6). К осуществлению Замысла человек приближается на уровне ноосферы, куда нам предстоит подниматься, вступая в со-творчество. «Познавая, наш разум не наблюдает, он формирует действительность... Мысль – самая мощная сила», – догадывался В.И. Вернадский ([5], с. 281 и 353). Любопытно, что о творческой способности сознания писал и Ленин, указав, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» ([6], с.204). Не удивительно, что это место послужило предметом изощрённой и мучительной спекуляции со стороны философов, заинтересованных в материалистической трактовке такой фразы [7].

Различая разные стороны, мы ставим себя перед выбором и редко задумываемся о том, что же объединяет их в ту целостность, на которую мы покушаемся попыткой разделения. Различая материальное и идеальное, философия ставит вопрос о первичности, вместо того, чтобы показать, как в человеке эти стороны соединяются, и понять, что целое хранится в тернарной структуре. Бинарная структура распадается, если нет объединяющего фактора. К.А. Свасьян пишет о кошмаре психофизиологий, «тщетно бьющихся над проблемой совмещения души и тела, которые в силу “исключённого третьего” оказались на редкость неуживчивыми и даже альтернативными» ([8], с.67). В оппозиции к “рацио” часто выступает всё иррациональное без различия “эмоцио” и “интуицию”. Анатомическое разделение мозга на два полушария сказалось и на названии книги Д.Пинка [9], но правому полушарию автор отводит роль как раз “интуицию”, заявляя, что на смену информационной эпохе идёт век интуиции, игры и творческого мышления. Эмоциональная компонента всё же подразумевается, когда речь идёт о целостности.

Выступая однажды перед земляками в Вятском госуниверситете, я говорил, что смысл человеческой жизни состоит в максимальном осуществлении личности, в реализации того, что заложено в человеке природой [10]. Реализуя этот потенциал, человек вносит вклад в культурное наследие общества. Но каждый ли человек нужен для культурного наследия? Хочется думать, что культура наполняется только добрыми деяниями. Однако на земном уровне добро сопутствует со злом, встречаясь с ним в душе каждого человека, наделённого свободой выбора. И Божество спускается в человеческую юдоль, чтобы помочь человеку достичь божественной сферы путём постепенного уподобления. В троическом космосе дьявол уже не имеет подобающего пристанища, так что «Зло есть “privatio boni”». Эта классическая формула лишает его абсолютного бытия и превращает в какую-то тень, обладающую лишь относительным, зависимым от света бытием. Добро, напротив, наделяется позитивностью и субстанцией» ([11], с.70).

Остросюжетные события, доминируя локально, сами по себе с течением времени обычно утрачивают значение. Длительное влияние оказывают лишь глубинные процессы. Масштабная инвариантность коррелирует тут с культурной ценностью [12]. Сама культура есть целостность, объединяющая достижения науки, искусства и религии [13]. Синтез этих ветвей осуществлял Гёте - натуралист, поэт, философ. В России аналогичной фигурой был Ломоносов. Или Достоевский, о котором В.С.Соловьёв писал: «Будучи религиозным человеком, он был вместе с тем вполне свободным *мыслителем* и могучим *художником*. Эти три стороны, эти три высшие дела не разграничивались у него между собою и не исключали друг друга, а входили нераздельно во всю его деятельность ([14], с.305).

Целостность подвергается опасности, когда две стороны системной триады вступают в противоборство, а третья тщится их помирить. Пытаясь совместить материальное и идеальное, человек не всегда оказывается в силах выйти к синтезу и скатывается в одну из крайностей. Суровый быт и голубая мечта - очень отдалённые полюса. Но человек способен на поступки, не объяснимые никакой логикой. Одно движение человеческой души может перехлестнуть все цивилизационные завоевания. Логицизм науки и догматизм религии преодолеваются через искусство, которое есть «человеческое рвение подражать творческой силе Творца» ([15], с.228). Уподобляясь в своём творчестве Создателю, человек волен приближаться к Нему асимптотически [16]. Движение по этому пути и составляет драматизм человеческого бытия.

Литература

1. Рекшан В. Хорошая книга про себя // Газета «Невское время» за 23.09.2010.
2. Пригожин И.Р. От существующего к возникающему. М.:Наука, 1985, 328 с.
3. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984, 82 с.
4. Коржева Е.Ю. Творческий лик русских мыслителей. СПб, 2009, 507 с.
5. Аксёнов Г.П. Вернадский.- М., 1994.- 544 с.
6. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Соч., 4-е изд.- М.: ГИПЛ.- 1958.- Т. 38.- С. 73-231.
7. Цзэсюнь. Является ли мыслью Ленина положение, что сознание творит мир? // Вопросы философии.- 2007.- № 5.- С. 85-98.
8. Свасьян К.А. Становление европейской науки. М.: Evidentis, 2002, 438 с.
9. Пинк Д. Будущее за правым полушарием. М.: РИПОЛ, 2009, 320 с.
10. Баранцев Р.Г. Воспоминания // Сборник трудов Международной научной конференции «Методология современной науки. Моделирование сложных систем». Киров, 2007. С. 5-23.
11. Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // В кн. «Ответ Иову» М.: Канон, 2006, 352 с.
12. Истина и благо: универсальное и сингулярное. М.: ИФ, 2002, 376 с.

13. Баранцев Р.Г. Культура как синтез науки, искусства и религии // Фундаментальные проблемы культурологии. Том 1. Теория культуры. СПб: Алетейя, 2008. С. 274-278.
14. Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
15. Барабтарло Г.А. Троичное начало у Набокова // Звезда, 2000, № 5. С. 219-230.
16. Баранцев Р.Г. Асимптотичность человека // Творение – Творчество – Репродукция: исторический и экзистенциальный опыт. СПб: Эйдос, 2003. С. 53-63.

О.Э. Бессонова

15.4. ТЕОРИЯ РАЗДАТКА В РОССИИ СЕГОДНЯ – ОЧЕРЕДНОЙ ЦИКЛ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РАЗДАТОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ?

Несколько вступительных слов

*Эту небольшую книгу (меньше 5 печ. листов): **Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ.** Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997, - мне недавно прислал из Новосибирска мой друг и коллега **Владимир Исаакович Герчиков** (ныне покойный. – А. А. 2013).*

Еще при встрече в Петербурге (1999) В. Г. рассказывал мне о «мощной» социально-экономической теории своей коллеги. Теория, действительно, мощная, т. е. многое объясняет в российской жизни и истории.

Тираж этой брошюры - всего 500 экз., вряд ли многие ее читали. Мне показалось важным хоть чуть-чуть расширить круг читателей.

Ниже - композиция извлечений из упомянутой книги. В скобках указаны страницы по названному изданию. (Декабрь 1999).⁷⁰

= Из книги О. Бессоновой «Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ» (1997)⁷¹

Исходные положения теории раздатка

Теория раздатка основывается на предположении, что наряду с рыночными экономическими системами существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие свои собственные законы развития - раздаточные экономики. В рамках теории раздатка выдвигается гипотеза, что экономическая система России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей ее экономической истории с X века по XX век, а экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики.

Как следствие этой гипотезы выдвигается положение о переходных периодах, в рамках которых происходит модернизация институтов раздаточной экономики за счет внедрения элементов частно-рыночного происхождения. Теория раздатка описывает основные институты раздаточной экономики, выявляет механизмы функционирования раздаточных систем и раскрывает процесс эволюции раздаточной социально-экономической системы в России.

Теория раздатка исходно базируется на следующих методологических принципах:

---

⁷⁰ **Ольга Эрнестовна Бессонова** - с 1980 г. по настоящее время работает в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН, где прошла путь от аспиранта академика Т. И. Заславской до доктора наук — автора новой концепции — теории раздаточной экономики. С 2007 г. — сотрудник Центра Россияведения ИНИОН РАН. В 2009 г. — руководитель группы по разработке жилищной стратегии Сибири и Новосибирской области. Автор более 90 научных работ. (Из «Википедии»)..

⁷¹ Электронная версия - <http://razdatok.narod.ru/books/BessonovaBook97.pdf> .

1. Принцип **объективности** - экономические закономерности не зависят от воли и желаний отдельных личностей. Этот принцип был сформулирован А. Смитом во второй половине XVIII в. До Смита «даже высокообразованные люди верили, что только благодаря неусыпному вниманию государственных мужей общество удерживается от неизбежного возврата в состояние беспорядка и дикости» (Хейне П. Экономический образ мышления. М.: Дело, 1992, с. 22).

Теория раздатка признает факт существования не только рыночных систем, но и столь же объективных раздаточных экономических систем, имеющих собственные законы развития.

2. Принцип **естественности** - раздаточная экономика не является искусственным образованием, сконструированным по политическим программам или плану диктатора, она, как и рыночная экономика, - естественный результат развития хозяйственной жизни в определенных материальных условиях.

3. Принцип **историзма** - рыночные и раздаточные отношения зародились в древности на заре человеческой цивилизации в примитивных синкретических формах, и в процессе эволюции развивались и превращались в современные институты.

4. Принцип **саморегулятивности** - в социально-экономических системах существуют естественные каналы обратной связи, на которые ориентируются лица, принимающие решения.

Раздаточная экономика - это экономическая система, обладающая следующими признаками:

- Вся **собственность** (земля, средства производства, инфраструктура) носит **общественно-служебный характер**: отдельные ее части передаются хозяйствующим субъектам под условия выполнения правил ее использования и управляются специальными государственными органами.

- В основе экономической организации лежит **служебный труд** - участие в трудовом процессе на объектах общественно-служебной собственности и (или) выполнение определенных функций в интересах всего общества.

- Обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей в рамках общественно-служебной собственности осуществляется через **институт раздач**.

- Выполнение производственных задач и формирование общественного богатства происходит через **институт сдач**.

- Сигналы обратной связи, отражающие реакцию всех участников общественного воспроизводства на возникающие проблемы, передаются посредством **института административных жалоб**.

- Движущим механизмом раздаточной экономики является **механизм координации сдаточно-раздаточных потоков**. Для реализации этого механизма служат соответствующая система управления и финансовые институты, отражающие специфику раздаточной системы.

В теории раздатка используется новый категориальный аппарат, опирающийся на термины российского экономического быта. Этот прием уже применялся при построении рыночной теории:

«Попытки теоретизирования с помощью обыденных понятий рынка являются началами всех экономических теорий, и эта сила обыденных понятий не является сама по себе недостатком а, напротив, представляет собой недостаточно высоко оцененное преимущество для научного мышления, непосредственно получающего доступ к непостижимо богатым источникам жизненного опыта... Язык жизни оказывает высшую услугу научному мышлению, показывая пути, по которым можно проникнуть в скрытое ядро жизненного опыта» (Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992, с. 442).

Этот прием крайне важен для выявления сути экономической системы рыночного типа, существующей в России. Обычные методы введения новых понятий из

другой экономической среды приводят к расхождению заимствованных названий и реального экономического содержания.

«Русская действительность, обозначаемая заимствованным термином, не укладывается в него, не узнает себя в нем. Эти слова становятся знаками другой жизни; в то же время происходит как бы подмена сути» (Ушаков В. Немыслимая Россия / Иное. Россия как идея. М.: Аргус, 1995, с. 395).

Эволюция раздаточной системы в России прошла уже три институциональных цикла, каждый из которых состоит из основного и переходного периодов (рис.). (4-6). <...>

Вкратце

*Предлагаемый рисунок имеет вид условного графика, где по оси абсцисс откладываются века, а по оси ординат - «уровень развития институтов развития раздаточной экономики», причем подъемы этого уровня приходятся на **основные** периоды, а спады - на **переходные** периоды, при: а) нарастающем общем уровне развития названных институтов, б) увеличении амплитуды подъемов и спадов и г) сокращении сроков основных и переходных периодов.*

<...> 1-й институциональный цикл пришелся на конец IX в. [когда, по мысли автора, «институт раздач только начал формироваться». - А. А.] и продолжался до начала XIII в. В истории этот период обозначают «Киевская Русь». За ним последовал первый переходный период (удельные века - XIII-XV вв.).

2-й институциональный цикл охватывает период с конца XIV в. до середины XIX в. (Московско-Петербургский период). С середины XIX в. до первой трети XX в. длился второй переходный период, известный под названием «развитие капитализма в России».

3-й институциональный цикл имеет достаточно четкие границы - 1930-1990-е гг. (советский период). С конца XX в. реализуется программа рыночных преобразований и протекает третий переходный период.

Принципы выделения **институциональных циклов** в исторической ретроспективе базируются на типологии институциональной среды раздаточной экономики, исходя из степени развития сдаточно-раздаточных отношений. Каждый институциональный цикл характеризуется определенной формой проявления институтов раздаточной экономики которая преобразуется в переходные периоды. Каждый институциональный цикл начинается с новой формы государственности и с отрицания институциональной среды переходного периода. **переходные периоды** характеризуются распространением элементов, похожих на элементы европейских институтов соответствующего исторического периода (феодальных - в начале XIII - XV вв., капиталистических - в середине XIX - начале XX вв., рыночных - в конце XX столетия).

Три институциональных цикла представляют собой три последовательные стадии развития институтов раздаточной экономики. (7-8). <...> -^

Вкратце

Далее автор рассматривает структуру и логику развития основных институтов раздаточной экономики. Здесь приведем лишь некоторые определения.

Институт раздач:

*«...объектами раздач могут выступать все виды материальных и нематериальных объектов: земля, рабочая сила, деньги, жилье, услуги и продукты, наконец, чины и должности. Тот объект, который включен в институт раздач, становится **раздатком**...» (с. 9 указ. книги). «Раздаток является клеткой социально-экономического механизма раздаточной экономики, подобно тому, как товар является клеткой товарно-денежных отношений и рыночной системы» (Там же).*

Институт сдач:

*«...если под **раздачей** понимается процесс передачи материальных благ, ресурсов или услуг из единой собственности во владение различных субъектов хозяйственной жизни, то под **сдачей** понимается обратная передача в распоряжение всего общества вновь созданных или имеющихся (необходимых обществу материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов и частных лиц... использующих какой-либо вид раздатка» (с. 19).*

Институт общественно-служебной собственности:

под последней понимается «...вся совокупность природных и созданных объектов определенного сообщества, поступающих к членам этого общества посредством института раздач для обеспечения ответных сдач, и не принадлежащих ни их владельцам (по-видимому, имеются в виду хозяйствующие субъекты. - А. А.), ни управляющим или политическим властям, поскольку объем прав по распоряжению этими объектами распределен по установленным правилам между хозяйствующими и управляющими субъектами» (с. 42).

Книга О.Э. Бессоновой содержит краткий очерк циклического развития каждого из названных институтов, а также обеспечивающих денежное обслуживание сдаточно-раздаточных потоков специфических - в условиях экономики данного типа - финансовых институтов (денежное обращение, ценообразование, государственный бюджет), на протяжении тысячелетия российской истории.

При этом основные факты социально-экономической истории России вполне укладываются в предложенную ею циклическую модель.

«...От цикла к циклу все большее число материальных и нематериальных объектов попадало в сферу действия института раздач, углублялось проникновение института раздач в хозяйственную и потребительскую жизнь общества, все более отлаженной становилась законодательная и нормативная база раздачи, совершенствовались механизмы и технология раздач...» (с. 18).

Так же, от цикла к циклу, происходило развитие и других институтов раздаточной экономики, что прослеживает автор.

Ниже - в сокращении - заключительная глава этой книги.

Переходные периоды

Между основными периодами раздаточной экономики имели место переходные периоды. Переходными они называются потому, что в них происходило спонтанное преобразование устаревших институтов раздаточной экономики в рамках расширившегося до всей системы института рыночной торговли и частного предпринимательства. Эти периоды отличались от всего хода исторического развития и потому вызывали острые дискуссии среди историков относительно их места и роли в развитии российской экономической системы.

«Такие эпохи, столь утомительные для изучения, имеют свое и немаловажное историческое значение. Это так называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами. Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего. Их значение не в них самих, а в их последствиях, в том, что после них вышло» (Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9 томах., т. 1. М.: Мысль, 1989, с. 351).

К ним относятся (по гипотезе в рамках институциональной теории раздаточной экономики):

- начало XIII - середина XV вв. (удельные века), - вторая половина XIX в. до первой трети XX в., - современный период рыночных реформ.

Характерные черты переходных периодов следующие:

1. Переходные периоды берут свое начало на фоне кризиса институтов раздаточной экономики, когда существующая институциональная среда утрачивает свою эластичность и не соответствует изменившимся материально-технологическим условиям и потребностям всех групп населения.

2. С самого начала переходного периода происходит глубокая трансформация института общественно-служебной собственности посредством передачи прав на многие ее объекты частным лицам или коллективам в полное владение.

3. На всем протяжении переходного периода доминирующее положение занимает институт рыночной торговли и частного предпринимательства, развертывание которого состоит в заимствовании многих институциональных элементов из рыночной среды стран Европы или Америки.

4. В рамках переходного периода институциональная среда раздаточной экономики усваивает новые элементы или находит для себя новые формы, на основе которых преобразуется в новое качество и к концу периода начинает вытеснять или ограничивать институт рыночной торговли и частного предпринимательства.

5. В переходные периоды накануне нового институционального цикла происходит изменение государственности (Киевская Русь - Московско-Петербургская Россия - СССР - Российская Федерация), как знак политического отрыва от старых институциональных форм и перехода к новым, что позволяет привести в соответствие политические институты с социально-экономическими на новом историческом этапе.

6. Ценности и условия жизни подавляющего числа людей входят в противоречие с институциональной средой переходного периода, в которой доминирует институт рыночной торговли и частного предпринимательства и прекращает действовать институциональный канал обратной связи через административные жалобы, что выливается в поддержку ими всех действий государства по восстановлению в новом виде институтов раздаточной экономики.

7. Конец переходных периодов выглядит как сворачивание института рыночной торговли и частного предпринимательства на фоне разворачивания институтов раздаточной экономики. Результатом является модернизация раздаточной экономики и начало нового институционального цикла ее развития.

8. Внешне, по характеру институциональной среды и по распространенным названиям новых экономических явлений переходные периоды напоминают европейские экономические системы в конкретный исторический период и потому часто получают в теориях соответствующие названия: так, первый переходный период получил название «феодализма» в работах Н.П. Павлова-Сильванского и его сторонников, второй переходный период - именовался «капитализмом» в работах В.И. Ленина и марксистской школы в СССР на протяжении 70 лет, и, наконец, третий переходный период - называется периодом «построения рыночной экономики» в современной экономической и социологической литературе.

Кризис институтов раздаточной экономики выражается в том, что они перестают обеспечивать координацию потоков сдач и раздач как в рамках всего государства, так и на уровне отдельных социальных групп. Это означает, что весь совокупный объем сдач уже не может перекрыть установившийся на определенном уровне объем общественно-необходимых раздач. При этом в явном виде проявляется дисбаланс того, что отдают и что получают разные социальные группы. Никакие внутренние экономические реформы уже не могут помочь раздаточной экономике справиться с накопившимися проблемами. В течение всех институциональных циклов кризис проявлялся в резком социальном расслоении, экономическом спаде и политической неуправляемости. В такой ситуации наступает переходный период, который начинается с преобразования института общественно-служебной собственности в институт частной собственности. (62-64).

<...> Институты переходных периодов часто сравнивают с европейскими институтами соответствующего исторического времени. В своих многочисленных

работах Н.П. Павлов-Сильванский устанавливал «тождество основных начал строя удельной Руси и феодальной Европы» (Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988, с. 482). В главной из них («Феодальные отношения в удельной Руси») он проводит точную (иногда - буквальную) параллель между определенными явлениями западного феодализма и русскими удельного периода; это – вассальные службы, ленное землевладение и раздробление суверенной власти. Все эти пункты весьма существенные, однако взятые в совокупности совершенно непримиримы с общим пониманием удельного государства (Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995, с. 289).

Другими словами Н.П. Павловым-Сильванским зафиксирован **квазифеодализм**, при котором многие явления внешне напоминают свои европейские аналоги, но по существу, по генезису и по последствиям резко от них отличаются. Именно поэтому феодализм удельной Руси развивался не по классическим закономерностям, а превратился в свою противоположность - самодержавное государство с обязательной службой всех групп населения. Автор теории феодализма на Руси понимал это:

«...я в своих работах имел в виду удельную Русь XIII - XV столетий с ее феодальными порядками, противоположными московскому государственному строю» (Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч., с. 482).

Аналогичная ситуация происходит и с теорией капитализма в России, который фиксируется со времени отмены крепостного права и до Октябрьской революции 1917 г. С одной стороны, действительно многие явления весьма схожи с капиталистическими в европейском понимании этого строя, с другой стороны, экономическая система этого периода имеет настолько сильную специфику, что вызывает сомнения относительно ее капиталистической природы.

«К началу XX века в России уже утвердился капитализм, но произошло это значительно позже и во многом иначе, чем в крупных странах Запада. В силу различных исторических и географических причин капитализм в России лишь в малой степени выступил в своей классической форме - форме свободной конкуренции. В основном же его развитие шло «сверху» путем властного вмешательства государства и при широком участии иностранного капитала» (Боффа Д. История Советского Союза. В 2-х томах. М.: Международные отношения, 1990, с. 16).

Здесь также установлен феномен **КВАЗИКАПИТАЛИЗМА**, при котором явления лишь по форме напоминают капиталистические, а по сути несут всю специфику очередного преобразования раздаточной экономики.

«Историческая действительность, в которой развивался капитализм в России, в корне отличалась от той действительности, в которой капитализм родился и развивался в своих классических формах» (Боффа Д. Указ. соч., с. 25).

Результатом такого квазикапитализма стало возрождение нового раздаточного государства на территории России.

Квазирыночная природа существующих в конце XX столетия экономических отношений в России все более осознается обществом. Вот одно из многих характерных высказываний о природе российского рынка:

«Стихия рынка воспринимается как отсутствие вех и всяческих ограничений, но не как специфическая форма трудовых и социальных отношений. Рынок базируется на принципах договора и открытости, а наш «рынок» - на принципах экономической гражданской войны, потому что не прошел процесс создания самостоятельных фирм, а произошло разваливание единого целого на отдельные удельные княжества, сохраняющие все те же принципы хозяйственного обустройства» (Ушаков В. Указ. соч., с. 416).

Вместе с тем, с точки зрения теории раздатка переходные периоды не являются отступлением от поступательного развития институтов раздаточной экономики, а напротив представляют собой имманентные фазы их развития. Институциональная среда раздаточной экономики по своему устройству достаточно сложна и, находясь в кризисном состоянии, не может быть реформирована по определенному плану группой даже самых

достойных реформаторов. Поэтому в переходные периоды осуществляется спонтанное преобразование базовых институтов раздаточной экономики за счет вывода всех сфер из-под контроля государства и предоставления инициативы всем группам населения и всем хозяйствующим субъектам.

В переходные периоды происходит столь глубокое видоизменение институциональной среды, что каждый следующий этап развития воспринимается как абсолютно новое явление, слабо связанное с предыдущими историческими этапами. Между тем именно в переходные периоды происходит выбор дальнейшего направления институционального развития и находятся такие формы, технологии и способы, которые преобразуют устаревшие институты раздаточной экономики в новые, адекватные материально-технологической среде и потребностям общества. (66-68).

(Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, ИЭиОПП СО РАН. 1997, с. 4-8, 62-68) ⁷²

Ремарка: теория - гипотеза!

Непротиворечивая внутри себя и, по-видимому, адекватная российской экономической истории (включая наши дни), эта модель все же остается гипотезой, которая нам кажется уязвимой в силу некоторых теоретических соображений.

А именно:

Во-первых, эта гипотеза опирается, насколько мы понимаем, на не заявленное представление о безусловном главенстве одной «движущей силы» истории (своего рода социально-экономический детерминизм).

Во-вторых, эта гипотеза фактически постулирует «нетленность» (самосохранение?) некоего однажды зародившегося системного качества (здесь - «раздаточная экономика»), притом что, по мысли автора, происходит циклическое самообновление системы, обеспечивающее возможность его, этого качества, «возрождения» в новом цикле.

Наконец, третья неявная посылка: относительная закрытость системы; последняя оказывается открытой лишь настолько, чтобы иметь возможность сохранить и поднять «на новый уровень» (упрочить?) свое имманентное качество в процессе однонаправленного развития.

Метафорически логику этой модели можно выразить формулой: «Шаг «назад» (к частной собственности) - два шага «вперед» (к общественно-служебной собственности)».

Я вовсе не хочу утверждать ни принципиальную невозможность, ни даже историческую нежизнеспособность никаких иных социально-экономических систем, кроме рыночной, и никакой иной формы собственности, кроме частной. Но не могу согласиться с предопределенностью преобразования устаревших институтов раздаточной экономики в новые - «адекватные материально-технологической среде и потребностям общества» - институты все той же раздаточной экономики (и только ее, если я правильно понял).

Превалирование «социальной наследственности» над «социальной изменчивостью» не может быть абсолютным в социальном пространстве, если это пространство является частью глобального. А оно таковой (частью) является.

Представление о нелинейности исторического процесса (как в мировом, так и в региональных масштабах) ныне все более утверждается в научном сознании. Не противоречит оно также и всемирно-исторической практике.

---

⁷² См. также: Бессонова О., Кирдина С., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск, 1996; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М: Теис, 2000.

(Замечу в скобках, что именно это представление позволяет сегодня, как и прежде, многим «пессимистам по наблюдениям» оставаться «оптимистами по убеждениям»...)

Буду рад, если высказанные здесь беглые соображения будут услышаны глубоко уважаемым мною автором теории раздатка. (Май 2000).

А.В. Блюм

15.5. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАЙН

Несколько вступительных слов

*В «Драматической социологии...»⁷³ коротко рассказывалось о практике нового засекречивания приоткрытых в начале 1990-х гг. фондов и дел в бывших партийных, ныне - государственных архивах, с которой столкнулся 10 лет спустя мой друг, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусства **Арлен Викторович Блюм** (ныне покойный. – А. А. 2013).*

Ниже - его статья на эту тему, опубликованная, под названием «Какое милое у нас тысячелетье на дворе, или «Митька, крути кино обратно»: что объявлено снова гостайной в 2000-м», в журнале «Посев» (2000). (Сентябрь 2000).

(1)

= Из журнала «Посев» (2000)

Какое милое у нас тысячелетье на дворе, или «Митька, крути кино обратно»: что объявлено снова гостайной в 2000-м

Господ текстологов-пуристов автор просит не беспокоиться: он знает, что строка Пастернака в стихотворении «Про эти стихи» звучит несколько иначе («Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»); слегка изменена и вторая часть названия, почерпнутая из рассказа Арк. Аверченко «Фокус великого кино». Прочитав подзаголовок статьи, читатель может подумать, что речь в ней пойдет о так называемом «разглашении» экологических, военных и прочих гостайн, вызвавшем недавние громкие процессы Александра Никитина в Петербурге и Григория Пасько во Владивостоке, закончившиеся, к счастью для них, полным повалом акций ФСБ и прокуратуры. Нет, речь пойдет о документах полувековой и более давности. В начале 90-х на некоторое время они были открыты, а теперь снова заточены в архивные спецхраны.

***

С молодых, аспирантских ногтей, интересовался я, в числе прочих историко-литературных сюжетов, историей российской цензуры. Поначалу все, от кого это зависело, относились к ней довольно спокойно, тем более, что речь шла о «проклятой царской» цензуре. В 60-е удалось мне даже написать и защитить диссертацию на весьма экзотическую тему, касающуюся провинциальной цензуры XVIII века.

И в дальнейшем статьи по этому предмету печатались свободно, пока, в начале 70-х, ситуация резко не изменилась. Я и мои коллеги, занимавшиеся подобной тематикой, стали вдруг получать невразумительно звучащие отказы из редакций журналов и

---

⁷³ См. ДСИСА – 2 (Глава 10).

издательств. Моя добрая приятельница, работавшая редактором одного из журналов, где прежде печатались мои статьи, на мой недоумевающий вопрос - «В чем причина такого резкого охлаждения к историко-цензурной теме?» - загадочно ответила: «На твою последнюю статью велено посмотреть сквозь призму чехословацких событий». - «Да в жизни я ничего не писал о Чехословакии!» - «Наивный ты человек! А ты подумай...» Ага, подумал я, «пражская весна» 1968 г. началась действительно в результате резкого ослабления цензурного контроля, а закончилась советскими танками... Кстати, позднее стала известна такая примечательная история. Рассказывают (возможно, это апокриф, хотя и очень характерный), что как раз в это время группа советских писателей обратилась к главному партийному идеологу М.А. Суслову, с жалобой на засилье главлитовских чиновников, своими мелочными придирками мешающих им «творить». Суслов ответил им: «В Праге отменили цензуру, и мы вынуждены были ввести туда танки. Если мы отменим цензуру, кто будет вводить танки в Москву?».

Как мне тогда стало известно, руководители издательств и журналов получили негласное распоряжение Главлита: как можно меньше касаться такой скользкой темы, как цензура, хотя бы и относящейся к далекому прошлому (даже зарубежной), а еще лучше - вообще о существовании такого института ничего не говорить. Нет у нас цензуры... да и не было. Что ж, это более или менее понятно: идеологические надсмотрщики, отлично информированные о российском искусстве чтения между строк, всегда опасались появления у читателей аллюзий или, как они их называли, «неконтролируемых ассоциаций».

Но вот грянула милостиво дарованная свыше «гласность»... Главлит и его местные инстанции, до последнего вздоха боровшиеся за свои прерогативы, все-таки вынуждены были ослабить цензурные вожжи. Однако сами главлитовские документы по-прежнему составляли тайное-тайных, оставались под грифом «секретно», исследователям они были практически недоступны. Лишь в конце 80-х им удалось, наконец, заглянуть в некоторые из них. В известном смысле, их ждало разочарование. Основной фонд Главлита, хранящийся в ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) содержит документы, начиная лишь с 1922 г. По официальной справке, полученной мной и моими коллегами, весь архив за предшествующие 16 лет «полностью утерян» (во что трудно поверить). Многие ценнейшие документы Главлита были уничтожены по его же приказу в последние «перестроечные» годы, когда время самого цензурного учреждения уже было сочтено. Так, например, в 1990-м, за год до ликвидации цензурного ведомства, им разослано на места секретное распоряжение «Об архивах Главлита», которое предписывало «...дела с «Перепиской с партийными и государственными органами республики (края, области)»... исключить из «Описей дел постоянного хранения», установив временный срок хранения не более трех лет, и предоставить право руководителям местных органов «...уничтожать эти дела по своему усмотрению». В некоторых случаях «рукописи» все же действительно «не горят»: «цензуроведы» обнаружили ценнейшие документы, «отложившиеся» в различных ведомственных (партийных, прежде всего) архивах.

Автору этих строк посчастливилось в начале 90-х проникнуть в только что рассекреченные фонды бывшего Ленинградского партийного архива, переданного в 1991 г. государству: теперь он стал называться ЦГА ИПД (Центр. Гос. Архив историко-политических документов). Тогда (в 1991-93 гг.) я с большой пользой для задуманных мною работ по истории советской цензуры изучал обширные пласты документов 20-30-х гг., входящих в описи так называемого «Особого сектора» обкома (фонд 24, описи 2-6, 2-в). В него поступали, в частности, материалы НКВД Ленинградской области, а главное - из Леноблгорлита (ежедекадные сводки важнейших «вычерков», конфискаций и запрещений, сделанные по распоряжению ленинградской цензуры). Как ни странно, именно в бывших партийных архивах, только что переведенных на «госхранение», сложилась ситуация «наибольшего благоприствования».

Две почтенные дамы - сотрудницы архива, честно предупредив меня, что дела из фонда «Особого сектора» рассекречены только до 1941 г., беспрепятственно позволяли знакомиться с документами 30-х гг. Возможно, в этом сыграл большую роль «послеавгустовский» синдром 1991 г., когда, после неудавшегося «первого» путча, испуганные и дезориентированные власти, не зная, куда подует ветер, на всякий случай решили несколько расширить, как они выражались, «зону открытости». Эти документы широко использованы мною для целого ряда статей по истории советской цензуры и двух книг, выпущенных питерским издательством «Академический проект» соответственно в 1994 и 2000 гг. («За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929» и «Советская цензура в эпоху тотального террора: 1929-1953»).

***

Спустя семь лет, в марте 2000, решив кое-что уточнить в уже **просмотренных ранее делах** и ознакомиться с некоторыми «недосмотренными», я подал требование на десять дел. К моему удивлению, через неделю мне выдали только **три** дела, против остальных на моем требовании стояла пометка «н/в», что означает «не выдается». Более того: даже в предоставленных мне трех делах листы процентов на 70-80 были скреплены во многих местах большими скрепками. В дальнейшем, видимо опасаясь, что скрепки могут вылететь, и я смогу заглянуть в закрытые листы дел, их стали облекать в картонные папки, перевязывать бечевками и скреплять резинками - для пущей надежности. Представляю, сколько труда и времени понадобилось архивистам для этой совершенно бессмысленной работы! Со временем они решили облегчить свой нелегкий труд, «закрывая» без всякого разбора и смысла подавляющую часть 200-листового, скажем дела, причем подряд, с первого же листа, фиксируя это в особой помете на поданном мной требовании (например: «Кроме листов 1-180»).

За свой 40-летний опыт работы в различных архивах такое я увидел впервые. На мой недоуменный вопрос - «Что же это значит?» - мне разъяснили, что такие дела полностью или частично содержат «гостайну и разглашают конфиденциальные сведения, порочащие честь и достоинство личности». Когда я указал на **собственную** подпись в листе использования одного из дел, я услышал доводы, которые вкратце можно свести к следующему: 1. Вы попали тогда в хорошее время (!). Мой вопрос - «сейчас, значит, плохое?» - остался без ответа... 2. Мы руководствуемся последними законами о гостайне. Ельцин неосмотрительно (!) в 1993 г. своим указом приказал рассекретить многие документы, но в 1995 г. вышел федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации», которым мы сейчас и руководствуемся. Принесли закон... Когда я указал на ст. 10 этого закона, гласящую: «запрещено относить к информации с ограниченным доступом документы, содержащие информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, документы, представляющие общественный интерес или необходимые для реализации прав, свобод и обязанностей граждан», то никакого вразумительного ответа я также не получил. 3. «Благодарите (**кого это, интересно?** - А. Б.), что вы доктор филологических наук: в противном случае мы бы вообще вам ничего не выдали».

Такая же ситуация повторялась в течение двух месяцев: я получал не более 10 % заказанных архивных дел, но и в них подавляющая часть листов была «закрита» указанным выше способом. Более того, на многие дела я стал получать отказы с такой убийственной универсальной формулировкой: «Не по теме». Почти часовая беседа с директором архива не дала ничего нового - доводы все те же, если не считать одного, окончательно меня сразившего. Когда я сослался на то, что одно из не выданных мне дел за 1936 г. (ф. 24, оп. 2-в, д. 1837) я не только в свое время смотрел, но и большую часть **опубликовал** в статье («Искусство идет впереди, конвой идет сзади. Дискуссия о формализме 1936 г. глазами и ушами стукачей. (По секретным донесениям агентов госбезопасности)» // Звезда, 1996, N 8, С. 218-228), то услышал совершенно замечательную формулу: «**Факт публикации документов еще не означает их**

рассекреченности» (!). Моя апелляция к ст. 13 закона «О государственной тайне» - «Срок засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не должен превышать 30 лет»; а также к ст. 20 «Основ законодательства об архивах» («Использование документов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, разрешается по истечении 30 лет со времени их создания...») - также не вызвала никакой реакции. Не помогла и ссылка на ст. 140 Уголовного кодекса, по которой «неправомерный отказ должностного лица в предоставлении документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, наказываются...» (далее перечислены различные степени наказания - от штрафа до «лишения права занимать определенную должность на срок от 2 до 5 лет»). После долгих проволочек и очень неохотно мне даже выдали ксерокопию двух моих требований с пометами об отказе (см.)⁷⁴, хотя моя просьба - выдать мотивированный ответ о причинах отказа (это также предусмотрено отказом) - была не услышана. Никакого впечатления не произвела и ссылка на Конституцию, запретившую цензуру и гарантирующую свободный доступ к общественно значимой информации. Самое страшное, что **теперь они уже ничего не боятся.**

***

Что же содержится в засекреченных делах? Надо сказать, что архивистам очень не повезло в моем случае: они, как говорится, «попали в анекдот»... Если бы я не видел ранее этих документов и не сделал бы из них подробных выписок, то можно было бы предполагать, что в них содержатся Бог знает какие секреты, «разглашение» которых грозит государству неисчислимыми бедами, а, может быть, и полным его разрушением. Я могу теперь с абсолютной точностью и уверенно сказать, что в них ровным счетом ничего, составляющего «гостайну или конфиденциальные сведения», не содержится. В них нет ни расшифровки имен «н / источников», т. е. «наших источников», как назывались тогда штатные и нештатные осведомители (может быть, и напрасно - вспомним солженицынское: «Родина должна знать своих стукачей!»), ни других «конфиденциальных» сведений. В указанном выше «деле о формалистах «н/источники» фигурируют только под агентурными кличками: «Морской» и «Измайлов». Неужели мы теперь даже их кличек не имеем права знать?

В этих делах - обычная рутинная переписка, в основном - донесения НКВД в Ленинградский обком на имя Жданова о случаях «вредительства» в Ленинграде и области. Сообщается о настроениях людей в связи с повышением цен, заключением в августе 1939 г. пакта «Молотова-Риббентропа», «антисоветских» разговорах в магазинах и даже в банях, о пожарах и тому подобных «происках вредителей», вплоть до совершенно курьезного «спецдонесения» «О недостатках случайной кампании в колхозах Ленинградской области» (речь идет о лошадях). Примеров, иллюстрирующих бдительность современных архивистов, я мог бы привести множество. Ограничусь лишь двумя.

Самое позднее дело, которое мне все-таки выдали, хотя и в «купированном» виде, относится к 1947 г. (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2-в, д. 8207). Мое внимание привлекла, естественно, «Докладная записка», посланная в Особый сектор Обкома начальником Леноблгорлит Чахиревым 6 февраля 1947 г., в которой он на 15 листах подробно отчитывается перед партийным начальством о «проделанной работе» за отчетный 1946 г. Сообщает он о количестве «вычерков» (купюр, на цензорском жаргоне), сделанных его подчиненными в ленинградских журналах и газетах, проверках библиотек, книжных магазинов и т.д. Вдруг я снова натолкнулся на скрепки, закрывающие последние 6 листов отчета, что подтверждено и пометой на требовании («кроме листов 44-50»). Тогда сотрудники архива еще не применяли столь решительных способов «закрытия», о которых говорилось выше, ограничившись помощью нескольких скрепок. Каюсь,

---

⁷⁴ В журнале «Посев» одна из этих копий приводится, факсимильно.

любопытство превозмогло, и пусть меня привлекут к ответственности за разглашение гостайн, но я заглянул в засекреченные листы дела. И что же я там обнаружил? Оказывается, этот раздел отчета посвящен распределению обязанностей между старшими цензорами («выделены наиболее квалифицированные и опытные сотрудники»). На всякий случай, я опускаю имена - из опасения подвергнуться санкциям за «разглашение» все тех же «конфиденциальных сведений», порочащих их честь и достоинство: сообщалось, что цензор такой-то «ведет» художественную литературу, такой-то - научно-техническую и т. д. Но вот, кажется, действительно, «криминальное» место в скрепленных листах. Речь идет о разделе «Политическая и общеобразовательная работа сотрудников», в котором говорится о том, что все цензоры «охвачены политучебой»: кто-то учится в университете марксизма-ленинизма, кто-то - в «кружке текущей политики». Начальник Леноблгорлита все же сетует на то, что не все цензоры (внимание!) повышают свой деловой и политический уровень. Это, в частности, привело к тому, что цензор (такой-то) «...подписал к печати и выпустил в свет пригласительный билет с текстом: «Слава победителям Советской Армии!»».

Здесь же говорится, что цензор имярек «...за полгода изучил всего три первых главы «Краткого курса истории ВКП(б) и два произведения В.И.Ленина, другой «...совершенно слабо разбирается даже в первых главах «Краткого курса». Последнему «...сделано категорическое предупреждение об освобождении от работы, если он серьезно не займется повышением своей квалификации», а всем другим «...отстающим сотрудникам дано указание и назначены сроки вторичной проверки по темам и вопросам, которые они знают слабо». И это - все!

Порывшись в своих архивных выписках 8-летней давности, я обнаружил листок с моей пометкой: «Чего здесь только нет!». Ради курьеза, не думая, что мне это может когда-нибудь пригодиться, я выписал тогда несколько «спецсообщений» начальника ленинградской госбезопасности о «вредительских вылазках». Одно из них, датированное 1938-м годом, посвященное уже упоминавшейся выше «случной кампании», особенно красочно, и именно эти листы оказались в числе закрытых в 2000-м... Еще раз нарушим тайну:

«Секретно. Секретарю Ленинградского обкома ВКП(б). Смольный.

О НЕДОЧЕТАХ В ХОДЕ КОНСКОЙ СЛУЧНОЙ КАМПАНИИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ РАЙОНАМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.

Проведенной нами выборочной проверкой установлено, что конская случная кампания пушена на самотек. Зафиксирован ряд случаев, когда председатели колхозов срывают конскую случную кампанию, используя жеребцов-производителей на полевых работах и, наряду с этим, пропуская время для случки, когда конематки были в охоте... В колхозе «Красная звезда» Шанинского с/с имеющийся племенной жеребец... (кличка опускается - опять-таки из опасения разгласить «конфиденциальные, порочащие его честь и достоинство...» сведения. - А.Б.) обезличен (не знаю, что это такое: может быть, кастрирован? Но каков термин! - А. Б.). Планом предусмотрено покрыть 2.863 кобылицы, а покрыто только 700. В колхозе «Красный маяк» Ляпинского с/с жеребец производитель (кличку опускаем. - А. Б.), в результате использования его на тяжелых работах, истощен и выведен из строя.

Начальник УНКВД - комиссар госбезопасности 3-го ранга... подпись». (Кличку (тьфу! имя) опускаем все по той же причине. - А. Б.).

Такой вот театр абсурда... Как говорится, «чистый Орвелл». В чем же причина такого припадка параноидальной бдительности, вдруг обуявшей архивистов? Что это? Самодеятельность? Произвол, Генетический страх, вошедший в сознание на несколько поколений вперед? Желание проявить свою власть? Наверное, все вместе... Но вот какое почти мистическое совпадение: вся эта история разыгралась буквально на **следующий** день после выборов президента (27 марта - см. дату на ксерокопии). Видимо, сотрудникам архива тотчас же захотелось пойти несколько «впереди прогресса». Неужели «вновь забилось ретивое», и бывший **партийный** архив, недаром расположенный в «цитадели

революции» - в одном из зданий Смольного, решил снова стать верным хранителем и защитником партийных «секретов»?

И последнее соображение. Как ни странно, в минувшее десятилетие даже органы тайной политической полиции, хотя не всегда, не всем и далеко не полностью стали предоставлять свои архивы историкам и раскрывать свои тайны, относящиеся к эпохе Большого террора (см., например, многотомный «Ленинградский мартиролог. Книга памяти жертв политических репрессий», основанный на документах бывшего КГБ, и ряд других публикаций). Как я убедился на собственном опыте, бывший партийный архив с особым тщанием оберегает секреты, относящиеся к истории советской цензуры. Видимо, механизм убиения слова и мысли представляет еще большую государственную тайну, чем физическое истребление людей. Что ж, это может даже в какой-то мере льстить национальному самолюбию, лишний раз подтверждая ставшую уже трюизмом мысль о «литературоцентричности», «логоцентричности» российской ментальности: отсюда, как считается, и великая литература!

И, тем не менее, дурная бесконечность и повторяемость нашей истории еще раз заставляет вспомнить Щедрина. Если слово «библиотека» заменить «архивом» и перенести события лет на 150 вперед, то, кажется, сказаны его слова сегодня, применительно к описанной выше ситуации. Вот они:

«В конце 50-х гг. штатный смотритель училищ завел было кое-какую скудную библиотеку, и просвещение в городе на мгновение просияло; но в 1862 г. оно опять потухло, и просиял навоз».

Что ж, переиначим слегка другого классика: «Навоз и ныне там»...

Так какое, все-таки, «милые, у нас тысячелетье на дворе?»

(Блюм А.В. Какое милое у нас тысячелетье на дворе, или «Митька, крути кино обратно»: что объявлено снова гостайной в 2000-м» // Посев, 2000, № 8).

Ремарка 1: театр абсурда, или «чистый Орвелл»...

Не в 1984 г., а в наши дни разыгрывается этот «театр». Впрочем, только ли в сфере архивного дела?..

Кроме вышеприведенной статьи Арлен Блюм написал официальное письмо в Архивное управление г. Петербурга (15.06.2000). В письме, «в строгих выражениях», излагаются уже известный нашему читателю фельетонные факты.

Письмо А. Б. заканчивается фразой, про которую мой друг пошутил: «Из твоей «Драматической социологии» переписал...»:

«...В том случае, если я получу отрицательный ответ на этот запрос, я вынужден буду защищать свои права в установленном законом порядке, т. е. обратиться в Главное архивное управление, а затем - в суд. Прошу Вас ответить в положенные законом сроки. С уважением...».

Менее месяца спустя, им был получен ответ, аутентичный текст которого приводится ниже. (Сентябрь 2000).

= Ответ А. Блюму из Архивного управления (июль 2000)

Администрация Санкт-Петербурга
Правительство Ленинградской области
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
193015. Санкт-Петербург, Таврическая ул., 39. Тел. 271-44-55 <...>
10.07.2000, № 326-т
А.В. БЛЮМУ <...>

Уважаемый Арлен Викторович!

Архивное управление рассмотрело ваше заявление и сообщает, что все невыданные Вам документы ⁷⁵ были просмотрены специалистами Управления. **Основной причиной отказа в их выдаче явилось не наличие «гостайны», а персонифицированные конфиденциальные сведения** [здесь и далее выделено мною. - А. А.], доступ к которым ограничен на срок 75 лет. Кроме того, многие дела Вы затребовали не по теме своего исследования. Действительно критерии выдачи архивных материалов по сравнению с началом 90-х годов **несколько ужесточились**, т. к. **в стране сложилась другая более отработанная нормативно-правовая база по данным вопросам.**

По договоренности с руководством ЦГА ИПД СПб Вы можете продолжить работу в читальном зале архива после его открытия по окончании «летних каникул» (сентябрь). В виде исключения Вам будет показан целый ряд дел, которые ранее не выдавались, без права публикации персональных сведений. Материалы о деятельности Леноблгорлита до 1970 г. Вам будут выданы все, **за исключением характеристики и персональных данных о его сотрудниках.**

Начальник Управления Н.В. Пономарев

Ремарка 2: «...персонифицированные конфиденциальные сведения...»

Документ замечательный! По-видимому, и он, несколько лет спустя будет рассматриваться как разглашающий если не «гостайну», то «характеристику и персональные данные» о его авторе. Так что потороплюсь его опубликовать.

Впрочем, согласно приводимой в статье А. Блюма другой замечательной формуле, «факт опубликования документов еще не означает их рассекреченности».

Сколько же секретных документов обнародовано мною в этой книге ⁷⁶, без спроса у хранителей персонифицированных «конфиденциальных» сведений о некоторых действующих лицах этой книги!

Что касается моего друга, получившего сей ответ руководителя Архивного управления СПб (фамилию, на этот раз, опушу!), то он имел возможность убедиться, что даже и эти обещания (и распоряжения?) начальника игнорируются его подчиненными: архивные дела с материалами о деятельности Леноблгорлита в ЦГА ИПД СПб по-прежнему исследователю не выдаются. И Арлен Блюм намерен в дальнейшем действовать по всем правилам «экспериментальной социологии», включая «протоколы наблюдающего участия» и т. д.

Вплоть до суда, как обещал. (Сентябрь 2000).

(2)

Памяти А.В. Блюма

Если бы меня на высоком Суде спросили, «Что можешь сказать в свое оправдание?», я мог бы ответить: «Я дружил с Арленом Блюмом». Дружба с Арленом – предмет не только радости, но и гордости.

Для меня Арлен был и навсегда останется идеальным сочетанием Интеллекта, Энциклопедиста и Артиста (только последнее, кажется, не прозвучало в прощальных речах). Это высокое искусство - быть не просто равно органичным, но и вообще «одним и тем же» - за лекционной кафедрой и дома, на кухне (за «пиршественным» столом с 2-3 друзьями), перед многотысячной радиоаудиторией и перед коллегами-профессионалами!

Кто бы еще назвал свою очередную книгу: «От неолита до Главлита», - а курс лекций по истории цензуры предъявил как собрание исторических анекдотов! Таков был Арлен.

---

⁷⁵ Так! В Архивном управлении, похоже, не слишком сильны по части грамматики; надо: «не выданные Вам...». В дальнейшем комментировать не будем.

⁷⁶ ДСИСА – 1, 2, 3, 4.

Сейчас, когда Арлена не стало, горечь Потери и сбережение Памяти должны идти рядом. Я кинулся в Интернет и обнаружил, что универсальная «энциклопедия мира» не так уж богата текстами Арлена Блюма. Он был старомоден и предмет своей любви – типографскую Книгу - предпочитал Мировой паутине.

Конечно, в Сеть попадало кое-что, но без его участия и догляда. Нет там ни одной из книг А. В. Блюма, встречаются лишь отдельные статьи из журналов, имеющих электронные версии.

Я собрал здесь то, что «близко лежало», чтобы поскорее поделиться с коллегами и друзьями. Это даже нельзя назвать композицией – последовательность текстов тут такова, как их предъявляют Яндекс или Гугл с их «машинной логикой». Так что читать можно «вразброс». Какое название в оглавлении заинтересует, то и открывать. Для чего не надо листать страницы, а всего лишь дать команду: CTRL + f, и в открывшуюся поисковую строку вписать из оглавления, скажем: (4) или (П. 5) (именно так, в скобках!) и откроется текст соответствующий этому обозначению.

Со временем, можно будет расширить, упорядочить и, вообще, усовершенствовать, а сейчас пока – так.

Кто знал Арлена – тот никогда его не забудет, а кто не знал – пусть узнает. Помянем его ЧТЕНИЕМ. Обогатимся его знанием и улыбнемся - ВМЕСТЕ С НИМ.

Андрей Алексеев. 7-9.06.2011.

= Из публикаций А. Блюма, доступных в интернете

I. Журнальный зал ⁷⁷

(1) [«Новый Мир»](#), № 7 за 1999 г.

[За кулисами одного события.](#)

(2) [«Звезда»](#), № 2 за 2001 г.

["Благонамеренный и грустный анекдот...", или Путешествие в архивный застенок.](#)

(3) [«Звезда»](#), № 6 за 2003 г.

[Английский писатель в стране большевиков.](#)

К 100-летию Джорджа Оруэлла

(4) [«НЛО»](#), № 61 за 2003 г.

[Index Librorum Prohibitorum русских писателей 1917—1991.](#)

Часть 3

(5) [«НЛО»](#), № 62 за 2003 г.

[Index librorum prohibitorum русских писателей. 1917—1991.](#)

Часть 4

(6) [«Звезда»](#), № 1 за 2004 г.

["Звезда" после августа 1946-го.](#)

Хроника цензурных репрессий 1940-1960-х годов

(7) [«Нева»](#), № 1 за 2004 г.

[Блокадная тема в цензурной блокаде.](#)

(8) [«Звезда»](#), № 8 за 2004 г.

[«Берегите Зощенко...».](#)

Подцензурная судьба писателя после августа 1946-го

(9) [«Нева»](#), № 4 за 2005 г.

---

⁷⁷ Полный список публикаций А. В. Блюма в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/authors/b/blyum/>

⁷⁸ Полный список публикаций А. В. Блюма в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/authors/b/blyum/>

- "Нева" в годы оттепели и застоя.
(10) «Иностранная литература», № 10 за 2005 г.
"Интернациональная литература": подцензурное прошлое.
(11) «НЛО», № 92 за 2008 г.
Index librorum prohibitorum зарубежных писателей.
(в переводах на русский язык 1917—1991 гг.)
(12) «Звезда», № 3 за 2009 г.
Михаил Зощенко: семь томов художественной прозы.
К выходу нового собрания сочинений
(13) «Иностранная литература», № 12 за 2009 г.
Зарубежная литература в спецхране.
(14) «Нева», № 4 за 2011 г.
Игры в аду.
Заметки о посмертной судьбе поэта в стране большевиков

(3)

Из книги А. Кетегата «Диск» (2011) ⁷⁹

Однажды

Когда умер Арлен Блум, обнаружилось коварство (или достоинство?) дружеской памяти. Моя память тяготела к частному, личному, располагала к вольному, безоглядному слову и как-то уклонялась от почтительных свидетельств о маститом учёном – библиографе, историке книги, историке российской и советской цензуры.

Память предпочитает то, что наполнено плотью присутствия. В моей жизни профессор Блум присутствовал как частное лицо – друг Алёка. Я не был погружён в будни кафедры, где он проработал почти полвека. О хождении по архивным мукам, из которых родились увенчанные литературными премиями книги, узнавал из его рассказов, где застольного юмора было не меньше, чем гражданского возмущения.

Естественное течение памяти сносило моё перо в сторону дружества. Когда же брала слово читательская признательность, перо склонялось в сторону профессорства.

Сначала прошёл грибной дождь. Потом тихо, крадучись, как бы извиняясь за беспокойство, стал погромыхивать гром. На фоне деликатного грома телефонный звонок прозвучал бесцеремонно резко. Голос Милы был сродни грому, а не звонку, но разве знак беды не бывает деликатным? Да, знак беды: обычно Алёка звонил сам.

– Не пугай меня, – тихо сказал я, уже понимая, что говорю с вдовой, и всё же пытаюсь защититься от неизбежного.

– Да, Анрик, всё. В субботу. Хороним во вторник.

В поезде Вильнюс–Петербург под ночной перестук колёс я утишал беду перестуком внутренних голосов. Откуда они приходили? Из потребности в утешении? Вряд ли. Утишение беды задумчивым словом – не утешение. Слово тут гасит крик, а не страдание. Одну из своих книг Арлен надписал: «Дорогому Анрику – для размышления и утешения». Теперь, когда его не стало, я вижу, что выполняю авторское наставление лишь наполовину.

В некрологах напишут: после тяжёлой болезни. А для меня – после жизни, которая была, вообще-то, всякой, но не была тусклой. Всякость по-советски, включая изувеченное 37-м годом детство, всё-таки оказалась фактором ограниченного действия.

---

⁷⁹ Кетегат А. Диск. СПб.: Норма, 2011. Электронная версия - http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/kategat_disk.pdf. Опубликовано также в: Новое литературное обозрение № 112 (2011).

Ограниченного – свойствами натуры. То ли характер, то ли вкус уберегли Арлена от неслучайного в отечестве культа страдания (не лишив способности к состраданию). Земля, намагниченная страхом, не утяжелила его поступь. Эта поступь была легка, и легко было шагать рядом. Человек глубокий, он не укрывался в своих глубинах от «пошлости мира». Его мысль не рядилась в глубокомыслие, слово совмещало содержательность и легкокрылость, реакции на встречную низость не отягощались возвышенной моральностью, и как бы сам собой, без аффектации выделялся гигиенический секрет, уберегавший от заразных болезней эпохи. И конечно, юмор, неперенный спутник, не оставивший его даже в пору той самой болезни, после которой...

А до которой, на очередном его дне рождения, «...как всегда, так и не решили судьбу России, не хватило буквально 250-300 г, а то бы мы сейчас жили в совсем другой стране» (из письма). В стране, которая не впадёт в «очередное КГБшенство» (из другого письма). Так что не понадобится отправлять депеши с пометкой «совсекретно» и приказом «перед прочтением сжечь» (из третьего письма, в которое предлог «перед» забрёл вовсе не по недосмотру). И уже когда дело шло к концу – как завещание: «Что бы ни случилось, живи долго, хотя бы из простого любопытства».

Но долго жить – много хоронить. И засеять пустоты памятью. Как это у Давида Самойлова? «Я зарастаю памятью, / Как лесом зарастает пустошь».

...В эту субботу пустоши во мне приросло немерено. Память металась, как птаха, вдруг угодившая в силки. Хотя почему – вдруг? Четыре года назад в Лавке писателей Арлен потерял сознание и упал мне на руки. Минут двадцать, пока не приехала скорая, я обнимал смерть. Тогда она удовлетворилась репетицией, не единственной в последние его годы. Арлен сказал потом, что меня надо наградить медалью «За спасение на книгах». Тут сошлись две его страсти – книжника и водоплавающего. Отличный пловец, обычно уже к середине лета бронзовый от загара, шанса на медаль «За спасение на водах» он мне не дал.

Побуждаемая двуликой медалью, память из питерского книжного магазина переместилась в вильнюсский лесопарк. Два старика бредут по крутым холмам к Салотес-озеру, и тот старик, который пришелец, затевает со стариком, который абориген, игру в протопопа с протопопицей, что «брели пеши, убивающиеся о лёд» сибирской Нерчи-реки:

- Долго ль ещё, Абрамыч, мука сия будет?
- До самая радости, Викторыч, до самая влаги озёрная.
- Ну ино ещё побредём.

За веру страдали странники, те и эти. Те – за веру в «одождение духа» двуперстным знаменем, эти – за веру в живую воду, что напитает силою их иссушенные временем тела. А как добрели и стали напиваться, выплыла кильватером лебединая семья-эскадра. Впереди отец белоснежный, флагман, сзади мать белоснежная, замыкающая-надзирающая, промеж них детки послушные, в незрелом ещё, сереньком оперении. И начал отец учить лебедят – взлёты показывать, и захлопотали лебедята тем, чему ещё только предстояло стать крыльями, и умилились человеки, Викторыч с Абрамычем.

...Из вагона я выскочил первым. Бегом на метро, бегом по эскалатору и всё же на панихиду опоздал. Потоптался у распахнутой двери в переполненный зал, прислушиваясь к тихим надгробным речам. После речей встроился в прощальную вереницу к гробу. Алёка лежал непривычно значительный, какой-то крупнолицый, монументальный. Еврейский нос стал римским, патрицианским. Где он, лёгкий телом и нравом мой друг? Начинённый стихами, чаще ироническими, и забавными эпизодами из полувекового романа с хмурой дамой Цензурой. Ну да, когда отлетает душа, тело тяжелеет. На опечатанном вечностью лице больше не бликует легконогое время. Ледяной лоб притянул и не отпускал мою ладонь, как если б ладони было по силам поднять веки, разомкнуть губы, не выпускающие сочное слово, без которого теперь – как жить? И все сорок лет слитной жизни вдруг забили в горле, и спазм, чтобы не изойти криком, опять разрешился в превосходящем крик слове, слове мудреца Самойлова: «И там, в пернатой

памяти моей, / Все сказки начинаются с “однажды”. / И в этом однократность бытия / И однократность утоления жажды».

Однажды...

Однажды умер Сталин, а студент Блюм из Ленинградского библиотечного института имени Крупской... Он, правда, предпочитал говорить: имени Трупской, имея в виду предпринятое высокопоставленной вдовой покушение на убийство библиотек – их чистку от идейно чуждой литературы, включая сказки про принцесс. Так вот, в дни, когда страна оцепенела от горя, один студент устроил в институтском общежитии шутовское отпевание. Нет, не Сталина, а всего лишь соседа по комнате. Сосед Ваня был знаменит крепостью сна. Любознательный студент Блюм решил испытать его на беспробудность. Вовлечённые им в нехорошую затею насельники общаги накрыли спящего Ваню простынёй, подняли кровать с ним на богатырские плечи и понесли по коридору с скорбными песнопениями. Ваня не пробудился. Но пробудился некто бдительный, и карательная машина заклацала металлическими челюстями. Комсомол сжевал инициатора кощунственной пародии без раздумий. Ректор же, прежде чем подписать приказ об отчислении из института, заглянул в анкету и задумался. В графе «отец» он прочёл: «Пал смертью храбрых в 1942 г.» Ректор был фронтовик, вернувшийся из окопов без ноги. Ему предстояло отчислить сына фронтовика, не вернувшегося вовсе. Ректор не забыл, что такое фронтовая солидарность. Он вызвал раздолбая и провёл воспитательную работу: отец жизнь отдал, а ты... Раздолбай не стал уточнять, где именно отдал жизнь его отец (на Колыме), тем более что в формулировке «пал смертью храбрых» неправды не видел (много лет спустя архив подтвердил: расстрелян за подготовку-де восстания в лагере). Эту формулировку при поступлении в институт он вписал в анкету по совету рискованного человека из приёмной комиссии Ленинградского университета. Рискованый человек сжалился над несмышлёнышем, пришедшим поступать на филологический факультет, и объяснил негромким голосом, что в разгар борьбы с космополитами еврею надо выбирать что поскромнее, не университет, а, например, Библиотечный институт, и ни в коем случае не обнаруживать своего вражеского происхождения.

Ложь во спасение однажды – спасла дважды: при поступлении и при неминуемом, казалось бы, отчислении. Проказник благополучно получил диплом, узнал – как выпускник вуза, в котором не было военной кафедры, – почём фунт солдатского (матросского) лиха, поработал в библиотеках Челябинска и Петрозаводска и наконец вернулся в родной питерский институт, переименованный к тому времени в Институт культуры («...и отдыха», – добавлял проказник). Где раньше учился – стал учить. Учил так, что студентов на его лекции загонять не надо было, сами бежали.

Хорошо учить – это хорошо, но при этом человеку, у которого не задалась семейная жизнь, неплохо бы и крышу иметь над головой.

Однажды он снял комнату на Гороховой. Потом эту комнату снимал я. Потом опять он. И кто бы ни снимал, раскладушка для оказавшегося бездомным друга всегда находилась. «Напиши об этом», – призывал Арлен, когда мы пускались в «гороховые» воспоминания.

Вообще-то, в пору нашего квартирования, случившегося задолго до эры возвратных – «к истокам» – перестроечных переименований, улица была не Гороховая, а Дзержинского. Не знаю, где Арлен выследил стишок (должно, коллекционируя цензурные подвиги, в архиве каком-то): «Солнце скрылось за горою / И виднеется слегка. / Вот опять ведут кого-то / На Гороховую, два». Кого-то вели в стан питерских чекистов, откуда и оказанная улице честь носить имя человека с настолько горячим сердцем, что сподручней было бы оказать эту честь крематорию.

Наш дом, № 62, на противоположном конце улицы, у которого своя биография. Здесь улица упирается в Пионерскую площадь, а память – в Семёновский плац, в эшафот с петрашевцами, в Достоевского, ждущего своей очереди.

В соседнем доме полувеком раньше квартировал Распутин. Дом, как и наш, доходный, вход, как и к нам, со двора, и этаж тот же – второй. Как-то я наткнулся на телепередачу о старце с репортажем из той квартиры и подивился сходству планировки. Сближения эти тем более странны, что уж больно несближаемы жизни, протекавшие в соседних домах на временном расстоянии, доступном одному поколению. «В гордую нашу столицу / Входит он – Боже спаси! – / Обворожает царицу / Необозримой Руси...» (Н.Гумилёв). Наши с Алёкой достижения были скромнее. «Мне нравится обвал вашего лица», – сказала ему обворожённая старушка и за 30 руб. сдала прикухонную комнатёнку в коммуналке.

По имени старушки я нарёк коммуналку мысом Доброй Надежды Ивановны. Когда-то юной беглянке из разорённой коллективизацией вологодской деревни удалось прибиться к этому мысу. Война и блокада унесли мужа и сына. После войны Надежда Ивановна обрела новую надежду – с земляком Игнатием Андреичем. Каждое лето старики припадали к родной земле, и тогда любимый квартирант Арлен Викторыч писал письма на деревню Заднюю, путь к которой пролегал через почтовое отделение Среднее, что следовало указать на конверте. При этом, щадя стариковские глаза, обладатель симпатичного обвала лица умерял привычную скоропись и.о.доцента и тщательно выводил каждую букву.

Надежда Ивановна и Игнатий Андреич сошлись характерами, но со временем разошлись темпераментами. Что однажды побудило Надежду Ивановну обратиться к учёному квартиранту с деликатным вопросом: нет ли у него «таблеток от чувств»? Поскольку Игнатию Андреичу, стыдно сказать, «всё ещё надо», а она старая и больная.

Восьмидесятилетний Игнатий Андреич с болезнями не знался. Своё богатырство он выводил из обстоятельств происхождения. Его мать родила десятерых. Девятеро умерли в детстве, и положенные им силы, оставшись не востребованными, отошли к нему. Вот он и может всё за десятерых: выпить, закусить и остальное-прочее. От выпивки монументальный дед только багровел лицом, телесных же колебаний в пространстве не обнаруживал. Молодой гость, свернувшись под столом калачиком, мог пускать во сне пьяные слюни, а хозяин сидел на стуле точь-в-точь император Александр Третий на просевшем под ним коне, которому (коню) явно сочувствовал скульптор Паоло Трубецкой.

Из закусок Игнатий Андреич особо уважал жареное вымя. А квартирант Арлен Викторыч жареное вымя, наоборот, не любил – за обонятельную назойливость. Хлипкую дверь, отделявшую квартирантское жильё от кухни, запахи за преграду не считали, густая вонь забивала чуткий нос квартиранта, так что тот терял архивный след, по которому шёл к очередному преступлению царской или советской цензуры.

Как-то Игнатий Андреич, пока вымя томилось на сковородке, рассказывал мне, как в деревне Задней искореняли Бога. Два активиста, Колька-фулиган и Иван Романыч, охальник и бабник, полезли на церкву крест сымать. Народ сбежался, честит злодеев, карами небесными грозит, а Иван Романыч насмешки строит: пусть, мол, у меня ноги отсохнут, ежели есть он, Бог-то ваш. Лет через сколько-то – война с немцем. Мужиков в Задней не стало, баб тоже убавилось. Одна пошла в госпиталь санитаркой. Привозят к ним новых раненых. Обихаживает она их, а один, тяжёлый, без обеих ног, и говорит: «Что, землячка, не узнать Ивана Романыча?» И плачет, крест тот сброшенный поминает. Есть, говорит, Бог-то. Стало быть, есть.

Какая-то не вовремя вклинившаяся забота помешала мне тогда записать рассказ старика, долгий, подробный, с переливом красок сюжетных и словесных. Теперь я думаю, что присутствовал при замечательном акте словесного творчества, но в памяти остались лишь сюжетный каркас и общий колорит.

Давно нет Надежды Ивановны. Нет Игнатия Андреича, богатырство которого однажды всё-таки иссякло. По длинному коридору мимо хозяйской комнаты к квартирантской не крадутся больше, умеряя стук каблуков, опасливые женщины, не

знающие, что зря таятся, поскольку хозяйского глаза всё равно не миновать, да и ни к чему: Надежда Ивановна и Игнатий Андреич бдят не потому, что осуждают, а потому, что интересуются.

Их нет, и Алёки не стало. А я перебираю картины прошлого, и стараюсь, чтобы не располагающий к веселью финиш не смыл разноцветье дороги к нему. Алёке бы это не понравилось. Человек игровой, он любил краски и сам умел их класть. Даже на своё диковинное на российских просторах имя. «Ар-лен, – сказал я как-то, по-ленински грацируя. – Это что? Архиленинец?» – «Нэ угадал, – по-сталински веско ответил носитель имени. – Арэстовать Лэнина!»

Однажды, однажды, однажды... Как чётки.

Однажды Арлен стал жениться – не в первый, но, как оказалось, в последний раз. Обвал его лица приглянулся телевизионных дел мастерице Миле Гладковой. В торжественный день я прибыл по указанному адресу в указанное время. И был встречен одинокой невестой. На невесте было вдовье лицо. Так из-под венца ещё не сбежали – в карете скорой помощи. Не с другой женщиной, а с прободной язвой. Вместо брачного ложа – на операционный стол. «Ну не пропадать же всему этому», – сказала невеста, печально и трезво глядя на стол свадебный. Сглотнув заготовленные тосты, неуместные гости стали пить-есть за уместное – за здоровье жениха, которое ожидалось, поскольку экстренная операция прошла успешно.

Спустя недолгий срок молодые покинули мыс Доброй Надежды Ивановны и стали вить гнездо на Васильевском острове. Как раз в Кирове вышла книжка Арлена о знаменитом издателе Ф.Ф.Павленкове, и, примостившись посреди ремонтно-строительного мусора, он надписал её мне: «... от василеостровского жителя (бывшего горохового), строителя и мужа своей жены».

А с шестого этажа открывалась даль: волнами уходящие к горизонту крыши; кошки, в поисках женских радостей бегущие по волнам. Сидя в форточке, равнодушный (оравнодушенный хозяевами) мужчина Томас меланхолическим зелёным глазом следит кошачьей «жизни мышью беготню». А может, ловит усами-антеннами музыку сфер. Если вслушаться в адресованное мирозданию мурлыканье, можно, кажется, разобрать пушкинское: «Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу». Не зря кот был назван в честь Томаса Мора (чтобы порадовать-повеселить друга-историка, жизнь положившего на исследование трудов и дней автора «Утопии»). Натура философическая, кот Томас не посрамил высокого имени. Когда на Би-Би-Си был объявлен конкурс кошачьего творчества, он принял участие и стал лауреатом. А хозяин-соавтор грелся в лучах славы питомца и делился с ним своей славой, становясь лауреатом других литературных премий – «Северной Пальмиры», журнала «Звезда»...

Или вот ещё однажды – много лет спустя, на другом шестом этаже и в другом городе, Вильнюсе. Журчат привычные радиоголоса «Свободы», и вдруг в их потоке голос, который не проплывает мимо, который хватает меня за уши и погружает в терпкий настой минувшего – дружеского и исторического. Встрешенный некрофильской страстью новейших властителей России к исторической падали, к немоте и глухоте подданных, профессор Блюм вспоминает Герцена («Недостаточно свободы слова: нужна ещё свобода слуха»), вспоминает Бродского (опять «ботать по Эзоповой фене»?) и от себя говорит так, что, услышь его наш общий любимец кучер Мирон, непременно удостоил бы похвалы – «большого выражения господин».

О кучере Мироне я сначала слышал из весёлых профессорских уст, а потом и прочёл в повести С.Р.Минцлова «За мёртвыми душами» – увлекательнейшем описании приключений собирателя редких книг в русской глубинке. В 20-х годах повесть эмигранта была опубликована в Париже и Берлине, а в 90-х переиздана на родине стараниями Арлена, с его послесловием и комментариями. Мирон возил Минцлова по помещичьим усадьбам и всё тужился понять, чего это ради тот скупает не, скажем, овёс, товар серьёзный, а книги, дело пустое, а то и вредное: «Живёт человек как человек, можно

сказать, хозяйственный, а почитает в книжку – и шабаш – сейчас коней воровать либо пьянствовать почнёт!» А вот устное слово Мирон ценил и за способность к нему нахваливал странному седоку очередного помещика, к которому вёз: «Ину пору такое загнёт, что ах ты, господи... большого выражения господин».

Чуткий к живому слову, любивший стилизовать свою речь, Арлен не хуже Минцлова вкраплял в речевые портреты героев своих устных рассказов особые приметы, например этнические. Когда он уговаривал меня описать наше сидение на Гороховой, я ставил условие: «А ты опиши заслуги матроса Блюма перед Тихоокеанским флотом».

– Матрос Блюм, выйти со строю! – Старшина, родом с днепровских круч, перед строем матросов по-отцовски строг. – У кубрыку нэпорядок. У всех у тумбочци одна кныга, а у матроса Блюма тры. Стыльки ёму за то и нарядив.

От исполнения приговора книгочех спас внезапный приказ из штаба части: сыскать шахматного умельца и командировать на турнир. Оказалось, умелец «у кубрыку» один – матрос Блюм. Он знает, как ходят эти деревяшки. Все до единой.

Увы, это лишь моя скороговорочная реконструкция когда-то услышанного. Потому что историк письменности Блюм, когда вспоминал забавные истории из собственной жизни, письменности, за редкими исключениями, избегал. Так что в жанре рассказа у него были только благодарные слушатели. Читатели же, тоже благодарные, – в жанрах исторического исследования, книговедческого очерка, литературоведческой или публицистической статьи по найденным в архивах материалам, эпистолярной стилизации, весёлой или язвительной в зависимости от спровоцировавшего её повода.

В апреле 2003 г. журнал «Новое время» опубликовал письмо Козьмы Прутова, в котором незабвенный директор Пробирной палатки и кавалер извещал «досточтимого и любезнейшего господина редактора» о своём двухсотлетнем юбилее. Со снисходительным вздохом рассказал он о придумавших его молодых «шалунах и ёрниках» и с неподдельной гордостью – о своём (а не их) вкладе в отечественную словесность и государственное строительство. Из принадлежащих его перу сочинений, которые, как и положено классике, превозмогли время и остались на века, «Проект о введении единомыслия в России» юбиляр отнёс к числу наиболее актуальных. «Какая-то “Единая Россия” у вас уже есть, осталось только претворить в жизнь мой проект». Публикацию письма, поскольку «я неожиданно умер в результате нервного удара», юбиляр доверил «дохтуру филологии» Арлену Блюму.

А вот письмо, тоже редактору, посвященное другой теме. Заголовок: «Образ жука в русской поэзии». Подзаголовок: «Опыт системного прочтения двух стихотворений».

Как-то летом, на лужайке,
Господин Учитель-Жук
Основал для насекомых
Школу чтенья и наук.

К.Н. Льдов

Как-то летом, на лужайке,
Очень умный Майский Жук
Основал для насекомых
Академию наук.

С.В. Михалков

Первое стихотворение, «Жук-учитель», принадлежащее перу некогда известного, но потом забытого поэта, автор письма обнаружил в хрестоматии «Моя первая книга стихов», вышедшей в 1912 г. Всё ещё известный (и хорошо известный!) автор второго стихотворения, названного «Лесная академия», родился год спустя – в 1913 г. Сравнил первые и остальные, столь же близкородственные, строфы двух поэтов «доктор филологических и кандидат жуковедческих наук А.Блюм» (подпись под письмом). При этом исследователь не ограничился констатацией загадочного родства, а, рассмотрев тему жука в русской поэзии вообще, обнаружил в творении советского поэта «совершенно новые, созвучные героической эпохе оттенки и краски». Уличённый в плагиате советский поэт откликнулся на эту публикацию грубой невнятицей, однако теперь «Лесная академия» висит в интернете с подзаголовком: «По старинной детской песенке». Вроде

как – из закромов народной мудрости... Позднее блогер red_engineer сообщил о ещё более ранней публикации «Жука-учителя» – в 1886 г., подтвердив авторство Льдова.

Когда на рубеже 80-90-х годов «давно известная всем дура – неугомонная цензура» (Тютчев) ослабила хватку, а потом и вовсе почил в бозе, одна за другой стали выходить книги профессора Блюма с систематизацией и анализом данных, собранных им в ходе «путешествий в архивный застенок» (так назвал он одну из глав последней, вышедшей в 2009 г., книги «От неолита до Главлита»). Путешествуя вместе с автором, читатель попадает то на выставку достижений бюрократического идиотизма, то на мастер-класс идеологической вивисекции, то на эшафот, где ножницы цензора уступают место гильотине. От этих орудий борьбы за совершенство печатного слова по-советски не были застрахованы даже признанные властями литературные авторитеты, если их слово не было созвучно времени в решении «актуальных» вопросов.

Например, еврейского. Много интересного узнает читатель, в руки которого попадёт книга Блюма «Еврейский вопрос под советской цензурой». Интересного и диковинного.

С середины 30-х годов была табуирована тема еврейских погромов, и при подготовке к изданию первого тома «Сочинений» А.Куприна вдруг оказался «вреден “Гамбринус”», как сказано в Сводке Главлита №6/28 за 1937 г. Знаменитый рассказ обезвредили: после предложения «Утром начинался погром» изъяли пронзительные строки о том, что громили именно евреев, людей, с которыми до того «часто вели тесную дружбу», и что погромщиков вело «запретное любопытство убийства, сладострастие насилия, власть над чужой жизнью».

Не церемонились даже с Горьким. По его замыслу, журнал «Колхозник» должен был в 1935 г. выпустить специальный номер, посвящённый еврейскому вопросу в дореволюционной России. Однако всё свелось к публикации раннего очерка Горького «Погром», и то с купюрами. Среди прочего не нашлось в журнале места для «Сказки V11» из его цикла «Русские сказки», которая начиналась так: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были евреи – обыкновенные евреи для погромов, для оклеветания и прочих государственных надобностей».

Бесследно вытравлены еврейские мотивы из рассказа Гайдара «Голубая чашка» при переиздании в 1940 г. В издании 1936 г. упоминается бежавший из Дрездена «один рабочий, еврей», в издании 1940 г. – «один рабочий», бежавший из «какого-то города» за границы. По-разному выглядит эпизод, показывающий, как его дочь Берта познавала счастливую жизнь в стране победившего интернационализма. В издании 1936 г. Берта слышит от Саньки, с которым играет в чижика: «?Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!» А Берта дуру по-русски хорошо понимает, а жидовку ещё не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: “Это что такое – жидовка?” А мне и сказать совестно». В издании 1940 г.: «Дура, обманщица! Чтоб ты в свою за границу обратно провалилась! А Берта по-русски хорошо понимает, а дуру и обманщицу ещё не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: “Это что такое – дура?” А мне и сказать совестно».

Да что Горький, что Гайдар... Цензура не замирала в почтительном книксене перед самим, страшно сказать, товарищем вождём Лениным. Его «Речь о погромной травле евреев», бичевавшая, разумеется, язвы прошлого («...позор проклятому царизму, мучившему и преследовавшему евреев...»), была записана на граммофон в 1919 г. Вместе с шестнадцатью другими речами она воспроизводилась в 20-х годах на граммофонных пластинках, но впоследствии, когда «текущий момент» потёк в другую сторону, была изъята из состава пластинки. Забавно, что изъятый вождь оказался при этом в неплохой компании. Например, с неким М.Ю. Лермонтовым, «мистический романс» которого «Выхожу один я на дорогу» значится в составленном в 1925 г. «Списке граммофонных пластинок, подлежащих изъятию».

Да, не прозревал вождь, как его слово отзовется, когда через день после захвата власти подписывал «Декрет о печати», вводивший «временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа жёлтая и зелёная пресса». Какой цвет он выбрал бы для своей впоследствии «пресечённой» речи – жёлтый или зелёный? А вдова вождя так поднаторела в цветоразличении, что сочла «Крокодила» К. Чуковского «буржуазной мутью», после чего его детские книги стали изымать из библиотек, а их переиздания – пресекать. В 1925 г. потрясённый автор «Мухи-цокотухи» пишет начальнику ленинградской цензуры: «В Гублите мне сказали, что муха есть переодетая принцесса, а комар – переодетый принц!! <...> Кроме того, мне сказали, что муха на картинке стоит слишком близко к комарику и улыбается слишком кокетливо!!» В подготовленном в недрах Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) обзоре изданных в Ленинграде в 1926 г. детских книг наибольшие претензии предъявлены продукции частного издательства «Радуга» – «идеологически выдержанной на 41 процент, невыдержанной на 59». Прелестной этой бухгалтерии, внёсшей свой вклад в борьбу с «чуковщиной», достойную конкуренцию составила суровая резолюция одного собрания: «...мы, родители Кремлёвского детсада, постановили: не читать детям этих книг, протестовать в печати против издания...» (журнал «Дошкольное воспитание». 1929. №4).

Увы, слишком хорошо известно, что такого рода проявлениями высокопоставленного слабоумия дело не ограничивалось. По определению А.Блюма, с 1917 г. проводилась «политика тотального библиоцида». Мемориалом жертвам библиоцида и вместе с тем кунсткамерой призраков, одолевавших пугливое воображение охранителей, стал его четырёхсотстраничный (и всё же не всеохватный) труд «Запрещённые книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991: Индекс советской цензуры с комментариями». Во вступительной статье к этому, далеко не полному, «мартирологу убитых режимом» изданий автор приводит слова Романа Гуля из парижской публикации 1938 г.: «Об этом надо написать книгу, но только тогда, когда вскроются все архивы НКВД, Отдела пропаганды, Главлита. И это будет одна из самых страшных книг».

Архивы вскрылись не все, но и того, что с ликвидацией Главлита вскрылось, Арлену хватило не на одну страшную книгу. Вскоре, однако, приоткрывшиеся архивы опять стали закрываться.

В начале 90-х годов был открыт доступ к фондам Ленинградского партархива, в которых среди прочего хранились сводки цензурного ведомства 20-30-х годов. Эти сводки – регулярный отчёт по начальству о произведённых конфискациих и запрещениях, «вычерках» и «выдирках» (последним словом обозначалось предписание библиотекам выдрать из таких-то книг такие-то статьи, главы, портреты...). В 2000-м Арлену снова понадобилось заглянуть в некоторые ранее просмотренные сводки, но он получил отказ. «Когда я сослался на то, что одно из не выданных мне дел за 1936 г. (ф.24, оп.2-в, д.1837) я не только в своё время смотрел, но и большую его часть опубликовал в статье (“Искусство идёт впереди, конвой идёт сзади: Дискуссия о формализме 1936 г. глазами и ушами стукачей. /По секретным донесениям агентов госбезопасности/” //Звезда. 1996. №8. С.218-228), то услышал совершенно замечательную формулу: “Факт публикации документов ещё не означает их рассекреченности”(!)»

Это извлечение из статьи «Какое милое у нас тысячелетие на дворе» (журнал «Посев». 2000. №8). Помнящие знаменитую строку Пастернака «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» оценят остроумие этого переименования. Как и печальную иронию другого переименования – ещё более известной строки Крылова – в конце той же статьи. Автор сначала цитирует Щедрина (у которого речь о библиотеке, но на её место можно подставить архив): «В конце 50-х годов штатный смотритель училищ завёл было кое-какую скудную библиотеку, и просвещение в городе на мгновение просияло; но в 1862 г. оно опять потухло, и просиял навоз», а затем передаёт эстафету Крылову: «Что ж, переименуем слегка другого классика: “навоз и ныне там”...»

Вообще такими словесными играми Арлен, никак не зубоскал, часто пересыпал свою речь, как письменную, так и устную, в полемике ли, в добродушном ли рассказе о вполне симпатичном событии. Как-то его пригласили прочесть лекцию в Болонском университете. Инициатива исходила от знакомой профессора-славистки. Рассказывая потом о поездке, он называл славистку из Болоньи «болонкой». Не чтоб унижить милую женщину, а чтоб насладиться возможностями родной речи.

Не помню подобных игр в рассказе о выступлении в Оксфордском университете (хотя они, конечно, были), но помню автоироничный соус, которым было приправлено это ароматное повествовательное блюдо. На встречу с гостем из России британские профессора-слависты явились в мантиях, как того требовал «формат» мероприятия, напроочь мной забытый (что-то очень редкое и очень церемонное). А гость, ко всякой торжественности относившийся с мягкой улыбкой, по возвращении представлял себя таким Остапом Бендером, дающим сеанс одновременной игры... в том-то и дело, что не в Васюках. Ведь выступал он с кафедры, за которой до него стояли великие (я запомнил Бердяева – потому, наверно, что Арлен его особо почитал).

На катафалке, который вёз тело профессора Блюма на Кузмоловское кладбище Петербурга, белым по чёрному было выведено: «ВЕЧНОСТЬ – общественное народное ритуальное общество». Ах, если бы Алёка открыл глаза и прочёл, и разжал губы... С такой-то подачи – каким изящным комментарием проводил бы он себя в последний путь!

В последний. Однажды. «Но в памяти такая скрыта мощь, / Что возвращает образы и множит... / Шумит, не умолкая, память-дождь, / И память-снег летит и пасть не может» (Д.Самойлов).

Сентябрь 2011

Р.Н. Блюм

15.6. ПАМЯТИ РЭМА НАУМОВИЧА БЛЮМА

*[К сожалению, мне довелось слишком мало общаться с **Рэмом Наумовичем Блюмом**, хоть и очень многое связывало в 1960-70-е гг. с Эстонией, с блестящей плеядой эстонских социологов, среди которых большинство так или иначе прошли философскую школу у Р.Н. Блюма.*

Когда в середине 1980-х гг. группа социологов и философов Эстонии выступила в защиту социолога-рабочего ⁸⁰, первой под тем письмом стояла подпись тартуского профессора Рэма Блюма.

Ниже - извлечения из воспоминаний о Р.Н. Блюме, опубликованных в брошюре «Рэм Наумович Блюм (1925-1989). Материалы к библиографии» (Тарту, 1990). - А. А. 2000]. ⁸¹

(1)

<...> Повседневные заботы, кафедральные дела, аспиранты не могли отвлечь от самого важного в жизни - изучения сложных проблем социальных изменений в обществе. Он погружался в эти проблемы, читал и перерабатывал груды источников на русском, немецком, английском, венгерском, славянских языках. Он нащупывал закономерности в революционных переворотах. Итогом была докторская диссертация «Проблемы революции в общественной мысли второй половины XIX века», защищенная в 1975 г. в

⁸⁰ См. ДСиСА – 2 (Приложения к части 2).

⁸¹ В 2005 г. вышла в свет книга: Рэм Блюм. Избранные статьи. В воспоминаниях. Таллинн, КПД, 2005

Тбилисском университете. В 1979 г. ему была присуждена Государственная премия Эстонии.

Рэм Наумович доказывал, что существуют два подхода, два центральных направления, две основные ориентации в решении вопроса о сущности и характере социальных изменений, а именно - реалистическо-политический и романтико-социальный. Несомненным достоинством концепции является ее философская основательность.

В 1985 г. он опубликовал большую монографию «Поиски путей к свободе» (Талинн, издательство «Ээсти Раамат»). <...> Это была первая на русском языке попытка концептуального изложения истории возникновения, становления и развития теории революции на протяжении XIX века, вплоть до возникновения марксизма. Он собирался продолжить эту тему, уделяя особое внимание проблеме отчуждения. <...>

До конца своих дней Р.Н. Блюм считал себя последовательным марксистом и коммунистом, всякие деформации этих понятий в застойный период он воспринимал болезненно и боролся против этого, считал, что истинный марксизм - это гуманизм, демократия как в отношении отдельного человека, так и каждого народа, а не подавление и насилие. <...>

А.А. Архипова

***

Мы познакомились с Рэмом Блюмом в Тарту во время «хрущовской оттепели». С моих глаз только-только начинала спадать лживая и гнусная пелена сталинских догм, и в том, что это произошло быстро и окончательно, очень велика заслуга именно Рэма Блюма, досконально знавшего дооктябрьскую и послеоктябрьскую историю России и достаточно смелого, чтобы говорить правду о ней уже в те годы.

Оттепель сменилась брежневским застоєм, но те, кто знал правду (или хотя бы ее часть) отступать от нее уже не могли. Вместе с Рэмом Блюмом, Виктором пальмом и другими мы старались развенчивать эстонские метастазы лысенкизма, писали коллективные письма в ЦК КПСС о недопустимости реставрации сталинизма, многие вечера посвящали обсуждению концепций народовластия.

Рэм Блюм курировал философско-методологический семинар Института физики Академии наук Эстонии. По его инициативе мы пытались творчески осмыслить теорию отчуждения у раннего Маркса, разобраться в противоречиях экономического развития стран социализма, в глобальных проблемах человечества, которые начал поднимать римский клуб. Теперь этим никого не удивишь, но происходило это не теперь, а в сложные семидесятые годы, когда сказанное в Тарту на философском семинаре вечером на следующее утро бралось на заметку в таллинских «Инстанциях».

Все мы помним, как помолодел и ожил Рэм Блюм в годы перестройки, когда его многочисленные коллеги и ученики организовали в Эстонии Народный Фронт, как близко к своему больному сердцу принимал он все, что происходило на первом Съезде Советов. Именно Рэма Блюма, которого многие в Эстонии (и я, конечно, в их числе) считают одним из идейных учителей, так не хватает в наше сложное переломное время, требующее знающих, умных, дальновидных и кристально честных ученых-обществоведов, профессионалов-обществолюбов.

Всю жизнь Рэм Блюм стремился делать добро людям и стране и очень много достиг. Парадоксально, что за все сделанное для народа Рэм Наумович никогда не был награжден высокопоставленными чиновниками ни орденом, ни даже юбилейной медалью. С позиций сегодняшнего дня я рассматриваю это, как весьма почетное больших неформальных заслуг большого ученого-обществоведа в борьбе с Командно-Административной Системой, в служении Правде.

Академик АН Эстонии Чеслав Лушик

***

Его стихией была борьба (так некогда Энгельс сказал о Марксе), практическая деятельность.

Всю жизнь, всей своей деятельностью он готовил перестройку. Не верьте поэтому, что застой был всеобщим. Энтропии застоя противостояли островки разума, нравственной воли и поступков. Одним из таких островков в Тарту был профессор Блюм. Он не был одиноким островом в океане. Его одаренная натура притягивала людей, будила в них лучшие качества; острова собирались в архипелаг, который, я верю, со временем превратится материк его имени, в социальный мир (термин философа Блюма), мир творческой свободы и человеческого достоинства.

Он обладал удивительной способностью изменять жизнь и людей вокруг себя. В поле его притяжения, в атмосфере его планеты не осталось места низкому и подлому, лживому и лицемерному. Он обладал особого рода смелостью мысли, смелостью интеллектуального вывода. Он в высшей степени был способен к выбору самой высокѣй пробы - к выбору нравственно должного.

Евгений Голиков

(2)

= Из письма А. Алексеева к О. Козиной (декабрь 1999)

...Вообще, Тарту и его л и ц а , его «аура», легендарные «Кяэрикусские встречи»⁸² — во многом формировали мое собственное лицо во времена «социологической молодости».

В письмо сейчас не влезут эти воспоминания. В 60-х — 70-х бывал я в Тарту регулярно и часто. Ну, Ю.М. Лотман и тогда был для меня только «небожителем» (один раз всего-то его и видел...).

А вот тартуская **социологическая** компания: Юло Вооглайд, Асер Муруттар, Марью Лауристин (интересно, известны ли Вам эти имена?) и их младшие коллеги были для меня «семьей». Тихий, маленький Тарту — как цветущий оазис научного свободомыслия среди солончаков «управляемой науки».

(В середине 70-х и туда добралась «рука Москвы», разумеется, не без участия «идеологических коллаборационистов»: уникальную социологическую лабораторию Ю. Вооглайда разогнали, самого его исключили из партии; впрочем, это только укрепило наш союз).

Мои тартуские друзья социологии учились у Ядова, а философии (что не менее важно!) — у замечательного человека и ученого, ныне покойного Рэма Блюма, а также — у Леонида Столовича. Философия и социология были тогда «марксистско-ленинскими» (чего избежала только семиотическая школа Лотмана). Но с этим непротиворечиво (противоречиво?) сочетались там — принципиальный антидогматизм и человеческая порядочность.

(Кстати, нельзя ли «возвести» порядочность в ранг философско-этической категории? Может, как-нибудь займетесь этой проблемой?)...

(Цит. по: ДСиСА – 4; Глава 24)

---

⁸² Кяэрику — местечко в Эстонии, где, начиная с 1966 г., на спортивной базе Тартуского университета, происходили ежегодные встречи социологов, на которые съезжались начинающие и маститые ученые со всех концов страны. Первые встречи были посвящены проблемам изучения массовой коммуникации, затем тематика расширилась. Высокий научный уровень и неформальный стиль общения на кяэрикусских встречах, организуемых социологической лабораторией Тартуского университета, сделали их «центром притяжения» как для научной молодежи, так и для научной элиты (исключая «научных чиновников»).

15.7. "ПРИВАТИЗАЦИЯ НЕ ПРИВЕЛА К КАКИМ-ЛИБО ЗНАЧИМЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ТРУДОВОМ ПОВЕДЕНИИ И МОТИВАЦИИ..."

(1)

Человек и его работа сегодня (на примере сибирских предприятий)

Ремарка: исследование "случаев"

*О моем, ныне покойном, коллеге и друге, выдающемся специалисте в области промышленной социологии Владимире Исааковиче Герчикове (1938-2007) уже шла речь в «Драматической социологии...».*⁸³

Из аннотации к книге С. Барсуковой и В. Герчикова "Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего - к частному и разному" (Новосибирск, ИЭиОПП, 1997):

"Монография представляет собой итоговое обобщение материалов исследования изменений в трудовых отношениях и становления новых отношений собственности на сибирских предприятиях промышленности, торговли и бытового обслуживания в 1992-1995 гг., выполненных с использованием методологии "case study" ("исследование случаев")...".

Ниже воспроизводится заключительный раздел этой книги. (2000 - июль 2013).

= Из книги С. Барсуковой и В. Герчикова "Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего - к частному и разному" (1997)

Подводя итоги исследования социальных процессов, сопровождающих процесс приватизации, выделим прежде всего СХОДНЫЕ МОМЕНТЫ в изменениях и тенденциях развития отношений собственности, которые имеют место на крупных промышленных предприятиях, прошедших стадию первичного акционирования, и в системах малых приватизированных предприятий торговли и сферы услуг.

1. И там, и там ЗАМЕТНО УПРОЧИЛОСЬ ПОЛОЖЕНИЕ ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ. В складывающейся системе управленческих и трудовых отношений они заняли позицию распределителей капитала. Не владея преобладающей долей капитала, высшие руководители пользуются практически всей полнотой власти в акционерном обществе, а тем более на малом предприятии, «выкупленном трудовым коллективом». Рядовые работники на участие в управлении «своей собственностью», как

---

⁸³ См. : ДСиСА – 4 (глава 23). Из этой главы:

«...В начале 80-х социолог-рабочий намеревался написать статью: «Зачем нужны “отдельные случаи” социологу?». От исполнения замысла отвлекли драматические события вокруг своего собственного «случая». Статья осталась «в чернилнице».

Вроде бы не хватает такого раздела в составе этой книги... Но, по счастью, самому писать теперь уже не надо. Поскольку это — лучше, чем я мог бы сам! — сделано моим новосибирским коллегой и другом — специалистом в области промышленной социологии, доктором социологических наук Владимиром Исааковичем Герчиковым, который тоже обычно строит свои исследования на «отдельных случаях...».

Далее в ДСиСА – 4 воспроизводился принадлежащий авторству В.И. Герчикова методологический раздел его в соавторстве с С. Барсуковой книги "Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего - к частному и разному" (Новосибирск, 1997), посвященный case-study.

правило, не претендуют, имея о своих правах как совладельцев (как и о правах вообще) очень слабое представление.

Однако, несмотря на свою позицию главных распределителей собственности, большинство руководителей и тех, и других предприятий **ОБЛАДАЮТ СКОРЕЕ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ УПРАВЛЕНЦЕВ, НЕЖЕЛИ СОБСТВЕННИКОВ.**

Дело в том, что социальным ролям управленца и собственника соответствуют принципиально различные ценностные системы, интересы и модели поведения. Принципиальная разница между этими ориентациями, на наш взгляд, состоит в стремлении первых добиваться развития данного, конкретного вида бизнеса, тогда как вторые ориентированы на сохранение (приумножение) капитала вообще. Для первых сохранение профиля деятельности и соответствующего ему кадрового состава - самоцель. Для вторых самоцелью является рост прибыльности капиталовложений, а потому, если для этого потребуется перепрофилирование предприятия (с соответствующими массовыми увольнениями прежних работников) или вообще вывод капитала из данного сектора экономики, такие меры будут приняты. Поэтому тот факт, что руководители приватизированных объектов не могут легко пойти на такие естественные для «нормального капиталиста» меры, как, например, массовое сокращение работников или принципиальная смена сферы деятельности, доказывает их приверженность управленческой ориентации, а не собственнической. Заметим, что это - один из важнейших факторов для предотвращения в России обвальной безработицы.

Однако, отмеченное смешение социальных ролей собственника и управленца, естественное для сферы малого бизнеса, возможно и оправдано на промышленном производстве только в переходный период. Наиболее вероятный вариант дальнейшей трансформации ориентаций нынешних руководителей - превалирование позиции владельца над управленцем (с достаточно четким организационным разделением этих функций). В противном случае они будут вынуждены освободить место более прагматичным управленцам.

2. И на крупных акционерных предприятиях, и еще больше на предприятиях «малой приватизации» **РУКОВОДИТЕЛИ ОСОЗНАЛИ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ И ПРИНИМАЮТ МЕРЫ (законные и не очень) К БЫСТРОМУ УВЕЛИЧЕНИЮ ЛИЧНОЙ ДОЛИ В КАПИТАЛЕ ПРЕДПРИЯТИЯ.**

Заметим, что термин «директорская приватизация», пришедший из публицистики, стал синонимом нежелательного исхода приватизации. Однако нам представляется, что в такой оценке эмоциональная оценка преобладает над рациональной. Во-первых, концентрация собственности в руках руководителей была легко прогнозируема (если принять в расчет характер приватизационного законодательства и социальное качество реформируемого общества), а во вторых, иные кандидаты на эту роль (внешние инвесторы и трудовые коллективы) были в этот период (1992-1994 гг.) менее приспособлены к принятию собственности в свои руки, чем руководители предприятий.

Поэтому, на наш взгляд, концентрация собственности в руках руководителей предприятий на этапе первичной приватизации носила более позитивный (конструктивный) характер, являясь единственным шансом превращения приватизации из кампании по демократизации хозяйственной жизни в серьезную экономическую позицию по передаче собственности тем, кто уже тогда был способен ею эффективно управлять. Нет необходимости особо доказывать, что многие хозяйственные руководители отечественной промышленности, торговли, предприятий сферы услуг имеют огромный опыт и знания. Правда, накоплены эти знания и опыт в условиях прежних форм хозяйствования. Но отказываться на этом основании от их услуг сегодня просто не рационально: во-первых, физически нет достаточного числа тех, кто умеет распоряжаться собственностью по-новому; а во вторых, известный консерватизм прежних руководителей, их «корни в прошлом», возможно, являются гарантией уменьшения риска

массового развала предприятий в ситуации, когда новые экономические условия только создаются.

3. ТАМ, ГДЕ ОСНОВНОЙ ВЛАДЕЛЕЦ ПРЕДПРИЯТИЯ - КОЛЛЕКТИВ, ВЫСШАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ПРАВИТ БЕЗ ОГЛЯДКИ НА КОГО-ЛИБО, опираясь на относительно небольшой слой приверженцев и формально демонстрируя соблюдение прав всех остальных работников как совладельцев. Такая ситуация не ведет к росту социальной напряженности на приватизированных предприятиях в силу, во-первых, незнания рядовыми работниками своих прав, во-вторых, укоренившейся привычки, что ответственные решения принимаются «наверху», в-третьих, отсутствия у большинства работников желания брать на себя ответственность, в том числе моральную, за принимаемые решения.

4. ТОВАРИЩЕСТВА РАБОТНИКОВ НЕ СТАНОВЯТСЯ НОВЫМ ОРГАНОМ АРТИКУЛЯЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ В ЖИЗНЬ ИНТЕРЕСОВ МАССОВОГО РАБОТНИКА, а лишь удобным для администрации средством проведения своей политики, снижения напряженности в коллективе и влияния на их взаимоотношения со сторонними собственниками.

Принципы организации и функционирования таких товариществ зависят от доходности предприятий, на которых они создаются. Различия касаются степени гласности создания товариществ, меры включенности в них членов трудовых коллективов, величины паевых взносов, артикуляции необходимости создания товариществ и т. д. На низкодоходных предприятиях товарищества создавались лишь как реакция на формальное требование (с соответствующим стопроцентным включением трудового коллектива и отсутствием дифференциации паевых взносов), на высокодоходных - как основа получения дивидендов (и потому в товарищество здесь принимались далеко не все, а размер паевых взносов коррелировал с положением работника в должностной иерархии предприятия).

5. ГЛАВНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА ГРУПП РАБОТНИКОВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛИ ДОХОДЫ (ОПЛАТА) И СОХРАНЕНИЕ РАБОЧЕГО МЕСТА, причем второе все более в последние полтора-два года мажорирует первое: ради того, чтобы не быть сокращенными, люди готовы на потери в зарплате.

Это связано как с ужесточением ситуации на рынке труда, так и с существенным изменением структуры доходов в ходе рыночных реформ. Уменьшение доли заработной платы в общей структуре доходов работника ведет к снижению ее регулирующей роли в трудовом поведении работника. Уменьшение заработка на основной работе может быть компенсировано свободным графиком работы и потому иными статьями доходов (доходы от дачного участка, скупка-перепродажа товаров и т. д.), то есть не строго ведет к ухудшению материального статуса работника. Увольнение же в современной ситуации практически однозначно означает резкое статусное смещение в группу безработных. К тому же сохранение рабочего места - это своего рода возможность доходов в будущем, когда экономическая ситуация стабилизируется.

6. ПОВСЕМЕСТНО УПАЛА ЗНАЧИМОСТЬ УСЛОВИЙ ТРУДА, и просто как проблемы, и как одного из важнейших ранее факторов мотивации. Уровень условий труда на ранее государственных (муниципальных) предприятиях являлся результатом контроля «сверху» в лице государственных органов и требований снизу, выдвигаемых через систему профсоюзов. Современная ситуация резко изменилась: «сверху» контроля практически не стало из-за общего ослабления контролирующей роли государства, а тем более на негосударственных предприятиях; требования «снизу» практически прекратились ввиду кризиса профсоюзного движения. Более того, ухудшение условий труда в ряде случаев воспринимается работниками как благо, поскольку дает им формальное основание претендовать на более высокую заработную плату.

7. ПРИВАТИЗАЦИЯ НЕ ПРИВЕЛА К КАКИМ-ЛИБО ЗНАЧИМЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ТРУДОВОМ ПОВЕДЕНИИ И МОТИВАЦИИ. Единственное, что

можно подчеркнуть - некоторое повышение трудовой дисциплины (больше в промышленности) и бережливости (больше в сфере услуг). Первое связано с угрозой увольнения, второе - с наглядностью результатов и с трудностями материально-технического снабжения. Кроме того, бережливость - это именно та форма проявления чувства хозяина, которая не противоречит стремлению администрации не допустить работников к реальному управлению.

Но, как мы и ожидали, РАЗЛИЧИЯ в складывающейся системе отношений на двух типах наблюдаемых нами предприятий, оказались намного шире.

1. СТРУКТУРА СУБЪЕКТОВ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ. На промышленных предприятиях она сложная: высшая администрация (причем, чаще неоднородная, с выделяющимися внутри группировками, которые вступают в альянс со сторонними финансово-коммерческими структурами и борются за сферы влияния); средний уровень управления; рабочие основных профессий; работники вспомогательных и обслуживающих подразделений. В разных ситуациях и аспектах трудовых отношений значимыми могут оказаться любые из этих групп.

На малых торговых и бытовых предприятиях она намного проще: сторонние владельцы (в том числе в форме латентного участия), узкая группа административных руководителей, наемные работники на частных предприятиях либо члены / не члены товариществ на коллективных. В силу более узкого спектра субъектов трудовых отношений, динамика тенденций их изменения на предприятиях сферы услуг носит более унифицированный характер, предполагая меньшую вариативность направлений воздействия приватизации на трудовые отношения.

2. ЗНАЧИМОСТЬ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА. Для высших администраторов крупных промышленных предприятий значимость их отношений с крупными сторонними акционерами постоянно возрастает, но остаются важными и отношения внутри предприятия (особенно с другими группировками в высшем руководстве и со средним звеном управления). При любой доле акций у трудового коллектива его вес в конфликтах совладельцев и их борьбе за преобладание в структуре власти достаточно существенен, а потому в противоборстве между администрацией и сторонними акционерами обе стороны чаще всего апеллируют к позиции трудового коллектива.

На объектах же малой приватизации для высших администраторов в гораздо большей степени важны их отношения со сторонними владельцами, нежели с рядовыми работниками. «Таранная мощь» трудового коллектива малого предприятия в разрешении конфликтов между руководителями и сторонними владельцами или муниципальными властями незначительна. Это связано как с относительно меньшей численностью этих коллективов, так и с их более низкой сплоченностью и возможностями самоорганизации. Последнее объясняется тем, что организация трудовой деятельности в сфере услуг предполагает взаимодействия работника в большей мере непосредственно с потребителем услуг, нежели с другими членами коллектива (чего нельзя сказать о работниках промышленности). Соответственно, в рамках частных предприятий торговли и бытовых услуг отношения руководителей с трудовым коллективом не играют решающей роли в его диалоге с владельцем.

3. ОТНОШЕНИЯ в треугольнике «ВЛАДЕЛЬЦЫ – РАБОТНИКИ — ВЛАДЕЛЬЦЫ - НЕ РАБОТНИКИ — РАБОТНИКИ - НЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ» на акционированных промышленных предприятиях еще никак особенно не проявились, а поэтому ни руководителями, ни работниками не осознаны. А вот в торговле и сфере услуг они слились с классическими отношениями между начальниками и подчиненными и достаточно ярко проявились в триаде «руководство—сторонние владельцы—основная масса работников» (последние вне зависимости от того, состоят ли они в товариществах работников или нет).

4. **ОППОЗИЦИЯ «ОСНОВНЫЕ» - «ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ» РАБОТНИКИ** в прежних социально-экономических условиях была в крупной промышленности очень сильной и заключалась прежде всего в том, что уровень оплаты труда больше связывался со степенью «близости работников к конечному результату», чем со сложностью работы и квалификацией персонала. В результате работники вспомогательного производства (ремонтного, инструментального, энергетического и др.), имея более высокую квалификацию, получали меньшую зарплату, чем работники основного производства и профильных для предприятия профессий, поскольку считалось, что они «непосредственнее» участвуют в выпуске продукции. В последние годы эта оппозиция сглаживается, так как оплата труда начинает на предприятиях все более связываться с квалификацией (хотя сплошь и рядом с огромными искажениями) и зарплаты указанных противостоящих групп постепенно сближается. Этот процесс воспринимается большинством работников нормально, поскольку объемы работ у основных рабочих повсеместно падают, а у вспомогательных если и сокращаются, то в существенно меньшей степени.

На объектах же малой приватизации такой оппозиции практически никогда не существовало, доля вспомогательных работников (грузчиков, уборщиц) всегда была очень мала, а их квалификация была принципиально ниже основных. В современных условиях их число уменьшается, поскольку их функции часто берут на себя работники основных профессий.

5. **ЗАРАБОТКИ.** На промышленных предприятиях в последние годы, когда объемы работ падали, а зарплата росла, почти повсеместно утратилась связь зарплаты и труда. При этом в новых условиях рабочие сильно проиграли в заработках по сравнению с высшим и средним руководством. На приватизированных же предприятиях торговли и услуг различия в доходах руководителей предприятий и основной массы работников после приватизации не возросли, но обозначилась существенная дифференциация между доходами руководителей и владельцев.

Кроме того, на предприятиях торговли и бытового обслуживания появились еще две важные тенденции в области оплаты и стимулирования труда, которых мы не обнаружили в промышленности. Первая - заметный рост разнообразия схем и форм оплаты труда. Это объясняется не столько сравнительно меньшей зарегулированностью сферы обслуживания (по сравнению с промышленностью), сколько существенно большей мобильностью малых предприятий, что повышает заинтересованность их новых владельцев в поисках наиболее удачных схем оплаты труда.

Вторая тенденция - увеличение разрыва фактически получаемой и документально фиксируемой заработной платы. Одна из причин этого - развитие системы чаевых и ослабление контроля со стороны владельца за объемом и оплатой услуг, оказываемых клиентам работниками его предприятия (с работников требуется только некий фиксированный объем выручки, а все, что те получают сверх этого объема, остается у них и владельцем никак не контролируется). Но более важной является другая причина - растущее стремление частных предпринимателей увести большую часть зарплаты из-под влияния непомерного и несправедливого, по их мнению, налогообложения.

6. **СОЦИАЛЬНЫЕ БЛАГА И ВЫПЛАТЫ.** На промышленных предприятиях они сохранились и по-прежнему составляют существенную долю в общем доходе работников. Сохранились, а кое-где даже выросли размеры «тащиловки». Обратная картина на объектах малой приватизации. Социальные блага, предоставлявшиеся ранее работникам муниципальными структурами и объединениями, резко уменьшились; сократились и возможности безнаказанно украсть что-то из продаваемых товаров или используемых в работе материалов.

При этом важно отметить принципиальные различия в доступе к социальным благам муниципального уровня для работников коллективных и частных предприятий сферы услуг. Частные предприятия фактически полностью оказались вне системы

распределяемых муниципальными властями благ, тогда как коллективные предприятия в ряде случаев сохранили доступ к этой системе. Последнее было характерно, как правило, при сохранении на предприятии (после его приватизации) прежнего руководства, знакомого с устройством распределительных каналов местной власти, и зачастую проходило в форме «обмена» части самостоятельного предприятия на распределяемые властными органами блага.

7. **МАССОВЫЕ СОКРАЩЕНИЯ КАДРОВ.** До конца 1993 г. в крупной промышленности они, несмотря на резкое сокращение производства и ухудшение финансового состояния предприятий, все же были более угрозой, чем реальностью. Основная причина состояла в стремлении руководителей предприятий любой ценой сохранить трудовой коллектив в надежде, что «лучшие времена» все же наступят и в не столь уж отдаленном будущем.

А вот на объектах малой приватизации масштабные увольнения и смена работников - далеко не редкость. Здесь несколько причин. Во-первых, предприятия сферы услуг более доступны для внешних инвесторов, что приводит к более быстрой и явной трансформации отношений собственности в этой сфере. Во-вторых, конкурсные условия о сохранении профиля провоцируют руководителей сокращать трудовые коллективы еще накануне приватизации. В-третьих, новые владельцы частных предприятий для усиления своих позиций нередко заинтересованы в ослаблении сплоченности трудового коллектива и в превращении его в сумму разрозненных индивидов. Результирующая всех трех факторов проявилась в виде значительного воздействия приватизации на политику занятости в сфере услуг.

8. **СТАТУС РАБОЧИХ.** В промышленности они явно потеряли свой прежний статус «гегемона». В то же время их чисто формальная причастность к совладению предприятием через акции, да еще доставшаяся большинству либо в обмен на бесплатные ваучеры, либо за счет личных приватизационных счетов (формировавшихся из текущей прибыли предприятий), затрудняет осознание рабочими своего статуса наемных работников. В сфере же торговли и услуг рабочие более непосредственно ощущают и легче адаптируются к статусу наемных (у хозяина) работников.

9. **СТАТУС СПЕЦИАЛИСТОВ.** Статусы разных служб заводоуправления промышленных предприятий заметно изменились (и мы выше описали наметившиеся тенденции). В торговле и сфере услуг даже на относительно крупных предприятиях ничего подобного не произошло.

10. **ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.** В промышленности неравномерность структурных преобразований и неравные возможности для развития внутрифирменных экономических отношений становятся новым основанием для дифференциации и трудовых конфликтов. В сфере же малой приватизации эти преобразования если и происходят, то одновременно на всем предприятии, а поэтому не становятся новым фактором трудовых отношений.

11. **ИНФОРМИРОВАННОСТЬ РАБОТНИКОВ ПО ВОПРОСАМ ПРИВАТИЗАЦИИ.** Агитационная и пропагандистская мощь правительства была в значительно большей степени сконцентрирована на процессах, происходящих в промышленности, нежели в сфере услуг. Но общее достаточно отрицательное отношение к приватизации как к «делу начальников» и «очередному обману со стороны государства» плюс многоуровневая иерархия управления и информирования не дали заметных отличий в информированности работников крупных предприятий о деталях приватизации по сравнению с гораздо менее образованными в среднем работниками сферы торговли и услуг. Уровень правовой грамотности и информированности работников в области задач и процедур приватизации «родного» предприятия значительно варьируется по предприятиям в зависимости от позиции руководителей в этом вопросе. Диапазон поведения руководителей чрезвычайно широк: от проведения «приватизационного ликбеа» до сокрытия или даже искажения информации.

12. **ОРГАНЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ.** Работники промышленных предприятий лишились таких действенных ранее форм артикуляции и защиты интересов как парткомы и советы трудовых коллективов, резко упало их доверие к профсоюзу. В сфере же торговых услуг никаких подобных органов на предприятиях не было и раньше - они действовали в составе объединений. Поэтому их исчезновение практически никем не было замечено.

(Барсукова С.Ю., Герчиков В.И. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего - к частному и разному». Новосибирск: ИЭиОПП, 1997, с. 184-192)

...Я жду и слежу с большим вниманием за признаками зарождения в связи с новым строем политическим (который налицо) нового строя экономического (которого я еще не вижу) . Весь вопрос сводится к результатам новых производственных процессов во всех областях. Пока страна живет либо старыми запасами (и в смысле материальном и духовном) культурного богатства, либо ценностями, вновь вырабатываемыми, но при помощи старых производственных процессов. Это значит, новый политический строй кормится старыми производственными отношениями...

В.Н. Муравьев. Из письма Л.Д.Троцкому от 6 января 1920 г. (Цит.по: Муравьев В. Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998, с. 88)

(2)

= Некролог на сайте «Международная биографическая инициатива»⁸⁴

Герчиков Владимир Исаакович 1938-2007

20 июня 2007 года умер видный отечественный социолог, один из основоположников отечественной промышленной социологии, крупный специалист в области управления человеческими ресурсами Владимир Исакович Герчиков.

В последнее время Владимир Исакович являлся профессором кафедры управления человеческими ресурсами на факультете менеджмента Государственного университета "Высшая школа экономики" (г.Москва), а также старшим консультантом группы компаний "Топ-Менеджмент Консалт" (г.Москва). Также он проработал в Новосибирском Государственном Университете больше 20 лет и сделал огромный вклад в становление социологического образования в университете.

От нас ушел уникальный специалист, органично сочетавший преданность, вкус и большие заслуги в науке, успешную консалтинговую деятельность, практические умения и результативность, а также высокий дар профессора-педагога, создавшего свою школу, воспитавшего плеяду прекрасных ученых, специалистов-практиков.⁸⁵

---

⁸⁴ Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

⁸⁵ См. также о В.И. Герчикове: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/68995.html>; <http://www.kiev.trainings.ru/ru/treners/detail.php?ID=1662> ; <http://www.ecsoc.ru/en/db/msg/6391> ; <http://www.nisku.ru/main/sovet.php> .

15.8. ДИАЛОГ ВО ИМЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ("ПОИСКИ" - С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ)

Несколько вступительных слов

*О Михаиле Яковлевиче Гефтере не однажды шла речь в «Драматической социологии...».*⁸⁶

Свободный московский журнал «Поиски», выходивший в 1978-1979 гг., был главной жизненной заботой М.Я. Гефтера в этот период, хоть Михаил Яковлевич формально и не числился среди его редакторов.

По времени это совпадает с разработкой, при активном участии М. Гефтера, нашей экспертной методики «Ожидаете ли Вы перемен?» и с ее «полевым» испытанием.⁸⁷ Однако, в отличие от «невидимого колледжа» андерграундных прогнозистов в Ленинграде, создатели журнала «Поиски» в Москве действовали принципиально В ОТКРЫТУЮ.

Ниже - заявление редакции журнала, опубликованное в его последнем, восьмом номере. Здесь воспроизводится по книге: М.Я. Гефтер. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. (Март 2000).

= Заявление редакции журнала «Поиски» (декабрь 1979).

К нашим читателям

Поле выхода первого номера «ПОИСКОВ» прошло двадцать месяцев.

Сейчас мы предлагаем читателю последние номера: шестой, седьмой и восьмой - и хотим подвести некоторые итоги.

За это недолгое время мы стремились строго следовать принципам, выраженным в «Приглашении», которым открывался первый номер свободного московского журнала. В самом сжатом виде они гласят: ДИАЛОГ ВО ИМЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ.

С этим мы адресовались ко всем. Мы не оговаривали участие в журнале ни предварительными условиями, ни тесными программными рамками. Равно ответственные, мы отказались от предпочтения какой-либо одной позиции, одной точки зрения, одной системы взглядов.

Не скроем: держаться этого стиля работы было нелегко. Через многое в самих себе приходится переступать. Многие сочтут, наверное, что нам следовало больше преуспеть и

---

⁸⁶ См., в частности, в: ДСиСА - 1 (Глава 1); ДСиСА - 4 (Глава 25; Вместо заключения).

Из «Википедии»: **Михаил Яковлевич Гефтер** (1918-1994) российский историк и философ. Окончил исторический факультет МГУ, добровольцем пошел на фронт, дважды ранен, награжден орденом Славы III степени. После войны аспирант Института истории Академии наук СССР. С 1950 — научный сотрудник того же института. В 1964 году возглавил сектор методологии истории, созданный им. Более 100 публикаций до 1970 года в основном по экономической истории России, освободительному движению, русской демократической мысли.

После выхода книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969) сектор закрыли по указанию ЦК КПСС, с формулировкой «по идеологическому несоответствию». В 1976 был уволен из Академии наук.

С 1970 — диссидент. Один из основателей и авторов самиздатского журнала «Поиски» (1977-1981). В 1982 году вышел из КПСС.

С 1991 президент научно-просветительского центра «Холокост». С февраля 1993 — член консультационно-аналитического совета при Президенте России. В знак протеста против расстрела Верховного совета ушёл с этого поста.

⁸⁷ См. ДСиСА -1 (Глава 1)..Соавторами названной методики, кроме М.Я. Гефтера, были: А.Н. Алексеев, А.С. Соснин, В.Л. Шейнис, Н.Я. Шустрова.

дальше продвигаться. Но ясно одно: ДЕЛО ДИАЛОГА пустило корни в наш солончак. Лиха беда начало!

Но и мы начинали не с пустого места. Незачем перечислять все попытки, всех предшественников поименно, притом разных. Укажем только двух: «Новый мир» Твардовского и легендарную «Хронику». «Новый мир» тех, уже давних лет не только шел в ногу с ростом общественного самосознания, но и в том лучшем, что он передал читателю, опережал и его, и его время. Он отвоевал место для открытой мысли и открытого слова. Его поражение из тех, что не забудутся; поистине зарубка на века.

Следующей зарубкой стала «Хроника текущих событий», неотъемлемая от самиздата, как и тот неотъемлем от инакомыслия, от движения в защиту прав всех наших соотечественников - и, стало быть, каждого из них.

Высоко ценя старое доброе наследство 60-х годов, мы отдавали себе отчет в ограниченности сделанного тогда. Кто поставит в вину Шестидесятым, что они запнулись, что оказались не в силах остановить попятные стремления и закончились всеобщим застоём? Не вина это, а беда.

Беда разобщенности. Беда взаимного недоверия. Беда от незнания: куда идти? Но именно тогда, в 60-х, многие были подвигнуты на важное - на свободное слово, несущее страшную правду, освобождающее совесть от накипи фальшивых оговорок и утешительных софизмов.

Это было лишь начало. Разбуженная мысль продолжала работать. Настала пора ДИАЛОГА. Доверие и взаимопонимание ищут себе поприща, приложения к делу - и признания их делом. Эта идея носится в мировом воздухе, у нас же она - прямо на острие ножа. «ПОИСКИ» лишь дали этой идее имя, журнальный переплет, стали для нее испытательным полигоном.

Нам ли судить о качестве опубликованных материалов? Главной заботой инициаторов и редакторов было и остается: дать выход всем ищущим голоса. Нашим рабочим кредо было и остается: нет неважных идей, пустых мнений, лишних подробностей, когда речь идет о кровном, касается ли это России или Мира, всех наших соотечественников или немногих из них - и даже судьбы одного. Все оттенки и все «детали» смысла так или иначе соучаствуют в создании той СТРУКТУРЫ ЖИВЫХ РАЗЛИЧИЙ, какая если еще не общество, то его прообраз. Дверь в него, открытая всем живым.

Этим мы начинали «ПОИСКИ». И сегодня вправе сказать: дело, которое мы делали, не отдаляет нас НИ ОТ ОДНОГО ДЕЛЬНОГО И ДУМАЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА - на каком бы «месте» он ни находился и как бы ни относился он к нам сегодня. Конечно, мы далеки от мысли, что сам по себе диалог достаточен, чтобы оградить от худшего - нас, детей наших и детей их детей. Но мы уверены, что нет иного НАЧАЛА у пути, способного предотвратить общую беду.

Этим мы начинали, но здесь нас вынудили остановиться. Систематически ужесточающиеся гонения лишили нас большинства средств, необходимых, чтобы продолжать эту работу. За попытку прорвать блокаду диалога, за открытость своих имен и действий мы уже заплатили арестом одного из редакторов - Валерия АБРАМКИНА (*ныне покойного*. – А. А. 2013) . Горько думать, что человек необычайной душевной энергии и нравственной надежности - за решеткой Бутырок... Поставленные перед насильственной и лживой дилеммой: смириться с чьим-то правом ставить пределы или уйти в подполье, - МЫ ОТВЕРГАЕМ ТО И ДРУГОЕ КАК РАВНО ЛОЖНОЕ. Мы оставляем за собой простое право - определить самим форму и срок продолжения дела, равноценного для нас смыслу жизни.

Мы отказываемся сегодня и в дальнейшем - прятаться и спорить шепотом.

Мы не вели игры в «политику» - и не согласны на условную ничью, чего, видимо, от нас ждут. Адресуясь к читателю и соотечественнику, мы признаем лишь его критическое верховенство. Мы повторяем, что готовы все вместе с Валерием

АБРАМКИНЫМ отстаивать законность «ПОИСКОВ» и необходимость честного диалога для страны, граждан и государства.

Мы не ставим риторического вопроса: «Кто виноват?», предоставляя его суду читателя вместе с восемью томами «ПОИСКОВ». Сами же мы сосредотачиваемся на действиях в защиту наших коллег В.АБРАМКИНА и В.СОРОКИНА - в уверенности, что начатый нашим журналом ДИАЛОГ ВО ИМЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ неискореним из общественной жизни.

Мы благодарны всем, кто своей бескорыстной помощью и активным участием сделал возможным выход свободного московского журнала - в течение двадцати месяцев труда, сопротивления, диалога.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПОИСКИ»

Москва, 31 декабря 1979

(Цит. по: Гефтер М.Я.. Из тех и этих лет. М., 1991, с. 184-186)

[Ниже - два текста, посвященные М.Я. Гефтеру, из книги: Аутсайдер - человек вопроса. М.: «Век XX и мир», 1996, № 1. - А. А.]

= Из воспоминаний В.С. Библера

Жизнь-поступок

Михаила Яковлевича Гефтера я знаю с 1936 года. На нашем куре Истфака, где каждый студент был неповторимой индивидуальностью (когда-то - в своих провинциях или в своих московских школах едва ли не малым пророком и общественным центром), Гефтер оказался средоточием этих многих малых Вожаков и неповторимых человеческих судеб. К несчастью большинство из них было унесено войной.

С тех истфаковских пор наши пути с Михаилом Яковлевичем то сближались, переплетались, то расходились, но все время он как-то внутренне участвовал в моей жизни.

Люди мы очень разные, даже мыслим как бы в различных ритмах, в разных интеллектуальных контекстах. Может, именно поэтому мне есть что сказать о М.Я. Гефтере, безусловно значимом человеке наших дней.

Вот несколько, на мой взгляд, определяющих черт.

Прежде всего: Михаил Яковлевич - редкий случай действительно ПРИНЦИПИАЛЬНОГО человека. Мужественной неукротимой последовательностью он СТРОИТ свою жизнь, свои поступки, свое общение с людьми, исходя из велений исповедуемого Принципа. Здесь он не отступит ни перед какой трудностью и опасностью. С той же последовательностью, безоглядностью и самопожертвованием, с какой действовал в принципах коммунизма, партийной романтики («мы идем по узкой тропе, крепко взявшись за руки, окруженные...»), с той же безоговорочностью и твердостью ПОСТУПИЛ он, когда – после долгих и мучительных раздумий, - разглядел каверны и зияния этого исходного принципа (отнюдь не отказавшись от каких-то его основ, не перекрасившись; в СЕБЕ сохранил свое прошлое...). Твердо и спокойно в очень трудные годы, задолго-зadolго до всяческих «перестроек», вышел он из партии, как только осознал преступность ее линии, ее политики. - Раз я так думаю, я так поступаю – вот его максима. ЭТО НЕ ТОЛЬКО МУЖЕСТВО ПОСТУПКА, НО И ОТВАГА МЫСЛИ. ЕЕ - МЫСЛИ - ПОГРАНИЧНОСТЬ С ДЕЙСТВИЕМ. *[Выделено мною. - А. А.]*. Хорошо ли это? Не знаю. Может быть, в чем-то необходим - по самой природе разума - его ОТРЫВ от дела, бытие разума в своем особом идеальном пространстве... Но сейчас я не оцениваю, я говорю об особенностях человеческого облика.

В образе мыслей и жизни, конечно, очень многое зависит от избранного принципа, от исповедуемой идеи. Вот в 60-х годах идейный мир М.Я. Гефтера (а значит - сфера его поступков) сосредоточились в понятии, почти в кодовом слове: АЛЬТЕРНАТИВА, плюрализм. Тогда Михаил Яковлевич был руководителем сектора методологии истории в Институте истории (затем в институте всеобщей Истории) Академии наук. Он и меня пригласил с коллегами (А.С. Арсеньевым, Л.Б. Тумановой) - работать в Секторе. Мы же были самостоятельными исследователями, со своим собственным, глубоко продуманным пониманием истории, культуры, философии. У нас была своя система мысли, своя Школа. Решиться войти в иной мир, да еще зная интеллектуальную мускулатуру Михаила Яковлевича, было очень непросто. Однако, - решились. И это оказалось почти чудом. Ни разу Гефтер не вмешался в нашу семинарскую жизнь, ни разу - даже намеком - не покусился на интеллектуальную свободу, на право мыслить по-своему. Иногда даже переживал в этом. Он действительно ни единожды не посетил наши рабочие заседания: стоит ли, полагал, мешать людям думать. Альтернатива - так альтернатива. Идея и поступок не могут быть разделены. Жизнь надо строить. А раз дело касается науки, то и здесь - исходя из возможностей альтернативного мышления.

Так же неуклонно вел Михаил Яковлевич свою линию критического восприятия Ленина, его идей. Это был его ДОЛГ, - коли он так думал. Когда на очередном собрании громили «опасные идеи» Гефтера я - не в шутку - посетовал, что в нашем партийном уставе (было это, наверное, в 68-м году) нет возможности БЛАГОДАРИТЬ с занесением в личное дело за твердость и мужество в отстаивании своих воззрений. Ведь «случай» Гефтеровой принципиальности и здесь был исключительным.

И еще одна черта образа жизни и мыслей Михаила Яковлевича. На первый взгляд будто бы спорящая с первой. На самом деле - позволяет точнее ее, первую, понять. Гефтеру всегда (внутренне, по особенностям своего душевного устройства) важно каждый свой «руководящий принцип» как-то ПЕРСОНАЛИЗИРОВАТЬ, ВНИКНУТЬ В ЕГО ИСТОК В СОБСТВЕННО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ [выделено мною. - А. А.], в каких-то до-мыслительных импульсах.

(Библер В.С. Жизнь-поступок / Аутсайдер - человек вопроса. М.: Век XX и мир. 1996, № 1, с. 198-199)

= Из предисловия Е. Высочинной к книге «Аутсайдер - человек вопроса»

Аутсайдер - человек вопроса

<...> В тот год [1993. - А. А.] Михаилу Яковлевичу Гефтеру исполнялось 75. Несуетно подводил итоги. Привычка «итожаться» парадоксально сосуществовала в нем с органической недо-высказанностью. Он сам однажды определил это свое свойство:

«Мои тексты назойливо тянут к незавершенности, всего, о чем говорю...». Точно состыковал принципиальную открытость с бесконечностью обговаривания проблем, догадок. С устным словом как пусковым механизмом сомнения.

При всякой возможности М.Я. стремился подключить собеседника к собственным размышлениям. Сократическая беседа - поступок. Полотно повседневного обретало полифактурность вплетением непредуказанных мысленитий тем, сюжетных ходов, сопоставлений. Помогала установка на жизнь как Встречу. Открытость всякой новой подпитывалась уверенностью: самое неожиданное - человек. Вот только оставалось не вполне ясным, какой след-остаток оседает впечатлением, итогом. Но не поэтому только увлекала его идея собрать под крышей книги хотя бы немногих, с кем выстраивался логический роман общения.

Гефтер болезненно осознавал собственную неумещаемость в ТЕКСТЫ. И лучше многих понимал, что эпоха, время (ЕГО эпоха, ЕГО мир, которого уже нет) - не одними фактами и событиями маркированы, но и едва уловимым: ИНТОНАЦИЯМИ, тембром,

ритмо-полифонией. Но ведь собеседнику дарован слух... А ему, Гефтеру, - стремление передать самое нематериальное из былого - страсть и чувство, мироощущение и нюансы смыслов. <...>

***

<...> Первоначальное название этого издания - «Инакомыслящий». Не вполне точное применительно к Гефтеру. Да и он чаще всего называл себя аутсайдером. Вкладывал в это понятие смысл особый: аутсайдер - не НАД или ВНЕ противоборствующих СИЛ... По Гефтеру, именно аутсайдер - человек вопроса. <...>

(Век XX и мир, 1996, № 1; авт. предисловия - Е. Высочина)

[Вот таким помню Михаила Яковлевича Гефтере и я, счастливый редкими встречами и хотя бы одним эпизодом не только собеседничества, но и соавторства с ним. - А. А.]

В.Д. Глухов

15.9. КАК ОТСТОЯТЬ СВОИ ПРАВА ПЕРЕД ЧИНОВНИКОМ (10 ЗАПОВЕДЕЙ)

Несколько вступительных слов

*Свыше 30 лет мой друг и коллега, социолог **Валерий Дмитриевич Глухов** специализируется в области проблем жилищца. В 1989 г., став депутатом первого свободно избранного Ленсовета, он был в этом совете ответственным секретарем комиссии по жилищной политике.*

Затем стал экспертом по жилищным вопросам Союза потребителей РФ.

В. Г. был помощником депутатов Госдумы РФ А.Г. Голова и П.Б. Шелища, депутатом Муниципального совета муниципального округа № 81 г. Санкт-Петербурга. Ныне - помощник депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга Н.Л. Евдокимовой.

Мне приходилось и самому получать у В. Г. консультации, наблюдать его общественные приемы граждан (по примерному подсчету у него на приеме за 10 лет побывало 27 тыс. чел.). Очень многим ему удается помочь.

Ниже - некоторые из «памяток» Валерия Глухова для граждан, датируемые серединой 1990-х гг. (Октябрь-декабрь 2000).

= Из «памяток» В. Глухова (1990- гг.)

10 правил переписки с чиновниками для успешного решения вопроса

(разработано на опыте рассмотрения 10 тысяч жалоб и заявлений)

1. Пишите все заявления и жалобы под копирку, если обращаетесь в официальные органы. У Вас обязательно должна остаться копия документа. Помните заповедь Д. Карнеги: «Устно говорят о любви, а о делах пишут».

На прием к чиновнику надо ходить в двух случаях и только: 1. Чтоб получить конкретный ответ на конкретный вопрос, находящийся в его ведении; 2. Чтобы принести письменную жалобу на подчиненного этому чиновнику работника (важно, чтобы он ее

прочел). Надо учесть, что вопрос задается для того, чтобы потом дома написать более точное заявление (или жалобу).

2. Если Вы хотите что-то узнать по Вашему делу, то в заявлении надо написать: «На основании ч. 2 ст. 24 Конституции России прошу сообщить следующие сведения, касающиеся моих прав: ...».⁸⁸

По Закону, любое должностное лицо обязано дать Вам ответ на Ваше письменное заявление. Поэтому в конце заявления надо написать: «В соответствии с п. 9 действующего Указа Президиума ВС СССР от 04.03.80 «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» прошу дать ответ в течение 15 дней». Если Вы пишете жалобу, то надо писать: «в течение месяца».

В случае, если Вам не ответили в течение означенного Вами срока с добавлением недели на срок доставки почтой, можно смело писать в прокуратуру района (если Вы писали в районную администрацию), и в прокуратуру города (если Вы писали в мэрию города). В прокуратуру пишется жалоба по следующей форме:

«Прошу провести прокурорскую проверку нижеизложенного факта нарушения законодательства России и принять меры Вашей компетенции по отношению к виновным должностным лицам. Нарушение Закона выразилось в следующем. ... числа я направил(а) заявление (жалобу) туда-то ... Прошло уже ... дней со дня получения ... там-то ... моего заявления (жалобы), однако, в нарушение законодательства, мне не был дан письменный ответ.

О результатах рассмотрения этой жалобы прошу сообщить мне письменно в установленный законом срок». Далее идет дата и подпись.

3. Чтобы быть уверенным, что Ваше заявление (или жалоба) получены там, куда вы его адресовали, есть два надежных способа: 1. Либо Вы относите свое заявление (жалобу) в канцелярию организации и просите расписаться в получении на втором экземпляре (несите сразу с собой и копию, которая с росписью и датой остается у Вас как средство контроля). 2. Либо посылаете свое заявление по почте с уведомлением (Вам придет уведомление о дате вручения).

4. Не забывайте писать слово «жалоба». Дело в том, что, по Закону, жалобу нельзя направлять тому должностному лицу, на которое написана жалоба. Если Вы не напишете слово «жалоба», Ваше заявление, в котором Вы на кого-то жалуетесь, будет все время попадать именно к тому, на кого по существу жалуетесь. Не допускайте этой очень частой ошибки. Знайте, что чиновники очень не любят жалоб, а значит - боятся. Ведь жалобы попадают к начальству.

5. Чтобы Ваше заявление или жалоба были рассмотрены серьезно, надо, чтобы в них были ссылки на законы или какие-либо другие официальные решения. Узнавайте повсюду (и у нас, в Союзе граждан Петербурга в первую очередь) как можно больше о Ваших правах, записанных в Конституции, законах, указах Президента и распоряжениях мэра города. Ссылка на эти нормативные акты существенно затрудняют чиновникам писать Вам отписки и помогают Вам добиться положительных результатов в Вашем деле.

6. Знайте, что параллельно с направлением жалоб должностным лицам мэрии можно (и полезно) писать жалобы в прокуратуру. Сначала в районную, а в случае получения неудовлетворительного ответа - в городскую. В прокуратуру района следует писать, когда Вы получили неудовлетворительный ответ из районной администрации за подписью главы администрации. Если Вы направляете жалобу прокурору района, не

---

⁸⁸ Статья 24 (ч. 2) Конституции РФ гласит: «Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено Законом». (Примечание мое. А.А.).

получив ответа главы администрации, прокуратура обязательно перешлет Вашу жалобу в районную администрацию с просьбой рассмотреть ее и дать Вам ответ.

7. На неудовлетворительный ответ из прокуратуры города нужно писать в прокуратуру России. Если Вы написали жалобу в городскую прокуратуру на имя прокурора города, это не значит, что Вам ответит именно он. Обычно сначала отвечает прокурор самого низшего звена. Получив от него ответ, который Вы считаете неправильным, Вы должны написать на него жалобу снова прокурору города (при этом надо приложить копию своей первой жалобы на кого-то из чиновников и копию ответа из прокуратуры). Теперь Вам ответит заместитель прокурора города. Если Вы не удовлетворены, то снова пишите на него жалобу прокурору города (и опять надо приложить копию своей предыдущей жалобы и копию ответа заместителя прокурора города). Тогда Вам обязан ответить сам прокурор города. А на него уже можно писать Генеральному прокурору России. Ответы оттуда тоже будут по той же системе, как и в прокуратуре города. Ничего не поделаешь, надо сидеть дома и спокойно писать жалобы. Другого пути у Вас нет.

8. Знайте, что у Вас всегда в запасе есть еще один тур борьбы - обращение в суд. Чтобы иметь полное право обратиться в суд, надо сначала получить отказ на Вашу просьбу (конечно, письменный) из районной администрации. Лучше получить отказ от главы администрации, но в принципе достаточно для обращения в суд письменного отказа, подписанного заместителем главы администрации.

НЕ БОЙТЕСЬ СУДА! Марка госпошлины при обращении в суд сегодня стоит всего десять рублей. А адвоката не обязательно брать.

Мой лозунг: **НАУЧИТЕСЬ В СУД ХОДИТЬ, КАК НА ДАЧУ ЕЗДИТЬ.** Один раз пройдет судебное разбирательство, потом пойдет все как по маслу. Мы живем сегодня в условиях, когда необходимо познакомиться с некоторыми основами юридических знаний. И это совсем нетрудно. И лучшего способа, чем попробовать обратиться в суд, просто нет. И надо включить игровой момент, когда Вы обращаетесь в суд. Это важно, чтобы сбить естественное волнение.

9. Как обратиться в суд? Очень просто: надо сделать три вещи.

Во-первых, написать исковое заявление. Его напишет Вам юрист в любой юридической консультации города. Стоит это сегодня от 10 до 50 рублей. Малоимущим гражданам напишем и мы в Союзе граждан Петербурга (правда, только по жилищным делам).

Второй шаг - это получение справок: о прописке и характеристики площади. Их надо приложить к исковому заявлению.

И, в-третьих, пойти в сберкасса и, заплатив 10 руб., получить квитанцию или марку госпошлины. И тоже приложить к исковому заявлению.

Затем Вы идете в районный суд к судье по гражданским делам, который обслуживает Вашу улицу и дом (они все расписаны за конкретными судьями), и сдать ему Ваше исковое заявление вместе с приложением.

Вам либо сразу скажут, когда будет первое заседание суда, либо скажут, что пришлют повестку по почте. И Ваше дело просто приходите по повестке в суд и отвечать на вопросы судьи и участников дела. И сами, конечно, можете задавать вопросы ответчику.

Попробуйте, и Вы удивитесь, как это просто. Вы можете через суд запросить любые документы, которые Вам иначе никогда не покажут. И это особенно важно и ценно.

Суд - это гласность. А чиновники очень не любят, когда граждане ходят в суд с ними спорить. А раз они не любят, значит это у них слабое место и надо этим воспользоваться.

Конечно, суд у нас далек от идеального. Но, тем не менее, это очень сильное Ваше оружие в борьбе за свои права. И надо это оружие использовать. А как вести себя на суде мы Вас научим и бесплатно. Помните, что сегодня чиновники бесконтрольны и творят массовый произвол. И только через суд чаще всего можно добиться своего.

Очень полезно настроиться таким образом, что, когда Вы пишете первое свое письменное заявление в администрацию района, Вы уже думаете, что в конце переписки будет судебное разбирательство.

10. Пишите одновременно в разные инстанции, чтобы сэкономить время. Один гражданин исхитрился написать одновременно в 32 инстанции и через два месяца получил квартиру от своих районных чиновников, им просто не хотелось писать ответы многочисленным учреждениям. И это не графоманство. Это - грамотная борьба с чиновниками за свои права с учетом психологии.

ВОТ ДЕСЯТЬ ПРАВИЛ, КОТОРЫЕ НАДО ПОМНИТЬ. ЗА УТОЧНЕНИЕМ ПРИХОДИТЕ КО МНЕ НА ПРИЕМ (жители б. Смольнинского района знают где)

Составил: координатор районного отделения Союза граждан Петербурга Глухов В.Д. Контактный телефон отделения <...>.

10 простых советов хозяину квартиры ⁸⁹

Если Вы собираетесь распорядиться своим жильем, следует знать несколько основных правил, чтобы уберечься от мошенников.

1. Не подписываете ни одного документа, не изучив его вдоль и поперек со всей возможной скрупулезностью. Еще лучше - проконсультироваться с юристом, специализирующимся на «жилищных» делах.
2. Когда Вы что-то подписываете, у Вас обязательно должна остаться копия документа. Если Вам отказывают в выдаче второго экземпляра стоит насторожиться.
3. Когда Вам делают какое-то предложение, касающееся жилья, не говорите сразу ни «да», ни «нет». Спешка неуместна. Скажите, что Вам необходимо посоветоваться с родственниками, проконсультироваться с юристом. Ваш партнер настаивает и торопит Вас? Это повод насторожиться или даже прервать деловые отношения.
4. Выясните, с кем Вы ведете переговоры: попросите визитную карточку, а затем побывайте в фирме и выясните, работает ли там агент, с которым Вы имеете дело. Заодно попросите показать лицензию и свидетельство о регистрации фирмы. Проверьте их подлинность в органах, ведающих лицензированием и регистрацией. Нередки случаи, когда фирма занимает (арендует) помещение по одному адресу, зарегистрирована - по другому (например, в комнате для собраний членов ЖСК), так что найти ее в следующий раз может быть весьма проблематично.
5. Вы ведете переговоры и устно обо всем договорились. Предложите оформить устную договоренность в письменной форме с подписями обеих сторон. Ваш контрагент возражает? Его поведение сомнительно.
6. Дело дошло до составления текста договора. Как правило, Вам предлагают «типовой» вариант. Не спешите его заполнять и тем более подписывать. Попросите пустой бланк для обсуждения с родственниками и консультации у юриста. Знайте, что Вы имеете полное право дополнить текст любым, по Вашему мнению, необходимым пунктом. Вам отказали? Ваш партнер ненадежен.

---

⁸⁹ Этот текст был опубликован, с небольшими изменениями, в «Российской газете» (1.08.1997).

7. Не отдавайте никому свой паспорт. Если он нужен для оформления какого-либо документа или справки, займитесь этим лично. Либо присутствуйте при процессе.

8. Не подписывайте генеральных доверенностей. Это крайне опасно не только с чужими людьми. Бывали случаи, когда получив генеральную доверенность, нечестно вели себя даже родные люди. Если Вас вынудили подписать генеральную доверенность, сразу, как только сможете, обратитесь в городской орган по регистрации сделок с недвижимостью с письменным заявлением не регистрировать сделки по данной квартире, так как Вы отменяете доверенность.

9. Ведите переговоры и оформляйте договоренности не в одиночку, а со свидетелями с Вашей стороны. Если возникнет необходимость признать сделку недействительной, это придется делать через суд и показания Вашего свидетеля Вам пригодятся.

10. Поскольку в одиночку сегодня очень трудно защищать свои права на жилье, объединяйтесь! В стране действует Закон «О товариществах собственников жилья». В устав такого товарищества можно внести пункт, что покупатель квартиры в доме, где образовалось товарищество, обязан побывать в Правлении и ознакомиться с уставом товарищества. Продавец же квартиры (завещатель, даритель, оформляющий договор мены) обязан предупредить об этом будущего члена товарищества.

Такая простая мера вряд ли остановит честного покупателя. А вот мошенник предпочтет, чтобы о Ваших с ним контактах знал как можно меньший круг людей.

Валерий Глухов - помощник депутата Голова А.Г. и эксперт по жилищным вопросам Союза потребителей РФ и помощник депутата Евдокимовой Н.Л.

[Кроме вышеприведенных, есть еще серия «памяток» В. Глухова, обычно распространяемых им на общественных приемах граждан.

Перечислю только названия «памяток»:

«Правила найма (аренды) жилья; Маленькие хитрости Договора социального найма; Советы по приватизации жилья (тем, кто пока еще не приватизировал свое жилье, но думает об этом); Если Ваша квартира приватизирована в общую совместную собственность, Вы можете оказаться в ловушке...; О приватизации комнат в коммунальных квартирах; Что необходимо знать нанимателю квартиры (или комнаты), если он меняет свое жилище; Техника безопасности для покупателя комнаты или квартиры; Что обязательно надо знать продавцу квартиры или комнаты (правила техники безопасности); На чем можно сэкономить при сделках с жильем; О каком риэлтере я мечтаю; Что надо знать о наследовании недвижимого имущества (самое-самое необходимое); Имущество супругов: что о нем полезно знать; Если дочь на выданье, а сын - в женихах (о квартирном вопросе, свадьбах и немного о брачном контракте)».

Почти все эти правила «техники безопасности», разработанные В. Г., публиковались в петербургском журнале «Экспресс-недвижимость» в 1998-1999 гг.

Думаю, полное собрание «памяток» Валерия Глухова заслуживает отдельного, массового издания.

В заключение, приведу самый первый из текстов В. Г. этого жанра. В 1994 г. у бывшего депутата Петросовета еще не было собственного компьютера, и я набирал первую версию его «10 заповедей» у себя на работе, под диктовку автора.

Воспроизвожу - в том виде, как этот текст сохранился в электронной памяти.- А. А.]

10 «заповедей»...

«Чиновник – не бранное слово. Оно
означает – представитель исполнительного
органа власти»

1. Лучше писать, чем разговаривать с чиновником. Пишите заявление или жалобу под копирку, копию оставляйте себе.
2. Знайте, что чиновник обязан ответить на обычное заявление не позже чем через 15 дней, а на жалобу - не позже чем через месяц.
3. Посылать заявление или жалобу по почте - только с уведомлением о вручении. Если отдаете их в приемной, пусть там распишутся на копии.
4. Если ответ на Ваше заявление неудовлетворителен, пишите жалобу на того чиновника, который этот ответ подписал. Не забудьте употребить слово «жалоба».
5. По возможности, ссылайтесь на Законы и другие нормативные акты. Тогда к Вам отнесутся серьезнее.
6. Обращайтесь в прокуратуру не раньше, чем получили неудовлетворительный ответ от чиновника на свое заявление.
7. У нашей прокуратуры 6 ступеней. Двигайтесь последовательно. Не пишите в высшую инстанцию, не получив ответа от предыдущей. Это относится и ко всякому обращению в официальные инстанции
8. Не бойтесь обращаться в суд! Но для этого надо сначала получить от чиновника отрицательный письменный ответ на Ваше заявление или жалобу.
9. Марка госпошлины за обращение в суд стоит всего 10 руб. Не обязательно нанимать адвоката. Исковое заявление Вам напишут в юридической консультации, а малоимущим - бесплатно поможет Союз граждан Петербурга.
10. Хотите сэкономить время - старайтесь обращаться в разные инстанции одновременно: в мэрию, в прокуратуру, к депутату. Но с соблюдением предыдущих 9 заповедей.

ВОТ ДЕСЯТЬ ПРОСТЕЙШИХ ПРАВИЛ, КОТОРЫЕ НАДО ЗНАТЬ. <...>. Если захотите узнать дополнительные подробности - приходите ко мне на прием (жители б.Смольнинского района знают, где).

Координатор районного отделения Союза граждан Петербурга Валерий Глухов (контактный телефон отделения : <...>, с 8 до 10 час. утра).
Февраль 1994

(С Валерием Глуховым мы тесно общаемся и сегодня. Он верен своей миссии: помощь людям в решении проблем, связанных с жилищем. Ныне – в качестве юридического консультанта от Союза потребителей РФ в Петербурге. – А. А. Август 2013).

Е.И. Головаха, А.А. Кроник

15.10. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ

*[Ниже - извлечения из одноименной книги **Е.И. Головахи**⁹⁰ и **А.А. Кроника** (Киев: Наукова думка, 1984). В скобках указаны страницы по названному изданию. - А. А.]*

---

⁹⁰ **Евгений Иванович Головаха** - доктор философских наук, профессор, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии, заместитель директора Института социологии НАН Украины и главный редактор академического журнала «Социология: теория, методы, маркетинг».

Сфера научных интересов: теория и методология социологии, социология политики и социальных трансформаций, социология личности, социальная психология. (Из [Сайта Института социологии НАНУ](#)).

= Из «Введения»

<...> Познать время и овладеть временем - это задачи, решение которых имеет важнейшее значение для развития человеческой культуры, общества и личности. Современные достижения науки и техники открыли возможности точного измерения времени. Однако достаточно ли календарей и самых совершенных хронометров для рациональной организации и использования времени в практической деятельности и повседневной жизни? Во многом - да. Благодаря таким свойствам хронологического времени, как равномерность, непрерывность, необратимость, возможна синхронизация событий, происходящих в природе и обществе, четкая фиксация их последовательности и длительности. Но не всякое время может быть сведено к хронологии. И прежде всего это относится к времени человеческой жизни. Именно о времени жизни, его отражении в переживании личности, о способах его измерения и регуляции - эта книга. <...> (3).

<...> Принятый в психологических исследованиях и ставший традиционным общетеоретический подход к изучению механизмов восприятия и осознания личностью времени можно назвать «событийной концепцией психологического времени», согласно которой особенности психического отражения человеком времени, его скорости, насыщенности, продолжительности зависят от числа и интенсивности происходящих в жизни событий - изменений во внешней среде (природной и социальной), во внутреннем мире человека (мыслях и чувствах), в его действиях и поступках. Однако в рамках событийной концепции в ее исходном виде не получили удовлетворительного решения такие фундаментальные проблемы, как определение границ и содержания психологического настоящего, взаимосвязь прошлого и будущего, субъективная обратимость течения времени, механизма формирования определенных временных свойств психической деятельности.

В данном исследовании авторы показывают, что ответы на указанные выше вопросы могут быть получены путем анализа событий не самих по себе, а в их взаимосвязи. В соответствии с предлагаемой нами «ПРИЧИННО-ЦЕЛЕВОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ» особенности отражения личностью временных отношений в масштабе жизни определяются ее представлениями о характере детерминации одних значимых жизненных событий другими.

Эмпирическая проверка этой концепции осуществлялась на основе специально разработанного нами метода (каузометрии), с помощью которого возможно измерение и регуляция психологического времени личности. <...> (14).

Вкратце

Здесь ограничимся тем, что приведем структуру обсуждаемой книги:

«Психологическое время личности

Глава 1. Становление и развитие научного подхода к проблеме психологического времени.

Глава 2. Основания причинно-целевой концепции психологического времени личности.

Глава 3. Каузометрия - метод исследования субъективной картины жизненного пути и психологического времени личности.

Глава 4. Удаленность событий в психологическом времени.

Глава 5. Свойства времени в переживании человека.

Глава 6. Психологический возраст личности».

Рассматриваемая работа являет собой образец соединения теоретико-методологического анализа с конкретным эмпирическим изысканием, с использованием оригинальной методики. «На выходе» теоретические обобщения и практические выводы.

= Из «Заключения»

<...> Построение «теории личности «во времени» в противовес чисто структурным ее описаниям, абстрагированным от реального временного протекания ее жизненного цикла остается одной из вaneйших задач современного человекознания» (Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977, с. 222). Такая теория может быть создана лишь в ходе комплексного исследования, предполагающего анализ жизненного пути личности с учетом хронологического, биологического, социально-исторического и психологического времени. Жизненный путь, представляющий собой «временную разверстку» личности, проходит в ее изменяющемся жизненном мире, который в отличие от четырехмерного пространственно-временного континуума физического мира имеет гораздо большее число измерений, ни одним из которых нельзя пренебречь без ущерба для полноты анализа. Предпринятое в данной монографии исследование одного из наименее изученных измерений жизненного мира личности - психологического времени - является необходимым звеном в построении диахронной теории личности.

Траектория движения человека в его жизненном мире, его реальный жизненный путь обусловлены множеством объективных и субъективных факторов, существенное место среди которых занимает субъективная картина жизненного пути личности. Человек как развитая индивидуальность со своими ценностями, жизненными программами и ориентациями - не «бытие, брошенное в мир», а, скорее, человек творящий свой жизненный путь и идущий по нему. Как писал А.Блок, «первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, - является чувство пути... Только наличностью пути определяется внутренний «такт» писателя, его ритм» (Блок А.А. Душа писателя. - Собр. соч. в 8-ми т. М.-Л.: Гослитиздат, 1963, т. 5, с. 369-370). С полным основанием эти слова могут быть отнесены к любой личности, являющейся творцом своей жизни.

Важнейшим компонентом субъективной картины жизненного пути выступают представления личности о характере детерминационных отношений между происшедшими, происходящими и предстоящими событиями ее жизни. Отражаясь в сознании человека, эти отношения образуют сложную субъективную структуру межсобытийных связей, в которой то или иное событие может быть представлено либо как причина или следствие других событий, либо как их цель или средство.

Согласно предложенной в монографии причинно-целевой концепции психологического времени, основные свойства последнего определяются особенностями субъективной структуры межсобытийных (причинных и целевых) отношений. Единицей анализа и измерения психологического времени является межсобытийная связь. При этом единицей психологического прошлого выступает реализованная связь между двумя событиями хронологического прошлого, единицей психологического настоящего - актуальная связь между событиями хронологического прошлого и будущего, единицей психологического будущего - потенциальная связь событий хронологического будущего.

Основным методом исследования психологического времени в рамках причинно-целевой концепции является метод каузометрического опроса, на основе которого могут быть описаны основные характеристики субъективной картины жизненного пути личности. Этот метод позволяет определить наиболее значимые события жизни личности и степень адекватности их осознания, выделить основные сферы жизнедеятельности в их взаимосвязи, вскрыть индивидуальную специфику временных представлений личности о ее прошлом, настоящем, будущем. Возможности его применения не ограничиваются, на наш взгляд, решением тех задач, которые были поставлены в данном исследовании. Наиболее общей сферой применения каузометрии может стать прикладная психология личности, целью которой явилось бы оказание консультативной и психотерапевтической помощи человеку в осмыслении и решении им своих жизненных проблем. Это

необходимо прежде всего потому, что субъективная картина жизненного пути выступает одним из существенных факторов психологической регуляции образа жизни личности. Особую роль в развитии образа жизни играют представления личности о будущем - ее цели и планы, стремления и надежды. Наличие четкой и осознанной жизненной перспективы дает человеку мощные стимулы к творчеству, рождает оптимистическое мироощущение. А узкая и односторонняя перспектива заранее обрекает человека на ограниченный диапазон жизненных проявлений, что чревато преждевременным «психологическим старением», в результате которого у личности исчезает интерес к будущему как полю самореализации. В связи с этим среди задач формирования и регуляции образа жизни существенную роль приобретает целенаправленная и научно обоснованная работа по формированию долговременных, содержательных и социально-значимых жизненных ориентаций.

Одной из возможных форм этой работы могло бы стать создание исследовательско-консультативной психологической службы по вопросам формирования и коррекции жизненной программы, а затем и по вопросам жизненного пути личности в целом. <...> (187-189)

<...> Для решения исследовательских и диагностических задач могут быть использованы как известные в психологии биографические методы, так и техника каузометрии. Задачи формирования жизненной перспективы могут быть решены на основе данных, полученных при диагностике, с дальнейшим применением специально адаптированных методов социально-психологического тренинга. Кроме того, представляется необходимой разработка конкретных приемов и исследовательской техники моделирования значимых жизненных ситуаций, воспроизведение которых в условиях формирующего эксперимента позволило бы в определенной мере осуществлять контроль устойчивости выработанных жизненных ориентаций.

Эффект от деятельности подобной службы не ограничивался бы лишь помощью тому или иному человеку в решении им своих актуальных жизненных проблем. Поскольку речь идет о формировании представлений личности о своей жизни в целом, формы социальной отдачи службы могут быть весьма отдаленными и существенными: а) повышение творческой активности и продуктивности людей в избранных ими сферах деятельности; б) уменьшение стихийных и бессмысленных форм времяпрепровождения, ведущих к «застою» и деградации в развитии личности; в) стабилизация молодых семей и ориентаций супругов; г) расширение и обогащение жизненной перспективы личности и сближение ее в связи с этим с перспективой прогрессивного развития общества в целом.

Вопрос о масштабах и конкретных формах организации службы по формированию жизненной перспективы личности требует проведения специального социального эксперимента, с участием психологов, социологов, представителей других отраслей современного человекознания. <...> (189-190)

(Головаха Е.И., Кроник А.А.. Психологическое время личности. Киев, 1984).

А.Э. Головков

15.11. «ГОСПОДИ, ХРАНИ ДРУЗЕЙ, КТО БЫ В НИХ НИ ЦЕЛИЛСЯ...»

Несколько вступительных слов

Было бы естественно представить здесь моего друга - Анатолия Эммануиловича Головкова - отрывками из его публицистики, например, конца 80-х, которая памятна многим, кто тогда ждал каждый очередной номер журнала «Огонек»,

чтобы получить подтверждение той мысли, что перемен не надо ждать, их надо делать.⁹¹

Однако этим творчество моего друга далеко не исчерпывается.

Воспользуюсь его разрешением на, кажется, первую публикацию нижеследующих стихов-песен Анатолия Головкова. (Май 2000).

Только бы не выпал вдруг
Жребий на моих друзей
И не разомкнулся круг,
Делая врагов сильней.
Да еще бы - не сбылись
Речи и пророчества.
Только бы для всех нашлись
Хлеб и одиночество.
Птичьи наши голоса
Узнаете вы, тая.
Остается полоса,
На стене распятая.
И какой-то филистер,
Тот, кого ты пощадил,
Первым подожжет костер
Посредине площади.
Время буффонад и драм -
Как корабль на мели.
Лишь кресты оконных рам
Тенью на лицо легли.
Государственный музей
Пушками ощерился.
Господи, храни друзей,
Кто бы в них ни целился.

1984

***

АКВАМАРИН

Кому Россия не чужбина,
Но крест молитвы и слеза,
И под прицелом карабина
Своей судьбе глядит в глаза.
Но лишь за то, что на восходе

---

⁹¹ Фрагмент из огоньковского очерка Анатолия Головкова 1988 г., посвященного эксперименту и «делу» социолога-рабочего, см. в: ДСиСА – 1 (Глава 6).

А.Э. Головков — журналист, писатель, кинодраматург, бард. Как журналист начинал с газеты «Советская молодежь» (Рига), потом вернулся в Москву, потом до 1992 года работал в центральной прессе. Самые известные публикации в журнале «Огонек» времен редактора В. Коротича. Публицистические статьи собраны в трёх сборниках, в том числе «Вечный иск» (М.: Правда, 1989). Лауреат премии журнала «Огонёк» (за 1989, 1990 годы), премии Союза журналистов СССР за очерки из «горячих точек» (1990) и Союза журналистов России в номинации «Честь, достоинство, профессионализм» (2005).

Автор ряда романов, книг рассказов, кино- и телесценариев. Известен также как исполнитель песен на свои стихи и музыку, автор трех дисков, участник антологий авторской песни, сборников, радиопрограмм и телешоу. (По «Википедии»).

Сражался маленький отряд,
Его к пожизненной свободе
Приговорят, приговорят.
Что крик привидится дельфиний,
То - снов застывший стеарин,
Со мною свет спокойно-синий
И камень свой - аквамарин.
Кольцо трамвая - круг неволи,
Больничный, сумрачный режим.
Не дай вам Бог попасть на поле,
Где мы под липами лежим.
Не дай вам Бог сойти с перрона,
Когда прощаюсь навсегда.
Замкнет себя родная зона,
И - провода, и провода.
На перевале, на погрузке,
Под клик Савеловских ворон,
Ты не захочешь петь по-русски,
Приговорен, приговорен...
1988-1989

***

ДОРОГОМИЛОВО

В отраженьи бесполезном
Сна постылого,
Островок парит над бездной -
Дорогомилово.
Что подъезды, что подвалы -
Всюду благодать.
Но до грозного вокзала
Здесь рукой подать.
В заведение «Пиво-воды»
Стоит лишь зайти,
Есть и пиво, и свобода
Жить у пропасти.
Где накинута на горло
Цепь стальных путей,
Я с надеждою покорной
Жду своих гостей.
Было много их и мало,
Значит - в самый раз.
Чтоб чужбиною не стала
Родина для нас.
Где обнявшись пили вместе
Посреди земли,
Недописанные песни
Пели как могли.
В пиджаках давно потертых,
Роста среднего,
Я зову живых и мертвых -
До последнего.
Их любовь, что освещала

Небо над Москвой...
Пулю ту, что обещала
Подарить покой.
1999

Ремарка: пересечения кругов общения и дружбы

Эти и другие песни Анатолия Головкова прозвучали вчера, 7.05.2000 за праздничным столом в Санкт-Петербургском интерьерном театре.

...В это самое время в Москве происходила инаугурация нового Президента РФ (бывшего «и.о.» - исполняющего обязанности, затем «и.п.» - «избранного Президента», а вот теперь будет - просто «Президент») В.В. Путина.

А с Юлием Андреевичем Рыбаковым, правозащитником и депутатом Госдумы, в эти дни произошел (как он рассказывал на той же встрече) чуть ли не мистический случай: когда он несколько недель назад согласился баллотироваться от «Союза правых сил» в качестве кандидата на пост губернатора Петербурга, из его дома сбежал... кот по имени «Антон Павлович». И вот, стоило Юлу отказаться от участия в выборах в пользу кандидата от «Яблока» И. Артемьева (более «перспективной» кандидатуры!), как кот, любимец семьи, которого безуспешно разыскивали... сам вернулся!

...В который раз замечаю, как «неотвратимо» становятся друзьями мои (и не только мои!) друзья, ранее не знавшие друг друга.

Вот, Рэм Баранцев когда-то давно познакомил меня с Николаем Беляком. (См. о нем выше). А Анатолий Головков, тоже лет 10 назад, познакомил меня с Андреем Черновым. Андрей Чернов и Николай Беляк, кажется, и до меня были знакомы.

И вот теперь - москвич Анатолий Головков - гость и друг Интерьерного театра в Петербурге. Мы же с А. Г. не виделись несколько лет...

И пересекаются «круги общения и дружбы», сближаемые социальным магнитом... жизненной позиции?!

Р. С. Губернатором Санкт-Петербурга, как известно, неделю спустя был избран на второй срок В.А. Яковлев. (Май 2000).

В.Б. Голофаст

**15.12. «РУТИНА», «СОБЫТИЯ» И «ЗАГАДКА ЖИЗНИ»:
ТРИ СЛОЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ**

[О моем, ныне покойном, коллеге и друге Валерии Борисовиче Голофасте (1941-2004), с которым я впервые встретился еще в 1960-х гг., рассказывает ниже Б.З. Докторов. См. (2). Но сначала – текст одной из работ В. Г. второй половины 1990-х. – А. А. Июль 2013]

(1)

= Из сборника «Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ» (1997)

Три слоя биографического повествования ⁹²

<...> Можно выделить три слоя биографического повествования. ПЕРВЫЙ СЛОЙ - РУТИНА, личный, семейный, групповой быт, область устойчивых воспроизводимых

---

⁹² Настоящий текст см. также в: ДСиСА – 4 (Приложения к главе 23).

действий, мыслей, чувств и обстоятельств. Социологу обычно важен семейный, но также и институциональный, статусно-профессиональный обиход. Отметим неявно-нормативный характер соответствующих явлений. Он обнаруживается по эмоциональным реакциям, которые сопровождают инерцию обихода, или, напротив, явные разрывы, провалы в повторяющемся мире повседневности. Так или иначе приходится очертить круг людей, которые сохраняют, разделяют и поддерживают коллективный обиход, которые живут этой рутинной. Обычно она редко удостоивается слова, вербализации, индивидуального, а тем более коллективного внимания. Она есть, она само собой разумеется, она на своем месте, как правила туалета, иерархии, кулинарии, застолья, собрания или фольклора. С той только разницей, что дело не в правилах, а в сути того, что может ими регулироваться. <...>

Две опасности подстерегают исследователя при интерпретации рутины. Первая - НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОБОБЩЕНИЯ. Нужно определить контекст (или серию контекстов: эпоха, место, социальная общность), где данная регулярность привычна, обыденна, сложилась и есть. Вторая опасность - СВЕРХОБОБЩЕНИЕ, всякая генерализация требует дополнительной проверки и аргументации. <...>

ВТОРОЙ СЛОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ – СОБЫТИЙНАЯ КУЛЬТУРА. Личные и общественные события - обычный предмет анализа биографий. Отметим, что события - это тоже, как правило, рутина, но макроструктуры жизни - семейной, местной, городской или социетальной. Рядовой человек редко попадает в переплет общественных событий, оставаясь на втором - третьем плане. Если же это случается, то оставляет в нем неизгладимое впечатление. И все же поразительно, как мало событий [по-видимому, имеются в виду общественные события. - А.А.] включает ординарная биография. Если теория жизненного цикла индивида, семьи или группы позволяет сравнительно легко структурировать любое биографическое повествование, то МОЛЧАНИЕ о событиях макропланов, институциональных, секторальных или социетальных - принуждает ввести понятие - ГОРИЗОНТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Что бы ни демонстрировал нам телевизор новостей и развлечений, немного входит в нашу жизнь как СОБЫТИЕ. Но, может быть, дело в том, что мы не знаем кукловода, или телевизионные кукловоды еще не писали своих биографий? Или граница между символическим и реальным еще отягчена инерцией традиционного?

Как бы то ни было, нередки и неординарные биографии: в них повышена степень индивидуализации хода жизни, рефлексия личного отношения ко всему важному, исключительному. <...>

Итак, **ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ (групповых, институциональных...) СОБЫТИЙ - ЭТО ОСОБЫЙ ПАРАМЕТР СВЯЗИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ БЫТЬ ПРЕДМЕТОМ АНАЛИЗА И СРАВНЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ.** <...>

ТРЕТИЙ СЛОЙ БИОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР – ЭТО ТАЙНАЯ СКРЫТАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ, ЕЕ ЗАГАДКА, малопонятное или безнадежно непонятное, пугающее, неожиданные совпадения, провалы.

Естественно было бы связать эту сторону с многообразием форм социального контроля: табу на вербализацию секса, болезни, смерти, помешательства, на этническое, социальное, физическое неравенство или страдания и унижения, на стыд и срам, на стигматизацию и насилие, вообще на проявление моральных крайностей...

Ремарка: латентная сторона жизни

Пожалуй, социальные исследователи уже научились преодолевать эти «табу», не говоря уж о современной тяге людей к личностному «самообнажению» перед

телевизионной камерой и т. п. (вспомним хотя бы популярную телепередачу В. Комиссарова «Моя семья»).

Однако методологическое различие не просто «внешней» и «внутренней» сторон жизни, а именно: (а) **эксплицитной** и (обычно) предъявляемой и (б) **латентной** и (иногда) замалчиваемой или даже не осознаваемой самим субъектом сторон жизни, - представляется ценным. (Январь 2000).

...Но проблема шире. Согласно принятым теориям, ИНДИВИД - ЭТО ПОЛЕ СТОЛКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА И СВОБОДЫ, СЛУЧАЯ, БИОЛОГИЧЕСКОЙ НУЖДЫ И СОЦИАЛЬНОЙ НАСТОЯТЕЛЬНОСТИ, РЕФЛЕКСИИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ, ДОГАДКИ И НЕВЕДЕНИЯ. [выделено мною. А. А.]. Сама идея социальной науки [принятых в ней теорий? - А. А.] состоит в признании факта неспособности индивида (или общества) свободно или незаинтересованно читать или направлять свою жизнь. Впрочем, самоанализ не только усиливает ощущение драмы существования, но нередко и умиротворяет.

Стандартная техника прояснения скрытых сторон жизни – их АКТИВНАЯ ТЕМАТИЗАЦИЯ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ ИЛИ В СЦЕНАРИЯХ БИОГРАФИЙ, что резко повышает уровень диалогичности биографических текстов, а также опасность появления артефактов. Когда же дело касается спонтанных автобиографий, мотивы которых обычно не вполне ясны, очевидность третьего слоя проявляется при появлении первых же вопросов: «почему», «зачем», «что случилось», «чем вызвано»? <...>

Подобные вопросы при анализе одной биографии [биографии как таковой, выдержанной в режиме монолога. А. А.] могут так и остаться без определенных ответов, но вряд ли их можно окончательно выяснить путем прямых обращений к автору биографии. Такие вопросы развивают исследование и требуют новых материалов, а может быть и способов изучения.

Ремарка: биографический метод и диалог

Один из возможных путей решения этой проблемы видится в расширении диалогического круга: не только диалог исследователя с субъектом биографии, но и включение в него (в этот диалог), очно или заочно, других лиц. Эти «другие» нужны даже не столько в качестве информантов, сколько в качестве (информированных) интерпретаторов: соотнесение разных «версий» одной жизни. (Январь 2000).

Привычное, хорошо знакомое нередко экранирует анализ, препятствует обнаружению обусловленного разнообразия, правила, закономерности. Но, с другой стороны, структурный анализ биографических данных является их фундаментальным свойством, позволяющим сразу отбросить нереалистические гипотезы. Другим важным качеством биографических текстов является укрупненный взгляд на действительность, характерный для здравого смысла и обыденного языка, что, конечно, не всегда помогает быстро продвигаться к сути дела, но зато сохраняет ценность биографического повествования для «простого читателя». Биография как жизнь без литературных украшений притягивает магией возможного, на самом деле, для другого, а значит - в опасности или успехе - и для себя.

ТРЕХСЛОЙНАЯ СТРУКТУРА ВСЯКОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ - только один из возможных разрезов в структуре социально-культурных координат. В дальнейшем я предполагаю искать и другие тропинки в сплетении культурных оппозиций, характерных для всякого связного текста. Можно предположить, что любой достаточно длинный текст состоит из разнородных, более или менее крупных частей, построенных на отдельных группах оппозиций, различающихся хронологическим или событийным ритмом (см. упоминавшееся выше различие обычной и макрорутин). Кроме того, для данной культурной традиции желательно было бы

выделить стилистические (лингвистические) маркеры вступления в зону теневого, скрытого, неявного содержания, в которых, вероятно, действует своя логика сопоставлений и чередований.

(Голофаст В.Б. Три слоя биографического повествования / Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург. 14-17.11.1996. СПб: ЦНСИ, 1997, с. 23-26).

Справка

См. на эту тему также другие работы Валерия Борисовича Голофаста:

- Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований / На перепутьях истории и культуры. СПб: СПбФ ИС РАН, 1995.

- Голофаст В. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал, 1995, № 1.

В. Голофаст заведует сектором социально-культурных изменений Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, в котором вот уже 10 лет существует и пополняется специальный **Биографический фонд**.

Эту работу, кроме него, ведут: О.Б. Божков, Е.В. Лагунова (ныне покойная. – А. А. 2013), Н.Н. Цветаева и др. (Январь 2000).

(2)

= Из беседы Б. Докторова и В. Боде на радио «Свобода» (2011)

Социолог Валерий Голофаст:

«Мне нужна интеллектуальная свобода внутри и вовне»⁹³

В этом году исполнилось 70 лет со дня рождения петербургского социолога Валерия Борисовича Голофаста (1941-2004). Я попросила рассказать о нем профессора Бориса Докторова, опубликовавшего несколько статей о жизни и творчестве этого ученого. Свыше 17 лет Докторов живет в США, но до отъезда он два десятилетия работал с Голофастом, а живя в Америке, активно переписывался с ним по электронной почте. (Вероника Боде).

- Событийная сторона жизни Голофаста очень проста. Он родился в марте 1941 года в Днепропетровске. Его отец был конструктором и работал в одном из КБ, а мать – бухгалтером. После 7 класса Валерий хотел поступить в летное училище, но не прошел медкомиссию. Окончив школу, он поработал столяром на мебельном комбинате, слесарем на металлургическом заводе и проучился два года на вечернем факультете Металлургического института. В 1960 году Голофаст поступил на французское отделение филологического факультета Ленинградского университета и прожил в Ленинграде/Петербурге отпущенные ему следующие сорок с небольшим лет. Практически все это время он работал в социологических структурах Академии наук. Я познакомился с Валерием в начале 70-х, но лишь за полтора года до его скоропостижной смерти узнал из его письма, что в юности он писал стихи. Для меня это сообщение оказалось в высшей степени значимым. Я начал понимать истоки того, что про себя многие годы называл «стилем Голофаста». Я говорю не только о его текстах, но о логике его видения мира. После смерти Валерия один из лучших знатоков ленинградской андеграундной поэзии написал мне: «...стихи, с которыми он пришел [Валерий занимался в одной из поэтических студий города], были — уже — написаны мастером. Блестящий

⁹³ См. <http://www.svoboda.org/content/article/24302065.html>

Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

классический стиль...» и далее: «...И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он — потерял сам себя? <...> Но ощущение большего знания — у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас. <...> Куда и почему он пошел?..». А ушел Голофаст из поэзии, потому что пришлось выбирать: стихи или университетское образование. Он выбрал второе. Так что вырисовывается следующий путь Голофаста в науку: стремление понять мир и отразить его поэтически – философия – социология. Замечу, уникальная траектория движения.

- В какой области социологии работал Валерий Голофаст?

- Эрудиция Голофаста, знание им многих языков, любовь к технике (механике) и астрономии в некотором смысле сближают его с учеными того времени, когда философия была единой наукой, и люди, занимавшиеся ею, испытывали «любовь к размышлениям». За год до смерти он писал мне: «Делай, что интересно, — мой скромный девиз...» В кандидатской диссертации Голофаст анализировал американскую семью, а подготовленная под его руководством и посмертно изданная книга озаглавлена «Социология семьи». Поэтому можно сказать, что проблемы развития современной семьи были главными в его исследованиях. Голофаст также является одним из первых, кто в современной российской социологии обратил внимание на богатые возможности биографического метода и кто начал систематически изучать биографии. Под его руководством был создан большой архив воспоминаний, которые люди излагали в своих письмах-исповедях. В этом проекте Голофаста более всего привлекало познание частной жизни людей. В целом круг его научных интересов был весьма широк: отмечу лишь: методологию социологии, урбанистику, современные глобальные процессы, культурные трансформации в различных обществах. В течение многих лет Голофаст был одним из интеллектуальных лидеров петербургской социологии, этим определяется его место в социологическом сообществе города и России.

- Что вы можете сказать о том времени, в которое довелось работать Валерию Голофасту?

- Первая половина 1980-х была «черной» для ленинградской социологии. В институте, в котором мы тогда работали, культура семинаров выродилась полностью, идеология в ее самой примитивной форме ограничивала предмет обсуждений и многообразие разрешенных для высказывания точек зрения. Публиковаться было негде, но когда такая возможность открывалась, понимание невозможности излагать то, что хотелось, делало эти публикации бессмысленными. Мы почти ничего тогда не публиковали. Научная жизнь была возможной лишь в семинарах-беседах. И лучшим местом для таких бесед была комната, в которой размещался сектор Голофаста. Никто никого не звал: заходил, выискивал стул, брал стакан чаю, и многое сразу отступало. Я помню чувство нежелания прекращать обсуждения. Не хотелось из мира социальных грез возвращаться в мир социальных реалий.

В последние годы друзьями Валерия проведено в Петербурге пять «голофастовских» чтений. Собираются социологи из разных городов и обсуждают темы, которые одним из первых в российской науке изучал Голофаст.

- Обнаруживается ли в творчестве Голофаста-социолога то, что в молодости он серьезно занимался поэзией?

- На мой взгляд, да, и очень зримо. Прежде всего, в его внимании к обыденному (простому) человеку в повседневном мире. Это – сквозная тема русской литературы, вспомним, к примеру, петербургских литераторов второй половины XIX века. Но, конечно, в Голофасте-авторе социологических работ проступает его литературная выучка. В 1981 году им была опубликована небольшая книга с «сухим» научным названием: «Методологический анализ в социальном исследовании». Во мне до сих пор хранится

ощущение эмоциональной приподнятости, возникавшее при чтении этой книги. Так, как писал Голофаст, было дано немногим.

Думаю, в нем всегда сохранялась «дисциплина текста», присущая людям поэзии. Голофаст задумывался не только о том, что сказать о социуме, но был сконцентрирован и на мысли о том, как выразить итоги своих размышлений. За месяц до смерти он писал мне: «А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей.»

Теперь приведу несколько фрагментов из писем Голофаста, написанных мне в последние полгода его жизни. В них виден его личностный мир.

Развлекаюсь тем, что читаю очень старую литературу Японии, до этого был Китай.

Мое любимое — даосизм, ранний, поздний — напоминал алхимиков в Европе.

Советская власть много сделала, чтобы многие люди забыли своих предков. Включая уничтожение (и добровольное) документов об этих временах и людях. <...>

Пока я живу, я могу беседовать с Конфуцием, или с Гэлланом. Как со своей мамой. Когда она далеко.

За два дня до смерти Валерий с сожалением отметил, что плохо знаком с работами одного американского ученого. И завершали это короткое письмо слова: **«Очень независимый ум вроде».**

Вот и у Валерия был очень независимый ум.

[См. также: «Валерий Голофаст – из тех, чей уход опустынивание земли...» в: ПС-2 (Глава 6). – А. А. Июль 2013]

(3)

= Из Антологии новейшей русской поэзии «У голубой лагуны» (том 5А)

Немногие сохранившиеся стихи В. Голофаста рубежа 1950-60-х гг.⁹⁴

Когда ты слаб и осторожен
Дыханием, надрывом сил,
Возврат нелеп и невозможен,
И каждый шаг - невыносим.
И только б не остановиться,
Не обмануть себя, затем,
Что если сложит крылья птица -
Весь мир обрыв, и голос - нем.
И в растворяющемся крике,
Как эхо, слышится Ничто.
Поэтому, молчите, книги,
О вечном ужасе: за что?
Все повторяется сначала,
И без конца, и без конца
Гондолой бьется у причала
Венецианского дворца.

---

⁹⁴ Электронная версия - http://kkk-bluelagoon.ru/tom5a/zub_golofast.htm .

Эти материалы в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая авторефлексия» (1999-2001) не входили.

История, народы, солнце,
радиокрик чужих миров,
И переполненное полнится,
Не выходя из берегов,
Несется, плещется, полощется
На затухающем ветру...
Но вдруг - пройду туманной рощицей,
Пройду и слезы не утру.
Мы, люди, нежные и гневные,
Какая сила движет нас?
Не знающие ничего наверное,
Мы все ж не закрываем глаз.
Мы все же изумленно шуримся
На звонко-солнечном ветру,
И наши очи, точно щупальцы,
Прощупывают пустоту:
Что там? За что такая участь?
О братья! Вот моя рука.
Идемте, гневаясь и мучаясь,
Неужто падшие века
Нас остановят?
Будем, будем!
Еще не ты, не я паду,
Но я с дороги не уйду.
Тот, кто остался - проклят будь!
Есть только путь, и ветер в грудь.
Могилы павших позади,
И неизвестность впереди.
И сердце бурей бьет в груди.
Ты сомневаешься? Уйди!
/Молчание. Все также поет ветер. А через много, очень
много веков, чей-то голос опять повторит эти строки,
как вечное эхо материи, которая любит слушать себя/.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Мы все одно и то же -
Материя сердец,
Упрямый отблеск кожи
И губ глухой рубец.

О, нас живописать бы
На белом полотне,
Громивших все усадьбы,
Любивших всё в волне!

Жестокость ласки в бурю -
Порыв, удар, полет.
Живых уносит в море,
А мертвых в берег бьет.

Мы все - одно и то же.
Когда-нибудь, в веках,

Художники, быть может,
Почувствуют в руках

Святую нашу силу
И наше торжество,
И в белом, вечном мраморе
Вырубят его!

*Неизвестный мастер.
Автопортрет. Кованая медь.
Надпись в старом музее*

На этом жизнь кончается моя.
Исчезнет все со мною без меня.
Как длинная спокойная змея
Качается на ветке смерть моя.

Не обойти, не повернуть назад,
Усталый путник смотрит только вниз.
Жизнь коротка, как твой последний взгляд,
Тревожит память, словно древний фриз...

Художник был угрюм и очень стар.
Дрожали руки, но глаза верны.
И каждый высекающий удар
Был как удар очередной волны.

А через много, очень много лет
В последний раз я стану перед ним
И содрогнусь, художник и поэт,
Кричащим камнем к жизни возродим.

Нет, не на этом жизнь моя падет!
Жизнь будет жить и ветер будет петь,
И кто-то оступившийся найдет
Моим ударом скомканную медь.

*Нет ничего молчащего.
Есть только непонимание.*

Ты - радуга моих скитаний, бой
Часов рассвета над дневными снами.
Извечно мы колдуем над собой,
Сомненье, как дыханье, ходит с нами.

Так вырваться, о камни разmozжить,
Но никогда не возвращаться снова!
Так призмой спектроскопа разложить
На все оттенки зрения земного!

Пересчитать, запомнить и забыть.
Жизнь начинается догадкой века.
Мы покидаем мертвенную зыбь
Бесчисленных вопросов человека.

Ты - медленный и гулкий взлёт
Ракет земли над миром постоянства.
- Останься!...
- Нет.
Все кончено. Вперед!
... И только слабый синий всплеск пространства.

- - -

Я не приду к тебе, ты знаешь, не приду.
Так что ж ты светишь маяком окна упорно?
Зачем же снова я по улицам бреду,
И клены шепчут, будто бы в бреду:
"Спешу, шуршат, мольбой в ушах,
Остался шаг, последний шаг..."
Я не приду, я не приду!
А клены всё шуршат...
Все пальцы улиц тянутся к запястью,
Но все равно понять я не смогу -
Что значит счастье, что такое - счастье?
Я не отвечу, если не солгу.
Хоть знаю: ждешь, и мучишься, и маешься,
И в темноту отчаянно глядишь,
И сердце бьет с навязчивостью маятника,
И воздух ходит холодом в груди.
Так что же думать мне, так что же мне выдумывать?
Но я опять по улицам бреду,
И клены шепчут, будто бы в бреду:
Я не приду, я не приду...
А может быть, приду!

БАЛЛАДА, НАПИСАННАЯ В ДОРОГЕ

Чувство дороги рождается сразу,
С первого разу, на первом пороге,
Чувство дороги - оно неизбежно
И долго мерещится в горячах,
Как чувство тревоги, как чувство обрыва,
Манит и тянет, и мучит тебя.
Едва ты встал осторожно на ноги,
Шатаясь, отнял руку от стула,
Это значит - чувство дороги,
Чувство тревоги тебя захлестнуло.
Ну, так да здравствует дорожное братство!
Чувство дороги - да будет прославлено!
Мне ничего не стоит собраться.
И эта баллада - в дороге составлена.

АМЕРИКАНЦЫ В ЯПОНИИ

Вечная Фудзи.
А они видят ее -
В смотровую щель.

- - -

Слышишь сигнал?
Он похож на олений крик.
Это автобус.

1961 /?/

- - -

Там голубые звезды на мели
Оставлены медлительным отливом.
Там далеко проходят корабли.
Там скалы светятся серебряным отливом,
Когда луна высветливает мир,
И ночь огромна, как огромна ночь
Над морем, если в море тишина
И только ты сидишь на берегу.
Я поднимаюсь снизу по камням.
Мы долго молча смотрим друг на друга,
И так сидим. И берег нам скамья.
И я дрожу от твоего испуга...
Не надо слов - пусть будет взгляд сухим.
В такую ночь, под звездами такими
Пусть каждый будет тверд перед другими
Перед его законами нагими.
Законы мира... Я смотрю в глаза
Твои. Их буря - бесконечней ночи.
Мир только наш! Ты слышишь? Я сказал:
Он только в нас с тобой сосредоточен!
Утри глаза. Пусть будет взгляд сухим.
Дай руку. Здесь, на этом берегу,
Пусть каждый будет тверд перед другим!..
- Пойдем вниз.

Здесь можно оступиться.
Держись за меня.
Я помогу...

- - -

Как только темнота засветится
Зеркальными морями месяца,
Вылазят телескопов щупальцы,
И человек на небо щурится.
И человек в Юпитер метится,
Он силою с планетой меряется,
Уже выходит побеждающим
Земную жажду притяжения,
Ему за это обещающею
В награду жизни продолжение
В пространственном ее и временном
Существовании отмеренном.
Все это здорово задумано,
Но что-то мы не так делаем.
И ходят юноши задумчивые,

Как будто не хватает детства им.
И люди, жалкие и лживые,
Ослепленные желтой жилою,
Все ходят, бродят в тьме невежества
И прикрывают это вежливостью,
И прикрывают это важностью,
И прикрывают это ваше-ством.
Не потому ли смотрят, глупые,
И по-воловы отворачиваются,
Что очи их закрыты лупами,
В которых только сено значит?
Все потому, что люди ленятся,
Все потому, что мало ломаются
В окошки уравнений Лоренца,
В захлебывающиеся строчки Лейбница.
Вам, юноши, о всем мечтающие,
Не только числа почитающие,
Не только денежки подсчитывающие,
Как сколько книжечки почитывающие;
Найдите где-то среди них
Срывающегося с губ моих,
Как ласточку с карниза - стих!
Как сокола с обрыва - стих!
Растите многолапым деревом!
Землею под корнями - дело вам!
Водою под корнями - знания!
И солнце над ветвями - знаменем!

1961 г.

- - -

Все это я? И было все со мной?
Стучит будильник холодно и звонко.

Потоки памяти дрожащею водой
Струятся между пальцев тонких.
Там где-то ты. И ночь. И длинный мост,
И ветер, платьем изваявшим тело
Твое.
Ты - девочка - огромными глазами,
Закинув голову,
                                в мерцающее небо
Смотрела. И казалось, трепетали
Отсветы звезд в твоих ночных зрачках.
Был старый мост,
Заброшенный, забытый
Водителями всех автомобилей.
Направо и налево, черной-черной,
Знакомой по дневным отображеньям,
Невнятно ощущалась река.
А берега, светящиеся странно
Далекими призывными огнями,
Нам неожиданно казались островами

В пространство уплывающей Земли.
И ветер дул легко и монотонно.
И небо так тревожаще мерцало.
И мы шептали дерзкими губами
Прерывистые страшные слова.
Остановись, мое воспоминанье,
Будильником звучащее в руках.
Был длинный мост. И звездное молчанье
В испуганных твоих ночных зрачках.

(Цит. по: Кузьминский Константин К. и Ковалев Григорий Л. Антология новейшей русской поэзии «У голубой лагуны» в 5 томах. Том 5А. Электронное издание)

(4)

**Социология вчера, сегодня, завтра. V Социологические чтения памяти
Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О.Б. Божеова. СПб.: Эйдос, 2012 – 624 с.**

Издательская аннотация

Сборник содержит доклады 5-х социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства, которые состоялись в Санкт-Петербурге 22-24 марта 2011 года.

В виду того, что в феврале 2011 года исполнилось 45 лет Первого всесоюзного симпозиума по социологии, который проводился в Ленинграде (1966), мы решили посвятить пятое чтение этому историческому событию. Поэтому основная проблематика чтений была сформулирована следующим образом: «45 лет признания ленинградской социологии. Куда мы идем?»

Тем не менее, структура чтений осталась традиционной и включала следующие тематические секции:

1. Социологические теории сегодня
2. Методологические проблемы социологического исследования.
3. «Ретроспектива» (или «Что стоит взять в будущее из прошлого?»).
4. Повседневные практики нового времени.

Сборник адресован социологам, историкам, а также студентам гуманитарных и обществоведческих специальностей.

Л.А. Гордон; В.П. Дудченко и О.Г. Савельев

15.13. ПУТИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1980-е гг.)

= Несколько вступительных слов

Вниманию читателя предлагается своеобразная «перекличка» между двумя историко-обзорными работами:

- Гордон Л.А. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России.

Субъективные наблюдения, соединенные с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования. М.: ИМЭМО РАН, Русско-американский фонд профсоюзных исследований и обучения, 1993. (Цитируемые очерки датируются 1990-1992 гг.);

- Дороги рабочего движения. Основные авторы - В.П. Дудченко и О.Г. Савельев.

Представлена в сборнике: Старые записки. Тетрадь 3: Истории (Публикатор и типограф Виктор Дудченко. Петербург (б. Ленинград), 1995). (Работа датируется 1991-1994 гг.)

В ряде пунктов наблюдения и выводы двоих моих коллег и друзей - Леонида Абрамовича Гордона и Виктора Петровича Дудченко - дополняют друг друга. Иногда - обнаруживается расхождение в результатах анализа.

*В скобках указаны страницы по вышеназванным изданиям.
(Январь 2000).*

[Первое слово – доктору исторических наук Л.А. Гордону.⁹⁵ А. А.]

<...> Советские рабочие жили к началу перестройки лучше, чем их отцы и матери. Но предшествующие поколения практически не знали иной жизни или, во всяком случае плохо верили в то, что она возможна у нас. Образованные и информированные рабочие 80-х годов оценивали свое положение, сравнивая его не столько с прошлым, сколько со своими выросшими представлениями о нормальном жизненном стандарте и с появившимися у них знаниями о том, как живут люди за рубежом. Разумеется, было бы преувеличением заключить, что массы рабочих в СССР превратились в середине 80-х годов в сознательных противников государственного социализма. Но мера, готовность безоговорочно следовать политическим директивам КПСС действительно ушли из массового рабочего сознания. Рабочее большинство народа изменилось таким образом, что положительное восприятие кардинальных перемен оказалось возможным. Не неизбежным, но именно возможным. В стране сложилась не то чтобы зрелая социальная база преобразований, направленных против государственного социализма, но социальная среда, социальный климат, в которых подобные преобразования стали по крайней мере небезнадежными.

В этом смысле сдвиги в составе и положении рабочего класса, происшедшие в последние десятилетия господства госсocialизма, явились одной из главных предпосылок его крушения в конце 80-х - начале 90-х годов. В них же предпосылки возрождения рабочего движения в нашей стране и превращения этого движения в серьезную силу антитоталитарных преобразований. <...> (С. 23).

<...> Жизненная обстановка миллионов людей наемного труда в Советском Союзе 70-80-х годов, их социальные интересы, образованность, психологические свойства создавали еще в доперестроечном Советском Союзе почву для развертывания рабочего движения, объективно направленного против системы государственного социализма. И тот факт, что до конца 80-х годов рабочего движения у нас не было, объясняется, главным образом, мощью карательного аппарата и идеологического воздействия системы.

Прямое полицейское подавление играло тут решающую роль. Достаточно вспомнить расстрел рабочих демонстраций в Новочеркасске (1962 г.) и последующую казнь рабочих вожakov, чтобы представить типичную реакцию государственно-социалистической власти в пору ее господства на всякое мало-мальски широкое выступление масс. Международный опыт, в первую очередь гданьские расправы 1970 г. в Польше, подтверждают закономерный характер такой реакции.

Впрочем, эффективность террора против рабочего движения в госсocialистическом обществе обуславливалась даже не столько беспощадной

---

⁹⁵ **21 августа 2001 не стало Леонида Абрамовича Гордона.** Еще не пережита тяжесть этой утраты, особенно горькой для тех, кто его лично знал, а стало быть не только уважал, но и любил. Последний раз я разговаривал с Л.А. весной этого года: он разрешил мне использовать фрагменты его работ в этой книге. Мог ли я думать, что этот разговор последний!

Как точно сказано В.А. Ядовым, «книги Леонида Гордона и впредь будут работать, но брешь, оставшаяся от его искрометно-критического живого таланта - удар судьбы по коллективному творчеству российских социологов».

Вчера, на сороковой день после кончины Л.А. Гордона питерские социологи встретились на специальном семинаре, посвященном его памяти. (А. А. 1.10.2001).

О Леониде Гордоне, одном из ярчайших представителей когорты первопроходцев новейшей российской социологии, см. также в: ПС-2 (Глава 6).

жестокостью подавления массовых действий, сколько тем, что любые попытки самоорганизации рабочих (как и всех иных групп населения) душились в зародыше. Сеть тайной агентуры и открытого наблюдения, пронизывающая всю ткань общества, обычно позволяла карательным органам пресекать самостоятельную активность рабочих в самом начале, прежде чем они успевали развернуть свои действия и придать им хоть какую-нибудь организационную и идейную определенность. Первые же шаги к коллективным действиям - даже на уровне бригады или цеха, - первые еще смутные устремления осознать себя - вызывали немедленное вмешательство партийных органов, прокуратуры, милиции, госбезопасности.

Зачастую оно заканчивалось тюрьмой или бессудным заключением в тюремную психическую больницу наиболее активных рабочих.

Но и тогда, когда расправа ограничивалась менее жестокими мерами - увольнением с работы, придирами или публичным шельмованием - все равно смысл этого вмешательства заключался в насильственном усмирении и подавлении независимой активности. Повседневность авторитарного режима, очевидная легкость перехода от административных мер к уголовным, наконец, негаснущая память о временах многомиллионных арестов и расстрелов создавали психологический климат бессознательно усиленного страха перед властью. В этой обстановке даже относительно умеренное принуждение (умеренное по сравнению с тюрьмой) нередко давало тот же умиротворяющий эффект, что и прямой террор. Срабатывал, так сказать условный социально-политический рефлекс.

Вместе с карательными мерами возникновению рабочего движения препятствовало идеологическое давление и укорененность специфических иллюзий в массовом сознании госсocialистических обществ. Машина партийно-государственной пропаганды десятилетиями внушала советским людям представление о невозможности и ненужности противостояния рабочих и государства, о том, что КПСС и связанные с ней огосударствленные профсоюзы представляют рабочий класс, выражают все его главнейшие интересы.

Несмотря на преимущественно казенный характер и очевидное лицемерие официальной пропаганды, она оказывала заметное воздействие на состояние умов в обществе. И не только потому, что односторонняя информация, всю жизнь изливающаяся на человека, лишенного доступа к иным сведениям, не может пройти бесследно. Еще важнее, что сама природа государственного социализма, характерное для него всеобщее огосударствление, создавали условия, объективно затруднявшие понимание антинародной и антирабочей сущности административно-командной системы. В советском обществе не было частных индивидуальных собственников. И это обстоятельство затемняло коренное различие, если не противоположность, интересов рядовых работников и номенклатуры, скрывало антагонизм основной массы тружеников и правящей верхушки, которая формально состояла из таких же наемных служащих государства, как и остальное население, а на деле было хозяином этого государства.

К тому же между рядовыми рабочими, колхозниками, служащими и номенклатурной элитой стояло множество групп, занимавших промежуточное положение, так что переход от подчиненности государству к фактическому господству над ним приобретал неявный характер, очень трудный для массового осознания. <...> (31-32).

(Гордон Л. Очерки...)

[Слово - В.П. Дудченко и О.Г. Савельеву. - А. А.]

<...> Возможность рассматривать рабочее движение в Советском Союзе как часть публичной политической жизни появилась только после прекращения обычного в прошлом уголовного преследования злостных забастовщиков, поэтому рабочее движение обычно рассматривается как одно из последствий перестройки. При этом описание структуры, этапов развития и места рабочего движения сводится обычно к описанию

отношений забастовщиков с государственными институтами и политиками, к борьбе Ельцина с Горбачевым и т. д. Рассмотрение практики рабочих и стачечных комитетов не дает нам оснований считать рабочее движение совершенно новым явлением, порожденным новой правительственной политикой и новыми свободами. Не исключено, что возможности, используемые в рабочем движении, стары как мир и базируются на самоорганизации людей, не видящих в государстве заслуживающих доверия политиков и политических структур.

В таком случае видимая стихийность и неуправляемость рабочих выступлений будет некоторой другой формой разумной организации, которой политики пока не владеют. О возрасте этого метода говорит старое русское слово, которым сейчас называют заметные акции на производстве - «стачка», происшедшее от не вполне литературного слова «стакнуться» (от восклицания согласия «так!» - «правильно!», «идет!», «годится!»), означающего быстрое и тайное заключение соглашения о совместных действиях. Любой тайный сговор не назовешь «стачкой». На войне, например, обязательств перед противником теперь никаких нет, поэтому слово «стачка» там неприменимо. «Стачкой» становилось выполнение тайного соглашения, порывающего обычно принятые отношения со старыми оппонентами - факт «стачки» есть нарушение старого, раньше признававшегося закона в пользу обычая нового, стачка - это бунт!

Скорее всего, рабочее движение теперь так же, как и раньше, осталось самостоятельным и конструктивным (способным вырабатывать новые обычаи и законы) и представляет собой некоторые силы и традиции нашего общества, не выраженные и не стремящиеся к самовыражению в нынешнем политическом театре. <...> (С. 13-14).

<...> Очевидно, что весьма трудно заставить людей, у которых постоянно отбирают плоды их труда и взамен выплачивают (какое сочтут нужным) жалованье, соблюдать какие-либо правила. Они скорее приравниваются к ситуации, приспосабливаются, добиваясь своей цели и стремясь сократить потери до минимума.^{96*}) Формы же их совместного сопротивления легко меняются от рабочих касс взаимопомощи (основной противник охранного отделения на рубеже веков), и до образования фабзавкомов и Советов, способных регулировать производство, осуществлять местное самоуправление, а иногда и претендовать на государственную власть. <...>

Вкратце

Далее авторы прослеживают эволюцию довольно широкого спектра форм рабочего движения и его подавления в СССР (20-60-е гг.), от «волынки» (неожиданно быстрое падение производительности труда) времен первых лет советской власти до известного расстрела забастовщиков в Новочеркасске (июнь 1962). (О последнем подробно см. в: Новочеркасск 1-3 июня 1962 г. Забастовка и расстрел (на основе свидетельств очевидцев и интервью с П.П.Сиудой). Публикация Д.Манделя. М.: Союзмединформ, 1992).

<...> Естественно, при таком повороте событий «волынка» времен военного коммунизма, как почти единственный бескровный метод, начала шириться и при Брежневе затопила почти всю страну. Типичные забастовки этого периода заключались в выполнении плановых заданий на мизерную величину и были обычным ответом, например, снижению расценок на работу в каком-либо цеху или на отдельном участке, и никто не считал ни их участников, ни убытка производства. Этих данных нет и в КГБ, начальство внизу скрывало такие случаи - кому, в конце концов, нужны лишние неприятности!

---

⁹⁶ См. ДСиСА – 1 (Главы 2 и 3). В частности, подробно рассмотренное там явление неформальной самоорганизации рабочих, в интересах скорейшего выполнения производственных заданий и повышения заработка, под названием «партизанщина».

Администрация просто переставала платить. В маленьких городках, где обычно только один большой работодатель, дело заканчивалось той или иной степенью падения производства и хирением поселков и городов, - разница в уровне жизни провинции и региональных центров всегда была видна невооруженным глазом. Жители либо постепенно смирялись со своим новым положением, пытаясь восполнить потери при помощи натурального хозяйства (как в деревнях), либо бросали все и уходили в большие города, которые казались им оазисами свободы и где витрины были богаче. В крупных промышленных центрах, где много производств и за всеми работниками не уследишь, отказ работать за предложенную цену заканчивался, как правило, постепенным увольнением всех участников такого протеста после замены их учениками из системы профтехобразования или нанятыми по оргнабору в других местностях (с лимитной пропиской). Лимитчики, бежавшие из голодных поселков, были вынуждены соглашаться на любую оплату, поскольку в противном случае оставались без жилья. Их число в конце 80-х скрывалось даже от социологов из академических институтов.

Были некоторые исключения. В Петербурге [*Ленинграде*. - А. А.] в свое время по заказу обкома КПСС был проведен ряд исследований (работы О. Суханова, Е. Поволоцкого), где прямо так вопрос не ставился, но которые, однако, позволяют оценить число жителей города со служебной жилплощадью и без права поменять место работы - в 300-400 тысяч человек. В их число входили не только работники, переехавшие в город на условиях лимитной прописки, но и вообще не числящиеся жителями Петербурга. <...>. По переписи 1989 г. в Петербурге числилось рабочими 1.469,4 тыс. человек. Поскольку оргнабором, как правило, не заполнялись высшие должности, то получается, что примерно четверть рабочей силы города последние десятилетия была занята на таких рабочих местах и при таких условиях, которые исключали добровольное выполнение предложенной работы.

Сказать, кого было больше, как связано число лимитчиков, которым отводилась роль подневольных штрейкбрехеров, с числом людей, отказавшихся от работы на подобных условиях (фактических забастовщиков), мы не можем. При этом следует учесть, что сами «штрейкбрехеры» уже как минимум один раз с большими для себя жертвами отказались выполнять требования работодателя. Для них следующим шагом противостояния системе могло быть только бродяжничество, превращение в лицо «бомж», в бича, порвавшего все связи с официальными структурами. В европейской части страны бичей отлавливали и сажали по 202 статье УК РСФСР (бродяжничество), не подпадавшей ни под какие амнистии, а по Северу, Дальнему Востоку и в Сибири, в районах освоения новых территорий их было великое множество и никакого учета их не велось.⁹⁷

Неизвестно, какова численная связь между организованной миграцией и общим объемом подспудных рабочих волнений, но какое-то соответствие здесь есть.

Распространенность рабочих выступлений пытались оценить авторы западных публикаций, сообщая об известных им случаях. Например, Анджей Поморский и Михаил Назаров («Солидарность: о рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Франкфурт: Посев, 1981) перечисляют ряд конфликтов на заводах в 1979-1980 годах:

- Ленинград, январь 1979, завод «Ленинец», гибель в милиции старшего мастера; Гомель, весна 1979, завод «Гомсельмаш», снижение расценок, потом забастовка на несколько дней привела к восстановлению уровня оплаты, инициаторы не выявлены, поскольку все участники признавали только свою личную ответственность и ни на кого не указывали; Кохтла-Ярве, Эстония, июнь 1979, плохое питание; Тольятти, 10 августа 1979, водители автобусов; Минск, январь 1980, радиозавод; Тольятти, 6 мая 1980; Горький, 8-9

---

⁹⁷ Вопрос о новой социальной и экономической роли очевидно растущего сейчас, в середине 90-х, слоя бичей заслуживает отдельного рассмотрения. Пожалуй, нет у нас более доступной и поощряемой деятельности, как поденная работа с нищенской оплатой наличными из рук в руки. Примечание В.Д. (1995).

мая 1980, главный конвейер автозавода; Никель, Мурманская обл., лето 1980, металлосты; Тарту, Эстония, 1-2 октября 1980, машинисты.

Оценивая этот список, можно кое-что сказать о структуре связей авторов в Советском Союзе и о положении рабочих там, где эти связи есть. Есть списки, подготовленные другими людьми. К сожалению, собирая крохи информации о фактах рабочей истории в опубликованных и неопубликованных материалах, ты никогда не можешь сказать, насколько такой список близок к полному описанию. Вопрос о доле случаев, которые остались недоступны исследователю, может оказаться слишком сложным.

Кроме подсчета людей, отказывавшихся от работы и выяснения числа коллективных выступлений, можно попытаться определить силу рабочего возмущения господствовавшими в стране порядками по величине наиболее крупных случаев открытого протеста. Если общее число недовольных незначительно, то даже самые яркие выступления будут объединять либо незначительное число участников, либо людей, так или иначе предварительно отобранных по признаку негативного отношения к системе (бичей, например, естественно считать противниками существующих порядков). Напротив, рабочие волнения с большим числом участников в местах, дотоле никак не выделявшихся, позволяют сделать вывод об относительно большом распространении сопротивления. Можно оценить этот уровень по величине какого-либо максимально крупного предприятия или региона, в котором доля активных противников режима оказалась достаточно велика, чтобы в ответ на какие-то проступки начальства остановилось все производство. <...>

В марте 1974 года потребовалась «преданность» работников «Ростсельмаша» (Ростов-на-Дону), которым объявили о снижении сдельных расценок в 2 раза. Председатель профкома завода Анатолий Снегурец, 28-ми лет отроду, в цеху, на одном из участков ненароком обронил слова о забастовке. Завод - 32 тысячи занятых - встал и стояли сутки, до тех пор, пока расценки не восстановили. <...> Снегурца объявили виновником и организатором происшедшего и забрали в КГБ. Его выпустили только после того, как на заводе собрали более 8,5 тысяч подписей в его защиту, через 3 месяца применения к нему методов «активного допроса».

Иногда кажется, что <...> дело не столько в их *[противников режима. - А. А.]* количестве, сколько в механизме кристаллизации проявления народного возмущения, в первоначальном толчке, после которого все становится на свои места. Первые годы перестройки показали, что так оно и есть, явных сторонников старого режима было крайне мало, но есть основания предполагать, что так было уже довольно давно. <...> (13-14, 16-19)

(Дудченко В., Савельев О.. Старые записки...)

[Вновь обратимся к работе Л.А. Гордона. - А. А.]

<...> В общем давления карательных механизмов и иллюзий массового сознания было достаточно, чтобы предотвращать появление рабочего движения в доперестроечном советском обществе, несмотря на то, что прочие предпосылки для такого движения сложились в нем задолго до перестройки. Более того, без процессов перестроечного типа, т. е. без преобразований, включающих, помимо всего прочего, импульсы к разрушению административно-командной системы, идущие сверху, из ее собственного руководящего центра, существование такой системы могло продолжаться еще неопределенно долго. А с ней продолжали бы воспроизводиться полицейский аппарат и идеология, способные не допустить свободную самоорганизацию наемного труда.

Но отсюда же следует и обратный вывод: в советском обществе, каким оно было в 70-80-е годы, всякое сколько-нибудь серьезное ослабление карательных и идейных устоев госсocialизма сразу же и коренным образом меняло ситуацию. Такое ослабление

означало устранение главных препятствий, мешавших росту рабочего движения при сохранении факторов, благоприятствующих ему. Соответственно, вместо обстановки абсолютной невозможности рабочего движения появлялись условия для его ускоренного развития. <...>

Как и всякий общественный процесс, рабочее движение развивается волнообразно, через смену подъемов и спадов. Однако на первой стадии послесоциалистического развития России (вернее на стадии перехода к подобному развитию, как правильное называть рассматриваемое здесь время до конца 1991 г.) преобладающей была тенденция роста.

Уже в 1987-1988 гг. <...> во многих промышленных центрах обычные трудовые конфликты перестали ограничиваться жалобами и обращениями в вышестоящие органы власти. Они все чаще стали перерастать в коллективные действия, выливавшиеся в прекращение работы, групповые протесты и голодовки. Конечно, это были действия сравнительно немногочисленных групп, насчитывавших не более десятков человек, а охватывали они не целое предприятие, а лишь небольшие части его - бригады и участки, реже цеха. Так что речь тут может идти лишь о зачатках рабочего движения, его зародышевых формах. Но зачатках и зародышевых формах настоящего рабочего движения. Тогда же появились и зародыши самостоятельных рабочих организаций, в частности едва ли не первое в перестроечные времена независимое профсоюзное образование - объединение социалистических профсоюзов, Соцпроф (создан весной 1989; впоследствии название объединение Соцпроф было переосмыслено его членами как Объединение социальных профсоюзов).

Подлинным началом массового рабочего движения явилась июльская стачка шахтеров в 1989 г. Она вспыхнула в Кузбассе и в считанные дни охватила Донбасс, Воркуту, другие угольные центры. (Описание июльской забастовки шахтеров дано в книге: В.В.Костюковский. Кузбасс. Жаркое лето 89-го. М., 1990). В общей сложности к стачке присоединилось до полумиллиона человек, и она стала практически всеобщей забастовкой угольной промышленности.

Сочетание ряда обстоятельств способствовало тому, что именно среди шахтеров возрождение рабочего движения впервые приобрело массовый характер. Особое значение в данной связи имела, по-видимому, сама природа подземного труда, в котором смертельная опасность ставит всех в зависимость друг от друга, вырабатывая тем самым способность и к коллективной сплоченности, и к личной инициативе, незаурядное мужество и одновременно дисциплинированность. К тому же ужасающие условия работы на шахтах и высокий травматизм обостряли недовольство шахтеров, несмотря на относительно высокий уровень заработков, а наличие в их среде заметной прослойки хорошо образованных и энергичных людей (закономерно привлекаемых такими заработками) облегчало осознание необходимости и возможности перемен. В дальнейшем ко всему этому добавился опыт, приобретенный в ходе забастовок. Такой опыт сразу же становился самостоятельным и очень сильным фактором организации рабочих. Шахтеры поэтому и в последующие годы на протяжении всего рассматриваемого периода оставались авангардом рабочего движения, во многом далеко опережая остальные группы трудящихся.

Но будучи наиболее продвинутой частью рабочего движения, выступления шахтеров оставались именно частью, органическим элементом этого движения. Сами шахтеры в резолюции своего I съезда (июнь 1990 г.) записали: «Наши главные проблемы те же, что и у подавляющего большинства трудящихся». Действия шахтеров в конечном счете определялись противоречиями, характерными для положения всех рабочих и даже вообще всех наемных работников в условиях крушения госсocialизма и начинающегося послесоциалистического развития. И логика этих действий, последовательность их подъемов и спадов, изменения форм борьбы и требований выражали общие закономерности рабочего движения в подобных условиях.

Совершенно естественно, что первые выступления шахтеров в 1989 г., ознаменовавшие пробуждение рабочего класса, поначалу более напоминали экономическую стачку. Требования повышения и упорядочения зарплаток, улучшения безопасности и производственного быта почти всегда образуют исходную базу рабочего движения. Однако в системе всеобщего огосударствления и централизации экономики - и тем более в условиях, когда такая система переживает кризис, - частные производственно-экономические вопросы сразу же упираются в необходимость решения более общих проблем. Поэтому в ходе стачки, во время обсуждения с правительственными комиссиями пакета первоначальных требований, он был дополнен положениями общеэкономического характера - об изменении самой системы функционирования угольной промышленности. А в лозунгах последнего грозового раската забастовочной грозы 1989 года - осенней стачки воркутинских шахтеров - достаточно отчетливо прозвучали и политические требования как ответ на неумение или нежелание государственного руководства изменить положение страны к лучшему.

Кстати, стихийная мощь рабочих выступлений, внезапно и потому столь отчетливо выявившаяся летом и осенью 1989 г., привела к тому, что в конце 1989 г. - начале 1990 г. были проведены некоторые меры, способствовавшие демократизации страны. В частности, рабочие Воркуты во время упомянутой осенней стачки 1989 г. одними из первых выдвинули требование прекращения политической монополии КПСС. Думается, что это обстоятельство в немалой степени повлияло на то, что в начале 1990 г. ЦК КПСС согласился на отмену 6-й статьи Конституции, где такая монополия закреплялась юридически. <...> (32-33).

(Гордон Л. Очерки...)

[И снова - слово В.П. Дудченко и О.Г. Савельеву. - А.А.]

<...> Интересно сохранение основных свойств рабочего движения в новых условиях. Первые появившиеся стачкомы 1989 года явно были представителями силы, способной сотрясать государство. Новые структуры были так же быстры в маневре и так же плотно чувствовали противника, так же приспосабливались, не оставляя клочка ничейной земли в атаке, когда она была возможна, и не показывали тылы, когда надо было отступать. Шаги рабочего движения были подвижны и тяжелы, как ртуть.

При тогдашнем трудовом законодательстве первые забастовки начинались там, где общие недостатки организации производства и попытки покрыть их за счет рабочих были наиболее вопиющи. Требования предъявлялись местной производственной администрации и были направлены на повышение зарплаты и улучшения в социальной сфере за счет лучшей организации труда предприятий в условиях экономической независимости.

Характерной общей чертой первых стачкомов была скорость их институализации. Обычно от общего разговора между рабочими (на наряде между сменами), где сложилось мнение о необходимости забастовки, и до перехода всей реальной власти на предприятие, а то и в городе, в руки тут же образованного стачкома проходило несколько часов. Работники сами, без сторонних вождей, занимали предприятие и контролировали территории так же, как это было у нас в 1905 и в 1917 году и как во Франции в мае 1968 года.

На шахте «Западная» Шолоховского угольного района Ростовской области ночной смене на 22 июля 1989 года выдали тормозки с вареной колбасой вместо положенной полукопченой. Вареная колбаса в шахтной жаре через 2 часа портится и тем, кто съел все сразу, ничего не было, а из тех, кто отложил на потом, многие отравились. Смена бросила работу и поднялась на поверхность. Там они встретились с первой сменой, которые тоже отказались спускаться. К 9 часам 22 июля созвонились со знакомыми единомышленниками на других шахтах и в 10 часов утра стояли 9 шахт района - около 13 тысяч человек. Еще через некоторое время встали остальные шахты района - всего 17.

Решили собраться в поселке Восточный Горняцкий у Шахтоуправления района. Просили у администрации автобусы - самая дальняя шахта в 35-ти километрах от Восточного. Автобусов не дали, шахтеры добирались своим ходом. Те, кто ближе, не переодеваясь шли пешком по 13, 15, 20 километров. Площадь перед шахтоуправлением была заполнена.

В районе сразу был отключен телеграф и междугородный телефон. Телеграмму в правительство с шахтерскими требованиями (с такими же, как удовлетворенные 19 июля требования кузбасской забастовки) поехали отправлять из другого района - из Каменска, за 60 километров. В тот же день стачком закрыл все винные магазины в округе, пьянство во время стачки было запрещено. Администрация отказалась отвечать за системы жизнеобеспечения шахт. Забастовщики сами организовали эту работу и выполняли ее бесплатно.

Поздно вечером 23-го в Восточный прибыл министр угольной промышленности Союза Щадов. Начались переговоры, которые с перерывами длились сутки. Помочь на переговорах приехали несколько человек с Обуховской шахты, которые уже имели некоторый опыт. Вечером 24-го соглашение было подписано и бастующие разошлись с площади, чтобы с утра 25-го выйти на работу. За 3 полных дня, пока длилась забастовка, несмотря на полное самоустранение милиции, в регионе не было ни одного преступления или нарушения общественного порядка. По такой схеме проходили все удачные забастовки. Люди вспоминают то время как праздник.

Вообще до сих пор не было ни одного случая, когда рабочие выступления были бы связаны с беспорядками или каким-нибудь хулиганством. Скорее наоборот, есть примеры, когда стачка требовало исключительно наведения порядка и модернизации производства.

На Металлическом заводе в Петербурге есть участок крупногабаритной сварки, где люди варили изнутри полые конструкции для гидротурбин (фотокорреспонденты очень любили этот сюжет), при этом место сварки еще обкладывалось асбестом. Осенью 1989 года сварщики начали говорить о необходимости изменить технологию. В марте 1990 дошло дело до забастовки всех «вредников» (рабочих с вредными условиями труда) завода. Двухчасовой остановки работы и внутризаводского митинга (по свидетельству Геннадия Кравченко из «Рабочей инициативы», около 500 собравшихся) хватило, чтобы «вредникам» прибавили отпуск, пересмотрели расценки, и, самая главная потеря администрации, сварщикам купили в Швеции приборы с индивидуальным отсосом продуктов горения с места сварки, по цене больше тысячи долларов каждый. Администрация предлагала их заменить чем-нибудь вроде китайской тушенки, но хороший инструмент важнее тушенки и мужики настояли. Правда, потом пришлось от них отказаться - неудобны в работе, неприиспособлены к нашим навыкам.

Первоначальным толчком, поводом крупных событий могли стать обстоятельства с точки зрения властей совершенно ничтожные, ранее не замечаемые. Хозяева теряли нить событий, к концу восьмидесятых культурная самоизоляция начальников лишила их остатков понимания побудительных мотивов и конечных целей простых людей. Они не понимали, откуда этот вихрь событий за окнами их кабинетов, и что нужно этим людям. Больше всего это похоже на недоумение буржуазных властей и вообще всех общественно-политических функционеров во время многомиллионных народных выступлений в Западной Европе в 1968 году.

В 1989 году самой первой в Кузбассе на шахте Шевякова из-за отсутствия мыла в душевой встала первая смена в ночь на 11 июля. Работу прекратили 364 человека.⁹⁸ И дальше по Кузбассу (данные КАС-КОР):

- 11 июля - 10 шахт, 16 тысяч забастовщиков;
- 12 июля - 96 шахт, 26,7 тысячи;
- 13 июля - 107 шахт, 47 тысяч;
- 14 июля - ..., 57 тысяч;

---

⁹⁸ Современное примечание В.Д.: «Шахта Шевякова ликвидирована, восстановительные работы после аварии 2 декабря 1992 года не велись. Тогда погибло 23 человека». Июнь 2000.

15 июля - 134 шахты, 111 тысяч;
16 июля - 146 шахт, 140 тысяч забастовщиков;
17 июля, понедельник, пик стачки - 158 шахт и 177 тысяч, в Кемерово для переговоров прибывает правительственная комиссия во главе с членом политбюро ЦК Слюньковым, начались переговоры - можно потихоньку начинать работу;
18 июля - 137 шахт и 150 тысяч человек, Горбачев выступает по телевидению;
19 июля - 91 шахта, 64 тысячи, подписан «Протокол о согласованных мерах между Региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС», 35 пунктов;
20 июля - 35 шахт, 33 тысячи человек;
21 июля - подписывается соглашение между Щадовым и стачкомами при участии комиссии Слюнькова. 17 пунктов - независимость предприятий, разрешение продажи угля, свои нормы и расценки, пенсии для шахтеров;
22 июля, суббота - стачка в Кузбассе закончилась. В других регионах забастовщиков было меньше, потому что основные переговоры велись в Кузбассе, остальные присоединялись, но в этот июль 1989 года, кроме рабочих Кузбасса, среди других бастовали: Донецк - 56 тысяч горняков; Павлоград - 36 тыс.; Луганск - 33 тыс.; Ростовуголь - 26,5 тыс.; Воркута - 25 тыс., там еще требовали отмены 6-й статьи Конституции; Укрзападуголь - 15,5 тыс.⁹⁹

Список этот не полон, но везде динамика была такой же. К середине следующей недели по всей стране шахтеры вышли на работу, уже везде сказав свое слово.

Все это происходило без какой-либо предварительной организационной подготовки и при фактическом запрете на забастовку. Вряд ли какая бы то ни было организация при любом финансировании справилась бы с такой задачей.

Скорее всего, главной причиной таких возможностей рабочего движения является просто осмысленное поведение его участников, способных без указки, самостоятельно принимать необходимые решения <...>

[Следующий раздел работы называется: «Рабочее движение и хозяева». - А. А.]

<...> Основным общественным смыслом забастовок 1989 года, помимо улучшения условий жизни и труда, оказалось признание допустимости подобного метода борьбы. Хотя, надо сказать, решение бастовать для рабочих никогда не было легким решением и диктовалось не только личными интересами, но и представлениями о порядочности. Стачки происходят, когда иначе нельзя вернуть себе самоуважение, и в конечном счете требуют переустройства общества. С более практическими целями, изобретательно и легко стали использовать «разрешенность» забастовок хозяйственные и правительственные управленцы. В меру своего понимания они стали заниматься закулисной подготовкой и провоцированием забастовок как средства политического давления.

Показателен с этой точки зрения пример планировавшейся забастовки Ленинградского железнодорожного узла. В начале июля 1989 года, еще до потрясших страну шахтерских забастовок, локомотивные бригады ленинградских отделений Октябрьской железной дороги впервые услышали (как вспоминали машинисты осенью того же года - 4-го июля) про возможность и даже необходимость забастовки. Самое интересное, что «агитаторами» оказались проверяющие работу локомотивщиков ревизоры, представители администрации. Они называли и дату суточной

---

⁹⁹ Современное примечание В.Д.: «Особо надо извиниться перед казахстанскими товарищами, перед Карагандой - во время написания работы данных по Казахстану не было. В то время стачки начались там раньше и в дальнейшем были весьма существенным фактором. Правда, назарбаевская схема борьбы с ними отличалась от ельцинской - у республиканских начальников уже тогда были самостоятельные цели». Июнь 2000.

предупредительной забастовки – понедельник, 2 августа. В это же время, 5 июля, в управление дороги пришла руководящая телеграмма о необходимости к концу июля сократить размер управленческого аппарата. Министру путей сообщения Коныреву тоже еще предстояло утверждение в должности I Съездом народных депутатов Союза. С первого раза Конырев не прошел.

Локомотивщикам ненавязчиво предложили собраться и обсудить требования. Дали зал на Финляндском отделении, собралось человек шестьдесят, предложили организовать забастовочный комитет и выдвигать требования. Забастком образовали, но оказалось, что претензии у локомотивщиков не к правительству, а к плохой работе руководства дороги, не заботящегося о выполнении правил, по которым должна быть организована работа локомотивных бригад (с нарушениями составленные графики работы, плохо организованный отдых в пунктах оборота и т.д.). Тем временем дело каким-то образом дошло до Горбачева. 19 июля 1989 года Горбачев на Съезде сказал, что идут разговоры о забастовке железнодорожников Ленинградского узла, и что это может быть очень опасно для народного хозяйства. Сразу после выступления Горбачева Конырев разослал телеграмму с выражением готовности удовлетворить требования локомотивщиков (которые еще не были сформулированы) и в которой ничего не говорилось об организации работы. По мнению рабочих, министр провоцировал забастовку.

После обсуждения по отделению дороги в разных депо среди машинистов сложилось мнение о бессмысленности и вредности забастовки, которая была бы на руку только консервативным силам. Тем не менее 27 июля на расширенную коллегию министерства были вызваны представители с мест и у них стали спрашивать, какие требования подготовлены. Этих представителей, не спросив работников, посылали начальники, они не имели отношения к локомотивным бригадам и, как выяснилось, не могли организовать забастовку.

(И сейчас, спустя пять лет, члены нового профсоюза локомотивщиков однозначно утверждают: «никакой забастовки не было». Верхушечные инсценировки, даже сделанные для высшего начальства, долго в памяти не держатся).

Тогда Конырев рассылает вторую телеграмму, в которой объявляет, что конфликт благополучно разрешен, и берется организовать решение всех проблем. Собравшийся в понедельник, 2 августа СТК дороги решил не бастовать, ну, а Конырева... Съезд утвердил министром.

Чем шире начальники пытались использовать забастовки в своих интересах, тем более организованно рабочие противостояли таким провокациям. На многих предприятиях манипулирование людьми, обычно построенное на неграмотности и обмане рабочих, было заметно подорвано созданием обширной независимой информационной сети, основанной на личном доверии. В масштабах Союза такие личные связи между отдельными группами инициаторов устанавливались через так называемые рабочие клубы, которые оформлялись обычно при комсомоле и избегали открытого преследования с помощью постановления ЦК ВЛКСМ «О самостоятельных объединениях». Вместе с другими перестроечными инициативными группами, в которых люди обменивались мнениями и вырабатывали свое понимание происходящего, рабочие клубы фактически ставили себе целью просветительство в рабочей среде собственными силами. <...> (С. 20-22, 25-26).

(Дудченко В., Савельев О. Старые записки...)

Вкратце

Дальше в работе В. Д. и О. С. анализируется становление координационных сетей и самоорганизующихся центров рабочего движения конца 80-х - начала 90-х гг., возникновение Независимого профсоюза горняков (октябрь 1990 г.) и других массовых рабочих организаций, прослеживается эволюция забастовочного движения, вплоть до массовой шахтерской забастовки марта-апреля 1991 г.

[Заключает этот заочный диалог Л.А. Гордон. - А .А.]

<...> При всем значении расширения сферы рабочего движения все же на протяжении большей части 1990 г., как и в 1989 г., шахтеры оставались его главной ведущей силой. В июле и октябре этого года они провели два Всесоюзных шахтерских съезда в Донецке. Важнейшим итогом этих съездов явилось создание Независимого профсоюза горняков. Если забастовка 1989 г. означала переход от эмбриональной к массовой фазе рабочего движения, то возникновение НППГ отражала такой же переход в становлении новых профсоюзов.

В общеполитическом смысле не меньшее значение имела забастовка, организованная по призыву рабочих комитетов и съезда шахтеров 11 июля 1990 г. в годовщину июльской стачки 1989 г. В отличие от экономической забастовки предыдущего года, стачка 1990 г. была чисто политической. Ее главным требованием явилась отставка правительства Рыжкова, как не обеспечившего проведения реформ и потерявшего доверие народа. Общее число бастующих и участвовавших в митингах и демонстрациях, как и в первой шахтерской забастовке, составила несколько сот тысяч человек. Нет сомнения, что она была одним из факторов, заставивших и позволивших М.С. Горбачеву и тем, кто поддерживал его курс, в конце июля пойти на компромисс с демократическими силами, возглавляемыми Б.Н. Ельциным, и попытаться провести план реформ, известный как программа 500 дней.

К сожалению, в июльской забастовке 1990 г. выявились не только сильные, но и слабые стороны рабочего движения. Исключительно политическая направленность стачки, полное игнорирование экономических проблем отражало недостаточное внимание шахтерских руководителей к нуждам повседневной жизни рядового человека. В долгосрочной перспективе послесоциалистического развития политика и в самом деле имеет решающее значение. Однако, если в каждый данный момент политическая борьба не дополняется защитой текущих жизненных интересов, можно потерять массовую поддержку этой борьбы.

Увлеченность политикой молодых и еще не слишком опытных лидеров рабочего движения понятна и на каких-то этапах неизбежна. Но точно так же понятно, что подобная увлеченность создает у рядовых рабочих ощущение отрыва руководителей от них и потому становится одной из причин высокой вероятности спада после чисто политического подъема. В том же направлении действует усталость, накапливающаяся в моменты взлета активности. Закономерно поэтому, что осенью 1990 г. и зимой 1990/91 года шахтерское движение заметно ослабло.

Правда, в это же время активизировались действия новых групп трудящихся - летчиков, водителей городского транспорта, учителей, медицинских работников. Они, естественно, повторяли логику борьбы, пройденную шахтерами, так что движение как бы вернулось к чисто экономическим проблемам. При этом по масштабам действия трудящихся вне угольной промышленности все же никак нельзя сопоставить с шахтерским движением.

Общее снижение активности шахтеров в осенне-зимние месяцы 1990-1991 гг. не осталось без последствий. Изменившийся баланс сил позволил противникам экономических реформ и демократизации заставить М.С. Горбачева осенью фактически разорвать компромисс с демократами и отказаться от плана 500 дней. А зимой 1991 г. они начали широкую попытку прекратить преобразования в целом. По сути дела, нащупывались пути чего-то вроде ползучего переворота, и январское кровопролитие в Вильнюсе показало это с полной ясностью.

Тем важнее, что весной 1991 г.. начался новый прилив рабочего движения. С марта стала нарастать волна забастовок в угольной промышленности. На этот раз шахтеры органически соединили политические и экономические требования, добиваясь смены политического руководства, экономических реформ и повышения зарплаты.

Одновременно их руководители показали способность выдвигать серьезные общепромышленные предложения (например, проект Генерального типового тарифного соглашения) и вести переговоры с высшими органами власти.

Правда, первоначально кое-кто в правительстве Союза подумывал о попытке силового подавления шахтеров. Как сообщил впоследствии В.В. Иванов, бывший тогда народным депутатом СССР, союзный премьер В.С. Павлов обсуждал в марте 1991 г. вопрос о «примерном расстреле какой-либо из шахтерских демонстраций» (Время и место: Вячеслав Иванов в «Мятежной библиотеке» 20 августа 1991 года // Независимая газета, 19.08.91). Однако решительное настроение рабочих, а также, по-видимому, позиция более мудрой части руководства заставили отказаться от этих планов.

После нескольких недель весенней забастовки 1991 г. стало очевидно, что на этот раз выступления шахтеров явились не просто признаком возрождения их активности, но положили начало новому периоду развития рабочего движения. Почти два года - с июля 1989 до апреля 1991 г. - рабочее движение в СССР оставалось преимущественно движением шахтеров. Массы рабочих сочувствовали шахтерам, морально поддерживали их, но в активные действия включались лишь относительно небольшие группы трудящихся других отраслей. Весной 1991 г. рабочее движение по-настоящему вышло за ворота шахт. С первых дней апреля стачки, митинги, демонстрации охватили миллионы рабочих на предприятиях самых различных отраслей Белоруссии и Украины, многих промышленных центров России. В конце апреля по призыву Федерации независимых профсоюзов России в акциях протеста участвовало свыше 30 млн человек. Причем на этот раз рабочие, используя пример шахтеров, сразу же приступили к организации крупных региональных стачкозов (в частности, был создан стачком Белоруссии) и сразу же выступили как с экономическими, так и политическими требованиями. Рабочий класс показал зрелое понимание подлинной связи политических и социально-экономических проблем нашего общества: коренные общественные преобразования может осуществлять только популярная власть, правительство народного доверия. Те, кто такого доверия не имеют, чем бы это ни объяснялось, должны уйти.

Волна рабочего движения смыла «ползучий заговор» и заставила коммунистических и национал-патриотических консерваторов отступить. Был достигнут новый компромисс демократических сил и центристов, но теперь уже демократы заключали его с позиций гораздо большей силы, чем это было осенью 1990 г. С началом т. н. новоогаревского процесса резко возросла роль Российской Федерации, во властных органах которой преобладали решительные сторонники реформ. Тем самым - и это главное - был предотвращен срыв свободных президентских выборов в России. <...> Как известно, в итоге выборов 12 июня 1991 гг. первым российским президентом стал Б.Н. Ельцин.

Серьезную роль сыграло демократическое рабочее движение и в дни августовской попытки государственного переворота. <...> (34-35)

(Гордон Л.А. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России. М., 1993)¹⁰⁰

И.К. Грушевая

15.14. «...И НЕТ НАЗВАНИЯ ЭТОМУ!» (СНЫ И ЯВЬ)

Несколько вступительных слов

---

¹⁰⁰ См. также: Гордон Л., Груздева Е., Комаров В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России. М.: Прогресс-комплекс, 1993.

Ирина Кирилловна Грушевая (ныне покойная. – А. А. 2013) - уроженка Петербурга, всю жизнь живет в доме на углу Съездовской линии и Среднего проспекта, на Васильевском острове. В 1930-х гг. окончила машиностроительный техникум и школу медсестер. Работала техником-конструктором на заводе, счетоводом в колхозе, фармацевтом в аптеке. Уже больше 30 лет - на пенсии.

В биографии И. Грушевой отразилась вся история нашего общества; в ее жизненном пути много драматических моментов, пересказывать которые здесь нет возможности. В блокаду потеряла мужа, уже давно нет в живых и второго мужа. Уже приближаются к пенсионному возрасту все трое детей.

И. Грушевая никогда не занималась литературным творчеством, во всяком случае - никогда на это не претендовала. Но сохранившиеся у родственников письма, которые ей приходилось писать в течение жизни, а также записки-воспоминания, которые стала писать совсем недавно, обнаруживают незаурядный, «невостребованный» художественный дар.

Еще, Ирина Кирилловна является ярко выраженным носителем того, что А.А. Ухтомский называл «доминантой на Лицо другого». Удивительная человеческая отзывчивость, «самоотдача», к сожалению, не всеми ее потомками вполне оцененная...

Ниже - несколько фрагментов из записок-воспоминаний И. Грушевой, публикуемых здесь с ее любезного согласия. (Декабрь 1999).

= Из записок Л. Грушевой

О необычных случаях и предвидениях в моей жизни

1. Первая встреча с необычным. Лето 1925 г., ст. Большие Ижоры, дер. Сагомилье.

Гном сидел на краю водоема с черной, но прозрачной водой. Он внимательно глядел на воду, то ли на свое отражение, то ли на стада головастика. На нем был традиционный (по всем сказкам) костюм: красный колпачок, зеленая курточка и коричневые штаны.

Я спряталась за сосной и тихо спросила: «Ты чей? Нильса Хольгерсона или Белоснежкин?». Гном вскочил и, пятясь спиной, скрылся в густом можжевельнике.

2. Вторая встреча. 1933 г., январь. Петербург, Новый переулок.

Вскоре после замужества я переехала в дом, который принадлежал до революции предкам, а потом отцу моего мужа, в дом Жербиных. Квартира на 2-м этаже, над бывшими конюшнями, была переделана в коммуналку из 30 комнат! Посередине квартиры была темная без окон комната, стены которой были обиты черным обветшалым сукном; в конце комнаты 5 ступенек вели вниз, во вторую половину квартиры. В этой комнате в 18-м веке проходили собрания масонов, а прадед мужа, сподвижник Павла I, был председателем этой ложи.

Квартира была мрачная, холодная, высокие лепные потолки в трещинах и паутине, от высоких окон несло холодом. На кухне гудела армия примусов и керосинок, разношерстное население квартиры вечно ссорилось и орало друг на друга.

В одной из комнат довольно богато, но по-мещански обставленной, жил огромного роста, с черной бородой, чем-то похожий на Распутина - нищий. По утрам, встав с подстилки на полу (он спал на полу, т.к. берег кровать с никелированными шарами) этот нищий привязывал к здоровой ноге деревянный протез и шел на Московский вокзал собирать милостыню. Он был очень богат и вся квартира занимала у него деньги. В деревне за Мгой у него был большой дом и хозяйство.

Так вот, ночью я проснулась от шагов по комнате. Вижу, мимо постели идет старик, похожий на отца мужа. На нем был коричневый халат и желтый в клетку платок на голове, завязанный рожками на лбу. В руках он держал модный подсвечник с зажженной свечой. Старик подошел к окну, отодвинул штору, поглядел на улицу и вышел, не взглянув на нас.

Я разбудила мужа и спросила, зачем твой отец ночью, без стука входит к нам поглядеть в окно, хотя окна его комнаты, рядом с нашей, выходят на ту же улицу. Муж на меня как-то странно поглядел и пошел к отцу. Утром, за завтраком, на меня вся его семья так же дико и странно смотрела.

Наконец, мне рассказали, что их предок - масон - появляется только женщинам их семьи перед какими-нибудь неприятностями, к счастью, не очень серьезными.

Вечером приехала с Украины тетка мужа со своим мужем и 6-летней дочкой. Они ехали на Урал, на новое место работы, и решили, пока не устроятся, оставить девочку у нас.

Девочку поместили в нашей комнате, что не очень обрадовало нас, молодоженов. Ночью у девочки поднялась температура до 40 градусов, вызвали врача, у нее оказался дифтерит. Ее отправили в больницу. К счастью, никто не заразился, а девочка выздоровела.

3. Третий случай. Лето 1937 г.

Я проснулась в 4 часа утра, от кошмарного сна. Федя спросил: «Что с тобой?»

Мне снился самолет в полете, и вдруг он стал распадаться на куски. Вниз летели куски самолета, отломались оба крыла, летели люди, очень много детей. В ушах все еще стоял ужасный крик. Сон был яркий, цветной (черно-белых снов я никогда не видела).

В 9 часов утра к нам постучала мама и сказала, что только что передали по радио о катастрофе в Москве самолета «Максим Горький». Это был новый тип пассажирского самолета, гордость советской авиации. Он прошел все испытания и этот полет был первый. В 8 часов утра должны были совершить экскурсионный полет над городом члены правительства, но почему-то в последний час решили, что полетят дети, воспитанники детских домов.

Если бы можно было предупредить (но никто бы не поверил)! Ведь я видела гибель самолета во сне, за 4 часа до его настоящей гибели!

4. Четвертый случай. 1976 г., лето.

Как-то летом, на даче в Ольгино, мы пошли с внуком Колей на Лахту и во дворе одного из домов увидели куст высотой около 2-х метров, весь усыпанный крупными белыми цветами.

Куст рос посреди двора, рядом никакой зелени не было. Мы остановились полюбоваться, а из дома вышла старушка в белом фартуке и в странном чепце на голове. Она подошла к забору, сказала, что никто не проходит мимо, все останавливаются, что этот куст - мандрагора, его привез из Индии ее сын, и куст легко прижился на северной земле. Один раз куст выкопали и в кадке увезли в Москву, на ВДНХ, и через месяц привезли обратно.

Через час, идя обратно по той же улице, мы решили еще раз поглядеть на куст. Меня удивило то, что раньше мы не видели ни этого домика, ни куста, хотя по этой улице часто ходили на Лахту в магазин.

Так вот, мы НЕ НАШЛИ ни этого дома, ни куста! Из Ольгина на Лахту шли 9 параллельных Садовой улиц. Мы обошли все улицы, ничего не нашли. Странно, что наша дачная хозяйка, старожил Ольгина, никогда ничего не слышала об этом кусте.

5. Случай пятый. Сентябрь 1990 г.

Я поссорилась с подругой и полгода ничего о ней не знала.

Как-то, выходя из дома, я решила съездить на Петроградскую сторону, в книжный магазин, и тут каким-то внутренним зрением я увидела в магазине справа от входа, у киоска с детскими книгами, свою подругу в зеленом пальто (раньше я это пальто не видела). Поехала в книжный магазин, гляжу: направо стоит моя подруга, покупает детские книги. Пальто она на днях купила.

6. Шестой случай. Декабрь 1995 г.

За неделю до Нового года я стояла у окна и с сожалением глядела на дождь и гололед. Ничто не напоминало о зиме и Рождестве, а так хотелось увидеть снежинки, узоры на стекле, деревья, опущенные снегом. И тут внутренним взором я увидела, как за окном проплыли два гроба. Я сказала Тане [дочери. А.А.], что к Новому году в семье будут два покойника. Как всегда, Таня обвинила меня в колдовстве.

Действительно, 30 декабря умер отец Люды (Никитиной жены), а 31 декабря умерла близкая родственница Таниного мужа.

7. Седьмой случай. 1990 г., июль.

На другой день после похорон Таниного мужа я осталась в квартире одна. Таня с сыном уехали в садоводство. Я сидела в их комнате и читала. Постель Виктора была уже вынесена из квартиры.

Вдруг, из того угла, где раньше стояла его тахта, вышла странная, облезлая черно-лиловая кошка, она бежала, опустив голову к полу, задние ноги были длиннее передних (как у кролика). Хвоста не было. Какой-то уродливый мутант. Почему-то я не испугалась этой твари. Я поняла, что из дома ушла Витина болезнь (рак легких). Куда кошка делась - не знаю. Окно на кухне было открыто.

8. Случай восьмой. 12 июня 1995 г.

Годовщина маминой смерти. Я сидела у телевизора. Дома была одна. Слышу, в прихожей тихие шаги и на фоне окна показалась серая тень в виде трапеции или - как фигура в длинном широком плаще, и сразу исчезла. И снова не было страха. Я подумала, что мама приходила на одну минуту взглянуть на меня.

9. Случай девятый. Сентябрь 1997 г.

У меня было в городе любимое дерево - клен в саду Университета. Он рос у окон квартиры Менделеева. Дерево я полюбила с раннего детства и куда бы ни уезжала, я по приезду всегда шла повидаться с кленом. Это было мощное дерево, от стола отходили ветви, такие же мощные, как ствол, - 5 ответвлений. Сад был всегда закрыт. Только один раз мне удалось в него войти. Я подошла к клену, погладила его, поговорила с ним, подняла с земли желтый лист.

Два года назад я снова пошла на свидание в кленом и вдруг, уже завернув на бульвар Транспортной академии, я поняла - клена нет, какая-то пустота в той стороне. Все же я дошла до ограды и увидела: срубленный и распиленный клен лежал в траве. Зачем его спилили? Сердцевина была чистая, золотистая. На его месте я увидела маленькое кленовое дерево, не больше метра.

10. Случай десятый. Июнь 1941 г.

В день объявления войны, 22.06, утром наша семья сидела за завтраком. Утро было тихие, солнечное, и мы решили с мужем ехать снимать дачу. Неожиданно я почувствовала какое-то беспокойство, особенно в правой руке. Я встала, подошла к камину, предмету папиной гордости и заботы. На камине стояла хрустальная лодочка с карандашами. Я взяла химический карандаш и прямо на мраморе написала число 666 - число антихриста. Написала как-то бессознательно, автоматически.

Отец вскочил, закричал: «Что ты портишь хорошую вещь!». Потом взглянул на число, на меня, и тихо сказал: «Быть большой беде». Через 2 часа мы слушали речь Молотова о войне с Германией.

11.   *Случай одиннадцатый.*

За несколько дней до войны я видела сон. В конце Среднего проспекта на взморье осветилось ярко небо (улица была темна), на горизонт легла большая книга. Страницы ее переворачивались сами собой, а над книгой шло множество ангелов, их одежды, крылья и мечи в руках ослепительно сверкали и переливались серебром. Когда прошел последний ангел, перевернулась последняя страница, и книга закрылась.

12.   *Случай двенадцатый. 1941 г., август.*

Через несколько дней после начала войны я видела во сне часы на башне. Циферблат разбит, стрелки погнуты. Утром узнали, что попала бомба в башню Московского вокзала (или снаряд) и осколками повредило башенные часы.

13.   *Случай тринадцатый. На даче в Сиверской у Ани и Ольги. 22 июля 1972 г.*

Я была на даче с внуком Колей. Ему было 4 года. Коля сидел на подоконнике, глядя в темный сад, я готовила ему ванну. Вдруг Коля говорит: «К нам молочница идет». Я удивилась, т.к. молочница была утром, а жила она в Гатчине. Подошла к окну, ничего не увидела. Коля говорит: «Старушка в сером платье, в белом платочке, прошла под окнами, за кустами, пошла к террасе». Я пошла открывать дверь - никого. Мне стало жутко, т.к. на этой даче ровно 4 года назад, умерла Колина прабабушка - Медникова Любовь Федоровна, и хоронили ее в сером фланелевом платье и косыночке. Она умерла на другой день после рождения Коли. Я вышла в сад, калитка закрыта изнутри, на дорожке у крыльца сидел кот, весь ошестинившись и сердито урчал.

На другой день пришла молочница и сказала, что она не приезжала вечером. На другой день приехала Аня, я рассказала ей про это событие. Вскоре мы уехали в город. Аня осталась одна. Вечером она сидела на кухне, и слышит легкие шаги на крыльце, крикнула: «Кто там?», дверь приоткрылась и в кухню заглянула старушка в сером платье. Аня выбежала в сад и увидела (как и я) кота, который ошестинившись глядел в сторону калитки.

На другой день Аня отслужила панихиду, подала на поминанье и тетя Люба больше не приходила.

14.   *Случай четырнадцатый. Вологда. Лето 1943 г., дер. Борисово.*

Я заболела, температура была очень высокая, ртутный столбик упирался в самый верх термометра, где кончались деления. Врач определил крупозное воспаление легких. Мне все равно приходилось вставать, топить русскую печь, готовить, собирать мужа на ферму на первую дойку, в 5 часов утра (мой второй муж работал председателем колхоза).

В тот день, когда врач предполагал кризис, я не вставала. Под утро (в 5 часов утра) я отодвинула занавеску, открыла окно, т.к. задыхалась, и снова легла, и тут какая-то тень заслонила свет. Вижу, стоит женщина, лицо закрыто коричневой тканью, похожей на бархат, но прозрачной, под тканью ярко светились большие черные глаза. Она была не страшная, и мне показалось, что глядит она на меня с жалостью. Тут я поняла, что за мной пришла моя смерть, и если я засну, то не проснусь никогда.

Чтобы не заснуть, я взяла с подоконника колоду карт и стала раскидывать их по постели, тасовала, снова раскидывала. Долго ли это продолжалось - не знаю, но вдруг почувствовала прохладу, покой, жара не было. Тень стала отступать и вскоре исчезла.

15.   *Случай пятнадцатый. Вологда. Лето 1944 г.*

Я пошла за грибами. Лес был недалеко, километра 2. Обычно, выходя из леса, я ориентировалась по ветряным мельницам. Подойдя к лесу, увидела на опушке огромный подосиновик, решила срезать его на обратном пути. Набрав грибов, я пошла к знакомой опушке. Гриб стоит и стал еще выше, полянка - та же. Мельниц - НЕТ! Стала плутать во все стороны, все чужое, из леса не выйти. Вспомнила рассказы старух, как леший играет, «водит» грибников, сколько захочет.

Я разозлилась и крикнула: «Леший, долго будешь издеваться, меня дома дети ждут!», и сразу же как пелена с глаз спала. Стою на знакомой опушке, гриб на том же месте и даже не такой огромный, мельницы машут крыльями. Обрадовалась, гриб срывать не стала. Поняла, что это не простой гриб. Побежала домой.

Недавно прочитала книгу о народных суевериях и там написано, что лесовик часто принимает вид гриба или сухого куста можжевельника.

16. На днях сказала Тане, что надо написать в Сыктывкар нашей хорошей знакомой. Уже больше года ничего от нее нет. И в этот момент - звонок, и входит эта знакомая. Часто вспомнишь кого-нибудь, а он сразу по телефону звонит.

17. Случай семнадцатый. Поселок «Дружная горка». 1949 г., лето.

Жила с детьми в поселке «Дружная горка», так как т. Соня с мужем уехали и меня просили присмотреть за кошками и огородом. Вскоре туда на пару дней приехал мой муж. Когда он уезжал, я, глядя вслед автобусу, вдруг увидела (опыт внутреннего зрения), что он лежит в крови на земле.

Через пару дней я собрала чемодан, отвела кошку к соседям, дала т. Соне телеграмму, что я уезжаю. Все удивились: что случилось? Через час принесли телеграмму, что муж в больнице. На него во время урагана упало дерево (тополь на нашем бульваре), перелом бедра и грудной клетки.

Через час отходил единственный поезд, который на минуту останавливается на полустанке. Если бы я не подготовилась заранее, мы не попали бы в этот день в Ленинград. Вечером я уже была в больнице. Он пролежал 4 месяца и получил инвалидность.

***

О необычайном сне в пасхальную ночь я писала **раньше**, так же как и о встрече с Виктором (Таниным мужем) через полгода после его смерти. Встретила на берегу прозрачной реки, у берега стояла красная лодка и он сказал мне: «Скоро меня перевезут на тот берег». Через несколько месяцев я прочитала об одном англичанине, у которого была клиническая смерть и он видел ту же поляну, где стояло много пней, срубленных так, что был оставлен кусок отвала, как спинка кресла, и он тоже видел прозрачную лодку с красной лодкой.

Вот пока и все. Хотите - верьте, хотите - нет!

15.11.1999. Сон.

Я стою на Невском пр. у Аничкова моста. Темно. Ни огонька в окнах, ни одной светящейся рекламы. Как военное затемнение. Вижу от улицы Рубинштейна в мою сторону плывет светящееся облако. Потом облако исчезло и рядом со мной оказался Сталин в белом кителе. Я первый раз увидела у него над левой бровью и на щеке темные точки оспин (раньше я слышала об этом). Рядом с ним женщина, закутанная во все черное. Я не удивилась, спросила:

«Почему Вы здесь так поздно, Иосиф Виссарионович?». Он ответил:

«Вы что же, не понимаете, какая обстановка в стране! Мы с матерью обходим все первые этажи города, надо снова строить бомбоубежища. Мы стараемся предотвратить, но не знаю, не знаю...».

И они пошли дальше в сторону Главного Штаба, заглядывая во все подвальные окна. На этом я проснулась.

И. Грушевая, ноябрь 1999

Ремарка: «Хотите - верьте, хотите - нет!»

Ирина Кирилловна, как видно, принадлежит к числу людей, особо чувствительных к тому, что называют «тонким миром». Эта способность не уникальная, хотя и встречается достаточно редко.

Случай 16-й в этих воспоминаниях И. Г. - зауряден. Едва ли не с каждым такое случалось, хоть раз.

Про себя могу сказать, что со странными совпадениями я столкнулся при написании этой книги. Вот уже точка поставлена, и пора на принтер выводить рукопись, а чувствуешь, что чего-то не хватает, и даже примерно знаешь, чего именно. Специально не ищешь, а оно «находится» само, как бы «всплывает» или «приплывает» в руки - то ли из архива, то ли из взятой наугад книги, то ли от добрых людей...

Вот так и эти, **необходимые** в данной книге, тексты И. Грушевой. (Декабрь 1999).

= Из записок Л. Грушевой

Разное. О жизни, о природе и о Нем

[На этой, самой личной из тетрадок Ирины Кирилловны Грушевой написано: «отдать Але (Мишиной жене)».

Здесь записи последних двух-трех лет. Ирине Кирилловне сегодня - 86. Миша - М.Ф. Грушевой, ее сын. - А. А.]

<...> Иду полем, ночь. Зима, вьюга спиралью закручивает снег. Нет дороги, даже тропинки не видно. Снег, снег заметает все кругом. Но вот, наконец, мелькнул огонек. Я дойду, дойду до него, там тепло, трещат дрова в печи, там мои сыновья, Иван. Нальют мне кипятку в кружку. Начнут спрашивать про маму, Наташу. Тогда мы были добрее, были справедливее друг к другу. Я была им нужна, и они тоже были мне нужны. (Борилово, 1943).

...Метутся, мечутся по асфальту желтые листья, несутся по воздуху, и странно - мне в этом шорохе слышится их прощание с землей. Слышу их песню, но не слухом, а сердцем.

...Солнце. На ковре тени от цветов на окне. Тяжело взмахивая крыльями пролетела по коврику тень птицы.

...Почему отражение в воде цветов, кустов, веток прекраснее, чем оригинал? Волшебство отражения?! Черная вода канала, плавают желтые листья. Кромки берега присыпаны снегом. В воде отражается куст с темной листвой и белыми ягодами. (В детстве любили наступать на ягоды, они щелкали под ногой). Не рассмотреть на их отражение в черной воде.

...На снегу тени от веток голубые. Весной на асфальтовых дорожках черный причудливый узор теней от веток.

...Ветки деревьев красивы без листьев, так причудливы их переплетения, их вязь на фоне и осеннего, и весеннего неба. Весной ветки украшены бусами замерзших капель. Лучи солнца делают их и золотыми, и серебряными. Потом на ветвях появляются бусы - бусинки зеленых и красных почек. Летние деревья, в сплошной листве, ничего не говорят ни глазам моим, ни душе.

...Почему-то я боюсь больших темных елок. В лесу мне тревожно, если за спиной ели; какая-то нелюдь злая в них гнездится.

...Мне нужна картина (на стену). Черно-бело-серебристая ночь, россыпи Звезд. Луны не видно, но она подсвечивает небо и остатки снега вокруг стволов. Стволы черные, гладкие, при свете луны блестит ледяная корочка на них. Около снежных лоскутков

распускаются кое-где белые чашечки цветов. Это ранние ветреницы - первые цветы весны.

...В парке, на берегу канала есть группа берез. Каждую весну, когда тает лед, я прихожу к березам. Глажу ледяную корочку на стволах. Прижимаюсь к ним щекой, расстегиваю пальто, прижимаюсь к ним грудью. Мне спокойно, хорошо, видимо, их биополе переходит ко мне. Пахнет горькой корой, прошлогодними листьями. Подплывают утки, бросаю им булку. Еще раз глажу березы, еду домой.

...Когда я вижу что-то чудное или чудесное в природе, я не могу это ощущать только зрением. Мне хочется раствориться в этом. Почувствовать всем телом: и обонянием, и осязанием. Пористый снег сверкает голубым, красным, зеленым, желтым. Хочется с головой погрузиться в него, слушать треск и шуршание колючих смерзшихся снежинок. Вероятно, чувство слияния с природой чувствуется, когда вечеромходишь в воду тихой реки. Заходит солнце, окрашивая воду розовым цветом. Вода обнимает тебя ласково. (Как давно это было, но чувство радости не забыто. Клязьма, 1931). <...>

...Человек, поднявший с земли пестрый осенний лист - хороший человек! Мне кажется, что он не совершит плохого поступка.

...Чтобы понять другого человека, надо любить его или по крайней мере жалеть.

...Сердцем ты увидишь то, что не видно глазами (Экзюпери).

...Если воцарится добро всюду во всем, оно перестанет быть добром. Это будет что-то безликое, не вызывающее радости, благодарности. Для добра (понятие и поступки) нужны антиподы - зло, эгоизм, как, впрочем, и для многих других явлений. (Это я, а не Экзюпери).

...Вечное блаженство, ничего не делание, никакой борьбы и переживаний. Кому это нужно? Почему Бог осуждает лень на земле и награждает нас на небе этим? <...>

***

<...> Небо, ярко синее, было расчерчено кудрявыми дорогами реактивных самолетов. В желтых, красных, зеленых осенних листьях блестели и переливались на солнце красные, желтые, зеленые огни светофоров, создавая необычную сверкающую картину. (Большой пр., угол 4-й линии)

...Название книги «Ветер в Ивах». Всего два слова... Красивое звуко сочетание. Возникает перед глазами синее небо, чувствуешь свежий, пахнущий водой и травой ветер, а листья ивы, как зеленые ленточки, в непрерывном движении.

...Самолет шел в узком голубом коридоре среди ярко белых, серебристых облаков. На земле никогда не увидишь такой яркости и чистоты цвета. Облака стояли вертикально как стены, окружившие самолет. Внизу сверкали золотом купола Лавры, погруженные в зелень деревьев. (Подлетая к Киеву).

...Падают, летят листья - оранжевые, красные, такая тишина в душе. Вся суета, вся мышьяная возня каждодневных забот и обид замирает под слоем листвы. Стараюсь поймать падающий лист прямо на ладонь - это, говорят, к счастью! К какому?!

...Солнце заливает золотом и деревья с еще не опавшей листвой, и листья, летящие и уже опавшие. Небо осени прекраснее весеннего. Как горько пахнут флоксы, ветерок раскачивает увядающие цветы, висющие на тонкой ниточке. Красные сиреневые цветы падают на желтую листву.

...Ночью расцвел кактус (в 1 ч. ночи). Четыре яруса белых звезд с малиновыми острями лепестков. Серебристые тычинки. Я осторожно поцеловала цветок и перекрестила его на короткий миг его жизни. Я надеялась, что цветок не родится ночью, подождет утра, чтобы все могли полюбоваться им. Но он родился ночью и вряд ли доживет до утра, а все спят и просят такое чудо! Дожил до 16 часов, и стал еще красивее.

...Проснулась ночью от лунного сияния. В окне большая яркая луна. На ковре косая дорожка лунного света. Протянула руки к луне и пошла к окну по этой дорожке. Откуда-то возникло слово - «Астарт». Я стала говорить или молиться: «Астарт серебряная, помоги детям моим, близким моим, заступись за внуков и правнуков моих, спаси, сохрани

их всех!». Откуда же, из глубины веков возникла эта языческая молитва? Впрочем, мольба всегда молитва, языческая или христианская - это неважно. <...>

...Елкины ребятишки, маленькие елочки, растопырив лапки-ладошки с зелеными и красными пальчиками, как малыши, которые просят маму: «Возьми на ручки».

***

<...> За окном шумит ветер, темно.

В печи гудит огонь -

Музыка осени.

... Рваные облака, дождь,

Желтый лист на мокром окне -

Снова осень.

...Сумерки. Желтый закат,

На озере скрип уключин

Плачет кукушка.

...Моросит дождь. Сыро.

Голубой мох.

Блестят красные ягоды брусники.

...Желтая, сухая трава.

Горячий, плоский камень.

Греются две ящерицы.

...Серые сумерки,

Серый поползень на серой коре.

Все цвета разного оттенка.

...Туман. Просвечивает солнце.

Голые ветки

Перечеркнули золотой диск. <...>

(Дачный поселок Лилия, под Лугой)

*[Нижеследующий текст из этой тетрадки перепечатаваю в компьютере не без колебаний. Покажу Ирине Кирилловне. Ей решать - только ли для **своих** внуков и правнуков писала, или для **всех**, кому это тоже, может быть, необходимо.*

Как решит Ирина Кирилловна - так и будет. - А. А.]

Из записок Л. Грушевой

«И бывает такая боль,
над которой не властно время...»

Исповедь женской души

(написано в конце жизни. Мне 84 года)

«Да, целовала, и знала губ твоих сладкий
след. Губы губам отдавала, греха тут нет! От
поцелуев губы только алей и нежней.
Зачем же была разлука на тысячу тысяч
дней?» (Черубина де Габриэль). ¹⁰¹

Я приговорена пожизненно, а может быть посмертно, к этой любви.

Прошлое настигает меня, настигает, напоминает почти каждый день через столько лет. Как давно, давно все кончилось! Как могли мы потерять друг друга? Как могла я,

---

¹⁰¹ Ирина Кирилловна цитирует, понятно, по памяти. Правильно: Черубино де Габриак.

любя и желая его безгранично, отказать ему... И вот теперь - «немая боль невыплаканных глаз». Я плачу, но мне не легче. Конец жизни, и только сожаления, что ничего не изменить. Его нет на земле. «Слезы жгучие, как холодный лед».

Наверное, нельзя так говорить, но доверю моим внукам и правнукам: если любите, любите без оглядки! Да, родители предостерегают Вас, желая добра. Но это добро никогда не заменит того, что утрачено, что не сбылось. Боль и сожаления настигают даже в конце пути, и боль эта даже сильнее, чем в молодости. Тогда были замены, подмены, иные песни и надежды, иная любовь. (Правда, колокольчики в душе уже не звенели). Всю жизнь скрывала свою боль. редко говорила о нем (не поймут), а теперь. только Ирина Павловна помнит его, и с ней я говорю о нем.

Не знаю, кто встретит меня в конце дороги, по которой я скоро уйду, но я хочу, чтобы он был там, и впереди всех шел ко мне.

Но ведь там не будет земной любви, в которой я отказала ему на земле. ТАМ - любовь небесная. Ирина Павл. сказала: «Любовь небесная - это НЕЖНОСТЬ». Это утешение!

...Снова он снился мне, и подушка в слезах. Значит, он, там, тоже тоскует, а может быть просто ждет без тоски, ведь ТАМ нет «печали и вздыхания».

А вдруг, он уже на земле, но в другом облике? Почувствую ли я вечное блаженство, нам обещанное? Вряд ли. Мою тоску, мою любовь посчитают за грех, на том свете! И пусть простят мне Федя и Иван, Я вас тоже любила, но не плыл у меня под ногами шар земной.

Когда он первый раз поцеловал меня, я на миг потеряла сознание, мне казалось, я лечу в небо. Ни с кем больше так не было. И он сказал, что ни с одной из его женщин не испытывал такого. А ему было 43, мне 18!

...Все долгие, долгие годы я мучилась и корила себя, почему не прочитала его письмо. Недавно прочла - ВО СНЕ, и я верю, что так он и написал тогда, а подпись его точная, но я вывела ее автоматически. (Письмо в конце записок).

...Как много лет, десятилетий прошло! Столько оплакано потерь, притупились многие горькие обиды, утраты. Но я благодарю Бога, что память о весне и лете 1931 г. (всего 5 месяцев любви!) не утрачена и все так же свежа, даже через 66 лет.

Не обижайтесь, Федя и Иван, не судите меня. Ведь там, где вы, нет печали, ревности, горьких минут. Там все трое будете мне дороги, и я вам - тоже. «Печаль моя светла».

...Так было долгие годы. Воспоминания о нем, почти ежедневные, не причиняли такой острой боли. Почему же теперь такая боль и тоска? Слезы текут, может быть потому, что живя в семье (пародия на семью), я так одинока! Мне никогда не узнать: как он умер? Своею смертью или расстрелян в лагерях? Думал ли об мне, живя и умирая? Не мог он забыть нашу любовь. Он был немолод. Многих любил и терял. Но наша любовь - подарок судьбы - не могла забыться.

«Время лекарь, и эту роль повторяет оно со всеми. Но бывает такая боль, над которой не властно время» (Воронов).

...«Наша звездная ночь нам играла сонату и светила луна на просторы земли». Вероятно, были и звезды, и луна, и музыка листьев, но я видела только его лицо. Мы были на «Вы», и только когда пишу, говорю ему «Ты».

После разлуки я узнала самое страшное: это утро, когда после ночного забытья начинаешь сознавать - его нет, и со мной его не будет, это холод, безнадежность, почти смерть.

...В ту ночь, в августе 31 г. он спросил меня, хочу ли я, чтобы наши отношения остались прежними, или перешли в иную близость. Мы лежали в густой траве, было темно, не знаю, были ли звезды. Я видела только его лицо. Вероятно, я не совсем понимала, что значит - «иная близость». Но боясь чего-то иного, какой-то перемены,

которая могла грозить разлукой, ответила: «Пусть все будет по-старому». Он долго молчал, крепко прижимая меня к себе. Потом руки разжались. Сказал: «Пора домой».

Боже мой, какая я была идиотка! Он стоял на углу 1-й линии. От бульвара я обернулась к нему. Какая тоска была в его глазах! Я изумилась, ведь завтра снова встреча. Снова поцелуи, ласки в ночном тумане. Я не почувствовала, что это последняя встреча. Начала считать часы до следующего свидания. Мне надо было перебежать дорогу к нему, сказать: «Пусть будет так, как Вы хотите!». Но была я слишком молода, неопытна для иного. (Если бы я жила теперь!). Как я любила, любила, любила его!

На другой день пришла его жена. Его вызвали с работы. Я сидела, опухшая от слез. Он вошел и сказал, обращаясь к жене и маме: «Что вы сделали с этим ребенком!». Он хотел что-то мне сказать наедине. Мне запретили подойти к нему. Это был конец!

Он пытался со мною встретиться. Прислал на другой день письмо и розы, вероятно, больше 100 штук. Но я дала слово его жене, и маме. Зачем, зачем! Всю жизнь виню себя, что не перебежала к нему в тот последний вечер. Хуже было бы? Лучше? Но радость я бы ему дала... Да, тебя нет на земле, но ты всегда был рядом.

...На одной из лекций в техникуме меня попросили принести со склада какую-то геометрическую фигуру. Мне надо было пройти через соседнюю аудиторию. Когда я открыла дверь, он стоял спиной ко мне, на кафедре. На стук двери он обернулся, мы взглянули друг на друга и тут (банальная фраза) ток промчался от меня к нему и обратно. Он замолчал и провожал меня взглядом. Меня затряс озноб, подкашивались ноги, но я все же прошла мимо, в другую дверь.

Конечно, я никакой фигуры искать не стала. Стояла у полок и знала, что он сейчас выйдет. И он вышел, хотя до конца лекций было мин. 10. По-моему, он, несмотря на свой возраст и опыт, тоже не совсем осознавал, что произошло. Потом в комнату ворвалась Ирина (Ирина Павловна), с криком «Где фигура, почему не несешь?», и, увидя нас, молча закрыла дверь.

Вот. А потом начались встречи, поездки в Токсово, где он строился, поездки на озеро, на остров «девичьих слез», и все пришло.

...В тот далекий август меня заставили забыть тебя, забыть любовь. Всю жизнь я знала, что это невозможно.

И в сердце мне нисходит тишина,
И память прошлое не воскрешает,
Нет, это только кажется, на миг,
Боль о тебе, любовь к тебе, в душе не затихает».
Беда это или радость?! Всю жизнь помнить, любить, тосковать.

Забывать твое лицо...
Забывать твои ладони...
Выйду в полночь на крыльцо...
Над полями ветер стонет.
Мне ль глаза твои забыть?
В стоне ветра столько боли,
Что самой бы не завывать
Серым волком в чистом поле.
(Леонид Замятин. «Каменные острова»)

...Все долгие, долгие годы я мучилась: почему не прочитала его последнее письмо, почему отослала обратно, вместе с букетом роз? («Миллион, миллион алых роз» - тогда же пели эту песню).

Ночью 8 марта 1994 г. приснился конверт, тот самый, с тонкой зеленой каемочкой, из него выпало письмо. Я не знаю, точно ли я спала, или была в полудреме. Я прочитала:

«Малютка, судьба развела нас. Вы были для меня - Свет, озарение, радость! Мой маленький друг, любимая девочка, хочу обнять Вас, утереть слезы, неужели это все? Осталось слово - никогда. А может быть не все... А. Ш.».

Это - второе письмо, полученное от него во сне. Первое было летом на даче в Ольгино. Мне снился вагон электрички. Он в вагоне, у окна, бросил записку. «Я живу Очаковская 7». Ему тогда было бы 88 лет, он был старше на 25 лет.

Если будете поминать меня в церкви, поминайте его имя рядом с моим. Его звали Анатолий. Его жена и дочь давно умерли.

...Я жалею, что ничего не осталось от него на память. Не думая о разлуке, я не берегла ни роз, ни коробок от духов или конфет. Мне казалось, что все будет вечно. Не осталось ни скамеек, где мы сидели, ни плит тротуаров - все залито асфальтом. На наших полянах и тропках растет другая трава. Даже звезды стали дальше, выше.

Недавно подумала: как же, ничего не осталось? Остались мои губы, которые он целовал, мои руки, которые обнимали его, моя кожа, которая прикасалась к нему. Осталась память о нем.

Я не хочу, чтобы его след на земле забылся после меня. Пусть мои внуки прочитают записки. И если Аленку (Саша нашла свою любовь) посетит такая любовь, может быть и с горьким концом, - это будет счастье. Его звали Анатолий.

...Узнает ли он меня - ТАМ? Он помнит длинноногую милую девочку. А может быть там снова все молоды?!

[Другая тетрадка - продолжение. - А. А.]

...Господи, простишь ли Ты меня, и простят ли мне оба моих мужа, когда я встречусь с ними в иной жизни, потому что я вспоминаю ЕГО чаще и горше, чем их.

Последнее время он все время в моих мыслях. Ночью плачу оттого, что его давно нет на земле, а иной раз, утром, проснувшись, я чувствую, что он был рядом, и нет никого.

...Я помню его руки, форму его пальцев, его запах, морщинки у глаз и губ. Вижу черточки-морщинки на губах, слышу его голос. Вспоминаю множество его слов, обращенных ко мне. И почему теперь, в конце жизни, в 80 лет, у меня началась такая чисто женская тоска по любимому человеку, мука сожаления за незавершенность наших отношений? Я ненавижу и упрекаю себя, ту наивную, честную, глупую девочку, которая сдержала слово, данное маме, и мама же и заставила меня оборвать все на полпути.

...Иногда я встречала его после разрыва, на улице, в трамвае, в филармонии с женой (чаще всего там). Не видя еще его, я чувствовала его присутствие. Мы подходили друг к другу. Говорили пустые, безликие слова. Я ужасалась пустоте, ненужности этих слов, и я видела и знала, что он чувствует то же. Так что же нам мешало?! Да, я дала маме слово, и, оказывается, она писала ему и тоже взяла с него слово, что он не «испортит» меня. Почему, почему нас так сковало это слово?

...Вероятно, он умер давно. Ведь мне было 18-19 лет, а ему 43! Где умер? Может быть в лагере. Он сидел в 36-37 годах, и снова - позже. Вспомнил ли он обо мне, умирая? Наверное, вспомнил. Слишком сильно я любила его и вспоминала все время. Мне редко снятся оба мужа, а он - часто. Вернее, ощущение его присутствия.

...Всю жизнь я искала в мужчинах что-нибудь напоминающее его, не только в лице, в манерах, но и в отношении к тому или иному событию, к окружающей жизни. Я записалась в яхт-клуб, окончила курсы яхтенных матросов, в память единственной поездки на яхте, на всю ночь, в августе 1931 года. 60 лет прошло, а как все ясно помнится: полный штиль всю ночь, шуршанье воды за кормой, ночь незавершенной любви, розы, подаренные мне в оранжерее Петергофа.

Вероятно, те люди, в которых виделось мне сходство с ним, не все заслуживали моего внимания, но они были мне дороги и интересны.

Господи, как мы могли разлучиться?!!

...Сижу и плачу, что нет его, и я должна бы стыдиться в 80 лет этих слез, но мне не стыдно, значит душа не стареет.

Федя, Иван, простите мне, ведь любила я вас, и были и радость, и горе, и ревность, и слезы, и дети от вас любимые и удачные, были и счастливые дни, и горькие, но все было

вполовину того, что было с ним. Значит, с ним было больше чем любовь и нет названия этому чувству?

...Последнее время я чаще вижу его, лицо, фигуру, манеру стоять, чуть склонив голову на правое плечо. Его улыбка только глазами. Я мысленно говорю с ним.

...Коля орет: «Мать, посмотри, бабка спит с открытыми глазами». Я молчу в ответ. Пусть думают - сплю. Я говорю с ним.

...Мне снился сон, который не вернется, и человек, который не придет.

Был теплый, приглушенный, притушенный серый день. Мы сидели на поляне, усыпанной звездочками цветущей земляники. Он стал разводить костер, желтые язычки огня метались над хворостом. Огонь не выходил наружу, только серая струйка дыма.

Я пошла к опушке собрать еще сухих веток и издали взглянула на него. Он сидел на пеньке, опершись головой на руку. Лицо его было такое грустное, усталое. И вдруг меня пронзило тысячами ледяных иголок, я вдруг поняла - костер не разгорится, и я не увижу созревших ягод земляники, тяжелое предчувствие заполнило меня.

Я подошла к костру, бросив хворост на опушке. Сказала: «Не надо мучиться с костром. Посидим и без огня, и так тепло».

Он уже улыбался мне, и вскоре ледяные иголки забылись. Были частые, счастливые встречи.

Теперь я уже не могу вспомнить: где же была эта поляна? Я помню все места встреч, помню, как и на чем мы ехали, а эта поляна выпала из памяти, вернее, дорога к ней! Может быть, это был далекий, забытый сон, который снова приснился мне.

...Вспомнила песню (исп. Кикабидзе):

«Просто встретились два одиночества,
Разожгли у дороги костер,
А костру разгораться не хочется,
Вот и весь разговор».

На одиночество я тогда пожаловаться не могла. Друзья, подруги и, конечно, Он. И в раннем детстве было много подруг, много знакомых. Дом был открыт для наших знакомых и для знакомых отца с мамой.

Но в смысле моего внутреннего мира я была одинока. Особенно после того, как мама сказала отцу, что я молюсь за сатану, чтобы Бог простил его и избавил бы от одиночества. Родители были в шоке и смотрели на меня как на тронутую. А я любила и Христа, и св. Себастьяна, и Сатану. Жалела их и любила земной любовью, молилась за них каждый вечер.

(Св. Себастьян - герой повести итальянского писателя «Два мира». Она произвела на меня огромное впечатление, так же как поэма Лермонтова «Демон», которую я прочитала в 9 лет. В юности такое же впечатление оставила книга Марии Корелли - «Скорбь Сатаны»). <...>

[Еще одна тетрадка - продолжение. А.А.]

5.01.98. В ночь под сочельник я долго не могла заснуть. Я вспоминала наши встречи, его слова, его ласку. Он снова был где-то рядом.

Часов в 5 утра я задремала. Мне снилась раздача аттестатов в техникуме. Длинный стол, на половине которого лежали документы, вторая половина стола была накрыта для банкета, тут сидела моя мать.

Он раздавал аттестаты. Я подошла первой и, принимая документ, коснулась его рукава. Ткань была чуть влажная, пушистая и чуть шероховатая. Раньше мои руки не ощущали такого. Я тихо сказала ему: «Выйди!», и пошла к выходу, не закрыв дверь.

Он выдал еще пару аттестатов, встал, направляясь к двери. И тут поднялась моя мать и встала между нами. А я оказалась дома. Но комната была мне чужой, на окне не было занавесок (что для меня самое нужное в любом интерьере).

Я стала вспоминать его, и тут раздался звонок, но не в парадную дверь, а с черного хода. Там до войны был звонок-вертушка с надписью: «Поверните». (Теперь нет ни той

лестницы, ни звонка). Он приходил только с парадного хода, а жена его пришла с черного хода, в тот черный день.

Я поняла, что это снова она. Пережить вторично (даже во сне) ее приход в мой дом, пережить снова ту боль, и тоску, и пустоту, которая осталась у меня после ее ухода, «на всю оставшуюся жизнь» (было мне тогда 18 лет). Я заставила себя проснуться, чтобы не открыть дверь.

...Через полгода после техникума я уже (по рекомендательному письму Ш.) работала на заводе «Термоэлектроприбор», где и познакомилась с Федей.

И снова была ночь на яхте, снова плескалась за кормой вода, скрипели мачты.

Я была с Федей, я любила его, а он меня, в эту ночь я стала женщиной. Все было прекрасно, и до сих пор не забылось, но не летела я к облакам, и не падали звезды вокруг нас... Спасибо им за то, что светили нам, спасибо за шепот воды, посвистывание утреннего ветерка. Но летала я на небо один раз в жизни. <...>

...Аля, не верь никогда, а также и Миша, что Федю насильно женили на мне, что родители мои ходили к Фединому отцу со скандалом, что я была якобы беременна, это все ложь, выдуманная Наташей.

Любить можно не один раз. Искренне, преданно, но каждая любовь, какими-то ощущениями, будет отлична от другой. Но моя первая любовь была выше любви. И нет названия этому! Почитай поэму Бальмонта «Аннабель-ли», там есть фраза: «и наша любовь была выше любви».

...Пустоту в моей жизни заполнили дети, внуки, правнуки, и даже до их появления, после А. Ш., была обычная жизнь молодой девушки, женщины - театры, танцы, поклонники, музыка, песни. Все это спасло меня тогда. Потом заботы, тревоги за семью, война... Теперь, когда все отдалилось, у всех своя жизнь, тоска пробудилась снова.

...Зачем я пишу? Может быть, это тебе и вообще никому не интересно? Вероятно, пишу из-за эгоизма, мне легче - кому-то рассказать обо всем, переложить, частично, память о нем на ваши плечи, после того как я уйду от вас.

Кроме тебя, Аля, и покойной Бутусовой, я так подробно никому не рассказывала о нем.

...В 1938 г. я шла с Мишей по Среднему пр. и вдруг почувствовала его приближение. Он прошел мимо, опустив голову, шел медленно, с трудом... Его кожаное пальто было вытерто до белизны, кепка в пятнах (как теперь сказали бы - «бомж»). Я не смогла окликнуть его, понимая, какое унижение для него, одного из самых элегантных мужчин в 30-х годах, показаться мне в таком виде. Вероятно, он вернулся из лагерей, был у своего брата, и, может быть, тот не принял его.

И что я могла сделать? Я была замужем, был сын. Пригласить к себе? Федя был на секретной работе. Снова начать встречаться? Я не могла изменить Феде, сломать семью. <...>

[Здесь опущены несколько фраз, из которых явствует, что И. К. была тогда уверена, что А. Ш. вернулся именно из заключения. - А. А.]

Грех ли я совершила? Не знаю. Но моя семья не пострадала... Не могла выбрать его и предать своих близких.

...Мне было стыдно подойти к нему, не хотела смущать его. Я была слишком хорошо одета, котиковая шубка, сапоги с перламутровым отливом, пестрая, вязаная шапочка. Мне не стыдно было бы стоять рядом с ним, но я знала, какое он значение придавал своему виду, и как униженно чувствовал бы себя.

Что же я наделала! Может быть, надо было бросить все и ехать за ним в лагеря! Господи, я не знаю!..

...Однажды в поезде (мы ехали из Токсово) сосед-грузин сказал:

«Смотрю я на вас и не пойму: вы не отец с дочерью, вы не муж и жена, и вы еще не любовники. Но вы счастливы». Я прятала лицо в букет черемухи. Анатолий молчал, чуть

улыбаясь. А грузин, выходя, погладил меня по голове и сказал: «Ах, девочка, девочка, ну что же еще сказать!».

И. Грушевая, 1997-1999

Ремарка: «Вот и помянули Его...»

Ирина Кирилловна, всегда очень подвижная, сейчас на 2 месяца прикована к постели: неловко упала, сломала ногу. Начало печатного текста прочитала сама (она не пользуется очками), но все же лежа читать неудобно: попросила почитать вслух.

Читала ее троюродная сестра, моя жена Зина. И. Г. слушала молча, как-то остраненно, без реплик (внешне она - очень сдержанный человек). По окончании, сказала, не задумываясь:

- А почему нет: пусть читают! Ничего страшного тут нет. Кому интересно - прочитают.

Когда мы уходили, сказала:

- Вот и помянули Его. Хорошо! Спасибо.

А Зина вспомнила, что есть еще одна тетрадка у Ирины Кирилловны, мне ранее не известная. Из записей 1996 г., с которых, кажется, и начался этот цикл. Но именно ею уместно его здесь закончить. (Декабрь 1999).

Сон в Пасхальную ночь с 13.04. на 14.04.1996

<...> Я свернула направо с мокрого асфальта на желтую с золотыми блестками тропинку, ярко освещенную солнцем. Вдоль тропинки струилась речка и тропинка повторяла все изгибы реки. Вода была синяя, темно-синяя, но прозрачная, и тоже играла блестками золота. Налево, вдоль тропинки росли зеленые, круглые кусты, напоминающие кучевые облачка. Все было так ярко без оттенков, как обычно рисуют дети. Я часто во сне вижу эту тропку, но мне ни разу не удалось дойти до конца.

Сперва я шла одна, но потом увидела рядом Таню, она шла молча, но меня это не удивило. Когда мы вместе, она всегда мочит. Потом появилось много людей. Все молча шли в одном направлении, но почему-то я поняла, что раз в 100 лет, в пасхальную ночь, можно 2 дня провести со своими родными, умершими. Мы все дошли до конца дороги и подошли к высокой четырехгранной башне черно-лилового цвета, с каждой стороны которой были светлые ступени в большой вестибюль с массой светлых золотистых колонн, и между ними ступени вели наверх, внутрь башни.

Таня сразу отошла от меня. По-моему, она нашла Виктора. Он стоял ко мне спиной, но я узнала его по его любимой рубашке цвета мокрого асфальта. Я стала подниматься из вестибюля во второй этаж, вошла в длинный коридор и сразу увидела Его, того, которого помнила и любила всю жизнь. Он шел навстречу в чем-то золотистым вроде пижамного костюма.

Он взял меня за руку и ввел в светлую комнату, где стояла тахта, стол и венский стул. Окно во всю стену выходило в сад, на стуле сидела полная седая женщина, с коротко подстриженными волосами. Он подвел меня к ней и сказал: «Это моя мама». Я встала перед ней на колени, поцеловала руку и сказала: «Спасибо, что Вы дали ему жизнь, иначе я не встретила бы его никогда». Она меня погладила по голове, сказав: «Я все о тебе знаю, девочка», и вышла из комнаты.

Он подал мне кружку, прозрачную, наверное, хрустальную, и от кружки во все стороны расходились разноцветные лучики: желтые, голубые, зеленые, и сказал, что в конце коридора есть родничок. «Выпей там воды». Я пошла за водой, выпила и вернулась в комнату. Он ждал меня на пороге. Мне было так стыдно, что он видит меня старой, седой, толстой. Он, видимо, прочел мои мысли и казал: «Ты же выпила воды, посмотри на себя». И правда, я сразу увидела себя, какой была в 18 лет. И растерялась, как и тогда, что

же теперь будет. Но она сказала: «Не бойся, здесь нет земной любви, здесь только нежность и любовь небесная, посмотри в окно».

За окном двигался, струился воздух, в котором трепетали цветные крылышки бабочек, стрекоз, порхали голубые, зеленые, крошечные птички - колибри. Потом в воздухе появились блестящие серебряные точки, из которых стали вырастать крестообразно 4 лучика и они стали приближаться к окну. И я почувствовала, как что-то обволакивает меня снаружи и входит внутрь, заполнило меня всю - каким-то чувством, которое я никогда не ощущала. Нежность, любовь, слезы, радость, трепет. Нет, никакими словами земными и человеческими это не описать.

Я подошла к нему, положила его голову себе на грудь и стала осторожно прикасаться губами к его лбу, глазам. Это было счастье, действительно неземное.

Потом мы вышли в сад, там было много людей, все стояли на краю зеленого косогора. Люди становились на какие-то колесики, вроде роликов. Надо было разбежаться, быстро сбросить у края ролики, поднять руки и полететь. Мне было страшно оторваться от земли, и тут я увидела Таню. Она летела над обрывом, тяжело взмахивая крыльями, как ночная сова, медленно, бесшумно подлетела к Виктору (он опять был ко мне спиной; вероятно, можно было встретиться только с одним). С Тани упали серые длинные крылья, и она куда-то ушла.

Тогда он сказал: «Ничего, потом научишься». Мы спустились вниз по косогору, на другую тропинку. Уже смеркалось. Я сказала ему, что останусь еще, но он сказал: «Только 2 дня, а они уже прошли, иди обратно, мы еще встретимся». И я проснулась.

...В этом сне ничего не придумано, все было так связно и так ярко.

Я захотела рассказать Тане, начала, но как всегда она оборвала меня: «Зачем мне нужен маразматический бред! И так все знают, что ты ведьма или колдунья!». Но ведьму не пустили бы в рай?! <...>

***

[Ниже - небольшой «фактологический» повтор с более поздней записью, приведенной здесь ранее. Но стоит повторить, поскольку записи немного различаются. Таня - дочь Ирины Кирилловны; Виктор - покойный зять; Коля - внук. А.А.]

<...> По золотой тропинке я шла через 6 месяцев после смерти Виктора. (Только не было реки). Тот же круглый кустарник и золотистый воздух. Я дошла до поляны, где стояло много пней. Они были срублены так, что оставалась часть дерева, образуя как бы спинку кресла. На них сидело много людей. Виктор, опять в своей любимой рубашке, стоял среди людей и что-то рассказывал. Рядом сидел его друг, умерший через месяц после Виктора. Увидев меня, Виктор сказал весело и приветливо: «А вот и теща пришла». Подошел ко мне, положил руку на плечо и повел к обрыву. Внизу текла река, необычно прозрачная, каждый овальный камешек на дне, освещенном солнцем, был отчетливо виден. У берега стояла красная лодка и Витя сказал: «Скоро меня переправят на тот берег». Мне захотелось окунуться в эту реку, но Витя повернул меня спиной к реке и сказал: «Нет, нет, Вам нельзя», - вывел меня обратно на тропинку.

...Однажды Коля и я шли по той тропке, где синяя река, мы дошли до холма, где стояла башня. Но у Коли сломался велосипед, бросить его он не хотел, и мы пошли обратно. В это время подъехал поезд с черными вагонами. Оттуда вышли отец с мамой. Они смотрели на нас с укором, проводили к реке, и Коля со мной поплыли на барже домой.

...Как-то раз я дошла почти до конца дороги. В конце была часовня, как новгородские церквушки, и опять оттуда вышли мои родители и велели идти назад.

Все эти сны такие странные, но такие реальные, что их забыть невозможно.

***

...После сна, где я видела Виктора (этот сон Таня выслушала) я прочла через несколько месяцев в газете «Аномалия» запись одного англичанина, который видел во

время клинической смерти поляну, крупные цветы и реку с красной лодкой, но ему не удалось переправиться на другой берег, его оживили.

На этот раз Таня поверила в мой сон, т.к. статья с англичанином напечатана примерно через полгода после моего сна.

Почему я колдунья, по Таниному мнению? Но в моей жизни было столько предвидений, столько потусторонних встреч, столько странных событий. Я как-нибудь их систематизирую и напишу, только вы (Аля и Миша) храните мои записки, может быть все это когда-нибудь будет объяснимо.

И. Грушевая, январь 1996

И. Грушевая - З. Вахарловской и А. Алексееву

Дорогие Зина и Андрей!

Поздравляю с Новым Годом, с Новым Веком, с новым, третьим тысячелетием! Желаю, чтобы в Новом году Змея была бы не очень кусачей и проявляла бы только змеиную мудрость.

Минувший век принес всем много горя, потерь и личных и общечеловеческих, и политических, но много и открытий. Не будем бранить его, т. к. через 100 лет наши потомки то же скажут о веке прошедшем, хотя мы все уповали на его милосердие. Такова жизнь!

Здоровья Вам, долголетия и полного взаимопонимания на всю оставшуюся жизнь!

Целую - Ирина Кирилловна

1.01.2001

В.Н. Дмитриевский

15.15. СОЦИОЛОГ СРЕДИ ТЕАТРОВЕДОВ И ТЕАТРОВЕД СРЕДИ СОЦИОЛОГОВ

Несколько вступительных слов

С Виталием Николаевичем Дмитриевским меня связывают более чем 40-летняя дружба и тесное сотрудничество / соавторство.

В. Д. – доктор искусствоведения, профессор. По происхождению – петербуржец, до 1978 г. жил в Ленинграде, после переехал в Москву. С тех пор работает в Государственном институте искусствознания, автор фундаментальных трудов по истории социального бытования российского и советского театра (тема, обычно обозначаемая как взаимоотношения театра и зрителя).

История исследовательской группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО (1970-80-е гг.) до 1978 года возглавлявшейся В.Н. Дмитриевским, многократно описана.¹⁰² Недавно были переизданы основные труды этого творческого коллектива 1970-х гг.

В «Из неопубликованных глав. Том I» опубликован ряд наших совместных с В. Дмитриевским работ (см. главу 4). Здесь – более поздние тексты, в рукопись книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входившие.

(А. А. Июль 2013).

---

¹⁰² См., например: Божков О. Социология и театр // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008, № 6. Этот же текст см. в: ПС-2 (Глава 6).

...Действительно, возникают у нас очень ценные для меня пересечения и переклички.

Впрочем, что удивительного? За сорок с лишним лет нашего славного общения как им было не возникнуть?

Строго говоря, благодаря Тебе я оказался в ранге театроведа среди социологов и социолога среди театроведов. Раньше меня это промежуточное (или межеумочное) положение озадачивало и смущало, а потом привык и даже стал ощущать некую исключительность, получать некоторые дивиденды – например, презумпцию некой безответственности, обусловленную самой пограничностью своего положения. Да и вся моя служебная карьера сложилась благодаря этой двойственности!

В. Дмитриевский. Из письма А. Алексееву.
18.10.2011

Ремарка: кто у кого учился...

Что касается «безответственности», то будем ценитьсамоиронию. А вот насчет того, кто и чего достиг «благодаря» другому, то вряд ли социологу--рабочему пришло бы в голову назвать свой натурный эксперимент – «драматической социологией», не будь у него до этого опыта сотрудничества в группе «Социология и театр», возглавлявшейся театроведом-социологом Виталием Дмитриевским. Так что – «квиты»... (Июль 2013).

(1)

Социология и театр

[См.: Из неопубликованных глав. Том I. Глава 4. - А. А.]

(2)

= Из издательской аннотации к книге В. Дмитриевского «Жизнь в эпизодах» (СПб.: Композитор - СПб, 2011)

Виталий Николаевич Дмитриевский — по профессии театровед, социолог. Однако в этой книге он вспоминает о своем детстве, прошедшем в довоенном и блокадном Ленинграде, о мытарствах эвакуации, которые привели его семью в оккупированный Пятигорск. О не легком пути назад, в послевоенный город, в интернат ленинградской Капеллы, позднее в аудитории Театрального института имени А. Н. Островского на Моховой.

Повседневный домашний, дворовый, школьный, студенческий быт, вхождение в профессию даны через яркие детали «уходящей натуры».

Герои книги — родные и соученики, учителя и наставники, друзья и коллеги, люди искусства и науки, наконец, представители официальных инстанций.

Личные, субъективные воспоминания автора, охватывающие период 1930–70-х гг. создают многослойную и драматичную картину времени и поколений, ныне ставших историей.

Книга написана живо, увлекательно и содержит большой документальный материал.

= Из авторского «Предуведомления»

Лет пятнадцать назад Андрей Николаевич Алексеев — философ, социолог, публицист — познакомил меня с тезисами своего доклада «Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса)»; позднее они были опубликованы. Их смысл и направленность оказались столь увлекательными и впечатляющими, что я разыскал старую коробку с семейным архивом, попытался его систематизировать, а вскоре решил зафиксировать свои раздумья на бумаге. Но сначала тезисы А. Н. Алексеева: своего рода — пространный эпиграф.

<...> [Здесь опущен текст названных тезисов. См. ниже: глава 20 – А. А.]

На рубеже 1990–2000 гг. в научный оборот специалистов-гуманитариев энергично вошли такие понятия, как социальная, историческая, фамильная, семейная память. Этими дефинициями ныне широко оперируют социологи, философы, социальные психологи, обществоведы, искусствоведы, литераторы. Такой повышенный интерес к жизнеописаниям соотечественников разных сословий, профессий и рангов, способствовал возникновению нового научного направления — биографике. Социологи и философы А. Н. Алексеев, Б. З. Докторов, И. С. Кон, историк И. Ф. Петровская и др. предлагают рассматривать биографическое знание как возможность глубинного постижения окружающего мира на материале исследования множества «частных случаев», эпизодов, эпистолярных описаний, фиксированных впечатлений, рассматриваемых в контексте жизненного пути конкретного, «отдельного» человека, в поле индивидуального, подчас уникального восприятия им внешних и внутренних событий, рационально осмысленных или эмоционально воспринятых. Жизнь человека, его выбор, характер и обстоятельства становятся совокупной системой ценностей в ее вертикальном и горизонтальном измерении — этическом, идеологическом, экономическом, социально-психологическом, историческом, интимном, суверенном, приватном и пр.

Ключевые события, выпавшие на долю поколения, рожденного в 1930-х годах — коллективизация, индустриализация, разгром политической оппозиции, война с фашизмом, смерть Сталина, разоблачение «культа личности», внешнеполитические, экономические, культурные процессы — фиксировались как исторической и социальной памятью, так и памятью индивидуальной, эмоциональным восприятием отдельных людей часто в непредсказуемой взаимозависимости характеристик и оценок весьма разномасштабных событий. Таким образом, судьбы «частного человека» становятся частью социальной и духовной культуры, системы представлений, которые определяют целостность или дисгармоничность бытия общества в целом и «частного человека» в отдельности. Зафиксированные поколенческим — детским, подростковым или зрелым сознанием — житейские впечатления ценны тем, что отражают реалии действительности в подчас неожиданных ракурсах, однако сама их фрагментарность вносит свои неповторимые краски и неожиданные смыслы в понимание целостной картины мира.

Предлагаемый читателю фрагмент книги «Жизнь в эпизодах: Опыт интерпретации автобиографического жизнеописания в социокультурном контексте» охватывает период 1930–1970 годов, по возможности освобожден от ссылок на документы и специальных научных комментариев и может быть жанрово определен как историко-биографический очерк.

(Дмитриевский В.Н. Жизнь в эпизодах. СПб.: Композитор - СПб, 2011, с. 8-10)

= Укрупненное оглавление книги «Жизнь в эпизодах»

Предуведомление

Часть I

I. Корни

II. До войны

III. Война

IV. После войны. Капелла

Часть II

V. «Поезд отправляется с первого пути...»

VI. Театральный Ленинград

VII. Особняк на Исаакиевской площади и его обитатели

VIII. Артельное братство¹⁰³

...Насчет «твоей грядки». Одной из моих современных жизненных максим (имеющей, пожалуй, универсальное значение) является: «Делай только и / или в первую очередь то, чего никто кроме тебя и / или за тебя не сделает». Попробуй примерить ее к себе. Уж твоей «Жизни в эпизодах» точно никто, кроме Тебя не написал бы.

(Из письма А. Алексеева В. Дмитриевскому.
23.10.2011)

(3)

[Ниже – одна из статей В.Н. Дмитриевского последнего времени. - А. А. Июль 2013]

= Из журнала «Телескоп» (2011)

**Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи
(Н.П. Акимов и Г.А. Товстоногов)**

1

Выдающиеся театральные режиссеры середины XX века Николай Павлович Акимов и Георгий Александрович Товстоногов почти два десятилетия – 1950-е – 60-е годы, плодотворно трудились в Ленинграде и стали своего рода символами, достопримечательностями его духовной культуры.

Начало творческим и личным отношениям двух замечательных мастеров сцены положила их первая встреча в Москве. В 1949 году режиссеров пригласили в Министерство культуры, однако, совсем по разным поводам: Товстоногова направляли на укрепление Ленинградского театра имени Ленинского Комсомола, а Акимова скандально увольняли из Театра Комедии и вообще отлучали от режиссуры – за космополитическое эстетство и «буржуазно-формалистические» увлечения.

...Товстоногов прибыл в Ленинград с дипломом московского ГИТИСа и опытом работы в Тбилиси, Алма-Ате, в Московском гастрольном театре, в Центральном Детском. В 1949 году Товстоногову 34 года, Акимову – 48. За Николаем Павловичем – прочная репутация талантливого живописца, графика, сценографа, режиссера-экспериментатора, с 1920-х годов работавшего в московском Вахтанговском театре, в Ленинградском Академическом театре драмы им. Пушкина

---

¹⁰³ Имеется в виду исследовательский коллектив – группа «Социология и театр» при ЛО ВТО. (А. А. Август 2013)

(б. Александринском), в Большом Драматическом, в мюзик-холле, наконец, в созданном им в 1935 году Театре Комедии.

Самоутверждение Товстоногова в послевоенном Ленинграде развивалось по стремительной восходящей. Уже в 1950 году он получил Сталинскую премию за спектакль «Из искры...» Ш. Дадиани, посвященный революционной юности Сталина, затем, в 1952 – вторую Сталинскую премию – за постановку «Дороги бессмертия» – о героической судьбе чешского писателя-антифашиста Юлиуса Фучика. В Театре Комедии, в пору отсутствия там Акимова, Товстоногов выпустил «Помпадуры и помпадурши» М. Салтыкова-Щедрина и водевиль В. Дыховичного и М. Слободского «Воскресенье в понедельник». А в 1955 году, в преддверии XX съезда КПСС, в Академическом театре драмы им. Пушкина он показал «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского. В 1958 году спектакль отметят Ленинской премией.

Акимов, отстраненный от режиссуры в 1949 году и допущенный после двух лет бездействия к руководству Новым театром, ставит спектакли на очень разном драматургическом материале -- «Тени» М. Салтыкова-Щедрина, «Дело» А. Сухово-Кобылина, «Весну в Москве» В. Гусева, «Европейскую хронику» А. Арбузова... В решении проблемы «характер и обстоятельства», «человек и общество», «художник и власть» Акимов остается на прежних устойчивых позициях, он продолжает работать в жанре комедии и в своих новых спектаклях поднимается до обличительной сатиры. Анализируя «Тени» на сцене Нового театра, Д. Золотницкий писал: «Минуя готовые представления о щедринском стиле как стиле эзоповском или сплошь гротесковом, Акимов — режиссер и художник — многопланово развил в пьесе ее драматические, комедийные и сатирические мотивы. Слова Клаверова (одного из персонажей пьесы — Авт.) о сочетании «проклятого водевиля» и «отвратительной трагедии» стали характеристикой контрастных планов спектакля, которые совмещались так тесно, что порой трудно было различить, где кончалась трагедия и где начинался водевиль. ... Сатирические мотивы не были заданы изначально: они возникали постепенно, в ходе взаиморазоблачения и утверждались как вывод о происходящем, как результат и оценка». (1).

Воссозданная Акимовым — режиссером и художником — «картина мира» показывала корневую враждебность власти «частному человеку» — идеалисту-шестидесятнику Бобыреву, восторженно мечтающему о преобразующих общество реформах. Социально-психологический анализ драматической ситуации реализовывался в объемных сценических характерах, в декоративном оформлении спектакля — «государственность» выступала в броских символах, знаках, в атрибутике, ритуальности, она грубо выталкивала любого инакомыслящего на обочину жизни. Либерально-демократические умозрительные реформистские потуги, прекраснотушные надежды безжалостно уничтожались казенной мертвой машиной.

В «Деле» Акимов метафорически воссоздал фундаментальную иерархию власти — от расположившегося на вершине чиновной пирамиды неприступного «весьма важного лица» и нисходящих по рангу начальственных фигур — «грязь, подлость и гниль» в золоченых мундирах -- до «ничтожеств или частных лиц». Гнет всей системы обрекал человека на унижение и гибель: «Душный и страшный мир рисует Щедрин в «Тенях» — что ни человек, то низость, моральное растрепанье, подлая злоба на всех окружающих и готовность перегрызть всем горло, -- писал Акимов. — И при всем этом в характере каждого из действующих лиц легко отыскать тончайшие психологические оттенки, делающие персонажей очень разными, непохожими друг на друга, несмотря на общность их житейской философии... Процесс дифференциации уже захватил верхушку бюрократического аппарата, часть которого оказалась зараженной идеями лакейского либерализма, как более «совершенной» идеологии самодержавно-крепостнического строя, прикрывающей собой его звериную

сущность». (2).

Спектакль отвечал общественной атмосфере поры «оттепели» 1950-х годов, он проецировал сценические события на уклад сталинского режима.

«Европейская хроника» А. Арбузова в прочтении Н. Акимов сильно укрупнилась в своей проблематике. Автор пьесы в привычных традициях тех лет разоблачал капиталистический образ жизни и нравы растленной буржуазной богемы. Спектакль Акимов вышел в июне 1953 года в пору первых ещё весьма робких попыток осуждения сталинского террора. Тема «художник и общество», зависимость творца от власти вводилась театром в широкий этический и идеологический контекст современных общественных настроений. Акимов создал новую редакцию пьесы. Он отодвинул фактологию событий на второй план – действие пьесы происходило во Франции на рубеже 1930-40-х годов -- усилил и обострил столкновение художественной элиты с окружающими их политическими условиями и создал серьёзный социально-психологический и одновременно публицистический спектакль. Цена профессионального успеха, гражданственной, нравственной репутации художника, его ангажированности – вот проблемы, которые решали модный живописец, литератор, актриса. Драма человека и драма художника выступали здесь в неразделимости общей судьбы – профессиональной, творческой, житейской...

Жизнь отечественной научной интеллигенции оказалась в центре внимания стихотворной комедии В. Гусева «Весна в Москве». Банальный конфликт индивидуалиста-одиночки, противопоставившего себя сплоченному коллективу, Акимов сместил в плоскость музыкально-развлекательного зрелища, выставив на посмешище общественные нравы, коммунально-чиновный советский быт. Верность жанру -- комедии, верность герою – интеллигенту, верность характеру, энергично утверждающему себя в столкновении с обстоятельствами, верность социальной оценке противостоящих сил определяли позиции Акимов на всех этапах его собственной биографии.

Не стоит упрекать Акимов в примитивном «интеллигентоцентризме», но безусловно, что интеллигентский субкультурный срез всегда находился под его пристальным вниманием, в нем он находил конфликты, характеры, типы, в которых отчетливо отражались коллизии отношений современного человека и общества.

С кончиной Сталина политический климат в стране ускоренно менялся: если в марте 1953 года заклинание писателя Константина Симонова в «Литературной газете» – «теперь и на многие годы вперед, у нашей советской интеллигенции главная задача – создать во всей полноте образ Сталина – величайшего гения всех времен и народов» – звучало в контексте времени, отражало «настроения момента», то уже в августе Симонова по указанию Хрущева сняли с поста главного редактора «Литературной газеты», а призывы увековечить вождя и вовсе стали неактуальны. (3). Осенью 1953 года – к этому времени возрожденный Акимовым Новый театр обрел почетное право называться Театром им. Ленсовета, – у начальства возникли «прожекторы» снова бросить Акимов «на прорыв» – теперь уже в Большой Драматический театр. «Меня чуть не похитили из Нового театра, – сообщал он в частном письме – С помощью Комитета и прочих властей отрывал со страшной силой Большой Драматический театр. После краткого исследования невесты – отказался: приданое гнилое и явные следы дурных болезней! Потом Беспалов (московский чиновник аппарата Министерства культуры – Авт.) предлагал обратно – Комедию. Тоже не подошло (При существующих порядках, когда никого нельзя выгнать)». (4). И все же через некоторое время Акимов согласился вернуться в Театр Комедии – ведь это было его родное детище! А Большой Драматический вскоре передали Г.А.Товстоногову. «Я не съедобен!» – предупредил он труппу на первом же собрании и, получив от властей исключительные полномочия, без колебаний очистил театр от балласта едва ли не на

две трети...

В пору послесталинской «оттепели» художественная и научная интеллигенция по мере открывшихся возможностей расширяла свое влияние на социальную жизнь, её деятельность всё чаще выходила за рамки профессиональных сообществ, подчиненных идеологическому аппарату. Остерегаясь роста оппозиционных свободолобивых настроений, власть осуществляет цикл встреч руководителей партии и правительства с деятелями искусств, попутно угрожая преобразованием творческих союзов в единое охранно-бюрократическое ведомство, сходное по структуре с министерством, закрывает неугодные спектакли, фильмы, вернисажи, изымает из оборота уже вышедшие книги.

Правозащитники, диссиденты конца 1950-60-х годов, «узники совести», гласно потребовав демократических свобод, взбудоражили массовое сознание, подорвали «монополию страха», монополию власти на интерпретацию событий. Они показали каждому «частному человеку», «негерою» возможность совершить поступок, утвердили его право на «собственное мнение» (Так назывался вызвавший недовольство властей нашумевший рассказ Д. Гранина, опубликованный в 1956 году). Художники очертили «пространство инакомыслия», обнажили растерянность одних, твердость убеждений и самосознания других. В обществе подспудно формировалась новая шкала ценностей, слов, поступков, на фоне разнузданного пропагандистского официоза росла значимость моральных категорий. Но параллельно в эту пору романтической эйфории и «юношеского максимализма» складывается трезвая философия поведенческого «двойного стандарта», «здорового компромисса», оправдывающего соглашательство, «оптимальную» меру сотрудничества с властью.

Если смерть Сталина в марте 1953 года вскоре стала осознаваться обществом как освобождение от страха и тоталитарной угрозы, то уже подавление венгерского восстания советскими войсками в «съездовском» 1956 году охладило прекраснодушные иллюзии и надежды. Вместе с тем, очевидное расширение информационного и художественного поля позитивно воздействовало на общественную ситуацию. С выходом новых многотиражных журналов, с энергичной деятельностью издательств, киностудий, театров в массовый культурный оборот возвращалось наследие отечественных и зарубежных художников. Повышенный интерес к прошлому, к его переосмыслению способствовал выдвижению новых лидеров в искусстве, в науке. Возрождается тип активной, независимой личности – гражданина, художника, ученого, мыслителя, носителя индивидуального, социального, творческого, научного, сознания, утверждающего собственную трактовку событий, свою интерпретацию истории, культуры, современности.

Поэты, прозаики, режиссеры, артисты, музыканты, художники в дискуссиях, спорах, публичных выступлениях, в журнальной полемике определялись в понимании и оценках культурных, гражданских, моральных ориентиров, осваивали новое духовное пространство. В среде художественной интеллигенции крепла когорта противников официозного искусства, стремящихся вернуть человеку самоощущение личности, индивидуальности, помочь ему укрепиться в своей личностной целостности, проявить твердость, честность, уклониться от кампанейских манифестаций «в поддержку» или в «осуждение», отказаться от участия в массовых демонстрациях, публичных голосованиях, протестах, иными словами — «жить не по лжи», дистанцироваться от официозного пропагандистского энтузиазма и даже возвыситься если не до протеста, то до несогласия.

Наметившаяся в стране «оттепель» выявила имена художников, на творчество которых живо откликнулось молодое поколение. «Оппозиционно-протестные» произведения И. Эренбурга, К. Паустовского, А. Солженицына, В. Шаламова, Д. Гранина, В. Дудинцева в литературе, А. Попова, В. Плучека, Н. Охлопкова, Н.

Акимов, А. Лобанова в театре открыли поле для самовыражения и самоутверждения. Драматический театр «поры оттепели» тесно сблизился с литературой, музыкой, с кинематографом, с изобразительным искусством, с эстрадой, с «бардовской» песней, органично вписался в развивающийся «синтез искусств», тем самым расширив диапазон собственных возможностей и усилив свое влияние на публику.

В театре активизируется «среднее поколение» режиссуры – это Г. Товстоногов, Ю. Любимов, родившиеся в 1910-х годах, к нему примыкают О. Ефремов, А. Эфрос, Б. Львов-Анохин, уроженцы середины 1920-х, наконец, «тридцатилетние» М. Захаров, П. Фоменко, Л. Хейфец, Р. Виктук, М. Розовский, М. Левитин... Их сценическое творчество образовало плотный пласт художественных откровений, вызвавших значимый общественный резонанс. Они ввели в социокультурный оборот, возвысили и утвердили в сознании публики ценность и значимость «частного человека», многообразие и сложность его личной жизни. Его существования оказалось высвечено литературой, театром, кинематографом, извлечено из общего потока событий, показано в значимости смыслов и неповторимости судеб, в сложности эмоциональных оттенков (пьесы А. Володина, В. Розова, Л. Зорина, Л. Петрушевской, А. Вампилова, И. Дворецкого, А. Гельмана и др.).

Этому процессу в соупутствовало освоение публикой произведений мировой литературы, эстрадных программ, гастролей театров, зарубежного кино – итальянского, французского, немецкого, японского, польского, чешского и даже наивно-фольклорного индийского. Демократизм, искренность, метафоричность фильмов Де Сика, Де Сантиса, Л. Висконти, М. Антониони и других мастеров повлияли на тех же Акимов и Товстоногова, на Ефремова и Эфроса, на кинематографическую практику Г. Чухрая, М. Калика, М. Калатозова, Г. Данелии, А. Иоселиани, А. Тарковского, на авторов молодой прозы В. Аксенова, А. Гладилина, В. Максимова, В. Войновича, А. Битова...

Прорыв «железного занавеса» открыл «частному человеку» богатую информацию не только о современном внешнем мире, но оснастил его и внутренним знанием о самом себе, о социально-психологическом и культурном окружении, расширил представления о жизни, породил новые ценностные ряды, духовные и материальные, предполагающие ломку заданных режимом и идеологией ограничений. Возрос интерес к фактам и документам, спрос на социальную, историческую правду и одновременно на лирику, на поэзию, на песню как выражение эмоционального, чувственного непосредственного душевного отклика. Театр как исполнительское искусство, существовал в живом и непосредственном контакте с аудиторией, в подвижном эмоциональном психологическом поле. В амплитуде идеологических и политических колебаний творческая интеллигенция осваивала новые формы существования. Каждый художник стремился в отношениях с публикой очертить свои «контуры общения». Театр иногда завышал, а чаще занижал свои представления о зрителе, но реальный успех достигался тогда, когда его усилия точно попадали в «резонансное поле» гармоничных отношений с залом.

2

Не прошло и полугодия после похорон Сталина, как жесткое отношение власти к творческой интеллигенции смягчилось. Опальный Николай Акимов почувствовал это особенно остро. Центральная и ленинградская пресса дружно публикует восторженные рецензии на его спектакли в Новом театре – теперь Театре имени Ленсовета. «Известия» заказывают проблемную статью о путях сценического искусства. Во время триумфальных гастролей в Москве Комитет культпросветучреждений при Совете Министров РСФСР устраивает пресс-конференцию. С программной речью выступает Акимов, организаторы-чиновники

упрекают журналистов в недостаточном внимании к его театру, критик «Литературной газеты» В. Сухаревич призывает наградить актеров театра орденами и медалями, а самому Акимову присвоить звание Народного Артиста СССР (он получит его в 1960 году, спустя три года после Товстоногова). А в Ленинграде секретарь обкома партии А. Попов демонстрирует своё высочайшее покровительство, содействует технической реконструкции театра и обещает помощь во всех направлениях. «На прощание А.И. Попов меня упрекнул за то, что я редко бываю в Обкоме и его игнорирую, – сообщает Акимов в частном письме. – Я обещал бывать чаще». (5).

Впрочем, режиссер не спешит брататься с партийными властями. «Массовое распространение барометров не предотвращает бури», – замечает он. И оказывается прав: уже в 1954 году вполне безобидный спектакль Театра Комедии «Случай с гением» по легкомысленной пьесе классика советской литературы В. Катаева власти вдруг заподозрили «в антисоветчине» и со скандалом выбросили название из афиши.

В 1950-х годах Н.П. Акимов создал при театре литературное объединение, которое вскоре заявило о себе появлением ряда принципиально важных для театральной и общественной жизни спектаклей. Сатирическая комедия Д. Аля и Л. Ракова «...Опаснее врага» воссоздавала трудовые будни НИИ Кефира, захваченного врасплох паническими слухами о грядущей перестройке и изгнании из науки дураков и невежд. Солидные и молодые сотрудники «отделов заменителей пробки», «проектирования этикетирования», аспиранты, мечущиеся в выборе диссертационных тем между «Борьба за...» и «борьба против...», грозный кадровик, по привычке приглашающий сотрудников в кабинет гостеприимным «Введите...» – острогиперболизированные фигуры спектакля, оформленного Акимовым и поставленного с его участием Н. Лифшицем, развивали программную линию театра. Крайне значимой и актуальной стала фигура барственного директора института Допетровского (П. Панков), который, оценив конъюнктуру, принимал спасительное решение самолично возглавить кампанию, новаторский почин по добровольной сдаче служебных постов – «движение самосвалов»: «Ведь об этом в газетах будут писать! За это и наградить могут! Даже бюст водрузить могут!».

Авторитет Акимова определил направленность деятельности литературного объединения. Сатирический, иронический взгляд на действительность («Что скажут завтра», «...Опаснее врага» Д. Аля и Л. Ракова, «Кресло №16», Дм. Угрюмова и др.) сочетался с лирико-романтическими картинами жизни современной молодежи («Трехминутный разговор» В. Левидовой, «Звонок в пустую квартиру» М. Смирновой и М. Крайндель, «Ничего не случилось» М. Гиндина и Г. Рябкина и др.). В жанре сатиры и комедии в прямой и иносказательной форме воссоздавалась жизнь определенного социального среза общества. Пьесы с успехом шли в театре и покоряли театральную периферию, к тому же защищали Акимова от потока «рекомендуемых к постановке» конъюнктурных пьес А. Софронова, А. Штейна, К. Финна и др. Их Акимов с брезгливостью сторонился и заслонялся сценическим анекдотом, озорным водевилем, фарсом, в которых абсурдность некоторых узнаваемых черт современного общественного быта проглядывались достаточно отчетливо. Драматургически-блекло выписанные фигуры Акимов преобразовывал в сценические характеры-маски и выстраивал из них, как опытный шахматист, увлекательные многофигурные композиции. Маски нередко кочевали из спектакля в спектакль, как в итальянской комедии дель-арте – небожитель-профессор, академик, его взбалмошная молодящаяся мешанка-супруга, предприимчивая домработница, бойкая дочь, не от мира сего начинающий ученый, шаржи случайных прохожих и пр. Глубокие характеры Акимову здесь были не нужны, он строил развлекательное зрелище из броских и всегда узнаваемых типажей, метафор, знаков, из едких, остроумных реприз и интермедий.

В 1962 году Куйбышевский райком партии посылает в Театр Комедии специальную проверочную комиссию. Акимов делает доклад «Путь театра Комедии», в котором вынужден защищаться от произвола чиновников властей. Он утверждает право своего театра на постановку европейской и русской комедийной классики, на современную советскую комедиографию: «Театр имеет свой жанровый уклон. Это ни в коей мере не должно приводить к тому, что каждый спектакль и все спектакли будут вызывать только безудержный смех в зрительном зале...». (6). Акимов обращает внимание собравшихся на новый выхлоп необоснованных цензурных запретов и санкционированного блокирования театра городской прессой. «Ленинградской правде» запрещено рецензировать премьеры театра, даже те, которые московские газеты и журналы восторженно отрцензировали.

Тем временем, новый дискриминационный виток проявляется со всей очевидностью. 10 апреля 1963 года газета «Вечерний Ленинград», описывая партийное в Театре Комедии, посвященное обсуждению «исторических встреч» руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, обращает внимание на то, что коммунисты театра, критикуя спектакль «Дракон», «свели выступления к общим декларациям, не проанализировав причин, породивших серьезную творческую неудачу коллектива. А причина одна: слепое преклонение перед авторитетом и непогрешимостью главного режиссера». (7). Вбить клин в отношения труппы и её руководителя на этот раз не удалось, но авторов новых «скандальных» пьес, рожденных в недрах Театра Комедии – «Опаснее врага» и «Что скажут завтра» членов партии Льва Ракова и Даниила Аля – всё-таки вызвали на «профилактическую беседу» в Москву, в ЦК КПСС, к заведующему отделом науки и культуры Д.А. Поликарпову...

Репертуарная ориентация Театра Комедии отражала суть мироощущения его руководителя. В «Деревья умирают стоя» А.Касоны, в «Призраках» Э. де Филиппо Акимов иронизировал над сентиментальным утешительством, милой на вид прелестью лукавого обмана. Лицедейство театральное разоблачало лицедейство в жизни, манерность, убожество духа, лживость намерений. В «Пестрых рассказах» по А.Чехову, в композиции по байроновскому «Дон Жуану» сконцентрировались творческие и этические концепции Акимова, его художественный и социальный опыт. Изобразительная щедрость - игровая стихия, ирония, юмор, праздничность и сатирический сарказм - были направлены на утверждение торжества талантливой независимой личности, отвергающей компромисс и приспособленчество. «Дон Жуан» решался как спектакль-концерт, в котором действенная линия главного героя комментируется чтецами – двумя актрисами и двумя актерами. Их прямые обращения к залу предполагали особую эмоциональную открытость и насыщенность диалога. «Свой «хор», - писал Д.Золотницкий, - Акимов разбил на «голоса». Они то подхватывали, то перебивали друг друга, спорили или сливались. Стих, начатый одним чтецом с свирепым сарказмом, вдруг оборачивался лукавым вопросом в мечтательной фразировке его партнерши. Переданный третьему исполнителю, авторский голос добродушно подтрунивал над юным героем, над его подвигами, над самой фабулой поэмы. А рядом – прямота чувств и молодой пыл байронизма... Иногда чтецы делили обязанности с персонажами. В сцене кораблекрушения под свист ветра и грохот волн, Л. Колесов и А. Савостьянов вели некий эксцентричный репортаж о происходящем, кутаясь в плащи и прячась от дождя под черными зонтиками. А за ними, на носу тонущего корабля, метался дон Жуан. Потом доносились его громкие жалобы, и тогда уже Л.Колесов внизу, на просцениуме, беззвучно передразнивал стенающего героя... К веселости примешивалась грусть. Тут было немало самолично пережитого и передуманного для автора спектакля. В этом смысле спектакль мог показаться чуточку автобиографичным. Для Акимова он явился важным результатом

творческих происков и неким итогом раздумий о жизни...» (8).

Режиссер-художник создавал и обустроивал зрительскую и читательскую среду, ориентированную на диалог, на собеседование, на единую систему ценностей, которая диктует особый тип взаимопонимания, восприятия, «соразмышления», мироощущения. Он говорил со зрителями со сцены, с трибуны, со страниц серьезных научных изданий и юмористических рубрик массовых газет и журналов, зрителю он адресовал театральные программки, буклеты, афиши, плакаты, макеты, выставленные в фойе театра, книги. Перед началом спектакля Акимов обычно стоял на лестничной площадке второго этажа, внимательно вглядывался в поток публики, иногда отвечая на приветствия знакомых. После третьего звонка, когда уже гас свет, он входил в зал и садился на «свой» стул около бокового прохода где-то за двенадцатым рядом – так, чтобы хорошо видеть и сцену, и зрителей.

Акимов помогал «провинциалу» Товстоногову адаптироваться в послевоенном Ленинграде, пристально и ревниво следил за его творчеством. В 1959 году он написал портрет Товстоногова, в 1962 году послал ему свою книгу «О театре» (см.9), сопроводив письмом: «Мне пришлось подарить довольно много экземпляров людям, которые хотели ее иметь, но в данном случае, наоборот, мне хочется, чтобы она у Вас была». (10).

... Тем временем популярность Товстоногова крепилась новыми спектаклями, толпами возбужденных зрителей у подъездов Театра им. Ленинского Комсомола, затем у Большого Драматического театра. Поклонники Акимова тоже с бою брали билеты в Новый театр и в Театр Комедии. Вслед за Н.Акимовым, Г.Товстоногов становится в Ленинграде знаковой фигурой. Оба заседают на разного рода симпозиумах, выступают в диспутах о путях развития науки, искусства, их книги и статьи имеют широкий отклик, они председательствуют на встречах с зарубежными общественными деятелями, участвуют в праздничных вечерах, юбилеях коллег, актерских капустниках и прочих “корпоративных” мероприятиях, с их мнениями считаются коллеги, их высоко чтит публика, к ним внимательно присматриваются власти.

Акимов и Товстоногов в партии не числились. Хотя должность руководителя театра предполагала непременно партийную принадлежность, для отдельных выдающихся мастеров допускались поблажки. Партийные режиссеры пытались использовать свое членство в КПСС для расширения творческого пространства – в Театре на Таганке Любимов угрожал «положить партбилет на стол», если ему не разрешат выпустить спектакль; чиновники угрожали Любимову тем же. Партийность -- знак особого доверия художнику и одновременно тяжелое бремя зависимости. Непокорность, своемыслие, нелояльность влекут разбирательство «персонального дела» – «в инстанциях», на собрании театра, на партбюро, «постановку на вид», выговор, строгий выговор, исключение из партии, увольнение из театра, запрет на профессию.

- Почему вы не в партии? – как-то спросил Н.П. Акимова молодой актер.

– Быть в одной партии с Бахрахом?! – засмеялся Акимов. Он назвал фамилию симпатичного администратора своего театра, известного однако своими нелепыми чудачествами. (11).

Другой мемуарист вспоминает диалог Акимова с приставленной к театру партийной дамой, бывшей сотрудницы горкома партии Шуваловой, занимавшей должность заведующей литературной частью.

– Николай Павлович, поступило распоряжение, чтобы мы с вами отчитались на Бюро райкома о работе театра. Давайте, чтобы не повторяться, договоримся, – кто из нас что будет говорить.

– Верно! – немедленно отреагировал Акимов. – Чтобы не повторяться,

договоримся так: я буду говорить за советскую власть, а вы против». (12).

– Почему я не в партии? – переспросил московского гостя Товстоногов, сидя дома за чайным столом – Ну, знаете! Чтобы какой-нибудь осветитель учил меня, как ставить спектакли?! (12).

Сокурсник Товстоногова по ГИТИСу режиссер Большого театра Б.А. Покровский вспоминал, как дельным советом помог другу уклониться от «членства». На гастролях в Америке в прямом телеэфире Покровского спросили, возможно ли, чтобы в СССР во главе театра находился не коммунист? «Я ответил, что я как раз пример такого беспартийного главного режиссера. Это произвело впечатление на журналистов. Об этой истории я и рассказал Гоге. Потом он мне рассказал, что при удобном случае ответил Романову (Г. Романов – первый секретарь Ленинградского ОК КПСС), что как беспартийный на важном идеологическом посту он особенно важен и что за рубежом это выглядит очень весомо. Романов подумал и... согласился с ним». (13).

Вождь ленинградских большевиков отступил от Товстоногова, но тем не менее упорствовал в стремлении украсить партийные ряды харизматическими персонами Большого драматического театра. Товстоногов вынужденно «сдавал» Смольному своих заупрямившихся «звезд», убеждая их «в пользу общего дела».

Механизм рекрутирования «в ряды» премьера труппы БДТ В.Стржельчика описан в посвященной ему книге. Главный инструмент – угрозы «инстанций», порождающие в душах художников беспокойство, ощущение непрочности, психологический дискомфорт, неуверенность, зависимость. Тревога и страх мучили подсознание и в конечном счете так или иначе, прямо или опосредованно, влияли на все срезы деятельности театра – на репертуарную политику, на творческий и психологический климат труппы, на повседневный репетиционный процесс. После того, как В.Ковель и В.Стржельчик побывали в церкви на отпевании жены своего друга, «их сильно потрясли в райкоме партии, -- рассказывает актриса М.Адашевская. – Он (В.Стржельчик) уже член КПСС был.

–А как его бес попутал вступить? Что это за поступок, как вы считаете?

–Может быть, боялся, что не состоится его карьера. Только не в плохом смысле. Он просто любил театр. А времена-то были те еще! Да, такой маразм был, что и не сильно можно было бояться...» (14).

Видимо, срабатывала «инерция оглядки», осторожности, боязнь формируемого властью «общественного мнения». Его ведь опасался и Товстоногов.

–...Не так просто тебе объяснить... -- размышляет жена В.Стржельчика, актриса БДТ Л. Шувалова. – Его вызвал Романов, тогда первый секретарь обкома КПСС, его и художника Угарова, он был ректором Академии художеств, и просто сказал: «Нужно вступать в партию». «- Я подумаю». «- И думать нечего. Чтоб завтра было заявление».

Владик приходит в театр к Георгию Александровичу. «Георгий Александрович, вот такая ситуация... - Ну подождите, Слава, надо посмотреть, что он (Г. Романов – Авт.) может такого сделать?»

Не тут-то было. От Романова звонки директору театра: «Когда Стржельчик подаст заявление о приеме в партию?!». И директор начинает дергаться: «Владислав Игнатьевич, давайте, иначе нас так прижмут, что и костей не соберем». Был жив еще Толя Юфит (А.З.Юфит, друг Товстоногова, авторитетный театровед, профессор ЛГИТМиКа – Авт.) Он был членом партии. Владик к нему: «Толя, надо посоветоваться». Приходит Толя. «Что делать?» -- «Вступать». – «Зачем мне это?» -- «А почему ты считаешь, что в партии должны быть только подлецы? Нужны и порядочные люди. Ты меня считаешь подлецом?» «-- Господь с тобой! Ты что?». – «Так почему ты так относишься к этому? Вступи не потому, что он требует этого, а

потому, что ты нужен партии. В этом деле нужны приличные и порядочные люди». Звонки в театр продолжались. И он подал заявление... Ты же понимаешь, что у него все уже было... Толя убедил его, что этим можно помочь людям». (15). (Примечательно, как осмысляются и чем обосновываются «мотивации» вступления в партию обеими сторонами).

Отношение ленинградского партийного руководства к Акимову и Товстоногову противоречиво и настороженно. Как замечает С. Юрский, своим для власти Товстоногов не был, но с его лидерством в художественной жизни Ленинграда ей приходилось считаться. «Какое-то время был баланс между старшим классическим эстетом и формалистом Николаем Павловичем Акимовым и новым «классиком и фантазером» Товстоноговым. Но после смерти (в 1968 г. –Авт.) Николая Павловича молчаливо, но единогласно Товстоногов был избран единственным». (16). Оба талантливых художника, каждый по мере своих сил и возможностей, дистанцировались от начальства, но совсем игнорировать «барский гнев» как и «барскую любовь» было трудно, да практически и невозможно, хотя бы в силу очевидной экономической материальной зависимости – владельцами театров и идеологическими монополистами оставались партия и государство.

Власти хотели как-то уравнять обоих художественных лидеров как в их «возвышении», так и в «унижении» – оба главные режиссеры, орденосцы, народные артисты СССР, (правда, Товстоногов еще и лауреат Сталинских, государственных и Ленинской премий, кавалер трех орденов Ленина, позже – Герой Социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР двух созывов). Обоим одновременно предоставлены квартиры в новом элитном доме, специально построенном «для знатных людей Ленинграда» на Петровской набережной и получившем в народе название «Дворянское гнездо». Квартира Акимова размещалась над квартирой Товстоногова, довелось ему в ней прожить лишь год. (По иронии судьбы «гнездо» находилось рядом с музейным Домиком Петра Великого и с конструктивистским Домом Политкаторжан, печально знаменитом массовыми арестами его жильцов в 30-40-х годах).

Своеобразие дарований, как и «характеры и воля» у лидеров были во многом разные. «Я знаю немало театров, – вспоминал С. Юрский, – где в парткоме, в профкоме концентрировалась оппозиция главному режиссеру. Там оседали амбициозные и чаще всего не слишком одаренные люди. Сила Гоги была в том, что неодаренные театром просто отторгались, а амбиции он умел подавлять». (17). Акимову это удавалось в меньшей степени.

Со слов многолетней сподвижницы Товстоногова, заведующей литературной частью БДТ Д.Шварц известно, что питерские вожди ждали от Товстоногова большего усердия и даже как-то попытались «навесить» на него ярлык затаившегося диссидента и снять с руководства БДТ. Так Г. Романов предлагал премьеру театра коммунисту К. Лаврову преднамеренно спровоцировать в труппе конфликт, заводилом обкома партии Р.Николаев вызывал Товстоногова в Смольный и попрекал за порочную репертуарную линию – «Три мешка сорной пшеницы» В. Тендрякова, пьесы В. Шукшина, А. Гельмана, советовал подумать об уходе. Но, якобы, вскоре последовало строгое указание уже «высших московских инстанций» из столицы – «не разбрасываться ценными творческими кадрами».

Цензурный произвол в Ленинграде жестче, непредсказуемее и «точечнее» по своей направленности, чем в Москве. Вместе с тем запреты – об этом писал ещё Герцен – нередко способствовали поискам новых стилевых решений, побуждали художников вместе с публикой осваивать эзопов язык, распознавать «эквиваленты» смыслов, метафор, сленга, намеков, игры понятий, значений, интерпретаций. Причем зритель часто приглашался театром в соучастники. С. Юрский вспоминал, как под

видом рабочих репетиционных прогонов на сцене БДТ бесплатно показывали неразрешенный к выпуску спектакль “Цена” по пьесе “крамольного” американского драматурга А. Миллера: “Играли тайно, раз в две недели, чтоб спектакль не умер. А публика все ходила. И слухи о спектакле волнами расходились по всему городу и далее – в столицу. Это, кстати, типичный пример того, как во времена социализма запрет заменял все виды рекламы. Это было сильнее нынешних зазывных телероликов и ярких журнальных обложек. Народ доверял властям, доверял полностью их вкусу. Народ знал: плохое, всякую муру не запретят. Если они запретили – значит дело стоящее. Значит, хорошее. Они не ошибаются”. (18).

«Национальный вопрос» в театре «периода надлома» стоял в Ленинграде достаточно остро. Имя, отчество, фамилия актера, режиссера, драматурга, художника, композитора и в житейском обиходе, и на афише, на книжной обложке, на страницах журналов и газет, в устах конференсье не должно вызывать каких-либо этнических и иных двусмысленных предположений. «Реквизиты» автора должны звучать однозначно-мажорно, как знак нерушимой целостности процветающей советской культуры, единой в своих идейных установках, национальных по форме и социалистических по содержанию.

В 1960-х годах многие выпускники Ленинградского театрального института по совету опытных наставников меняли «неблагозвучные» фамилии на «общепринятые» так в труппу Ленинградского тюза пришли молодые актеры с уже «обновленными» фамилиями -- Ставрогин и Михайловский, в Большой Драматический театр -- режиссер Аксенов, в Театре им. Пушкина актер-дебютант назвался Катанским и т. д., и т. п. Когда А. Райкин принимал в труппу Ленинградского театра миниатюр талантливых одесских юмористов – М. Жванецкого, В. Ильченко и Р. Каца - последнему предложили изменить фамилию на Карцева. Но и эти меры не успокаивали ревнителей «национальной чистоты» даже самых благополучных академических театров. Во время венгерских гастролей БДТ в ресторане фешенебельного отеля один актер громогласно заявил о засилье в труппе евреев и тотчас получил пощечину от ведущей актрисы Эммы Поповой, а премьеры труппы Е. Копелян и С. Юрский потребовали немедленной его высылки на родину - в противном случае они сами покинут труппу. Скандалиста выдворили в Ленинград, где обком партии принял в нем живое участие -- перевел в Академический театр имени Пушкина, утвердил заместителем секретаря парторганизации, тем самым действенно укрепив ее ряды.

В «Холстомере» власти заподозрили Товстоногова в «пропаганде еврейства». «Инсценировку затребовали в «инстанции», чтобы проверить, есть ли слово «пегий» у Толстого или это театральная отсебятина, – вспоминает друг Товстоногова критик Н.Лордкипанидзе, – Пегий – значит особенный, не такой, как все, а кто не такие как все? Гадать не приходилось – евреи, а значит, таким образом, Товстоногов защищал евреев. И вообще, не еврей ли он сам». (19).

«Система воздействия» была жесткой. Она приучила Товстоногова предугадывать «набеги», уходить от ситуаций, провоцирующих партийное вмешательство, амортизировать возможные осложнения, работать «на опережение». Актеру БДТ М. Волкову – в ту пору Михаилу Вульффу - Товстоногов категорично предложил сменить фамилию: «У нас театр называют синагогой. Меня – Гогой. Театр – синагога. Все нормально, но я вас прошу – поменяйте...». Актер упрямылся, Товстоногов настоял. (20). – Вы собираетесь работать в БДТ под своей фамилией или возьмете псевдоним? – поинтересовались у Владимира Рецептера перед зачислением в труппу. Актер отказался от двусмысленного предложения, зрителю он уже был известен по столичным выступлениям в «Гамлете» на гастролях Ташкентского театра и популярен как начинающий поэт. Товстоногов сокрушался:

«Ведь тогда всё будет гораздо легче...». (21). Что имелось в виду под «тогда», «всё», и «легче» оставалось только предполагать... Ленинградскую прописку? Оформление в штат? Запись в очередь на жилплощадь? Зарплату? Иные бытовые проблемы?

Когда О.Ефремов в московском «Современнике» решил ставить пьесу А.Галича «Матросская тишина», чиновники от культуры, как вспоминает артист «Современника» М.Козаков, всполошились: «Тридцать седьмой год, да еще герои пьесы – евреи, да еще молодой герой, скрипач Давид... И вот кому-то в голову пришла прекрасная мысль закрыть спектакль чужими руками. В зале присутствовали представители министерства культуры, партийное начальство из Горкома и Г.А. Товстоногов. Из своих, кроме Галича и Ефремова, никого. ... «Матросская тишина» была закрыта окончательно и бесповоротно, решение обжалованию не подлежало. Формулировку придумал, разумеется, Товстоногов: «Пьеса неплохая. Но молодые актеры «Современника» несостоятельны для решения такой сложной проблемы». (22).

На московских гастролях акимовского Театра Комедии перед спектаклем, в гримерке разгорелся скандал, спровоцированный антисемитской репликой. Бдительные чекисты – инцидент произошел за кулисами Кремлевского театра – предотвратили мордобой, спектакль прошел благополучно. Взбешенный Акимов в ответ на объяснения заявил; «Меня не интересует сюжет. Меня интересует место происхождения... В вашем возрасте уже пора знать, что Кремль не лучшее место для решения еврейского вопроса!». Один из участников описанного эпизода вспоминал, как сам пришел к Акимову с просьбой о псевдониме: «- Я начинал работать в Волковском театре, в Ярославле, и мне бы хотелось что-нибудь такое – «Волжский», «Волгин»...» Акимов ответил: «- Да, интересно. Но я бы лично Вам этого делать не советовал... Видите ли, нас с Вами уже знают как Милиндера». (23).

3

Первые спектакли Товстоногова в Большом Драматическом Театре, носившем тогда имя М.Горького -- французская комедия А. Жери «Шестой этаж», итальянская мелодрама А. Николаи «Синьор Марио пишет комедию», румынская «Безымянная звезда» М. Себастиану, и наконец, бесхитростная пьеса о советской студенческой молодежи «Когда цветет акация» Н. Винникова. Зал БДТ тут же заполнила молодежь, она и обеспечила успех премьерам – современный Запад, хоть и идеологически обличаемый, привлекал раскованностью буржуазных нравов, вызывающей бравадой героев. Веселые приключения, любовные интриги, музыка, песни, экстравагантные танцы, «нерекомендованные к распространению», студенческий наивный общежитийный быт... О спектакле «Синьор Марио пишет комедию» С.Юрский вспоминает как о броском «шлягерном» зрелище. «Публике нравилась необычность формы. И еще нравилась непривычная тогда «заграничность» имен, костюмов, гримов. Нравилась актеры. И еще нравился – тут уж придется похвастаться – еще нравился большой рок-н-ролл, который плясали мы с Валецкой Николаевой. Ах, какие распушенные дети были у синьора Марио – они не хотели учиться, они не хотели трудиться, они хотели иметь много денег и целый день танцевать рок-н-ролл. Весть об этой жуткой пляске глухо доносилась с развратного Запада (1958 год!), у нас на танцплощадках тоже пытались подрыгивать, хотя это строго запрещалось, но чтобы на сцене, в солидном театре, со всеми акробатическими «па» похабного танца... Впечатляло!» (24).

Однако пора обновления труппы и привлечения публики легковесным репертуаром вскоре сменилась становлением серьезного «театра размышления». 1957 год – это философская притча об Эзопе «Лиса и виноград» Г. Фигейредо, инсценировка романа «Идиот» Ф. Достоевского с триумфальным дебютным выходом И. Смоктуновского, «Варвары» М. Горького. Товстоногов капитально реформировал

театр, вовлекал в него новую аудиторию.

Очереди – распространенное явление тех лет; трудящиеся массы стояли за дефицитными продуктами, за подписными книжными изданиями, за новыми грампластинками, за обоями, за обувью, в летние месяцы – за железнодорожными и авиабилетами, за велосипедами, за курортными путевками, за автомобилем “Москвич”. Но в ночных очередях столь же упорно стояли и за билетами на фестивальные фильмы, на спектакли приезжих театров, на вернисажи, на гастрольные выступления эстрадных и филармонических звезд. В очередях возникали своеобразные очаги неформального общения, складывались сообщества “по интересам” -- книголюбов, кинолюбителей, фанатов авторской песни, филателистов, филуменистов, автолюбителей, туристов... Клан зрителей БДТ был представительным и авторитетным в культурной среде не только Ленинграда: ажиотаж сопровождал театр и на гастролях. Связи с “иногородними” поклонниками театр ценил: приезжим по предъявлению командировочного удостоверения всегда предоставлялась специальная бронь.

Товстоногов не был сторонником разного рода «внеспектакльных» встреч с аудиторией, зрительских конференций и пр., но суждениями публики интересовался. Он любил повторять, что концепцию спектаклей режиссер изначально находит в зрительном зале – просто надо эту потребность угадать. В интервью журналу “Театр” в начале 1980-х годов Товстоногов сказал об этом более развернуто: «Я – за активно творящего зрителя, то есть за того, кто в театре будет не просто созерцать. “Развлечение—учение” – это отнюдь не идиллическое двуединство уже многие психологи, социологи, искусствоведы признали как идеальную форму взаимоотношений в театре, потому что в глубинах зрительского восприятия кроется некая закономерность, обусловленная самой природой театрального зрелища... Духовная работа зрителя на спектакле – это его эмоциональная и умственная активность. Но естественно, такая активность зависит от нас... Я беру зрителя в союзники, чтобы показать ему общественное явление, противоречия современной жизни, предлагаю поразмыслить о том, не зависит ли что-то и от него самого в действительности, которая его окружает. Его реакция – это ответ на мои собственные сомнения, мысли и чувства в процессе творчества”. (25).

Большой Драматический театр и в самом деле открывал зрителю новые пространства мысли, сопереживания, интеллектуального партнерства, расширял поле социальных и художественных обобщений. Потоки энергии зала и сцены, напряженное соучастие обогащали сценический сюжет богатыми иносказаниями, подтекстом, возможностью широких интерпретаций.

Театр времен “оттепели” расширил духовное поле существования человека, открыл ему возможности смены социальных ролей, выхода из закреплённой внешними служебными, житейскими обстоятельствами функций. Пространство коммуникативных связей расширилось, а собственная значимость, свое “место в жизни” переоценивались и осмыслились в новом преобразующем, психологическом и действенном качестве. В пьесах А. Володина “Пять вечеров”, в “Моей старшей сестре” Товстоногов открыл неожиданные перспективы интенсивного и доступного для многих пути развития индивидуального сознания, становления целостной индивидуальности в новой ценностной системе. Жизнь “рядового человека”, увиденная и осмысленная А. Володиным, В. Розовым, Л. Зориным, А. Арбузовым давала повод режиссеру вместе со зрителем многопланово и глубоко анализировать сложные коллизии бытия. Обновляя БДТ, Товстоногов считал главной своей художественной и гражданской задачей выход к значимым социально-психологическим обобщениям, опровержение привычного инерционного видения повседневных событий, уход от банальных постановочных и актерских накатанных

штампов.

Товстоногов художественной и социальной интуицией остро чувствовал “температуру зала” и умел заразить исполнителей ролей интеллектуальной и эмоциональной энергетикой, пластической метафорой, оснастить их богатством выразительных средств. Это были “мысли вслух”, произносимые, казалось бы, сугубо “для себя”, но точно улавливаемые аудиторией. Это были пламенные диалоги партнеров-противников, в которых зритель неизбежно оказывался перед выбором собственной нравственной оценки. Иногда герой своим сокрушительным темпераментом сносил условно разделявшую зал “четвертую стену” и обращался к зрителю напрямую – с пламенным монологом, с призывом к пониманию, к сочувствию, с исповедническим откровением. Понятие “поколение” Товстоногов расширил в своих хронологических и демографических рамках. В БДТ интеллигенция, молодежь, широкая “разночинная” публика в своих реакциях практически никак не расслаивалась, Товстоногов объединял ее точным социально-психологическим осознанием, гражданским, этическим единомыслием, сопричастностью к своему времени. Прочтение любой пьесы – классической, зарубежной, отечественной драмы, публицистики, комедии, водевиля всегда таило в себе высокий накал “момента истины”, проживаемого “сегодня, здесь, сейчас”. Потому брехтовская “Карьера Артуро Уи” в постановке польского режиссера Эрвина Аксера так остро воспринималась залом в дни гибели Джона Кеннеди, а пламенный монолог С. Юрского в роли Чацкого метафорически озвучивал снятый цензурой пушкинский эпиграф к спектаклю -- “Догадал меня черт родиться в России с умом и талантом!”

Ощущая поддержку аудитории, авторитетных драматургов, критиков, Товстоногов не раз касался весьма острых тем. Так, в интерпретации «Ревизора» он показал тотальную подверженность страху, исходящего государственной системой и ломающего психику людей, независимо от чинов, званий и положений. А в спектакле, поставленном по прозе М. Салтыкова-Щедрина на сцене «Современника» «Балалайкины и Ко» Товстоногов вывел на столичные подмостки узнаваемые типы либеральных интеллигентов, готовых добродетельно выполнять предписания властей и даже в сговоре с полицией сохранять «опрятность чувств». В «Истории лошади», поставленной в 1975 году в Большом Драматическом театре по «Холстомеру» Л. Толстого, право сильного толковалось как трагическая неизбежность существования и, по общему признанию, стала кульминацией творчества режиссера.

Модели «выживания» каждый художник использовал свои. Когда Хрущеву доложили о том, что товстоноговская премьера «Горя от ума» в БДТ прошла с высвеченным на портале сцены вызывающим эпиграфом, а Акимов восстановил шварцевского «Дракона». Из Москвы прибыл секретарь ЦК КПСС по идеологии Л. Ильичев. В Смольном созвали экстренное совещание творческой интеллигенции с требованием покаянных речей. Товстоногов начал выступление яркой метафорой: «У нас весна не по календарю началась, а с выступления Никиты Сергеевича». В результате «Горе от ума» разрешили при условии изъятия эпиграфа и замены С. Юрского в роли Чацкого актером В. Рецептером.

В «Римской комедии» Л. Зорина повествовалось о непростых отношениях писателей Диона и Сервилия с капризным императором Домицианом, что могло вызвать у зрителей нежелательные аллюзии. В Москве пьеса уже имела цензурное разрешение – под названием «Дион» она шла в Московском театре им.Евг. Вахтангова, -- но сценическая интерпретация Г. Товстоногова бдительным контролерам показалась идеологически сомнительной. « - А как вам кажется, -- вопрошал на обсуждении спектакля приехавший из Москвы начальник отдела театров Министерства культуры РСФСР Ф. Евсеев, -- не звучит ли здесь тема

противопоставления искусства и власти? То, что было в Риме меня мало волнует, но в пьесе есть такая фраза – Бен-Захария говорит вслед ушедшему Диону: «Они хотят быть независимыми».(26). Авторитетным московским и ленинградским критикам не удалось отстоять спектакль, неожиданно от его защиты уклонился и сам Товстоногов.

Компромисс опасен. Убрав пушкинский эпиграф с «Горя от ума» и сняв Юрского с роли Чацкого, Товстоногов погубил спектакль. В ситуации с запретом «Римской комедии» у Товстоногова, как полагает Э.Радзинский, оставалось два пути: «Первый -- безумный: Сыграть Георгия Товстоногова, кумира тогдашнего театрального мира, и отказаться исполнять требования.. И второй – наш, обычный, то есть разумный: подумать о будущем своего театра, о том, что впереди еще много чего, и сыграть другого Товстоногова – лауреата Ленинской и Государственной премий. То есть остаться сидеть на коленях у власти и снять спектакль.... И он снял».(27).

Критик А. Смелянский ставит поступок Товстоногова в жесткий житейский и социокультурный временной контекст: «Товстоногова не прельщали лавры Таганки. Скандалов он избегал, театр аллюзий его, в сущности, не интересовал, он занимался работами «глубокого бурения».... Сервилий взял верх в душе режиссера: он разрешил закрыть свой спектакль и даже не попытался извлечь из этой истории необходимых моральных дивидендов: все свершилось в тишине. Вскоре режиссера выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, а его театр поехал в Париж с новой редакцией «Идиота»... Он работал в государственном театре, был канонизирован при жизни этим же государством и страшно боялся потерять свое официальное положение". (28). Здесь уместно напомнить и о газете «Правда» за 24 января 1974 года, которая поместила письмо Товстоногова «На руку врагам мира», осуждающее антисоветскую деятельность А. Солженицына. (29).

В отношениях с властью Товстоногов избрал тактику «баланса интересов». Это равновесие стоило дорого – за все надо платить. «Долгая и муторная работа над «Целиной» (инсценировка «Поднятой целины» М.Шолохова. – Авт.) дала какую-то репертуарно-идеологическую прочность театру, – вспоминает ученик Товстоногова режиссер В. Голиков. – Тогда это было обязательным умением руководителей театров. За счет какого-нибудь «датского спектакля» – спектакля к дате – обеспечить на какое-то время остойчивость руководимому кораблю и направить его какой-нибудь интересный рейс. ... Мой принос в спектакль состоял в нахождении цитаты Ленина для ночных политзанятий Давыдова-Лаврова. Если меня чему-нибудь и научила «Целина», то искусству репертуарного лавирования». (30).

Товстоногов тяготел к масштабной форме массовых представлений и не отказывался от постановки разного рода празднеств. На стадионе имени Кирова в 1957 году показал праздничное шоу, посвященное 250-летию Петербурга-Ленинграда, на набережных Невы у Петропавловской крепости и на стрелке Васильевского Острова ставил развернутые представления, посвященные фестивалю искусств «Белые ночи». В 1960 году к 90-летию В.И. Ленина Товстоногов осуществил помпезный спектакль «Самый человечный человек», спустя десять лет он открыл в театре Малую сцену пьесой М. Еремина и Л. Виноградова «Защитник Ульянов» с Кириллом Лавровым в главной роли. В том же году в Большом Концертном зале «Октябрьский» к 70-летию Ленина Товстоногов подготовил правительственный театрализованный концерт.

Телефонные разговоры в квартирах многих известных людей прослушивались. Так спецслужбы засекли «криминальный тост» Сергея Юрского на прощальном вечере у филолога Ефима Эткинда, уезжавшего за границу. Артисту тут же закрыли доступ на телевидение и концертные подмостки. Партийные власти поставили об этом в известность Товстоногова с предупреждением: не вмешиваться. «Странное дело, –

сетовал Товстоногов киносценаристу Анатолию Гребневу – Пока я не был депутатом и в любой момент мог быть подвергнут досмотру на таможне, я плевал на них и из каждой поездки привозил книги, всё, что хотел... А теперь, когда я лицо неприкосновенное, депутат Верховного Совета, и, казалось бы, ни одна собака не полезет ко мне в чемодан, – вот тут-то я стал бояться: а вдруг?... И перестал возить... А раньше – не боялся... Вы наивный человек, если думаете, что эти люди когда-нибудь отдадут власть... Вы видели нашего Романова? Только на портретах? А Толстикова, его предшественника? Какая к черту диктатура пролетариата, это диктатура мещанства, что может быть страшнее!» «Да, он балансировал, – размышляет А.Гребнев. – ... Он вел свое дело – строил свой театр с тонким лукавым расчетом, зная, где и как уступить и какую взять за это цену. Власть наша, как ревнивая жена, требовала постоянных уверений в любви и клятв в верности, и он, как и многие из нас, знал эту слабость и играл на ней, как мог... Где та тонкая грань, за которой осторожный компромисс оборачивается сделкой с дьяволом? Рано или поздно наступает момент, когда грань стерта; жизнь ставит тебя перед жестким выбором. Многие испытали это на себе». (31).

В конце 1962 года в обстановке секретности, «в узком кругу» состоялась читка пьесы А.Володина «Назначение». В. Голиков хотел понять, почему спектакль так и не состоялся: «Не знаю. Не потому, что запретили. Нет. Сам Г.А. (Товстоногов. – Авт.) не решился. Может быть, это пример мудрой осторожности. Может быть, постыдной трусости. Не знаю. Прав он или нет, судить не могу. Не знаю тогдашней конъюнктуры». (32). Не видя реальной перспективы, Володин передал свою пьесу в театр Акимова. Там на репетиционном прогоне Лямина выразительно сыграл молодой артист В.Никитенко, но до спектакля дело не дошло: вмешались смольнинские уполномоченные. Беседы с А. Солженицыным и намерение поставить его пьесу дорого обошлись Акимову, как и нежелание ставить к «красным» календарным датам юбилейные спектакли. Случалось, что актеры Театра Комедии – П. Панков, Н. Трофимов, З. Шарко – уходили в труппу к Товстоногову. Акимов никого не удерживал, хотя на прощание сказал Зинаиде Шарко: «Ну, что же. Если хочешь всю жизнь ходить под красными знаменами и петь революционные песни, то иди, благословляю». (33).

«Вскоре будет закрыт «Дион» с Юрским («Римская комедия»). – вспоминает В. Голиков. – И тут же Г.А. станет депутатом Верховного Совета СССР. Шахматы. Жертва фигуры и приобретение нового качества. Какого? Сверхосторожность в ведении дел тоже один из уроков мастера». (34).

С уходом из жизни Акимова Товстоногов обрел в Ленинграде положение монополиста. Он управлял ситуацией не только в БДТ, он освобождался от потенциальных конкурентов, даже если это были его собственные ученики. Он регулировал театральную жизнь города, по сути дела назначая и перемещая по своему усмотрению режиссеров в ленинградских труппах. Он нервничал в ожидании обещанной ему высшей награды – звания Героя Социалистического труда. «В причудливом рисунке отношений с властью это могло иметь для него какое-то значение», – полагает А. Гребнев. (35).

Роль и положение Товстоногова в художественной жизни 1950-80-х годов точно охарактеризовал В. Голиков: «Г.А. – это создатель нового БДТ, одного из главных театров страны, определивших послекультовое время. Г.А. – это теоретик, ясно изложивший и развивший систему великого путаники К.С. (Станиславского. – Авт.). Г.А. – это основатель товстоноговского направления в режиссуре, которое плодоносит и сегодня, пуская новые ипобегии в будущее. Действительно, человек-глыба. Но человек, с человеческими слабостями и недостатками. Впрочем, иных людей и не бывает. Почти». (36).

Игровая, развлекательная природа театра для Акимова безусловна. Отсюда парадокс, гротеск, интеллектуальные параллели, образные столкновения, загадочные символы, знаки, сочетания. Мир осваивается через ироническую игру, остроумный прием, парадоксальное сопоставление. Акимову категорически неприемлемо однозначное понимание воздействия искусства на публику агитпроповской дидактикой схематичного «положительного» или «отрицательного примера. Он обращается к эмоциональному, чувственному, интеллектуальному зрительскому опыту, к развитой интуиции публики. В стремлении опираться на активную энергетику зала проявлялись мировоззрение, демократизм режиссера.

Акимов исходил из конкретной социологической преамбулы – люди, которые ходят в театр, уже включены в широкий круг социально-художественного общения посредством кино, телевидения, газет, журналов, книг, они учатся в вузах, служат в учреждениях, работают на производстве. «А мы почему-то продолжаем охранять некоего выдуманного нами зрителя, якобы неспособного разобраться в происходящем на сцене без назойливого авторского и режиссерского поучения. Мы подозреваем взрослых советских людей, посещающих театры, в безудержном стремлении к нелепым обобщениям. Если в пьесе один врач оказывается подлецом, то возникает боязнь, что зритель будет подозревать, что все врачи подлецы... Нужно якобы все время свидетельствовать о своем оптимизме, а то мол, зрители заподозрят нас в желании породить горестные чувства. Больные на сцене не должны умирать, а то зрители могут подумать, что мы все умрем». (37).

Модель театра Акимова предполагала проблемный и жанровый отбор драматургии, комедийную стилистику сценической интерпретации, четкие и ясные отношения с публикой. Акимов не принял западной моды на коммерческо-прагматическую организацию зрелища, на «портативный спектакль»: «Мы рискуем превратить современный театр в некую эстетическую забегаловку... Спектакль без антрактов или с одним антрактом – это урезанные спектакли, в театр надо ходить не только для того, чтобы смотреть на сцену, но и для того, чтобы общаться в антрактах друг с другом. Театр – это место встреч, место для общения... Он создает общее настроение, вызванное данным спектаклем, во время которого связи между людьми могут особенно ярко вспыхнуть и расцвести». (38).

В 1950-х гг. Акимов совместно с архитектором Е. Быковым и инженером И. Мальциным подготовили экспериментальный проект нового Театра Комедии. Авторы демонстрируют выход на новые конструктивные принципы решения сценического и зрительского пространства, и, в конечном счете, широкое осмысление перспектив сценического искусства. «Сцена расположится вокруг зрительного зала. На кольце шириной в пять метров смогут разместиться сразу все декорации... (Нечто подобное предполагал осуществить Мейерхольд в своем новом театре, позднее перестроенном в Концертный зал им. Чайковского. – Авт.). В таком здании можно использовать всю современную театральную технику, ... взять все лучшее, что есть в современном театре» (39). Акимов предполагал открыть театр спектаклем «Евгений Онегин» с музыкой Д.Шостаковича. В 1968 году началось проектирование здания на Московском проспекте, но со смертью Акимова все работы прекратились.

Сам весьма щепетильно относящийся к успеху у публики – об этой черте характера Акимова пишет многие годы сотрудничавший с ним драматург Евгений Шварц -- он, тем не менее, не шел на поводу у моды и потому критически и ревниво оценивал театральную жизнь, не боясь прослыть ретроградом. Для себя Акимов установил закон – совершать открытия «по первому разу». Вторичность сценических решений опасна тем, что вводит в заблуждение неискушенную публику,

провозглашает мнимое новаторство, создает вокруг нездоровый ажиотаж, смещает истинную систему ценностей. Акимов едва ли не первый заявил о необходимости реабилитировать Вс. Мейерхольда и стремился охранить его наследие от набегов коллег. «Наша театральная деятельность переполнена открытиями по второму разу. Если взять Театр на Таганке в Москве, то он весь живет по этому принципу. Великий режиссер Мейерхольд оставил столько открытий, по настоящему не подмеченных, не развитых, не обыгранных, что на несколько поколений хватит для такой умеренной, тихой торговли этими открытиями. А эта торговля идет очень бойко, очень хорошо. И вот что получается: те, кто не видел спектаклей Мейерхольда, воспринимают эти «открытия» по первому разу. На хорошей памяти основаны многие режиссерские карьеры. Фантазия заменяется памятью. Выгодная вещь». (40).

В 1966 году Акимов выступил на академическом симпозиуме «Искусство и современный научный прогресс». Его доклад "Театр, техника, наука" вобрал в себя совокупность серьезных проблем – современная сценическая техника и её стимулирующее влияние в развитии театральной эстетики, образности; значение семантического аппарата критики и искусствоведения, динамично меняющаяся роль публики в современном театральном процессе, положение театра в условиях тотального влияния СМИ, изучение зрительского восприятия, художественного спроса и предложения, проблемы управления театральным делом и др. Намек на цензурно-идеологический произвол, от которого наука может защитить художника, прозвучал в выступлении Акимова достаточно внятно: "Зритель этого не примет!", "Зрителю это не интересно!", "Зритель это превратно истолкует!" – часто слышится на обсуждении спектакля... За последние годы широкое хождение получили и совершенно вольные догадки об ассоциациях, рождающихся в зрительских мозгах в момент того или иного действия или при звучании на сцене того или иного текста. Эта новейшая практика могла бы порадовать глубиной проникновения в психологию зрительного зала, но поскольку такое исследование производится без всякого привлечения научного наблюдения, оно может поведать лишь об ассоциациях, возникших персонально в голове того, кто такое предположение высказывает». (41).

Принцип Акимова – сразу покориť зритель своей сценической эстетикой – музыкальной увертюрой, оформлением сцены, гримом, костюмом. Первые дружные аплодисменты в зале раздавались сразу после поднятия занавеса: публика восторженно реагировала на сценографию Акимова. В строгом отборе и сочетании отдельных элементов формировался стиль акимовских спектаклей. Смысловая направленность стиля направлена на раскрытие характера. Примитивный, убогий «винтик-исполнитель» -- сигнал социального неблагополучия. В утверждении яркой индивидуальности носителя справедливости, добра и красоты Акимов видел своего героя, он апеллировал к «возрожденческим» общегуманистическим идеалам, воссоздаваемых всеми средствами и красками своей художественной палитры, в сказочно-фантастических метафорических выражениях которой прочитывались узнаваемые реалии. Многого стоят, например, гиперболизированные конные скульптурные статуи великих вождей и полководцев, воздвигнутых на площадях и улицах средневековых сказочных городов, или просматривающаяся сквозь окно смещенная проекция памятника Николаю 1 на Исаакиевской площади в спектакле «Тени» по Щедрину.

Актерские, декоративные, музыкальные, световые детали несут у Акимова отчетливые социальные характеристики. В конечном счете, совокупность сценических красок, создаваемая Акимовым в содружестве с переводчиками М.Лозинским. и Т.Гнедич, драматургами Е. Шварцем, В. Шкваркиным, Д. Угрюмовым, Д. Алем, Л. Раковым, В. Левидовой, с композиторами Д. Шостаковичем и А. Животовым, наконец, с великими классиками стала своего рода системой метафор, образов,

характеров, выражавшей духовные ценности именно интеллигентской субкультуры, и именно она выражала скрытую оппозицию режиму, несогласие с ним. Эта система складывалась на сцене и выплескивалась в зрительный зал, определяла его отбор, формировала состав аудитории, устанавливала взаимопонимание, диалог, укрепляла коммуникативные связи. По существу Акимов консолидировал, сплачивал сообщество интеллигенции, приносил в него мировоззренческое, эстетическое, нравственное единство, чувство профессиональной, духовной, кастовой, если хотите, корпоративности. Акимов стал выразителем взглядов интеллигенции, так как сам выстраивал стратегию жизни на ее идеалах. В театре Акимова доминировала атмосфера осознанного ценностного значения личности с присущим кодексом чести, достоинства, этической брезгливостью ко лжи, пошлости, престижем духовной независимости, наконец, чувством юмора, артистизма, готовности к импровизации, к интеллектуальной игре.

Упрек П. Маркова Акимову, высказанный в 1932 году в критическом отзыве на «Гамлета», относительно «неверной» иронической направленности», Акимов игнорировал. Ирония как способ художественного и личностного самовыражения сопровождала Акимову всю жизнь. Он продолжал иронизировать над властью, угнетающей личность, над ее кичливой глупостью и чванством, он утверждал человека носителем духовной свободы и социальной справедливости. Комедийный эффект Акимов находил в обнажении здравого смысла, логики жизни, в показе абсурдности абсолюта порядка. Как человек, как художник, Акимов не принимал характерной для начала века психологической неустойчивости, раздробленного, двойственного мироощущения. Акимовский герой всегда находится в сложной коллизии – под угрозой тотальной социализации, нивелировки он утверждает в своем индивидуальном сознании. По сути дела, это парадигма жизни самого Акимова, отстаивавшем себя как личность, в праве на собственное место в современном культурно-историческом пространстве. Конфликтность сценического персонажа, противоречия времени, трагикомичность внутреннего дискомфорта сочетается с гармонией интуитивного и рационального, составляет неповторимость акимовского стиля.

Проблема стиля интересовала Акимова не только применительно к себе, но в большой степени и к своим сценическим героям – в этом смысле каждый из них может считаться носителем определенной и весьма четкой стилиевой характеристики. Власть и человек власти всегда вызывали у Акимова иронию, сарказм, становились поводом для социального гротеска и политической буффонады. Носитель власти противопоставлен носителю справедливости и добра и свободы. Герой с кодексом чести выступает на фоне зла с верой в гуманное жизнеустройство мира. В восприятии публики акимовского театра бюрократизм, черствость, косность проявляют себя в сферах этических, как и трусость, равнодушие, компромиссность, они обретают социальное наполнение. Акимов был оптимистом, но оптимизировал не жизнь – она подчас достаточно мрачна и была к нему жестока – а отношение к жизни.

Упреки Акимову в космополитизме, в формализме, в пропаганде «буржуазных ценностей», а вернее ценностей общечеловеческих, гуманистических, не так уж безосновательны. Другое дело, что в советских условиях они превращались в политические обвинения и ярлыки, потому ради выживания Акимову приходилось объяснять -- он, конечно, убежденный реалист, но реализм в его понимании не убогая догма и дубина в борьбе с инакомыслием, а широкое поле творчества. Впрочем, в рамках своего театра понятие «единомыслия» понималось Акимовым как собственное единоначалие и совмещение в себе художника, режиссера, мыслителя и идеолога театра.

Акимов тяготел к европейскому театру, но при этом не слепо подчинялся ему

целиком. Ему было присуще космополитическое мышление, он не замыкался какой-либо национальной драматургией, а свободно чувствовал себя в ее планетарном массиве, в испанской драме, в английской комедии, во французском и русском водевиле, в современном западном детективе. Высоко ценимая Акимовым шварцевская сказка, трансформировавшая Андерсена и Шамиссо, тоже корнями уходит в западную культуру. Акимов с Лозинским и Шварцем наперекор времени создавал интеллигентный и интеллектуальный театр -- задолго до того, когда он пришел к нам с Запада. В 1950-60-х гг., он принял Э. Ионеско, А. Касону, Э. де Филиппо, но отверг Б. Брехта, С. Беккета, не боясь идти против моды. Стиливое единство Акимова в том, что преувеличением, гротеском, условностью приема заострял, подчеркивал реальное жизненное содержание и тем самым сближал современную западную драматургию с аудиторией своего театра. Художник широчайшей эрудиции и безукоризненного вкуса, воспитания, Акимов легко ощущал себя в разных сферах художественной культуры. Евгений Шварц без оговорок называл его человеком Возрождения. Тонкий знаток искусства, его теоретик и практик -- Акимов связал своим творчеством и энциклопедическим кругозором отечественную дореволюционную и советскую, европейскую и восточную культуру. Акимов заявил о себе как режиссер, сценограф, живописец, график, критик, публицист, теоретик искусства, педагог, общественный деятель, организатор театрального дела, автор архитектурных театральных проектов, книг, статей, научных работ.

Галерея портретов современников, друзей, единомышленников, и тех, с кем он полемизировал, создавалась с 1920-х годов. . Она впечатляет не только количеством -- ученица Акимова М. Азизян полагает, что имеется около 800 портретных работ. Поражает художественный масштаб, интеллектуальная мощь, нравственная значимость портретируемых фигур, насыщенность культурной среды в которой жил Акимов. Здесь М. Лозинский, Е. Шварц, М. Зощенко, К. Голейзовский, И. Соллертинский, Г. Козинцев, С. Юткевич, Г. Уланова, Б. Сушкевич, Н. Эрдман, Д. Шостакович, В. Каверин, И. Андронников, Б. Хайкин, А. Арбузов, Л. Орлова, И. Гошева, В. Марецкая, Д. Пристли, Н. Петров, Б. Щукин, Ю. Шапорин, А. Брянцев, А. Горюнов, А. Афиногенов, Д. Аль, Л. Раков, А. Володин, О. Берггольц, Г. Товстоногов, Е. Мравинский, А. Райкин, Т. Гнедич, Л. Вивьен, Ф. Раневская, драматурги, режиссеры, ученые, художники, актеры.

Когда в 1961 году было широкообъявлено, что в соответствии с новой партийной программой нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме и в газетах, на митингах, на ТВ общественность с ликованием обсуждала волнующую новость, Акимов прямо по существу вопроса не высказался, однако в «Литературной газете» поделился своими «Мыслями о прекрасном»: «В искусстве планы никогда не совпадают с итогами. Задача точно запланировать будущие достижения искусства также невыполнима, как попытки вступающих в жизнь сначала написать мемуары, а потом жить по ним».(42). «Мысли», касались, разумеется, только «прекрасного», но некоторый скептицизм относительно «запрограммированного счастья» расслышать было нетрудно.... В той же рубрике Акимов изящно обошелся и с марксистско-ленинской эстетикой: «Если бы наряду с точными науками» у нас была бы узаконена область «неточных наук», -- первое место в ней по праву бы заняла эстетика". (43).

С властями, как и с «театральной общественностью» отношения были во все времена деловыми, корректными, и всегда дистанцированными. «Как вы думаете, - спросил однажды Акимов собеседника, - почему начальство любит меня больше, чем Товстоногова? -- И ответил: - Потому что он сегодня ставит «Поднятую целину», а завтра вдруг ошарашивает их «Римской комедией» И они теряются в догадках, кто же он... Со мной проще, они знают, что я всегда против. А они любят однозначность».

(44).

Независимость и смелость Акимова поражала даже близких друзей. В пору изгнания из Театра Комедии Акимов оформлял у Райкина спектакль по сценарию Щварца. Спектакль запрещали, этому решительно воспротивился Акимов. «Во многом обязаны мы были презрительной и заносчивой храбрости, с которой обращался Акимов с приезжим начальством, - вспоминал Щварц.. - Его ругали при каждом удобном случае за формализм, а он держался с начальством как власть имеющий». А Райкин вспоминал акимовскую «черную шутку». Когда в самый разгар «ленинградского дела» вокруг начались массовые аресты, Акимов спросил Райкина: «Неужели, Аркадий, мы с тобой такое дерьмо, что нас до сих пор не посадили?». (45). Успехом у публики, отношениями с интеллигенцией Акимов очень дорожил, на генеральные репетиции приглашал студентов и ветеранов сцены, сам часто выступал в творческих союзах, в научных собраниях. В январе 1968 года, в преддверии чехословацкой оккупации, в Институте прикладной химии состоялась встреча. Не обошлось без провокаций: Акимова спросили, что он думает о процессе над правозащитниками Галансковым и Гинзбургом. Акимов ответил: «Кто-то хотел бы получить физиологическое удовольствие, хотел бы чтобы я кое-что сказал вслух. Я думаю, что мы с вами хорошо понимаем друг друга и так». (46).

Н.П. Акимов покинул мир, листая новый роман Ж.Сименона, в номере гостиницы «Пекин». Напротив, в помещении Театра Сатиры триумфально шли спектакли Театра Комедии. Акимову недавно исполнилось 67 лет. Режиссер К.Гинкас вспоминал: «Товстоногов выступал на гражданской панихиде. «Часть его ленинградской жизни прошла... в некоей борьбе с Николаем Павловичем, -- пишет режиссер К. Гинкас. -- Собственно, Товстоногов его вытеснил. До войны и после нее Акимов был Богом в Ленинграде. Это значит, что для Товстоногова с его смертью закончился определенный этап биографии. А понимать, что это рубеж, прощаться с прошлым, думаю, грустно. Вот такие ощущения у меня остались от вида Товстоногова, стоящего у гроба Акимова». (47).

7 сентября 1968 года «Вечерний Ленинград» опубликовал некролог Акимову «Рыцарь театра», подписанный Товстоноговым....(48).

В начале сезона Товстоногов пришел вошел в репетиционный зал БДТ, первыми его словами были: «Встаньте! Умер Николай Павлович Акимов».

...Георгий Александрович Товстоногов скончался 8 мая 1989 года, спустя 21 год после смерти Николая Павловича Акимова, возвращаясь в машине из театра домой, в возрасте 73 лет.

Теперь Ленинградский Академический Театр Комедии носит имя своего основателя Н.П. Акимова, Ленинградскому Академическому Большому драматическому театру присвоено имя Г.А. Товстоногова...

5

Мера и степень политического ангажирования, способы выживания и сопротивления Товстоногова и Акимова существенно различались. Товстоногов первые двадцать лет своего ленинградского бытия жил в явном и скрытом сопряжении с деятельностью Акимова. Обоим запрещали спектакли, как готовые, так и зреющие в замыслах. Оба хотели ставить «Назначение» А.Володина, Акимов намеревался сотрудничать с А. Солженицыным, Товстоногов думал о «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, о «Докторе Живаго» Б. Пастернака, о «Закате» И. Бабеля... Не разрешили.

Акимов как личность и как художник формировался на рубеже 1910-20-х годов, Товстоногов в 1930-40х – различие существенное. В 1950-60-х они «пересеклись», имея разный «поколенческий», социальный, художественный и профессиональный опыт – , разные культурные корни, наконец, совсем непохожие характеры и

жизненные установки. Они не стремились к тесным и, тем более, к дружеским отношениям, они профессионально были, безусловно, интересны друг другу и в противодействии «начальству» им случалось объединять свои усилия. В 1967 году они отправились в Смольный спасать спектакль Театра им. Ленсовета «Мистерия-буфф» московского режиссера П. Фоменко. Акция успеха не имела – спектакль запретили. Товстоногов защищал спектакли Акимов от критикантских выплесков своих студентов – он берег честь и достоинство профессии и ценил авторитет Акимова, хотя и не принимал его сценическую лексику.

Товстоногов упорно не соглашался ставить навязываемую Реперткомом бездарную драматургию А. Софронова («литературного палача», как называл его К. Симонов). На коллегии Министерства культуры он говорил о несоответствии стилистике его пьес эстетике БДТ и обещал любую талантливую пьесу Софронова, если таковая родится, принять к постановке. Акимов от Софронова, как и от «заказных» юбилейных спектаклей, заслонялся ссылкой на комедийную специфику труппы и продуктивную деятельность созданного им литературного объединения.

Поддерживать БДТ приезжали известные столичные критики и театроведы – П. Марков, А. Свободин, К. Рудницкий, Ю. Рыбаков, И. Соловьева, Е. Полякова, В. Сапжак. К ленинградским «экспертам» Товстоногов относился с пристрастием и подозрительностью, порицал за слишком сдержанные, по его мнению, отзывы, за недостаточную почтительность наделял прозвищами – «городской Калмановский». Преданная мэтру питерская критикесса Р.Беньяш и даже москвич А.Свободин тоже на время – в назидание другим – отлучались от театра. Акимов до «филтрации критиков» не опускался, о Театре Комедии писали театроведы и журналисты самого разного калибра, от начинающих до мэтров.

Товстоногов современной западной драматургией не увлекался, хотя в афише БДТ время от времени появлялись пьесы А. Миллера, Ю. О'Нила, А. Баранги, И. Эркеня... После триумфальных гастролей немецкого театра «Берлинер Ансамбль» с Эрнстом Бушем и Еленой Вайгель Товстоногов пригласил польского режиссера Эрвина Аксера поставить «Карьеру Артуро Уи, которой могло и не быть» Бертольта Брехта. Спектакль шел несколько сезонов в блистательном исполнении Е.Лебедева, С. Юрского, В. Стржельчика В. Полицеймако и др. Позже окрыленный успехом Э.Аксер предлагал театру авангардистскую пьесу Томаса Бернхардта «Тот, кто делает», «В ожидании Годо» С. Беккета и даже намечал распределение ролей, но Товстоногов уклонился от дальнейшего сотрудничества.

Акимов – убежденный «западник». Ф. Дюренматт и Де Филиппо приезжали в Театр Комедии на премьеры своих спектаклей. Драматургию Б.Брехта Акимов считал слишком политизированной. Акимов оставался поклонником английской, испанской, французской, итальянской комедии, озорного водевиля и изящной мелодрамы. Незадолго до кончины театр «Комеди-Франсез» пригласил Акимова в качестве художника-постановщика «Свадьбы Кречинского» А. Сухово-Кобылина. «Спектакль получается, по-моему хороший, – сообщал он друзьям в Ленинград. – ... 26 октября делаю в Парижском университете доклад о Шварце и Советском театре». (49).

Поединок художника и власти явно или подспудно несет с собой риски и последствия для обеих сторон. Власть растлевает художника пряником и угрожает кулаком, но и художники расшатывают идеологическую монополию власти, вносят смятение и разлад в сознание номенклатурных чиновников. Авторитет в массах власть укрепляет, приближая к себе харизматические фигуры «любимцев публики», «звезд», предлагая видеть в них своих искренних единомышленников, преданных единоверцев. Властным персонам льстит близость к художнику, возможность оказаться «своим» в «мире искусства», «советчиком», «вершителем судеб», судьей, ценителем и даже соучастником художественного процесса, другом-покровителем талантливого

мастера. Художникам подчас тоже выгодно привлечь «колеблющихся», «закомплексованных» чиновников на свою сторону. Так Ефремов в пору его руководства «Современником» нашел покровителя в лице министра культуры Фурцевой, благодаря которой театру удавалось выпускать спектакли, минуя цензурные разрешения. Евтушенко защищал Таганку в письмах Брежневу, Любимов «телефонно» общался с Андроповым, Захаров вдохновенно описывал человеческие и политические добродетели Горбачева, Ельцина, Лужкова... Демагогия, лукавство, лесть шли в ход, когда надо было спасти спектакль, театр, труппу. Таковы были способы выживания, достижения творческого и зрительского успеха -- ими в разной мере и стилевой манере владели многие художники. Прекрасный тезис «жить не по лжи» в реальных условиях часто оказывался неконструктивным. Акимов «держал удар» изящным сарказмом, язвительной иронией, Любимов отвечал стремительной неотразимой напористостью и хваткой, Товстоногов заслонялся весомостью здравых рассуждений, календарными юбилейными премьерами, подписывал разного рода письма и декларации.

Деятельность каждого художника регламентирована совокупностью политических, идеологических, экономических, эстетических, этических, субкультурных факторов. В ситуациях кризиса поведение художника определялось не только «прекрасными порывами души», высоким полетом фантазии, смелого эксперимента; социальный надлом оборачивался вынужденным компромиссом, депрессией, творческим крахом, а подчас и крушением репутации. Система ценностей испытывалась на прочность, подвергалась пересмотру, образуя неожиданные сочетания, порождая подчас рискованные стилевые и этические сопряжения и коллизии.

Власть целенаправленно внедряла в мироощущение масс и отдельного человека идею тотального патернализма. Советский человек в неоплатном долгу -- у Родины, у партии, у государства, наконец, у трудового коллектива. В таком самоощущении «вечнообязанного» ему предлагалось обрести истинное счастье и духовное благополучие. Таков был фундаментальный норматив отношений частного человека и общества, гражданина и государства, Художника и Власти. В 20-е годы он приветствовался многими «мастерами культуры»: Маяковский, как известно, призывал Сталина делать доклады об искусстве и поручать художникам программные задания: власть тотальна, она владеет истиной и знает, что государству, народу, обществу нужно и что не нужно, и потому на любой замысел художнику должно нижайше испрашивать разрешение.

В сфере сценического искусства зависимость художника от власти возрастает многократно, ибо советский театр как художественно-производственный организм административно, экономически и идеологически целиком подчинен государству. Индивидуальные замыслы и идеи драматурга, режиссера, композитора, сценографа, исполнителя могут быть воплощены и представлены на суд публики, общества, той же власти только в уже состоявшемся «коллективном продукте» -- в спектакле: его создание и эксплуатация авансированы затраченными государственными средствами, его судьба зависит от труднопредсказуемых волеизъявлений уполномоченных чиновников, «товарищей из центра» и «товарищей на местах». Между тем художник в силу природы своего мировидения и мировосприятия ищет индивидуального, субъективного творческого самовыражения. Власть укрепляет устойчивость повседневной жизни унифицированными предписаниями. Усилия художника, подвижного постижением истины, идеала, направлены на разоблачение доминирующей в обществе мифологии. В поисках многообразия, «цветущей сложности», интерпретации жизни художник часто непредсказуем, выходит за рамки официальных нормативов в пространство несанкционированной свободы, чем и вызывает

недовольство покровителей.

«Время БДТ – особое, и Товстоногов соответствовал этому времени, – вспоминает режиссер Кама Гинкас спустя почти двадцать лет после смерти учителя. – БДТ был театром с тоталитарным режимом, только надо к этому относиться спокойно. Не с фашистским, не со сталинским, а с тоталитарным. «Добровольная диктатура», по известному определению Товстоногова. Или своеобразная монархия. Его обожали как Сталина, его боялись как Сталина, опасались как Сталина, слушались как Сталина, шли за ним как за Сталиным и плакали после смерти так же. Я нарочно резко говорю. Конечно, это не так. Это усугубление. Тем не менее, он был воспитан в определенное время. Да и театр был еще из тех времен». (50).

Писатель Д.А. Гранин вспоминал о встречах с Товстоноговым, незадолго до его кончины. «Мы жили с Георгием Александровичем рядом, и однажды, когда мы шли вместе домой, он мне сказал: «Вы знаете, я их боюсь»... Мы говорили о жизни, о том, кому как удавалось оставаться самим собой. О покаянии. О раскаянии. О твердости человеческой. Он сказал: «У меня была одна вещь, в которой я горько раскаиваюсь. Это – постановка пьесы о Сталине, за которую я получил Сталинскую премию... Вы знаете, я хочу отказаться от этой премии. Я хочу послать ее вместе со значком и написать письмо, что я отказываюсь от этой премии. Она не дает мне покоя». Я думаю, что, если бы не смерть, – продолжает рассуждать Гранин, – он бы это сделал. Это был грех в его режиссерской биографии, о котором он не мог забыть». (51).

Художник часто упирается в альтернативу: нравственность или целесообразность, но в конечном счете, вопрос для него не в том, нравственна ли власть и ее политика. Вопрос в том, нравственен ли человек, добровольно или вынужденно занимающийся политикой и состоящий при власти. Каждая сторона предлагает свой социальный норматив и настаивает на его приоритете.

Установки интеллигентов-«шестидесятников» точно охарактеризованы в исповеднических суждениях 1997 года известного публициста и общественного деятеля А. Бовина: «Не скрою, и мне часто хочется оглянуться назад, вспомнить прошлое, даже побывать в нем. Ведь я вступил в партию, когда мне еще не исполнилось 22 года (после XX съезда, «берлинских», «венгерских» и «польских» протестных событий — Авт.). Не потому, что думал о карьере, а потому, что вокруг меня хорошие люди были коммунистами. И не только носил партийный билет, но чувствовал себя коммунистом — где бы ни работал, старался работать с полной отдачей, на совесть. И когда был народным судьей, и когда работал консультантом ЦК КПСС, и когда почти двадцать лет подписывал свои статьи «политический обозреватель «Известий». Иногда тяжело приходилось. Наступал на горло собственной песне. Никогда не прощу себе, что я — хотя и трепыхался иногда в качестве либерала или, скажем, демократа — все же принадлежал к тому большинству, молчание, послушание которого в конечном счете привело всех нас к катастрофе». (52).

Когда в 1957 году ЦК КПСС исключил из партии так называемую «антипартийную группу» Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова, родился анекдот: беспартийные товарищи дружно обратились в Центральный Комитет с горячей просьбой оставить гнусных перерожденцев в партии, чтобы не засорять ими ряды беспартийных.

В 1991 году после изъятия из Конституции страны пункта 6 – о руководящей роли КПСС – начался массовый выход трудящихся из партийных рядов. Телехроника, газеты, журналы многократно публиковали фото подъезда ЦК на Старой площади и ступени, засыпанные рваными затоптанными партийными билетами. Вклад в развернувшуюся кампанию внес и коммунист с 20-летним стажем режиссер Театра им. Ленинского Комсомола Марк Захаров: в прямом телеэфире на глазах у изумленной публики он сжег в пепельнице свой партийный билет. Это неординарное эстрадно-

цирковое антре по дерзкому замыслу его исполнителя, вероятно, следовало воспринимать как акт публичного покаяния, освобождения от груза прошлого, как искреннюю готовность начать жизнь с начала, с чистого листа. Оно, безусловно, произвело большое, но неоднозначное впечатление на аудиторию: у одних возникло желание громогласно продемонстрировать свою беспартийность как некий «мандат на порядочность», чуть ли не граничащую с диссидентством: на нас, мол, «давили», но мы стойко сопротивлялись, не шли на компромисс. На этом шумном фоне у какой-то части совестливых партийцев вдруг обнаружился некий «комплекс вины» – за формальную причастность к большевистскому режиму.

Не следует становиться ортодоксальными судьями в этом деликатном вопросе. Существовал единый нерушимый «блок коммунистов и беспартийных», в этом блоке и на «мандат порядочности», и на «мандат соглашательства» так или иначе могли претендовать многие, если не все. От того, что Захаров, Ефремов, Любимов состояли в партии, а Эфрос, Товстоногов, Акимов в ней не числились, мало что менялось, и беспартийность как таковая, по большому счету, не делала их независимыми. Как и принадлежность к партии, так и беспартийность – лишь штрих в их гражданской и творческой судьбе, а власть идеологического отдела ЦК и его структур, произвол и каприз вождей тотально распространялась на всех. В судьбе художника, в спасении театра от гибели решающую роль играли талант, ум, воля, нравственная репутация художника, избранная стратегия и тактика, умение, оставаясь самим собой, «выигрывать раунд» у лукавого и сильного противника...

1. Золотницкий Д. Ленинградские театры // Очерки русского советского драматического театра: ВЗ-х т. М., 1954-1956-1961. Т. 3. С. 441.
2. Акимов Н.П. Театральное наследие. В 2-х тт. Л., 1976. Т.2. С. 193-194.
3. См.: Панкин Б.Д. Четыре «Я» Константина Симонова. М., 1999. С. 183-184.
4. Акимов – это Акимов! С. 226-227.
5. Там же, с. 220.
6. Там же, с. 294-295.
7. Подводя итоги. // Вечерний Ленинград, 1963, 10 апреля. С.3.
8. Золотницкий Д. За живой и мертвой водой //Режиссура в пути. Л.,1968, С.207-208.
9. См. Акимов Н.П. О театре. Л.-М., 1962.
10. Н.П. Акимов – Г.А. Товстоногову // Георгий Товстоногов. Собираемый портрет. Воспоминания, публикации, письма. СПб, 2006. С. 506.
11. Коковкин С. Перевернутый мир // Московский наблюдатель, 1991. С. 58.
12. Гребнев А. Рядом с Товстоноговым // Георгий Товстоногов. Собираемый портрет. С. 112.
13. Покровский Борис. Я общаюсь с ним. // Георгий Товстоногов. С.227.
14. Толубеев Андрей. В поисках Стржельчика. Роман-интервью о жизни и смерти артиста. СПб-М., 2008. С.362-363.
15. Там же. Сс. 69-70.
16. Юрский С. Игра в жизнь. М., 2005. С. 214.
17. Там же. С. 209.
18. Там же. С. 121.
19. Лордкипанидзе Н. «Искусство не учит как поступать» // Георгий Товстоногов. С.205.
20. Толубеев Андрей. В поисках Стржельчика. С. 205.
21. Рецептер В. Прощай, БДТ!. СПб, 1999. С. 18.
22. Козаков М. Актерская книга. М., 1995. С. 97.
23. Милиндер Л. Чему нас учил Акимов. // Н.П.Акимов – художник, режиссер,

театральный деятель. СПб, 2001. С. 66.

24. Юрский С. Там же. С. 119.

25. Цит. по: Дмитриевский В. Театр уж полон... Зритель и сцена глазами социолога и театрального критика. Л., 1982. С. 133-134.

26. Премьеры Товстоногова. М., 1994. С. 172.

27. Радзинский Э.С. Моя театральная жизнь. М., 2007. С. 124.

28. Смелянский А. Предлагаемые обстоятельства. М., 1999. С. 67.

29. Товстоногов Г. На руку врагам мира. // Правда, 1974, 24 января.

30. Голиков В. Портрет без ретуши. // Георгий Товстоногов. С.84

31. Гребнев А. Рядом с Товстоноговым // Там же. С.с. 112-115.

32. Голиков В. // Там же. С. 94.

33. Шарко З. Мое счастье. // Георгий Товстоногов. Собираемый портрет. С. 349.

34. Голиков В. // Там же. С. 99.

35. Гребнев А. Рядом с Товстоноговым. // Там же. С. 111.

36. Голиков В. Там же. С.101.

37. Акимов Н.П. Театральное наследие. В 2-х тт. Л., 1976. Т.1. С. 91.

38. Там же. С. 90.

39. Там же. С. 119.

40. Там же. С. 271.

41. Там же. Т.1. С. 121-122

42. Акимов Н.П. Не только о театре. Л.-М., 1969. С. 319.

43. Там же. С. 59.

44. Фрезинский Б. Акимов и власть. // Невское время, 1998, 5 сентября. С.3.

45. Райкин А. Воспоминания. СПб, 1993. С. 86.

46. Фрезинский Б. Там же. С. 3.

47. Гинкас К., Яновская Г. Театр с тоталитарным режимом. // Георгий Товстоногов. С. 66.

48. Товстоногов Г. Рыцарь театра// Вечерний Ленинград, 1968, 7 сентября. С.4.

49. Акимов – это Акимов! С. 167.

50. Гинкас К., Яновская Г. Театр с тоталитарным режимом // Там же. С.68.

51. Памяти Г.А.Товстоногова. Незаменимость. // Театр, 1989, № 12. Сс.144-145.

52. Бовин А. Президент должен соответствовать калибру страны. // Известия, 1996, 15 июня. С. 2.

(Дмитриевский В.Н Н. Акимов и Г. Товстоногов: взаимоотношения художника и власти // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 6)

= А. Алексеев – В. Дмитриевскому (2011)

<...> Статью твою «Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи (Н.П. Акимов и Г.А.Товстоногов)» читал с большим удовольствием, хоть сюжет этот у Тебя мне и был знаком, но не в таком совершенном, чеканном виде. Действительно, относится к биографике. Акимов и Товстоногов – два социально-психологических типа советской творческой интеллигенции, предьявленных в лице двух ярчайших того и другого типа представителей. Мне лично – ближе Акимов. Но среди них нет «лучшего» и «худшего». Они – ТАКИЕ, как Ты их показал в своем «двойном портрете» - в аспекте адаптации себя к системе и системы к себе. То есть я усматриваю в этом твоём тексте глубокий не только историко-психологический, но и теоретико-методологический смысл. Спасибо.

Интересно, что у нас с Тобой обнаружили существенные переклички и концептуальные совпадения в теме, которую мы специально, по крайней мере – профессионально, не обсуждали. Посмотри мою недавнюю статью. [«30 лет «в строю» \(Мое членство в КПСС\)»](#). Сам увидишь.

Немало об этом (о поведении научной и творческой интеллигенции «в эпоху надлома империи»; хорошо сказано!) - и в материалах «социобиографической» дискуссии, присланной Тебе Шалиным. <...>

...Своим сопоставлением Акимова и Товстоногова, Ты вступил на целину именно «социально-психологических», а не «творческих» портретов художественной интеллигенции (где взаимоотношения с властью едва ли не главнейшая характеристика), что редко бывает при жизни, и даже после смерти обычно требует исторической дистанции, но при наличии доброжелательства и такта аналитика-критика (что бывает редко), в принципе возможно, и Ты это прекрасно продемонстрировал. Уж всяко наследникам и потомкам твоих героев читать твою статью будет не обидно. А это - хороший показатель мастерства биографа и / или интерпретатора. <...> 18.10.2011.

(4)

Театр и публика

[Только что, в нынешнем году, произошло знаменательное событие: список републикаций книг советских / российских социологов - впервые изданных в прошло веке, пополнился еще одной републикацией:

- *Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960-1970-х годов // Отв. ред. В.Н. Дмитриевский. - М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. - 400 с.*

Ниже – издательская аннотация и предисловие от ответственного редактора. См. также на портале «Когита.ру»: [«Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов»](#). – А. А. Август 2013]

= Аннотация

Предлагаемая читателю книга «Театр и публика» (Опыт социологического исследования 1960-70-х годов) состоит из двух частей - «Театр и молодежь» и «Зритель в театре». Обе работы выполнены сотрудниками научно-исследовательской группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества и опубликованы под грифом ВТО и ВНИИ искусствознания в виде малотиражных ротапринтных сборников, соответственно, в 1979 и в 1981 гг.

В исследованиях группы «Социология и театр» принципиально обоснованы и развиты содержательные теоретико-методологические подходы - как в изучении социального функционирования театра, формирования и эксплуатации текущего репертуара, так и в рассмотрении мотиваций и стимулов поведения зрительской аудитории.

Работы ленинградских социологов стали важным этапом изучения социального бытования театра в контексте функционирования отечественной художественной культуры, их научная и практическая значимость остается весьма актуальной как для теоретиков и историков культуры, так и для специалистов, занятых конкретными социологическими исследованиями современного художественного процесса.

= Укрупненное оглавление книги «Театр и публика» (2013)

От редакции

Введение

Н.А. Хренов. Социологические исследования театра в контексте становления социологического и культурологического знания

Часть первая. ТЕАТР И МОЛОДЕЖЬ

Опыт социологического исследования

От авторов

Введение

Глава 1. Молодежь как театральная аудитория

Глава 2. Структура театральной афиши и эксплуатация репертуара

Глава 3. Театральные предпочтения различных социальных групп молодежной аудитории

Глава 4. Ленинградские театры и молодежь: картина взаимодействия

Глава 5. Некоторые проблемы построения типологии явлений театральной жизни

Приложение 1. Методика социологического опроса

Приложение 2. Экспертная анкета «Взгляните на театральную афишу»

Приложение 3. Сводные данные по формированию и эксплуатации репертуара ленинградских драматических театров в 1973 г.

Приложение 4. Список основных работ по социологическому и социально-психологическому изучению театра (1965–1978 гг.)

Часть вторая. ЗРИТЕЛЬ В ТЕАТРЕ

Социологические исследования театральной жизни

Предисловие

Раздел I. Методологические и методические аспекты изучения проблемы: театр и зритель

Глава 1. Театр в современных социокультурных условиях

Глава 2. Театральная жизнь как объект социологического исследования

Раздел II. Театральная аудитория: ее структура, характеристика поведения в сфере культуры, факторы формирования

Глава 1. Аудитория театра

Глава 2. Поведение зрителей драматических театров в сфере культуры

Глава 3. Факторы формирования зрительских аудиторий

Глава 4. Ленинградский театр на ленинградском телевидении

Раздел III. Прогнозирование театральной жизни

Глава 1. Некоторые методологические вопросы прогнозирования театральной жизни

Заключение

Приложение 1. Анкета «Вы пришли в театр...»

Приложение 2. Распределение ответов на вопросы анкеты «Вы пришли в театр...»

= От редакции

Третий том серии «Социология и экономика искусства: научное наследие» озаглавлен «Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960-70-х годов». Он составлен из двух научных монографий - «Театр и молодежь», авторы - А.Н. Алексеев, О.Б. Божков, В.Л. Владимиров, В.Н. Дмитриевский, Б.З. Докторов,

и «Зритель в театре», авторы - А.Н. Алексеев, О.Б. Божков, В.Н. Дмитриевский, Б.З. Докторов, Л.Е. Кесельман. Обе монографии написаны сотрудниками научно-исследовательской группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества и опубликованы, соответственно, в 1979 и в 1981 гг. под грифом ВТО и ВНИИ искусствознания в виде малотиражных ротапринтных изданий.

Мысль о создании междисциплинарной научно-исследовательской группы «Социология и театр» зародилась в ходе симпозиума «Социология и культура» (Ленинград, 1966), организованного по инициативе Института истории искусств (ныне Государственный институт искусствознания) и Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМИК). В симпозиуме участвовали видные ученые ИИИ - А.А. Сидоров, О.А. Швидковский, А.С. Вартанов, Л.Н. Пажитнов, Б.М. Шрагин, исследователи НИО ЛГИТМИКа - А.Н. Сохор, А.Я. Альтшуллер, Э.В. Леонтьева и др. Тогда же возникло тесное сотрудничество обоих Институтов с Советом и Кабинетом по организации, экономике и социологии театра Всероссийского театрального общества. Эти учреждения энергично способствовали образованию в Ленинграде Научно-исследовательской группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО.

В состав научного коллектива, сформированного в 1974 г., вошли театроведы и социологи, сотрудники ЛГИТМИКа и Института социально-экономических проблем АН СССР А.Н. Алексеев, О.Б. Божков, В.Л. Владимиров, В.Н. Дмитриевский, Б.З. Докторов, Л.Е. Кесельман, Б.М. Фирсов. От Всероссийского театрального общества группу курировали заведующий Кабинетом организации, экономики и социологии театра С.Д. Вульфсон, член бюро Ленинградского отделения ВТО, заведующий кафедрой истории русского театра и театральной критики ЛГИТМИКа А.З. Юфит, референты ЛО ВТО Ц.С. Андреева и Б.Н. Кудрявцев. В 1978 г. состав группы обновился и расширился. В.Н. Дмитриевский был переведен на работу в Москву, во ВНИИ искусствознания на сектор научного управления и развития художественной культуры. «Социологию и театр» возглавил Б.М. Фирсов, новыми сотрудниками группы стали театроведы А.Я. Альтшуллер, Ю.М. Барбой, А.А. Кириллов.

Три комплексных масштабных исследования - «Социологическое изучение репертуара драматических театров СССР 1960-1970-х гг.», «Театр в духовной жизни современного молодого человека» и «Зритель в театре» - сразу привлекли к себе внимание научной и театральной общественности. Работа группы «Социология и театр» обстоятельно рассматривалась на представительных конференциях в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, особо отмечалась погруженность исследований в широкий контекст культурной деятельности, тщательная разработка эмпирической базы, точное распределение социально-демографических характеристик выборочного массива, содержательное использование значимых информационно-статистических источников, квалифицированное обобщение данных с применением различных индексов и сложных математических процедур и привлечением к сотрудничеству компетентных специалистов-экспертов. Проблемам использования экспертных методов в социологическом изучении театральной жизни была посвящена представительная научно-практическая конференция, проходившая в Ленинграде в 1977 г.

В исследованиях группы «Социология и театр» глубоко обосновывались и развивались содержательные теоретико-методологические подходы - как в изучении социального функционирования театра, формирования и эксплуатации текущего репертуара, так и в рассмотрении мотиваций и стимулов поведения

зрительской аудитории и, прежде всего, молодежи. Авторы предприняли многофакторный социолого-театроведческий анализ репертуара театров СССР, они разработали принципиально новую комплексную методику анализа функционирования театра и ввели ее в широкий исследовательский контекст культуры. Концептуализированная методика изучения художественной жизни открывала возможности всесторонней оценки театрального процесса в совокупности и взаимосвязи основополагающих социальных, социально-психологических, эстетических, экономических факторов, позволяла рассматривать стилевое своеобразие отдельных театров на базе построения типологии спектаклей, выявляя объективные социально-эстетические функции как конкретных сценических постановок, так и целостных репертуарных массивов. Типология репертуара театров опиралась не только на специфические производственно-эксплуатационные количественные показатели, на жанровые особенности, идейно-художественные характеристики спектаклей, она учитывала и особенности социального бытования сценического искусства. Каждая постановка, находившаяся в реальном обороте, квалифицировалась исследователями с точки зрения реализации в ней четырех основных групп социальных ценностей:

- 1) актуальные общественные ценности (идеологический потенциал спектакля);
- 2) общезначимые человеческие ценности (нравственный потенциал);
- 3) ценности художественной культуры (художественный потенциал);
- 4) ценности массового восприятия (потенциал массовости).

Различные сочетания названных потенциалов образовывали в своем количественном и качественном соотношениях и связях целостную типологию совокупного театрального репертуара в ее динамичном развитии.

Начав с поэлементного обособленного рассмотрения отдельных явлений театральной жизни, исследователи пришли к комплексному анализу, к системному подходу, открывающему перспективные исследовательские возможности. Такой методический скачок позволил обобщить признаки отдельных спектаклей и блоков спектаклей до степени интегрированных оценок, характеризующих социологические виды сценического произведения и типологическую структуру репертуара в терминах:

- 1) «Культура» (носители и проводники преимущественно ценностей массового восприятия);
- 2) «Искусство-культура» (ценности массового восприятия в сочетании с иными ценностями);
- 3) «Искусство» (ценности художественной культуры и общезначимые человеческие ценности без «посредничества» ценностей массового восприятия);
- 4) «Без доминанты» (не выражена ни одна группа социальных ценностей). Одним из принципиальных важных итогов проведенного анализа театральной жизни Ленинграда была фиксация «экспонент» в репертуаре 1970 - начала 1980-х гг., ценностей массового восприятия и снижения уровня решения серьезных идейно-художественных задач.

Обращение к междисциплинарному социолого-театроведческому подходу позволило комплексно рассмотреть явления театра в их совокупности и выявить в их взаимодействии определенные системообразующие связи театральной жизни в целом, осмыслив ее как целостную систему, находящуюся во взаимодействии с социокультурной жизнью общества в пространстве конкретного отрезка времени. Исследователи комплексно рассматривали собственно театральный компонент системы «театр - зритель». В ходе многофакторного изучения проблемы они

пришли к ряду принципиально важных выводов, которые позволили пересмотреть и уточнить общую схему взаимодействия сцены и зала, увидеть в ней элементы более широких систем: «зритель - искусство» и «человек - культура». Характеризуя публику, исследователи не ограничивались ее социально-демографическими параметрами, а выявляли распределение аудитории по степени приобщенности ее к художественной культуре в целом и получили четкие представления о механизмах формирования качественных параметров аудитории, о взаимовлиянии аудиторий различных субкультур и их отношений с основными видами искусства. Таким образом, можно утверждать, что в 1970-х гг. в отечественной науке определились основные границы и масштабы научного осмысления театральной жизни в рамках комплексного театроведческого, социологического, социально-психологического подходов. Тем самым социология театра как междисциплинарная область знания заняла существенное положение в научной иерархии: она зафиксировала социальную составляющую сценического искусства в современном обществе, определила значение театра в новой социокультурной ситуации, его важную роль в культурной политике.

В начале 1980-х гг. группа «Социология и театр» провела широкий опрос актеров по анкете «Жизнь в театре», который лег в основу научных проектов «Социальное бытие драматического спектакля» и «Пути повышения социально-культурной эффективности театрального искусства». Однако в силу разного рода организационных и финансовых трудностей группа «Социология и театр» в конце 1980-х гг. распалась, но научная и практическая значимость проведенных ею исследований остается актуальной. Монографии «Театр и молодежь» и «Зритель в театре» обстоятельно анализируют использование междисциплинарных подходов на всех этапах исследования, начиная с изложения концептуального замысла, формулирования рабочих гипотез, исходных методологических и методических аспектов изучения проблемной ситуации, оптимальных путей осуществления работы, и кончая промежуточными и итоговыми результатами, теоретическими и практическими рекомендациями. Приложения содержат подробные инструкции по проведению социологических опросов зрителей и экспертов, методические указания по сбору и обработке информационно-статистических данных, опросные анкеты, библиографию работ по теме исследования.

Публикация в серии «Социология и экономика искусства: научное наследие» исследований «Театр и молодежь» и «Зритель в театре», изданных тридцать лет назад Институтом искусствознания и ВТО в виде малотиражных ротапринтных сборников и сегодня практически недоступных читателю, представляется весьма полезной и целесообразной.

(Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960-1970-х годов // Отв. ред. В.Н. Дмитриевский. М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013).

(5)

Театр и зрители

Дмитриевский В.Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2.: Советский театр 1917-1991 гг. - М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. - 696 с.

Издательская аннотация

Вторая часть монографии В.Н. Дмитриевского продолжает первую часть «Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до 1917 г.», опубликованную в 2007 году. Это историко-культурологическое исследование, посвященное становлению и развитию социокультурного взаимодействия театра и зрителя как широкого диалога художника и публики, искусства и общества в условиях функционирования большевистской идеологии и культурной политики

Работа адресована специалистам в области социологии культуры, искусствоведам, а также широкому кругу любителей театра

Укрупненное оглавление книги

ВВЕДЕНИЕ Социокультурные предпосылки функционирования театра в условиях становления тоталитарного государства

1917-1956

Глава первая УЛИЦЫ - НАШИ ПАЛИТРЫ

Глава вторая ЗРИТЕЛЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Глава третья ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Глава четвертая МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Глава пятая ТРЕТИЙ ТВОРЕЦ СПЕКТАКЛЯ

1956-1991

Глава шестая СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПОДРЯД

Глава седьмая ПРОРЫВ В САМОПОЗНАНИЕ

Глава восьмая ЦЕНА ОВАЦИЙ

Глава девятая ТЕАТР ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГОВ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ Конец советской эпохи

Из [презентации на портале «Когита.ру»](#) (март 2013)

А. Алексеев: Хочу обратить внимание как исследователей, так и любителей театра на грандиозность замысла и тематическую уникальность книги В.Н. Дмитриевского, что видно уже из названия, оглавления и скупой аннотации. Литература об отечественном театре исчисляется сотнями томов и тысячами статей. Но нет театра без зрителя. И - в таком масштабе исторической ретроспективы и тематического охвата проблемы «Театр и зритель» - автор настоящей книги является, я считаю, первопроходцем.

Русский театр и его зритель, театр и публика - для решения задачи раскрытия этой темы нужно быть не просто специалистом и / или эрудитом, а *междисциплинарным* исследователем и *синтезатором* разнообразных знаний о театре, его социальном бытовании, его функционировании и развитии во взаимодействии с исторически развивающейся публикой (от истоков отечественного театра – до наших дней!).

При этом автор вовсе не претендует на энциклопедичность или справочную полноту. Это действительно *авторское* произведение, исполненное субъективной ангажированности, гражданской позиции и профессиональной компетентности. Это – целостная картина *театральной жизни* страны за 70 с лишним лет ее существования (1917-1991). Картина нарисована Мастером.

Изданная Государственным институтом искусствознания, книга В. Дмитриевского доступна также и [в Интернете](#).

+++

Глава 16

ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (продолжение – 1)

Содержание главы 16

- 16.1. ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ И МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОЕ СОДРУЖЕСТВО (Б.З. Докторов)
- 16.2. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ "ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ..." (В.П. Дудченко)
- 16.3. РЫЦАРЬ ОНТОСИНТЕЗА (В.С. Дудченко)
- 16.4. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СОЦИОЛОГА (Л.К. Дудченко)
- 16.5. ИСКЛЮЧЕНИЯ, ПРОЯСНЯЮЩИЕ ПРАВИЛО (А.И. Зверев)
- 16.6. ЧЕЛОВЕК, ОСВОБОЖДАЮЩИЙ СЕБЯ САМ (Л.Е. Кесельман)
- 16.7. СОЦИОЛОГ-ЛИТЕРАТОР (А.А. Кетегат)
- 16.8. ТРУД НА СЕБЯ - ТРУД НА ОБЩЕСТВО (Г.А. Климентов)
- 16.9. ЭЛЕКТРОНОТЕРАПИЯ: ЭБОНИТОВЫЙ ДИСК ГОНЧАРОВА (Э.П. Кудрявцев)
- 16.10. ОТЕЦ И ДОЧЬ (Р.И. Ленчовский; А.Р. Ленчовская)
- 16.11. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И РЕФЛЕКСИЯ (Б.И. Максимов)
- 16.12. ВЫГОДА ОТ ГУМАНИЗМА (К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ) (С.Ф. Минакова)
- 16.13. РАБОЧИЙ-ФИЛОСОФ СЕРГЕЙ НИКИТИН, ИЗ ВОРОНЕЖА
- 16.14. «БЫЛИ МЫ РАННИМИ...». 1961 (В.Б. Ольшанский)
- 16.15. ДНЕВНИК: ОБЩЕНИЕ С САМИМ СОВОЙ И САМОСОЗНАНИЕ ПИСЬМОМ (К.С. Пигров)

Ремарки

Отклик на отклик... (16.2); Habitus и жизненный процесс (16.3); Человек и «животное» (16.6); Главный жанр моего друга (16.6); Делать то, чего никто за тебя не сделает (15.22); Предложения о привлечении трудящихся к управлению производством (16.8); Приборы Гончарова (16.9); Не выдержал травли (16.9); Электронотерапия Гончарова и энионтехнология Зорина (16.9); Дочь выросла (16.10); "...по адресу ли?" (16.12); Экология личности и

философия личности (16.12); «Хождения в рабочие» (16.14); Совпадение тем (16.15); Архетипы коммуникации (16.15)

**

Б.3. Докторов

16.1. ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ И МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОЕ СОДРУЖЕСТВО

(1)

= Из рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001)

...Наш общий с Леонидом Кесельманом друг и коллега Борис Зусманович Докторов, доктор философских наук, прежде - один из ведущих сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, пять лет назад вынужден был, по семейным обстоятельствам, уехать в США, где сейчас живет и работает.

Связь с Б. Д. сначала ослабла, а затем вновь стала тесной (в чем сыграли свою роль и современные технические возможности коммуникации - электронная почта).

Б. Д. является одним из немногих обладателей диплома «Почетный доктор СПбФ ИС РАН». В организованной им, совместно с А. Шадринным (Москва), «Российской социологической сети» Интернета, начиная с прошлого года систематически публикуются работы российских, в том числе петербургских социологов.

За последний год Борису Докторову удалось дважды побывать в Петербурге. Он выступал с несколькими докладами на семинарах Санкт-Петербургской социологической ассоциации.

Из моего письма к Б. Д. (31.03.1999):

«...Твоя нынешняя ситуация куда посложнее моей во времена «Ленполиграфмаша» и т. п. Тем не менее, Ты, как я понимаю, все же успешно с ней справляешься и «адаптивно-адапционный» ресурс в Тебе оказался очень мощным («адаптивный» - это когда адаптируются к ситуации, а «адапционный» - это когда адаптируют ситуацию к себе; тут очень важно найти меру в соотношении того и другого; похоже, Тебе это удастся). И с этим я Тебя поздравляю, хоть и понимаю, что все может быть посложнее и потруднее, чем Ты это описал в своем письме.

Еще - Ты умудрился найти себя и в эпистолярном жанре, некогда столь нещадно эксплуатировавшемся мною. Теперь, похоже, твоя очередь... Мы, может быть, когда-нибудь еще издадим цикл твоих писем «из Нового света», если Ты будешь продолжать разрабатывать также и эту «социологическую жилу»...

От Лени (*Л. Кесельман. — А. А.*) Ты, наверняка, знаешь кое-что о нашем институтском житье. Ох, как не хватает Тебя в ситуации наших прогрессирующих безобразий! (*Ввиду предстоящего ухода Б.М. Фирсова во вновь организованный им Европейский университет с СПб, Б. Докторов был «естественным», для всех очевидным кандидатом в директора СПбФ ИС РАН в середине 90-х; и вот пришлось уехать... - А. А.*). Наш институт сегодня все больше напоминает присной памяти ИСЭП. Особенно Ленья, также я, и некоторые другие, как можем, этому сопротивляемся...¹⁰⁴».

Как уже явствует из сказанного выше, и эмпатическая, и деловая включенность Бориса Докорова в нашу научную и общественную жизнь довольно велика.

(Июнь 2000).

---

¹⁰⁴ Подробно см., например: ПС-2 (Глава 4).

[Начиная с 2006 года между нами с Борисом Докторовым завязалась активная электронная переписка, а затем и сотрудничество. Впоследствии из нашей переписки и ряда совместных и индивидуальных трудов того времени был составлен том под названием: «В поисках Адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников (февраль – октябрь 2006 г.)» (Электронное издание. Санкт-Петербург – Foster City, 2012)¹⁰⁵

Еще некоторое время спустя Б. Докторову довелось стать автором ряда статей, посвященных жизни и профессиональной деятельности социолога А. Алексеева¹⁰⁶, я же оказался редактором-составителем книги: Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. 2-е дополненное издание / Ред.-сост. А.Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ, 2012.¹⁰⁷

Ниже:

а) текст предисловия автора этих строк к книге А. Алексеева и Б. Докторова «В поисках Адресата», опубликованной на сайте «Международная биографическая инициатива», и

б) текст моего предисловия к книге Б. Докторова «Биографические интервью с коллегами-социологами», опубликованной на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Оба эти текста в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая аутиорефлексия» (1999-2001) не входили.

А. А. Июль 2013]

(2)

= Предисловие А. Алексеева к книге А. Алексеева и Б. Докторова «В поисках Адресата» (2011)

Эта книга написана нечаянно. В 2006 г. один из ее авторов – А. Алексеев – еще не освоив электронной почты и Интернета, откликнулся на призыв своего коллеги и многолетнего друга, «российского американца» Б. Докторова – вступить в электронное общение по поводу автобиографического интервью on line.¹⁰⁸

Беседа разворачивалась неторопливо содержательно, однако стремительно технологически и затронула множество разнообразных тем, кроме биографической. Здесь - и методология и методика истории новейшей российской социологии «с человеческим лицом», и текущие «подробности жизни» обоих корреспондентов, и анатомия одного судебного процесса, в который один из корреспондентов (А. А.) оказался в то время вовлечен, и размышления о «драматической социологии»; и все это на фоне зарождения и развертывания уникального сетевого проекта – сайта [«Международная биографическая инициатива»](http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html) (его создатели – Д. Шалин и Б. Докторов), так что и история названного интернет-ресурса в числе предметов обсуждения.

---

¹⁰⁵ См.: http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf

¹⁰⁶ См.: Докторов Б. Скала Алексеева // Социологический журнал, 2009, № 3; Докторов Б. Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям (Научные и нравственные основы «драматической социологии») // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 4; и др..

¹⁰⁷ См. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>

¹⁰⁸ К настоящему времени Б. Докторовым взято уже свыше 50 биографических интервью у коллег-социологов самого старшего и последующих поколений.

Эти материалы систематически публиковались в профессиональных социологических журналах: «Социологический журнал», «Телескоп», «Социальная реальность». Все вместе они собраны на американско-российском сайте «Международная биографическая инициатива»:

<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>, а также составили отдельное электронное издание (ныне – уже третье): <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=332> (А А. Июль 2013).

Роскошь профессионального и личностного общения, подкрепленная техническими возможностями Интернета, сохранялась в электронных архивах двоих корреспондентов, и не только их самих, поскольку почти с самого начала в этот эпистолярный обмен оказались вовлечены ближайшие друзья обоих, которые либо выступали техническими посредниками, либо получали копии и иногда на них реагировали. Этот «Ближний круг» постепенно расширялся, как в силу общеинтересности обсуждаемых тем, так и в силу обретения участниками соответствующих технических навыков.

Уже тогда у автора этих строк возникла идея составления своего рода *эпистолярной хроники* (обозначение жанра пришло позднее), которая поначалу стать книгой вовсе не претендовала (просто склад писем в хронологической последовательности). Несколько лет этот материал пролежал невостребованным. Правда, некоторые фрагменты настоящей переписки так или иначе использовались обоими авторами (особенно А. Алексеевым) в своих «академических» (и не только!) трудах. Основной же (изначально предполагавшийся) «продукт» совместной работы – автобиографическое интервью А. А. – так и остался незавершенным. Чуть ли не случайно этот материал был обнаружен недавно в электронном архиве автора этих строк, чтобы затем лечь (в качестве отрывка, фрагмента) в книгу А. Алексеева и Р. Ленковского «Профессия – социолог...» (2010).¹⁰⁹

Однако попутные и побочные продукты этого обмена письмами, и – шире – сам. **ПРОЦЕСС** эпистолярного общения, как таковой, оказались, пожалуй, интереснее и значимее отдельных, частных **РЕЗУЛЬТАТОВ**. И вот его-то и хотелось бы сегодня представить читателю, как некую *само-ценность*, каковой она может оказаться и не только для непосредственных участников, но и, возможно, для тех «посторонних», кто захочет перелистать или даже углубиться в эти страницы.

Замечу, что наряду с собственно перепиской сюда включены (иногда прямо «в теле» письма, а иногда автономно) более или менее целостные и законченные произведения, из которых одни уже опубликованы в тех или иных печатных изданиях и / или размещены в Сети, а иные – до сих пор света не видели (во всех случаях сделаны соответствующие ссылки и оговорки). Такие вставки, а также документальные вкрапления в эпистолярную хронику отражены и в оглавлении (см. выше): «**В Т. Ч.**» (в том числе).

Ни одно слово в текстах писем не поправлено (кроме заведомых опечаток). Зато немало изъятий (как правило, помеченных <...>) – в основном *технических* (во избежание повторов отдельных фраз или значительных кусков текста, что заурядно в электронной переписке), но также и *содержательных*, если тот или иной автор посчитал нежелательным обнаружение соответствующей части личного письма.

Вместе с тем, некоторые текстовые повторы *намеренно сохранены*, чтобы читатель мог воспринять один и тот же текст как в процессе зарождения – фрагментированным и в контексте личного письма, так и «в готовом виде» – целостно и обособленным, отделенным от других сюжетов.¹¹⁰ Это касается трех тем: а) Автобиографическое и ауторефлексивное интервью А. Алексеева; б) История одного судебного процесса, разворачивавшегося в период переписки; в) Размышления А. А. об «истории российской социологии в лицах».

Таким образом, оказывается возможным, на указанных примерах (а, б, в), проследить процесс трансформации коммуникации *другому* (письмо), имеющей персонального адресата, в коммуникацию *другим* (статья), адресованную анонимной аудитории.

---

¹⁰⁹ См. Алексеев А.Н. «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко...» (фрагмент биографического интервью). В: ПС-2, с. 339-414.

¹¹⁰ Как правило, «черновик» в составе личного письма практически не отличается от «беловика» в составе статьи, поскольку авторское редактирование (в случае А. А.) состоит в основном в компоновке, рекомпозиции, аранжировке «черновики», рассматриваемых как документы.

С учетом сказанного, выстроена и структура настоящей работы. Часть 1 – **Эпистолярная хроника**, как таковая. Часть 2 – **Труды** обоих корреспондентов, выросшие из этой переписки и / или сопряженные с ней тематически и стилистически. Некоторые, относительно самостоятельные тексты представлены *только внутри* эпистолярной хроники – в качестве приложений или «интермедий».

Хочется думать, что данная работа может заинтересовать читателя как в плане содержания, так и в плане метода.

А. Алексеев. Январь 2011

(Цит. по: Алексеев А, Докторов Б. В поисках Адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников (февраль – октябрь 2006 г.))» (Электронное издание. Санкт-Петербург – Foster City, 2012)

= Из **Послесловия** к книге А. Алексеева и Б. Докторова «В поисках Адресата» (2011)

«...Началом этой необычной книги послужило мое электронное письмо Андрею Алексееву, отправленное ему 20 февраля 2006 года, точно шесть лет назад. <...> Шесть прошедших или промелькнувших лет дают повод для осмысления той уже давней переписки. Главное: она «ушла в песок», не оставив следа, или дала какие-то всходы? Почему именно этот вопрос я задаю себе, в чем вижу его смысл? Ведь в начале нашей переписки никакие далеко идущие цели не формулировались, она начиналась просто как обмен письмами давно не общавшихся друзей-коллег. С моей стороны то был своего рода отчет о проделанном в последние годы и бытовые зарисовки. Более того, и позже никакие ориентиры, границы обсуждений не обозначались. И поэтому, зачем искать итог переписки, которая к тому же не завершилась, а продолжается?

В моем понимании эта книга приоткрывает и для ее соавторов, и для тех, кто ее пролистал, особенности процессов возникновения тематики социологических исследований, происхождения понятийных конструкций, поисков стиля, формата, языка социологии. Названная проблематика давно осознана историей и социологией социологии и в разных научных парадигмах предложены подходы к ее решению, но многое все равно требует принципиального прояснения. <...>

Естественно предположить, что активное освоение учеными всего мира электронной почты, а в последние годы – блогосферы породит новые традиции эпистолярной научной коммуникации. Мне не известны работы в этой области, однако легко допустить, что сетевое общение охватывает большое число исследователей и дает огромные возможности для обсуждения разного рода научных проблем. Изучение содержания такой переписки может дать ценную информацию для методологов и историков науки, для познания механизмов научного творчества.

Полагаю, что в советской / российской социологии личное письмо как метод распространения научной (социологической) информации и теоретико-эмпирических обобщений был внесен Андреем Алексеевым в начале 1980-х в его серии «Писем Любимым женщинам». Это были неформальные описания событий, происходивших в жизни рабочего-социолога, его наблюдений, его рефлексия и опыт саморефлексии. Они адресовались <...> социологам и журналистам, которых Алексеев знал многие годы и которые понимали не только написанное, но и то, что он не мог написать, оберегая их и себя. Не случайно по завершении этого цикла он писал: «Мои письма — принадлежат вам. Но все же прошу вас: не выпускайте их за пределы круга ваших *личных* друзей»

В свете сказанного не удивительно, что наша спонтанно начавшаяся переписка практически сразу превратилась, по словам Алексеева, в *эпистолярную хронику*. Так сложилось, что в течении последующих пяти лет весь материал существовал лишь в его компьютере. Вместе с тем можно утверждать, что процесс обмена письмами, а позже и

готовившимися для публикации статьями, стал стимулом для развития наших собственных исследований, проводившихся нами независимо друг от друга. <...>

Трудно сказать, каково место нашей эпистолярной дискуссии, начавшейся в 2006 году, в том, как далее развивались исследования ее участников. Ведь они проводились нами и до обмена письмами и, можно утверждать, тем или иным образом продолжались бы и далее. Перечитав содержание переписки, я могу сказать, что она прежде всего убедила меня в главном, в перспективности изучения истории отечественной *социологии* в опоре на воспоминаниях российских *социологов*. Интуитивно, такой переход мне казался возможным и эвристически ценным еще в 2004-2005 годах, к тому же справедливость этого допущения подтверждался накапливавшимся опытом интервьюирования и анализа биографической информации. <...>

Я нахожу в переписке еще ряд методологических проблем, которые спонтанно возникали, но не получили обстоятельного рассмотрения. Теперь я понимаю, чем это было обусловлено. Тот формат переписки, о котором я говорю, во многих своих аспектах является *конспектом размышлений* «здесь и сейчас». Пишущий максимально раскрепощен, не задумывается об обосновании высказываемых положений, о соответствии их утверждениям, которые им формулировались ранее, минимально редактирует себя. Что-то из «проговоренного» затем – иногда сразу, иногда – через какое-то время додумывается и трансформируется в научный текст. Но что-то не запечатлевается в сознании, существует в нем «латентно» и в какой-то момент всплывает и воспринимается как нечто новое. Именно поэтому перечитывая старые записи, ученые нередко обнаруживают в них ростки тех идей, которые – казалось им – пришли к ним недавно. Более того, те старые, забытые формулировки были почти такими же, как те, которые человек нашел «недавно».

Б. Докторов. Февраль 2012.

(Цит.по: Алексеев А, Докторов Б. В поисках Адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников (февраль – октябрь 2006 г.)» (Электронное издание. Санкт-Петербург – Foster City, 2012)

= Из письма Б. Докторова Дм. Шалину (16.05.2012)

«...Это - «эпистолярная хроника» некоторых сторон жизни нашего незримого колледжа в 2006 году (и раньше), хотя тогда мы себя так не идентифицировали... Просматривая сегодня этот труд, я вижу, как начинались многие наши проекты, в том числе – МБИ, как формировалась методология... В тексте много личного, но мы (как сообщество) и это уже перевариваем... Уверен, будем в нашей работе заглядывать в эту хронику...»

(3)

= Предисловие А. Алексеева ко второму изданию книги Б. Докторова «Биографические интервью с коллегами-социологами (2012).

Точнее было бы мне называться «редактором-инициатором». В самом деле, как отмечает автор этой книги, в апреле 2011 года я затеял собрать доступные мне тексты биографических интервью Бориса Докторова с коллегами-социологами, опубликованные в ряде профессиональных журналов и на сайте [«Международная биографическая инициатива»](#). Я расположил их по алфавиту в файле на 1000 с лишним страниц, а каких-то текстов в электронном виде у меня не было, и я запросил Бориса.

Ни он, ни я не помышляли о книге, а всего лишь попытались упорядочить архив масштабного историко-биографического проекта «Современная история российской

социологии», осуществляемого Б.З. Докторовым на протяжении семи лет. Делали это для себя, ну, - для ближайших коллег.

А затем, как это часто бывает, когда Том Соьер начинает красить забор, к этому делу подключились другие люди, возникли новые идеи, оказалось, что это может быть **книга**, да еще и **электронная**, с оригинальным дизайном, классификацией текстов по разным основаниям, фотогалереей, справочным аппаратом и т. д. И роль «редактора-составителя» стала второплановой, а ключевыми фигурами в этом «издательском процессе» стали дизайнер, макетировщик, ну, и автор, разумеется, а редактор-инициатор – что-то вроде «свежей головы» и эксперта (как же оно получилось?).

А получилось, на мой взгляд, очень удачно. И человек, взявшийся это читать подряд - пожалуй, лучше не по алфавиту фамилий докторовских собеседников, а в последовательности профессиональных поколений (от 1-го к 4-му) - узнает о советской / российской социологии больше и лучше, чем из иного специального историко-научного труда. Именно так, потому что: а) из первых рук; б) история науки - в биографиях и лицах; в) пропущено сквозь ум и сердце заинтересованного, компетентного и ответственного участника (актера) послевоенной советской / российской социологии, на протяжении почти всей ее 50-летней истории.

Читатель без труда разберется в технологии обращения с электронной книгой, имеющей ряд специфических преимуществ перед бумажной (печатной продукцией).

Электронную книгу легко и удобно переиздавать, дополнять. Вот и сейчас – двух месяцев не прошло с момента первоиздания, а уже появляется второе, **дополненное** издание (2012), с приращением списка интервью с коллегами с 40 до 44. Могу предположить, что в третьем издании (2013) их станет свыше 50.¹¹¹

Но даже если сам автор (Б. Докторов) сейчас приостановит свою подвижническую работу проведения биографических интервью с коллегами-социологами, это не исключает ее продолжения другими людьми. Прецедент создан, метод разработан и опробован, база заложена. Остается сказать: **продолжение следует**.

Андрей Алексеев. 27.12.2011

(Цит. по: Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. 2-е дополненное издание / Ред.-сост. А.Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ, 2012.

[Ниже – список авторов, представленных, по состоянию на начало 2012 года, во 2-м издании названной книги, сгруппированный по профессиональным поколениям. – А. А. Август 2013]

I поколение

[Заславская Т. И.](#), [Здравомыслов А. Г.](#), [Лапин Н. И.](#), [Шляпентох В. Э.](#), [Ядов В. А.](#), [Ельмеев В. Я.](#)

II поколение

[Алексеев А. Н.](#), [Артемов В. А.](#), [Баранов А. В.](#), [Гилинский Я. И.](#), [Максимов Б. И.](#), [Столович Л. Н.](#), [Тощенко Ж. Т.](#), [Тукумцев Б. Г.](#), [Фирсов Б. М.](#)

III поколение

[Беляев Э. В.](#), [Божков О. Б.](#), [Воронков В. М.](#), [Гофман А. Б.](#), [Ионин Л. Г.](#), [Кесельман Л. Е.](#), [Константиновский Д. Л.](#), [Могилевский Р. С.](#), [Панова Л. В.](#), [Петренко Е. С.](#), [Протасенко Т. З.](#), [Саганенко Г. И.](#), [Смирнова Е. Э.](#), [Толстова Ю. Н.](#), [Травин И. И.](#), [Шереги Ф. Э.](#)

IV поколение

---

¹¹¹ Третье издание (2013), действительно, содержит уже 51 интервью. См. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=332>

[Бачинин В. А.](#), [Беспалова Ю. М.](#), [Давыдов А. А.](#), [Здравомыслова Е. А.](#), [Илле М. Е.](#), [Ильин В. И.](#), [Козлова Л. А.](#), [Мягков А. Ю.](#), [Семенова В. В.](#), [Тарусин М. А.](#), [Чирикова А. Е.](#), [Ядов Н. В.](#)

Настоящее электронное издание размещено на [сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга](#). Почти все эти биографические интервью можно найти также и на сайте [«Международная биографическая инициатива»](#).

30.01.2012

(4)

= Из портала «Когита.ру» (апрель 2013)

В издательстве ЕУСПб вышла в свет [новая книга](#):

Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 560 с.

В монографии доктора философских наук Б.З. Докторов анализируется широкий круг проблем, касающихся становления и развития социологии в СССР и новой России. Автор предлагает и аргументирует точку зрения, согласно которой современная социология — не продолжение, «возрождение» дореволюционной, но результат второго рождения этой науки в контексте хрущёвской политической «оттепели». Центральной теоретической конструкцией реализованного в книге историко-научоведческого анализа является понятие поколения советских/российских социологов. Эмпирическую основу работы составляют биографические интервью с социологами первых четырех поколений, значительная часть которых проведена автором по электронной почте. В целом им введена и обоснована новая биографоцентричная парадигма изучения истории современной российской социологии.

Книга может быть полезной исследователям, работающим в разных областях социологии, преподавателям истории российской социологии, студентам социологических факультетов. В то же время она адресована более широкому кругу читателей — историкам, культурологам, журналистам — всем, кто интересуется жизнью советского/российского общества во второй половине завершившегося столетия и в начале нового, XXI века.

[Содержание](#) (укрупненное оглавление)

От автора

Введение: как началось это исследование

Часть I. ИСТОРИКО-НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1. Биографии для истории

Глава 2. Методолого-методические аспекты исследования

Глава 3. Генезис современной советской/российской социологии

Глава 4. Лестница поколений российских социологов

Часть II. БИОГРАФИИ В ИСТОРИИ .

Глава 5. Начало биографий

Глава 6. Порождено историей. Один возраст — два поколения.

Глава 7. Призванное помогать

Глава 8. Спасенные перестройкой

Часть III. ИСТОРИЯ В БИОГРАФИЯХ

Глава 9. Подсказано прожитым

Глава 10. История правдива, только если она полна

Глава 11. Повседневность

Глава 12. Перестройка в судьбах социологов и социологии

Заключение

Приложение. Б. З. Докторов: «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...»

Литература

Список цитируемых интервью с российскими социологами

(5)

= Из материалов портала Когита.ру (2013)

**Энциклопедический проект об изучении общественного мнения
и о президентских выборах в США ¹¹²**

Здесь – архив и навигатор по специальному проекту ФОМ (Фонд «Общественное мнение»), осуществляемому «российским американцем» (петербуржцем и жителем Калифорнии) Борисом Докторовым - на протяжении восьми лет (2005-2013).

Из сайта Фонда «Общественное мнение»:

[СПЕЦПРОЕКТ БОРИСА ДОКТОВОРА](#) «ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США
2012 ГОДА»

Полный список материалов проекта

1. Политика и политики глазами электората <...>

2. Методы электоральных исследований <...>

3. Послевыборная аналитика <...>

4. Книги

Борис Докторов. [Восемь верных прогнозов Алана Лихтмана](#). [электронный ресурс]
М.: ЦСПиМ, 2013.

Борис Докторов. [От соломенных опросов к постгэллэповским опросным методам](#).
М.: Радуга, 2013.

Борис Докторов. [Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения](#). Москва,
Издательство «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011.

Борис Докторов. [Джордж Гэллэп. Биография и судьба](#). М.: Изд-во ООО «Полиграф
– Информ», 2011.

Борис Докторов. [Реклама и опросы общественного мнения в США: История
зарождения. Судьбы творцов](#). М.: ЦСП. 2008.

Борис Докторов. [Отцы-основатели. История изучения общественного мнения](#). М.:
ЦСП. 2006.

Борис Докторов. [Первопроходцы мира мнений: от Гэллэпа до Грушина](#). М.:
Институт Фонда «Общественное мнение». 2005

(6)

*[Воспользуюсь случаем воспроизвести здесь также одну из «не профильных»
работ моего друга и коллеги, опубликованную в петербургском социологическом журнале
«Телескоп» (2010) с моим послесловием-комментарием. – А. А. Июль 2013]*

---

¹¹² См.: <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/novosti-sociologii/enciklopedicheskii-proekt-ob-izuchenii-obschestvennogo-mneniya-i-prezidentskih-vyborah-v-ssha>

Правый поворот на красный свет светофора¹¹³

Шесть тысяч дней

Готовы ли вы пролистать 6000 ваших последних дней? День за днем? Без пропусков. Радостных и трагических, наполненных событиями и как-бы пустых, долгих и коротких, когда все шло «в масть» и когда все было наперекосяк, дни – долго ожидавшиеся и как бы случайно оформившиеся, дни- приобретения и дни-потери и т.д. Трудно представить, что такое 6000 дней? Привычнее измерять протяженность годами.

Представьте, что только завершился сентябрь 2010 года, а теперь перенеситесь мысленно в конец апреля 1994 года. Вот это и есть шесть тысяч дней. Теперь стало яснее, проще? Хорошо. Итак, день за днем. Можно начинать из прошлого и двигаться вперед, можно начинать сегодня и двигаться назад. Если на воспоминание одного дня затратить минуту, то ваши воспоминания займут ровно 100 часов.

И все же перенесемся на 6000 дней в прошлое.. Могли ли вы тогда представить, что к сегодняшнему дню ваша жизнь будет разматываться так, как это было в действительности? А хотели ли бы вы, чтобы все произошло так, как произошло? Чего больше: дней, которые не хотелось бы вспоминать или которые вы готовы вспоминать и вспоминаете?

Существует то, что выше наших сил, выше наших возможностей, и потому многое происходило не потому, что мы так хотели. Однако мы обязаны были и это впустить в свою жизнь. Но многое произошло так, потому что мы что-то сделали не так или вообще не сделали.

Почему я обо всем этом спрашиваю? Почему я называю именно 6000 дней?

Записывая события моего первого дня в Америке, я непроизвольно зафиксировал не только дату, но отметил: «День первый». Так и повелось, и прошедшее 2 октября оказалось 6000-м днем.

Могу ли я пролистать дни от №1 к №6000 или наоборот? Формально – «да», день за днем. Точнее, почти день за днем, изредка я не смог зафиксировать происходившее. Но счетчик дней «тикал» постоянно.

Хочу ли я пролистать эти состоявшиеся 6000 дней?

Пожалуй, нет... но, может быть, когда-нибудь я приму хорошенько «для храбрости» и загляну в мое 6000-дневное прошлое...

Америка – не скучная страна..

Случившееся сегодня – просится на бумагу. История – обыденная, но, думается, такое возможно лишь в Америке.

Приехал я в три часа дня в одно присутственное место, удалось быстро справиться, и я планировал заехать еще в пару мест и вернуться к своему любимому компьютеру. Однако, впервые за лет семь-восемь моя машина не завелась. Вообще-то положено регулярно в нее что-то заливать, где-то подмазывать, что-то еще, но я ничего этого не делаю Просто время от времени заезжаю на станцию обслуживания.

Так вот, но морально и документально я оказался готов к ЧП. Морально – надо всегда, документально – если это касается машины, тоже. Звоню в страховую фирму. Почему-то я думал, что она где-то в наших местах, но нет. Меня спрашивают не только улицу, на которой я припаркован, но город и штат. Все сообщил. Мне говорят, через

---

¹¹³ Опубликовано в: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 6. (Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2010&id=708).

В состав рукопись книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) этот текст не входил.

несколько минут вам позвонит автоматическая служба контроля выполнения заказа. Точно, звонят. И начинается чисто американское: если вам надо это, нажмите «1», если другое, нажмите «2». Нажимаю.. наконец: «Хотите ли вы узнать, когда к вам придет машина, которая вас отвезет на ремонт?», если «да», нажмите «1». Нажал, слышу «Через час и 15 минут». Если хотите прослушать наше сообщение еще раз, нажмите «1». Начал ждать.

Но мне сказали, через полчаса позвоним, подтвердим. Позвонили, подтвердили, сказали, машина будет через 45 минут. Действительно, минут через 40 звонят, уже не автомат, женский голос. Подъезжаем. Точно, вижу машину, подъезжают, припарковываются рядом со мною. В ней – мужчина американского вида (белый, высокий, уверенный в себе..) и женщина – симпатичная филиппинка, лет 30+, минимум лет на десять моложе его, в черных очках и совсем коротких шортах. Его жена, она работает с ним. Подцепили они мою машину и спрашивают, поеду ли я с ними. Отвечаю, что поеду.

У меня есть контракт на ремонт с «Тойотой», я объяснил, куда ехать. Поехали, я сижу с ними в кабине, втроем, значит.

Женщина с заметным акцентом (с тем или иным акцентом говорит большинство калифорнийцев) спрашивает меня, откуда я. Отвечаю: «Из России».. едем дальше (а нам ехать минут 25) о чем-то говорим. Мужчина спрашивает: «Ты – еврей?». Говорю, да, мои родители были евреями, а я – по национальности – еврей, но в синагогу не хожу. Он говорит, что он протестант, но в церковь не ходит. И вдруг.... филиппинка говорит: «Я – тоже еврейка». Мама родная, думаю, верно поется: «евреи, кругом одни евреи...». Оказывается, она жила и кончала школу в Израиле. Она, действительно, филиппинка. Потом показала паспорт – израильский. Я говорю, никогда не видел филиппинских евреев, она она сказала, что их действительно мало. Тем временем мы приехали, это было уже около шести вечера.

Быстро поставили машину на парковку, завтра утром мне будет звонить мастер. У меня многое оплачено страховкой, но я готов к тому, что он запросит тоже немало. Шофер (муж) спрашивает, где я живу, я объясняю, он говорит, мы тебя довезем до дому. При этом на оплату даже не намекает. Едем, я – доволен, скоро буду дома. Обратно едем уже по фривею, быстро, и вдруг он говорит: «Я – японец». У меня челюсть отъехала. Я говорю, никогда бы не сказал. Оказалось, что он родился в Японии, где его отец служил в американских войсках. Когда он показывает свой паспорт в аэропортах, все удивляются. Ведь в Америке нет национальности, где кто родился, такая у него и национальность.

Да, говорю, такое бывает только в Америке. В кабине машины едут люди с такими интересными судьбами.

Довезли они меня до дому, попросил я их подождать меня пару минут, принес ей коробку конфет, ему бутылку коньяка. Они ничего не ожидали. Я сказал, что тоже не ждал такого доброго отношения. Дали мне «визитку», если что – могу звонить, у них мастерская по ремонту автомобилей.

Вот так, а в России говорят, что Америка – скучная страна.

Как сказать. Кому как.

Меняющиеся здания «Оракла» и убегающий Смольный собор

Свыше десяти лет я несколько раз в неделю проезжаю мимо монументального комплекса зданий глобальной компьютерной корпорации «Оракл» (Oracle Corporation) – когда выхожу с фривея-101 на восток и когда возвращаюсь на эту скоростную дорогу. И каждый раз восхищаюсь ими. Много лет хранится в моей памяти тайна легкого и одновременно величественного Смольного собора в Петербурге. И вдруг ощущения, вызываемые чудом архитектуры конца XX века, и воспоминания о здании Растрелли, выстроенном в середине XVIII века, встретились во мне. И подружились. Причиной этой доброй встречи стала бело-серая облачность, нетипичная для летнего утра Калифорнии,

но присущая Петербургу. В то утро я увидел здания «Оракла» так, как никогда ранее, и они напомнили мне Смольнинский ансамбль.

1.

Штаб-квартира фирмы «Оракл» расположена в Redwood Shores и является архитектурным центром этой застраиваемой территории. Комплекс вырос фактически в «чистом поле», и несколько позже там начала складываться городская инфраструктура и открываться новые фирмы, в основном из dot.com индустрии. «Оракл» – одна из составляющих всемирной известности Кремниевой долины, а Redwood Shores – ее северная оконечность.

Шесть высотных зданий «Оракла» стоят по трем берегам превращенной в небольшое озеро заводи Сан-Франциско залива. Их расположение, конструкция и облицовка порождают удивительную пространственную и цветовую подвижность, переменчивость, воздушность всего этого комплекса. В нем нет и капли статичности.

В совокупности зданий присутствуют скрытая симметрия и легко обнаруживаемая асимметрия. Сложены они из одних и тех же элементов: параллелепипедов, башен и полубашен, но каждое из них неповторимо. В одном случае башни стоят по бокам параллелепипеда, в другом – заключены между двух параллелепипедов. Одни сферические поверхности обращены к зрителю выпуклостями, другие – вогнутостями. В самой высокой башне 15 колец-этажей, есть 12-этажные. Примыкающие к ним конструкции прямоугольной формы на два-три этажа ниже.

Здания не выровнены по линии, они хитро «разбросаны». Поэтому, подъезжая к комплексу с разных сторон, человек, находящийся в машине, видит разное количество строений. Иногда думаешь: одно здание, но, немного проехав, замечаешь, что оно «разлепляется» на два. С некоторых точек обзора видны лишь башни, но по мере движения обнаруживается, что за ними «прячутся» прямоугольная конструкция. Или наоборот, сначала здание имеет сложную, составную форму, но затем прямо на глазах оно превращается в башню.

Но самое удивительное в восприятии зданий порождено их зеркальной облицовкой. Башни всегда «окрашены» в цвет неба над ними. Обычно утром и днем небо ярко-голубое, безоблачное, поэтому доминирующий цвет зданий – голубой, но при этом каждое из них имеет свой оттенок. В пасмурные дни здания серые. На закате они быстро из золотисто-красноватых «перекрашиваются» в темно-голубые, потом – в почти черные. В ночное время большинство окон остается освещенными. Здания не исчезают в темноте.

2.

Дошкольные и школьные годы, а также значительную часть студенческих лет я прожил в Ленинграде на улице Красной Конницы (теперь – Кавалегардская улица). Она начинается у Суворовского проспекта и идет к Неве. На класс старше меня и моей сестры, мы – двойняшки, училась Аня Каминская, внучка известного теоретика искусств и литературного критика Николая Николаевича Пунина. Он был репрессирован и в 1953 году погиб в заключении. Его женой была Анна Андреевна Ахматова, которая жила с семьей Пунина до самой смерти. С 1952-го до лета 1961-го они жили на Красной Коннице, а потом переехали в писательский дом на улице Ленина (теперь – ул. Широкая).

После окончания школы Аня и моя сестра начали учиться на искусствоведческом факультете Академии художеств, и это сблизило их. Я поступил на математико-механический факультет ЛГУ. Образовалась большая, веселая студенческая компания, зимние выходные и каникулы мы проводили в «Будке», летнем домике Ахматовой в поселке Комарово под Ленинградом.

Как-то Аня дала мне пакет с отпечатками статей одного из величайших математиков XX века Андрея Николаевича Колмогорова. Это были итоги применения идей и методов статистики и теории вероятностей в исследованиях русского стиха. Материалы были переданы Колмогоровым Ахматовой через известного лингвиста академика Виктора

Максимовича Жирмунского, тоже жившего в Комарове. Мне надо было разобраться в этих статьях и «по-простому» объяснить Ахматовой их содержание.

Вскоре Аня попросила меня, скорее всего это была осень 1960 года, сопроводить Акуму, так в семье звали Анну Андреевну, из «Будки» в Ленинград. Договорились с кем-то о машине и поехали. Мне кажется, что я сидел впереди, а сзади – Ахматова и ее подруга Эмма Григорьевна Герштейн, литературовед и исследователь творчества Ахматовой.

По дороге я пересказал Ахматовой то, что вычитал и понял в работах Колмогорова. Подарок Анны Андреевны за мой «труд» навсегда остался со мной. Она обратила мое внимание на то, что если ехать по Суворовскому проспекту от Невского к Смольному собору, то это бело-голубое здание Растрелли поначалу, как и положено, приближается, а потом, вопреки законам зрительного восприятия, вдруг начинает удаляться. Не знаю, был ли этот эффект предусмотрен зодчим, но его обнаружил поэт.

***

От моего дома на Красной Коннице надо было немного пройти до улицы Войнова (теперь – Шпалерная), завернуть направо, и сразу был виден Смольный собор. Он не был отреставрирован, но это не лишало его аристократизма. А если прогуляться несколько минут от моего нынешнего дома до озера, то в просвете между деревьев над одно-двухэтажными домами, стоящими на противоположном берегу, можно увидеть башни «Оракла». До них – чуть более 6 километров. Иногда, ранним утром, пока туман не рассеялся, они кажутся бело-голубыми.

Правый поворот на красный свет светофора

На неделе я замешкался, наступила пятница, и тут я вспомнил, что к понедельнику должен был выслать в наш госпиталь (в российской жизни – это поликлиника и больница) одну бумагу. Все было готово, но отправлять почтой было поздно. Из-за кризиса почта не работает по субботам, значит письмо может задержаться в пути. Я решил этот документ отвезти.

Это очень близко, минут 12-15 от дома. Приятная дорога, время – начало десятого утра, утренняя нагрузка на дорогу уже спала. В одном месте пути скорость ограничена до 25 миль/час (40 км/час), нарушать никто не будет, но немного-то можно. А здесь поток идет так, что на спидометре все время ровненько 25 миль/час; и по соседней линии все движутся с такой же скоростью. Ясно, значит что-то (не авария) сдерживает нас всех. Действительно, на одном из поворотов я заметил, что машины за три-четыре до меня идет полицейская машина. Все «тащатся» за нею, никто перегонять ее не хочет. Если у копа на спидометре 25 миль/час и это – предел скорости, то перегнать его можно лишь превысив скорость. Это каждому понятно. И вот размышления по этому поводу как-то незаметно подвели меня к следующему дорожно-социальному сюжету.

В Калифорнии и ряде других штатов страны есть очень хорошее правило уличного движения. Машина, движущаяся по первой, т.е. ближайшей к тротуару полосе, может на красном свете светофора поворачивать направо. Убедись, что слева нет потока машин и справа никто не рвется перебежать дорогу, и – вперед. Думаю, что каждый водитель понимает, насколько это удобно. Путь открыт, почему не ехать? Вообще говоря, сам водитель имеет право решать, поворачивать ему на «красный» или нет, но правила рекомендуют поворачивать, особенно в тех случаях, когда за твоей машиной выстроились для поворота другие.

Я склонен видеть в этом дорожном правиле проявление американской обыденной философии, системы организации повседневности. Можно говорить о минимизации запретов, можно – о стремлении к доминированию здравого смысла, простой разумности.

Если у человека кончилось лекарство, которое он постоянно принимает, он звонит врачу и либо оставляет на автоответчике свою просьбу, либо просит девушку, принимающую звонки, записать ее и передать врачу. Врач в специальной

фармацевтической базе данных находит код этого лекарства, отыскивает там же код ближайшей ко моему дому аптеки и сразу пересылает в нее рецепт на необходимое лекарство. Еще совсем недавно рецепт высылали в аптеки по факсу.

Если вы пришли в аптеку, но в силу каких-то причин вам не могут выдать прописанное врачом, сама аптека будет связываться с ним и потом позвонит вам, что бы вы пришли за лекарством.

Если вам надо отправить стандартное письмо и нет времени или желания прогуляться или доехать до установленного на улице почтового ящика, положите письмо в свой почтовый ящик. Почтальон, который приносит вам вашу ежедневную почту, открыв ваш почтовый ящик, увидит письмо и отправит его.

Когда пришло время сдать в библиотеку взятые там книги, видео- или аудио-диски, не обязательно приходить в библиотеку в ее рабочие часы. Выезжая рано утром из дома или возвращаясь домой очень поздно, остановитесь на минуту у библиотеки и опустите ваши книги или диски в специальный ящик. Дело сделано. Более того, возвращать взятое в одной из локальных библиотек можно в любой другой, входящей в сеть из десятков библиотек, расположенных в соседних городках.

Но, помня правило правого поворота на «красный», следует еще крепче держать в памяти обязательность остановки на знаке «STOP». Что нельзя, то нельзя. Если полицейский заметит, что вы не остановились у знака или лишь имитировали остановку, не зафиксировали ее, штраф будет немалым.

Еще два примера на неукоснительность выполнения «STOP».

Несколько лет назад мои молодые друзья отмечали день рождения, скажем – 35 лет. Веселились в небольшом садике перед своим домом. Теплый вечер. Коптили рыбу, делали шашлыки, гитары: Окуджава, Высоцкий, Цой. Примерно в 23: 05 у калитки появился полицейский, узнал, кто хозяин. Напомнил, что все песни, музыка должны были закончиться в 23:00, выписал штраф и уехал. Его вызвали соседи. Они не заходили к веселившимся, не просили вести себя тише, не грозились. Они поступили по правилам и напомнили другим, что правила надо выполнять.

Я работал секьюрити в большом офисном здании. Летнее воскресенье, утро, тишина. И вдруг слышу шум воды за спиной. Поворачиваюсь в кресле и вижу через стеклянную стену, что обычно небольшой фонтан выбрасывает мощную струю воды. Звоню моему напарнику, который в это время обходит обширную территорию вокруг здания, и прошу его вернуться. Понимаю, что раньше чем через 10 минут его не будет. Беру универсальный ключ, подходящий ко всем дверям технических служб, открываю специальную комнату и перекрываю воду, поступающую в фонтан. Возвращаюсь на рабочее место, моего напарника еще нет. Гордый тем, что справился с фонтаном, звоню в службу инженера и объясняю, что было, что стало. Через два дня меня вызвал на работу мой бригадир, бывший военный моряк, и вежливо, без надрыва, объяснил мне, какой я был идиот. Обязанности секьюрити: наблюдать, фиксировать в специальном журнале и информировать. И «STOP». Если я нарушил эти требования в данный момент, то я могу нарушить их и в других случаях. Наши добрые отношения и тот факт, что я лишь недавно стал жить в Америке, спасли меня. Никаких иных санкций не было.

Таковы основы философии повседневной американской жизни.

Утренний кофе в стане американских демократов

В Америке успешный бизнес – больше, чем бизнес. Это – политика. Иногда даже самая высокая. Сегодня – о сети кафе «Старбакс» (Starbucks), насчитывающей свыше 17 тысяч точек в почти полусотни стран. Я давно открыл для себя «Старбакс», еще тогда, когда ничего не знал об интереснейшей культурно-политической особенности этой сети. В радиусе 10-15 минут езды от меня находится несколько «Старбаксов», а до ближайшего – не более пяти минут совсем ленивой походкой.

Открывается оно, как и все кафе сети, в 5:30 утра, в это время я его не наблюдал. Но в начале восьмого – многократно. Двери пускают и выпускают посетителей, которые там почти не задерживаются: покупают стакан кофе, какую-нибудь выпечку – и быстро в машину. Совсем недалеко от кафе начинается San Mateo Bridge – мост через Сан-францисский залив. Он занимает 26-е место в мире по длине (протяженность – свыше 11 км). Несмотря на то, что на мосту три полосы в каждую сторону, поток машин движется медленно: пока пересечешь залив, все купленное можно съесть несколько раз. Забегают в кафе и уже съехавшие с моста; их утро началось давно, дома завтракать не было времени. Они мчатся на работу, паркуются у «Старбакса». Наслаждаются кофе в офисе.

Иногда, но не часто, я заглядываю в это кафе после полудня, когда солнце во всю светит и воздух сильно прогрет. Люблю расположиться на улице за каменным столиком у стены кафе. Горячий кофе, раскаленная столешница, на которую невозможно сразу положить ладони, но самое приятное – это прикосновение спиной к нагретой солнцем стене. Кто когда-либо залезал на хорошо протопленную русскую печь, тот, вспомнит это чувство полного погружения в тепло.

Кофе в «Старбаксе» крепкий и очень душистый; посетителя спрашивают, оставить место для сливок или нет. Специальные лаборатории постоянно разрабатывают новые сочетания сортов, и в кафе предлагают несколько видов смесей на выбор. Все хороши. Сидя в кафе, быстро свыкаешься с запахом кофе и начинаешь ощущать его слабо. Но мой столик находится вблизи открывающихся-закрывающихся дверей, и меня постоянно окутывают новые волны душистого воздуха. Яркое солнце, даже несмотря на плотные темные очки, заставляет прикрывать глаза. Время останавливается. Никаких мыслей. Часто испытывать этого нельзя, «подсядешь».

Но в одну из недавних суббот я решил посидеть внутри кафе. Было чуть более семи утра, еще прохладно. Небольшой зал, шесть квадратных и круглых столиков с двумя приставленными к ним стульями. Мебель – деревянная. Есть в зале два глубоких кресла. Поначалу посетителей было мало, но вскоре поток входящих стал плотнее выходящих, и к восьми утра все столики были заняты. Многие предпочитали сидеть на улице, особенно те, кто зашел в кафе, прогуливаясь с любимой собакой.

Были одиночные посетители, пары, молодые родители с детьми. «Старбакс» – кафе быстрого питания, здесь не задерживаются, но в субботнее утро люди не торопятся. Здесь главное – кофе, но есть любители чая со льдом. Можно купить булочку или кекс. Нередко посетители приходят с бумажным пакетом. Значит они уже зашли в расположенное рядом кафе сети «Ноас» (Noah's New York Bagels) и купили всегда свежайшие бейгелы) – еврейские бублики. Об этом бизнесе надо рассказывать специально: первое кафе этой сети было создано в 1990 г. в Беркли, куда и ведет San Mateo Bridge, ортодоксальным евреем Ноем Алпером. «Бубличные» оказались настолько успешным бизнесом, что в 1995 г. создававшаяся сеть была им продана за 100 миллионов.

В среднем посещение кафе обходится в 6 долларов, по американским понятиям это недорого, но есть кафе подешевле. Согласно репрезентативному опросу, проведенному фирмой «Расмуссен» в августе 2008 г., три четверти (73%) американцев считают, что несколько переплачивают «Старбаксу» за предоставляемые услуги. Эти кафе расположены на углах многих улиц главных городов страны, но лишь 8% опрошенных заходят в них по крайней мере раз в неделю, а 76% – редко или никогда. 80% посещают «Старбакс», чтобы выпить кофе, и только 5% – чтобы поесть. Есть еще одна цель – бесплатно воспользоваться беспроводным Интернетом; для более трети (37%) мужчин до 40 лет – это первичная причина посещения кафе этой сети. Четверым из десяти взрослых (38%) нравится эта сеть кафе, 27% высказывают противоположное мнение.

Среди зарабатывающих менее 20 тыс. долларов в год примерно треть (30%) положительно относятся к «Старбаксу», в группе, чей доход превышает 100 тыс. долларов в год, таких более половины (54%).

В будние дни преобладающая часть посетителей «моего Старбакса» одета по-деловому. Строгий стиль одежды, добротная обувь, хорошая стрижка, дорогой парфюм. Это – сотрудники расположенных рядом четырех огромных зданий глобальной корпорации «Visa», местного филиала «Microsoft» и других солидных кампаний. Они заходят в кафе небольшими группами, но не засиживаются там. Со стаканами кофе и какой-нибудь булочкой неспешно возвращаются в свои офисы. В раннее субботнее утро обстановка в кафе совсем иная. Те же люди, но теперь по их одежде сложно сказать, к какой социальной страте они принадлежат и каков их доход. Почти все в джинсах или шортах, майках или джемперах, в сандалиях или кроссовках, чаще – на босу ногу. Так одеваются и весьма состоятельные, и тех, чей доход невелик.

Однако не нужно быть физиономистом, чтобы распознать в доминирующей части посетителей «Старбакса», как бы они ни были одеты, образованных, либерально-настроенных, в целом успешных людей, не участвующих активно в политике, но имеющих свое собственное отношение к происходящему в стране. Не знаю, дух ли «Старбакса» объединяет их или они сами создают особую социальную атмосферу этой сети кафе. Сначала я сам уловил, почувствовал эту особенность «Старбакса» и – не только из-за любви к кофе – стал присматриваться к этим кафе; летом 2008 г. мои ощущения получили «цифровое оформление».

В феврале 2008 г. я оказался втянутым в мониторинг американской президентской избирательной кампании. Я с самого раннего утра входил в электронную паутину и с трудом выбирался из нее вечером. Существовало множество сайтов, за материалами которых следовало постоянно наблюдать, одни ежедневно размещали результаты последних опросов электората, другие – предлагали политологический анализ событий в стране. Были и дайджесты, моментально публиковавшие горячий материал других сайтов.

В октябре 2007 г. никому не известный аналитик под псевдонимом Poblano начал публиковать на одном из активно посещаемых политических блогов свои рассуждения о новых подходах к анализу статистики электоральных опросов. Исходно многих привлекла его методология, затем – успешные предсказания результатов первичных выборов. В марте 2008 года он открыл свой сайт <FiveThirtyEight.com>, описал разработанный им метод и приступил к систематическому прогнозированию исходов первичных демократических выборов. Его оценки часто были точнее предлагавшихся известными специалистами. Так возникли понятия Poblano-модель и Poblano-эффект.

30 мая 2008 года маска была снята, Poblano – это Нэйт Сильвер, молодой (Nate Silver, род. 1978) политический обозреватель и экономист, выпускник Чикагского университета. В раннем детстве он увлекся бейсбольной статистикой уже к середине 2000-х считался гуру в области прогнозирования успешности выступления бейсболистов. Для миллионов американцев это много интереснее, президентские выборы.

Помимо ежедневного уточнения прогноза числа выборщиков, которых могут приобрести в день голосования Барак Обама и Джон Маккейн, Сильвером каждый день вычислялись вероятности развития различных исходов избирательной кампании. В таблице представлены вероятности нескольких вариантов завершения борьбы за Белый дом, вычисленные во второй половине октября.

Вероятности завершения президентской избирательной кампании 2008 года, октябрь (%)

	13 октября	25 октября	31 октября
Одинаковое число выборщиков	0,19	0,22	0,07
Обама победит на общих выборах	89,36	94,16	96,08
Маккейн победит на общих выборах	10,64	5,84	3,92
Обама победит во всех штатах,	90,19	93,16	97,71

где в 2004 году побеждал Керри			
Маккейн победит во всех штатах, где в 2004 году побеждал Буш	0,38	0,33	0,03
Будет полностью повторен сценарий 2004 года (Буш - Керри)	0,00	0,04	0,00
Будет полностью повторен сценарий 2000 года (Буш - Гор)	0,18	0,27	0,01

Выводы Сильвера вскоре были признаны американскими средствами массовой информации, его обзоры публиковали «Wall Street Journal», «Newsweek» и другие известные издания, в прайм-тайм с ним беседовали ведущие крупнейших общенациональных телевизионных каналов. В начале 2009 года журнал «Time» включил его в сотню влиятельнейших людей мира по разделу «Ученые и мыслители».

Рассмотрению прогнозной модели Сильвера предпослано одну личную историю. В ходе мониторинга я быстро распознал смысл построений Сильвера и стал посещать его сайт ежедневно. В начале мая 2009 года я обнаружил, что его отец – профессор Мичиганского университета, Брайн Сильвер, политолог, изучающий Россию и Эстонию. Я отправил ему электронное послание с просьбой поговорить с ним о его сыне. Через пару дней звоню профессору того же университета Владимиру Шляпентоху, с которым дружен свыше сорока лет, и рассказываю ему о гениальном сыне его коллеги Сильвера. Весьма экспрессивный Владимир говорит мне: «Боря, что-то ты не то говоришь. Я помню, как был у Брайна дома, и он кормил с ложки сидящего на высоком стуле малыша». Посчитали годы, и Шляпентох пришел к выводу, что тот малыш уже сильно подрос. Через неделю Владимир позвонил мне и сказал, что встретил профессора Сильвера, тот получил мое письмо и собирается ответить на него. Пока ответа я не получил...

Информационную базу прогнозной (регрессионной) модели Нэйта Сильвера составляют данные регулярных, в том числе – ежедневных опросов электората, проводившихся многими полстерскими организациями по общенациональным выборкам и внутри всех штатов страны. Все эти данные специальным образом «взвешивались». Во-первых, по мере старения результатов опросов, их «вес» при расчете прогноза исхода выборов уменьшался. Во-вторых, в модели учитывалось качество прогнозов, делавшихся отдельными полстерскими организациями в период первичных выборов. Подобный мониторинг осуществляется крупнейшей в стране независимой, внепартийной исследовательской фирмой SurveyUSA.

При построении модели учитываются значения 23 показателей, характеризующие электорат и некоторые особенности инфраструктуры штата. Все они, кроме одного, достаточно традиционны, приведу несколько примеров. К политическим показателям относятся: «Преимущество (%) Буша на выборах 2004 года в данном штате», «Отношение «либерал/консерватор» (шкала Лайкерта), опросы на выходе с избирательных участков в 2004 году», «участие (%) на выборах 2004 года». Среди демографических (%): «афроамериканцы», «мужчины», «молодежь (18-29 лет)». Показатели экономики штата: «годовой доход на человека, (тыс. \$)», «уровень безработицы, (%)». Вот три показателя из группы, условно названной «общесоциальной»: «Имеющие родителей – американцев, (%)», «владельцы оружия, (%)», «однопольные семьи (%)».

И есть один необычный показатель, это – «*Старбакс-Уолмарт соотношение*».

О сети «Старбакс» немного сказано выше. «Уолмарт» (Walmart) – крупнейшая в мире сеть розничной торговли, продающей по дешевым ценам продукты питания и огромное число различных товаров. Две трети американцев (64%) позитивно относятся к этой сети, треть (30%) – хотя бы раз в неделю делают покупки в «Уолмарте» и половина (52%) – считают, что наличие магазина этой сети в их комьюнити положительно влияет на жизнь людей, хотя и затрудняет существование малого бизнеса.

Стечение многих социально-экономических обстоятельств и особенности этих бизнесов были таковы, что сеть «Старбакс» активно развивалась и сейчас широко охватывает штаты, в которых традиционно высока поддержка кандидатов в президенты от Демократической партии, а сеть «Уолмарт» – штаты, где доминируют позиции республиканцев. Эксперименты Сильвера показали, что использование в его прогностической модели «Старбакс-Уолмарт отношения» (число кафе «Старбакс» к числу магазинов «Уолмарт» в штате), повышает предсказательную силу его построений.

Сеть «Старбакс» родилась в штате Вашингтон. Сейчас в нем 13,65 кафе приходится на один магазин системы «Уолмарт». На втором месте – Калифорния (я живу в этом штате). У нас значение рассматриваемого отношения равно 12,48. Третий – Орегон (8,38). В 2008 году эти штаты проголосовали за Барака Обаму.

Родиной сети «Уолмарт» является штат Аканзас. Для него значение рассматриваемого отношения минимально (0,19) – нижняя, 50-я ступенька. На 49-й и 48-й располагались штаты Миссисипи и Западная Вирджиния, соответственно. Там в 2008 году победил Джон Маккейн.

В 2000 году в политический язык Америки вошли понятия «синих» и «красных» штатов. В первых – в ходе последних пяти президентских выборов, начиная с 1992 года, преимущественно побеждали кандидаты от Демократической партии, во вторых победу чаще праздновали республиканцы. Анализ показывает, что «старбаксовы» Вашингтон, Калифорния и Орегон относятся к «синим» штатам, Миссисипи – «красный». Аризону и Западную Вирджинию причисляют к промежуточному классу «фиолетовых», но они тяготеют к республиканцам. Сказанное позволило одному политологу заметить: забудьте про «красные» и «синие» штаты. Для политического прогноза важнее знать отношение «Старбакс-Уолмарт» для каждого штата.

Сильвер точно предсказал исход голосования по стране в целом и в 49 из 50 штатов. Я тоже голосовал за Обаму.

Теперь я рассматриваю мои посещения «Старбакса» и как наблюдения за демократическим электоратом. Но все же, прежде всего, я иду туда, чтобы, сидя под горячим солнцем, выпить стакан горячего и душистого кофе.

Почти пропавший сюжет. Отбор в присяжные

Моя радость от случившегося пару часов назад слегка омрачена лишь тем, что не получится написать тот сюжет, который я планировал сделать в ближайшие дни. Однако что-то из задуманного изложено ниже...

Месяц или чуть более назад я получил, если сказать по-русски, повестку о том, что в пятницу 11 сентября этого года в 8:30 утра я должен быть в суде нашего округа для отбора присяжных; быть присяжным – обязанность каждого гражданина США. Возможно, кто-либо радуется этому, если пройдешь все испытания, то можно будет сколько-то дней не работать, но – думаю – большинство – не испытывает большой радости. Приходится пропускать работу, переносить командировку, улаживать какие-то дела дома, да и вообще.

Прежде чем собираться завтра утром в путь, я должен был сегодня после 6 вечера позвонить в суд или зайти на его сайт, чтобы узнать, нет ли каких изменений. Они часто случаются, например, дело, в котором мне, возможно, пришлось бы участвовать, было отложено... или, скажем, судья заболел..

Я позвонил, попал, как и предполагал, на автоматическую систему. После нажатия ряда цифр, которые мне предлагались приятным мужским голосом, мне сообщили, что завтрашнее приглашение отменяется, и пообещали обратиться ко мне снова через 12 месяцев. Ух, пронесло. А что было бы, если бы завтра утром я туда отправился? В целом, я знаю, имею некоторый опыт.

Приехать надо было бы не в 8:30, а минут на 15 раньше, иначе намучаешься с парковкой. Она, хотя и огромная, но место на ней всегда найти сложно. Затем я вошел бы

в здание суда и прежде всего подвергся бы той же процедуре досмотра, что и в аэропорту: мои вещи были бы просканированы, а я, освободившись от обуви, брючного ремня, мелочи и ключей в карманах, прошел бы через рамку.

Думаю, здесь никаких проблем у меня не возникло бы. После контроля, служащий, посмотрев мое приглашение, сказал бы, в какой зал я должен пройти. Это было бы большое помещение, у дверей за конторкой сидел бы сотрудник, я отдал бы ему мое приглашение, он ввел бы его номер компьютера и, тем самым, зарегистрировал бы меня. В каком-либо углу находился бы стол с пакетиками чая, кофе и какао, а рядом – титан с кипятком. Это – всегда, не только утром. Вдоль стен на столах стояли бы компьютеры для публики. Кто знает, может придется долго ждать, когда придет сотрудник суда и объявит всем нам, что будет дальше. Хотя многие приедут с ноутбуками, кто-то будет без них. Тогда можно поработать на общих компьютерах. Залезть в Интернет, почить новости, отправить электронное послание.

Думаю, что между девятью и половиной десятого утра пришел бы клерк. Возможно, он объявил бы, что все собравшиеся – свободны, так как что-то стряслось в последний момент. Каждому присутствующему дали бы справку о том, что он утром он был в суде. Через три-четыре минуты зал был бы свободным, а на парковке – много свободных мест.

Но может быть и иначе, он пригласит всех в большой зал. Думаю, там будет не менее ста человек, все рассядутся, и вскоре на возвышении перед нами появится судья в мантии и секретарь суда. Всем предложат встать, потом сесть. Потом секретарь будет называть фамилии присутствующих, а мы – вставать и отвечать «Yes». Это займет много времени, так как будут не только распространенные американские фамилии, но и китайские, японские, индийский. Произнесение моей фамилии – Doktorov, записанной через «k», тоже может оказать проблемой.

И все же это закончится. Теперь – все напряжены, судья скажет несколько общих слов о гражданских обязанностях собравшихся, а затем секретарь начнет зачитывать по какому-то правилу или на основе случайной выборки отобранные фамилии для формирования коллегии присяжных. Будут называть фамилию и спрашивать, можешь ли работать. Вопрос не совсем формальный, так как исполнение обязанностей присяжного требует определенного знания английского. Самая первая возможность «спрыгнуть», заявить, что ничего не понимаешь по-английски, но и суд это знает, и они как-то легко определяют, дуриет ли их человек или действительно не знает. За полчаса они отберут человек 50, объявят перерыв. Не попавшие в эту полусотню получают справки о том, что были в суде, а «меченные» вернутся в зал.

Я это все описываю подробно, потому что все прошел.

После перерыва процедура отбора присяжных продолжится. Отберут 12 человек, это – основные кандидаты в присяжные, и еще 12 – это первые запасные и все оставшиеся – запасные второго уровня.

Вскоре основным присяжным предложат занять свои места, это кресла у боковой стены справа от судьи, вторые 12 будут сидеть в первом ряду зала, оставшиеся – в зале, где угодно.

Примерно год назад я попал в первую дюжину, честно, никакого экстаза я не испытывал. Думал об одном, как сойти с дистанции. Понимаю, это не очень хорошо, но так было.

Сначала каждому из нас задали еще раз вопрос о знании английского, а потом предложили кратко рассказать о себе. Здесь важно, чтобы сам человек никак не соотносился с судебной системой, полицией и тому подобное, и чтобы в семье не было профессионалов. Бумаг никаких предоставлять не надо, верят сказанному. Мое сообщение о том, что я живу в США недолго и английский – мой второй язык, было выслушано без желательного для меня последствия. Опросив таким образом всех из нашей дюжины, суд освободил одного-двух человек, заменил их представителями второй дюжины и затем

начал опрашивать их. Там тоже оказалось несколько человек, которым судья не мог доверить участие в суде. Их отпустили, и опросив оставшихся, дополнили ими вторую дюжину присяжных. Ясно, что после этого всех нас отпустили по домам, наказав на следующий день быть в определенное время и уже не в майках и джинсах, а в более строгой одежде.

На следующий день мы все собрались: судья, секретарь, слева – полицейский. Около судейского возвышения – стол, за ним: прокурор, следователь и обвиняемый с адвокатом, 12 человек – справа от судьи, еще 12 – в зале на переднем ряду, оставшиеся – где-то в глубине зала.. Нам объяснили суть дела: обвиняемый – молодой парень, выходец из Латинской Америки, начал поколачивать свою подругу, с которой он жил уже несколько лет, она и подала на него в суд.

Затем к основной группе присяжных подошел адвокат и в присутствии всех стал спрашивать у каждого, как он воспринимает это дело. Я сказал, что суть дела мне понятна, что вижу его социальную направленность. По глазам адвоката я понял, что это его не настроило против меня., с его стороны отвода не будет. Слушая других, я все более задумывался, как сделать так, чтобы меня освободили. Слышу, что одна женщина из нашей группы, латинос, говорит, что она возмущена поведением парня, что это не отвечает требованиям религии, что она будет против. Ее сразу же отвели: она продемонстрировала заинтересованность в определенном исходе процесса. Здесь и я смекнул, как быть.

После перерыва с нами начал говорить прокурор. Дошла очередь до меня, я говорю: «Знаете, в России, откуда я приехал, говорят, бьет, значит любит. Если бы у нас каждая женщина, которую бьет муж или друг обращалась в суд, работа судов была бы приостановлена». Он попросил меня пояснить еще раз мою точку зрения и обратился к судье с просьбой заменить меня другим кандидатом.

Кто знает, может быть, если бы завтра мне пришлось участвовать в процедуре отбора присяжных, я был бы включен в финальную группу и мог бы описать, как работают присяжные, но завтра я свободен.. всех, кто получил приглашение, в левом нижнем углу которого было написано Juror Group Number: 5000, просили не приезжать утром. Потому и моя история заканчивается.

Sand Hill Road – новая дорога между будущим и прошлым

В заголовке этой «повестушки» каждое слово надо понимать буквально, хотя все вместе они порождают множество различных метафорических ассоциаций. Sand Hill Road – короткая улица, которая ограничивает с севера-запада территорию всемирно известного Стэнфордского университета. Один ее конец упирается в идущую параллельно линии Тихого океана 1000-километровую улицу (или локальное шоссе) El Camino Real (по испански – «Королевская дорога»), а другой – уходит в невысокие горы, стоящие на пути океанских ветров. Там улица Sand Hill Road выводит на 100-километровый хайвей-280, по которому можно быстро добраться до Сан-Франциско или, если ехать в противоположном направлении, вскоре оказаться в центре Силиконовой долины. Конечно, все условно, но значительный отрезок этого скоростного шоссе называют красивейшим в мире хайвеем.

Противопоставление будущего и прошлого – многолико, к примеру, для одних, будущее – прекрасно, а прошлое – ужасно. Для других – наоборот. В данном случае я рассматриваю будущее и прошлое лишь как временные категории: то, что будет и что было.

Весьма конкретно и понятие «новая дорога». Даже я, живущей здесь с 1994 года, помню, когда она была иной. Название Sand Hill Road – старое, но тогда улица была несколько короче, и чтобы попасть на нее с магистрали El Camino Real, надо было сделать приличный крюк. Экологи и население городка Менло Парк, в котором расположен университет, не соглашались со строительством нового куска дороги, полагая, что это

нанесет вред окружающей среде. Переговоры о том, чтобы его построить, продолжались около 30 лет, и в ее современном виде улица существует лишь с 2006 года.

Человек, проезжающей по тихой и ухоженной Sand Hill Road, скорее всего не знает, что на ней располагаются крупнейшие в мире инвестиционные (венчурные) кампании, обеспечивающие развитие Силиконовой долины. В 90-х годах, в период dotcom-бума, стоимость недвижимости на этой улице была выше, чем где-либо в мире. В середине нулевых средняя стоимость аренды помещений здесь была 1550 долларов за квадратный метр, выше, чем в Манхэттене или в деловом центре Лондона. На улице не просто нет ничего гламурного, привлекающего внимание, с нее вообще почти не видны никакие здания. Все и всегда утопает в густой зелени деревьев и кустарника.

Так случилось, что для себя я открыл эту обновленную улицу летом 2009 года, когда стал регулярно ездить по ней в Медицинский центр Стэнфордского университета, одну из лучших клиник США. Зайдя как-то выпить стакан кофе в новый хирургический центр, а потом побывав в одной – явно не самой крупной – из операционных, я был почти в шоке: я увидел организацию медицины в XXI веке. Медицинский центр расположен в нижней части Sand Hill Road, но красивая зелень и горы, просматривавшиеся в верхнем конце улицы, притягивали к себе.

Проехав просто из интереса почти всю эту улицу, я начал понимать, что на ней формируется будущее. Оно рождается работающими на ней венчурными капиталистами – элитой современного бизнеса, образованной и любящей риск, инвестирующей огромные капиталы в индустрии нового столетия: создание хадвера и софтвера, развитие Интернета, «зеленых» технологий, телекоммуникации, электроники и медицины. К примеру, по адресу 3000 Sand Hill Road расположен главный офис глобальной *Sequoia Capital*, признаваемой одной из крупнейших в мире венчурных фирм. Именно она в свое время нашла и поддержала крошечные компании, имена которых теперь известны всюду, где пользуются компьютерами, а проще и точнее – всюду: *Apple*, *YouTube*, *Cisco Systems*, *Oracle*, *Yahoo!* и другие. В июне 1999 года эта компания и ее сосед по улице *Kleiner, Perkins, Caufield & Byers* помогли двум вундеркиндам – Ларри Пейджу и Сергею Брину. В сентябре 1997 года они зарегистрировали домен *google.com*, а через год основали в гараже, который арендовала для них будущая жена Брина, фирму *Google Inc.*

На этой же улице расположен мощный маяк, освещающий множество дорог в будущее. Это – Стэнфордский Центр, объединяющий линейный коллайдер, самый длинный в мире линейный ускоритель и множество лабораторий и проектов, в которых физиками и астрофизиками, химиками, биологами и медиками США и всего мира проводятся суперсовременные теоретические и экспериментальные исследования. Трое физиков и один биохимик, работавшие здесь, стали Нобелевскими лауреатами.

Сказанное объясняет, что на Sand Hill Road, действительно, рождается будущее. А где место прошлому? Здесь же, рядом. Время поездки вдоль всей улицы – не больше 10 минут. Уходя в горы, она вливается в Alpine Rd. Проехав еще и по ней три минуты, надо повернуть направо, на узкую проселочную дорогу. Но только знающий человек не проскочит ее, она не отмечена на картах Гугла, и ее не знает GPS. На обочине Alpine Road у начала этой «странной» дороги стоит обычный деревянный столб, и на прибитой к нему небольшой дощечке масляной краской написано *Webb Ranch*. Это и есть вход в прошлое.

В 1922 году Джордж Уэбб взял в аренду у Стэнфордского университета 16 га земли, чтобы недалеко от Сан-Франциско выращивать для рынка клубнику. В конце 20-х он перевез туда свою семью и увеличил арендованный участок до 130 га. До начала шестидесятых он, а потом его сын специализировались на клубнике, но потом диверсифицировали продукцию и стали выращивать кукурузу, помидоры, бобы, различные овощи. Безусловно, в наше время никакой «химии» там не используется, производится лишь чистая продукция. По итогам 2009 года, ранчо Уэббов было первым в нашей округе по продаже тыкв накануне Холлоуина и по продаже елок в преддверии Рождества. Сейчас всем делом руководит Гари Уэбб – внук основателя бизнеса. На ранчо

живет уже пятое поколение этой семьи, и все вместе они сохраняют традиции в производстве продуктов и высоко ценят дружеские отношения с наемными рабочими, живущими там бесплатно. Так, старейший рабочий ранчо работает на семью Уэббов 42 года и вырастил там 12 детей.

В 1960 году на *Webb Ranch* стали держать лошадей, чтобы люди могли приехать, освоить навыки езды и получать радость от таких прогулок. Сейчас там содержится до 250 лошадей, и за прошедшие годы уже сформировалось несколько поколений всадников. За многие десятилетия на ранчо сложилась особая атмосфера открытости и дружелюбия. Все это я узнал после того, как моя внучка решила учиться ездить на лошадях, и мы стали бывать там.

Как только въезжаешь на проселочную дорогу и сбрасываешь скорость до предписанных 8-10 км/час, сразу оказываешься в прошлом. Дорога зажата между полями кукурузы, всюду стоят деревянные загородки, лошади бродят на привязи, пыль над дорогой, поднятая проезжающей машиной, деревянные загоны для лошадей и сараи для сена.. запахи полей и навоза.

Тишина. Отсутствие торопливости. Чувствуешь атмосферу некоей патриархальности и начинаешь ощущать свою отнесенность к большой сельской семье. Детей, не представляющих, что жить можно без Интернета и мобильного телефона, учат чему-то естественному, но забытому – езде на лошадях и уходу за ними. Это все им нравится, у них блестят глаза, и они не хотят уходить. Существует двухлетняя очередь на то, чтобы стать волонтером и ухаживать за лошадьми.

Сейчас – лето, жарко. Родители сидят в тени навеса и ждут окончания урока. Негромкие разговоры ни о чем, почти не смотрят на часы. Время течет иначе, чем в мире, из которого люди приехали и в который они вернутся через час-полтора.

Я задумываюсь, почему *Sand Hill Road* – одна из самых дорогих в мире. Так случилось? Или это знак того, что путешествие из будущего в прошлое – редкое и дорогое путешествие.

«Солярис-101»

Общенациональный Хайвей-101 (U.S. Highway 101) является главной американской дорогой, идущей с севера на юг вдоль Тихого океана. Она начинается в штате Вашингтон, продолжается в Орегоне, затем входит в Северную Калифорнию, заходит в Сан-Франциско, пересекает Кремниевую долину и завершается в центре Лос-Анжелеса. Общая протяженность дороги – 2378 км. В разных местах она имеет свои имена. В Орегоне ее называют Прибрежным орегонским хайвеем, в некоторых частях Калифорнии – Тихоокеанским хайвеем, на юге Калифорнии – уважительно «the 101», в северной части – менее официально «101», или «ван-оу-ван».

Дорога – уникальна. Параллельных ей скоростных путей в штате нет. Пока не существовало «живой карты» Google и GPS, прежде чем ехать куда-либо, приходилось звонить и спрашивать, как добраться. Ответ практически всегда включал: «take one-oh-one», то есть «выезжайте на Хайвей-101».

Уже через несколько минут после въезда на хайвей чувствуешь себя членом бесконтактной общности, объединенной тем, что в данный момент все оказались в одном месте и движутся в одном направлении. Все личное отходит на задний план, отношения всех подчиняются лишь правилам движения и здравому смыслу. При сильном дожде, шторме, когда в метре от машины ничего не видно, у всех включены фары и все держат между машинами большую, чем обычно, дистанцию. Если солнце стоит по ходу движения, то оно ослепляет всех. В утреннем трафике рядом медленно движутся дорогие новые машины и давно устаревшие модели, нервничают и миллионеры, и безработные. Когда впереди идущие машины начинают притормаживать, то следующие за ними тоже вынуждены тормозить, даже если кто-то опаздывает. Если «пробка» рассосалась, то постепенно набирают скорость все машины, хотя, возможно, кто-то и не торопится.

В тот вечер, о котором о котором я хочу рассказать, я не предполагал оказаться на «ван-оу-ван»; я промчался по нему днем, когда спешил к моему другу в сауну. Посидели там полтора-два часа, поговорили, попили пива, а у него дома нас уже ждал обед. Непременная селедка с луком, квашеная капуста, горячая картошка, ветчина и многое другое. Затем – первое, второе и чай. И, конечно же, выпивали: я в последнее время предпочитаю коньяк или виски, мой друг – водку. Опрокинули «за встречу», «за успехи в делах», за хозяйку дома, ну и еще несколько обязательных тостов. Такие встречи у нас происходят несколько раз за весну-лето. Осень-зиму мой друг проводит в России, он читает курс судоходной астрономии в Мурманском государственном техническом университете.

Обычно я не тороплюсь покидать эту гостеприимную семью, да и пью я немного, но все равно после сауны и доброго застолья предпочитаю возвращаться домой по El Camino Real – неспешной локальной дороге, идущей недалеко от хайвея параллельно ему. Конечно, этот «маневр» не предохраняет от встречи с полицией, но все же так ехать спокойнее. Но в тот раз я почему-то поехал по «ван-оу-ван».

Мой путь начинался в одном из известных городков Кремниевой долины – Маунтин-Вью, в котором, к примеру, расположены один из исследовательских центров НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства), фирма Google и ряд других кампаний из перечня 1000 крупнейших американских бизнесов. Я быстро добрался до хайвея, перешел на вторую или третью линию, по которым ехать много удобнее и безопаснее, осмотрелся и поехал домой. Днем обычная скорость – 60–65 миль/час (100 км/час или немного больше), вечером я стараюсь не превышать 60 миль/час.

Было часов 7–8 вечера, солнце уже зашло, в машине и без кондиционера не было жарко, можно было включить радиоприемник и слушать музыку. Обычно он у меня поставлен на «классику», и поэтому искать волну при управлении машиной не приходится.

Гладкое покрытие хайвея, хороший обзор дороги, ровная скорость, красивая музыка, относительно небольшое количество машин, движущихся впереди, сзади и по бокам. Путь от Маунтин-Вью до моего Фостер-Сити недолог, даже вечером около получаса, проходит он мимо семи небольших городков с несколько гипнотизирующими названиями: Пало-Альто, Стэнфорд, Менло-Парк, Атертон, Редвуд-Сити, Сан-Карлос, Бельмонт... Все это успокаивало, расслабляло, настраивало на философско-романтические, полуфантастические размышления. Когда дорога поднялась на невысокий холм, открылось какое-то метафизическое зрелище: в полнейшей темноте были различимы лишь несколько машин, идущих непосредственно передо мною, а дальше – линия движущихся автомобильных огней, тянущаяся до горизонта. И вдруг я почувствовал, что существую лишь как часть бесконечного потока машин, как часть дороги и звездного неба. Мое собственное «я» куда-то исчезло.

Я понимал также, что в этот момент огромное число машин ехало по этому же хайвею, и внутри каждой кто-то думал о своем, в салоне играла понятная этим людям музыка, каждый жил своей жизнью. Но вместе с тем нас всех связывал этот Тихоокеанский хайвей. Он не просто шел вдоль океана, он сам и был земным океаном. Мыслящим. Разумным. Это был «Солярис-101».

Я не должен был быть в тот момент на хайвее, но оказался. Это он меня позвал. Чтобы открыться мне.

***

...И опять новый жанр на страницах «Телескопа»! Жанр-кентавр, я бы определил его как лирико-социологический. Борис Докторов – математик «по происхождению», социолог по призванию, на этот раз окончательно разрушает границу между «физикой» и «лирикой». Примечательно, однако, как он это делает.

Прежде всего, это проза «настроения», а не описания, переживания, а не анализа, причастности, а не деяния. Автор всматривается, вслушивается, вдыхает мир вокруг себя и дарит этот мир, вроде далекий нам, уже как понятный и близкий. Причем же тут социология? А при том, что в свободном полете памяти и чувства, ну, никак не обойтись автору без строгой фиксации обстоятельств места, времени, встреч на «хайвее» и на «обочине» жизни, и каждое его эссе – оно же «случай», кейс, когда «один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка» (Ясунари Кавабата).

И вот оказывается, что прочитав эту полдюжины зарисовок, я узнал про стиль, и дух, и, может быть, даже смысл «не нашей» жизни, больше, чем если бы побывал там. Надо прожить в Калифорнии 6 тыс. дней, чтобы так рассказать о ней в себе и о себе в ней.

Андрей Алексеев. 15.11.2010.

(Докторов Б. Правый поворот на красный свет светофора // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 6)

(7)

= Б. Докторов – А. Алексееву и Р. Ленчовскому (июль 2013)

**Социолог Б. Докторов и его со-авторы:
от Бальзака до Хэмингуэя¹¹⁴**

[Борис Докторов делится с друзьями размышлениями о связях социологии и художественной литературы, на примере собственных исследовательских поисков. – А. А. Июль 2013]

28 июля 2013 г.

Дорогие Андрей и Роман... после вашей «Профессия – социолог» и рассуждений по поводу границ нашей науки, как не написать вам...

Андрей, ты читал мое недавнее эссе по поводу 100-го номера моего любимого «Телескопа» - «Телескоп: праздник, который всегда во мне...»... Роман, тебе могу переслать...

Уже в заголовке присутствует «привязка» к хэмингуэевскому «Праздник, который всегда с тобой»... это дало повод к моей переписке с Ларисой Козловой о моих «литературных соавторах» ... помните эту книгу? молодые годы Хэма в Париже... когда я читаю, чувствую запах вина, теплоту камина, понимаю его радость, что написана дневная норма.. и он знает, что будет писать завтра... он возвращается домой по узким улицам Парижа... его ждет жена, которую он любит и которая любит его..они молодые, и им хорошо вдвоем...

---

¹¹⁴ Этот текст, как и последующий, в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-201) не входил.

Опубликован мною в своей колонке на портале «Когита.ру» в июле 2013 года (<http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sociolog-b.-doktorov-i-ego-so-avtory-ot-balzaka-do-hemingueya>), со следующим предупреждением:

«Вчера получил от Б.З. Докторова письмо, адресованное мне и нашему общему другу Р.И. Ленчовскому. Мне показалось, это письмо может быть интересно не только непосредственным адресатам.

Борис Докторов – один из активных авторов Когиты. См. ниже перечень его публикаций на нашем портале. А. Алексеев».

..несколько лет назад я писал эссе о Юрии Леваде... тогда мне хотелось (и я сделал) включить в это эссе сравнение Левады со Стариком из хэмингуэвской притчи «Старик и море»... Старик один далеко заплывал...там думалось хорошо... он любил одиночество...

... попробую для вас более связно изложить то, что сказано Ларисе....

Открываю страницу сайта «Телескопа» с перечнем статей по теме «Прошлое и настоящее в изучении общественного мнения и рекламы»: http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=30&type=by_theme&value=38. Мои работы давно не пополняют ее, так как от статей я перешел к более объемным формам, да работаю не только по истории изучения общественного мнения, но и по нашей истории....

...смотрим:

2000 год:

Дж. Гэллп - наш современник: к 100 летию со дня рождения

Джордж Гэллп: «Мне всегда нравилось изучение рекламы»

2001 год:

Они сильнее других хотели знать, как работает реклама (Из истории становления исследований рынка в Америке)

Гэллповское наследие: прошлое и настоящее одного из наиболее известных социологических индексов. Статья первая

2002 год:

Гэллповское наследие: прошлое и настоящее одного из наиболее известных социологических индексов. Статья вторая

Эмиль Хурья – волшебник политического анализа

2003 год:

Хедли Кэнтрел: исследователь общественного мнения и консультант президента Рузвельта

2004 год:

Арчибальд Кросли – первый в изучении радиоаудитории и общественного мнения

Элмо Роупер: исследователь рынка, поллстер, общественный деятель

2005 год:

Реклама должна продавать

Альберт Ласкер: «я – всего лишь апостол очевидности»

2006 год:

Оцифрованные голоса поколений

Рекламист в Америке – больше чем рекламист

Дэвид Огилви: рекламист на все времена

Джон Уонамейкер и Джон Пауэрс. Начало многих дорог

2007 год:

Клод Хопкинс. Научная реклама

Помимо этих историко-биографических статей были еще в «Социальной реальности», в питерской интеллектуальной газете «Дело»... в 2005 году вышла первая книга, которую редактировала Наташа Мазлумямова (удивительное было чувство слова) ... и понеслись книги...

Но еще в январе 2004 года Валерий Голофаст написал мне: «...ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-постмодернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков». До университета Валерий прожил значительный этап жизни как андеграундный поэт (я писал об этом), и крупнейший знаток этого мира Константин Кузьминский писал, что стихи Голофаста были гениальными. Я не успел с Валерой обсудить его суждение, знаете, мы же сильны задним умом... в том же 2004 году он лег спать и не проснулся...

...я не знаю, в чем Голофаст узрел близость к «грани литературы». Мазлумянова в заметках редактора (были с «Социологическом журнале») писала о специфике моего языка, но, думаю, Валерий не это имел в виду... Ядов в наших «беседах через Океан» говорил о

моем стремлении писать от своего имени («я») и использовать безличные предложения... первое, я ему отвечал, связано с «диалогичностью» моего историко-биографического анализа и открытой (манифестируемой) «пристрастностью» (по-моему, в конце концов многие согласилась с тем, что и научные биографии могут быть написаны с позиции пристрастности), второе – наверное, обусловлено моим математическим образованием... в математике полно выражений типа: обозначим, как доказано, как будет доказано....

но, думаю, и не эти «загогулины» видел Голофаст... в них нет подхода к «краю» литературы...

К тому моменту, когда Валерий это заметил, я написал лишь 7-8 статей, но я в них сформулировал два подхода к анализу биографий: «от работ Гэллапа и его интервью к Гэллапу» и «от людей, знавших Роупера, к Роуперу». Эти простенькие постулаты автоматически привели к тому, что я стал самосильно знакомиться не только с моими главными героями - тогда, лишь Гэллап – но с людьми из их окружения... причем, где-то я писал, что не считаю понятие «окружение» точным, релевантным... окружение – пассивно... но люди, с которыми общался Гэллап, были уникальными творцами и личностями... потому у меня доминировали не вертикальные отношения между людьми, а горизонтальные... а это ведет к росту численности «окружения»... так от [Джорджа Гэллапа](#) (1901-1984) я ушел к гениальным копирайтерам и даже раньше: Финис Барнум (1810–1891), Джордж Роуэлл (1838–1908) ...

...другими словами, у меня стало «многолюдно» ... появились разного рода связи между людьми... места для описания никогда не хватало (журнальная статья не более 80000 знаков, книги, хотя и толстые, но тоже конечные.... но все же читатель чувствует, что я не все написал о людях из того, что знаю о них...

Я раньше писал Мазлумяновой (с нею сделаны четыре книги), теперь – Анатолию Чернякову, с которым сделана книга «Явление Барака Обамы» о более 50 очерков, - что не надо бояться недосказанности... дело в мере и в содержании недосказанного... дело в том, что читатель всегда активен... Хэмингуэй писал, если сам знаешь, что происходило с героями, то многого можешь не писать... отсюда удивительная емкость написанного им...

...мне кажется, что Валерий первым заметил многолюдность моих статей и стремление дать портрет героев во времени... а это уже близко к литературе... и вот я подошел к моему, возможно, главному «соавтору» - Оноре де Бальзак... «Человеческая комедия». Сейчас залез в Википедию, посмотрел даты его жизни, там написано:

Крупнейшее произведение Бальзака — серия романов и повестей «Человеческая комедия», рисующая картину жизни современного писателю французского общества.

Все верно... сегодня я могу сказать, что мною написана серия статей и ряд книг, не только рассказывающих о становлении современного арсенала методов изучения общественного мнения, но и рисующих картину жизни людей, создавших эти методы... это – почти 200 лет..

Бальзака я прочел в школе, в классах 7-9, не позже... летом в деревне... на станции была библиотечка: учебники, литература для школьников и механизаторов... и почему-то Бальзак... и я читал том за томом...

Я до сих пор помню удивление оттого, как у Бальзака герои появлялись ненадолго, пропадали, а потом появлялись снова и были главными героями новых романов... именно так все и у меня разворачивается... в одной из первых статей появился Дэвид Огилви – гений рекламы 20 века... было лишь имя и то, что он работал у Гэллапа... через пять лет, когда я прочел все книги Огилви, все написанное о нем, познакомился с человеком, который работал с ним, я написал большую статью об Огилви... она ходит по массе сайтов... масса перепечаток в прессе... я бы и книгу написал о нем... он – единственный европеец в американском мире рекламы, англичанин, многие годы проживший во Франции.. после отхода от дел он купил замок во Франции и жил там долго... выдающимся копирайтером считают Раймонда Рубикама, – без образования (как и Огилви), но с нечеловеческой интуицией... он уговорил молодого профессора Гэллапа

создать у него в рекламном бюро отдел исследования рекламы... о потом помог ему в создании Института Гэллапа.. Рубикам появился в нескольких строчках, а потом – в специальной статье, а потом в параграфе книги... в пятницу я закончил очерк о Луисе Бине (американце, еврее из Литвы) он единственный, кто предсказал победу Трумэна в 1948 году... о Бине я писал немного в одной из книг, а сейчас утроил объем этого текста.. у меня на сайте ФОМ уже сложилась серия «Изучаем прошлое для лучшего понимания настоящего»... это будет глава в новой книге...

Так что метод (в моем понимании) Бальзака я и использую... с тех далеких лет я Бальзака не открывал и читал о нем лишь Моруа, но не специальные исследования...

Не знаю, можем ли мы считать Бахтина писателем? Я считаю писателем... я почерпнул у него очень много, без знакомства с его творчеством я писал бы иначе... безусловно – идею диалогичности и положение о «карнавальной культуре».. ведь у меня (не только в последней книге, но даже в статье 2004 года) Грушин раскрывается через включенность в карнавальную культуру.. Голофаст, Елена Здравомыслова, Галина Старовойтова... в книге несколько раз упоминается Окуджава...так что, конечно, и Бахтин... но я наткнулся на Бахтина в самом начале 60-х, когда учился на 2-3 курсах матмеха, это было исследование Рабле... я ошалел от прочитанного... тогда ведь о Бахтине говорили, если вообще говорили, лишь шепотом... но все это было настолько давно, что просто вошло в меня... хотя сейчас у меня есть кое-что Бахтина и я перечитываю, но дух мой спокоен...

...о Хэмингуэе я сказал выше... «Праздник, который всегда с тобой» - читан мильён раз... и каждый раз я читаю все это с трепетом.. удивляюсь, как так можно писать... «Старик и море», на мой взгляд, фантастическая притча... философия жизни...

Грин и Платонов – у них ничего взять нельзя... это – неповторимо... они научили меня сохранять чувство удивления... знаете, за годы жизни можно растерять чувство удивления... все-де видел, все-де прочувствовал... а как откроешь Платонова, так поймешь ограниченность собственного опыта... Грин утверждает, что чудо возможно наяву... без внутреннего согласия с ним я не нашел бы и десятой части того материала, которым я сейчас обладаю и на базе которого пишу../

Сергей Довлатов и Иосиф Бродский – мои последние (по времени появления) «соавторы». Но это уже другое, мы – ровесники, жили в одной части Ленинграда, ходили по одним улицам, посещали «Сайгон»... правда, они там «керосинили» с утра до вечера, а я забегал на полчаса попить кофе, так как всегда работал в студенческих залах Публичной библиотеки на Фонтанке... 5 минут до «Сайгона»... я не входил с ними в одну компанию, но наши компании как-то пересекались.. были близкими... Довлатов и Бродский дали мне ключ к пониманию моего поколения, не всего, но нашего круга... я не отмечаю этого в книге, но когда я писал о социологах моего поколения, да и следующего, я читал (и продолжаю читать) беседы Соломона Волкова с Бродским... я читаю его стихи, слушаю их в исполнении Козакова и Юрского... мощные ассоциации... Довлатов – проще, земнее, но мне очень близок его юмор... знаете, без юмора не выжить... да и не написать о прошлом...

... если я когда-либо напишу (первый заход был) о связи духа «ленинградской социологической школы» с петербургской культурой (архитектурой), то это произойдет от импульса, данного Бродским... я когда-то говорил Ядову, что мысленно нарисовал точки «роста» ленинградской социологии: факультет философии ЛГУ, Меншиковский дворец, заброшенные лабазы на ул. Ломоносова (за Гостиным двором), Таврический дворец, факультет социологии (территория Смольнинского собора)... то получится, что все это центр города, все вблизи от Невы... но пока у Ядова это интереса не вызвало...

В № 1 «Телескопа» за этот год есть крошечная заметка Чеслава Сымоновича, замечу, мы лично не знакомы, ее заголовок: «К 50-му материалу рубрики Б. Докторова». Она начинается словами: «Если бы я вел дневник, то записал бы 3-4 декабря 2012 года о некотором потрясении, испытанным от нового прочтения, ПОДРЯД, просмотренных

некогда в «Телескопе» биографий из рубрики Б. Докторова». Конечно, приятно читать слова историка и социолога, человека моего поколения... но что меня особенно тронуло, так это слово «подряд», оно записано у Сымоновича заглавными буквами... когда я прочитал именно подряд многие биографии, я по-новому увидел давно знакомое... я сам был потрясен.. последняя книга – нечто вроде романа о нашем профессиональном сообществе.. это не Бальзак, но человеческая комедия-трагедия... на нечто подобное я смог намекнуть в Заключении, но у меня не было места... я и без заключения должен был выкинуть 3 авторских листа.. и подошел к краю допустимого Европейским университетом объема книги..

Я пока не назвал одного из главных моих «соавторов» - Б.Г. Кузнецова. Но: а) по моему, вы и так об этом знаете, б) у меня есть текст-дискуссия с Ларисой Козловой под заголовком «Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии» <http://marie-olshansky.ru/ct/bdoktorov.shtml>, и там кое-что об этом сказано; в) все же он не писатель, а историк науки. Однако он не просто историк физики и историк науки эпохи Возрождения, но и биограф: Эйнштейн, Галилей, Ньютон, Ломоносов... и биограф «зависит» от литературных образов и от литературы... Это наглядно, если листать его книгу о путешествиях графа Калиостро... но это видно и из его научных работ... у него центральная фигура – Достоевский.. мне помогли... в ИИЕТе отксерили личное дело Кузнецова... чуть позже я напишу о нем особо.

Б. Д.

Указатель имен

Голофаст Валерий Борисович - (1941-2004), российский социолог, С.-Петербург

Грушин Борис Андреевич - (1929-2007), российский социолог, Москва

Здравомыслова Елена Андреевна - профессор Европейского университета в С.-Петербурге

Козлова Лариса Алексеевна – зав. сектором Института социологии РАН, заместитель главного редактора «Социологического журнала (Москва)

Кузнецов Борис Григорьевич – (1903- 1984), советский историк науки, Москва

Кузьминский Константин Константинович (род. 1940) – ленинградский поэт, литературовед, с 1975 г. живет в Нью-Йорке

Левада Юрий Александрович - (1930-2006), российский социолог, Москва

Мазлумянова Наталия Яковлевна – (1952-2013), российский социолог, редактор, Москва

Старовойтова Галина Васильевна – (1946-1998), российской этносоциолог, политолог, политик, С.-Петербург - Москва

Сымонович Чеслав Эрастович – историк, социолог, С.-Петербург

Черняков Анатолий Аркадиевич – социолог, редактор социологической литературы, Фонд «Общественное мнение», Москва

Ядов Владимир Александрович – (род. 1928), главный научный сотрудник Института социологии РАН, С.-Петербург - Москва

= Из материалов портала «Когита.ру» (август 2013)

Наука и искусство: в поисках синтеза? ¹¹⁵

Об откликах на заметку «Социолог Б. Докторов и его со-авторы: от Бальзака до Хэмингуэя» (Когита.ру, 29.07.2013)

Борис Докторов (живет в Калифорнии, Фостер сити) прислал свое письмо, адресованное мне (Санкт-Петербург) и нашему общему другу **Роману Ленчовскому**

---

¹¹⁵ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/nauka-i-iskusstvo-v-poiskah-sinteza> .

(социолог, живет в Киеве), без названия, с припиской: «Будет время - посмотрите, будет желание – черкните...» Я посмотрел и запросил у автора разрешения опубликовать это на портале «Когита.ру», под названием: [«Социолог Б. Докторов и его со-авторы: от Бальзака до Хэмингуэя»](#).

Б. Д. разрешил.

Преамбула к этой публикации была такова:

«Борис Докторов делится с друзьями размышлениями о связях социологии и литературы, на примере собственных исследовательских поисков».

Вскоре затем коллега Роман Ленчовский откликнулся «заметками на полях», из которых приведу резюме:

«...Общее впечатление – собрание сил... Как перед прыжком (творческим)! Обзор сделанного – с намётками на будущее... Спасибо. Удачи!»

А по поводу подхода Бориса от науки к «краю» литературы Р. Л. заметил:

«...я так понимаю: «на краю» между литературой собственно научно-академической и другими её типами и жанрами, прежде всего, как это у нас называется, художественными (не в смысле «вымысла», а - эмоциональной выразительности, т. е. включая и эмоционально (=лично) окрашенную публицистику, а равно и, буквально, – «беллетристику»»).

И еще, насчет «литературных соавторов»: *«...хорошее выражение – вместо «влияния»...»*. (Р. Л.)

Мы с Романом оказались не одиноки в своем приветстве автору. На следующий день Борис Докторов прислал письмо:

«Андрей, тебе – спасибо за мысль расположить в сети... может и правда, народ почитает...

Роман, перечитал твои заметки несколько раз... тронут и признателен... О Голофасте см. http://kkk-bluelagoon.ru/tom5a/zub_golofast.htm

И вообще полистай «голубую лагуну» <http://kkk-bluelagoon.ru/> . Масса интересного...

(Речь идет об интернет-издании: Кузьминский Константин К. и Ковалев Григорий Л. Антология новейшей русской поэзии «У голубой лагуны» в 5 томах. Том 5А. Электронное издание. – А. А.)

Приведу два отклика на текст, опубликованный на Когите:

Вероника Боде (живет в Москве. – А. А.) – писательница, журналистка, я с ней сделал десяток интервью о социологах на «Радио Свобода»:

«Да, Борис, потрясающе: это просто какое-то вдохновенное поэтическое эссе. В душе ты -

поэт, а вовсе не прозаик, как могло бы показаться... Мне как раз близки эти материи <...> Масштаб твоих соавторов впечатляет. Да и вообще, в твоём тексте много красивых образов и конструкций».

Юлия Беспалова, социолог из филологов (живет в Тюмени. – А.А.) :

«Боря, ты нашел верный ход, соединив науку и искусство. Конечно, Хэма я подробно читала. Его собрание сочинений есть в моей домашней библиотеке. Я любила Хэма в юности. Мое любимое произведение "Снега Килиманджаро", а еще "По ком звонит колокол", "Прощай оружие" и , конечно, "Праздник..." («...который всегда с тобой». – А. А.)

Этот автор более всего созвучен твоим американским героям. Он с ними на одной волне.

Бальзак? Как метод, наверное...

Грин и Платонов...

Довлатов и Бродский...- ты их выбрал. У них, как, впрочем, и у других писателей, особый взгляд на человеческие истории. Но ты выбрал их призму, их видение людей...

Знаешь, что объединяет выбранных тобой писателей? Какое-то особое сочетание примитивизма, романтизма и абсурда...

Еще надо подумать».

В легком по/за-мешательстве, Борис».

Чуть позже откликнулся Анатолий **Черняков**, социолог, редактор обществоведческой литературы:

«Борис, столь же интересно, сколь и неожиданно. Ты наглядно демонстрируешь, что "в ноосфере все связано со всем".

Особенно дорого мне твое упоминание о Бахтине. Я ведь был знаком с М.М. последние лет 10 его жизни. А заочное общение началось не с "Рабле" (это уже вторая его книга, появившаяся в 60-е годы), а с "Достоевского" - и с той поры это один из главных людей, определивших мое мировоззрение».

Я написал Борису Докторову:

«Борис! Отклики твоих "любимых женщин" на эссе о твоих "соавторах" - правомерны. Ты - из тех, у кого оба полушария равноправны. Напомню свой комментарий на одно из твоих произведений, благо лежит близко. См. ниже.

У Пушкина: "Лета к суровой прозе клонят". У Тебя же, похоже, наоборот. Или движение к синтезу?

Очень интересно замечание Юлии: "Выбранных тобой писателей объединяет какое-то особое сочетание примитивизма, романтизма и абсурда..."

Спасибо за ссылку на "[Голубую лагуну](#)". Бог мой, целая вселенная поэтов! И автор-составитель - титан.

Твой - Андр. Ал. 30.07.2013».

Я приложил текст собственной заметки, сопровождавшей опубликованные года три назад в питерском журнале «Телескоп» «американские заметки» Б. Докторова называвшиеся: [«Правый поворот на красный свет светофора»](#).¹¹⁶

На эту эпистолу нам с Б. Д. обоим откликнулся Роман Ленчовский:

«День добрый, Борис и Андрей!

...Что называется - хорошо поговорили! **Взаимодарение** - смыслов, чувств, "жестов" (в постмодерной культуре фигурирует как **перформанс**...).

В добрый час! Ваш Роман 30.07.2013 10:40 / Киевское»

В самом деле, хорошо поговорили, притом, что разговор уложился в пределы одних суток, да еще «промеж границ» и «через океан».

Я привожу здесь эту переписку:

А) как иллюстрацию возможностей электронного собеседничества (не обязательно через социальную сеть);

Б) как пример группового диалога (*диалог* может быть и групповым, не обязательно двое, хоть вошло уже в обиход и словечко *полилог*) ;

В) как свидетельство *резонанса* наших публикаций, не воображаемого и не латентного, а вполне себя *явного*.

А. Алексеев. 30.07.2013

(8)

Борису Докторову, оказывается, 70!¹¹⁷

Менее всего Борис Докторов похож на Юбиляра. Если бы не мы все, для кого он - существенная часть нашей собственной жизни, он бы, наверное, этого юбилея и не заметил. Не на то мозги направлены. А на что?

Творчество. Познание. Общение. Кто бы мне указал человека, в котором эти три ипостаси свободной человеческой деятельности сочетались и взаимопроникали в таком органичном синтезе? Не просто - то, и другое и третье, а - в комплексе и взаимосвязи. Познание через общение. Общение как творчество. Творчество ради познания.

Это - в структуре жизнедеятельности. А в процессе жизни? Назовите мне человека, в котором столь радикальны и, вместе с тем, естественны были бы переходы от одного

---

¹¹⁶ См. выше.

¹¹⁷ Цит. по: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 3 (http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2011&id=730)

этапа жизненного пути к другому, будь то в сфере ведущих профессиональных интересов, миропонимания или постоянного места жительства.

Можно подумать, что эту жизненную траекторию кто-то «свыше» изначально хорошо спланировал, так что ни один из инсайтов молодости не пропал для зрелости, и в зрелости - одно озарение за другим. Между тем, такая жизнь сложилась «самостийно». организовалась синэргично, и это та тайна, которая и самому герою не вполне внятна, даже в 70.

Борис для меня - Гений адаптивности, который изумительно пластичен, как бы приспособливаясь в новой среде, и вместе с тем извлекая из всякого нового положения, хоть в географическом, хоть в социальном пространстве, уникальный (для себя) и, одновременно, универсальный (для других) опыт.

Только один пример. Не знаю, как для кого, а для меня понятие современного российского социологического *со*-общества ассоциируется не с какой-либо профессиональной общественной организацией (пусть даже уважаемой). Оно ассоциируется с... и, если ли угодно, персонифицируется в... «русском американце» за компьютером и в Сети - Борисе Докторове, который является его (сообщества) и членом, и полномочным представителем, и летописцем.

Главное же – Борис оказывается МЕДИАТОРОМ, посредником, нет, не между российской и мировой социологией, а между самими российскими социологами, которые, как оказалось, именно благодаря Докторову могут сообщить друг другу и узнать друг о друге нечто не просто важное, а сущностное. Я имею в виду небывалый (насколько знаю, и в мировой социологии) историко-биографический проект «личностного науковедения», того, что сам Борис называет историей социологии «с человеческим лицом», а можно сказать также - история социологии «в лицах».

Но если бы только это! Борис Докторов открывает российским социологам не только самих себя, но и не прочитанные страницы мировой культуры - например, «человеческую» историю американского изучения общественного мнения и рекламы. А его «Гэллпаида» - мне кажется, может оказаться откровением и для самих американцев. Чему, надеюсь, будет способствовать только что вышедшая, одновременно на русском и английском, книжка «Джордж Гэллп. Биография и судьба».

(Еще бы на английский его «Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения» перевести!).

Должен сказать, что способность Бориса осуществлять параллельно несколько чрезвычайно трудозатратных и разнородных (хоть внутренне и взаимосвязанных) проектов, равно как и его фантастическая профессиональная продуктивность, - для меня непостижимы. Причем особенно в последнее десятилетие это происходит с каким-то даже неправдоподобным ускорением. Расширенное воспроизводство. Нарастание как экстенсивного, так и интенсивного развития. При высоко поднятой и прочно удерживаемой планке качества.

Это не преходящее АКМЕ как будто противоречит психологическим законам. Но позволю себе высказать одно объясняющее предположение.

Почему бы так ни сложилось, к радости или к сожалению, Борис Докторов - сам себе Институт, да еще и человек-оркестр. Ему не надо составлять планы и писать отчеты (кроме как для себя и друзей), он - вне каких бы то ни было университетов и академий. И он, в отличие от многих из нас, ДЕЛАЕТ ЧТО ХОЧЕТ, что ему нравится и что, по его убеждению, имеет смысл. Он - действительно независимый исследователь.

Для того, чтобы стать таковым, не обязательно уезжать в Америку. Но тут, уже на третьей четверти жизни, «приключилась» Америка. Так или иначе, жизненная энергия, талант и свобода творчества соединились. А такой союз - всегда плодотворен.

С Днем рождения, Борис!

Андрей Алексеев

6 июня 2011 г.

16.2. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ "ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ..."

[Читатель уже знаком с некоторыми из текстов Виктора Петровича Дудченко, возникавших зачастую как реплики, по ходу чтения рукописи этой книги.¹¹⁸ Ниже - еще одна его спонтанная, «реактивная» заметка такого рода. - А. А. 2000].

= Из заметок В. Дудченко (2000)

...К сожалению, я только сейчас обнаружил в своем редакторе возможность сравнения двух похожих текстов. Теперь он *[машинный редактор. - А. А.]* мне прямо показывает все твои изменения, и я не теряю в большом объеме. В этом есть одна для тебя неприятность: я могу лучше удовлетворять свою низкую страсть к формулированию своей реакции на выбранные, так скажем, артефакты. Я чувствую, что в этом есть нечто плотоядное. Итак, начнем!

Абсурдная штука - наше поведение по поводу «научной истины». Вроде бы сделанная человеком вещь, однако - истина! Если по ее происхождению и связанным с ним специальным ограничениям это такая, скажем, ограниченная истина, то зачем сыр-бор?

С другой стороны, пытаются что-то сказать о непосредственном знании (интуитивном, реальном и т. д. - много синонимов), как будто от этих слов что-то может зависеть. Посуди сам, ведь всякая существующая вещь характеризуется вполне и только существующим отношением между нею и всем остальным миром. Ничего другого просто нет, и неоткуда взяться! Следовательно, справедливо банальное утверждение: всякая вещь (подчеркиваю, любая! - лень перечислять) обладает полным и абсолютно истинным знанием, необходимым и достаточным для ее существования.¹¹⁹

Продолжение существования вещи без такого знания (информации) обозначало бы вселенскую катастрофу. Представляешь, нечто материальное, действующее, и при этом никак не связанное причинно-следственными отношениями. Кошмар!

Чтобы не путаться, упростим представление о знании (информации).¹²⁰ При энергетической энтропии в системе теряется собственная энергия, там сглаживается разница между потенциалами, которая может служить сигналом. Если все уравнивается, то мы сможем сказать, что информации (знания) об энергии тут нет. Так же, как и энергии. Поскольку мы употребляем формулу «если - то», то мы вправе сказать, что речь идет не о нашем мнении по этому поводу, а об обозначении того, что может происходить в действительности.

В этом свете все существующее мы вправе рассматривать как информацию, некоторым образом организованную. Остальное несущественно, поскольку субстанция (носитель) этой информации без информации не обнаруживается (не взаимодействует - не

---

¹¹⁸ См. ДСиСА – 1 (Главы 1 и 5); Из неопубликованных глав. Том 1 (Глава 7).

¹¹⁹ Вот тут я споткнулся: по моим понятиям, обладателем «знания», пусть не вполне полного и не абсолютно истинного, может быть только субъект, человек. Во всяком случае, утверждение В. Д. - не банальное, и, думаю, спорное. (А. А. Здесь и далее примечания автора настоящей книги, 2000 года).

¹²⁰ А разве «знание» и «информация» - одно и то же? Сказанное выше справедливо, мне кажется, только для «информации». А. А.

существует). Кстати, у нас так и не появилось весомых причин разделять «знание» и «информацию».¹²¹

Возвращаясь к этому (как его?..) интуитивному знанию, можно констатировать конец дискуссии, поскольку обладаем мы им на общих основаниях [*со всеми другими «вещами»?* - А. А.] и даже отказаться от него не можем. Если угодно, это ипостась *fatum*'а древних.

Теперь про теорию. Часто в погоне за подлинной, объективной реальностью теорию отделяют от познающего субъекта (или связывают с ним же). Или говорят: «теория утверждает». Если теория что-то утверждает, то это проповедь, покаяние, кляуза - что угодно, но не теория. Я думаю, Ты помнишь пример общей теории относительности, которая позволила не путаться в наших представлениях о пространстве, но и все!

На звание теории может претендовать только бессодержательная конструкция, сама по себе никак не связанная с действительностью и позволяющая оторвать логику ее автора от него самого. Она защищает содержательное действие (иногда говорят: случайность, свобода воли), о котором ничего еще (кроме самого этого действия) никто сказать не может, защищает его, действие, от нападок «не-теорий», которые утверждают, призывают и проч. Из-за своей выхолощенности она [*теория в смысле В.Д. - А. А.*] не может увлечь, не может призвать, не может даже построить вывод о своей истинности (истинных теорий может быть много!). От нее не должно быть ее собственных последствий.

Единственная задача полной теории такая же [*речь идет о задаче «полной теории».* А. А.], как у бритвы Оккама, - выявлять и отсекай лишнее (ошибки) в нашем формализованном мышлении, чтобы это лишнее по нашей безалаберности не могло исказить (портить, как информационный вирус) то самое интуитивное знание (иначе - волю), о котором речь шла выше. Истину не надо постигать, она и так с нами, главное - не пачкать! <...>

Естественно предположить, что методика воздержания от пачкотни будет сильно отличаться от тех естественных процессов, которые сделали ее... [*- Методику? - Нет, - поясняет В.Д., пачкотню. - А, ну понятно! - А. А.*] ... возможной. Кроме того, она должна работать в области существования пакости. Она должна быть противоестественной, соответственно задаче она касается не пережитой первичной подлинности объекта, а возможных извращений мысли, которой нет границ. (Помнишь, была такая хорошая песня: «на-ам нет гра-ани-иц ... ..!»).

Можно попытаться развязать этот узел при помощи «доминанты», но тогда возникают вопросы.

Если доминанта «стоит между нами и действительностью» [*по А.А. Ухтомскому. - А. А.*] и одновременно наша воля может изменить ее, то нет разницы между нами и нашими доминантами, это просто такие же, в ряду прочих, наши свойства (отношения между нами и миром), которые мы сейчас так обозвали, и мы сами (вместе с миром) несем за них всю ответственность. Третьей, самостоятельной вещи между нами и миром нет, это просто лишнее слово. Посмотри сам, есть два слова: «мироощущение» и «действие», а на самом деле процесс этот (справедливо!) один, и попытка разделить его означает попытку разорвать с миром свои причинно-следственные отношения (отказаться от ответственности) и продолжать крушить все вокруг. Тот же самый кошмарный случай.

Если же «мысль сама от себя» безотчетно производит независимые доминанты, то тут мы или обнаруживаем шелудивую лапу дьявола, которого нет, или возвращаемся к постановке вопроса о чистке [*освобождении от «пачкотни».* - А. А.] - априорной, до действия.

В качестве примера. Употребляя слова (отличные от действия), имеет смысл до того, как свяжешь слово с очевидно соответствующей ему вещью, посмотреть, как это

---

¹²¹ Таким образом, их (знания и информации) отождествление – не случайная оговорка, а позиция В.Д. - А. А.

слово связано с другими словами, уже имеющими свои определения. Это важнее. Личность - объект не статистический, а единичный, и, стало быть, ее «системообразующее отношение» - это она сама и есть, и координирует она в некоторой степени весь мир. Мы сами сочиняем все эти слова и определения под свою ответственность и вне зависимости от платоновских эйдосов, которые, покамест, чаще не идеи, а идолы, и которые сознание всегда (и в естественных науках тоже) определяет само в меру своего мастерства.

Вот тут, пытаясь сконструировать еще нечто, просто по своему выбору, мы можем засубординировать не столько мир, сколько наши заблуждения. Пылкие стремления научных исследователей могут оказаться слишком невоздержанными. Мир в целом (очень древнее понятие - пленум) требует строгости и полноты описания, вот тут-то и появляется - полная теория.¹²²

Суэта какая-то получается... При излишнем приближении к подлинной практике нас ловит необязательность названий, явления перестают попадать в дырявые сети описаний. Честнее будет перейти на стихи.

***

...Расставшись с иллюзиями о реальности субъект-объектных отношений, теряешь право претендовать на фиксацию твоего «истинного познания» воспроизводимым вне конкретного акта действия-познания образом. Что бы ты там страстно [*по М. Полани. - А. А.*] и благоговейно [*по А. Швейцеру. - А. А.*] непосредственно ни понял, это твое откровение для другого останется в том же длинном ряду феноменов, еще ожидающих своего «познания» теперь уже твоим коллегой.

Чтобы сделать возможным следующий шаг (обеспечить трансляцию некоторого социально значимого знания вне конкретных обстоятельств), можно попробовать вычленив из континуального множества действий субъект-объектов то, что может быть однозначно и по нашему произволу выделено - систему границ между некоторыми названными нами действиями (таких границ, какие мы сумеем определить по отношению к другим таким же границам). Потом, вне связи с временем и местом, другой, пользующийся тем же языком коллега сам назовет (может быть!) некое известное ему действие определенным нами именем и сможет воспользоваться нашим опытом, узнав от нас нечто о вычленинных нами связях данного действия с некоторыми другими.

Чтобы не вводить этого коллегу в заблуждение, нужно изъять из нашего сообщения все содержательные оценочные характеристики, все благоговение, все эмоции, постижения, озарения, страсти - все, что может иметь отношение к переживаемому общению с кем или с чем-либо, и в таком выхолощенном виде (не имеющем последствий, связанных с самим актом сообщения) зафиксировать и отослать будущему товарищу. В самом деле (требование симметричности в теоретической физике - разумное требование), не только тот гений, кто выразил всего себя, но и тот, кто сумел никак не наследить в действительности, не только тот друг, кто вполне открыт, но, может быть, и тот, кто хотя бы на какое-то время смог оставить тебя одного вполне.¹²³

Так и здесь - можно отделить от неподсудной и содержательной вольной воли бессодержательное, холодное и бестелесное суждение (вывод или описание), которое в противном случае и суждением-то не будет, а вернется в этот самый ряд действий, требующих по отношению к себе содержательного и личного отношения.¹²⁴

Строгое конструирование вне субъект-объектных действий иного по своей природе инструмента - слова, логоса, мыслительной способности (на санскрите - читта, однокоренные на русском: счет, читать, он счел, человек), имеет столь древнюю историю и такое число актуальных продолжений, что мне, я думаю, на этом следует остановиться...

---

¹²² «Полная» - это та самая бессодержательная конструкция, о которой шла речь выше? - Да, - отвечает В.Д. - Ага! - А. А.

¹²³ Bien dit - хорошо сказано! - А. А.

¹²⁴ А я-то думал, что и суждение - тоже действие! - А. А.

В. Д., 6.11.1999 - 5.05.2000

Ремарка: отклик на отклик...

Уж и не знаю кто кого откомментировал: В. Д. - меня, или я - его заметки в подстрочных примечания? (Впрочем, и он мои комментарии не оставлял без реакции).

Хоть и не убедил меня мой собеседник-соавтор (в первой части своих заметок - об «изначально» заложенном в нас, как в части мира, знании об этом мире), но пищу для дальнейших размышлений дал.¹²⁵

Что касается второй части заметок (посвященной научной коммуникации) то страстный призыв В. Д. к строгости формулирования результатов познания мне близок. Правда, и здесь возникает вопрос: а почему, собственно, не дать коллеге права своего (т.е. его собственного) прочтения твоих «постижений, озарений, страстей» путем - теперь уже его суверенного! - переживания (со-переживания) того, что тебе «открылось»?

Прочитав мои комментарии, В. Д. раскошегарился не только на односложные реплики, но и на небольшой трактат на тему о соотношении знания и информации. Приведу его:

«... «Знание» и «информация» не синонимы тогда, когда не удастся построить описание без самого этого слова - «субъект». Повторю точно: не то чтобы никак не найти около себя такой феномен, который можно было бы, при желании, назвать этим словом, а просто необходимости использовать данный термин («субъект») при попытке - без внутренних противоречий - построить описание не возникает. Если же это удастся (а многие из текстов, собранных в «Драматической социологии», читателя на этом пути обнадеживают!), то можно вполне спокойно - в данном описании - считать «знание» и «информацию» синонимами.

На самом деле, если описание пригодно для использования по назначению (для фиксации и передачи знания / информации другому лицу), то чем меньше там будет слов, тем лучше. И это можно считать даже чьей-то, например - моей, позицией. Другое дело - насколько это удастся (построить суперкраткое описание). Но то будет зависеть... уже не от позиции, а только от мастерства описывающего: в конце концов мы сами сочиняем все эти слова и определения.

«Не сотвори сущностей сверх необходимого!» (Оккам). В. Д. 12.05.2000»

Сотворять отклики на отклики, сверх необходимого, тоже не стоит. Поэтому - без комментариев. (Май 2000).¹²⁶

...То, что мы уже знаем, - ничтожная зыбь в море того, что можно назвать полными законами Природы... Природа не только в необозримое число раз богаче нашего современного представления о ней, но и непрерывно развивается. У нас нет оснований утверждать, что темп развития природы ниже набранного нами темпа познания ее. А если природа развивается быстрее, чем растет наше знание, то о каких истинах в последней инстанции может идти речь?..

Герловин И.Л. Основы единой теории всех взаимодействий в веществе. Л.: Энергоатомиздат, 1990, с. 5.

¹²⁵ Насчет «не убедил»... «Э-э, нет! - возразил В. Д. - Некоторые из моих «раций» ты уже пускаешь в дело...». - А. А.

¹²⁶ Должен признаться, что сегодня, по прошествии 13 лет, эти абстрактные рассуждения коллеги представляются мне не очень содержательными. Однако тогда, коль скоро возражал, было иначе. С тех пор - ума либо убавилось, либо прибавилось. (А. А. Июль 2013).

...Это повесть [речь идет о романе К. Чапека «Метеор». - А.А.] о путях познания; кстати сказать - прошу простить меня, но почему люди думают, что познание - это что-то ужасно скучное? Итак, в этой повести я стремился показать, как один и тот же действительный факт удается конструировать различными путями, которыми может следовать наше познание мира, потому что даже самый малый фрагмент действительности - это нечто огромное: оно лежит на перекрестке разных дорог и может быть охватываемо с диаметрально противоположных сторон...

К. Чапек. К одному читателю. (Цит. по: Чапек К. Соч., т. 4. М.: ГИХЛ, 1959, с. 612)

В.С. Дудченко

16.3. РЫЦАРЬ ОНТОСИНТЕЗА

Несколько вступительных слов

О моем, ныне покойном, друге и соавторе 1970-х годов **Вячеславе Сергеевиче Дудченко** см. в: ДСиСА - 3 (Глава без номера); Из неопубликованных глав. Том 1 (Глава 11).¹²⁷

В. Д. принадлежит оригинальная концепция **онтосинтеза**, о которой шла речь в указанном томе. Упомянутый и цитированный там сборник трудов методологического семинара (1998) включает работу В.С. Дудченко «Предпосылки онтосинтеза», где предпринята попытка соотнесения этого исследовательского направления с мировой философской и частно-научной традицией.

Среди «предшественников» и «союзников» В. Д. - как античные философы (особенно - Платон), так и ученые и мыслители XX века: Гуссерль, Гарфинкель, Бурдье, Кастанеда, Бергер и Лукман, Эрхард, Г.П. Щедровицкий, Ассаджоли, Гавэйн.

Ниже - фрагмент этой статьи, посвященный П. Бурдье.
(Март 2000 – июль 2013)

(1)

= Из сборника «Онтосинтез социальной реальности» (1998)

Что такое *habitus*?

---

¹²⁷ **Вячеслав Сергеевич Дудченко** (1940 – 2007) - доктор социологических наук, профессор, один из основателей отечественной школы организационного консалтинга, автор инновационной методологии и концепции онтосинтеза

В начале 1970-х гг. В. Д. окончил Новосибирский университет. Его последующий «послужной список» 1975-1978 – начальник бюро социологических исследований КамаЗа; 1978-1983 – начальник социологической лаборатории Ярославского электромашиностроительного завода; 1983-1989 – заведующий кафедрой социологии Ярославского филиала ИПКНефтехим;

После переезда в Москву: 1989-1992 – директор консультационной фирмы; 1992-1995 – президент консультационной компании; 1996-2005 – главный научный сотрудник Института социологии РАН; 2000-2006 – президент Национальной гильдии профессиональных консультантов; 2001-2004 – профессор факультета менеджмента Высшей школы экономики. (Из «Википедии»)

<...> Для понимания природы онтосинтеза чрезвычайно важным является понятие habitus'a Пьера Бурдьё. Это как раз тот случай, когда блестяще проработанная модель (habitus'a), концепция которой строится на идеях и принципах, близких онтосинтезу, может быть использована практически в полном объеме.

Термин «хабитаулизация», т.е. «опривычивание» [habitude - привычка. - фр. А.А.], используется уже П. Бергером и Т. Лукманом. Оно обозначает процесс превращения в образец часто повторяющегося действия, которое впоследствии может быть воспроизведено с экономией усилий и осознано как образец его исполнителем. «Важным психологическим последствием хабитаулизации оказывается уменьшение различных выборов... И, предусматривая стабильную основу протекания человеческой деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени, хабитаулизация освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо. Другими словами, ЗАДНИЙ ПЛАН ОПРИВЫЧЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕДНЕМУ ПЛАНУ ДЛЯ РАССУЖДЕНИЯ ОБ ИННОВАЦИИ» ([1], с. 89-91). [Выделено мною. - А. А.].

Органичный и целостный текст Бурдьё чрезвычайно трудно подвергать систематическому анализу. И тем не менее можно сделать попытку вычленить, хотя бы в общей форме, ключевые идеи его концепции habitus'a (см. [2]).

Итак, habitus. Что это такое?

- **Принцип конструирования объектов знания.**
- **Система структурированных, структурирующих предрасположенностей.**
- **Система прочных, приобретенных предрасположенностей (dispositions).**
- **Система структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур.**
- **Система когнитивных и мотивационных структур.**
- **Система порождающих схем.**
- **Бесконечная способность для производства мыслей, восприятий, выражений и действий.**
- **Дает практикам их относительную независимость от внешних детерминант настоящего.**
- **Спонтанность вне осознанности или воли**

Для более глубокого понимания содержания термина habitus

следует рассмотреть его происхождение и функции в трактовке П.Бурдьё.

Таблица 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ	ФУНКЦИИ
= Структурированная предрасположенность - диспозиция - пассивное, заданное, предопределенное, сформированное структурой, т.е объективными социальными условиями	= Структурирующая предрасположенность - активная способность вносить изменения в существующие структуры
= Формируется возможностями и невозможностями, свободами и необходимостями, разрешениями и запретами, диктуемыми объективными условиями	= Действия определяются, исходя из вероятного будущего
= Объективные условия генерируют предрасположенности, объективно совместимые с этими условиями и приспособленные к их требованиям	= Невероятные практики исключаются как немыслимые
	= Воспроизводит единообразно структурирующие практики
	= Агенты придают ценность необходимости: отказываются от того, что в любом случае не случится и желают того, что неизбежно
	= Способен порождать бесконеч-

- = Воплощенная история, интернализированная как вторая натура и забытая как история
- = Присутствующее в настоящем прошедшее, устремляющееся в будущее
- = Продукт истории, производит историю в соответствии со схемами, порожденными историей
- = Строится в практике и всегда ориентирован на практические функции
- = Не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства
- = Производит историю на основе истории
- = Гарантирует постоянные изменения
- ное число практик
- = Делает возможным производство мыслей, восприятий и действий, присущих конкретным условиям их производства и только им
- = Принципы, которые порождают и организуют практики и представления
- = Объективно приспособлены для достижения определенных результатов

(Дудченко В.С. Предпосылки онтосинтеза / Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара. М.: 1998, с. 30-32)

Ремарка: *habitus* и жизненный процесс

*По-видимому, наш собственный давний опыт структурирования жизненного процесса, выделения в нем «процессов» и «событий» и, соответственно, «деятельности» и «поступков»¹²⁸ может ныне быть использован как одна из возможностей эмпирической интерпретации *habitus'a*.*

«Опривычивание», рутинизация деятельности («процессы», в нашей терминологии) высвобождает энергию для индивидуальных и коллективных действий, требующих принятия решений, будь то ситуация «внешнего» события, независимого от субъекта, или ситуация события «внутреннего» - свободное жизнепроявление и волеизъявление, выливающееся в «поступок» или «акцию» (если субъект коллективный).

*Кстати, понятие *habitus'a*, по-видимому, можно использовать и для объяснения социально-психологических механизмов как «вынужденной инициативы», так и «адаптационного нормотворчества» (см.: ДСиСА – 1; глава 2). (Март 2000).*

(2)

= Из сборника «Онтосинтез социальной реальности» (1998)

Что такое онтосинтез?

<...> Онтосинтез обеспечивает выживание человека за счет ОПЕРЕЖЕНИЯ восприятия и осознания мира. Мы СНАЧАЛА СИНТЕЗИРУЕМ реальность из материала мира, следуя как указаниям природы этого материала, так и императивам культурных образцов, а затем «ВОСПРИНИМАЕМ» эту реальность, как уже существовавшую до нас, интерпретируя ее по-своему.

¹²⁸ См., в частности: ДСиСА – 1 (Глава 3).

Естественной частью материала мира является сам человек. Из «материала» внутреннего мира человека при помощи онтосинтеза создаются нормативно детерминированные, «естественно» осуществляющиеся переживания, мысли, состояния и действия. Возникающая в ряде случаев дисфункциональность действия механизма онтосинтеза внутреннего мира человека породила необходимость разработки средств «сборки» этого мира. Эту функцию успешно выполняет раздел психологии под названием «психосинтез». Под «психосинтезом» понимается выявление или создание «объединяющего центра» и построение вокруг него органичной, внутренне согласованной и объединенной в одно целое новой личности (см. Р.Ассаджоли. Психосинтез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994). <...>

(Дудченко В.С. Методологические основы онтосинтеза / Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара. М.: 1998, с. 13, 14)

[Ниже - один из «кейсов» (case-study), представленных В. Дудченко в работе «Онтосинтез: невыдуманные истории».

Как станет ясно ниже, выбор мною именно этой «невыдуманной истории» для включения в настоящую книгу - субъективно мотивирован. - А. А.]

Философия красоты

Я знал ее с детства. Она училась в восьмом классе, а я уже закончил школу. На встрече с выпускниками пригласил ее танцевать. Помню хрупкое, напряженное, юное... Задавал умные вопросы о ее будущем и поражался зрелости ответов. Она уже решила поступать после школы в Ленинградский университет, хочет заниматься искусствоведением, изучать живопись, архитектуру. Хочет, чтобы ее окружала красота... Потом, помню, был какой-то праздник и я попросил своего друга тайно сфотографировать ее в толпе демонстрантов. У меня до сих пор хранится эта ее фотография. Хорошенькое личико, большие глаза, высокая в длинном пальто. Какое-то время мы работали вместе в одной конторе, занимались английским языком. Дальше - огромный перерыв: она вышла замуж, родила дочь, работала и развелась, вышла замуж снова... Мы мельком виделись несколько раз. Когда мы гуляли по Невскому проспекту, на нас обращали внимание. Мужчины сворачивали шеи. Она была ослепительно красива.

- И как ты умудряешься так выглядеть?

- Это, милый мой, целая философия.

- Расскажи...

...Главное, окружить себя красотой - живописью, музыкой, прекрасными дворцами, поэзией. Галочка (так назовем ее) хотела жить в атмосфере эстетики и жила в ней. Я как-то зашел к ней в Исаакиевский собор. Вряд ли кто усомнится, что это - чудо творения рук человеческих. «Неплохую рамку ты себе подобрала», - почему-то грустно заметил я. «А это просто мое, я здесь себя отлично чувствую. Они, которые это создали, моя среда, я во сне даже разговариваю с ними». Сколько великолепных, умных, тонких рассказов о великих временах Созидания я тогда услышал!

- Ты знаешь, я ведь и жизнь свою организую по-особому. Каждую субботу и воскресенье я отправляю свое семейство гулять, а сама отдаюсь естественному течению желаний. Могу, например, часами смотреть на цветущее дерево. Или бесцельно бродить по лесу. или слушать музыку. Главное - не делать никаких дел ни по дому, ни по работе. Можно часами испытывать эстетический восторг, глядя на прекрасную картину или суету пчел на цветах. Это состояние возвращает меня к самой себе, к моей органике, естественности, тело молодеет, душа оживает. Ведь подавляющее большинство людей живут не своей жизнью. это все равно, что всегда играть чужую роль, всегда говорить не то, что ты думаешь.

Как-то мы зашли в театральное кафе Дома актеров. Неподалеку за столиком сидели несколько солидных мужчин и негромко разговаривали. Один из них встал (какая порода! - подумал я) и направился к нам.

- *Извините меня*, - произнес он одновременно виновато и с чувством собственного достоинства. - *Разрешите выразить вашей даме чувство величайшего восторга перед ее красотой* (сейчас так вроде и не говорят, подумал я ревниво). *Сейчас так не говорят*, - продолжил он, склонившись в полупоклоне перед Галочкой, - *но вы ослепительно красивы! огромное вам за это спасибо*. - И отошел от нашего столика.

Галочка допила кофе и сказала:

- Пойдем, дорогой.

А когда мы вышли на набережную Неву, она улыбнулась своей фантастической улыбкой и сказала:

- *Знали бы они, как достается такая красота*.

- *?!...*

- *Я уже много лет каждый день встаю утром на полчаса раньше. Все домашние спят. на улице тихо. весной и летом в это время года поют птицы. А вообще тихо. я сажусь перед зеркалом. смотрю на себя и ищу, перебираю десятки своих ампул и нахожу те, которые соответствуют моему внутреннему самоощущению, моим сегодняшним задачам, ситуациям, в которых я сегодня окажусь. Мне это занятие нравится. я еле сдерживаю счастливый смех. Счастливый от того, что красива, молода (в любом возрасте), энергична, у меня в запасе еще огромное количество красоты и энергии. Я играю этой красотой и энергией и эта игра доставляет мне огромное наслаждение. Эти утренние 30 минут избавили меня от хандры и болезней, от раздражительности и сомнений. а главное - они сделали меня счастливой. Ты ведь знаешь, моя жизнь, особенно семейная, не давала поводов для оптимизма. это было ужасно, но я ушла в свой мир, в свое пространство, где тепло и красиво, где у меня такие друзья, как ты и ольга (ее подруга с первого класса, преданное талантливое существо, для которого есть единственная ценность в жизни - Галочка). Это мой мир и я хозяйка в этом мире.*

Смеркалось. Я никогда не любил Ленинград, то бишь Санкт-Петербург. Мне он всегда казался сырым, без красок, чопорным и провинциальным. Но для нее этот город всегда был, во-первых, Санкт-Петербургом, во-вторых, самым красивым городом на земле и, в третьих, ее собственным миром, где она прожила всю свою сознательную жизнь. Она была современной «Незнакомкой» Крамского. Почему «была»? Она и есть живая душа этого города.

(В.С.Дудченко. Онтосинтез: невыдуманные истории / Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара. М.: 1998, с. 82-84) -^А

[Автор знаком с героиней этого очерка. Вячеслав Дудченко совершенно прав, сравнивая ее с «Незнакомкой» Крамского. - А. А. 2000]

А. Алексеев - Л. и В. Дудченко (2000)

Здравствуйте, Людмила и Слава!

Посылаю вам оглавление своего «Выхода из мертвой зоны».¹²⁹ В нем Вы найдете... себя в качестве «действующих лиц» - со-беседников и со-авторов. Очень надеюсь, что вы не станете против этого возражать. Но все же разрешения испросить следует.

---

¹²⁹ «Выход из мертвой зоны» - один из ранних вариантов названия книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». А. А. Июль 2013.

Мой поклон - всем участникам «онтосинтетического» семинара, среди которых лично никого, к сожалению, не знаю (кроме, разве, Вашей дочери - Е. Дудченко, которой также мой привет).

Думаю, Людмила не забыла свою переписку с социологом-наладчиком времен «Писем Любимым женщинам». А вот присланную ею мне 20 лет назад рукопись, которую я здесь окрестил: «Идентификация промышленного социолога», может быть, и забыла. (Кстати, была ли эта работа тогда напечатана, так и не знаю...).¹³⁰

Сегодня - Пасха. «Христос воскрес!» - говорят друг другу люди крещенные и не крещенные. И крещенные и не крещенные (а также не знающие, крещены они или нет, вроде меня) отвечают: «Воистину воскрес!».

Ваш Андр. Ал., 30.04.2000

(3)

= Из интервью с профессором В.С. Дудченко «Наука - это интересно» (2000)

Семейный бизнес

Ю.М. Резник: Что такое Институт эвристики? Кто в нем работает? Можно ли эту фирму считать Вашим семейным бизнесом?

В.С. Дудченко: Институт эвристики - это зарегистрированная организация со счетом в престижном «Банке Москвы». В нем работают примерно 20 человек, это мои коллеги, которые собираются на конкретный проект. Это действительно семейное дело. Заниматься неотчужденным профессиональным делом невозможно в семье, где остальные члены семьи не занимаются тем же самым. Мы от 10 до 30 раз в год ездим на многодневные семинары в разные города по всей России. Если мужья и жены ездят врозь, возможны претензии, проблемы. Совместное дело помогает глубже понимать друг друга. Мы с женой работаем вместе с самого начала уже лет 30. Я занимался социологией, и она занималась социологией, я занимался методологией, и она занималась методологией. Я начал заниматься консультированием, - и она, кстати, защитила диссертацию, кандидат философских наук. Потом в дело включились дети, тоже уже имеют высшее социологическое образование. <...>

(Цит. по: Личность, культура, общество, 2000, том 2, вып. 3, с. 248)

(4)

Памяти В.С. Дудченко

= А. Алексеев – Л., Е и Ю. Дудченко (август 2007)¹³¹

Дорогая Людмила, милые Лена и Юля!

Уход Славы – это Горе, с которым должны справиться все, кто его знал. Для вас – особенно, но и для огромного количества людей он значил (значит!) очень много, и каждому по-своему. Для меня – не столько своей Мудростью второй половины 90-х - 2000-х, сколько Теплом 1970-х – первой половины 80-х. При том, что его онтосинтез представляется мне подлинным философским открытием (инновацией, изобретением?).

---

¹³⁰ См. ниже: раздел 15.19.

¹³¹ Адресовано жене - Людмиле Кирилловне Дудченко, дочерям - Елене и Юлии Дудченко. Цит. по сайту «Международная биографическая инициатива»:
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriandudchenko.html>

Возраст, недуги, обстоятельства препятствовали нашему общению в последние годы. Зато есть, что вспомнить из молодости, собственной и вашей.

Пусть к горечи утраты у всех близких (а кто же ближе вас!) присоединится сознание, что Миссию свою Слава успел выполнить. Это не утешает, но поддерживает. И вам в первую очередь нести эту Эстафету.

Но что бы тут ни говорить, уходить так рано – неправильно. Нарушено естественное расписание жизни. Память о Славе сохраним, пока живы. А дальше пусть ее берегут дети и внуки (в наиширочайшем смысле).

Ваш Андрей Алексеев
7.08.2007

Л.К. Дудченко

16.4. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СОЦИОЛОГА

[О Людмиле Кирилловне Дудченко (Межуевой) см. выше.¹³² Л.К. Дудченко была супругой и ближайшим сотрудником В.С. Дудченко. Скончалась в 2009 году. - А. А.]

= Рукопись Л. Дудченко (1981)

Профессия: промышленный социолог (некоторые не внутренние проблемы)¹³³

...Безнадежно пытаюсь расслабиться - все внутри напряжено и требует немедленной физической разрядки. Резко встаю, вспугнув задремавших сотрудников, выхожу в коридор. Глубоко вдыхаю теплый воздух утомленного учреждения.

И всегда одно и то же. Глубокое длительное интервью совершенно изматывает. Интересно, подсчитал кто-нибудь, сколько калорий сгорает в таком действе - считают же по другим профессиям.

Я - социолог. Для меня это звучит так же, как «человек» у Горького. Нет, не потому, что моя профессия лучше других, а потому, что это МОЯ профессия, т. е. та, в которой я единственно считаю себя возможным реализовать. И как человек, глубоко влюбленный в свое дело, считаю сегодня совершенно необходимым свое слово в социологии. Слишком много накручено вокруг нее всякого, слишком трудна в нее дорога для начинающих, слишком туманны перспективы. И из нее уходят - в производство, в более понятные и «полезные» профессии; уходят и тогда, когда работают социологами формально - своим равнодушием, пренебрежением, сонной незаинтересованностью убивая крохотные ростки живого будущего, добываемые с таким трудом...

Начать разговор имеет смысл с целевой установки, которой любой профессионал руководствуется в своей деятельности (слово «профессионал» для меня носит оценочный оттенок - это тот, для кого профессия представляет определенную содержательную ценность). Новичков, особенно тех, кто хоть раз побывал на заводе, привлекает ее гуманистическая направленность: помогать, непосредственно помогать людям, выявляя и вытаскивая на свет божий недостатки в производственной жизни и подталкивая руководство

---

¹³² См. ДСИСА – 1 (Глава 2); ДСИСА – 4 (Глава 25).

¹³³ Эта статья Людмилы Дудченко была подготовлена ею для журнала «ЭКО» (1981). По-видимому, впервые опубликована в: ПС-2.

на их ликвидацию. Помогая людям выговориться, осознать свои беды и проблемы. Обучая эффективным методам работы, учебы и отдыха.

Первоначально эта направленность помогает мириться с неудобствами и чувствовать себя едва ли не мессией. Однако позже начинаешь чувствовать себя как бы одураченным - все, что ты так скрупулезно и дотошно вытаскивал, анализировал и описывал, администрации не нужно, и она, в лучшем случае, вежливо и доброжелательно улыбаясь вам, говорит: «Это очень интересно, но нас, видите ли, сдерживает реконструкция. Вот через годик-два пройдите по цехам, тогда, может быть, и вам работа найдется, можно будет и о психологическом климате поговорить. А сейчас и климат этот, и условия труда, и настроения людей полностью определяет это ожидание реконструкции». Дескать - приходите завтра.

Глобальную целевую установку иметь - это хорошо. Но еще лучше, когда у тебя есть перспектива ясная на несколько лет вперед, да еще и оперативные планы на будущий год имеются. Кто тебе эту перспективу даст? Да некому. Потому что администрация социологического и психологического образования не имеет, и что ты ей реально дать можешь не представляет. Языка у вас общего пока нет, - каждый из вас видит по-своему производственную ситуацию. Так что, дорогой специалист, бери методики для всякого завода, абстрактного, любого - ведь ученые изучают только общее, повторяющееся, законосообразное, иди туда - куда практики не ходят, принеси то, что им нужно. И идет специалист и приносит - да *не то*.

Ведь яснее ясного казалось, - чтобы эффективно работать, чтобы двигаться, а не стоять *на месте*, нужна цель - далекая - и ряд более близких ориентиров. Есть они у заводских социологов? Да, в виде списка исследований, запланированных на ближайшие годы. Чем продиктована тематика? Нет, не предвосхищением будущих проблем завода, как может подумать оптимистически настроенный читатель, а имеющимися возможностями и сегодняшними (т. е. фактически уже вчерашними) проблемами. А возможно ли более обстоятельное планирование нашей работы? Разумеется, если это планирование опирается на знание перспектив завода и региона - технических, экономических и социальных. Возможно ли это? Теоретически - да. Практически, на сегодняшний день, при сегодняшнем уровне обоснованности, точности планов и организации работ, - нет.

А тут еще отягчающие обстоятельства - ваш непосредственный начальник, как правило, о перспективных планах завода знает не больше вас, иначе помог бы. И идти через его голову не совсем удобно и безопасно.

Ну, а о том, чтобы прощупать ситуацию с кадрами, зарплатой и прочими показателями других заводов, что совершенно необходимо для практической работы по привлечению и закреплению тех же кадров, и речи быть не может - здесь нужно выходить на такие уровни, на которые и директор не каждый день попадает, и то не всегда по своей воле.

К чему это идет разговор, спросите Вы, к тому, чтобы социолог был семи пядей во лбу: и производство знал, и в планах ориентировался, и на уровень межзаводского управления выходил? Именно к этому.

Чтобы овладеть всеми нужными для работы умениями, понадобится значительно меньше времени, чем то, которое впустую тратится на исследования, необходимые либо сторонней организации, либо для очередной галочки. Но не привыкли мы работать быстро и основательно. Либо быстро, быстро, скорее выводы, а то назовут бездельниками, скорее провести опрос, а то пошлют в цех, на прорыв, с другими инженерами. Либо - полгода на программу, полгода на сбор и обработку информации и т. п. Да и методик обучения социологов, способных практически работать, нет.

На одном семинаре в институте повышения квалификации руководящих работников слушатель рассказал мне, как он работал. Речь, помню, зашла о том, что раньше русские инженеры считались лучшими в мире специалистами. На предположение других слушателей, что речь идет о фанатике, первый возразил, сказал, что основой было стремление оправдать уважительное отношение к его профессии, которое было у окружающих, стремление всеми силами поддержать и оправдать престиж своего дела.

Многие ли из нас думают над этим? Над постоянной пропагандой достижений в сфере нашей работы, постоянной работой над собой для овладения новыми знаниями, новыми методами, постоянной дьявольской работой над собой, чтобы расширить свои профессиональные горизонты, поднять свой «потолок»? Не спекуляция на популярности, а борьба за единственно верную - самостоятельную - *профессиональную позицию*. Самое смешное (а может быть, самое печальное) в том, что эти же слова мы говорим в своих рекомендациях нашим «пациентам».

На разного рода совещаниях и конференциях заводских социологов и психологов привычно звучат жалобы на то, что администрация предприятия не предоставляет всех необходимых для работы условий: людей, помещения, оргтехники, внимания. Но редко услышишь сетования на собственную неорганизованность, собственное неумение. А даже если такие жалобы и слышишь, то они не идут дальше пожеланий вышестоящим органам «организовать нас», «обучить нас», «объединить нас». Даже в рамках одной отрасли социальные специалисты почти не знакомы непосредственно с работой друг друга. А ведь нельзя сказать, что у них нет возможности такого знакомства, - хотя бы посредством командировок на родственные предприятия. Бездействуют в этом плане организации, призванные осуществлять это, - ССА, ИСИ, Институт психологии, ИПК, бездействуют и сами социологи и психологи. Кого можно встретить на всесоюзных конференциях? Одни и те же лица, в основном из «пишущих» специалистов. Но среди заводских социологов таких не так уж много, хотя им есть что сказать. А приезжать без тезисов и докладов как-то не принято, да и информация об этих конференциях заводским специалистам не всегда доступна. Кроме того, даже если есть приглашение, администрация очень неохотно отпускает. В общем, опять масса непреодолимых сложностей на пути страждущего социолога-практика. Что же, ждать, пока изменится ситуация, уважаемые организации обратят внимание на нужды специалистов из глубинки, т. е. основной массы социологов?

Ждут, изобретая велосипеды, проводя зеркально похожие исследования причин текучести и нарушений дисциплины, теряют перспективу, утонув в водовороте повседневной производственной текучки и понемногу отставая от поезда передовой науки. А там уже и стремления бывшие благополучно умирают, и бывший бунтарь-одиночка приспособляется к ежеминутным нуждам производства и уже не думает о том, как осчастливит человечество в лице заводского коллектива. Человек слаб, и профессионалу ничто человеческое не чуждо. Но рано или поздно его настигает острая неудовлетворенность своим положением, и наш специалист либо спешно переквалифицируется, либо получает стойкий комплекс профессиональной неполноценности, переходящей постепенно в сильнейшую неприязнь к своему делу.

Когда у человека заболит сердце, он бежит к кардиологу, а не к невропатологу. Ему нужно немедленно снять эту боль, а что может сказать невропатолог - постарайтесь не нервничать? Конечно, он может вам описать причинно-следственные связи, дающие на выходе больное сердце, но что вам от этого? Вы-то знаете, что спокойно жить вам все равно не удастся, так что эти советы и это знание вроде бы ни к чему. Похожая ситуация наблюдается и у социологов.

С одной стороны, все, что он говорит, по большей части справедливо. Рекомендации - обоснованы и детальны. Но отчего же наш пациент прячет рецепт подальше и живет прежней нерациональной жизнью? Оттого, что рецепты эти мало учитывают его реальную ситуацию, его насущные задачи, невозможность немедленного изменения прежнего образа жизни. Но вот если инфаркт прихватит, - тогда уж деваться некуда, тогда и по рецептам пожить можно, до выздоровления. И опять все сначала.

Попадая в такие ситуации, социолог наш реагирует по-разному: вешает нос, разочаровывается в своей профессии и ее возможностях, перестает добросовестно относиться к делу или переходит к самореализации в другой области. И, как правило, смертельно обижается на организацию, пренебрегшую его опытом. Но стоит ли обижаться? Если продолжить параллель профессии социолога с профессией врача, представьте себе

ситуацию больного, к которому приходит врач, детально его обследует, обнаружив ряд отклонений в его организме, дает советы, а потом обижается, когда больной, пренебрегший ими, попадает в больницу или куда подальше. Долг врача - требовать выполнения его советов во имя здоровья самого пациента, убедить в необходимости лечения, но у пациента есть право этим советом пренебречь. Сколько людей - столько реакций, и довольно распространенная - реакция неприятия. Сколько организаций - столько реакций, и самая частая - реакция отторжения.

Все ли наши знакомые убеждены в необходимости оздоравливаться? Ведь известно, что пока человек не захочет сам, никакие рекомендации ему не помогут.

Случается ли нам заставлять организацию внедрять наши рекомендации, «давить» на нее с этой целью? Разумеется, но ради ее же пользы! - говорим мы. Мы разработали массу хитроумных способов заставить организацию делать то, что рекомендуем мы - и часто заставляем. Но как только упускаешь ситуацию из виду, снимаешь контроль - наши предписания благополучно превращаются в формальность, и все возвращается на круги своя. Тут уже не просто нервничаешь, а готов все проклинать в досаде и бессилии. А выход?

Организация представляет собой сложный конгломерат технического, экономического, технологического, социального. Из этой нерасчлененности вырываем мы с мясом свой «предмет» и отыскиваем в нем (и только в нем, как правило) ответ на мучающие всю организацию проблемы. Мы расчленяем, разрезаем это живое, препарируем его, соединяем заново - оптимально, как нам думается, а оно по-нашему, по научно-предметному не живет. А может ли быть иначе? Ведь мы, находясь в чреве научного предмета, перестаем чувствовать эту живую нерасчлененность организации, а значит и операции наши искусственны и произвольны с точки зрения живой действительности. Вот так и получается, подойдет смысленный социолог к необходимости комплексности подхода к своей практической работе, а как его реализовать - не знает. Не учили. Самые терпеливые и совестливые пытаются обучиться сами - и безуспешно. Но таких мало.

Думается мне, что развитие нашей профессии пойдет по пути развития методов, в основе которых лежит активная деятельность самих членов организации по решению ее проблем, разумеется, с помощью специалистов. Эти методы постепенно входят в нашу практику: это и консультативная деятельность, и методы коллективного принятия решений, и инноватика, организационное развитие, ситуационное управление... Творческое соединения знания практики представителями организации и знания организационных закономерностей социологами уже дает на выходе реальную эффективность. Это сложный путь, требующий радикальной перестройки сознания и профессиональных умений специалистов и руководителей организации, требующий терпения и времени, на основе которых возможно то или иное внешнее изменяющее воздействие на организацию.

Не лихорадочные попытки решать возникающие проблемы, а постепенная ликвидация условий, в которых они возникают. убирать причины, а не следствия. Мысль не новая, однако же, в торопке и стремлении немедленно получить результат, постоянно забываемая нами в нашей многотрудной профессиональной работе.

Март 1981

А.М. Зверев

16.5. ИСКЛЮЧЕНИЯ, ПРОЯСНЯЮЩИЕ ПРАВИЛО

[Ниже - извлечение из одноименной работы филолога Алексея Матвеевича Зверева (ныне покойного – А. А. 2013). Она посвящена, на первый взгляд, совсем не социологическим сюжетам. Однако, на мой взгляд, содержащаяся там постановка

вопроса значима для понимания соотношения обыденного и необычного, «типического» и «не типического» в социальной жизни и в ее отображении и анализе. - А. А. 2000]

= Из статьи А. Зверева «Дворец на острие иглы» (1985)

<...> Откуда это повышенное внимание к герою, обладающему столь резко выраженным «лицом необщим выраженьем»? Почему привычными сделались персонажи, которые либо сами сознают свою по обыденным меркам, странность, либо вызывают недоумение у всех, кто от таких мерок не отступает? Скажем, отчего сегодня главным действующим лицом так часто оказывается клоун - тот же д'Артез, или Ганс Шнир в романе Белля «Глазами клоуна», или многочисленные арлекины Феллини? Случайное совпадение? Пожалуй, лучше поискать закономерность.

Она, правда, уже замечена. И даже объяснена. Обычные объяснения сводятся примерно к следующему: своеобразный персонаж, личность экстерриториальная и для окружающих нелепая, понадобился искусств, поскольку он олицетворяет отклонение от буржуазной нормы [*не обязательно - «буржуазной»!* - А. А.], а значит и несет в себе нечто человеческое, нечто живое. Во многих случаях так оно и есть. Однако не во всех. Потому что совсем не обязательно, чтобы с героем подобного типа был сопряжен писательский идеал, даже просто представление о каких-то нефальшивых жизненных ценностях. Бывает и наоборот: герой странен, он явно выпадает из ряда, его несводимость к стереотипам заключает в себе начала разрушительные, жестокие, злые, пусть личность и не сознает этого сама. Феллини не зря разделяет своих клоунов на белых и черных. Да и не один Феллини.

К тому же объяснениями от противного странно оперировать, когда сходный персонаж встречается нам в собственной нашей литературе. А ведь он там встречается, и часто. Шукшинские чудики были открытием, теперь у них очень много литературных сородичей. А героев Гранина - хотя бы Любимцева, к примеру, - чудиками не назовешь, но и здесь тот же самый художественный ход: странность, несоответствие принятому, особый строй души. Поскольку подобный ход давно перестал удивлять, истолкования необходимы.

Может быть, писателя увлекает сама неординарность изображаемой личности, может быть, он дорожит исключительностью ситуаций, особой атмосферой, которую такая личность вокруг себя создает? Отчасти, конечно, так, но лишь отчасти. Ведь различные чудачки, во множестве проходящие перед сегодняшним читателем, обнаруживают не столько чью-то личную оригинальность, сколько знаменательное жизненное явление. В поведении человека, идущего, как выразился бы Даль против обыка людей, такое явление предстает с особой отчетливостью, сфокусированно. Они очень своеобразны, эти герои, и все равно они несут в себе нечто типическое. Только типическое уже менее всего уравнивается с типовым. Наоборот, оно глубоко, всесторонне, индивидуализированно. Это одна из характерных черт прозы последних десятилетий.

Причины здесь многочисленны, укажем ту, что представляется самой значительной. Уже Бальзак знал, что никакое живое существо не может оказаться готовым воплощением типа: в каждом воплощается только отдельный момент существования, но не существование в целом. Свои усилия художника Бальзак сосредоточил не том, чтобы опознать родовые признаки за всеми этими отдельными моментами, выделить в герое то, что его связывает с социальной категорией, к которой он принадлежит, с поколением, чьей частицей он является, с историей, в нем отразившейся. Это норма для искусства классического реализма. Во многом и для реализма нашего времени, вплоть до новейшей стадии.

Теперь же стало выясняться, что усилия, подобные бальзаковским, едва ли обязательны. Действительность подвергается более или менее отчетливой стандартизации, родовое, типическое, если под этим понимать определенные свойства

большой группы людей, всплывает на поверхность. Они зафиксированы и проанализированы на языке научной социологии, они тиражированы и опошлены на языке массовой культуры, они становятся достоянием газетного очерка, телевизионного сериала, непритязательной журнальной юмористики. При этом страшно много теряется. Что именно? Как раз существование в целом, оказывающееся схематизированным и упрощенным, когда оно загнано в категории плоско понятой типажности, подчинено системе обязательных примет и легко предсказуемых особенностей, каковыми должен обладать человек, поскольку он замышлен представителем определенного социума, о котором все важное якобы уже давно известно.

Так удивительно ли, что любые (и порой не самые привлекательные отклонения от этой типажности все больше интересуют серьезную прозу [*а в перспективе - и социологию!* - А. А.]? Ведь тут не одно лишь стремление уйти с проторенной тропы, тут еще и понимание, что готовыми категориями, на сколь бы прочный фундамент они ни опирались, явление нередко ЗАТЕМНЯЕТСЯ [*выделено мною. - А. А.*], чем получает истолкование. И что нешаблонность героя не только не препятствует установлению его связи с социумом, а, напротив, способна сказать о социуме нечто новое и важное. <...>

(Зверев А. Дворец на острие иглы // Новый мир, 1985, № 9, с. 235-246)

Л.Е. Кесельман

16.6. ЧЕЛОВЕК, ОСВОБОЖДАЮЩИЙ СЕБЯ САМ

...Эта книга [*«Военный летчик» А. Сент-Экзюпери. - А. А.*] внушает надежду. Она внушает читающему надежду на себя и веру в себя - в человека. ...Человек больше, чем колесико в механическом мире, выше причин и следствий. Он вовсе не слепой продукт бедствий века. Он может жить - то есть изменять мир вокруг себя в соответствии со своей высокой природой. ...Как назвать высокое начало, заложенное в человеке и открывающееся только тогда, когда он достигает человеческой зрелости? Как назвать человеческую полноценность, полноту, по законам которой неизбежно будут жить люди? Я бы назвал то, что живет в книгах Экзюпери, старинным выражением: присутствие духа...

Рид Грачев. Присутствие духа / Р.Грачев. Ничей брат. Рассказы и эссе. М.: Слово, 1994, с. 341-342, 345.

(1)

Апология человека («Рождественская сказка»)

= Несколько вступительных слов

История возникновения нижеследующего текста интересна.

В конце 1980 г. я обратился к своему другу и коллеге Леониду Евсеевичу Кесельману с предложением ответить на вопросы андерграундной экспертной методики «Ожидаете ли Вы перемен?».

Л. К. сказал, что попытается сделать это письменно. А через несколько дней я получил от него... «Рождественскую сказку (послание друзьям к Новому, 1981 году)». Где мой друг выступил с «прогнозом» не на «обозримый период», а на всю «оставшуюся» историю человечества.

«Сказка» была, кстати, очень созвучна тогдашнему мироощущению социолога-рабочего: в ту пору - как раз сочинявшего свои «Письма Любимым женщинам»...

Я благодарен Леониду Кесельману за согласие на включение этого текста в настоящую книгу.

Он на этот счет долго колебался, примерно так же, как я сам, составляя книгу из собственных писаний также и 20-летней давности. Кажется, решающим аргументом оказалось: «Ты отрекаешься от своей Сказки?» - «Нет!». И я тоже - НЕТ!

Публикуется с небольшими сокращениями. (Сентябрь 1999).

= Текст Л. Кесельмана «Рождественская сказка» (конец 1980 г.)

<...> Приближение Нового, 1981 года неожиданно бросило меня в новую, совершенно незнакомую сферу деятельности, и в результате возникло это подобие традиционной рождественской сказки. <...>

Когда я перечитал текст, который приводится ниже, мне показалось, что в нем есть что-то от тех рождественских сказок, которые по доброй старой традиции рассказывают в предновогоднюю ночь за праздничным столом: немножко таинственной жути, немножко светлой грусти и прочей лирики и, конечно же, поскольку традиционная сказка переродилась сегодня в научно-фантастический сюжет, - масса обращений к различным непроверенным гипотезам, достаточно часто возникающим в науке, отсюда же - широкое и достаточно вольное использование научной терминологии и противоречивое сочетание жанра новогоднего послания с научным сообщением. <...>

У меня такое ощущение, что я то ли придумал, то ли открыл, то ли попросту натолкнулся на нечто такое, что если не совсем сегодня, то завтра позволит сделать человеку тот шаг, который превратит его в собственно человека. Шаг несколько больший, чем тот, который сделала в свое время известная полуобезьяна к современному получеловеку. Сам по себе этот шаг предельно прост по исполнению и не требует никакой внешней борьбы или драки. Этот шаг человек может сделать только сам в себе. Представим себе, что <...> надо только понять и проверить, что собственно человек и его биологический организм суть разные вещи. Человек - существо невещественное. Вполне материальное, прошедшее все стадии эволюции, которые можно проследить, начиная от возникновения простых веществ и неорганических молекул, но - НЕВЕЩЕСТВЕННОЕ. Человек - это активно, самопроизвольно моделирующая информационная структура.

Как известно, сама по себе информация не имеет вещной, в традиционном понимании этого слова, субстанции (вещную субстанцию, да и то не всегда, имеют лишь ее носители), хотя вполне реальна, а, следовательно и материальна. В то же время сама по себе информация не есть нечто специфичное для человека, выделяющее его из реальности вселенной. В принципе, информация присутствует и используется во всех известных структурах, ибо никакая структура не способна к координации своих элементов без использования информации, обеспечивающей ее существование <...>

Так, электрон передает информацию о своем заряде и получает извне информацию о наличии не занятых мест на орбитах близлежащих атомных ядер; атомы простых элементов получают и передают информацию о своей и близлежащих атомов валентности и связях и т. д. Однако эта информация еще прямая, непосредственная, если можно так выразиться «тактильная», а не знаковая. Но уже биологическая клетка способна сообщать и принимать информацию знаковую, а у биологических организмов самых простых живых существ уже существует целый набор различных информационных систем, которые структурируются в одну систему, обеспечивающую жизненность этих существ.

Так, красный лоскут или рычание крупного хищника сами по себе еще никоим образом не являются тем воздействием на живой организм, информацию о котором он воспринимает через эти знаки. А поскольку информационная структура биологического организма, с одной стороны, использует не только прямую, но и знаковую, а с другой стороны - эта информация поступает к нему по различным каналам (слух, зрение, обоняние, осязание и т. д.), то эта информационная структура с необходимостью должна моделировать на основе частичной информации некоторые целостные образы объектов действительности.

Но информационная структура всякого биологического организма, помимо человеческого, способна лишь к отражающему действительность, реактивному моделированию. Следующий шаг, который сделала эволюция, как раз в том и заключался, что на базе свойств информационной структуры предыдущего этапа развития возникла и развивалась принципиально новая - АКТИВНО, САМОПРОИЗВОЛЬНО МОДЕЛИРУЮЩАЯ СТРУКТУРА, т. е. ЧЕЛОВЕК. Эта структура приобрела свойство не только отражать в своих моделях объекты, существующие в реальности, но и моделировать новые объекты, никогда ранее в реальности не существовавшие. И при этом не только вещные объекты. Например, такая реальность нашего мира, как ценность, сама по себе никакой вещной субстанцией не обладает, однако является не только вполне реальным объектом этого мира, но и крайне существенным его элементом, ибо в конечном счете определяет направление его развития.

Деятельность невещественного человека, т. е. объективизация, овеществление или опредмечивание самопроизвольно созданных им информационных моделей (будь то в ценностях, знании, коммуникации или в веществе внешней действительности) - единственное условие и способ его существования, лишь обеспечивается его биологическим организмом, который относится собственно к человеку примерно так же, как к этому организму относятся объекты внешней действительности (воздух, вода, пища и т. д.), которые обеспечивают функционирование биологического организма.

Идеалистическая и материалистическая традиция во взгляде на человека во все века враждовали между собой, сходясь лишь в главном своем заблуждении - отождествлении материи и вещества. Осознав эту ошибку (а сегодняшнее научное представление о мире требует этого с необходимостью), мы поймем, что человек и впрямь невещественен, но создан не Богом, а эволюцией, не мудрой, а работающей по методу проб и ошибок, когда число ошибок равно $n-1$, (n - число проб).

Человек и впрямь бесконечен (бессмертен), пока существует человечество. Смертен (конечен) лишь его биологический организм. Но информационные модели, объективизированные им в других информационных структурах, бесконечны, пока бесконечны эти структуры. Осознав и поверив в это, человек превращается в самодостаточную систему, все основные ресурсы которой находятся внутри нее. И чем больше он их реализует, чем больше он овеществляет, объективизирует себя в своей деятельности, тем счастливее он сам и окружающие его люди. Ибо его объективизация не может не быть позитивно направленной на других людей, на другие активно моделирующие структуры.

Когда сегодняшние полулюди поймут и поверят в это, в мире не останется ни одного несчастливому человека: Человек, в собственном смысле этого слова (по определению) - это счастливый человек. Счастливый - не сытым желудком или несчастьем другого, а счастливый собой и трижды счастливый тем, что видит вокруг себя таких же счастливых людей, счастье которых светло и прекрасно. В мире не станет ни войн, ни вражды, ни бедности - счастливым людям нечего делить, им не из-за чего враждовать. Счастливые самоактуализирующиеся люди умеют творить такое, что и не снилось в самых прекрасных снах сегодняшним полулюдям, а уж прокормить, укрыть от холода и т. д. такое человечество сможет все без исключения свои биологические организмы, при самых минимальных усилиях. Это оно сделает мимоходом.

Осознав себя, человечество откроет первую страницу своей собственной истории, ибо то, что происходило с ним до этого, было лишь его предысторией, переходным периодом от собственно обезьяны к собственно человеку. Конечно, сегодня оно может не понять или не поверить в это, но в худшем случае «завтра» оно это поймет и в это поверит. Поймет потому, что это предельно просто. Поверит потому, что это достаточно убедительно и заманчиво. Поймет и поверит потому, что другого выхода у него нет. Точнее, другой выход - это самоуничтожение в пекле ядерной войны или самоуничтожение в жлобском, животном пожирании окружающей среды, всех биологических организмов, обеспечивающих сегодня существование невещественного человека, а значит - и самоуничтожение его самого.

Конечно, это не будет катастрофой для вселенной и ее эволюции. Эволюция <...> работает методом проб и ошибок, и если линия, которую она протянула к сегодняшнему получеловеку, с НАШЕЙ помощью пойдет в тупик, то рано или поздно в какой-нибудь другой линии эволюция найдет другую <...>, оптимальную форму своего развития. Но нас в этой форме уже не будет. А это, как мне кажется, не совсем для нас безразлично. <...>

Хотя человеческий разум шел к этому открытию буквально на всем протяжении своей истории, однако на первых этапах своего развития человек естественно еще не мог познать и осмыслить свою сущность - слишком недостаточно было в его распоряжении знаний о реальности внешнего мира и о самом себе. Но интуитивная догадка подсказала ему его невещественную сущность, и он сотворил Бога, как некоторый идеал самого себя и как первопричину всего сущего на земле. Без этого Бога он не мог объяснить противоречивость внешнего мира, вещной природы и свою собственную невещественную сущность, а Бог позволял ему не только гармонизировать в своем сознании противоречащие друг другу факты о мире вещей и мире людей, но и давал ему, пусть интуитивно отгаданное, но в целом верное направление объективизации себя в своей, преобразующей жизненный мир, но, главное, преобразующей самого человека деятельности.

Примитивный, вещный материализм, опираясь лишь на факты о вещных проявлениях непознанного человеком мира, верно угадав эволюционное происхождение этого мира и самого человека, отказал человеку в его невещественной сути, отрек человека от Бога, как от первопричины человека, а вместе с тем и от Бога, как от идеала человека. Примитивный материализм пытался построить идеал человека в вещественном человеке, точнее, в вещественном биологическом организме, обеспечивающем существование человека. Но это была заведомо обреченная попытка. Вещественный, биологический организм - вчерашний день эволюции и поэтому никоим образом не мог выполнить этой роли. Цель, идеал всякого развития всегда находится в «завтра» и не может быть во «вчера». Но и сам идеализм без помощи разрушающего воздействия материалистической традиции все больше терял свою убедительность для человека, не в силах противостоять лавине фактов, ставящих под сомнение наивную гипотезу о Боге, как первопричине окружающей действительности и человека.

В результате человек, приобретя сегодня, на первый взгляд, всемогущество над всем сущим на земле, оказался полностью безоружным перед биологическим организмом, который по замыслу эволюции должен был лишь обеспечить его существование, точно так же как существование этого организма обеспечивали такие явления внешней по отношению к нему природы, как воздух, вода, пища, солнечное тепло и т.д. Влекомый этим организмом вспять эволюции, человек оказался в тупике, а точнее на краю пропасти. Низшая по сравнению с человеком ступень эволюции - биологический организм, поработивший его, не только не в состоянии дать человеку «правильную» модель его идеала, цели его движения и развития, но и в своем опьянении от порабощения такой мощной по сравнению с ним силы, как человек, утратил инстинкт самосохранения - еще несколько шагов в удушающих объятиях этого взбесившегося организма, и в пекле ядерной войны или в самоуничтожении жлобского биологического развещественного

мира, которое самому человеку никоим образом не нужно, исчезнет и человек, и его биологический организм.

Сегодня эволюция отсчитывает последние секунды, оставленные человеку для спасения себя, а вместе с тем и спасения той многомиллионнолетней «работы» которую она (эволюция) проделала, сотворив человека. Сегодня в этом жутком цейтноте, в эти последние секунды, оставленные человеку эволюцией, он должен принять решение: либо, оставаясь в объятиях биологического организма, поработившего его на свою потеху, погибнуть вместе с ним, либо, освободившись от цепких лап этого обезумевшего во вседозволенном пожирании мира животного, приняв на себя всю ответственность за свое, а вместе с тем и за его (этого животного) существования, спасти себя от неминуемо надвигающейся гибели, а вместе с тем и всю многомиллионнолетнюю работу эволюции, к которой, в частности, принадлежит и животное, приведшее человека на край его и своей гибели.

Конечно, сделать этот шаг к освобождению не так просто. Многовековая традиция отождествила в сознании человека его самого с тем животным, которое, по замыслу эволюции, лишь должно было обеспечить человеку его преобразующую мир и самого себя деятельность. Все свои безумные прихоти это животное тщательно замаскировало в сознании человека под потребности самого человека. А сегодня ему (человеку) очень трудно осознать всю ложность его представлений о потребностях этого животного как о своих собственных. Но у человека есть лишь одна потребность: объективизация, овеществление (человеческое развеществление есть лишь отрицание старой модели во имя новой, более совершенной, в то время как биологическое развеществление - присвоение, разрушение, потребление, уничтожение объектов внешней среды) активно созданных им идеальных (в смысле необъективизированных им в реальности внешнего мира) моделей, т. е. себя в реальной действительности мира. Все прочие потребности лишь маскировавшиеся тысячелетиями прихоти обезумевшего животного...

Чувствуете, как все это знакомо, как похоже на тысячелетней давности проповеди о дьяволе в человеке? Как же не зря подозревал человек дьявола в своем биологическом организме! Увы, человек может быть удивительно, гениально догадлив, но догадка эта - лишь рабочая гипотеза, а человеческий разум не может слишком долго доверять непроверяемой гипотезе.

Но сегодня <...>, когда в руках у человека мощная сила знания <...>, подтверждающая его догадку, он может, он обязан освободиться наконец от дьявола, влекущего его к пропасти самоуничтожения. Он обязан перед самим собой, перед всем, что дорого ему в этом, уже изрядно обезображенном похотливым безумием самодурствующего животного, но все еще прекрасном, созданном эволюцией и его человеческой деятельностью, мире. Обязан перед теми несмышленищами, которых человек так мечтает видеть счастливыми людьми, и любовь к которым в отдельные мгновения вырывает его из удушающих объятий безумного животного. <...> Человек не зря догадывается, что в этих несмышленищах его бесконечность, его бессмертие, и так оберегает и лелеет их. Однако его бессмертие не в биологических организмах этих будущих людей, а в них как в ЛЮДЯХ - именно эти будущие ЛЮДИ призваны сделать человека бесконечным.

Но сегодня эволюция отсчитывает последние секунды существования не только людей сегодняшних, не только последние секунды этих, еще не полностью состоявшихся людей (им еще только предстоит объективизировать себя в своей преобразующей этот мир деятельности), но и всех тех еще не существующих людей, которые во имя бесконечности человека должны явиться в этот мир, чтобы продолжить человека сегодняшнего, преобразовав этот мир по тем прекрасным, идеальным (в этом смысле еще не овеществленным в реальности внешнего мира) моделям, уже сегодня существующим в сознании нынешнего человека. И значит никто из нас не может, оставаясь в удушающих, но вместе с тем одурманивающих объятиях, обманом завладевшего нами животного,

откладывать на завтра решительный шаг к своему освобождению, ибо «завтра» уже не будет. В нем не будет ни вас, ни меня, ни всего созданного эволюцией и нами. В нем не будет даже того глупого животного, в адрес которого мы метали сегодня столько молний. А ведь оно, как и все сущее на свете, также достойно человеческого сочувствия, но сочувствовать ему и даже слегка баловать мы будем завтра, если сегодня успеем не дать этому шалуну уничтожить всех нас, а заодно и самого себя. Сегодня каждый из нас обязан освободить себя от этого наивно-корыстного в своем слепом неведении, от этого потерявшего инстинкт самосохранения животного.

КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН ОСВОБОДИТЬ СЕБЯ! Не дай вам Бог (т. е. созданная нашим человеческим разумом модель человеческого идеала, цель его развития, реализовав которую в своей деятельности человек сам становится Богом) пытаться принуждением освободить другого. Человека никто не может заставить что-либо делать против его собственной воли. Человек объективизирует себя только при реализации своих собственных моделей. Принудить можно только биологический организм. Это привычно. Но неведущий человек не принуждается извне - все его основные ресурсы находятся внутри него, и никто кроме него самого не в силах распорядиться ими помимо его воли и желания. Каждому человеку осознание этого дает всемогущество над миром и, в том числе, над своим биологическим организмом, делает его неуязвимым с их стороны, но вместе с тем, каждый человек, осознавший это, должен осознать и свое «бессилие» перед любым другим человеком, который так же всемогущ, как и он сам.

Однако всемогущий человек и не нуждается в порабощении другого, он сам всесилен и может все, что хочет, не прибегая к использованию другого для реализации своих потребностей. <...>

Человек нового, собственно человеческого общества нуждается в другом человеке лишь для объективизации себя в нем, для «обогащения» другого всей своей позитивно направленной деятельностью, для добровольного сотрудничества, многократно умножающего ресурсы каждого из них. <...> Человек не может жить иначе, как даря другим людям бессмертие и тем самым обеспечивая его себе.

И если его деятельность не воспринимается другим как позитивная, значит либо она в самом деле не позитивна, либо тот, на кого она направлена, еще не освободился от объятий своего животного, и самое большое, что может сделать в этой ситуации человек, это помочь осознать другому свое рабство и дать ему силы для борьбы с ним. Но в любом случае каждый отдельный человек может освободить себя только САМ, только через свою целенаправленную, преобразующую мир и тем самым самого человека деятельность. Конечно, это непросто, но освобождение так заманчиво: абсолютная свобода и счастье - мечта каждого, а когда отказ от освобождения неминуемо ведет к гибели не только человека, но и притворившееся им животное, то у человека нет иного выхода, как ОСВОБОДИТЬ СЕБЯ. И сделать это надо сегодня.

ЗАВТРА ОКАЖЕТСЯ ПОЗДНО. <...>

И еще несколько слов: как бы ни были сильны внешние, так называемые «объективные обстоятельства» (условия), но в этом мире, а в человеческом, социальном - тем более, ничего не делается, не происходит помимо воли и желания человека. И надо четко отдавать себе отчет, что если мы хотим видеть жизнь иной, то никто, кроме нас самих (конкретных людей, которые хотят видеть ее «такой») не может сделать ее такой. У нас нет никаких объективных оснований ожидать, что такой ее сделает некоторый «дядя». Хотя какой-нибудь «дядя» возможно когда-нибудь это и сделает, но это случайность, а не закономерность, и вряд ли эта случайность может принести подлинное удовлетворение собственно человеку.

Но если мы в самом деле хотим, а не «непрочь» видеть мир таким, как нам он представляется, то у нас нет иного, более оптимального выхода, как направить свои ресурсы (усилия) на объективизацию наших представлений о желаемом и должном (на объективизацию наших идеальных моделей). Человек – это единственная активная сила,

способная не только создавать реальные объекты по уже существующим моделям (репродуцировать их), но способная ТВОРИТЬ НОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЗМОЖНОМ, ЖЕЛАЕМОМ И ДОЛЖНОМ (по своим идеальным моделям).

Любая негативная ситуация автоматически рассматривается <...>, как обычная рабочая ситуация, решение которой необходимо найти и своей деятельностью превратить в позитивную, что не может вызвать негативных эмоций, тем более если в своей деятельности вы рассчитываете и опираетесь только на собственные, трезво рассчитанные ресурсы. А трезвая оценка не допускает никаких упрощений за счет ожидаемой «поддержки» со стороны «должной», а не реальной ситуации - будь то некоторые характеристики абсолютно «объективных» условий или характеристики некоторых личностных свойств людей, на которые вы почему-то рассчитываете в своей преобразующей реальный мир деятельности и не фрустрируете (не превращаете в трагедию) их ограниченность. Вы просто выкладываете свои собственные ресурсы, а они как правило, вполне достаточны для объективизации СЕБЯ.

Таким образом, если вы исходите из понимания того, что в мире ничего не произойдет помимо вашей воли и желания, а то, что все-таки произойдет, даже если это соответствовало вашим желаниям, а вы не принимали в этом непосредственного участия, то это всего лишь случайность, в то время как закономерность создается только вашей собственной волей и деятельностью, если вы научитесь оценивать всякую негативную ситуацию во всей ее реальности, не делая никаких допущений на то, что кто-то обязан что-то сделать за вас, вы станете ВСЕ-могущим и ВСЕ-могучим человеком, т. е. вы научитесь делать все, что хотите, а хотеть все, что можете. В том случае, если вы желаете того, что, при трезвой оценке ситуации и ваших ресурсов по отношению к ней (ситуации), вам не под силу, вы имеете полное право по отношению к себе и всему миру в целом снять с себя ответственность за это нереальное притязание к миру - оно нереально, и в вас нет никаких оснований фрустрировать по этому поводу.

Всякое ваше желание, если это в самом деле желание, а не «непрочь», должно, обязано быть реальным, или мы обрекаем себя на бесплодные переживания по поводу нереализованности невозможного. Я не призываю к бескрылости. Отнюдь. Но мечта тем и хороша, что не бесплодна. Мечта, мобилизующая нас на полную, на предельную до последней капли реализацию наших собственных ресурсов, т.е. самих себя, оплодотворяет нас, а вместе с тем - и весь мир, нашей реальной активной деятельностью и ее результатами. Но мечта, не подкрепленная, не обоснованная нашей деятельностью, бесплодна и разрушает не только нас самих (человек под гнетом фрустрации, вызванной нереальными притязаниями, бесплоден, а значит не является человеком, активно творящим мир по собственному образу и подобию), но разрушает мир, который должен быть таким, каким мы хотим его видеть.

Поэтому дерзайте, творите мир по образу и подобию своих представлений о том, каким он должен быть, но не «жадничайте», не претендуйте на то, что не может быть создано вашими собственными, трезво определенными ресурсами, вашей собственной объективизацией, и если вы поймете и поверите в то, о чем здесь говорится, в этом не совсем обычном Новогоднем послании, вы обеспечите себе полнокровную наполненную смыслом в каждое мгновение вашего бытия жизнь. <...>

Однако, если эти слова не смогли превратиться в ваш собственный личный смысл, вам не стоит особенно огорчаться. Не принимайте их всерьез. Это всего лишь еще одна, несколько жутковатая, но согласитесь, достаточно забавная рождественская сказка, которую можно рассказать или прочитать в кругу друзей за праздничным новогодним столом. Имя автора этой сказки, я думаю, будет несущественно для ее слушателей. Будем считать, что сказка народная и рассказ от первого лица - всего лишь литературный прием. И при встрече мы сможем добродушно улыбнуться милой наивности и неправдоподобности ее сюжета.

Но в любом случае, я желаю Вам и Вашим близким высокого и светлого человеческого счастья в этом Новом 1981 от Р.Х. году и, кто знает, может и впрямь ПЕРВОМ ГОДУ новой человеческой истории.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Л. К.

Декабрь 1980

Ремарка: человек и «животное»

Внутренний рецензент этой книги Виктор Дудченко заметил: «Как хорошо сказал! Только чего это он на Животное так ополчился?».

Ну, редактировать теперь нельзя... А вот слово «животное» я бы (и, может быть, сам Л. К.) сегодня поставил бы в кавычки.

Ибо животное как таковое (а не в смысле «животной природы» человека) - прекрасно, как продукт Эволюции или Божеское творение.

Не менее прекрасное, чем сам Человек, и, уж всяко, более прекрасное, чем «получеловек» (в смысле Л. К.). (Декабрь 1999).

(2)

Индивидуальный и социальный пессимизм / оптимизм в трансформирующемся обществе

Ремарка: главный жанр моего друга

«Сказка», понятно, не постоянный, а эпизодический и импровизационный жанр Леонида Кесельмана.

За 30 с лишним лет профессиональной деятельности социолога наиболее употребительным (и привычным) для Л. К. все же является жанр научного отчета или статьи.

Ниже - промежуточный (1999) отчет, по исследовательскому проекту Российского фонда фундаментальных исследований «Взаимосвязь ценностно-нормативных образований индивидуального и социального сознания», руководителем которого является Л.Е. Кесельман.

Подзаголовки принадлежат автору настоящей книги. (Декабрь 1999).

= Из отчета по исследовательскому проекту (1999)

1. Вступление

При переходе к новым формам организации общественной жизни адаптация населения к изменяющимся условиям происходит, как минимум, в двух внешне независимых друг от друга, но внутренне стратегически тесно связанных между собой пространствах обстоятельств. В первом из них, относительно доступном для внешнего наблюдения, происходит адаптация различных социальных групп (и составляющих их индивидов) к изменяющимся социальным условиям жизни (в первую очередь, экономическим).

Арсенал средств, используемых при этом, состоит по преимуществу из материальных благ (жилищные условия, недвижимость и другие имущественные обстоятельства) и социальных позиций, унаследованных от предыдущих социально-экономических обстоятельств, обеспечивающих удержание (или развитие) сложившегося качества жизни. Среди них, в первую очередь, - профессиональный и экономический статус, а также системы социальных связей.

Другая область, внутри которой происходит адаптация, - это ценностно-нормативное пространство, детерминирующее изменившиеся (изменяющиеся) социальные отношения. В этом пространстве на уровне поведенческих навыков происходит (или не происходит) освоение норм, адекватных новым социальным обстоятельствам, но - главное - интернализация ценностных приоритетов и общей системы мироотношения, обеспечивающей индивиду эффективную реализацию собственных жизненных программ в изменившихся социальных обстоятельствах.

Для «вступающих в жизнь» проблемы их адаптации в этом пространстве, в принципе, мало чем отличаются от общих проблем социализации. Другое дело - интернализация новых ценностно-нормативных систем индивидами, чья социализация произошла ранее. Такая интернализация, как правило, сильно осложняется наличием относительно целостной (внутренне непротиворечивой) системы мироотношения, ценностно-нормативных представлений и поведенческих навыков, сложившихся прежде. Следы подобных закономерностей обнаруживаются практически во всех сферах жизни трансформирующегося общества. Но особенно заметны они в экономической и достаточно тесно связанной с ней политической сферах жизни.

Как свидетельствуют результаты не только наших, но и многих других исследований, проблемы современного российского общества в значительной (если не в решающей) мере обусловлены именно этими «осложнениями», механизмы микширования которых до сих пор остаются мало исследованными.

2. Об индивидуальном и социальном сознании

Аналогично тому, как индивидуальное сознание личности, осознаваемое ею (осознаваемое сознание), есть лишь относительно незначительная часть всего сознания, включающего не только актуально осознаваемое, но и значительные пласты под-, над- и вне-сознания. Иначе говоря: СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ содержит в себе не только осознаваемые и вербализуемые (декларируемые) приоритеты, ценности, нормы и способы поведения, но и значительный объем существующих рядом (не вместо вербализованных частей социального сознания, а именно рядом, одновременно с вербализованными элементами социального сознания) социальное под-, над- и внесознание.

Социальное (социум) есть внешнее по отношению к индивиду («не зависящее от воли и желания отдельного человека»), поднимающее его как над его биологической, так и над его собственной психологической природой. Именно социальное превращает индивида в того «объемного» человека, регуляция деятельности которого осуществляется параллельно на самых разных уровнях: от физического до психического и социального. Явления и события любого из этих уровней способны оказывать существенное, подчас кардинальное воздействие как на отдельного человека, так и на общий социальный процесс.

Уточним: социальное сознание - не совокупность индивидуальных, а надличностное образование, в которое, подобно тому, как физические тела погружены в земную атмосферу, погружены индивидуальные сознания; и в котором эти индивидуальные сознания формируются в процессе социализации на первых этапах своего становления.

Для современной социологической теории подобные концептуальные построения не являются чем-то необычным. Однако, как нам представляется, методология эмпирического наблюдения и анализа, реализующая себя в наиболее распространенных опросных технологиях, не позволяет на эмпирическом уровне надежно вычленить собственно социальное из индивидуального (того, с чем непосредственно сталкивается наблюдатель в ситуации опроса).

В социологических опросах элементы индивидуального и социального сознания (в частности, ценностно-нормативные образования), как правило, предстают в нерасчлененном виде. Это существенно затрудняет исследование их взаимосвязи на

эмпирическом уровне. Отсюда следует необходимость вычленения (сепарации) этих элементов индивидуального и социального сознания в практике эмпирических исследований.

Следует отметить, что и в зарубежной практике также существует описанный выше отрыв общетеоретических представлений от соответствующей практики массовых опросов и эмпирических наблюдений, непосредственным объектом которых является не концептуализированная социальность в соответствующих ее операционализациях, а все тот же индивид (респондент), несущий в себе внешне неразличимое единство индивидуального и социального.

Настоящая работа является не только продолжением проекта, открытого в 1998 году, но и развитием начатого в 1989 году цикла исследований, одним из направлений которых был поиск методологии вычленения (сепарации) ценностно-нормативных образований индивидуального и социального сознания в практике массовых социологических опросов.

3. Индивидуальный экономический пессимизм / оптимизм: динамика минувшего десятилетия (1991-1999)

Данные последнего опроса свыше двух тысяч жителей Самары, проведенного в октябре 1999 г. (рук. В.Б. Звоновский), показывают: серьезно опасаются дальнейшего ухудшения своего материального положения 7 % опрошенных, и еще 21,5 % предполагают такую перспективу не очень уверенно. В целом, 28,5 % индивидуальных экономических пессимистов, так или иначе опасющихся перспективы ухудшения своего материального положения, «противостоят» 20,5% индивидуальных оптимистов, с той или иной уверенностью ожидавших повышения своего благосостояния. Остальные - 51% - не ожидают каких-либо заметных изменений в своем материальном положении.

Для обобщения частных характеристик пессимизма/оптимизма воспользуемся применявшимся в предыдущих наших работах информационно более емким показателем предрасположенности социальной группы к негативному или позитивному видению индивидуальных перспектив. Этот показатель агрегирует два отдельных показателя в обобщенный в виде частного от деления численности «пессимистов» на численность «оптимистов». Поскольку в числителе показателя находится количество именно «пессимистов», то абсолютное значение выше единицы означает преимущественное тяготение группы к пессимистическому видению индивидуальных экономических перспектив, или просто к пессимизму; а значение меньше единицы свидетельствует о тяготении группы к оптимистическому видению.

В совокупности опрошенных осенью 1999 г. общая численность «пессимистов» заметно превышает численность «оптимистов», и значение показателя пессимизма/оптимизма (в дальнейшем будем, с учетом структуры показателя, говорить - просто «пессимизма») несколько выше единицы: $28,5/20,5 = 1,39$. В опросе, проведенном двумя годами раньше - в августе 1997 г., индивидуальных экономических пессимистов было 23 %, тогда как их прямые антагонисты составляли 27 %, то есть экономический оптимизм, пусть ненамного, но все же преобладал над уходящим, как представлялось тогда, в прошлое пессимизмом. При этом значение показателя «пессимизма» было ниже единицы: $23/27 = 0,85$. Такое значение нашего показателя характеризовало относительно благополучную ситуацию в начале осени 1997 г.

Напомним, что осенью 1991 г., индекс индивидуального экономического пессимизма в этом же регионе был почти втрое больше нынешнего - 4,17 (60/14,5), а в январе 1992 г. (сразу после «освобождения цен») достигал 4,69 (61/13). Аналогичная картина наблюдалась и в Санкт-Петербурге. Таким был пик индивидуального пессимизма и не только в этих регионах, но и в целом по России. Так, по данным ВЦИОМ, численность индивидуальных пессимистов, ожидавших падения своего благосостояния,

достигла максимума в первой половине 1992 г., после чего наметилась отчетливая тенденция снижения уровня индивидуального пессимизма.

В сентябре 1992 г. первоначальный шок от столкновения с новой реальностью какой-то частью населения был преодолен, что, в частности, отразилось и в значении анализируемого показателя, опустившегося в Самаре до 3,16 (48,5/15,5). До приемлемого уровня благополучия еще было далеко, но пик неблагополучия, как показали дальнейшие наблюдения, не только в Самаре, но и в целом по России остался позади.

Весной 1995 г., несмотря на продолжавшийся экономический спад и чеченские события, уровень индивидуального экономического пессимизма опустился еще ниже, что отразилось и на значении соответствующего индекса, вплотную приблизившегося к разделительной черте и составившего 1,12 (27/24). На этом уровне ситуация как бы замерла, и осенью 1996 г. анализируемый показатель был равен 1,08 (23/21,5). А еще через год, как свидетельствуют приведенные выше данные, оптимистический настрой в Самарском регионе, пожалуй впервые после начала экономических реформ, превысил уровень пессимистического, а значение показателя пессимизма опустилось ниже разделительной черты.

Однако версия, экстраполирующая наметившуюся накануне августа 1998 г. тенденцию повышения уровня жизни и индивидуального экономического оптимизма, не подтвердилась не только в объективных характеристиках изменения реального уровня и качества жизни россиян, но и в их экономических ожиданиях, отражающихся в показателях индивидуального экономического пессимизма/оптимизма.

При том, что нынешний общий уровень индивидуального пессимизма заметно отличается от того, который был зафиксирован два года назад, основные закономерности его дифференциации в различных социальных группах остались практически неизменными. В первую очередь это относится к возрастной (или когортной) дифференциации индивидуального пессимизма/оптимизма.

4. Почему так происходит?

Как и два года назад, нынешняя ситуация определяется не только и даже не столько общим экономическим кризисом и падением доли национального дохода, приходящейся на душу населения, сколько общим изменением механизмов социальной, и в том числе экономической, жизни. Это и предопределяет не просто изменение, но зачастую и полную смену правил профессионального и, особенно, экономического поведения для отдельно взятого человека. Такая ситуация требует от человека не просто освоения новых навыков, но и, что крайне тяжело, отказа от старых, ранее приобретенных. Тех навыков, которые еще относительно недавно вполне обеспечивали существование, а подчас и относительное преуспевание.

Понятно, что «налог прошлого» платят лишь успевшие освоить социальные нормы и жизненные навыки в условиях действия старых социально-экономических механизмов. От этой платы практически полностью освобождены те, чья базовая структура личности формируется в естественном процессе социализации в настоящее время. Но чем большим опытом использования ранее приобретенных навыков и ценностно-нормативных представлений обладает отдельно взятый человек, тем, при прочих равных условиях, труднее ему отказаться от них, а значит и освоить новые, адекватные нынешним условиям жизни.

Это устойчиво подтверждают многочисленные данные, получаемые в последние годы. Причем данные эти свидетельствуют не столько о возрастных различиях пессимизма/оптимизма, сколько о когортных, межпоколенческих, присущих нынешнему периоду перехода из одной системы социально-экономических отношений в другую. Существует достаточное количество причин для того, чтобы в условиях стабилизации новой системы различия эти существенно сгладились и преобразовались. Известно, что те или иные системы ценностей интернализируются и устойчиво воспроизводятся

личностью не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они обеспечивают этой личности выработку и реализацию собственных целей и программ.

Проблема не в «коллапсе общества», являющемся скорее некоторой виртуальной страшилкой для индивидуальных сознаний, сформированных в условиях прошлого (изжившего себя, уходящего, трансформировавшегося) состояния социума (социального сознания) и не обнаруживающих в изменившемся социуме привычных для себя закономерностей, норм и приоритетов. Старые способы существования становятся все менее эффективными, а новые еще не найдены, не сформированы, не интернализированы или не легализованы (не узаконены или не легитимизированы).

5. Социально-структурная дифференциация индивидуального пессимизма / оптимизма

В 1999 г. общая численность индивидуальных пессимистов, опасющихся ухудшения своего материального положения, среди мужчин мало отличается от численности их прямых антиподов, ожидающих повышения своего благосостояния - 26 % против 24 %. Другое дело - женщины, где на 30 %, опасющихся ухудшения своего положения приходится лишь 17,5 % оптимисток. Индекс индивидуального экономического пессимизма мужчин составил 1,08 (26/24), у женщин - 1,71 (30/17,5).

Два года назад среди мужчин на 18 % пессимистов приходилось 32 % их антиподов, в то время как среди женщин ситуация была почти противоположной. Оптимистов тут было просто меньше, и на 23 % этого «меньшинства» приходилось 27 % опасющихся ухудшения своего благосостояния. Если для мужчин агрегированный показатель пессимизма в 1997 г. был много ниже единицы - 0,56 (18/32), то для женщин он был не только заметно выше этой разделительной черты, но и в два с лишним раза выше, чем у мужчин, а именно - 1,17 (27/23).

Нельзя не вспомнить уже высказывавшееся объяснение подобных закономерностей тем, что повышенный женский пессимизм скорее всего является еще одним проявлением хорошо известной психологам повышенной «женской» тревожности и, не исключено, свидетельством женской СОЦИАЛЬНОЙ нормы восприятия будущего.

Различиями перспектив изменений реальных доходов определена и дифференциация пессимизма / оптимизма в социально-экономических группах занятости. И в 1997, и в 1999 г. индивидуальный экономический пессимизм занятых на государственных предприятиях ниже, нежели у работников относительно недавно акционированных производств. Похоже, что, как и два года назад, акционирование экономики пока еще не дало ее работникам даже той уверенности в завтрашнем дне, которую еще сохраняют (или уже приобрели) нынешние госслужащие.

Это, однако, не должно создавать иллюзий, что частная экономика не может в нынешних российских условиях проявить своих преимуществ. Может, и уже проявляет! Но не та промежуточная, к которой пока относится большая часть недавно акционированных предприятий, а собственно частная, не несущая в себе «родимых пятен» своего социалистического прошлого. Среди занятых в собственно частной экономике (в большинстве своем работающих там по найму) численность индивидуальных экономических оптимистов почти на четверть больше численности их антиподов, о чем и свидетельствует соответствующий показатель - 0,80 (21.5/26.8). В 1997 г. среди занятых в частной экономике веривших в близкое повышение своего благосостояния было ровно в три раза больше, чем их антиподов, а соответствующий показатель равнялся 0,33 (13/39).

По общероссийским данным ВЦИОМ, численность индивидуальных экономических оптимистов, ожидавших тогда улучшения своего материального положения, среди занятых в частной экономике была в два с лишним раза выше, чем среди работников государственных предприятий и учреждений. Конечно, после «дефолта» (август 1998 г.) - и среди «частников» оптимизма заметно поубавилось. Но и

сейчас среди занятых в частной экономке, несмотря на общее понижение экономического оптимизма, он по-прежнему преобладает.

Но наиболее контрастно преобладание индивидуального экономического оптимизма среди учащихся, где на каждого опасяющегося ухудшения своего материального положения приходится втрое больше ожидающих прямо противоположного. Об этом свидетельствует нынешний показатель индивидуального экономического пессимизма - 0,35 (11,5/32,7), ненамного отличающийся от аналогичного показателя, полученного на данных 1997 г. - 0,23 (10/43).

У не работающих пенсионеров ситуация прямо противоположная. На 44 % индивидуальных экономических пессимистов тут приходится чуть ли не вчетверо меньшая численность их антиподов, что и отражается в соответствующем показателе пессимизма этой группы - 3,52 (44,0/12,5). Два года назад численность индивидуальных экономических пессимистов, опасавшихся дальнейшего ухудшения своего материального положения, составляла здесь 41 %, то есть отличается от нынешней на величину стандартной ошибки измерения. В то же время численность оптимистов, веривших в близкое повышение своего благосостояния, составляла 12 %, то есть практически не отличалась от нынешней. Мало отличается от зафиксированного два года назад и нынешний агрегированный показатель пессимизма - 3,42 (41/12). При том, что общий уровень индивидуального экономического пессимизма сейчас заметно выше зафиксированного в 1997 г. (1,39 против 0,85).

Как видим, прошлогодний августовский кризис, заметно повысив общий уровень индивидуального экономического пессимизма населения, почти не повлиял на пессимизм неработающих пенсионеров. (Основной удар этот кризис нанес, по-видимому, по занятым на акционированных предприятиях, где численность оптимистов упала с 24 % до 13 %, а индекс пессимизма повысился почти втрое - с 1,0 до 2,81; и по занятым в частной экономике, где численность оптимистов упала с 39 % до 26,8 %, а индекс пессимизма повысился с 0,33 до 0,80).

Обратим внимание на устойчивость другой менее броской закономерности, заслоненной крайне неблагоприятной (по сравнению с другими социальными группами) ситуацией у пенсионеров и просто пожилых людей. Среди наиболее пожилых людей, большая часть которых уже не в состоянии работать (и живет в основном на свою нынешнюю пенсию, нередко дополняемую разнообразными «вкладами» более молодых членов семьи), численность индивидуальных экономических пессимистов все же МЕНЬШЕ суммарной численности тех, кто не ожидает никаких изменений в своем материальном положении, либо даже предполагает его улучшение. Напомним, что численность пессимистов в этой социальной группе равна 44,1 %, что много больше, нежели их прямых антиподов, но остальные 55,9 % представителей этой социальной группы, как минимум, не опасаются ухудшения своего материального положения. Такая же ситуация отмечалась и в предыдущем исследовании, когда 41 % пенсионеров, склонных к индивидуальному пессимизму, «уравновешивались» 59 % НЕ опасяющихся дальнейшего ухудшения своего материального положения.

Чтобы оценить эти не сразу бросающиеся в глаза факты, вспомним общее распределение пессимизма / оптимизма, характеризовавшее в 1991-1992 гг. все население, а не наиболее обездоленную его часть. Тогда общее количество индивидуальных экономических пессимистов, почти панически опасавшихся дальнейшего ухудшения своего и без того резко ухудшившегося положения, вплотную приближалось к ста процентам. Иначе говоря, не только накануне августовского кризиса, но и через год после него экономически наиболее депривированная часть населения (неработающие пенсионеры) оценивает свои перспективы с БОЛЬШИМ оптимизмом (или, как минимум, с меньшим пессимизмом), чем накануне и в самом начале реформ оценивало свои перспективы все население региона.

6. Индивидуальный, «локальный» и «общий» (социальный) пессимизм / оптимизм. Эффект расширяющейся «негативной воронки»

Представление отдельного человека о перспективах своего индивидуального экономического положения опирается на учет не только собственного экономического потенциала. Как правило, оно формируется и существует в контексте представлений и гипотез о перспективах развития достаточно широкого круга значимых для этого внешних обстоятельств.

С целью выявления взаимосвязи индивидуального пессимизма / оптимизма с релевантным социальным контекстом мы попытались в нашем последнем опросе, наряду с представлением опрашиваемых о своих индивидуальных экономических перспективах (их индивидуальном пессимизме / оптимизме), выявить и представление об аналогичных перспективах окружающих их людей, а также о перспективах развития экономической ситуации в городе и, наконец, - о перспективах развития экономической ситуации в стране.

Как мы помним, оценивая свои индивидуальные экономические перспективы, примерно половина (51 %) опрошенных высказали предположение о том, что в ближайшее время их материальное положение скорее всего никак не изменится. Экономические перспективы окружающих в представлении тех же респондентов еще более статичны: почти две трети (64,5 %) опрошенных полагают, что материальное положение большинства окружающих их людей в ближайшее время практически никак не изменится. Предполагает некоторое ухудшение экономического положения окружающих примерно каждый пятый (19,5 %), и лишь один из двадцати (5 %) полагает, что ухудшение может быть весьма заметным. В целом, 24,5% «локальных пессимистов», так или иначе опасющихся ухудшения материального положения окружающих, противостоят 10,9% (то есть в два с лишним раза меньше) «локальных оптимистов», с той или иной уверенностью ожидающих повышения благосостояния большинства окружающих их людей.

Ожидания стабильности (неизменности) преобладают и по отношению к экономической ситуации в городе, и по отношению к экономической ситуации в стране. Однако, если на фоне первой половины, т. е. ожидающих экономической стабильности в городе, во второй половине ожидания негативных и позитивных изменений почти уравниваются друг друга (26 % против 24,5 %), то по отношению к перспективам экономической ситуации в стране такая сбалансированность пока отсутствует. Количество социальных пессимистов, ожидающих дальнейшего ухудшения общей экономической ситуации в стране, не только в два с половиной раза превосходит численность социальных оптимистов (о чем говорит значение индекса социального пессимизма, рассчитанного через отношение полюсов - 2,58), но и приближается к численности ожидающих сохранения стабильности (неизменности) нынешнего экономического положения в стране (40,2% против 44,2%).

Иначе говоря, уровень оптимизма по отношению к экономической ситуации в своем почти двухмиллионном городе у жителей Самары значительно превосходит сложившийся к настоящему времени уровень их социального оптимизма по отношению к общей экономической ситуации в стране.

Похоже, что здесь мы столкнулись с одним из проявлений эффекта расширяющейся «негативной воронки» - следствием воздействия нынешних средств массовой коммуникации, отмечавшимся ранее не только нами. Суть этого эффекта заключается в том, что чем дальше от собственного опыта взаимодействия с оцениваемым социальным объектом находится современный российский «наблюдатель», оценивающий этот объект, чем больше его представление об этом объекте опосредуется информацией и сообщениями средств массовой информации, тем негативней его оценка состояния этого объекта.

О существовании этого эффекта свидетельствует не только более высокий уровень общего социального пессимизма (по сравнению с индивидуальным и локальным), но, в частности, и то, что средние оценки индивидуального или семейного благополучия, основанные на собственном опыте оценивающего, как правило, заметно выше средних оценок более общей социальной ситуации, представление о которой, как правило, формируется на основе различных сообщений СМИ. Точно так же формирование представлений горожанина о ситуации в относительно более узкой локальности - городе - с его собственным опытом связано, как правило, заметно сильнее, чем формирование его представлений о ситуации в более широком социальном пространстве - стране.

7. О взаимосвязи индивидуального и социального пессимизма / оптимизма

Отмеченный эффект негативно расширяющейся «воронки» в последнее время неоднократно фиксировался в различных исследованиях. Однако представляется, что, несмотря на его нынешнюю воспроизводимость, он отнюдь не универсален для всех состояний социального сознания. В нашем недавнем социалистическом прошлом, как правило, наблюдалась прямо противоположная ситуация, когда под целенаправленным воздействием тотальной партийно-государственной идеологической машины рядовой гражданин видел и понимал «большой мир» (Советский Союз, декларируемые в нем идеи и цели, его основных героев и персонификаторов и т. д.) сквозь призму идеализированных стереотипов о безусловной позитивности этого мира. При этом собственный негативный опыт взаимодействия с частными проявлениями этого «большого мира», сплошь и рядом противоречащий этой общей идеализации, приписывался недостаткам или злему умыслу конкретных персонажей «малого мира», с которыми этому наблюдателю случалось столкнуться, как с «досадным исключением» из общей закономерности. Рационализация осуществлялась по схеме: «В целом наше общество почти идеально, но у нас в коллективе... (бригаде, на заводе, в городе и т.п.)».

Противоречие между весьма заметным (если не преобладающим) в современной массовой коммуникации «катастрофическим сознанием» (версией о надвигающейся на страну катастрофе) и обыденным житейским опытом и практиками подавляющего большинства нынешних россиян нетрудно увидеть и в абсолютных значениях показателей, приведенных выше.

Допущение того, что твою семью, окружающих, город или страну в целом ожидает некоторое ухудшение экономической ситуации, можно считать признаком индивидуального или социального пессимизма, но на то, чтобы быть свидетельством катастрофического сознания, такой индикатор определенно не вытягивает. К этому может быть причастно опасение более сильного - «явного» ухудшения ситуации. Но явного ухудшения своего материального положения опасаются лишь 7 % опрошенных; аналогичного ухудшения у большинства окружающих - 5 %; явного ухудшения экономической ситуации в городе - 6 %; а аналогичного ухудшения ситуации в стране - 9 %.

Как видим, индивидуальное сознание упорно сопротивляется навязываемой ему версии о надвигающейся экономической катастрофе и в своем видении мира и его перспектив опирается по преимуществу на иную оценку фактов своего житейского опыта и практик.

Тем не менее, представления о собственных перспективах, как правило, достаточно тесно связаны с представлениями о перспективах окружающих. Почти три четверти (72,3 %) ожидающих явного ухудшения материального положения большинства окружающих опасаются такого же ухудшения собственного материального положения (обратная зависимость не столь жестка: среди опасющихся явного ухудшения своего материального положения такого же ухудшения у большинства окружающих опасаются лишь около половины - 51 %).

Почти две трети (63,3 %) не ожидающих никаких изменений в материальном положении большинства окружающих не ожидают и изменений в собственном материальном положении. И, наконец, практически две трети (64,9 %) ожидающих улучшения материального положения окружающих ожидают такого же улучшения в собственном благополучии (поскольку индивидуальных оптимистов вдвое больше, чем оптимистов «локальных», то обратная зависимость намного слабее: среди ожидающих повышения своего благосостояния такого же повышения благосостояния окружающих ожидает лишь около трети - 34,5%, тогда как большинство - 58,2% - предчувствующих повышение своего благосостояния полагают, что материальное положение окружающих останется при этом неизменным).

Как видим, индивидуальные опасения негативных перспектив экстраполируются на окружающих с большей легкостью, нежели позитивные ожидания. Иначе говоря, индивидуальный пессимизм чреват пессимизмом социальным, тогда как индивидуальный оптимизм еще не делает человека социальным оптимистом.

Все эти свидетельства связи индивидуального экономического пессимизма/оптимизма с локальным находят свое обобщенное выражение в значении коэффициента корреляции Спирмена (для порядковых переменных) $r = + 0,513$. Этот коэффициент фиксирует общую тесноту связи первичного показателя индивидуального пессимизма/оптимизма с показателем ожидания изменений в ближнем окружении. Связь, как видим, достаточно тесная. Однако не настолько, чтобы содержание, стоящее за каждым из двух показателей, можно было считать тождественным.

Представления о собственных перспективах достаточно тесно связаны не только с представлениями о перспективах благосостояния окружающих, но и с представлениями о перспективах экономической ситуации в городе. Свыше половины (54 %) ожидающих явного ухудшения экономической ситуации в городе опасаются такого же ухудшения собственного материального положения (обратная зависимость чуть слабее: среди опасующихся явного ухудшения своего экономического положения такого же ухудшения ситуации в городе опасаются лишь около половины - 47,5 %). Примерно три пятых (59,7 %) не ожидающих никаких изменений в городской экономической ситуации не ожидают и изменений в собственном материальном положении. И, наконец, двое из пяти (41,8 %) ожидающих улучшения городской экономической конъюнктуры ожидают такого же улучшения в собственном благополучии.

Как видим, индивидуальные опасения негативных перспектив экстраполируются на окружающую городскую действительность примерно так же, как и позитивные ожидания. Иначе говоря, в отличие от предыдущего случая, индивидуальный пессимизм чреват пессимизмом социальным примерно так же, как индивидуальный оптимизм - социальным оптимизмом.

Все эти свидетельства связи индивидуального экономического пессимизма / оптимизма с ограниченным в рамках города социальным находят свое обобщенное выражение в значении коэффициента корреляции Спирмена $r = 0,405$. Связь достаточно тесная, однако значительно уступающая рассмотренной выше связи между индивидуальным пессимизмом / оптимизмом и представлением о перспективах благополучия окружающих.

Представления о собственных перспективах с общими представлениями о перспективах развития экономической ситуации в стране (социальным пессимизмом/оптимизмом) связаны еще менее тесно, чем с представлениями о перспективах более близких социальных объектов. Лишь 42,5 % ожидающих явного ухудшения экономической ситуации в стране опасаются такого же ухудшения собственного материального положения. Обратная зависимость заметно жестче: среди опасующихся явного ухудшения своего материального положения такого же ухудшения ситуации в России опасаются свыше половины - 55,6 %.

Менее половины (44,9%) ожидающих улучшения общероссийской экономической конъюнктуры ожидают такого же улучшения в своем собственном благополучии. Поскольку индивидуальных оптимистов несколько больше, чем социальных, то обратная зависимость намного слабее: среди ожидающих повышения своего благосостояния такого же улучшения общероссийской ситуации ожидает лишь около трети - 34,3 %, тогда как большинство (43 %) предчувствующих повышение своего благосостояния полагают, что экономическая ситуация в городе останется неизменной, а почти каждый четвертый (23,2 %) допускает, что экономическая ситуация в стране может ухудшиться.

Как видим, индивидуальные опасения негативных перспектив экстраполируются на общую российскую действительность с большей легкостью, нежели позитивные ожидания. Все эти свидетельства связи индивидуального экономического пессимизма / оптимизма с очерченным общероссийскими границами социальным находят свое обобщенное выражение в значении коэффициента корреляции Спирмена $r = 0,355$. Этот коэффициент фиксирует общую тесноту связи первичного показателя индивидуального пессимизма с показателем ожиданий изменений общероссийской экономической ситуации, выступающей общим обстоятельством реализации индивидуального благосостояния индивида. Связь достаточно тесная $<...>$, однако значительно уступающая рассмотренным выше связям индивидуального пессимизма/оптимизма с локальным и городским.

8. Заключение

Как видим, собственные представления об объектах и ситуациях, непосредственно присутствующих в жизненном опыте отдельно взятого индивида в их относительно детальной конкретике, равно как и субъективное отношение к этим объектам и ситуациям, могут обнаруживать достаточно высокую степень независимости от ценностно-нормативных координат социальности, в которые погружен данный индивид. Однако это пространство «независимости» у всякого отдельного индивида, как правило, достаточно ограничено. Основная же часть индивидуального сознания находится под непосредственным влиянием информации, актуально присутствующей в социуме и воздействующей на сознание и поведение индивида как через его непосредственное социальное окружение (не пространственное, а именно социальное окружение, включающее совокупность различных референтных групп и «незримых колледжей»), так и через массовые коммуникации.

Л. Кесельман
(Январь 2000)

Справка

На эту тему см. также:

- Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Индивидуальный экономический оптимизм / пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал, 1998, № 1/ 2

- Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Межпоколенческий сдвиг индивидуального экономического оптимизма / пессимизма в современной российской трансформации // Журнал социологии и антропологии, 1998, № 1/ 2

- Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Індивідуальний оптимізм / пессимізм в сучасній російській трансформації // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 1998, № 1/ 2; и др. работы этих авторов.

= Из письма Л. Кесельмана (2000)

...Жизнь так устроена, что каждый должен использовать СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ шанс, а не облизываться на чужие. $<...>$ Дело $<...>$ в нас самих, идентифицирующих себя с определенным комплексом ценностей. Своими публикациями мы не приукрашивали

реальность, а пытались указать на координаты тех возможностей, которые в каждый данный момент все же могут, а значит ДОЛЖНЫ быть реализованы (для заинтересованных к каждому из наших текстов обычно прилагается не менее полусотни таблиц с конкретными координатами возможных маневров).

Нужны лишь воля и разум. А если их не хватает, то пенять можно только на самих себя. У Господа нет иных рук, кроме наших собственных.¹³⁴ Но еще не вечер. <...>
4.05.2000

[Ниже – позднейший текст Л. К., из «Живого журнала». – А. А. Июль 2013]

(3)

«Арифметика Кесельмана»¹³⁵

[21.06.2008 15:09:06] leonid говорит:

Сочинил тут на досуге "Арифметику Кесельмана". В ней, как и во всякой новой арифметике, своя аксиоматика, свои леммы и теоремы.

Начнем с аксиоматики.

Первая аксиома <...>: **Ни один человек, ни человечество в целом не властны над своим прошлым.**

Вторая аксиома <...>: **Всякий канон, прежде, чем стать таковым, выступает в виде (форме) ереси.** Иначе говоря, всякий канон в своем первоначальном бытовании обречен быть *ересью*.

Отсюда, однако, не следует, что всякая ересь имеет шанс стать каноном. Впрочем, и то и другое, в доказательствах не нуждаются, а значит, являются аксиомами.

Нового тут ни на грош, однако, именно эта аксиоматика лежит в основе «Арифметики Кесельмана»...>

Ваш ЛК¹³⁶

(4)

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ЕВСЕЕВИЧА КЕСЕЛЬМАНА¹³⁷

(19 февраля 1944 - 29 июля 2013)

Редакционный совет «Телескопа» с прискорбием сообщает о смерти нашего друга и коллеги, автора журнала Леонида Кесельмана. Им многое сделано для познания сложных переходных процессов, происходивших в СССР / России на рубеже прошлого - начале нового века. Особенно значим его вклад в изучение массового сознания россиян. Он был исследователем, преданным своему делу, и гражданином, остро реагировавшим на все, происходившее в стране. Несмотря на тяжелую болезнь, долгие годы

---

¹³⁴ Л. К. рассказывал, как в одном из храмов в Германии он видел «странную» статую: Христос - без рук (как Венера Милосская...). Он предположил, что статуя пострадала. Ему перевели надпись: «У Господа нет иных рук, кроме наших!..».

¹³⁵ Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

¹³⁶ Цит. по: ЖЖ Л. Кесельмана, запись от 23.06.2008: <http://lk44-leonid.livejournal.com/>.. См. также: ПС-2 (Глава 6).

¹³⁷ Составитель этой подборки – Б. З. Докторов. Опубликовано в: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013, № 4. См. также: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=6377>.

преследовавшую его, он всегда заражал коллег и друзей своей неиссякаемой энергией и оптимизмом

Леонид Евсеевич Кесельман родился 19 февраля 1944 года в Казахстане. В 1973 году окончил экономический факультет Ленинградского государственного университета. В 1969 - 1975 годах работал в Институте социологических исследований АН СССР. В 1975 - 1989 годах - в Институте социально-экономических проблем АН СССР. С 1989-го - сотрудник петербургского филиала Института социологии РАН. С 1989 года - руководитель неформальной исследовательской группы «Центр изучения и прогнозирования социальных процессов». С 2004 г. жил в Германии.

Круг научных интересов Кесельмана на протяжении более чем 40-летней научной деятельности: социология труда, исследования ценностных ориентаций и саморегуляции личности, социология театра, исследования массового сознания, девиантология, электоральная социология. Он - автор многих сотен публикаций, в том числе – нескольких книг.

В среде профессионалов и не только Леонид Кесельман известен как разработчик методологии и технологии уличного опроса, или делегированного наблюдения. На рубеже 1980-90-х гг. ученый и группа его сотрудников впервые в России выявили и зафиксировали отношение населения Ленинграда – Петербурга к важнейшим политическим событиям тех лет. В марте 1989 года, в преддверии выборов народных депутатов СССР он организовал первый в городе (да и в России) уличный опрос избирателей, зафиксировавший неизбежность проигрыша выборов тогдашней ленинградской номенклатуры. Впоследствии уличный опрос по методике Кесельмана вошел в массовую социологическую и полстерскую практику.

Подробнее см.: Л.Е. Кесельман: «...Случайно у меня оказался блокнот “в клеточку”» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 5. С. 2-13¹³⁸

Небольшая галерея фотографий Л. Кесельмана, присланных его коллегами и друзьями, расположена на сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов.¹³⁹

На смерть Леонида Кесельмана откликнулись многие его коллеги. Считаю своим долгом назвать здесь их имена:

Андрей Алексеев – к. филос. н., независимый исследователь, СПб; Михаил Борщевский – к. филос. н., издатель, Англия; Георгий Васюточкин – к. т. н., общественный деятель и публицист, СПб; Александр Винников, к. ф.-м. наук, общественный деятель и публицист, СПб; Владимир Гельман – к. полит. н., проректор по научной работе Европейского универ. в СПб; Яков Гилинский – д. ю. н., зав. каф. РГПУ им. А.И. Герцена, СПб; Александра Дмитриева – председатель правления СПАС, к. социол. н., ф-т социологии СПбГУ; Наталья Дадали – социолог, СПб; Борис Докторов – д. филос. н., независимый исследователь, США; Ирина Елисеева – д. э. н., чл.-корр. РАН, директор СИ РАН, СПб; Владимир Звоновский – к. социол. н., Председатель правления Фонда социальных исследований, зав. каф. Самарского гос. экономического университета; Ольга Здравомыслова – д. филос. н., исполнительный директор Горбачев-Фонда, Москва; Михаил Илле – издатель, редактор «Телескопа», СПб; Владимир Ильин – д. социол. н., ф-т социологии, СПбГУ; Антон Казун – студент, ВШЭ, СПб; Анри Кетегат – социолог, литератор, Литва; Владимир Костюшев – к. филос. н., Национальный исследов. универ. «Высшая школа экономики – СПб»; Татьяна Кутковец – социолог, Москва; Алексей Левинсон – к. искусствоведения, Левада-Центр, Москва; Роман Ленчовский – Киевский междунар. институт социологии, Украина; Мария Мацкевич – к.

---

¹³⁸ Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893312221433file.pdf.

¹³⁹ См. http://sociologists.spb.ru/index.php?view=category&catid=8&page=1&catpage=1&option=com_joomgallery&Itemid=64#category

социол. н., СИ РАН, СПб; Владимир Паниотто – д. филос. н., Киевский междунар. институт социологии Украина; Дмитрий Рогозин – к. социол. н., ИС РАН, Москва; Елена Рождественская - д. социолог. н., ИС РАН, Москва; Ирина Ронкина – общественный деятель, СПб; Галина Саганенко – д. социол. н., СИ РАН, СПб; Аркадий Соснов – журналист, СПб; Ольга Старовойтова - общественный деятель, журналист, СПб; Александр Тихонов – д. социол. н., ИС РАН, Москва; Дмитрий Травин – к. э. н., журналист, Европейский универ. в СПб; Маргарита Филиппова – издатель, СПб; Валерий Хмелько – д. филос. н., Киевский междунар. институт социологии, Украина; Владимир Ядов – д. филос. н., декан факультета социологии Гос. академического универ. гуманитарных наук. Москва

Полные тексты откликов в оперативном режиме публиковались Андреем Алексеевым на портале Когита.Ру¹⁴⁰ и Александрой Дмитриевой на сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов.¹⁴¹ Мы благодарим их за возможность использования собранной ими информации.

Ниже приводятся фрагменты некоторых из текстов, написанных в память о Леониде Кесельмане. К сожалению, пространство журнала резко ограничивает наши возможности передать все сказанное о нем...

***

Леонид Евсеевич Кесельман, социолог милостью Божьей, давний и необходимый друг – мой и практически всех моих друзей, человек ярчайшего таланта и бешеного темперамента, порой уходящий в тень, порой становящийся самым известным социологом не то что Петербурга, но – России, скончался 29 июля 2013 года, в Аахене.

Андрей Алексеев

Леонид Кесельман был для СИ РАН не просто другом и бывшим сотрудником. Он был символом Социологического института. В конце 80-х- начале 90-х Леонид Кесельман поднял петербургскую социологию, сделав ее инструментом публичного обсуждения самых острых проблем. Он запомнился веселым, энергичным, не боящимся трудностей. Все, кто с ним дружил, встречался, сотрудничал, получали частицу его жизненной энергии. В России надо жить долго... Это известное выражение Лёня , к сожалению, не смог воплотить в жизнь. <...>

Ирина Елисеева

Л.Е. Кесельман - один из немногих в плеяде советских социологов определил полевую рутинную работу в качестве основного звена для аккумуляции социального знания. Он одним из первых обратил внимание на дуальность знания, получаемого в коммуникации. То, что многих до сих пор страшит в качестве систематических смещений, что апологеты количественного подхода требуют избегать как эффекта интервьюера, Л.Е. Кесельман определял в качестве необходимого элемента коммуникации. У Л.Е. Кесельмана мы находим взвешенный и весьма критический подход к выборочному исследованию. Обкатывая методологию уличных опросов на электоральных зондажах, он показал, что критерии устойчивости, соответственно, надежности и валидности данных, могут достигаться не только на случайных выборках. <...> И, пожалуй, самое важное, Л.Е. Кесельман показал место социологии в социальной стратификации. Его брезгливость к власти, ироничность и насмешливость над интерпретативными играми в обслуживании тех или иных интересов, действительно, демонстрируют высокие стандарты научного

¹⁴⁰ См. <http://www.cogita.ru/> . Материалы: [Умер Леонид Кесельман](#) ; [Не стало Леонида Кесельмана](#) ; [Л. Кесельман. «Поздний шестидесятник», потом «пророк перестройки» \(первые две трети жизни\)](#); [«...И я вот опять живой и рассказываю вам, как прекрасна жизнь. Она на самом деле прекрасна»](#) ; [Прощание с российским социологом в Аахене](#) .

¹⁴¹ См. <http://www.sociologists.spb.ru/> . Точечный адре: [Умер Леонид Кесельман \(19.02.1944 - 29.07.2013\)](#)

этоса, без прикрас и излишних вычурностей, так свойственных утопающему в ветвистой метафорике языка обществоведов.

Дмитрий Rogozin

Умер Леонид Кесельман. Мало сказать, что ушел блестящий социолог, — он один из самых талантливых ученых Петербурга. Не стало человека, с именем которого для многих ленинградцев ассоциировалась перестройка. Он стал первым, кто показал нам, что действительно думает город о политических процессах, происходящих в стране. <...> то, что он делал, воспринималось не как будничная социологическая деятельность, а как наша борьба за ту свободу, которая на рубеже 1980 — 90-х казалась столь близкой.

Дмитрий Травин

Леонид Кесельман давно болел, возвращался к жизни после нескольких клинических смертей, последние месяцы (возможно, годы) был готов к смерти... и вот это произошло... <...> Леня явно был не как все, и уж точно – не как многие... он десятилетиями проработал в академической социологии, но его сознание не могло, не хотело ограничиться лишь познанием окружающего социума, он все время пытался сделать мир таким, каким он виделся ему... он болезненно чувствовал сопротивление среды, но не хотел этого принять... его человеческий и социальный темперамент протестовали против покоя, «он с детства угол рисовал...». . <...> Я знал Леню сорок лет, с начала 1970-х, и могу с уверенностью разделить его жизнь на три этапа: до перестройки, годы перестройки и постперестроечный период. Можно и иначе: «поздний шестидесятник», «пророк перестройки», «человек, оставшийся в конце 80-х – начале 90-х».

Борис Докторов

Леня был самый чувствительный инструмент, слышащий / диагностирующий приближение перемен. Так было в начале 80-х - казалось, что тот век никогда не кончится, но Леня уверенно заявлял - да куда же они денутся, мол, дни их сочтены. И опять два дня назад я спрашивала Леня - слышит ли он поступь перемен, как они там из его далёка смотрятся... Он был оптимистом, в том плане, что он уверенно считал, что плохое и плохие люди так или иначе уйдут, обязательно уйдут...

Галина Саганенко

Лёня был изобретателем не только знаменитой своей методики уличных опросов. Он был страстным изобретателем вин (от слова вина, а не винО). Не перед ним вин. К себе он относился вполне беззаботно. Уже не раз побывавший в коме, похихатывал над своей болезнью, и так – в общении по скайпу – до самого конца. Лёня изобретал вины перед наукой и перед историей: кто и что делает не так. Отсюда его заносило в планы спасения страждущих и заблудших, не ведающих истинных путей, ведомых ему.

Анри Кетегат

В сложных условиях государственного и общественного прессинга всего, что связано с наркотиками и их потреблением, Леонид Кесельман один из немногих российских ученых на большом эмпирическом материале показывал объективную картину, выступая за разумную антинаркотическую политику без репрессий в отношении наркоманов. Своими трудами Л. Е. Кесельман внес существенный вклад в развитие отечественной девиантологии. Леонид Евсеевич был патриотом в хорошем, не искаженном смысле этого слова. Он искренне переживал за происходящее в России и верил в ее будущее.

Яков Гилинский

Высочайший жизненный тонус Леонида, воочию зримый и на самых больших расстояниях, на различнейших поворотах наших индивидуальных судеб, а главное, насколько я мог и могу судить, максимальная его вовлечённость в наши общие социальные и профессионально-общинные судьбы, предельная его коммуникативная открытость и всеохватность, - всё это и многое-многое, что можно было бы добавить, не позволяют смириться с горчайшей вестью... Трудно представимое физическое отсутствие Лёни (в "наших рядах" и просто - "по-домашнему") - и, теперь уже очевидное, его с нами личностное всеприсутствие... Вечная память...

Роман Ленчовский

Шестидесятники. Снаряды, как говорится, ложатся все ближе. Вот 29 июля 2013 г. в Германии умер Лёня Кесельман. После первого инфаркта 10 лет назад он жил, будучи готовым умереть в любой момент. И это не мешало ему жить в планах и смеяться над жизнью и смертью. Периодически он повторял диагноз: "Я давно должен был умереть, но..." Уже не один год я, прощаясь с ним, был уверен, что шансов на вторую встречу нет. Но Лёня являлся вновь и вновь в виде регулярных рассылок сносков на материалы, достойные ознакомления и обсуждения, прилетая в Санкт-Петербург в качестве вихря, будоражащего окружающих.

Владимир Ильин

К началу 1990-х Леонид Кесельман - уже имя нарицательное... Когда в эти годы при знакомстве приходилось говорить о профессии, собеседник нередко отвечал: "Да, знаю про социологию! То, что делает Кесельман?"... Думаю, к концу 1990-х треть населения Петербурга слышала о социологе Кесельмане. "Утром в анкете - вечером в газете!" - так Лёня шутил по поводу своих искрометных опросов - за все время работы небольшой научной группы - или очень большой! интервьюерами у Кесельмана работали сотни людей - и многие известные в городе люди считали за честь работать бескорыстно у Кесельмана..

Владимир Костюшев

Леонид Евсеевич не просто увлекался новыми идеями и проектами, он жил ими: мог работать почти без сна, находя новые решения старым проблемам. Работать с ним было тяжело, и, наверное, мне, жившему в другом городе, было легче, чем тем, кто работал рядом с ним. Но его энергетика действовала и на расстоянии, заражая оптимизмом и упорством в достижении целей.

В. Звоновский

По поводу уличных опросов мы много спорили с Лёней, у меня их репрезентативность вызывала большие подозрения. <...>. И только позже я понял, что это совсем иной тип опросов, чем те научные или коммерческие опросы, к которым я привык и которые используют профессиональных интервьюеров, зарабатывающих на жизнь этой деятельностью. Тут сложилась личность Лёни и уникальность времени, когда это происходило.

Владимир Паниотто

Леонид Кесельман был настоящим «шестидесятником» - со всеми присущими поколению надеждами, иллюзиями, жаждой знания и верой в него. Но без них он никогда бы не сделал всего, что успел и что останется в истории общественной жизни и истории российской социологии. Уличный опрос (делегируемое наблюдение) – это его

авторский метод исследования. «Весна 1989 г., Ленинград, первые альтернативные выборы депутатов Верховного Совета СССР. Первые отчеты еще нельзя было представить опубликованными, первые прогнозы итогов выборов, сбывавшиеся с точностью до процента... Потом мало было газет в Петербурге и Москве, в которых бы не появлялись «таблицы Кесельмана».

В последние годы из-за болезни он не мог работать как прежде, в своей стихии, в опросах. Но жил только Россией, тем, что происходит здесь.

Мария Мацкевич

Он всегда высказывал смелые идеи, которые зачастую противоречили тому, о чем можно было услышать в стенах университета. Это заставляло задуматься о том, как же обстоят дела на самом деле, и итог часто был не в пользу академической науки. Одной из последних идей Леонида Евсеевича, которую он видел и в творчестве Ю. Левады, была необходимость интеграции наук, создания нового, динамичного источника знания и соответствующих инструментов для его поиска. По мнению Леонида Евсеевича, подобная интеграция является не просто следствием внутренней логики развития наук, но и предметом огромного спроса со стороны общества, лишившегося четкого понимания своего развития.

Антон Казун

В Ленинграде предстояли первые свободные выборы, и на этих выборах должны были встретиться кандидат от демократов и старый ленинградский партийный босс. На основании разработанной им методики Кесельман вывел в поле, то есть сделал интервьюерами примерно полторы сотни волонтеров, которые получили инструкции, и с их помощью провел очень короткое, но очень значительное по охвату исследование. Результаты этого исследования он не обнародовал, они были запечатаны в конверт, и под телекамерами этот конверт с прогнозом исхода выборов был передан на хранение ответственным лицам. Прогноз говорил о том, что выиграет демократический кандидат. Когда выборы состоялись, и действительно выиграл этот кандидат, вскрыли этот конверт, и оказалось, что прогноз точен до единиц процентов!

Алексей Левинсон

Есть люди – Леонид Кесельман был из них, – о которых говорить и думать в прошедшем времени очень затруднительно. Такой витальный он был, широкий, яркий....

Татьяна Кутковец

А.А. Кетегат

16.7. СОЦИОЛОГ-ЛИТЕРАТОР

Предварительные замечания

*С моим другом, социологом из Вильнюса (социологом-рабочим в 1980-х гг.) - **Анри Абрамовичем Кетегатом** - читатель уже не раз встречался на страницах этой книги.*

¹⁴²

Мы познакомились еще в 60-х. А. К. был редактором научного издательства, сотрудником НИИКСИ при Ленинградском университете. С начала 80-х живет в Вильнюсе. Примерно в то же время, что и автор этих строк, добровольно «сменил

---

¹⁴² См. ДСиСА -1 (Глава 5; Приложение к части 1).

профессию». Работал на Вильнюсском заводе счетных машин слесарем-сборщиком, потом аппаратчиком станции очистки гальваносток.

Анри иногда говорит, что именно мой пример стимулирует его – и к «жизненным экспериментам», и к «неклассическим» социологическим текстам: он, мол, следует в «моем фарватере». Пусть даже, хронологически, и так. Однако, что бы он при этом ни делал, он делает это... ЛУЧШЕ меня! (Так, кстати, нередко бывало и с некоторыми другими моими друзьями).

Вот и теперь. Ознакомившись с моими личными опытами «семейной хроники» и «воспоминаний о родителях», которые я ему подарил (см. ниже: глава 18), А. К. подвиг себя на настоящую генеалогическую и биографическую - ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ - прозу.

Свое автобиографическое повествование он назвал: «В ПОЛЯХ ПРЕДКОВ».¹⁴³

Структура семейной хроники такова:

- Материнское поле
- Отцовское поле
- Совмещение полей

Посвящение: «Памяти матери, адресовавшей мне три тетради воспоминаний».

Фрагменты первой части этого повествования («Материнское поле») я публикую здесь, с любезного согласия моего друга.

(Декабрь 2000).

(1)

В ПОЛЯХ ПРЕДКОВ

Заголовок из Гете. Фауст говорит Вагнеру:

Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.

Это в переводе Пастернака - не буквальном, естественно. Буквально же «другая душа» Фауста рвется не за облака, а в поля предков (Zu den Gefilden hoher Ahnen), т.е. в Елисейские поля, населенные душами умерших.

<...>

I. Материнское поле

Бабушкина любовь

Сначала прабабушкина.

---

¹⁴³ См.: Кетегат А. А. В полях предков. Семейные хроники // Иерусалимский журнал, 2006, № 23. См. Этот же текст на сайтах: «Журнальный зал» - <http://magazines.russ.ru/ier/2006/23/ke10.html>; «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/ketegat.html>.

См. также: Кетегат Анри. Диск. – СПб.: Норма, 2011 (Электронная версия - http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/ketegat_disk.pdf).

Чтобы тот слой пыли веков, в котором находится это событие, как-то ощутить, помечу время действия чем-нибудь известным. Например, охотой народовольцев на Александра II. До успешного завершения их предприятия оставалось, по моим расчетам, лет пять, когда жившая вдалеке от истории юная полька Бенедикта пришла из деревни в уездный город Паневежис и судьба улыбнулась ей местом прислуги в доме то ли адвоката (в устных воспоминаниях тети Веры), то ли следователя (в письменных маминых).

То ли адвокат, то ли следователь был женат и детен, и когда Бенедикта родила ему еще дочь, той позволено было расти вместе с господскими. Однако, если Стася забиралась к нему на колени, господские поднимали крик: это не твой папа, слезай! Стася, как и адвокатша-следовательша, не знала, что крикуны ошибаются. Она плакала, но не спорила.

А потом хозяин-любовник умер, и рассудок Бенедикты не выдержал потрясения. Однажды утром, придя с дочкой на базар, она, вместо того чтобы закупать продукты к воскресному обеду, стала ползать под телегами и оглоблями, что-то бормоча. Уволенная, Бенедикта ходила по городу и, постукивая безгневным кулачком по телеграфным столбам, посылала на небеса телеграммы с просьбой наставить ее обидчиков на путь истинный, обратить их отравленные пустой злобой сердца ко Христу. Просьбы оставались без удовлетворения, но Бенедикта не отчаивалась и телеграфировала до глубокой старости, пока не померла. И, пока не померла, листала святую книгу, радуясь картинкам в ней (читать она не умела) и еще более - вложенной в книгу фотографии красивого барина, на которую натыкалась всякий раз неожиданно.

- Это мой Ежи! - изумлялась находке счастливая Бенедикта и благодарно гладила фотографию за то, что нашла.

«Я помню бабушку, - пишет мама, историей ее любви начавшая свои воспоминания. - Маленькая блондинка, худая, полулысая, но с приятным, тонким лицом». Тетя Вера была на десять лет старше мамы и помнила бабушку Бенедикту в более сохранном состоянии. Она отмечала ее замечательную красоту.

***

А восьмилетнюю Стасю после помешательства матери тетки, сестры Бенедикты, пристроили в няньки.

Быть нянькой - значит все время хотеть спать. Потому что все время надо качать ребенка, который спать не хочет. И вот она повадилась спать вместо ребенка, и ее выгнали, и было холодно, и попался какой-то сарай, и там спала собака, и она шуганула собаку и легла на нагретое место, и собака не обиделась и привалилась к ее спине, и так они уснули, согревая друг друга.

Стасе было тринадцать, когда двоюродная сестра Лина собралась замуж за Августа Кличмана. Жених, однако, поставил ей условие: сосватать Стасю за его младшего брата Ивана. (Разнонациональность имен братьев связана с тем, что младший принял православие и стал русским, а старший остался немцем). Лина условие выполнила, и три года Иван терпеливо наблюдал, как его суженая растет и хорошеет. Потом их обвенчали. Потом Стася рожала детей, а Иван клал и починял печи. Так бы они и жили, Стася - рожая, Иван - зачиная и починяя, кабы не пристрастился он окроплять дела рук своих искусных. И чем дальше, тем изобильнее.

Как-то в пивной разговорился Иван с рыжеусым парнем, приезжим. Оказалось, тоже печник, из Риги. От печей перешли к женщинам. Рыжеусый был намного моложе и еще холостяк, бывалый же Иван нахваливал жену, красивую и верную. Холостяк по молодости петушился-пошучивал: как это верная, раз красивая? Иван придумал, как в споре победить: берем бутылку - и ко мне, приударь за моей Стасей. Приударись понарошку, а бутылку поставишь настоящую. За неминуемый твой проигрыш. Ну, на посошок!..

Дома хитроумный Иван первым встал из-за стола и пошел спать, покачиваясь для правдоподобия с запасом, а гость приступил к своей части эксперимента.

Утром, распивая проигранную-выигранную бутылку, экспериментаторы подвели интересный итог: женская верность, она, брат, и красоту одолеть может, я тебе больше скажу, она не слабей будет мужской любознательности.

Карлу (так звали рыжеусого) это открылось с особой наглядностью: он-то знал, что приударял за хозяйкой совсем не понарошку. Хороша была жена у Ивана, и по уши втюхался двадцатичетырехлетний исследователь женской души в тридцатилетнюю мать шестерых детей.

Пришел его черед хитроумничать. Потерпев поражение в атаке, он затеял осаду. Для начала попросился на квартиру. Гордый победой, Иван великодушно согласился. Сказка сказывалась не скоро, но, начавшись по Ивану, кончилась по Карлу. Замужняя не по любви, а по нужде, не устояла-таки прекрасная Стася перед распутившим хвост молодым павлином, и увез он ее к себе в Ригу, прихватив и младших детей впридачу. Иван, вынырнув из винных паров, бросился в погоню, разыскал, уговорил, привез обратно. Тогда в погоню бросился Карл... Долго еще возили они Стасю с выводком туда-сюда, пока Иван не сошел наконец с дистанции. Тогда Стася стала рожать детей Карлу.

Очень она жалела, что неграмотная, как и ее мать, а то б написала про нее и про себя книжку роман, чтоб люди читали и плакали.

Дедовы загадки

Рижского печника Карла Кеттегата нацисты определили в концлагерь. Чем он не вписался в «новый порядок», осталось неизвестным. Во всяком случае не расовой принадлежностью: Карл был немец.

Тогда же его сын и тоже печник Константин угодил в войска СС - не добровольно, по мобилизации.

Тогда же по другую сторону фронта его дочь Тамару, давно уже не рижанку, а москвичку, за то и только за то, что она его - немца - дочь, отъяли от детей (шести и одиннадцати лет) и вместе с тысячами соплеменников погнали за тридевять разноплеменных советских земель в «трудармию», поднадзорную, а поначалу и подконвойную НКВД. Там Тамару вооружили ломом и лопатой, которыми по воле властителя тех земель она должна была искупать грех своего рождения от не того отца (Указ от 28 августа 1941 г.).¹⁴⁴

Не тот отец Карл в нацистском концлагере сгинул.

Константин эсесовскую лямку тянул бесславно и недолго. В древнем городе Пскове он сиганул под теплый бок красавицы-псковитянки, где и отлеживался до скончания передрыг.

После войны псковитянка нарожала Константину сыновей, а Карлу - посмертных внуков. От возмездия победителей незадавшийся эсесовец обергесса наличием его имени в списке дезертиров, найденном в бумагах гестапо.

Век НКВД (с учетом делений, слияний и переименований) был длиннее гестапова века. Уж и военнопленные немцы, случившиеся в тех же местах, что и трудармейка Тамара, давно вернулись к своим Frau und Mutter, а она все являлась раз в две недели в спецкомендатуру на отметку - в доказательство того, что не покинула предписанное ей место жительства и искупительного труда на волжских нефтепромыслах, в самых что на есть песенных Жигулях.

Самовольно - «как с подножки, прыгнув с судьбы» (Б. Слуцкий) - покинул те места я, сын Тамары и внук Карла. К тому времени я уже шесть лет жил, с позднего согласия властей, с матерью. Мне стукнуло шестнадцать [1952 г. - А.А.], и лейтенант Баскаков велел вести сына за паспортом. В разинутой пасти паспорта меня поджидали

---

¹⁴⁴ Поможет читателю, не имеющему перед глазами генеалогической схемы. Карл Кеттегат - дед автора этой хроники (по материнской линии). Тамара - его мать. Дети Тамары: одиннадцати лет - старшая сестра автора Неля; шести лет (в 1942 г.) - сам автор. Константин - дядя по материнской линии. - А. А.

национальность по не той матери и штамп, запрещавший выезд за пределы песенного края. В крае было много грибов-ягод и нефти под ними, но не было вузов (да и были б - немцев принимать не дозволялось), а я прилично учился в средней школе и метил в высшую.

Мать дело с паспортом волюнила. Баскаков осерчал. При очередной явке на контрольную отметку он сказал: «Если завтра сын не придет, пошлю конвойного». Мать с вечера напекла лепешек, и рано утром с лепешками и пудовым томом Белинского в торбе я проник на пароход, не простившись с Баскаковым и конвойным, которые еще спали.

В трюме я придавил дрожащие колени Белинским. В ту пору такие фолианты были в чести у издателей. Они встраивались в тот же эстетический ряд, что и высотные дома в Москве. В нашей барачной каморке этот сколок великодержавия, совершенно подавивший остальное население книжной полки, выглядел особенно величественно. Мама подарила мне его к 16-летию, войдя прямо-таки в героический расход. Начав читать, я, упоенный и вдохновленный, вскоре сообщил ей: вот прочту эту книгу - и буду специалистом по литературе. Мама была счастлива.

Через сколько-то дней водного и железного пути на вокзале далекого нерусского города Вильнюса меня встретил отец. Мне удалось различить на нем только нос. Остальное лицо осталось по прежнему месту жительства - в лагунке у северного поселка Княж-Погост. После восьми лет ударного труда в обществе разнообразных врагов народа щеки у отца слиплись и пропали из виду, в глазах стояла бездонная тоска, тоской веяло от привычки, разговаривая, внезапно понижать - почти до шепота - голос. Через много лет я прочел у Солженицына о Княж-Погостском пересыльном пункте (Архипелаг Гулаг. Часть вторая, гл. 2) и так узнал толику того, о чем отец никогда не рассказывал.

И все-таки отец у меня был тот: не немец. Или тот еще: еврей.

Я получил паспорт на еврея и право жить без лейтенанта Баскакова. До дела врачей оставалось полгода. Поступая в университет, я скрыл, что отец у меня бывший враг народа, а мать все еще немка.

Меж тем властитель оставил нас своими заботами. В 54-м, через полтора года после великой кончины осиротевший лейтенант Баскаков разжал железные объятия, и мать припала к груди брата Кости в родном городе Риге. Тут она услышала много интересного. «Почему ты немка? - спросил Костя. - Я латыш. И отец был латыш». Мать хватала воздух ртом и ничего не понимала. Архив подтвердил сказанное Костей об отце. (А в паневежисском архиве бывший немец и бывший русский Иван оказался литовцем Йонасом).

Было еще родовое предание о датском корне. Будто бы дед деда Карла был земляк принцу Гамлету и пересек Балтийское море в поисках лучшей жизни. На эту версию работает и фамилия. В школе на уроках географии я был наглядным пособием. «С востока Ютландский полуостров омывается проливом Каттегат, отделяющим Данию от Швеции». Николай Иванович водил указкой по карте и улыбался в мою сторону. А класс круглил глаза.

Из датско-русского словаря: katte - кошка, gat - лаз, ход. Если вспомнить вычитанное где-то, что мелководный пролив Каттегат отличается очень сложным фарватером, все проясняется: движение по нему требует кошачьей ловкости, гибкости. Так что, диковинная для русского уха, для датского моя фамилия наипростейшая: Кошкоходов, Кошачелазов... Кошачья, словом, фамилия. Но морская.

Кетегат, конечно, не совсем Каттегат, но это уже творческий подход писарей. Дед был Кеттегат, мать - Кетегат, а дядя Костя и вовсе Кетекатс.

В 29-м году, выписывая паспорт юной иммигрантке из Латвии, московская девушка в окошке спросила: «Национальность?» - «Немка», - ответила мать. Могла назваться ненкой, туркменкой, ительменкой... В ту пору Москва еще не была больна пятым пунктом и верила на слово. Но мать сказала, как думала, и спустя время одно это простодушное слово обернулось двенадцатью годами неволи.

Почему она так думала? Латышскую версию всерьез принимать не стоит, ее происхождение очевидно: этнокультурная ассимиляция.

Столь же очевидно, что фамилия уводит в Данию. Но родню отца мама помнила как немецкую. Знала, что хромой дядя Герман (или Генрих, точно не помню), брат ее отца, уехал в Германию в 20-х, кажется, годах.

А в 60-х на телестудию Перми, где работала моя жена, пришло письмо из Темир-Тау. Телезрительница Эльза писала, что видела передачу из Перми, в титрах которой значилось: редактор Татьяна Кетегат, что ее, Эльзы, девичья фамилия Кеттегат, так не родня ли? «Это же тетя Эльза нашлась! Сестра моего отца!» - написала мне мама, которой я переслал письмо из Темир-Тау.

Как жительница Риги попала в Казахстан? Вероятность иного пути, кроме ссылки, существует, конечно, но очень мала. Если сослана, то в качестве кого? Я не слышал, чтобы латышей, как и прибалтов вообще, ссылали в Казахстан. Их везли на Крайний Север, на Урал, в Сибирь. А вот для немцев-трудармейцев дорога в Казахстан едва ли не главный крестный путь (наши с мамой Жигули - боковая тропа). Погнавший их туда Указ вышел через два месяца после того, как Ригу проглотил другой указчик - не с усами, а с усиками. Усикатого фюрера прогнали из Риги летом сорок четвертого, и вот тут тетю Эльзу мог накрыть перемещавшийся вместе с линией фронта Указ.

Не помню, какой именно фамилией (по мужу) подписала она то письмо, но отчетливо помню, что немецкой. Разумеется, это свидетельствует лишь о том, что муж тети Эльзы был, по-видимому, немцем. И в Темир-Тау она могла угодить как жена. Но не слишком ли кучно ложатся косвенные признаки немецкости? Вот и имена: Карл, Герман (Генрих), Эльза. Были еще сестры Клара и Марта.

Конечно, имена не велик аргумент (я вон тоже не француз), но кучность, кучность... Ни одного латышского, ни одного датского.

Главное же - детско-юношеская память мамы о немецкости семьи ее отца.

Да, но датская фамилия? И ведь проливом дело не ограничивается. Доходили слухи о наличии у меня в Дании однофамильцев.

Остается догадываться о причудах ассимиляции. Я догадываюсь: прапрадед, завезший фамилию из Дании, в полунемецком тогда городе Риге онемечился. Если не сам, то ближайшие потомки - быть может, и через смешанные браки. К маминому детству от датского королевства остались лишь глухие воспоминания да фамилия.

А к моей старости - кофейно-филологическая гуща для гадания.

***

- Усы у отца были пы-ы-ышные, дли-и-инные. - Выпевая слова, мама так помогает звукам губами, что дедовы усы становятся видимыми, шевелятся. - Чтобы нас, детей рассмешить, он их за уши закладывал.

Видимые усы и пощупать можно. Иринка, тогда еще И-инка (с «р» мы совладали позже) выкладывает себе из кос прадедовы усы и накручивает их на только что старательно и страдательно вымытые уши. В дочкином смехе столько счастья, что я начинаю любить неведомого деда.

Только за усы? Что еще я о нем знаю?

В редких тети Любиных воспоминаниях он обозначался странно: папа Карло. Почему обозначение составное - понятно: Карл удочерил тетю Любу, а до того у нее был папа Ваня. Откуда взялось «о» в его имени, тоже понятно: тетя Люба была хохмачка, могла косить и под Буратино. Однако ее хохмы всегда шли в мимическом сопровождении. «Папа Карло» же произносился без сопровождения, всерьез, с прямолинейной, не упрямой в юмор, уважительностью, что и придавало этому обозначению деда какую-то очаровательную странность.

Мама, родная дочь, говорила просто: отец. Тоже уважительно, но так, что сквозь уважительность просвечивало почтение к силе.

- Он на нас много слов не тратил. Только посмотрит – капризы как ветром сдует.

Почему дедов взгляд действовал так безотказно - неясно. Как и многие другие, эту неясность уже не устранить. Поздно сел я за эти заметки, спросить теперь не у кого.

Ни мама, ни тетя Люба не говорили, чтобы дед их бил. Однако все свидетельства сходятся на том, что он был суров.

В 78-м году я побывал в Риге, первый и пока последний раз. Двоюродный Виктор, средний сын к тому времени уже покойного дяди Кости, удовлетворяя мою генеалогическую любознательность, повел к Петру Андреичу.

Хозяин был стар и пьян. Узловатые рабочие руки, упертые в толстые голые колени, до которых лишь немного не дотягивались трусы класса «семейные», помогали ему удерживаться на стуле.

Звуки, исходившие из непослушного рта, явно не согласовывались с русским именем. Виктор подтвердил мою догадку: Петр Андреич латыш, наименование, которым он мне представлен, просто гостеприимная адаптация латышского имени к моему русскому уху. Говорил он больше по-латышски, но и когда по-русски - так, что не разобрать.

На помощь пришла трезвая и удивительно (для своих лет) живая Йоханна. Похохатывая над речевыми потугами мужа, она переводила его рассказ с русского на русский - с латышского, само собой, тоже, - подтверждая или оспаривая, поскольку тоже знала деда.

В 20-х годах дед взял пятнадцатилетнего Петра Андреича к себе в ученики. Платил, несмотря на нежный возраст, хорошо. И вообще из рассказов состарившегося ученика следовало, что все в бывшем его мастере было хорошо, все украшало. Например, гордость. Чинили однажды печи в барском доме. Когда подошло время обеда, работникам накрыли на кухне. «Я на кухне обедать не буду», - веско сказал Карл и был приглашен в гостиную, за стол к хозяевам.

Он был очень силен. «Его все печники Риги боялись, - переводит Йоханна и добавляет от себя: - Так и надо. Респект надо».

Если верить Петру Андреичу, из-за этой тяги к респекту дед и попал в нацистский концлагерь: отмолотил соседа, а тот в отместку что-то такое наплел радетелям «нового порядка», что обидчика уpekли в Саласпилс, лагерь смерти под Ригой. После войны другой печник вернулся из лагеря в Штутгофе (Польша) и рассказал, что видел там Карла Кеттегата. Просто видел. Еще живого.

Старший сын дяди Кости, нареченный в честь деда Карлом, со слов отца изложил другую версию. Будто бы деда взяли за попытку укрыть сына от мобилизации. Тогда дядя Костя явился-таки к мобилизаторам, но деда все равно не отпустили. (Петра Андреича, кстати, тоже призывали, он дал тягу в лес, попался и угодил в Бухенвальд).

Третья версия - из области бытовой или даже психической патологии. Когда мама, освободившись из ссылки, приехала к брату повидаться после четвертьвековой разлуки, тот сквозь пьяные слезы признался ей в страшном грехе: это я-де заложил отца - в отместку за обиды, которые он чинил когда-то матери. Только тридцать лет спустя, уже незадолго до смерти, мама рассказала мне об этом. И с сомнением развела руками - по поводу обид, единственным свидетелем которых объявил себя дядя Костя (мама и тетя Люба к тому времени уже перебрались в Москву, а остальные бабушкины дети в Риге не жили).

Несмотря на абсолютную, казалось бы, надежность источника информации (кто согрешил, тот и кается), я, как и мама, не могу одолеть соблазн сомнения. В первую очередь, конечно, потому, что версия уж слишком неприятная. Но не только.

Бабушка умерла в тридцать четвертом. Неужели ее прижизненные обиды кипели в сыне Косте семь посмертных лет, чтобы вдруг разрешиться столь запоздалой и странной местью? Не пьяная ли это фантазия? Дядя Костя очень пил, а покаяние и самоуничтожение не менее постоянные спутники пьющего человека, чем озлобление и агрессия. Самооговор может быть средством удовлетворения этой потребности. Конечно, фантазия

такого рода вряд ли возникла бы на абсолютно пустом месте, но она могла быть таким смещением красок, причин и следствий, которое воспоминание превращает в бред.

(Зеленый змий не оставил дядю Костю и после того, как рука пивца стакан держать устала: пьяные могильщики, опуская гроб, вывалили покойника. Впечатлительная тетя Люба упала в обморок и тем убереглась от дальнейших картин - извлечения почившего брата из залитой дождем могилы и повторного положения во гроб).

Однако что ж такого МОГЛИ наплести стражам «нового порядка» сосед или сын? Ведь не за драки же, не за плохое обращение с женами упекали в концлагеря. Быть может, их ушей достигло эхо дедова прошлого?

***

На фотографии трое - дядя Коля, дед Карл, меж ними бабушка.

Дядя Коля (бабушкин первенец, Иваныч) в солдатской (царской) форме. На груди Георгиевский крест и медаль. Фуражка лихо сбита на ухо. На месте будущих усов юношеский пушок. Мягкий - бабушкин - взгляд.

Дед в знаменитых усах. И в пролетарской кепке. Если снять кепку и усы, сходство с мамой будут еще нагляднее. Отчасти, наверное, и со мной. Мама находила во мне дедовы черты. Только вот взглядом я, кажется, не вышел. Нету в моем взгляде дедовой силы тяжести. Так, пух какой-то.

Даты на фотографии нет, но дяди Колино обмундирование означает, что сделана она не позднее семнадцатого года, скорее ранее: Февральскую революцию дед и дядя Коля встретили во Владимирском центре. За что ж их туда? Детских ушей коснулся и застрял в них разговор на родственных посиделках - о каком-то столкновении с жандармами, кажется, чрезмерно победном.

В гражданскую дядя Коля стал красным командиром. Потом партийным секретарем в Сибири. Он был добр, но вспыльчив. В гневе запустил металлической чернильницей в другого секретаря, ниже ростом (в дяде Коле было два метра), но выше рангом. Был разжалован в золотодобытчики. В тридцать четвертом охранник подчиненного ему прииска, новичок, не знавший начальника, действовал по уставу: «Стой! Кто идет?!» Дядя Коля отшутился, продолжая движение. Среди подписавших некролог был Орджоникидзе.

В Сибири дядя Коля остался прииском его, Николая Кличмана, имени, а в обширной родне - красивой легендой о самом ярком из восьми бабушкиных произведений.

А дед Карл, гонимый безработицей 20-х годов, мотался с семьей между Ригой и Паневежисом. В Паневежисе старшие бабушкины дочери Вера и Маня (Ивановны) познакомились с молодыми коммунистами, очаровались их речами и влились в подпольную ячейку, направлявшуюся прямо к вселенскому счастью. Счастья хотелось и бабушке с дедом. Бабушка с сыном Володей расклеивала по ночам листовки. Дед сделал в печке тайник, в котором хранились листовки и ячейкин пистолет. Для деда и падчериц поход за счастьем кончился решеткой. На свидания с ними бабушка брала маму-подростка, чтобы прочла что, если понадобится. Сама она читать не умела. Она умела рожать детей, любить их и мастерить одежду из портянок, а если повезет достать, - из белых тонких мешков из-под сахара.

Эти ли волны из прошлого смыли деда в Саласпилс, Штутгоф и далее в могилу - не знаю. Но мне трудно предположить, чем еще можно было так скомпрометировать его в оловянных глазах карателей, осиянных свастикой, чтобы в качестве «меры пресечения» они назначили ему лагерь смерти. Не еврей ведь, не цыган. Впрочем, это предположение - из потребности понять, то есть из допущения логики в действиях убийц. Смелое, конечно, допущение. То, что происходило с дедом, мамой и дядей Костей ОДНОВРЕМЕННО, под свастикой и под красной звездой, без Прокруста не уложить ни в какое логическое ложе. Это бред истории.

Охранник Сталина

В то самое время, когда далеко от Москвы лейтенант госбезопасности Баскаков не сводил государева ока с немки Тамары Кетегат, в Москве старший лейтенант того же ведомства Ильичев не сводил влюбленных глаз с ее русской сестры Любы. По стандартам ведомства это была опасная связь. Охраннику кремлевского горца, пусть рядовому, пусть стоявшему на дальних подступах к телу, не дано было право воспламеняться без разбору. Воспламеняться можно было только после тщательного обследования генеалогического древа, нежнозеленая ветка которого привлекла его внеслужебное внимание. Но оказалось, даже у слуги Дракона сердце может жить не по праву, а по порыву.

Ретивое у Ильичева забилося, когда в год долгожданной победы он увидел Любочку (так он звал ее следующие пятьдесят лет) в парикмахерской на Усачевке, где она работала вместе с его сестрой Дусей. Ильичев смотрел, как ее ножницы порхают над головами уцелевших солдат, и соображал, под каким бы предлогом сесть не в Дусино кресло, а в Любочкино.

Я понимаю старлея. Тогда я только горделиво догадывался, а теперь знаю, что тетя Люба была очаровательна. Конкурс красоты она вряд ли выиграла бы (у нее были несколько отечные - от сердечной недостаточности - ноги), но, если бы мне предложили указать на женщину, которая могла бы служить эталоном женского обаяния, я бы указал на тетю Любу.

Станным образом отечные ноги не мешали ей быть легкой, подвижной и даже грациозной. Жуткий военный быт не мешал улыбаться так, что собеседник на мгновение выпадал из жути, словно война то ли еще не началась, то ли уже закончилась. В никогда не бывавших тусклыми глазах текущая жизнь отражалась не бликами тоски и отчаянья, а как бы искрами костра, в котором тоска и отчаянье уже сгорели, освободив место радостной готовности жить дальше. При этом, как я понимаю, тетя Люба была, вообще-то, человеком слабым и несамостоятельным, мужней женой. Силу она черпала в ответственности за других, если таковая на нее сваливалась.

Мы с Нелей свалились ей на руки вскоре после того, как дядя Яша, довоенный муж, пропал на фронте. Мы стали тем грузом, который придал ей, в тот момент близкой к самоубийству, качество, кораблями называемое остойчивостью. Корабль вышел из опасного крена и не пошел ко дну, потому что на борту появились дети.

Проще сказать, суть тети Любы выражалась в ее имени. Проведя на ее слабых, но оказавшихся негибкими и неиссякаемо теплыми руках три ледяных военных года, мы с Нелей знаем это лучше других.

Вот такая женщина смутила душу верного сталинца Сергея Ильичева, крестьянского сына, в 30-х годах зазванного после армии в «органы», где он, слава богу, был не палачом, а лишь охранником палача. Он терпеливо ждал своего часа, ждал, когда Любочка смирится с тем, что на ее упрятанный в ночь вдовий шепот Яша уже никогда не откликнется. А как дождался, доложил начальству: хочу жениться. Начальство сказала: выбирай! Он выбрал Любочку и сменил китель с капитанскими уже погонами на спецовку заводского слесаря.

***

У детства свое мерило жертв и подвигов взрослых. От чего отказался дядя Сережа, я понял, когда соотнес его выбор с происшествием, случившимся накануне.

Проведя четыре года в Жигулях, я вновь оказался в Москве, на каникулах. Мне было четырнадцать лет. Рядом с тети Любиным домом манил простором школьный двор, безлюдный в каникулярную пору.

Как-то на этом дворе я предавался в одиночестве упражнениям в футбольном искусстве, включая «свечу» - удар, качество которого тем выше, чем ближе к вертикали линия полета мяча. В момент, когда, следя линию, я стоял с задранной головой, нечто злобное метнулось ко мне во вратарском броске и, пренебрегая мячом, ухватило за

шиворот. Злобное оказалось также лысым, могучим и все про меня знающим: что я хулиган, что я задумал перебить в школе стекла и что за это мне положен суровый суд, для начала родительский. Проследовать с ним в отчий дом для судопроизводства я отказался. Тогда лысо-злобно-могучее нечто, держа за шиворот и подкручивая так, чтобы слегка попридушить воротником, поволокло меня по окрестным дворам, предъявляя для опознания. Опознание не удалось, и я был предъявлен постовому милиционеру. Тут выяснилось, что мой захватчик директор школы, что он денно и ночью стоит на страже социалистической собственности, а я закоренелый малолетний бандит.

Осознав серьезность ситуации, мент вызвался сопровождать нас в отделение, где со мной быстро разберутся. В пути я сообразил, что по мере повышения уровня власти, которой предъявляет меня захватчик, будет повышаться и уровень моей преступности и что выбор у меня небогатый: либо предстать перед судом тети Любы сейчас, либо спустя время, которое она, теряясь в ужасных догадках, потратит на поиски безвременно пропавшего племянника. Я выбрал первое. Эскадра сменила курс и расчехлила орудия. Чем ближе к дому, тем мучительнее, уже не сомневаясь в своей преступности, искал я стратегию защиты и нашел смягчающее обстоятельство: давно тут не живу, ничего не знаю и вообще Маугли.

Дверь открыл дядя Сережа в форме. Он как раз собрался на дежурство. «В чем дело?» - спросил моих конвоиров капитан госбезопасности. Крутоплечий директор вмиг сузился и уменьшился, захлопотал руками, будто искал щетку, чтобы почистить дяде Сереже сапоги. Мент щелкнул каблуками и взял под козырек. Минуту-другую директор лопотал что-то о досадном недоразумении. Мент ел начальство выпученными глазами. Вдруг они без команды сделали кру-у-гом! и растворились в облаке страха.

Выслушивая вполне формальное дяди Сережино наставление, я с мстительным наслаждением представлял, как мои гонители выкручивают сейчас мокрые штаны. Привычное ощущение родовой ущербности вдруг уступило место неведомому ощущению родového превосходства: на мгновение я стал сыном человека, воплощавшего силу, человека, который обращал в дрожь и бегство.

Когда уходит детство

В распахнутых дверях теплушки теснятся, нависают друг над другом уезжающие. Если бы не деревянный брус, которым перегороден дверной проем, передние под напором задних горохом ссыпались бы на перрон, на провожающих.

Я упал бы прямо на руки тете Любе. Я и хочу к тете Любе на руки. Почему она там, на перроне, а не с нами в вагоне? Почему между нами эта деревяшка?

Поезд трогается. Страшный смысл происходящего обрушивается на меня. Я часто-часто топаю на месте, будто захотел писать, и чувствую, как теплая влага и вправду стекает по моим ногам.

- Тетя Люба! - кричу я. Так, наверно, кричит падающий с десятого этажа. - Скорей! Ну скорей же прыгай!

Но тетя Люба идет за вагоном и не прыгает. Она плачет.

Мама с тетей Верой оттаскивают детей от двери и загоняют на нары. Мама подсаживается ко мне.

- Ну что ты, что ты? - тихо говорит она. - Тетя Люба к нам приедет потом.

Так летом сорок первого года впервые за свою пятилетнюю жизнь я расстался с тетей Любой. Немцы приближались к Москве, началась эвакуация детей. Бездетная тетя Люба, страстно и весело любившая ораву влюбленных в нее племянников, оставалась.

И вот мы снова расстаемся. Только на этот раз на перроне остаюсь я, а ее уносит поезд, всегда идущий только туда и никогда - обратно.

Из записей тех дней.

25.12.96. Сегодня исполнилось бы девяносто пять тете Вере. А в феврале - девяносто семь тете Соне, тоже с «бы». Доживи тетя Люба до июля - ей стукнет

восемьдесят восемь. Но не стукнет. В сослагательное наклонение уходит последняя и главная моя детская любовь.

Что дала мне тетя Люба? Спасла? Больше! Она дала мне опыт разделенной любви, бесценный вообще, а для ребенка в моровую пору - единственный способ выйти из передраг не с покоренной психикой.

БЕЗ ДАТЫ. Я еще провоцирую ее на активность, двигательную и речевую, сажаю в постели в кольцо подушек, пытаюсь вызвать рецидив бывшего артистизма - песенного, хохмаческого... Она слушается, пытается вспомнить: «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Русалка на дверях сидит...» Смех, сближающий еще более роднящий смех сопровождал бы эту оговорку, случись она раньше. А сейчас я выдавливаю из себя натужное хихиканье, она - едва различимые признаки автоиронии.

БЕЗ ДАТЫ. Она усвоила мое самообозначение: сиделка.

- А где моя сиделка?

- Здесь я, тетя Люба.

- Ты разве не Сережа?

Все время нас путает.

- Сергей, ты тоже стал меня тетя Любой звать.

- Так это ж я, сиделка.

- А-а-а... Я ведь не вижу... И по голосу вас не различаю.

Ее слова тоже все труднее различать: insultная каша во рту густеет. И вдруг ясно и четко:

- Андрюша, я тебя очень люблю.

- Я тебя тоже, тетя Люба. Уж не помню, с какого взгляда, но наверно, с первого.

Не в первый раз нарушая антитабачный закон, иду на кухню к сигарете, со слезою смешанной. И слышу, как она говорит сменившему меня дяде Сереже:

- Я сказала Андрею, что очень его люблю. И он сказал, что меня любит. Вот. Мы объяснились в любви.

А за кухонным окном зима белым-бела. Увесистые от безветрия хлопья осанисто опускаются на лысую ветку, уткнувшись в окно, складываются в правильной формы насыпной бруствер, пока не обрушит его присевший на мгновение беззаботный воробей. Другие кристаллы планируют мимо ветки и неспешно ложатся под ноги поспешно живущему населению.

Я возвращаюсь к тете Любе, а она, не уловив смены караула, продолжает, обращаясь к собеседнику, который по ходу рассказа становится собирательным.

- Я хочу тебе рассказать о маленьком Андрюшке. До войны еще... В парке где-то мы были, сидели на лавочке. Я взяла его ручку, пальчики вместе собрала... Такие маленькие, как булавочки, розовенькие... Я прямо их исцеловала. Как булавочки. Розовенькие. Это Андрюшка такой был. А в другой раз он проснулся, а я стояла спиной к кровати. Он подумал, что я ухожу, схватил меня сзади за шею: «Ой, тетя Любочка, не уходи!». А сам трясется весь, плачет... Прыгай, кричит, скорее, а то поезд уйдет! И ножками топчет... Что ты его все ругаешь? Он же хороший мальчик, он же все замечательно делает. И Неличка хорошая, и Ляличка. И Сергей очень хороший человек, он из-за меня пострадал, его из кремлевской охраны выгнали. Такого-то глазастого...

Когда уходит хороший человек, его провожают сплошь хорошие люди. Покажи мне, как ты прощаешься с миром, и я скажу, кем ты был.

БЕЗ ДАТЫ.

- Вы тогда с Неличкой спасли меня. Когда Яша пропал. Детки мои дорогие, вы и сейчас мои ангелы-хранители.

- Чего холодильник? - переспрашивает дядя Сережа. - Нормально работает.

Он давно уже не глазастый и глух, как пыль фронтовых дорог, на которых так и не сыскались следы командира полковой разведки Якова Луговцова.

А ночью, для меня уже не отличимой от дня, просыпаюсь от вопроса, обращенного то ли к собирательному, то ли к высшему собеседнику:

- Я не умру?

Еще больше, чем смерти вообще, тетя Люба не хочет смерти зимой и ночью. Из донных отложений памяти всплывают и прилипают к иссохшим губам слова, некогда повторявшиеся вслед за матерью: «Отче наш, иже еси на небеси...»

***

Последняя из четырех дочерей и четверых сыновей Стаси умерла зимой и ночью. На поминках к обезумевшему от горя и старости дяде Сереже вернулась бывшая глазасть.

- Лекарства он отменял... Грамотный какой! Иль хотели этого?

В хотении «этого» (поминок) заподозрены были мы с Нелей, сменившей меня в последние тети Любины дни. После моего запроса врачиха разрешила не давать сильный и чреватый осложнениями (вычитал в инструкции) нейролептик, зачем-то выписанный ею для умирения случавшегося иногда у тети Любы легкого бреда.

Профессиональная склонность выводить на чистую воду вскоре переместилась с яблочка на яблоню, с которой они упали.

- Меня из-за вашей мамы со службы выгнали!

- Не из-за нашей мамы, - поправила Неля, - а из-за Иосифа Виссарионыча, которого ты охранял.

- Я его не охранял! Никого я не охранял!

Склероз восстановил дядю Сережу на службе: он снова блюл государственную тайну.

Он был очень хороший чедлвек. Вне службы.

К девятому дню могильщики, как и обещали, поставили оградку: застолбили место для двоих.

- Ну, будь здорова, Любочка! - сказал дядя Сережа, отходя от могилы. - Жди. Скоро приду к тебе.

- Зачем придешь? - не понял Эдя, внук Лины и Августа. Он был занят с могильщиками и уловил лишь последние слова.

- Жить! - бодро ответил дядя Сережа.

Он сдержал слово через полтора года.

Двумя этими смертями завершился уход поколения, знавшего нас детьми. Мы вошли в его жизнь мальчиками и девочками, оно в нашу тетями и дядями, мамами и папами - взрослыми. Ничто потом, ни наши дети и внуки, ни седины и плешины, не могло стереть бесследно это первоначальное соотношение. Рядом с тетей Любой я всегда был мальчиком, который умирал от счастья при встрече с ней и от горя при расставании.

Больше встреч не будет. Детство ушло окончательно. <...>

Вкратце

Здесь опущен рассказ А. К. о некоторых других его старших родственниках по материнской линии. Среди них было немало правоверных коммунистов 20-х гг., борцов за «мировую революцию» и т.п.

Например, тетя Вера, старшая сестра матери Анри.

В начале 20-х гг. она попала в Литве в тюрьму «с Лениным в башке и, уже замужня, с Петей под сердцем». Сын тети Веры родился в тюрьме.

<...> Петей мой двоюродный брат стал потом, а родился он Политаром. Так решила тюремная комячейка. Отрекаясь от старого мира, она отреклась и от его именника. Имя мальчику изготовили из героического статуса его матери: политический арестант.

Ячейка стала коллективной нянькой. Тон задавала Маня Ходосайте. Полвека спустя я увидел ее. Легендарная подпольщица оказалась очаровательной Дюймовочкой на

пенсии. К нам домой ее привела моя мачеха Двейра Берзакайте, тоже многолетняя сиделица, тоже бессребреница и за всех заступница. Старушки затеяли чай. К чаю было варенье и разговор людей, из которых опыт выбил многие иллюзии, не повредив, однако, способности «забыть себя в другом Я» (Гегель о любви).

...В московском метро ко мне подсел вдрызг пьяный парень: «Как я ненавижу коммунистов!». Если бы он не был так пьян, я сказал бы ему, что не надо путать идеологию и ее адептов: кроме политических пристрастий у адептов есть еще кое-что. Не надо, отрекаясь от картавого, оставаться в плену групповой узурпации морали, которой (узурпацией) он так лихо вязал простаков: «все честные люди» и т. д. ходят по нашей стороне улицы, а которые по другой стороне - те сплошь бесчестные. Будь так, все в этой жизни было бы проще и, наверно, хуже.

Дьявол вышел из ангелов и с тех пор трудится лицедеем, всегда в одной и той же роли - соблазнителя. С поколением наших отцов, не угадавших, когда родиться, он преуспел. Их ошибками мы были богаты, едва из колыбели. Над колыбелью висел портрет мальчика с чистым лбом, окаймленным ангельскими локонами. От его чар мы освободились не потому, что умнее отцов, а потому что их ошибки сработали как противочумная инъекция.

Когда мальчик с локонами вырос и полысел, он отбросил понятие «хороший человек» - за ненадобностью: «При чем тут хороший? Лучше скажите, какова политическая линия его поведения!» Я не хочу заслонять лица моих ушедших стариков политической линией их поведения. Я давно уже не ленинец. И даже когда был (в четвертом классе) председателем совета отряда имени Павлика Морозова, Павликом Морозовым все же не был. <...>

Вкратце

Эвакуировавшись в 1941 г. с детьми из Москвы, сестры Вера и Тамара жили в одной деревне. После ареста Тамары (Карловны) Вера (Ивановна) взяла ее детей к себе. Позднее Анри и Неля вернулись в Москву и жили у другой московской сестры их матери - Любы.

<...> Две белые птицы [тетя Люба и тетя Вера. - А. А.] укрыли птенцов неутомимыми крылами. Две белые птицы из стаи, вспорхнувшей с ладоней бездомной девочки Стаси, чье урожайное тело, отплодоносив, обрело вечную обитель на Матвеевском кладбище города Риги, душа же вознеслась в надмирные поля и там встретила с потрясенной земными горестями душой безумной красавицы Бенедикты, матери ее.

А. Кетегат, декабрь 2000

Ремарка: делать то, чего никто за тебя не сделает

Конечно, в своем призыве к массовому составлению «семейных хроник»¹⁴⁵ и написанию «историй жизни», я отдаю себе отчет в том, что НОРМОЙ здесь скорее будут (являются) не столь художественно яркие и концептуально выстроенные, как записки А. Кетегата, биографические нарративы.

Призывать ориентироваться на литературную классику (скажем, на Аксакова или Гарина-Михайловского, не говоря уж об автобиографической трилогии Л. Толстого) вряд ли здесь уместно.

Да и биографическое повествование моего друга, хотя бы он литературным творчеством специально и не занимался, тоже, полагаю, трудно достигаемый образец...

(Анри, впрочем, говорит, что без писанных воспоминаний матери его генеалогическая «пахота» полей предков была бы куда мельче и «урожай» - беднее).

---

¹⁴⁵ См. Из неопубликованных глав. Том 2 (Главы 20-22).

Вообще, приступая к семейной хронике или собственному жизнеописанию (к чему надеюсь подвигнуть и читателя этой книги: не во имя науки или искусства, а - ради сохранения и преемственности родовой, семейной памяти; как это сделала мать Анри, оставившая ему три тетради воспоминаний), следует ставить перед собой МИНИМАЛЬНЫЕ (самые скромные!) «литературные» задачи. А уж там - «как получится»... У Анри Кетегата получилось - ВОТ ТАК!

Я убежден, что каждый человек способен быть хоть немного писателем. Особенно - если речь идет о том, «что было». И если есть осознание того, что никто этого - «за тебя» - не сделает. (Декабрь 2000)

(2)

= Заметки А. Кетегата «Из жизни и мыслей Сашеньки»

«Я сначала была зернышком...»

...Теперь уж Сашенька школьница. Она не спутает существительное с прилагательным и, не впадая в задумчивость, скажет, сколько будет семью пять. Еще она научится играть на скрипке. Учительница сольфеджио говорит, что у нее хороший слух.

А было время, когда Сашенька управлялась не со смычком, а с кубиками. Тогда хороший слух был у папы: Саша говорила, а папа подслушивал.

Происхождение Саши

Тут много версий. От строго эволюционных до основанных на идее свободного волеизъявления.

- Я сначала была зернышком, потом вот такой конфеточкой, потом шоколадочкой, потом рыбочкой, потом птичкой, а потом я стала маленькой девочкой, и мама взяла меня на руки и обняла.

- Когда я была ангелочком и захотела стать девочкой, я с неба смотрела-смотрела и выбрала себе самую хорошую маму и самого хорошего папу.

К знанию!

На прогулке за ручку.

- А я знаю, как вы с мамой ходили, когда меня не было. Вы ручки сжимали в кулачки, потому что в них было пусто. Я с неба видела.

Родившись, Сашенька попала в мир гармонии и целесообразности.

- Для чего потолок?

- Чтоб головы не мерзли.

- А стены?

- Чтоб бочок не мерзнул.

- А рот зачем?

- Для каши.

- А язычок?

- Чтоб молочко лизать.

В разгаре лето. Идут с мамой вдоль пшеничного поля. Мама объясняет, что из этих вот колосков потом хлеб сделают. Пошло другое поле, с колосками пониже.

- А из этих колосков сделают маленький хлеб. Булочки! - догадывается Саша.

Смотрит перед сном балет по ТВ.

- Они так быстро танцуют, чтобы успеть, пока я не уснула?

- Счастье ты моё! – то и дело говорит мама.

Слово мамы – закон. Смотрит по ТВ мультик про ослика, который ищет счастье. Дело затягивается, и в трудный поиск включается всё новая живность. В Сашиных глазах нарастают беспокойство и сострадание.

- Они не знают... Это же Сашенька - счастье!

Без малого до трех лет Сашенька не могла совладать с твердыми задненебными согласными. Вместо «г» у нее выходило «д», вместо «к» - «т». И вот что из этого проистекало.

- Папа, ты тот?

- Нет, я этот, - не поняв вопроса, снисходительно сострил отец.

- А почему же у тебя усы?

Старший брат уехал в «Артек».

- Я тоже поеду на Черную морю... Нет, не поеду на Черную. Поеду на Белую.

- Почему?

- На Черной море я буду грязная!

Поздний вечер. Сашенька спит. Вдруг открывает глаза, смотрит ясно и улыбочиво, отнюдь не спросонно, и четко спрашивает:

- А девочки простые бывают?

- Это как?

- Как карандаши.

И спит дальше.

О любви

- Я так люблю маму и папу! Даже больше, чем чай с вафлями!

Засыпая, маме:

- А когда ты со мной сидишь, я сплю с открытыми глазами. Чтоб тебя видеть.

- Поставлю свои босоножки рядом с папиными. Потому что папа меня любит.

Трудности жизни

- Я рассердилась на кашу, потому что ее много.

С утра мама выкупала Сашу. Пока волосы - длинные, в локонах - не высохнут, идти гулять нельзя. Время идет, все подружки уже во дворе, а Сашины кудряшки все мокрые.

- Надо было меньше воды лить, - ворчит она на маму.

У папы срочная работа.

- Сашенька, не мешай мне, хорошо?

- Хорошо, - согласилась сознательная Саша, тем более сознательная, что в ее распоряжении оставалась мама.

Вскоре под дверью папиной комнаты раздались тяжелые вздохи, переходящие в стоны.

- Не-е-ет, я не пойду к папе. Не-е-ет, я не буду мешать папе.

Оказалось, мама прилегла и уснула, и Сашина душа стала полем битвы долга и чувства, в которой долг одержал трудную победу.

Никаких хитростей!

Сашенька заболела. Пришла тетя доктор, послушала, как она дышит, и выписала маме бюллетень.

- А что тетя написала на голубенькой бумажке?
- Она написала: Саша болеет, маме можно не ходить на работу.
- Всегда можно?
- Да нет, только пока ты болеешь.
- А я всегда болею. Ох, как я болею! Кхе-кхе...

- Я Бабы-Яги совсем не боюсь. Только лучше, чтоб я ее не видела.

- Мама, а когда папа придет, ты ему обед будешь греть?

- Конечно.

- А пока ты греешь, он со мной поиграет. Сначала в куклы, потом в кубики, потом в мячик... Только ты побольше ему грей, а то он голодный.

Мама прилегла: голова разболелась. А Сашенька поет.

- Сашуля, не пой, пожалуйста. Я подремлю.
- Ты хочешь стать дремучей, да?

Листают с мамой книжку, опознают разную живность на картинках.

- Это утенок.
- А вот его мама. Как зовут маму утенка?
- Утка.
- А папу?
- Ут.

Обычно родители рассказывают Саше сказки. А тут - наоборот.

- Жили-были старик со старухой, и не было у них деток. Они плакали, и вот у них наступил мальчик, такой красивый, что они даже испугались. А потом наступила девочка и зайчика с собой привела.

- У меня язык сладкий, - говорит Саша, поев варенья. - А у тебя?
- У меня, наверно, горький, - повесил голову папа.
- Не-е-ет, у тебя язык русский. И у мамы русский.

- Свинья живет в свинятнике...

- А Саша?

- В сашатнике.

- У поросятиной мамы хрюканый нос.

У зимнего окна в ожидании папы, который еще не вернулся с работы.

- Ой, выюга папу заметелит!

Разбирает с мамой игрушки.

- А эти игрушки мне уже малы...

Об улице Йогайлос:

- Мы ходили на улицу Баба-Ягайлос.

А. Кетегат

Вильнюс. [1990-е гг. - А. А.] ¹⁴⁶

---

¹⁴⁶ Ныне опубликовано в: Кетегат А. Диск. СПб.: Норма, 2011. Электронная версия - http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/kategat_disk.pdf

= Из записок А. Кетегата (1984)

О письме-воплощении, или Пересекающиеся круги

<...> Есть письма-сообщения (деловые и дежурные), и есть письма-воплощения. Потребность же в воплощении - самая обычная, и самое обычное средство ее удовлетворения - слово (быть может, потому-то, в силу общности, оно и самое человеческое средство: «человек» на санскрите - говорящий слова). Стремление к воплощению становится предосудительным, когда забывает о своей общности и рядится в исключительность. <...> Тогда оно претенциозность и выдает томление не бессловностью (невоплощенностью - «как сердцу высказать себя?»), а бесславностью. Конечно, грань между этими томлениями обозначена не колючей проволокой, и надо обладать нравственным зрением Толстого или Августина Блаженного, чтобы не преступить ее в исповедальном слове-воплощении. Ведь даже скромность может УКРАШАТЬ, и самоуничтожение - служить котурнами. <...>

Все мы, если только не сподобились нирваны и прочих восточных недоступностей, хотим понимания и признания. Но достигаем этого реже, чем хотим. «Возможно ли БОльшее чудо, чем хотя бы на миг взглянуть на мир глазами другого?» Чудо, о котором говорит Генри Торо, чудеснее трансплантации глаз. Тут не замена одной пары глаз другой, а обретение многоканальности зрения. Каналы сообщаются, быть может конфликтуют, но как равноправные, уравненные на шкале органичности ВИдения, его интимности. Различие ВИдений мира не стирается, однако диалогичность ситуации овнутряется и теряет тем самым привкус дуэльности: ЧЕЙ глаз - глаз истины?

Возможно ли такое многоглазие? Принято считать, что возможно – в искусстве. Приближение к нему осязаемо и в общении близких людей, в той мере, в какой им удастся включить в общение эмпатическую энергию близости.

Без близости не только на мир не взглянуть глазами другого, но подчас и на самую малость, от него исходящую. О человеке судят по поступкам. Ну да, но верно и обратное: о поступках надо судить по человеку. Как и о слове, им сказанном. Существуют ситуации, когда для того, чтобы понять, ЧТО за словом, нужно знать, КТО за словом. В частности, если говорить о малостях, ситуации нестандартизованной речи (отклоняющейся, если позаимствовать термин из социологии поведения), особенно когда отклонение от речевого стандарта на грани отклонения от грамматической или стилистической нормы, а то и переходит эту грань. Не близкий может увидеть косноязычие там, где на самом деле словотворчество в характерном для говорящего (пишущего) стиле.

Положение автора письма-воплощения, адресованного другу, куда предпочтительнее. Он знает, кому пишет, и знает, что друг знает, кто пишет. Он в состоянии, следовательно, предвосхитить реакцию. Но дело не только в предвосхищении. Оно ведь всего лишь помогает вызвать нужную автору реакцию читателя, а это, в общем-то, возможно - до известного предела, конечно, - и без близости, при простом знакомстве. Суть дела здесь в другом.

Сверхзадача письма-воплощения не в реакции читателя. Оно вообще вроде бы пишется себе. Адресат в нем как будто не более чем «сюжетная» фигура, способ организации речения к себе. Но только вроде бы и как будто. Ведь в этом речении я тщу не примерить по случаю, чтобы предвосхитить (как при знакомстве), а приживить себе глаза другого, и увидеть мир и себя его глазами столь же «натурально», как своими. И если мое тщание не тщетно, если сообщаемость каналов восприятия достигает степени их полной открытости, фильтры эгоцентризма, при примерке для предвосхищения сохраняющиеся, - устраняются. Мое «я» уже не торчит передо мной, озабоченное

желаемой реакцией. Оно уходит на периферию восприятия и переживания, как и другой в его «друговости» маячит где-то на заднике сцены, а на авансцене погружение себя в другого и другого в себя - единство. Разговор С СОБОЙ оказывается тогда разговором СОБОЙ, себя забывшим: мною говорит единство, и я не более, чем его гортань.

Поэтому же признание, которого хочет автор такого текста, не сводимо к признанию его правоты и прочих достоинств, как при стремлении, скажем, к общественному признанию («успеху»). В дружбе признать - это принять, включить в себя. Так включают в себя друг друга площади пересекающихся кругов.

То же в любви. Любить не значит считать совершенством (как патриотизм не имеет ничего общего с государственным хвастовством). И желание быть любимым не стремление к призам: на конкурсе красоты ли, доброты ли - не велика разница.

В этом смысле дружба и любовь состояния предельной скромности, полярные «успешному» состоянию. В них мы не стремимся выйти ИЗ РЯДА ВОН, из ряда, элементы которого - я и ты. В них мы выходим ИЗ СЕБЯ. Все личные местоимения растворяются в одном - первого лица, но множественного числа. Разумеется, в строгом соответствии с мерой нашей зрелости в дружбе и в любви. <...>

Единодушие существует ВООБЩЕ, оно родство душ. Единомыслие же - В ЧАСТНОСТИ, по такому-то поводу. Из единодушия единомыслие не следует автоматически. Из общности душевного строя не следует совпадение хода мысли в каждом конкретном случае (все рукава невской дельты - Нева, но растекшаяся по разным руслам). <...>

А. Кетегат, 25.03.1984. ¹⁴⁷

(4)

= Из материалов дискуссии на Форуме МБИ «Биографика, социология и история» (2012)

**Новая книга: Анри Кетегат. Диск.
«В полях предков» и другая автобиографическая проза ¹⁴⁸**

...Следующая новость: вышла в свет книга: [Кетегат, Анри. Диск. СПб.: Норма, 2011.](#) Мне кажется, это важное событие, в частности, в жизни нашего социобиографического сообщества, к которому сам Анри Кетегат давно принадлежит, но пока не подавал голоса в дискуссиях.

Вот – аннотация к этой книге:

Автор сменил много профессий (журналист, преподаватель философии, социолог, слесарь-сборщик...), но в этой книге он внук, сын, отец, друг...

Книга составлена из текстов разных жанров. В воспоминаниях, рассказах, письмах, стихах воспроизведены (когда – точно, когда – с включением художественного воображения) эпизоды из жизни автора, его предков и потомков.

А вот – авторское предисловие:

Несколько вступительных слов

Вообще же – мой совет: заняться составлением

---

¹⁴⁷ Ныне опубликовано в: Кетегат А. Диск. СПб.: Норма, 2011. Электронная версия - http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/kategat_disk.pdf

¹⁴⁸ Опубликовано в материалах дискуссии на Форуме МБИ «Биографика, социология и история»: http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.4.html.

Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

собрания своих сочинений – в каноническом (не испорченном) виде, в электронной версии (если что-то было в машинописи, то набрать в электронном). Узкому кругу Ты можешь это послать, чтобы не выпускали из рук. И тогда, глядишь, потомки узнают аутентичного, не изуродованного цензурой и разгильдяйством Кетегата. И скажут мне спасибо, что я Тебя на это надоумил. (Зина говорит попросту: «Я тоже хочу такой диск»).

Андрей Алексеев. 2.01.2008

К «собранию сочинений» я отнёсся как к поощрительной улыбке друга, не более того, но, последовав его совету и идя навстречу пожеланию его жены, составил-таки некую подборку текстов.

В ряду интересов Андрея Николаевича Алексеева, известного петербургского социолога, в последние годы заметное место заняла проблема внедрения в наш обиход культуры автобиографических повествований и семейных хроник, обеспечивающих «эстафету памяти» поколений. Я оказался в числе тех, до кого Андрей, что называется, достучался. Во всяком случае моё мемуарно-генеалогическое изыскание «В полях предков» вписывается в жанр семейной хроники. Остальные тексты, вошедшие в эту книжку, если и могут быть отнесены к жанру автобиографического повествования, то в разной степени, с оговорками и лишь как фрагменты, «случаи из жизни», а не систематическое жизнеописание. В них много детства, немного «личной жизни» и почти нет «профессионального пути». Память выбирала то, что эмоционально весомее. В текстах, названных рассказами, память брала в соавторы воображение и наличие автобиографической основы не означает, что всё буквально «так и было», как в повествовании.

Адресованная лишь друзьям, эта подборка первоначально и называлась соответственно: «Узкому кругу» (заимствование из письма-предложения Андрея). Но вот Ольга Васильевна Старовойтова, другой мой друг, предложила издать электронную версию в бумажном варианте – под эгидой возглавляемого ею фонда «Музей Г.В. Старовойтовой». Раз тираж, пусть небольшой, – значит, уже не узкому кругу. От первоначального названия пришлось отказаться.

А узкий круг тем временем невосполнимо сузился. В Петербурге умер Арлен Викторович Блюм, для коллег профессор-филолог, для друзей Арлен, Алик, Алёка... Сооружать из слов мавзолеей усопшему другу мне не хотелось. Хотелось словом длить его жизнь. Так появился хронологически последний из текстов, вошедших в эту книжку, – «Однажды».

Октябрь 2011

А вот – оглавление этой книги:

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько вступительных слов.....	5
1. ПРОГУЛКИ В ДЕТСТВО.....	6
В полях предков.....	7
Самокат.....	53
Случай рождения.....	61
Валун.....	79
Юбилейное.....	82
2. БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ОТЦОВСТВА	86
От двух до семи.....	87
Рассказы для Саши.....	94
За два моря.....	111
Деньги в подарок.....	130
Дочь в полёте.....	131
Поврозь.....	132
Мужество.....	133
3. В ПИТЕРЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ	134
На родном языке.....	135
Опять в Питере.....	141

По знакомой дороге.....	147
В польском плену.....	159
В Стране Дам.....	163
Целина как истина.....	171
Об отваге жить.....	174
Попытка благоговения.....	180
Ларь.....	183
4. ВСТРЕЧНЫЕ ЛИЦА.....	184
5. В КОНЦЕ.....	209
Жёлтое и зелёное.....	210
Досужий человек.....	211
Ркацители и другие слова.....	222
Дед.....	232
Под небом голубым.....	237
О длящихся согласных.....	240
Однажды.....	247
В ноябре.....	259
Эстафета.....	259
Ледоход.....	260
6. ЗАЧЕМ СЛОВА.....	261
Рассказ о рассказе.....	262
Как я был писателем.....	268
Графотерапия.....	271

А это – несколько цитат, вынесенных на заднюю обложку книги:

Родовая память, если не претендует отлиться в фамильный герб, не гордыня, а тепло, перетекающее из поколения в поколение.

В тринадцать лет душа в тоске не поет, хотя б и тоскливо. В тринадцать лет душа поет в доступной радости, а доступно ей больше, чем взрослому. [...] Поет душа в доступной радости, а немеет во внезапном горе. Гора ж пацану доступно больше, чем взрослому.

Дьявол вышел из ангелов и с тех пор трудится лицедеем, всегда в одной и той же роли – соблазнителя. С поколением наших отцов, не угадавших, когда родиться, он преуспел. Их ошибками мы были богаты, едва из колыбели.

То, что происходило с дедом, мамой и дядей Костей одновременно, под свастикой и под красной звездой, без Прокруста не уложить ни в какое логическое ложе.

Это бред истории.

Среди моих друзей и адресатов моих рассылок немало читателей и почитателей таланта Анри Кетегата. Сам я считаю его семейную хронику [«В полях предков»](#), а также биографические очерки и рассказы классикой автобиографической прозы. Мне не однажды приходилось пересылать те или иные его работы друзьям. Вот так же и сейчас я беру на себя инициативу приложить электронную версию книги А. Кетегата «Диск» к настоящей рассылке.

(Понятно, что к протоколу нашей дискуссии эти 270 страниц не приложишь. Поэтому привожу [ссылку, по которой можно найти данный текст в Интернете](#); при скачивании заводить у себя «Яндекс.бар», как это предлагает машина, не надо).¹⁴⁹

Мне кажется, что мой многолетний друг и коллега Анри не путем теоретических рассуждений, а практически разрешил многие спорные вопросы, обсуждавшиеся нами в этой дискуссии. Это тот не частый случай, когда сам автобиограф оказывается также биокритиком. Как А. Кетегату это удалось – судите сами, обратившись к его книге.

Примечание: 6 января 2013 (пятница) в Петербурге, в 16 час., в помещении НИЦ «Мемориал» (уд Рубинштейна, 23) состоится презентация книги А. Кетегата «Диск».

¹⁴⁹ Позднее электронная версия книги А. Кетегата «Диск» была размещена также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/kategat_disk.pdf.

= Из книги А. Кетегата «Диск» (2011)

Об отваге жить ¹⁵⁰

Письмо к дате

Дорогой Андрей! Скоро 22-е ¹⁵¹, и я подумал: почему бы не поздравить тебя и себя с этим днём? Лето в зените, мы в закате. «Давайте говорить друг другу комплименты». Ну не говорить, так думать. Комплиментарно думать легче, чем говорить: не надо себя осаживать из вкусовых соображений (как бы не пересластить).

А ещё комплиментарно думается о «Жизни как участвующем наблюдении» Ильина ¹⁵².

Когда-то я пробовал размышлять на тему: образ жизни как философский жанр. Киники, Сократ... Что-то о сокровенном характере философствования, о том, что сокровенное не может быть профессионализировано, что адекватной формой его бытования является образ жизни. Впоследствии выяснилось, что меру своей самостоятельности в этих размышлениях я явно преувеличивал. Как, возможно, преувеличением был и тезис о сокровенности философии и её неподверженности профессионализации.

Мне всегда казалось, что слова Генри Торо «У нас сейчас есть профессора философии, но философов нет» суть *интеллектуальное* измерение философствующей публики. Поскольку они были написаны, когда жил, скажем, Шопенгауэр, слова эти, при всей их обаятельной остроте, я всё же не воспринимал как исторически адекватные. Но вот после долгого перерыва снова открыл «Уолдена» и с изумлением прочёл: «Быть философом – значит не только тонко мыслить или даже основать школу; для этого надо так любить мудрость, чтобы жить по её велениям – в простоте, независимости, великодушии и вере». Это сказано через одно предложение от того, что мне запомнилось, и как же моя память не заметила такого слона?! Но если быть философом – значит жить по велениям мудрости, тогда и Шопенгауэр (уж никак не «профессор») – не опровержение Торо. Ведь в отличие от уолденского отшельника берлино-франкфуртский обличитель «университетской философии», превратившей «кафедры в кормушки», по велениям мудрости не жил. Певец нирваны, аскезы и смирения в свободное от поисков «простой, голой, неприбыльной» истины время ублажал свою чувственность, вёл расходную книгу и ревниво высматривал признаки славы.

Ильин (а до него ты) превратил в образ жизни социологию. Как и в случае философии по Торо, здесь снимается дистанция между мыслью и действием. Но есть и различие (их много, но я об одном). О такой *социологии*, во всяком случае в твоём – «драматическом» – варианте, лучше тебя не скажешь: «познание действием» (армейская

¹⁵⁰ Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

¹⁵¹ 22 июля – день рождения Андрея Алексева, который он обычно игнорирует. (Здесь и далее в этом тексте – примечания А. Кетегата.)

¹⁵² Накануне Андрей прислал мне работу петербургского социолога Владимира Ильина «Жизнь как участвующее наблюдение». Размышляя «о месте социологии в жизни индивида, занимающегося социологией», автор выделяет два варианта: социология как «автономная сфера профессиональной деятельности <...> именуемая отчуждающим словом “работа”» и социология как образ жизни. Второй вариант превращает жизнь социолога во включённое (участвующее) наблюдение, «в сплошное и увлекательное исследование, в путешествие по социальному пространству <...> Такой подход делает человека свободным, даже если он загнан в узкую клетку социальной структуры».

параллель: разведка боем). О такой *философии* лучше сказать: воплощение в действии – не столько поиск знания, сколько бытийное осуществление самостоятельно определённых ценностей. Грань, конечно, не абсолютная. Ты тоже познавал заводскую жизнь, тестируя её своими ценностями, своим образом жизни. Но продуктом всё же было знание. Хотя, с другой стороны, поскольку жил (и живёшь) по велениям мудрости, к социологии дело не сводится...

Вообще профессия как образ жизни – путь к её, жизни, счастливой цельности. В отличие от расщепляющей, засасывающей в отчуждение профессии как средства для прочей жизни. Это особенно наглядно там, где профессия внешне близка к образу жизни, но по личностному своему смыслу является гипертрофированным средством. Такова армейская жизнь с её акцентом на иерархическое честолюбие (чего стоит отдание *чести* старшему по званию и его снисходительный ответ), на награды и прочие побрякушки.

Армейские впечатления Ильина вызвали и в моей памяти картины иррациональности, превосходящей виденное на гражданке. Иррациональности, заданной прежде всего структурно, организационно. Вызванной не столько «человеческим материалом» (хотя и им тоже, но это вторично), сколько жёсткой ролевой вертикалью, которая «не место для дискуссий». Сверх того, если армия известного нам образца не воюет, а только готовится воевать, вертикаль разворачивается условностью подлежащих решению задач. Когда мы с Пашей Лебедевым исследовали «систему городского управления», я наблюдал будни начальников гор- и райисполкомов от Новгорода до Барнаула. Эти начальники чаще, чем армейские, были лучше своих ролей: нарушали нелепые ролевые предписания, чтобы решить реальную управленческую задачу (что не исключало, конечно, нарушений-злоупотреблений). В армии же в мирное время, когда в войну играют (учения), ситуация принципиально иная. Раз воюют не по правде, то и руководят понарошку, превращая службу с приданным ей «образом жизни» в строительство декораций для отчётности. Флёр условности с «поля боя» распространяется и на тыл, где задачи уже не условные (та же кормёжка), и на подготовку офицеров запаса...

Три года мы, пермские студии, вели артиллерийскую пристрелку в аудитории. Лихо палили в тетрадах. Формулы знали, как таблицу умножения. Пышноусый полковник Воскресенский, старый, ещё из царских прапорщиков, служака, явно чувствуя себя Суворовым перед строем детушек-солдат, с наслаждением, как бы резвяся и играя зычным командирским голосом, выпевал вводные данные, и детушки пускались в чернильные расчёты. Но вот дело дошло до реальной стрельбы – на полигоне в Челябинской области, у незабвенного озера Чебаркуль. В первый и, в соответствии с планом подготовки, последний раз! На сборах перед присвоением звания младшего лейтенанта (мне больше нравилось – подлейтенанта) каждый соискатель должен был выполнить – с первой попытки! – зачётную стрельбу. От её исхода зависело, будет ли звание. А от звания зависело, будет ли гражданский диплом. Суворова нашего по старости на сборы не послали. Послали двух кафедральных подполковников, помоложе и без манер времён очаковских.

И вот группа, в полевых условиях взвод, на реальном НП (наблюдательном пункте), расположенном на реальной высоте. Перед нами реальное поле с реальными сооружениями, имитирующими цели. За нами, в двух километрах, реальные орудия – ОП (огневая позиция). Связь с батареей проводная. Будущий подлейтенант Кетегат рассчитывает угловое направление, прицел, заряд... Огонь! Теперь по рискам на окулярах бинокля он должен измерить отклонение разрыва от цели, рассчитать и передать на ОП поправки. Но тщетно сверлит он окуляры орлиным глазом: нет разрыва. А звук выстрела был. В ясный солнечный день цель вдруг наглухо закрыл туман. Время идёт, соискатель звания безмолствует. «Наблюдение?» – взрывается подполковник Кушук. «Не заметил, товарищ подполковник». – «Как не заметил? Он перед тобой, как в кино!» Кетегат опускает бинокль, видит оседающий разрыв и понимает: с непривычки и перепугу надышал на окуляры. Лихорадочно протирает их, но поздно, разрыв уже осел.

«Отстраняю от стрельбы!» Скор Кушук на расправу. Прощайте погоны. И ты, вожделенный филологический диплом. «Малинский! – входит в раж Кушук. – Что за прогулки по НП?» – «Виноват, товарищ подполковник, закурить... – Лёня Малинский, дёрнувшийся было к соседу за щепоткой махры, замирает на полусогнутых. – Нерв унять». – «Вот тебе шас противник нерв уймёт! Так уймёт, что курево больше не понадобится! Меняем НП. Этот демаскирован... А ну, друзья малахольные, смотать связь с ОП!» Что мы с Лёней друзья – это правда. А что малахольные... Впрочем, в армии ведь сверху видно всё. Пока мы обвешиваемся катушками, Лёня готовится к новой встрече с противником: «Товарищ подполковник, а вдруг вражеский снайпер нас засечёт. Тогда как, залечь можно?» – «На губе ляжешь, после сборов. – Как ни взвинчен Кушук, а Лёнину подначку уловил. – А сейчас – одна нога здесь, другая на ОП. Бегом, мать вашу! Чтобы пот с яиц!»

На губе Лёня сидел вместе с Андрюшей Красновым, самым тихим и самым старательным из будущих младших лейтенантов. На занятиях по тактике Андрюша так старался, что потерял в лесу карту-двухвёрстку. Естественно, секретную. Обороноспособность страны оказалась под угрозой. Весь вечер и следующий день взвод прочёсывал лес. Карту нашли. А героя нашла награда – трое суток отсидки после дембеля остальных.

Для начальства игра в военную тайну была важнее обучения ремеслу. За тайну с него спрашивали куда строже. Когда через несколько лет я был переведён в политсостав и проходил сборы на дивизионных учениях в должности ответсекретаря газетки, предписано было забивать газетную площадь примерами образцовых действий солдат и сержантов, но без описания самих действий. Показывать примеры, ничего не показывая. Чтоб не обнаружить род войск и вооружение. И боже упаси – дислокацию!

Был у нас на студенческих сборах и свой вариант «пеше по-машинному»¹⁵³. Обучались на орудиях калибра не мелкого, в основном на 122-миллиметровой гаубице. Штука тяжёлая, к ней тягач положен. Нас же заставляли при смене ОП катать эту бухалку вручную. Расчёт из семи человек берётся за станины – и по кочкам, по долинам и по взгорьям. С думой о том, как бы не оступиться, не уронить станину – себе и остальным на ноги. Этим наше знакомство с действиями на огневой позиции и ограничилось, стрелять не довелось.

Итак: к моменту аттестации на должность «командира взвода артиллерии» (запись в военном билете) этот самый командир на полигоне, то есть в ситуации реальной, а не условной (аудиторной) стрельбы, выступал в роли тягача, один раз в роли офицера-корректировщика и ни разу – в составе (солдатско-сержантском) орудийного расчёта, ведущего стрельбу. Лучше всего он освоил функции часового, поскольку в этой роли выступал регулярно, охраняя разнообразные склады, из которых, однако, то и дело что-нибудь пропадало.

А пристрелочный зачёт я всё же получил. Через день, чтобы не портить картину успеваемости вверенного контингента, другой подполковник принял его у меня на стрелковом полигоне. Там была учебная система имитации артиллерийской пристрелки с помощью винтовки. Пули дешевле снарядов, так что артзачёт по-чебаркульски удовлетворил всех – подполковника, меня и государство. Как зачёт по плаванию по-архангельски (на суше) удовлетворил отцов-командиров у Ильина.

---

¹⁵³ В. Ильин вспоминает, как в студенческую пору на военных сборах «понял смысл загадочного выражения “пеше по-машинному”. Это означало, что в условиях отсутствия топлива (и я видел ручейки, куда оно утекало, питая нарождающийся теневой капитализм) каждое отделение, напрягая фантазию, представляло себя пассажирами боевой машины пехоты и топало по болотам на штурм укреплений противника».

И что касается голодухи на сборах – как будто мы с Ильиным были однополчанами¹⁵⁴. Подгорелая пшённая каша комом без признаков масла, но почему-то с приложением в виде селёдки-вырви глаз. И т.п. Публика почище воротила нос и несла в ларёк родительские рубли. Мы с закадычным моим Лёней принадлежали к безрублёвой массе и испытывали к рублёвым чувство глубокой благодарности, трудясь у рассчитанной на десятих кастрюли за себя и за того парня.

Впрочем, нет, один рубль у нас всё же был. Время от времени мы благоговейно извлекали его из томика Виктора Некрасова и, налюбовавшись своей стойкостью, возвращали в окопы Сталинграда, где, как мы понимали, было ещё труднее, чем на берегах Чебаркуля. И лишь когда напомнил о себе мой гастрит, Лёня сказал: «Всё! С таким харчем в войну не играют. С таким харчем войны проигрывают». И мы прокутили наш рубль, обратив его в булку за 70 коп., горсть конфет-подушечек на 30 коп. и воспоминания, годы спустя вдохновившие моих весёлых сотрудниц (дело было 23 февраля) на шарж: «Мечта пожрать была когда-то / Мечтой солдата Кетегата. / Его звездой наградили, / Но аппетит не укротили». Имелась в виду звезда, всё-таки упавшая на погоны странного артиллериста.

***

В какой мере профессионализация образа жизни социолога отсылает к Райту Милсу? Для которого работа – это и есть образ жизни социолога; если это не «клерковский социолог», он «не отделяет своей работы от своей жизни». В какой мере понимание Ильиным предмета социологии¹⁵⁵ отсылает к толкованию Ортегой-и-Гассетом предмета философии? Который «не может быть задан, его можно сущностно определить как “искомый”, бесконечно искомый» (эссе «Почему мы вновь пришли к философии?»).

В какой мере Алексеев и Ильин подобны любителю уличных зрелищ, «зеваке» (filotheamones), каковым, по Платону, является учёный и философ (там же)?

Интересные вопросы с вызыванием духов возникают при чтении таких текстов. Потому что вы попали, Андрей, в хорошую компанию – тех, кто «отважился жить» (Торо). Кто преодолевает заблуждения «интеллектуализма, обособившего созерцание от деятельности», и «волюнтаризма, который сбросил со счётов созерцание и обожествил деятельность как таковую» (Ортега. «Человек и люди»).

Так с датой тебя, Андрей! С мало кому доступной отвагой жить. Анри

P. S. Во всё, с чем сталкивается Ильин, он запускает социологический шуп. Не возникает ли тут опасность превращения живой природы в гербарий? Собиратель которого с упоением рассматривает бабочку, наколотую на булавку. То есть опасность подмены непосредственного переживания исследовательским азартом. Похоже, однако, Ильину удаётся избежать этой опасности: слишком велик заряд витальной энергии.

Июль 2010

(Кетегат А. Диск. СПб.: Норма, 2011)

= Из книги А. Кетегата «Диск» (2011)

ГРАФОТЕРАПИЯ

Рванула внезапная мина

---

¹⁵⁴ В. Ильин: «Военные лагеря стали самым голодным периодом в моей жизни, в т.ч. и в студенческой. И ежедневные наблюдения старшины, который что-то увозил ящиками и мешками с кухни, позволяли мне объяснить, почему в “каше с мясом” даже лучшие стрелки не могли обнаружить мяса».

¹⁵⁵ В. Ильин: «Социология может быть столь же многообразной, как и жизни занимающихся ею людей. В силу этого я скептически отношусь к рассуждениям о том, что из себя представляет предмет социологии <...> Предмет социологии определяется в процессе проведения социологического исследования».

На поле, где всё заросло.
Седая и сохлая глина
Плеснула кровавым суслом.
И вспучилась память словами,
Разившими в нюх и под дых.
И образами – не образами
Опять я спасаюсь от них.
Пером – нет, не вечным – сшиваю
Открывшейся раны края.
И дикую боль приручаю,
Бумажного глядя коня.
6 августа 2006

(6)

= Из публикаций А. Кетегата на портале «Когита. ру» (2012)

В гостях у дочери и другие заметки ¹⁵⁶

Автор книги автобиографической прозы «Диск», а также один из корреспондентов и авторов нашего портала Анри Абрамович Кетегат прислал нам свои новые эссе. Знакомство с ними, как обычно, доставляет радость публикатору, и, думаю, обрадует и читателя. - А. А.

*См. ранее на Когита.ру:
[Презентация книги Анри Кетегата](#)
[«Диск» Анри Кетегата»](#)
[Анри Кетегат. Вечерняя сказка](#)*

См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: [Анри Кетегат. Диск](#)

ИЗ ДНЕВНИКА НАБЛЮДЕНИЙ

Январь 2012, Вильнюс

О политической девственности

Давняя вильнюсская знакомая, семидесятилетняя русская женщина, узнав, что я опять собрался в Питер, попросила привезти сервилат. «Литовский сервилат невкусный», – сказала она. Я вспомнил об этом заказе уже на обратном пути. Пришлось купить в Вильнюсе невкусный литовский сервилат, сорвать наклейку с опознавательными знаками и вручить его заказчице, назвав питерским. Сервилат был принят как весть с родины и оказался очень вкусным, «не то что здешний».

Уроженка и гражданка Литвы, моя знакомая свободно говорит по-литовски, в России провела лишь студенческие годы. Поскольку, однако, родной язык русский, Россия – родина. В которую она верит, но вопреки предостережению классика хочет ещё и понять. «Я хочу понять, что происходит в России, куда она идёт».

Она знает, что в России много худого, прежде всего коррупция, не одобряет Путина. Как не одобряла Брежнева, вращаясь в среде, где о совласти, если упоминали, то

---

¹⁵⁶ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/anri-ketegat.-iz-dnevnika.-v-gostyah-u-docheri-i-dругie-zametki/>

Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил

с брезгливой гримасой. При этом всегда была уверена и уверена сейчас, что Россия лучше Литвы. Не родная речь лучше (ближе) неродной. Нет, речь о странах.

Вполне по-матерински настроена и дочь моей знакомой, смышлённая пятидесятилетняя женщина, как и мать, с удовольствием читающая российские литературные журналы, к которым по роду работы имеет доступ. Она тоже хочет понять. Например, почему именно в минувшем декабре по России покати́лась волна протестных митингов. «Молчали, молчали – и вдруг... Что случилось, что подтолкнуло?» Моё сообщение, что в декабре (2011 года. – Ред.) в России прошли думские выборы, которые власти фальсифицировали с беспримерной наглостью, для них, матери и дочери, новость. Для дочери новость Беслан («Что это?»), для матери – Кущёвка («Нет, не слышала»).

Они хотят понять страну, не зная, чем страна живёт. Между тем в доме компьютер, и обе владеют навыками, позволяющими гулять в интернете. Но не гуляют. Не слушают радио «Свобода» и «Эхо Москвы». Посматривают – не слишком внимательно – канал RTVi и недоумевают: как же это в России нет свободы слова, когда по RTVi такое говорят про Путина?! Моё сообщение, что это канал, во-первых, не российский и, во-вторых, мало кому в России доступный, что массовое информационное (пропагандистское) окормление паствы осуществляют другие, государственные или подневольные, каналы, – для них открытие. И много ещё открытий чудных явил я в этот вечер моим пытливым собеседницам. Не потому, что привёз с родины ворох впечатлений, а потому, что не так ленив, как они. Чтобы сделать эти «открытия», не обязательно пересекать государственную границу. Нужны лишь кое-какие познавательные усилия, вполне доступные «соотечественникам за рубежом».

Понять – не стремясь узнать... Не знать, когда до знания – несколько кликов на компьютере. И при этом «только верить», что Россия лучше Литвы и живётся в ней лучше. А ведь речь о людях не с полусредним образованием. Вроде как с высшим. Увы, оно не гарантирует остроты зрения, смотреть ли издали или в упор.

Я живу рядом с вильнюсской телебашней, на углу улиц, носящих имена юноши и девушки, погибших в страшную январскую ночь 91-го года. Бывший одноклассник, русский, полжизни проживший (и живущий) в Вильнюсе, при встрече объясняет мне, что «литовцы тогда подбросили трупы, из деревень привезли, врачи же рассказывали». В школе он всегда добросовестно готовил домашние задания, не покидая пределов заданного, и стал единственным в классе золотым медалистом. Теперь с готовностью подставляет уши под заплесневевшую русскопатриотическую лапшу. Из гостей программы «Особое мнение» на «Эхе Москвы», которую он смотрит по RTVi, предпочитает Проханова. Самостоятельный поиск и анализ информации в школе ему не задавали. Нет этого и теперь, жизнь спустя, хотя старик, в прошлом военный инженер, освоил компьютер. Зачем освоил? Ну, например, чтобы разговаривать со мной по скайпу.

Я говорю о людях, политическая девственность которых тем огорчительнее для меня, что это люди, к которым я расположен. Хорошие люди.

При наездах в Питер я встречаюсь с симпатичнейшей семьёй, когда-то соседской. Третью века нашей дружбы семья радостно прирастала детьми и внуками, но незадолго до моего последнего приезда потеряла отца и деда. Поминая его светлую (не ритуально, а воистину светлую) память, я печалился вместе с вдовой, детьми и внуками. И вдруг вдова, родом из Калининградской области, огорошила: литовцы русских не любят, а за что? Ведь с приходом русских «как раньше жили, так и жили себе дальше, никто их не трогал, не сгонял». И это тоже сказано не тётёй Маней из овощного ларька, а человеком в общем развитым и умным. Но развитость «в общем» может диковинным образом сочетаться с исторической девственностью сознания в частном. Моя собеседница не знала о сталинских депортациях населения «освобождённых» прибалтийских стран. Это не входило в сферу её профессиональных (производственно-технических) интересов и обязанностей, а по телевизору ни о чём таком давно в России песнь не заводят, там другие сказки говорят.

Развращение девственностью – не главное, но и не второстепенное преступление путиноидов перед страной.

Как и девственность от лени – отнюдь не достоинство её обитателей или наблюдателей (вполглаза) из иных пределов. Особенно когда речь о людях с поистине высшим образованием, изысканных гуманитариях. В 2007 году, в эпоху уже развитого путинизма, очень близкий мне израильтянин, в прошлом россиянин, сказал: «Путин строит сильную Россию».

В Литве друг, к ушам которого, настроенным на музыку сфер, пропагандистская лапша не осмелится даже приблизиться, по поводу декабрьских митингов в России пожал плечами: «Да что они прицепились к этому Путину? Уйдёт Путин – придёт такой же». Мысль моего друга парит в вечном, и ему лень (или запахло) нагнуться к временному: политика – тщета земная. Он может прочесть (и читает) курс лекций хоть по восточной, хоть по западной философии, но, услышав о Сергее Магнитском, спросил: «Кто это?» Так презрение к Путину и «таким же» оборачивается равнодушием к их жертвам. Равнодушием незнания. Есть и такой вариант девственности.

Февраль 2012, Петербург

О голосах и голосовых связках

Уйдёт этот – придёт такой же? Но у Шварца «его превосходительство президент вольного города» занял место дракона потому, что тот был побеждён пришлым героем Ланселотом. А на площади российских городов вышли нынче горожане, которые готовы сами сразиться с драконом.

Ещё в ноябре, за месяц до подъёма протестной волны, я записал две сценки из питерской жизни.

В поликлинике бойкая уборщица шустрит по коридору, заглядывает в кабинеты:

– Вы не брали мой мусорный мешок?

Никто не брал её мусорный мешок. А мешка нет.

– Вы подумайте, мешок мусорный украли! Всё крадут. В такой стране живём.

Спустя полчаса вхожу в метро. У кассы огорчённая женщина убирает в сумку бумагу, которую ей вернула кассирша (похоже, неправильно оформленное право на льготу). Вдогонку летят кассиршины слова:

– Вы что, не знаете, в какой стране живём?

– Ну и в какой стране мы живём? – спрашиваю я у соискательницы льготы, которая оказалась рядом со мной на эскалаторе. – Вам объяснили?

– В стране, где всё шиворот-навыворот, – вздыхает отвергнутая просительница.

Все знают, в какой стране живут. И вздыхают, вместо того чтобы сделать её другой.

Через месяц городской пейзаж изменился, и я сделал приписку:

Кажется, появились люди, готовые сделать Россию другой.

При советах горожане вяло «отдавали голоса» за кого скажут – нате, не жалко. Потом страна вышла из дрёмы, и соискателям голосов пришлось заискивать перед избирателями. Спустя недолгий срок вновь впавшие в сомнамбулическое состояние горожане стали складывать свои голоса к ногам нового дракона. И вот в полосатой истории России обозначилась новая волна пробуждения. Какой вышины? Какой ширины? Надолго ль?

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошёл кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть...

Может быть? Если б Александр Сергеевич не сжёг десятую главу «Евгения Онегина», нам бы сейчас чуть сподручней было б мечтать.

Иные «трезвые» аналитики предостерегают: не каждому по силам выбирать. Дескать, прежде чем предоставить человеку право голоса, надо оценить его голосовые связки. Оно конечно, надо бы. Но нельзя. Никак нельзя. Потому что: 1) кто будет оценивать, тот и станет драконом, 2) без права (пробы) голоса человек так и останется безголосым, способным в лучшем случае на подачу челобитных. А из бьющих челом можно сделать что угодно. Из них нельзя только сделать сообщество, из которого нельзя сделать что угодно.

Февраль 2013, Мальмё – Гётеборг – Вильнюс

Имя и фамилия

Было воскресенье, и улицы безлюдны, как в первом сне профессора из «Земляничной поляны» Бергмана. То ли граждане шведского города Мальмё (не здесь ли он и снимал?) в выходной день единодушно предпочли улицам красно-коричневые стены своих домов, накрытых светло-зелёными крышами (нет, не здесь: в том сне ведь дома белые), то ли накануне здесь прошла массовая распродажа шапок-невидимок. Безмолвие пустынных улиц иногда нарушалось лёгкими шлепками кроссовок по асфальту. В кроссовках те, кому не хватило шапок-невидимок, удовлетворившись вязаными спортивными шапочками, предусмотрительно убегали от инфаркта и прочих тайных врагов, ждавших своего часа в окрестностях их жизненно важных органов. Чем ближе к проливу Каттегат, разделяющему Швецию и Данию, тем чаще попадались обитатели шведского берега, выбегавшие из домов за здоровьем, а когда открылась водная гладь, стало видно, как изящно скользит по ней аполлонообразный юноша, избравший другой, водный путь к здоровью – стоя на доске и гребя одним веслом. Спорт, что ли, такой появился – плод скрещенья гребного и сёрфинга?

Недвижная серая вода под серым февральским небом. Вот он, значит, каков, пролив-однофамилец. Однофамилец или тёзка – это уж с какой стороны посмотреть. Ведь то (почти то), что у меня фамилия, у него имя.

– Ну вот вы и встретились, – сказала дочка Саша, знавшая о моей давней географической мечте и специально включившая это свидание в программу моего гостевания у неё, теперь шведской студентки.

Мне Саша дочь, а неведомому предку, память о котором привела нас сюда, стало быть, прапраправнучка. Мы знаем лишь то, что он променял пролив Каттегат на Рижский залив, где дал начало череде потомков с разнообразными (скорей всего от канцелярской небрежности) вариантами его фамилии. И было это лет двести назад, коль скоро мой дед Карл родился в Латвии в 1884 году, а он тому мигранту – из Дании, по его словам, переданным мне мамой, – приходился внуком.

Родился Карл 22 июня, день в день (если пренебречь переходом с юлианского календаря на григорианский) за пятьдесят семь лет до начала войны, сгубившей его в одном из филиалов концлагеря Маутхаузен. Филиалу Гузен в эсэсовской классификации способов массового убийства была присвоена третья категория, самая тяжёлая: «уничтожение посредством труда». Гильотиной замедленного действия в Гузене служила гранитная каменоломня. Когда 5 мая 1945 года здесь появились американские танки, среди спасённых уже не было Карла Каттегата (так выглядит его фамилия в лагерных документах, копии которых мне удалось получить). Его «уничтожение посредством труда» завершилось *am 4. November 1944 um 11 Uhr 20 Minuten*. Да здравствует *nazistische Ordnung*! Индустрия смерти требовала тщательной фиксации момента превращения сырья (живого человека) в конечный продукт (труп). Социализм есть контроль и учёт – что ленинский, что гитлеровский...

И вот почти семьдесят лет спустя мы, внук и правнучка человека, умученного нацистами на австрийской земле, стоим на шведском берегу пролива и вглядываемся в едва различимый на горизонте датский берег, на котором некогда обитал наш ещё более дальний предок.

Какая нужда погнала его на восток, какая грёза поманила? Карл был печник и трубочист, стало быть, его дед-датчанин не слишком преуспел вдали от пролива-однофамильца. Когда, кстати, образовалась эта перекличка антропонима и топонима? Причаливая к берегу Рижского залива, датчанин уже носил нашу фамилию? Или приобрёл её уже на чужбине, где имя земли исхода (верней, воды) стало сначала его прозвищем, а потом фамилией – как это происходило обычно у всякого первопоименованного Волгина или Белозерцева, Онегина или Печорина? Род был плебейский, в анналы истории не вписан, и потомку остаётся лишь горячить воображение, чтобы смутный контур на генеалогическом горизонте обрёл хоть какие-то черты живого лица. Баратынский «негромким голосом» запечатлел своё «кому-нибудь любезное» бытие и предположил: «...И как нашёл я друга в поколеньи, / Читателя найду в потомстве я». А безгласному предку как найти потомка? Где потомку искать отпечатки незапечатлённого бытия? Сколько ни стой у пролива, в этом водяном знаке, единственном не унесённым рекой времени, много ль разглядишь...

Слева, далеко на юге, в облаках вдруг образовался просвет и из него, словно декорация из колосника, спустилось ярко-жёлтое свечение. Серая, как мировое безмолвие, вода вдруг заискрилась, расцветилась, меж берегами проступила янтарная тропа – пятнадцатикилометровый мост.

– К датчанам как-нибудь в другой раз, – угадала моё желание Саша. – Ещё ведь приедешь?

Приеду, наверно. Ведь Саше ещё полтора года учиться в Швеции, и мне, бог даст, ещё доведётся побывать на концерте симфонического оркестра Гётеборгского университета, как это было вчера. Приглашённый дирижёр из Тайваня не покладая пластичных рук отправлял в полёт звуковые волны, изобретённые Дебюсси и Делибом, Гайдном и Стравинским, ему, как капельмейстеру из «Счастливого жребия» Окуджавы, хотелось на этих волнах взлететь, а я не знал, от чего больше млею – от волн или от выпавшего мне счастливого жребия видеть и слышать, как послушный руке моей дочери скрипичный смычок участвует в производстве такой красоты.

По моим наблюдениям, совпавшим с Сашиними, швед производит полтора слова в сутки, и обратный путь в Гётеборг мы проделали бы в таком же безмолвном, хоть и не безлюдном, автобусе, какими предстали перед нами улицы Мальмё, если бы не молодая, симпатичная арабка, сидевшая за нами. Собственно, что это арабка, обнаружилось, когда она достала мобильный телефон. По внешнему виду её этническую принадлежность уверенно определить было нельзя. В крашеной блондинке, упакованной в джинсы с нарочитыми дырами, расположенными, пожалуй, слишком высоко, затруднительно было опознать женщину востока. Но вот она заговорила: «Ахмад!.....» Имя собеседника осталось единственным словом, которое мы смогли различить в обрушившемся на наши затылки трёхчасовом словопаде, но по тональности разговора было ясно, что это не деловое обсуждение, не перебранка и не поток нежных чувств – просто трёп. Дорожная песня, так сказать. Или однозвучный колокольчик. Иногда колокольчик как бы спохватывался, приглушал звук, но вскоре опять впадал в безудержный звон ни о чём. Покинуть зону слышимости я не мог и своё бессилие компенсировал проектами страшной мести. Самым страшным было присвоение собеседнице Ахмада порядкового номера 1001 в его гареме, что обрекало её на вечное ожидание. Отмщённый, я обернулся. Не отнимая уха от Ахмада, арабка, не ведавшая, какое будущее я ей уготовил, доверчиво улыбнулась. Как янтарный мост над проливом, внезапно выхваченный солнцем из серой мглы, взлетела эта улыбка над моим раздражением, и я укоротил гаремную очередь на тысячу номеров сразу.

Догадливый колокольчик умолк (как вскоре выяснилось, ненадолго), автобус в тишине продолжил движение вдоль пролива Каттегат, а моё воображение вернулось на побережье Рижского залива. Если Карл был трубочист, не унаследовал ли он эту профессию от деда-датчанина – через отца, надо полагать? Ведь Дания родина этого

ремесла, там его организацией утруждали себя даже короли. Тем забавней при таком, так сказать, генетическом багаже мой детский страх перед трубочистами. Я вспоминаю хмурого старика, лежащего на соседней койке в предвоенной московской больнице: он грозит отдать меня, четырёхлетнего егозу, трубочисту, если не перестану егозить. А в детском саду воспитательница грозилась отдать старьевщику, чей требовательный зов «Старьё-ё-ё берё-ё-ём» часто оглашал в ту пору московские дворы. Обещанные в наказание, трубочист и старьевщик были, естественно, злодеи. Раззлодеить их могла бы мама, но я не открылся ей и продолжал бояться. Много позже ей в руки и, стало быть, мне на глаза попала фотография: дед Карл с напарником, оба в чёрных котелках и в роскошных усах над белозубыми улыбками, идут по рижской улице этакими гвардейцами – в ногу, с длинными щётками, взятыми на плечо, как ружья.

Эх, дороги! Пыль (воображения) да туман (памяти) – глядишь, и приехали.

Приехали к приютившему нас в Гётеборге дому с беззвучным и задумчивым лифтом (можно выпасться по дороге на девятый этаж) и с видом из окна на скверик, где северный ветер, сластолюбиво подвивая, ласкает бронзовые стати южной женщины Венеры (вроде как). Через дорогу безымянный столп из булыжников стремится, но не может упасть. Сложенный с явным и намеренным отклонением от вертикали, этот булыжный брат Пизанской башни кажется то остроумной аллюзией к воззванию Ницше «Падающего толкни!», то героическим вызовом закону всемирного тяготения: кто нашёл центр тяжести *своей* жизни, перетяготит и всемирный закон, то воплощением подслушанного у русских: «Гнётся, да не ломится».

Мне нравится, что этот дерзкий и открытый разнотолкам знак стоит под Сашиным окном, нравится, что неясность его значения побуждает смотрящего вчитывать в него собственный смысл. Полезная вещь для юноши, обдумывающего житьё, тем более – приученного читать по нотам.

Кстати, о нотах. На репетиции струнного квартета три хрупких грации – Надя (Россия), Саша (Литва), Йоханна (Австрия) – и атлетически сложенный Себастиан (Англия), готовясь к концерту, читали и читали Гайдна, Генделя, Моцарта, а я, способный лишь чтить ноты, но не читать, внимал с почтительностью дикаря, приглашённого на мессу в костёл. «Хочешь пойти со мной?», – спросила дочь, уходя на репетицию, и я вспомнил, как случалось брать потомков на работу, если не с кем было оставить, и как они робели, попадая во взрослую жизнь. Пришла моя очередь робеть.

И любоваться дочкиной работой. На репетиции ли, на уроке ли, который она давала шестилетней своей питомице по имени Аннемария (именно так: не двойное имя, а однословное). Продукт совместного русско-финского производства, Аннемария с матерью говорит по-русски, с отцом по-фински, со сверстниками пытается говорить по-шведски, а до того довелось по-датски и ещё не помню по-каковски. Семья, несмотря на явную склонность всех её членов к лишнему весу, легка на ногу, и однажды ребёнок взмолился: «Мама, а есть страна, в которой все говорят по-русски?» Учительница Александра говорит по-русски, но уставшей от разнообразия стран и языков ученице мила, кажется, не только этим. Вот Аннемария, уверенно избежав от *до* к *си*, растерянно замирает, не зная, как спуститься по тем же ступенькам обратно, от *си* к *до*, учительница ступенчатым движением руки вверх и вниз переводит гамму на язык пространства – и обратный путь, наглядно дробясь на этапы, покоряется ученице. А вот они с видимой взаиморасположенностью делают очередной шажок неловкими ещё пальчиками к покорению струн и смычка...

– Хорошая девочка, – говорит Саша дома, угощая меня гречневой кашей, вкусной тем более, что сварена она из крупы, купленной в русском магазине «Babushka International». – У неё получается, и надо, чтобы она это знала. И чтоб родители знали. Чтоб не думали, что купили дочке куклу в виде скрипки: пусть-де поиграет немного, позабавится.

Аннемария одолела обратный путь от *си* к *до*, а я отправился в свой обратный путь. Прощание с проливом-тёзкой не стало ещё одной попыткой разглядеть на том берегу далёкого предка. Это у Мальмё пролив узок, а у Гётеборга – ширь неоглядная, да и не стал я её оглядывать: город находится в устье реки, впадающей в пролив, так что до большой воды ещё кой-какой водный путь.

Меня ждал путь воздушный. Он пролегал сквозь языковое разнообразие, доступное мне ещё меньше, чем Аннемарии. В аэропорту Гётеборга меня вела за руку дочь. При пересадке в аэропорту Франкфурта пришлось опираться на собственные силы. Тщетно высматривал я на табло свой рейс. Нету! Неподальку прогуливался служитель аэропорта. На безошибочно считанное с моей физиономии недоумение он среагировал как на кнопку вызова (похоже, это и есть его служебная функция). С помощью дюжины известных мне немецких слов, нанизанных на указательный палец, я открыл ему свою встревоженную душу. И услышал: «Вы, наверно, и по-русски говорите?» Из этих пяти слов больше всего меня обрадовало «и»: оказывается, я говорю по-немецки! Да так, что тренированный немец даже кое-что поймёт – к примеру, какой язык мне родной.

Развеселясь, я и в самолёте продолжил игру в *deutsche Sprache*. Стюардессе-литовке заказал *Wein und Tee*. Получив заказанное, изящно изогнулся: *Danke schon*. И благоразумно остановился: вдруг её запас немецких слов превосходит мой и продолжение игры приведёт к моему разоблачению. Стюардесса лучезарно улыбнулась, и я понял, что, согласившись выпить вино и чай, оказал авиакомпании высокую честь. Тележка, гружённая напитками и улыбками, поехала дальше. Дальше сидели или, царапая макушками потолок, стояли баскетболисты каунасского «Жальгириса». Им были вручены улыбки не конвейерного производства, а индивидуализированные радостью узнавания. Чёрная туча зависти появилась на горизонте, но ненадолго. Во-первых, подумал я, сам виноват, что не вырос большой. А во-вторых, хоть улыбка, адресованная тебе, и сошла с конвейера, хоть она по сути элемент форменной одежды, разве худо было бы оснастить этим элементом любую форму, не обходя и nudистов, чья форменная одежда – нагота?

Какие только мысли не журчат в голове праздного человека, постоявшего у воды, чьё имя стало его фамилией.

И тут, в конце, надо вернуться к началу. Уже дома, бродя по интернету, я обнаружил, что имя это носит лишь та вода, с которой я прощался в Гётеборге, а вода, с которой здоровался в Мальмё, – пролив Эрессун (или Зунд). Оплочали мы с дочкой, обозначились. На карте, на которую мы, отправляясь в Мальмё, бросили беглый взгляд, этот Эрессун, короткая и узкая перемычка между Каттегатом и Балтийским морем, оставлен без имени (места для букв не нашлось), и мы приняли его за часть Каттегата.

Тогда вопрос: что ж ты, паломник хренов, повествуя о Мальмё и уже зная, что здесь другой пролив, разводил туры на колёсах про тёзку? Ответ: я ведь не про варяжские воды повествовал, а про свою ориентацию в них, нагруженную историческими реминисценциями. Такая в Мальмё вышла ориентация. С промашкой, но реминисценциям не в ущерб. И вообще: все проливы впадают в реку времени, и, стоя на берегах двух проливов, я плавал именно в ней.

***

Одновременно с присылкой этих заметок Анри Кетегат откликнулся на только что опубликованную в нашей колонке статью [«Сталин - в массовом сознании. По поводу последнего опроса ВЦИОМ»](#). Мне показалось уместным добавить его к публикации:

«...Что ж до «испорченного термометра» (речь идет об усматриваемой мною дефектности методики, используемой ВЦИОМом. – А. А.), которым пользуется ВЦИОМ... Мне кажется, среди его дефектов – и сугубо ретроспективная диспозиция. Если бы в анкете присутствовали – в качестве контрольных – проспективные и прожективные вопросы, картина могла бы оказаться иной, не столь удручающей. Одно дело Сталин в

музее восковых фигур (чтоб гордиться), другое – живьём в Кремле (чтоб бояться). Одно дело – лес рубИЛИ и щепки летЕЛИ (такое, понимаешь, время было), другое – пусть опять рубят и опять летят, меня-то на щепки, бог даст, не изведут. А если бог не даст? И у иного засталинца рука сама потянется к неотмытому от сталинщины затылку».

(7)

Глаголы...

= Из переписки (сентябрь 2013)

А. Кетегат – А. Алексееву

Дорогой Андрей!

Вспомнилась мне давняя твоя заметка (статья?) о соотношении преемственности и изменчивости, стал искать в "ДСиСА" (это ведь там?), не нашёл, но полистал в какой-то раз шестую главу (о жизненном пути) и подумал: а что ж это я не выслал тебе свой опус про этот самый путь? Опус изготовлен по заказу Пермского университета, который готовится к своему 100-летию (в 2016 г.). Юбилейная комиссия филфака затеяла серию сборников, каждый на 10 персон: учителя, журналисты, поэты, прозаики... Меня сочли, по единственной книжке, прозаиком.

Как бы то ни было – ещё один повод оглянуться-прослезиться, и уклоняться я не стал.

А насчёт изменчивости – помоги отыскать. Скоро увидимся. Привет Зине. Ваш Анри. (3.09.2013).

А. Алексеев – А. Кетегату

Дорогой Анри!

Моя статейка 10-летней давности про «наследственность – изменчивость» в общественном развитии, действительно, вошла в «Драматическую социологию...», куда бы Ты думал? – в Предисловие. Потому и не нашел Ты ее, что не мог предположить, что так близко лежит. Итак: ДСиСА – 1 (то есть том 1), с. 23-28. Кушай, на здоровье.

А вот твои «Глаголы...» подоспели мне – словно бы даже мистически. Дело в том, что практически поставив последнюю точку в «...из неопубликованных глав», тома 2/1 и 2/2 уже пару недель назад, я все удерживался от того, чтобы с ними «расстаться», то есть отдать вордовскую версию для конвертирования в pdf, после чего уже никакие исправления технически невозможны.

Именно в этом формате висят в интернете все 4 тома моей «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вместе с томом 1 «...из неопубликованных глав» - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>.

Ну, отодвигая час X (сам не зная почему или зачем), я иногда открывал эти свои свежеизготовленные тома и, нет-нет, а находил какую-нибудь опечатку, а то и повод добавить что-нибудь уместное из своего электронного архива. Пока еще можно...

И вот, наконец, сегодня я позвонил своему коллеге, ушедшему по компьютерной части, и получил его согласие на осуществление операции по переводу в pdf. Он так меня понял, что я тут же ему пришлю, и через полчаса даже запросил, мол, отправил ли я. Я ответил, что не удержался, чтобы еще раз не перелистать, и что отправлю ему вечером (все же нашлось еще что «подчистить»).

...А вечером пришли твои «Глаголы...». И вот только ИХ мне и не хватало, чтобы добавить в раздел 16.7 («Социолог-литератор»). И сразу моя предшествующая медлительность и отсрочка обрела ранее невнятный мне, высший смысл.

Твои «Глаголы несвершённого вида», конечно, замечательная проза, которая, даст Бог, откроет собою «Диск-2». А пока – я любовно, причем в последнюю минуту,

укладываю их в свои «неопубликованные главы», для чего, с учетом содержания этого рассказа-эссе, даже разрешения у Тебя не спрашиваю. Их, эти глаголы, там, в интернете, среди 600 страниц тома 2/1 «неопубликованных глав» «Драматической социологии...» найдет лишь тот, кто очень захочет (а такие поклонники и поклонницы у Тебя есть).

А вот согласия на публикацию этого текста на Когите придется у Тебя запросить. Вдруг твои пермяки заревнут... Но, думаю, твои читатели от такой мультипликации изданий только выиграют.

Обнимаем Тебя – Зина и я. Твой – Андр. Ал.
3.09.2013.

Анри Кетегат

ГЛАГОЛЫ НЕСВЕРШЁННОГО ВИДА

Юбилейная комиссия предложила рассказать о себе. Естественно, на фоне повода – столетия университета. Повод массивен, как пьедестал, и возник вопрос: какие-такие свершения я могу на этот пьедестал водрузить? Выяснилось, однако, что alma mater просто хочет знать, кого выкормила. Раз так, решаюсь поднести юбиляру эти глаголы несвершённого вида.

*Чего я не сделал,
я помню наверняка...*

М. Фриш. Назову себя Гантенбайн

Лет около двадцати назад я написал рассказик для маленькой дочери. Потом другой, третий... Потом стал записывать, что вообще наблюдал и изредка придумывал. Записи были адресованы конкретным и близким мне людям. Если при этом и получалась литература, то локального, семейно-дружеского назначения. Но грянул интернет, и читательский ручеек вышел из семейно-дружеских берегов. В 2000 г. я угодил в интернет-конкурс «Генёта» с двумя рассказами о детстве. Отклики, с некоторым опозданием дошедшие до меня, тогда компьютером не оснащённого, побудили написать «Рассказ о рассказе». Мне кажется уместным привести здесь извлечение из этого текста.

Оказывается, мои детские вздохи отозвались в интернете. <...>

Вот ведь как оно получается. Пишешь вроде (так тебе кажется) для близких, а представился случай до дальних дотянуться – не упустил. Не самовольно же Володя мои вздохи в интернет забросил (на конкурс, правда, не спросясь, но это не суть). Можно, конечно, нагнать туману про потребность в общении, в расширении круга... Да только откуда взяться потребности в общении с неведомыми и непредставимыми X, Y, Z? Даже предавшийся умерщвлению плоти, борясь с абстрактной потребностью в женщине, в женщине вообще, имеет всё же дело с бесом безликим, но не бесполом, то есть представимым хотя бы ниже пояса. Оно конечно – расширяющему круг охота себя испытать, цену себе узнать... Но, раз цену, это уже вроде как на продажу, это уже о-товариваться, а не общаться. Иль не так?

Кабы знать всё про себя, кабы ведать. Доподлинный, не отретушированный (бессознательно, конечно) ответ тут вряд ли возможен. Как различить обращение к дальним в видах «славы» – когда **ставлю в известность** о своих достоинствах, и в видах самопознания – когда дальние суть зеркало, в котором **предполагаю** увидеть заподозренные у себя достоинства? Как, далее, в случае зеркала избежать подмены самопознания самообольщением, если подозрения не оправдываются? Не ту «всю правду» зеркальце сказало? Так оно ж кривое, об пол его! А раненную душу, как в бинты, – в чужую мудрость: «Другому как понять тебя?», за полтора века разношенную арендаторами до того, что из неё уже выпадает содержание, изначально сокровенное.

Неисповедимы пути человечьи. Себя узнать – нормальная потребность. И нормально, удовлетворяя её, не удовлетвориться **само**мнением. Когда же речь идёт о познании себя через продукт, публичный по определению, тут мало и мнения ближних, вряд ли беспристрастных, вряд ли достаточно решительных, когда нужно жёсткость употребить.

Способ обратиться к дальним один – публикация. Я не предлагал свои тексты, но не мешал это делать друзьям. В 2011-м в Петербурге вышла книжка, первая и, возможно, последняя. Она составлена из текстов разных жанров, не мемуарных, но во многом автобиографических. Называется «Диск». Название случайное, ни к солнечному, ни к лунному диску не отсылающее. Связь с текстом – как у компакт-диска с тем, что на нём записано. «Плохое название», – сказал друг Володя. А друг Сергей, наоборот, одобрил – за неприхотливость. До того меня искушали другие варианты. Например: «Подобие былого». Вроде бы в точку: воспроизводя былое, нельзя рассчитывать больше, чем на подобие. Но это заимствование, и пришлось бы давать эпиграф: «И хочется упасть во прах, / И хочется молиться снова, / И новый мир создать в слезах, / Во всём – подобие былого». Утилизированные в качестве эпиграфа, «лирические речи» Владислава Ходасевича о «невозвратимых днях» звучали бы патетически и претенциозно (речь, разумеется, о претенциозности утилизатора, а не поэта). То же с вариантом «Убывающее эхо» (Арсений Тарковский: «И собственного плача или смеха / Я слышу убывающее эхо»). В итоге победил случай: просьба подарить *диск* с электронной версией книжки оказалась подсказкой при выборе названия для версии бумажной.

На презентации бумажной версии в петербургском «Мемориале» друг Андрей, социолог, много лет провоцировавший меня на писательство, долго перебирал мои профессии. Утомившись, он оборвал перечень и сказал: «А оказалось, он писатель. Что ни возьмётся писать, получается литература. У меня вот социология, а у него литература».

Развивать эту тему не буду: не моё дело. Дело того, кто сказал. Для меня же тут самое любопытное в слове «оказалось». Вроде как я всю жизнь не тем занимался и лишь в конце кем-то стал. Становился этим – и не стал, становился тем – и не стал... И так до поры, когда уж лета к суровой прозе клонят – и вовсе не потому клонят, что шалунью рифму гонят. А почему? Пусть объяснит пенсионер Курлыкин, герой рассказа «Досужий человек».

Пенсионер – человек досужий. Обстоятельства-обязательства, которые до того употребляли его в пищу, отступились от ставшего некондиционным продукта, и, выпав из их хищных челюстей, человек заполняет дни самовольным своим естеством, а не реакциями на обстоятельства-обязательства. Досуг – это впадина времени, в которую человек стекает, как вода под уклон. И не горе, а неукоризненная тишь на сердце от сознания того, что назначение у уклона двойное – свободное течение и преддверие истечения.

Курлыкин пришёл на вечер встречи в школу, которую окончил полвека назад. Девочка-старшеклассница регистрирует входящих: фамилия, год выпуска, профессия.

Курлыкину захотелось развеселить почтительную девочку, захотелось перепрыгнуть через разделявшие их пять десятилетий <...>

- А тебе про профессию как лучше – кратким ответом или полным?
- Полным, – неуверенно улыбнулась девочка.
- Тогда пиши:

Полуфилолог, полуслесарь.
И в философии мелькал.
Служа в газете, стан ливрейный
В полупоклоне изгибал.
Получённых книг редактор –
Полузакройщик, полушвец.
Был полувсем, и есть надежда –
Ничем я стану наконец.

Волна разудалого общности смысла из девичьих глаз осторожную почтительность.

- Вы по профессии Пушкин? – весело узнала она знакомый голос.
- Я по профессии боз – человек без определённых занятий. О чём и рассказал когда-то в эпиграмме на себя. Мотив пушкинский, слова мои. Впрочем, я не возражаю, пиши: пушкин. Только с маленькой буквы, конечно.

Курлыкин – маска автора, и в авторском измерении его ответ сообразительной девочке-регистраторше полным признать всё-таки нельзя. После философии была социология, после шести слесарных лет – почти четыре года очистки заводских гальваносток (где однажды, разбивая – без защитных очков – отбойным молотком твёрдый каустик, едва не выжег себе глаз).

Такая профмобильность – не дефект и не достоинство. Друг Сергей сначала работал в детской библиотеке. Библиотека располагалась напротив Академии наук Литвы. Однажды он перешёл улицу, стал сотрудником академического института и на этом поставил точку. От университета до пенсии – две профессии и два места работы на расстоянии тридцати метров друг от друга. Я смотрю на него не снизу, не сверху, а сбоку. Каждый выбирает по себе. Или не выбирает?

Ещё эпизод из «Досужего человека». Отсидев-отскучив торжественную часть, старики-выпускники (среди них Ляпа, математическое светило класса, талант которого, как и здоровье, угас в армии) сдвинули в бывшем своём классе столы – и...

Курлыкин хмелел и слушал, слушал и хмелел, и вот он опять, как на торжественной части, провалился в себя и, лёжа на дне себя, отдался тихому течению беспорядочных, как при настройке скрипки, звуков. Постепенно звуки стали складываться в мелодию. Вот пришёл человек туда, где был когда-то, пела скрипка. Пришёл тихим стариком туда, откуда ушёл звонким отроком. Отчего ж был звонок, а теперь тих? Оттого ль, что уходил под парусами на ловлю золотой рыбки, а обратно приплыл в разбитом корыте? В случае математического гения Ляпы, наверно, так. Но всецело ли так даже у Ляпы? Навряд. Тем более у меня, когда ни отроческой гениальности, ни травмы несвершения. Несвершения чего? Ничего такого не припомню. Помню пробы себя, в разных ролях, выбранных по склонности или по обстоятельствам, более или менее принудительным. Проваленных ролей не было. Менялись же они, когда менялись обстоятельства или когда менялся сам. Так что дело простое, старче: тогда, в звонкую пору, всё было завтра, а теперь всё вчера. Завтра манило и пугало, сердце отрока звенело в стремлении и ожидании. Вчера, поскольку к нему стремиться не надо, довольствуется ностальгическим вздохом. А вздох дело негромкое.

Когда менялись обстоятельства или когда менялся сам...

Именно потому, что изменился сам, я ушёл из первой профессии – журналистики. «Оставя мысли, принялся я за повести...», – пишет у Пушкина историк села Горюхина. У меня получилось наоборот, но с тем же исходом. Горюхинец, оставя мысли, не завершил свои повести. Я, оставя газетные повести, не завершил свои мысли – диссертацию на философском факультете Ленинградского университета. Пришлось довольствоваться титулом, присвоенным не учёным советом, а остроумным коллегой: кетегат философских наук.

Более резкий случай прощания с прошлым – уход на завод после двадцати лет службы на разных участках того, что на милитаристском языке партбюрократии называлось идеологическим фронтом. Сделано это было в состоянии, о котором Макс Фриш написал: «...его “я” изнашивалось, такое бывает, а другого он не придумал» (роман «Назову себя Гантенбайн»). Мне помогли придумать. В Ленинграде, из которого я незадолго до того перебрался в Вильнюс, три моих друга-социолога гуськом ушли из академического института в заводские рабочие. «Самосохранение через перемену: если не можешь примениться к обстоятельствам – измени обстоятельства», – написал один из них. Я стал четвёртым членом этого ордена социологов-расстриг, его независимым литовским отделением (НЛО), а в миру – членом бригады слесарей-сборщиков, работавших сдельно на единый наряд и потому безжалостных к сачкам.

В 1980-м объяснить этот выверт востроглазым заводским кадровикам было трудно. Заглянув в трудовую книжку сорокачетырёхлетнего претендента на должность ученика чего-нибудь рукодельного, они затевали разговор по душам, поднося палец то к горлу, то к виску, а я оборонялся игрой в слова: «Наверно, злоупотребляете?» – «Да нет, зло не употребляю». – «Может, вы сумасшедший?» – «Да не с чего сходить-то». – «А-а, я понял:

хотите рабочих разлагать, был у нас один такой, религиозной пропагандой занимался». Высоки оказались заводские пороги, но наконец нашёлся авторитетный для кадровиков человек, который заверил, что я не злоупотребитель, не псих и не разлагатель.

На заводе были, конечно, свои «обстоятельства». Одно из них мы обсуждали с другом-подельником – тем самым Андреем Алексеевым, что обозвал меня писателем, – в переписке начала 1983 года. «Эпистолярный хулиган» (автохарактеристика), Андрей прислал мне эссе-хронику с описанием эпизода из своей рабочей жизни. Он отказался работать на плохо отремонтированном станке и в объяснительной, как человек, умевший разговаривать с эпохой на её языке, без улыбки написал: «Выпуск брака на неисправном оборудовании считаю недопустимым». Требование сознательного рабочего устранить неисправности и предотвратить брак начальство квалифицировало тоже на языке эпохи и тоже без улыбки, но с мстительным раздражением – как отказ от работы, забастовку. Над забастовщиком был занесён карающий меч, а к станку приставили штрейкбрехера по имени Серёга. «Раз Родина требует...», – хохотнул Серёга и взял под козырёк. Вскоре забастовщик-хроникёр сочувственно констатировал: «горек хлеб штрейкбрехера», умучился Серёга, безуспешно стараясь минимизировать отклонение деталей от заданных параметров. «Видал я эти стрессы поутру», – так (не считая глагола) сказал он наконец и, проверенным способом устроив себе повышенное давление, ушёл на больничный.

В ответе другу я размышлял о феномене штрейкбрехерства по-советски. Там среди прочего есть такой пассаж.

Ах, Серега, Серега, похмельная твоя головушка! Тебе велят соединяться с пролетариями всех стран, а ты разъединяешься с напарником по станку. <...> Тебе сообщают о твоем невиданном (невидимом) трудовом подъеме, а ты ладишь себе алкогольный подъем давления. Тебе толкуют о чувстве хозяина, а ты — «нас не колышет».

Не чувствуешь ты, брат, сверхчувственного. Не подняться твоей сенсорике до парапсихологических высот. И те, которые велят, сообщают, толкуют, зря об тебя язык обмолачивают, не щадя живота **твоего**.

Обмолачивают, чтоб вскачь пошел. А у тебя и рысь-то — все равно что бег в мешке.

Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному.

В диспозиции Серега — Алексеев два типа реакции на стреноженность. Тут расклад не такой, что Серега ржет *pro*, а Алексеев *contra*. Серега тоже *contra*, иной раз даже более шумная контра. Но: он охотно честит заводские порядки и тем не менее относится к ним, как крестьянин в страду к обложному дождю. Дождь мешает, раздражает, да ведь что поделаешь — закон природы, не нами писан, туды его в качель!

Оно, конечно, так — не нами писан. Не Серегой и не Алексеевым. Но для Алексеева из неподвластности порядков **ему** не следует **его** подвластность порядкам. А для Серегы следует.

Вот река, вот плот и вот остров. Плот река несет, остров она не сносит. Плот рекой держится, собственной опоры у него нет. Остров держится собою. У плота-Серегы нет позиции. У острова-Алексеева есть.

Несогласная реакция Алексеева на течение производственного быта — проявление позиции. Несогласная реакция Серегы (когда несогласная) — проявление настроения. А настроение материя текучая, ей ли противостоять течению! <...>

В разгар предновогодней косовицы расценок председатель цехкома, защищая Серёгины интересы от него самого, объясняет ему: не отдашь десять процентов добром, силком возьмём — и частичной компенсации не получишь. Серёга в крик: за год отначите две сотни, а «отдадите» два червонца, где ж справедливость? Но защитник Серёгиных интересов более крупный специалист по справедливости. Не деньги у тебя отначивают, а трудоёмкость снижают. Производительность труда надо повышать или не надо? Ты что ж думал, как начал сапожник с пяти пар сапог в месяц, так и до пенсии?

Крыть нечем, разве что матом. И возрастёт из Серёгина рта фаллический лес, испещрённый вагинальными впадинами. Он ещё попузырится, пошумит для сохранения лица. Но куда ж денешься... Хрен с тобой, гад ты рассознательный, гони свои две красненьких. Да по соцсоревнованию отстегни одну — я вон как производительность повышаю!

Вон он как производительность повышает! Серёгины реакции режут глаз Алексеева (условного, разумеется) отсутствием элементарной преемственности. Алексеев

последователен не только потому, что у него позиция. Императив последовательности вообще входит в набор требований, которые он к себе предъявляет. <...>

Не то Серега. Не зная, что он представляет особую, настроенческую культуру, в которой в сущности нет нормы «будь последователен», легко заподозрить нашего штрейкбрехера в лицемерии, в малодушном поддакивании очередному собеседнику. Но лицемерие тут и рядом не лежало. Тут совсем другое что-то. Что-то от внушаемости, естественной при отсутствии позиции. Что-то от свободного, не скованного самоконтролем дыхания живого, себя не помнящего. Как шелест листы, однозвучный независимо от того, откуда ветер — с юга ль, с севера...¹⁵⁷

Хотя на завод меня привёл отнюдь не исследовательский интерес, смена образа жизни не означала, конечно, отключение аналитической установки. Эта установка срабатывала «сама», как бы я ни представлялся себе не включённым наблюдателем, а растворившимся в производственном быте его переживателем. Ну как ей было не сработать, когда снижением трудоёмкости называли усиление пототделения – ведь пересмотр расценок чаще всего не был результатом технологических нововведений; когда за хорошую работу (выполнение плана) наказывали рублём – ведь при новых расценках за тот же объём работы платили меньше и, чтобы получить столько же, надо было сделать больше. А не сделаешь, не выполнишь новый план – не получишь прогрессивку, которая составляла треть зарплаты. Куда податься бедному Серёге?

В апреле 1981 года, участвуя – с подачи Андрея – в нелегальном экспертном опросе о состоянии и перспективах действовавшей в стране политической и экономической системы, я среди прочих факторов её близкого конца отметил

...крах, который система потерпела в том, что было главным и самым притягательным из начертанного на её знамени: «каждому – по труду». Некогда этот принцип вошёл в массовое сознание как гарантия главной для него ипостаси социальной справедливости – в сфере распределения. Широкое распространение названных форм аморального социального действия¹⁵⁸ означает утрату им прежнего морального статуса. <...>

В целом рост аморализма – это, разумеется, не специфичная для данного общества тенденция, и вызывается эта тенденция не только специфичными для него (системными) причинами.

Не только, но и ими тоже. Укажу лишь на одну из таких причин, не самую, может быть, главную, но реже других отмечаемую, – деморализующий эффект узурпации режимом права выступать от имени морали (всякое инакомыслие аморально). Многие, теряя доверие к режиму, теряют и уважение к нравственным ценностям, зачисляя их по ведомству «пропаганды». <...> Молодой рабочий, настроенный критически и одновременно эгоистически-потребительски, после лекции с вызовом спрашивает лектора: «Так, значит, у нас всё хорошо?» – «Почему?» – «А вот вы всё говорили: мораль, мораль...» О «нас» речи в лекции не было. Сама по себе апелляция к морали воспринята как форма апологетики. <...>

Бродил по Европе призрак. И обрёл призрак плоть. И ужаснулись люди виду его и отпрянули. Не всяк отпрянул. Иной думает – не достроена ещё плоть, иной – не так строили. Но побрёл по Европе кризис. Кризис того самого.¹⁵⁹

Вернусь к профмобильности. Вообще-то, обзор того, кем я становился, но не стал, надо было бы начать со спортивных проб в детстве и юности. Их исход оказался профилактической прививкой, смягчившей травмы несвершения во взрослости, если мой ролевой репертуар всё-таки считать, вопреки мнению пенсионера Курлыкина, чередой несвершений.

---

¹⁵⁷ Цит. по: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. – СПб.: Норма, 2003. С.365–367.

¹⁵⁸ Выше речь шла о таких вариантах нелегальной экономической активности, как встречное взяточничество («ты мне, я тебе»), торговля из-под прилавка и другие цветы социалистического зла, символизировавшие успех.

¹⁵⁹ Цит. по: Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. – СПб.: Норма, 2012. С. 201, 203.

Сначала я не стал левым защитником ЦДКА. Почему ЦДКА? Потому что после войны славней команды футболистов Центрального Дома Красной Армии не было во всём – известном мне – подлунном мире. Почему левым защитником? Потому что на этой позиции состоялась моя футбольная презентация в посёлке нефтяников, куда я, десяти лет от роду, приехал к ссыльной матери, которую у меня отобрали в начале войны, поскольку в паспорте у неё стояло вдруг ставшее приговором слово: немка. Презентация, прошедшая на улице, стиснутой двумя плетнями, оказалась настолько успешной, что мгновенно прояснила моё будущее. Болтать о внезапном своём открытии я не стал и долго лелеял обетование грядущего торжества, пока мою тайну не размыла догадка о том, что у мечты один творец, а у судьбы их много.

Потом я не стал спринтером-чемпионом. У этой смены вех тоже были вполне объективные, данные в ощущениях основания. В футболе, лапте, в казаках-разбойниках способность к коротким рывкам с высокой начальной скоростью – важное преимущество, а здесь мне в посёлке равных не было, что признала сама Прасковья Иванна, школьная физручка.

В университете я продолжил карьеру спринтера. Тренировался с тем большим усердием, что места в общежитии мне не дали и спортзал стал родным домом. После тренировки все расходились, а я, если не получалось napроситься к кому-нибудь на ночлег, с чувством глубокой благодарности советскому спорту засыпал на гимнастических матах. Чувства этого, однако, не хватило, чтобы стать чемпионом чего-нибудь. Правда, однажды я узнал из стенгазеты, что стал рекордсменом факультета в беге на сто метров.

На третьем курсе я вспомнил, как называется факультет, и, охладев к спринту, обратился к филологии. Тут придётся вернуться назад, в посёлок с плетнями. Одно связанное с ним воспоминание убеждает меня в том, что на филфак я пришёл всё же не потому, что быстро бегал. В повести «В полях предков» это описано так.

Мне стукнуло шестнадцать, и лейтенант Баскаков велел вести сына за паспортом. В разинутой пасти паспорта меня поджидали национальность по не той¹⁶⁰ матери и штамп, запрещавший выезд за пределы песенного края¹⁶¹. В крае было много грибов-ягод и нефти под ними, но не было вузов (да и были б – немцев принимать не дозволялось), а я прилично учился в средней школе и метил в высшую. Мать дело с паспортом воылила, Баскаков серчал. При очередной явке на контрольную отметку он сказал: «Если завтра сын не придёт, пошлю конвойного». Мать с вечера напекла лепёшек, и рано утром с лепёшками и пудовым томом Белинского в торбе я проник на пароход, не простившись с Баскаковым и конвойным, которые ещё спали.

В трюме я придавил дрожащие колени Белинским. В ту пору такие фолианты были в чести у издателей. Они встраивались в тот же эстетический ряд, что и высотные дома в Москве. В нашей барачной камерке этот сколок великодержавия, совершенно подавивший остальное население книжной полки, выглядел особенно величественно. Мама подарила мне его к шестнадцатилетию, войдя прямо-таки в героический расход. Начав читать, я, упоённый и вдохновлённый, вскоре сообщил ей: вот прочту эту книгу – и буду специалистом по литературе. Мама была счастлива.

Знай она, как я провёл два первых студенческих года, счастья у мамы поубавилось бы, но в письмах, будучи заботливым сыном, я не посвящал её в мелкие подробности своего пути к вершинам филологии.

Если по правде, движению по этому пути мешали не только спринтомания и бездомность. Два этих обстоятельства наслаивались на один мой дефект – чрезвычайную медленность чтения.

Это из детства. Я рано приобщился к книгочейству. Второклассником московской школы стал завсегдатаем ближайшей к дому детской библиотеки. Помню первые книги, прочитанные в её читальном зале: «Человек с Луны» и «Приключения доисторического

---

¹⁶⁰ Из сказанного в повести ранее следует: «не той» (неудачной) – по национальности.

¹⁶¹ Это о нём песня: «Ах, Жигули вы, Жигули, <...> Ну до чего ж вы довели!».

мальчика». И вдруг в третьем классе, в который пошёл уже в посёлке, моё книгочейство оказалось под угрозой. При чтении про себя я то и дело впадал в состояние, когда текст усваивался лишь на очень коротком отрезке, а дальше глаза попусту складывали буквы в слова, слова в предложение – нить восприятия обрывалась. Спohватившись, я возвращался к уже прочитанному, но не воспринятому, и снова глаза цеплялись за уступы букв, и снова слова складывались в предложения... Так Сизиф катил свой камень вверх по склону. Или, если попроще, так страдающий заиканием кружит вокруг непокорных звуков. Он – звуков, я – смыслов. При чтении же вслух восприятие почему-то оставалось сохранным, и я, прикидываясь хорошим братом, приставал к старшей сестре: «Нелька, хочешь, тебе почитаю?»

Теперь я пытаюсь понять истоки той напасти. Это не то, что в клинической психологии известно как дислексия. Там речь о нарушениях в овладении навыками чтения, а по части навыков я даже превосходил возрастную норму. Так что ж это было?

Герой рассказа Д. Сэлинджера «Дорогой Эсме с любовью – и мерзопакостью» тоже «...перечитывал по три раза каждый абзац, а теперь стал проделывать то же самое с каждой фразой». Но у него, недавно выписавшегося из госпиталя солдата, ещё и руки трясутся, и «...половина морды ходуном ходит...», и то и дело накатывает «...привычное чувство – будто в голове у него спуталось, она потеряла устойчивость и мотается из стороны в сторону, как незакреплённый чемодан на багажной полке». С моими же руками, мордой и головой ничего этого не происходило, а многократные перечитыванья изматывали так же. Почему? И почему это касалось только чтения про себя, а чтение вслух оставалось сохранным? Глазам помогали уши? Да нет, глаза ведь не нуждались в помощи, с сенсорикой всё было в порядке. Уши, может, и помогали, но не глазам. Похоже, звучащее слово заглушало какой-то внутренний голос, навязчивый и отвлекающий.

Беда эта стряслась после переезда от горячо любимой московской тётки к далёкой и почти забытой матери, которой наконец-то разрешили забрать к себе детей. Великодушным мановением энкавэдэшной палочки я был выброшен из отнюдь не гостеприимной, но всё же «самой любимой» Москвы-столицы. Из мира не то чтоб дворцов и золочённых карет, но всё же больших домов, булыжных мостовых и звонкоголосых трамваев. Я попал в мир хижин и непролазной осенне-весенней грязи, рёва буксующих грузовиков и чавканья натруженных конских копыт, прибарачных дощатых туалетов с дырками для любознательных глаз в разделительной стенке между М и Ж и очевидной, в силу обозримого малолюдья, социальной иерархии, грубо маркированной правами (или их отсутствием) и привилегиями.

В этой иерархии, как я вскоре понял, мать занимала место почти на самом дне. Ниже русских немцев, ссыльных, были только немецкие немцы, пленные, чья истрёпанная униформа служила позорной метой, как некогда рваные ноздри каторжанина. Как ни проста была московская тётка (парикмахерша, тщетно надеявшаяся, что пропавший без вести муж-фронтовик когда-нибудь вернётся), она всё-таки значилась вольной. Мать же была невольница, и позорной метой служили спецштамп в паспорте и обязанность регулярно отмечаться в спецкомендатуре. Густая тень материнского унижения накрыла сына, и без того терзавшегося загадочным отсутствием отца (потом сын узнал, что отец в это время присутствовал в ГУЛАГе в расхожем качестве разоблачённого шпиона). Эта тень стала ядром, вокруг которого по принципу матрёшки последовательно нарастали: комплекс неполноценности – высокий уровень тревожности – трудности с концентрацией внимания – фрагментарность восприятия текста при чтении про себя.

Так прошло несколько мучительных месяцев, в течение которых адаптация к новому месту жительства и к положению сына ущербной матери вела с матрёшкой осадную войну. Наконец сизифов камень перестал срываться, но рецидивы случались и позже, а медленность чтения осталась навсегда.

В старших классах, когда пришла пора школьных сочинений, медленность, связанная с круговертью возвращений, проявилась в словопроизводстве, в письме – в виде изнурительной борьбы вариантов. При разборах мои домашние сочинения, когда варианты боролись на черновике, одобрялись учителями, классные же, писавшиеся сразу набело, осуждались за «грязь» – зачёркивания и переделки. Вслед за медленностью чтения медленность письма стала пожизненным бременем, особенно тяжким, когда работал в газете.

И вот с таким увечьем я решился переступить порог филфака. Ещё не пермского. Поступил я в Вильнюсский университет, которому в ту пору оставалось двадцать лет до четырёхсотлетнего юбилея. На второй курс перевёлся (по внешним по отношению к учёбе обстоятельствам) в Пермский университет, которому не было и сорока.

Сравнение показало, что молодо не всегда зелено. В Вильнюсе курсовую работу, уместившуюся в двенадцатистрочной школьной тетрадке, я отдал встреченному в университетском дворе научному руководителю – тёплому человеку Серафиму Михайловичу – и получил зачёт. Пермский филфак школьных тетрадок не признавал, двора для тёплых встреч не имел и требовал защиты курсовых работ на заседании кафедры. Строгости, однако, не производили впечатление казарменных. Они вызвали к взрослости, к новым возможностям, которые вчерашний школьник должен был открыть в себе.

Оба факультета извлекли кадровую пользу из последних сталинских погромов, антимарровских и антисемитских.

В Вильнюсе изгнанный из Ленинграда Исаак Иосифович Цукерман своим курсом введения в языкознание вгонял слушателей в восторженный трепет. В Перми Иван Михайлович Захаров, ставший неудобным в Казани, прокладывал курс современного русского языка, являя филологам-приготовишкам обаяние языка и своё собственное.

У меня плохая зрительная память, но это нестираемо. С патриаршей неспешностью обжив кресло, с вниканием, не походя вкусив беломорины, Иван Михайлович обводит аудиторию светлыми от давности и благорасположения глазами. «Ну, мальчишечки-девчоночки, режимом заножу!» Хорошо старику, благолепно. Он и тужится седые брови расположить в суровости, да уж нет сил терпеть – выпускает смех на волю. И такое в нём отечество, такая необида на нас за то, что молоды.

А историческое отделение факультета обогатилось киевским изгнанником Кертманом. Вот Лев Ефимович читает добровольцам-филологам факультатив по новейшей истории. Летописная плавность слова, выразительность профессорского жеста, разворачивается свиток Клио, мускулится кляча истории, она уже огненный конь без всадника, но давайте искупаем красного коня былого в пепле его собственных дум, иначе не оседлать... Ах, зачем я, выйдя из школы, не вошёл в историю, а прошёл мимо филологии!

Или лучше войти в философию? На третьем курсе Алексей Дмитриевич Шершунов открыл нам мир философских понятий, намагниченный его лекторским даром. Он не срывал с этих понятий предписанные программой идеологические этикетки, но не давал этикеткам затмить многовековую историю и неизбывную проблематичность философской мысли. Из его лекций я вынес ощущение, которое потом облеклось в сентенцию, вычитанную у Бертрانا Рассела: «Нехорошо и то и другое: забывать задаваемые философией вопросы и убеждать себя, что мы нашли бесспорные ответы на них. Учить тому, как жить без уверенности и в то же время не быть парализованным нерешительностью, – это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею». Через несколько лет, когда сам начну читать курс с пугающим ныне названием «диалектический и исторический материализм», буду ловить себя на том, что в меру малых своих сил подражаю Шершунову не только уклонением от бесспорности суждений, но даже интонационно, а пока... Пока передо мной он, Отче мой, Учитель, уши тяну – не пропустить бы слово, пальцы немеют от скорописи. Редко

улыбается Алексей Дмитриевич, экономен в слове и в жесте – и вместе с тем парящ и бесстрашен. В 1958-м он угодил в разгромное постановление ЦК КПСС о журнале «Вопросы философии» как автор одной из трёх публикаций, содержавших «грубые идеологические ошибки». Незадолго до того я напросился к нему в дипломники и, встречаясь, мог наблюдать за реакцией. Реакции не было. Обычная невозмутимость и сосредоточенность на предмете разговора. То ли характер сказался, то ли фронтовой опыт позволил свысока смотреть на охранительную суету... Когда я упомянул о происшествии, Алексей Дмитриевич в двух спокойных словах обрисовал механизм интриги, увенчанной высочайшим гневом, и продолжил разговор о наших делах. «Что-то лордовское» отметил в нём однажды его друг и коллега по кафедре Герасим Сергеевич Григорьев.

Герасим Сергеевич был совсем другим. На нашем потоке он читал только на заменах, и читал тоже замечательно, но иначе. Шершунов был монологичен и сдержан, Григорьев диалогичен и страстен. Однако сблизилась мы ещё до того, не в университетских аудиториях, а на картофельных полях. Осенью 1955-го перед отправкой на эту советскую барщину для горожан он был назначен к нам дядькой, точнее – играющим тренером, поскольку не надзирал и муштровал, а вкалывал вместе с нами. В кавказском его темпераменте, подкреплённом кавказской же, с непременными усами, внешностью, начисто растворились русские «ф.и.о.» Так и вижу: горячий джигит спустился с Кавказских гор на уральские поля, солдатский бушлат буркой веет на ветру, и, хоть нет под ним легконогого скакуна и раскисшая почва (подзол?) растаскивает ноги, он весь стремление, с автоиронией смешанное: «Вперёд, друзья мои!» А друзья его плетутся на постылое слякотное поле, нестройно зевая и жалея себя, им не вперёд, им назад охота, на ещё не остывшие нары, и признаётся наш предводитель и вдохновитель, что ему тоже охота не картошку из осенней грязи выковыривать, а «науку взад-вперёд двигать» (не примыслено, а доподлинно запомнено), да ведь на всё, друзья мои, высшая воля, которая нашей воли вольней. И вечерами на завалинке сократические диалоги, и мы пытаем мудреца нашими немудрыми вопросами, а мудрец внимателен и внятен, ироничен и всеми любим.

Как же повезло нам, до сих пор думаю я, что на кафедре, на которой надлежало служить жёсткогубым жрецам, работали живые люди! Живые и знавшие цену живому и умному слову. «Блажен, кто, познавая женщину, охранён любовью. Блажен, кто, начиная мыслить, охранён наставником». Хорошо писал Юрий Олеша, у которого наставника не было.

А память всё перебирает лица и эпизоды, в которых эти лица всплывают.

Вот Франциска Леонтьевна Скитова, читающая курс диалектологии, источает благоухание славянских фонем, белорусских в том числе: «Лапу-чапу, лапу-чапу, журавель идзе-бредзе...» – и неизбежно раздражается, когда этот петух Кетегат, под её руководством написавший курсовую, кукарекает на заседании кафедры и никак не может остановиться, хотя отведённое ему время истекло: всё защищает своё детище, как будто кто-то на него нападает.

Вот Мария Александровна Генкель, опекая питомцев на подпрактике, выговаривает практиканту Кетегату после первого урока, проведённого в беспокойном движении («Что вы мечетесь по классу, как тигр в клетке?!»), и отбрасывает директора школы, вельможу отчитавшего Кетегата за отсутствие галстука («Ну знаете, не у каждого нашего студента в гардеробе висит фрак»).

Вот Ксения Александровна по фамилии Фёдорова, хотя больше ей пристало б, вернув фамилию к греческому истоку, быть Божедаровой – так одарена она страстью к языку древнерусскому и так искусна в нём и неукоснительна на экзамене, как судьба в античной трагедии. Вы мне друзья, но азъ-буки дороже – пошёл! пошёл! пошёл!.. Мешавкин, Кетегат, Макаров... Ах, гитарист ты удалой, фармазон татуированный, волк морской Макаров Владька, уцелевший в Сталинградской битве двенадцатилетний юнга на переправе... Нашкодившим волчонком выскакивает наш волк из пыточной камеры, где

Ксеньксанна выпытывала не признания, а знания, и докладывает без слов – ладонью себя по заднице, ногу пинком вперёд. Весело Владьке, хоть и конфузно перед Ксеньксанной, всем изгнанным весело, потому что никто не один в беде, сообща тонут братья во грехе.

Весело было, печально было, всяко было. И не будет уж – вот беда.

Много лет спустя, преследуемый этой бедой, я вспоминал: «Дым отечества, как встарь, / щиплет глаз. А вот январь / <...> Посреди картины дымной / дом стоит странноприимный – / величав, первоначален, / премудр, первопечален, / с сапогом державным в холле / и с догадками о воле». При публикации, упреждая вопросы читателей, «картины дымной» не видевших, сделал две сноски: «Главное здание Пермского университета было построено местным пароходчиком Мешковым как странноприимный дом – для бедняков-водников»; «В вестибюле, у изгиба лестницы, сбегавшей вниз, в подвал с раздевалкой, и взбегавшей вверх, к аудиториям, стояла скульптура отца народов и студентов. Голенища отцовских сапог были надраены ладонями спешивших вверх и вниз его детушек: так легче было брать вираж на скорости».

Вирази дальнейших лет не стёрли краски премудрого дома, исписанные в нём (и сохранённые себе на удивление) тетради всё ещё источают дым отечества. Я понимаю: старость, оглядываясь на молодость, обречена на сентиментальность. Я знаю: память коварна, подвержена как «ретроспективному ужасу» (А.Ф. Кони о свидетельских показаниях), так и склонности «придавать истине чуждое ей очарование» (Руссо в «Исповеди»). И всё же смею утверждать: моя студенческая жизнь, начавшись ни шатко ни валко, на третьем курсе обернулась учёбой взахлёб, а на пятом порядковый номер курса я воспринимал как оркестр, изготовившийся к выносу гроба. Так не хотелось выпускаться-выноситься.

В 1984-м, в ту пору здоровяк средних лет и уже бывалый слесарь, я получил от однокашников приглашение на встречу по случаю четвертьвекового юбилея выпуска. К приглашению прилагалась весёлая анкета, в которой среди прочих был и такой вопрос: «Когда последний раз посещал: детясли, детсад, школу, институт, аспирантуру, больницу, кабинет начальника, музей и посещаешь ли сейчас?» Я ответил:

Детясли, детсад посещал (не в качестве отца и деда), когда жил вне времени. Школу, университет, аспирантуру – когда жил в будущем времени. Мимо больницы прошедшее время пронесло, но будущее, надо полагать, занесёт – по дороге из времени в вечность. В кабинет начальника производственные тропы заводят редко: кесарю – кесарево, слесарю – слесарево. А насчёт музеев... Частенько наведываюсь в мемориальный музей, дислоцированный в моей черепной коробке. Один из самых дорогих мне экспонатов в нём – Пермский университет. И не в том лишь дело, что достиг возраста ностальгических вздохов о былом. А в том прежде всего дело, друзья мои, что это родина, наша духовная родина. С родиной же – как с женщиной: вон та, может, и краше, но любишь-то эту...»

Я начал эти юбилейные глаголы с потребности в самопознании как побуждению к сочинительству. Закончу же другим побуждением. Бывает, давно, казалось бы, разминированное прошлое вдруг взрывается в настоящем и ранит – и укрощается пером: «Пером – нет, не вечным – сшиваю / Открывшейся раны края. / И дикую боль приручаю, / Бумажного глядя коня».

Стих, из которого эта строфа, называется «Графотерапия». Надеюсь, графотерапия отличается от графомании.

Май 2013

Г.А. Климентов

16.8. ТРУД НА СЕБЯ - ТРУД НА ОБЩЕСТВО

[Мой коллега и друг, кандидат экономических наук, доцент Ленинградской высшей профсоюзной школы культуры (ныне – Санкт-Петербургский университет профсоюзов) Геннадий Александрович Климентов знаком читателю по предыдущим томам «Драматической социологии...»].¹⁶²

Ниже - статья, написанная Г. Климентовым в соавторстве с мною и опубликованная, под названием «Для всех - как для себя!», в «Литературной газете» (1982). Эта статья публиковалась там в рамках дискуссии «Кто чего стоит» (о совершенствовании системы оплаты труда), происходившей в то время на страницах «Литературной газеты».

В статье кратко излагается социально-экономическая концепция, разработанная Геннадием Климентовым в 1970-х гг. - А. А. 2000]

= Статья Г. Климентова и А. Алексеева (1982)

Для всех – как для себя!

Наше общество не испытывает недостатка в разнообразных формах привлечения трудящихся к управлению производством. Пожалуй, наиболее действенная из них сегодня - бригады, работающие на один наряд, с оплатой по конечным результатам и распределением заработка по коэффициенту трудового участия. Советам таких бригад дано важнейшее право - самостоятельно распределять фонд потребления (приработок и премии), а это уже подлинно управленческая функция.

Мы убеждены, что дальнейшее расширение сферы действия даже самых лучших форм участия рабочих в управлении производством непременно упрется в существующий порядок планирования фонда зарплаты и контроля за ней. Если взять бригаду - то там действительно заработок определяется реальным трудовым вкладом, видимым каждому работнику. И то при условии, что это подлинно подрядная бригада. Возьмем цех, предприятие. Попробуем обозреть и отрасль в целом. Что мы увидим? Парадокс, нонсенс: чем напряженнее план, и, соответственно, выше реальный трудовой вклад коллектива, тем больше коллектив проигрывает по сравнению с теми, кто вовсе к этому не стремится.

Бытие определяет сознание - и вот уже руководители более высокого ранга, чем бригадиры, вынуждены тормозить распространение принципа оплаты по реальному трудовому участию. И их легко понять - ведь они ограничены установленными сверху размерами средней зарплаты на одного работающего.

Приходится признать, что без изменения общего порядка планирования фонда заработной платы невозможно решить обсуждаемую проблему.

Хозяйственный расчет должен быть всеобъемлющим, охватывать все звенья производства, начиная от мельчайшей его клетки - от бригады и до целого объединения включительно. Но каков реальный путь к этому?^{163*}

Проблема может быть в принципе решена, если в составе цены каждого конкретного продукта производства учесть два фактора:

1) «ТРУД НА СЕБЯ» [выделенное здесь и далее было изъято редакцией из текста публикации. - А. А.] (зарплата и отчисления в общекolleктивный фонд предприятия) и 2) «ТРУД НА ОБЩЕСТВО» (отчисления в бюджет).

Между этими двумя нормативами надо установить единую для всех предприятий пропорцию. Добавьте сюда амортизационные отчисления за использование основных

¹⁶² См.: ДСиСА – 2 (Глава 6 и др. разделы), ДСиСА - 4.

¹⁶³ Здесь редакция, при публикации, изъяла фразу, выразившую, как казалось авторам, суть статьи: «Наша идея сводится к следующему: определять, кто чего стоит, не по способностям и не по условиям труда, как это делается в современной тарифной системе, а по результатам применения этих способностей при производстве тех или иных продуктов. Иначе говоря - платить за конечный результат...».

производственных фондов и затраты на полуфабрикаты, сырье - вот вам цена продукта, обеспечивающая полный хозрасчет для любого коллектива. Фонд зарплаты и отчисления в бюджет окажутся в прямой зависимости от реального трудового вклада. Чем выше вклад, тем они больше. Выгодное коллективу станет выгодным обществу, и наоборот. Любой коллектив будет заинтересован в том, чтобы правдиво информировать вышестоящие органы планирования и управления о своих действительных возможностях в производстве того или иного продукта. И уже одно это предполагает активное участие в управлении всех членов коллектива.

Надеемся, наша мысль ясна: коллектива, выполняя план, сможет «зарабатывать себе заработную плату». И распределять ее в соответствии с трудовым вкладом каждого из своих звеньев. Кстати, распределение - еще одна сторона участия трудящихся в управлении. Естественно отпадет необходимость во множестве излишних регламентаций сверху. Ненужной окажется и нынешняя система нормирования труда. Все эти проблемы будет самостоятельно решать коллектив - хозрасчетное звено любого ранга. Коллектив сможет определить и индивидуальную зарплату, и индивидуальные нормы выработки при условии, что норма общественного труда уже заложена в цену продукта.¹⁶⁴

Наши оппоненты могут спросить: не предлагается ли здесь ликвидация контроля со стороны государственных органов над средней заработной платой любого хозрасчетного подразделения? Нет, не предлагается. Необходимость в таком контроле даже возрастет: изменятся только его методы. Как правило, контроль должен осуществляться через механизм изменения цен на те или иные продукты производства. Допустим, по не зависящим от коллектива обстоятельствам возросла или понизилась зарплата. Она оказалась выше или ниже общественно признанных границ, она не отражает реального вклада данного трудового коллектива. Что делать? «Нажимается кнопка» регулирования цены: государство воспользуется своим правом повысить (или понизить) цены на соответствующие продукты производства.

Следует подчеркнуть, что именно механизм пересмотра цен, по мере ызревания общественных условий для этого, послужит надежным экономическим рычагом, посредством которого коллективы предприятий и объединений будут совершенно естественным образом втягиваться в управление производством уже на общегосударственном уровне - через свои административные и представительные органы. Окажется возможным сочетать формы непосредственной производственной демократии (превалирующей в низовых коллективах) с демократией представительной, которая функционирует на высших уровнях общественного управления.

Между прочим, есть и другой способ регулирования средней заработной платы. Например, можно пересматривать соотношение нормативов «труда на себя» и «труда на общество». Или пользоваться рентой, учитывающей те или иные специфические особенности производства и потребления продукции.

Словом, дискутируемая проблема, на наш взгляд, гораздо быстрее будет решена при изменении существующих элементов хозяйственного механизма. Должен быть обоснован, детально разработан и последовательно проведен в жизнь принцип личной заинтересованности трудящихся в управлении своим производством.

«Без личной заинтересованности ни черта не выйдет, - замечал В.И. Ленин (в письме к Аванесову). - Надо **суметь** заинтересовать».¹⁶⁵

---

¹⁶⁴ Здесь редакцией при публикации был опущен абзац: «В обычных обстоятельствах, к которым мы все привыкли, участие трудящихся в управлении производством является по сути своей совещательным. По нашей идее, трудовые коллективы и их общественные органы окажутся органически включенными в структуру управления. Они будут решать узловые вопросы управления производством, начиная от оценки реальных производственных возможностей и кончая самостоятельным распределением причитающейся им доли общественного продукта».

¹⁶⁵ Ленин В.И. ПСС, т. 53, с. 269.

Эти ленинские слова актуальны и сегодня при обсуждении темы «Труд и зарплата».

А. Алексеев, кандидат философских наук
Г. Климентов, кандидат экономических наук
(Литературная газета, 17.02.1982)

Ремарка: предложения о привлечении трудящихся к управлению производством

Изложенные в вышеприведенной газетной статье идеи выдвигались Г. Климентовым, а «в фарватере» за ним - и мною, еще в 1970-е гг. Эти идеи тогда активно обсуждались в кругу людей, занимающихся социально-экономической проблематикой.

В конце 1979 г. (незадолго до перехода из института на завод) мною, по просьбе В.А. Ядова, был написан проект предложений Института социально-экономических проблем АН СССР «о расширении роли трудовых коллективов в управлении» для Государственного комитета СССР по науке и технике. Содержание упомянутого «проекта» в основном совпадает с позднейшей публикацией в «Литературной газете» (1982).

Судьба наших тогдашних предложений мне неизвестна. А вот письменный отклик, своего рода внутренняя рецензия на них Ю.А. Щеголева (1979) - сохранился. См. ниже, в раздел 17.43. (Ноябрь 2000).

[Мы очень тесно сотрудничали с Г. Климентовым в 80-е гг. С началом перестройки, Г.К., будучи убежденным антирыночником, оказался в оппозиции к тогдашним социально-экономическим и общественно-политическим преобразованиям.¹⁶⁶

Впоследствии мы потеряли друг друга из виду. Однако знаю, что Геннадий Климентов еще лет 10 продолжал работать в СПбГУП. В 1997 г. он стал профессором Международной славянской академии. - А. А. Август 2013].

Э.П. Кудрявцев

16.9. ЭЛЕКТРОНОТЕРАПИЯ: ЭБНИТОВЫЙ ДИСК ГОНЧАРОВА

*[О медики-изобретателе **Петре Терентьевиче Гончарове** и его драматической судьбе я узнал от моего давнего друга, журналиста и историка **Эдуарда Петровича Кудрявцева**, любезно предоставившего мне нижеследующие материалы. – А. А. 2000].*

(1)

= Из газеты «Неделя» (1978)

П. Гончаров: «Первые опыты я проводил на себе...»

«...В одном из номеров вашей газеты была заметка под заголовком «Доктор-магнит». В ней рассказывается о лечебных свойствах постоянного магнитного поля. Я слышал о другом методе

---

¹⁶⁶ См., например: <http://www.sovnarkom.ru/BOOKS/KLIMENTO/klimentov.htm> .

Целительные свойства статического электромагнитного поля были замечены еще древнегреческим философом Фалесом. Терапевтическим прибором ему служили электрические рыбы. В наши дни эти свойства используются довольно широко. Так, скажем, во всех поликлиниках применяют электрофорез. В последнее время появились магнитофоры – постоянные магниты, которые, в частности, ускоряют сращивание костей при переломах.

Применение эбонита привлекло меня простотой. Этот материал на четверть состоит из серы, а она при трении о роговую покров кожи создает отрицательное электростатическое поле (отрицательный заряд, как известно, особенно полезен для организма), и больного можно прямо на месте, без транспортировки, подвергать лечебной процедуре – деталь важная, например, при тяжелом послеоперационном состоянии человека. Метод, к тому же, был заманчив и, так сказать, интимностью воздействия поля на организм. Ведь оно создается прямо на теле и должно, по моему убеждению, взаимодействовать с электрическим полем клетки, стимулируя ее жизнедеятельность.

Первые опыты я проводил на себе, решил попробовать оградить себя от постоянных простуд, от насморка. Если метаболизм клетки в самом деле будет стимулирован, рассуждал я, то ее сопротивляемость вирусу гриппа должна усилиться. Действительно, насморк прекратился, все признаки гриппа исчезли.

Метод попробовали и на животных. Собака, например, страдала в течение трех лет болезнью ушей, а постоянные, по рекомендации ветеринара, чистки и натирания мазями вызывали у нее муку. При виде лечебных атрибутов животное начинало скулить, забиралось в дрожь под кровать. Пес быстро выздоровел, когда применили электронотерапию. Теперь при виде нового лечебного препарата он бросается к хозяйке, явно напрашиваясь на повторение процедуры.

Эту процедуру, наконец, применили в хирургической клинике. Больные после операции стали выздоравливать быстрее, независимо от того, в какой области была проведена операция – на легких, на желудочно-кишечном тракте, на почках. А те из них, кто кроме всего прочего страдал радикулитом, ишиасом, почувствовали облегчение. Наблюдения еще раз убедили меня: электронотерапия вообще повышает возможности организма сопротивляться болезням, будь то инфекция или функциональные расстройства органов.

Известно действие воды, пропущенной через магнитное поле, на почечные камни – они становятся пористыми, рассыпаются. Однако такую воду ввести в почки непросто. Попробовали применять к больным, которым оставалась надежда только на операцию, новый метод. Через некоторое время и рентген показывал, что эти люди в операции уже не нуждаются. Видимо, электростатическое поле омагничивало эндогенную воду организма.

Сейчас электронотерапия ждет компетентных научных исследований и апробации в лечебных и научных учреждениях, которые бы сделали ее достижением клиник страны.

= Из отзыва специалистов одной из ленинградских клиник на выдачу авторского свидетельства:

«В нашей клинике метод П. Гончарова испытывался два года. Было отмечено благотворное влияние этих процедур на общее состояние хирургических больных. Уменьшились боли, улучшилось дыхание, при кашле облегчались выделения мокроты, усиливалось периферическое кровообращение и перистальтика, предотвращались парезы и атония кишечника. Процедуры снимали нервное напряжение у больных, вызывали дремотное состояние или сон. Побочного действия и каких-либо осложнений не наблюдалось.

Однако трудности в теоретическом обосновании метода, несомненно, существуют. Объективные же критерии при оценке его действия сейчас слишком ограничены. Электронотерапия нуждается в компетентной научной оценке, только после этого она может быть рекомендована в широкую клиническую практику».

(2)

Авторское свидетельство № 349399

на основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал настоящее свидетельство Гончарову Петру Терентьевичу за изобретение «Устройство П.Т.Гончарова для электронотерапии» по заявке <...>, с приоритетом от 1 августа 1966 г.

Автор изобретения: он же.

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений Союза СССР 26 мая 1972 г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР

Председатель Комитета: (подпись)

Начальник отдела: (подпись)

Описание изобретения к авторскому свидетельству <...>

1. Изобретение относится к медицине, точнее, к физиотерапии, и касается устройства для электронотерапии.

В изобретении предлагается устройство для электронотерапии, выполненное из твердого вещества, образующего при трении статическое электричество с отрицательными зарядами, например, эбонита в форме диска с полированной поверхностью.

На чертеже изображено устройство для электронотерапии в двух проекциях. Устройство электронотерапии содержит рабочую поверхность в виде диска 1 и ручку 2. Устройство выполнено из эбонита. Диаметр рабочей поверхности около 110 мм.

2. Для осуществления лечения с использованием предлагаемого устройства трением о кожу кружок наэлектризовывают и подносят затем к больному месту на расстояние 1-2 см от него на 10-15 сек. Процедуру повторяют 15 раз 1-5 раз в день.

Предмет изобретения

Устройство для электронотерапии, отличающееся тем, что оно выполнено из твердого вещества, образующего при трении статическое электричество с отрицательными зарядами, например, эбонита, в форме диска с полированной рабочей поверхностью.

Ремарка: приборы Гончарова

Это - не единственное изобретение П.Т. Гончарова.

Первое авторское свидетельство он получил еще в 1951 г., за прибор для испытания подвижности позвоночника. На одном из заводов Горьковской области около 20 лет выпускалась иммобилизационная шина, сконструированная Гончаровым в 50-х гг. Одесский завод «ЭМА» серийно производил его вакуумный прибор - аппарат для расправления легкого после вакуумной резекции. Были также авторские свидетельства, связанные с учебными пособиями.

Выпускник Института физической культуры им. Лесгафта, П. Гончаров 35 лет проработал в Военно-медицинской академии им. Кирова.

Метод электронотерапии и изобретение П. Гончарова вызвали противоречивую реакцию в профессионально-медицинских кругах. С одной стороны - высокие отзывы

авторитетных специалистов; с другой - обвинения в шарлатанстве (также исходящие от профессионалов!). А с третьей - 5000 получивших облегчение или даже излечение наблюдавшихся больных (с самыми различными заболеваниями) и тысячи писем от людей, которым Гончаров помогал заочно.

Эти сведения почерпнуты из неопубликованного очерка Э.П. Кудрявцева «Электронотерапия: революция в медицине?» (1979).

Ниже - фрагмент этого очерка. (Декабрь 1999)

(3)

= Из рукописи Э. Кудрявцева (1979)

«Сама простота метода кажется подозрительной...»

<...> Подобными фактами заинтересовались не только владельцы кошек и собак. В частности, старший научный сотрудник Украинского отделения ВНИИВС в городе Тернополе, кандидат биологических наук С.А. Симецкий стал лечить электронотерапией коров, заболевших маститом, и получил положительные результаты.

Эти факты показывают, что электронотерапия - метод универсальный, она положительно воздействует не только на людей, но и на животных и - как знать? - быть может, на все живое.

Как уже указывалось, важным достоинством метода является его простота, доступность и дешевизна. В те «доисторические» времена, когда об электронотерапии кроме ее основоположника никто ничего не знал, состоялся такой примечательный разговор между врачом и Гончаровым:

Врач: Вы претендуете на создание нового метода? Но где же ваша аппаратура?

Гончаров: Я ношу ее в кармане.

Врач: Но где же провода, штепсель, розетки?

Гончаров: Электричество находится в самом больном, а генератором электродвижущей силы служит эбонитовый диск, который при трении возбуждает в организме электроток.

В этом все дело! Сама простота метода кажется подозрительной. Не потому ли у него немало противников? А теперь несколько практических советов при лечении. <...>

Самопоглаживание кружком по лицу круговыми движениями (лоб - щека - подбородок - щека) производится без дополнительного замыкания цепи и направлено на излечение головной, ушной или зубной боли. Для этого надо потереть лицо 15 минут и на ночь положить пластинку из эбонита или кружок на ухо. Конечно, в дальнейшем нужно обратиться к специалисту, потому что снять боль еще не значит вылечить.

При заболевании гриппом нужно производить самопоглаживание по лицу два раза в день по 15 минут, а на ночь кружок или пластинку приложить или прибинтовать к груди, или же надеть ожерелье (можно и пояс) из эбонита.

При гипертонии первой-второй степени надо гладить себя по лицу - один раз в день. Так же следует поступать и при респираторных вирусных заболеваниях, а также при бронхиальной астме. Но в последнем случае следует производить самопоглаживание в течение 15 минут во время приступов, гладя себя по груди и животу, а на ночь, после процедуры, кружок, пластинку или пояс приложить к области лопаток.

Лечение гайморита и фронтита производится путем самопоглаживания по лицу 1-2 раза в день по 15 минут.

Все эти болезни можно лечить, не прибегая к посторонней помощи. Рассмотрим теперь лечение, которое производится с помощью помощника. <...>

Вкратце

Далее обсуждаются способы применения «кружка Гончарова» - для снятия фантомных болей - в случае ампутированной конечности, при ревматизме и ревмокардите, при артрозе, артрите, полиартрите, остеохондрозе, отложении солей, при радикулите, почечной колике, нефрите, при тромбофлебите и облитерирующем эндартериите, при панариции (воспалении ногтевой фаланги пальца) - для сохранения ногтя, при фурункулах, при переломе костей, при ушибах, растяжении связок и гематомах, при миозите т. д.

<...> Пользование эбонитовым кружком Гончарова, «браслетом здоровья» и эбонитовым поясом противопоказано при заболевании сердца, после инфарктных состояний, мозгового кровоизлияния в остром периоде.

<...> Электронотерапия является противовоспалительным, температуронормализующим, противоспазматическим, болеутоляющим, бактерицидным и противовирусным средством, стимулирующим метаболизм (обмен веществ), регенерацию тканей и нормализующим функции организма, его биохимические процессы и оксигенацию, способствующим проявлению положительных эмоций и воспроизводству потомства.

А что такое электронотерапия с точки зрения теории? Это временное омагничивание эндогенной организменной воды, происходящее в самом организме под влияние слабой электромагнитной энергии <...>, поляризация зарядов и ионизация воды <...> - той эндогенной воды, содержание которой в организме доходит до 70 %. Это объяснение может показаться грубым, но оно верно.

<...> Для теории трудно пока объяснить, почему ток с ничтожной силой, приближающийся к биологическому, то есть к тому, который вырабатывает сам организм, «встряхивает» и активизирует его, а ток с намного большей силой подобными свойствами не обладает. <...>

В свете вышеизложенного, стоит сопоставить электронотерапию с акупунктурой. Напомним еще раз о принципе иглоукалывания. Он основан на связи ряда точек кожи с внутренними органами. Таких точек насчитывают несколько сотен. Воздействуя на них путем укола или, например, удара электрическим током, можно вылечить больной орган. В чем недостаток этого метода, который корнями своими уходит в народную медицину Востока?

Их несколько. Во-первых, не каждый может найти нужную точку, а найдя, не повредить ее. А попробуйте найти соответствующие точки у маленьких детей? Во-вторых, процедура достаточно болезненна. И, наконец, мы не можем производить иглоукалывание 3-4 раза в день (у себя на дому!).

Всех этих недостатков электронотерапия лишена. Есть в ней одно принципиальное отличие: метод Гончарова активизирует весь организм, потому что уже самопоглаживание по лицу кружком приводит к активной работе большинства человеческих органов, так как на лице человека сосредоточено множество жизненно важных точек.

Но не вредна ли общая активизация? Нет, потому что организм, борясь за нормализацию своих функций, представляет из себя тонкое сплетение, где органы осуществляют взаимоконтроль, а активные точки не могут «перезарядиться» отрицательным электричеством, поскольку его избыток уходит из организма. Итак, опасность травмирования точки здесь исключена, а нужная точка непременно сработает при введении биоплазменной энергии, да больной при этом испытает еще приятные ощущения.

Все это так, возразят некоторые, но мы не можем проследить за ходом лечения организма, если осуществляется электронотерапия. Неясны и побочные следствия этого метода. Нам мало знать, что хуже все равно не будет... Тут необходимо подчеркнуть одно новое обстоятельство. Несколько лет назад был изобретен медицинский аппарат, который регистрирует излучаемое через кожу тепло (внутренними органами, разумеется). Этот

прибор, который называется тепловизором, позволяет точно установить, нарушена ли норма в тканях организма.

Сметено последнее препятствие к применению электронотерапии. <...>

(Кудрявцев Э. Электронотерапия: революция в медицине? Рукопись. 1979)

Ремарка 1: не выдержал травли

О П.Т. Гончарове и его методе см. также: Штермлер И. Петр Терентьевич // Нева, 1979, № 2.¹⁶⁷

...Как уже сообщалось, травля, организованная против медика-изобретателя П.Т. Гончарова в 1979 г., привела к его скоростижной кончине.

Вообще, история и существо метода лечения эбонитовым кружком (электронотерапия), вкупе с трагической судьбой его первооткрывателя, - предстанут своего рода притчей. (Декабрь 1999).

Ремарка 2: электронотерапия Гончарова и энионтехнология Зорина

В самое последнее время уже неоднократно встречаю в прессе рекламные материалы, посвященные «МЕДИВу» (расшифровывается: «медицинское диво»). Так называется нормализатор энергоинформационного обмена, серийно выпускаемый ЗАО «Энионтехнологии» (Санкт-Петербург). Этот прибор, имеющий вид «небольшого темного диска» (см. ниже), применяется для профилактики и лечения многих болезней, причем список болезней и лечебные эффекты в основном те же, что и для эбонитового кружка Гончарова!

Из отзыва профессора, докт. мед. наук Г.В.Коновалова:

«...Этот уникальный прибор, не имеющий и по сей день аналогов, родился четверть века назад в закрытых лабораториях нашей ленинградской «оборонки» и долго носил имя своего талантливого изобретателя - биофизика В.А. Зорина. Энион Зорина стал синтезом всего лучшего, что накопило человечество за столетия своего врачевательного опыта: от секретов тибетских монахов до наработок военных врачей. Его чудодейственные свойства взяты у самой природы и удесятерены благодаря современным научным разработкам. Входящие в состав «МЕДИВа» биологически активные вещества - яд гюрзы, барсучий жир, желчь медведя, пчелиный яд, панты марала, секрет кабарги, вытяжка из корней жень-шеня и другие компоненты - в процессе изготовления прибора проходят сложнейшую многоступенчатую обработку. В результате энергетический потенциал этих веществ усиливается настолько, что «МЕДИВ» способен при контакте с телом больного значительно активизировать работу клеток пораженного органа, выводя его тем самым из патологического состояния. Этим же объясняется и мощный обезболивающий эффект, которым обладает маленький темный диск: его низкочастотное электромагнитное излучение вызывает в организме усиленное производство гормона бета-эндорфина (гормона естественной анестезии)...» (Строгая О. Таинственный диск, спасающий жизни и возвращающий здоровье // Центр-plus, 2000, № 34; см. также: Комсомольская правда, 1.12.2000).

Похоже, кружок Гончарова и диск Зорина - «близнецы-братья»... Вот только судьба последнего - куда счастливее!

Интересно: знали ли В.А. Зорин и П.Т. Гончаров (кстати, оба - ленинградцы) друг о друге? (Декабрь 2000).

---

¹⁶⁷ Журналист Эдуард Кудрявцев и писатель Илья Штермлер писали свои очерки о Гончарове независимо друг от друга, но в основном использовали одни и те же факты).

16.10. ОТЕЦ И ДОЧЬ

(1)

Идеи и ценности. Лица. Институты. История. Справочная литература

[Мой друг и коллега, «заслуженный собеседник» и соавтор **Роман Иванович Ленчовский** уже хорошо знаком читателю «Драматической социологии...». ¹⁶⁸ Там были представлены в основном тексты Романа Ленчовского 1980-х гг. Ниже - одна из его современных работ. - А. А. 2000]

= К издательскому проекту «Ценности» (2000)

Смысл проекта - разворачивание в обозримом времени целостной книгоиздательской системы - во *взаимосвязи* отдельных публикаций в отношении *тематики* и единства *принципов* издания, а также как органичной части «идеологической жизни» и политики левоцентризма. Необходимо конституирование *адресата изданий* - «актива» левоцентристских партий и околопартийной интеллигенции плюс полемические и массовые издания для заинтересованной публики.

Единство оформительских принципов - хорошо, но вторично, главное - *идейно-издательские принципы*: издается не только узкопартийная социал-демократическая литература, но *вся политическая и политологическая классика* (коль скоро она и без социал-демократов забрасывается на духовный рынок). Однако ВСЕ, что будет издаваться по социал-демократическому издательскому проекту, должно издаваться *в свете* принципов социал-демократии, т. е. в некоторого рода системе, где будут свои *приоритеты* и *каждому* изданию потребуются, так сказать, социал-демократический *комментарий*.

Иными словами, мы должны издавать не только социал-демократическую классику и «актуальные» партийные издания, но всю ту политическую и политологическую классику, которая *дает прямой повод* для соц.-демократического комментария - *выявления* своей позиции, и *обязывает* к этому.

Самые интересные, с этой точки зрения, издания - те, которые *компонуются* по принципу «*pro et contra*», т. е. раскрывают реально существующее *разнообразие* и исторического опыта, и мнений (например, в Москве был издан сборник «Марксизм: “за” и “против”»).

Современный политический дискурс конституируется как *полемический*, причем каждая хоть сколько-нибудь распространенная (популярная) политическая позиция рассматривается как *возможная модель* (это относится и к политологическим концепциям), а не отбрасывается с порога (до боли узнаваемая «контрпропаганда»). Поэтому-то без соответствующего аппарата (комментария и т.д.) может быть опубликована лишь малая толика изданий, которые не содержали бы вопросов для нашего читателя. То, что такие вопросы непременно вызовет, - в силу исторических, культурных, политических барьеров, - без комментирования лучше вообще не издавать (меньше вреда будет)!

---

¹⁶⁸ См.: ДСиСА – 1 (Глава 6); ДСиСА – 2 (Глава 8) и др. См. также: ПС-1, ПС-2, ПС-3, ПС-4. - АА. 2013. См о нем также ниже.

Конечно, и научно-теоретическое, и просто культурно-издательское качество публикаций должно быть приемлемым для рынка (с учетом конкуренции, насыщенности и т. д.).

Для создания требуемого издательского продукта необходима *система*, в рамках которой, прежде всего, оформляется *команда* (научно-редакционный совет, постоянно действующие интеллектуальные площадки, круг редакторов-составителей, комментаторов и т. д., которые бы действовали с *согласованным* ключом).

Что издавать, *как*, в какой *очередности* - эти вопросы могут быть решены только *группой экспертов*, «говорящих на одном языке» и - самое главное - имеющих возможность реализовать проект. Так что мои советы адресуются самим себе (в содержательном плане) и спонсорам проекта (его ресурсная база).

Наш книжный рынок, в особенности на украинском языке, так беден, что список того, что можно было бы издать, практически не имеет границ. Эпизодические - буквально - публикации «Основ» (Поппер, Шумпетер, антология либерализма) и «Духа і літери» (Рикёр, Левинас и др.) или диаспорной «Сучасності» (например, трехтомная антология политической мысли) - все на виду. И русская библиотека - бедна, хотя есть и очень заметные удачи (например, отличное издание А. де Токвилля «Демократия в Америке», тот же Рикёр в серии «Первые публикации», Вебер в «Логосе» и т. д.)

В этой ситуации начинать нужно, как мне кажется, с составления *картотеки* возможных публикаций на основе доступных источников плюс каталогов зарубежных издательств. Предложения к такой картотеке - в сокращенном (предварительном) виде - прилагаются к записке; естественно, все библиографические описания в картотеке должны быть полными, на языках оригиналов, с указанием издательств, копирайтов, объема, дат написания и важнейших публикаций на языке оригинала, наличия научного аппарата, переводов (прежде всего украинского и русского, но важно знать и о других). На основе хоть сколько-нибудь полной базы данных и возможен будет толковый экспертный отбор.

Тематическая структура библиотеки «социал-демократических изданий» представляется в следующем виде:

I. Серия философски-мировоззренческих, политологических и политических изданий, в которых раскрываются и обосновываются как собственно-социал-демократические идеи и ценности, так и сопряженные или даже противоположные, но, конечно же, интерпретируемые - в каждом необходимом случае! - с социал-демократических позиций. В этой же серии - публиковать новых и старых классиков (начиная с Маркса, Каутского, Меринга до Брандта, Крайского и т. д.).

II. Лица - биографии (научные, популярные, воспоминания, документы и т. п.), прежде всего, лидеров социал-демократии. Такие биографии имеются во множестве, в основном зарубежные издания, но есть и отечественные (например, мемуары Винниченко). «Социал-демократическими» могут быть (и должны писаться, комплектоваться и т. д.) и биографии политиков, исторических деятелей иных политических течений.

Nota bene! Почему бы не создать социал-демократический вариант таких в высшей степени популярных серий, как ЖЗЛ, «Пламенные революционеры», причем возможны переиздания хороших работ (например, изъятой из советских библиотек книги русского эмигранта Гладилина «Сны Шлиссельбургской крепости»). В этой же серии могут быть даны и биографии «Великих украинцев», которые можно заказать (есть кому и о ком).

III. Институты - политические структуры (партии, блоки и т. д.) их основополагающие документы (*в первую очередь* - важнейшие документы Социнтерна, программы, уставы и т. д.). Снова-таки - речь идет о *всех* политических течениях, но в социал-демократическом *освещении* и соответствующих *пропорциях* (это особая проблема - *кого, что* и в каком *объеме* представлять и кому *оппонировать*).

IV. **История** («хроники», «летописи» и т. п.) может образовать отдельную серию или быть частью I-III серий (история идей, ценностей, партий)

V. **Справочная литература**. Почему бы не издать «Украинский энциклопедический словарь социал-демократии»? Такое издание должно быть международным, с учетом той справочной литературы, которая уже имеется (например, изданного в Бонне, в 1979 г., справочника «Социал-демократические партии в Европе»; наверняка есть и что-то и новее).

Все эти книжные серии (I-V) могут, в свою очередь, структурироваться по регионам, странам. Начать можно было бы с антологий германской, французской и т. д. социал-демократической литературы. Метагеографическая тематика (общие принципы, ценности и т. д.) должна идти отдельно.

I-IV серии могут быть представлены как монографические издания, сборники (антологии, хрестоматии), как неперiodические, продолжающиеся издания (альманахи). А в перспективе могут быть и *журнальные издания* (соц.-демократические масс-медиа - уже назревший вопрос).

***

Ресурсы проекта. Может быть – **Украинский социал-демократический фонд**? Привязываться ли к определенному «историческому имени»? Скажем, Винниченко? Или это будет мешать? Очевидна необходимость кооперации с иными социал-демократическими фондами (например, имени Эберта), аналогичное структурирование, включая образовательные институты и т. д., а также кооперация с профсоюзными структурами.

Перспектива роста - в том, каким будет *общекультурный* эффект. Политические, идеологические и иного рода эффекты - это, на мой взгляд, уже *следствие*.

Р. Ленчовский, 30.03.2000

= Приложение к издательскому проекту

Философия политики, политология, либеральная традиция. XX век, вторая половина

1. Арндт Х. Источники тоталитаризма. Что такое авторитет? Тоталитарная система.
2. Баланье Ж. Неупорядоченность.
3. Бурдье П. Представление преимущества.
4. Вайль Э. Политическая философия (1956).
5. Волзер М. Благополучие, участие (Membership) и потребность (1983).
6. Гак Ф. Равенство, ценность и добродетели.
7. Деррида Ж. Призраки Маркса.
8. Йонас Г. Принцип ответственности.
9. Крозье М. Феномен бюрократизма.
10. Крозье М., Фридберг Э. Действующее лицо и система.
11. Левинас Э. «Между нами» (Дух і лібера, 1999). «Тотальность и бесконечность» (еще не переведена).
12. Лефор К. Творческий труд Макиавелли. Демократический выход. Вопросы демократии. Политическая мысль.
13. Мизраи Р. Этика, политика и счастье (Трактат о счастье, т. 2)
14. Нешел Т. Моральный конфликт и политическая законность (1988)
15. Поппер К. «Избранное» (начиная с «Нищеты историзма» и «Открытого общества»).
16. Рарби Р. Солидарность или объективность.
17. Рикёр Л. Вокруг политики (Издано: «Дух і літера»).
18. Роулз Д. Теория справедливости (есть на рус.)

19. Росе К. Главная сила.
20. Тейлор Ч. Философские аргументы (1995).
21. Турен А. Критика модернизма. Социология действия.
22. Ферн Л. Политическая философия. - 1.
23. Фуко М. Надзирать и карать (на рус.). Воля к знанию. (История сексуальности, т.1) (на рус.).
24. Хабермас Ю. Знание и интерес. Техника как наука и идеология. Теория коммуникативного действия. Мораль и коммуникация. От этике к дискуссии.
25. Хомский Н. Язык, лингвистика, политика.
26. Штраус. Естественное право и история.
27. Ясперс К. Избранные политические трактаты и статьи (включая фрагменты из опубликованных: «Смысл истории» и «Куда идет ФРГ?»).

(2)

А. Ленчовская. Совладание в экстремальной ситуации

Ремарка: дочь выросла

Как уже говорилось, у Романа Ленчовского есть дочь. Анна Ленчовская ныне уже студентка 3-го курса психологического факультета Киевского университета.

*Это ей адресовалось письмо Р. Л. 1980 г. («Дочери, когда она вырастет...»).*¹⁶⁹

Анна Ленчовская не только учится, но и работает - в том же киевском Институте иудаики, что и ее отец (в ту пору).

На днях Аня (ей 20 лет) приезжала в Санкт-Петербург на конференцию и летнюю историко-культурологическую школу: на первой делала доклад, на второй - слушала лекции.

Я попросил ее показать мне тезисы своего доклада. Его название: «Копинг-процессы (совладание) в экстремальной ситуации (по материалам проекта Института иудаики «Еврейские судьбы. Украина - XX век»).

*«Копинг-процессы» - психологический термин, ранее мне неизвестный. Читаю эти тезисы, и понимаю, что они уместны ЗДЕСЬ. (Июль 2000).*¹⁷⁰

---

¹⁶⁹ См. ДСиСА – 1 (Глава 6).

Из «Письма к дочери, когда она вырастет»

<...> Недоговариваем в себе, про себя, берем истины нравственные как бы займы, будто пущены они были «в оборот», а не сказаны опять-таки «про себя» — о себе, хотя бы и с надеждой быть услышанными... Федор Михайлович Достоевский: «...Счастье личности есть вольное и желательное отрешение ее, лишь бы другим было лучше» (о «бесах»). Почему бы не возникнуть «соблазну» стать безусловным «творцом своего счастья» (как это ни банально звучит), «осчастливив» или, по меньшей мере, «одарив» собою ближнего? Но не все так просто с этой максимой, положенной в основу тысячелетних идеалов... Решаешь суверенно: «сниму с себя рубашку». Это можно. А вот **чтобы отдать — нужно, чтобы приняли**. Что же — о душе говорить! Если же «отдавать» себя «всему человечеству», то и вовсе не понятно, как можно надеяться на «счастье»: совершенно очевидно, что такая самоотдача очень мало связана с понятием **тебя** как **Лица**.

Счастье — это не [в книжке ДСиСА – 1 была существенная опечатка, «не» - пропущено. — А.А.] цель для лица, ибо не может оно быть [только. — А. А.] результатом личной деятельности. Счастье — дар, который сумели принять, **взаимодарение** и **взаимопринятие**.

На «самоотдаче» как принципе, «законе счастья» останавливаться в своем нравственном развитии нельзя. Это монизм, парадоксально игнорирующий «другого», хотя и хлопочет о нем. «Отдавать» себя, —но только без всякого самообнадеживания насчет собственного и всех «осчастливливаемых» лиц счастья.

Отдавать — как быть.

Целью же может быть только достойная жизнь, выполнение долга как реализация собственного понятия о жизни, о своем «предназначении». <...>

Р. Л. [начало 1984 г. — А. А.]

¹⁷⁰ Ныне А.Р. Ленчовская является исполнительным директором Конгресса национальных общин Украины и руководит проектом КНОУ «Киевский клуб толерантности».

= Тезисы доклада А. Ленчовской (2000)

Евреи в силу своей национальной принадлежности, государственного и бытового антисемитизма в СССР находились в ситуации, которую в целом можно определить как экстремальную. Разделяя общую судьбу граждан тоталитарной страны, евреи существовали в специфическом нормативно-ценностном пространстве.

Афористически эту ситуацию выразил один из наших респондентов. Занимая высокий административный пост, пройдя сквозь периодические кадрово-этнические чистки, он иронизировал: «Зачем мне в качестве работника еврей-мудак?». Так он сформулировал дискриминационно-повышенные требования к социальной адаптации и социальному функционированию евреев в советском обществе.

При социальном манипулировании, ограничении дееспособности - как показали материалы наших интервью - прежде всего подавляется *чувство собственного достоинства* личности. Это *подавление* может вызвать весь спектр психологических реакций, как неадекватных, так и конструктивных. К *неадекватным* относятся агрессия и защитные механизмы: навязанный статус жертвы, синдром выученной беспомощности, идентификация с толпой, с агрессором и т. д. Среди *конструктивных* выделяют прежде всего копинг процессы активного противостояния негативным условиям. Ценностно-смысловой стержень процесса совладания - это сознание и переживание чувства собственного достоинства. Это делает возможным не только самосохранение, но и поддержание групповых ценностей, участие в социально-значимой деятельности.

Как показывает анализ материалов интервью, групповая самоидентификация - принадлежность к еврейскому миру является существенным фактором сохранения личностной самоидентификации. Таким образом, одним из моментов ценностной саморегуляции как копинг-процесса является сохранение этно-культурной идентификации.

Список источников

1. Архив материалов устной истории Института иудаики.
2. Альманах «Егупец», NN 1-6.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.
4. Забарко Б. Живыми остались только мы. Киев, 1999.
5. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М., 1998.
6. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998.
7. Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. М., 199.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

[Я бы добавил в этот список статью К. Муздыбаева «Стратегия совладания с жизненными трудностями (теоретический анализ)», опубликованную в: Журнал социологии и социальной антропологии, 1998, № 2. По-видимому, эта статья была А. Ленчовской тогда неизвестна. - А. А.]

(3)

= Из Постскрипума к предисловию книги А.Н. Алексеева и Р.И. Ленчовского «Профессия – социолог...» (2008-2010) ¹⁷¹

Мое творческое содружество с киевским социологом и философом Романом Ивановичем Ленчовским имеет более чем четвертьвековую историю. Со-участие Р. Л. во

---

¹⁷¹ Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

всех трудах автора этих строк (начиная с - теперь уже давнишнего - «эксперимента социолога-рабочего») было не столь заметным со стороны, сколь значимым изнутри. Это роль Друга, коллеги-гуманитария и ближайшего Интерпретатора. (Достаточно просмотреть оглавление всех томов «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», чтобы убедиться в этом).

Я рад, что при подготовке этой книги мы с Романом Ленчовским не просто со-трудничали, а делали ее как бы «на паях». Здесь понадобился именно *тандем* - коммуникативный и творческий.¹⁷²

Андр. Алексеев. 20.10.2008

(4)

[Нижеследующий текст, написанный Р. Ленчовским в 1994 г., однако в свое время не публиковавшийся и даже автором как будто утерянный, в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

Уже в 2000-х гг. Р. Л. обнаружил его в своем архиве и опубликовал в интернете.¹⁷³ Уместно воспроизвести эту работу здесь. – А. А. Июль 2013]

= Аналитическая записка Р. Ленчовского (май 1994)

Проблема латентной этнической идентификации личности и этноструктура населения Украины

Ситуация *этнического самоопределения* не только была, но и продолжает оставаться неоднозначной. Процессы национально-политического *самоопределения народов* накладываются на *личную самоидентификацию* как в гражданском, так и в

---

¹⁷² Р.И. Ленчовский - более 30 лет редактирует социологическую и философскую литературу. В последнее время - сотрудник Киевского международного института социологии (КМИС), проводит «глубинные» биографические интервью. Читает факультативные курсы на кафедре социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия». Сфера интересов – начала феноменологической и экзистенциально-коммуникативной философии и социологии, в практической области – права человека.

...Одно нетривиальное обстоятельство: Р. Л. – автор статьи 26, ч. 1 Конституции России. В. Л. Шейнис в своей книге «Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985-1993)» (Тт. 1-2. М.: Моск. Центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ, 2005) пишет:

«...Не могу не упомянуть здесь одну важную новеллу, впервые появившуюся в российской Конституции. Еще в 1990 г. киевский социолог Роман Ленчовский предложил <...> устранить из официальных документов пресловутый «5-й пункт». <...> Я попросил Ленчовского прислать его предложение на конкурс, который объявила тогда Конституционная комиссия. Идея моим товарищам по рабочей группе КК понравилась, ее автору присудили премию, а формулировку, чуть подредактировав, включили в проект. Оттуда она и перешла в поправки к действовавшей Конституции, утвержденные на VI СНД, а впоследствии – в Конституцию 1993 г.» (Том 2, с. 32).

Напомним ч. 1 ст. 26 Конституции РФ:

«Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

(См. об этом подробнее: ПС-2, раздел 7.5. – А. А.).

Стоит еще отметить, что по предложению Р.И. Ленчовского и процедуре, разработанной им совместно с В.И. Паниотто, Киевский международный институт социологии уже 15 лет измеряет русско-украинскую биэтничность. С учетом фактора биэтничности, как показывают многолетние репрезентативные всеукраинские опросы, этническая структура общества предстает существенно иначе, чем в повседневном сознании и в официальной статистике. (См. об этом также в разделе 7.5).

Р. Л. с большой охотой занимается также философией и правами человека - с подростками и преподавателями в Киевском клубе толерантности (<http://www.tolerspace.org.ua/>). (Примечание А. Алексеева из ПС-1).

¹⁷³ См. http://www.kiis.com.ua/articles/etn_ukr.pdf

этнокультурном измерении. Учитывая наш опыт, мы вправе говорить и о «чрезмерной» *политизации* явлений, которые в сущности имеют неполитическую природу, и о деполитизации (*«табуировании»*) некоторых собственно политических проблем. Полем пересечения этих разнонаправленных процессов оказалось и этническое самоопределение личности. Задача, очевидно, состоит в том, чтобы как раз *деполитизировать*, *«окультурить»* то, что было искусственно политизировано, и придать адекватный статус политически значимым проблемам. Что для этого нужно отказаться от многих привычных «парадигм», стереотипов — само собой разумеется. И одна из наиболее укорененных у нас — это *политизация (бюрократизация) этнического статуса личности* и подчинения нетривиальной логики этого культурного самоопределения человека правилам административного мышления. Первый шаг в «дебюрократизации» уже сделан: снята графа национальность в новых украинских паспортах. Довольно таки революционный смысл этого шага далеко не очевиден (может быть, поэтому он и стал возможным?).

Дело в том, что политическая проблема гражданского статуса личности этим актом отмежевывается от проблемы этнокультурного самоопределения личности. И как говорится, слава Богу! Ибо это совершенно разные по природе своей проблемы.

Кем бы человек ни был *«по происхождению»*, он волен быть — в силу действия закона — *«гражданином Украины»*, *«украинским гражданином»* и в этом смысле *украинцем* (не по «энной» графе в паспорте, а по самому паспорту, по его «титулу»). Как гражданин *Франции* — *французом*, *США* — *американцем* и т.д. И совсем другая проблема, кем человек «является», как себя определяет в мире национальной культуры, каков его, так сказать, *этнический статус*. Об этой проблеме и связанных с ней сложностях и пойдет далее речь.

Коротко обозначим ее суть, как она предстает перед исследователем по данным последнего социологического опроса, проведенного Киевским Международным Институтом Социологии (КМИС). 23–25 мая 1994 года было опрошено по репрезентативной (для всего взрослого населения Украины) выборке тысяча респондентов. На вопрос: «Кем Вы считаете себя по национальности?» ответы дали обычную картину, устойчиво воспроизводящуюся в подобных исследованиях: украинцами назвали себя 71%, русскими — 20%, остальные — все другие варианты (напомним, что по переписи 1989 года украинцев насчитывалось 73%, русских — 22%). А далее интервьюеры задавали такой нестандартный вопрос, который мы воспроизводим дословно:

«Я прошу Вас ответить еще на один вопрос о национальной принадлежности, чтобы записать ее по возможности более точно. Это связано с тем, что иногда люди считают себя принадлежащими одновременно к двум или даже более национальностям. Посмотрите, пожалуйста, на эту карточку и скажите, какое из этих суждений больше других соответствует Вашему мнению о себе?»

А далее, среди вариантов ответов, кроме привычных этнонимов, по отношению к которым респонденты могли самоопределились («украинец– украинка», «русский– русская»), предлагалось еще три варианта, которые в различной степени объединяли, совмещали две самые распространенные национальности Украины — украинскую и русскую (о других национальностях, которые в нашем опросе представлены менее, чем четырьмя процентами респондентов, речь пока не идет).

Результат такой: на «втором шаге» этнического самоопределения, как можно было бы назвать ответы на этот новый вопрос, считают себя *«исключительно украинцами»* 59,3%, *«украинцами и русскими, но больше украинцами»* — 10,3%, *«в равной мере украинцами и русскими»* — 11,2%, *«украинцами и русскими, но больше русскими»* — 6,7%, *«исключительно русскими»* — 11,9%.

Итак, 28,2% респондентов (т.е., как мы уверены, граждан Украины, которым уже исполнилось 18 лет и старше) составляют в некотором смысле новую *биэтническую* («миксированную») национальную группу. Новую — для общественного самосознания и

сознания большинства респондентов. (Большинства, но не всех! 4.5% респондентов, отвечая уже на первый этнометрический вопрос — «Кем Вы себя считаете по национальности», где никаких «подсказок» не предусматривалось, сказали, что они «и украинцы и русские»).

Из тех, кто отнес себя к украинцам в ответе на первый вопрос, примерно 20% считают себя в определенной мере и русскими (*больше украинцами, чем русскими — 12,2%, в равной мере — 6,4%, больше русскими — 1,4%*). В то же время из тех респондентов, которые по «первому» этническому самоопределению назвались русскими, 43% являются, как оказывается при дальнейшем углублении, одновременно в определенной мере и украинцами (больше русскими — 22,8%; в равной мере — 18,8%; больше украинцами — 2,0%). Обращает на себя внимание характер этой статистики: и в том, и в другом случаях мы имеем дело с «*нормальным распределением*» — плавными кривыми, которые соединяют моно- и поливариантные идентификации в едином этнокультурном континууме.

Весьма показательным является то обстоятельство, что приведенные результаты по биэтническим группам во всеукраинском опросе КМИСа хорошо согласуются с данными опросов жителей Киева и Донецка (выборка по тысяче респондентов), которые проводились в конце апреля с.г. в рамках программы сравнительного исследования «Языки и национальности в Украине», реализуемой Домиником Арелем вместе с коллегами из Университета Дюка (Канада) и Мак-Джилла (США). Здесь впервые была применена по инициативе КМИСа описанная этнометрическая шкала в блоке с другими вопросами о национальной принадлежности. Интересующие нас здесь данные таковы: в Киеве — украинцы — 53%, украинцы и русские — 31% (по биэтническим подгруппам — 10%, 15% и 6%), русские — 8%, в Донецке — украинцы — 29%, украинцы и русские — 28% (по биэтническим подгруппам — 8%, 13% и 7%). «Вклад» украинцев в смешанные группы: в Киеве — 24% от «*первичных*» украинцев; в Донецке — 33%; «вклад» русских: в Киеве — 50% от «*первичных*» русских; в Донецке — 21%.

Если принять во внимание, что идентичные в отношении этнической структуры опросы с аналогичными многочисленными «прицельными» выборками были проведены в мае с.г. во Львове и Львовской области, в Винницкой области и в Одессе (данные в настоящее время обрабатываются), что в ближайшее время будут повторены опросы по всеукраинской выборке, то очевидно, что накапливается достаточно весомый материал для размышлений. Однако, насколько реальна эта «социологическая реальность»?

Не с артефактом ли мы имеем дело? Ведь получилось, что, как говорится, каков вопрос — таков и ответ! «По подсказке» группа из 45 человек выросла до 275 человек.

Действительно, наш результат — результат «социологического диалога». Многие респонденты, скорее всего, впервые посмотрели на себя с этой — поликультурной, поливариантной стороны. Но если бы такая постановка вопроса была бы для них совсем чуждой, они бы иначе и отвечали: о принуждении ведь не приходится говорить, социолог — не сотрудник паспортного стола или ОВИРа!

Вместе с тем, обнаруженную в исследовании реальность биэтнической идентификации (ее соответствие реальному билингвизму еще будет повод проанализировать, равно как и ту нетривиальную ситуацию, которая создается комбинацией, реальным сочетанием этнолингвистических и этнических групп — русскоговорящих украинцев, украиноговорящих русских и т.п.) необходимо отличать от актуально преобладающей в общественном сознании моноэтнической идентификации. Поэтому мы предлагаем ввести понятия (термины), специфицирующие некоторые ранее не фиксируемые возможности в пространстве поливариантного этнического самоопределения. Речь идет, прежде всего, о такой этнической самоидентификации, которую можно было бы охарактеризовать как *латентную* — в отличие от *актуальной*, которая артикулируется безусловным образом (без предпосылок в виде «социологических подсказок»).

Насколько «скрытой» от повседневного мышления является реальность биэтнического самоопределения? Этот вопрос пока еще не исследовался. Можно предположить, что понимание ситуации поликультурной этнической идентификации будет проявляться не только со стороны тех, кто отнес ее к себе, но и тех, кто считает себя исключительно «мононационалами». Новое еще не значит «чуждое», что будет отвергаться в принципе «с порога». И украинскому, и русскому национальному характеру присуща терпимость, покладистость. Посмотрим, как она себя здесь проявит.

Характеристики этнических (этнолингвистических, этнокультурных, этнополитических, этнорелигиозных и т.д.) групп, которые были зафиксированы в описываемом исследовании, еще предстоит проанализировать. Однако уже ясно, что традиционная двухкомпонентная (по наиболее многочисленным на Украине украинскому и русскому этносам) модель доминирующей этнической структуры населения Украины не является релевантной.

Это обстоятельство было обнаружено впервые В.Е. Хмелько при анализе этнолингвистической структуры политических ориентаций населения Украины. Оказалось, что по ряду важнейших политических и социально-экономических характеристик, по политическим действиям, по расселению на территории Украины явно выделяются три группы: *украиноговорящие украинцы* — 40% (преобладают в Западных областях), *русскоговорящие украинцы* — 33%¹⁷⁴ (центральные области) и *русскоговорящие русские* — 21% (южные области), Крым).

«Хорошо работающее» этнолингвистическое структурирование может быть дополнено моделью латентной этнической структуры с вычленением биэтнических групп.

Подводя предварительные итоги можно сказать, что развитие этнометрического инструментария позволило обнаружить целый социологический «континент», анализ которого представляется перспективным во многих отношениях — как теоретических, так и практических.

(31 мая 1994 г.)

(Заместитель заведующего аналитическим отделом Киевского международного института социологии Ленчовский Р.И.)

= Из статьи Р.И. Ленчовского, В.И. Паниотто, В.Е. Хмелько «К соединению смыслов и чисел в отображениях социальной реальности (из опыта поиска путей)»
175

Р.И. Ленчовский: ...Тогда же, в апреле 1994 г., мною совместно с В.И. Паниотто и при активном участии В.Е. Хмелько была разработана **шкала украинско-русской биэтничности** <...>. С её помощью фиксировался один из вариантов этнической самоидентификации личности, преимущественно латентный, как правило, не артикулируемый и как бы «полупризнаваемый» в быту (но вовсе не приемлемый тогда для официальной идеологии, политики и статистики). Весьма значительная часть респондентов получила возможность в структурированном общении с интервьюером открыть (или на первых порах - приоткрыть) ранее «туманные» (часто – для самого же информанта) горизонты многозначного и поливариантного индивидуального этнического самосознания.

---

¹⁷⁴ Хмелько В.Е. Передвиборчі настрої міського населення України // Політичний портрет України. — Бюлетень навчально-дослідного центру «Демократичні ініціативи». Вип. 6. Київ, 1994.

¹⁷⁵ Опубликовано в: Соціологічна культура: числа і смисли. Матеріали Міжнародних соціологічних читань пам'яті Н.В.Паніної. — Київ, Інститут соціології НАНУ, 2011. — С. 25-53. (Электронная версия - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/numbers_11.pdf).

Среди тех, кто сначала на привычный вопрос о национальности отнес себя то ли к украинцам, то ли к русским, при последующем методическом уточнении примерно 28% респондентов сказали, что считают себя *украинцами и русскими одновременно* (1994, май, репрезентативная общенациональная выборка, 18 лет и старше, N = 1000). Эти первые результаты и оригинальная методика Киевского международного института социологии (вопросы в анкете, инструкция интервьюерам) освещены в [14, 15] и других работах.¹⁷⁶

Итак, первые же **числа** сначала по нескольким городам и областям, а затем данные, полученные уже в общенациональных выборках, в собственных и других исследованиях КМИС, начиная с 1994-го года и по настоящее время, порадовали нас и продолжают радовать *ожиданной неожиданностью*: гипотеза о **смысловой** значимости для теперь уже известной части респондентов их украинско-русской биетничности – подтвердилась.

В ходе уже 16-летней фиксации в исследованиях КМИС этого феномена, преимущественного латентного как для массового, так и для индивидуального сознания, достаточно *очевидный* исследователям гуманистический **смысл** изложенной гипотезы раскрылся затем *далеко не очевидным* образом, а именно: в *структурных распределениях и функциональных зависимостях* в масштабе всего украинского общества. Причем, не только в отношении собственно этнических феноменов, структур, отношений, их динамики, но и в смысловой и количественной связи этих феноменов с социокультурными и политическими контекстами (см., например: [16])¹⁷⁷.

(5)

= Из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...»

**О принципе свободы
личного национального самоопределения
(Документальная хроника ч. 1 ст. 26 Конституции России)¹⁷⁸**

...И ноют, мучительно ноют сердца
соколовых, тяжело ворочается вермишель
чиновных мозгов – а нет ли такой системы
неравенства, которая была бы не
преходящей, а вечной, не зависела бы от
звания и чинов, от того, кто сегодня на
самом верху, от времени и обстоятельств
и с лихвой искупала бы собственную
дурость?!

Оказывается, что такое неравенство
– есть!

Простейший канцеляризм, невинный
«пятый пункт», ответ на вопрос анкеты о
национальности – а вот, поди ж ты, каким
могучим смыслом и содержанием наполнила
его чиновная догадливость!

¹⁷⁶ См., в частности: Хмелько В., Ленчовський Р. Поширеність в Україні українсько-російської біетнічності та лінгво-етнічної гетерогенності // Щорічна наукова конференція "Україна: людина, суспільство, природа" (Тези доповідей). Національний університет "Києво-Могилянська Академія", 1995. – С. 39.

¹⁷⁷ Хмелько В.Є. Соціальне підґрунтя протилежності електоральних переваг двох частин України // Наукові записки НаУКМА. Соціологічні науки. – 2007. – Т. 70. – С. 33-39.

¹⁷⁸ Цит. по: ПС-2 (Глава 7). Автор настоящего текста – А. Алексеев, при участии Р. Ленчовского. Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

Ведь вот же он, не дававшийся в
руки средневековым алхимикам философский
камень мудрости, - неравенство
прекрасное и вечное, неравенство
неизменное навсегда...

А. Галич. Генеральная
репетиция / Галич А. Стихи, песни,
воспоминания. Л.: Музыка, 1990, с.
280-281

При написании настоящих заметок мною использованы: а) документы, которые были присланы, по моей просьбе, Р. Ленчовским и сопровождаены его пунктирным рассказом; б) ряд историко-правовых источников; в) свидетельство В. Л. Шейниса в его книге *«Взлет и падение парламента»*; г) некоторые собственные воспоминания, проверенные по источникам (а), (б) и (в). Возьму на себя инициативу пересказа здесь – по минимуму – только документированных фактов к истории ликвидации «5-го пункта» в России.

Речь идет о советском порядке обязательного указания национальности в паспорте. Этот порядок противоречил некоторым фундаментальным правам человека, и был категорически отменен Конституцией РФ 1993 г., где ч. 1 ст. 26 гласит:

«Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

...Мне уже приходилось цитировать В.Л. Шейниса, одного из авторов ныне действующей российской Конституции.¹⁷⁹ В книге *«Взлет и падение парламента»*¹⁸⁰ Виктор Леонидович рассказывает, как происходило «продвижение к новой Конституции», и, в частности, включение в нее новых статей, относящихся к правам и свободам граждан:

«...Приведению Конституции в соответствие с кардинально изменившейся ситуацией много часов посвятил Верховный Совет. Никогда прежде правка Основного закона не была столь обширной. (Речь идет о событиях начала 1992 г. – VI Съезд народных депутатов России. – Ред.). Старый конституционный текст ВС подверг правке на шести главных направлениях: название государства, возникшего на руинах СССР; прекращение существования Советского Союза; права и свободы человека и гражданина; правоотношения по земле; новый федерализм; организация государственной власти в центре, в республиках, в краях и областях и местное самоуправление. Подготовленный законопроект Верховный Совет предложил рассмотреть Съезду, поскольку внесение дополнений и изменений к Конституции относилось к его исключительным полномочиям.

<...> Сравнительно спокойно был утвержден большой блок поправок, инкорпориовавших в Конституцию Декларацию прав и свобод человека и гражданина, которая была принята Верховным Советом еще в ноябре 1991 г. и опиралась на международные пакты о правах, и тексты, подготовленные рабочей группой Конституционной комиссии. Не могу не упомянуть здесь одну важную новеллу, впервые появившуюся в российской Конституции. Еще в 1990 г. киевский социолог Роман Ленчовский предложил <...> устранить из официальных документов пресловутый «5-й пункт» - важный ориентир для анкетного отбора и контроля, привлекавший пристальное внимание кадровых служб и доставивший немало горя многим советским людям. Для этого требовалось ввести в Конституцию норму, согласно которой национальная (этническая) принадлежность гражданина – его частное дело, каждый может свободно определять свою национальность, и никто не может быть принужден к тому, чтобы ее указывать. Я попросил

---

¹⁷⁹ Виктор Леонидович Шейнис – общественный деятель, экономист, политолог. Доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных работ по экономическим, политическим и правовым вопросам. В 1990 г. избран народным депутатом России, в 1991 г. – членом Верховного совета РФ. В 1994-1999 - депутат Государственной думы РФ, член Комитета по законодательству. В настоящее время – главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

¹⁸⁰ Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985-1993). Тома 1-2. М.: Моск. Центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ, 2005.

Ленчовского прислать его предложение на конкурс, который объявила тогда Конституционная комиссия. Идея моим товарищам по рабочей группе КК понравилась, ее автору присудили премию, а формулировку, чуть подредактировав, включили в проект. Оттуда она и перешла в поправки к действовавшей Конституции, утвержденные на VI СНД, а впоследствии – в Конституцию 1993 г. Это был выход на цивилизованное понимание этничности, утвердившееся в демократических странах. На Съезде, как ни странно, статья эта прошла довольно легко...»¹⁸¹

История эта, насколько знаю (кстати, и сам к ней косвенно причастен) такова.

В августе 1990 г. в Вильнюсе-Ленинграде проходила *Вторая международная конференция по правам человека*, в которой принимали участие правозащитники, политики, юристы, социологи из ряда европейских стран и почти всех республик СССР. Посчастливилось быть ее участниками и мне с Романом Ленчовским. В одной из секций этой конференции Р. И. Ленчовский выступил с докладом «О принципе личного национального самоопределения», на базе которого им же был разработан проект одной из резолюций Конференции. Этот проект почти единогласно был одобрен секцией и с подписями участников, его поддержавших, включая автора этих строк, передан для рассмотрения на пленарном заседании Конференции. Резолюция была принята без изменений и поправок и впоследствии вошла в сборник материалов указанной конференции. Приведу ее здесь полностью – по польской публикации в версии на русском языке:

«О принципе свободы личного национального самоопределения

Уважая право человека определять свою принадлежность к любой общности, включая этническую,

Принимая во внимание сложность соотношения коллективных прав народа на самоопределение и личного права национальной идентификации,

Учитывая особую сложность национальной идентификации в смешанных семьях,

Будучи озабоченными высоким уровнем конфликтности в межнациональных отношениях, в которых прежде всего попирается достоинство личности и, более того, право на жизнь,

Конференция считает, что в международном праве и национальном законодательстве должен быть сформулирован принцип свободы личного национального самоопределения, который состоит в следующем:

1. Определение национальной принадлежности – личное дело человека.

2. Личность может определять свою национальную принадлежность в той форме, которая адекватна ее самосознанию, используя традиционные самоназвания наций или их сочетания при двузначном или многозначном национальном самосознании (дети от смешанных браков, воспитание в многонациональной среде и проч.).

3. Никто не вправе принуждать человека к определению своей национальности в форме, которая не соответствует его самосознанию.

4. Никто, будь то частное или должностное лицо, государственный или общественный орган, не вправе принуждать человека к тому, чтобы сообщать или не сообщать о своей национальности. Любая запись о национальности человека делается только с его согласия».¹⁸²

Здесь следует оговорить одно важное обстоятельство. Сама по себе такая постановка вопроса вытекает из духа Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹⁸³ Однако ни в самой Декларации, ни в развивающих ее положениях Международном пакте о гражданских и политических правах¹⁸⁴ и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах¹⁸⁵, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г (вступили в силу в 1976 г.) такой позиции нет.

¹⁸¹ Шейнис В. Взлет и падение парламента... Т. 2, с 31-32.

¹⁸² См.: Вторая международная конференция по правам человека (Вильнюс-Ленинград-1990) : Материалы. – Варшава, 1990. – С. 16-17.

¹⁸³ См. на портале ООН (русская версия):
<http://www.un.org/russian/documen/declarat/declhr.htm>.

¹⁸⁴ См. на этом портале: <http://www.un.org/russian/documen/convents/pactpol.htm>.

¹⁸⁵ См. на этом же портале: <http://www.un.org/russian/documen/convents/pactecon.htm>

Принципиальную новизну и ценность указанной политико-правовой разработки Р. Ленчовского оценил В. Л. Шейнис, также участвовавший во Второй международной конференции по правам человека 1990 г. Он предложил Р. Л. сформулировать это как законодательную инициативу - дополнение к ст. 52 тогдашней (еще «брежневской», 1977 г.) советской Конституции.¹⁸⁶

Р. Л. написал проект дополнения к статье 52 Конституции СССР, а оформлено это было как «законодательная инициатива Советской социологической ассоциации» (в 1990 г., на гребне «перестроечной волны», такое было уже / еще возможно).

В архиве Р. Ленчовского сохранился следующий документ (черновой набросок):

**«О Конституционном праве гражданина СССР
на свободное национальное самоопределение**

(Проект законодательной инициативы Советской социологической ассоциации –
поправка к Конституции СССР, ст. 52.1)

Национальное самоопределение – личное дело гражданина. Гражданам СССР гарантируется свобода национального самоопределения, то есть право определять свою национальную принадлежность, исходя из своего этнического самосознания и чувств и используя традиционные самоназвания наций и их сочетания, а также право официально сообщать о своем национальном самоопределении или воздерживаться от такого сообщения.

Никто не вправе принуждать гражданина СССР к определению своей национальной принадлежности в формах, которые не соответствуют его самосознанию и самоощущению, или к тому, чтобы сообщать или не сообщать о своей национальности.

Р. И. Ленчовский, член Советской социологической ассоциации, Киев».

Что было дальше – кратко описано Виктором Леонидовичем в его книге «Взлет и падение парламента» (см. выше). Предложение Романа Ленчовского было учтено в работе Конституционной комиссии.¹⁸⁷

У Р. Ленчовского сохранился один из промежуточных вариантов формулировки соответствующей статьи в проекте Конституции Российской Федерации:

«1. Гражданину Российской Федерации гарантируется свобода национального самоопределения – право определять свою национальную принадлежность, исходя из своего этнического самосознания и чувств, а также право сообщать о своей национальной принадлежности, используя традиционные самоназвания наций или воздерживаться от такого сообщения.

2. Никто не вправе принуждать гражданина к определению и указанию своей национальной принадлежности».¹⁸⁸

В итоге всех дальнейших обсуждений и переработок в Конституционной комиссии ВС России проект статьи редуцировался до следующей формулировки:

«Статья 28. Каждый вправе свободно определять свою национальную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности»¹⁸⁹

---

¹⁸⁶ Принцип свободы личного национального самоопределения в Конституции СССР отсутствовал. А статья 52, к которой предполагалось дополнение, звучала так:

«Статья 52. Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви». (См., например, на сайте Истфака МГУ: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1977.htm#7>).

¹⁸⁷ Об истории становления современной Конституции РФ (1990-1993 гг.) см., например, на официальном сайте О. Г. Румянцева: <http://www.rumiantsev.ru/>.

¹⁸⁸ Этот текст был получен Р. Ленчовским от секретаря Конституционной комиссии О. Г. Румянцева в октябре 1990 г.

¹⁸⁹ См. Конституционный вестник. Бюллетень Конституционной комиссии РСФСР. - № 8. – Октябрь 1991. - М. – С. 94.

22 ноября 1991 г. состоялось принятие Верховным Советом РСФСР «Декларации прав и свобод человека и гражданина». ¹⁹⁰ В этой Декларации принцип свободы личного национального самоопределения формулировался дословно так же, как и в проекте Конституционной комиссии (и в одной статье с родственными правами):

Статья 16.

(1) Каждый вправе свободно определять свою национальную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности.

(2) Каждый имеет право на пользование родным языком, включая обучение и воспитание на родном языке.

(3) Оскорбление национального достоинства человека преследуется по закону. ¹⁹¹

Здесь (п. 1) имеем в общем исчерпывающую формулу *принципа свободы личного национального самоопределения*. (В предыдущем варианте, 1990 года, этот принцип как бы растолковывался - в смысле исходных посылок и формы применения).

По сравнению со статьей 16 «Декларации прав и свобод человека и гражданина», принятой ВС РФ в ноябре 1991 г., в Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., отсутствует лишь одно слово: «...свободно определять...». Как можно предположить – в интересах «лаконичности». В итоге:

«Статья 26

1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

2. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». ¹⁹²

Здесь не станем дальше углубляться в исторические предпосылки, обстоятельства принятия и формы применения указанной конституционной нормы. Во всяком случае, Конституция РФ исключает применение графы *национальность* в паспорте и необходимость указывать национальную принадлежность в любых других идентифицирующих личность документах.

Вообще же, принцип свободы личного национального самоопределения имеет фундаментальное значение провозглашения *приоритета самосознания* при идентификации личности по признаку национальной или этнокультурной принадлежности. ¹⁹³

Особое значение этот принцип приобретает в случаях *би- или полиэтничности*, когда человек не может или не хочет однозначно отнести себя к какому-либо одному этносу, национальности, культуре.

Январь-февраль 2009 г.

Комментарий

Принципиальный момент: Конституция Российской Федерации запрещает лишь принуждать, обязывать граждан определять свою национальную принадлежность и

---

¹⁹⁰ Постановление ВС РФ от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина». Сама эта Декларация открывается словами:

«Утверждая права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства, отмечая необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека, Верховный Совет РСФСР принимает настоящую Декларацию...».

(См. на портале «lawmix.ru»: <http://zkrf.lawmix.ru/index.php?id=58212>).

¹⁹¹ См. <http://www.mnogozakonov.ru/catalog/date/1991/11/22/2755/>.

¹⁹² См., например, на сайте «Конституция Российской Федерации»: <http://www.constitution.ru/index.htm>.

¹⁹³ Это можно сравнить с «языковой принадлежностью». Ведь никто кроме самого человека не может определить, какой язык для него является *родным*.

указывать ее, но **возможность** сообщения о личном национальном выборе при **персонально выраженном** желании – не отнимается, сохраняется.

Практика переписей, формулировки в переписных бланках, инструкциях, равно как и «паспортички» в бланках социологических опросов – все это заслуживает отдельного рассмотрения. Во всех этих и подобных случаях свобода самовыражения – закон. Но как записывать персональные комбинации этнонимов или «незаконные» этнонимы? А как поступать при выборе респондентом субэтнической или суперэтнической идентификации вместо привычной этнической? Насколько вообще «легитимно» **индивидуальное** социальное конструирование в сфере «воображаемых наций» и других «коллективных прав»? Тут, конечно, есть еще о чем думать и что обсуждать.

Надо бы еще заметить, что советские паспорта в Украине стали заменяться на новые раньше, чем в России, с 93-го года, и они также не содержали злополучной старой «5-й графы». Однако закрепить эту норму на конституционном уровне у нас не удалось, несмотря на аналогичные инициативы. Но это – уже другая история...

(Р. Ленчовский. Февраль 2009).

(6)

= Из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...»

Переписка со-авторов по поводу названия книги (сентябрь 2009) ¹⁹⁴

Р. Л.:

«Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только)» - так мы назвали эту книгу в конце прошлого года. Таким было наше видение концепции работы - тогда. *Изменилось ли что-то за это время работы*, все характеристики которой, что уже сегодня можно было бы сформулировать, просто не уместились бы в малом пространстве слов (а более того – в нашем сейчас лимите времени)?

Для меня самым наглядным признаком таких изменений являются наши самые продолжительные (из всех тем) обсуждения, - начиная с состава, объема и места «Инцидентов» (том 1) до состава, объема и места «Хроники текущих событий» (гл. 9). Лишь вчера вставленный Тобою весьма тонкий эпиграф из Орхана Памука: «...Искусство отступления от темы не менее важно, чем тема» - относится как раз к той компоненте нашей книжки, о которой я завел речь (от «Инцидентов» до главы 9).

Эту компоненту, одну из основных сюжетно-тематических составляющих, - как можно было увидеть только «в итоге», - я сегодня могу уже назвать.

...Если в античной драме имеется **хор**, представляющий автора-творца в самых ответственных моментах игрища (и Фатум-Демидург, стоящий ЗА автором и всеми «действующими лицами»), то со времен Достоевского на любой «сцене» различимы как бы не подчиняющиеся авторской воле **другие голоса**, «другие» по отношению к голосам основных действующих лиц и самого Автора. Но они принадлежат не Творцу и окружающему Его «синклиту», не обычным «смертным», играющим (по Э. Берну) в «свои игры», а суть «голоса» отпавших от Него «бесов», или «страстей».

Так вот, если переформулировать эту метафорическую эвристику (может быть, исключительно индивидуальную), то для меня в книжке выразительно звучали не только **голоса авторов** и узнаваемые **голоса основных действующих лиц**, но и глухой «рокот»

---

¹⁹⁴ См. ПС-3, с. 538-541.

Этот текст в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил.

чужой («закулисной») речи. ... Впрочем, здесь очевидна необходимость пояснений и «расшифровок».

... Вот, одному твоему другу-читателю пришла в голову удачная идея предложить название двум выделенным нами частям одного из первых вариантов рукописи, и имя «Контексты» как раз точно обозначило вторую часть – в традиционной для нас и активно используемой бинарной семантической системе *«текст / контекст»*. (Помнишь ли эти замечательные культурологические ежегодники 70-х годов, появление каждого из которых было большим интеллектуальным событием, - «*Контекст*»?). Вот на эту знакомую оппозицию я теперь предлагаю посмотреть под несколько иным углом зрения, а именно – коммуникативистики. И тогда относительно жесткая структура противостояний «завучит» - **на разные «голоса»!**

Такой подход – с некоторой «адаптацией» и переформулировкой - имеет самое прямое отношение к обсуждаемой теме. Ведь любого рода наррация исходит от своего автора-повествователя, и *голос автора* (или любого множества *соавторов*) – это организующее начало. Авторский метанарратив композиционно объединяет микронарративы основных «героев». Последние «выстраиваются» перед читательским взором в ряды от «близких» до «дальних», от «своих» до «чужих». Но в этом «спектакле жизни» так или иначе есть своего рода (точнее, разных родов) *понятность*. Эта понятность для читателя задается авторской *отрефлексированностью*, в плане которой и структурируется более-менее определенно вся ткань повествования.

Иное дело – «контексты». Все они уходят в бесконечность своих тематических перспектив. Но и среди таких определенно-неопределенных контекстуальных «материй» есть достаточно авторами отрефлексированные, дабы быть вполне узнаваемыми (от главы 4 – до первой папки главы 8 и первой папки главы 9), а есть те самые «Ленты новостей», что – буду говорить только о себе – «выкручивают» мой разум, забрасывая в него мегабайты и гигабайты информации, у которой я вижу «начало», но «концы» которой ускользают от моей способности хотя бы рефлексивно их структурировать. И именно потому, что *до всего* просто – *не доходят руки...* «Каждому – свое!».

И вот, в попытках все же как-то рационально «обуздать» смысловой хаос новостийного дискурса, начиная с кафкианских нелепиц, предстающих в осколках информации об «Инцидентах», я пришел к убеждению в необходимости как можно более четко различать то, что нами тщательно *продумывалось* в ходе нашей работы, от того, что «доносится» до нас в бесконечном потоке «новостей» в как бы *готовой форме*, но что мы лишены возможности *продумывать* столь же основательно и детально – по той элементарной причине, что всего не охватишь, не перепроверишь.

Возможным опытом совладания с этой бесконечностью «информирования» в виде как бы «знания», которым нас заваливают с разных сторон масс-медийные каналы, является житейская и профессиональная *интуиция*, она же для социологов – *социологическое воображение*. Оно как бы «омывает» те «островки» всякого рода *мышления*, включая, естественно, *социологическое*, где мы с той или иной степенью уверенности можем сказать, что мы *знаем*, откуда, что и в какой форме мы сначала что-то *узнали*, а потом смогли *убедиться* с помощью некоторого релевантного методического инструментария в истинности («справедливости»!) нашего знания – *как понимания*, воспроизводимого в коммуникативных и прочих практиках.

Здесь-то мы и подходим к возможности внести в наше исходное название книжки такое дополнение, которое хотя и не является никакой новостью для нас, но только теперь представилось мне как *необходимое различие*: нам надо четко указать, что спецификой нашего **опыта** в этой работе (в отличие от множества иных публикаций) является опора на **документы и материалы, наблюдение и рефлексия**.

Поэтому я предлагаю такую формулировку:

«Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии»

...Конечно, это звучит и смотрится не просто, вполне можно сказать: «громоздко». Конечно, для тех, кто знает, что такое *драматическая социология* – это как бы и не нужно, вроде «масло масляное»: ибо что же она такое, если – без *документов, наблюдений, рефлексий*?!

А крайне значимо и существенно в моей логике вот что.

(1) *Не все потенциальные наши читатели знают (осведомлены. – Р.Л. Август 2013) о «драматической социологии» настолько, что понимают методический статус и значение в ней документов, наблюдений и рефлексий*, не говоря уже о тех, кто в самом деле впервые узнает о четырехтомнике из трехтомника.

(2) *Обычный и привычный продукт исследовательской работа – это повествовательный текст*. И даже те из социологических трудов, что построены на анализе «документов и материалов» (например, личной переписки, как «Польский крестьянин в Америке» [У. Томаса и Ф. Знанецкого. – Р. Л. Август 2013], транскриптов глубинных интервью, как «Ремесленное хлебопечение во Франции» [Д. и И. Берто. – Р. Л. Август 2013] и т. п.), в основном своем корпусе – это аналитическое повествование, с цитатами – внутри основного текста и документальными приложениями.

(3) Важнейшее, что, собственно, мне и «открылось», когда мы «доплыли» до конца 9-й главы в ее самой последней, «расширенной», версии: *необходимость отличия, выделения авторской речи (у нас, прежде всего, в наблюдениях и рефлексиях) и «других (чужих) голосов» (которые «звучат» в «документах и материалах») настолько существенна и значима для читательского восприятия текста, что это различие должно найти отражение в названии*. Пусть название «утяжелится» (ведь не роман!), зато не останутся не акцентированными главные особенности книжки – на фоне другой социологической продукции (ее документальный характер и т. д.).

(Я потому и побуждал Тебя в 8-й и 9-й главах к дополнительным авторским текстам, что в демонстрируемом потоке чужой речи тонул самый смысл предпринятой работы!)

(4) *Во всех информационно-поисковых системах (в первую очередь – в электронных) насыщенность повествовательного названия ключевыми словами – очень и очень важна*.

Кроме всех тех, что уже зафиксированы в нашем названии – «профессия», «социолог» и т. д. явно не лишними будут: «документ», «наблюдение», «рефлексия», причем, особенное значение имеют, как Ты знаешь, сочетания: «социология» плюс «документ», плюс «наблюдение» и все другие возможные здесь комбинации.

2.09.2009

А. А.:

Согласен с Тобой, может, не во всех частностях, но в главном. Похоже, Ты набрел на определение нового направления в социологии, которое, существует давно, только «имени своего не знало». А именно: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ.

Это вовсе не то, что «анализ документов» (известный в социологии метод даже не столько обработки, сколько сбора информации). Но – документ как строительный материал и основа, документальный каркас социологического «железобетона», самое его «тело», без которого невозможны ни исследование, ни изложение в данном жанре.

Разумеется, не только «извне» пришедший **документ**, но и собственное **наблюдение** (фиксируемое в «протоколе жизни» - для случая драматической социологии), но и авторская **рефлексия** (что не совсем совпадает с сугубо рациональным анализом, а дает простор также и для эвристики и открывает перспективу синтеза). Триада – вполне достойная, и может быть даже системная (надо посоветоваться с Рэмом Баранцевым).

На протяжении всего того года, пока писалась эта книжка, происходило непрерывное приращение того, и другого, и третьего. И, пожалуй, этот эпистолярный обмен - последнее наше рефлексивное обогащение. (Вполне в русле темы: «Профессия – социолог»).

...Кстати, в нашей (пожалуй, от меня идущей) манере говорить «*нечто и не только*», правомерно это «**не только**» отнести и к «профессия – социолог» (и не только это), и к «из

опыта драматической социологии» (и не только!), уж не говоря о «событиях в СИ РАН и не только» (что было изначально задекларировано).

3.09.2009

Б.И. Максимов

16.11. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И РЕФЛЕКСИИ

Несколько вступительных слов

Борис Иванович Максимов, мой давний друг и коллега, с которым когда-то вместе работали и в Институте социально-экономических проблем АН СССР, и на «Ленполиграфмаше», а теперь - в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН (ныне – Социологический институт РАН) продолжает свои занятия промышленной социологией, в частности, исследует рабочее движение.

В основном, Б. М. использует так называемые мягкие методы. Одна из его работ - «Письма с Кировского завода» - посвящена ситуации на крупном промышленном, акционированном предприятии (где, кстати, много лет назад он сам работал заводским социологом).

Первые пять писем Б. Максимова были опубликованы в сборнике: *Говорят рабочие Кировского завода. Материалы к учебным семинарам «Школы трудовой демократии»*. М., 1996.

Ниже приводится «Письмо первое. Гегемон на дне?». При этом используется текст, вошедший в состав авторской брошюры: *Б.И.Максимов. Письма с Кировского завода (1995-1997)*. СПб (б. Ленинград): Публикация Виктора Дудченко, 1997.

Названия остальных писем, вошедших в эту брошюру:

- ...2) Готовы ли рабочие к действиям? Апрель 1995;
- 3) Заочное собрание «лидеров мнений». Январь-февраль 1996;
- 4) Если действовать, то как?. Весна 1996.
- 5) Остается - профсоюз? Осень 1996;
- 6) Играем акцию «Протест»? Январь-февраль 1997;
- 7) Проводим «мероприятие»? Апрель 1997;
- 8) Возвращение «блудных сынов»? Июнь 1997;
- 9) «Оптимистическое». Август-сентябрь 1997 г. -#

Названия последующих писем (пока не публиковавшихся):

- ...10) Закрывать страницу?;
- 11) На поле битвы «тракторной войны» после первого сражения;
- 12) Уроки тракторной войны;
- 13) Куда ведут профсоюзные лидеры?;
- 14) Легко ли быть активным лидером?;
- 15) Куда движется профсоюзное шествие? (1998-1999). -#

Первые девять писем публиковались также в журнале «Альтернативы»: 1995, № 1; 1996, №№ 1, 3; 1996/97, № 4; 1997, № 1; 1998, №№ 1, 2, 4; 1999, № 1.

Итак, первое из этой серии социологических писем. (Декабрь 1999 – июль 2013).

Гегемон на дне?

Интервью у костра на главном конвейере

При входе на завод на стене одного из корпусов сохранились слова С. Кирова, относящиеся к «славному прошлому»: «Не было в истории революционного движения в России такого момента, когда не было бы слышно могучего имени путиловского рабочего».

И хотя о революциях и залпах «Авроры» говорить сегодня не модно, идущие преобразования по своей глубине и резкости, ломке всего и вся, начиная от идеологии и кончая производством, представляют собой по сути революционные изменения общественного строя. Штурмов тоже не удалось избежать. И отсюда логично ожидать голоса (отклика, реакции) рабочих. Эту революцию не они делают, но она касается самым непосредственным образом их интересов, положения. Каков же он - «могучий голос» путиловского-кировского рабочего в этой «обратной» (по сравнению с Октябрьской) революции, слышен ли вообще?

Для первых бесед о самочувствии и роли работников бывшего «флагмана индустрии» направляемся в тракторное производство. Кировский завод - многопрофильное предприятие. В советское время он входил в военно-промышленный комплекс как опытное производство, разрабатывал новые танки, турбины для подлодок, мощные насосы и многое другое, славился также металлургическим производством. Но лицом объединения было все же тракторное производство, выпускавшее известные во всем мире мощные «степные богатыри» «Кировцы». Эти цеха осматривали прежде всего посещавшие завод члены Политбюро, здесь рождались трудовые подвиги, вырастали Герои социалистического труда, по ритму главного тракторосборочного конвейера сверялась вся жизнь предприятия. Логично начать именно с этого конвейера.

Входим в цех, теперь самостоятельный завод (комплекс). Первые впечатления оказываются слегка ошеломляющими. Сам конвейер стоит. Застыли в неподвижности немногочисленные полусобранные «Кировцы». В огромных пролетах корпуса непривычно пустынно, людей почти не видно. И главное - не на шутку холодно, хотя на дворе уже апрель. Вдоль уходящего вдаль конвейера горят костры. Да, натуральные костры, только не на полу, а в металлических ящиках (мангалах). Около них обогреваются рабочие, здесь же они обедают. Подходим к одному из «очагов рабочей солидарности». Сидящие одеты в телогрейки, а женщины - укутаны в теплые платки, почти как в блокаду, едят бутерброды, кипятят чай. Около огня проводим и интервью, ибо в другом месте просто замерзают пальцы, держащие авторучку.

Первые вопросы (правда, не предусмотренные схемой интервью) напрашиваются сами собой: «Отчего в корпусе так прохладно и почему бы людям не пойти нормально пообедать в столовую, по крайней мере погреться в обеденном зале?»

Рабочие объясняют: холодно потому, что практически полностью отключено отопление в целях экономии тепловой энергии; цеховые столовые, в которых худо-бедно можно было «принять пищу», позакрывались ввиду большого расхода той же тепловой энергии; осталась одна центральная столовая. Но и в нее рабочие не ходят по причине дороговизны блюд. «Так всю зиму и обогревались кострами, на улице теплей. Весь рабочий день в лужах. А на обед - бутерброд, чаем запьешь - и все. Раньше давали «кормовые» (доплата на питание), теперь их нет».

---

¹⁹⁵ Статья подготовлена по материалам российско-канадского проекта. Его участники: председатель независимого профсоюза Кировского завода В.И. Юдин, к.ф.н., с.н.с. ИС РАН Б.И. Максимов и Д. Мандель, соучредитель Школы трудовой демократии (ШТД), профессор Квебекского университета (Канада). Примечание Б. Максимова.

Это - внешние условия работы. Спрашиваем о других параметрах положения рабочих и прежде всего - в материальном отношении. Оказывается, по уровню заработной платы «трактористы» находятся почти в наихудшем положении, здесь она в два раза ниже средней по предприятию, составляет около 200 тыс. «чистыми» - только третью часть минимальной потребительской корзины, на которую равняются на заводе. Бригадир: *«Я с января месяца по 150 тыс. в аванс получаю. Что это за деньги? Как можно на них жить? Что можно купить? За прошлый месяц в листке стоит - 63 тысячи. Хорошо, что у меня сын работает, жена работает. А есть в бригаде рабочие, у кого по двое, по трое детей неработающих. В целом находимся в состоянии выживания».* Рабочий: *«На эту зарплату семью не прокормить. К тому же выдают ее нерегулярно. Мы стали просто нищими. Денег не хватает даже на еду».* Рабочий-предцехкома отмечает: *«Если вспомнить ту зарплату, которую мы получали при социализме, то тогда мне хватало прокормить жену с маленьким ребенком. Сейчас приходится искать вторую работу - в торговле или где-то еще. У нас в тракторосборочном второй работы нет».*

О таких «мелких» вещах как профессионально-квалификационный рост, профессиональная гордость высоко квалифицированных рабочих и говорить не приходится. *«Сейчас на все это никто не обращает внимания, выполнять приходится ту работу, которая имеется, не разбираясь, выше или ниже она твоей квалификации».* Спрашиваем, как дело со спецодеждой и ее стиркой, с аптечками и злополучными рабочими рукавицами, которые раньше были дежурным предметом для жалоб. Рабочий только машет рукой.

И все же самая главная проблема - загрузка работой, и отсюда - устойчивость положения. С самым главным и положение самое плохое. Производство тракторов год от года падает, только за последний, 1994 год, выпуск сократился в 3,4 раза, составляет около 4 % от расчетной мощности завода. Соответственно, сокращается и численность. *«Раньше делали 50 движений конвейера за смену, теперь в лучшем случае - 5. В цехе было 1100 рабочих, осталось 50».* Но и оставшиеся находятся в постоянном страхе, что не сегодня - завтра и им предложат «поискать работу в другом месте». «Разговоры об этом идут все время, да и сами сокращения производятся часто. В последний раз было предложено оставить в бригаде 3-х человек вместо 10-ти. «Будете зарабатывать по миллиону». Расчет был на 4 движения, но делаем больше, особенно в конце прошлого года, когда был заказ. Интенсивность намного возросла, работаем за троих, а получаем 200 тысяч. Оставшихся в бригаде 3-х человек тоже будут с кем-то объединять, чтобы потом легче сокращать».

Рабочий-предцехкома: *«В мае прошлого года многие получили предупреждения о сокращении, и в июле они ушли. Оставшимся сказали, что сокращений больше не будет. После Нового года новая волна сокращений. Хотя рабочих осталось самый минимум. Если сокращать еще, то придется переходить от работы на конвейере к тому, чтобы лепить трактора на постаментках».* Бригадир: *«Ощущение, что мы падаем. Интерес к работе пропал. Держимся пока - и все. На лето нас распустят. Во время вынужденного отпуска никакого пособия нет. Попробуйте июнь, июль, август прожить без ничего. Да и сейчас работаем по три дня в неделю - раньше платили за вынужденный прогул, сейчас нет. Не знаю, сколько людей после лета останется. Здесь остались только те, которые больше 20-ти лет проработали».* Еще высказывания: *«Организация оплаты все время меняется как «им» удобно. Предлагают то оклады, то расценки».* *«В перспективе речь идет даже не о зарработке, а будем ли вообще работать, будет ли существовать завод».*

На профсоюзной конференции в выступлениях звучали те же мотивы. *«У нас смехотворная зарплата. Отсутствует отопление, крыша течет, в целом возвращаемся к пещерному образу жизни».* *«В цехах постоянно пьянка, людям некуда деться, постоянно идут разговоры о сокращениях. У рабочих руки опускаются. Заброшены вопросы техники безопасности. Сегодня человек, получивший травму, оказывается в*

тяжелейшем положении. Неясно даже, оплатят ли больничный лист. С больничным за подписями гоняют, как вишнего по бане». «Грядет лето, и мы оказываемся без работы. 3-4 месяца будем без зарплаты. А есть семьи, где и жена, и муж работают на заводе. Меня, как женичину, этот вопрос берет за горло. Приходишь домой - дети хлопают пустым холодильником, просят есть».

При сокращениях люди уходят, как правило, «по собственному желанию», их уговаривают, что лучше так сделать, это «выгоднее». *«И вообще уходить надо как можно скорее потому, что зарплаты падают и пособие будет меньше».* И люди поспевают. *«С теми же, кто не хотят уходить сами, проводят определенную работу - приглашают «на беседу», вытаскивают грешки, накопившиеся за 20 лет. При этом администрация не хочет брать на себя ответственность, предлагает самим написать, кого надо уволить. Да, да, администрация определяет, сколько надо сокращать, а рабочим спускают цифру, и они уже сами ужимают себя. Сами себя. При этом вытесняются (выдавливаются) молодые рабочие, те, кто хорошо работает, но, допустим, не пьет с бригадой. Мы предлагали проводить сокращения через комиссию, в которую войдут представители администрации и профсоюза. Но даже рабочие сами не поддержали это предложение».* При фактических сокращениях только несколько человек уволены по этой статье, остальные - «по собственному желанию».

Общее настроение рабочих подавленное, настороженное, пессимистическое. Они предпочитают «не высываться», поменьше разговаривать (в частности, с трудом соглашаются на интервью) ощущают себя полностью отчужденными от участия в управлении, жалуются на плохую информированность о делах завода, цеха и даже своего участка. Не знают, сколько стоит трактор, какие есть заказы, куда уходит продукция и вырученные за нее деньги...

Здесь в первый раз бросается в глаза встречающееся потом постоянно четкое деление на «мы» и «они», рабочие и «начальство», и обращение недовольства в сторону «их», прежде всего - своей администрации. Именно «им» приписывается вина за все неурядицы, неустроенность рабочих и в особенности за отсутствие заботы о заказах на работу. Представление о том, кто такие «они», нечеткое, расплывчатое, но с богатым содержанием. Могут много рассказывать про «их» козни, по этим высказываниям можно было бы нарисовать красочный портрет «их», в котором присутствуют такие черты, как высокомерие, пренебрежение людьми и склонность к давлению и насилию над ними, бессовестность и вороватость и т.п. Но противостояние администрации тракторного производства не спланирует рабочих. В трудной ситуации они предпочитают искать выход поодиночке, в первую очередь - путем «самоухода».

Впечатление, что этот отряд (или остаток отряда?) бывшего «гегемона» оказывается на самом дне в трудовом коллективе, и не только своего комплекса, но и всего АО: у него самая низкая зарплата, самое неустойчивое положение и самое подавленное настроение (надо подчеркнуть, что наиболее сложным положение выступает именно в субъективном восприятии). Может быть хоть перспективы компенсируют сегодняшнюю ситуацию? Но перспектив никто не видит, остается только выход из ситуации путем увольнения (однако и он доступен не всем). Разрядку некоторые находят, увы, в известном источнике истины и таких «разряженных» или «подзаряженных» что-то многовато встречалось при поиске респондентов для интервью. Люди оправдывались тем, что они «все равно болтаются без работы» и что «при такой жизни если не пить, то можно начать кусаться».

Невольно напрашивается вопрос - как же дошли до жизни такой?

Объяснения достаточно простые и, в общем-то, известные. Отключение отопления - на такую крайнюю, вынужденную меру пришлось пойти потому, что «энергетики загоняют цены, словно стремятся разорить производственные предприятия». Завод вынужденно будет переходить (в условиях крупного города!) на автономную выработку тепловой и даже электрической энергии. «За закрытие столовых работники и сами

проголосовали», предпочитая лучше получать доплату в свои руки, чем оплачивать неимоверно вздорожавшие обеды.

Загрузка (а точнее ее отсутствие), зарплаты и сокращения объясняются вроде бы отсутствием спроса на чудо-трактора, которые теперь «никому не нужны». По словам генерального директора АО, «сельскохозяйственный рынок равен нулю». Но он же говорит: «Мы-то так не считаем, знаем, с чем это связано, но руководство страны думает, видимо, что нас прокормит кто-то из-за рубежа». На заводе убеждены, что спрос остановлен искусственно - вследствие общей государственной политики, и этим фактором в первую очередь обусловлен упадок всей производственной жизни.

Названные причины как-то объясняют ситуацию. Но могут ли они служить оправданием? И еще один вопрос: каких действий, какого «голоса» можно ожидать от работников этого производства?

Интервью у мартена и прокатного стана

С тракторным производством все понятно. Но в акционерном обществе есть предприятия (комплексы), где производство не только не сокращается, напротив, растет. Это металлургия. Доля металлургической продукции в выпуске завода выросла за год с 37 до 57%. Так, сталепрокатный завод набирает физические объемы, растет от года к году по выпуску стали. Правда, при этом нетрудно видеть, что даже машиностроительный в основном завод, производивший ранее металл главным образом для себя (для своих производств), превращается в сырьевое предприятие. Но это другой вопрос. Во всяком случае рабочие мартеновского и сталепрокатного должны находиться в лучшем положении и соответственно более оптимистично воспринимать «рыночную революцию». Для сравнения здесь и проводим следующие интервью.

Но неожиданно оказывается, что отличие металлургов от «трактористов» состоит вовсе не в большем удовлетворении, а наоборот, в более резком (и громком) выражении недовольства. Подвинуть на беседу рабочих также удастся с трудом. Все же в конторке мастера рядом с мартеном собирается сразу 5 человек, разговор превращается в групповое интервью. И с самого начала то и дело мелькают выражения типа «бардак», «идиотизм», «головотяпство», «хуже некуда» и т. п. относительно своего положения, ситуации на заводе и во всей стране. В причесанном (и выборочном) изложении ответы на вопросы о положении рабочих звучат так:

«Да, заработок у нас выше, чем у «трактористов». Но у рабочих он вовсе не доходит до 1,5 миллиона, как распространено мнение, составляет где-то около 700-800 тыс. Да, сокращений как таковых у нас сейчас нет, хотя численность уменьшилась. Буфет цеховой сохранили. Отопление нас особо не беспокоит, у мартена не замерзнешь. Квалификацию не потеряли, наоборот приходится подтягиваться, поскольку теперь к металлу более высокие требования. Что еще? Физические условия - «какими были, такими и остались - хуже просто некуда...».

Говорим, что для нас неожиданным является их резкий недовольный тон... Все-таки положение у них лучше, чем, например, у «трактористов». Как его можно объяснить?

«Ну, во-первых, тем, что положение, как вы сказали, лучше. Мы еще можем позволить себе высказываться. Когда рабочего человека загоняют в угол, как «трактористов», народ становится молчаливым. Во-вторых, положение тоже ухудшается. Не улучшается и не сохраняется на том же уровне, а именно ухудшается, мы так считаем. Сейчас мы думаем только о том, чтобы выжить, чтобы с работы не выгнали. Зарботок выше, но в сопоставлении с нашей каторжной работой и условиями сегодняшней жизни... Живем от получки о получки. На нормальную жизнь не хватает. Хватает только на питание. А купить холодильник, телевизор, не говоря уже о японском - проблема. А о том, чтобы накопить, скажем, на жилье - не может быть и речи (двое из разговаривающих живут в общежитии, у одного из них - семья, ребенок). Даже одеться и то сложно. Цены все растут и растут, зарплата не поспевает за ними. В

отпуск поехать - и то не каждый может себе позволить. В столовую, хоть она и есть, мы практически не ходим». - «Как же вы питаетесь, бутербродами? Ведь ваша работа требует хорошего питания, на воде не продержитесь...» - «На воде и сидим. Чай пьем. В столовке, во-первых, дорого. Во-вторых, выбрасывать деньги на котлеты, которые неизвестно из чего крутят... Бедно люди стали жить. На мерседесах ездят дельцы и члены правительства. А те, кто работает на предприятиях – они нищие».

«Что касается уверенности в своем положении, то ее тоже нет. Сегодня загрузка есть, завтра ее не будет. В любой момент может встать и Кировский завод в целом и наш мартеновский тоже. Да и при загрузке сейчас действует формула - чуть что: «Не нравится - уходи!». И никто тебя не защитит. Вот 120-й цех закрыли. Никто не защищал и не собирался. Недельку продержали дома, потом выкинули бумагу, вот - хотите в 29-й цех, хотите - в 30-й. Профсоюзу - до лампочки! Потому что они зависимы от администрации. Так было, есть и будет всегда. Раньше это прикрывалось какими-то словами, сейчас делается в более открытой форме...».

«И потом, пусть у нас лучше... Но мы не можем спокойно смотреть, как другие бедствуют, как их разгоняют. Все же какую-то солидарность надо проявлять. Тем более, что завтра это может коснуться нас самих».

В сталепрокатном заводе, где тоже получилось коллективное интервью, о своем положении рабочие говорят еще более раздраженно (напомним, цех является лучшим по загрузке). Оценка своего положения почти такая же, как у мартеновцев. Материальное положение ухудшается. Денег хватает только на то, чтобы прокормиться. Но решить, например, жилищный вопрос невозможно.

(Одно из высказываний: «Я 30 лет отработал на заводе. Квартину мне, как было раньше, не дадут. Покупать надо. А однокомнатная квартира стоит от 90 миллионов и больше. Ну где рабочему человеку взять 90 миллионов?! Мне говорят: «Иди плати первый взнос 20 миллионов». Десять еще можно бы наскрести. Я должен есть, одеваться, у меня семья... При моей зарплате только правнук получит эту квартиру. А у меня два сына - один женился и второй женится. По очереди теперь не дадут, а зарплата у них средненькая... Над этой молодежью еще немного поизмываются, так они так морду набьют всем - будьте нате! Да что там говорить - в садоводство съездить всей семьей - почти полполучки надо отдать. Где же забота о трудящихся, о которой говорят?! Болтология одна! Болтология!»).

В плане устойчивости положения здесь тоже большая неопределенность:

«...сегодня работа есть, а что будет завтра - неизвестно, как будем работать летом - неясно. Да и сегодня работаем вполсилы и меньше. Раньше катали металл 4 бригады по 6 часов с минимальной пересменкой. А сейчас на 20 минут дадут работу - час ждем следующей порции металла из печей».

«Если сравнивать с «трактористами», конечно, у нас положение лучше. А если планку повыше поднимать, до западноевропейского уровня, где профессия металлурга самая уважаемая, самая высокооплачиваемая, на металлургов смотрят как на людей... А у нас с вами как? Что дворник, что металлург! Это позор для страны! Металлурги до 52-х, 53-х, максимум 58-ми доживают - и на кладбище. У нас половину перехоронили. У проходной не успевают одно извещение снять, как надо другое вешать...».

Таким образом, и в самых благополучных подразделениях рабочие по своему положению - по крайней мере по субъективному восприятию - ощущают себя далеко не в лучшем положении и высказывают свое недовольство резко, громко, не стесняясь, между прочим, в выражениях. Их протестный настрой парадоксальным образом даже выше, чем у совсем «униженных» других групп работников. Но вот вопрос - звучит ли их громкий протест дальше стен курилки, разговора с социологом из академического института? Можно ли ожидать что именно они выразятся «могучим голосом путиловского рабочего»? Не окажутся ли они тоже «на дне»?

У гальванической ванны

Наряду с цехами (предприятиями, комплексами), крайними по своему положению, мы взяли «среднее», более-менее благополучное предприятие. Это ремонтно-механический комплекс (завод, бывший цех). Каково здесь положение рабочих и как они его воспринимают? Беседуем с гальваниками, среди которых - председатель цехового комитета профсоюза, проработавшая в цехе более 30 лет, всеми уважаемый человек, настоящий «лидер мнений» (что проявляется и в ее профсоюзном лидерстве). Здесь не было резких сокращений, хотя численность путем «самоухода» работников тоже уменьшалась. У ремонтников не такая тяжелая, как у металлургов, работа и лучшие условия труда. В столовую и здесь «не все ходят», но стараниями профкома организована «комната питания», где рабочие кипятят чай, едят бутерброды, завтраки, принесенные из дома. Уровень заработной платы в целом по цеху приближается к среднему и выдается она во-время, в последний период только один раз была задержка - всего на 4 дня, да и то из них 2 дня - выходных, и - по согласованию с профсоюзом.

Но и в этом подразделении положение рабочих хуже, чем у других групп работников. Зарплата у них самая низкая - раза в полтора ниже, чем, скажем, у служащих. У последних на оклады идут всякие «накрутки», которые часто больше, чем тариф.

«Раньше в бухгалтерию никто не хотел идти работать потому, что там были оклады в 65 рублей, А сейчас девочка в бухгалтерии получает больше, чем слесарь-ремонтник 6-го разряда, который должен кормить семью. Табельщица, которая ставит «восьмерки», стала получать гораздо больше, чем сварщики, термисты и другие основные рабочие». -#

«Сдельщикам еще можно как-то зарплату поднять, а повременщики - монтеры, электромеханики - стали получать самое меньшее».

Высказываем предположение, что, может быть, зато по стабильности, уверенности в работе положение у рабочих лучше. Нет, и в этом дело обстоит не так. Крупных сокращений рабочих, действительно, не было, но многие уходили сами в связи с неполной загрузкой и нет уверенности, что загрузка сохранится. Рабочие угнетены своим положением. Но здесь недовольство не проявляется в каких-то резких высказываниях и, тем более, акциях протеста, преобладающим настроением является пассивность.

Предцехкома объясняет ее спецификой контингента:

«Молодые ушли, пришедшие из ПТУ не возвращаются после армии. Остался очень старый контингент, на 75-80 % - пенсионеры. Это люди, которые «еще при социализме жили, люди старой закалки, привыкли, что если «надо» - все исполнять». Выступлений нет не потому, что все хорошо, все вопросы решены и нет недовольных. Да их просто не поднимешь на забастовку. Зарплату получили, на питание есть деньги - и все. А если бы было больше молодежи - была бы жизнь. Было бы больше недовольных, было бы мышление совсем другое».

Таким образом, и в этом подразделении рабочие, по крайней мере по настрою на действия, находятся в состоянии, которое можно назвать - «залегли на дне».

...И полуинтервью у руководящего кресла

«Полуинтервью» потому, что в «письме» в основном о рабочих мы лишь коснемся содержания разговора с «лидерами мнений» от администрации, руководства - чтобы отметить состояние предприятия в целом, по крайней мере, с точки зрения руководства, и оттенить самочувствие рядовых работников. Надо, видимо, послушать другую сторону, тех, кого рабочие обобщенно называют «они», имея в виду руководство, администрацию, начальство вообще, кого винят в своем положении и вообще во всех смертных грехах. В «они» входит, конечно, и высшее руководство - правительство, Президент - их обвиняют в наиболее общих бедах, и, кстати, эта направленность недовольства вовне весьма характерна. В то же время свое руководство ближе, его действия более конкретны, совершенно осязаемы. Поэтому его ругают в первую очередь.

Директор одного из комплексов (заводов), вращающийся, естественно, и в сфере верхнего руководства, часто приглашаемый для выступлений перед общественностью, в т. ч. через заводскую газету, настоящий «лидер мнений» от администрации, в целом настроен бодро, оптимистично относительно как собственного положения, своего комплекса, так и АО в целом (возможно, сказалось то обстоятельство, что он совсем недавно назначен директором).

«Завод, считает он, прошел «нижнюю точку» и теперь медленно, но верно, идет на подъем. Перспективы неплохие. Ряд производств прошел ломку, перестройку, реформы заставили «застывшего монстра» перестраиваться. Раньше всех это коснулось турбинистов. Конверсировать данное уникальное производство оказалось даже сложнее, чем танковое. Года два назад оно находилось в очень сложном положении, но сейчас стабилизировалось, начался рост. У сталепрокатчиков тоже было падение, сейчас они набирают темпы. «Трактористы», правда, попали в то положение, в каком находились турбинисты 2-3 года назад. Но если пошире посмотреть, в стране и не нужно столько таких тракторов. Теперь будет к ним более бережное отношение.

Производства нашли свое место. В целом Кировский завод не умер, да и не может такой завод погибнуть. Таким образом, ностальгии по прежним временам нет. Есть, правда, и отрицательные моменты. Большой потенциал мы потеряли, и в первую очередь - человеческий. В этом плане потенциальные возможности упали на 2/3. Года 3 назад зарплаты на Кировском заводе и в малом бизнесе различались как небо и земля, люди рванули туда. Но сейчас зарплата выравнивается, она уже не самая низкая по городу, и уже около года отток численности не превышает средних (нормальных) цифр (2-3% в год). При этом, если, скажем, численность упала с 14 до 8 тысяч, то 6 тыс. в основном не ушли с завода, а перешли в другие, вновь созданные внутри предприятия структуры. Самое главное - удалось сохранить костяк. Надо отдать должное генеральному, который говорил: «Надо оставлять хребет. Надо сохранить основные, наиболее ценные кадры любыми силами». И это удалось сделать. Я горжусь, что мне удалось удержать 30-40 человек универсалов, способных выполнять любую работу.

Что касается отношений с рабочими, профсоюзом, то и здесь у меня нет непримиримых противоречий. Отношения в целом нормальные, деловые. Профсоюз мне даже нужен как разумная оппозиция. Я готов посидеть с ними, поговорить, послушать их жалобы на заработную плату, имею возможность возразить. Рабочее движение, как руководитель считаю, имеет право на существование, если оно не несет деструктивную, нигилистическую функцию, а конструктивно. Я только против лозунгов: «Все долой!».

Также оптимизмом дышало выступление и генерального директора АО на последнем акционерном собрании. Он рассказал, что завод осваивает новые образцы продукции, в т. ч. и в тракторостроении, создал уникальную модель трактора (К-20) и не менее уникальные установки для газо- и нефтедобывающей промышленности, установил многочисленные связи и организовал совместные производства со всемирно известными зарубежными фирмами, происходит подъем в металлургическом производстве, ведутся внутренние преобразования, структурная перестройка, создание дочерних предприятий и достигнута финансовая стабилизация...

«В итоге удалось образовать солидный фонд развития и в дивидендный фонд собрать такую сумму, которая впервые обеспечит выплату дивидендов не только по привилегированным, но и обыкновенным акциям».

Выходит, «гегемон» ощущает себя в самом нижнем трюме в тот момент, когда в целом «флагман индустрии» уже всплыл и разводит пары? Как это понимать? Самоощущение рабочих является слишком субъективным? Или дело в том, что прекрасные дали открываются, положение стабилизируется, отсюда и оптимистическое настроение только у тех, кто находится на верхней палубе, в капитанской рубке, а матросам, то бишь рабочим, при теперешнем курсе экономики не становится легче и

тогда, когда завод дымит во все трубы? Сейчас их положение объясняется трудностями производства, но не маскируют ли просто последние истинную картину?

От проблемы - к действию?

Даже если «лидеры мнений» от руководства правы, и завод в целом (как организация) действительно прошел «нижнюю точку падения», положение бывшего гегемона остается сложным. Сегодняшняя «революция» вот так изменила его место, статус, психологию, как бы «задвинула» его. Положение рабочих можно назвать проблемным. И отсюда логично ожидать, что они будут предпринимать какие-то усилия по поиску выхода из кризисной ситуации, по крайней мере - будут настроены на это. Налицо, так сказать, предпосылка для перехода от проблемы к действию.

Форм для проявления активности существует, как известно, много, от стихийных, разрозненных и в рамках своего предприятия до солидарных, организованных в масштабе всей страны и даже с опорой на соответствующие международные организации. Нас интересовали установки рабочих относительно трех основных из этих форм: рабочего движения, действий в рамках профсоюзов и открывшейся недавно акционерной формы.

Общий вывод (подробный анализ впереди) можно было сделать такой: наличие острой ситуации не ведет автоматически к поискам выхода из нее, нет прямой связи между потенциалом недовольства и коллективными действиями по разрешению проблемы. В отдельных случаях связь скорее даже обратная общераспространенному представлению. Так, в тракторном производстве первичное ухудшение положения вызывало острый протест. Однако последующее падение статуса парадоксальным образом подавляло коллективную активность, при запредельном уровне недовольства его проявления могут приобретать взрывной характер. Значит, подъем коллективной активности возможен лишь при некотором улучшении положения. Такие выводы можно сделать по крайней мере относительно данного предприятия, в данный, переходный, период времени. Как все это объяснить?

Б. Максимов, январь-февраль 1995

(Цит. по: Максимов Б.И. Письма с Кировского завода (1995-1997). СПб (б. Ленинград): Публикация Виктора Дудченко, 1997, с. 2-10)

***

[«Море, отражающееся в капле» - так определил «Письма с Кировского завода» их комментатор, историк Николай Александрович Преображенский. Ниже - фрагмент его послесловия к социологическим письмам Б.И. Максимова. - А. А.]

= Из работы Н. Преображенского (1995)

<...> Не имея давних, укоренившихся традиций, отечественное рабочее движение, «второй раз» родившееся лишь в конце 80-х, довольно быстро стало выдыхаться. Как представляется, причиной тому не только жесточайший социально-экономический кризис, но также кризис идеологический, «смятение в умах». Отсутствие в головах целостной картины происходящего и перспективы возможной борьбы обрекает либо на пассивность, либо - в лучшем случае - на чисто локальную борьбу за чисто локальные требования без постановки вопросов общего характера. Характерно, что даже уникальная за все постсоветское пятилетие (по масштабам, организованности, политической направленности) забастовка в Донбассе в июне 1993 г. фактически закончилась ничем.

В условиях остановки производств, кризиса неплатежей и социальной безответственности власть предержащих (невыплаты зарплат и пенсий стали нормой) традиционные формы протеста - обращения с петициями, пикеты, забастовки, голодовки -

потеряли эффективность (за исключением, может быть, да и то не всегда, транспортных, сырьевых и энергетических отраслей).

В устах менеджмента типичной стала фраза: «Хотите бастовать - бастуйте», а в головах многих рабочих - убеждение: «Хоть бастуй, хоть не бастуй, все равно получишь ...». Вспомним, что поводом для знаменитой шахтерской забастовки в июле 1989 г. было то, что не выдавали мыло. Теперь не бастуют даже когда не выдают зарплату. В результате для достижения цели (а в 88 % случаев это просто выплата заработанного и не более того) рабочие прибегают к прямым действиям: в основном - перекрытие транспортных магистралей, реже - захват заложников, административных зданий, спеццехов и спецскладов. К таким же методам прибегают и неработающие: пенсионеры, безработные, чернобыльцы и прочие, не получающие полагающихся пособий.

Лишь несколько примеров. Октябрь 1995 - захват и удержание в течение суток городского моста пенсионерами и рабочими в Усть-Каменогорске (Сев. Казахстан); декабрь 1995 - блокирование жел. дороги у пос. Вышков Брянской обл. (чернобыльцы и рабочие); февраль 1996 - штурм и захват безработными центра занятости в Комсомольске-на-Амуре (уровень безработицы в городе - 52 %); март - блокирование пенсионерами Силламяэ (Эстония) автотрассы Петербург - Таллинн, перекрытие жителями Владивостока центральных улиц в знак протеста против отключений электричества и тепла, блокирование пенсионерами Солнечногорска трассы Москва - Петербург; апрель - угроза матерей грудных детей гор. Данилов Ярославской обл. перекрыть трассу Москва - Вологда...

С осени 1995 г. как в России, так и в других республиках подобное стало происходить практически ежедневно. Не случайно еще в феврале 1993 г. были проведены первые всероссийские командно-штабные учения внутренних войск и органов внутренних дел по отработке подавления массовых выступлений (в соответствии с т. н. специальными планами «Буран», «Молния»). Правда, с тех пор задержка жалования стала частым явлением и в самой милиции, и во внутренних войсках).

Вопреки пессимистическим прогнозам «старые» профсоюзы (вышедшие из системы ВЦСПС) смогли сохранить свои структуры в абсолютном большинстве отраслей и предприятий. Однако многие их члены не рассматривают эти профсоюзы как свои организации, сохраняют членство по инерции. Новые профсоюзы не смогли совершить качественного скачка. Пока они имеют серьезное влияние лишь в транспортных отраслях и угледобыче.

Движение СТК, столь энергично развернувшееся в конце 80-х и даже сумевшее в 1990-92 годах создать свои, казалось бы мощные, всесоюзную и всероссийскую структуры, с 1992 г. очень быстро сошло на нет. Среди факторов, предопределивших его крах, - пассивность низов, дискриминация со стороны государства, приватизация, дезориентация многих активистов и руководителей движения, клюнувших на приманку «народной приватизации» и пустившихся в заранее обреченную игру.

В целом рабочее и профсоюзное движение в России и других бывших республиках переживает тяжелые времена. <...>

(Преображенский Н.А. Море, отражающееся в капле / Максимов Б.И. Письма с Кировского завода (1995-1997). СПб., 1997, с. 54-55)

[Борис Иванович Максимов и сегодня работает в Социологическом институте РАН. Один из тех немногих ветеранов «ленинградской социологической школы», кто там еще остался.

*В 2004 году в Санкт-Петербургском отделении издательства «Наука» вышла его книга: «Рабочие в реформируемой России. 1990-е – начало 2000-х годов».*¹⁹⁶

---

¹⁹⁶ Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России. 1990-е – начало 2000-х годов). СПб.: Наука, 2004. – 277 с.

С.Ф. Минакова

16.12. ВЫГОДА ОТ ГУМАНИЗМА (К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ)

Несколько вступительных слов

Читатель уже хорошо знаком с одной из адресатов “Писем...” социолога-рабочего начала 1980-х гг. и моим соавтором тех лет, социологом и социальным психологом, кандидатом философских наук Светланой Федоровной Минаковой. (Июль 2013)¹⁹⁷

(1)

Опыт изысканий в области социологии личности

[См.: Из неопубликованных глав. Том 1. Глава 1: Опыт изысканий в области социологии личности. Там же см. подробнее о С.Ф. Минаковой. - А. А.]

(2)

[При встрече в ноябре 2000 года С. М. показала мне текст своего “открытого письма” Президенту России В.В. Путину, на научно-гражданственную тему.

Ниже — текст этого письма, публикуемый здесь в сокращении, с разрешения автора. - А. А. Ноябрь 2000 — декабрь 2003].

= С. Минакова — Президенту РФ В. Путину (октябрь 2000)

Открытое письмо

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Я дважды обращалась к Вам во время Вашей предвыборной кампании. В первый раз мое письмо <...> было переправлено в Минобразование, второе было направлено в команду, которая разрабатывала Вашу программу.

Поскольку реакции Ваших помощников не последовало, я пишу Вам в третий раз, и посылаю свою последнюю книжку — “Предотвращение экологической катастрофы” (Кировск, 2000). На этот раз я выбрала форму “открытого письма”.

Экология личности для России

Из издательской аннотации:

«В книге рассматриваются изменения в численности, составе, положении, социальных ориентациях и реальных действиях рабочих, как одной из основных социально-профессиональных групп в реформируемой России 1990-х – начала 2000-х гг., в период радикальных реформ. Особое внимание уделяется анализу состояния, динамики, форм, факторов, этапов, тенденций российского рабочего движения, его роли в преобразованиях, профсоюзной составляющей действий рабочих. Показаны конкретные особенности положения и действий отдельных групп рабочих (шахтеров, машиностроителей, рабочих на предприятиях с иностранным участием и др.)...».

¹⁹⁷ См. в: ДСиСА – 1 (Глава 2; глава 5). См. также: Из неопубликованных глав, том 1 (Глава 1).

Как-то Вы сказали: “У нас везде Чечня”. Это верно. Но, согласитесь, методики решения этой проблемы никого не устраивают, а методология вообще никого не волнует. Нет ее, и не надо. Поэтому Чечня надолго останется открытой кровоточащей раной России.

Не лучше и со СМИ. Кому и чему должны они служить? Деньгам и прихоти олигарха? — Всем противно. Государству и власти? — Уже проходили.

Кому должны принадлежать богатства страны? Толстосумам, которые не растерялись, в нужный момент оказавшись возле заветных сокровищ, или государству? Первое, очевидно, нехорошо. Но второе привело СССР к неожиданному и печальному концу — почти поголовному отчуждению от труда, от дела.

Почему образование готовит специалистов, но не озабочено воспитанием граждан? Непонятно, почему вообще еще не вымерли, вследствие мудрых гайдари-американских реформ, учителя и ученики. Почему не вымерли ученые? В советской науке было непомерно много карьерно-“научного” балласта и возрождать это не нужно. Но как отличить зерна от плевел?

Вместе с Вами эти и многие другие вопросы задают себе россияне. Хотя чаще люди интересуются выплатой зарплат, пенсий и пособий, а методология для подавляющего большинства — это обидное издевательство над здравым смыслом, “философия”... Этим должно заниматься начальство. Начальство, в лучшем случае, кивает на специалистов. Специалисты, перестав цитировать классиков марксизма, цитируют “свежих” авторов, от Августина до Бердяева.

Лишившись методологии, идеологии и “светлого будущего”, россияне с надеждой обратились к прошлому — экзотической фактуре древней Руси, средневековья, новейшего времени. В своей истории они пытаются найти ответы на самые жгучие вопросы современности. Поворошив былое и обнаружив в нем немерянное количество подлости и насилия, невежества и дикости, люди оправдывают существующее зло, либо идут еще дальше — утверждают необходимость эскалации насилия и зла в жанре трамвайно-митингового: всех их (власть предержащих, тех, кто разбогател, евреев, с кавказскими лицами, и пр. и пр.) перестрелять, стереть в порошок и т.д. Заведомо губительный путь, с национально-патриотическими агрессивными мотивами.

Каким бы тяжелым ни было наше коллективное детство, мы живем в настоящем, и нас очень беспокоят перспективы. Это настоящее — прежде всего — в системе. И казалось, именно системный метод позволит найти ответы на животрепещущие вопросы. Но и системный метод сегодня не дает удовлетворительного ответа на вопросы, поставленные жизнью.

Дело в том, что наука, следуя внутренней логике своего развития, все более дифференцируется и специализируется. Каждый специалист рассматривает ситуацию, сложившуюся в России и в мире, с позиции своей области знаний — экономики, политики, национальных отношений, образования, права, экологии, военного дела, литературы, искусства и пр., и пр. В результате отсутствует виденье эпохи как ЦЕЛОСТНОЙ системы со своим основным противоречием. Поэтому мы до сих пор не получили вразумительного ответа на вопросы, поставленные общим кризисом России. Каждая область знаний предлагает свое решение, экстраполируя свое виденье мира на всю систему, каждая требует особого внимания, а более всего денег, которые, как кажется, могут решить все.

Россия стала жертвой однобокого специализированного подхода, прежде всего экономического и наивно-материалистического мировоззрения. Реформы осуществлялись в надежде на то, что, став собственниками, люди станут рачительными хозяевами, а получив суверенитет по потребности, они станут гражданами. Вместо этого, прихватив с собой сокровища, которые нежданно, негаданно свалились им на головы, не состоявшиеся граждане поспешили на Канары, а недавние старшеклассники отправились умирать в Чечню. Этот печальный для разоренной страны опыт еще раз подтвердил, что нельзя

решить общероссийские экономические, государственные, национальные, религиозные и прочие проблемы, оставаясь в кругу понятийных, познавательных, эвристических возможностей каждой из них. Любое такое решение будет односторонним и опасным, когда решение национальных вопросов разрушает государство, политика подрывает экономику, образование готовит разрушителей, а не созидателей, СМИ ради денег и сенсации тиражируют любую разрушающую личность и общество информацию, а экономическая реформа, в результате шоковой терапии, приводит к вымиранию населения.

Для того, чтобы понять происходящее и найти выход из трудной ситуации, необходимо сменить точку зрения. Подняться над отдельными областями, **УВИДЕТЬ ЦЕЛОСТНУЮ КАРТИНУ МИРА**, в которой “взаимодействие между материальным и духовным приняло роковой характер” (А. Швейцер. “Культура и этика”).

Обратите внимание, Б.Н. Ельцин пытался подняться на более высокий уровень обобщенности личности — мыслить “как царь”, отбрасывая мелочи (“не царское это дело”). Но сегодня этот уровень недостаточен и потому **БЕСПЕРСПЕКТИВЕН**. Сегодня даже глобальный (на уровне глобуса) уровень мировосприятия недостаточен, тут тоже много суеверий, государственных и личных амбиций, конкуренции, ненависти и смерти, и выхода на этом уровне мировосприятия не предвидится.

Поэтому, преодолев и эту ступеньку, нужно сделать еще один принципиально важный шаг — не космический, как следовало бы ожидать, потому что космизм уводит в физику, астрономию или мистику, а **ФИЛОСОФСКИЙ**. Уровень, перед которым робеет, а потому делается агрессивным обывательское сознание. Это тот уровень, на котором люди должны **МЫСЛИТЬ КАК БОГИ**.

Вот как об этом пишет вице-президент США, эколог Альберт Гор ¹⁹⁸:

“Чем глубже я ищу корни глобального кризиса, тем более убеждаюсь в том, что он состоит во внешнем проявлении внутреннего кризиса, который, не найдя лучшего слова, можно назвать духовным.

Как политик, я очень хорошо помню об опасности употребления слова “духовный” для описания проблемы, подобной обсуждаемой. Для многих это похоже на один из дорожных знаков, предупреждающих автомобилистов: крутой спуск — водители грузовиков, тормозите. Но какое другое слово описывает совокупность ценностей и целей, которые определяют наше понимание меры нашего соответствия вселенной?” (Цит. по газете “Зеленый мир”, 1996, № 2).

Пожалуй, экология личности может дать ответ на этот злободневный вопрос, потому что в рамках этой, пока еще только складывающейся, дисциплины духовность (личность, ее поведенческая направленность и жизненная философия) предстает не как таинственная, романтическая и непредсказуемая сила, “сидящая” внутри человека, связанная с силами небесными (или адскими), а как **МЕХАНИЗМ**, регулирующий поведение человека, согласующий требования инстинкта жизни, общества, знаний и собственно личности.

***

И общетеоретические, и специальные исследования показывают: личность — не дар Божий, не аксессуар хорошо воспитанного человека. У личности — **ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ**. Коротко: чтобы **ВЫЖИТЬ**, люди должны были **ТВОРИТЬ** то, чего нет в природе, т.е. стать творцами. Для того, чтобы творить, нужно было **ОБЪЕДИНЯТЬСЯ** и **ПЛАНИРОВАТЬ** собственную и совместную деятельность, т.е. научиться **РЕГУЛИРОВАТЬ ПОВЕДЕНИЕ** — откладывать какие-то потребности и предвидеть результат в отдаленном будущем. Именно для решения этих задач и “появилась” личность, которая регулирует поведение, принимает решения и согласует потребности тела, чувств, инстинктов и дела, общества и знаний, навыков, опыта. Таким

---

¹⁹⁸ Как известно, А. Гор едва не выиграл президентскую кампанию у Дж. Буша-младшего в 2001 г.

образом, личность возникла из чисто “производственной необходимости”, а ПРАГМАТИЗМ и УТИЛИТАРНОСТЬ — ее родовые качества.

Личность — менеджер, занятый сетевым планированием (выучусь — женюсь), личность — диспетчер, регулирующий повседневную деятельность (закончу отчет — пообедаю), личность — государство со своими законодательными (мораль) и исполнительными (поступки) органами, генеральный штаб, где разрабатываются стратегии жизни, ее цели, смыслы, интересы, потребности, ее жизненная философия, ее общая направленность.

И все бы ничего, если бы личность всегда действовала в соответствии со своими базовыми целями — ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВО и ЕДИНЕНИЕ.

Но у личности есть одна особенность, и именно эта особенность уже тысячелетия не дает покоя людям, делает ее [личность. — А. А.] таинственной, абсурдной и служит причиной миллионов несчастий, убийств и самоубийств, войн, казней, взаимного истребления, мучения, пыток, коварства, подлости, исчезновения целых народов и в конце концов ведет человечество к глобальной экологической катастрофе.

Дело в том, что личность, в отличие от человека, индивида, — НЕ ВЕЩНА, ИДЕАЛЬНА. Именно с идеальностью личности до сих пор не справились люди. Именно из этой особенности личности, а не из-за “встречи обманщика с дураком” и не как “вздых угнетенной души” возникла религия.

Так вот, личность, вследствие своей нематериальности, способна отрываться, ОТЧУЖДАТЬСЯ от реальности, существовать как некая самостоятельная сущность, при этом она может отрываться от своего ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ, от созидания, единения и Жизни. Возникнув как самостоятельная руководящая структура, личность использует “служебное положение”, отчуждаясь от потребностей мира и жизни — она начинает заниматься собой, своими собственными интересами (развитие, идентификация с миром, целостность), даже в ущерб своему владельцу. Так, например, жизнь, как таковая, может вообще не входить в систему ценностей некоторых людей.

Личность вторична, потому что она — результат развития человека и социальных отношений. Несмотря на это, со временем, человек САМ СТАЛ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ЛИЧНОСТИ. Став регулятором поведения, личность захватила полную власть над человеком. Личность продолжила защитную, адаптационную роль психики, но уже не столько [защиту. — А. А.] от физиологической гибели, в природных условиях, сколько от социальной и духовной смерти, в условиях общества.

ПРЕСТИЖ И ЗАВИСТЬ, ЧЕСТОЛЮБИЕ И АЛЧНОСТЬ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ - ВЫДВИНУЛИ СВОИ ПРИОРИТЕТЫ И СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ, НЕ СВОДИМЫЕ К САМОЦЕННОСТИ ЖИЗНИ. Природный инстинкт жизни уступил место иным мотивам. С ЭТОГО МОМЕНТА ВОЗНИКЛА ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ КАЖДОГО ИНДИВИДА, КАЖДОГО ЖИВОГО СУЩЕСТВА, А ПОЗЖЕ — ДЛЯ ЖИЗНИ И ДЛЯ ПЛАНЕТЫ.

Человек может губить свое здоровье и жизнь ради работы, ради науки, ради идеи. Преодолевая здоровый инстинкт жизни, люди гибнут за металл, за власть, за славу, от алкоголя и наркотиков. Лермонтов назвал Пушкина “невольником чести”. Инстинкт жизни протестовал против дуэли, но Пушкин подчинился своей личности. Смертельно раненный, он боролся за жизнь. <...>

ИМЕННО БЛАГОДАРЯ ЛИЧНОСТИ СОЗНАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА БЫВАЕТ РАЗУМНОЙ. (В частности, серийные убийцы признаются, как правило, ВМЕНЯЕМЫМИ; у них искажена — личность). Именно ВООРУЖЕННАЯ ЗНАНИЯМИ, но безответственная перед Жизнью, ОТЧУЖДЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ представляет сегодня самую серьезную экологическую опасность для всего живого на Земле.

Поэтому экология одна не справится с сохранением жизни на Земле. У нее просто нет для этого ресурса. А. Гор прав, видя необходимость перехода на новый уровень

рассмотрения проблемы. Но его останавливает массовое предубеждение к этому не вещному, все еще таинственному и романтическому объекту. Его останавливает отсутствие материалистических представлений о целостной личности как МЕХАНИЗМЕ взаимосвязи людей друг с другом и миром в целом. И тем не менее, он видит, что именно тут главное противоречие эпохи.

Пришла пора преодолеть мистический страх перед абсурдностью, нелепостью, жестокостью, “неуловимой”, не вещной личности и применить естественно-научные методы к исследованию этого специфического, виртуального феномена. <...>

Вкратце

Далее автор обсуждает роль социальных институтов и организаций в формировании отчужденной личности в условиях “развитого социализма” и ставит вопрос о направленной ГУМАНИЗАЦИИ социальных институтов, как условии гуманизации самого Человека.

...Из всего сказанного следует, что личностью можно не только “управлять” и манипулировать ею, но можно ее СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ, ВОЗВЫШАТЬ И ОБЛАГОРАЖИВАТЬ, вместе с социальными институтами и организациями. Нужно научиться беречь личность от отчуждения и ориентировать ее на ценность Жизни, как критерий добра. Короче: идея совершенствования и самосовершенствования личности, которая [личность. — А. А.] сегодня является источником повышенной опасности, перестает быть утопической, романтической и религиозной. И этот процесс, как нам представляется, в принципе управляем. Мы получаем надежду на улучшение общечеловеческой ситуации и ситуации в России, воспользовавшись знаниями о природе, бытии и развитии личности и жизненной философии.

***

От единения, созидания и Жизни могут отталкивать другие люди, организации и социальные институты, с которыми имеет дело человек. Если ученик не принят учителями, если его ругают, унижают, выгоняют, бьют, он начинает вести себя деструктивно (ломает, портит, уничтожает что-то или кого-то), силой, агрессией напором пытаюсь СОЕДИНИТЬСЯ с миром, быть принятым, слиться с Жизнью. Отчуждение — трагедия для ребенка. Суицид школьников уже не редкость, так же как и моральный беспредел. Гуманизация образования — первоочередной шаг возрождения России.

Все высказанные выше теоретические соображения в течение девяти лет, при поддержке Кировского экологического фонда, проверялись на практике в семи учебных заведениях гг. Кировска и Апатиты, Мурманской обл. <...>

[Здесь опущены примеры из опыта научной и педагогической работы автора. — А. А.]

***

Экологический экзистенциальный подход — следствие стремительно приближающейся экологической катастрофы, ставящей человечество в экзистенциальную, пограничную со смертью ситуацию, уже НЕ ДОПУСКАЮЩУЮ СПЕКУЛЯЦИЙ: “Как жил? Ради чего жил? К чему стремился? Чего достиг?”. Именно пограничная ситуация, в которой оказалось сегодня наивное и жадное человечество, заставляет работать с предельными категориями бытия.

ФИЛОСОФИЯ СЕГОДНЯ ПРИОБРЕТАЕТ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ, И ДАЖЕ УТИЛИТАРНЫЙ СМЫСЛ, ПОТОМУ ЧТО ЕЕ ЦЕЛЬЮ СТАНОВИТСЯ УТИЛИТАРНАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА СОХРАНЕНИЯ, СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ. ТАКОЙ ПОДХОД ОБНАЖАЕТ САМУ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНУЮ, СУЩНОСТНУЮ СУТЬ КРИЗИСА В РОССИИ, КАК ЧАСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА (ПО ПОСЛЕДСТВИЯМ), КРИЗИСА ДУХА. ЭТОТ УРОВЕНЬ РАССМОТРЕНИЯ МИРА

МОЖНО НАЗВАТЬ ЭКОЛОГИЕЙ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ЭКОЛОГИЕЙ ДУХА (КАК СУБЪЕКТНОСТИ, УГРОЖАЮЩЕЙ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ).

Методология в рамках экологии личности позволяет не только найти разумные, хотя и неожиданные ответы на вечные вопросы, но и обнаружить выходы из многих тупиковых проблем современности. <...>

[Далее автор формулирует основные положения предлагаемой адресату программы. — А. А.]

= Гуманизация личности, социальных институтов и организаций должна стать основой государственной стратегии, ее целью и смыслом (видимо, с фиксацией этой цели в Конституции). Не только военными победами, ракетами и секретным вооружением можно завоевывать уважение народов. Не упустите российского приоритета! Скажите это Слово. Речь идет не о “демократизации” в пику тоталитаризму, а о гуманизации, преодолении отчуждения, переориентации на единение, созидание и Жизнь как высшую ценность.

= Государственные преобразования, управление, госбюджет должны учитывать не только расходы и прибыли, развитие производства и социальной сферы, они должны учитывать — развитию какого типа личности способствует любая реформа, каждый новый закон.

= Необходимо разработать Программу гуманизации России: государства, образования, СМИ, медицины, армии, пенитенциарной системы, культуры и т.д.

= Переориентация личности — воспитание стремления к созиданию, единению и Жизни с детства и на протяжении всей жизни человека должны стать сверхзадачей всех социальных институтов и организаций, в особенности — образования, СМИ и культуры.

<...> = Экологический императив — созидание, единение и Жизнь — должны стать ИДЕОЛОГИЕЙ России, а в перспективе — мировой идеологией-защитой. Все люди: русские и чеченцы, сербы и албанцы, православные и мусульмане, левые и правые, мужчины и женщины, власть и граждане, осознав, что “мы все пассажиры одного корабля”, должны подняться на новый уровень взаимоотношений с миром, ОГРАНИЧИВАЮЩИМ отчужденную от Жизни личность рамками экологического императива. Таково неизбежное светлое будущее, или его не будет вообще, ни у кого, никогда. <...>

[Здесь опущены некоторые более конкретные предложения автора — в русле обсуждаемой темы. — А. А.]

***

<...> “Люди стали как Боги”, потому что они стали творить то, чего нет в Природе. За 40 тысяч лет они многому научились, а за последние 50 лет стали мощнейшим фактором воздействия на окружающую среду, способным не только преобразовать ее применительно к собственным нуждам, но и сделать непригодной для жизни.

Настал момент, когда нарастив научно-технические мускулы, люди обязаны научиться МЫСЛИТЬ КАК БОГИ.

“Человек подчинил себе планету и теперь должен научиться управлять ею, постигнуть непростое искусство быть лидером всей жизни на Земле” (А. Печечи. Человеческие качества. М., 1980, с. 181).

Экология личности — понимание механизмов взаимодействия материи и духа — позволяет найти общую интегративную цель, объединяющую людей, их институты и организации в стремлении сохранить жизнь на Земле.

Сент-Экзюпери говорил, что любить это не значит смотреть друг на друга, любить — значит смотреть в одном направлении. Общие ценности экологического императива и общая цель — спасение Жизни на Земле могут стать системообразующим элементом нового мира.

С. Минакова, член-корр. Международной Академии экологии и безопасности жизнедеятельности, канд. филос. наук, доцент кафедры психологии и акмеологии Института повышения квалификации работников профобразования, 22.10.2000

Ремарка: “...по адресу ли?”

Письмо — серьезное и глубокое, ничуть не убавившее в актуальности (за три года, истекающие с момента его написания). Предложенная С. Минаковой постановка вопроса мне очень созвучна, да, думаю, и многие с нею согласятся. Вот только — “по адресу ли”?

Признаться, я бы сегодня не стал писать письма Президенту РФ... Но не в укор автору вышеприведенного письма это замечая. (Сам раньше “грешил” таким жанром; вспомнить хотя бы... письмо М. Горбачеву и “инициативную научно-практическую записку для ЦК КПСС”).¹⁹⁹

Так или иначе, мне “дороже” другие работы С. М., имеющие, к сожалению, тираж немногим больший, чем это “открытое письмо” (которое, в лучшем случае, утонуло в архивах администрации Президента). *)²⁰⁰

[Ниже — фрагмент из работы того же автора 1999 г., вышедшей в заполярном городе Кировске, тиражом 100 экз. — А. А. Ноябрь 2000].

= Из работы С. Минаковой “Экология личности” (2000)

<...> Личность — нормальное приспособление для жизни в обществе, на само это “приспособление” не понято наукой, оно плохо понимает самое себя, плохо саморегулируется, оно все еще не окультурено, не гуманизировано, не подчинено нравственным законам благоговения перед жизнью, а многочисленные “владельцы” личности в отличие от владельцев автомобилей, которые обязательно сдают экзамены по правилам дорожного движения и устройства своего средства передвижения, как правило, ничего не ведают о структуре, формировании и потребностях такого тонкого, мощного и опасного инструмента как “собственно” личность — этого своего господина, который имеет все возможности для того, чтобы действительно сравняться с богами, но, не получив прививки гуманизма, легко становится добычей Сатаны.

Предусмотрительная служба дорожного движения не позволяет человеку сесть за руль, пока он не усвоит определенных правил, но стихийный процесс развития науки и техники без специальных экзаменов на человечность, уже вручил человеку самые мощные средства уничтожения Жизни, не дожидаясь просветления и ПРЕОБРАЖЕНИЯ людей, управляющих этими средствами. Именно в отсутствии гуманистических ценностей Жизни в структуре ценностей личности каждого человека коренится опасность для жизни на Земле. Личность может послать человека (собственное вместилище) на смерть за идею, за власть и почести, за богатство, заставить покончить самоубийством (из-за обиды, унижения, оскорбления, зависти, несправедливости, невозможности самореализации и пр.). И, что опаснее всего, по всем этим причинам — обида, зависть (вспомним Каина), боязнь упустить выгоду, утратить престиж, желание скрыть собственную ошибку или навести конституционный порядок, — она может лишить жизни другого человека и все человечество, все растения и всех животных, обитающих на Земле.

---

¹⁹⁹ См. в: ДСиСА – 2.

²⁰⁰ Как мне рассказала три года спустя С. Минакова, на вышеприведенное письмо в свое время поступил официальный ответ из Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан, в котором сообщалось, что посланная ею авторская монография “Предотвращение экологической катастрофы (учебное пособие по экологии личности)” (2000) передана в “личную библиотеку Президента”, а само письмо — направлено в правительство. Ну, а насколько российская власть прислушалась к этому обращению - судить современному читателю. - А. А. (Январь 2004).

Чтобы этого не произошло, личность не должна быть отпущена на стихию развития этой ее опасной направленности. Тем более, когда в ее власти ядерное, химическое или бактериологическое оружие. С пеленок, в школе, в вузе, ежедневно и еженочно средствами СМИ, литературы и искусства, в социальных институтах и организациях, с которыми личность ежедневно сталкивается и в которых она участвует, она должна получать ПРИВИВКУ ГУМАНИЗМА. Идеальной — не вещной — личности может быть безразличен ИНСТИНКТ ЖИЗНИ. С появлением “собственно личности” тело становится ее инструментом и она может по-разному с этим инструментом обращаться, холить и лелеять, бояться за него, ломать, не обращать на него внимания, не считаться с его возможностями и жизненным ресурсом, как это бывает с трудоголиками и алкоголиками.

Собственно личности, порой просто нет дела до сохранения животных основ, своего собственного биологического фундамента, до “дома”, в котором существует личность, до целостности и здоровья своего инструмента — своего тела, до здоровья своих детей и близких, вообще до жизни.

Не найдя своего основания в материальном мире, не найдя “территории для личности” (отличное выражение Сент-Экзюпери), будучи ОТЧУЖДЕННОЙ, В ОТЧАЯНЬИ личность может указать человеку (своему организму, своему инструменту) на ВЫХОД (суицид, пьянство, наркомании и пр.). Поступая так с собой, она тем более может поступать подобным образом с другими людьми и другими живыми существами.

Чем более абстрактна, т.е. чем более развита собственно личность, как идеальное, не вещное образование, тем более она рискует оторваться от жизни и существовать сама по себе — отчуждение от жизни — стихийный путь саморазвития личности. Сама по себе, без живого человека личность существовать не может, но это, как видим, не всегда ее беспокоит.

Уловив эту особенность личности, религия категорически запрещает верующим самоубийство и осуждает депрессию как гордыню. чтобы совместить умерщвление плоти (жизни) и оптимистическое мировоззрение — отвращение к Смерти, религии пришлось любовь к Жизни перенести на Небо, а внутреннюю культуру личности, ее разум отдать во власть Бога. История России последних десятилетий продемонстрировала миру, что представляет собой человек, лишенный гуманизма, культуры, Бога, большой идеи. <...>

***

Человек биосоциален, и “вещно-идеален” — одновременно он обладает плотью, сознанием и личностью. Личность, ему принадлежащая, — бесплотна, НЕ ВЕЩНА, идеальна и в этом смысле она НАДПРИРОДНА. Я далека от мистики, хотя таинство и чудо меня волнуют не меньше, чем других людей, но в исследовании личности <...> мне ни разу не пришлось прибегать к таким инструментам как “карма”, “судьба”, “Божья воля” и пр. <...> В настоящее время, когда глобальный экологический кризис грозит перейти в катастрофу, необходимо осознать, что развитие личности, дальнейшее РАЗВИТИЕ человека (и человечества) должно идти не столько в направлении профессиональной специализации каждого человека, сколько В НАПРАВЛЕНИИ ГУМАНИЗАЦИИ КАЖДОЙ ЛИЧНОСТИ — включения в систему общей направленности личности каждого индивида “благоговения перед жизнью”, категорического экологического императива. В этом смысле СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ *[выделено мною. — А. А.]*.

“...положение сейчас чрезвычайно серьезное и время работает не на нас, но у нас еще есть хорошие шансы взять судьбу в свои руки — при условии, что мы сконцентрируем усилия на решение этой в высшей степени важной и непреложной задачи. Если мы сможем сделать это поистине критическое усилие, то я уверен, что, С ИЗВЕСТНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ, БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СМОЖЕТ СТАТЬ ТАКИМ, КАКИМ МЫ ВСЕ, КОЛЛЕКТИВНО, ХОТИМ ЕГО ВИДЕТЬ. И вопрос лишь в том, с чего начать” (А. Печей. Человеческие качества. М., 1980, с. 58).

Экология личности недвусмысленно отвечает на этот вопрос — НАЧИНАТЬ НУЖНО С ПРАКТИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА, такие методики уже наработаны, было бы желание встать на этот путь.

***

Мы участники необъявленного соревнования, от нас зависит, что произойдет скорее: облагородится, возвысится, окультурится, проникнется ответственностью перед Жизнью личность человека или кончится “долготерпение” природы, иссякнут резервы ее адаптации к разрушительной, агрессивной личности, и тот мир, в котором мы живем и действуем, исчезнет навсегда вместе со всеми радостями и красотой, которые дарует жизнь.

СЕГОДНЯ ПРОБЛЕМА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ УКРОТИТЬ, ПРОСВЕТИТЬ, ОБЛАГОРОДИТЬ, ВОЗВЫСИТЬ, ГУМАНИЗИРОВАТЬ УГРОЖАЮЩУЮ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ОРГАНИЗАЦИИ, ОТ КОТОРЫХ ЗАВИСИТ ЕЕ РАЗВИТИЕ И ПРОСВЕТЛЕНИЕ. <...>

(Цит. по: Минакова С. Ф. Экология личности (теоретические и методологические основы). Учебное пособие. Кировск 1999, с. 38-41)

Ремарка: экология личности и философия личности

См. также: Минакова С.Ф. *Выгода от гуманизма / В человеческом измерении*. М.: Прогресс, 1989; Минакова С. *Целостная личность (учебное пособие курса “Экология личности”)*. Кировск, 1999; Минакова С. *Предотвращение экологической катастрофы (учебное пособие по экологии личности)*. Кировск — Апатиты: изд. МУП “Полиграф”, 2000.

С. Минакова определяет сегодня сферу своих теоретических и прикладных изысканий и интересов термином ЭКОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ.²⁰¹ В равной мере, думаю, здесь можно говорить о социально-философской концепции, или о ФИЛОСОФИИ ЛИЧНОСТИ (этот термин она также иногда употребляет). (2000).

С. Никитин

**16.13. РАБОЧИЙ-ФИЛОСОФ СЕРГЕЙ НИКИТИН,
ИЗ ВОРОНЕЖА**

[Извлечения из переписки с рабочим, философом и журналистом Сергеем. *Никитиным* (январь 1989). – А. А. 2000].

= С. Никитин – А. Алексееву (1989)

Здравствуй, Андрей Николаевич!

Когда Вадим (т. е. тот самый преподаватель философии, с которым Вы познакомились в Ленинградской консерватории) прислал мне Ваш адрес, я думал, что сяду за письмо тотчас же, - ведь я так долго и безуспешно искал, как это называется «выход на Вас». <...>

---

²⁰¹ Автор так, нестрого, определяет это понятие: “ЭКОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ. Если общая экология — наука о доме (экос — дом), то экология личности — наука о хозяине — субъекте, который живет в этом доме и своей деятельностью угрожает существованию дома и самой возможности существования любой Жизни в этом доме” .

Итак, что я такое есть: зовут меня Сергей Никитин, мне 38 лет, из них 20 лет я - рабочий, 15 лет - токарь, 7 лет - философ, 3 года - чл. КПСС, полгода - председатель совета цеха.

Что еще? Ну там, муж, отец... Еще немного занимаюсь литературой; правда, последние лет десять меня не печатали. Начинал репортажами, потом - кино- и литературная критика, затем - публицистика, и на этом мне довольно бесцеремонно заткнули рот. И вот только в прошлом году у меня вышел в одном из сборников нашего издательства очерк (кастрированный на одну треть – так что даже не очень и понятно, в какое время года все это происходит, то ли осенью, то ли весной), а теперь опять что-то им у меня не подходит. Видно, чтобы меня печатать, нужна не перестройка, а две или три.

Но это - к слову. Текущие обиды. Привычная деловая аура среднего русского (и среднерусского) литератора. Мои товарищи по этому скользкому делу - с которыми я когда-то вместе начинал - сейчас выбились в крепкие люди (кто в том же издательстве, кто в центральных газетах, кто на ЦТ) - впрочем, и они тоже меня не печатают (хоть и обещают, иногда довольно оригинальным образом: «Давай: у меня начальник дурак, может что и получится». Но не получалось и у «дурака»- не такой уж, видно, дурак оказался).

А я всего лишь, как чукча: что вижу, про то и пою. Если я вижу, что у нас нет науки о развитии производительных сил (т. е. главного фактора исторического саморазвития вообще), то я так и пишу: «марксизм у нас существует только на словах, на деле же у нас нет даже теории производительных сил - основы развития общества». Если я вижу, что со страниц даже партийной печати исчезло слово «коммунизм» и что партия приняла на вооружение чисто социал-демократические лозунги («правовое государство», «больше демократии - больше социализма» и т. п.), то я так и пишу: «с началом перестройки в официальной нашей идеологии обнаружился явный дрейф к политическому центризму, т.е. вправо от номинально обозначившегося ранее чисто коммунистического курса. Это должно вызвать к жизни замазывание роли рабочего класса некими «общенародными интересами» и, как следствие, породит политический противовес в виде «новых левых» движений, которые (поскольку наш «самый марксистский в мире» народ поголовно в марксизме безграмотен) вырождаются, скорее всего, в некоторое фрондобузотерство самых всеразличных мастей и оттенков - от «красных бригад» до «Союза защиты Родины, Спалина и свободы бить жидов».

Ясно, что я и не рассчитываю увидеть все это напечатанным, а теперь, когда постановления Совета Министров от 29.12.1988 наложило окончательное вето на свободу печати (в целях борьбы с *порнографией* (!) - разве можно больше напечатать порнографии, чем это было в застойной печати?, - теперь-то и подавно. А жаль, публицистика дорога вовремя. Думаю, что если бы то, что я писал о необходимости создания рабочей политической организации, было напечатано в 85-м году, то такая организация, может быть, уже была бы создана, и уж тогда-то всплески национализма в Прибалтике и в Закавказье не смогли бы принять такие крайние формы: уж рабочий-то класс там совершенно интернационален. <...>

А писал я, отчаявшись опубликовать все это, прямо по Горбачеву: мол, основные силы торможения сосредотачиваются в среднем чиновническом звене (я еще не говорил тогда о чиновниках, как о классе), но, если верхний «жернов» более-менее организован для того, чтобы этот средний слой пошел на помол, то нижний - нет. Отсюда следовала мысль о необходимости рабочей политической организации, которая не была бы партией в ортодоксальном смысле (т. е. не имела бы такой жесткой структуры иерархического подчинения одного уровня другому), а, кроме того, была бы полностью открыта как для членов КПСС, так и для комсомольцев и беспартийных, как для рабочих нашей страны, так и для рабочих других социалистических стран. Требования к членам этой организации было бы только одно (кроме, конечно, признания Устава и Программы) - иметь образование по одной из специальностей управления - философия, психология,

экономика, педагогика, теория организации, работать в каком-либо из Советов - народных депутатов или трудового коллектива любого ранга. Другими словами, это должна быть организация рабочего самоуправления, нечто вроде международного Совета рабочих. Я как раз пришел тогда к выводу, что материальной базой коммунизма может стать только самоуправление производительных сил, самоуправляющиеся производительные силы (я понимаю производительные силы несколько не так, как пишут в наших учебниках политэкономии и исторического материализма: «шли годы, производительные силы достигли определенного уровня развития: железный плуг сменил деревянную соху...»). Думаю, все же, что, поскольку главная производительная сила общества — человек, а человеческая личность - это узел отношений между другими личностями и ее (личности) самоотношений, то и развитие производительных сил - это развитие человека, развитие отношений между непосредственными производителями и их самоотношений. Ясно тогда, что производительные силы - это система общественных отношений, не совпадающая с производственными отношениями, а более первичная. Больше того, производственные отношения вырастают из отношений производительных сил, как из своей почвы, и только потому-то и возможна смена одних видов производственных отношений - другими: они родились внутри производительных сил, они - следствие развития производительных сил. Историческое движение производительных сил тогда - это их движение к самоорганизации, к самоуправлению, т. е. это просто продолжение процесса развития материи с его (развития) вечным содержанием, но только на социальном уровне.

Все это представляется настолько марксистски-очевидным, что по новому законодательству об изобретательстве в «изобретение» не годилось бы (каков Вам критерий «неочевидности»? а как же быть с тем, что гениальное всегда просто? ясно, что все оригинальное представляется примитивным, когда его придумает кто-то... другой).

После письма к Горбачеву отношение ко мне несколько изменилось, т. е. письмо-то, конечно, не дошло до адресата, но ко мне приходила некая женщина из райкома, долго убеждала меня, что все это навеяно откуда-то извне, что меня еще куда-нибудь вызовут (но, правда, не вызвали - времена не те), что я предлагаю создать оппозиционную партию (А? Организация рабочих - в нашей марксистской стране - это оппозиция! Кому же? Это к НАМ можно находиться в оппозиции, если есть желающие), что все это - некий вариант «Солидарности», впрочем, я думаю, Вам-то все это знакомо.

Практическим результатом письма Горбачеву стало то, что теперь письма от меня и ко мне то теряются где-то, то приходят черт знает как (бывало, что приходили, допустим, без воронежского штемпеля или на десятый день - это из Ленинграда-то! - заляпанные и измятые); поэтому я уже начал понемногу химичить: то через московских знакомых перешлю, то чужой фамилией подпишусь, то пошлю с объявленной ценностью рублей в 50...

Впрочем, я ничего другого и не ждал, и отношусь ко всему этому достаточно терпеливо (лет до 35 я играл в футбол, справа, в нападении, так что определенная закалка у меня есть: если защитнику в футболе *сказали*, чтобы нападающий не прошел, то вопрос соблюдения правил для него отступает на десятый план. Но моя-то задача от этого не меняется: пройти и отдать мяч *своему*). Все это только лишний раз убеждает меня в существовании развитой чиновнической солидарности (м. б., на месте развитого социализма?), которая, как мне теперь представляется, имеет характер солидарности *классовой*. В самом деле, не приобретает ли - в условиях отсутствия других эксплуататорских классов - само государство характер класса? Во всяком случае, ленинскому определению класса государственное чиновничество вполне отвечает. Но что тогда является его ведущим классовым интересом?

Это тоже несложно определить: если государство есть аппарат управления, то так называемые «государственные интересы» - это интересы аппарата управления. Аппарат этот состоит из людей, и управляется людьми. Следовательно, СУЩНОСТНЫМ его

интересом и является *управление людьми* - путем принуждения, путем подчинения их этому аппарату, путем эксплуатации их этим аппаратом, ну и т. п.

Как-то незаметно накатал я уже пять страниц. Отошлю, что получилось, Вам. Если все это Вас заинтересует (т. е. что конкретно есть у меня и о рабочей организации, об ее отношениях производительных сил, и о том, как сейчас обстоят дела у нас на заводе, и о том, как построить коммунизм), то тогда уже напишу подробнее.

С уважением

С. Никитин

Р. С. Не будете ли Вы возражать, если я на Вас «выведу» еще одного нашего парня - он работает на Ижорском заводе, в Колпино, кузнец, учится на экономическом, член совета цеха, воюет там так же, как и я, почти в полном окружении. Ему знакомство с Вами было бы большой поддержкой. Зовут его Валерий Л.: он, кстати, когда-то с Вадимом учился в одном классе; так что, если Вы еще с Вадимом увидите, то через него могли бы и передать Валерке «приглашение к контакту». Вот у него-то заодно и можно будет посмотреть все, что я ему по всем этим вопросам писал. Еще раз с искренним уважением. С. Н.

(Декабрь 1988 - январь 1989 г.)

= А. Алексеев – С. Никитину (1989)

Здравствуй, Сергей!

Получил Ваше письмо и убедился, что не зря Вадим отзывался о Вас с таким теплом и уважением. Вы, как видно из этих непритязательных страничек, действительно, и литературно, и философски одаренный человек. Все те социологические соображения, которые Вы, «между прочим», изложили на этих страничках, представляются мне и оригинальными, и верными (т. е. я с ними согласен). Мне бы хотелось способствовать их обнародованию, как минимум, в форме этого Вашего письма, которое, хоть и личное, но не интимное, так что может рассматриваться и как философско-социологическая публицистика. Разрешаете?

То, что Вы писали раньше или напишете на эти и другие общественные темы, мне безусловно интересно. Если есть что-то из Вашего - у Вашего друга, В. Л., в Колпино, сообщите ему, пожалуйста, мой адрес и телефон, а мне - его координаты. Я хочу посмотреть Ваши материалы; может быть, сгодился бы и в качестве их «толкача». Но это - «попутно». Предпочтительнее - прямая связь.

Сейчас, к сожалению, нет свободных экземпляров, чтобы послать Вам что-нибудь из своих, не опубликованных, работ. УжО, в другой раз. Но и мне хочется сделать Вам подарок. В данном случае - это знакомство с моим воронежским другом, которого я попросил разыскать Вас и передать эту записку. Евгений Стариков - философ и социолог, преподаватель общественных дисциплин, общение с которым, думаю, будет для Вас отрадой, как и для меня. Я показал ему Ваше письмо, и его впечатление совпадает с моим.

Почитайте его труды, пусть он почитает Ваши; а какие-нибудь из своих - пришлите мне. Пусть будет пока что-то вроде «невидимого колледжа».

Уважительно и дружески

Андрей Алексеев

27.01.1989

[К сожалению, впоследствии связь этим моим корреспондентом была потеряна. – А. А. Июль 2013]

В.Б. Ольшанский

16.14. «БЫЛИ МЫ РАННИМИ...». 1961

Несколько вступительных слов

Ныне покойный, **Вадим Борисович Ольшанский** (1927-2001) - пионер применения метода включенного наблюдения в советской социологии (1961-1962). Им тогда исследовались социальные и социально-психологические механизмы взаимодействия группового и индивидуального сознания в рабочем коллективе.

Статья Вадима Ольшанского «Личность и социальные ценности», опубликованная в двухтомнике «Социология в СССР» (М., 1966), входит в «золотой фонд» отечественной социологии.²⁰²

Ниже - извлечения из упомянутой давней работы моего коллеги и позднейший рассказ-воспоминание кандидата философских наук В.Б. Ольшанского об этом эпизоде своей научной биографии. (В скобках указаны страницы по названному изданию).

(Март 2000 - июль 2013).

= Из статьи В. Ольшанского «Личность и социальные ценности» (1966):

<...> Выбор объекта диктовался и тем немаловажным [наряду с другими. - А. А.] для исследования обстоятельством, что личный опыт и производственная квалификация позволяли автору войти в коллектив цеха в качестве рядового рабочего, взяв на себя анонимную роль участника-наблюдателя. <...> (472).

<...> Несколько месяцев автор работал на данном участке слесарем-сборщиком. Удалось быстро установить дружеские отношения с рабочими, бывать у них дома и т. д. Они не подозревали, что имеют дело с исследователем. Для проведения бесед, распространения и сбора анкет и т. д в цех приходили сотрудники Института философии АН СССР гг. С.Т. Гурьянов, Н.Ф. Наумова, Э.П. Петров, В.Н. Шубкин и др. Впоследствии в исследовании приняли участие некоторые рабочие цеха. <...> (472).

<...> В ходе исследования применялись методы: анализ объективных данных, опрос компетентных лиц, анкеты (в том числе самофотография вне рабочего времени и «социометрический» тест), анонимное включенное наблюдение. <...> (473).

<...> Анализ жизненных устремлений изучавшихся коллективов позволил убедиться в реальности существования «группового сознания», возникающего в результате личного взаимодействия людей в социально-психологических группах. Существенными элементами «группового сознания» являются установки, ценности, нормы поведения и способ мышления членов данного коллектива. В зависимости от того, насколько поведение человека соответствует этой системе, устанавливается отношение к нему в коллективе. В свою очередь в зависимости от того, как к нему относятся в коллективе человек склонен принимать или отвергать систему ценностей этого «группового сознания». Описанный процесс не является круговым; по существу это две стороны одного процесса - взаимодействия людей в группе. <...> (530).

(Ольшанский В.Б.. Личность и социальные ценности / Социология в СССР, Т. 1. М.: Мысль, 1966)

---

²⁰² «Вадим Борисович Ольшанский - российский социолог и философ, специалист в области социологии и психологии личности, социологии образования. О. одним из первых в стране применил комплекс социологич. методик, в т. ч. анонимное включенное наблюдение; доказал, что структура соц. ценностей обусловлена принадлежностью к рабочей группе в большей мере, чем общностью пола или возраста...

В 1980 г. О. создал оригинальную методику, выявляющую житейские представления о взаимоотношениях людей, и провел широкомасштабный опрос, материалы к-рого легли в основу сравнительного исследования в 1996 г. Соч.: Практическая психология для учителей. М., 1994; Психология практикам: учителям, родителям и руководителям. М., 1996» (Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика Г.В.Осипова. М.: 1998; электронная версия - <http://voluntary.ru/dictionary/619/word/olshanskii-vadim-borisovich>)..

Включенное наблюдение и его главные итоги ²⁰³

<...> Итак, я в Институте философии АН СССР. *[В ту пору - начало 1960-х - Вадим Ольшанский был аспирантом. - А. А.]*. <...>

В институте присматриваются ко мне с интересом. Немолодой уже человек останавливает в коридоре, интересуется биографией: «Так, армия семь лет, потом еще семь - партийная работа». Заключает назидательно: «Реальной жизни не знаешь. Надеешься тут из трех книжек четвертую сделать и назваться ученым?». Спрашиваю, а что бы он посоветовал. «Начни сначала. Поступи на завод, поработай, осмотришься, поднаберешься ума». Такое слышать обидно, но ведь «назвался груздем».

А Осипову *[Г. В. Осипов. - А. А.]* идея понравилась - «включенное наблюдение». Он хлопочет в дирекции, организует звонок на завод им. Владимира Ильича, всячески меня опекает. Заботы облегчают мне адаптацию, я благодарен...

<...> Для начала зачислен учеником слесаря. Полная анонимность. Легенда: демобилизованный майор, вечерами учится в электротехническом институте, нужен заработок. Ношу военный китель и брюки с кантом, постепенно вхожу в доверие. В цех приходят друзья-социологи: Н. Валентинова, С. Гурьянов, Н. Наумова, В. Шубкин и другие. Делаем вид, что мы незнакомы. Они распространяют анкеты, а я вечером сопоставляю ответы с тем, как себя ведет и что говорит своим ребятам этот же респондент. Существенной разницы не заметил - то ли вопросы были очень невинные, то ли действительно рабочим нечего терять...

Обработка анкет показала, что различия людей в зависимости от пола, возраста, образования внутри одного коллектива меньше, чем в зависимости от принадлежности к разным коллективам. Что же - есть резон говорить о «групповом разуме»?

После проведения социометрического теста попросил социологов принести в цех социограмму. На ней положительное отношение (выбор) обозначено стрелкой, отрицательное - «ухватом». От начальника участка к рабочему К. идет «ухват», и обратно такой же. Действительно, не проходит собрания, чтобы этот К. не выступил с критикой непосредственного руководителя, и ежедневно ему достается самая невыгодная работа. Я «похищаю» социограмму, быстро переделываю один из «ухватов» на стрелку и подхожу к мастеру. «Вот, смотри, что у социологов лежит». Он замечает идущее к нему от К. хорошее отношение, но виду не подает. «Положи на место». Разумеется, только сначала еще раз переделаю обозначения и покажу К. «Вот видишь, ты к человеку с «ухватом», а он тебя ценит. Ученые выяснили». На следующий день наблюдаю, как эти двое, словно любовники после ссоры, украдкой поглядывают один на другого - проверяют полученную «информацию». Потом один получает работу получше - примерно такую же, как и все. Шаг осторожный. Но собрание проходит без критических выпадов. Шаг за шагом отношения между ними нормализуются. ²⁰⁴

Я не скрывал, что состою в партии - иначе как бы мне стать майором? На взаимоотношения, видимо, это не влияло. Правда, раз подошел молодой рабочий, советует: «Знаешь, голова у меня учиться не позволяет. Думаю в партию вступить. Смотри, вот Н.Н. - ни фига не знает, работа - только покрикивай, а деньги идут - дай бог. Партийность!».

В дни работы XXII съезда КПСС команда: вместо обеда коммунистам собраться в определенном - самом большом - цехе. Людей набралось много, стоим плечом к плечу.

²⁰³ Этот заголовок принадлежит автору настоящей книги. (А. А. Июль 2013)

²⁰⁴ В. О. здесь не комментирует этот эпизод. Но думаю, вряд ли он одобрит сегодня такой способ оптимизации социально-психологического климата. (АА. Март 2000).

Приехал видный партийный деятель, вышел на импровизированную трибуну, сказал примерно так: «Через десять минут мне надо быть на съезде. Там вскрылись ужасные преступления Сталина. Мы считаем, что ему не место в мавзолее с нашим вождем и учителем. Просьба поддержать наше мнение».

Голосуем. Кто за? Поднимаем руки. Кто против? Таких не видно. Деятель берет микрофон: мол, спасибо, товарищи. Остается недоумение - ведь он ничего не объяснил. И не по-русски как-то - покойников перетаскивать. Неужели это и есть хваленая сознательность рабочего класса?

Незадолго перед тем был случай: заметили, что на участке исчезают ценные детали. Подозрение пало на одного из рабочих. К администрации никто не обратился, ничего не сказали. Двое подошли к мастеру, попросили увольнительную - личные, мол, причины. И поехали к подозреваемому домой. Подошли к матери - дескать Саша просил привезти кое-какой инструмент. Та указала на чемодан - смотрите сами. Они вынули из чемодана ворованное, привезли в цех, там развернули. Александру задали несколько вопросов, затолкали его в угол, не видный от прохода. Били молча и жестоко. Сказали, чтоб немедленно подал заявление и больше на заводе не появлялся. «Увидим еще раз - убьем». Вот она - «неформальная социальная санкция». и - тут же - отношение к формальной структуре организации.

Как получилось, что моя анонимность была раскрыта? Не знаю до сих пор. Только однажды, когда раздался сигнал на обед, никто не бросился, как обычно, занимать очередь в столовую. Я пошел к двери - на пути стоял человек. Я его обошел, но наткнулся на другого. Почуввав неладное, решил совершить обходной маневр, но опять в кого-то уперся. И вот я уже в том самом, не видно из двери углу, где «учили» Саньку. И передо мною, ряда в три - рабочие. С какими-то очень чужими, словно омертвевшими, лицами. В голове проносится: будут бить. И пополз противный, липкий страх.

И очень тягуче, медленно-медленно прозвучало:

- Ты зачем нас обманывал?

Это - Афанасьев, известный на участке правдолюбец, направляет на меня свою и чужую ненависть. Я пытаюсь сыграть под дурачка:

- Ребята, вы бы смеяться стали, если б узнали, что я - философ!

Вроде бы отлегло. Я почувствовал, что откатились назад. Но не надолго.

Афанасьев опять атакует:

- Ну, а скажи: ты в коммунизм веришь?

Как это сложно! Но в этой ситуации отречься невозможно:

- Верю!

- А мы - нет!

Это Афанасьев кричит остервенело мне в лицо. Почему-то он еще не дает сигнала бить. У меня есть какие-то секунды, доли секунд. И я говорю. Потом я никогда не смогу вспомнить, какие получились слова, но я принял вызов. Я говорил, что коммунизмом нельзя назвать ту мерзость, которая нас окружает, что растрепал, пустил по ветру это прекрасное слово Хрущев. Нет, коммунизм - это честно, светло, прекрасно. И такое время придет. Наверное, тогда получилось убедительнее. [*Эх, Вадим, если бы сразу тогда записал!* - А. А.].

Афанасьев отвернулся к своему верстаку, вытащил спирт, кружку, налил доверху:

- На, пей, ты - наш!

Надо ли говорить, с каким облегчением выпил тогда до дна, не отрываясь. Но были ли я тогда вполне честен?

В те месяцы я заново должен был разобраться в жизни, в себе самом. Это ГЛАВНЫЙ ИТОГ «ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ», СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АСПИРАНТУРЫ [*выделено мною. А.А.*]. <...>

(Ольшанский В. «Были мы ранними...» / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб: Институт социологии РАН, 2000, с. 181-184) –

Ремарка: «хождения в рабочие»

В то самое время (начало 1960-х), когда социолог Вадим Ольшанский проводил включенное наблюдение в роли слесаря на московском заводе, автор этих строк, журналист (еще и не слышавший про «социологию»!), примерно из таких же «романтических» побуждений, работал на ленинградском заводе вальцовщиком.

Сохранились мои дневники тех лет... Некоторые зафиксированные там наблюдения совпадают с воспоминаниями моего коллеги. Есть и расхождения.²⁰⁵ (Март 2000).

К.С. Пигров

16.15. ДНЕВНИК: ОБЩЕНИЕ С САМИМ СОБОЙ И САМОСОЗНАНИЕ ПИСЬМОМ

Ремарка: совпадение тем

*Ниже - фрагменты статьи социального философа, профессора Санкт-Петербургского университета **Константина Семеновича Пигрова**²⁰⁶, опубликованной, под названием «Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации», в сборнике: Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб, 1998.*

Здесь во многом предвосхищена моя собственная постановка вопроса о специфике дневника как формы общения.²⁰⁷ С этой работой К. Пигрова довелось познакомиться только что (апрель 2000).

...Вот и опять: только покажется, что ты что-то «придумал»... А оказывается - уже это и продумано, и напечатано, и не обязательно 200 или 20 лет назад, а и 2 года назад (случается!). И не неведомым тебе автором, а коллегой, с которым хорошо знаком; вот разве что - данную тему не приходилось обсуждать. (Май 2000).

<...> ЧТО такое дневник в нашей духовной жизни?

Понимание Другого (как отождествление с Другим и растождествление со своим «Я») немислимо вне ОБЩЕНИЯ. На этой основе возможно не только понимание другого, но и понимание вообще (как ключевая эпистемологическая процедура). Общение предполагает существование МНОЖЕСТВЕННОСТИ, которой следует удивиться философским удивлением. ОБЩЕСТВО, организующее множественность, имеет своей формой «пространство тотальной коммуникации», предстающее, в свою очередь, в качестве условия возможности общения.

Феномен множественности необходимо иметь в виду по противоположности, чтобы понять дневник, который, будучи теснейшим образом связан с индивидуальностью и субъективностью, есть наиболее яркая манифестация ЕДИНИЧНОГО.

---

²⁰⁵ Фрагменты упомянутых дневников см.: ДСиСА – 4 (Приложение к главе 22)

²⁰⁶ **К.С. Пигров** - доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории факультета философии и политологии Санкт-Петербургского Государственного Университета, Главный редактор журнала «Методические записки» (периодического издания Санкт-Петербургского Государственного Университета). Член редколлегии московского журнала «Личность. Культура. Общество».

Сфера научных интересов: социальная философия, философия истории, философия образования, философия науки, социология, философия техники, философия музыки, философская антропология, философия возраста, практическая философия, новейшая социальная философия. (См. сайт Санкт-Петербургского философского общества: <http://www.spho.ru/persons/5>).

²⁰⁷ См.: ДСиСА – 1 (Глава 4).

Мы прежде всего исходим из фундаментальности общения имманентного с трансцендентным и непостижимости вертикальной дистанции между этими двумя полюсами. Вообще говоря, диалога имманентного и трансцендентного НЕ МОЖЕТ БЫТЬ (по меркам имманентного), но он тем не менее - ЕСТЬ. По причине принципиальной несхватываемости этой дистанции здесь необходимо возникает ПОСРЕДНИК, а вертикальное отношение в связи с этим предстает двояко. Во-первых, - это так или иначе организованный диалог с Богом, с Абсолютом. Во-вторых, вертикальное общение оказывается диалогом в «земной» иерархической структуре; социум обнаруживает реальную, зримую иерархию, появляются социальные «верхи» и «низы». <...>

Вкратце

Здесь передадим лишь конспективно авторский анализ того, что в статье называется «вертикальным» общением. Этот тип общения «в письменных (печатных, компьютерных) цивилизациях застывает как текст ОФИЦИАЛЬНЫЙ» - в случае общения «сверху вниз» (например, от власти к народу).

«Конкретным образцом (и прототипом) официального текста является ПРОПОВЕДЬ, кристаллизацией, завершением которой предстает ЗАКОН», - пишет К. П.

Им рассматриваются такие признаки официального текста как «публичность» («...официальные тексты немыслимы без тиражирования...»), «эзотеричность» (...»за всяким публичным текстом стоит некоторая ТАЙНА, которая может быть либо собственно сакральной природы, либо светской...»), «лицедейство» («...лицедейство официоза всегда содержит в себе творческую природу театра...»).

«..Официальный текст должен быть ВОСПРИНЯТ. Для этого он требует ответной духовной активности...».

В этой связи автором рассматривается «вертикальное» общение противоположной направленности: «снизу вверх». Последнее обращено будь-то к власти, будь-то к Богу (а также - «общение, идущее от народа к элите и через нее к Богу»). Прототипом такого типа общения выступает ИСПОВЕДЬ («...создается особый тип литературы - исповедническая литература, тесно связанная с проповеднической и дополнительная к ней...»).

«Существенным отличием исповеднических текстов является то, что они в своем развитом виде не публичны, а ПРИВАТНЫ...».

***

<...> На базе фундаментальной вертикали возникает и возможность ГОРИЗОНТАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ. Другой выступает как суррогат трансцендентного, как зеркало, и в этом отношении в Другом обнаруживается предчувствие свойства «чистой тетради», в которой возможно сделать дневниковую запись. Человеку необходимо РАССКАЗЫВАТЬ; только рассказывая он существует. Рассказом он преодолевает онтологический страх перед бытием, низводя его на уровень быта, повседневности, обыденности. Только когда человек проговаривает, удваивает свое бытие в речи, он не боится, он уверен в прочности своего благоустройства (уверенность, впрочем, иллюзорная). В рассказе вертикальное общение «сползает» в горизонтальное, хотя где-то «за кадром» все время подразумевается исходная вертикаль. В беседе (разговоре «равных») профанируется как проповедь, так и исповедь.

Люди из «народа» общаются МЕЖДУ СОБОЙ, элита общается внутри себя. Прежде всего это БЕСЕДА, доверительный разговор, наконец, - просто болтовня. В них и осуществляется главным образом дружба и любовь. Они непосредственно наполняют смыслом человеческую жизнь в горизонтали повседневного.

В цивилизованных обществах такого рода горизонтальное общение также застывает как особого рода текст. Это прежде всего - ПИСЬМА, образец частных текстов. Они всегда предполагают единичность, нетиражируемость. Вообще в качестве противовеса официозу цивилизованного общества формируется социальный институт приватности частной жизни, которая реализуется в тайне переписки, врачебной тайне и т. д. Частная жизнь открывается ОДНОМУ человеку - кому я пишу письмо, кому я звоню по телефону, вообще - кому я открываю свои маленькие постыдные, но прекрасные в своей доверительности тайны. «Циркулярные» письма существуют лишь как форма официоза.

<...> Для того, чтобы осмыслить бытийствование такого приватного «горизонтального» текста, нужно иметь в виду метафору наготы, метафору даже более острую, чем в случае исповеди. Ведь Бог и так видит нас нагими, а перед Другим мы еще должны обнажиться. Нагота как процесс существует в качестве тайны именно в ходе своего открывания.

<...> Из приватного «горизонтального» письма постепенно формируется и специфический тип литературы, не проповедующий, не исповедывающийся, а повествующий, - тип литературы, предстающий как «беседа воспитанного человека» (С. Моэм). «Чтобы самое банальное происшествие превратилось в приключение, достаточно его РАССКАЗАТЬ... Пока живешь, никаких приключений не бывает. Меняются декорации, люди приходят и уходят, - вот и все... Дни прибавляются друг к другу без всякого смысла, бесконечно и однообразно... Но когда ты рассказываешь свою жизнь, все меняется... Мгновенья перестали наудачу громоздиться одно на другое, их подцепил конец истории, он притягивает их к себе... это все равно, что пытаться ухватить время за хвост» [1].

Для такого горизонтального текста, ставшего литературой, весьма важным моментом является расширение тематики. В вертикальных текстах, особенно в проповеди, целый ряд тем табуируется. Далеко не все можно сказать и в исповеди. Тексты же, происходящие из доверительной беседы с другом, как раз упражняются в том, чтобы вывести на свет такие темы, о которых нельзя и помыслить. <...>

***

<...> Теперь, после того, как мы ввели публичные и приватные, «вертикальные» и «горизонтальные» тексты [*ввели соответствующие понятия. - А. А.*] мы, наконец, можем обозначить в этих отношениях экстраординарное место ДНЕВНИКА.

Дневник - это текст не «вертикальный» и не «горизонтальный», он «точечный», это точка саморефлексии в «пространстве тотальной коммуникации», но точка, в которой заключена актуальная бесконечность, это некоторый предел и, в известном смысле, итог бытийственного текста (и человека) вообще. Здесь случается САМОСОЗНАНИЕ. Ф.М. Достоевский описывает такого рода феномен как состояние непосредственно перед эпилептическим припадком, А.С. Пушкин - как прозрение пророка.

Экспликацией, механизмом и источником всех такого рода состояний является дневник. Это изготовленное самим индивидом «зеркало души». Именно в дневнике множественность социальности стягивается, «схлопывается» в единое. Общение с трансцендентным опосредствуется и доходит «до точки» дневника (в некотором роде - до точки инсайта), чтобы потом на основе кристаллизованного в нем самосознания развернуться по тем же кругам (исповедь, проповедь и т. д.), завершившись в формировании развитой коммуникации имманентного и трансцендентного.

Дневник сам по себе не есть обращение к Богу или царю. Этот текст даже не фиксация беседы с избранным Другим (с которым соединяет меня любовь или дружба), это текст парадоксальным образом К САМОМУ СЕБЕ. В нем есть момент проповеди, но это проповедь самому себе, в нем есть исповедь, но это исповедь перед самим собой. Наконец, это беседа с самим собой. Именно в этих своих качествах, дневник обнаруживает смысл бытия (и генезиса) индивидуальности.

<...> Кроме центростремительных сил, стягивающих общение в точку, есть внутри дневника еще и «центробежные» силы. Да, ПЛОСКОСТИ тотальной коммуникации противопоставляется ТОЧКА дневника. Но мое «Я», возникнув в этой точке, все время тяготеет к выходу из нее, - тяготеет к первородному вертикальному и горизонтальному общению. В итоге получается некоторый вибрирующий, то расширяющийся, то сужающийся «меловой круг», ограниченная плоскость, в которой возникшая субъективность стремится оградить себя от злых стихий социума, в то же время черпая из социума энергию. Внутри этого мелового круга присутствует язык, но он ослаблен рефлексией и не может быть столь агрессивным. «Душа жаждет себя, но она жаждет обрести себя в чем-то ином, а не в себе, в своем индивидуальном проявлении, она поэтому перед богом отказывается от себя, чтобы найти в нем самое себя и насладиться этим» [2].

«Самообщение» возможно только в том случае, если я не тождественен с самим собой во времени, в подсознании. Необходимо «открыть» самого себя [3], растождествиться с собой - это условие восхождения к Абсолюту. Другой-из-меня возникает ближайшим образом как дaimон Сократа, который говорит в дневнике, императивно обращаясь к себе во втором лице. (Скажем, «не позволяй душе лениться...»). ЗАБЫВАНИЕ (забытое бытие) есть необходимость в растождествлении себя с самим собой. И только после этого - общение с самим собой <...>. В частности, Я-эмоциональное не тождественно своему Я-рациональному. Дневниковое письмо, схватывая эмоциональное начало в логике текста, предстает как катарсис, как очищение своих страстей.

Дневник - это тип приватного текста, где и приватность также доведена до предела, в котором сама идея приватности теряет смысл. Дневник, соединяя подлинность молчащего бытия с духовной активностью, в связи с этим всегда в той или иной мере тайнопись. Формой его существования является или иностранный язык как форма ведения дневника, или самим изобретенный шифр, как у Леонардо.

Дневник - это текст, стянутый в точку актуальной бесконечности и еще в одном плане, именно - в плане соотношения целей и средств. По Аристотелю, есть вещи, которые делаются для чего-то, а есть вещи, которые делаются для самих себя. Никакой другой текст не существует самоцелью. Что касается дневника как такового, то он в себе самом имеет смысл, это вещь, которая делается для самой себя.

Любой вообще текст это АРТЕФАКТ. Более того, текст это не только артефакт, это - техника [4]. С одной стороны, дневник - это экзистенциальный текст, обнаружение (и - создание) субъективности, обнаружение тотального отказа, фундаментального уединения-одиночества [5], но, с другой - это действие, совершаемое на материале языка, а, следовательно, в рамках тотальной коммуникации. С одной стороны, подвижность, зыбкость, гибкость (ничто так часто не сжигается, не уничтожается каким-то другим способом как дневники), но с другой, дневник - это закреплённость, ставшестъ, артефактность. Написано пером - не вырубишь топором.

Превращаясь в момент вещественности, текст этим самым изымается из времени и одновременно приобретает транспортную функцию. Здесь присутствует фундаментальная метафора жизни как дороги. Транспорт вообще существует как особая связывающая техника, достигающая единства в социуме [6]. Путевой, дорожный дневник - это ПУТЕВНИК (Даль).

Вся эта переносимая, транспортная техничность в специфической форме относится и к дневнику. Его форма зависит от формы слова. «Пропевание» своей жизни, наблюдающаяся до сих пор у северных народов, также у детей, - это есть по существу восходящая к архаике дневниковая форма. Далее - письменный дневник, классика дневникового жанра. Наконец, компьютерный дневник [7]. Ясное дело - содержание и смысл дневникового текста не может не зависеть от его формы.

Поскольку дневник предназначен самому себе, его адрес представляется проблематичным. «Коснуться пером бумаги - бесповоротный шаг... А для кого, вдруг озадачился он, пишется этот дневник» [8]. Дневник с этой точки зрения нельзя читать; ведь его автор, он же единственный читатель, может его только перечитывать. В процессе ПЕРЕЧИТЫВАНИЯ дневник начинает жить своей собственной жизнью. Собственно, жизнь дневника - это его перечитывание. К сожалению, авторы дневника, будучи научены культурой, что следует «вести дневник», недооценивают момент его «самочтения» [9]. Жизнь дневника означает, что с помощью своей артефактности мой дневник может заявить на меня свои права. Я - собственность этого текста, а не только он - моя собственность. Не только я веду дневник, но и дневник ведет меня [10]. Если – по красивому сравнению Т. Адорно - книга в доме напоминает кошку, - не вполне одомашнированное животное, то что же за таинственное «животное» в нашем доме представляет собой дневник?! [11]. <...>

Саморазвиваясь в процессе «ведения» и многократного медленного перечитывания написанного, дневник предстает как все более сложная система целей и «адресов», как источник формирования целей, в конечном счете, мистический способ выяснения и исполнения своего предназначения и предназначения всего человечества.

Если дневник, возникший как цель для самого себя, начинает порождать внешние цели, если адрес дневника развивается не только в процессе «ведения», но и потом, после смерти автора, то - почему бы и не ПРОДАТЬ то, что первоначально и не мыслилось для продажи? Возникший как результат аффекта, как эпифеномен, дневник начинает использоваться как самим автором, так и его близкими. Таким образом, сверх-приватный дневниковый текст становится публичным. Мы видим публикации дневников, ставших явлениями литературы, которые уже не есть собственно дневники. Так же нагота, «опубликованная» в художественном, эротическом или медицинском журнале, уже перестает быть собственно наготой, т. е. тем «просветом в бытии», каким феномен наготы явился в результате длительного культурного развития.

Как и все рассмотренные выше типы общения и типы текстов, дневник проделывает путь от непосредственного внутреннего общения (с самим собой) к внелитературному тексту и, наконец, будучи «вставлен в рамку», приобретая эстетический момент, - к литературе. Мы знаем классические тексты в форме дневников (или - содержащие элементы дневникового жанра), опубликованные огромными тиражами на всех языках мира. [12]. Однако такого рода классические тексты уже и не дневники по существу, хотя они и значимы в качестве ОБРАЗЦОВ дневника. <...>

Вкратце

Здесь опущено рассуждение об амбивалентном отношении к дневникам:

«...дневник «с одной стороны, рационализируется как необходимая данность нашего быта... условие психологического здоровья, но с другой, в отношении к дневнику есть всегда некоторый оттенок пренебрежения, насмешки». Дневник - «самокопание»... Дневник - «дело для гимназисток», а не для «серьезных людей»... «Особенно настороженное отношение к дневнику в тоталитарном обществе...».

Примеры - из «1984» Дж. Оруэлла, из «Мы» М. Замiatина. Дневник - как «донос на самого себя». В качестве примера исторических личностей, которые «принципиально не вели дневников», приводится В.И. Ленин.

***

<...> Артефактное наличие дневника позволяет поставить вопрос о таких формах его бытийствования, как пространство и время. Они эти формы, совершенно не безразличны для специфики дневникового текста.

Начнем со ВРЕМЕНИ. В самой этимологии дневника содержится намек на время, которое в дневнике на первом месте. Дневник принципиально темпорален. Он не выходит

из времени, он принципиально и, так сказать, сознательно погружается в него. (Ср. темпоральное переживание бытия у М. Хайдеггера). Дневник, достигая отсроченности во времени, разрывает стимул и реакцию, дает ЗАДЕРЖКУ ответа Другому и ЗАДЕРЖКУ ответа Другого. В этой паузе и возникает субъективность. Дневник позволяет преодолеть страх, коренящийся в переживании времени, без обращения к Другому. Пространство дневникового текста - это арена борьбы со временем, арена борьбы, где рациональное «дрессирует» эмоциональное, сначала выпуская эмоцию на простор текста, а затем набрасывая на нее рациональную узду. В итоге дневник нацелен на власть над временем, может быть, самую прозаическую [13].

Дневник - ПОДЕННЫЕ записки, журнал во всех значениях (В.Даль). Поденная структура человеческого времени разворачивается как структура «день - ночь». <...> Время здесь определено не только противоположностью дня и ночи, но и их единством - дневниковый рассказ - о ДНЯХ, но рассказ, который происходит НОЧЬЮ. («Днем вершу я дела суеты, / Зажигаю огни ввечеру». А. Блок).

Другая, глубинная структура времени, фиксируемая в дневнике - противоположность «обычной жизни» и «роковых минут» истории. В дневнике сталкиваются приватное и публичное время [14]. Индивидуальные события переживаются как всемирно-исторические, а всемирно-исторические - как индивидуальные. В дневнике поэтому становится действительно возможным единство мировой истории и индивидуальной судьбы.

ПРОСТРАНСТВО дневника прежде всего, как было уже сказано, задается тотальной коммуникацией, - языком. Но язык вовсе не пассивный «фон» дневникового письма. Он в качестве СОГЛЯДАТАЯ присутствует и в исповеди, и в задушевной болтовне влюбленных; присутствует он и в дневнике. И это весьма существенно. Пространство тотальной коммуникации обладает суггестивным воздействием на имманентное через давление языка. Язык воспитывает и формирует мысль. он ЗАСТАВЛЯЕТ говорить некоторые вещи, а некоторые вещи НЕ ПОЗВОЛЯЕТ сказать.

<...> И в то же время дневник, немислимый вне языка, предстает как АРЕНА БОРЬБЫ с языком. Именно впервые в дневнике, наедине с собой, человек отваживается сказать несказуемое и - молчать о том, что «говорят все». «Наше высшее решение, наше спасение состоит в том, чтобы найти свою самость, вернуться к согласию с собой, уяснить, каково наше искреннее отношение к каждой и любой вещи. Не важно, каким это отношение может быть - мудрым или глупым, позитивным или негативным. Важно, чтобы каждый человек в каждом случае думал то, что он действительно думает» [15]. Дневник и есть техника думать [*говорить?* - А. А.] то, что мы действительно думаем.

Дневник - это техника обособления, уединения, создания МНОЙ САМИМ субъективного пространства, - создание места субъективного духа, противостоящего пространству тотальной коммуникации. <...> Такого рода уединение может быть достигнуто прежде всего с помощью перемещений в физическом пространстве, - ухода в убежище. Скажем, это келья, пещера, высокая гора, место пребывания отшельника, противопоставленные агоре, публичному месту, казенному дому. Сегодня - это «своя комната». Сюда можно удалиться, закрыться на крючок.

Дневник - это также уход из пространства тотальной коммуникации в субъективное время, но достигаемый с помощью текста. В дневнике субъективное пространство-время создается нарративно и противопоставляется публичному пространству-времени. <...> Дневник создает возможность сосредоточения, тишины и молчания в шумной цивилизации. Речь, таким образом, идет о дневнике как о генезисе ХРОНОТОПА СУБЪЕКТИВНОСТИ.

Восприятие любого произведения, будь это произведение проповедническое или исповедальное, будь это повествование или «беседа воспитанных людей» - обязательно идет через превращение его в дневник. Дело в том, что дневник открывает возможность процесса самоидентификации, необходимого момента в самосознании. Именно в этом

экзистенциальный смысл такой техники духовной работы, как КОНСПЕКТ. Он всегда содержит в себе элементы дневника.

Так же, как и все другие формы общения в конечном счете заканчиваются в литературе, так и дневник, который стягивает в точку человеческое общение, также естественно становится ключевым моментом для генезиса литературы. Л.Н. Толстой сформулировал это обстоятельство как своеобразную литературную утопию: «...Идея писать по разным книгам весьма странная. Гораздо лучше писать все в дневник, который... составлял для меня литературный труд, а для других может составить приятное чтение» [16].

***

Выше мы видели, что каждый текст помимо своего внелитературного происхождения (из соответствующего типа общения) приобретает и превращенную литературную форму, становится эстетическим явлением. Перед нами уже даже не УДВОЕНИЕ, но УТРОЕНИЕ общения: само непосредственное общение, внелитературный текст, удваивающий это общение, и, наконец, литература как текст, удваивающий этот внелитературный. Я уже говорил, что далек от одностороннего осуждения тотальной коммуникации. Ведь она несет в себе социальность как необходимое условие нашей субъективности. Конкретным образом это выглядит так, что проповеди превращаются не только в публикации текстов, но и в назидательные романы, и, в конечном счете, в исповеди; исповеди превращаются в лирику и, в конечном счете, в проповеди, и т. д. Поскольку такое превращение происходит, то КАЖДЫЙ ТИП ТЕКСТА СТАНОВИТСЯ ЧРЕВАТ ВСЕМИ ДРУГИМИ ТИПАМИ [выделено мною. - А. А.]. В назидательном романе оказывается возможным и момент исповеди, и анекдота, озорного рассказа, и момент дневника. Так же, как нагота проступает под одеждой, так и во всех без исключения официальных текстах проступает дневник. Превращения такого рода существенным потому, что переходить от официального к неофициальному, от исповеди к проповеди и обратно, а от них дневнику - это способ мысли.

Вообще, в этих взаимных превращениях ведение дневника предстает прежде всего как ФОРМА ЧТЕНИЯ, СПОСОБ ЧТЕНИЯ (я уже говорил о конспекте). Другие типы текстов необходимы для дневника, поскольку они создают возможность растождествления с собой, необходимого для того, чтобы могла возникнуть беседа с самим собой, проповедь самому себе и исповедь самому себе.

Вопрос состоит в том, как ДВИГАТЬСЯ между этими типами текстов, каждый из которых представляет, вообще говоря, самостоятельную ценность. Ответ в сущности прост: путем чтения, перечитывания и переписывания. РЕДАКТИРОВАНИЕ, в частности, выступает в качестве процесса «медленного чтения», родственного перечитыванию дневника.

В такого рода превращениях возникает важный феномен ЧЕРНОВИКА, текстовой формы повседневности. Что такое «черновик»? Черновик не предназначен для других, это текст - для себя. Черновик – это всегда в известном смысле дневник. Интерес и вкус к черновикам связан именно с тем, что в неофициальном письме содержится нечто такое, чего нет в письме официальном. Неофициальный текст не продается. Дневник и вообще неофициальный текст, будучи опубликованным, вызывает, как уже говорилось, СТЫД, и в то же время именно поэтому - жгучий интерес читателя. <...>

Черновики во всякой развитой культуре играют весьма важную и особую роль. В предисловии А.А. Вишневского ко второму изданию П. Валери говорится, что «путь его (П. Валери. - К. П.) переоценок не пройден до конца. Теперь «тайну» Валери все усерднее ищут не в его произведениях в стихах и в прозе, а в опубликованных посмертно и пока еще не полностью разгаданных личных «Тетрадах...» [17]. Это касается не только Валери, но и всех признанных классиками. Здесь и К. Маркс с его «Экономически-философскими рукописями 1844 г.», здесь и В.И. Ленин с «Философскими тетрадами», и упомянутым поиском элементов автобиографии в ленинских текстах, здесь и Паскаль, и многие другие.

И для них черновики оказываются важнее официально изданных текстов. Словом, как восклицает В. Шкловский - «велики тайны черновиков!». Существенен в осмыслении тайны черновиков компьютер; он дает особые черновики, более читабельные, он дает черновики как беловики, - черновики, обладающие достоинством беловиков.

И здесь, особенно в связи с черновиками, может быть тематизирована фигура ПОДСМАТРИВАЮЩЕГО. Появляется подсматривающий за исповедальным текстом, за письмом - и за дневником. Подсматривающий за официальным текстом обнаруживает там комплексы, которые автор официального текста пытается скрыть. Но, конечно, ГЛАВНЫЙ ПОДСМАТРИВАЮЩИЙ - это нечто безличное, - сам язык как тотальная коммуникация. В социальном же плане такого рода безличная, институциональная фигура подсматривающего - тайная полиция.

Мы все время говорили о дневнике применительно к индивидуальности, к субъективности. Феномен дневника может быть обнаружен на уровне метафоры и применительно к социуму в целом. Дневник не отдельного человека, но социума это ЖУРНАЛИСТИКА, «срочная словесность» (В. Даль). Журналистика как дневник оправдывает униженное О. Шпенглером и Г. Гессе фельетонное слово. В «срочной словесности» выплескиваются эмоции, которые через некоторое время представляются смешными, жалкими и вызывают сентиментальную ностальгию. Злоба дня сего - ЕСТЬ, но, по большому счету, в большом историческом масштабе она смешна. Ее «с точки зрения вечности» не следует брать в расчет. В чем неизъяснимая прелесть чтения старых газет и журналов? - Именно в том, что мы можем посмотреть извне на те эмоции, которые владели людьми, которые затмевали им солнце. Но без журналистики, без выражения в фиксированной форме фонтана эмоций невозможно их «снять».

В публицистике всегда налицо «журнал заседаний» социума - ДЕЯНИК (В. Даль). Журнал в завершенном виде принимает форму ПРОТОКОЛА [18], т. е. он тот же дневник, но он «важнее», т. к. он - документ, к которому можно апеллировать, он, хотя и пишется на основании журнала, содержит окончательное решение.

Дневник в широком смысле <...> близок к АРХИВУ и МУЗЕЮ. Ведение архива подобно ведению дневника. Дневник с этой точки зрения представляет собой нулевой уровень ИСТОРИОГРАФИИ. [19]. Не только дневник это техника, но и наоборот - техника как социальная память - это дневник. Такая постановка вопроса позволяет нам существенно расширить понятие дневникового текста.

И, наконец, ФИЛОСОФИЯ есть, в сущности, дневник. Отсроченность во времени, существенная для дневника, представляющего, как говорилось уже, технику власти над временем, - эта отсроченность оказывается существенной для ГЕНЕЗИСА САМОСОЗНАНИЯ, культуру которого и предлагает философия. Как писал Ю.М.Лотман, одним из наиболее константных признаков культуры, признаком, который можно считать универсалией культуры является ПОТРЕБНОСТЬ В САМООПИСАНИИ. Самосознание задается самописанием. Потребность в самописании и реализуется в создании автодескриптивных текстов метакультурного уровня, которые можно считать грамматиками, создаваемыми для описания самой себя [20]. Таким образом, тот язык, который выступал как внешняя «тотальная коммуникация» создается не где-нибудь, а в самом дневнике. Ведь любой официозный текст порожден субъективностью, а потому прошел дневниковую стадию. <...>

[Здесь опущен авторский анализ «глубинной связи философии с дневником». - А. А.]

Вкратце

Заключительная часть статьи посвящена проблеме взаимосвязи дневника и свободы. Автор рассматривает дневник как «индивидуальную технику свободы», «генератор свободы», «универсальный способ подготовки к свободе».

«...Дневник открывает каждому бесконечные просторы пространства духовного...».

«В «ведении дневника», в «процессе дневника» происходит самосознание как деятельность, происходит САМОСОЗНАНИЕ ПИСЬМОМ».

Примечания

1. Сартр Ж.П. Тошнота. М., 1994, с. 56-58. Перевод Ю.Я.Яхниной.
2. Гегель. Собр. соч. 6 т. 14. М., 1958, с. 31.
3. Вспомним популярную работу: Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978. Она ведь по существу была методикой ведения дневников.
4. См.: Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
5. «Его представление о счастье. Всю жизнь спокойно читать и писать, никогда никому не показывая ни слова из написанного, никогда ничего не публикуя. Все это для себя написанное оставлять в карандаше, ничего не изменяя, будто все это - так, ни для чего, как естественное течение жизни, которая не служит никаким ограничивающим и обедняющим целям, а вся целиком является собственной целью и так записывает себя, как ходят и дышат, сама собой» (Канетти Э. Заметки. 1942-1972 // Человек нашего столетия. М., 1990, с. 287-288).
6. «Книги - корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению». Ф. Бэкон.
7. См. об этой форме дневника: Умберто Эко. Маятник Фуко. Киев, 1995.
8. Оруэлл Дж. 1984. М., 1988, с. 25.
9. Чтение моего дневника Другими на самом деле имеет тот глубинный смысл, что с помощью Других я сам прочитываю свой дневник.
10. «Моя книга в такой же степени создана мной, в какой я сам создан моей книгой. Это - книга, неотделимая от своего автора, книга, составлявшая мое основное занятие...» (М. Монтень. Опыты, кн. 2, гл. 18, с. 593). <...>
11. Вспомним «дуэль» в доме Л.Н. Толстого с Софьей Андреевной по поводу его дневника.
12. Это, прежде всего, Марк Аврелий, «Наедине с собой». Имеют элементы дневника и «Исповедь» А. Августина, «Опыты» М. Монтеня, «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, «Дневник соблазителя» С. Киркегора. Текст, в котором В.В. Розанов говорит, что он НЕ ИСПОВЕДУЕТСЯ, также содержит элементы дневника («Уединенное», «Опавшие листья», «Апокалипсис нашего времени»). Всемирно известны дневники Гонкуров, дневник Анны Франк; для русской культуры существенны дневники Л.Н. Толстого, Т.Г. Шевченко, М.К. Башкирцевой, А.В. Никитенко и др.
13. «Я вел дневник, записывая в нем мысли, которым я следовал при принятии своих решений и делал это по мере хода событий, т. е. в реальном времени». Сорос Дж. Алхимия финансов. М7, 1996, с. 28. И далее описывается, как этот известный финансист овладевал временем биржи с помощью дневника.
14. См. Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. <...> См. также Галлер Ф. Военный дневник: ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск, 1939-1942 гг. М., 1968. См. также: Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914-1919. Нью-Йорк. Москва, 1990. Гонкуры Э. и Ж.. Дневник. <...> Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени.
15. Ortega-y-Gasset, J. Man and Crisis. N.Y., 1958, p. 76.
16. Толстой Л.Н. Дневниковая запись от 22.10.1855. Цит. по: Шкловский В. Энергия заблуждения. Избр. Т. 2, 1983, с. 350.
17. Вишневский А.А. О Поле Валери // Поль Валери. Об искусстве. М., 1993, с. 5.

18. Протокол - судебная записка с изложением дела, применением законов и решением (В. Даль).

19. Необходима, кстати говоря, государственная, и даже мировая. скажем, в рамках ЮНЕСКО, служба собирания и обработки дневников. Представим себе на минуту весь этот гигантский корпус дневниковых текстов в мире. Разве он не составляет подлинную основу действительной мировой истории?!

20. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973, с. 4-5.

(Пигров К.С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации / Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. Международные чтения по теории, истории и философии культуры, вып. 6. СПб: Эйдос, 1998, с. 200-219)

Ремарка: архетипы коммуникации

Я солидарен с представленным выше анализом ДНЕВНИКА как «общения с собой в пространстве тотальной коммуникации».

Возражу лишь по одной из исходных позиций этой статьи. Вызывает сомнения постулируемая К. Пигровым (выведенная им «из фундаментальности общения имманентного с трансцендентным») «первичность» вертикального общения («проповедь», «исповедь» и их «светские» аналоги) относительно горизонтального («рассказ», «разговор», «беседа»).

«На базе фундаментальной вертикали возникает и возможность горизонтального общения, - пишет К. П. - Другой выступает как суррогат трансцендентного...».

Можно было бы привести аргументы и в пользу обратного соотношения горизонтального и вертикального общения. Однако я вовсе не склонен утверждать «первичность» любой из этих ипостасей общения! Вообще, точно выявленные К. Пигровым АРХЕТИПЫ коммуникации: «проповедь», «исповедь» и «беседа», - представляются мне вполне РАВНОПРАВНЫМИ элементами в «солярисе» человеческого общения (тОки - «вниз», «вверх», «вбок»...).

Сопоставление вышеуказанной троичной структуры с другой: «дневник - письмо - статья», обсуждаемой в моей собственной работе на эту тему, применительно к письменной коммуникации обнаруживает НЕСВОДИМОСТЬ этих двух - по-видимому, равно обладающих достоинством системности! - триад друг к другу.

Что, пожалуй, свидетельствует в пользу представления о ПОЛИСТРУКТУРНОСТИ пространства тотальной коммуникации (как и вообще - всего человеческого и мирового универсума). (Май 2000).

+++

Глава 17

ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (продолжение – 2)

Содержание главы 17

17.1. МАТЕРИАЛЬНЫЙ ФЕТИШИЗМ КАК СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ (С.С. Рапопорт)

17.2. «...ОН НЕНАВИДЕЛ СЛОВО „РАБ“, ЗА ТО ПОПАЛСЯ В ГЛАВНЫЙ ШТАБ...» (В.Е. Ронкин)

17.3. К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (Г.И. Саганенко)

17.4. ПАРАЦЕЛЬС - БЭКОН - ГЕТЕ (XVI-XIX века) (К.А. Свасьян)

17.5. ВОЗРАСТ ДЖУЛЬЕТТЫ (Н.С. Сергеева)

17.6. 20 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ (В.В. СОКИРКО)

17.7. СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ (М.М. Соколов)

17.8. МОЙ СТАРШИЙ ДРУГ, РАБОЧИЙ, ПУБЛИЦИСТ (А.Г. Солипатров)

17.9. ЧТО НАС ЖДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? (В.М. Тягушев)

17.10. ГОЛОДАЙ. ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ. РОЖДЕСТВЕНО (А.Ю. Чернов)

17.11. МУЗЫКАНТ, ФИЛОСОФ, МАТЕМАТИК (С.В. Чесноков)

17.12. О СИТУАЦИОННЫХ АСПЕКТАХ КОММУНИКАЦИИ (Б.Ф. Шифрин)

17.13. ПЕРВЫЙ СРЕДИ «СОЦИОЛОГОВ-РАССТРИГ» (Ю.А. Щеголев)

17.14. ПРОЛЕГОМЕНЫ СОЦИОГЕНЕТИКИ (А.Н. Ющенко)

17.15. УЧИТЕЛЬ (В.А. Ядов)

Ремарки

На плечах титанов (17.3); Отклики на идею (17.8); Что значит «Ура!» (17.13)

Вместо заключения (к главам 15-17)

Постскриптум (к главам 15-17)

***

17.1. МАТЕРИАЛЬНЫЙ ФЕТИШИЗМ КАК СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ

*[О моем коллеге и друге, вильнюсском социологе, кандидате философских наук
Сергее Самуиловиче Рапопорте уже шла речь в «Драматической социологии...».²⁰⁸*

*Ниже - статья С. Рапопорта середины 1970-х гг. «О социально-психологических
барьерах стимулирования трудовой активности рабочих (2. «Материальный фетишизм»
как системная характеристика ценностных ориентаций отдельных неформальных
групп)», опубликованная в: Труды Академии наук Литовской ССР. Серия А. 1977, т. 1(58).*

Здесь эта работа воспроизводится в сокращении.- А. А. 2000]

= Статья С. Рапопорта (1977)

О социально-психологических барьерах стимулирования трудовой активности рабочих (часть 2)

1. Типы идентификации с групповой системой ценностных ориентаций

1.1. Приступая к краткой содержательной характеристике определенной системы ценностных ориентаций (СЦО) и типов отождествления с ней, связанных с отчужденным восприятием отдельных моментов труда, оговоримся сразу же, что нами предпринимается попытка предварительного введения в эмпирическое изучение сложных процессов отношения рабочих к труду. Общефилософским проблемам отчуждения посвящена обширная литература. В ней справедливо отмечается, что процесс преодоления отчуждения в труде занимает длительный исторический период и отчуждение не исчезает с момента отмены частной собственности на средства производства ([1], р. 25). При этом также указывается, что проблематика отчуждения и преодоления его элементов при социализме может изучаться только эмпирически ([1], р. 26). В условиях социализма развитие личности характеризуется процессом преодоления отчуждения, укрепления ее всестороннего единства с обществом» ([2], с. 3).

1.2. Некоторые моменты жизни промышленных предприятий, которые отмечаются практиками и социологами (в частности, в ходе эмпирического исследования ряда предприятий Литвы, проведенного в 1970 г. Сектором социологии Отдела философии, права и социологии при Институте истории АН Литовской ССР), интерпретируются нами в рамках предложенного в первой статье [3] категориального аппарата. Эта предварительная (интуитивная) систематизация и обобщение отдельных эмпирических наблюдений.

Исследуемая проблематика имеет непосредственную актуальность в свете задач X пятилетки, поскольку анализируемые барьеры стимулированию трудовой активности в первую очередь сказываются на качестве продукции.

1.3. Реальные масштабы той части формального коллектива, для которой, согласно предложенной в первой статье [3] схеме, характерны неосознаваемый, инертный (ИТ) и активно-девиантный (АДТ) типы идентификации с изучаемым групповым мировосприятием, нуждаются в специальном эмпирическом уточнении. Можно предположить, что они (масштабы) могут оказаться статистически существенными для создания адекватного образа рабочего коллектива. Прежде всего, насколько можно судить

---

²⁰⁸ См. ДСиСА – 1 (Глава 2).

по эмпирическим данным, в ИТ может входить немалая часть тех респондентов, которые затрудняются так или иначе ответить на стандартные (оценочные) вопросы опросников (варианты ответов: «не знаю», «затрудняюсь ответить» и т. п. Однако и среди «определившихся» в предлагаемых вопросах альтернатива присутствует «загадочная публика».

Так, Ядов и Киссель в недавно опубликованной статье [4] ссылаются на данные исследования 2000 рабочих, проведенного Сидоровым: среди удовлетворенных работой 49,8 % не намерены менять место работы и 18,2 % намерены его менять; среди неудовлетворенных работой 23,3 % не намерены менять место работы и 43 % намерены его менять.

Таким образом, в обеих группах рабочих, казалось бы четко определившихся в альтернативе «удовлетворенность - неудовлетворенность работой», имеется 20-30 % людей, о которых неизвестно, что означает этот выбор в смысле поведения.²⁰⁹ Характерно при этом, что исследователи этим достаточно большим контингентом рабочих почти не занимаются. Привлекая внимание к этому контингенту, мы склонны связывать характеристику лишь ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЕГО ЧАСТИ с социально-психологическим фактором «инертности». Изучаемый контингент рабочих, таким образом, характеризуется единством двух параметров: инертность и групповая ЦО (самого по себе фактора инертности недостаточно).

1.4. Для инертного типа поведения и мышления характерна конформная адаптация к условиям существования, механическое следование нормам, принятым большинством, группой как целым (принцип «как все»), неосознаваемость мотивов. «Заведенный» порядок работы, жизни воспринимается ими как единственно возможный и само собой разумеющийся, «естественный». Для ИТ требование четкого выражения личной оценки факторов жизненной ситуации непривычно, навязывает им - в официальной ситуации опроса - нерелевантное моделирование мира. Именно поэтому опрос зачастую воспринимается ИТ как непонятный замысел администрации, или как задуманная начальством «проверка» их умения оперировать «официальным кодом». (Имеется в виду представление респондентов о том, какой вариант ответа должны поощрять те социальные инстанции, с которыми рабочий отождествляет и самих исследователей, и анкетеров, и само исследование в целом). Неформальная же группа (с ее СЦО) осуществляет постоянный контроль за поведением и мышлением члена такой группы, который и действует как интегральная ее часть. В данном случае рабочий переживает несомненную идентификацию с группой.

Предлагаемая гипотеза базируется, в частности, на том, что описываемое ниже мироотношение - как часть стихийной «системы воззрений» социальной психики (или, иначе: здравого смысла) - имеет именно групповой характер проявления (свойственный отдельным неформальным общностям).

Характеристика групповой системы ценностных ориентаций

2.1. Анализируемая узкогрупповая СЦО представляет собой сложную, противоречивую систему взглядов на мир. Мы же реконструируем лишь ее самую существенную системообразующую характеристику, по «имени» которой УСЛОВНО назовем всю групповую СЦО «МАТЕРИАЛЬНЫМ ФЕТИШИЗМОМ» (МФ). По предлагаемой гипотезе - это тот уровень мотивации поведения членов неформальной группы, который непосредственно влияет на единое решение такой группы. Глубже в структуре личности рабочего лежат индивидуальные различия, несущественные с этой точки зрения для поведения в сфере труда большинства членов группы.

---

²⁰⁹ Ср. с ситуацией неоднозначного характера «удовлетворенности своей работой и жизнью на БАМе», описанной в: Из неопубликованных глав...Том 1 (Глава 3).

2.2. Для выделения МФ «в чистом виде» мы отличаем его от ориентации на заработок, связанной с удовлетворением непосредственных материальных нужд рабочего и его семьи (речь идет не только о прожиточном минимуме, но и о «нормальном» для данного периода и данной среды уровне благосостояния).

(«Удовлетворенность трудом, измеряемая в эмпирическом исследовании - это представление работника о возможности насыщения соответствующих потребностей в конкретных условиях, зависящее не только от реального состояния, но и от принятых в массовом сознании критериев «нормальности». - [5], с. 31)

Подобная материальная ориентация имеет вполне РАЦИОНАЛЬНУЮ, ИНСТРУМЕНТАЛЬНУЮ ФУНКЦИЮ. Проявление же МФ инструментально мотивировано.

Выявить проявления МФ в эмпирических исследованиях, которые специально не посвящены изучению этого явления, нелегко. Однако корреляция данных об уровне доходов на члена семьи с местом материальных «мотивов» в ЦО (ценностных ориентациях) респондентов нашего исследования выявляет, что у рабочих с высоким уровнем обеспеченности материальный мотив занимает устойчивые 1-2 места. (По данным исследований Сектора социологии, осуществленным в 1970 г., и Лаборатории социологических исследований Отдела философии, права и социологии при Институте истории АН Литовской ССР, осуществленным в 1974 г.; здесь и далее под словом «мотив» имеется в виду не психологическая категория, а вербально выраженное респондентом предпочтение в ситуации опроса). Следует при этом учесть несомненное влияние на выбор ответа представления рабочего об «официальной точке зрения», согласно которой надлежит отдавать предпочтение «духовному» мотиву. Несомненно, однако, что лишь некоторую часть рабочей аудитории, сделавшей указанный выбор мотива, можно отнести к изучаемому нами контингенту. Значительная часть рабочего коллектива может оказаться среди инструментально-мотивированных (особенно если учесть рост материальных потребностей). Так или иначе, реальные масштабы МФ в рабочих коллективах требуют специального изучения.

2.3. В неофициальной ситуации (среди «своих») для членов групп с ИТ поведения ссылка на заработок является почти всегда первой приходящей на ум и вербально выражаемой мотивировкой участия в труде, имеющей для ИТ самоочевидный, общепринятый и «нормальный» характер. В инструментальной аргументации при этом нет необходимости. Работа, ее необходимость не может служить для ИТ объектом осознаваемых оценок, противопоставляющих плату другим альтернативам труда - интересу к работе, содержательности, творческому характеру. Только необходимость «дружеских отношений в коллективе» (в опросах) собирает высокий процент голосов, что для ИТ, по-видимому, является не столько данью «официальному коду», сколько констатацией коллективного единения группы - важного компонента групповой СЦО. Работа (для этой части рабочих) входит в заведенный порядок существования, так что предлагаемая исследовательской моделью эмоциональная идентификация с работой нерелевантна или неосознаваема и воспринимается невольно как нечто чужеродное («показуха»).

Явное, инструментально мотивированное преувеличение материального мотива как естественной и важнейшей связи человека с трудом, который при этом воспринимается как «несвободная», отчужденная деятельность - таково содержание МФ как характеристики мировосприятия изучаемых неформальных групп. Для ИТ неосознаваемое, как бы «механическое» присоединение к МФ обеспечивает устойчивость рабочего в группе, объединяющейся на базе МФ, а также определенную устойчивость, а то и косность психики, для которой материальное «измерение» оказывается безотказным эталоном всех отношений, окончательной, хотя и «грубой» правдой реальности.

2.4. Социальный смысл МФ - отчетливее выступает при «активно-отклоняющемся» отождествлении с ценностями рассматриваемой СЦО. Тут МФ

провозглашается вполне сознательно - вплоть до его противопоставления взглядам других социальных групп. Материальная мотивация (зарплата, премии и др. виды материального поощрения) остается и тут в неофициальных ситуациях основным оправданием необходимости работы (того, что на групповом языке именуется «вкатыванием»). Однако и в официальных ситуациях, например, в отношениях с администрацией, активные носители МФ, опираясь на групповую поддержку, сознательно и как бы полемически противостоят официальному мнению: акцентируя свою «грубую» материальность. Так, например, такие рабочие не принимают «моральные» аргументы администрации, когда та «угovarивает» их согласиться на сверхурочную работу. Рабочие этой группы требуют аргументации на «языке денег».

2.5. С восприятием работы как «казенной», вынужденной, связано действие СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ, ОПРАВДЫВАЮЩЕЙ СИМУЛЯЦИЮ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ («САЧКОВАНИЕ»): «казенная» работа (в восприятии изучаемой категории рабочих) может мотивировать лишь всяческое отлынивание. Бескорыстная деятельность в разных ее формах (для предприятия) престижно не поощряется, подчас осмеивается и воспринимается «нормально» немотивированной. (Член группы как ИТ, так и АДТ, находится под сильным групповым контролем, не допускающим в этом отношении заметных отклонений от общего поведения).

Перед нами - явное несовпадение официальной и материально-фетишистской моделей: то, что в первой задумано как материальное стимулирование трудовой активности, на языке МФ воспринимается как «выкачивание» из «чужого», т.е. казенного кармана как можно более высокой платы за наименьший вклад труда. Участок системы (предприятия), подверженный воздействию МФ и нормы «симуляции работы», начинает «развиваться» в направлении наиболее халтурного исполнения работы, отчего в первую очередь страдает ее качество.

2.6. Трансформацию механизмов стимулирования в сфере действия МФ проиллюстрируем анализом конкретного материала, представленного заводским социологом (Ленинград, Кировский завод) [6]. Изучалось восприятие рабочими мер поощрения - премии и тринадцатой зарплаты. Исследование на заводе показало, что большинство рабочих не видит связи между своей деятельностью и поощрением, не интересуется условиями назначения премий и тринадцатой зарплаты, некоторые просто не знают, что зарплата вообще может увеличиваться, иные считают, что она может только уменьшаться. «В худшем случае над премией начинают посмеиваться» ([6], с. 27). Мы видим, что намерения администрации воспринимаются как нечто неопределенное, а подчас - нацеленное против интересов рабочих (типичное восприятие оппозиции: «мы» - «они»).

Далее ленинградский социолог фиксирует: «ПРЕМИИ ДАВАЛИ ПОРОВНУ, ПООЧЕРЕДНО, ВСЕМ, ЧТОБ НИКОГО НЕ ОБИДЕТЬ» ([6], с. 27; выделено нами. - С. Р.). Не касаясь обычных объяснений таких явлений, мы - только для групп, ориентированных на МФ, рассматриваем это как своеобразное «превращение» социальных механизмов в результате их взаимодействия. Один из механизмов - управленческий, организационный - вводит стратегическую систему поощрения производственной активности каждого члена коллектива, другой - стихийный, неформально-групповой - оказывается психологическим барьером действию первого. Мероприятия официальной организации воспринимаются как «чуждые», нацеленные на раскол неформальной группы, сплотившейся на базе МФ. Это намерение расценивается даже как по-своему «негуманное» (отсюда - «чтобы никого не обидеть»).

Групповой, стихийный механизм воздействует на представителей официального механизма (т. е. администрации) через сеть межгрупповых «человеческих» взаимоотношений. В результате социальный смысл управленческого замысла трансформируется, редуцируется и становится дисфункциональным: вместо правила

«премию - лучшим» начинает действовать «премия - всем, поровну, поочередно». Неформальная превращенная (см., например, [7], с. 386) «гуманность» вытесняет абстрактность официальной системы поощрений и регуляции отношений (она воспринимается как «казенная»)

В этом и подобных превращениях, видимо, сказывается (по принципу «порочного круга») опыт длительного восприятия бюрократизации отдельных звеньев аппарата, сложившийся в изучаемом групповом мировосприятии. (Об этом см., например, [8]). Проблематика эта не вмещается, однако, в рамки настоящей статьи.

3. *Внетрудовые сферы влияния «материального фетишизма»*

3.1. Негативное влияние МФ распространяется на все сферы «официальности». Во многих случаях не поощряется служебная карьера (идентификация с ценностями служебного продвижения расценивается как «карьеристская» или «наивная» восприимчивость к духовному стимулированию «в чистом виде»). В изучаемых группах не поощряется любая податливость на «морализирование», «идейность» и другие духовные «приманки». С точки зрения группоцентризма карьерность к тому же воспринимается как «индивидуалистский» успех, как измена групповой «одинаковости». Однако наряду с этим для неофициальных ситуаций - В СРЕДЕ «СВОИХ» - может нередко действовать социально-психологическая норма поведения и мышления, отменяющая МФ и поощряющая БЕСКОРЫСТИЕ в отношениях с близкими, осуждающая повышенное пристрастие к плате за услуги. В этом - существенная противоречивость изучаемой групповой СЦО.

3.2. Разумеется, стереотипы МФ связаны не только со сферой труда. Они распространяются изучаемой группой рабочих на все стороны человеческой жизнедеятельности, везде вводя материальное мерило как единственно правдивую, грубую (без «интеллигентских» нюансов) оценку всех отношений. Отсюда - пассивность и «механическая» потребительская развлекательность и в пользовании культурными ценностями, «материализация» человеческих взаимоотношений, избавляющая от переживаний. Возникает охалтуривание всех областей жизнедеятельности (в т. ч. - традиционно «своих») и культивирование бездеятельно-«гедонистического» стиля жизни.

3.3. Распространение крайних форм МФ на нерабочие сферы жизни сказывается, в частности, в том, что явное «сачкование» и выкачивание средств из «казенного» кармана воспринимается анализируемой частью рабочих как нечто абстрактное и лишенное каких-либо моральных характеристик. Поэтому для того, чтобы добиться персонализации формальных отношений, когда возникает частная необходимость в качественной, индивидуально ориентированной деятельности, начинает действовать «меновая мораль» неофициального характера (блат, взяточничество и т. п.).

Отмеченные моменты МФ требуют отдельного изучения.

3.4. В целом, по всему полю действия МФ происходит ОБЩАЯ РЕДУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАЧЕСТВА, сопряженная с деморализацией участников отношений: содержательные моменты человеческой деятельности превращаются в формальные, бюрократизированные, безличностные, духовное подменяется материально-фетишизируемым, внутреннее («глубокое») уступает поверхностному, творчески-инициативное, раскованное - безответственному, халтурному и т. п. (Подробнее о механизме регуляции см. [9], с. 45). В этих условиях социально важные и поощряемые цели и средства имеют значительно меньший престиж, чем цели и средства неофициальные (иными словами, падает престиж духовных ценностей, потребительские ценности легче достигаются нелегально и т. п.).

3.5. Таким образом, по нашей гипотезе, для отдельных частей рабочего коллектива система стимулирования наталкивается на социально-психологический барьер. Эта система (как и модель, лежащая в основе традиционных прикладных социальных исследований рабочей аудитории) базируется на критериях или вовсе

отсутствующих (нерелевантных) в групповой СЦО, или имеющих в ней принципиально иной смысл. Такое несовпадение мировосприятий проиллюстрировано выше различными значениями некоторых важнейших категорий в официальной (исследовательской) концепции и в контексте МФ. Это проявляется, с одной стороны, в дисфункциональности и редукции управленческих мероприятий, с другой, в неидентификации определенной части рабочих с ценностями и целями общества, государства, предприятия и всего коллектива. Следовательно, неидентификация индивида с социальной макроперспективой ведет к неэффективности для изучаемых групп мер духовного стимулирования, отсутствие отождествления с материальной макро- и микроперспективой в связи с барьером МФ ставит предел действию материальных стимулов; они успешны лишь в той мере, в какой «переводятся» на язык МФ, но при этом замысел стимулирования редуцируется, меняя свое социальное содержание. На этом участке предприятия и формального коллектива существующий механизм внушения общесоциальных идей и побуждения энергии к их реализации неэффективен.

4. Интерпретация «материального фетишизма»

4.1. Противоречивость и своеобразие анализируемой групповой СЦО выступают отчетливо при анализе ее отношения к микроперспективе - социально-психологической и материальной [3]. Эталонное восприятие индивидом своей неформальной группы означает эффективность для него социально-психологической микроперспективы, однако в данном случае это означает также идентификацию с групповой СЦО: групповой престиж и уважение коллег связаны тут со следованием члена группы нормам МФ. Такой негативный «коллективизм», как показывалось выше, оказывается барьером для материальной микроперспективы: действует своеобразная уравниловка, престижно не поощряются индивидуально-рекордные заработки. Тем самым можно предположить, что именно на представителей «индивидуальной» ориентации, выделенной нами в составе коллектива, оказывает эффективное воздействие материальное стимулирование, воспринимаемое как перспективное для рабочего, для его семьи. Для членов же групп с ориентацией на МФ подчеркнутая гипертрофия материальных моментов соседствует с барьерами реальной, инструментальной ориентации на заработок: уравниловкой, неверием в микроперспективу, непоощрением «вкалывания» и поощрением отлынивания от работы и т. п. МФ при таком рассмотрении оказывается более сложным, парадоксальным явлением, требующим, на наш взгляд, специфической интерпретации.

4.2. МФ интерпретируется нами как ДУХОВНАЯ характеристика описываемой части рабочих, как превращенная психологическая реакция человека на воспринимаемые им моменты отчуждения в труде. С одной стороны, рабочий с такой ориентацией перестает воспринимать связь материальных условий и средств достижения человеческих целей с самими целями, т. е. связь деятельности с «психологическим комфортом» («счастьем»). «Вынужденное» исполнение работы имеет следствием (в рассматриваемых случаях) то, что труд (в психике труженика) почти теряет связь с его гуманистической целью. С другой стороны, человек стремится к духовной «компенсации», гуманизации обстоятельств своей жизни - к общению, взаимопониманию, близости, праздничности и т. п. Однако в сфере влияния МФ гуманизация также редуцируется, «охлаждается» и перестает выполнять свою функцию. При этом, если для инертного типа поведения и мышления этот поиск «гуманизации» носит «механический» характер (совершается по всеобщей инерции, «как все», несвободные культурные акты), то для АДТ все сферы существования могут оцениваться под углом зрения интенсивного «гедонизма». (Заслуживает изучения роль алкоголя в этих процессах).

4.3. Следствием МФ является своеобразная «реификация» отношений: материальный, вещный и т. п. «язык» становится способом осознания и регулирования взаимоотношений как между самими рабочими, подверженными влиянию МФ, так и этих рабочих с их окружением (подчас навязывая и ему такой язык). В этой связи, согласно

нашей гипотезе, указанный язык требует «перевода» на психологический («психологизации»): адекватная интерпретация изучаемых явлений производственной практики оказывается возможной лишь при отыскании психологической сущности, скрывающейся за «опредмеченным», материализованным фасадом. МФ - для рассматриваемых групп рабочего коллектива - представляет собой своеобразный психологический конфликт, форму психического сопротивления отдельным неприемлемым для психики аспектам отчужденности: материальный момент, отрываясь от инструментальной роли, гипертрофируясь до масштабов мировосприятия, отражает и противоречиво «замещает» моменты отчуждения в трудовой практике такого рабочего. (Это связано и с марксовской категорией «ложного сознания» - см. об этом, в связи с нашей темой [10]). Восприятие работы как «казенной» оказывается в первую очередь контрсуггестивной (чаще всего, стихийной) реакцией на превратно понимаемые намерения администрации. Эта контрсуггестия и действует как социально-психологический барьер стимулирования, как «переводчик» организационных мер на язык МФ.

5. Исследовательские задачи и прикладные выводы

<...> 5.4. Обобщая сказанное, отметим следующие ШЕСТЬ ЗАДАЧ эмпирического исследования, составляющие программу создания «карты» распределения ЦО в рабочем коллективе, и тем самым программу верификации гипотезы.

1. Задача ПО ПРОВЕРКЕ НЕОДНОРОДНОСТИ ЦО В КОЛЛЕКТИВЕ - характеристика формальных и неформальных групп по их ЦО, системность групповых СЦО, сравнительное изучение МФ и других типов мировосприятия.
2. Задача ПО УТОЧНЕНИЮ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЦО ПО КРИТЕРИЮ «СВОЕ» - «ЧУЖОЕ» - выяснение сфер жизнедеятельности и объема установок, входящих в эту оппозицию (в восприятии рабочих), знание и оценка «официального кода».
3. Задача ПО УТОЧНЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ МФ - выявление контрсуггестивных установок и их связи с МФ, выяснение масштабов группового контроля за поведением члена группы и т. п., уточнение форм социально-психологической зависимости в группе.
4. Задача ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЦО ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ ГРУППОВОЙ СЦО - восприятие рабочими форм оплаты и поощрения, оценка содержания труда, отношений в коллективе и т.д.
5. Задача ПО ВЫЯСНЕНИЮ АКТУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ, ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ, объективных оснований, вызывающих отчужденное восприятие отдельных элементов труда - изучение динамики названных явлений.
6. Задача ПО ПРОВЕРКЕ КОНЦЕПЦИИ О СТРУКТУРЕ КОЛЛЕКТИВА - групповые или индивидуалистические характеристики, типы идентификации, ее инертность или осознанность, выяснение реальных масштабов групп, выяснение, пересекаются ли все названные характеристики, образуя то же множество (группу) рабочих.

Выводы

1. В марксистской социологической литературе все еще нет адекватного истолкования недостаточной эффективности существующей системы духовного и материального стимулирования на производстве. Частично она может быть объяснена наличием социально-психологических барьеров в групповом сознании отдельных частей рабочего коллектива. Таким барьером является «материальный фетишизм» (МФ) - стихийно сложившаяся система взглядов и норм поведения (групповая система ценностных ориентаций), интегрирующая неформальную группу рабочих в направлении, отклоняющемся от общесоциальной системы ценностей и целей. Каждый стимул

воспринимается членом такой группы в преломлении названной системы, в результате чего стимул оказывается дисфункциональным.

2. В контексте анализируемого узкогруппового мировосприятия основные категории, на которые опирается система стимулирования (и ее традиционное исследование), такие, как «труд», «удовлетворенность работой», «содержание труда», «заработок» и др., имеют принципиально иной смысл. В связи с этим наличие социально-психологических барьеров стимулирования можно фиксировать как несовпадение «языков» или типов мировосприятия управления (и исследователей), с одной стороны, и членов отдельных неформальных групп рабочего коллектива, с другой. Это несовпадение отражает социально-психологические факторы, мешающие успеху стимулирования трудовой активности. Помимо того, оно же оказывается помехой для адекватного социального исследования ценностных ориентаций различных структурных частей коллектива: распространенный тип программы исследования приписывает коллективу однородность мировоззрения, а опросник навязывает респондентам нерелевантное структурирование мира.

3. Содержанием групповой системы ценностных ориентаций (СЦО), названной нами МФ, является преувеличение материального мотива труда (для изучаемой категории рабочих он воспринимается и провозглашается как единственно естественный, «нормальный» мотив). Тем самым эта групповая СЦО снижает для членов группы эффективность мер духовного стимулирования трудовой активности. С другой стороны, эта же СЦО ставит предел действию материальных стимулов, поскольку рабочие анализируемой категории не идентифицируются ни с материальной перспективой страны, ни с материальной перспективностью своей ежедневной трудовой деятельности.

4. Противоречивость МФ интерпретируется социально-психологически как контрсуггестивная реакция обсуждаемого контингента рабочих на внушение отчужденно воспринимаемых ими общесоциальных ценностей: материальный момент, отрываясь от инструментальной функции, гипертрофируясь до масштабов мировосприятия, отражает и противоречиво замещает (в психике рабочего) моменты отчуждения в трудовой практике. Отсюда следует (при условии эмпирического подтверждения изложенной гипотезы), что оптимизация системы стимулирования трудовой активности на производства связана, в частности, с работой по преодолению социально-психологических барьеров, сложившихся в психологии отдельных неформальных подразделений рабочих коллективов.

Литература

1. Jaroszewski T.M. Alieancja? Warszawa, 1965.
2. Кравченко В.А. Проблема отчуждения и социальное развитие личности. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1967.
3. Рапопорт С.С. О социально-психологических барьерах стимулирования трудовой активности рабочих (1. Неоднородность ценностных ориентаций членов рабочего коллектива) // Труды Академии наук Литовской ССР» (серия А, 1976, т. 2/57/).
4. Ядов В.А., Киссель А.А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования // Социологические исследования, 1974, N 1.
5. Попова И.М. Стимулирование трудовой деятельности как способ управления. Автореф. докт. дисс. Л., 1975.
6. Максимов Б.. Логика нелогичности // Знание-сила, 1975, N 1.
7. Мамардашвили М.К. Форма превращенная / Философская энциклопедия, том 5. М., 1970.
8. Staniskis J. Patologie struktur organizacyjnych. Wroclaw, Warszawa, Krakow, gdansk, 1972.

9. Рапопорт С.С. Регуляция поведения в культурологическом освещении / Социальные проблемы свободного времени трудящихся. Вильнюс, 1974.

10. Dioniziak R. Potrzeby konsumpcyjne a problem "falszowej swiadomosci" // Kultura i spolezenstwo, 1967, N 2.

(Рапопорт С.С. О социально-психологических барьерах стимулирования трудовой активности рабочих (2. «Материальный фетишизм» как системная характеристика ценностных ориентаций отдельных неформальных групп)) // Труды Академии наук Литовской ССР», серия А, 1977, т. 1/58/).

[Извлечения из еще одной работы Сергея Рапопорта см. в ниже, в: Из неопубликованных глав. Том 2/2 (Глава19)]

В.Е. Ронкин

17.2. «...ОН НЕНАВИДЕЛ СЛОВО „РАБ“, ЗА ТО ПОПАЛСЯ В ГЛАВНЫЙ ШТАБ...»

= Несколько вступительных слов

Валерий Ефимович Ронкин (ныне покойный. – А. А. 2013) - мой ровесник.

Его «эксперимент над собственной жизнью» был куда покруче моего, а «дело» Ронкина-Хахаева (и их подельников - преимущественно выпускников Ленинградского технологического института), издававших «Колокол» и т. д., в середине 1960-х - таким, что даже тогда о нем была молва, хоть и не было еще «Хроники текущих событий»...

Только в конце 1980-х нам с В. Р. довелось встретиться и подружиться.

О нем, как и о некоторых других моих «поборимах-экспериментаторах», еще будет рассказано в этой книге. Сейчас же ограничусь информацией, что В. Ронкин - инженер-химик, живет в г. Луге.²¹⁰

Работы В. Ронкина на исторические, культурологические, политические и другие темы публиковались в журналах «Век XX и мир», «Новое время», «Нева», «Звезда», «Пчела» и др., в ряде газет.²¹¹

Ниже – ряд текстов Валерия Ронкина.

(Декабрь 1999).

(1)

= Из работ В. Ронкина конца 1990-х гг.

Лекция, прочитанная школьникам в Сахаровском центре (часть 1)²¹²

---

²¹⁰ В 2004 году семья Ронкиных (В.Е. Ронкин и его супруга И.Т. Ронкина) переехала в Санкт-Петербург. (А.А. 2013).

²¹¹ В 2003 году в издательстве «Звенья» вышла автобиографическая книга В.Е. Ронкина «На смену декаблям приходят январы... (Воспоминания бывшего бригадмилца и подпольщика, а позже – политзаключенного и диссидента). Электронная версия - <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1757>

²¹² Опубликовано в: Ты и государство (материалы для старшеклассников и учителей). М.: Общественный центр им. А.Д. Сахарова, 1999 (под заглавием «Правозащитное движение и Сахаров»; название издателей).

Этот текст и его продолжение (часть 2) в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» 91999-2001) не входили.

Основатель кибернетики, Норберт Винер, приводит такую притчу: «Из дальнего плавания вернулся моряк. Придя в гости к друзьям, он показал им чужеземное чудо – засохшую обезьянью лапу, которая могла выполнить любые желания. Сам он боялся попросить ее о чем-нибудь, так как, по слухам, никто из обладавших этой лапой ранее счастлив не был. Выслушав рассказ гостя, хозяин попросил подарить ему эту диковинку и сразу же обратился к лапе с желанием: “Хочу тысячу фунтов!” В дверь позвонили и появившийся человек положил на стол деньги: “Ваш сын погиб. Вот его страховая премия”».

Этой историей Винер иллюстрировал некое глобальное предостережение человечеству: стремясь к цели, нужно достаточно ясно представлять себе способы ее достижения, иначе цена успеха может оказаться слишком дорогой.

***

Диссидентское движение в России появилось отнюдь не в 1960-е годы. Собственно говоря, и большевики до того, как они захватили власть, тоже были диссидентами, причем цели, вдохновлявшие их, были прекрасными. Сострадание к угнетенным, Интернационализм, Свобода, Равенство, Братство и т.д. и т.п. Эти ценности были квинтэссенцией европейской культуры, именно они, а не сталинские концлагеря, как полагает Зюганов, позволяли рассматривать марксизм как продолжение христианской традиции, несмотря на его, марксизма, безбожие, появившееся, кстати, гораздо раньше марксизма.

Этим и объясняется тот факт, что огромная часть европейских либералов, активно выступавшая с антифашистских позиций, старалась не замечать сталинской мясорубки или даже оправдывать ее.

***

Очень скоро выяснилось, что захват власти большевиками вовсе не привел страну в желаемое будущее. И на местах, и в верхах партии началась борьба фракций. Конечно, в этой борьбе было место и личным амбициям, но одновременно с этим выдвигались и такие требования, которые, по мнению оппозиционеров, должны были бы стать гарантией от всевластия «нового класса», как спустя 20 с лишним лет назовет партийную бюрократию югославский коммунист Милован Джилас. Такими требованиями были передача власти Советам (децисты) или профсоюзам (рабочая оппозиция). В начале 1920-х годов за оппозиционные выступления еще не арестовывали. В 1932 г. сын сибирского крестьянина, большевик с 1914 г., видный партийный деятель, Мартемьян Рютин был приговорен к 10 годам лагерей, а через четыре года расстрелян. Вместе с ним сначала отправлены в лагеря, а потом и расстреляны были и его товарищи.²¹³

Насколько я знаю, это было последнее выступление, в котором участвовали крупные партийные чиновники. Последующие сталинские репрессии против крупного начальства обуславливались дворцовыми интригами в значительно большей степени, чем ценностными установками жертв. Некоторые легенды мне приходилось слышать о красных командармах, которые якобы вступили в контакт с немецким генералитетом с целью одновременного устранения Гитлера и Сталина. Контакты касались гарантий взаимного ненападения Германии и Советского Союза в момент готовившихся переворотов. Я лично думаю, что все это не более чем красивая сказка.

***

Циничное отношение к социалистическим ценностям, характерное для властной верхушки, естественно распространялось и в низы, но там еще находились люди,

---

²¹³ М.Н. Рютин провозгласил «Союз марксистов-ленинцев» и попытался объединить вокруг него все оппозиционные силы. В обращении «Ко всем членам ВКП(б)» (1932). Рютин обвинил И.В. Сталина в извращении ленинизма, узурпации власти. (Примечание А. А.)

верившие в «идеалы Октября». Время от времени в стране появлялись и почти сразу же арестовывались молодежные группы социалистического направления. Одной из таких групп посвящена повесть Анатолия Жигулина «Черные камни». Жигулин сам был членом подобной группы, был арестован в 1949 г. и долгие годы провел в колымских лагерях.

Мне хорошо известно о деле Пименова по воспоминаниям его подельника, с которым я познакомился позднее, Бориса Вайля («Особо опасный». Харьков, 2005). Хорошо знаком я и с делом будущего депутата Верховного Совета РСФСР и первого созыва Думы России Михаила Молодцова.

***

В июне 1965 г. за такую же деятельность была арестована группа из девяти и человек в Ленинграде, одним из арестованных был и я.

Нам казалось, что достаточно довести наши идеи до широкого круга граждан, чтобы положение в стране кардинально изменилось. В лагере же мы столкнулись с таким широким спектром идей и мнений, какого на воле мы себе и представить не могли.

Мы и некоторые другие группы нашего типа возникли, действовали и сидели в совершенно иное время, нежели Жигулин и его товарищи.

После смерти Сталина в стране произошли громадные изменения, произошли они сверху, по воле Хрущева и его окружения. В какой-то мере некоторыми из реформаторов двигали и идеологические мотивы, но причины того, что партийная верхушка поддержала Хрущева, крылись в другом – «новый класс» посчитал свое положение достаточно устойчивым от выступления снизу и понял, что основная опасность для него исходит не от инакомыслящих, а от единоличной диктатуры вождя, опирающегося на отлаженный репрессивный аппарат.

***

В первых числах сентября того же 1965 г. в Москве были арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Я считаю, что правозащитное движение как таковое можно датировать именно арестом этих писателей.

Вернувшись в разные сроки из лагерей, члены нашей группы тоже примкнули к этому движению.

На истории правозащитного движения я останавливаться не буду – на эту тему есть немало публикаций, назову наиболее общую и подробную: Людмила Алексеева, «История инакомыслия в СССР».

***

Инакомыслящие были объединены, да и то далеко не всегда, только общим врагом. Всех диссидентов того времени можно разделить на две категории.

Одни из них боролись за свои собственные права – художники хотели рисовать так, как они видят окружающий мир, писатели – писать вне идиотской партийной цензуры, которая, независимо от намерений автора, видела в каждом лысом персонаже намек на Ленина.

Верующие хотели отправлять свои обряды без вмешательства атеистов из Комитета по делам религии и КГБ. Крымские татары хотели вернуться в Крым. Прибалты боролись за независимость своих стран, сионисты – за право уезжать в Израиль.

На примере Гамсахурдии, Дудко, некоторых прибалтийских и украинских националистов мы можем видеть, что права человека их интересовали меньше всего. И в Израиле многие бывшие диссиденты стоят на ультранационалистических позициях.

***

Другая категория диссидентов исходила из этического, я бы даже сказал – эстетического императива.

Есть у А.С. Грибоедова коротенький стишок в альбом: «По духу времени и вкусу / Он ненавидел слово „раб“, / За то попался в Главный штаб / И был притянут к Иисусу».

Вот так и нами, мной, по крайней мере, прежде всего, двигало именно эстетическое неприятие насковозь лживого режима, но это я понял гораздо позже.

Думаю, что и большевиками вплоть до начала 1920-х годов двигало то же самое эстетическое чувство – протест против уродства жизни и стремление построить прекрасное будущее.

Эта часть диссидентов боролась за свои права, как за права человека вообще, вовсе не ставя перед собой вопроса, насколько «человеку вообще» эти права нужны. Участники «социалистических» групп, в своем огромном большинстве, примыкали именно к этой категории.

***

Впрочем, далеко не все – многие, попавшие в «зону» как социалисты, там становились националистами. В первую очередь это касалось евреев и русских. В 1967 г. была арестована группа Игоря Огурцова, объединявшая русских националистов еще до посадки.

Обратного движения – от националистических идеалов к социалистическим или общелиберальным я не наблюдал.

Как социалистически настроенная часть оппозиции идеализировала «трудящихся», так националисты идеализировали государство и идеологию, им казалось и многим кажется до сих пор, что можно создать идеологически чистого чиновника, свободного от личных амбиций и корысти, и передать в руки этих идеальных исполнителей судьбы всех остальных людей. Мы можем не соглашаться с эстетическими вкусами данной категории людей, но необходимо признать тот факт, что и они в первую очередь руководствуются не интересами, а эстетическими принципами.

***

Либеральное крыло оппозиционного движения, даже те, кто вовсе не считал себя социалистами, называли себя «левыми», правящую партию же считали «правыми» и не без основания. Вспомним Окуджаву: «Те, что справа, стоят, стоят. Но те, что идут, всегда должны держаться левой стороны». Впрочем, и социалистическая оппозиция КПСС считала КПСС «правой».

Начиная с французского Национального собрания времен революции «левые» защищали права гражданина от государства, противопоставляли личность и государству, и нации, боролись против любой унифицирующей идеологии, которой в те времена были государственные религии. «Правые», наоборот, обоготворяли государство, нацию, официальное вероисповедание, традиции, выступали с консервативных позиций. До прихода к власти коммунисты были «левыми» – они исходили из «Коммунистического манифеста», где «свобода каждого» провозглашалась условием «свободы всех», обещали «полное отмирание государства» и т. д. и т. п.

В этом смысле мы опять оказались в зазеркалье – коммунистов зовем «левыми», а демократов «правыми». Некоторые даже именуют себя консерваторами. А что нам консервировать, кроме КГБ?

***

В «зазеркалье» мы попали не случайно. Те, кто боролся за реальные интересы, своего добились.

Боролись за национальные права? Татары живут в Крыму. Союзные республики получили независимость. Евреи могут ехать в Израиль.

Требовали свободы передвижения? Виноградов танцует в Америке, не опасаясь укола зонтиком.

Боролись за то, чтобы слушать и читать без райкомовской и гзбистской цензуры? Читайте.

За то, чтобы рисовать, как хочется? Рисуйте. Писать все что угодно, вплоть до лимоновского мата? Пожалуйста.

К правозащитному движению не принадлежала так называемая «экономическая оппозиция» – те, кто, нарушая абсурдные с экономической точки зрения законы, радел о своем кармане. Были и исключения – некоторые заботились о процветании своего предприятия или колхоза, например, погибший в лагере Худенко. И те и другие получили возможность – одни воровать, другие создавать. Вторых было меньше.

Те же, кто шел в лагерь ради абстрактной справедливости, не добились ничего. Напомню, что правозащитники демонстративно и искренне заявляли, что они политикой не занимаются, поскольку политика – грязное дело. Если сантехник занимается поборами и делает (*свою работу*. – *Ред.*) кое-как, то и сантехника – грязное дело. У порядочного человека все дела чистые, в том числе и политика. Правозащитники были бескорыстными, не стыдились личных амбиций и не мечтали о постах и местах, а жаль. Может быть, имей мы властные амбиции, нам удалось бы чего-нибудь добиться. Когда спохватились, было уже поздно.

***

Политическая деятельность заключается не в том, чтобы свергать власть – та разваливается от внутренних причин. Политическая деятельность дает возможность организовать новые отношения, когда старые перестают функционировать.

Действительно ли диссиденты, в том числе и правозащитники, разрушили «реальный социализм»? Хрущевская реформа обошлась без них – появившиеся единицы в это время катали тачки на Колыме.

Конечно, диссидентское движение в республиках способствовало активизации национальных элит, у которых появилась возможность опереться на что-то иное, нежели московский штык. Диссидентское движение дискредитировало дряхлеющую власть в глазах мирового общественного мнения, а начальству уже хотелось выглядеть импозантно, да и упадок экономики делал Союз зависимым от развитых стран.

Но вовсе не правозащитники предложили идею разделить между собой воровской общак, награбленный в двадцатых годах экспроприаторами и умноженный в тридцатых рабовладельцами. Я знаю гэбэшника, который сразу же после отмены статьи конституции о руководящей роли КПСС бросил старую жену и взял молодую – раньше у него были бы неприятности. Впрочем, любовниц он мог иметь, и суть шла не о принципах, а о форме.

***

К сожалению, дело не только в этом. По тем или иным причинам правозащитные принципы не имеют в нашей стране массовой поддержки. Тоталитарные идеи выглядят в глазах огромного количества людей гораздо эстетичнее. Причины этого – тема особой лекции.

***

Сегодня фашизм – главная угроза стране и ее гражданам, и не суть важно, как будут называть себя его лидеры: национал-социалистами или коммунистами. В отличие от авторитарного режима, который обычно исходит из прагматических потребностей элиты, тоталитарный – базируется на эстетических предпочтениях его лидеров и ведомых ими масс.

Антифашизм, конечно, тоже базируется на эстетике, естественно, иной, нежели фашизм. Но не только на ней. Эти принципы, чтобы стать действенными, могут и должны опираться на прагматический интерес.

В чем же конкретная опасность фашизма, который, если исходить из наших традиций, примет отнюдь не итальянские формы и даже не гитлеровские. Там, по крайней мере, под видом евреев не уничтожали никого, кроме евреев. У нас же ежели нельзя было назвать кулаком – называли подкулачником.

Борьба политических амбиций, страх перед нелояльностью вчерашних соратников примет сталинские формы, и в этот водоворот будут втянуты не только те, кто претендует на власть.

Для реализации утопических проектов наличный человеческий «материал» всегда оказывается неподходящим, и поэтому такие режимы не обходятся без попыток вывести новую человеческую породу, апеллируя, прежде всего, к насилию.

Это тем легче делать, поскольку организация производства может быть основана только на двух принципах: материальной заинтересованности или внеэкономическом принуждении, и второй способ, поскольку сила есть – ума не требует, легче и проще реализуем, то всякий репрессивный режим непременно прибегает к нему. Гитлер пользовался рабским трудом людей оккупированных территорий. Сталин обратил в рабов миллионы своих граждан. В его время шахтеры не стучали каскам и – заключенных спускали в забой и без касок. Население лагерей определялось не столько политической необходимостью, сколько экономическими требованиями.

Наконец, фанатики, получившие абсолютную власть в стране, вооруженной термоядерным оружием, могут втянуть человечество в такую авантюру, перед которой Вторая мировая покажется детской игрой. Некоторые из них, еще не имея в руках термоядерной кнопки, уже прославляют эстетику Апокалипсиса. Но война может быть развязана не только фашистской властью – испуганные соседи по планете могут решиться на превентивную бомбардировку.

Страна, пережившая «красного» Сталина, должна остеречься его и в иной форме. И в этом реальный интерес каждого, кто не мечтает или не надеется удрать из нее. Насколько этот реальный интерес будет понят каждым, настолько у нас есть шансы избежать повторения пройденного.

08.03.1999

= Из работ В. Ронкина конца 1990-х гг.

Обучаемы ли мы? (лекция, часть 2)

Умный учится на чужом опыте. Дурак не учится даже на своем собственном.

Угроза фашизма становится в России все реальнее, и мне кажется, что ни наша правящая элита, ни наши граждане так и не могут учесть не только опыт фашистской Германии, но и свой собственный горький опыт тоталитарной власти.

Я здесь говорю именно о Германии, а не об Италии, хотя слово фашизм родилось именно там, потому, что в российском политическом лексиконе именно термином «фашизм» определялся режим тотальной националистической диктатуры. В Германии это явление называлось «нацизмом».

Режимы Муссолини, Франко или Пиночета (тоже именовавшиеся в советской пропаганде фашистскими) представляли собой крайнюю форму авторитаризма, в то время как Гитлеру удалось создать тоталитарный режим. При авторитаризме государство становится собственностью вождя и окружающей его клики. Это же справедливо и для тоталитарного режима с одним существенным добавлением – все граждане страны становятся собственностью государства. Такое добавление очень существенно. В последнее время много говорилось о сходстве между сталинским и гитлеровским режимами. К сожалению, о различиях говорилось меньше, если вообще говорилось.

Германия имела опыт правового государства. Уничтожение евреев было варварством, но, насколько мне известно, как евреев уничтожали только евреев. В России же, когда пришла пора «борьбы с кулачеством», все неугодные бедняки были объявлены «подкулачниками».

Сегодня, когда разыгрывается карта национализма, еще до возможности реальной расправы, можно услышать, что Ельцин это Эльцин, а Лужков – жид.

Другим серьезным отличием было то, что гитлеровская идеология базировалась на уже архаичной для Европы родоплеменной языческой сакрализации кровного родства, насилия и жестокости. Что касается советской пропаганды, то она апеллировала к

Состраданию, Интернационализму, Свободе, Равенству и Братству, т. е. к тому, что было квинтэссенцией европейской культуры. Именно это, а не концлагеря, как нам пытаются внушить коммунисты, позволяет рассматривать социалистическую идеологию как наследницу христианства.

Действительно, в «Коммунистическом манифесте» говорится о «свободном развитии каждого, как условия свободного развития всех». Даже сталинская пропаганда никогда не сакрализовала насилие – нам все время твердили, что насилие – это суровая необходимость сегодняшнего момента, и обещали отмирание государства как орудия этого самого насилия. Поэтому европейские либералы предпочитали не замечать, а иногда и оправдывать, сталинские убийства и концлагеря, не прощая того же самого Гитлеру.

Соответственно, и крах этих режимов привел к совершенно разным последствиям. В Германии вместе с режимом потерпела поражение и человеконенавистническая идеология Гитлера. На территории бывшего СССР вместе с крахом так называемого «социализма» была дискредитирована европейская система ценностей, использовавшаяся коммунистами в качестве идеологического прикрытия. Оказалось, что все разговоры о свободе, равенстве и братстве – только антураж, позволявший удовлетворять свои личные амбиции партийно-государственной верхушке.

Все, что мы имеем в России сейчас, – прямое следствие дискредитации социалистических ценностей, связанное с семидесятилетней властью коммунистов и полным непониманием этого нашими демократическими СМИ.

В начале 90-х годов одна либеральная газета поместила статью заместителя главного редактора. Суть ее была в том, что, дескать, коммунисты вдалбливали ему коллективистские ценности и представление об ответственности за страну, поэтому он на дружеских застольях пел окуджавинские «Возьмемся за руки, друзья!». Теперь он эту песню больше не поет и «чувство локтя» воспринимает как чувство локтя, упертого в живот соседу. Дескать, капитализм (тот самый, который он обличал в советское время за неплохую зарплату) не знает коллективизма (поверил в собственное вранье?) и поэтому он теперь не поет «Возьмемся за руки...».

На мой вопрос, участвует ли автор в застольях, что тоже является формой коллективизма, или пьет в одиночку, я ответа не получил.

Итак, какой мы видим сегодня Россию в зеркале СМИ? Верхи – коррупция, компроматы, презентации, цинизм, богатство.

Народ – невыплаченные зарплаты, бедность, проституция, нищенство, дедовщина и т. д. и т. п.

Во-первых, это не совсем соответствует действительности – я до выхода на пенсию работал на заводе, который увеличивал число рабочих, вовремя платил и платит зарплату.

Сколько писали о Собчаке, сколько эфирного времени ему было предоставлено! И никто не сказал, что Собчак предал своих избирателей. И не только квартирными махинациями, в которых его обвиняли, а самим фактом бегства за рубеж. Если обвинение политическое – тем более. Любовь к свободе толкала людей на костер и баррикады. А Собчак клялся в любви и... пшик!

Дети убежали с урока. Мой сын-первоклашка не сбежал вместе с остальными. Я у него спросил: «Ты остался потому, что убежать было страшно или стыдно?» Сегодня убежать не страшно и, увы, не стыдно.

А кто за все это время вспомнил депутатов Верховного Совета еще СССР, например, умницу Гаер или реформатора армии Лопатина?

СМИ – «не отражающее зеркало, а увеличивающее стекло». Мало дать сиюминутную «горяченькую» информацию, – ее необходимо еще и проанализировать. Мне могут возразить: «Вот в Америке...», но еще Гегель возражал против представления, что толпа мыслит конкретно, а философ – абстрактно. По мысли Гегеля, услышав про

казнь убийцы, именно толпа судит абстрактно, умный же человек мыслит конкретно: что толкнуло преступника к убийству, как и кого он убил.²¹⁴

В нашей конкретной ситуации задача СМИ не только сообщать, но и обобщать. Что хорошо для Америки – русскому смерть. Существует длительная традиция, приучившая наших граждан искать в печатном слове ответы на все вопросы жизни, а не только «жареные» факты.

Ладно бы хоть факты подавались честно. Вот в либеральной газете академик обличает крупного чиновника Госкомстата. У того-де пятикомнатная квартира. При этом не говорится о том, в каких квартирных условиях живут все остальные чиновники такого ранга, не выясняется, кто конкретно нарушил закон, вселяя чиновников в жилье, предназначенное для беженцев, платил ли чиновник за эту квартиру и, вообще, является ли эта ситуация криминальной.

Кстати, этот академик живет тоже, думаю, не в коммуналке. Ту квартиру, которую дала ему еще советская власть, он получил таким же образом, как и уничтожаемый им чиновник – по рангу, отнюдь не оправданному успехами советской экономики.

Газета выполняет заказ по дискриминации конкретного человека или группы. Побочные явления – всеобщее растление населения, причем не самим фактом сообщения, а именно формой его подачи, – редакцию не интересуют. Апелляция к зависти и агрессивности, да еще в таких дозах, не может не привести страну к печальным последствиям.

В Библии приводится притча о царе Соломоне. Пришли к нему две женщины, принесли ребенка. Обе они родили в одно время, но у одной он умер. Каждая из них утверждала, что истинная мать она. Царь приказал ребенка разрубить на две части, одна из женщин согласилась с таким решением, но истинная мать закричала: «Пусть хоть и у мачехи, но живой!»

Все сегодняшние «демократы» плевали на свое дите, демократию, – режь ее, руби, но «мачехе» мы ее не уступим. И таким поведением каждая из «партий» дискредитирует не только своих противников, но в той же мере и самую себя – «власть не поделили», говорит обыватель и правильно говорит – по-иному ведут себя люди, имеющие общими основные ценности и расходящиеся в конкретных способах их достижения.

Ситуация, в которой оказались все мы, – безобразная, отвратительная. Я не случайно прибегаю к эстетическому ее определению – нарушение этических норм человеком воспринимается, прежде всего, как нечто антиэстетичное.

Утопия всегда эстетичнее действительности, поскольку она искусственна (искусство), в том числе и фашистская утопия. Сочиненный дизайнерами или позаимствованный антураж – это только некая добавка, хотя и он имеет значение.

Мы сами толкаем хороших ребят к коммунистам и фашистам, провозглашая словом и делом – преуспевание любой ценой. Рынок есть только средство и никогда не может стать идеалом сам по себе, разве что для того, кто мечтает украсть и удрать.

России очень повезет, если ей удастся избежать фашизма. Коммунизм себя уже дискредитировал – появление большого количества фанатиков-коммунистов маловероятно. А установление тоталитарного режима требует массового фанатизма. Фашизм Россия еще не пробовала. Люди, помнящие Гитлера, уходят с политической арены и из жизни. Приходят те, кто видел бравых фашистских молодчиков в «Семнадцати мгновениях весны», и те, кто сегодня видит баркашовцев на улицах.

Фашизм тем более вероятен потому, что за национализмом и государственностью, т.е. за силовые методы решения всех вопросов начинают помаленьку выступать все больше представителей культуры.

Опасности, которую представляет собой тоталитаризм, никто толком себе не представляет. Для фигур, принадлежащих к политической элите, ее и не существует –

---

²¹⁴ См.: Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Вопросы философии, 1956, № 6.

удерут, да еще представятся оппозицией, а то и правительством в эмиграции, и будут жить на деньги тамошних налогоплательщиков.

В чем опасность тоталитарного режима?

Первая и основная опасность заключается в том, что стимулом материального производства может быть либо материальная заинтересованность, либо насилие. В «Утопии» Т. Мора путешественник спрашивает утопийца: «Кто же выполняет у вас грязную и тяжелую работу?», и получает ответ: «Секта альтруистов. Но поскольку альтруистов не хватает, мы используем для этой цели преступников, обращенных в рабство». Это – в выдуманной утопии.

Не секрет, что сталинская экономика была основана на рабском труде заключенных и крепостном труде колхозников, прикрепленных к земле и работавших за «палочки» под угрозой превращения каждого из них в раба-заключенного за невыполнение нормы трудодней. Гитлер набирал рабов на покоренных территориях.

Я думаю, что сталинские аресты, как и гитлеровская агрессия, в первую очередь стимулировались экономическими причинами. Политические репрессии были нужны только для того, чтобы держать в повиновении всю эту массу рабов и крепостных.

Зюганов, может быть, и очень приличный человек, но ему в спину дышат уже илюхины, макашovy-баркашovy и селезневы, уже сегодня мечтающие о каторгах, на которых заключенные будут подыхать. Конечно, виновные, но ведь у них и «Сталин невиновных не сажал».

Запутавшись в своих противоречиях, тоталитарный режим может толкнуть страну в военную авантюру. Дугин, кажется, уже разглагольствует об эстетике апокалипсиса. Не толкнет ли приход тоталитарной силы другие страны к превентивным мерам? И в этом случае для России хрен не слаще редьки.

Сегодня коммунистические и фашистские утопии выглядят приличнее существующей действительности. Чем они могут обернуться?

И это все надо объяснять и не раз, и не два. Пропаганда добра строится по той же технологии, что и пропаганда зла, исключая ложь и хамство. Нам ни то, ни другое не нужно. Но доходчивые и многократно подтверждаемые лозунги – нужны. Тексты, рассчитанные не на снобов, а на нормальных людей, не всегда политически грамотных, тоже нужны. Защита наших принципов – нужна. Готовность к жертве – тем более.

Года три тому назад, выступая на семинаре Хельсинкской группы, я предложил создать суд журналистской чести. Теперь его собираются создавать те, у кого честь и не ночевала.

Может быть, извлечем уроки? Может быть, начнем создавать антитоталитарный фронт раньше, чем окажемся на лагерных нарах?

«Если я не за себя, то кто за меня? Если я только за себя, то зачем я?» – это было сказано давно.

В ваших руках большая сила. Не расходуйте ее на суету. Мы привыкли ссылаться на обстоятельства. То у нас виноват Сталин, то коммунисты, то зависимость СМИ от денежного мешка. С такой позиции зло оказывается всеильным. Но если каждый из нас будет твердо уверен, что он отвечает за себя и за страну, – они не пройдут! Я хотел бы кончить свое выступление стихами моего друга Юлия Даниэля, написанными им в концлагере:

Я ведь – не человек:

(Рост – 177),

Я твой окоп, Добро,

(Вес 66),

Я – смотровая щель

(Руки мои тонки),

Пушки твоей ядро,

*(Мышцы мои слабы),
Камень в твоей праще.*

08.03.1999

(2)

= Из работ В. Ронкина конца 1990-х гг.

Ленин и Сталин

В течение всего сталинского периода истории России в ходу был лозунг, сочиненный Горьким: «Сталин - это Ленин сегодня!». После XX съезда КПСС возобладала иная точка зрения. Партия, а вместе с ней и многие беспартийные многозначительно вздыхали: «Если бы был жив Ленин...».

После окончания хрущевской оттепели и власть, и многие из диссидентов вернулись фактически к старому лозунгу.

Между тем еще Гегель как-то сказал, что «мыслить это значит видеть в сходном различное и в различном - сходное». Эту максиму я в очередной раз вспомнил, посмотрев фильм Е.А. Киселева «Самый человечный человек».

Киселев по сути вернулся к горьковскому лозунгу, сменив оценку деятельности того и другого на противоположную. Свой рассказ о Ленине он начинает с того, что пытается опровергнуть точку зрения, тех, кто противопоставляет эти две знаковые фигуры новейшей истории. Соответственно, подбирается и материал.

Но даже подобранный материал сопротивляется авторскому замыслу. Среди десятков людей, окружавших Ленина, названных в тексте и тех, кого я смог идентифицировать по фотографиям, только трое: Микоян, Молотов и Каганович не были расстреляны Сталиным.

Мог ли Ленин организовать «дело врачей» и что сделал бы он с Макашевым, ежели услышал бы его выступление перед казаками? И вовсе не потому, что в нем была капля еврейской крови. Дзержинский поступил бы с Макашевым, да и его слушателями, кричавшими: «Любо!», точно так же - поставил бы их к стенке.

Ленин, знавший, что франко-прусская война привела к Парижской Коммуне, а Русско-японская - к революции 1905-го года, выдвинул лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую, но еще до начала войны большевистская фракция IV Думы голосовала против военных ассигнований, еще на съезде II Интернационала Ленин выступал против войны. Ленину не могли и в голову придти идеи славянского или, тем более, православного «братства», несмотря на то, что он был крещен. (Между прочим, не Ленин крестился, а Ленина младенцем крестили. Это нельзя смешивать с тем, что некто сначала состоял в КПСС (не в октябрятах!), а после оттуда вышел. Ленин достаточно рано стал убежденным атеистом, это Сталин начал заигрывать с государственной религией - православием. (Мне могут привести цифры уничтоженных при Сталине священников. Думаю, они немногим будут отличаться от количества работников НКВД-МГБ, попавших в ту же мясорубку. Таков был сталинский метод ротации кадров, которые «решают все»).

Ленин начал в больших масштабах использовать принудительный труд. Так еще в «Утопии» Томаса Мора грязные и тяжелые работы выполняла секта альтруистов, а поскольку таковых не хватало, то и преступники, обращенные в рабство. Так то - в выдуманной стране!

Действительно, отмена материальных стимулов деятельности, неминуемо влечет за собой возвращение к более архаичной системе внеэкономического принуждения. Осознав, что на альтруистов в ближайшее время рассчитывать не приходится, Ленин перешел к

иной («новой») экономической политике. А Сталин закрепостил крестьянство и миллионы людей отправил в концлагеря, на рабский, в самом прямом значении этого слова, труд.

Ленин был крайне левым фанатиком, Сталин - крайне правым диктатором. Впрочем, поскольку мы живем в зазеркалье, немудрено, что путаем лево и право. За 200 лет до российской Перестройки во французском Национальном собрании слева сидели те, кто выступал за права человека, апеллировал к личности и прогрессу. Справа же сидели сторонники жесткой государственной власти, национального единства и уважения к традициям, внеэкономическим формам организации общества (т. е. к методам прямого насилия). С тех пор так и повелось. Большевики всерьез мечтали о полном отмирании государства, были искренними интернационалистами, надеялись в полной мере и немедленно осуществить девиз Великой Французской Революции: «Свобода, Равенство и Братство!» и поэтому были крайне левыми.

Сегодня модно говорить о несовместимости положений этой триады. Но демократические страны, потому и демократические, что умеют находить некий подвижный баланс между ними. Сегодня мы на опыте знаем, что эти идеалы нельзя осуществить немедленно и в полной мере. Мы должны понять, что фанатики в случае успеха неминуемо превращаются в палачей и сами становятся жертвами палачей-циников, коим прокладывают дорогу.

Сегодняшние коммунисты являются крайне правыми. Правее их, а может быть просто откровеннее, только Баркашев.

Их идея совместить преимущества капитализма с преимуществами социализма сводится к одному - все отдать государству, чтобы было вольготно воровать, как при социализме, а пользоваться наворованным, не таясь, как пользуются собственностью при капитализме.

Для того же, чтобы было чего воровать - восстановить ГУЛАГ, как фактор экономической политики. (Селезнев уже мечтает о каторгах, на которых будут умирать заключенные). Методы любые - от гражданской до мировой войны. Деньги - кто бы ни дал, возьмут. Именно на эту часть ленинского наследия они сегодня и претендуют.

Что касается целей, во имя которых Ленин готов был пойти на жертвы, кровь, моральные компромиссы, этого сегодняшним коммунистам не нужно.

Эти идеалы нужны демократии. Мы должны понимать и помнить, что общество, отвергающее идеалы интернационализма, свободы, равенства и братства, неминуемо превращается в криминальную банду или в концлагерь. На эту часть ленинского наследия мы должны заслужить право.

Ронкин В.Е., 23.04.1999

[...Преемственность, но не тождество!

Надеюсь, читатель не заподозрит моего друга в симпатиях к В.И. Ульянову-Ленину или в попытке его «реабилитации» перед судом Истории. - А. А. 2000]

(3)

= Из рассылки от 2.06.2010

Дорогие друзья!

Жизненный мир многих из нас существенно оскудел. Будем, однако, благодарны судьбе, что она подарила нам Встречу и даже Дружбу с этим удивительным человеком.

Прощание состоится в четверг, 3 июня 2010 г. Сначала - в 11 час., в помещении НИЦ «Мемориал» (ул. Рубинштейна, 23). Около 13 час. автобусы отвезут желающих на Парголово кладбище. Около 15 час. – похороны. Те, кто захочет и сможет, вернутся в НИЦ «Мемориал» примерно к 17 час.

(А. Алексеев. 2.06.2010)

[Ниже – современные тексты, посвященные В.Е. Ронкину. – А. А. 2013]

= Из публикаций на портале «Когита.ру»²¹⁵

22 сентября 2012 года в Научно-информационном центре «Мемориал» (СПб) состоялась [презентация 2-томника сочинений Валерия Ефимовича Ронкина](#), выпущенного петербургским издательством «Норма» (директор изд-ва – М.Л. Филиппова).

Давно не было такого аншлага в НИЦ «Мемориал». Около 70 человек еле поместились в небольшом конференц-зале.

Вел презентацию председатель Совета НИЦ «Мемориал» (СПб), кандидат исторических наук А.Д. Марголис. О яркой, насыщенной событиями и разнообразным творчеством, жизни «бывшего бригадмилейца и подпольщика, а позже - политзаключенного и диссидента», как определил сам себя В.Е. Ронкин (1936-2010) в подзаголовке своей книги [«На смену декаблям приходят январь»](#), вышедшей в 2003 году, рассказала Ирина Тимофеевна Ронкина, супруга и вдова В.Е. Ронкина. Ее рассказ иллюстрировался содержательным «слайд-шоу» из семейного архива. Удалось также посмотреть и послушать видеозапись 15-минутного интервью Валерия Ронкина 2007 года.

Содержание 2-томника «Сочинений» (социология, история, философия, культурология, публицистика) презентовал присутствующим один из редакторов-составителей этого собрания трудов, социолог, кандидат философских наук А.Н. Алексеев.

Выступали друзья, коллеги, со-трудники, со-ратники, со-участники жизни Валерия Ронкина, его почитатели и читатели, а также эксперты – профессионалы в сферах его научных и культурных интересов.

В целом участники презентации были единодушны: выход в свет «Сочинений» В.Е. Ронкина есть событие интеллектуальной жизни, далеко выходящее за пределы круга людей, которые лично его знали, помнят и любят.

(Я сейчас не пишу подробного репортажа. Аудиозапись презентации, при желании, можно [послушать или скачать](#); файл будет храниться до 23.10.2012).

Некоторые выступавшие особо благодарили издательство «Норма», отличающееся высоким качеством и культурой издания литературы такого рода. Уместно назвать здесь тех сотрудников издательства, которые были непосредственно заняты в работе над этой книгой: директор – М.Л. Филиппова; корректор – Д.М. Капитонов; художник – Ю.Н. Куршева; компьютерная верстка – М.Б. Гургуца.

Все участники презентации в НИЦ «Мемориал» 22 сентября, как обычно, были одарены презентуемой книгой.

= Предисловие А. Алексеева и И. Ронкиной к «Сочинениям» В.Е. Ронкина (2012)²¹⁶

²¹⁵ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/esche-o-sochineniyah-v.-ronkina>

²¹⁶ Ронкин В.Е. Сочинения. Наблюдения, исследования, размышления. Книги 1-2 / под ред. А.Н. Алексеева и И.Т. Ронкиной. – СПб.: Норма, 2012.

Ирина Тимофеевна Ронкина – супруга (вдова), со-умышленник и со-участник замечательной жизни В.Е. Ронкина.

Текст «От редакторов-составителей» см. также: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/esche-o-sochineniyah-v.-ronkina>

От редакторов-составителей

Перед тобой, читатель, – книга сочинений Валерия Ефимовича Ронкина (1936–2010), которая никогда не задумывалась автором как книга. Это именно **сочинения**, составлявшие лишь часть его плотно насыщенной творчеством, познанием и общением жизни, своего рода дневник приключений духа, воплотившийся в трактаты, статьи, заметки, как правило, писанные «для уяснения самому себе» и для друзей, но и для оппонентов тоже, а среди последних – современная автору власть и казенная наука.

Все же к середине 2000-х пришло осознание того, что все эти создававшиеся на протяжении всей жизни разнообразные и автономные произведения, принадлежащие перу химика-технолога по образованию и профессии и социального мыслителя и деятеля по жизненной сути, составляют некую целостность. По счастью, сам Валерий успел собрать свои литературные труды на сайте, а потом на диске, который раздаривал. Структура этого любительского (как все, что ни делал Валерий) собрания сочинений в основном воспроизведена в настоящем двухтомнике.

Здесь эта структура представлена в виде четырех крупных разделов: **СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ и РАЗНОЕ.**

Раздел **«Социология и история»** включает в себя подразделы, которые иногда совпадают с относительно крупными произведениями (их жанр уместнее всего определить как **трактаты**), а иногда составлены из тематически близких статей. В частности, открывается этот раздел работой «Системный взгляд на историю», которая писалась, можно сказать, всю жизнь. Валерий предваряет ее современную публикацию следующим замечанием:

«Этот опус я начал обдумывать еще во Владимирской тюрьме, примерно в 1970 году. Окончательно оформлен он был в конце 1970-х годов. За эти 30 лет многое изменилось. Изменились и мои представления.

Сейчас (в 2008 г.), перенося на компьютер свои тогдашние размышления, я кое-где вношу некоторые поправки-комментарии. Эти современные вставки я выделяю курсивом. В. Р.».

Так обычно поступает Валерий и с другими своими давними сочинениями. И обращаясь сегодня к «опусам» еще советских времен, поражаешься тому, как усматриваемая порой самим автором историческая наивность сочетается с усматриваемыми ныне нами прозрениями. Ибо, будучи абсолютно независим от догм тогдашней (да и нынешней) официальной науки, автор, начинавший как правоверный марксист, уже тогда (70-е гг.) уверенно ревизует, например, «учение об общественно-экономических формациях» (первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капитализм, коммунизм). В противовес марксовской пятичленке, В. Ронкин обосновывает свою четырехчленку, в которой центральным и сквозным понятием оказывается «саморазвивающаяся система» (СРС). Такими системами выступают и общество в целом, и отдельные его части, и личность.

Не углубляясь здесь в различия сменяющих друг друга на протяжении всемирной истории основных сфер деятельности и типов хозяйства (марксизм, как известно, именно экономику кладет в основу общественного устройства), укажем на ронкинское различие и эволюцию типов саморазвивающихся систем:

- 1) примитивно-конкурентный (интегративный) с биологической точки зрения;
- 2) формально-централизованный (объемлющий и рабовладельческую формацию, и «азиатский способ производства», и феодальный строй);
- 3) организованно-конкурентный (капитализм);
- 4) интегративный (неформально-централизованный).

Этому соответствует и историческая смена преобладающих форм управления:

- 1) традиция;

- 2) приказ, повеление;
- 3) договор;
- 4) совет, рекомендация.

Будущее, посткапиталистическое общество предстает у В. Ронкина «обществом знания», в котором «интеллигенция становится ведущей социальной силой».

Мы обратились к содержанию социально-философских идей Валерия Ронкина лишь на одном примере и никак не претендуем на их обзор и аналитическое рассмотрение.

Следующий подраздел раздела «Социология и история» включает в себя другой трактат – «Размышления о социальной роли государства» (это уже работа периода середины 2000-х гг.), после чего – подразделы «Теория социума», «Путь России» и «Национальный вопрос», охватывающие статьи разных лет – от 1970-х до 2000-х.

Приведем здесь названия лишь некоторых статей, характеризующих диапазон интересов Валерия Ронкина как социального исследователя:

«Прошлое и будущее социализма» (1978); «Общественные формации: реальность или фикция?» (1988); «Проблемы диалогичности в социально-культурном развитии» (1988); «Чем государство богатеет? В чем ошибался Карл Маркс?» (2010); «От Утопии до ГУЛАГа» (2009); «Российская антиутопия (Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин и другие)» (1999); «Лев Троцкий (Попытка психологического портрета)» (2008); «Предыстория национализма» (1996); «Рецензия на книгу Л.Н. Гумилева "Этногенез и биосфера Земли"» (1992).

Некоторые из этих работ публиковались, но большинство впервые выходят в свет в печатном издании.

Второй раздел **«Сочинений»**, замыкающий собой том 1, – это «Философия», где Валерий Ронкин представлен своим, пожалуй, *opus magnum* – «Апология рационального». Воспроизведем здесь начало авторского предисловия:

«Эти свои размышления я начал приводить в порядок в начале 1980-х годов. Полностью закончена работа была к концу 1986 года.

Вопрос – почему массу людей так легко удается водить за нос всякому, кто за это всерьез возьмется, от «великих вождей» до мелких мошенников, – интересовал меня давно. Может быть, поэтому мифология стала моим хобби. Постепенно я стал обращаться и к книгам, посвященным теории мифа. После прочтения одной из них я вдруг захотел перечитать «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, а перечитав, понял, что это, по сути, хорошо написанная инструкция по созданию мифа.

Первоначально я планировал заняться анализом этого ленинского труда, а равно и анализом (в этом же ключе) советской идеологии. Но и то, и другое считалось в те поры у нас государственным преступлением. Не желая вторично отправляться в места не столь отдаленные, я решил использовать эзопов язык и вообще нигде прямо не упоминать ни о Ленине, ни о Советском Союзе.

Это, на мой взгляд, оказалось даже к лучшему, т.к. вместо политической полемики мне пришлось заняться неким теоретическим анализом процессов взаимодействия психики человека и его среды.

Намеки, коими я обильно оснастил свои размышления, по прошествии времени превратились просто в примеры иррационального мышления. В то же время они хорошо иллюстрируют государственную идеологию нашего недавнего прошлого. Этой же цели служили и некоторые непосредственно не цитируемые в тексте ссылки».

Не менее ярко характеризуют авторскую позицию и два эпиграфа:

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет,
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!

П. Беранже

Сон разума порождает чудовищ.
Ф. Гойя

А вот оглавление:

1. Особая реальность; 2. Интерпретация; 3. Рефлексивность; 4. Образ и понятие; 5. Приспособление к среде и приспособление среды; 6. Психологическая защита; 7. Символ и дескриптор; 8. Законы логики и закономерности мифа; 9. Мир символов и прагматический мир; 10. Концепции личности – рациональная и иррациональная; 11. Символы в рациональной культуре; 12. Иррациональная культура; Приложение I. Очерк эволюции сознания; Приложение II. Межполушарная асимметрия мозга; Глоссарий.

Примечательно, как сложнейшие философские, психологические и семиотические материи сопрягаются у автора с гражданственным, антитоталитарным пафосом, как сочетаются «апология рационального» и «апология сотрудничества» (в той и другой автор выступает, пожалуй, с максималистских позиций). Проиллюстрируем это публицистической цитатой, завершающей данный трактат, который сам по себе, однако, напоминает стилем изложения скорее «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна:

«Пяти-шестилетние дети обычно считают, что когда они куда-нибудь идут, луна сопровождает их.

К семи-восемью годам дети начинают осознавать, что такое движение луны – иллюзия.

“Я раньше тоже думал, что луна всегда идет за мной, – рассказывал семилетний швейцарец Жан Пиаже. – Но теперь думаю иначе. У меня в школе есть друзья, и я понял, что луна не может идти за всеми нами сразу, если мы идем в разные стороны. Это только кажется, что она следует за нами, но это неправда”.

Рациональное мышление начинается тогда, когда “другой”, тот, кто идет в “другую сторону”, перестает быть “чужим”, становится другом.

Если истина дана только тем, кто идет вместе со мной, а всякий, кто идет в другую сторону (“шаг в сторону...”), либо заблуждается, либо лжет, – луна всегда будет следовать за мной, и я могу чувствовать себя повелителем Вселенной.

Но для того, чтобы луна стала доступной, ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ необходимо мыслить иначе.

“Уважение к человеку! Уважение к человеку!.. Вот он, пробный камень! Нацист уважает лишь себе подобных, а значит, он уважает только себя...”

Никто из нас не вправе себе одному приписать чистоту помыслов. Во имя пути, который я избрал, я могу отвергнуть путь, избранный другим. Я могу оспаривать ход его мысли. Ход мысли не всегда верен. Но если человек стремится к той же звезде, мой долг – его уважать, ибо мы братья по Духу.

Уважение к Человеку! Уважение к Человеку!.. Если в сердцах людей заложено уважение к человеку, люди в конце концов создадут такой общественный, политический или экономический строй, который вознесет это уважение превыше всего” (Антуан де Сент-Экзюпери. “Письмо к заложнику”).

Свою собственную психику можно приспособить ко всему, но, если высшей ценностью считать сохранение и развитие вида “Homo sapiens”, следует научиться мыслить рационально.

Возможно ли это? Можно ли волевым решением принять иную систему мышления?

Попробуйте.

Осознайте ранг интерпретации знаков, которые вы воспринимаете, повысьте ранг интерпретации.

Отделите символы от дескрипторов.

За планом выражения определите план содержания.

Постарайтесь встать на точку зрения другого. Не бойтесь посмотреть на себя со стороны. Не бойтесь зеркала! Не бойтесь посмотреть на себя с юмором. УЧИТЕСЬ СОТРУДНИЧАТЬ!»

В предисловии к «Апологии рационального» Валерий отмечает, что мифология стала для него хобби. И в самом деле, раздел «**Культурология**», открывающий собой том 2 «Сочинений», насыщен богатейшим аналитическим материалом, относящимся к мифологии всех времен и народов.

В основном это работы последнего 20-летия – от «Города-сада» (опубликован в журнале «Звезда» в 1994 г.) до «Занимательного пройдохи (Трикстера)» (2009) – два эти

очерка обрамляют подраздел «Архетипы». Затем следует оригинальная ронкинская пушкиниана: подраздел «Над текстами Пушкина», в котором – и «Сказка о царе Салтане»: архетипическое и актуальное» (1987), и «Медный всадник»: ассоциации и размышления» (1998), и «Преданья старины глубокой (“Капитанская дочка”))» (2006), и «Предыстория “Памятника”» (2008). Отметим, что некоторые из работ этого цикла нашли свое место в профессиональных пушкиноведческих изданиях.

И, наконец, подраздел, озаглавленный собственно «Мифология», куда вошли объемное сравнительно-историческое исследование мирового сказочного фольклора: «Гуси-лебеди» (1979–1986), а также «Читая Ветхий Завет» (1992–2003), «Предания об амазонках» (1998) и др. Один из материалов этого подраздела – «За сказочным образом» (1986–1996) – начинается пассажем, который хочется процитировать, Нам это представляется отличной иллюстрацией авторской манеры и стиля культурологических заметок:

«Нам читали сказки, когда мы были детьми, потом мы читаем их своим детям.

Мы знаем, что некоторые сказки похожи, что одни и те же сюжеты кочуют от сказки к сказке, от народа к народу. Мы можем вспомнить чудесные задачи и предметы, характерные для многих сказок, но редко задаемся задачей, почему в сказке возникает тот или иной образ. Привыкшие к авторской литературе, мы воспринимаем и сказочный образ как свободную игру фантазии. Более того, считая сказку жанром «несерьезным», «детским», мы предполагаем свободу сказочника абсолютной и редко задаемся вопросом – «а почему?»».

Почему среди поля стоит одинокая печка, которая разговаривает с девочкой? Почему клубок катится к избушке Яги? Почему через речку Смородинку переброшен Калинов мост?

Я не сделаю большого открытия, если скажу, что народную сказку никто не сочинял. Сказки, записанные собирателями за последние два столетия и передававшиеся изустно многие века, – это обломки мифологических представлений наших далеких предков.

Для этих людей мифология была субъективным отражением реальности, мировоззрением, мироощущением, не допускавшим свободной игры фантазии.

Мифологические обряды были элементами сложных мифологических систем, и их взаимоотношения, взаимосвязь были обусловлены закономерностями мифологической логики столь же жестко, сколь отношения и связь физических или химических символов определяется современной научной логикой.

За околицей поселения, за валом городища начиналась Дорога. Она петляла по незнакомым лугам и перелескам, уходила в дремучий Лес, полный хищников, проходила мимо поселений дружественных или враждебных, пересекала реки и уходила, вела и звала в Неведомое.

Под ногами был неведомый низ. Вниз можно было упасть и разбиться, утонуть, увязнуть в трясине, внизу было холодно и темно.

Над головой человека простирался неведомый верх, там, наверху, можно было спастись от хищников, сверху было далеко видно, сверху светило Солнце.

С понятиями верха и низа стали ассоциироваться понятия Добра и Зла, Своего и Чужого, Жизни и Смерти. Скрывшись за горизонтом, дорога меняла свое горизонтальное направление на вертикальное и, в зависимости от надежд или опасений, вела «вверх» или «вниз».

При этом, однако, понятия верха и низа не теряли и своего физического содержания. Двигаться вверх труднее, чем вниз, поэтому основные препятствия герой встречает, возвращаясь из нижнего мира. Ему приходится биться с чудовищами, уходить от погони, избегать хитрых ловушек, которые создают жены убитых им змеев, жертвовать частью тела, чтобы накормить гигантскую птицу, несущую его наверх.

А вниз он спокойно идет за катящимся клубком. Физическое свойство круглого тела – его способность самопроизвольно двигаться (катиться) вниз, органично вошло в образ сказочного клубка. В грузинской сказке царевич попадает в нижний мир, следуя за катящимся золотым яйцом.

Наверх клубок не катится. В исландской сказке «Плавание Брана» с обетованного острова, принадлежащего к нижнему миру, клубок бросают на подошедшую к нему ладью, чтобы за нить подтянуть ее к берегу.

Держась за нить Ариадны, выбирается (наверх) из Лабиринта греческий герой Тесей.

Но одновременно с физической сущностью, клубок имел, если так можно выразиться, сущность метафизическую. Мифологическая нить – это как бы овеществленное время, время человеческой жизни. Три греческих богини, три Мойры, связаны с нитью. Одна из них, Лахетис, вынимает жребий, другая, Клото, прядет нить жизни человека, третья, Атропос, обрывает ее. Три богини-пряжи известны и в римской мифологии (Парки), и в скандинавской (норны), за прялкой проводит свое время и русская Баба Яга.

Спуск в подземный мир равносителен смерти. Для того чтобы вернуться на землю, необходима дополнительная жизнь, которую герой и получает в виде клубка. По дороге в нижний мир герой расходует не свою жизнь, а эту дополнительную.

Метафорическое сопоставление временной протяженности с пространственной (мы и сейчас говорим – отрезок времени, дорога жизни) было огромным достижением человеческого интеллекта...».

Еще - два культурологических подраздела: «Эссе» и «Взгляд и нечто». В последнем, например, шуточный текст: «Собака в фольклоре и истории (автореферат диссертации на соискание очень ученой степени)».

Цитируем:

«Очевидно, что собака в глубокой древности была культовым животным. Тот, кто “съел собаку”, становился причастным к некоему сакральному таинству. Об этом же свидетельствует выражение “насобачился”. Ритуальное убийство собаки служителем культа упоминается в известном памятнике – “У попа была собака”...»

Фольклор в связи с историей – не в шутку, а всерьез – предмет многолетнего пристального интереса Валерия Ронкина. И мифологическое сознание в его сочинениях предстает отнюдь не только рудиментом детства человечества, но и актуальной чертой современности. Во всех своих культурологических изысканиях автор опирается на обширную и добротную фактографическую базу. А исследование у него зачастую приобретает характер расследования.

Вот, например: откуда пошло понятие-термин ВРЕДИТЕЛЬ в советском общественно-политическом лексиконе? Кто употребил это слово применительно к человеку раньше – советский Агитпроп или... В. Пропп, знаменитый филолог и автор «Морфологии “волшебной” сказки»? См. разыскание В. Ронкина на сей счет: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» (2009).

Неожиданные параллели, резонансы, парадоксальные повороты мысли – вообще примета ронкинской культурологии. Так, например, ему удастся убедительно показать, что пушкинская «Капитанская дочка» построена по «канону» волшебной сказки (см того же В. Проппа).

И последний раздел (вторая половина тома 2 «Сочинений») – «Разное». Сюда вошли подразделы: «Публицистика» (в основном газетные статьи 1990–2000-х гг.), «Рецензии и письма», «О друзьях», «Стихи», а также извлеченные из «дальнего архива» – крамольный труд начала 1960-х гг. «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата» (в соавторстве с Сергеем Хахаевым) и несколько публикаций знаменитого «Колокола».

Мы постарались дать читателю представление о том, что именно он найдет, открыв эти два тома. Есть в «Сочинениях» В. Ронкина некое единство содержания и стиля, при значительном разнообразии тематики. А еще есть такая общая черта – **любительство**, что дало основание Александру Даниэлю (да и не только ему) говорить о Валерии Ронкине как о «Великом Дилетанте».

Принято противопоставлять любительство и профессионализм в пользу последнего. На примере Валерия Ронкина мы возьмем на себя смелость совсем иного толкования того и другого: любитель – это человек, делающий в соответствующей сфере деятельности то и только то, что ему интересно. Это человек, не связанный нормами и ритуалами профессионализма. Это, в частности, человек, занимающийся наукой ВНЕ социального института науки. Гениальным дилетантом в области гуманитарных наук был, например, выдающийся российский биолог и энциклопедист А.А. Любищев.

Несколько слов о том, чем в основном занимались и с какими проблемами столкнулись редакторы-составители, готовя эту книгу к печати. Проблемы оказались далеко не простыми.

Дело в том, что при всем своем «любительстве» Валерий в обосновании всякого положения стремился опереться на «Монблан фактов». Его труды – свидетельства широчайшей общекультурной эрудиции и результат творческой переработки множества литературных источников. Научный аппарат в «Сочинениях» исчисляется сотнями названий. При этом в условиях работы урывками, при наездах в библиотеку из другого города, при несистематизированных конспектах, при необходимости сплошь и рядом цитировать по памяти, да и при не слишком хорошем знании правил библиографии, – оказалось, что все ссылки и цитаты требуют тщательной сверки и выверки, без чего опубликовать никак нельзя. На помощь пришел интернет с его поисковыми системами. В именах, в датах, в географических названиях, в упоминаниях источников, в цитатах пришлось внести на тысячу страниц не одну тысячу исправлений. Но возникали и ситуации, когда соответствующая цитата или библиографическое наименование, либо за давностью источника, либо в силу малоизвестности, еще не успели проникнуть в интернет. Строго говоря, надо бы в таких случаях идти в Национальную публичную библиотеку для ознакомления с печатным источником *de visu*. Но на такую работу у редакторов-составителей физической возможности не было. И памятуя, что наше издание все же не академическое, было решено пойти на компромисс: те относительно немногие цитаты, которые сверить с первоисточником не удалось, сохранены «как у автора» (те с достаточно вероятными, по опыту остальных цитирований, искажениями), однако с пометкой – (*). Таких случаев в томе 1 оказалось около 150 и в томе 2 – около 100.

Указанное обстоятельство заинтересованному читателю следует иметь в виду и, по крайней мере, вторичного цитирования (цит. по: Ронкин В.Е. Сочинения) в отмеченных случаях избегать.

Подводя итог настоящей презентации «Сочинений» Валерия Ронкина, мы обещаем читателю порой нелегкое, но увлекательное чтение, соучастие в работе и полете мысли, творческих поисках и приключениях духа нашего замечательного современника.

А. Алексеев, И. Ронкина. 1 мая 2012 г.

(5)

= Из стихов В. Ронкина (1965-1992) ²¹⁷

Дон Кихот

Вскоре после свадьбы я подарил Иринке статуэтку Дон Кихота.

Всегда вперед, всегда в поход!

Он вечно рвался в бой.

Таким остался Дон Кихот

На памяти людской.

Он был костист,

Он был высок,

Он был упрям и смел.

Он много сделал... Если б смог.

Да жаль, что не сумел.

---

²¹⁷ Цит. по: Ронкин В.Е. Сочинения. Наблюдения, исследования, размышления. Книга 2 / под ред. А.Н. Алексеева и И.Т. Ронкиной. – СПб.: Норма, 2012.

В состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) эти материалы не входили.

Не испугавшись ничего,
Он в наши дни шагнул,
У изголовья твоего
Он встал на караул.
Среди забот,
Среди хлопот
Он даст тебе совет.
Литой чугунный Дон Кихот –
Мой маленький полпред.
Октябрь 1965 г

Сергею Хахаеву

Суд окончен давно и готовы бумаги.
Значит, нам суждено жить с тобой в Дубравлаге.
По подъему вставать, дожидаться отбоя...
Дни и ночи считать, дни и ночи считать
Суждено нам с тобою.
Здесь и днем, и в ночи мысли голову кружат.
Стиснув зубы, молчи, чтобы не было хуже...
И не мучай души сожаленьем напрасным –
Это строгий режим, это строгий режим
Для особо опасных.
Здесь порою часы, как недели, проходят,
Здесь свирепые псы, автоматы на взводе,
И колючкой не зря огорожена зона –
Это спецлагеря, это спецлагеря
Для политзаключенных.
Не жалеешь ты, Русь, арестантской баланды!
Декабристов союз угодил в арестанты.
Чернышевский был там и Народная Воля,
А теперь вот и нам, а теперь вот и нам
Эта выпала доля.

Перед этапом. Февраль 1966 г.

Прожектора, колючка, вышки,
Собачий лай издалека.
И мы, вчерашние мальчишки –
Политзека, политзека.
Когда в ночи темно и душно,
И не дает уснуть тоска,
Оружье наше – наша дружба,
Политзека, политзека.
Наш быт совсем не из приятных
И доля наша нелегка,
Но мы не повернем обратно,
Политзека, политзека.
Пусть о нас никто не знает,
И маловато нас пока,

Сегодня на переднем крае
Политзека, политзека.

11 л/о, Явас, 1966 г.

Ю. Даниэлю

Громады глыб лежат веками
И ждут, вцепившись в складки скал,
Когда сорвется первый камень,
Чтобы начать Большой Обвал.

Еще ничем не знаменитый,
Лежит он где-то, мал и тих,
Кусок обычного гранита,
Неотличимый от других.

Но дрогнет твердь под небесами,
Когда, назначенный судьбой,
Рванется в бездну первый камень,
Лавину двинув за собой.

17 л/о, Озерный, 1967 г.

Песенка Ланцелота

Не хмурь, родная, глазки,
Печально не гляди,
Поведаю я сказку,
А сказка впереди.

По сказочным законам
От стародавних лет
Положено драконам
Поганить белый свет.

По сказочным законам
Глубокой старины
Отважным и влюбленным
Дороги суждены.

Придумано не нами,
Однажды на пути
На камень с письменами
Случайно набрести.

«Когда пойдешь по левой,
Тебя невдалеке
Ждут ласковые девы
И деньги в кошельке.

На правом повороте
Ждут путника труды,
А после – жизнь в почете
До белой бороды».

По сказочным законам
От стародавних лет
Широкой да мощеной
Прямой дороги нет.

По сказочным законам
Тот край суров и дик, –
Не жалуют драконы
Идущих напрямик.

Не хмурь, родная, глазки,
Пугаться погоди, –
И это все не сказка,
А сказка впереди.

А впереди удачи,
И пир три дня подряд!
«Не может быть иначе», –
Нам сказки говорят.

К домашнему покою,
Дай срок, вернусь и я
С драконьей головою
На острие копья.

За сказкою иная
Ждет сказка впереди.
Не хмурь бровей, родная,
До встречи подожди.

ПКТ на 17-а л/о, п. Озерный, 31 декабря 1967 г.

Мы проходим зоной по пятеркам
Каждый день в один и тот же час.
Старшина в защитной гимнастике,
Как рабочий скот, считает нас.

Мы идем, как будто, так и надо,
Подчиняясь правилам игры,
Только прячем в рукава бушлатов
Контрабанду тлеющей махры.

Счет окончен. Можно расходиться.
Но, однако, странная игра –
Над запреткой, словно над границей,
Не уснут солдаты до утра.

Нас шмонают истово и часто,
В каждую бумажку сунут нос.
В кабинетах важное начальство
Нами занимается всерьез.

Может, это вовсе не по праву,
Может, мы совсем не так сильны,
Но и мы всерьез приемлем славу
И удел враждебной стороны.

Озерный, 1968 г.

Экскурс в историю

Цари Иваны да Петры,
Их деды и отцы
Вели с адамовой поры

Россию под уздцы.
Дорога – гроб.
Хозяин крут
И не всегда тверез.
А потому считался кнут
Надежней, чем овес.
.....
Но, наконец, пришла пора –
Царей прогнали со двора.
.....
Клубились тучи грозовые,
И Ленин на броневике
Отважно предложил России
Приобрести кота в мешке.
Россия после царской ласки
Еще в рассудок не пришла,
А потому, не без опаски,
Решилась... и приобрела.
Но путь вперед тернистый,
К тому ж «мужик-дурак»
Затеи коммунистов
Не мог понять никак.
Чтоб управлять без риска
В крошечной этой тьме,
Пришлось вернуться к сыску,
Казарме и тюрьме.
Речисты и плечисты,
На вверенных постах
Трудились коммунисты
Противнику на страх.
И страх явился быстро,
Кого ни расспроси,
Боятся коммунистов
Отныне на Руси.
Владимир, 1970 г.

***

Когда-то, много лет назад, увидев в газете очередное упоминание Сталина, я сочинил это стихотворение. Тогда мне самому показалось, что я хватил лишку. Сегодня эти стихи стали гораздо актуальнее. В. Р.

Грохочут бубны, барабаны,
Фанфара хрипая гудит...
Камлают старые шаманы,
Шаманят новые вожди.
Какой экстаз, какие крики,
Какое жуткое вытье:
«Восстань, Великий из великих!
Да придет царствие твое!»
И кажется невероятным,

Чтобы опять явился в свет
Тот, похороненный двукратно,
Давно истлевший людоед.

Но барабаны бьют, однако,
И оголтелая орда
Зовет из гроба вурдалака,
И пляшет с пеною у рта.

Владимир, 1971 г

Размышления о смысле жизни

Как-то по дороге бежала собака,
Весело при этом махая хвостом.
(Присказка все это, а сказка, однако,
Как и полагается, будет потом).

Так она бежала без цели и смысла.
Хвост ее, когда-то пушистый, облез,
Морда поседела и ухо обвисло,
К сексуальной жизни пропал интерес.

Если бы, однако, училась собака
Охранять границу, гонять соболей,
В цирке выступать для всеобщего блага,
Жизнь ее была бы куда веселей.

Если б, да кабы... Но, конечно, прекрасно,
Задирая ногу у всяких преград,
Знать, что это делаешь ты не напрасно,
Оставляя правнукам свой аромат.

Как-то по дороге бежала собака...

...

Луга, 28 декабря 1992 г.

Г.И. Саганенко

17.3. К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

[Ниже - два текста моего коллеги и друга, доктора социологических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (ныне – Социологический институт РАН) Галины Иосифовны Сагананко. - А. А. 2000-2013]

(1)

= Из статьи Г. Саганенко (1991)

«Социологическое мышление - это...»

<...> ЧТО ТАКОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ?

Каждый следующий ниже тезис формулирует лишь самую обобщенную, нестрогую идею. Хотя по поводу некоторых из них возможны достаточно последовательные переходы от общей идеи к осмыслению реальных проблем и реальных фактов, мы уклонимся от этого (каждый тезис требует как минимум одной хорошей главы) и ограничимся разве лишь довольно примитивными разъяснениями.

1. Социологическое мышление - это способность видеть, понимать, объяснять окружающую жизнь общества, находить свое место в ней, уметь формулировать соответствующие представления.

2. Социологическое мышление - это способность представлять окружающую общественную жизнь как систему явлений или процессов (родившихся в прошлом и уходящих в будущее) и как нынешнюю деятельность отдельных конкретных людей. Общественная жизнь имеет и такое обличье и другое: явления как бы существуют самостоятельно, вне зависимости от конкретных людей, и люди вроде бы действуют самостоятельно не ради каких-то конкретных явлений. И тут возникает дилемма. Например, бюрократизм возникает потому, что есть отдельные бюрократы, или бюрократы появляются, потому что есть мощное явление - бюрократизма?

3. Социологическое мышление - это способность ставить вопрос о значимости усилий отдельного человека, сопоставлять их. Условия мы понимаем достаточно широко - все, что не завязано на данном человеке, но так или иначе воздействует на него. Есть попытки произвольно уповать на то или другое. Вот давайте создадим условия или, наоборот, «начнем с себя». Столь ли безусловно велики наши возможности переменить все вокруг себя? Везде ли решающими являются условия? Нам представляется, что эффективность этих компонент существует в разной пропорции применительно к разного рода явлениям и ситуациям. Давайте учиться оценивать эту пропорцию, влиять на нее.

4. Социологическое мышление - понимание многомерности позиции человека в обществе, множественности согласованных и в то же время противоречивых его социальных ролей и функций.

Так, например, один человек - это одновременно гражданин, отец, инженер, горожанин, эстонец, и т. д. Так же и каждый другой имеет более длинную или более короткую «дорожку» своих социальных обличий, граней своего социального облика. С одной стороны, это обеспечивает человеку богатство его личности, широту его возможностей; с другой - ограничивает его диапазон, налагает массу обязательств. Все эти грани человека взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга, образуют его целостность. Можно ли ставить вопрос о безусловной иерархии этих свойств, искать качество, наиболее определяющее все остальное? Например, принадлежность к определенной нации или определенному классу? Ответов на этот вопрос, видимо, несколько. В частности, нам кажется, что в разных социальных ситуациях одни социальные стороны человека становятся ведущими, другие отступают на второй план, способствуют или, наоборот, противодействуют первому.

5. Социологическое мышление - это понимание целостной сущности человека и, как следствие этого, понимание необходимости целостного развития. Установка на частичного работника, на частичного гражданина, на частичную личность в конце концов приводит в тупик, - ибо не имея личности, мы не имеем и работника. Человека-«винтика» в конце концов привели к чудовищной незаинтересованности в собственном труде, да и собственной жизни. Многолетнее ущемленное национальное достоинство вылилось в иррациональные формы самоутверждения с помощью погромов и резни.

6. Социологическое мышление - это понимание сложности, противоречивости каждого человека, как правило, невозможности «черно-белого» его самовосприятия применительно к любому социальному параметру. Я и хороший отец и плохой, я и искренен и лукав, я вроде целиком за перестройку, но как быть с моими «сломанными крыльями», с собственным незнанием и т. п.? Только нетребовательные, самовлюбленные люди считают, что у них нет подобных проблем и сомнений, что совеститься и каяться им

не в чем, что они всегда были на высоте своего человеческого и гражданского предназначения. Только «правильные» люди берутся судить людей, делить их на плохих и хороших и в одночасье переделывать плохих.

7. В предыдущих пунктах речь шла о субъектах общественной жизни. Социальные субъекты - это не только отдельные люди, но и разные социальные общности. Переход отдельных людей в разные социальные общности - непростая задача для осмысления. Социальные образования могут быть достаточно простыми и сложными, жесткими и лабильными, явными и неявными. Социальные группы, выделяемые по национальному, территориальному, демографическому, профессиональному, классовому признаку или их совокупности, трудовой коллектив, семья, толпа у метро, поклонники ансамбля, читатели данного журнала - все это социальные субъекты, они обладают тем или иным социальным потенциалом, дают свой вклад в социальную картину общества. Свойства сложных социальных субъектов не выводятся из свойств входящих в них индивидов, они обладают новыми качествами, которых нет у их отдельных членов.

Мы не имеем возможности более подробно обсуждать взаимоотношения индивидов и сложных социальных субъектов - наша задача состояла лишь в том, чтобы предостеречь против простого, аддитивного к ним подхода.

8. Социологическое мышление - это способность проанализировать отдельное событие, поставить его в ряд других, выявить в них признак закономерного явления, явление проследить как процесс, вписать его в систему взаимосвязанных явлений, вписать его в более широкий социальный контекст, осознать таковой как фрагмент целостной социальной жизни. Этот тезис сформулирован достаточно широко. Его пафос в том, чтобы не идти на поводу случайного фактора, не обобщать случайную ситуацию. Так, описывая ситуацию в конкретной московской спецшколе, мы должны задаться вопросом, явление ли мы тут обнаружили, каковы его масштабы, порождается ли оно в рамках данной школы, школы вообще или всей ситуации в обществе.

9. Социологическое мышление - это способность видеть явление во всей глубине, противоречивости, во взаимодополнительном отношении в нем позитивных и негативных сторон, элементов развития и застоя, его заданности в прошлом и пролонгированности в будущее.

Здесь хотелось бы сфокусировать внимание только на одном моменте - дополнительном отношении некоторых противоположностей. Совсем не обязательно, чтобы противоположные сущности явления или объекта выступали полюсами одной линейной шкалы, связанными простым количественным отношением: чем больше одного, тем меньше другого. На самом деле противоположности нередко сосуществуют, усиливают друг друга, а иногда даже не могут состояться одна без другой. Например, дети - это одновременно и самая большая радость, и самая большая боль родителей, трудное восхождение для альпиниста - одновременно и серьезное страдание и большое счастье.

С нашим же одномерным, линейным восприятием мы и не противоположные вещи пытаемся выстраивать «по разные стороны баррикад», перетягивая аргументы на одну из них.

10. Социологическое мышление - это способность ставить вопрос о причинах и факторах явления, способность понимать их соотносительную значимость, осознавать необходимость рассмотрения всей совокупности значимых факторов в сопоставительном контексте.

Как правило, в любой ситуации, в любом явлении действует не одна парная альтернатива, а множество причин и факторов. Причины - глубокие корни явления, не всегда доступные нашему вниманию. Лучше удастся проследить, как различается то или иное явление в разных социальных группах, в разных социальных условиях, определить, что называется, дифференцирующие факторы и по ним косвенно сделать выводы о причинах явления. Проблема, однако, состоит в том, чтобы назвать все принципиальные моменты, оценить их значимость в сравнении друг с другом.

При этом надо понимать, что, как правило, нет единой модели объяснения дифференциации явления и тем самым (косвенно) и причин его. Так, выделение респондентами производственных проблем сильно разнится не только по профессиональным группам, но и внутри каждой из них. В частности, замечено, что разные проблемы называют молодые и старшие инженеры, среди рабочих - женщины и мужчины, а вот учителя обычно не показывают принципиальных различий ни по возрасту, ни по полу.

11. Социологическое мышление - это понимание необходимости рассматривать явления с общечеловеческих позиций, различать в них политические, экономические, нравственные и иные компоненты. В частности, в экономическом сюжете оценивать не только экономический, а в политическом решении - и нравственный, и экономический и пр.

Приведем тут как пример один вариант представлений о составляющих нынешней перестройки. Мы его получили, анализируя самостоятельно затронутые участниками опроса проблемы и решения, названные ими как самые серьезные (не только положительные) эффекты последних четырех лет. Речь идет о мнениях 300 научных сотрудников АН СССР (Ленинград, февраль 1989). Из 4500 прозвучавших здесь суждений - 50 % сфокусировано на вопросах политики, 25 % - экономики, 10 % - на сознании, нравственности, культуре, 8 % - внешней политике. Здесь получились не только как бы компоненты перестройки, но их иерархия. Естественно, что это перестройка, преломленная в сознании отдельной социальной группы.

12. Социологическое мышление - это способность распознать стоящие за каждым явлением конкретные движущие силы, задействованные в нем социальные группы, руководствующиеся собственными интересами, ценностями, действующие сообразно другим своим характерным особенностям.

В частности, сейчас многие стремятся оценить, как происходит размежевание социальных сил в отношении к перестройке, каковы особенности этих сил, их потенциал. Есть попытки целые социальные группы, отдельные регионы относить к противникам или сторонникам перестройки. Но правильнее, с нашей точки зрения, рассуждают те, кто говорит, что водораздел проходит не по слоям и группам, а по мировоззрениям. Важная политическая задача - оценить возможные составляющие в разных социальных группах и обществе в целом. Определенную ориентацию в этой дифференциации социальных сил дают состоявшиеся мощные общественные «референдумы» - кампании подписки на периодику в 1989 году и ее результаты, выборы 1989 года и их результаты. Первый Съезд народных депутатов. Но также надо иметь в виду, что их параметры, видимо, имеют значимые смещения по отношению к возможной структуре общественного сознания, что ответы на подобные вопросы в наше динамичное время имеют лишь относительную сферу применения и требуют постоянной корректировки и углубления.

13. Социологическое мышление - это способность соотносить динамичность и инерционность разных социальных явлений и процессов, понимать эффект запаздывания между социальным действием и социальным результатом, способность видеть социальные последствия не только в ближайшее время, но и в отдаленной перспективе; не только в ближайшем радиусе действия, но и через множество опосредований в самых порой далеких сферах и искаженных проявлениях. Примеров, в частности, того, как «шел в комнату, попал в другую», каждый может найти великое множество. В ряду таких примеров, несомненно, антиалкогольная кампания 1985 года.

14. Социологическое мышление - это понимание ограниченности наших представлений об окружающей общественной жизни, понимание условности наших эвристических моделей и в связи с этим осознание недопустимости попыток тотальной регуляции общественной жизни: речь может идти лишь о совершенствовании механизмов саморегуляции и механизмов внешней регуляции, об их взаимодополняемости.

Мы попытались перечислить ряд важных, с нашей точки зрения, критериев, которые следует иметь в виду, когда мы рассматриваем, анализируем, оцениваем то или иное социальное явление, социальную проблему, социальную группу и др. - в общем какой-то фрагмент социальной действительности. С помощью этих формулировок мы попытались как-то обозначить те вопросы, которые возникали у нас при попытках разобраться в явлениях окружающей жизни без критического и позитивного рассмотрения существующих в научной литературе формул объяснения социального знания. В том числе тщательно занимаясь анализом надежности социологических фактов, результатов, выводов, мы убедились, что надо выстраивать более сложное здание между основанием эмпирических фактов и высотами диалектических категорий.

Естественно, мы вынуждены были обозначить критерии лишь в самой общей форме. Эти требования могут быть использованы в широком диапазоне, - то ли взяты как самые общие ориентиры и положения, то ли, по возможности, тщательно операционализированы и оценены на надежность. К тому же, требования строгости и комплексности их применения, очевидно, разные для «профессионалов» и «непрофессионалов» в области социального анализа. Особый разговор о том, какова культура анализа социальной реальности у самих социологов. <...>

(Саганенко Г.И. Как не поддаться магии отдельных слов (О развитии социологического мышления в обществе) // Философская и социологическая мысль, 1991, № 1)

(2)

= Из научного отчета Г. Саганенко (1999)

Человек для социологии или социология для человека?

<...> Существуют специфические отношения социологии с социальной реальностью. Проанализировав ряд отечественных и западных учебников по общей социологии, я прихожу к выводу, что «социальная реальность» используется социологией фактически лишь для пояснений социологических пассажей. Возникает вопрос - общество существует для того, чтобы выступать иллюстрациями к социологическим разделам, или социология существует для того, чтобы изучать реальное общество?

В принципе получается, что общая социология это своего рода лишь методология изучения общества, а не изучение самого общества. Мы здесь видим как бы более или менее хорошую «квантификацию» общества, выделение его измерений, некоторую методологию их анализа, отдельные примеры.

Любопытные результаты дает анализ проблемы «социальной реальности», «социального времени» в литературе по методологии и методам исследования. За последние тридцать лет мало что менялось по существу в рассмотрении методологической проблематики. Большинство усилий методологов было направлено в целом на то, чтобы описать жесткую организационную логику исследования, ряд методов сбора, проблему измерения, выборки и анализа данных. А «время» оказалось слабо актуализированной или вообще забытой категорией эмпирической методологии (среди ряда других слабо обозначенных, но весьма значимых факторов методологии).

Здесь получается, что исследования как бы вершатся на небесах и определяются только формальной логикой эмпирического исследования. И «качественная» перспектива в социологии тоже в целом не поставила на повестку дня осмысление «социального времени» как «методологического участника» исследования.

ВРЕМЯ, как нам представляется, является значимым участником исследовательского процесса и выступает в нескольких амплуа. В частности:

- Каждое социальное время [*эпоха, исторический контекст.* - А. А.] ставит множество совершенно новых по типу и по содержанию исследовательских задач для эмпирической социологии. Уходят в небытие одни, меняются по сути другие, приходят третьи значимые социальные коллизии.

- «Ситуация на дворе» меняет возможности получать объективную информацию (в частности, стали трудными некогда безобидные вопросы, снизилась доступность и качество государственной статистики). Социальное время меняет отношение людей к участию в опросах.

- Социальное время присутствует в исследованиях своим темпом, динамикой общественной жизни, определяя и темп социального исследования. Так, стабильное общество позволяет проводить разовые стандартные исследования в течение 5-10 и даже более лет или в целом повторять их на протяжении длительного времени. Галопирующая ситуация в России стремительно лишает значимости каждое отдельное разовое исследование (и потому многие исследователи в России переходят на повторные, лонгитюдные исследования).

- Вообще время [*общая социокультурная ситуация.* - А. А.] определяет систему организации науки. Раньше в нашей стране эта система была другая - исследователи «сидели на бюджете», работали коллективами в системе секторов, могли разворачивать крупномасштабные исследования. Нынешняя эпоха открыла для отечественного исследователя программы и возможности фондов, что помимо всего прочего обеспечило значительную независимость исследователя.

- Конкретное время [*социально-историческое.* - А. А.] присутствует в исследовании техническими и коммуникационными достижениями, которые предъявляет эпоха. К настоящему времени это, в частности, персональные компьютеры, электронная почта, Интернет, электронные каталоги библиотек, электронные журналы, которые среди прочего сняли былую зависимость исследователя от разных вспомогательных служб. Несомненно, это усилило возможности методической выверенности исследования, принципиально изменило «контактность» исследователя со своим «детищем», в целом обеспечивает перспективы и теоретического продвижения самого исследователя и исследований.

- Социальное время отражается в исследовании в качестве актуального этапа развития самой социологии. В частности, в социологии в каждое время существуют институциональные моды, предпочтения, давления: в свое время в стране увлекались изучением престижа профессий у школьников или жизненных планов молодежи, затем образа жизни, была мода на многомерные методы или теории измерения, сейчас модной стала «элита» [*исследование «элиты».* - А. А.]. Регулярно возникают новые объяснительные теории, разрабатываются новые методы, в последние десятилетия мы наблюдаем в социологии все более мощное звучание гуманистической ноты, расширение исследований качественного типа и др.

- Социальное время предъявилось в российской социологии осязаемым давлением западных стандартов в проведении эмпирических исследований - методически и социально не оправданная широкая распространенность стандартизированного интервью (кроме декларативных заявлений я не встречала каких-то доказательств качества метода, хотя бы простейшей оценки устойчивости данных) и опросов на дому.

- Социальное время изучается в отдельных типах исследований (часть которых совсем недавно вошла в «содержательный» и методический арсенал социологии) - исследования биографического типа «life story», «oral history», да и «case study» обнаруживают массы примет конкретного социального времени. Кстати, на авансцене российской социологии появились новые типы исследований, про которые мы раньше и не знали, и, соответственно, в своих творческих поисках не ориентировались на некоторые типы знания и социальных коллизий, спокойно обходились в обоснованиях без них - например, названные только что «устная история» или «фокус-группа».

Несомненно, можно найти и другие свидетельства значимости влияния социального времени на методологию и методы исследований, на систему обоснований конкретного эмпирического исследования.

Нами проанализирована [в частности, на материале множества современных учебников социологии. - А. А.] специфика отношения социологии к «человеку» в трех методологических подходах:

1) В общей социологии есть ряд разделов, где более непосредственно можно обнаружить проблему человеческой жизни и самореализации, однако с определенными смещениями - например, проблематика социализации, взросления, старения, многообразная проблематика неравенства, семья, и др. (в свое время осваивалась более интегральная исследовательская проблематика образа жизни, но сейчас она полностью отсутствует в серии новейших учебников). Однако обозначенные ракурсы сфокусированы только на специфических аспектах существования человека в обществе, а НЕ НА ЕГО САМОДОСТАТОЧНОЙ ЖИЗНИ [здесь и далее выделено мною. - А. А.], исследователи больше озабочены терминологическими и классификационными задачами науки, в которых трудно увидеть проблемы реального человека.

Представляется, что социология, которая занимается обществом, обходится без анализа человека вообще, без анализа многообразия субъектов, действующих в обществе. Так разделы, которые имеются в монографиях/учебниках и где как бы есть «человек» или «люди» - группы и организации, население, харизматические политические лидеры и пр. - все-таки задевают проблему в разных иных жанрах и аспектах и в совокупности не дадут ощущения СУБЪЕКТНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, множественности разных типов субъектов, действующих в обществе и заставляющих его пульсировать.

2) Что касается методологии социологических исследований, то «человек» здесь существует только в ранге ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ, в специфической функции «респондента», призванного обеспечивать правдивой информацией институализированные формы деятельности социологии (эмпирические исследования).

В гуманистической социологии есть интерес к целостной жизни человека, к новым измерениям повседневной и глубинной его жизнедеятельности. Однако можно обнаружить и здесь, что «человек» - это прежде всего объект для социолога-эмпирика или теоретика. Социолог скорее всего удовлетворяет свое любопытство на благо своих теоретических или методологических построений, а не для какой бы то ни было пользы реального человека. Здесь социолог, представляется, удовлетворен больше самим собой, своим «гуманистическим поворотом» к миру - к человеку, своими специфическими подходами. И собственно актуальное существование реального человека в современном обществе - отдано на откуп разве лишь отдельным эмпирическим исследованиям.

3) В «рефлексивной социологии» реализуется иная целевая направленность - ПРЕДЛОЖИТЬ РЕАЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ НЕКОТОРЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ЕГО ОСМЫСЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЗНАЧИМЫХ СТОРОН ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА, ввести в область осмысления достаточно существенную совокупность этих значимых сфер. <...>

(Саганенко Г.И.. Социальная и социологическая информация: способы актуализации информации, проблемы взаимного перехода. Научный отчет. 1999)

Ремарка: на плечах титанов

Автор настоящей книги разделяет пафос вышеприведенного рассуждения коллеги. Напомню лишь, что в такой постановке вопроса мы стоим «на плечах титанов».

Ср. «Причуды и слабости современной социологии и родственных ей наук» П. Сорокина (1956).

Ср. «Социологическое воображение» Ч.Р. Миллса (1959). (Апрель 2000).

...Чтобы дело Введенского, да потом и каждого из нас не расплылось среди пестрых пятен, которыми переполнена наука, нам нужно держаться вместе, не выкидывая глупых брыканий перед публикой, и удерживать в сознании наши истоки, фактически служащие нам станцией отправления...

А.А.Ухтомский. Из письма к И.А.Аршавскому. 1936 (цит. по: А.А.Ухтомский в воспоминаниях и письмах. СПб: Изд-во СПб университета, 1992, с. 196)

(3)

= Из журнала «Телескоп» (2010, № 5)

Юбилейное поздравление²¹⁸

Все недостатки Галины Саганенко находят продолжение в ее достоинствах. К этим достоинствам я бы отнес: а) жизненную энергию; б) много - и разносторонность; в) антидогматизм; г) креативность (или творческую силу); д) независимость суждений и поступков; е) неумную любознательность; ж) общественную отзывчивость; з) не материнскую, но сестринскую заботу о младших (учениках); и) «стервозность» (это теперь комплимент); к) амбициозность (как антитеза скромности); л) целостная личность (ценнейшее, чуть ли не уникальное качество!).

Спрашивается: каковы же Галинины недостатки? К ее нынешней годовщине они почти все превратились в достоинства. И рассчитывать на обратное превращение не приходится. А жаль. Мои искренние Галине поздравления!

Андрей Алексеев

К.А. Свасьян

17.4. ПАРАЦЕЛЬС - БЭЖОН - ГЕТЕ (XVI-XIX века)

[Ниже - извлечения из работ философа и культуролога **Карена Араевича Свасьяна**.²¹⁹ Мое знакомство с этими работами состоялось благодаря Р.Г. Баранцеву. Композиция извлечений из книги К. Свасьяна «Голоса безмолвия» (Ереван: Советикан грох, 1984) - была выполнена автором этих строк в августе-октябре 1985 г. Другая цитируемая здесь книга К. Свасьяна - «Становление европейской науки» - вышла в издательстве АН Армении в 1990 г.

В скобках указаны страницы по названным изданиям. - А. А. 1999]

²¹⁸ См. http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2010&id=695

В состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) этот текст не входил.

²¹⁹ К.А. Свасьян родился в 1948 г. С 1965 по 1970 студент филологического факультета Ереванского университета. С 1971 младший, а затем старший и ведущий научный сотрудник Института философии и права АН Армянской ССР. 1978 - кандидат философских наук. 1981 - доктор философских наук. 1985 - профессор. В 1993/94 лауреат премии имени А. ф. Гумбольдта (Бонн)... С 1993 по настоящее время живет в Базеле (Швейцария), в качестве свободного писателя. Выступает с лекциями в Швейцарии, Германии, Австрии и Франции. (По материалам персонального сайта - <http://www.karensassjan.com/>).

= Из книги К. Свасьяна «Становление европейской науки» (1990)

**«Кто ищет истины, тому надо
в мою монархию...» (Парацельс)**

<...> Я не предполагал к этой книге никаких предисловий; странным образом она виделась мне до ее написания неким довлеющим себе «ЧЕРНОВИКОМ», и уже потом, пишучи ее, я начал догадываться, что речь идет об адекватной форме и что формой, наиболее отвечающей замыслу и содержанию ее, мог оказаться именно «ЖАНР» черновых набросков. Допустив, что есть вещи, никоим образом не выражимые в «БЕЛОВИКЕ»... <...> (5).

Книга писалась в обманном расчете на дальнейшую переработку, тем более что перспективы «ВЫХОДА В СВЕТ» должны были обязывать ее хоть к какому-то минимуму «СВЕТСКОСТИ»; я ни на минуту не сомневался, что от переработки она выиграла бы во многом; предвижу и поддерживаю всю будущую критику по этой части, меня, впрочем, волновал не выигрыш, а проигрыш; я отчетливо видел, что бы она могла утратить при таком выигрыше, и страх перед потерями окончательно пересилил во мне соблазн косметической наживы. <...> (5).

***

<...> «Прежде всего не подлежит сомнению, - говорит Эразм, - что все вещи имеют два лица, подобно силам Алкивиада, и лица эти отнюдь не схожи одно с другим» (Эразм Роттердамский. Похвальное слово Глупости. Домашние беседы. М., 1938, с. 73). Далее следует ряд антитез: жизнь-смерть, красота-безобразие, изобилие-бедность, слава-позор, ученость-невежество, мощь-убожество, благородство-низость, веселье-печаль, преуспевание-неудача, дружба-вражда, польза-вред: «коротко говоря, сорвав маску с Силена, увидишь как раз обратное тому, что представлялось с первого взгляда». В этой девальвации ценностей запечатлен наиболее достоверный симптом монументальной раздвоенности эпохи, уже обеими ногами стоящей в новом и все еще изживающей навязчивые реминисценции прошлого. <...> (159).

<..> Еще раз: представьте себе некое головокружительное «МЕЖДУ», по одну сторону которого догорали уже сожженные мосты в прошлое, а по другую мерещились еще не выстроенные мосты в будущее; если есть столетие, заслуживающее обозначения «естественнонаучное», так это XVI век, замечает Чемберлен (H.St. Chamberlain. Die Grundlage des XIX. Jahrhunderts. Bd. 2, S. 970); сушая правда, если считать естественнонаучными ярчайшие кометы систем, волочащие за собою гигантские хвосты, расцвеченные всеми тонами былых магий и верований. Хвосты протянутся и в ближайшее будущее, пока, наконец, не определится тенденция дружного их отсечения; уже в XVIII веке сочтут возможным третировать их как *mauvais ton*; в XVI веке роль их не избежала налета всеобщей двойственности. Они и были пережитками, но в то же время и сигналами, тревожно гудящими в кредит будущих «АВАРИЙ». Уход из «ОТЧЕГО ДОМА» грозил явными перспективами краха: слишком заносчиво и самоуверенно вступало вчерашнее «дитя» в пору своего совершеннолетия. Хвосты в этом смысле должны были играть роль Ариадниной нити, некой заблаговременной оснастки у самого порога, за которым прокидывался безмолвный и уже «АГНОСТИЧЕСКИЙ» лабиринт. <...> (160-161).

<...> Странный факт: Парацельс, признанный отец физиологии, химии, химической медицины, рациональной патологии и рациональной терапии, с легкостью признается также «отцом безграничного и опасного шарлатанства» (так, в частности, величает его Виндельбанд; см. его «Историю новой философии», т. 1, СПб, 1908, с. 43); он де верил в

существование «ЖИЗНЕННЫХ ДУХОВ» и т. д. Спустя несколько десятилетий Фрэнсис Бэкон чуть ли не главами списывает у Парацельса, не цитируя его (см. H. St. Chamberlain. *op. cit.*, S. 890); во всяком случае существование «ЖИЗНЕННЫХ ДУХОВ» не подвергается им сомнению, и рассуждения его на этот счет производят впечатление образцовых стародавних сплетен. В глазах потомков Бэкон остался одним из отцов современного естествознания (хотя Койре и считает это лишь «дурной шуткой», «une mauvaise plaisanterie»); о «ШАРЛАТАНСТВЕ» предпочитают не говорить, довольствуясь, по-видимому, одним «ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ». Оценки оценками, но если здесь что-либо учуяно на самом деле, то это глубоко различные «ИНДЕКСЫ МОДАЛЬНОСТИ» внешне идентичного материала. Мистика Парацельса органично вписана в самый ход его мысли - черта, роднящая его с такими умами, как Николай Кузанский и Яков Беме: он не мистифицирует естествознание, а пытается перестроить саму мистику, базируя ее откровения естественнонаучными данными; импульс нового услышан им не в каком-то разрыве со старым и в заданиях переработки старого на новый лад, совсем в духе будущего девиза Гете: «НЕ ОТКРЫТИЕ ЧЕГО-ТО НОВОГО, А РАССМОТРЕНИЕ УЖЕ ОТКРЫТОГО МОИМ СПОСОБОМ» (из письма к Кнебелю от 18 августа 1878 года; см. R. Steiner. *Goethes Weltanschauung*. Dornach, 1979, S. 101). Именно здесь и коренится возможность патологической оценки его двоякого отцовства: по части ряда современных наук и по части шарлатанства; оценка в сущности вздорная, так как честь основоположения, скажем, современной медицины приписывается здесь «ШАРЛАТАНУ», который в Парацельсе безраздельно слит с «МЕДИКОМ»; оценка, более того, насквозь «МИСТИЧЕСКАЯ» в самом дурном смысле слова, ибо чем же, если не «ПУПОЧНОЙ» мистикой, облаченной в респектабельный «ПОЗИТИВИЗМ» суждений, объяснима кочующая из учебника в учебник бессмыслица, уместная разве что в устах ильф-петровского шалопа: «Я ОЧЕНЬ УВАЖАЮ ЕГО, НО ОН - ОСЕЛ!»! Случай Бэкона совершенно иной; Ярлык «ШАРЛАТАН» потому и не понадобился здесь, что речь шла всего лишь о мистическом «ПЛАГИАТЕ», с легкостью отделимом от существа текстов; «МИСТИКА» Бэкона - причудливое и тем более простительное «ХОББИ» лорда-канцлера, нечто вроде «СКРИПКИ» Эйнштейна и «ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ» Бертрана Рассела; можно объяснять ее как угодно: как предрассудок или... широту интересов; значимость ее никчемна.

Какой мучительный диссонанс на самом пороге времен, где новое столкнулось не со старым, а с иной возможностью нового! Парацельс, оклеветанный, изолганный, очерненный, обращен в будущее колоссальным средоточием сознающей себя воли: «КТО ИЩЕТ ИСТИНЫ, ТОМУ НАДО В МОЮ МОНАРХИЮ» (Paracelsus. *Samtliche Werke*, hrsg von Karl Sudhoff, Berlin, 1922 ff, 1. Abt, Bd. 8. S. 137), но истина - и это подчеркивает он на каждом шагу - обретается только через ОПЫТ; опыт же есть «ВСЕ» - мысль, чувство, воля, в теле и вне тела, еще раз словами Гете: «ВНУТРЕННЕ БЕЗГРАНИЧНЫЙ, ВНЕШНЕ ОГРАНИЧЕННЫЙ». Парацельс - радикальнейший эмпирик и подлинный «мейстер» опыта (не случайно, что он, впервые введший в университет немецкий язык, впервые ввел в немецкий язык и само слово «ОПЫТ» - «Erfahrung»); ищущий, беспокойный, бескомпромиссный соглядатай истины, опершийся на меч, таким запечатлен он на многочисленных гравюрах эпохи. И рядом новый образ: государственный муж, уличенный в мошенничестве и посвятивший остаток жизни занятиям науками; тоже радикальный эмпирик и тоже поборник опыта, но в диаметрально противоположном смысле, т. е. опыта внешне безграничного и ограниченного внутренне свидетельствами внешних чувств. Всего несколько десятилетий разделяют эти жизни - год смерти Парацельса 1541, год рождения Бэкона 1561, но какая символическая пропасть в этом крохотном промежутке! От Парацельса можно скорее дойти до Гете, чем до Бэкона, но вот что оказалось симптоматичнее всего: первый, проложивший столь много плодотворных путей и открывший - единолично! - столь много наук, остался одиноким первопроходцем, у которого почтительно отобрали «ОТКРЫТИЯ» и бесцеремонно

забраковали «МЕТОД» (удивительный склик с научной судьбой Гете!); второй, ничего не открывший и приложивший грудку усилий для дезориентации ума в индуктивном хаосе, повлиял именно «МЕТОДОМ», которому странным образом довелось сыграть солидную роль в выработке стратегии эмпирических наук. Разгадка симптома - тон, делающий музыку, или роковое «ЧУТЬ-ЧУТЬ» - смещение акцента научного поиска с «ИНДИВИДУАЛЬНОГО» на «ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ». Парацельс мог бы сказать то именно, чего никогда не сказал бы Бэкон (из страха прослыть необъективным): МЕТОД - ЭТО Я. Победа Бэкона уже вытекала из ЭЛЕМЕНТАРНЕЙШИХ последствий этого различия; ближайшее последствие гласило: усвоить метод Парацельса - значит стать самому *sui generis* Парацельсом; наука - это человек, и, следовательно, НАСТОЯЩАЯ наука - это НАСТОЯЩИЙ человек: КТО ИЩЕТ ИСТИНЫ, ТОМУ НАДО В МОЮ МОНАРХИЮ». Инстинкт «КЛЕРКОВ» сработал прагматически: легче и удобнее было отдать предпочтение «БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ». <...> (161-164).

(Свасьян К. Становление европейской науки. Ереван: Изд-во АН Армении, 1990, с. 163-164)

= Из книги К. Свасьяна «Голоса безмолвия» (1984)

**«Нет ничего труднее, чем брать вещи такими,
каковы они на самом деле...» (Гете)**

[Соответствующая глава этой книги называется: «Господин тайный советник».
- А. А.]

<...> Вот самопервейшая тайна Гете: простая и просветленная максима, перевешивающая библиотеки: «ВСЕ ФАКТИЧЕСКИ ЕСТЬ УЖЕ ТЕОРИЯ... НЕ СЛЕДУЕТ ТОЛЬКО НИЧЕГО ИСКАТЬ ЗА ФЕНОМЕНАМИ; ОНИ САМИ СОСТАВЛЯЮТ УЧЕНИЕ». Это значит: поменьше слов, побольше испытующего взгляда. И самая неприметная ВЕЩЬ научит нас большему, чем громокипящие слова о последних тайнах мироздания. Я вынужден быть радикальным в подчеркивании этой мысли, несколько не опасаясь последствий. Пусть сказанное мною и прозвучит «ЧЕРЕСЧУР» для ушей, не привыкших к резкому стакатто, и пусть умным ушам послышится оно эпатированием. Но если есть хоть толика справедливости в принципе «КЛИН ВЫШИБАЮТ КЛИНОМ», то, идя на клин, выглядел бы я как образец комизма, избрав себе в качестве оружия опереточные перчатки и картонный меч. Я, поэтому, вооружаюсь не картоном, а бревном, и оставляю за собою право одного лишь удара... Сколько писали и пишут о трагедии гуманизма!

Противопоставляют гуманизм научному обезчеловечению мира. И вот: «физики» обезчеловечивают мир в лабораториях, а «лирики», с другого конца, обрушивают на них град бессильной рифмованной смуты. В чем же бессилие гуманизма? Отчего, предназначенный к столь высокой миссии, он, как правило, страдает обыкновенной импотенцией? Вы подумайте только, какое количество слов было растрачено по поводу, ну, скажем, «судьбы человека»? А реальная судьба меж тем встревала в городе МЕЖЧЕЛЮСТНОЙ КОСТОЧКОЙ, которую вдали от филологического глубокомыслия искал (и нашел!) один из тех, кого «лирики» считали СВОИМ. Определенно: бараний череп мог бы спасти гуманизм от крушения; но филологи, занятые «МАТЕРЬЯМИ ВАЖНЫМИ», достаивали этот череп презрительного пинка, вполне достаточного, впрочем, для решения их собственной судьбы. Гете удостоил его бесконечного внимания. Впервые с Гете гуманизм претерпевает решительный поворот: образ Гамлета с черепом в руке, обаятельно-бессильный образ души, томящейся тайнами и накапливающей театральными монологами на тему «быть или не быть» в этом мире, где от человека остается пустой череп, сменяется иным образом, образом человека, которому не до

отрепетированного отчаяния и который весь поглощен ДЕЛОМ (это прекрасное сравнение навеяно мне Полем Валери). Оказывается, созерцание черепа вдохновляет не только на гамлетовский монолог, но и на следующие строки (я цитирую): «На черепках животных легко можно заметить, что верхняя челюсть состоит более чем из одной пары костей. Ее передняя часть вполне явственно соединяется с помощью разного рода швов с задней и образует пару особых костей. Этому переднему отделу верхней челюсти дано название *os intermaxillare*. Уже древние знали эту кость, а с недавней поры она приобрела особое значение, так как ее выдают за признак различия между обезьяной и человеком. Первому роду ее приписывают, а у второго ее наличие отрицают, и если бы при изучении предметов природы не убеждала очевидность, у меня не хватило бы смелости выступить и сказать, что этот костный отдел имеется и у человека». <...> (229-230).

<...> Непосредственное восприятие и переживание сущности впервые было вытеснено словом с помощью именно словоохотливых гуманистов, и учение Бэкона об ИДОЛАХ исторически явилось ничем иным, как реакцией эмпирика, привыкшего иметь дело с вещами, на сплошные словесные суррогаты реальности. Гете буквально на каждом шагу приходилось преодолевать это «СОПРОТИВЛЕНИЕ ТУПОГО МИРА», как он выразился в Эпигаме к «Колоколу» Шиллера; вся его неистовая полемика с ньютоном, длившаяся 40 лет, находит объяснение именно в этом факте. «ЧТО ТРУДНЕЕ ВСЕГО? - обронил он однажды. - ТО, ЧТО КАЖЕТСЯ ТЕБЕ САМЫМ ЛЕГКИМ: ВИДЕТЬ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ТО, ЧТО У ТЕБЯ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ». Но между глазами и тем, что у тебя перед глазами, нет непосредственной связи; легион посредников застилает взор и закрывает доступ к реальному миру; вот почему, констатирует Гете, «НЕТ НИЧЕГО ТРУДНЕЕ, ЧЕМ БРАТЬ ВЕЩИ ТАКИМИ, КАКОВЫ ОНИ НА САМОМ ДЕЛЕ». Видим ли мы ВЕЩИ НА САМОМ ДЕЛЕ? Филология и ее достойная наследница, именуемая естественной наукой, основательно постарались, чтобы это не было так. Призрачная завеса пролегла между взором и миром: теории, гипотезы, понятия, образы, термины, слова покрыли реальность, и теория познания стала воистину складом макулатуры, некоей обителью призраков и химер, морочащих мысль. Здесь, по Гете, и начинается то, что называет он жестко «ЖВАЧКОЙ СОБСТВЕННОГО Я»; против этой жвачки приветствует он любое средство и в средствах своих беспощаден. Вот его слова (читая их, я представляю себе его таким, как он изображен на портрете Кольбе 1826 г.): «НИКАКОЙ ЗАТЯЖНОЙ ОСАДЫ ИЛИ СОМНИТЕЛЬНОЙ ВРАЖДЫ; КРЕПОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ЗАПРОСТО СНЕСЕНА, ДАБЫ СОЛНЦЕ ПРОНИКЛО, НАКОНЕЦ, В ЭТО ВЕТХОЕ ПРИБЕЖИЩЕ КРЫС И СОВ». <...> (233-234).

<...> Не так-то легко одолеть эрудита. Тут даже черт рискует быть посрамленным (припомним сцену встречи Мефистофеля с бакалавром). «Бакалавры всех стран» тут оскалятся гримасой непримиримости. «Позвольте, - скажут они, - но как же согласовать с этим презрением к словесности 143 увесистых тома [*собрание сочинений Гете. - А. А.*]? «Он издевался, что ли, над собою, ВАШ Гете? Вот и ВАШ филолог (заметьте, не НАШ, а ВАШ, которого вы считаете великим и подлинным филологом), Герман Гримм утверждал, что именно с Гете начинается и универсальный немецкий язык, что именно гетевский язык проник через Шеллинга в философию, через Карла фон Савиньи в юриспруденцию, через Александра фон Гумбольдта в филологию (заметьте, не в НАШУ, а в ВАШУ филологию). Но если так, то какое чудовищное противоречие лежит во всем этом! И если Гете действительно создал универсальный немецкий язык, то его презрение к словесности может быть оправдано лишь гигантским недоразумением, промахом гения или чем-нибудь еще в этом роде».

Весьма солидное возражение. Противоречие действительно чудовищное. Разве не уличают 143 тома того, чьей любимой максимой было правило: «Поменьше писать, побольше рисовать», того, кто обронил как-то это отнюдь не случайное признание: «Близко знавшие меня друзья часто говорили мне, что прожитое мною лучше высказанного, сказанное лучше написанного, а написанное лучше напечатанного», того,

кто сравнивал слова с веером, из-за которого блещут глаза девушки, в то время как лицо остается скрытым?

Мы, конечно, примем удручающий вид и воскликнем: еще как уличают!

Что бы подумал Гете об этом уличении? Он ничего не сказал на этот счет. Но, думаю я, удовлетворенная усмешка должна была бы проскользнуть по его лицу, когда он читал следующее место из Лютера: «КАК МОГУТ ЭТИ ОСЛЫ СУДИТЬ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В НАШЕМ УЧЕНИИ, КОГДА ОНИ НЕ ПОНИМАЮТ НИ ОДНОЙ ЧАСТИ ТОГО, ЧТО ПРОТИВОРЕЧИТ ДРУГ ДРУГУ». <...> (236-237)

<...> Едина сущность, но многообразны проявления. Социолог, оперирующий понятием человека вообще и заключающий о его нуждах среднеарифметическими вытяжками из цифровых данных, химии, Оствальд, выведший общую формулу счастья $C = (E + W) (E - W)$, где C - искомая сумма счастья, U - масса энергии данного индивида, а W - коэффициент его воли, и женщина, попрекающая своего мужа тоже по-своему общей формулой: «Ты меня не понимаешь. И вообще ты никогда меня не понимал», знают ли они, догадываются ли они, насколько един самый подтекст их ситуаций, насколько родственны они в самом истоке этих столь различных проявлений! Корень один, а плодов много. Но, воистину, по плодам их узнаете корень. И этот корень - самоотравление пустейшей словесностью или иначе, мышление в понятиях, не сообразных действительности; на языке Мефистофеля, «СПАСИТЕЛЬНАЯ ГОЛОСЛОВНОСТЬ».

Метод Гете: устранение этой голословности. Очищение созерцания проповедует он. Вот поразительная цитата: «Нужен своеобразный поворот ума для того, чтобы схватить бесформенную действительность в ее самобытнейшем виде и отличить ее от химер, которые ведь тоже настойчиво навязываются нам с известным характером действительности». Что же подразумевает он под этими химерами? Всю горечь тройного гамлетовского повторения: «Слова, слова, слова». Пустое слово, слово, лишенное действительного содержания, есть вместилище содержания химерического; химеры обитают именно в таких словах; о, это могут быть самые различные слова, от неприметных до наиболее сокровенных и возвышенных, и даже больше того: чем возвышеннее слово, тем более высокая по чину химера заселяет его. Можно было бы на досуге основательно заняться этой необычной табелью о рангах. Я воображаю себе некую фантастическую арабеску, инспирированную Гофманом: город слов; на домах вместо нумерации - наименования; груды тухлых домишек типа «МАТРИЦА», «ЭКЗИСТЕНЦИАЛ», «ЗАКАВТОПРОМТОРГ» - заглядываешь в крохотную щель и видишь довольных унтерофицеров; проходишь дальше, домик чуть опрятней; «ЭСТЕТИКА», в нем подтянутый и молодцеватый капитан; еще дальше дома начинают увеличиваться и походить на особняки; вот один - «ТАЙНА», там полковник; второй - «СУДЬБА», уже генерал; вот два громадных флигеля - «СВОБОДА» и «ЛЮБОВЬ» (они соединены), внутри, ну конечно - генерал-фельдмаршалы; я остерегаюсь сказать, что мог бы я увидеть во дворце с надписью «БОГ»... Но именно по этому поводу я напомним ответ Гете Лафатеру, когда последний требовал ответа на жесткую дилемму: «Либо христианин, либо атеист». Гете попросил оставить его при ЕГО (подчеркиваю, ЕГО) христианстве, но предупредил, что если этот ответ не устраивает собеседника, то он выберет сторону атеизма, «ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО НИКТО, ВИДНО, ТОЛКОМ НЕ ПОНИМАЕТ, ЧТО ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ ПОД ТЕМ И ПОД ДРУГИМ». Что же это: беспринципность, розановщина, «И нашим, и вашим»? Нет, только отвращение к химерам, любящим весьма устойчивые слова с весьма неустойчивым содержанием. Как будто под МОРФЕМОЙ христианства не может скрываться СЕМЕМА атеиста и наоборот! Школа Гете - школа ПОВЫШЕННОЙ ДЕЙСТВЕННОСТИ. При поступлении в эту школу не заполняют никаких анкет: кто бы ты ни был, а ты можешь мнить себя «христианином», «атеистом», «мусульманином», «пантеистом», «ником», не это определяет твой статус, а только одно: неустанная воля к действию при напряженнейшем внимании ко всему, что творится вокруг. И только одно изгоняется здесь с самого порога: общие понятия плюс большое

самоомнение, или иначе, армия химерических слов от унтер-офицеров до фельдмаршалов, включая самого Главнокомандующего. Здесь учатся не из слов, а словам - вот ключ к разгадке 143-томника; словам же учатся не из химерических ощущений и ассоциаций, а из САМИХ ВЕЩЕЙ, из чистого, беспримесного и непосредственного наблюдения мира В ЕГО САМОБЫТНЕЙШЕМ ВИДЕ. Слово не предваряет понимание, а предваряется им, оно есть ЦЕЛЬ понимания, а не его причина. Некоторые слова даже не рекомендуется часто произносить. Речь идет, Вы угадали, конечно, о словах наиболее возвышенных. <...> (240-242).

<...> Мы, конечно, основательно постарались в коллекционировании этих ПУСТЫХ КЛЕТОК (которые, между нами говоря, лишь кажутся пустыми; НА САМОМ ДЕЛЕ, в них прочно обосновались приживальщики, достойные кисти Босха). Мы даже попытались придать этой коллекции статус научности и вогнали ее в еще одну пустую клетку, названную «СЕМИОТИКОЙ». <...> (242)

<...> Только теперь мы в состоянии прочувствовать всю спасительность гетевских слов: «Я ВСЕГДА СЧИТАЛ МИР ГЕНИАЛЬНЕЕ МОЕГО ГЕНИЯ». Что значат эти слова? Вы позволите мне опыт возможной интерпретации их, одной из десятка прочих. Они значат: смело иди к бездне и смело испытывай «НЕИЗЪЯСНИМОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ» на самом краю ее. Да, именно «НЕИЗЪЯСНИМОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ», и чем глубже, чем опаснее, тем лучше, тем дальше от серого мира с его серыми прописными истинами «ВООБЩЕ». <...> (245).

<...> «Моя жизнь, - признался как-то молодой Гете, - море противоречий, из которого я надеюсь вынырнуть лишь со смертью». И уже в глубокой старости говорит он канцлеру фон Мюллеру: «Для того ли я дожил до восьмидесяти лет, чтобы думать всегда одно и то же? Напротив, я стремлюсь каждый день думать по-другому, ПО-НОВОМУ, чтобы не стать скучным. Всегда нужно меняться, обновляться, омолаживаться, чтобы не закостенеть». <...> (249).

<...> Это Гете-Протей, неуловимый, нестареющий, дразнящий Гете, «Сторукий и тысячеглазый», как называет его восхищенный Эмерсон: сплошной метаморфоз ликов, способностей, настроений, воплощенная парадигма гераклитовской философии, море противоречий, в которое ежечасно, ежемгновенно вливаются пеки все новых противоречий, море, способное на самый безмятежный штиль и на такие бури, каких еще не видывало ни одно физическое море, - сквозная игра пантомим: поэт, натуралист, критик, эстетик, философ, романист, физиогномист, коллекционер картин, эстампов, монет, курьезов, минералов, идей, судеб, политик, администратор, блюститель этикета, переводчик, путешественник, ироник, эротик, игрок, мудрец, провидец, министр, живописец, шармер - что за магический театр вихря перевоплощений, где нет ни одной незначительной роли, где все роли равноправны и сыграны на бис! Раз попавший в этот театр, не забудет его никогда; велико будет его потрясение от ослепительной полифонии масок; темп скоростей таков, что невольно зажмуриваешься; да, можно было бы сравнить все это с рукой пианиста-виртуоза, выделяющего такой пассаж, что захватывает дух... По выходе из театра потрясение увеличивается; вдруг вырастает вопрос, от которого голова идет кругом, но не тем кругом, который был в театре, а в обратном направлении: но если все это роли, если все это маски, то какая же из них есть само лицо? Или иначе: кто ПОСТАНОВЩИК этого невероятного спектакля? И как утопающий за соломинку, так и мы пытаемся ухватиться за одну из масок в этом море противоречий. Но какую именно? Да не все ли равно: за первую попавшуюся. Этой первой попавшейся маской оказывается ПОЭТ: крепко держимся мы за поэта Гете и переводим дух. Уф! Вырывается вздох облегчения из груди, опершейся на что-то ТВЕРДОЕ; и ТВЕРДО решаем: ну, конечно же, это - поэт.

Мы не ошиблись: конечно, поэт. И поэт, каких свет мало видывал. Но ложь правоты нашей в том, что правота эта тверда, идет от твердости. Что же делать с прочими

масками, если предпочтение отдано одной? Наш ответ и на сей раз СПАСИТЕЛЬНО-ГОЛОСЛОВНЫЙ; мы говорим: это не просто поэт; это поэт, совмещавший в себе бесконечное множество способностей и интересов, ну, как Леонардо, универсальный гений и тому подобное. Так, ощутив твердость под ногами и во лбу, разыгрываем мы дикий чемпионат команды ГЕТЕ. Пьедестал чемпиона отдаем мы поэту; ниже помещаем ученого, еще ниже эстетика и так далее: отвратительно диминуэндо нисходящих персон (интересно, кто бы оказался на последнем месте?). ТАКОГО Гете еще можно вынести с грехом пополам, можно сочувственно цитировать отрывки из «Фауста» и восхищенно кивать головой, переставшей ходить кругом; наркотическая пилюля «универсального гения» избавила нас от головокружения». <...> (250-251).

<...> Пусть же услышит она [*голова. - А. А.*], устроительница химерических чемпионатов, что скажет ей сам Гете: «В человеческом духе, - скажет ей Гете, - как и во вселенной, нет ничего сверху, ни внизу, все требует равных прав по отношению к общему центру, скрытое существование которого и обнаруживается как раз в гармоническом отношении к нему ВСЕХ ЧАСТЕЙ... Мы отлично знаем, что в отдельных человеческих натурах обыкновенно обнаруживается перевес какой-нибудь одной способности и что отсюда необходимо проистекает односторонность воззрений, так как человек знает мир только через себя и потому в наивном самомнении полагает, что и мир построен через него и ради него. Именно по этой причине свои главные способности он ставит по отношению к целому во главу угла. А чего у него меньше, то ему хотелось совсем отвергнуть и изгнать из собственной цельности. Кто не убежден в том, что все проявления человеческого существа... он должен развить до полного единства, какое бы из этих свойств ни преобладало у него, тот будет все время изводиться в печальной ограниченности и никогда не поймет, почему у него столько упорных противников и почему он иной раз оказывается даже собственным противником». Вы слышите: развить до полного единства все проявления человеческого существа (Гете перечисляет РАССУДОК И ЧУВСТВЕННОСТЬ, ВООБРАЖЕНИЕ и РАЗУМ; он мог бы перечислить весь состав своего театра)! При этом «ВСЕ ТРЕБУЕТ РАВНЫ ПРАВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩЕМУ ЦЕНТРУ. <...> (251-252).

<...> Всякая неуравновешенность, отдание предпочтение одной способности за счет обкрадывания других приводит к непоправимым последствиям. Гете говорит: «Если ты видишь, что какому-нибудь существу даровано в чем-либо особое преимущество, тотчас же спроси: не терпит ли оно ущерба в чем-либо ином?». Принцип организации индивидуума, чьей целью является максимальное самоосуществление, не терпит никаких особых преимуществ и привилегий. Преимущества допускаются здесь не в статусе стабильности и пожизненности, а в специфике текущей ситуативности и уместности. <...> (253-254).

<...> Человек, впервые в истории западной культуры в таких масштабах и столь ослепительно проведенный эксперимент самосознания. «КАК ЖИТЬ В 70 ЛЕТ ЧЕЛОВЕКУ, КТО В 20 ЛЕТ НАПИСАЛ ВЕРТЕРА!» Ответ, продиктованный всей жизнью Гете: «КТО ХОЧЕТ СДЕЛАТЬ ЧТО-НИБУДЬ ДЛЯ МИРА, НЕ ДОЛЖЕН СВЯЗЫВАТЬСЯ С НИМ». Это значит: не отождествляйтесь с ситуациями, в которые помещает вас судьба. Овладевайте техникой переключения масок. Действуйте сообразно **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**, а не словам, и если действительность требует, чтобы вы, за минуту до этого создавшие лучшее стихотворение из когда-либо звучащих, чинили велосипед, чините его с такою же энергией и совершенством, какие мы минуту назад отдавали стихотворению. Жизнь - нескончаемая смена ситуаций, каждая из которых нуждается в **СООТВЕТСТВЕННОЙ** реакции; если же реагировать на них «**ВООБЩЕ**», исходя из одного (пусть блистательного стереотипа), то получится не **СООТВЕТСТВЕННОСТЬ**, а **БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ**. Но мало и просто переключения; нужно добиться такой мобильности всех внутренних сил, при которой только и возможно

их полное единство. «ВСЕ, ЧТО ПРЕДПРИНИМАЕТ ЧЕЛОВЕК СЛОВОМ, ДЕЛОМ ИЛИ ИНАЧЕ, - гласит решающая максима Гете, - ДОЛЖНО ВОЗНИКАТЬ ИЗ ВСЕХ ЕГО СОЕДИНЕННЫХ СИЛ; ВСЯКИЕ ОТДЕЛЬНЫЕ УСИЛИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТВЕРГНУТЫ». То есть толпа персон должна быть воспитана до братского коллектива, делающего ОДНО дело; инициатива принадлежит тому, кто соответствует данной ситуации, но при этом на него работает весь коллектив; через минуту ситуация меняется, и следующая требует новой персоны; тогда старая мигом уступает место и включается в коллектив, который на этот раз спешно мобилизуется на новый участок. Послушайте-ка, что говорит об этом Гете: «Если бы моей задачей было непрерывно опорожнять и снова наполнять вот эту песочницу, которая стоит передо мною, то я делал бы это с неутомимым терпением и самой старательной точностью». Это значит: из КОЛЛЕКТИВНОГО СУЩЕСТВА» Гете выделяется одна персона и занимается песочницей. Чем же занят в это время коллектив? Давайте представим себе поначалу, что бы делал в таком случае НАШ КОЛЛЕКТИВ. Он просто скучал бы. Скука перешла бы в ропот недовольства, ропот недовольства породил бы бунт. Взбунтовался бы «ПОЭТ», который МОГ БЫ написать за это время стихи. Взбунтовался бы «ПРАГМАТИК» от столь бесцельной траты времени. Взбунтовались бы «ВСЕ», а в результате просыпался бы песок, да и бунт оказался бы бесплодным. В результате - провал по всем звеньям. Особенность коллектива Гете в том, что здесь никто не скучает и не бунтует. Здесь все персоны (да, да, включая и автора «Фауста», и господина министра) быстро и без разговоров подключились бы к пересыпанию песка, и результатом было бы то, что опорожнение и наполнение песочницы стало бы ПРОИЗВЕДЕНИЕМ ИСКУССТВА. Ахнули бы от восторга и так бы и остались с разинутыми ртами. Я уверен (и это вовсе не шутка), что если бы задачей жизни Гете была бы эта песочница, он достиг бы в обращении с нею не меньшего совершенства, чем во всем, что он оставил после себя. Но разве не говорит прямо об этом он сам: «ВСЮ МОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МОИ ДОСТИЖЕНИЯ Я ВСЕГДА РАССМАТРИВАЛ ТОЛЬКО СИМВОЛИЧЕСКИ, И МНЕ, В СУЩНОСТИ, БЫЛО БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ БЕЗРАЗЛИЧНО, ДЕЛАЮ ЛИ Я ГОРШКИ ИЛИ БЛЮДА». Да, поистине тысячу раз был прав Поль Валери, назвавший Гете «НАИМЕНЕЕ СУМАСШЕДШИМ ИЗ ЛЮДЕЙ». Ему просто НЕКУДА было сходить с ума - этим косноязычным парадоксом силуюсь я определить специфику гетевского «я», того, что сам он называл «ОБЩИМ ЦЕНТРОМ, СКРЫТОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ КОТОРОГО И ОБНАРУЖИВАЕТСЯ КАК РАЗ В ГАРМОНИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ К НЕМУ ВСЕХ ЧАСТЕЙ». Центр «коллективного существа» Гете не монархичен, а, так сказать, панархичен; это не стабильная, однажды напечатленная точка, покоящаяся в некоем «умном месте» и рассылающая директивы по всем направлениям; это ритмическая и эвритмическая сущность, свободно перемещающаяся по всем зонам внутреннего мира и появляющаяся всякий раз там именно, где в ней нуждаются. Сказать о ней «вот она», имея в виду некое «здесь», бессмысленно, ибо в следующее мгновение она уже будет «там»; головокружительная техника перемещения и вездесущести, сквозная ритмика сплошных модификаций, трансформаций и трансфигураций, почти мифический темп перевоплощений: «я» должно быть во «всем» и «все» должно быть в «я» - каждая персона коллектива потенциально есть «я» и ни одна персона не есть ОБЛАДАТЕЛЬ «я» - лишь проводник, лишь полномочный (но и ни в коем случае постоянный) представитель его в сфере действия данной ситуации. «Так, милые мои, - говорит оно устами «ПОЭТА» Гете, - делюсь я на части и всегда остаюсь одним». НАИМЕНЕЕ СУМАСШЕДШЕМУ ИЗ ЛЮДЕЙ потому и НЕКУДА сходить с ума, что трудно представить себе ситуацию, которая застала бы его ВРАСПЛОХ. <...> (256-258).

<...> Он как-то признался, что делает КАРЬЕРУ В НЕВОЗМОЖНОМ, но если так, то к числу персон его коллектива придется прибавить еще одну: несравненного карьериста» <...> (260)

(Свасьян К.А. Голоса безмолвия. Ереван: Советикан грох, 1984)

= Из переписки Р.Г. Баранцева и К.А. Свасьяна (1984-1986) ²²⁰

Свасьян, 04.12.84: История, случившаяся с Вами ²²¹, по нашим меркам вполне обычна; она формально нисколько не противоречит общей аксиоматике нашей провиденциально-математической системы и, более того, вполне соответствует ей. Но увидеть такое в систематизированном виде, причём не в форме отсебятины (пусть даже молюеровской, всё равно), а в последовательной выстроенности самих фактов, - ведь это чистейший протофеномен, - так сказать, не "интерпретация" мерзости, а её самоданность: поразительно! поразительно! Что если закопать всё это где-то в районе Мёртвого моря, с тем, чтобы задать потомкам вполне научную головоломку, - представляете, какие были бы толкования! Ваш документ, клянусь своим сознанием, не исторический, а палеонтологический; будущий палеонтолог восстановит по нему, как нынешний по зубу мамонта, всю чудовищную технологию и даже экологию нашего развитого времени (не Левиафан ли ему имя?).

Баранцев, 26.12.84: Я пока остаюсь в должности профессора университета, но от студентов по-прежнему отлучён. Главное обвинение сейчас: "Он ведёт себя так, как будто он прав". Но ведь так не бывает, чтобы человек оказался прав, а партком - нет. Ждут покаяния: "Ведь это ничего не стоит" (Кроме духовного потенциала). А компромисс очень разумен (возможность работать профессионально) и неизбежен (альтернатива!).

Свасьян, март 1986: Ради Бога, не дразните их; зона моих социальных рефлексов подсказывает мне, что не помогут никакие письма и заявления. Они просто не будут поняты, а если, случайно, и будут, то всё равно: машина заведена, запрограммирована на минус, и ничто уже не переубедит её, никакие доводы, - разве что (не дай Бог!) озлобит.

Баранцев, 31.03.86: Лишив меня, казалось бы, всего, фактически дали мне возможность заниматься делом, которое становится главным. "Нам не понять высоких дум, Творцом внушаемых вельможам", а вельможам тем более не понять.

Баранцев, 26.04.86: Видимо, мне всё-таки придётся согласиться на уход с преподавательской должности. Как бы только не утопить духовный потенциал в бездне покорности.

Свасьян, 14.05.86: Вероятно, когда-нибудь можно было бы осуществить герменевтическое чтение Вашего "дела", которое, как мне кажется, теперь уже приобретает характер документа-монумента (выражение М. Фуко) и обладает такой выразительной силой, что комментарии к нему только ослабили бы впечатление. Ну чем же это не притча, и, главное, я не перестаю удивляться её необыкновенно далёким перспективам: воистину здесь бессильна даже зоология, и мысль безотчётно тянется к палеонтологическим атласам в смутной надежде понять что-либо в существовании Ваших "оппонентов" (простите за эвфемизм), сотворённых по образу и подобию Вымершести. А в целом как печально, как жутко и больно! Физическое зрение и социальные привычки поддерживают иллюзию, фон которой (реальный фон!) потребовал бы иного, о! насколько иного отношения. Читаю, перечитываю, вчитываюсь, перепрочитываю Ваши разговоры с... (кем? вот в чём вопрос), и моментами явственно вижу: за всеми этими личинами. - одна реальность (платоновская идея) Ничемности, - о, нет, не метафора, - реальность. И сразу же оторопь: как же Вы с ними разговариваете, о чём, к чему, чем ???

Баранцев, 20.06.86: Горы восстановили мой иссякший потенциал, и я продолжаю держаться в продолжающейся борьбе. Зачем? Довести до конца социальный эксперимент?

²²⁰ Цит. по: <http://www.solid-physics.ru/rgbarantsev9-iz-perepiski-s-kasvasyanom>. В состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) эта подборка не входила. (А. А. Июль 2013).

²²¹ См. ДСИСА – 2 (Глава 8).

Но где этот конец, содержание которого уже давно видно? В моих силах - некоторое разнообразие форм. Моя цель - удержание достоинства. Плата в любом варианте высока. Чтобы исключить иллюзии не только у себя, задействовал (подходящее словечко) центральную газету и министра. Веду себя так, как будто верю, что из этого что-нибудь получится. Меня спешат столкнуть до их включения, а я изображаю, что тяну время. До осени дотяну, а там постригусь в старшие научные сотрудники. В лесниках нынче беспокойнее, чем в НИИ. Спасибо Вам за письма, за их возрождающий стиль!

[Со своей стороны, хотел бы отметить, что именно работы К. Свасьяна – «Голоса безмолвия» (1984) и последующие – оказали, наряду с трудами А. Швейцера, А. Ухтомского, А. Любищева, М. Полани, Р. Баранцева особенно сильное влияние на формирование собственного миропонимания автора настоящей книги. – А.А. Август 2013]

Н.С. Сергеева

17.5. ВОЗРАСТ ДЖУЛЬЕТТЫ

[Надежда Станиславовна Сергеева родилась в Воронеже. Живет на кордоне Гузерипль Кавказского государственного биосферного заповедника (Республика Адыгея). У Н. Сергеевой трое детей. Старший, Роман, сейчас служит в армии. Ниже - рассказ-воспоминание Н. Сергеевой (1997). – А. А. 2000] ²²²

Зимой 1974 года в воронежских кинотеатрах шел итальянский фильм «Ромео и Джульетта». Мы с подругой посмотрели его 4 раза. И каждый раз - потрясение!

Мы выходили вечером из кинотеатра и падали в неоновые сугробы.

И лежали, глядя в небо и давясь слезами.

Вот еще тогда я решила отметить каким-нибудь образом возраст Джульетты. Той зимой мне как раз исполнилось 14, а отметить все не удавалось. И вот наконец летом...

***

Летом моя мама от работы поехала как руководитель группы юннатов в Одессу. В группе было 10 человек. Попали туда моя подруга Таня и я.

Вот в Одессе-то все и произошло.

Так вот: Одесса встречала нас спокойным картинным морем. Если бы не плывущий корабль - ни за что бы не поверила, что море настоящее. И еще запомнилась помпезная природа: всего много, и ярко, и слащаво. Жили мы на турбазе с выбитым двором и сиротливым абрикосом посередине. Под абрикосом сидел вечно пьяный и грустный массовик-затейник и бесконечно играл на баяне «Лютчию». Уже головы нам продолбил. Мы подходили к нему и со слезами просили хоть минуточку не играть. А он поднимал от баяна тяжелую голову и с чувством говорил: «Не могу. Мне за это плотноть».

Расположилась вся наша группа в одной комнате. И мальчишки с нами. Мы с Таней выбрали сдвинутые вместе кровати в конце комнаты у стенки. Был уже поздний вечер, когда в дверь вдруг вежливо постучались. Все закричали: «Войдите». И тут входят 2 веселых мальчика. Один другого лучше! Все девчонки сразу подтянулись. А мальчики выразили удовольствие познакомиться с воронежцами, сказали, что наслышаны о воронежских красавицах и под конец попросили спички. За ними-то они и зашли.

Я немного прервусь, чтобы описать гостей. Сразу трудно было выбрать, кто же лучше. Каждый был хорош по-своему. Один был темноволосый, яркий, крепкий и милый,

---

²²² Последние годы основным местом жительства Надежды Сергеевой был Краснодар. Ныне Н. С., вместе с супругом Дмитрием Смирновым, переселилась в США. (А. А. Август 2013).

и одет в удивительно красивый свитер с елочками. Так мы его потом и называли - «Елочка». Другой был светлый, с чистыми голубыми глазами, загоревший и шире «Елочки» в плечах. Его кодовая кличка была «Белочка». Татьяна не сводила с «Елочки» глаз, а мне понравился «Белочка», потому что очень был похож на мою воронежскую тогдашнюю любовь, на Витю Пастухова.

Так вот, попросили они спички, а мама моя сразу стала возмущаться и выгонять их: «У нас никто не курит. Как вы можете такое спрашивать? Я думала, вы порядочные...». Меня это заело. Стало за нее стыдно. И я подошла к ним и молча протянула коробок. Получилось так, что «Белочке». Мы встретились взглядом. И мальчишки вышли. Мама говорила что-то уже мне, но я ничего не слышала.

А у меня всегда был с собой «набор джентльмена»: нож, увеличительное стекло, спички, фонарик и т. д., на всякий случай (надо было назло маме еще и сигареты с собой взять). У нас с мамой тогда были очень натянутые отношения. У меня был сильный дух противоречия, потому что мама вдруг спохватилась, что я выросла, а получилось не то, что она ожидала - и рьяно взялась меня переделывать. Да не тут-то было.

Утром мы пошли на море. Была очень холодная вода - циклон прошел. Все только загорали. А я первый раз видела море лицом к лицу. Конечно же, сразу кинулась к нему! Встреча была обжигающе холодной.

А из высокой спасательной будки разносилось через громкоговоритель по всему пляжу: «Пропал мальчик. Особые приметы: белая панамка, синие трусики, усы, примерно 25 лет и т.д.». Я сначала ничего не поняла, а потом хохотала до слез и ощутила себя по-настоящему в Одессе. Было еще много смешного и интересного. Около нас загорала пожилая пара одесситов. Она такая дородная, вся в золоте, а он в очках и лысый. И стала жена к мужу приставать: «Пойдем ополоснемся в море». А он так хорошо задремал под газеткой... А она все пристаёт. И тут он ей вежливо по-одесски отвечает: «Зачем идти в море, ведь недавно в туалет ходили...». Я опять так смеялась, что дядечка вылез из-под газетки и долго на меня таращился. Потом я с ними познакомилась и они мне много еще чего рассказывали и смешили.

Потом с Таней и Ларисой мы бродили по Дерибасовской. Все остальные были рядом в парке. А мы с девчонками устали и сели на длинную лавочку. Подходят к нам 2 матроса-иностранца. У одного в целлофановом пакете вода и рыбки красивые плавают. И так сверхвежливо, с акцентом спрашивают: «Извините, пожалуйста, скажите, пожалуйста, здесь не занято, пожалуйста?». Мы говорим: «Нет».

- Спасибо, пожалуйста.

И с ними познакомилась. Они нас на свой корабль приглашали. Но тут появилась мама и быстро нас увела.

Еще в тот же день я видела потрясающе красивого негра. Никогда не думала, что негры могут быть красивыми...

И еще одну индианку: в воздушном, неземного цвета сари. И сама она как из сна...

Вечером мы с Таней вышли во дворик турбазы полюбоваться на постылого массовика-затейника и насладиться «нежными» звуками баяна. Там, наверное, с той же целью, собрались ребята из других групп. Стали играть под «Лютчию» в ручеек. Мы с Таней долго не решались, а потом встали тоже. Тут появились Белочка с Елочкой. Татьяна вся затрепетала, а я внешне была спокойной. Только очень хотелось чуда! Хотелось, чтобы Белочка выбрал меня. А он как раз шел выбирать пару. Я отвернулась, чтобы не выдать своих чувств. И, конечно, он прошел согнувшись и озираясь по сторонам - мимо! Я перевела дух. Вот и все. Чуда не будет.

Вдруг кто-то хватает меня за руку и тянет за собой. Я даже не успела ничего сообразить. А он вернулся. Он искал меня! Мы встали, держась за руки, как все, и молчали. Только он меня уже никому не отдавал. Крепко держал. И приходилось выбирающим меня идти дальше. Под конец уже, когда Таню выбрал Елочка и они оказались около нас - мы вышли из оцепенения. Елочка потянул Таню за руку вверх и

сказал: «А мы выше!», а Белочка подхватил меня на руки, поднял высоко: «А мы еще выше!»

В 10 часов отбой. Все разошлись. Мы с Таней не могли заснуть, все шептались и всем мешали спать.

На следующий день мы шли в отдаленную столовую: «До столовой еще далеко, а до смерти 4 шага...». И встретились с группой «наших» мальчиков. Белочка был грустный. Его стали толкать и показывать на меня взглядами. Он оживился.

Потом 2 наши группы катались на катере. Мы на нижней палубе, а «они» на верхней. Белочка сидел на спинке лавочки, потому что только так было меня видно. И все время смотрел на меня. Теперь меня все толкали и показывали на него.

Я все еще не верила, что могла ему понравиться. Я еще не знала своей силы.

Вечером Белочка ждал меня в коридоре на подоконнике. Я проходила мимо и он меня остановил. Я села рядом и мы, наконец, познакомились. Его зовут Саша. Он «с под-Одессы, здравствуйте». Завтра их группа уезжает. У нас совсем не оставалось времени. Меньше суток. А мы все сидели и болтали. Я сказала, что понимаю украинский, только говорить не могу. Саша не поверил и стал проверять. Говорил по-украински, а я переводила. Мама несколько раз прошла туда-сюда, красноречиво глядя. Но все выглядело пристойно и безобидно, и она, успокоенная, ушла читать. За окном все опять играли в ручеек. Мгновения улетали под «Лютчию».

Тут Саша сказал: «Давай, сбежим отсюда? Я знаю одну бухточку, где всегда теплая вода». Я подумала: «Вот оно! Хоть на час убежать от всего на свободу! Глотнуть свежего воздуха! Хоть немного побыть вдвоем». Но было страшно. Саша ждал ответа. И он, и я просто пылали от неожиданной смелости предложения. И я согласилась. Договорились встретиться через 10 минут у ворот, и я побежала переодеваться. Я все рассказала Тане. Мы как заговорщики пробрались в туалет. Там я переоделась в купальник, а все лишнее белье Таня незаметно отнесла в комнату. Мама все читала и уже дремала.

Около ворот никого не было. У меня сердце упало. Выглянула, а он у стеночки стоит. Схватил меня за руку и выдернул из ворот. И мы помчались! Это был упоительный бег! Полет в теплом, тягучем от запахов и от звона цикад воздухе! Когда перебежали дорогу - машины остановились. Мы засмеялись, - и дальше!

Моря в темноте видно не было, только слышно его дыхание. Саша разделся и прыгнул в воду. Стал звать меня. Я тоже разделась и вбежала в порыве. Вода и вправду была теплющая. А потом представила, что Саша ныряя врзается в меня и дотрагивается невольно до почти раздетой. Вспомнилась мама и я вышла из воды.

Саша еще немного понырял, поплавал и тоже вышел. Он ничего не понял. Я уже напялила на купальник платье и стояла мокрая, готовая уходить. Саша сказал, что еще рано, но если я так хочу уходить, то мы пойдем медленно и длинной дорогой. Я решила, что надо успеть высохнуть, и мы пошли. Мы шли за руку и разговаривали. Незаметно очутились в Центральном парке около Потемкинской лестницы. Люди толпились около цветника и смотрели на какие-то желтые цветы. Мы протиснулись и с удивлением увидели, как они на глазах распускаются! Потом ушли в самый конец парка и сели на лавочку. (У нас еще было 20 минут, как сказал Саша).

Мы молчали и только руки разговаривали. Он смел дотрагиваться только до рук. И был совсем рядом! От него пахло морем и солнцем. А потом он провел ладонью по волосам, по щеке, шее. Я вся обомлела и не оттолкнула его. Только вся горела. И неожиданно вспомнила Джульетту. А когда его губы оказались рядом с моими - я сама подалась к ним. А дальше теплая волна по всему телу - и я в другом мире... Без времени, без слов, без мамы... И мудрость и знания женщин всей земли и всех тысячелетий вошли в меня вместе с ЕГО дыханием и я вспомнила что надо делать. Я знала все! Я целовалась так умело и страстно, что удивила Сашу. Он только шептал: «Я чувствовал, что ты такая. Ты чудо!»

Я так вошла во вкус! Каждая клеточка во мне дрожала и звенела. Я просыпалась! Как будто распускался цветок у всех на глазах, как те, что мы видели.

Потом заболел живот как-то по-особенному. Я очнулась и спросила время. Саша сказал, что еще есть целых 15 минут. Странно...

А до турбазы быстрым шагом - 10. Надо было идти. Мы медленно пошли, останавливаясь у каждого столба - и опять целовались. Мне приходилось вставать на цыпочки, Саша был высоким. И уже у последнего самого яркого столба (все когда-нибудь кончается) перед воротами турбазы - мы поцеловались особенно исступленно и жадно. Вступили из света в темноту - и тут увидели перед воротами строй руководителей групп, с директором турбазы около входа во главе. Рядом с ним стояла мама. Все в позе Наполеона. Саша сильно сжал мне руку и шепнул: «Я умоляю тебя, только молчи!». К нему подошел его руководитель и поскорее повел его к своим. Саша успел оглянуться и подать мне знак: «Тсс!».

Я осталась одна с разъяренной толпой. Мама стала истерично кричать, что уже час ночи, что у меня совести нету, что все с ног сбились, что вся турбаза нас с факелами на море искала, что я ее опозорила, и весь Воронеж! И т. д.

Директор хищно скалился. Сам он был плюгавенький и маленький. Я молча старалась пройти мимо директора. Все что-то кричали, позорили, а директор загораживал собой ту часть ворот, куда я хотела идти. Я в одну сторону - и он туда кидается, я в другую - и он. А за спиной кричат: «Нет, ты слушай!». Мне все надоело. Я была сильной в тот момент и не хотелось замечать «Мосек». Музыка еще играла в душе, цветок все распускался... И я улыбалась. И смотрела невидящими глазами. И молчала. А потом просто взяла директора и переставила в другое место.

И прошла. Все затихли.

И в комнате было тихо. Но вряд ли кто спал... Я взяла вещи и пошла переодеваться. К своему ужасу я обнаружила на купальнике кровь. И по ногам кровь текла. Сначала я ничего не поняла, а потом дошло... Вот такими у меня были первые месячные. Пришлось мыться холодной водой под краном и раздирать на тряпки футболку.

Всю ночь я не спала от боли в животе. И еще от воспоминаний. Все прокручивала в голове каждое прикосновение. Мама пришла. Пригрозила и захрапела почти мгновенно.

Это был мой первый урок. Я поняла, что одна на целом свете. За все отвечать мне одной. И еще: во всем всегда винят женщину... и за все надо платить.

Саша уезжал. Я уже не надеялась его увидеть. Да и не хотела. И не хотелось думать о том, что будет утром. Но утро наступило.

И произошло вот что.

Мама сказала, что сейчас будут проводить КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ. Выбрали секретаря и писали протокол. Все честь-по-честь. Тема собрания: «Недостойное поведение комсомолки Олейник Надежды».

Я лежала под одеялом и не шевелилась, чтобы не расплескалась кровь. Уже все подо мной в крови было. А тут еще мама послала мальчиков из нашей группы вытащить меня из кровати и представить пред ясные очи собранию. Они подходят, а я белею от ярости. Они все ближе. Я напряглась, и когда они ко мне притронулись - двинула им между ногами. Собрание скомкалось... Но мама стояла у штурвала и каменной рукой вела корабль к воспитательной цели. Она сказала: «Пусть лежит. Она все слышит». Всем давали слово. И все осуждали. Даже Таня...

Решением собрания мне запрещалось ходить на экскурсии и на всякие развлекательные мероприятия. Но мама спохватилась и сказала, что знает меня и что такое решение мне только на руку. А надо наоборот - тащить меня везде за собой и пусть все на меня показывают пальцем, и пусть мне будет стыдно! Вот так! Но вытаскивать меня из кровати желающих больше не нашлось и все ушли без меня. Дверь специально не закрыли, и мама пообещала всем сказать, что я в комнате, и пусть все приходят на меня смотреть, как в зоопарке.

Когда все ушли - я перво-наперво разорвала еще одну футболку, а кровавые тряпки и простыню побежала стирать в туалет. Никого не было. Вся турбаза ушла в столовую. Потом все развесила на холодных батареях в комнате. Было жарко и все быстро высохло.

Голова кружилась. Живот разрывался. Я вся истекала. И было пусто... Цветок растоптали...

Легла и провалилась куда-то в обмороке.

Очень скоро тихонько отворилась дверь и всунулись любопытные мордочки. Я услышала шепот: «Вот это она?». Еще кто-то вернулся. Стали толкаться за лучшее место и ссориться. Я была вся на виду. Кое-как стерпела это унижение и когда дверь закрылась - на меня напал новый приступ ярости.

Дверь открывалась внутрь, в комнату, и ни на какой веник или швабру закрыться было нельзя. Тогда я подтащила кровать, на нее взгромоздила другую (все одна!) и сверху накрыла все покрывалом. Теперь меня было не видно и пройти невозможно. Сразу опять слабость навалилась, и я опять провалилась. Дверь постоянно открывалась, опять шептались, но ничего не могли сделать.

Потом было какое-то шебуршение - и около меня появился Саша. Был он бледен и растрепан. Я привстала, а Саша сел на другую кровать. Он пришел прощаться. Уже все в автобусе сидели и его ждали. Он просил написать адрес. Я написала. Все молча (как он учил). Уже ничего не хотелось, только оставили бы меня в покое. Елочка позвал из-за баррикад Сашу и тот, еще раз попрощавшись, полез через мои заграждения. Я так и осталась сидеть. Слушала, как отъезжает автобус.

Вдруг автобус останавливается. Топот ног в коридоре - и опять Саша. Подбежал ко мне: «Я тебя люблю!», поцеловал неловко в щеку и опять побежал назад. Автобус разрывался сигналами и хором орали ЕГО имя.

Ну вот и уехал... Автобус больше не останавливался. Может Саша рвался ко мне, кричал чтобы остановили... А может уткнулся другу в плечо и плакал... А может просто смотрел в окно, прикусив губу...

Я опять легла и снова забылась. Теперь уже было совсем наплевать на все. Пусть заходят, пусть смотрят. Хоть на площади голой выставляют.

Не знаю, сколько прошло времени, только вдруг опять слышались голоса у двери и негромкие чертыхания. Стали открывать дверь и протискиваться в комнату. Я лежу. Какая-то тощая тетенька стала возмущаться, спрашивать, что это значит и что это за номера, а невысокий паренек с усами ее успокаивал и просил потише, потому что девочка болеет. Это были работники турбазы. Они пришли подушки считать. Паренек сказал, что сделает все сам, и злющая тетенька ушла. Я смотрела, как этот изящный, как породистый кот, парень разбирает мои городушки. Потом подсел ко мне, посмотрел озорными карими глазами и погладил по щеке: «Все хорошо?». У меня вдруг полились слезы. Тогда он стал говорить, не переставая поглаживать меня по волосам.

- Я все знаю. Это ты ночью с мальчиком убежала. Ну и что? Подумаешь преступление! Он тебя не обидел? Нет? Ну что же ты тогда плачешь! И почему прячешься? Знаешь, зачем ходят на тебя смотреть? Да потому что ты в их глазах «национальный герой»! Благодаря тебе все смогли ночью на море вырваться. С факелами погулять! Поперезнакомились все и отдохнули. Никто тебя не осуждает, а хотят тебе спасибо сказать. (Примерно так он говорил). И еще:

- Ты себе цены не знаешь. Ты очень красивая и в тебе есть что-то особенное. Я давно тебя заметил. Я предрекаю тебе, что в твоей жизни будет много мужчин и любви. Я не ошибаюсь. Вот посмотришь.

Звали этого «оракула» - Юрий Яковлевич. Я на всю жизнь запомнила это имя. Он учился тогда в Одесском университете и тем летом подрабатывал на турбазе.

Спасибо ему огромное. Тогда я не сказала. А он столько сил мне дал!

Всегда бог посылает мне утешение и спасение когда очень плохо.

За что?

Я ОБЪЯВИЛА ГОЛОДОВКУ.

С мамой я не разговаривала и никуда с группой не ходила. Таня приносила мне «по дружбе» из столовой бутерброды или котлеты, но все это лежало на тумбочке и своим запахом вызывало во мне тошноту. Сама же Татьяна потом все и съедала.

Когда все уходили - я вставала в туалет, умыться и постирать и воды попить.

Так прошла неделя, наступила другая. Вставать было все труднее. Коленки дрожали. Все время хотелось быть одной. Есть не хотелось. Мама заговаривала со мной, но я не реагировала. Тогда она стала меня разоблачать и говорить, что я специально играю, а она-то прекрасно знает, что я ем, потому что сама мне через Таню еду передает и видит, как все исчезает. И Таня утверждает, что все съедаю я.

Мне не хотелось спорить и говорить. Пусть считает так.

Но очень скоро я уже не могла вставать, не держась за что-нибудь. И вся пошла красной сыпью.

Тут мама испугалась. Сначала она ПРОСИЛА У МЕНЯ ПРОЩЕНИЯ, а потом стала уговаривать меня. Я простила ее, но заставить себя есть не смогла. Видно, организм лучше меня знал, что этого делать нельзя.

А мама пригрозила вызвать «скорую» и стала расписывать, как мне развяжут пупок и через него насильно накормят. Такие ужасы мое воображение не вынесло, и я согласилась пойти в столовую. Утром меня вели под руки.

В столовой стояла гробовая тишина и все не дыша ждали как я буду накидываться на еду. А я смогла выпить только немного чаю... Все разочарованно вздохнули и застучали ложками.

Потом маму кто-то вразумил, что сначала меня надо соками отпаивать. И вот мне каждый день покупалась 3-х литровая банка сока и я его пила, лежа на пляже. Балдеж!

Ничего, отошла... Только мама долго ворчала, что все деньги на сок перевела.

***

В Воронеже меня уже ждало письмо из Одессы. Я растерялась, когда взяла его в руки. Почерк был корявым и фамилия странная на обратном адресе: «Плис». Плис Саша. Александр Плис.

Пожалуйста, Александр. Я заметалась, не зная где можно спокойно прочитать послание. Не нашла ничего лучшего, как закрыться в туалете. Начало было впечатляющим. Я помню его наизусть: «Во-первых строках своего письма сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю в молодой цветущей жизни.» А ошибок! Мама родная!.. Вот небольшая выдержка из письма без изменения орфографии: «Надя ты пишешь чтобы быть откровенным я буду всегда откровенным наперед пишу что умения кроме тебя никаво нет это от чистого сердца я пишу панимаеш сколько время прошло, а я как сейчас помню Надюша вышли пожалуйста з себя фотографию на память о нашей дружбе, я верю что мы в скором будущем должны увидиться без этого никак нильзя. На этом буду кончать писать досвиданье жду ответ Саша. Прости за такой почер пишу на стуле. Еще раз досвиданье.»

Вобщем я была в шоке. Неделью переваривала, перечитывала и решила, что ошибки оттого, что он украинец. Да и не городской. Да и школу еще не закончил. Я написала ответ. И пошли письма одно другого лучше! В основном проходили через мамины руки. Она успевала читать раньше меня, потому что хотела все обо мне знать. Сколько мы с ней ругались из-за этого - без толку!

Ну а я была совсем разочарована. Как-то постепенно переписка заглохла, и только через несколько лет вдруг опять пришло письмо из армии:

Здравствуй Надя!

Я пишу Тебе с Украины,

Где свободного времени нет,

где за 40 секунд поднимают,

и строем ведут на обед.

Что касается службы солдатской
я не буду так много писать,
потому что тебе дорогая,
нашу солдатскую жизнь не понять.
Ты сидишь и спокойно читаешь,
я сижу и уставы зубрю.
Вечером ты в клубе гуляешь,
я строю на прогулку иду.
Ты с подругами на танцы,
а я с ребятами хожу в наряд.
Ты когда спокойно отдыхаешь,
я дневальным по батарее стою.
Говоришь ты с учителем спокойно,
а я смирно стою перед ним.
И из класса ты уходишь спокойно,
а я отхожу строевым.
Когда молодые ребята
на гражданке вечером целуют девчат,
я скучаю стою на посту и скучаю,
прижимая к груди автомат.
А когда на занятия идешь ты спокойно,
я бегу на утренний кросс.
Ты по парку гуляешь спокойно,
а я стою на вечерней проверке,
ожидая команду «отбой».
Я кончаю писать дорогая.
«Построение» кричит старшина.
Досвидания моя дорогая.
Крепко, крепко целую Тебя.
17/XII - 78 г.

Я ответила и на это письмо. Поблагодарила за «белые» стихи и попросила писать своим почерком. И еще написала, что он никогда не поймет, как обижает меня. Больше он не писал.

А для меня и сейчас важно, чтобы писали грамотно.

А ведь действительно возраст Джульетты запомнился. Вот как надо отмечать!

Р. S. Осталась фотография всей нашей группы на Потемкинской лестнице. Но меня там нет.

Н. Сергеева. 1997

В.В. Сокирко

17.6. 20 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ (В. СОКИРКО)

Несколько вступительных слов

В дневниковой записи социолога-рабочего от января 1980 г. упоминается В. Сокирко²²³, чьи работы я тогда читал в самиздате (сборники К. Буржуадемова «В защиту экономических свобод» и проч.).²²⁴

---

²²³ Виктор Владимирович Сокирко - участник правозащитного движения в Советском Союзе.

С московским экономистом и правозащитником **Виктором Владимировичем Сокирко** я тогда не был лично знаком. Первый контакт с ним состоялся совсем недавно, когда я стал разыскивать участников давнего андерграундного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?». Один из экспертных листов этого опроса оказался принадлежащим ему.²²⁵

...Откликаясь на мою просьбу, В.С., в сентябре 2000 г., прислал некоторые из своих сочинений, в том числе - читанные мною 20 лет назад. Ниже - одна из его статей того времени.

(А. А. 2000)

(1)

= Из Свободного московского журнала «Поиски» (1979)

О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами

- Знаешь, в войну шли в бой за Родину,
за Сталина! Давай же выпьем за Родину, за
Сталина!

- Не обижайся, но не могу я пить за
Сталина, много страшного он сделал. Давай
выпьем за Родину!

- ...Ну ладно, тогда выпьем за Родину и
советскую власть!

- ...Давай!

(Из разговора грузинского крестьянина и
московского туриста, летом 1979 г.)

В августе-сентябре 1979 года я был месяц туристом на Кавказа и часто сталкивался с именем Сталина. Приближающийся 100-летний юбилей бывшего Вождя заставляет с особым вниманием вдумываться в причины популярности этого, казалось бы, давно уже разоблаченного исторического злодея.

Упрямая любовь и уважение к Сталину в Грузии может быть объяснена национальными пристрастиями, ореолом национального героя. Однако уважение и восхищенную память со стороны простых жителей Азербайджана, Дагестана и даже пострадавшей от насильственной депортации Чечено-Ингушетии - понять трудно. Даже трудно понять уважительную память о Сталине многих простых людей в иных частях страны, что проявляется и в разговорах, и в портретах Генералиссимуса в автомашинах и рыночных ларьках, в распродаже сталинских фотографий в подъездах и подворотнях.

Окончил МВТУ им. Баумана, работал во ВНИИ нефтяного машиностроения. В 1973 г. осуждён за отказ от дачи показаний по делу Якира-Красина. В конце 1970-х гг. вошёл в состав редколлегии самиздатского журнала «Поиски», издавал также в самиздате сборники «В защиту экономических свобод» (под псевдонимом К. Буржуадемов). В 1980 г. осуждён за участие в этих самиздатских проектах на три года лишения свободы условно. Председатель Общества защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод (1989—2001); соавтор (вместе с супругой Л.Н. Ткаченко) диссидентских слайд-фильмов (1966—1990). Опубликовал книгу «Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы» (2000). (Из «Википедии»).

²²⁴ ««Ответственность, трудолюбие, бесстрашие...». 13.01.80. Из «Диссидентской этики» В. С.: 1) ответственность перед наукой... 2) трудолюбие... 3) бесстрашие... (три заповеди!). «Экономика 1990: что нас ждет и есть ли выход?»; «О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами (к 100-летию со дня рожд. И. В. Сталина)». [Названия самиздатских работ. — А. А.]

Оставляет сильное впечатление. Как и все остальное у В. С. — парадоксально; как и многое другое у него — верно. <...>». См. ДСиСА – 1 (Глава 1).

²²⁵ См. там же.

Распродажа усатых портретов оказалась прибыльнее иных фотоподелок и было бы легкомысленно отмахиваться от столь авторитетного рыночного свидетельства.

Напрасно думают, что народная приязнь к Сталину – лишь отголосок прежних сталинских мифов, лишь их «реакционный пережиток». На деле она есть своего рода оппозиционность, даже протест против сегодняшних руководителей и именно поэтому едва терпится властями, хотя в прошлом они-то и были тесно связаны со Сталиным, раболепно служили Сталину, в отличие от нынешних бесхитростных «народных» сталинистов.

Сталинизм как народная оппозиционность и протест... Есть для этого глубокие корни. Думаю, что они гораздо сильнее и устойчивей, чем даже правозащитное движение, идеями которого волнуется в основном только интеллигенция. Правда, «народный сталинизм» не имеет пока своих общеизвестных выразителей-идеологов, но, во-первых, такие попытки уже были, а во-вторых, легко представить, что такие идеологи обязательно появятся в скором будущем.

Как правило, либерально настроенные интеллигенты, сталкиваясь с проявлениями этого феномена, презрительно морщат нос от «народного невежества», забывшего, мол, лагерные смерти, и ужасаются «народной дикости», ведущей к реставрации кровавого культа. При этом у них возникает только одно желание: поскорее «промыть мозги», просветить и воспитать этих невежественных людей, а с другой стороны - попридержать их в государственной узде, как опаснейшие антидемократические элементы, как будущих фанатиков, а быть может и палачей.

Однако эта либеральная реакция интуитивного страха - губительна. Она неверна, потому что народный сталинизм пока совсем не враждебен демократии и даже либералам-диссидентам. При столкновении с их неприязнью в народе обычно удивляются и недоумевают: «А что Вы имеет против Сталина?» Простой человек совсем не желает возобновления террора и репрессий, существование которых объясняет влиянием злых помощников Сталина, вроде Берии.

Такая позиция либерального интеллигента нетерпима, потому что к искреннему проявлению народного самосознания он относится с предубеждением и ненавистью - сразу, с порога, не разбираясь в его сути.

Она и губительна, потому что без поисков взаимопонимания с людьми самых различных идеологий, тем более, с людьми честными и работающими, переживающими за беспорядки в стране, диссиденты-либералы не смогут выработать общеприемлемую, **НАРОДНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ** на необходимые жизненные реформы и действия, не спасут страну от надвигающегося хаоса и гибели.

На мой взгляд, есть следующие основные причины устойчивого существования, а возможно, и роста сталинистских настроений в стране:

1) Недовольство нарастающими экономическими беспорядками и нравственным упадком, неэффективностью и обесценением труда, падением производственной дисциплины и энтузиазма в работе, иждивенчеством и бездельем молодежи. Отсюда миф: «**ПРИ СТАЛИНЕ БЫЛ ПОРЯДОК И ВСЕ РАБОТАЛИ!**».

2) Недовольство растущим дефицитом товаров и постепенным ростом цен - ползучей инфляцией, бьющей прежде всего по низкооплачиваемым группам населения. Отсюда миф: «**ПРИ СТАЛИНЕ В МАГАЗИНАХ ВСЕ БЫЛО, А ЦЕНЫ НА ТОВАРЫ ТОЛЬКО СНИЖАЛИСЬ!**» (один из самых распространенных).

3) Раздражение растущей зависимостью от черного, нелегального рынка и засильем спекулянтов и расхитителей государственного имущества, т. е. обострение антагонизма между относительно нищающими низами и богатеющими чернорыночниками. Отсюда миф: «**ПРИ СТАЛИНЕ ВОРАМ И СПЕКУЛЯНТАМ СПУСКУ НЕ БЫЛО, А ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ ЖИЛИ В ДОСТАТКЕ И ПОЧЕТЕ**».

Конечно, есть и иные причины роста сталинского мифа. Важно и психологическое чувство вины перед отцами, которые умерли «За Родину, за Сталина!» (конечно, реальные

отцы умирали, наверное, иначе, но думается сегодня именно так). Возможно, жива и память о потерянных некоторыми людьми привилегиях. И не только чекистами!

Так, шахтеры часто вспоминают, что при Сталине уважения к ним и достатка было больше... Конечно, национальные чувства (грузин) и т. д. - И все же это не главное. Основным является глубокое недовольство сегодняшним обществом.

В той или иной степени такое недовольство ощущают многие - сегодня, наверное, подавляющее большинство нашего населения. Но они не имеют при этом конструктивных предложений и ясных альтернатив существующему положению, не видят выхода. Это недовольное большинство впадает в пьянство, апатию, плывет по течению.

Народные сталинисты все же лучше большинства, ибо они, как им кажется, имеют альтернативу и видят конкретный выход: в возвращении к твердому порядку Сталина. Иных конструктивных предложений у них просто нет. Православная монархия кажется прочно забытой и непривлекательной сказкой; либерализм и рыночная экономика не только опорочены пропагандой и давнимиреволюционными традициями, но и опытом столкновения с нынешним черным рынком, с его «буржуями-ворами». Сталинское же время кажется теперь невозвратной молодостью - нелегкой, трудовой, дисциплинированной, честной и добродетельной: прекрасным прошлым, омраченным «отдельными ошибками и бериевскими злоупотреблениями». Фактически перед нами - очередной вариант крестьянского мифа о добром царе (теперь - Вожде).

Таким образом, народный сталинизм представляет собой вполне естественную традиционную и неизбежную реакцию наших людей на болезненное состояние общества. И поэтому со сталинистами следует заводить диалог нам, диссидентам, также желающим стране выздоровления, хотя и на совсем иных путях.

Но ведь об этом и будет: СПОР-ДИАЛОГ. Главное, есть для такого диалога прочная база, основа. И у народных сталинистов, и у диссидентов - ОДНА И ТА ЖЕ ЦЕЛЬ - спасение Родины, и потому есть надежда, что на путях исторического компромисса они смогут договориться и о средствах достижения этой главной цели.

Действительно:

1. Сталинисты видят выход в укреплении строгой, но справедливой и законной власти, которая искореняет воров и грабителей, одновременно не трогает честных и трудовых людей, не допускает «бериевщины». Диссиденты видят выход во власти, твердо идущей по пути охраны правопорядка, законности, защиты прав и свобод, законопослушности граждан. Между этими двумя позициями нет неразрешимых противоречий.

2. В области экономики сталинисты считают самым важным укрепление трудовой дисциплины, порядка, авторитета, свободы рук хозяйственным руководителям. Многие из них вспоминают, что при Сталине «дело» ставилось превыше всего, так что хозяйственники в своей области были самостоятельней и ответственней, чем сейчас, что руководство Сталина было достаточно прагматичным и стремилось к понятной пользе, не обращая внимания на теоретические догмы.

Так, в области авиастроения Сталин установил систему конкурирующих Главных конструкторов - «для пользы дела», не обращая внимания на догмат о плановом хозяйстве, не терпящем, мол, параллелизма. Для пользы дела твердый хозяин может повернуть руль экономики и в сторону НЭПа, как это сделал Ленин, отказавшийся от военного коммунизма. И здесь народный сталинизм вполне одобрит такую твердость и прагматизм.

Либеральные диссиденты, как известно, видят выход в твердом и последовательном проведении экономической реформы, освобождающей трудящихся от бюрократического планового аппарата, т. е. во введении рыночного регулирования и дисциплинирования.

И здесь между сталинистами и либералами нет непримиримых противоречий. Скорее наблюдается деловая взаимодополнительность: первые настаивают на твердой

власти, вторые - на эффективной экономической и культурной свободе. Но устойчивым на деле может быть только соединение твердой власти и свобод населения. Без первой права и свободы не будут обеспечены и утонут в анархии, а без свобод твердая власть переродится в культ личности и погибнет. И только соединение твердой власти и воли к обеспечению свобод населения способно реформировать страну. Опыт двух стран, успешно эволюционировавших от деспотизма к демократии - Японии и Испании, - говорит об этом недвусмысленно.

3. И сталинисты, и диссиденты выше всего ставят нравственные принципы, народную мораль. Эти принципы, конечно, могут различаться, но основа - едина. И поэтому они обязаны найти общий язык и придти к взаимопониманию.

Я уверен, что и все остальные, внешне непримиримые противоречия при благожелательном друг к другу отношении могут быть развеяны. Только не надо свирепеть от одного имени бывшего вождя или бывших буржуев. Надо всегда помнить, что при всей несомненной связанности новых идеологических течений с их прежними знаменами, настоящее связывает их гораздо крепче.

Нынешние сталинисты - это отнюдь не реальный Сталин, как либералы - совсем не прежние буржуи, а православные почвенники очень далеки от царских жандармов. А вот цель спасения и укрепления страны у всех одна и та же. А это главное, и осуществить ее можно только компромиссом этих внешне противоположных течений. Пусть пример режет ухо, но смогли ведь испанцы соединить фалангистский компаратизм, католический монархизм и демократический социализм, добившись тем мирного перехода к демократии и свободе?!

Более того: СТАЛИНИСТЫ И ЛИБЕРАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИ НЕОБХОДИМЫ ДРУГ ДРУГУ. Если первые добьются власти без либеральных реформ, то они не смогут обновить страну, а лишь ввергнут ее в еще более страшный кризис. А либералы никогда не смогут провести реформы свои без твердой власти. Повести страну по пути постепенных демократических преобразований может только ТВЕРДАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ наверху - при глубоком взаимопонимании и союзе сталинистов и диссидентов, интеллигентов-либералов внизу. Поиски взаимопонимания и начало широкого исторического диалога между ними должны подготовить почву для заключения этого исторического компромисса внизу. Гигантская и благородная задача.

Вместе с тем только такой диалог может спасти и САМУ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ и даже нынешнее руководство, раздираемое сейчас сталинистскими вожделениями и либеральной «порчей».

Так что лозунги сталинистов: «ЗА ТВЕРДОГО ХОЗЯИНА!» и либеральных диссидентов: «ЗА СВОБОДЫ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА!» должны соединиться и стать основой союза: «За настоящую, прочную и развивающуюся Советскую власть!».

(Сокирко В. О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами // Поиски, 1979, № 8)

(2)

Вспоминая старые прогнозы

[Виктор Сокирко прислал мне небольшой пакет с припиской в конце письма:

«...Прикладываю часть выбрасываемых старых бумаг. Может быть, они Вас как-то заинтересуют...».

Еще как заинтересовали!

Вот, некоторые отрывки из «старых бумаг», объединенных названием:

«Вспоминая старые прогнозы К. Буржуадемова (В.В. Сокирко), составителя сборников «В защиту экономических свобод»». - А. А. 2000]

= Из статьи Г. Померанца «Мой собеседник Виктор Сокирко» (март 1980)

<...> Прежде чем добиваться политических и иных прав, - писал Сокирко, - необходимо добиться более основополагающих прав - экономических, т. е. прав на независимое от государства, свободно-рыночное существование. Не иначе! Ибо предоставлять политические свободы завистливым и ленивым рабам и нахлебникам столь же неразумно, как предоставлять такую свободу детям: набезобразничают, напортят, а потом пойдут по миру просить еды и кредитов. <...>

= Из письма В. Сокирко в газету «Правда» (февраль 1982)

<...> Ненормальность, даже порочность современных хозяйственных и трудовых отношений, необходимость коренных экономических преобразований ощущается и прямо осознается множеством людей, отражается в печати и даже в официальных партийных постановлениях... Но успеха экономические преобразования в нашей стране могут достигнуть, только если ее руководство поймет необходимость на самом деле отказаться от своей административной власти в экономике, поймет необходимость постепенного ввода свободных цен и рыночного регулирования и преодолее свои антирыночные, антибуржуазные предрассудки. А с другой стороны низы должны привыкать к возможности увольнения за неэффективную работу, к жизни по средствам, к ответственности. Если же у общества не хватит сил и желания к такой трудной, двусторонней (со стороны властей и низов) перестройке, то наше экономическое и социальное положение будет ухудшаться, заводить все глубже в тупик потребительства и диктата.

Социально-экономический кризис будет углубляться вплоть до перелома, аналогичного польской «августовской революции», но в гораздо более суровой форме. <...>

= Из прошения к Генеральному прокурору СССР А.М. Рекункову (октябрь 1985)

<...> Уроки описанного очеркистом А. Бориным и множеством ему подобных дел неопровержимо доказывают: система хозяйствования, где производитель ответственен не перед конечным результатом, не перед потребителем, а перед собственным начальством и придуманной им цифрой, - не только неэффективна, порочна, но и безнравственна, толкает людей на преступления и, значит, сама преступна, должна быть заменена системой естественных хозяйственных отношений свободных договоров между производителями и потребителями... Ваш долг поставить перед Верховным Судом, Советом, Правительством, Партией, Народом вопрос о необходимости коренной перестройки нашего хозяйственного механизма ради исправления тех сторон нашей хозяйственной системы, которые порождают хозяйственные преступления. <...>

ПРИМЕЧАНИЕ 1992 г.: Из Ген. прокуратуры это обращение было передано в Госплан СССР, откуда ответили весьма любезным письмом [1985 г.! - А. А.]. Вполне возможно, что это обращение сыграло свою небольшую роль при принятии решения о перестройке в сфере экономики. В.С.

= Из письма в «Литературную газету» - «Чтобы закон работал» (март 1987) (обсуждение проекта Закона о государственном предприятии)

<...> Взамен предложенного Закона следует принять Постановление ЦК КПСС и СМ СССР о новых принципах работы госпредприятий и одновременно внести соответствующие изменения в Уголовный кодекс РСФСР и др. союзных республик в

части хозяйственных преступлений... Отменить такие статьи, как ст. 152 о выпуске недоброкачественной продукции, ст. 152-1 - о приписках, ст. 153 - о частнопредпринимательской деятельности..., ст. 157 - о выпуске недоброкачественных товаров в продажу, - как потерявшие свою актуальность в условиях нового хозяйственного механизма. Следует внести новые статьи, оберегающие самостоятельность предприятий и их экономическое соревнование от внеэкономического вмешательства... Думаю, лишь введение подобных статей в УК взамен устаревших (не настаиваю на точности вышеприведенных формулировок и сроков) приведет к реальной экономической перестройке нашего хозяйства.

Одновременно (а лучше немедленно) надо объявить широкую амнистию лиц, осужденных по статьям о хозяйственных преступлениях, поскольку виновными в хозяйственных преступлениях были не столько сами осужденные, сколько (а иногда и в большей степени) прежний хозяйственный механизм и те, кто его сегодня защищает. Среди осужденных в прежние годы за хозяйственные преступления - немало инициативных хозяйственников, пытавшихся действовать вопреки неправильной системе (самый известный пример - аграрий И. Худенко, умерший в тюрьме). Наша нравственная обязанность - вернуть этих людей к активности в новых условиях. И напротив - те люди, кто годами зажимал и мешал хозяйственной самостоятельности предприятий, кто наносил им и потребителям ущерб, должны быть осуждены, сегодня морально, а после введения новых статей закона и при повторении таких действий - в судебном порядке. Только тогда перестройка нашей экономической жизни и интересы страны будут обеспечены. <...>

ПРИМЕЧАНИЕ 1992 г.: К сожалению, данная рекомендация (реформировать экономику, прежде всего, расчищая от антирыночных запретов УК) не выполнена до сих пор, что сковывает независимый бизнес и обрекает все усилия реформаторов на крах. В.С.

= Из статьи «За гражданский мир и взаимопонимание» (февраль 1988)

<...> Убежден: радикальная экономическая реформа не пойдет, пока не пройдет широкая амнистия и реабилитация хозяйственников, пока коренным образом не пересмотрят уголовный кодекс в части хозяйственных статей, пока не будет установлен честный гражданский мир и вольный рынок, а определение «буржуазный» хотя бы перестанет быть ругательным. <...>

ПРИМЕЧАНИЕ 1992 г.: К сожалению, введение в действие закона о кооперации и начало ее бурного развития не сопровождалось изменением уголовного и процессуального права, что в конце концов привело к восстановлению репрессий (1990). В. С.

= Из предисловия («предварения») М. Гефтера к собранию работ В. Сокирко (1988) ²²⁶

<...> Полемические заметки В.В. Сокирко кажутся мне не просто заслуживающими внимания — в ряду других заметок, писем и откликов, которые вызывает перестройка. В них ощущается определенная позиция, за ним стоят годы продумываний, позволю себе сказать — выстраданных в самом буквальном смысле. «Самиздатский автор 70-х годов» был одним из пионеров борьбы за экономическое раскрепощение и в качестве такового отведан и Бутырки. Это, разумеется, не означает, что

---

²²⁶ Речь идет о рукописи — собрании работ В. Сокирко 1970-80-х гг., включающем как ряд самиздатских статей периода «застоя» (в том числе: «Экономика 1990 г.: что нас ждет и есть ли выход?»; «О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами»), так и некоторые относящиеся к начальному периоду «перестройки», в частности: «Рынок и коммунизм» (1987), «Об условиях выживания и развития» (1987), «За гражданский мир и взаимопонимание (открытое письмо “борцам перестройки” от самиздатского автора 70-х годов)» (1988).

с ним надо соглашаться на этом единственном основании. Но вслушаться в его голос — и нравственно, и практически полезно.

Тогда, в 70-е годы, В.В. Сокирко избрал себе псевдоним «К. Буржуадемов» (коммунист — буржуазный демократ). Сочетание странное, не правда ли? Кому-то может показаться и отдающим безуминкой. Людей, которые в нынешних спорах на темы собственно экономического свойства всерьез исходят из коммунистических убеждений, вероятно, совсем немного, мне такие в печати не встречались. Это само по себе должно было бы навести на размышления. Споря, В.В. Сокирко подвигает нас именно к размышлениям. Мало ли этого?

Являясь сам сторонником многоукладности, как экономической доминанты, несущей в себе крайне существенное социальное и политическое (в том числе прямо относящееся к межнациональным отношениям) содержание, я, естественно, с симпатией отношусь к соображениям автора, идущим в этом русле. Также близка мне и позиция автора в оспаривании «антиаскетизма», который с таким энтузиазмом проповедует Г. Лисичкин. Не удивительно ли, что за новое слово принимают у нас вчерашний или даже позавчерашний день теоретиков «общества потребления» на Западе, который от этого сам уходит, и не только в обличье хиппи?

В сущности, речь идет о цели. О попытке сформулировать цель, смысл жизни, и не где-то сбоку конкретной злобы дня, вводимых и намеченных к введению экономических реалий, а — внутри них.

По-моему, это крайне интересно и поучительно.

М. Гефтер, 10.04.1988

= Из статьи «Злокачественный миф о теневой экономике в СССР» (январь 1990)

<...> Такое у нас уже не раз бывало за полвека попыток реформирования командной экономики при одновременном увеличении насилия против запрещенной экономики. В последний раз такое мы испытали уже на втором году перестройки, когда после слов о реформе был вдруг принят Закон о борьбе с нетрудовыми доходами и град репрессий обрушился как раз на слабый рынок и приусадебные участки. Однако никогда еще кризис нашего хозяйства не был так глубок, никогда еще не была столь велика потребность в настоящей реформе и никогда еще мы не оказывались так далеко отброшенными назад, - как после 2-го Съезда народных депутатов СССР, на котором при почти полном единодушии демократически избранных депутатов, полном одобрении печати и общества было принято постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью».

Министр МВД СССР сообщил: сегодня возбуждено только 6 дел за бандитизм, зато 1600 дел о «преступных группах» в теневой экономике, в 1,6 раза больше, чем в прошлом году... Вот чем занимаются наши славные следователи и милиция. Понятно, что предпринимателей арестовывать и преследовать проще и безопаснее, чем настоящих бандитов. И судя по всему, в последующие годы такое безобразное соотношение еще более ухудшится. Тюрьмы будут заполнены «теневиками» и «кооператорами», а улицы — вооруженными бандитами и рэкетирами. Хотим ли мы этого? Народные депутаты на 97 % высказались за такое постановление, и это ужасно. Если оно будет реально выполняться, то все эти депутаты будут виновны в развязывании террора против народа под флагом усиления борьбы с организованной преступностью. Неужели и этот опыт нас ничему не научит? <...>

ПРИМЕЧАНИЕ 1992 г.: Реакция 1989-1991 гг. (борьба с экономическим саботажем) подтвердила и этот прогноз. В. С.

= Из «Обращения к народным депутатам» (сентябрь 1990)

<...> Нельзя открыть дорогу к свободному предпринимательству, если ограничиться устранением из УК только одной ст. 153 о запрете частнопредпринимательской деятельности. В этом случае реально будут освобождены лишь единицы, а правоохранные органы с еще большим ожесточением продолжат практику осуждения предпринимателей и торговцев, как расхитителей, взяточников или спекулянтов. Призыв к развертыванию рыночных отношений окажется очередным блефом. <...>

ПРИМЕЧАНИЕ 1992 г.: К великому сожалению, рыночный блеф продолжается и после августа 1992 г., СССР распался, на очереди - угроза распада России, в стране полыхают локальные войны, а власть победивших демократов так и не решается на отмену репрессий против рыночников, хотя бы на амнистию хозяйственников, и все клянется борьбой с коррупцией и теневой экономикой, вытаптывая ростки независимого бизнеса уголовными и административными репрессиями, грабительскими налогами, фальшивыми деньгами. До рассвета и теперь кажется далеко. В. С.

= Из статьи «К свободе подлинной - без страха» (1992)

Поворот к свободе и охране независимого бизнеса будет означать процесс реального выздоровления экономики России. Но только поворот настоящий, не в общих декларациях, на языке конкретных правовых решений, и, в частности, реальной отмены уголовных репрессий. Для начала следует отменить личную зависимость (рабство) бизнесменов (хозяйственников) от государства и его репрессивных органов. Противоестественно включать предпринимателей в число «должностных лиц» (см. примечание к ст. 170 УК РСФСР) и подводить их под наказания за «должностные преступления» (гл. 7 УК - «взятки» и пр.). За это должны отвечать только государственные властные лица, которым категорически запрещено заниматься коммерцией.

А что мы имеем на практике? Любого хозяйственника можно упрятать за решетку, истолковав его, неучтенную госорганами коммерцию как взятки и иные должностные преступления. Это означает, что каждый хозяйственник обязан откупаться от репрессивных органов блатом или прямыми взятками, будучи на деле без вины виноватым. Вывести бизнесменов из-под топора главы 7 УК возможно лишь ликвидировав правовую базу коррупции наших правоприменительных органов.

Чтобы реально устранить экономическую зависимость предпринимателей от всевластия тотальной государственной собственности на природные и производственные ресурсы, мало осуществить только внешнюю приватизацию, гораздо важнее провести реформы уголовного, репрессивного законодательства. Необходима отмена особо тяжелых кар за посягательство на государственную собственность. Понятие хищения госимущества как посягательство на него, приносящее государству реально осязаемый ущерб, должно быть строго, определенно, жестко ограничено.

Сегодня репрессивные органы преследуют любую предпринимательскую деятельность, которая ведется с использованием вышедших из оборота, сэкономленных или даже не учтенных ресурсов. Изменение УК и судебной практики в части наказаний за посягательства на госсобственность должны сопровождаться реальным освобождением от наказания и реабилитацией всех предпринимателей, репрессированных за это время.

Независимый бизнес не может существовать без рыночной торговли по свободным ценам и без свободы промыслов. Однако до сих пор эти экономические свободы подавляются наказаниями гл. 6 УК «Хозяйственные преступления» (под видом спекуляции и др.). Без устранения этих репрессий бизнес выжить не может.

А возьмите нашу валюту: рубль потерял всякое к себе уважение. Надо признать реальность: в стране бизнес может устойчиво работать лишь на иностранной валюте. Если мы хотим реально развивать деловую активность, то должны быть устранены все

препятствия для ввоза, вывоза, обмена валюты. У нашего государства должно быть отнято в принципе и навсегда право покрывать свои расходы за счет выпуска лишних денег, т. е. фактической их порчи. У государства всегда есть способ покрыть свои расходы за счет продажи национального достояния. Это, конечно, отвратительно, но хотя бы честно и не убивает бизнес, ориентирующийся на развитие производства. Отмена ст. 88 УК как раз и означала бы конец репрессий против долларовой экономики.

Сейчас у нас усиленно создаются таможенные барьеры. Значит, ухудшаются условия для иностранных товаров и капиталов, способных создать новые рабочие места, развить климат здоровой конкуренции. Наши жесткие налоги - также плохая приманка для привлечения как отечественных, так и иностранных капиталов.

Все законодательные реформы окажутся обманом без действительно независимого суда, а таковым в нашей стране может стать только суд присяжных. Вводить его надо немедленно, дополняя институтом пожизненных мировых судей, подконтрольных международной экспертизе. Без честного суда невозможна честная конкуренция, невозможен развитый рынок и вообще полнокровная предпринимательская деятельность.

К сведению заинтересованных лиц и организаций: 28 ноября состоялась встреча жертв экономических репрессий, которым Общество *[Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод. - А. А.]* помогло освободиться из неволи. Были обсуждены программа Партии экономической свободы, организация независимых общественных судов присяжных и финансовая поддержка их широкой публичности.

Шла речь и о еженедельнике «Бизнес для всех», его участии в защите экономических свобод.

Виктор Сокирко. председатель ОЗОХиЭС

(Цит. по: Бизнес для всех, 1992, № 49, ноябрь) -^

[См. также книгу: Сокирко В.В. Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы. М.: РосКонсульт, 2000.

Рецензию А. Рождественского на эту книгу см. в: Книжное обозрение. Ex libris НГ, 18.01.2001. - А. А.]

(3)

= Из переписки А. Алексеева и В. Сокирко (2007)

«Многосторонность и целостность Вашего таланта и семейного тандема...»²²⁷

А. Алексеев – В. Сокирко и Л. Ткаченко

Дорогие Виктор и Лидия!

(В дальнейшем, обращаясь персонально к Виктору, подразумеваю вас обоих).

Письмо будет большим и, пожалуй, ответственным.

---

²²⁷ Эти тексты в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входили.

О В. В. Сокирко и его супруге Л. Н. Ткаченко см. ПС-2 (Глава 6), откуда сейчас цитирую. Нижеследующая переписка предваряет также публикацию «Рассказа о муже» Л. Ткаченко на сайте Центра демократической культуры Университета Невады:

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/culture/tkachenko_husband.html.

См. также ЖЖ Виктора Сокирко: <http://viktor-sokirko.livejournal.com/>. В частности, там - записи декабря 2007 – января 2008 гг.: <http://viktor-sokirko.livejournal.com/3357.html>; <http://viktor-sokirko.livejournal.com/3835.html>; <http://viktor-sokirko.livejournal.com/3977.html>.

Второй день хожу под сильнейшим впечатлением от вашего сайта (персональной страницы), под неприятным там названием “Виктор Владимирович Сокирко и Лидия Николаевна Ткаченко”.²²⁸ Найти его мне не составило труда, через Яндекс. (Фамилия Сокирко, по счастью, мало распространенная). Меня пока хватило на прочтение нескольких обзорных и пояснительных текстов²²⁹ и др. Бегло - отдельные файлы, чтобы понять содержание и структуру. Просмотрел и прослушал целиком «Весну света» - убедился, что Ваши диафильмы доступны моей машине.

Очень внимательно прочитал Лилю «О Вите».²³⁰

Освоить **все** - труд, пожалуй, не меньший, чем чтение всех 4-х томов моей “Драматической социологии...” (кстати, построенной, в общем, по тому же принципу). Но, в отличие от указанных томов, ваше с Лидией произведение не подавляет габаритами, поскольку они виртуальны.

(Сделано, кстати, очень компактно, технологически изящно, с заботой о не слишком квалифицированных пользователях. Это, скорее всего, заслуга кого-то из младшего поколения Сокирко; но методология-то ваша!)

Я, конечно, с давних пор относился к Вам, Виктор, с чрезвычайным уважением, но тут “зауважал” (не то слово!...) непомерно.

...Напомню: в “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” Виктор Сокирко фигурирует: как автор читанных мною в конце 70-х гг. самиздатских сборников “В защиту экономических свобод” и один из редакторов знаменитых “Поисков”; как один из экспертов-прогнозистов в нашем с М.Я. Гефтером и Виктором Шейнисом (упоминаю лишь хорошо известных Вам) опросе рубежа 70-80-х “Ожидаете ли Вы перемен?”; наконец, как инициатор уникального правозащитного опыта общественных судов присяжных (уже 90-е гг.).

См. все это в т. 1: с. 94, с. 109-116; в томе 4: с. 80-85. Ну, и еще есть эпизодические упоминания...

Однако **многого** я не знал - и не только в 80-х и 2000-х, но и до вчерашнего дня, хоть нам и случалось обмениваться телефонными звонками и письмами (особенно в 2000-2001).

Во-первых, не знал о существовании вашего замечательного СЕМЕЙНОГО ТАНДЕМА - В. и Л. Сокирко. Относил все “за счет” Виктора...

Во-вторых, ничего не знал о вашем “ПАРТИЗАНСКОМ КИНО”. Этот ваш уникальный изо- и аудио-самиздат, то самое любительство, что выше всякого профессионализма, особый, бесценный культурный вклад.

В-третьих, не предполагал такую степень нашего со-звучия в попытках *сбережения жизненных следов как свидетельств времени* (дневники, диафильмы).

В-четвертых, вдруг осознал всю *многосторонность и целостность* Вашего таланта, где соединяются черты социального мыслителя, общественного деятеля и культурного творца.

Вообще-то, любого из разделов вашего сайта-жизни (будь то “партизанское кино”, “дневники”, “идеология”, “экономика и нравы”, “антивоенное движение”, “семья и дом”, к чему можно было бы добавить “путешествия”, кабы не пронизывали они все остальное), так вот - любого из этих аспектов хватило бы на славный жизненный итог. Но тут - “человек-оркестр”... И жизнь - симфоническая.

Удержусь от дальнейшей рецензии на “феномен Сокирко” (их, этих рецензий, хватает и на самом сайте). Скажу только, что другого такого примера среди людей, с кем свела судьба, у меня нет (ну, может, несколько...), чтобы так все сочеталось.

Отчасти для себя, отчасти для нескольких друзей, чье внимание я хочу обратить на этот Ваш столь близкий мне и по интенции, и по стилю, и по жанру труд, прилагаю сделанное мною детализированное оглавление сайта В. и Л. Сокирко.

---

²²⁸ См. <http://victor.sokirko.com/>.

²²⁹ См. <http://victor.sokirko.com/Tom1/intro.html>.

²³⁰ См. http://victor.sokirko.com/family/About_Vitya.html.

...Тут стоит заметить, что мы с Вами “паслись” все время на соседних “полянах”, разве что моя не была так “заминирована”, как Ваша. Притом, что оказывались с 60-х по 90-е гг. на расстоянии одного “посреднического” рукопожатия (это были и Марк Поповский, и Михаил Гефтер, и Виктор Шейнис с Аллой Назимовой). Было, однако, у нас различие в возрасте идейных прозрений, гораздо более раннем у Вас (что и привело В. Сокирко в деятельный диссидентский круг в конце 60-х, когда Ваш нынешний корреспондент разве что “почитывал” самиздат и тамизат).

Я старше Вас на пять лет, но готов повторить свою самооценку 15-летней давности: запоздалый или “дурной” шестидесятник.²³¹ Впрочем, нравственные камертоны наши, думаю, не диссонировали.

В общем, у каждого своя жизнь... Кажется, буквальный перевод “синергии” (от которой - синергетика) - это со-трудничество человека с Богом. Тут - соединение Личности, Случая и Обстоятельств (вместе - Судьба). В том, что от Вас зависело, мне кажется, Вы распорядились своей судьбой наилучшим образом.

Кстати сказать, в истории диссидентского и правозащитного движения место (иногда говорят - “ниша”) Буржуадемова-Сокирко уникально. Ну, я думаю, Вы и сами это сознаете. Не знаю, чтобы кто-то еще из правозащитников 70-х гг. ставил экономическую свободу во главу угла, вовсе не пренебрегая другими свободами. Ну, в гефтеровском поиске взаимопонимания, духе **диалога** - хоть с соратниками, хоть с оппонентами, и даже с властью, Вы были не так оригинальны. И слава Богу, что в этом не одиноки.

Думаю, Вы уже нашли во “вместо заключения” к 4-му тому моей книжки раздел, специально посвященный М. Гефтеру (с. 517-525; см также том 1, глава 1). Нам с Вами, Виктор, повезло с этой встречей и со-трудничеством с Михаилом Яковлевичем.

И еще одна точка соприкосновения моя с Вами, точнее - не соприкосновения, а *со-звучия* и *со-гласия*. Последние лет десять я особенно активно, в качестве социолога, занимаюсь проблематикой биографического метода, семейной памяти и т. п. В том 2 известной Вам книжки включен своего рода манифест 2000 г. на эту тему, называется “Эстафета памяти” (с. 471 и далее). Но, как видно, Вы над этим задумались много раньше меня.

В подтверждение тому отошлю вас с Лилей, к главе, не уместившейся в бумажном варианте моего “многокнижия”, однако размещенной в Интернете: «Корни и ветви. XVIII-XXI вв.».²³²

Там Вы найдете и мою собственную семейную хронику, которая называется... “Коротка моя память... (о моих родителях - для моей дочери)”.²³³ Мотивация этого текста - та же, что и Вашей «Памяти о маме».²³⁴ Только Ваш текст - 1975 года, а мой - 1997-го, да если еще разницу в возрасте учесть, то опередили Вы меня... на 27 лет! Вам было 36, когда Вы сообразили передать “эстафету памяти” детям, а мне, увы, 63. А ведь мать моя скончалась, когда мне еще и 30 не было.

(Вот еще и Лидин текст нашел – «Моя родословная» (1981)²³⁵. И ведь начинается почти как у меня:

«Мне сейчас 42, моей маме 68. Для вас, дети, мы единственные, еще живущие прямые хранители памяти о наших предках по моей линии, и некому, кроме меня, передать эту память вам. И потому будьте снисходительны к моей для вас работе и благодарны за собранные факты».

И тоже - за 15 лет до меня это написано...)

---

²³¹ См. Алексеев А., Чагунава Т.. Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник // Пчела, 1997, № 11 (электронная версия - <http://www.pchela.ru/podshiv/11/rightcom.htm>). Эта же работа – на сайте «Псевдология»: http://www.pseudology.org/Gallup/Alexeev_AN.htm. См. также: ДСиСА - 4 (с. 85-91).

²³² См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>.

²³³ См. также ниже: глава 17.

²³⁴ См.: <http://victor.sokirko.com/family/mama.html>

²³⁵ См.: <http://victor.sokirko.com/Tom11/parents.html>.

«Коротка моя память...» помещена на американско-российском сайте, который сам по себе замечателен. Он называется «Международная биографическая инициатива»²³⁶, организован двумя социологами - русскими, давно живущими в США, но поддерживающими тесную связь с российскими коллегами (Дмитрий Шалин и Борис Докторов), и являет собой образец истории российской социологии “в лицах” <...> Полистайте, при случае.

<...> Еще и еще раз - поздравляю себя со своим “открытием” вашего opus magnum.
<...> 20.12.2007.

Виктор Сокирко – Андрею Алексееву

<...> В субботу, поздно вернувшись с дачи с рюкзаком яблок, был встречен Лилей: «Иди, скорей читай, что тебе Алексеев написал. Он и мое «О Вите» читал очень внимательно!». И вот за радостный голос жены, как за особо ценный подарок в это предновогоднее время примите мою искреннюю благодарность. <...>

Да, Вы правы, мы с Вами во многом похожи, не только в плюсах, но и в минусах, в частности, в малой способности отказываться от второстепенного ради осмысления главного. Поэтому разобраться в нашем сайте столь же трудно, как и в Вашем четырехтомнике, сконцентрировавшем все Ваше многоплановое богатство. Сейчас я с тотальным знакомством с ним не тороплюсь, а пользуюсь только Вашими указаниями.

Конечно, прежде всего меня заинтересовала Ваша декларация «Эстафета памяти».²³⁷ Постараюсь ее размножить и передать своим детям и друзьям в надежде на то, что они будут создавать свои собственные семейные хроники-сайты и тем самым практически включаться в работу осознания себя, как исторического (бессмертного по самосознанию) народа... Конечно, я надеюсь, что мы будем помогать в этом друг другу.

Еще большая благодарность за Ваш большой труд по составлению для друзей детализированного оглавления нашего сайта. Я сознаю, что работа эта необходима, я ее называю необходимым структурированием материала, но до сих пор она у меня не получается, и хотя уже не раз я приступал к ней, но пока все неудачно. И в связи с этим хотел бы получить от Вас поддержку. Понятно, что естественное оглавление любого материала – прежде всего хронологично, просто по мере его появления и осознания. Но поскольку жизнь обычно многопланова, а ее темы часто меняют друг друга, то для общего понимания часто необходимо логически их выстраивать отдельными разделами.

Я хотел бы, чтобы читатель увидел на сайте, как страна прощалась с диктаторским понятием коммунизма и имперским пониманием России – через мои мысли и споры со знакомыми и героями книг. 1980 г. – «год коммунизма» в тени Бутырки – пик этого осознания. Но даже эта, очень суженная тема чрезмерно широка для ознакомления сходу. Вот если удастся сузить ее еще кардинальней, до сотни страниц, тогда появится надежда, что кто-то сможет с ней ознакомиться взаправду. Но тогда, например, до темы, что случилось с идеалами Глеба Павловского, в моем рассказе дело так и не дойдет, просто из-за нехватки времени. А ведь и это не самый важный вопрос в сравнении с тем, как Глеб - самый талантливый и любимый ученик М.Я. Гефтера - позже оказался чуть ли не учителем Путина, т. е. стал у истоков последней трагедии не только кавказцев, но и всего российского народа. И вот оказывается, что, мы «поисковцы»²³⁸, через Глеба вырастили нынешнего Путина, воплоителя насилия и имперского духа.

Другая линия основной части нашего сайта - история религиозно-философских учений, включая нынешний естественный атеизм.

Третья сторона нашей жизни – домашняя экономика (дети и шашки).

---

²³⁶ См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

²³⁷ См. ниже: глава 20.

²³⁸ Имеются в виду участники свободного самиздатского журнала "Поиски" (1977-1981).

И наконец, последняя итоговая сторона - про разнообразие российских стран - регионов которые можно квалифицировать как по четырем природным широтам - тундра, тайга, черноземье, степь, которыми шли друг на друга войнами народы, так и, напротив, по семи меридианам: Днепр, Дон, Волга, Урал-Каспий, Обь-Арал, Алтай-Енисей-Саяны, Лена-Монголия, Амур-Китай, по которым веками распространялись товары и вероучения. Так, волны насилия и создания Империй в Евразии идут от века по широтам, а гармоничное упорядочивание и строительство Федерации (Союза) - по меридиональным дорогам-рекам. В свое время Россия с помощью жутких казаков-землепроходимцев и их западным оружием разрушила естественные культурные связи восточных народов по меридианам и погубила многие из них. Теперь приходит время восстанавливать справедливость. Возвращение России к гармонии земель и свободных людей на величайшем континенте - наша последняя и главная мечта.

Я понимаю, что говорю сейчас очень невнятно. Надеюсь, что смысл проявится яснее, когда Лиля проредактирует последний вариант биографического изложения всего материала «дневников и фильмов». На себя одного я уже не надеюсь. Разве что в конечном итоге. Если, например, найдутся заинтересованные помощники, способные наши дневники и фильмы переписать в доступном для ознакомления виде и тем самым привлечь к ним внимание некоторого круга людей. Вот тогда может оказаться, что мы будем полезными для рождения федеральной России.

В заключение, отвечаю на ваши вопросы.

1. Действительно, на нашем сайте нет старых экономических сборников «В защиту экономических свобод» («ЗЭС»; 11 номеров). Хотя желательность их оцифровки мы прекрасно понимаем. Но пока нет для этого ни сил, ни средств. <...> Вот, если сами справимся с дневниками и диафильмами, иными не напечатанными статьями 80-х годов и материалами первых лет существования Общества ЗОХиЭС²³⁹, если будем живы и иметь средства – придет время и для «ЗЭСов», если Вы или кто-то иной не убедит Лилу и меня в другом порядке. Но если Вам что-то нужно для себя, напишите. Мы отсканируем нужный материал.

2. И еще, большое спасибо за сообщение, что вам удалось посмотреть диафильм «Весна Света».²⁴⁰ Для нас это событие, потому что Вы первый, кому это удалось сделать через Интернет. Смотрела ли его Зина? И если можно, то передайте свои и ее впечатления нам и нашему старшему сыну Теме, который живет в Кельне и занимается нашим сайтом <...>. Нам же такие сообщения просто радость, как и в прежние диссидентские времена. Если посмотрите фильм про Бутырку («Наши пансионаты») и «Устюрт», это вообще было бы замечательно...

В отношении возможности использования материалов сайта Вы совершенно правы - я старый самиздатчик и потому «В добрый час!». Буду только счастлив.

Еще раз спасибо и с Новым Годом! Всем питерцам, кто меня знает, большой привет!
<...> 28.12.2007.

М.М. Соколов

17.7. СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

---

²³⁹ ОЗОХиЭС – Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод. См. подробно в: Сокирко В.В. Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы: Учебное пособие. – М.: РосКонсульт, 2000. (Электронная версия книги - на сайте Lib.Ru: <http://lib.ru/POLITOLOG/SOKIRKO/prisyazhnye.txt>).

²⁴⁰ См. http://victor.sokirko.com/Part3/Vesna_sвета/.

[Ниже - фрагмент работы аспиранта Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН Михаила Михайловича Соколова «Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход», опубликованной в сборнике: Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ)». СПб, 1999. - А. А. 2000]

= Статья М. Соколова (1999)

<...> Вклад Айермана и Джэмиссона [1; 2] состоит прежде всего в том, что они были первыми, кто связал перспективы развития социологии общественных движений с последствиями «когнитивной революции» - поворота в социальных науках к исследованиям структур и процессов мышления, стимулированного прорывами в психологии, лингвистике и компьютерологии [3; 4; 5]. Общим для всех «когнитивистов» является интерес к тому, как люди получают информацию, перерабатывают ее, хранят, используют или забывают. Исходным пунктом служит положение о том, что любая деятельность, исполняемая человеком, требует существования у него представлений - репрезентаций, ориентируясь на которые он - сознательно или нет - планирует свое поведение. В качестве метафоры для когнитивных структур, которыми люди пользуются, чтобы организовывать свои знания о мире и создавать на их основе новые, часто употребляется слово «теории» [6; 3]. Например, для того, чтобы говорить, нужно «обладать» теорией языка, для того, чтобы общаться - теорией личности, хотя и ту, и другую ученым приходится воссоздавать, поскольку они осознаются с большим трудом.

Эволюция «теорий» - как в науке, так и повседневной жизни - происходит за счет сохранения способов мышления, показавших себя эффективными в «ассимиляции» нового опыта, и «аккомодации» неэффективных структур [7; 8]. При этом совершенствование теории достаточно редко является самостоятельной целью: подавляющее большинство исследований, которые мы проводим, вплетены в контекст другой деятельности. Познание, таким образом трудно отделить от действия, что особенно очевидно в случае с социальным познанием и социальным действием. На этом положении основывается социология знания, исследующая связи между когнитивными практиками ученых и практиками, связанными с выполнением ими других ролей. (Некоторые радикальные социальные теории утверждают, что познание вообще не обладает никакой автономией, и все достижения исследователя детерминированы его положением в социальной структуре).

В соответствии с этой общей ориентацией Айерман и Джэмиссон рассматривали социальные движения, прежде всего, как производителей нового знания, успех которого зависел от способности его интеллектуалов создавать и распространять альтернативные определения социальной ситуации, не отрицая важности акций и организационных структур, на которых акцентировалось внимание в предыдущее десятилетие, они, тем не менее, утверждали, что все это играет вспомогательную роль по сравнению с изменением коллективных представлений. Движения, понимаемые, в соответствии с традиционным определением, как форма социального действия, возникают, развиваются и исчезают в зависимости от того, как эволюционируют представления о них и о целях, к которым они стремятся.

Они возникают, вернее, предпринимаются, поскольку их активисты считают, что стратегия «движения» инструментальна для достижения их целей. Рождение движения происходит за счет того, что что-то изменяется в представлениях его участников о социальном мире. Например, могут возникнуть новые идеи. Или будет решено, что добиться каких-либо из ранее существовавших целей можно, организовав коллективные действия. Альберто Мелуччи указал на первое, назвав отправной точкой биографии движения возникновение новых идентичностей, которые, в его предельно широком понимании, подразумевают и процессы целеполагания [9]. Макадам, напротив, ввел в теорию второе под названием когнитивное освобождение (cognitive liberation) - процесс,

при котором люди перестают смотреть на существующий порядок как на нечто неизблемое и неизменное [10]. Вместо этого они видят теперь в нем нечто произвольное, что создано другими такими же людьми, как они, и что они имеют полное право переделать в соответствии со своими вкусами. И в том, и в другом случае изменение представлений предшествует действию, более того, оно порождает действие. Не менее важна и обратная связь - однажды предпринятое действие приводит к изменению представлений, задействованных в его конструировании, которые могут отбрасываться или подтверждаться, но вряд ли останутся совершенно теми же. Так, успех коллективного действия приведет к тому, что его организаторы укрепятся в уверенности, что выбрали правильную стратегию. Скорее всего, к такому же выводу придут и наблюдатели, решив взять на вооружение чужой опыт [11].

Когнитивные изменения не только предшествуют возникновению движений и сопровождает их эволюцию, они являются основными средствами и целью борьбы. Движения, за исключением сравнительно небольшого числа революционных, рассчитывающих на захват власти, не могут оказать прямого влияния на принятие решений в сфере управления. Вместо этого они стремятся так воздействовать на принимающих решения, чтобы обеспечить желательные социальные изменения. Характер воздействия различен - от политических убийств и шантажа общественным мнением до обращения в свою веру. Ключом к влиянию для большинства движений является их массовость - широта, с которой распространены их взгляды и количество людей, которых движение может побудить к каким-либо действиям, от голосования за нужную кандидатуру до массовых беспорядков. Влияние также определяется представлениями, существующими в обществе о данном движении, его целях и возможностях. С этой точки зрения развитие движений неоднократно изучалось в рамках дисциплины. Так, Сноу и его коллеги использовали для анализа процессов рекрутирования теорию интерпретативных фреймов [12], а Берт Кландерманс рассматривал участие в коллективных действиях как производную от оценки целей и шансов на успех [13].

Все это подвело Айермана и Джэмиссона к тому, чтобы определить социальное движение как когнитивный феномен. В отличие от ранее предлагавшихся менталистских определений (таких, как «движение» - это система идей и представлений о желательности или нежелательности определенных социальных изменений [14], формула, выведенная ими, гласит, что социальное движение это не статичная комбинация верований, а «форма когнитивной практики», продолжающаяся во времени и пространстве [1]. Понятие «движения», с точки зрения Айермана и Джэмиссона, отличается от понятия «идеологии», хотя и то, и другое играют очень большую роль. Идеология включает теории природы, общества и личности, на основании которых переопределяется социальная реальность. Любой социальный порядок опирается на некоторую теорию, а идеологии движений предлагают альтернативы ему. Движения же представляют собой функционирование идеологий - их развитие и взаимодействие с интеллектуальной средой. Основное свойство движений - способность порождать все новые представления в новых ситуациях, генерировать новые интерпретации, влиять на мышление своих участников в широком репертуаре жизненных ситуаций. Итак, социальное движение - это практика, представляющая собой определение и переопределение социальной реальности в соответствии с теорией, альтернативной тем, которые образуют «когнитивный порядок» данного общества. Движение - это констатация того факта, что данная социальная реальность сконструирована не совсем (или совсем не) удачно. что произошла социологическая ошибка, которая, однако, теперь может быть исправлена.

Одно из главных преимуществ, которые обещает когнитивный подход - это возможность изучать деятельность социальных движений на уровне индивидуального сознания. Легко оценить перспективы, открывающиеся в связи с этим для разрешения некоторых проблем, которые мы выше обозначили как особенно сложные для теорий, ориентирующихся на традиционное определение движений. Прежде всего, это относится

к тому, что Лофланд назвал массовым поведением: с точки зрения когнитивного подхода организованное коллективное поведение и спонтанное индивидуальное дополняют друг друга, и мы можем лишь говорить о том, что одни движения делают упор на первое, а другие - на второе. Исследования мышления отдельных участников позволяют оценить как потенциал, которым движение обладает на уровне несогласованных действий своих активистов, так и репертуар действий, в которых этот потенциал реализуется.

Далее, вопросы об истоках движений и их поразительных способностях использовать самые разнообразные неполитические средства в политических целях получают если не ответ, то, как минимум, новое пространство для поисков ответа. Главное преимущество, которое дает исследование процессов, инициированных движениями на уровне индивидуального сознания, становится заметным, когда мы переходим к изучению их «латентного измерения» - культурных сдвигов, не имеющих непосредственного выражения в политических акциях, но меняющих всю жизнь тех, кто подвергся их воздействию. Собственно, только исследуя социальное мышление и стили жизни членов какого-либо общества, мы можем высказывать догадки о латентных движениях, дремлющих в нем сегодня, чтобы разразиться завтра.

Наконец, в рамках когнитивного подхода может получить новый толчок исследование эффектов, которые альтернативные теории общества оказывают на развитие его культуры и сознание его членов. Действительно, движения, предлагая новые теории социального порядка взамен прежних, тем самым вызывают изменения в процессах конструирования социальной реальности. <...>

Литература

1. Eyerman R. and Jamisson A. Social Movements: A Cognitive Approach. Pensylvania State University Pres, 1991.
2. Eyerman R. and Jamisson A. Environmental Knowledge as Organizational Weapon: The Case of Greenpeace // Social Science Information, 2, 1989.
3. Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. New York: Englewood Cliffs, 1974.
4. Albersnagel F.A. Cognition, emotin and depressive behavior: from learned helplessness theory to accessibility иf cognition theory. Groningen: University Press, 1987.
5. Hirst W. - ed. The Making of Cognitive Science: essays in Honor of George Miller. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1988.
6. Frake C.O. The Ethnographic Study of Cognitive Systems / Glaudwin T. and Sturtevant - yds. Antrpology and Human Behavior. Washingyon Antrophological Society pf Washington, 1962.
7. Нейссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1976.
8. Верч Джеймс В. Голоса разума. М.: Тривола, 1996.
9. Melucci A. Nomads of the Present Philadelphia. Temple University Press, 1989.
10. McAdam D. Gender as a Mediator of the Activist Experience: The Case of Freedom Summer // American Journal of Sociology, 97: 1211-40, 1992.
11. Gurr T.R. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1979.
12. Snow D.A., Burke E, Rochford Jr, Steven K, Worden and Robert D. Benford. Frame alignment processes, micromobilization and Movement Participation // American Sociological Review, 51: 464-81, 1986.
13. Klandermans B. Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory // American Sociological Review, 49: 583-600, 1984.
14. McCarthy J.D. and Zald M.N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology, 82: 1212-93, 1973.

(Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход / Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). СПб: Норма, 1999, с. 12-16)

[Нам представляется, что принцип «познание через действие», заявленный в настоящей книге, может быть соотнесен с когнитивным подходом к социальным движениям («действие как познание»?), который рассматривается в работе М. Соколова. - А. А.]

А.Г. Солипатров

17.8. МОЙ СТАРШИЙ ДРУГ, РАБОЧИЙ, ПУБЛИЦИСТ (А.Г. СОЛИПАТРОВ)

Несколько вступительных слов

С моим другом, слесарем-механиком **Анатолием Гавриловичем Солипатровым** читатель уже встречался на страницах «Драматической социологии...». ²⁴¹

Думаю, уместно воспроизвести здесь краткую справку об А.Г. Солипатрове из ДСиСА – I (с. 186):

«Анатолий Гаврилович Солипатров — слесарь-механик экстракласса. С 1946 по 1961 г. он работал на «Ленполиграфмаше», потом перешел на экспериментальное производство (ВНИИ токов высокой частоты). В 70–80-х гг. работал в ЦНИИ судовой электротехники и технологии. Ныне — пенсионер. Судьба свела нас с А. С. впервые в середине 60-х. <...>

Самобытный талант рабочего-интеллигента был замечен журналистами, учеными. Помню, в 60-х в «Литературной газете» была опубликована целая полоса — разговор рабочего и ученого-экономиста (А. Г. Солипатров — Л. С. Бляхман). Потом стали публиковаться дневники, эссе Анатолия Гавриловича и беседы с ним ²⁴².

<...> В 70-х об А. Солипатрове был снят и показывался по Центральному ТВ документальный телевизионный фильм «Хочу сказать».

К сказанному добавлю, что два года назад вышла книга А.Г. Солипатрова «Корни и сучья» (Прага, 2011). Почему в Праге? Потому что там сейчас живет замечательный советский и российский публицист **Александр Ильич Левиков**, который был постоянным редактором и главным издателем записок А.Г. Солипатрова еще в 1960-е годы, а теперь собрал все его письма и материалы и сложил из них книгу (подвижнический труд!).

Об этой книге я как-нибудь еще расскажу, подробнее, а пока вот только упоминаю.

Сейчас Анатолию Гавриловичу уже 85.

Ниже - текст статьи А. Солипатрова, опубликованной, под названием "Как сделать инициативу материальной силой (ленинградский рабочий-металлист выносит на суд читателей новую форму учета предложений трудящихся)", в "Литературной газете" (1981), а также – фрагменты из его книги «Корни и сучья»..

А. А. Июль 2013

(1)

---

²⁴¹ См., в частности, ДСиСА – 3 (Приложение к главе 12).

²⁴² «Я просто слесарь...» // Молодой коммунист, 1969, № 2; Поверяя жизнью // Искусство кино, 1979, № 8; Глазами рабочего // Знамя, 1979, №№ 6 и 7 (перепечатано — в сборнике: Делу верь своему. М., Профиздат, 1982); Всегда открытое лицо // Новый мир, 1980, № 3; Понять человека // Ленинградский рабочий, 22.05.81; Как сделать инициативу материальной силой // Литературная газета, 23.09.1981; Воспитатель без диплома // Знамя, 1987, № 6; и др.

Как сделать инициативу материальной силой

Мне кажется, что в инициативе трудящихся заложена колоссальная энергия. Но как сделать ее полностью управляемой? Я искренне верю, что большинство наших хозяйственных руководителей хотят, чтобы их подчиненные лучше работали. Но все дело в том, что инициатива снизу, если ее поощрить, вынуждает и самого руководителя работать энергичнее. А на это далеко не каждый администратор способен и согласен. Кто сомневается, желает в этом убедиться, пусть взглянет на себя со стороны. Ведь почти каждый из нас является руководителем, хотя бы руководителем своих детей, и все мы в один голос призываем школьников поступать благоразумно, учиться лучше. Но когда сами школьники выставляют какие-либо справедливые и полезные требования, то мы частенько говорим: «Не ваше дело!». Разве не так?

Мне думается, что сама жизнь привела нас к необходимости использовать инициативу с максимальным коэффициентом полезного действия. Однако, чтобы крутились колеса, нужна система передач, без них мотор может проворачиваться вхолостую. Так и с инициативой.

Сейчас любое предложение при желании можно отклонить, «замолчать», затереть или оставить «в подвешенном состоянии». Я хочу предложить систему управления инициативой трудящихся при строгой отчетности. Надо выпустить бланки с серией и номером, похожие на облигации (чтобы их невозможно было уничтожить), в двух или трех экземплярах, и широко распространить их в трудовых коллективах.

Как только у работника появляется вопрос или предложение, он берет «Листок-бланк» и записывает в нем все, что хотел бы обсудить на собрании (участка, бригады, цеха) или решить с администрацией. В том числе и вопросы, касающиеся техники, технологии или хозяйствования, новые идеи, возникшие у человека, или то, что, по его мнению, мешает, тормозит, сдерживает прогресс. Копия «Листка» с тем же номером должна остаться у автора предложения, как доказательство его общественной активности, приоритета и как гарантия последующей возможности (в случае отказа) пойти с этим «Листком» выше. Итак, один «Листок» у автора, второй - в ходу, а третий, допустим, у партгруппы или в каком-то общественном органе.

Когда наберется таких «Листков» достаточно, проводят собрание. Известно, «что написано пером, не вырубишь топором». Нельзя будет кому-то не дать слова, отбросить предложение, отнестись к нему несерьезно. Предложение - каждое! - зачитывают и выясняют коллективно такие вопросы:

1. Действительно ли идея дельная и своевременная? Если нет, то отклоняют. Раз отклонят, два не поддержат - глядишь и поубавится активности у болтуна.

2. Если мысль дельная, то как ее лучше провести в жизнь?

Допустим, возможно реализовать своими силами. Тогда тут же определяют: кто и как будет выполнять и кто и как будет помогать. (Скорее всего, дело возглавит сам автор - свое детище всегда ближе и понятнее).

3. Если же предложение не под силу или невыгодно выполнять самим, то - только в этом случае - передают этот «Листок-бланк» под расписку (в журнале) выше: из бригады на участок, с участка в цех, ОТК, отдел снабжения и т. д., вплоть до генеральной дирекции. И ни одна инстанция не должна держать этот листок без ответа или принятия мер, ну, скажем, больше 15 дней. Так прямо надо и записать на бланке: «Документ строгой отчетности. Ответ в течение 15 дней».

И сразу создается следующая ситуация. Никто не будет иметь морального права что-то предлагать, жаловаться или поступать на свое усмотрение, не обсудив проблему в своем коллективе. Ни один начальник не сумеет спрятать свою некомпетентность за устным распоряжением, ибо этот «Листок» с его умной или глупой резолюцией может

пойти и выше. Получив в свои руки такой «Листок», руководитель будет стараться от него «избавиться». Каким способом? Их несколько.

РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ и закрыть вопрос - это как раз то, что полезно и нужно народному хозяйству.

ОТКАЗАТЬ - но это будет не так просто, ибо автор предложения после отказа получает право передать свой «Листок» выше. А вдруг «наверху» разберутся, что к чему, и он, начальник окажется не прав? Удар по престижу. Раз не прав, два не прав, а там недалеко и до сомнения: на своем ли месте этот руководитель?

ПЕРЕЛОЖИТЬ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА на плечи своего собственного начальника, признав тем самым, что у тебя недостаточно компетенции (или, может, способностей?) для решения. А это психологически не так-то просто сделать - престиж, честь мундира и т. д. Не очень-то начнут отпасовывать вверх. Пожалуй, поостерегутся.

Допускаю, что какая-то хозяйственная ячейка или руководитель просто-напросто будут складывать эти вопросы к себе в сейф и не захотят их решать или передавать выше. Но и с этим легко справиться, достаточно, не вдаваясь в суть вопроса, проконтролировать (спросить), а сколько у вас на сегодняшний день незакрытых «Листков»? и если много... Тут строгое вмешательство на компетентном уровне будет весьма кстати. Любое скопление «Листков» - сигнал о неблагополучии в управлении. Это четкий, измеримый и сравнимый показатель. Проверку может осуществить народный контроль.

Очень важный вопрос - продвижение хозяйственных кадров, организаторов производства. Мне кажется, что «Листики» могли бы и здесь сослужить неоценимую пользу. Ибо из года в год, записывая на «бланках строгой отчетности» свои замечания, предложения, критику, человек сам рисует свой творческий и социальный портрет. Он доказывает своими мыслями и предложениями, на что способен, может ли сделать большее, имеет ли склонность к организационной работе. Эти «Листики» могли бы служить чувствительнейшими датчиками или как бы нервными окончаниями для наших социальных наук, да и для кадровых служб, вышестоящего руководства, общественных организаций, партийных органов. Лишенные ведомственных соображений, не запятнанные борьбой за честь мундира, «Листки-бланки» могут давать самую точную, самую быструю и объективную информацию из любой, самой малой, точки нашего хозяйственного организма. К их изучению может подключиться любая группа профессиональных психологов, социологов или экономистов. Рассмотрев накопившиеся «досье» (архив «Листков») на каждого активного работника, они могут достаточно точно определить кандидатуры на продвижение или для привлечения к активной общественной деятельности.

В детстве человек всеми своими устремлениями как бы хочет сказать: я хороший, в юности - я смелый, в зрелые годы - я умный. Но в какой-то период все возвращается на «круги своя». И снова хочется доказать, что ты хороший... И вот это-то желание можно использовать на благо общего дела. Запиши на «Листке-бланке» свое желание что-то реально сделать, «отрапортуй» о своей способности на большее. А то, что ты пообещал, при такой системе не выполнить нельзя, ибо ты будешь выглядеть болтуном. А если тебе «навязали», а ты сопротивлялся, можно достать «Листок» и подтвердить свои бывшие аргументы: мол, я же предупреждал.

СУТЬ ИДЕИ «ЛИСТКОВ-БЛАНКОВ» СТРОГОЙ ОТЧЕТНОСТИ – В КОНКРЕТНОСТИ И ГЛАСНОСТИ. ВСЕ ЗАФИКСИРОВАНО, ВСЕ НА ВИДУ. ТО ИЛИ ИНОЕ РЕШЕНИЕ ПО КАЖДОЙ ИНИЦИАТИВЕ СНИЗУ - НЕОТВРАТИМО.

А. Солипатров, Ленинград
(Литературная газета, 23.09.1981)

Ремарка: отклики на идею

Перепечатывая сейчас работу А.Г. Солипатрова, отметим, что эта самая идея «документированной инициативы» фактически реализовалась социологом-рабочим, «в партизанском порядке», в период работы на «Ленполиграфмаше» (1980-е гг.).

Что касается тогдашних читателей «ЛГ», то предложение ленинградского рабочего вызвало заинтересованный отклик. 10.02.1982 газета опубликовала материалы «читательского собрания», под названием «Формализм для пользы дела или наивность с большой буквы?».

Были даже попытки официального внедрения подобной системы (в частности, в производственном объединении «Знамя Октября»).

(Декабрь 1999).

= Из заметок А. Солипатрова (2003) ²⁴³

...Мне кажется, что не только проявить, но и значительно сократить потери КПД по всему нашему народному хозяйству могло бы внедрение моего давнего предложения — **«Как сделать инициативу материальной силой»**, опубликованного в «Лит. газете» 23 сент. 1981 г. и получившего в свое время мешки откликов. Тем самым, я и по сей день думаю, удалось бы пошатнуть жалкую позицию: «А что я могу — я человек маленький...». Нечто подобное давно применяют у себя японцы — так называемые «кружки качества».

(2)

= Предисловие А. Левикова к книге А. Солипатрова «Корни и сучья» (2011)

Слово о Солипатрове

У Анатолия Гавриловича Солипатрова, одного из героев фильма «Хочу сказать» (киностудия «Экран», ЦТ), режиссёр спросил: «Если вам дать миллион рублей, как бы потратили его?» – Я бы покупал у людей прочитанные ими письма, по сто штук за каждый год, стал бы делать контейнеры из нержавеющей стали, герметично запаивал в них эту почту, чтобы хранить где-нибудь в старой шахте или в дремучей тайге.

– Что за фантазия! – опешил режиссёр.

– Фантазия? – возразил ленинградский слесарь. – А хотели бы вы почитать оригиналы записок петербургского извозчика пушкинских времён? Дворника кануна первой мировой войны? Волжского бурлака «с картины Репина»? Я думаю, что «рукописные консервы» на многое открыли бы глаза историкам...

Когда фильм обсуждался в Центральном Доме Журналистов, Солипатрова расспрашивали о блокадном детстве и о том, каким образом возникла у него переписка с прозаиком и литературоведом В.Я. Канторовичем, патриархом публицистики (начинал ещё с Горьким в журнале «Наши достижения»), пригласившим Анатолия Гавриловича в гости, в свою московскую квартиру, где бывало немало знаменитостей...

В кратком предисловии к новой книге А.Г. Солипатрова нет нужды эти сюжеты пересказывать подробнее. Найдя их по оглавлению («Хочу сказать», «Всегда открытое лицо», «Блокада глазами мальчишки»), каждый оценит умение проникать в суть вещей и образность речи рабочего – публициста.

Анатолия Солипатрова в 1969 году открыла «Литературная газета», выходившая тиражом около 3 миллионов экземпляров. Я там работал в экономическом отделе, и однажды сортировщицы почты положили мне на стол очередной ворох писем. Выловив из него тетрадь, заполненную не слишком разборчивым почерком, я принялся её читать. (Сие «абсурдное» занятие не пришло бы в голову журналисту нынешних изданий, заранее

---

²⁴³ Цит. по: ДСиСА – 3, с. 191.

предупреждающих, что «в переписку с читателями не вступают»). Продираясь через почерк и грамматические ошибки, я часам к десяти вечера добрался, наконец, до последней страницы. На другой день рукопись в перепечатанном виде прочитал член редколлегии, куратор нескольких отделов внутренней жизни, в том числе и нашего, писатель А.И. Смирнов-Черкезов. А через две недели (для еженедельника – мгновенно!) очерк Солипатрова, объёмом в газетную полосу, был опубликован. Так мы работали.

Острая публикация о психологии отношений «низов» друг с другом и «низов» с «верхами» имела потрясающий успех. На имя автора пришло множество писем, в том числе от литераторов. Его начали печатать «толстые» журналы, телевидение сняло о нем фильм. И хотя издательство «Советская Россия» отвергло рукопись небольшой книжки Солипатрова, заявив, что в ней «слишком много чёрного», её тут же без всяких изъятий выпустил в своём сборнике «Профиздат».

Впрочем, в книгу «Корни и сучья» все это не вошло. Автор не счёл нужным новое сочинение сводить к перепечатке изданного прежде (воспроизведена лишь статья журнала «Новый мир» о переписке А.Г. Солипатрова с В.Я. Канторовичем, посвящённая памяти писателя).

Многое изменилось в нашей действительности. Распался СССР, обрушились прежние связи. Место недалёковидной «плановой экономики» в ельцинскую пору заняли «дикий рынок», беспредел чиновников, коррупции и криминала, не преодоленные поныне. Опустели заводы, разбрелись кто куда рабочие – профессионалы, к которым Солипатров принадлежал и о которых ревностно пёлся. Государство, общество, средства массовой информации к этой среде теперь равнодушны... Слесарь – публицист, сохранивший и в преклонном возрасте свой нравственный потенциал, осмысливает новую реальность.

Как советовал Козьма Прутков, автор «зрит в корень». Горькая участь рабочего класса, которому, по словам Солипатрова, «перекрыли кислород»; судьба детей – заброшенность, воспитание; бюрократизм и замедленная реакция власти на происходящие в стране события («на беговой дорожке лобби, криминал и пуля всегда оказываются впереди»); нравственно-психологические барьеры, разделяющие людей; неравенство и несправедливость – все это темы раздумий А.Г. Солипатрова, основанных на личном его опыте. Мальчишкой он перенёс блокаду, остался сиротой, ему не повезло с учителем, не разглядевшим в «отстающем» ученике задатки разносторонних способностей, он работал на ряде заводов и в НИИ судостроения, где, как он пишет, «сотрудничество рук и мысли переплетается в реальность». Чтобы вы лучше могли представить себе, кто такой Солипатров, я напому созданный Алексеем Баталовым в фильме «Москва слезам не верит» образ слесаря Гоши, перед которым снимали шляпы конструкторы и доктора наук. Не знаю, кто послужил прототипом Гоши, но герой кинокартины во многом похож на Солипатрова.

У человека, не получившего высшего образования, вынужденного после начальной школы зарабатывать на хлеб, дар публициста и психолога сам по себе уникален. Солипатров с детства развил в себе и другие таланты. Например, искусство фотографии. Большая коллекция его художественных снимков о Ленинграде-Петербурге принята на хранение одним из питерских городских музеев.

Многие журналисты писали «от имени простых людей», этому есть даже определение на профессиональном жаргоне: «заавторство». Солипатров пишет сам. Памятное мне первое своё сочинение для «Литературки» он прислал с необычной припиской: «Моих мыслей у вас быть не может».

В брежневские времена в «Знамени» был подготовлен к печати большой очерк Солипатрова, но руководство журнала в последний момент надумало потребовать от автора «несколько одобрительных абзацев о книгах Леонида Ильича». Когда советовались со мной, передавшим его рукопись в редакцию, я предупредил: Анатолий Гаврилович этого не потерпит. Однако ему послали вёрстку с условием: «Если хотите видеть очерк

опубликованным, то хорошо подумайте, прежде, чем нам ответить. Без этой вставки мы не сможем напечатать...» Рабочий ответил: «Да, я очень хочу видеть свою статью напечатанной, но не любой ценой. Книг Л.И. Брежнева я не читал, и читать не буду – на это у меня нет времени». К чести знаменцев, они отказались от навязанного «сверху» условия, напечатали понравившийся им очерк и присудили автору премию «за лучшую публицистику года».

Рекомендуя поучительную, по моему убеждению, книгу Анатолия Солипатрова «Корни и сучья», добавлю следующее. Даже на страницах, где автор вспоминает своё довоенное детство («Страшное рядом с беззаботным»), речь идёт не только о «голодном детстве» и не только о прошлом. Тема там шире: о самоорганизации «дворового коллектива». Поразительно, что в условиях 37-го года, когда родственники и соседи исчезали бесследно, дети большого ленинградского двора в общении друг с другом твёрдо придерживались равноправия и справедливости – независимо от статуса и судьбы родителей. Не в пример нынешним дворам – враждебным детям, полукриминальным, забитым автомашинами... Злободневны страницы о провалах педагогики в оценке личности «нетипообразных» школьников, горьких последствиях ошибок во взаимоотношениях детей и взрослых и многие другие размышления Анатолия Гавриловича Солипатрова.

Александр Левиков

(Автор десяти книг, многих публикаций в российской и зарубежной прессе, член Союза писателей Москвы)

(Цит. по: Солипатров А. Корни и сучья. Прага, 2011, с. 2-5)

= А. Алексеев – А. Левикову (сентябрь 2011)

<...> Сейчас пишу Вам под впечатлением книги «Корни и сучья», которую Анатолий Гаврилович мне подарил и возникшей благодаря Вам, за что низкий Вам поклон. Книга очень удалась, Автор и издатель – тут подлинные со-авторы, как бывало и в других изданиях солипатровских очерков и записок.

Тот самобытный стиль и тон, где каждому слову веришь и который составляет уникальную особенность «заметок наивного человека», здесь выражен очень ярко. Особенно порадовался я автобиографическим сюжетам, с которыми ранее был мало знаком. Признаться, не так даже - ЧТО автор говорит, сколько КАК он это говорит, думает и чувствует, оставляет неизгладимое впечатление и как бы зовет читателя жить в ладу с другими и с самим собой. Могучий нравственный заряд.

Мне хотелось бы, в меру сил, способствовать продвижению этой книги к читателю. Понятно, что в России ее бумажное издание распространения не получит. Даже у автора считанные экземпляры, которые он получил из Праги через Москву – на вес золота. Боюсь, что не попадет книга и в главные российские государственные библиотеки, что огорчительно.

Но, может быть, можно поспособствовать распространению электронной версии <...> (14.09.2011)

= Укрупненное оглавление книги А. Солипатрова «Корни и сучья» (2011)

Слово о Солипатрове	2
«Нельзя живописать себя в масхалате»	6
Страшное рядом с беззаботным.....	10
Блокада глазами мальчишки	26
Стоп-кадр. Семья	51
Мои университеты	56
Стоп-кадр. «Лодырь»	64

В гуще жизни	69
Стоп-кадр. Город	98
Черти из табакерки	106
Стоп-кадр. Дети	118
Хорошая мысль приходит опосля	125
Сказка – ложь...	199
Стоп-кадр. Друзья	202
Всегда открытое лицо	211
«Интервью наивного...».....	240
«Хочу сказать...»	251
Мучительно больно...	263

= Из книги А. Солиптрова «Корни и сучья» (2011)

Мучительно больно... (вместо эпилога)

Родился человек. И едва пошёл ножками, как уже сказал самую короткую и гениальную речь своей жизни: «Я сам!».

Написав это в разделе «Дети и взрослые», я имел в виду всех без исключения детей, а стало быть, и вас, мои читатели, и самого себя. Все мы родом из детства.

Человек сказал: «Я сам» и пошёл дальше. Куда дальше? Зачем дальше? И каким предстало ему «дальше»? Судьба у всех разная, но как бы она ни сложилась, оценить её можно... Повторю известную каждому фразу. Спрошу себя: прожил ли ты жизнь так, чтобы потом не было мучительно больно?

Не знаю, как у других, но в моей памяти, время от времени, всплывают мгновения жизни, вызывающее чувство стыда. Пусть каждое в отдельности и незначительно, не из тех, что на склоне лет терзают «мучительной болью», но, наслаиваясь друг на друга, все вместе...

В детстве обидел кошку – почему обычная для ребёнка шалость, так упорно держится в моей душе?... Женился, жили вместе с бабушкой – язык не поворачивается назвать её «тёщей», а если уж тёща, то лучшая в округе. Я её не обижал, «просто» не находил тогда для неё времени, скуп был на ласковое слово... Со старшим братом Юрой остались без родителей. Он на фронте, а я в блокадном Ленинграде. Потом он всю жизнь для меня был братом и отцом, отдавал мне все в первую очередь – надо было бы и мне к нему так – не сумел, не успел, а теперь терзаюсь – брата уж нет... Дядя мой, Платонов Владимир Павлович, взял меня, беспризорника, за «шкварник» и притащил к себе на завод. В городе слесарем стало больше, злоумышленником меньше. Выразил ли я дяде Володе чувство благодарности, переполняющее меня и поныне? Боюсь, недостаточно...

Отправляя в дорогу малыша, мама-природа вручает ему два компаса: разум и совесть. И разум порой даёт сбой, нашёптывает: иди и отними у другого кусок хлеба с маслом. Отнял, съел и... забыл? Забыл бы, если бы не совесть, которая до последнего вздоха рядышком...

«Хлеб с маслом»... Кроме квартиры и дачи, все мои богатства – два чемодана архива. Кажется, я один понимаю: ценность тех тетрадок в том, что ушёл и не вернётся СССР. Десятилетиями – год за годом – накапливались свидетельства о развитии и формировании мышления одного из представителей низшего слоя обитателей исчезнувшей эпохи, не получивших, как и я, даже среднего образования. Своих ошибок и взглядов не стыжусь. Может быть, в них-то и заключается «сермяжная правда», как в неожиданно найденных записках старого «петербургского дворника», окажись они в доброжелательных руках.

Я не смущаюсь, слыша о своих мыслях: «наивность». Если наивность существует, значит, она кому-то нужна? Большинство людей уверено, что понимают различие между

реальностью и наивностью. Однако наивность – не только детская болезнь. Мудрым человеком сказано: «Все знают, что этого сделать невозможно, но находится один наивный, который этого не знает, он-то и совершает великое открытие». И ещё: «Идея выглядит недостаточно бредовой, чтобы быть гениальной»...

Лично мне кажется, что наивность и глупость – это миллионы семян, разбросанных по всей планете. У глупости нет шансов, а наивность, пусть и не с первого раза, где-нибудь прорастёт, пустит корешки и даст хорошие всходы. Случается, она впадёт в анабиоз, но через годы или десятилетия становится достоянием человечества и предметом борьбы за приоритет. Бывает, засверкает малой изюминкой, одной лишь фразой, вроде той, на которую, не зная её, я интуитивно опирался всю свою жизнь, а произнёс актёр Валерий Приёмыхов: «У каждого пацана должен быть мужик, которому он может сказать ТЫ».

В сущности, любой первый шаг наивен, но без первого нет и шагов последующих. Сбылись почти все предвидения такого сверхнаивного в технике и физических науках человека, как Жюль Верн – и подводные корабли, и полёты к Луне. Гениальные открытия учёных, опередивших свою эпоху, подобно ракетам Циолковского, или первым находкам генетиков, очень долго многими воспринимались как фантастика и наивность. Труднее всего приходится социальным изобретателям, на которых реалисты навесили ярлык «утопистов». Однако, думается мне, даже и в этом случае, «ещё не вечер»... Может быть, израильские киббуцы, правильные, в отличие от советских «колхозы», где все вместе работают, вместе отдыхают и вместе управляют своими общественно-производственными делами, – одна из удавшихся попыток возрождения тех полузабытых идей?

«Я сам», первая «тронная» речь человека, очень коротка, но и последняя его речь, коли успеет и хватит сил, не намного длиннее: «Будьте счастливы». В 2006-м прозвенел мне «звоночек». Жена Лера позвала обедать, я пошёл мыть руки и увидел, что на обычном месте не оказалось... чего там не оказалось?.. чего?.. Я начисто забыл, как называется мыло! Лера напомнила, но я не мог выговорить, язык не слушался... Попытался вспомнить наших дачных соседей и не смог. Пошёл к врачу. Она выписала лекарства и посоветовала учить стихи. Сейчас я в порядке. «Все проходит, даже жизнь», – говорил сосед по коммунальной квартире хирург Фима, когда его спрашивали: «Это пройдёт?».

Надеюсь, судьба предоставит мне возможность до-бавить к своей последней речи ещё несколько слов: «Будьте добрее друг к другу – прямо сейчас...»

А.Г. Солипатров

Август 2010 г.

(Цит. по: Солипатров А. Корни и сучья. Прага, 2011, с. 263-265)

[Одна из заметок А.Г. Солипатрова последнего времени - «О промышленности и не только» - опубликована в марте 2013 г. на портале «Когита.ру». ²⁴⁴ - А. А. Август 2013]

В.М. Тягушев

17.9. ЧТО НАС ЖДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

Несколько вступительных слов

Мы познакомились и подружились с Виктором Максимовичем Тягушевым в 1987 г., в пору начала «перестройки». В. Т. тогда работал на ЛНПО «Красная заря» и был

---

²⁴⁴ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/anatolii-gavrilovich-solipatrov.-o-promyshlennosti-i-ne-tolko> .

организатором клуба «Рабочая инициатива», одного из первых самостоятельных объединений рабочих на производстве.

Виктор Тягушев активно участвовал и в городском демократическом движении Ленинграда рубежа 80-х - 90-х гг., был одним из членов Ленинградского клуба «Перестройка». Однако, в отличие от многих активистов этого движения, «во власть» не пошел.

Сейчас работает по своей основной специальности: электрик.

В 1987 г. в газете «Ленинградский рабочий» публиковался его дневник организатора рабочего клуба.²⁴⁵

Ниже - заметки В. Тягушева, опубликованные в сборнике: *Старые записки. Публикатор и типограф - Виктор Дудченко. Петербург (б. Ленинград), 1995. (Март 2000).*

<...> Став на путь преобразования собственной жизни после благих увещаний Горбачева, мы не ставили своей целью разрушение собственного государства. Нам казалось, нужно небольшое усилие, чтобы справедливость восторжествовала. Десятка два таких следователей, как Гдлян, и с коррупцией, например, будет покончено. И вот КПСС повержена, но к народовластию мы не приблизились. Все видели, как приходит в упадок производство и все остальные сферы нашей жизни. Но вот упадок за два года превратился в обвал. Почему-то активность масс привела не к прогрессу, а получился обратный эффект. Вместо борьбы с коррупцией в ранг государственной политики был возведен грабеж народного достояния. Но это все как бы далеко. Обычный человек рассуждает обычными, доступными для него мыслями. Муравей ведь не видит того, кто разрушает муравейник. Он кусает сапог. И вопросы обыватель задает себе простые, приземленные: «Почему с нами произошло то, что сейчас мы имеем? Почему подавляющая масса простых тружеников оказалась за чертой бедности? Хотя и имеющие высшую профессиональную квалификацию, а иногда и ученую степень?»

Эти вопросы задают себе нынешние безработные - «трудоустроенные», живущие на мизерную зарплату, активисты трудовых коллективов, и те, кто безуспешно пробует себя в так называемом малом бизнесе. Об этом думают те, кто мечтает о едином и великом государстве, и те, кто добивается независимости для своих республик. Все они, как и я, не просто думают, а пытаются понять, как нам дальше жить и какими должны быть наши дальнейшие действия.

Здесь я попытаюсь с достаточной степенью откровенности, оформить свою точку зрения. Начну с традиционных для русского человека вопросов: «кто виноват?» и «что делать?».

Кто виноват?

Русские националисты скажут: «Виноваты сионисты». Сионисты скажут: «Виноваты русские тугодумы». Коммунисты скажут: «Виноваты капиталисты». Обыватель, или его еще называют «трудоустроенный», скажет: «Виноват царь или тот, кто сейчас у власти».

Каждый из них будет по-своему прав. Но парадокс в том, что правота каждого в отдельности оборачивается неправотой для остальных. Наша задача, я считаю, состоит в том, чтобы правота каждого укладывалась в единую концепцию, объясняющую все происходящее с нами. У меня нет уверенности, что мы с вами в одночасье такую концепцию выработаем, но лично я попытаюсь на уровне неравнодушного обывателя, не утруждавшего себя ранее изучением философских трудов, сделать свой анализ на опыте собственной жизни и собственного понимания.

---

²⁴⁵ О клубе «Рабочая инициатива», организованном В. Тягушевым см. в: ДСиСА – 3 (Глава 17).

Основой для понимания происходящего, на мой взгляд, является признание того факта, что, независимо от названия социального строя, общество делится на два класса или слоя: правящие и бесправные. Такое деление существует с момента образования общества и будет существовать еще долго. Несмотря на непрерывную борьбу между ними, в стабильно развивающемся обществе существует определенный паритет и поэтому нет массовых расстрелов и грабежей, трупы погибших убираются, а не демонстрируются для устрашения.

У нас равновесие сил нарушено, мощь правящего класса ничем не ограничена. Сознание безысходности у низов толкает их к бунту и насилию. Призыв к насилию сейчас будет использован для того, чтобы бить нас нашими же руками, как это произошло в Москве, и уже давно идет на окраинах страны. Именно этого надо постараться избежать. Безграничные возможности применения силы помutilи разум и толкают правящий класс на необдуманные действия, мешают им осознать, что элита - это всего лишь пена на поверхности воды, и, если уничтожить поток, на котором образуется пена, то исчезнет и пена.

Каждому должно быть предоставлено право жить без срывов, шоков и революций. И тогда выход из кризиса наверняка будет совсем не тот, который нам навязывают. Чувство безысходности мешает людям увидеть истинную причину наших бед. А для понимания нужно не так уж и много. Из горького многовекового опыта ясно, что наше благосостояние зависит не от того человека, группировки или партии, которая добралась до власти, а от того, как мы сами себя организуем. Если удастся отстранить от власти демократов, их место займут коммунисты или националисты. Все равно у власти останутся представители высшего общества, в котором они все вместе прекрасно уживаются. И если мы не выработаем собственного способа взаимодействия между собой и своего механизма управления, то ничего не добьемся.

Что делать?

Перестать надеяться на правительство, избранное даже самым демократическим методом. Механизм смены руководства должен быть эффективным и безболезненным. Немедленно надо менять правительство в том случае, если оно, нарушив свои обязательства, попытается переложить свои экономические и другие проблемы на плечи собственного народа, то есть на нас с вами. Почему наш народ привык надеяться на правителя? Очевидно, в силу традиционной инертности мышления, лени и страха. Отсюда чувство безысходности и неготовность постоять за свои права. Наш обыватель готов отдать бразды правления в государстве кому угодно, только бы самому ни во что не влезать. Его (обывателя) не шокирует танковая демократия Ельцина, не настораживает демагогия Жириновского. И только после очередного кризиса обыватель запричитает - «Нас опять предали!». Пора уже понять, что предаем в первую очередь мы себя сами - тем, что отдаемся во власть любому аферисту и шарлатану. Пора понять, что окажись у власти даже порядочный человек, то и он будет вынужден жить по законам этой власти, и под конец не постесняется устроить очередную бойню, чтобы закрепиться там. Пристойно все обставить, чтобы оправдать такую акцию, не составит большого труда.

Необходимо менять саму систему власти, чтобы низы, являющиеся фундаментом общества, сами определяли ход его развития. Необязательно кухарке управлять государством, но она должна иметь право в любой момент сменить проворовавшего думского дьяка. В недалеком прошлом, в период так называемой перестройки, была попытка реанимировать Советы. Их преимущество в том, что в них больше разных людей, из разных мест, которых труднее подкупить и запугать. В коллективах стали активизироваться СТК (*советы трудовых коллективов*. – А. А.) , получили распространение выборы руководителей. Не везде это проходило гладко, но с годами процесс самоуправления мог бы стабилизироваться, чувствовалось, что общество к этому готово. СТК постепенно уходили из-под опеки администрации, а на руководящие посты

не всегда попадали ставленники номенклатуры. Активизация коллективов стала сказываться и на выборах руководителей профсоюзов и парторганов. Но такая перспектива не устраивала элиту. И вот все пошло кувырком. Не секрет, что перестройка была начата сверху, и затеяли ее верхи вовсе не для того, чтобы заработал механизм самоуправления. Очевидно, преследовалась какая-то другая цель, но «процесс пошел», как говаривал Михаил Сергеевич. И его (процесс) было трудно остановить. В тот момент был действительно уникальный шанс мирным путем взять под контроль народа управление страной через народовластие на местах.

Наивно было бы думать, что самоуправление восторжествовало бы сразу повсеместно, но такая перспектива была реальной. Готовность общества обуславливалась тем, что фактически сейчас любой труд требует довольно высокой интеллектуальной подготовленности работающего. Стало ясно, что остановить процесс развития самосознания можно только очень сильным потрясением общества.

Тогда-то элита, номенклатура или мафия, можно называть ее как угодно, но суть остается прежней, перешла к широкомасштабному наступлению, назвав данное злодеяние «активным проведением реформ». И вот одним махом за каких-то два года разрушен государственный сектор экономики огромной супердержавы, а заодно и сама держава. Этим номенклатурщики убили как минимум двух зайцев. Чтобы разметать способные дать организованный отпор сложившиеся коллективы, они разбили на куски предприятия и потом хапнули их за бесценок. С этой целью правительство изобрело экономический капкан для народа в виде акционирования, которое сделало бесправными миллионы работающих.

Последний удар был нанесен по местным и республиканским Советам. Для этого была отменена конституция, запрещена деятельность депутатского корпуса, Съезда и Советов. Для ликвидации выборных органов, в которых были представлены все слои нашего общества, номенклатура не постеснялась применить войска, использовать тяжелое вооружение. Я думаю, что мафия не остановилась бы даже перед применением ядерного оружия, если бы возникла необходимость подавления отдельных неподчинившихся регионов, если бы там вдруг установилось народовластие.

Сейчас раскладка сил в обществе такова. Сравнительно небольшой процент малоимущего населения осознанно воспринимает происходящее и готов к действию, чтобы как-то изменить положение. Подавляющее большинство делится на две основных категории. Одна сравнительно молодая часть, не желает ни в чем принимать участие и этим как бы выражает свой протест. Но такая их позиция скорее от невежества и наследственной покорности. Другая часть неимущих состоит из законопослушных пожилых людей, традиционно голосующих за все, что предложат власти. Их голос и сыграл решающую роль на референдуме по конституции. Элитная часть общества окончательно преобразовалась в преступный мафиозный клан. И настолько уверена в себе, что, надругавшись над многомиллионным народом, считает для себя унизительным прикрывать механизм насилия фиговым листком коммунистической идеологии, как она делала раньше.

Каковы же должны быть наши действия на данном этапе? Учитывая сложившуюся расстановку сил, нынешним активистам к своей дальнейшей деятельности надо подходить очень взвешенно и, самое главное, не срывать до экстремизма. Для нас был бы идеальным вариант, если бы вся масса обнищавшего народа в назначенный день и час вышла на улицу и тем заявила бы о своей сплоченности. Войска, я уверен, не посмеют выступить против собственного народа. Неважно, каковы будут требования, важен сам факт гражданского самосознания. Это вынудило бы элиту считаться с народом.

Но пока об этом можно только мечтать. Видимо, придется ждать, пока традиционно покорных останется так мало, что опираться на них власть имущие просто не смогут. Хотя уже сейчас процент людей, поддерживающих режим, смехотворно мал. На последних выборах за кандидатов, прошедших в Госдуму персонально, в Питере,

например, проголосовало менее 9 %, это даже меньше, чем проголосовало «против всех». Так что сторонников у нынешних властей фактически нет, и держатся они только за счет пассивности масс. Убедить эту массу в том, что пассивность так же самоубийственна, как и экстремизм, можно через средства массовой информации, то есть через четвертую власть, которая в руки народа перейдет только после перехода к нему трех первых. Отсюда вытекает главная задача: мы должны сделать собственные независимые каналы распространения и обработки информации.

Если этого не будет сделано, то вместо организованного выступления мы столкнемся с отдельными очагами народного бунта, которые будут быстро и жестоко подавляться. Именно такой сценарий событий и устраивает нынешних хозяев.

Виктор Тягушев, 9.02.1994

(Тягушев В. О целях. Что нас ждет? / Старые записки. Тетрадь 3: Истории. Петербург (б. Ленинград): Публикатор и типограф – Виктор Дудченко, 1995).

А.Ю. Чернов

17.10. ГОЛОДАЙ. ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ. РОЖДЕСТВЕНО

Несколько вступительных слов

Стихи моего друга - поэта, историка и публициста Андрея Юрьевича Чернова ²⁴⁶ ложатся в эту книгу - и к месту, и не к месту.

Они здесь как будто - «на обочине смысла». Но без обочины - нет и дороги.

Пусть дорога читателя, как и моя, вместе с Андреем Черновым, проляжет - на остров Голодай, в Старую Ладугу и в Рождествено.

Напомню, что Старая Ладуга - первая столица Руси. В районе острова Голодай - похоронены пять повешенных декабристов. А Рождествено - «родовое гнездо» писателя Владимира Набокова. (Май 2000).

ИМЕНА

Остров Голодай получил свое название не от слова «голод», а от английского слова «holiday» (праздник, каникулы), потому что английские купцы ездили туда по воскресеньям...

А. Ахматова

---

²⁴⁶ А.Ю Чернов сам о себе рассказывает так:

"...Живу в Петербурге и Москве, а летом в Старой Ладуге. Как стихотворец считаю себя учеником Давида Самойлова, Александра Межирова, Александра Аронова и Вадима Черняка. Читать медленно меня учили Натан Эйдельман, Валентин Берестов, Д. С. Лихачев и Б. В. Раушенбах. Поскольку профессии поэта больше не существует, объявил себя культурологом.

Перевел и прокомментировал «Слово о полку Игореве» (первое издание – М., 1981 г), сделал реконструкцию X главы «Евгения Онегина» (Иркутск, 1999). Пишу о русской литературе и истории. Состою в петербургском ПЕН-центре. В конце 80-х организовал экспедицию журнала «Огонек» и Музея истории Ленинграда, которая нашла на Голодае тайную могилу казненных декабристов. <...>

Занимаюсь исторической метрологией (главным образом – древнерусской), пишу книжку по теории пропорции, которая, видимо, будет называться «Ключи от Парфенона», а для внуков составляю краткий курс «Энциклопедии стёба». (http://www.bard.ru/cgi-bin/trackography.cgi?name=%D7%E5%F0%ED%EE%E2_%C0).

Надо сказать, что эта, пожалуй, устаревшая автопрезентация далеко не исчерпывает куда более широкого круга интересов и занятий А. Ч. См., в частности, созданные им сайты: [«Андрей Чернов. Стихи и исследования»](#) и [«Несториана. Древнерусские и др. новости от Андрея Чернова»](#)

Там, где флаги плескали в гостях
И жирели чухонские чайки, -
Через век - кандалы на костях.
Через два -
блокадные пайки.
Холидей. Холодай. Голодай.
Дрожжи времени сделали дело.
Имя вспенилось и - через край.
А значение на донце осело.
Выдыхаются даже слова.
И целебную силу теряют.
В наших виршах не помнят родства -
В словари из куплетов ныряют.
А любимых твоих имена,
Те, лишённые прежнего смысла!
Как в кладовке полсклянки вина -
То ли выдохлось, то ли прокисло.
И звонков избегаем, и встреч.
А при встречах имен избегаем.
И легка разговорная речь.
И бежать за ней - как за трамваем.

(Чернов А. Отгиск. Книга стихов. М.: Советский писатель, 1984, с. 33)

ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ

Я только эхо в провалах глаз...

Ел. Романова

I

Лет через тыщу брести у реки,
Вывозив голени в иле,
Там, где мальчишки искали «глазки»
И летописца дивили.
Там, где и ныне, смущая народ,
Слева направо
Чудище на поясочке ведет
Девица Елисава.
Сладок вечерней размолвки медок.
Тронешь - под куколем свянешь.
- Слышь, Елисавушка, брось поводок,
Змейкой серебряной станешь.
Станешь хозяйкой последнего дня,
Сродницей Первопричины.
Девственным эхом в глазницах коня
В черепе с черной Князины.
- Ишь расшипелся, рогатенький мой.
Аль помирать неохота?
И как домашней скотинке «домой!» -
Дланью - пожалте в ворота.

II

Что нам сегодня намает река

Вместо условленной встречи?
Легкое грузило рыбака?
Ядрышко свейской картечи?
Клепку дракара? Осколок «глазка»?
Баночку из-под колы?
В толще столетий под толщей песка
Множатся времени сколы.
Рожками крутит расстриженный бог:
Вот тебе Рубиков кубик.
Рюриков кубок на тризне эпох.
Ссохшийся Рерихов тубик.

(Чернов А.. Гардарика. СПб: издание Санкт-Петербургского интерьерного театра, 1997, с. 24-25)

РОЖДЕСТВЕНО

На обочине смысла, на радужной пленке легкой плоти лексемной, яснее вдвойне: эти нити по сути неверны и ломки, этот пар проникаем, но где-то на дне атомарною млечностью, патиной вязкой загустеет, и как ни крадешься бочком - стрекозиный виток не приколешь указкой, тучку бабочку впрок не прихлопнешь сачком. А поскольку струенье фаворского тока - лишь мираж, сами алчем чего и зачем? Энтомолог прозаиком станет, и только. Шахматист реалистом, не более чем.

(Чернов А., СПб, или нежилой фонд. Книга стихов. Париж: Синтаксис, 1991, с. 31)

МОНОЛОГ ЗМЕЯ СО СКАЛЫ МЕДНОГО ВСАДНИКА

Сколь упрощенно мыслят эти люди,
Когда идут сюда спасать державу
И с ненавистью смотрят на меня.
Они уверены - все беды - в змее,
В том змее, нерастоптанном злодее.
Ну, выбейте меня из-под коня.
И рухнет конь. И гордый всадник рухнет.
Вы сами искромсаете друг друга.
Вам невдомек, что так же, как в скульптуре,
И в государстве есть закон пропорций.
Ах, Фальконет все это понимал.
И дабы равновесий не нарушить,
Царь только сделал вид, что топчет змея,
А сам - не сам, но лошадью своею -
И в этом государственная мудрость! -
Оперся не на камень, на меня.
Ну, выбейте меня из-под коня!

А.Чернов, декабрь 1975

(Цит. по: Чернов А.. Нежилой фонд. М.-СПб.: 2000, с. 141)

[Последняя из указанных книг - «Нежилой фонд», 2000 - объемлет поэтическое творчество моего друга за 30 лет. Поздравляю, Андрей! - А. А. 2000]

17.11. МУЗЫКАНТ, ФИЛОСОФ, МАТЕМАТИК

*[В «Драматической социологии...» уже рассказывалось о моем коллеге и друге
Сергее Валериановиче Чеснокове.²⁴⁷*

*К сожалению, мы видимся раз в 10 лет, примерно. Хоть и живем в общем-то
недалеко друг от друга (Питер, Москва).*

*В промежутках между этими встречами С.Ч., как человек всеобщее
одаренный (математик, философ, музыкант), успевает менять (расширять?) сферы
приложения личностных сил, при неизменности жизненной позиции.*

*И из-под его пера (точнее - из его компьютера) выходят не только научные
трактаты, но и политические памфлеты. Вот один из них.*

Текст датирован: 4 июля 2000. - А. А.]

= Рукопись С. Чеснокова (2000)

**Я иду по ковру,
ты идешь, пока врешь...**

Арест главы холдинга Медиа-моста Владимира Гусинского 13-го июня и его освобождение через 3 дня напоминает анекдот советских времен о посадке картошки на Чукотке: «Вчера посадили, сегодня выкапываем», - с характерным акцентом объяснял столичным гостям председатель чукотского сельсовета. «Что, так быстро растет?». - «Нет, кушать хочется». Место председателя сельсовета заняла Генеральная прокуратура РФ. Роль картошки отвели Гусинскому. Гарантом обеспечения прокуратуры едой стал президент Владимир Путин.

Этапы большого пути

Несколько месяцев назад, будучи простым премьер-министром, Путин выступал перед расширенным командным активом силовых органов. Со скромной гордостью, поданной в специфически шутливой форме, он сказал, что рад доложить присутствующим товарищам: полученное от них задание «внедриться в правительство и работать под его прикрытием» успешно выполнено. Товарищи поняли шутку и приняли ее с воодушевлением. Успех на фронте исполнительной власти был закреплен на фронте власти законодательной. Выборы 19 декабря 1999 года привели к созданию мощного депутатского корпуса, способного обеспечить проведение любого нужного закона. Так состоялся первый этап операции захвата власти в России силовыми органами.

Следующий шаг был не менее успешен. На президентских выборах 26 марта чуть больше половины пришедшего на выборы населения страны проголосовало за Владимира Путина. Этим завершился второй этап операции. Роль специального публичного доклада перед товарищами выполнила официальная церемония инаугурации в Кремле 7 мая.

Сейчас третий этап. Он проводился в существующем конституционном поле - принципиально важно. Помимо стандартных действий (формирование нового правительства и его программы) этот этап включает формирование жесткой властной вертикали. Новые административные округа и правильная расстановка кадров в них

---

²⁴⁷ См. ДСиСА – 4 (Глава 23).

С.В. Чесноков (род. 1943) — российский ученый, математик, социолог, культуролог, музыкант, специалист по методам анализа данных и применению математических методов в гуманитарных исследованиях и проектах. Известен как создатель детерминационного анализа и детерминационной логики, исследователь гуманитарных оснований точных наук, активный участник песенного движения и артистического андерграунда в СССР и современной России. (Из «Википедии»).

должны обеспечить контроль над процессами в стране и регионах. Сформированные в округах филиалы Генеральной прокуратуры призваны, как заявил президент, создать условия для оперативного принятия нужных судебных решений. Это потребует, когда придется круто разбираться с губернаторами и оппозицией на местах. Перечень открытых действий завершает создание структуры Совета Безопасности, позволяющей вынести решение государственных вопросов за пределы правительства, и формирование официальной партии власти на базе депутатской фракции Единство.

В текстах интервью г-на Путина и красноречивых «психологических тестах», сопровождающих его публичные высказывания, просматриваются особо не афишируемые дополнительные меры, обозначающие пока работу, так сказать, «под прикрытием демократических конституционных норм». К ним относятся:

- 1) Негласный (а иногда и открытый) передел собственности.
  - 2) Восстановление так называемых «первых отделов» в государственных организациях и предприятиях, через которые КГБ при советской власти осуществлял функции тотального контроля над всеми сферами общественной и частной жизни.
  - 3) Восстановление и расширение системы осведомителей, ведущих политический и идеологический сыск среди российских граждан не «на основе предательства и материальной заинтересованности», а «на идейных принципах» (см. интервью с Владимиром Путиным в «Коммерсанте» за 10 марта 2000).
  - 4) Активизация и модернизация структур ФСБ, занятых широкомасштабной профилактической слежкой за частной жизнью граждан и специальной слежкой за действиями тех, кто попал в сферу особого внимания органов.
  - 5) Восстановление утерянного за последние десятилетия контроля над средствами массовой информации, как одним из важнейших привычных рычагов идеологического управления сознанием населения страны.
  - 6) Создание системы эффективного контроля над процессами в Интернете.
- Программу третьего этапа предполагается, судя по всему, полностью реализовать в течение ближайших двух-трех лет.

Четвертый этап - внесение изменений в Конституцию, закрепляющих власть спецслужб и создающих возможность Путину продлить срок президентства еще минимум на 4 года.

Пятый этап, надо полагать, вписывается в концовку, характерную для русских сказок: и стали они жить-поживать да добра наживать.

Все в стране будет «схвачено». В союзе с правильной интеллигенцией будет сформулирована правильная национальная идея, которая проникнет глубоко в сердце каждого «нового советского». Чечня будет разгромлена и превращена в полноценный субъект федерации. Мощь бывшей империи засияет вновь. Силами отечественных ученых и деятелей искусства снова возродятся наука и культура. Другие страны России будут бояться, как раньше. Бояться и потому уважать. А врагам будет неповадно - любым, как внешним, так и внутренним. И в результате Россия почему-то обязательно станет богатой и процветающей.

За этим образом будущего России стоят понятные всему миру властные амбиции, имущественные интересы и традиции политико-управленческого мышления. В этом образе «процветающей сильной России» просматриваются также загадочные для внешнего мира, но хорошо знакомые россиянам сны о граде Китеже, расположенном на дне таинственного озера в глуши отравленных диоксинами и радиацией лесов и болот.

Партия Путина и КПСС

Недавно мы слышали скептические комментарии политиков и экспертов по поводу новой партии власти, созданной на базе фракции Единство. Мол, ждет ее та же участь, что и партию Черномырдина или Лужкова-Примакова. Стоп. За Черномырдиным или Лужковым стояли чиновники, а за Путиным стоит аппарат КГБ.

Между прочим, неверно говорить, что в советские времена вся власть принадлежала КПСС. Ей принадлежал 51 % власти, 49 % было у КГБ.

Были периоды, когда на самом верху, в Политбюро, влияние КГБ было незначительным. Зато внизу, где власть партии переходила в реальную власть над народом, КГБ всегда держал контрольный пакет. Мнение первого отдела было обязательным для всех партийных чиновников, управляющих делами любого предприятия или ведомства. С конца 60-х и до смерти Андропов с филигранной точностью выстроил баланс между внешними формами власти КПСС и внутренними формами власти КГБ внутри КПСС.

Михаил Горбачев, кстати, прекрасно использовал этот баланс при проведении перестройки. Без возникших отсюда управленческих ресурсов процесс демонтажа отлаженного механизма советской системы не состоялся бы. В каком-то смысле сейчас Путин «восстанавливает справедливость», пытаясь оплатить счета, которые к началу девяностых отказался оплачивать Горбачев, получив в ответ август 1991.

На рубеже 80-х и 90-х рухнули внешние формы власти КПСС. Но внутренние формы сохранили свой потенциал. Партия номинально лишилась своей инфраструктуры - зданий, линий связи и т.д. А КГБ - нет. Был смещен фактически только памятник Феликсу Дзержинскому с Лубянской площади, но и он готов вернуться, чтобы снова занять свое место и возратить москвичам и всем российским гражданам страшно знакомое словосочетание «площадь Дзержинского».

В КГБ. пронизанном духом тотальной элитарной тайной власти над всеми институтами государства и частными людьми, власти не декларативной, а фактической, господствовавшая коммунистическая идеология осознавалась как чисто функциональное обстоятельство. Православие рассматривалось как альтернативный политико-идеологический ресурс. Диссидентство тоже. Там культивировалась технология тайного повязывания людей и социализации установленных связей несравненно более широкая, гибкая и маневренная, чем в КПСС (а с советской армией и сравнивать нечего). Известно, что из КГБ не уходили (и не уходят) в отставку или в запас, там остаются пожизненно.

Недавно в телевизионном интервью председатель клуба ветеранов КГБ Валерий Величко, настаивающий на возвращении памятника Дзержинскому, высказался в том смысле, что, мол, десятки тысяч чиновников подзабыли уже, что они числятся на учете в КГБ, но после внятного напоминания они вспомнят об этом в два счета.

Так что партия Путина и любая другая «партия власти» последнего десятилетия - не одно и то же. Это, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

Нужно ли возрождать КПСС, чтобы возродить ее управленческий потенциал? Конечно, нет. Красные тряпки, раздражающие противников коммунизма, больше никому не нужны. Можно вполне обойтись без них.

Блины комом встали на поток

Успех Путина в завоевании власти был головокружительным. Однако реальный двигатель этого успеха известен: страх Ельцина за личную безопасность и безопасность своей семьи. К интересам страны это не имеет отношения. Другой «двигатель», вытолкнувший Путина во власть, - война в Чечне. Проблема Чечни унаследована от царского и сталинского режимов. Как часть проблемы Закавказья, она относится к важнейшим проблемам российской государственности. Однако превращение ее в средство достижения личных целей «семьи» Ельцина сделало практическую политику России в ее решении также имеющей мало отношения к интересам страны.

Всем памятен отвратительный фарс, разыгранный спецслужбами с Андреем Бабицким под прикрытием Путина.

Находясь в Испании с первым государственным визитом, формирующим лицо новой власти в глазах мира, президент России на пресс-конференции, отвечая на вопрос

об аресте Гусинского, экспромтом объяснил, что ничего не может сказать, потому что не дозвонился до генерального прокурора. Это не было на грани фола. Это был фол.

Не менее неадекватным были обращенные к элите зарубежного бизнеса слова президента про миллионы, которые тратит Газпром, покрывая долги Медиа-моста, тут же дезавуированные главой Газпрома Рэмом Вяхириным.

Сопровождающие президента дипломаты интерпретируют столь же неловкое, сколь тактичное молчание публики в ответ на высказывания президента, как «крупный успех» российской дипломатии.

Длинная цепь событий в том же духе. За прошедшие после инаугурации полтора месяца правления президент сделал или санкционировал более чем достаточное количество заявлений, компрометирующих высшую власть страны. Уместные в докладе вышестоящему начальнику, они оказались не подходящими для публичной политики.

В комментариях журналистов, политиков, адвокатов все чаще слышатся самые резкие оценки. «Вранье в глаза», «государственная глупость», «слабость», «повязанность обязательствами перед силовиками и семьей Бориса Ельцина», «президента подставили», «начало контрпереворота», «наступление диктатуры на свободную прессу», «президент все спланировал сам», «спецслужбы начали наступление», «правонарушительные органы взбесились», «новый передел собственности», «страной правят дураки», и так далее. Трагичность ситуации в том, что для оправдания подобных оценок любой желающий может без труда найти безукоризненные доказательства.

Набор высоты или снижение? Правильные вальжные заявления премьер-министра Михаила Касьянова, демократическое прошлое министра Германа Грефа, внешние признаки разумного мышления в экономике, играющие с носорогом в домино «новые эксперты» под предводительством Глеба Павловского, заявления Путина о приверженности демократическим нормам и ценностям, - все это вызывает больше сомнений, чем доверия.

В современной России сменить правительство и его программу (не говоря о привлеченных экспертах) можно в два счета, - опыт есть. Очевидно, что кардинальные вопросы управления страной все более переходят от правительства к Совету Безопасности, где ведущие роли принадлежат представителям ФСБ. Множество взаимосвязанных событий свидетельствуют о резком расширении организационных возможностей для спецслужб.

Однако, если судить по результатам, то они часто далеко не те, что нужны спецслужбам. Политика Путина наталкивается на активное противостояние делового мира, общественных институтов, политических сил разной направленности. Присутствие куклы Путина на НТВ стало понятным всему миру тестом на соответствие между декларациями власти о приверженности свободе слова и тем, что происходит на самом деле. Если кукла исчезнет, это будет сильнейший знак.

Путину противостоит даже Совет Федерации. Пусть мотивы, заставившие многих сенаторов наложить вето на закон, отличающий их от работы в Совете, прозрачны донельзя, но факт остается фактом: сенаторы объявили себя противниками путинского стиля в решении важных государственных проблем.

По данным агентства monitoring.ru более 20 миллионов взрослых россиян со средним возрастом 33 года интегрированы в широкий мир через Интернет либо сами, либо через своих ближайших друзей. 85 % из них проживают в регионах. Всем другим телеканалам они предпочитают НТВ. Это образованные люди с открытым сознанием, составляющие наиболее активную часть населения. Эта среда, ее численность растет, не примет идеи управления, основанные на идеологическом насилии и политическом сыске. Время другое. В России потенциал противодействия духу реставрации сталинских по сути политических методов шире, чем представляют себе «твердые путинцы»,

Двойной экзамен

Новейшая история российской государственности развивалась под знаком двух ключевых процессов: оформление спектра конфликтующих политических сил и формирование системы, гарантирующей сосуществование этих сил в политическом пространстве страны.

На глазах всего мира в политическое пространство России со сверхзвуковой скоростью врезалась комета. По историческим меркам мгновенно (года не прошло) сформировалась новая политическая сила, которая до сих пор не выходила на уровень публичной политики, но когда-то была важнейшим элементом советской тоталитарной системы. В руках этой силы колоссальные властные полномочия и организационные ресурсы: вторая по величине фракция в Госдуме, высшая государственная власть в лице президента, правительство. Сейчас мы наблюдаем эффект ударной волны, от которой режет уши и дрожат стекла.

Происходящее - это «двойной экзамен», в котором каждая из сторон видит себя экзаменатором. Выдержит ли этот экзамен сложившаяся к настоящему времени государственная система и ее институты? Пока трудно сказать. К сожалению, слишком много данных говорит в пользу худших вариантов развития событий. Грозящий стране тотальный кризис по своей жесткости ни в какое сравнение не идет с самыми острыми кризисами последних десяти лет.

Несомненно, что для новой со старыми отметинами политической силы это тоже экзамен. Заявка спецслужб на захват власти принята населением и на три четверти удовлетворена. Но это пока. Те, кто привык быть незаметными разведчиками и соглядатаями в условиях советского и полусоветского времени, должны отстаивать право быть публичными политиками в условиях новой России со значительной частью населения, в особенности молодежи, не отравленной страхом перед спецслужбами. Кроме того, не забудем, что самые грамотные противники тоталитаризма воспитываются внутри тоталитарных структур.

Что нас ждет?

ВАРИАНТ 1. Господин Путин и существующая государственная система находят баланс, не ломающий демократические структурообразующие начала современного российского общества. Силловые органы приобретают политический опыт, позволяющий им достигать целей, соизмеряя свои интересы с интересами других общественно-политических сил. В этом варианте Россия просто будет страной, в которой во главе государства стоит президент, выходец из спецслужб. Такое не раз бывало и в других, вполне демократических странах мира. Для России, где нет демократических традиций и не оформились институты гражданского общества, это будет тяжелым испытанием. Самомнение президента и его миропонимание будет негативно сказываться на жизни общества, но только в той мере, в какой ему удастся достичь своих целей, не разрушая радикально баланса интересов, сложившихся в обществе. В данных обстоятельствах это был бы лучший вариант.

ВАРИАНТ 2. Господин Путин и его пока во многом невидимая полуслепая амбициозная и в значительной части невежественная армия не сдадут экзамен на роль публичных политиков в существующем конституционном поле. Они будут и дальше настаивать, что философия спецслужб должна определять не только внутреннюю и внешнюю политику, но и частную жизнь всех российских граждан. В конечном счете, это будет означать диктатуру, раскол российского общества и конфликт с мировым сообществом. Следствием будет либо уход со сцены спецслужб вместе с господином Путным (что маловероятно, но не исключено), либо государственный переворот и прекращение России в откровенно полицейское государство со всеми вытекающими последствиями.

Деталь контекста, на фоне которого происходит критический разворот событий. В московском метро в июне пассажиры могли видеть повсюду расклеенные листки такого содержания:

«Третье тысячелетие без призывного рабства. Подпишись за профессиональную армию. Откажись от военной службы по убеждениям - это твое право!». Далее указан телефон и сайт www.ara.ru.

На одном из листков кто-то написал красными чернилами из угла в угол: «Подонки!» Это под землей. А на поверхности по всей России слышен вой матерей, встречающих «груз 200» с телами своих детей, убитых в Чечне под невнятные объяснения генералов.

Природа «двойного стандарта»

29 июня с. г. Владимир Путин, комментируя отношение россиян к деятельности прокуратуры, упрекнул их в «двойном стандарте». Жители России, с одной стороны, за законность. А с другой - они возмущаются: мол, как это какой-то там следователь посмел выписать ордер на арест. Путин высказал мнение, что этот «двойной стандарт» будет существовать до тех пор, пока прокуратура не будет жестко следовать во всем букве закона. Под «буквой закона» он, если судить по контексту, имел в виду букву Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, который действует до сих пор, и, вопреки российской Конституции, разрешает арестовывать людей без санкции суда.

Но возможно и другое объяснение. Николай Робертович Эрдман, автор всемирно известной пьесы «Самоубийца» и почти неизвестных за пределами России сценариев к фильмам «Волга-Волга» и «Веселые ребята», когда-то написал популярное четверостишие:

Однажды КГБ пришло к Эзопу
И взяло старика за жопу.
Из басни вывод ясен:
Не надо басен...

«Двойной стандарт» исчезнет не тогда, когда прокуратура будет более твердо демонстрировать то, что в цивилизованном мире считается произволом. Он исчезнет, когда ситуация, описанная Эрдманом, перейдет из разряда безнадежно правдоподобных в надежно неправдоподобную. Когда российская власть навсегда расстанется с философией тоталитаризма. Для России это остается будущим, которое при приближении удаляется.

С. Чесноков, научный директор фирмы «Контекст»
4.07.2000 (*так!* – А. А. 2012) ²⁴⁸

Б.Ф. Шифрин

17.12. О СИТУАЦИОННЫХ АСПЕКТАХ КОММУНИКАЦИИ

[Борис Фридманович Шифрин – культуролог и математик, кандидат физико-математических наук, доцент Санкт-Петербургского гос. университета аэрокосмического приборостроения. Мы познакомились ("нашли друг друга") недавно.

Ниже - извлечения из одной из его работ (1998), с которой резонируют мои собственные. - А. А. 2000]

---

²⁴⁸ В настоящее время С. Чесноков живет в Израиле.

<...> Если наш собеседник неповторим (а мы называем его - Ты), то какая-то тень уникальности не падает ли и на обстоятельства разговора? Комната, мгновение... Но эти вещи не пишутся с большой буквы.

Общение с <...>: в такой-то обстановке, в «пространстве коммуникации». Различение слов, казалось бы, синонимичных подчеркивает внешнюю навязанность коммуницирования - со всей его информационно-технологической оснащенностью. Это такая ни в чем не отмеченная повсеместность, в которой трудно найти место (здесь, сейчас). Можно занять любое кресло, пульт с тянущимися к нему проводами - «автоматизированное рабочее место». Но автоматизированных мест в жизни быть не должно.

Только при таком допущении мы можем помыслить общение.

Тогда уже не просто пространство, а временные помещения; и не просто сигналы, а голоса. Тут и дистанции измеряются масштабами голосов, протяженности акустически удостоверяются.

Голоса во временных помещениях.

Пытаясь представить феномен общения в его целостности, мы с особой остротой чувствуем ситуативность происходящего. Тут столько подразумеваемого и невысказанного. Тут нас окружают частности. Это не устранимо. Стоит прислушаться к самым непосредственным впечатлениям, равно как и к примерам из литературы.

«Тотальная коммуникация» есть формула из того же ряда, что и «мир - театр». Проблема ситуации общения - это проблема предлагаемых обстоятельств. Имеются в виду сформулированные предпосылки театрального эскиза - что «дано» актеру в поставленной задаче. Та подоплека, которая предопределяет развитие событий. Но, - при всей отчетливости режиссерских экспликаций - обстановка, окружение остаются погруженными в полумрак. Стены, дверь (эти геометрические фигуры) обычно не осознаются как конституирующие контуры высказывания. Это фон. Чаще всего именно так и бывает: помещение каким-то образом оборудовано, и - ничего не поделаешь - этим-то определяется происходящее. Елизавета Бам стоит за ненадежной перегородкой, снаружи стучат: немедленно откройте! (Даниил Хармс. «Елизавета Бам»). Или действие происходит в Странном Месте, в Лесу, на поляне. Можно аукаться, но лица и без того видны в отсветах пламени. Только реплики несколько невняты. Чтобы задуматься об одиночестве, необязательно помещать людей в лес.

Иногда и комната оказывается «Станным местом». <...>

***

<...> Бывают разные поводы для речи; вещи не из разряда новостей, такие, что их и сообщениями назвать не решаешься. О том, что человек обдумывал в редкие моменты душевной сосредоточенности, он не скажет в торжественной манере, рассчитав место и время. Слова вырвутся невзначай, ни к месту, как бы между прочим. <...>

***

<...> Ситуативность есть данность обстоятельств, трактованных как их действенность.

<...> Обстоятельство уточняет. Стремятся к полноте обустройства: не оставлять дыр, щелей. Но мелочей все равно не учесть. Неполнота данного или нехватка есть тоже вид ситуативности. Обстоятельства не исчерпывают, а лишь очерчивают положение дел, задают контуры. Как нам быть, если мы не хотим загромождать рассмотрение, - что следует обозначить как действительно насущное? Тут и в самом деле возникают затруднения.

Ситуативность есть конкретность. Но как тогда понимать предельные, очищенные ситуации? Что значит оголенное, пустое место, абстрактная площадка в качестве предложенных обстоятельств?

Предлагается начинать с нуля: пустыня и звучащая точка в ней - голос. Из этой точки должно нечто развиваться. Абстрактна эта точка или конкретна? Или перед нами простой узел технологической сети? Выделенность точки и освобожденность пространств (позволяющая голосу распространяться, а слушателю - произвольно размещаться или идти на зов), это только предпосылки дальнейшего. Будут ли они трактоваться углубленно-символически или чисто технологически - это самой данностью не предрешиено.

Одно из фундаментальных представлений: голос, исходящий из точки, точка неиссякающего голоса: источник. Линии коммуникаций идут мимо нас. Провода перегораживают пространство. Источник же всегда обращен к нам.

Беспредельность пространств пугает человека, это чуждое и несообразное ему. Но вот он услышал звук, поймал луч. Источник выделяет круги вокруг себя (его влияние ослабевает). Можно сказать, что тут уже нет неизменного масштаба. Или - что это не геометрическая картина, а некое поле притяжения. Надо подойти к источнику.

Генезис структуры, побужденный обособлением «точки», изучался в теоретической географии еще в начале XIX века. Но возможны и иные, вполне обыденные ассоциации.

Можно представить себе такую вещь, как маяк. Подумать об искре в поле, море темноты. Проблуждав в зарослях до ночи, путник выходит на ясный огонь. Это поляна в лесу. Оказывается, то, что он принимал за один голос, было множеством голосов. Отказавшись от третьей стены, площадка сцены тоже стала поляной – ряды зрителей приблизились к ней и отступили в сторону. <...>

***

<...> В качестве чувствующего, говорящего, жестикулирующего, я порожаю мое «здесь» как некий круг близости. В качестве слушающего я воспринимаю не просто другого, но именно «ЕГО-здесьность» или «ТВОЮ-здесьность». Колеблясь между «он» и «ты», я пытаюсь осуществить перенос его или твоей позиции в мое собственное указательное (дейктическое) поле; выбрать один из вариантов: он - там, ты - там, ты - здесь.

Круги ЗДЕШНОСТИ партнеров по диалогу должны пересечься, без этого общего «здесь» (участка совместности), видимо, не обойтись. Но каждая реплика, идущая оттуда, освещает область вокруг моего партнера, моя же в этот момент пребывает затененной. Потом происходит обратное. Свет все время колеблется. Голос исходит оттуда, но говорящий со мной находится здесь. Это трудно осмыслить.

Голос, взятый сам по себе, источник в темноте, создает свой расширяющийся круг, заботясь обо всех сразу, но ни о ком отдельно. Так было бы, если бы голос вдруг не срывался, не иссякал, не пропадал внезапно. Но он пропадает, и тогда, храня его в уме - мысленно поддерживая его - я в самом деле оказываюсь адресатом, который ловит эту искру в бескрайнем поле. <...>

***

<...> Привлечение внимания трактуют как вспомогательную функцию коммуникативного акта, не несущую смысловой нагрузки. Между тем, множество разных по стилю оформлений этой функции уже свидетельствует о ее существенности. В семиотическом плане привлечение внимания совсем не похоже на обмен информацией, но иногда обладает сходством с сигналом общего назначения (не имеющем конкретного адресата). Таким сигналом может служить окраска животного или запах растения. Но нужно ли обращаться тут к каким-то специальным примерам? Представляется, что уже само присутствие в данном месте человека или вещи может оказаться сообщением, обращенным ко всем сразу.

«Без-адресность» такого акта должна быть понята в ее подлинной сути. Тут имеется в виду свидетельство бытия о самом себе, и основная его забота - нащупывание

объемлющего, проверка пространств. Призыв звучит, пока не упрется в стену, не дождется эха. Это - локация, создающая миры вокруг себя. Надо докричаться, чтобы ощутить пределы, охватить их голосом. Потому-то и голос звучит по-разному, так - в поле, а так - в помещении.

Вещи тоже подают голос, посылают взгляд, который не остановится до тех пор, пока не упрется в сетчатку глаза: вашего или иного (о котором можно только догадываться. <...>

***

<...> Все-адресность (или без-адресность) призыва - абстракция; слушающий вынужден совершить реальный выбор, принять решение о своей причастности. Крик о помощи может обращаться не ко мне; в сущности, призывающий обо мне не знает. Или знает?

Более того, вмешиваясь, я рискую. Я изменяю этим всю ситуацию. Окликание (ауканье) может быть способом связи двух групп людей: подав голос, я лишаю их ориентации. Плач ребенка может быть средством привлечения внимания; таков и крик женщины в окне; но в ответ я могу услышать: «это вас не касается». Я могу лишь строить предположения о косвенной обращенности ко мне данного речевого акта. Почему-то важно, чтобы я это услышал. Всякое действие, манифестацию человека можно понимать как проявление его жизни, косвенно адресованное другому. <...>

***

<...> Вступить в общение откликнуться на этот, идущий мимо, призыв можно лишь оторвавшись от той площадки, на которой закреплен, лишь реализовав тот димензиальный избыток, которым обладаешь. Пространство общения оказывается не только областью связи, но и пространством освобождения.

(Шифрин Б.Ф. О ситуационных аспектах коммуникации (Голоса во временных помещениях) / Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. Международные чтения по теории, истории и философии культуры, вып. 6. СПб: Эйдос, 1998, с. 254-261).

Ю.А. Щеголев

17.13. ПЕРВЫЙ СРЕДИ «СОЦИОЛОГОВ-РАССТРИГ»

[С моим другом и коллегой, социологом-рабочим Юрием Анатольевичем Щеголевым читатель уже хорошо знаком.²⁴⁹ Здесь приведу одну из его заметок «для внутреннего пользования», а также фрагмент из рассказа А. Кетегата «По знакомой дороге» (2007), посвященный Юрию Щеголеву. - А. А. Июль 2013]

(1)

"Государственное воздействие на экономические отношения - обоюдоостро..."

<...> **Общее впечатление**

Андрей, ваши с Г. Климентовым предложения (см. выше: раздел 15.23. - А. А. 2012) очень важны, но содержат, как мне кажется, недопустимые упрощения.

---

²⁴⁹ См. в: ДСиСА – 1 (Приложения к части 1). См. также на портале «Когита.ру»: «Экзистенции Юрия Щеголева» (<http://www.cogita.ru/pamyat/vstrechaite-nas-rozhdeniya/ekzistencii-yuriya-schegoleva>).

Недопустимым упрощением является представление, что совпадение интересов может существовать без ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНТЕРЕСОВ. Предложения оказываются односторонне положительными. Их отрицательные последствия исчезают. <...>

Новые экономические отношения

Ваше решение:

ИЗМЕНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ --- ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ --- РАСШИРЕНИЕ УЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ

- предполагает не частное изменение отдельных элементов хозяйственного механизма, а его целостное преобразование: полный хозрасчет.

Полный хозрасчет - это не только проблема ценообразования <...>, это и проблема иного, чем сейчас отношения «производитель - потребитель», это и проблема иных, чем сейчас, пропорций в производстве группы А и группы Б, это иная, чем сейчас, проблема занятости и текучести рабочей силы.

Рассматриваемая частная проблема - расширение участия трудовых коллективов в управлении сводится к более общей, ключевой проблеме: необходимость новых экономических отношений между государством и трудовым коллективом.

Вы не останавливаетесь на этой проблеме, но предлагаете ее решение.

Основная формула

Согласно Вашим предложениям, отношения между государством и трудовым коллективом должны определяться формулой:

$$H(r) = \text{const } H(c), \text{ где}$$

$H(r)$ - норматив «труда на общество» для всех производителей продукта - всевозможный отчисления в государственный бюджет;

$H(c)$ - норматив «труда на себя» - заработная плата и отчисления в кооперативный (коллективный) фонд.

Формула выражает совпадение интересов государства и трудового коллектива: «что выгодно трудовому коллективу, выгодно и обществу, и наоборот».

В скрытом виде эта формула содержит не только совпадение интересов, но и проявление противоречий в интересах различных взаимодействующих трудовых коллективов.

Формула, определяющая отношения между государством и трудовым коллективом, задает определенные интересы трудовому коллективу. Согласно этой формуле, таким интересом может быть, например, стремление к максимуму средней заработной платы.

Между трудовыми коллективами, стремящимися к максимуму средней заработной платы и связанными по суммарному объему плановых заданий, по человеческим, сырьевым и энергетическим ресурсам, могут возникнуть противоречия и борьба.

Возможные экономические последствия

Вкратце

Далее Ю.Щ. рассматривает возможные социально-экономические последствия предлагаемого преобразования хозяйственного механизма: государственное установление единой для всех трудовых коллективов пропорции ТРУДА НА СЕБЯ и ТРУДА НА ОБЩЕСТВО, и т. д.

Среди таких последствий указываются: обогащение одних предприятий и обеднение других; усиление текучести; появление безработицы; возникновение борьбы между предприятиями за плановые задания; колебания и рост цен, включая цены на предметы первой необходимости; и др.

Государственный контроль за уровнем средней заработной платы

Государственный контроль за средней заработной платой и общеколлективным фондом, осуществляемый через изменение цен и другими способами, конечно, может уменьшить стихийные явления, вызываемые новыми экономическими отношениями, однако одновременно он будет уменьшать или устранять и стимулирующую роль новых экономических отношений, заинтересованность в росте производительности труда и в участии в управлении.

При жестком государственном контроле даже теми экономическими способами, которые вы предлагаете, ситуация очень скоро может оказаться близкой к той, которая обозначается: «тащить и не пущать».

Государственное воздействие - обоюдоостро.

Итак, простая, непротиворечивая формула соединения интересов государства и предприятия приводит к весьма противоречивым результатам в системе взаимодействующих предприятий. Преодоления этих противоречий требует: а) признания в праве на существование стихийных регуляторов в экономике, может быть таких, как колебание цен, малая безработица; б) решения проблемы СОЕДИНЕНИЯ ПЛАНОВОЙ И СТИХИЙНОЙ РЕГУЛЯЦИИ, так чтобы регуляция в целом позволяла удовлетворять потребности населения и производства с малыми отклонениями.

Возможные последствия в управлении

Стремление к максимуму средней заработной платы, задаваемое новыми экономическими отношениями и сдерживаемое государственным контролем, не ведет с неизбежностью к расширению участия в управлении рядовых членов трудового коллектива. Появление в трудовом коллективе существенных интересов приведет к проявлению его внутренней структуры, выявит совпадение и противоречие интересов, приведет не только к сотрудничеству, но и к явной или скрытой борьбе.

Результатом этой борьбы может быть как расширение участия в управлении рядовых членов коллектива, так и совсем иное: расширение участия в управлении только определенных групп и даже усиление иерархических отношений в управлении. <...>

Предложенная в проекте последовательность связей:

**ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ В НАПРЯЖЕННЫХ ПЛАНАХ --- ВЫЯВЛЕНИЕ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ --- РАСШИРЕНИЕ УЧАСТИЯ В
УПРАВЛЕНИИ**

- неоднозначна, и на Ваше утверждение, что «само по себе выявление действительных возможностей немислимо без участия членов коллектива, рядовых работников» - можно ответить; «Это не так». <...>

Устойчивость существующих экономических отношений

Предлагаемые в проекте решения близки по своей направленности к экономической реформе, выдвинутой около 14 лет тому назад пленумом ЦК КПСС. Согласно тогдашней реформе, предприятиям предоставлялась БОЛЬШАЯ экономическая самостоятельность, создавались условия для личной заинтересованности и демократизации управления.

Вместо большого числа плановых показателей, в том числе: средняя численность работающих, средняя заработная плата, производительность труда, - предприятиям должны были утверждаться сверху только: объем реализации продукции, прибыль, рентабельность, фонд заработной платы.

Прошло несколько лет. Экономическая самостоятельность предприятий возросла незначительно, показатели средней заработной платы, производительности труда и т.д.

продолжали планироваться сверху. <...> Старая система экономических отношений оказалась очень устойчивой.

Почему? По каким причинам: экономическим, социальным, политическим? <...>

Может быть, вообще существуют только две альтернативы? Одна связана с приматом личной заинтересованности над общим интересом, и ее последовательное развитие приводит к государственному капитализму. Другая связана с приматом общего интереса над личной заинтересованностью, и ее последовательное развитие приводит к экономической системе, которую можно назвать государственным социализмом.

Предлагаемые же нами экономические системы, сочетающие личные и общественные интересы, являются только <...> МЕХАНИЧЕСКИМИ СОЕДИНЕНИЯМИ разных экономических систем, только химерическими продуктами нашего воображения (?). Как опровергающий это, как будто, может рассматриваться опыт Югославии с приматом коллективной собственности и НЭП в истории нашей страны. НЭП - вот действительная готовность к изменениям снизу <...>, соединенная с мыслью сверху (в свое время).

О внутренней готовности к участию в управлении

Какие есть внутренние готовности снизу - это, может быть, решающий вопрос.

В проекте утверждается, что «внутренняя готовность к действительному участию в управлении налицо»...

Справка

В обсуждаемом проекте есть такое утверждение:

«...На сегодня приходится констатировать, что при существующем экономическом порядке трудящиеся в большинстве своем лично не заинтересованы практически участвовать в управлении производством (в любых его формах). Говоря социологическим языком, люди обнаруживают низкую ситуативную установку на такое участие (что выражается в низкой оценке его возможностей и перспектив).

И это происходит при достаточно высокой общей установке (ценностной ориентации) на участие в управлении производством. То есть внутренняя готовность к действительному участию налицо.

Важно создать экономические условия для реализации этой внутренней готовности...».

В этом выводе авторы проекта опирались, в частности, на данные массового опроса ленинградских рабочих в 1976 г., проводившегося в рамках исследовательского проекта «Человек и его работа. 1976» (рук. - проф. В.А.Ядов).

...Это утверждение вызывает ряд вопросов:

- Может ли эта внутренняя готовность быть побудительной силой к действию? Не является ли она только свойством сознания? Чем вызвана эта готовность? С какими другими существенными внутренними готовностями связана? Что происходит с ней при существующих экономических условиях: она разрушается или выражается в каких-то пусть даже отклоняющихся действиях? Существует ли эта готовность во всех группах работающего населения? В каких группах она выражена сильнее? Есть ли одновременно с внутренней готовностью к участию в управлении внутренняя готовность к изменению экономических условий, в каком направлении, в каких группах?

Эта внутренняя готовность не будет однонаправленной во всем работающем населении.

Сомнение – вывод

Ну и узел! <...>

Может быть, все верно, и не следовало останавливаться перед ключевой проблемой: изменение экономических отношений между государством и трудовым коллективом.

И не следовало раскрывать противоречий интересов и связанных с ними последствий, а следовало признать, что эти последствия будут незначительными. А если окажутся значительными, то будут сняты государственным воздействием на цены и другими экономическими рычагами, и это воздействие не будет «обоюдоострым». И следовало все упростить и изложить односторонне положительно.

И все-таки это не так.

Много лет тому назад, при обсуждении экономической реформы, директор очень крупного московского завода сказал мне так: «Ну что ты, разрыва в заработной плате нельзя допускать, сразу начнется перетекание рабочей силы... Придут еще сотни инструкций, как и что делать...». «И тогда ничего не будет», - подумал я.

***

Андрей, в проблемах вашего проекта все - живое. В них поля для логических и экономических наступлений, отступлений и контрнаступлений; в них предельно обостренные альтернативы; в них роковые вопросы о внутренних готовностях снизу, о внутренних готовностях сверху и об их отношении друг к другу.

И можно начать думать, продолжать думать, и вдруг неожиданно додумать до конца. Ура!

Ю. Щеголев, 18.11.1979

Ремарка: что значит «Ура!»

Показывая мне сегодня этот текст, Юра сопровождал его кратким письменным примечанием:

«Ура!» в конце моего «Отклика» - это вскрик от противоречий: противоречий между желанием диалога и ожиданием его неудачи, между нашими научными иллюзиями и реальностью, между необходимостью реформ и их невозможностью...» (Ноябрь 2000).

(2)

А. Кетегат. Из рассказа «По знакомой дороге»²⁵⁰

<...> Почти неизбежный, наверно, на митингах пафос (тираны мира, трепещите!) начинал утомлять, когда я услышал за спиной голос, в моей фонопамяти органически несовместимый с пафосом.

– Анри! Ты здесь! Что ж не звонишь?

В самом деле: что ж? Впрочем, сблизиться с Юрой Щеголевым мы стали недавно, лишь при последних моих наездах в Питер, хотя знакомы давно.

Я услышал о нем в самом начале своего питерского периода и сразу в диковинном контексте. Мы аспирантствовали на одной кафедре, но не пересеклись, потому что я поступил в год, когда он выпустился. На заседании кафедры профессор Ядов отчитывался о своих аспирантах и, говоря о Щеголеве, разводил руками: работа в принципе готова, можно выходить на защиту, а он уклоняется... И вот мы сидим у Юры в странно бесшумной (что за соседи?) коммуналке, потягиваем напитки под наскоро изготовленную им снедь, и я не в первый раз пытаюсь разрешить давнее ядовское недоумение.

– Ты меня уже спрашивал. Ничего нового я не скажу.

---

²⁵⁰ Этот текст в рукопись книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входил. Датируется 2007 годом.

Но Юра и «старого» ничего не говорил. Потому и спрашиваю опять. Не получив ответа, догадываюсь окольным путем, через покойного Сережу Розета ²⁵¹, который был и моим другом, но Юриным – больше. Они вместе учились в университете на физическом факультете и одновременно поступили в аспирантуру факультета философского. Сережа выпустился с тем же результатом, что и Юра. Я тогда же попытался выпытать у него что да как. «Моя тетка считает, что я сумасшедший, и возможно, она права», – не смягчив теткин приговор улыбкой, сказал Сережа. Но кое-что все же приоткрыл. Я понял и запомнил так: поскольку познавательное усилие по природе своей бесконечно (если его энергия перетекает во что-то иное, оно перестает быть познавательным), на этой дистанции нет финиша; пасуя перед бесконечностью, люди довольствуются конечным – промежуточными финишами в виде ученых степеней и прочих актов общественного признания; таким образом, мы имеем здесь дело с «этикой пораженцев» (беру эти слова в кавычки, потому что запомнил их точно); следовать ей он не хочет – не потому, что метит в победители, а потому, что это не его этика.

Юра отказался соотнести свою позицию с Сережиной в моем изложении. В другой раз он отказался подтвердить предположение о его (Юры) религиозности. Ему вообще интересней расспрашивать собеседника, чем рассказывать о себе, тем более когда речь заходит о вещах интимных, сокровенных. Исполненный глубокого и соучастного внимания к собеседнику, он в то же время тщательно огораживает свои внутренние покои. Быть может, Сережу он туда впускал, их близость, мне кажется, границ не знала.

Юра был первым в нашей четверке социологов-расстриг, на рубеже семидесятых-восьмидесятых ушедших в заводские рабочие. Через восемь-десять лет, когда ситуация в стране изменилась, Сережа Розет и Андрей Алексеев вернулись в *(штатную. – А. А.)* социологию. Я, поработав, уже в Литве, слесарем-сборщиком, затем аппаратчиком реактора очистки гальванических стоков, закончил свой «трудовой путь» в экологической фирме, где, вооруженный гальваноопытом, кормился изготовлением научпопных и рекламных текстов. Юра же, авторитет которого в среде питерских социологов всегда был очень высок, отклонил все предложения и приглашения и остался оператором газовой котельной, в которую когда-то переместился с завода железобетонных изделий, где работал формовщиком.

Котельная отапливает жилые дома.

– Значит, летом перекур? – спрашиваю я.

– Да нет, летом ремонт, и не только в своей котельной.

Горло у Юры обмотано шарфом. Простыл: в котельных сквозняки. Сквозняки, посменная работа. Сегодня отстоял ночную. А лет ему уже шестьдесят шесть, и стало быть, болезни. О которых тоже не распространяется.

Распространяется о моих бумажках, которые я дал ему при последней встрече. Специальным тостом отметил «В полях предков». ²⁵²

– Ты дал мне надежду.

Я не спрашиваю, какую надежду. Контекст беседы подсказывает: надежду на то, что не все безнадежно в этом мире. Польщенный и поощренный, я протягиваю Юре новую порцию своих бумаг.

– Предлагаю честный обмен.

– Обмен на что? У меня ничего нет.

– У тебя, я уверен, залежи, из которых ты дал Андрею лишь крохи.

---

²⁵¹ О Сергее Михайловиче Розете (1940-1994) см: ДСиСА – 1 (Приложения к части1) См. также на портале «Когита.ру»: Памяти друга (Жизнь и тексты Сергея Розета) (<http://www.cogita.ru/pamyat/in-memoriум/pamyati-druga-zhizn-i-teksty-sergeya-rozeta>). (А. А. Август 2013).

²⁵² См.: Кетегат А. А. В полях предков. Семейные хроники // Иерусалимский журнал, 2006, № 23. См. также на сайтах: «Журнальный зал» - <http://magazines.russ.ru/ier/2006/23/ke10.html>; «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/ketegat.html>.

См. также: Кетегат Анри. Диск. – СПб.: Норма, 2011 (Электронная версия - http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/ketegat_disk.pdf).

Я только что перечитал эти крохи в первом томе Андреевой «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», где наши тексты соседствуют.

Из письма:

Победа страшна тем, что закрепляет насилие как способ решения проблем и даже как способ и образ жизни. /.../ Сила вызывает восторг, она опьяняет. /.../ Если общество приглашает победителя к власти, оно движется к потрясениям.

Меня вдруг осеняет: у *победы* и *беды* один корень. Лезу в этимологический словарь. Цепочка тянется из старославянского: *беда* – *бедити* (убеждать) – *победити* – *победа*. Победа – производное от беды. Увы, движение на этой дороге двустороннее, бывают и беды, производные от побед. Ведали ли делегаты «съезда победителей», что за ним последует тридцать седьмой год?

Из эссе «Труба (зарисовки внутренних противоречий)»:

...Котельная. Утро, последние часы ночной смены. Операторов двое: он наблюдает за работой оборудования, она пока отдыхает...

Но труба зовет, впереди сдача смены и дневные заботы. Она встает, части ее души еще разъединены и не согласны друг с другом. Она надевает не по размеру длинные и широкие ботинки. Она идет, она идет не от котла 5 к котлу 7, она бредет по жизни. Цели колеблются, желания изменяют, она поднимает изможденное лицо. Она смотрит: ближние больны, дальние больны, распоряжения нелепы, усилия бессмысленны. Она вздыхает, разъединенные части ее души объединяются печалью. Наступает согласие...²⁵³

– И ты хочешь, чтобы я поверил, что человек, написавший такое, больше ничего такого не написал?

– Это был случай... Людям не нравилось, и я бросил... Я все растерял...

– Это кому ж не нравилось? Не лукавь, Юра.

– Ты много на себя берешь, если думаешь, что можешь вынудить меня к лукавству.

Вот это похоже на правду. Юрина откровенность кажется мне ограниченной – сознанием своего права на сокровенное. Но искренность, по-видимому, безгранична. Как же вовлечь его в производство тепла не только для жилья, но и для некоторых живущих, озябших на вселенском ветру? Да нет, я не о служении страждущим, на котурны не приглашаю. И все же. Он, конечно, утепляет – поступками, словом в дружеской беседе... Однако ж узок круг. Так что, людям из круга за его пределами – свидетельствовать? Но свидетельство – лишь посильное отражение, блики. Да и внутри круга теплоизлучение, выстроенное в продуманный текст, было б сильнее.

Прощальное рукопожатие, поощряемое взаиморасположенностью, превращается в состязание: кто кого пережмет? Победил Юра. А ведь тощ и длинен – чистый Дон Кихот. Настольная, кстати, книга у него. В этот момент настольная буквально: лежала на столе. История любви моей бабки Стаси и деда Карла напомнила Юре «повесть о безрассудно любопытном» в романе Сервантеса. Иван, первый бабушкин муж, Сервантеса не ведая, своим умом дошел до той же «пробы добродетели» жены – пробы, одним из плодов которой стала моя мать и, стало быть, я.

В следующий приезд не буду ждать случайной встречи с Юрой. Позвоню. <...>

(Кетегат А. По знакомой дороге / Кетегат А. Диск. СПб.: Норма, 2011)²⁵⁴

= Комментарии Ю. Щеголева, ознакомившегося с текстом А. Кетегата

«...И ты хочешь, чтобы я поверил, что человек, написавший такое, больше ничего такого не написал?»

²⁵³ Первый отрывок из Ю. А. Щеголева см. в: ДСиСА - 1, с. 576. Второй отрывок – там же, с. 572. (Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_pril6.pdf).

²⁵⁴ Электронная версия - http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/kategat_disk.pdf

- На этот вопрос Анри мне следовало ответить сразу и с полной определенностью: «Да, не написал», хоть это и было бы всего лишь повторением уже данного ответа: «У меня ничего нет».

«...Победил Юра...»

- Вместе с взаиморасположенностью в нашей встрече с Анри было, как оказалось, и скрытое противоборство поиска общей темы, с одной стороны, и целеустремленности, с другой. Победил Анри, с его сильной целевой установкой на понимание меня. Я же думал, что общей темой станут «бумажки» Анри. В них меня особенно интересовало художественное преодоление тяжести «исходного жизненного материала», позволяющее вздохнуть «под грудой камней». При чтении «В полях предков» этот вздох облегчения был таким, что я даже почувствовал надежду на реальное преодоление «ошибок отцов». ²⁵⁵

А.Н. Ющенко

17.14. ПРОЛЕГОМЕНЫ СОЦИОГЕНЕТИКИ

Несколько вступительных слов

О моем, ныне покойном, друге и коллеге, социологе, кандидате философских наук Александре Николаевиче Ющенко рассказывалось в «Драматической социологии...». ²⁵⁶

...Не так давно Александр Ющенко показал мне «проспект транскризисной программы социогенетиков», составленный им несколько лет назад, в соавторстве с А.Н. Волковым (тогда - руководителем благотворительного фонда).

Текст написан в свойственной моему другу «игровой» манере: будто бы от имени «Регионального информационно-финансового треста» или (что то же самое)

---

²⁵⁵ «...Богаты мы, едва из колыбели, / Ошибками отцов и поздним их умом, / И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели, / Как пир на празднике чужом...» (М. Ю. Лермонтов. Дума. Цит. по: <http://www.stihi-rus.ru/1/Lermontov/32.htm>).

²⁵⁶ См. в: ДСиСА – 2 (Глава 6); ДСиСА – 3 (Приложение к главе 19); ДСиСА – 4 (Глава 25).

Из ДСиСА – 3:

«...Мой друг и коллега, в прошлом — заводской социолог, а в то время уже кандидат философских наук, старший преподаватель Высшей профсоюзной школы культуры Александр Николаевич Ющенко был, наряду с А.Б. Чубайсом, В.Г. Раммом, П.С. Филипповым, В.Н. Монаховым и др., среди инициаторов создания этого клуба.

Последующая его биография отчасти повторяет, а отчасти обновляет мой эксперимент социолога-рабочего, в новых общественных условиях. В сентябре 1988 г. А. Ю. уволился из Высшей профсоюзной школы культуры, по собственному желанию, и поступил на ленинградский завод «Звезда» в качестве рабочего. Полтора года работал там оператором станков с ЧПУ, причем — активно вмешиваясь «снизу» в общезаводские дела. Тогда ему предложили перейти на работу в партком завода (зав. парткабинетом).

В этой новой роли А. Ю. оказался не менее «неудобным» партийным функционером, чем до этого рабочим. Тогда, еще через год, ему предложили... место инструктора-социолога в Невском райкоме КПСС. Где он продолжал свой «эксперимент», вплоть до августа 1991 г. После работал: сварщиком в кооперативе (Санкт-Петербург); строителем и пчеловодом (пос. Лисино-Корпус, в Тосненском районе Ленинградской обл.); сотрудником Санкт-Петербургского отделения Новгородского благотворительного фонда; снова — рабочим; затем — сотрудником издательства, где занимался анализом рынка печатной продукции; и... опять рабочим, на вредном производстве.

Столь бурная трудовая биография отразилась на здоровье. Сейчас А. Ю. — на пенсии по инвалидности, чем сумел «высвободить время» для теоретических занятий.

Круг научных интересов А. Ющенко — социальная философия и социальное экспериментирование.

Предмет специальных занятий — **социогенетика** (термин, предложенный им для исследований, относящихся к становлению новых общественных форм, поначалу выступающих в качестве «социальных мутаций»).

«Реформационного историко-футурологического товарищества» (хоть так, хоть так, сокращенно - РИФТ). Все же это - скорее не программа, а социально-философское эссе...

Что же касается РИФТА, то, по существу, речь идет о круге друзей инициатора, готовых обсуждать и - отчасти - решать инновационные проблемы. Что-то вроде клуба «интеллигентов-рабочих», который социолог-испытатель пытался организовать в начале 1980-х гг. (См. в: ДСиСА – I(глава 3)).

Сам А. Ю., между прочим, пишет в этом проспекте:

«...В основу экспериментов РИФТА был положен известный социологам, журналистам и прочим разведчикам тайн иных социальных групп метод «включенного наблюдения», а точнее - интеллектуально-трудового участия в работе мельчайших подразделений индустриальных, аграрных и коммерческих предприятий.

*В этих своеобразных «клетках» социального организма типа бригад, участков, инженерных бюро, торговых точек и т. д. происходят быстротечные, по историческим меркам, столкновения различных видов активности и сопротивления, возникают **аномальные результаты, стимулирующие осмысление и сознательное преобразование окружающей среды, чреватое новыми аномалиями и очередными мучительными изменениями старых концепций.** (Выделено мною. - А. А.).*

В частности, коллектив РИФТА начал формироваться на основе наблюдений и политэкономических экспериментов в двух цехах ленинградского объединения «Звезда», производившего судовые двигатели и родственную им продукцию. Позже эта работа велась в производственных кооперативах, лесоводческом хозяйстве, торговле...».

(Здесь опускаю описание конкретных экспериментов или, по выражению А. Ю., «социогенетических фокусов». Мой друг обладает способностью шутить с серьезным видом, это - его стиль. Но за шуткой читатель, думаю, усмотрит серьезное содержание).

Ниже - фрагмент вышеупомянутой работы, посвященный общей постановке занимающих А. Ющенко вопросов. (Май 2000 – июль 2013).

= Рукопись А. Ющенко и А. Волкова (2000)

Логика историко-футурологического анализа

<...> 1. Успехи личной жизни и участия в политических событиях зависят от мудрого сочетания двух полярных свойств любого человека:

1) **РАСЧЕТЛИВОСТИ**, позволяющей тщательно измерять экономический потенциал окружающих событий, вычислять меру (межу, границу, ось) их динамического баланса и изменять, опираясь на собственный измеренный потенциал, эту меру так, чтобы баланс был плодотворным для всех участников сложного исторического события;

2) **АВАНТЮРИЗМА**, отвергающего все расчеты и испытывающего участь былинного витязя на распутье, идущего на верную гибель по неведомому пути.

Мудрость «золотой середины», органического сочетания расчетливости и авантюризма, издревле излагалась и по сей день формулируется в виде парадоксальной логики прогнозирования и творчества. Она ненавистна «здравому смыслу» - прекрасному подспорью в репродуктивной [в отличие от творческой, инновационной. - А. А.] деятельности, способному рабски следовать либо за счетоводами, либо за лидерами авантюрных движений, но пугающемуся [речь - о «здравом смысле». - А. А.] диалектики, кибернетики, генетики, синергетики и т. п. названий, означающих различные стадии разработки и практической реализации парадоксальной логики мудрых первооткрывателей неисчерпаемых сокровищ Вселенной.

2. Ключом к мудрости РИФТ считает понимание сущности категорий «количество» и «качество». В таком случае замком выступает множество исторических событий, сливающихся в неразличимый для «здравого смысла» политэкономический хаос,

в котором мудрость усматривает потаенную скважину - МЕРУ, которой как черт ладана бояться <...> любители количественных расчетов. <...>

3. Существенным моментом исторического анализа является его цель, метод и ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ. Цель, которую ставил перед собой РИФТ, заключалась в разработке логики прогнозирования естественного исторического хаоса событий и планирования собственного включения в их механизм как своеобразной «смазки» или, лучше сказать, «повитухи» при «рожающем» обществе. Метод достижения этой цели, постепенно получивший вид СИТО ²⁵⁷ сводился к рассмотрению и обобщению исторических фактов «горя от ума» и «иронии истории», характерных для биографий едва ли не всех выдающихся деятелей науки и искусства, политики и религии. В основе этих фактов лежит различное отношение активности титанов истории к сопротивлению массы исторических обстоятельств: природных, технологических, политэкономических, духовных. Это сопротивление проявляется в виде случайных, побочных, непредвиденных, одним словом - АНОМАЛЬНЫХ результатов, свидетельствующих не только о «профессиональном кренинизме» (Маркс) мудрецов, на каждого из которых, как говорят россияне, «довольно простоты», но и о первом шаге к открытию загадочного уклада сил, скрытых за очевидными обстоятельствами репродуктивной жизни. Не вина, а беда и проблема многих выдающихся персон в том, что, использовав свой талант на разгадку тайн сопротивления косной материи и на индустриальный прогресс, они спасовали перед сопротивлением социальной <...> формы материи. Доказательство - крах их «перестроек», плодами которых, как верно подметил Бисмарк, «пользовались проходимцы».

4. На этом общем выводе РИФТ строит объяснение закономерного ПРЕВРАЩЕНИЯ РАСЧЕТЛИВОСТИ В АВАНТЮРИЗМ, в частности, обесславивший архитекторов «перестройки» и отцов «приватизации». Значительно труднее объяснить планы, очерчивающие развития метода СИТО, сформированного в попытках найти меру расчетливости и авантюризма, выразив ее в картине сложнейшего баланса политэкономических сил России, раздираемых и связываемых тенденциями приватизации и централизации. Поиск такой «собственной» меры вынудили РИФТ с особым вниманием обратиться к философским и практическому наследию выдающихся «профессиональных кретинов», внесших существенный вклад в развитие логики историко-футурологического анализа, начиная с диалектики и кончая модной ныне синергетикой <...>.

В итоге РИФТ сформулировал, в наиболее удобной для себя форме, классические представления о количестве, качестве, мере и балансах, движении, полагая их [*эти представления. - А. А.*] основанием для достаточно авантюрных, на первый взгляд, социально-экономических экспериментов на предприятиях.

5. КОЛИЧЕСТВОМ мы полагаем результат сопоставления множества частей целого с натуральным рядом чисел или любой линейной шкалой, простейшая из которых содержит лишь 0 и 1. КАЧЕСТВО - результат сопоставления множества свойств части со свойствами других частей целого. От этого простейшего различия количества и качества РИФТ переходит к их синтезу в категории МЕРА: граница, за пределами которой изменение части оборачивается реакцией других частей целого и возвращением к прошлому состоянию, но с отпечатками реакции. От понимания меры РИФТ приходит к определению БАЛАНСА, как меры между различными частями целого.

Вслед за балансом последовало определение ДИНАМИКИ, РАЗВИТИЯ, МЕТАМОРФОЗ и т. п. категорий движения, как изменения меры, представляющей собой сложное образование из множества <...> сбалансированных частей, периодически устанавливающее новый порядок или структуру, поглощающую части и становящуюся НОВЫМ ЦЕЛЫМ, или системой. <...>

6. Продолжая заимствовать из опыта фундаментальных наук и приспосабливать к вычислению фактов исторического развития основные

---

²⁵⁷ Расшифровка аббревиатуры: Самофинансируемое Интеллектуально-Трудовое Обогащение.

метрологические категории, РИФТ счел возможным подойти к анализу баланса расчетливости и авантюризма в конкретной истории «марксизма», под знаменем которого развивалась экономика множества стран евразийского континента, Африки, Латинской Америки. Различие между популярной теорией и практикой «научного коммунизма», внутренние противоречия в классическом марксизме и, наконец, недостатки диалектического метода, заимствованного у Гегеля и преобразованного классиками марксизма, - таков предмет оперативных исторических исследований РИФТа, позволяющих уяснить логику прогнозирования и планирования грядущих событий с участием конкретных личностей и социальных групп.

Включение в эти исследования добровольцев ТОПАЗа ²⁵⁸ позволило бы не только полнее освоить предмет, но и сохранить для россиян рациональное зерно марксизма, торопливо выплеснутое «демократами» на свалку истории вместе с «мутной водой» апологетики.

7. Приоритет частной собственности, основанной на эксплуатации производителей, а также крах КПСС, в защиту которой не произошло массовых выступлений рабочего класса, считавшегося ее ядром и гегемоном современной истории, - два наиболее впечатляющих факта перемен в России <...>. Оба факта служат стимулом к объяснению самой существенной загадки в теории марксизма, провозгласившего противоречия двигателем развития, установившего закон «единства и борьбы противоположностей» - с одной стороны (диалектический материализм), а с другой (исторический материализм) - акцентировавшего внимание на классовой борьбе, ИСКЛЮЧАЮЩЕЙ единство пролетариата и буржуазии, прогнозировавшего победу первого и торжество пролетарского государства, а там - бесклассового общества.

Разгадку этого нонсенса следует, по мнению РИФТа искать в постепенном изменении ядра марксистской идеологии под действием обстоятельств, не предусмотренных Марксом и свидетельствующих о скрытых пороках в его диалектико-материалистическом методе. <...>

8. <...> Напрашивается вывод о преобладании политического авантюризма над расчетливостью в теории и практике марксизма, усугубленном фанатизмом разночинных последователей и обернувшимся становлением власти «проходимцев», злоупотреблявших физическим и идеологическим насилием над производителями и коммерсантами.

9. Продолжая анализ теоретического и практического наследия марксистов, РИФТ предлагает добровольцам совместно разработать и экспериментально подтвердить на площадках ТОПАЗа ²⁵⁹ более стройную теорию общественного развития, основанную на фактах сопротивления различных по сложности форм материи, выраженного в АНОМАЛЬНЫХ результатах активности различных членов общества.

Такой подход к выявлению социально-экономических балансов дает основание, в частности, для конструктивной критики теории прибавочной стоимости, исключающей из рассмотрения аномальные результаты производства, имеющие не меньшую ценность, чем прибавочная стоимость, для объяснения процессов развития капитализма и формирования акционерных отношений, карикатурно выпяченных инициаторами российской «приватизации». <...>

А.Н. Ющенко, А.Н. Волков

Санкт-Петербург, пос. Лисино-Корпус 1995

[Показав А. Ю. перепечатанные мною для этой книги фрагменты его прежних работ, я спросил, не хочет ли он сегодня откомментировать их. Он откликнулся... См. ниже. - А. А.]

---

²⁵⁸ Расшифровка аббревиатуры: Транскризисное Общество Профилактического Автономного Заключения.

²⁵⁹ Как можно понять, ТОПАЗ - более широкое «социогенетическое» сообщество, чем РИФТ.

Познание действием - лучшее «древо познания» в отечественной социологии. Но лучшее - враг хорошего. Поэтому враждебные отношения с «хорошей» социологией - естественный рок сторонников познания действием. Предлагаю превратить роковую ситуацию в плодотворную - подарить «хорошей» социологии парадокс, базирующийся на трех «китах»: 1) происшествие (чрезвычайное!); парадигма (диагноз происшествия); 3) пилотаж (освоение скрытых сил происшествия). Готов рискнуть - сыграть роль парламентаря («троянского коня») с парадоксальным подарком.

А. Ю., 11.05.2000

[Текст, как и можно было ожидать от моего друга, загадочный. Но - остановлюсь: воздержусь от дальнейших комментариев. - А. А. 2000]

В.А. Ядов

17.15. УЧИТЕЛЬ

(1)

= Из книги « Vivat, Ядов!» (2009)

В.А. Ядову – 80 лет ²⁶⁰

Если для младших поколений российских социологов Владимир Александрович Ядов все же «далекая звезда» – хоть можно и книги почитать, и лекции послушать – кому бы молодому такая активность! – то для старших и средних поколений он слишком значим профессионально и по-человечески, чтобы не оставаться постоянно в поле его притяжения. Замечательно, что это «тяготение» не тяготит, и как бы даже не ощущается. Просто невозможно себя представить «вне» этого поля.

Далеко не безупречный и не репрезентативный онлайн-опрос «Демоскопа-Weekly» середины прошлого года, тем не менее, не мог не отобразить ядовское первенство в популярности среди коллег, ближних и дальних. ²⁶¹ Ядов – харизматический лидер, каковым стал очень рано и остается на протяжении многих десятилетий, независимо от возраста, чинов и званий.

Я ограничусь здесь одним документированным эпизодом, вроде не таким уж и существенным, однако показательным. В 1979 г. Ядову, самому известному из советских социологов, только что проводшему панель (повторное исследование) «Человека и его работы» и издавшему «Саморегуляцию и прогнозирование социального поведения личности», уже смещенному с поста заведующего отделом Института социально-экономических проблем АН СССР, но еще не изгнанному из него (чем этот институт, понятно, себя прославил), исполнилось «всего лишь» 50 лет. Обстановка в том институте

---

²⁶⁰ Опубликовано в: Vivat, Ядов! М.: Новый хронограф, 2009, с. 154-156.

См. также: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 2. (Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2009&id=610). Настоящий материал опубликован также в ПС-2 (Глава 6).

Полностью в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001), эта заметка, понятно, не входила, а лишь текстом юбилейного адреса 1979 года и рассказом о повторном вручении этого адреса в 1999 году.

²⁶¹ См.: Демоскоп-Weekly. Электронная версия журнала «Население и общество». № 335/336, 2-15 июня 2008 – <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/vote01r.php>

была довольно напряженной, и надо было так составить юбилейный адрес, чтобы его, не задумываясь, подписали все – от лаборанта до директора.

Мы, сотрудники сектора социальных проблем личности и образа жизни, проявили чудеса изобретательности, чтобы облечь свои искренние чувства в достаточно казенные слова, за которыми эти чувства, однако, просвечивали.

И сочинили:

«Удивительно молодой старейшина» (В. А. Ядову – 50 лет)

Дорогой Владимир Александрович!

В день Вашего 50-летия коллектив Института социально-экономических проблем АН СССР хочет выразить свою глубокую удовлетворенность и осознанную гордость тем, что Вы являетесь его членом. Ваш славный жизненный и трудовой путь представляется Вашим коллегам неотделимым от исканий и достижений современной советской социологии, своего рода олицетворением ее исторического пути. В Вашей научной деятельности счастливо сочетались первооткрывательство и развитие заложенных Вами научных направлений, будь то современная отечественная социология труда, социология личности, разработка методологических проблем социологических исследований. Общеизвестные успехи отечественной социологии за последние 20 лет во многом обусловлены Вашим вкладом. Воспитатель целой плеяды исследователей, ныне работающих во всех концах страны, Вы являетесь удивительно молодым старейшиной советских социологов, неиссякаемым «генератором идей» и «стимулятором открытий». Органическое сочетание научной и гражданской позиции, партийная принципиальность и человеческое обаяние, свойственные Вам, позволяют сегодня сказать, что коллеги и друзья видят в Вас подлинного Рыцаря советской социологической науки. Желаем Вам, Владимир Александрович, новых открытий и творческих озарений, жизненных радостей и достижений в третьем 25-летию Вашей жизни!

25 апреля 1979 г »

Этот адрес интересен и тем, когда именно он был написан (1979), и тем, сколько лет было юбиляру (50). Такая получилась «точка пересечения биографии и истории» (пользуясь выражением Ч. Р. Миллса). В 1999 г. Ядову исполнилось, понятно, 70. И текст этого самого адреса был произнесен и вручен ему (в ту пору уже 10 лет как директору головного социологического института страны) повторно. И ведь не устарело! Замечательна верность Ядова самому себе, тому, каким его видят окружающие, и тому месту, которое занято им в современной российской социологии, какие бы должности ни занимал.

И вот теперь – 80-летие. Почти все пожелания коллег и друзей, высказанные 30 лет назад, сбылись. Хоть было за эти десятилетия немало не только радостного, но и горького.

...А зачем я все это пишу? Только ли для того, чтобы еще раз поздравить с юбилейной датой Учителя, Коллегу и Друга, сыгравшего столь важную роль в моей жизни? Нет. Зная Ядова, я уверен, что тот старый адрес не висит у него на стене в рамке под стеклом. И вновь врученный ему 20 лет спустя – тот же самый, но уже без золотого тиснения на папке – тоже куда-нибудь заделался. А тут – сборник или журнал, хоть на бумаге, хоть на сайте (...на папирусе, глиняных дощечках, в камне...), сохранит – и для него самого, и для всех его учеников, нынешних и будущих, – этот *скрипт* ближайших коллег и друзей об «удивительно молодом старейшине» отечественной социологии. Каким он был, остался и никогда не перестанет быть.

А. Алексеев. Февраль 2009

(2)

Из книги В. Ядова «Стратегия социологического исследования...» (1998)

В.А. Ядов – о «наблюдающем участии»

<...> Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс?

Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель – диагностика ситуации, как в случае изучения собрания в качестве одного из каналов выражения общественного мнения, вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования познавательная-аналитическая или (же) практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, вмешательство не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит *стимулирующее включенное наблюдение (выделено мною, термин В. А. Ядова. – А. А.)*, или, как назвал его А. Н. Алексеев, *наблюдающее участие*. Здесь наблюдатель – участник изучаемых событий – провоцирует нестандартные ситуации и исследует реакции объекта наблюдения на свои действия или стимулируемые им действия других [1; 2]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, «запрашивающие» действия других лиц, методы «сигнализации» руководству, обращение за помощью к другим лицам и организациям и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности, во-вторых.

Наблюдающее участие, по Алексееву, целенаправленно создает моделирующие действия ситуации и провоцирует (*побуждает. – А. А.*) наблюдаемых не столько приспособляться к данным обстоятельствам, сколько приспособлять среду деятельности, преобразовывать ее в своих интересах [1; 2].

<...> В современной социологии используется также метод активного воздействия на наблюдаемые процессы («активное исследование»), который ввел в практику французский социолог А. Турен [3], а позже стали использовать социологи латиноамериканских стран и другие. Активное исследование (Action research) предполагает изучение объекта, активное вмешательство путем организованных действий, провоцируемых исследователем, дальнейшее изучение и далее повторное воздействие. Такой тип исследований применяется также в системах реконструкции организаций управления. <...>

Литература

1. Алексеев А. Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: Институт социологии РАН, СПб. филиал, 1997.
2. Алексеев А. Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. СПб.: Институт социологии РАН, СПб. филиал, 1997.
3. Touraine A. Toward a Sociology of Action // Positivism and Sociology / ed. A. L. Giddens. N.Y., 1974.

(Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998, с. 199-200, 203).

(3)

= Из газеты «Троицкий вариант. Наука» (2011) ²⁶²

Скверная история

Социологическое сообщество бурлит. 21 апреля 2011 г. Президиум РАН объявил о проведении Третьего социологического конгресса в Москве в феврале 2012 г. [1]. Социологи недоуменно развели руками, ведь Третий конгресс уже состоялся в октябре 2008 г., и на его открытии, кстати сказать, было зачитано приветствие от президента

---

²⁶² Электронная версия - <http://trv-science.ru/2011/12/06/skvernaya-istoriya/>

РФ Дмитрия Медведева [2]. В мае 2011 г. ведущие социологи из «Левада-центра», ФОМ, ВЦИОМ, Высшей школы экономики и Института социологии РАН обратились к президенту Академии наук Юрию Осипову с просьбой пересмотреть распоряжение Президиума РАН [3]. После этого новый конгресс был назван «Четвертым».

Социологи опять развели руками. Дело в том, что решение о проведении такого конгресса могло принять только Российское общество социологов (РОС), и никто другой. Более того, Президиум этой организации в ноябре прошлого года уже решил, что следующий конгресс пройдет в Башкирии осенью 2012 г. [4] и подготовка к нему уже идет полным ходом. ПРАН, по-видимому, не стал вдаваться в такие «подробности», и в следующем году в России состоятся сразу два «Четвертых социологических конгресса». Один, по убеждению социологов из РОС, нелегитимный, в Москве, в феврале. Другой, объявленный РОС, в Уфе, в октябре.

Недавним аккордом в этих спорах стало решение Президиума РАН от 22 ноября 2011 г., согласно которому, по представлению Отделения общественных наук, было одобрено создание новой «академической» Социологической ассоциации России — САР в статусе единственного легитимного представителя отечественных социологов в соответствующих международных организациях. В связи с этим к президенту РАН Юрию Осипову поступило новое открытое обращение социологов, которое на данный момент подписали более 80 ученых [5].

В чем же причина разногласий внутри социологического сообщества? Публикуем комментарий докт. философ. наук, профессора, декана социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук **Владимира Ядова**.

Прежде всего напомним, что в России уже есть национальная социологическая ассоциация. Это — Российское общество социологов, которое существует и активно действует вот уже около 20 лет. РОС было создано в качестве профессионального объединения в 1989 г. по решению Президиума Советской социологической ассоциации (ССА), как республиканское (в рамках РСФСР) отделение ССА. После распада Советского Союза РОС в 1992 г. стало единственным представителем отечественных социологов в Международной социологической ассоциации.

К настоящему времени РОС насчитывает свыше 4000 членов, 74 региональных отделения и 29 исследовательских комитетов. Из общественных социологических ассоциаций только РОС включено в справочник РАН, что свидетельствует о его признании Президиумом РАН как ведущей национальной ассоциации, и только РОС из социологических объединений включено в список ВАК для обязательной рассылки рефератов диссертаций по этой специальности.

Почему же теперь Президиум РАН решил создать новую ассоциацию, «забыв» о существовании РОС?

20 лет назад

Институт социологии РАН был создан в 1988 г. Постановлением Президиума РАН, на базе тогдашнего Института социологических исследований. Его директором-организатором стал проф. В.А. Ядов, который руководил институтом с 1988 по 2000 г. В самом начале Ученый совет Института социологии раскололся — на сторонников альтернативных исследовательских программ. Программе В.А. Ядова тогдашний член-корр. АН СССР Г.В. Осипов противопоставил свою программу. Первая была нацелена на исследование процессов перестройки, вторая — скорее на выявление негативных ее следствий. В итоге в 1991 г. Геннадий Осипову удалось создать свой Институт социально-политических исследований (ИСПИ РАН) [6], куда перешла часть сотрудников, включая закрытый отдел, проводивший опросы по заданию КГБ (задания прикрывались указаниями отдела науки ЦК КПСС). В том же году он был избран академиком РАН.

Позволю себе небольшое историческое отступление. Став директором-организатором Института социологии, я начал знакомиться с его подразделениями. Начальник первого отдела говорит: «Владимир Александрович, у Вас не оформлен допуск к материалам совсекретности». «Так оформляйте!». Через пару дней этот персонаж сообщает, что в Ленинградском отделении КГБ мое досье найти не могут (!?), и говорит: «Ладно, знакомьтесь с нашим особым отделом».

Отдел в ином здании. Еду туда. Они, оказывается, проводят опросы: кто слушает западные радиостанции, каковы настроения немцев Поволжья и т. п. Иду к вице-президенту РАН по социальным наукам В.Н. Кудрявцеву (светлая ему память):

— Владимир Николаевич, в институте есть некий филиал КГБ. Надо немедленно убрать.

— Как убрать?

— А так, Вашим распоряжением.

— Наивный Вы человек.

— Тогда я попрошу нашего депутата Татьяну Ивановну Заславскую выступить на Съезде народных депутатов и сообщить, что в академическом институте есть структура КГБ.

В.Н. Кудрявцев связал меня с зам. председателя КГБ генералом Ф. Бобковым, надзиравшим тогда над интеллигенцией. Состоялся доверительный получасовой разговор (предложена чашечка кофе), который закончился договоренностью о дальнейших переговорах через доверенного генералом порученца. Мы регулярно встречались в моем кабинете, и переговорный процесс завершился не упразднением этого отдела, а переводом его в отколовшийся от Института социологии ИСПИ.

Конкуренция теорий?

Может быть, именно идейные и теоретические предпочтения инициаторов САР побудили их самоорганизоваться в особую ассоциацию?

Напомню, что происходило в постсоветской социологии после падения «железного занавеса». В области социологической теории, отринув «единственно научную» опору — исторический материализм, отечественные социологи поначалу обратились к концепции структурного функционализма, представляющей «нормальное» общество хорошо слаженной социальной системой.

Но, увы, ничего подобного в постсоветской России не наблюдалось. И тогда явилось множество сторонников самых разных теоретических подходов, каковых в современной социологии десятки. На фоне «прозападных», т. е. тех, кто стремился осмыслить те или иные концепции применительно к российскому обществу, объявились «истинные патриоты», провозгласившие своим кредо «консервативную социологию», неким образом связанную с православием [7].

Между тем, на мой взгляд, среди социологических теорий есть те, которые более адекватны современным реалиям. Это и различные версии глобализационных концепций, теории повышенных рисков, инвайроментальные концепции, активистские подходы с упором на деятельных субъектов, преобразующих наличные социальные структуры, и немало других, включая и теории, направленные на изучение и интерпретацию повседневной жизни людей и их «жизненных миров».

О гражданской позиции социолога

Думается, главная причина раскола в социологическом сообществе состоит в том, что в постсоветской России академические социологи разделились на сторонников сервильной социологии, обслуживающей властные структуры, и сторонников иного понимания своих функций, о чем говорится в приведенном ниже Открытом письме большой группы социологов.

Те, кого я называл сервильными, видят свою задачу в повышении роли социологии «в системе научного управления обществом». Таков девиз объявленного на февраль 2012 г. Четвертого социологического конгресса (all-russia-sc.ru), организованного ПРАН, открытие которого состоится не где-нибудь в академическом или университетском зале, но (слушайте, слушайте!) в Колонном зале Дома союзов, причем распоряжением президента РАН на проведение этого конгресса выделены средства Российской академии наук.

Всё это побудило нас обратиться к общественности со следующим письмом.

Письмо это долго согласовывалось и было подписано более 40 социологами из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и других регионов, но опубликовано не было, ибо случилось так, что Президиум РАН благословил создание альтернативной социологической ассоциации. И вовсе странно, что решение об образовании этой ассоциации было принято без ведома Ученого совета Института социологии, названного одним из соучредителей САР, и более того — на собрании под председательством директора именно этого института член-корр. РАН М.К. Горшкова [8].

После такого действия проблемы профессиональной этики лучше обсуждать без спешки.

Решением об утверждении САР, этически неприглядным и граничащим с нарушением правовых норм, — Президиум РАН стараниями жаждущих властного контроля над сообществом социологов оказался вовлечен в очень скверную историю.

Владимир Ядов

Выражаем признательность социологу А.Н. Алексееву за помощь в подготовке статьи.

1. www.ras.ru/presidium/documents/directionsp.aspx?ID=3906e697-eb3a-432d-8833-79dc558a86bf
2. <http://kremLin.ru/news/1805>
3. www.poLit.ru/dossie/2011/05/26/Letter_soc_to_osipov.html
4. www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=409&p=5
5. www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=360
6. О том, как трактует размежевание ИСИ и ИСПИ в 1991 г. сам Г. Осипов, см., например, в одной из его биографий: www.peopLes.ru/science/philosophy/gennady_osipov/
7. Из доклада руководителя Центра консервативных исследований социологического ф-та МГУ проф. А. Дугина на пленарном заседании V Всероссийской научной конференции «Сорокин-ские чтения» 1 декабря 2009 г.: «Общий набор консервативных ценностей, в пользу которых склоняется общество, в целом очевиден — это ценности государства, суверенитета, державности, семьи, нравственности, стабильности, гармонии, традиции, исторической укорененности, сохранения и укрепления национальной, культурной и духовной идентичности. Часто к этому добавляют вновь открытые ценности религии». (www.sorokinfond.ru/index.php?id=1018)
8. В 2007 году те же члены РАН, что ныне инициировали создание САР (Социологической ассоциации России), предприняли учреждение ССР — Союза социологов России, примерно с той же целью. Об этом подробно сообщалось на «Полит.ру» — Наталия Демина, Советский социологический реванш. Репортаж и интервью с главными действующими лицами. 11 июля 2007. (<http://poLit.ru/article/2007/07/11/soc/>).²⁶³

На сайте ТрВ-Наука также будет опубликовано Открытое письмо президенту Российской академии наук Ю.С. Осипову, подписанное президентом РОС, профессором В.А. Мансуровым, президентом Сообщества профессиональных социологов, членом

---

²⁶³ См. об этом также подробно: ПС-3 (Глава 8).

исполкома Международной социологической ассоциации (МСА), профессором Н.Е. Покровским, сопредседателем правления Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС) О.Б. Божковым, экс-президентом Советской социологической ассоциации, академиком РАН Т.И. Заславской, президентом-организатором РОС, членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным и экс-президентом РОС, профессором В.А. Ядовым. Это письмо было передано в канцелярию РАН в день заседания Президиума РАН, утвердившего решение о создании САР.

Открытое письмо также подписали более 70 социологов из Екатеринбурга, Калуги, Кирова, Костромы, Красноярска, Москвы, Мурманска, Санкт-Петербурга, Перми, Самары, Саратова, Хабаровска и других городов России.

Сбор подписей продолжается.

О профессиональной этике в социологии (Открытое письмо)

Приближающийся 2012 год сулит стать бурным для российской социологии.

По фактическому положению дел собираются два параллельных всероссийских съезда социологии, притом под одним и тем же порядковым номером — «IV Всероссийский социологический конгресс». Один из них созывается Российским обществом социологов (РОС)— национальной организацией российских социологов, представляющей профессиональное сообщество в Международной социологической ассоциации, другой — распоряжением президента государственной организации РАН. Один съезд— **«Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие»** — будет проходить в Уфе, другой — в Москве с программой «Социология в системе научного управления обществом».

Можно и должно в деталях анализировать платформы обоих съездов, тем более что за этими платформами стоят принципиально различные, иногда диаметрально противоположные позиции в отношении смысла, задач и целей социологии вообще и, в частности, в современной России. Если первые, связанные с РОС, видят в социологии прежде всего науку, предлагающую обществу реальную картину того, что в нем происходит и как относятся к происходящему различные слои населения, то вторых в основном заботит включенность социологии в аппарат власти и стремление непосредственно участвовать в управлении социальными процессами. Согласимся, это достаточно разные подходы к пониманию места и задач социологии в обществе, равно как и к пониманию гражданской позиции социолога.

В ходе подготовки московского съезда его организаторы, зная, что ряд известных российских социологов принципиально отказывается принимать участие в этом административно устраиваемом съезде, без должного согласования включают их в состав управляющих органов съезда и в программу конгресса.

Создается ситуация, когда социологи, не желающие, чтобы их имена каким-либо образом ассоциировались с объявленным наряду с уже готовящимся в октябре 2012 г. очередным съездом РОС, к немалому удивлению, обнаруживают свои фамилии в программе конгресса в роли сопредседателей секций и других сессий.

Эта ситуация — за пределами норм приличия и элементарной порядочности. Вызывает крайнее недоумение участие в составе бюро оргкомитета и Программного комитета данного конгресса декана соцфака МГУ проф. В.А. Добренькова, в 2007 г. публично уличенного в плагиате по итогам работы специальной комиссии, созданной Общественной палатой РФ в связи с жалобой студентов факультета на качество обучения и условия для занятий.

В связи с этим нижеподписавшиеся уведомляют научное сообщество о том, что они не имели, не имеют и не собираются иметь никакого отношения к вышеназванному собранию.

Ноябрь 2011 г.
(Следует более 40 подписей)

(Цит. по: Троицкий вариант. Наука, 2011, 6 декабря, № 193)

Вместо заключения (к главам 15-17)

Выше отмечалось, что перечень около 50 действующих лиц (собеседников, соучастников, соавторов) рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) относится только к тем персоналиям, материалы которых и / или о которых - полностью или частично - не вошли в издание 2003-2005 гг.

Напомним этот список:

- К.А. Абульханова-Славская; И.В. Баландина; Р.Г. Баранцев; О.Э. Бессонова; А.В. Блюм; Р.Н. Блюм; З.Г. Вахарловская; А.Н. Волков; В.И. Герчиков; М.Я. Гефтер; В.Д. Глухов; Е.И. Головаха; А.Э. Головкин; В.Б. Голофаст; П.Т. Гончаров; Л.А. Гордон; И.К. Грушевая; В.Н. Дмитриевский; Б.З. Докторов; В.П. Дудченко; В.С. Дудченко; Л.К. Дудченко; А.М. Зверев; Л.Е. Кесельман; А.А. Кетегат; Г.А. Климентов; А.А. Кроник; Э.П. Кудрявцев; А.Р. Ленчовская; Р.И. Ленчовский; Б.И. Максимов; С.Ф. Минакова; С. Никитин; В.Б. Ольшанский; К.С. Пигров; Н.А. Преображенский; С.С. Рапопорт; В.Е. Ронкин; О.Г. Савельев; Г.И. Саганенко; К.А. Свасьян; Н.С. Сергеева; В.В. Сокирко; М.М. Соколов; А.Г. Солипатров; В.М. Тягушев; Б.Ф. Шифрин; А.Ю. Чернов; С.В. Чесноков; Ю.А. Щеголев; А.Н. Ющенко; В.А. Ядов.

А теперь добавим к этому перечню тех, кто в основном корпусе 4-томника фигурирует - в качестве автора (соавтора) того или иного текста (документа). Произвести такую «перепись» нетрудно, в частности, благодаря представленным в томах 1 и 3 спискам «действующих лиц».²⁶⁴

Итак:

- К.А. Абульханова-Славская; В.М. Алексеев; Е.И. Алексеева; Е. Анисимов; А. Аронов; В. Антошин; Ю.Н. Афанасьев; А.К. Базникин; И.В. Баландина; Р.Г. Баранцев; И. Басова; О.И. Байдан; С.Г. Балугин; А.В. Баранов; Ю.М. Барбой; А. Батаев; Г.С. Батыгин; С.В. Белановский; Б.Д. Беликов; Н.И. Белова; Н.В. Беляк; В.Г. Беляков; Д. Берто; О.Э. Бессонова; А.В. Блюм; Р.Н. Блюм; В.В. Богданов; Г.А. Богомолов; О.Б. Божков; Л.Г. Брылева; М. Буравой; Г.В. Бурковский; А.Л. Валиевский; Т. Васильева; И.А. Васильева; В. Василькова; З.Г. Вахарловская; А.А. Вейхер; А.Я. Винников; И.В. Виноградов; А. Винокур; О.Т. Вите; П. Вихалемм; А.Н. Волков; О. Гарыгина; Г.Д. Гачев; А.И. Гельман; В.Я. Гельман; Г. Генкин; М.В. Георгина; В.И. Герчиков; В.М. Герчиков; В. Гефенидер; М.Я. Гефтер; В.Д. Глухов; Е.А. Голиков; А.Г. Голов; Е.И. Головаха; А.Э. Головкин; В.Б. Голофаст; М.Д. Голубовский; Л.И. Гольдштейн; П.Т. Гончаров; Я.А. Гордин; М.А. Гордин; Л.А. Гордон; М.В. Горный; Д.А. Гранин; Л.И. Графова; Н.П. Грибалева; В.Е. Григорьев; А. Грицанов; И.К. Грушевая; А.В. Гулыга; Л.С. Гурьева; М. Гушин; А.В. Давыдов; С.С. Дегтярев; Б.З. Докторов; В.Э. Долинин; В. Дмитриев; В.Н. Дмитриевский; Т.М. Дридзе; В.П. Дудченко; В.С. Дудченко; Л.К. Дудченко; Т. Дурасова; В.Н. Дьяченко; А.С. Ежелев; А. Железцов; Г. Ж.; Г.И. Забелкин; Е.М. Заблоцкий; В.И. Заворотный; Т.И. Заславская; В.П. Захаров; А.М. Зверев; Ю. Зерчанинов; Т. Золотницкая; М.В. Зоркая; А. Зубков; Г. Зяблова; Б.И. Иванов; М.Е. Илле; В.В. Кавторин; Н.С. Катерли; Л.Е. Кесельман; А.А. Кетегат; С.В. Кирилец; Г.А. Климентов; Э.В. Клопов; А.Д. Ковалев; В.Л. Кожара; О.А. Козина; А.В. Козлов; Н.А. Козлов; Н.И. Козлова; И.С. Кон; В.Г. Комаров; Ю.Н. Кондратьева; Н.Р. Корнев; Л. Корнилов; В. Коряк; Н.А. Косиков; В.В. Костюшев; В. Косульников; А. Крестинский; В.Б. Кривулин; А.А. Кроник; Н.А. Крюкова; И.В. Кудрова;

---

²⁶⁴ Сюда добавим также тех, чьи тексты, кроме уже учтенных, фигурируют в томе 2 «Из неопубликованных глав».

Э.П. Кудрявцев; Г. Кузнецов; И.С. Кузьмичев; В. Курсов; М. Лауристин; Г.С. Лебедев; Ю.А. Левада; М.Б. Левин; В.А. Лекторский; А.Р. Ленчовская; Р.И. Ленчовский; Ю.В. Линник; Т. Лиханова; А. Луговцева; Н. Лукашевич; Л.Я. Лурье; С.А. Лурье; А.А. Любищев; Б.И. Максимов; Н.К. Максимова; В.К. Малушенко; А. Малюк; А.Н. Марасов; Ю.С. Мархашев; А.П. Марьяненко; М.Г. Мацкевич; С.В. Мейен; В.А. Мельник; С.Ф. Минакова; Б.И. Миронов; С.В. Михельсон; Р.С. Могилевский; В.Н. Монахов; А.К. Назимова; В.В. Налимов; Р.В. Наумов; С.В. Ненашев; Ю.М. Нестеров; С. Никитин; С.Г. Никитин; Т.А. Нилова; О.А. Новиковская; И.А. Новиковский; В.Б. Ольшанский; Ю.А. Огибин; М.В. Оршанская; В.Я. Очаковский; В.И. Павленко; В.И. Паниотто; Т.В. Петкевич; Е.С. Петренко; К.С. Пигров; Л.А. Пинчуков; О. Н. Поддобрый; Г.С. Померанц; О. Попова; Н.К. Поречная; С.Н. Поршняков; С. Почин; И.С. Преловская; Н.А. Преображенский; Е.М. Прошина; И.В. Прусс; Д.К. Равинский; Э.Б. Ракитская; В.Г. Рамм; С.С. Рапопорт; Ю.М. Резник; С.М. Розет; В.Е. Ронкин; Ю.М. Рост; В.Ш. Рубашкин; И.П. Руденко; С. Русинов; Р.В. Рывкина; Е.А. Рыжов; А. Рябчук; Ю. Романюк; О.Г. Савельев; Г.И. Саганенко; А.А. Сарно; К.А. Свасьян; Д.Я. Северюхин; А.В. Седов; М.В. Седунова; В.В. Семенова; А. Сергеев; Н.С. Сергеева; Н.К. Серов; А. Скобов; В.В. Сокирко; Л. Соколецкий; М.М. Соколов; Э.В. Соколов; А.Г. Солипатров; А.С. Соснин; О.В. Старовойтова; Л.Н. Столович; А.Ю. Сунгуров; Д. Сысоев; А.В. Сыщев; Л. Тархова; В. Татарникова; А.А. Темкина; В. Тимощенко; А.В. Тихонов; Д.Я. Травин; И.И. Травин; Г.И. Трубников; Г.Л. Тульчинский; В.М. Тягушев; С.И. Файбушевич; П.С. Филиппов; Б.М. Фирсов; М. Фирсова; И.О. Фоняков; В.С. Харитонов; Н.Н. Харькова; В.Е. Хмелько; У. Ходоровская; Г. Хороших; Б. Хохряков; Г.М. Цурикова; Т. Чагунава; Е.М. Чевкина; А.Ю. Чернов; Ю. Черняков; С.В. Чесноков; В.Ф. Чеснокова; М.М. Чулаки; В.Л. Шейнис; П.Б. Шелищ; Б.Ф. Шифрин; Ю.А. Шрейдер; В.Н. Шубкин; Н.Я. Шустрова; Ю.А. Щеголев; Н.Ю. Щербаков; В. Юфимец; А.Н. Ющенко; В.А. Ядов; А.Н. Яковлев; И.М. Яковлева, А.А. Ярошинская..

В общей сложности получается около 300 персоналий.

Завершая работу над этой главой («Заслуженные собеседники») я удостоверился в том, что теперь практически все материалы «циклопической» Седьмой главы рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) нашли свое место – не в основном корпусе издания 2003-2005 гг, так в настоящих двух томах «Из неопубликованных глав».

А. Алексеев. 7-30.07.2013

Постскриптум (к главам 15-17)

[В отличие от тома 1 «...из неопубликованных глав», проект которого я в свое время широко рассылал друзьям и коллегам, прежде чем вывесить в сети²⁶⁵, проект данного (2-го) тома я показал лишь нескольким близким друзьям, и то – лишь тем, с кем следовало согласовать содержание «персональных» разделов и, возможно, устранить неточности.

*Среди таких адресатов был очень прилежный читатель моих опусов **Виталий Николаевич Дмитриевский**. Озвучившись с этим проектом, В. Д. откликнулся спонтанной рецензией, в свою очередь вызвавшей мой отклик. И этот обмен корреспонденцией я привожу ниже. – А. А. 18.08.2013]*

= В. Дмитриевский – А. Алексееву

²⁶⁵ См. выше: Глава без №.

...Сразу же прочитал всё известное и неизвестное мне. В целом производит большое впечатление: монументально, ёмко, насыщенно. Композиция удачна. Последовательный ввод в проблематику, в лексику, этапность периодов, смена времен, форм власти, поколений, стилей мышления. Типы и типажи. Что ни имя - то Личность, Индивидуальность. Многообразные модели существования в разных призваниях, профессиях, окружениях, межличностных связях, в семьях, наконец, борьба приоритетов и совмещенность (или несовместимость, таящая в себе драматизм) этих моделей в конкретных судьбах.

Генеалогические деревья уникальны и разнообразны.²⁶⁶ Экскурс в глубины ветвей и возникновение некоей целостности из поколенческих переплетений - очень интересно! Очень увлекает Твой опыт профессионального и личностного общения, который материализуется в конечном счете в искусство диалога на уровне высокого обобщения, Твоя способность в диалоге выявить человеческую сущность разных людей, их многоликость, разнообразие психологических посылов и откликов на них. Вообще природный инстинкт общения, диалога, публичности свойственен всякому человеку. У людей искусства и науки он реализуется в художественном и научном творчестве, у других людей -- в контактах, в страстных поисках партнеров по быту, по жизни. Феномен Бобчинского и Добчинского - просьба Хлестакову - расскажите о нас в Петербурге! - сегодня массово реализуется в СМИ, в ТВ, в фейсбуке: смотрите, я пришел! Вот я с собачкой, вот я с цветочком, вот просто я! , душа рвется на простор Вселенной, жаждет восторга взаимного узнавания и признания, простодушные люди бегут от одиночества, от однообразия жизни. Но срабатывает и психологический закон -- повернуться к людям, к собеседнику лучшей своей стороной. И здесь многих постигает катастрофа пустоты. Мера "многоликости", ролевых игровых возможностей разная. Иногда с возрастом играемая ранее роль становится сущностью. Желание прожить несколько жизней, несколько ролей естественное стремление раздвинуть житейские рамки.

Что-то меня повело куда-то в сторону, но Ты уж извини.

Выстроить в публичном диалоге свою оригинальную картину мира, сделать ее достоянием других - удастся сильному таланту, способному расширить границы времени и пространства, наполнить их новым смыслом и живым чувством -- вот это уже непосредственно о Тебе.

У моего "героя" Ф.И. Шаляпина книга называется "Маска и душа" - театр и жизнь. Но смысл названия гораздо богаче - многоликость и сущность. и не на сцене, а в жизни, как выражение личностного богатства.

Твоя бесспорная и великая заслуга, - умение вести разнонаправленный взаимообогащающий диалог с множеством самых разных партнеров, раскрывать в диалоге смыслы бытия в различных пространственных и временных полях, сохраняя при этом собственную личностную индивидуальность и не подавляя, а наоборот, глубже раскрывая индивидуальность собеседников, провоцируя на неожиданную импровизацию, игровую фантазийность.

Дололнение получил. По-моему, ты сильно преувеличиваешь мой вклад в мировую культуру, но читать все равно приятно - слаб человек!

Вот такие мои впечатления. В общем - поздравляю. Извини за сумбур -- захотелось сразу откликнуться. Хотя жаль, что ты не предполагаешь бумажного варианта книги. Я -- дремучий консерватор и не хочу отказываться от роскоши лежания на диване с интересной книжкой и карандашом.

<...> (18.08.2013).

= А. Алексеев – В. Дмитриевскому

---

²⁶⁶ См. ниже: Из неопубликованных глав. Том 2/2 (Главы 20 и 21).

...Слаб человек! Не только Ты. Вот и я читал твои комплименты с удовольствием. А особенно – когда Тебя «ведет куда-то в сторону». Очень при этом содержательно получается.

Да, я – не без претензии на «монументальность, емкость, насыщенность». И ДИАЛОГ очень ценю, в отличие от СПОРА. Истина вряд ли рождается в спорах. Диалог, полифония – другое дело.

Творчество, познание, общение (все три ипостаси свободной жизнедеятельности) резюмируются в диалоге. Не случайно – ТЕАТР. Не случайно и - ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ.

Ладно, теперь уже меня «повело в сторону»...

Не знаю, обратил ли Ты внимание в моей последней, августовской рассылке на информацию о рубрике «Драматическая социология» в интернет-журнале Евгения Берковича «Семь искусств. Наука. Культура. Словесность» (<http://7iskusstv.com/index.php>)

Эта рубрика там - с апреля 2013 года.

Евгений Беркович – математик, публицист, историк, редактор и издатель целого букета электронной периодики, где и уже упомянутые «Семь искусств», и журнал-газета «Мастерская» (<http://club.berkovich-zametki.com/>), и сетевой альманах «Еврейская старина» (<http://berkovich-zametki.com/Starina0.php>). Живет же он, с 1995 года, в ФРГ (Ганновер).

Предложение вести эту рубрику в «Семи искусствах» я получил от редактора этого журнала, после того, как тому случилось ознакомиться с некоторыми моими публикациями на Когита.ру. (С подачи одного общего знакомого, я посылал Е. Б., которого лично не знал, свои рассылки).

В итоге, в номерах интернет-журнала за апрель-июль 2013 появилось следующее (за названием следует своего рода «баннер», обычно извлекаемый самим редактором из авторского текста):

Андрей Алексеев

Познание действием. Так что же такое «драматическая социология»? - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer4/Alekseev1.php>

В какой-то момент (похоже, в конце 70-х — начале 80-х), в частности, у будущего автора «драматической социологии» произошла этакая оригинальная сверхидентификация с профессией, когда собственная жизнь стала восприниматься как объект и инструмент некой социологической студии. Социология стала жизнью, а жизнь — социологией.

Андрей Алексеев

Еще о драматической социологии. Два научных доклада и одна иллюстрация: Как Серега был «штрейкбрехером» - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer5/Alekseev1.php>

“Эксперимент социолога-рабочего” продолжался 8,5 лет. Скажем так, подзатынулся по независимым (а впрочем — почему независимым? может, как раз наоборот, самим экспериментатором созданным...) причинам.

Содержание:

= К выходу в свет 4-томника “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (2007)

= Драматическая социология и социологическая ауторефлексия (2000)

= Как Серега был «штрейкбрехером» (1982)

= Как Серега был «штрейкбрехером» (окончание) (1982)

= Анри Кетегат: «Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному...» (1983)

= Из записей для памяти (1984)

Андрей Алексеев

Корни и ветви. В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой: «эстафета памяти» и два примера семейной хроники - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer6/Alekseev1.php>

Все большее количество людей ныне задумываются над своими «корнями» и осознают себя в качестве «веточек» генеалогического древа. Некоторые обращаются и к

собственной, частично прожитой, жизни как предмету саморефлексии и осмысления. Тем, кто захотел «остановиться, оглянуться», могут пригодиться эти заметки.

Содержание:

1. Теория: эстафета памяти

= Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъяснение себя (заметки об «эстафете памяти»)

= Приложение

2. Практика: две семейных хроники

= А. Алексеев. Коротка моя память... (О моих родителях – для моей дочери)

= 3. Вахарловская. О моей матери, о моих родственниках и о себе самой

Андрей Алексеев

Корни и ветви. В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой: «эстафета памяти» и два примера семейной хроники (Окончание) -
<http://7iskusstv.com/2013/Nomer7/Alekseev1.php>

Люди часто возвращают Добро не тем, от кого они его получили. Это своеобразный закон «круговращения Добра». Никогда не надо ждать благодарности за сотворенное Добро. Тем более «требовать» такой благодарности (чем само принесенное ранее Добро обесценивается).

В «портфеле» интернет-журнала и еще несколько материалов, на смежные темы, ждут своей очереди.

(Примечание: Только что вышел 8-й номер жунала с очередным материалом под рубрикой «Драматическая социология»:

Андрей Алексеев

Эксперимент социолога-рабочего Из «Писем Любимым женщинам» -
<http://7iskusstv.com/2013/Nomer8/Alekseev1.php>

Есть у автора одна нескромная претензия. Как ни относиться к этим «заметкам из жизненной самодеятельности» сегодня, это — документы. Не «исторические», и даже не «документы времени» (масштаб не тот, да и фигура не тех масштабов), а своего рода «рентгеновский» снимок сознания человека, принадлежащего к определенному социальному слою, к определенному поколению, к определенному социально-психологическому типу людей в обществе Развитого социализма.

Содержание:

= Театр жизни и эпистолярное хулиганство

= «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива (Кто сошел с ума?)

= Притча о Генеральной линейке

= Наладчик и бригада («партизанщина»)

= Итак, я ловлю рыбу... (Перевернутый шаблон и вокруг него)

= «Я вот уже два года здесь работаю...»

= Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив»

А.А. 1.09.2013)

Печататься в журнале «Семь искусств» я считаю для себя честью.

...В начале августа, когда стало известно о кончине Леонида Кесельмана, я составил композицию из подготовленной Б. Докторовым подборки откликов на его смерть и фрагментов из «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (2003-2005), посвященных нашему общему другу.

Я предназначал эту композицию для Когиты, но отправил и Берковичу, заметив, что, может быть, стоит опубликовать ее в «Семи искусствах» вне очереди, отодвинув посылавшиеся ранее материалы.

Ну, «вне очереди», я понимал, как «через месяц». То есть в августовском номере.

Каково же было мое изумление, когда СПУСТЯ 12 ЧАСОВ я увидел этот объемный (около 3 печ. листов) материал опубликованным – в журнале-газете «Мастерская», которая может, оказывается, пополняться хоть ежедневно.

Вот смотри:

Андрей Алексеев: Диалоги о предмете социологии (<http://club.berkovich-zametki.com/?p=6377>)

Содержание:

1. Памяти Леонида Евсеевича Кесельмана (1944-2013)

2. Человек в обществе и общество в человеке

- А. Алексеев: О книге «Галина Старовойтова — продолжение жизни» (2003)
- Л. Кесельман: Несколько слов о том, кому и зачем нужна социология
- Мой комментарий к текстам Л. Кесельмана (2003)
- Б. Докторов: Заочное выступление на Методологическом семинаре Социологического института РАН (декабрь 2003)
- Б. Миронов: Из рецензии на книгу «Галина Старовойтова — продолжение жизни» (2003)
- 3. «Пусть каждый будет сам себе методолог и сам себе теоретик...» (заветы Ч. Р. Миллса)

Вот такие «чудеса» случаются в НАШЕМ кругу и в век ИНТЕРНЕТА.

Пожалуй, остановлюсь, чтобы не уподобиться Бобчинскому и Добчинскому.

<...> 18.08.2013.

+++

Глава 18

СУБЪЕКТЫ САМОСТОЯНИЯ

Содержание главы 18

От автора – сегодня

- 18.1. «НАДОБНО РАСКРЫТЬ И В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОДОБИЕ ЭКВАТОРА...» (ГАВРИИЛ БАТЕНЬКОВ)
  - 18.2. ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК СОЦИОЛОГ
  - 18.3. "ОСТРОВ САХАЛИН" (АНТОН ЧЕХОВ)
  - 18.4. «Я ТЕПЕРЬ НЕ УМРУ...» (ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР КРУТИЦКИЙ)
  - 18.5. СЛОВО ПЕРЕД КАЗНЬЮ (БОМБОМЕТАТЕЛЬ ИВАН КАЛЯЕВ)
  - 18.6. ЖИЗНЬ И СУДЬБА (ИНЖЕНЕР-КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ ВЛАДИМИР КОСТЕНКО)
  - 18.7. «КРУТОЙ МАРШРУТ» (ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ)
  - 18.8. ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ (ПЕТР АБОВИН-ЕГИДЕС)
-
- 18.9. СЛОВО И ДЕЛО АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ
  - 18.10. 100 СЕМЕЙСТВ СЕЛА ВИКУЛОВО 20 ЛЕТ НАЗАД (О САМОДЕЯТЕЛЬНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ГРАЖДАНСКОМ ПОДВИГЕ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ А.В. ДАВЫДОВА)
  - 18.11. «Я ВАМ ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ...» (ЗАКИР ГАБАЙДУЛИН)
  - 18.12. «НАДО ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО НАДО...» (АНДРЕЙ КУБАНИН)

Вместо заключения (к главе 18)

Ремарки

- Чехов – социолог (раздел 18.3); Агиография XX века (16.4); Лицо и Система (18.5); Письма-дневники Юлия Даниэля (18.9); Жизнь не по лжи (18.10)

**

От автора – сегодня

В отличие от предполагавшихся в рукописи «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (1999-2001) «заслуженных собеседников» (собеседников, которых автор «заслужил»), настоящая глава включает материалы, относящиеся к лицам, которых собеседниками автор назвать не решает, но созвучие с

которыми и значение которых для авторской рефлексии весьма велики. Это – выдающиеся творцы и деятели прошлого и (лишь отчасти) настоящего времени.

В основном, эти материалы входили в состав так называемой «Седьмой главы» рукописи (см. Приложение к данному тому). Однако в издание «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» 2003-2005 гг. они остались «за бортом», что для автора было, понятно, огорчительно.

Круг этих «заочных» действующих лиц книги был широк и разнообразен. Он включал представителей ДВУХ ВЕКОВ: XIX и XX-го. Это были, как правило, ПОДВИЖНИКИ. В поисках общего определения автор остановился на формуле: **СУБЪЕКТЫ САМОСТОЯНИЯ.**

Понятно, что это определение может быть отнесено и к другим героям нашего повествования (например, из тех, кому посвящено особенно много страниц: Альберт Швейцер, А.А. Ухтомский, А.А. Любищев²⁶⁷). Но здесь собраны имена, которые в предшествующих томах, как правило, не фигурировали.

В каком порядке расположить здесь эти материалы, не уместившиеся в основном корпусе тетралогии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003-2006)? Автор счел оптимальным для восприятия порядок **хроно-исторический.** Иначе говоря, в хронологической последовательности дат рождения персоналий.

Большинство из имен читателю хорошо известно, некоторые, возможно, он услышит впервые. Здесь будут так или иначе представлены:

- А.С. Батеньков; Л.Н. Толстой; А.П. Чехов; П. Крутицкий (Полянский); И.П. Каляев; В.П. Костенко; Е.С. Гинзбург; П.М. Абовин-Егидес; А.Д. Синявский; Ю.М. Даниэль; А.В. Давыдов; З.З. Габайдулин; А. Кубанин.

Всего – 13 имен.

А. Алексеев. 26 июня 2013 г.

**

Г.С. Батеньков
(1793-1863)

18.1. «НАДОБНО РАСКРЫТЬ И В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОДОБИЕ ЭКВАТОРА...»

= Из предисловия А.А. Брегман к изданию «Сочинений и писем» Г.С. Батенькова (Иркутск, 1989)

...Декабрист-сибиряк Гавриил Степанович Батеньков (1793-1863. - А. А.) занимает в движении декабристов особое, выдающееся место. Герой Отечественной войны 1812 г., храбрый офицер-артиллерист, друг и соратник М.М. Сперанского, деятельный участник его сибирских реформ, инженер, архитектор, оригинальнейший философ и мыслитель, человек с умом государственного деятеля, поэт, литературный критик, активнейший участник подготовки восстания 14 декабря на Сенатской площади, декабристский кандидат во Временное революционное правительство.

Его богатая биография, полная героизма и драматизма, занимала и современников, и потомков. Его жизнь и деятельность, «загадка» 20-летнего заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (*такой жизненный жребий - одиночного узника в течение 20 лет, 1 месяца и 15 дней - не выпал ни одному из декабристов.* - А. А.) и многогранное творчество изучались и анализировались в трудах историков и

---

²⁶⁷ См.: Из неопубликованных глав, Том 1 (глава 7).

литературоведов, юристов и философов, общественных деятелей, краеведов и архитекторов...

[Цитируемые здесь два письма Г.С. Батенькова к А.П. Елагиной относятся к концу его пребывания на поселении в Томске (1846-1856). Апрель 2000].

= Из писем Г.С. Батенькова (1956)

[Соломенный] 5 февраля 1856 г.

Воскресенье.

Мне почти не о чем извещать тебя, моя бесценная сестра, но само время так теперь стареет и скоро, что пропущенные две-три недели, говорю о себе, кажутся мне продолжительным, заматерелым упущением. Не помню уже, когда я писал к тебе, - так давно это было, по чувству, хотя простым счетом год еще в начале, а я уже дважды подавал обычный голос.

Верно, весь итог разлуки присущ душе, она дошла к нему и ключик часов еженедельно наматывает на валик цепочку массивностию тридцати лет. Без всякого сознания это выражалось бы томительною скукою и нетерпением, хотя и для меня слово сознания кажется слишком крепким, однако чувство не то, что скука и нетерпение, оно похоже на упругую спираль, побуждает разум и силится развиваться. Мне кажется, я перехожу через стоячие воды Леты и снова юнею в мире, не вполне еще мне знакомом.

С этим настроением согласуются и все многочисленные слухи о теплоте и свете, просиявшем на высотах гор и готовом озарить нашу длинную полярную ночь.

Смысл таких внушений я не перевожу на простой положительный факт, но отраднее мне, а право, не знаю, что именно. Оно как речь в пророчестве, как удовлетворение жажды утешения, применимого не ко всем лицам, группам и положениям, но как бы ко всей натуре человека. *A nihil humani a me alienum puto. [Ничто человеческое мне не чуждо - лат. - А. А.]*

<...> Не могу сказать, чтобы моя жизнь не представляла самых упорных трудностей. Но и то правда, что я смотрю на них хладнокровно и с отвагою. Постоянно чувствую внутреннее подкрепление, ободряющее меня продолжать путь и даже заглушающее рассудок, требующий важных изменений, представляя лучшее по расчету как бы малодушным в отношении веры и надежды. Тут скрывается какое-то подчинение порядка и домашней экономии преобладающей высшей силе и отношений к людям - властной, действующей, верной судьбе. Где примечу тут простую привычку, немедленно от нее отторгнусь; но привычка, влекущая вперед и расширяющая чувство, мне доселе загадочна, и мне желательно испытать, не дело ли это, которого оставлять не должно.

Так долго уже идет, что я на сей день бываю доволен своим положением, и даль будущего и есть то самое, о чем я говорил выше.

Не это ли значит, что бога довольно для всего моего бытия.

Мне не хочется, однако же, остаться при неопределенном чувстве и гипотезах, но я предпринял обмыслить все это как практическую задачу. С этой точки зрения раскрыл в себе два начала: одно широкое, общественное, в котором беспредельность только может быть побуждением и заменять количество, даже в самом времени; другое личное, домашнее, которому необходим отвес, который бы бил секунды.

Здесьнюю жизнь пустил я от произвольной точки, взятой между обоими началами, и вижу теперь ясно, что надобно уменьшить ход, ибо неудовлетворенные потребности стали прогрессивно накапливаться.

С самого начала года видно, что ресурс не довольно сжать, а перевернуть улитку, чтобы шла от полого состояния к сжатому, не умею. Однако это сущее открытие; для доброй экономии необходимо, чтобы она *[улитка. А.А.]* раскрывалась в начале года и свивалась внутрь к концу, тогда зиждется ожидание и сердце со всеми его прихотями

получает постоянный правильный ход. Нынешний обратный общественный и частный прием ведет только к накоплению долгов и обременению потомства. Вся земля уже обнята: не надобно вести ее в систему миров и системы систем, а приняв за Maximum экватор, его так и сжимать в циклический оборот. Надобно раскрыть и в частной жизни подобие экватора и, определив в начале года свой собственный моральный и экономический *eschappement* [*выход - фр. А.А.*], пустить движение к центру устройством послушного мерного отвеса. На все это потребна упругая, дисциплинированная душа, а это дело воспитания, направления науки и потенции сил в общественном состоянии. Вообще судьба наложила на нас какое-то огромное мировое дело, и надобно познать ее и самый ресурс провидения, чтобы с этим делом управиться.

Пишу к тебе обыкновенно ночью или в ранее утро в загородном уединении, и ток моей мысли всегда уходит в то аскетическое состояние, в котором я так долго находился, и потому выходит целое странным и необычным. Много недостает наглядного в разрозненной нашей жизни, как с твоей, так и с моей стороны, чтоб имели для тебя мои письма драматический интерес и разнообразие и не представляли бы неукрашенную сухость.

Но я верю своему чувству; оно не разлучается с тобою, и ты ясно или темно, но непрерывно слышишь, что говорю я, а не другой кто. Проведя опять через свое сердце Машеньку, Катю, Алешу, Николая Алексеевича - всех вас и лелея мое сокровище, умолкну. <...>.

[Соломенный] 18 февраля 1856 г.

<...> В моем уединении так тихо, что слышен только бой маятника, и тот за стеною. Снаружи воздух не колыхнется, мороза нет и солнышко светит зорко и приветливо. КАК НИ ХИТРО ВЫДУМАНЫ ЧАСЫ, ВСЕ ЖЕ ЧУВСТВУЕТСЯ, ЧТО ЭТО МАШИНА, А САМО ВРЕМЯ НЕЧТО СОВСЕМ ДРУГОЕ. [*Выделено мною. А.А.*]. В нем никто не слышит никакого материального движения, так что если бы оно проявилось, мы ужаснулись бы на многие веки. Кто не замечает движение неба, но это так деликатно, как мысль, и движение тени во время затмений несравненно ощутительнее и страшнее. Воспоминание об одном из таких резких явлений наполняет душу благоговением; мне казалось тогда, что я чувствую присутствие божия бытия и великие космические действия как бы почившей в законе воли. Не содрогаемся мы при игре теней, когда придвигаем обыкновенные наши светильники, хотя эта игра ударяет нам прямо в лицо и открытые очи. Так невеществен свет и так груба перед ним механическая толкотня!

Столь же плавно вращается и вся жизнь наша: мы не замечаем смерти в мене поколений и сами себя чувствуем как бы всегда пребывающими в одном неразрушимом солиде, а чуть где смерть достигнет меры общего явления, хотя и никогда не сравнится с механизмом - мы повергаемся в тревогу и нечто теряем от мужества. Самая война, раскрывая широкие ворота разрушению, никогда не доходит до того, чтобы мы слышали скрип их петель даже при громе тысячи жерл. Тут же и покой, тут же и мир, неистоимо и неразруσιμο. Ясна премудрость божия на всех делах его. <...>

(Г. Батеньков. Сочинения и письма, т. 1. Иркутск, 1989, с. 376-378, 379-380)

[Этим размышлением Г.С.Батенькова хочется завершить наше обсуждение темы: «человек и время». - А. А. 2000]

...Срок жизни и есть створки в бытии - мы их и
раздвигаем.
- Но ведь Бытие ваше любимое не есть только разум
и свет и дух: оно не все включает, значит, и это,
вещество?

- Да. Но чем это бытие освоить, какой способностью? Разум сам не годится. Раз оно - целое, то и целостностью нашей: умом, сердцем и телом совокупно соединиться с целым можем. Но тогда это значит - просто быть, быть бытием. Ну да, БЫТИЕ НЕЛЬЗЯ ПОЗНАТЬ, ИМ МОЖНО ПРОСТО БЫТЬ...

Г. Гачев. Семейная комедия. Лета в Щитове (исповести). М., 1994, с. 47.

Л.Н. Толстой
(1828-1910)

18.2. ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК СОЦИОЛОГ

[В октябре 1985 г. я получил от Г. Ж., из Сибири, бандероль с коробочкой витаминов и томиком Льва Толстого (из серии «Библиотека русской художественной публицистики»): Л.Н. Толстой. Не могу молчать! М.: Советская Россия, 1985. И записка: «...ну, а без Толстого Тебе тоже нельзя».

Ниже воспроизводится раздел «Лев Толстой как социолог» из книги В.Н. Шубкина «Насилие и свобода» (М.: На Воробьевых, 1996). - А. А.]

<...> Русской социологии всегда был присущ гуманизм, не только исключаящий нанесение какого-либо вреда людям, которые обследуются, но, напротив, предполагающий проявление к ним максимума внимания, стремление помочь им, что так точно выражается старым, почти вышедшим из обращения словом «милосердие». Вспомним, например, что писал Л. Толстой по поводу нравственной стороны переписи 1882 года в Москве, в которой он сам принимал активное участие.

«Цель переписи научная. Перепись есть социологическое исследование. Цель же науки социологии - счастье людей. Наука эта и ее приемы резко отличаются от всех других наук. Особенность - в том, что социологические исследования не производятся учеными по своим кабинетам, обсерваториям и лабораториям, а двумя тысячами людей из общества. Другая особенность та, что исследования других наук производятся не над живыми людьми, а здесь над живыми людьми. Третья особенность та, что цель всякой другой науки есть только знание, а здесь - благо людей. Туманные пятна можно исследовать одному, а для исследования Москвы нужно 2000 людей. Цель исследования туманных пятен только та, чтобы узнать все про туманные пятна; цель исследования жителей та, чтобы вывести законы социологии и на основании этих законов учредить лучше жизнь людей. Туманным пятнам все равно, исследуют их или нет, и они ждали и еще долго готовы ждать; но жителям Москвы не все равно, особенно тем несчастным, которые составляют самый интересный предмет науки социологии» ([1], с. 220).

Толстой прекрасно понимал научное и социальное значение переписи, в ходе которой не могло не выявиться, что в Москве живут десятки тысяч людей без хлеба, одежды и приюта. Но еще больше он был озабочен тем, что тысячи молодых людей будут в качестве счетчиков смотреть, как мучаются их соотечественники, и спокойно регистрировать умирающих с голода и холода. Это было бы дурно и безнравственно.

Поскольку цель социологии - «учредить лучше жизнь людей», Толстой призывает руководителей, счетчиков, всех жителей Москвы не ограничиваться лишь регистрацией. Не по команде начальства, «а по назначению своего сердца» он призывает присоединить к делу переписи дело помощи нуждающимся, чтобы и по окончании обследования продолжать его, ибо, как бы кто ни смотрел на жизнь, всякий согласен, что важнее нет

ничего человеческой жизни. «И это надо не забывать, и не позволять никаким другим соображениям заслонять от нас важнейшее дело нашей жизни. Будем записывать, считать, но не будем забывать, что если нам встретится человек раздетый и голодный, то помочь ему важнее всех возможных исследований, открытий всех возможных наук; что если бы был вопрос в том, заняться ли старухой, которая второй день не ела, или погубить всю работу переписи, - пропадай вся перепись, только бы накормить старуху!» ([1], с. 222).

Так «круто», на предельной ноте ставит этот нравственно-научный вопрос Лев Толстой, что не может читатель не вспомнить о слезинке ребенка, о которой писал и другой наш великий соотечественник.

Участвуя в переписи сам, знакомясь с обездоленными, больными и умирающими в подвалах и ночлежных домах Москвы, Лев Толстой замечает, насколько трудна задача помощи, что благотворительность недостаточна, что «когда приходилось вникать в то, что требовалось, то оказывалось, что потребности равномерно возрастали по мере помощи и не было и не могло быть удовлетворения... что несчастье их непоправимо внешними средствами, что они ни в каком положении не могут быть счастливы, если взгляд их на жизнь остается тот же...» (Соч. графа Л.Толстого, ч. 11, изд. 11. М., 1903, с. 261).

«Я не понимаю того, - признается Толстой два года спустя в статье «Так что же нам делать?», рассказывая о своем участии в этой переписи, - что помочь такому человеку можно только тем, чтобы переменить его мировоззрение. А чтобы переменить мировоззрение другого человека, надо самому иметь лучшее мировоззрение и жить сообразно с ним, а у меня было такое же, как у них, и я жил сообразно с тем мировоззрением, которое должно быть изменено для того, чтобы люди эти перестали быть несчастными» (Там же, с. 262).

Врачу, исцелися сам... Такой вывод делает Лев Толстой, обращаясь к себе и своему сословию. Люди высшего сословия не могут врачевать, ибо сами корыстны, злы и аморальны, не могут помочь миллионам нуждающихся, ибо больно все общество. Тем не менее, надежда не покидает Толстого. Он не может не надеяться, что когда-нибудь люди проснутся и поймут, что нет ни одной обязанности, которая была бы важнее, чем эта.

Вот как сто лет назад ставил вопрос властитель дум той эпохи, писатель Лев Толстой! И уместно ли нам теперь, после всего пережитого, игнорировать эту нравственную традицию русской мысли. <...>

(Шубкин В.Н. Насилие и свобода. М., 1996, с. 171-173)

**...Вообще человек живет не для того, чтобы
служить материалом для тех или других схем, и
процесс жизни важен не по тем лишь конечным
формулам, которыми отмечают те или другие
периоды, а и сам по себе. Дорог «человек», дорога
его свобода, его возможное на земле счастье, его
развитие, усложнение и удовлетворение человеческих
потребностей... Несомненно, важны не одни конечные
результаты, а и то, КАК они достигаются...**

**В.Г. Короленко. «О сложности жизни»
(Из полемики с «марксизмом»). 1899**

**...Мне кажется, что жизнь по своим причинным
связям так сложна, что прагматические критерии
часто бесполезны, и остаются моральные.**

А.Д. Сахаров («Воспоминания»)

18.3. "ОСТРОВ САХАЛИН" (АНТОН ЧЕХОВ)

Несколько вступительных слов

В апреле 1984 г., в трудную для автора пору, из Киева, от Романа Ленчовского (его читателю этой книги представлять уже не надо), пришла бандероль с томиком Чехова: только что изданный – в серии "Библиотека русской художественной публицистики" - "Остров Сахалин".

Из письма Романа: "Что Чехов-социолог - подарок для социолога, - это понятно..."

...Путешествие Антона Павловича Чехова на Сахалин и по Сахалину состоялось в 1890 г. Чехову тогда было 30 лет. Уже были написаны "Степь" и "Иванов", но еще впереди - "Палата № 6" и "Чайка".

Жанр "Острова Сахалина" Чехов определял в подзаголовке: "Из путевых записок".

Первая публикация состоялась в журнале "Русская мысль" (1893-1894). Отдельным изданием книга вышла в 1895 г. Чеховым была предпринята перепись сахалинского населения (10 тыс. карточек, заполненных его рукой!). С Сахалина Чехов привез, по его выражению, "целый сундук всякой каторжной всячины, которая, как сырой материал, стоит чрезвычайно дорого" (Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. М.: Наука, 1974-1983. Письма, т. 4, с. 139).

Из предисловия М. Семановой к современному изданию "Острова Сахалина" (М., 1984):

"...Первые 13 глав книги представляют собой путевые очерки - движение автора по Северному и Южному Сахалину, личное знакомство со всеми сторонами его жизни. Последние главы (с 14 по 23) - проблемные очерки, подводящие итоги личным наблюдениям и исследованиям предшественников..."

Из рецензии А. Богдановича "Остров Сахалин" А.П. Чехова (Мир Божий, 1902, N 9):

"...Наряду с исчерпывающей полнотой научного, этнографического и географического, статистического, бытового материала, мы имеем великолепное художественное описание этого "гиблого места"... Если бы г. Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы и никогда не было бы забыто в истории русской ссылки..."

Еще - из предисловия М. Семановой к современному изданию "Острова Сахалина":

"...Можно без преувеличения сказать, что в уничтожении через год после революции 1905 г. каторги на Сахалине... большая доля участия Чехова и его художественно-публицистической книги..."

Ниже приводятся фрагмент оглавления книги Чехова "Остров Сахалин" и - полностью - глава 22 этой книги. (Декабрь 1999).

= А.П. Чехов. Остров Сахалин (Из путевых записок). Из оглавления

<...> XIV. Тарайка. - Вольные поселенцы. - Их неудачи. - Айно, границы их распространения, численный состав, наружность, пища, одежда, жилище, их нравы. - Японцы. - Кусун-Котан. - Японское консульство.

XV. Хозяева-каторжные. - Перечисление в поселенцы. - Выбор мест под новые селения. - Домообзаводство. - Половинщики. - Перечисление в крестьяне. - Переселение

крестьян из ссыльных на материк. - Жизнь в селениях. - Близость тюрьмы. - Состав населения по месту рождения и по сословиям. - Сельские власти.

XVI. Состав ссыльного населения по полам. - Женский вопрос. - Каторжные женщины и поселки. - Сожители и сожительницы. - Женщины свободного состояния.

XVII. Состав населения по возрастам. - Семейное положение ссыльных. - Браки. - Рождаемость. - Сахалинские дети.

XVIII. Занятия ссыльных. - Сельское хозяйство - Охота. - Рыболовство. - Периодическая рыба: кета и сельдь. - Тюремные ловли. - Мастерства.

XIX. Пища ссыльных. - Что и как едят арестанты. - Одежда. - Церковь. - Школа. - Грамотность.

XX. Свободное население. - Нижние чины местных воинских команд. - Надзиратели. - Интеллигенция.

XXI. Нравственность ссыльного населения. - Преступность. - Следствие и суд. - Наказание. - Розги и плети. - Смертная казнь.

XXII. Беглые из Сахалина. - Причины побегов. - Состав беглых по происхождению, разрядам и проч.

XXIII. Болезненность и смертность ссыльного населения. - Медицинская организация. - Лазарет в Александровске.

= А.П. Чехов. Остров Сахалин. Глава XXII: Беглые на Сахалине. - Причины побегов. - Состав беглых по происхождению, разрядам и проч.

<...> Как на одно из главных и особенно важных преимуществ Сахалина известный комитет 1968 г. указывал на его островное положение. На острове, отделяемом от материка бурным морем, казалось, нетрудно было создать большую морскую тюрьму по плану: «кругом вода, а в середине беда», и осуществить римскую ссылку на остров, где о побеге можно было бы только мечтать. На деле же, с самого начала сахалинской практики, остров оказался как бы островом, *quasi insula*. Пролив, отделяющий остров от материка, в зимние месяцы замерзает совершенно, и та вода, которая летом играет роль тюремной стены, зимою бывает ровна и гладка, как поле, и всякий желающий может пройти его пешком или переехать на собаках. Да и летом пролив ненадежен: в самом узком месте, между мысами Погоби и Лазарева, он не шире шести-семи верст, а в тихую, ясную погоду нетрудно переплыть на плохой гилияцкой доке и сто верст. Даже там, где пролив широк, сахалинцы видят материковый берег довольно ясно; туманная полоса земли с красивыми горными пиками изо дня в день манит к себе и искушает ссыльного, обещая ему свободу и родину. Комитет, кроме этих физических условий, не предвидел еще или упустил из виду побег не на материк, а внутрь острова, причиняющие хлопот не меньше, чем побег на материк, и, таким образом, островное положение Сахалина далеко не оправдало надежд комитета.

Но оно все-таки остается преимуществом. Из Сахалина бежать нелегко. Бродяги, на которых в этом отношении можно положиться, как на специалистов, заявляют откровенно, что бежать из Сахалина гораздо труднее, чем, например, из Карийской или Нерчинской каторги. При совершенной распущенности и всяких послаблениях, какие имели место при старой администрации, сахалинские тюрьмы все же оставались полными, и арестанты бегали не так часто, как, быть может, хотели того смотрители тюрьмы, для которых побег составляли одну из самых доходных статей. Нынешние чиновники сознаются, что при разбросанности каторжных работ и слабости надзора, на острове оставались бы только те, кому нравится здесь жить, то есть никто.

Но среди препятствий, удерживающих людей от побега, страшно главным образом не море. Непроходимая сахалинская тайга, горы, постоянная сырость, туманы, бездорожье, медведи, голод, мошка, а зимою страшные морозы и метели - вот истинные друзья надзора. В сахалинской тайге, где на каждом шагу приходится преодолевать горы

валежного леса, жесткий, путающийся в ногах багульник или бамбук, тонуть по пояс в болотах или ручьях, отмахиваться от ужасной мошки, даже вольные сытые ходоки делают не больше 8 верст в сутки, человек же, истощенный тюрьмой, питающийся в тайге гнилушками с солью и не знающий, где север, а где юг, не делает в общем и 3-5 верст. К тому же он вынужден идти не прямою дорогой, а далеко в обход, чтобы не попасть на кордон. Проходит в бегах неделя-другая, редко месяц, и он, изнуренный голодом, поносами и лихорадкой, искусанный мошкой, с избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибает где-нибудь в тайге или же через силу плетется назад и просит у бога, как величайшего счастья, встречи с солдатом или гиляком, который доставил бы его в тюрьму.

Причиной, побуждающей преступника искать спасения в бегах, а не в труде и не в покаяниях, служит главным образом не засыпающее в нем сознание жизни. Если он не философ, которому везде и при всех обстоятельствах живется одинаково хорошо, то не хотеть бежать он не может и не должен. Прежде всего ссыльного гонит из Сахалина его страстная любовь к родине. Послушать каторжных, то какое счастье, какая радость жить у себя на родине! О Сахалине, о здешней земле, людях, деревьях, о климате говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России все прекрасно и упоительно; самая смелая мысль не может допустить, чтобы в России могли быть несчастные люди, так как жить где-нибудь в Тульской или Курской губернии, видеть каждый день избы, дышать русским воздухом само по себе есть уже высшее счастье. Пошли, боже, нужду, болезни, слепоту, немоту и срам от людей, но только приведи помереть дома. Одна старушка, каторжная, бывшая некоторое время моею прислугой, восторгалась моими чемоданами книгами, одеялом, и потому только, что все это не сахалинское, а из нашей стороны; когда ко мне приходили в гости священники, она не шла под благословение и смотрела на них с усмешкой, потому что на Сахалине не могут быть настоящие священники. Тоска по родине выражается в форме постоянных воспоминаний, печальных и трогательных, сопровождаемых жалобами и горькими слезами, или в форме несбыточных надежд, поражающих часто своей нелепостью и похожих на сумасшествие, или же в форме ясно выраженного, несомненного умопомешательства. (В нашем Владивостоке среди чиновников и моряков нередко наблюдается ностальгия; я сам видел там двух сумасшедших чиновников - юриста и капельмейстера. Если эти случаи нередки в среде свободных и живущих при сравнительно здоровой обстановке людей, то на Сахалине, понятно само собою, они должны быть очень часты).

Гонит ссыльных из Сахалина также стремление к свободе, присущее человеку и составляющее, при нормальных условиях, одно из его благороднейших свойств. Пока ссыльный молод и крепок, то старается убежать возможно подальше, в Сибирь или Россию. Обыкновенно его ловят, отправляют назад на каторгу, но это не так страшно; в медленном, поэтапном хождении по Сибири, в частой перемене тюрем, товарищей и конвойных и в дорожных приключениях есть своя особенная поэзия и все-таки больше похожего на свободу, чем в Воеводской тюрьме или на дорожных работах. Ослабевши с годами, потеряв веру в свои ноги, они бегут уже куда-нибудь поближе, на Амур или даже в тайгу, или на гору, только бы подальше от тюрьмы, чтобы не видеть постылых стен и людей, не слышать бряцания оков и каторжных разговоров. В Корсаковском посту живет ссыльнокаторжный Алтухов, старик лет 60 или больше, который убегает таким образом: берет кусок хлеба, запирает свою избу и, отойдя от поста не больше как на полверсты, садится на гору и смотрит на тайгу, на море и на небо; посидев так дня три, он возвращается домой, берет провизию и опять идет на гору...

Прежде его секли, теперь же над этими его побегами только смеются. Одни бегут в расчете погулять на свободе месяц, неделю, другим бывает достаточно и одного дня. Хоть день, да мой. Тоска по свободе овладевает некоторыми субъектами периодически и в этом отношении напоминает запой или падучую; рассказывают, будто она является в известное время года или месяца, так что благонадежные каторжные, чувствуя

приближение припадка, всякий раз предупреждают о своем побеге начальство. Обыкновенно наказывают плетью или розгами всех бегунов без разбора, но уж одно то, что часто побеги от начала до конца поражают своей несообразностью, бессмыслицей, что часто благоразумные, скромные и семейные люди убегают без одежды, без хлеба, без цели, без плана, с уверенностью, что их непременно поймут, с риском потерять здоровье, доверие начальства, свою относительную свободу и иногда даже жалование, с риском замерзнуть или быть застреленным, - уже одна эта несообразность, должна бы подсказывать сахалинским врачам, от которых зависит наказать или не наказать, что во многих случаях они имеют дело не с преступлением, а с болезнью.

К общим причинам побегов следует отнести также пожизненность наказания. У нас, как известно, каторжные работы сопряжены с поселением в Сибири навсегда; приговоренный к каторге удаляется из нормальной человеческой среды без надежды когда-либо вернуться в нее и таким образом как бы умирает для того общества, в котором он родился и вырос. Каторжные так и говорят про себя: "Мертвые с погоста не возвращаются". Вот эта-то полная безнадежность ссыльного и его отчаяние приводят его к решению: уйти, переменить судьбу, - хуже не будет! Если он бежит, то так про него и говорят: "Он пошел менять судьбу". Если его ловят и возвращают, то это называется так: не пофортунило, не пофортовало. При пожизненности ссылки побеги и бродяжничество составляют неизбежное, необходимое зло и даже служат как бы предохранительным клапаном. Если бы была какая-нибудь возможность отнять у ссыльного надежду на побег как на единственный способ изменить свою судьбу, вернуться с погоста, то его отчаяние, не находя выхода, быть может, проявляло бы себя как-нибудь иначе и, конечно, в более жестокой и ужасной форме, чем побег.

Есть еще одна общая причина побегов: это - вера в легкость, безнаказанность и почти законность побегов, хотя в действительности они нелегки, караются жестоко и считаются важным уголовным преступлением. Эта странная вера воспитывалась в людях поколениями, и начало ее теряется в тумане того доброго старого времени, когда бежать было в самом деле очень легко и побеги даже поощрялись начальством. Начальник завода или смотритель тюрьмы почитал для себя за наказание свыше, если его арестанты почему-либо не бегали, и радовался, когда они уходили от него целыми толпами. Если перед первым сентября - временем, когда выдается зимняя одежда - убегало 30-40 человек, то это значило обыкновенно, что 30-40 полушубков поступало в пользу смотрителя. По словам Ядринцева, начальник завода при приеме каждой первой партии обыкновенно выкрикивал: "Кто хочет оставаться, получай одежду, а кто в бега, тому незачем!" Начальство своим авторитетом как бы узаконивало побеги, в его духе воспитывалось все сибирское население, которое и до сих пор побег не считает грехом. Сами ссыльные рассказывают о своих побегах не иначе, как со смехом или с сожалением, что побег не удался, и ждать от них раскаяния или угрызения совести было бы напрасно. Из всех бегавших, с которыми мне приходилось говорить, только один больной старик, прикованный к тачке за многократные побеги, с горечью упрекнул себя за то, что бегал, но при этом называл свои побеги не преступлением, а глупостью: "Когда помоложе был, делал глупости, а теперь страдать должен".

Частные причины побегов многочисленны. Укажу на недовольство тюремными порядками, на дурную пищу в тюрьме, жестокость кого-либо из начальников, лень, неспособность к труду, болезни, слабость воли, склонность к подражанию, любовь к приключениям... Случалось, что каторжные целыми партиями убегали для того только, чтобы "погулять" по острову, и гулянья сопровождались убийствами и всякими мерзостями, наводившими панику и озлоблявшими население до крайности. Расскажу про побег ради мести. Рядовой Белов ранил при поимке беглого каторжного Клименко и конвоировал его в Александровскую тюрьму. Клименко, выздоровевши, опять бежал, и на этот раз с единственной целью - отомстить Белову. Он пошел прямо на кордон, и там его задержали. "Веди опять своего крестника, - сказали Белову товарищи, - твое счастье". Тот

повел. Дорогою конвоир и арестант разговорились. Осень, ветер, холодно... Остановились покурить. Когда солдат поднял воротник, чтобы закурить трубку, Клименко выхватил у него ружье и убил его наповал, потом как ни в чем ни бывало вернулся в Александровский пост, где был задержан и вскоре повешен.

А вот и любовь. Ссылнокаторжный Артем, - фамилии его не помню, - молодой человек лет 20, служил в Найбучи сторожем при казенном доме. Он был влюблен в аинку, жившую в одной из юрт на реке Найбе, и, говорят, пользовался взаимностью. Его заподозрили как-то в краже и в наказание перевели в Корсаковскую тюрьму, то есть за 90 верст от аинки. Тогда он стал бегать из поста в Найбучи для свидания с возлюбленной и бежал до тех пор, пока его не подстрелили в ногу.

Побеги бывают также и предметом аферы. Вот один из видов аферы, соединяющий в себе жадность к деньгам с самым гнусным предательством. Старый, поседевший в бегах и приключениях бродяга высматривает в толпе новичков, кого побогаче (у новичков почти всегда бывают деньги), и сманивает его бежать вместе. Уговорить не трудно; новичок бежит, а бродяга где-нибудь в тайге убивает его и возвращается назад в тюрьму. Другой вид аферы, более распространенный, рассчитан на те три рубля, которые выдает казна на поимку беглого. Предварительно уговорившись с рядовым или гиляком, несколько человек бегут из тюрьмы и в условленном месте, где-нибудь в тайге или на морском берегу, встречаются со своим конвоиром; тот ведет их назад в тюрьму, как пойманных, и получает по три рубля за каждого; потом, конечно, происходит дележ. Бывает смешно смотреть, когда маленький тщедушный гиляк, вооруженный одною только палкой, приводит сразу 6-7 плечистых, внушительного вида бродяг. При мне однажды рядовой Л., тоже не отличающийся крепким сложением, привел 11 человек.

Тюремная статистика до последнего времени почти не касалась беглых. Пока можно сказать только, что чаще всего бегут ссылки, для которых наиболее чувствительна разница климатов Сахалина и их родины. Сюда относятся прежде всего уроженцы Кавказа, Крыма, Бессарабии и Малороссии. Случается видеть списки бежавших или возвращенных иногда человек в 50-60 лет, где нет ни одной русской фамилии, а все Оглы, Сулейманы и Гасаны. Не подлежит также сомнению, что бессрочные и долгосрочные бегают чаще, чем каторжные третьего разряда, и живущие в тюрьме чаще, чем живущие вне ее, молодые и новички чаще, чем старожилы. Женщины бегают несравненно реже, чем мужчины, и это объясняется трудностями, которыми обставлен для женщин побег, и отчасти тем, что на каторге она скоро обзаводится прочными привязанностями. Обязанности по отношению к жене и детям удерживают от побега, но случается, что убегают и семейные. Законные супруги бегают реже, чем незаконные. Бабы-каторжные, когда я обходил избы, на мой вопрос, где сожитель, часто мне отвечали: "А кто ж его знает? Поди, сыщи".

Наряду со ссылными из простого звания, бегают и привилегированные. Перелистывая в корсаковском полицейском управлении алфавит, а нашел бывшего дворянина, который и бежал, и был судим за убийство, совершенное во время побега, и принял 80 или 90 плетей. Известный Лагиев, присланный за убийство ректора Тифлисской семинарии и бывший в Корсаковском учителем, бежал в пасхальную ночь 1890 г. вместе с каторжным Никольским, сыном священника, и еще с какими-то тремя бродягами. Вскоре после Пасхи разнесся слух, что будто видели трех бродяг в "цивильном" платье, пробиравшихся берегом к Муравьевскому посту, но уже Лагиева и Никольского с ними не было; по всей вероятности, бродяги подговорили молодого Лагиева и его товарища бежать вместе и дорогой убили их, чтобы воспользоваться их деньгами и платьем. Сын протоирея К., присланный за убийство, бежал в Россию, убил там вновь и был возвращен на Сахалин. Как-то рано утром я его видел в толпе каторжников около рудника: необыкновенно тощий, сутулый, с тусклыми глазами, в старом летнем пальто и в порванных брюках навывпуск, заспанный, дрожа от утреннего холода, он подошел к

смотрителю, который стоял рядом со мной, и, снявши картузик, обнажив свою плешивую голову, стал просить о чем-то.

Для того, чтобы судить, в какое время года чаще всего совершаются побег, я воспользуюсь немногими цифрами, какие успел найти и записать. В 1877, 1878, 1885, 1887, 1888 и 1889 гг. убежало 1501 ссыльнокаторжных. Это число распределяется по месяцам так: январь - 117, февраль - 64, март - 20, апрель - 20, май - 147, июнь - 290, июль - 283, август - 231, сентябрь - 150, октябрь - 44, ноябрь - 35 и декабрь - 100. Если начертить кривую побегов, то высшие ее точки будут относиться к летним месяцам и к тем зимним, когда бывают наиболее сильные морозы. Очевидно, благоприятствующими моментами для совершения побегов служат теплая погода, работа вне тюрьмы, ход периодической рыбы, созревание в тайге ягод, а у поселенцев картофеля, затем море, покрытое льдом, когда Сахалин перестает быть островом. Летним и зимним повышением благоприятствуют также прибытия новых партий в весенний и осенний рейсы. В марте и в апреле бегут менее всего, потому что в эти месяцы вскрываются реки и невозможно бывает добыть пищу ни в тайге, ни у поселенцев, которые обыкновенно к весне уже сидят без хлеба.

Из александровской тюрьмы в 1889 г. бежало 15,33 %; из Дуйской и Воеводской тюрем, где, кроме надзирателей, стерегут арестантов часовые с ружьями, бежало в 1889 г. 6,4 %, а из тюрем Тымовского округа - 9 %. Эти цифры относятся к одному отчетному году, но если взять наличную массу каторжных за все время ее пребывания на острове, то отношение бегавших в разное время к общему составу выразится не менее как 60 %, то есть из каждых пяти человек, которых вы видите в тюрьме или на улице, наверное трое уже бегали. Из разговоров с ссыльными я вынес такое впечатление: все бегали. Редко кто в продолжение своего каторжного срока не устраивал себе каникул.

(Помнится, когда я подходил однажды на катере к пароходу, от борта отчаливала баржа, битком набитая беглыми; одни были мрачны, другие хохотали; у одного из них совсем не было ног - отморозил. Их возвращали из Николаевска. Глядя на эту кишашую народом баржу, я мог вообразить, сколько еще каторжных бродит по материке и по острову!).

Обыкновенно побег задумывается еще в пароходном трюме или в амурской барже, когда каторжных везут на Сахалин; по пути старики бродяги, уже бегавшие с каторги, знакомят молодых с географией острова, с сахалинскими порядками, с надзором и теми благами и лишениями, которые сулит побег из Сахалина. Если бы в пересыльных тюрьмах и затем в пароходных трюмах бродяг держали отдельно от новичков, то последние, быть может, не торопились бы так с побегом. Новички убегают обыкновенно вскоре и даже немедленно по сдаче их с парохода. В 1879 г. в первые же дни по прибытии бежало сразу 60 человек, перебив караульных солдат.

Для того, чтобы бежать, совсем нет надобности в тех приготовлениях и предосторожностях, какие описаны в прекрасном рассказе В.Г. Короленко «Соколинец». Побег строго запрещен и уже не поощряется начальством, но условия местной тюремной жизни, надзора и каторжных работ, да и самый характер местности таковы, что в громадном большинстве случаев помешать побегу бывает невозможно. Если сегодня не удалось уйти из тюрьмы через открытые ворота, то завтра можно будет бежать из тайги, когда выйдут на работу 20-30 человек под надзором одного солдата; кто не бежал из тайги, тот подождет месяц-другой, когда отдадут к какому-нибудь чиновнику или к поселенцу в работники. Всякие предосторожности, обман начальства, взломы, подкопы и т. п. нужны бывают только тому меньшинству, которое сидит в кандалных, в карцерах и в Воеводской тюрьме, и, пожалуй, тем еще, кто работает в руднике, где почти по всей линии от Воеводской тюрьмы до Дуэ стоят и ходят часовые. Здесь начало побега сопряжено опасностью, но все же благоприятные случаи представляются почти ежедневно. К переодеваньям и всяким фокусам, часто совершенно излишним, прибегают

искатели и любители приключений, вроде Золотой ручки, которая, для того, чтобы бежать переодевалась в солдатское платье.

Беглые большею частью пробираются к северу, к узкому месту пролива, что между мысами Погоби и Лазарева, или несколько севернее: здесь безлюдье, легко укрыться от кордонов и можно достать у гиляков лодку или самим сделать плот и переправиться на ту сторону, а если уже зима, то при хорошей погоде для перехода достаточно двух часов. Чем севернее переправа, тем ближе к устью Амура и, значит, меньше опасности погибнуть от голода и мороза; у устья Амура много гиляцких деревушек, недалеко город Николаевск, потом Мариинск, Софийск и казацкие станицы, где на зиму можно наняться в работники и где, как говорят, даже среди чиновников есть люди, которые дают несчастным приют и кусок хлеба. Случается, что беглые, не зная, где север, начинают кружить и попадают обратно в то место, из которого вышли.

(Однажды беглые украли в Дуэ компас, чтобы отыскать север и обойти кордон у мыса Погоби, и компас привел их как раз к кордону. Мне рассказывали, что в последнее время каторжные, чтобы не идти по охраняемому западному побережью, начинают уже пробовать другой путь, а именно на восток, к Ныйскому заливу, оттуда по берегу Охотского моря на Север к мысу Марии и Елизаветы, и затем к югу, чтобы переплыть пролив против мыса Пронге. Рассказывали, что такой путь избрал, между прочим, известный Богданов, который бежал незадолго до моего приезда. Но это едва ли вероятно. Правда, на всем протяжении Тымы есть гиляцкая тропинка и попадаются юрты, но круговой путь от Ныйского залива длинен и труден; надо вспомнить, сколько лишений претерпел Поляков, спускаясь от Ныйского залива к югу, чтобы оценить весь риск путешествия от этого залива к северу.

О том, как жутко приходится беглым, я уже говорил. Беглые, особенно рецидивисты, мало-помалу привыкают к тайге и к тундре, ноги их приспособляются, и нет ничего мудреного, что некоторые даже спят на ходу. Мне говорили, что дольше всех могут находиться в бегах китайские бродяги «хунхузы», которых присылают на Сахалин из приморской области, так как они будто бы могут по целым месяцам питаться одними только кореньями и травами.

Бывает нередко, что беглые пытаются переплыть пролив где-нибудь поблизости тюрьмы. Для этого нужны исключительная смелость, особенно счастливый случай, а главное, многократный предварительный опыт, научивший, как труден и рискован путь к северу через тайгу. Убегающие из Воеводской и Дуйской тюрем бродяги-рецидивисты пускаются в море немедленно, в первый же или второй день после побега. Тут уж никаких соображений насчет бурь и опасностей, а один лишь животный страх погони и жажда свободы: хоть утонуть, да на воле. Обыкновенно они спускаются верст на 5-10 южнее Дуэ, к Агнево, устраивают тут плот и спешат уплыть к туманному берегу, отделенному от них 60-70 милями бурного, холодного моря. При мне из Воеводской тюрьмы бежал таким образом бродяга Прохоров, он же Мыльников, о котором я говорил в предыдущей главе.

(23 июня 1986 г. с военного судна «Тунгус», не доходя 20 миль до Дуэ, заметили на поверхности моря черную точку; когда подошли поближе, то увидели следующее: на четырех связанных бревнах, сидя на возвышениях из древесной коры, плыли куда-то два человека, около них на плоту было ведро с пресной водой, полтора карава хлеба, топор, около пуда муки, немножко рису, две стеариновые свечи, кусок мыла и два кирпича чаю. Когда их взяли на борт и спросили, кто они, то оказалось, что это арестанты Дуйской тюрьмы, бежавшие 17 июня (значит, бывшие в бегах уже 12 дней), и что плывут они - «вон туда, в Россию». Часа через два поднялся сильный шторм, и пароход не мог пристать к Сахалину. Спрашивается, что случилось бы в такую погоду с беглыми, если бы их не приняли на судно? См. об этом «Владивосток» 1886 г., № 31).

Уплывают также на баржах-шаландах и на сеноплавках, но море всякий раз безжалостно разбивает эти баржи или выкидывает их на берег. Был один случай, когда каторжные бежали на катере, принадлежащем горному ведомству.

(В июле 1887 г. на Дуйском рейде нагружался углем пароход «Тира». По обыкновению, уголь доставлялся к борту на баржах, которые водил на буксире паровой катер. К вечеру засвежело, и начался шторм. «Тира» не могла держаться на якорях и ушла в де-Кастри. Баржу вытащили на берег около Дуэ, а катер ушел в Александровский пост и укрылся там в речке. Ночью, когда погода несколько утихла, катерная прислуга, состоявшая из каторжных, предъявила надзирателю подложную телеграмму из Дуэ, в которой было приказание немедленно отправиться на катере в море для спасения барж с людьми, будто бы унесенных штормом от берега. Не подозревая обмана, надзиратель выпустил катер из пристани. Но, вместо того, чтобы идти на юг к Дуэ, катер пошел на север. На нем было семь мужчин и три женщины. К утру погода изменилась к худшему. Около мыса Хоэ залило в катере машину; девять человек утонули и были выброшены на берег, и спасся на доске только один, бывший на катере рулевым. Этот единственный спасшийся, по фамилии Кузнецов, служит теперь в руднике в Александровском посту у горного инженера. Он мне подавал чай. Это крепкий, смуглый, довольно красивый мужчина, по-видимому, гордый и дикий; он мне напомнил Тома Айртона из «Детей капитана Гранта»).

Случается, что каторжные убегают на тех же самых судах, которые они грузят. В 1883 г. на пароходе «Триумф» бежал каторжный Франц Киц, зарывшись в угольную яму. Когда его нашли и вытащили из ямы, то он на все вопросы отвечал только одно: «Дайте воды, я не пил пять дней».

Попад так или иначе на материк, беглые держат путь к западу, питаюсь Христовым именем, нанимаясь, где можно в работники и воруя все, что плохо лежит. Крадут они скот, овощи, платье, - одним словом, все, что можно съесть, надеть на себя или продать. Их ловят, долго держат в тюрьмах, судят и отсылают назад со страшными статейными списками, но многие, как известно читателям по судебным процессам, доходят и до московского Хитрова рынка и даже до родной деревни. В Палеве хлебопек Горячий, простоватый, откровенный и, по-видимому, добрый человек, рассказывал мне, как он дошел до своей деревни, повидался с женой и детками и как опять был сослан на Сахалин, где кончает уже второй срок. Говорят, и в печати, между прочим, высказывалось предположение, будто беглых каторжников принимают на свои суда американские китобои и увозят их в Америку.

(«Американские китобои принимали беглых из Ботанибея, - говорит Нерчинский Старожил, будут принимать беглых и на Сахалине». - «Московские ведомости», 1875 г., № 67).

Это, конечно, возможно, но я не слыхал ни об одном таком случае. Американские китобои, промышляющие в Охотском море, редко подходят к Сахалину, и еще реже случается, чтобы они подходили именно в то время, когда на пустынном восточном берегу находятся беглые. По словам г. Курбского («Голос», 1875 г., № 312) в Indian Territory, на правой стороне Миссисипи живут целые партии вачерО из сахалинских каторжников. Эти вачерО, если они существуют на самом деле, пробрались в Америку не на китобойных судах, а, вероятно, через Японию. Во всяком случае побеги не в Россию, а за границу, хоть и редко, но бывают, и это не подлежит никакому сомнению. Еще в двадцатых годах наши каторжные бегали из охотского солеваренного завода на «теплые», то есть Сандвичевы острова. (Э...в. Ссылнокаторжные в Охотске. - «Русская старина», том XXII. А вот, кстати, интересный случай. В 1885 г. в японских газетах появилось известие, что близ Саппоро потерпели крушение девять каких-то иностранцев. Власти послали в Саппоро чиновников, чтобы оказать им помощь. Иностранцы, как умели объяснили посланным, что они германцы, что шкуна их потерпела крушение и спаслись они на маленькой лодке. Затем их перевели из Саппоро в Хокодате. Здесь с ними заговорили по-английски и по-русски, но ни того, ни другого языка они не понимали и отвечали только «жерман, жерман». Кое-как узнали, кто из них капитан судна, и когда этому капитану предложили атлас и попросили его указать место крушения, то он долго

водил пальцем по карте и не нашел Саппоро. Ответы вообще были не ясны. Тогда в «Хокодате» стоял наш «Крейсер». Генерал-губернатор обратился к командиру с просьбой - дать переводчика немецкого языка. Командир послал старшего офицера. Подозревая, что это сахалинские каторжники, те самые беглые, которые недавно сделали нападение на Крильонский маяк, старший офицер пустился на хитрости: он выстроил их в шеренгу и скомандовал по-русски: «Налево кругом марш!» Один из иностранцев не выдержал своей роли и тотчас же исполнил команду, и таким образом узнали, к какой нации принадлежат эти хитроумные Одиссеи. См. об этом «Владивосток», 1885 г., №№ 32 и 38).

Страх перед беглыми каторжниками велик, и этим объясняется, почему наказание, налагаемое за побег, так серьезно и так поражает своей суровостью. Когда из Воеводской тюрьмы или из кандалной бежит какой-нибудь известный бродяга, то молва об этом наводит страх не только на сахалинское население, но даже на жителей материка; рассказывают, что когда однажды бежал Блоха, то слух об этом навел на жителей г. Николаевска такой страх, что местный исправник нашел нужным запросить по телеграфу: правда ли, что бежал Блоха?

(Этот Блоха знаменит своими побегами и тем, что перерезал много гиляцких семейств. В последнее время он содержался в кандалной в ручных и ножных кандалах. Когда генерал-губернатор обходил с начальником острова кандалные, то последний приказал снять с Блохи ручные кандалы и при этом взял с него честное слово, что он уже больше не будет бегать. Интересно, что этот Блоха слышит за ЧЕСТНОГО. Когда его секут, то он кричит: «За дело меня, ваше высокоблагородие! За дело! Так мне и надо!» Очень возможно, что он сдержит свое слово. Каторжникам нравится репутация честного).

Главная опасность, которую представляют для общества побег, заключается в том, во-первых, что они развивают и поддерживают бродяжничество и, во-вторых, ставят почти каждого беглого в нелегальное положение, когда он, в громадном большинстве случаев, не может не совершать новых преступлений. Наибольший контингент рецидивистов составляют беглые; самые страшные и дерзкие преступления на Сахалине до сих пор были совершены беглыми.

В настоящее время для предупреждения побегов употребляются главным образом репрессивные меры. Эти меры уменьшают число побегов, но только до известного предела, и репрессия, доведенная до своего идеального совершенства, все-таки не исключала бы возможности побегов. Есть предел, дальше которого репрессивные меры уже перестают быть действительными. Как известно, каторжный продолжает бежать даже в то время, когда в него прицеливается часовой: его не удерживает от побега также ни шторм, ни уверенность, что он утонет. И есть предел, перейдя который репрессивные меры уже сами становятся причинами побегов. Так, например, устрашающее наказание за побег, состоящее из прибавки нескольких лет каторги к старому сроку, увеличивает число бессрочных и долгосрочных, и тем самым увеличивает и число побегов. Вообще говоря, репрессивные меры в борьбе с побегами не имеют будущности, они сильно расходятся с идеалами нашего законодательства, которое в наказании видит прежде всего средство к исправлению. Когда вся энергия и изобретательность тюремщика изо дня в день уходит только на то, чтобы поставить арестанта в такие сложные физические условия, которые сделали бы невозможным побег, то тут уже не до исправления, и может быть разговор только о превращении арестанта в зверя, а тюрьмы - в зверинец. Да и непрактичны эти меры: во-первых, они всегда ложатся гнетом на население, неповинное в бегах, и, во-вторых, заключение в крепко устроенной тюрьме, кандалы, всякого рода карцеры, темные и тачки делают человека неспособным к работе.

Так называемые гуманные меры, всякое улучшение жизни арестанта, будет ли то лишний кусок хлеба или надежда на лучшее будущее, тоже значительно понижают число побегов. Приведу пример: в 1885 г. бежало 25 поселенцев, а в 1887 г., после урожая 1886 г., только 7. Поселенцы бегают гораздо реже, чем каторжные, а крестьяне из ссыльных почти совсем не бегают. Меньше всего бегают из Корсаковского округа, потому что здесь

урожаи лучше, преобладают среди арестантов краткосрочные, климат мягче и легче получить крестьянские права, чем на Северном Сахалине, а по отбытии каторги, чтобы добыть себе кусок хлеба, нет надобности возвращаться в рудник. Чем легче живется арестанту, тем меньше опасности, что он убежит, и в этом отношении можно признать очень надежными такие меры, как улучшение тюремных порядков, постройка церквей, учреждение школ и больниц, обеспечение семейств ссыльных, заработки и т.п.

За каждого пойманного и доставленного в тюрьму беглого, как я уже говорил, рядовые, гиляки и вообще занимающиеся ловлей беглых получают от казны денежное вознаграждение в размере трех рублей за голову. Нет сомнения, что денежное вознаграждение, соблазнительное для голодного человека помогает делу и увеличивает число «пойманных, найденных мертвыми и убитых», но помощь эта, конечно, совсем не окупает того вреда, который неминуемо должны причинять населению острова дурные инстинкты, пробуждаемые в нем этими трехрублевками. Кто вынужден, как солдат или ограбленный поселенец, ловить беглых, тот поймает и без трех рублей, а кто ловит не по долгу службы и не по нужде, а из соображений корыстного свойства, для того ловля составляет гнусный промысел, а эти три рубля являются поблажкой самого низменного свойства.

По имеющимся у меня данным, из 1501 бежавших поймано и добровольно вернулись 1010 каторжных; найдено мертвыми и убито при преследовании 40; без вести пропало 451 человек. Стало быть, из всей массы бегущих Сахалин теряет одну треть, несмотря на свое островное положение. В «Ведомостях», откуда я брал эти цифры, добровольно вернувшиеся и пойманные показаны в одном числе, найденные мертвыми и убитые при преследовании тоже показаны нераздельно, и потому неизвестно, какое число относится на долю поимщиков и какое число погибает от солдатских пуль.

(По степени наказуемости «Устав о ссыльных» различает побег и отлучку, побег в Сибири и вне Сибири, а также побег первый, второй, третий, четвертый и последующие. Для каторжного признается отлучкой, а не побегом, если его ловят ранее трех дней или же он добровольно возвращается ранее семи дней со времени начала побега. Для поселенца эти сроки увеличены в первом случае до семи, во втором до четырнадцати дней. Побег вне Сибири считается более важным преступлением и карается строже, чем побег в Сибири; это различие построено, вероятно, на том соображении, что для побега в Европейскую Россию требуется гораздо большего напряжения злой воли, чем для побега в какую-нибудь сибирскую губернию. Самое слабое наказание, какое полагается каторжнику за побег, это - сорок плетей и продолжение срока каторжных работ на четыре года, и самое сильное - сто плетей, бессрочная каторга, прикование к тележке на три года и содержание в разряде испытуемых двадцать лет. См. ст. 445 и 446 «Устава о ссыльных», изд. 1890 г.).

(А.Чехов. Остров Сахалин. М.: Советская Россия, 1984, с. 302-316)

Ремарка: Чехов – социолог

Представляется, что перед нами - гениальный образец не синтетического, но - СИНКРЕТИЧЕСКОГО социального исследования. (Ведь синтезу всегда предшествует дифференциация, а в XIX веке дифференциация социологического знания еще только начиналась!).

На фоне чеховского «Острова Сахалина» (как, впрочем, и некоторых других произведений выдающихся представителей русской и мировой художественной литературы и публицистики), думаю, бледнеют достижения эмпирической социологии нашего времени. (Декабрь 1999).

Петр Крутицкий (Полянский)

(1862-1937)

18.4. «Я ТЕПЕРЬ НЕ УМРУ...» (ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ СЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР КРУТИЦКИЙ)

Несколько вступительных слов

В 1992 г. на какой-то историко-культурологической конференции, происходившей в Санкт-Петербургском доме ученых, мне довелось услышать доклад иеромонаха Дамаскина (Орловского), посвященный священномученику, Патриаршему Местоблюстителю, назначенному Патриархом Тихоном незадолго до своей смерти (1925), митрополиту Петру Крутицкому (Полянскому).

Местоблюститель Патриаршего Престола, которому предстояло исполнять эти обязанности до очередного Поместного собора, однако, был арестован в 1925 г. и содержался в заключении, ссылке и вновь в заключении (срок неоднократно продлевался) до самой своей смерти (он был расстрелян в 1937 г.).

Судьба митрополита Петра Крутицкого могла бы быть иной, если бы тот, уже находясь в заключении, отказался бы от своих распоряжений о назначении Местоблюстителями вместо себя (как предусмотрено правилами церковной иерархии, «в случае невозможности исполнять обязанности Патриаршего Местоблюстителя», в данном случае ввиду содержания в заключении) - тех, кого он считал достойным этого, а не тех, кто был выгоден властям, из числа так называемых «обновленцев» Православной церкви, сотрудничавших с властью. Этого от него усиленно добивались (чтобы сохранить видимость легитимного преемства патриаршества, в ситуации фактического раскола Православной церкви при советской власти). Однако митрополит Петр Крутицкий на этот «компромисс» не пошел.

Докладчик (иеромонах Дамаскин) рассказал о результатах своего историко-агиографического изыскания, с привлечением документов и архивных данных. Одним из выводов доклада было то, что митрополит Петр Крутицкий, не отказавшийся от своих местоблюстительских распоряжений, 12 лет оставался главой Поместной церкви, пока не был расстрелян в Верхнеуральской тюрьме (1937).

После доклада я подошел к о. Дамаскину и спросил, обнародована ли где-нибудь в печати эта малоизвестная страница истории Русской Православной Церкви и жизнеописание Патриаршего Местоблюстителя. Оказалось, что пока нет.

О. Дамаскин ответил сдержанным согласием на мое предложение опубликовать его доклад в петербургском информационно-аналитическом еженедельнике «Рейтинг», одним из учредителей и научным консультантом которого я тогда был. Поскольку о. Дамаскин живет в Москве, мы еще несколько недель созванивались, переписывались, согласовывали текст, поскольку малейшая неточность или хотя бы стилистическая редакция агиографической публикации для церковного автора была недопустима. Все было соблюдено до запятой.

В итоге жизнеописание священномученика, Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Петра Крутицкого было впервые опубликовано в «светской» газете, в ее 18-м номере. По счастью - в 18-м... Поскольку этот номер оказался последним в недолгой жизни газеты «Рейтинг», выпускавшейся на деньги одного предпринимателя, вздумавшего заняться газетным бизнесом и одно время издававшего целый «букет» городских газет (рекламной, спортивной, развлекательной и т. д.), среди которых наш интеллигентский «Рейтинг» оказался «белой вороной», массовым спросом не пользовался, и издатель рассудил, что он все-таки должен делать деньги, а не заниматься

просветительством. Подготовленный редакцией 19-й номер газеты в свет уже не вышел.

Ниже - аутентичный текст очерка о священномученике, митрополите Петре Крутицком (1862-1937), написанного иеромонахом Дамаскином и опубликованного в газете «Рейтинг» (1992). (Май 2000).

Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр Крутицкий (в миру Петр Федорович Полянский) родился в 1862 году в селе Сторожевое Воронежской губернии в семье священника. Образование получил в Воронежской семинарии и Московской духовной академии, которую окончил в 1892 году, и был оставлен при ней помощником инспектора. За диссертацию на тему «О Пастырских посланиях» ему была присуждена степень магистра богословия. В 1914 году он был приглашен в Учебный Комитет при Святейшем Синоде на должность ревизора духовных учебных заведений и работал здесь до весны 1918 года, когда все духовные школы были закрыты большевиками. Был участником Поместного собора 1917-1918 года. В 1918 году поступил работать управляющим делами на московскую фабрику «Богатырь».

В 1920 году патриарх Тихон предложил Петру Федоровичу принять монашество, священство, епископство и стать его помощником по управлению Православной Церковью. Предложение Патриарха было сделано тогда, когда уже широко развилось гонение на Православную Церковь. Некоторые епископы были убиты - имена мучеников входили в летопись Поместного собора. Убивали и тех, кто посылался Собором для выяснения обстоятельств кончины убитых архиереев. Были зверски убиты митрополит Владимир Киевский, архиепископ Андроник Пермский, епископ Гермоген Тобольский, архиепископ Василий Черниговский и с ними многие священнослужители и миряне. Не почет и комфорт сулило в то время архиерейство, а многие страдания. Петр Федорович принял предложение Патриарха как волю Божию, как прозвучавший через Патриарха Божий призыв - послужить Богу и Церкви.

Ему было тогда пятьдесят восемь лет. Оставаясь человеком светским, не связанным ни монашескими обетами, ни священным саном, имел он возможность умереть своей смертью, принимая же предложение патриарха - никакой.

Петр Федорович жил тогда в Армянском переулке в Москве с родственниками своего брата-священника. Придя домой, он рассказал о предложении Патриарха, прибавив:

- Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь, - я знаю, я подпишу тем себе смертный приговор.

Слова эти сбылись почти в точности. После рукоположения во епископа Подольского, викария Московской епархии, он был арестован и сослан. Вернувшись из ссылки в 1923 году, он был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа, а в 1924 году - митрополита, и назначен митрополитом Крутицким.

На Благовещение 7 апреля 1925 года скончался Святейший Патриарх Тихон. Незадолго до своей кончины Патриарх назначил кандидатов в Местоблюстители Патриаршего Престола - митрополита Кирилла Казанского (Смирнова), митрополита Агафангела Ярославского (Преображенского), а затем митрополита Петра Крутицкого (Полянского). Согласно распоряжению Патриарха Тихона, митрополит Петр должен был воспринять обязанности Местоблюстителя, если ни один из двух других кандидатов не сможет к этим обязанностям приступить. В апреле 1925 года митрополиты Кирилл и Агафангел находились в ссылке, поэтому к исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя приступил митрополит Петр Крутицкий. На состоявшемся после погребения Святейшего Патриарха Тихона архиерейском соборе, в котором участвовало более шестидесяти архиереев, местоблюстительские права митрополита Петра были утверждены всеми собравшимися.

Восприяв после смерти Патриарха пост Местоблюстителя, митрополит Петр принял на себя и все проблемы, стоявшие тогда перед Поместной церковью. Обновленцы в это время готовились к своему второму собору, усиленно предлагая православным помириться и принять участие в этом соборе. Для некоторых предложение показалось приемлемым, и они начали вести с обновленцами переговоры о примирении. 28 июля 1925 года Местоблюститель Патриаршего Престола обратился с посланием к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви. Он писал:

«Уже более трех месяцев прошло с тех пор, как Господу угодно было призвать к Себе Кормчего Русской Церкви, благоднейшего отца нашего Святейшего Патриарха Тихона. Тяжела для нас эта утрата, особенно в настоящее время, когда корабль церковный приходится вести к тихой пристани среди бушующих волн житейского моря...

...К глубокому прискорбию, попущением Божиим произошло разделение... внутри самой Православной Церкви. По слову Божию, «они вышли от нас, но не были наши, ибо если бы они были наши, то остались бы с нами» (I Иоанн II, 19). Мы разумеем так называемых живоцерковников, обновленцев, возрожденцев, самосвятот и т. п. Все они своей самочинной иерархией и самочинным устройством церковной жизни, как в исконной России, так и на Украине и в других местах, отделяются от единого Тела Христова, т.е. от Святой Его Православной Церкви, и тем смущают православный народ...

В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них православных клириков и мирян для совместного обсуждения вопросов и соединения с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому собору. Но должно твердо помнить, что по каноническим правилам Вселенской Церкви все такие самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 году живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому на них присутствовать православным христианам, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание канонические правила воспрещают».

Выступая с таким посланием, Местоблюститель укрепляет всех колеблющихся и малодушных, нанося сокрушительный удар всем разорителям Церкви. Обновленцы писали: «...воззвание митрополита Петра определило всю линию поведения староцерковников... Тон, данный «крутицами», уже заранее определил позицию староцерковников по всему фронту, и в дальнейшем возможны были только вариации одной и той же политики. При этом по местам легко было уже просто ссылаться на центр, что мы и видим на самом деле... Так, например, в Ленинградской епархии среди духовенства появилась «левая группа» тихоновцев, которая склонна была идти навстречу примирительной позиции Св. Синода (обновленческого. - и.Д.).

До появления воззвания Петра Крутицкого эта группа подавала надежды, что она окажет свое давление на епископов и постарается сдвинуть их с непримиримой позиции. Но как только появилось воззвание Петра... они заговорили другим языком и опустили свой флаг... то же самое произошло и с тихоновскими мирянами».

«...До распространения воззвания Петра Крутицкого большинство духовенства и церковно-приходских советов Тамбовской епархии готовы были принять участие в благочиннических собраниях и епархиальном съезде... на миролюбивое настроение «низов» сильно повлияло воззвание Петра Крутицкого. На благочиннические съезды, собранные после появления этого воззвания, тихоновцы уже почти не явились...».

После послания Местоблюстителя советские газеты стали печатать статьи, обвиняющие его в контрреволюционной деятельности. На обновленческом соборе Александр Введенский прочел фальшивый документ, в котором Местоблюститель обвинялся в связях с границей. По тем временам обвинение достаточное для ареста.

Между тем ГПУ продолжило с Патриаршим местоблюстителем переговоры о легализации церковного управления, начатые еще при Патриархе Тихоне. Условиями легализации, по словам Протопресвитера Михаила Польского, были: 1) издание

декларации, призывающей верующих к лояльности относительно советской власти; 2) устранение не угодных власти архиереев и 3) осуждение заграничных епископов.

Потерпев неудачу на переговорах с митрополитом Петром, уполномоченный ГПУ Тучков стал подыскивать среди православных архиереев такого, который был бы согласен захватить церковную власть. Им оказался архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский). Тучков обещал ему свою поддержку при регистрации нового церковного управления.

По газетным статьям, по угрожающим речам, произнесенным на втором обновленческом соборе, становилось ясно, что близок арест Местоблюстителя. 6 декабря 1925 года Патриарший Местоблюститель написал следующее распоряжение:

«В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому. Если же сему Митрополиту не представится возможности осуществлять это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященнейший Михаил, Экзарх Украины, или Высокопреосвященнейший Иосиф, Архиепископ Ростовский, если Митрополит Михаил будет лишен возможности выполнить мое распоряжение.

Возношение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным».

Шаг этот был продиктован благочестивой ревностью о судьбе управления Церковью, желание оградить Российскую Православную Церковь от анархии и расколов в убеждении того, что два других кандидата в Местоблюстители, назначенные Патриархом Тихоном, митрополит Кирилл Казанский и митрополит Агафангел Ярославский, как находящиеся в ссылке, не имеют возможности принять церковное управление. Кроме того, после подтверждения собором архиереев избрания Петра Местоблюстителем - права двух названных кандидатов на местоблюстительство переставали быть безусловными и не могли рассматриваться механически в силу лишь завещания Патриарха Тихона, но только при востребовании пав самим кандидатом и при одобрении архиерейского собора. Патриарший Местоблюститель считал, что необходима законная передача церковной власти при благословении первоиерарха, что безвластие поведет Церковь к анархии и захвату церковного управления группами, имеющими корыстные интересы, что поведет, в свою очередь, к разрыву с канонами и традициями Православной Церкви.

Через несколько дней после распоряжении о назначении своего заместителя на случай невозможности исполнять обязанности Местоблюстителя, 10 декабря 1925 года митрополит Петр был арестован.

14 декабря 1925 года митрополит Сергей послал на имя епископа, управляющего Московской епархией, уведомление о том, что в соответствии с распоряжением Патриаршего Местоблюстителя он приступает к исполнению обязанностей Местоблюстителя.

***

Спустя некоторое время Тучков пришел к митрополиту Петру в Суздальский политизолятор (где тот содержался в одиночке, без известий о происходящем за стенами тюрьмы) с предложением учредить Православный Синод с обязательным включением в него архиепископа Григория. Будет ли участвовать в заседании сам митрополит Петр, об этом умалчивалось, но если нужно, насмешливо заметил Тучков, то члены Синода могут приезжать в Суздальский изолятор и здесь проводить свои заседания. Митрополита Сергея Тучков предложил лишить прав заместителя Местоблюстителя и переместить в Красноярскую епархию. Тучков старался восстановить Местоблюстителя против митрополита Сергея, рассказывая о нем все худое, обвиняя последнего в интригах и политиканстве. Митрополит Петр решительно от этого преодоления отказался. Впоследствии он писал председателю ОГПУ Менжинскому:

«...по отношению к митрополиту Сергию, одному из заслуженных и авторитетнейших архиереев, к которому последние относились с уважением и перед которым выражала свою восторженную симпатию и управляемая им паства, - предлагаемая мера была бы посягательством на его достоинство и неслыханное для него оскорбление... Это перешло бы всякие пределы справедливости. А относительно архиепископа Григория, что архиерей, лишенный кафедры и подвергшийся запрещению, не может быть членом Синода».

5 ноября 1926 года Патриарший Местоблюститель митрополит Петр Крутицкий был приговорен к трем годам ссылки. В декабре 1926 года митрополит был этапом отправлен через пересыльные тюрьмы в Тобольск.

(Из Тобольска митрополит был отправлен в ссылку в село Абалак Тобольской области, а затем в поселок Хэ Обдорского района на берегу Обской губы. 11 мая 1928 года трехлетняя ссылка была продлена еще на два года. В августе 1930 года митрополит Петр, находясь в ссылке, был вновь арестован и отправлен в екатеринбургскую тюрьму. В августе 1931 года ему был зачитан новый приговор - пять лет заключения. Первые годы он пробыл в одиночке Екатеринбургской тюрьмы, а затем был переведен в Верхнеуральский политизолятор).

***

...Время шло, надежды на освобождение таяли. Удивляло его, что мера осуждения по своей тяжести совершенно не соответствовала тому приговору, который ему был зачитан. Он стал просить власти смягчить заключение или освободить, учитывая отсутствие за ним какого бы то ни было политического преступления. 12 сентября 1932 года в письме в Особое Совещание при ОГПУ владыка так описывал свое положение: «Я постоянно стою перед угрозой более страшной, чем смерть, как, например, паралич, уже коснувшийся оконечностей правой ноги то в икрах, точно кто их сжимает туго железным обручем, то в подошвах, - стоит встать на ноги, как в подошвы словно гвозди вонзились. Меня особенно убивает лишение свежего воздуха, мне еще ни разу не приходилось быть на прогулке днем; не видя третий год солнца, я потерял ощущение его. С ранней весны вынужден прекратить и ночные выходы. Этому препятствуют приступы удушья (эмфизема), с вечера настолько развивающиеся, что положительно приковываюсь к месту. В последнее время приступы удушья углубились и участились. Неизменно повторяясь каждую ночь, они то и дело поднимают с постели... Приходится сидеть часами, а иногда до утра, не ладно делается и с сердцем - тяжелые боли в нем доводят до обморочных состояний».

Ответа не было, и он снова писал, на этот раз Тучкову: «Много раз умолял врача исходатайствовать мне дневные прогулки, лечебное питание взамен общего стола, тяжелого и не соответствующего потребностям организма, исхлопотать относительно техника (протезов), но все тщетно, неоднократно и сам обращался к начальству с той же просьбой, и также безрезультатно, а болезни все сильнее и сильнее углубляются и приближают к могиле. Откровенно говоря, смерти я не боюсь, только не хотелось бы умирать в тюрьме, где не могу принять последнего напутствия и где свидетелями смерти будут одни стены... Поступите со мной согласно постановлению... отправьте в концлагерь... как ни тяжело там будет, все-таки несравненно легче настоящей одиночки... Меня неизменно держат в строжайшей изоляции и окружают постоянным молчанием - наказание очень тяжелое...».

***

В Верхнеуральской тюрьме Местоблюститель пробыл до окончания срока 23 июля 1936 года. День прошел, но его не освободили.

9 июля 1936 года состоялось заседание Особого Совещания при НКВД СССР, за секретаря - Тучков, он же, вероятно, предложил продлить срок заключения митрополита Петра еще на три года. Поскольку решение о митрополите принимал ВЦИК СССР, послали туда ходатайство. Состоявшееся 25 августа 1936 года заседание Президиума

ВЦИК постановило: ходатайство Особого Совещания НКВД о продлении срока тюремного заключения еще на три года удовлетворить.

1 сентября 1936 года Патриаршему Местоблюстителю объявили о продлении срока. Объявление состоялось скорее всего тут же в камере. Начальник тюрьмы или его заместитель прочли в несколько строк приговор.

- Ну, я теперь не умру...» - сказал старец выслушав.

***

2 августа 1937 года при вечернем обходе помощником начальника тюрьмы Артемьевым митрополит Петр просил уделить ему несколько минут. Владыка попросил внести в суровый тюремный рацион хоть какое-то разнообразие, так как он не пользуется дополнительными покупками. При этом он сказал, что он Патриарший Местоблюститель и за это в тюрьме, так как категорически отказался от предложения ОГПУ снять с себя этот сан. Несправедливо держать невиновного, добиваясь его смерти. Но из этого ничего не получится, так как при его жизни назначено три заместителя, а каждый в свою очередь назначил еще трех заместителей, ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ХВАТИТ ЕЩЕ НА ТЫСЯЧУ ЛЕТ.
[Выделено мною. - А. А.].

На следующий день Артемьев составил рапорт о сказанном митрополитом. Оперуполномоченный Яковлев написал резолюцию:

«Приобщить... рапорт к делу... Учтите, что заключенный № 114 делал попытку установить связь с внешним миром. И использовать для этого ныне уволенного врача тюрьмы, поручая ему передать от него митрополиту Сергию икону...».

На основании рапорта Артемьев и Яковлев составили справку:

«Отбывая заключение в Верхнеуральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом советского государства, клеветает на существующий государственный строй... обвиняя в «гонении на Церковь» ее деятелей. Клеветнически обвиняет органы НКВД в пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение, так как он не принял к исполнению требование НКВД отказаться от сана Местоблюстителя Патриаршего престола. Пытался связаться с внешним миром из заключения, используя для этого медицинский персонал тюрьмы, в результате чего получил от духовенства города Верхнеуральска просфору как знак приветия...».

2 октября 1937 года тройка НКВД по Челябинской области приговорила Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого к расстрелу.

10 октября 1937 года в 4 часа дня митрополит Петр был расстрелян.

***

Я думаю, в этом небольшом историко-агиографическом исследовании, основанном на документах и архивных данных, вам в какой-то мере представлен образ Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра Крутицкого, его исповедничество в условиях горькой неволи и мученическая кончина. Он был двенадцать лет главой Поместной Церкви, и завет его, выстраданный годами заключения и мученической кончиной, не раздирать Церковь Христову ради узких человеческих правд. Церковь - это не строительный материал для устрояемого государственного благополучия, но и не камень для разрушения унылой темницы безбожного государства. Миссия Церкви та же, что и Христа, - спасать души человеческие, приуготовляя их к жизни вечной.

(Иеромонах Дамаскин (Орловский). «Я теперь не умру...» // Рейтинг, 1992, N 18, июль)

Ремарка: агиография XX века

Совсем недавно, просматривая журнал «Новая Европа» (международное обозрение культуры и религии), я натолкнулся в № 10 (1997) этого издания на беседу с Иеромонахом Дамаскиным Орловским, священником храма преподобного Андрея Рублева в Раменском.

Оказывается, отец Дамаскин является автором вышедших уже после моей встречи с ним книг:

- Иероманах Дамаскин Орловский. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь. «Булат». Кн. 1 - 1992; Кн. 2 - 1996.

Еще в 1980-х гг., по окончании Литературного института, делом жизни отца Дамаскина стало составление полного свода жизнеописаний новомучеников православной веры.

В своем интервью церковный писатель рассказывает, в частности, о методологии агиографической работы, включающей как архивные разыскания, так и сбор устных (церковно-исторических) преданий. (Июнь 2000).

И.П. Каляев
(1877-1905)

18.5. СЛОВО ПЕРЕД КАЗНЬЮ (БОМБОМЕТАТЕЛЬ ИВАН КАЛЯЕВ)

Несколько вступительных слов

Усердный читатель и внутренний критик рукописи этой книги, Виктор Дудченко звонит мне в конце ноября 1999 г.:

- Слушай, читал ли ты когда-нибудь «Воспоминания террориста» Бориса Савинкова?»

- Нет. (Вспоминаю, что книгу Б.Савинкова, который был не только знаменитым эсером-террористом, но и талантливым писателем, и которого начали активно переиздавать у нас на рубеже 80-х - 90-х гг., мне приходилось держать в руках, а вот читать не довелось).

- А кто такой был Иван Каляев - знаешь?

Признаться, знал только, что в нашем городе еще недавно, до всех переименований, именем Каляева называлась улица, на которую, одним из своих фасадов, выходит «большой дом» (Управление МВД и КГБ, по старому).

- Кто-то из революционеров... Большевик?

- Нет, эсер-боевик. Казнен за убийство великого князя Сергея Романова в 1905 году.

Мой друг прочитал мне по телефону кусок речи Ивана Каляева на суде, которую приводит Б. Савинков в своих «Воспоминаниях террориста».

На следующий день я ознакомился с этой книгой...

Ниже - фрагменты документов, относящихся к деятельности И.П. Каляева.

В скобках указаны страницы по изданию: Савинков Б. Избранное. Л., 1990. (Декабрь 1999).

Энциклопедическая справка

КАЛЯЕВ, Иван Платонович (1877-1905) - член боевой организации партии социалистов-революционеров. В июне 1904 принимал участие в покушении на министра внутренних дел В.К. Плеве, был в числе метальщиков бомб. 4 февр. 1905 К. убил московского генерал-губернатора вел. князя С.А.Романова (дядю Николая II). Казнен в Шлиссельбурге в ночь на 10 мая.

(Большая Советская Энциклопедия, т. 19. М.: Изд-во БСЭ, 1953, с. 472)

= Из письма И. Каляева (апрель 1905)

<...> Прощайте, мои дорогие, мои незабвенные. Вы меня просили не торопиться умирать, и, действительно, не торопятся меня убивать. С тех пор, как я попал за решетку, у меня не было ни одной минуты желания как-нибудь охранить жизнь. Революция дала мне счастье, которое выше жизни, и вы понимаете, что моя смерть - это только очень слабая моя благодарность ей. Я считаю свою смерть последним протестом против мира крови и слез и могу только сожалеть о том, что у меня есть только одна жизнь, которую я бросаю, как вызов, самодержавию. Я твердо надеюсь, что ваше поколение, с боевой организацией во главе, покончит с самодержавием.

Я хотел бы только, чтобы никто не подумал обо мне дурно, чтобы верил в искренность моих чувств и твердость моих убеждений до конца. Помилование я считал бы позором. Простите, если в моем поведении вне партийных интересов были какие-либо неровности. Я пережил довольно острую муку по поводу нелепых слухов о свидании с великой княгиней, которыми меня растревляли в тюрьме. Я думал, что я опозорен... Как только я получил возможность писать, я написал письмо великой княгине, считая ее виновницей сплетни. Потом, после суда мне было неприятно, что я нарушил свою корректность к великой княгине... На суде я перешел в наступление не вследствие аффекта, а потому, что не видел другого смысла: судьи и особенно председатель, - действительно мерзавцы, и мне просто противно открывать что-нибудь им из моей души, кроме ненависти. В кассационной жалобе я старался провести строго партийный взгляд, и думаю, что ничем не повредил интересам партии своими заявлениями на суде. Я заявил, что убийство великого князя есть обвинительный акт против правительства и царского дома. Поэтому в приговоре вставлено «дядя е[го] в[еличества]». Я написал в кассационной жалобе, что в деле против в[еликого] к[нязя] мне не было нужды действовать против личности его, как племянника, и потому заявил протест, имея в виду будущий процесс...

Обнимаю, целую вас. Верьте, что я всегда с вами до последнего издыхания. Еще раз прощайте.

Ваш И. Каляев. <...> (100-101).

= Из речи И.Каляева на суде (5.04.1905)

<...> Прежде всего фактическая поправка: я - не подсудимый перед Вами, я - ваш пленник. Мы - две воюющие стороны. Вы - представители императорского правительства, наемные слуги капитала и насилия. Я - один из народных мстителей, социалист и революционер. Нас разделяют горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слез, разлившихся по всей стране потоками ужаса и возмущения. Вы объявили войну народу, мы приняли вызов. Взяв меня в плен, вы теперь можете подвергнуть меня пытке медленного угасания, можете меня убить, но над моей личностью вам не дано суда. Как бы вы ни ухищрялись властвовать надо мной, здесь для вас не может быть оправдания, как не может быть для меня осуждения. Между нами не может быть почвы для примирения, как нет ее между самодержавием и народом. Мы все те же враги, и если вы, лишив меня свободы и гласного обращения к народу, устроили надо мной столь торжественное судилище, то это еще несколько не обязывает меня признать в вас моих судей. Пусть судит нас не закон, облеченный в сенаторский мундир, пусть судит нас не рабье свидетельство сословных представителей по назначению, не жандармская подлость. Пусть судит нас свободно и нелицеприятно выраженная народная совесть. Пусть судит нас эта великомученица истории - народная Россия.

Я убил великого князя, члена императорской фамилии, и я понимаю, если бы меня подвергли фамильному суду членов царствующего дома, как открытого врага династии.

Это было бы грубо, и для XX века дико. Но это было бы, по крайней мере, откровенно. Но где же тот Пилат, который, не омыв еще рук своих от крови народной, послал вас сюда строить виселицу? Или, может быть, в сознании предоставленной вам власти, вы овладели его тщедушной совестью настолько, что, что сами присвоили себе право судить именем лицемерного закона в его пользу? Так знайте же, я не признаю ни вас, ни вашего закона. Я не признаю централизованных государственных учреждений, в которых политическое лицемерие покрывает нравственную трусость правителей, и жестокая расправа творится именем оскорбленной человеческой совести, ради торжества насилия.

Но где же ваша совесть? Где кончается ваша продажная исполнительность, и где начинается бессеребренность вашего убеждения, хотя бы враждебного моему? Ведь вы не только судите мой поступок, вы посягаете на его нравственную ценность. Дело 4 февраля вы не называете прямо убийством, вы именуете его преступлением, злодеянием. Вы дерзаете не только судить, но и осуждать. Что же вам дает это право? Не правда ли, благочестивые сановники, вы никого не убили, и опираетесь не только на штыки и закон, но и на аргумент нравственности? Подобно одному ученому профессору времен Наполеона III, вы готовы признать, что существуют две нравственности. Одна для обыкновенных смертных, а другая нравственность политическая, для правителей, которая им все разрешает. И вы, действительно, уверены, что вам все дозволено, и что нет суда над вами...

Но оглянитесь: всюду кровь и стоны. Война внешняя и война внутренняя. И тут, и там пришли в яростное столкновение два мира, непримиримо враждебные друг другу: бьющая ключом жизнь и застой, цивилизация и варварство, насилие и свобода, самодержавие и народ. И вот результат: позор неслыханного поражения военной державы, финансовое и моральное банкротство государства, политическое разложение устоев монархии внутри, наряду с естественным развитием стремления к политической самостоятельности на так называемых окраинах, и повсюду всеобщее недовольство, рост оппозиционной партии, открытые возмущения рабочего народа, готовые перейти в затяжную революцию во имя социализма и свободы, и - на фоне всего этого - террористические акты... Что означают эти явления?

Это суд истории над вами. Это - волнение новой жизни, пробужденной долго накоплявшейся народной грозой, это отходная самодержавию... И революционеру наших дней не нужно быть утопистом-политиком для того, чтобы идеал своих мечтаний сводить с небес на землю. Он суммирует, приводит к одному знаменателю и облекает в плоть лишь то, что есть готового в настроениях жизни, и, бросая в ответ на вызов в бою свою ненависть, может крикнуть насилию: я обвиняю! <...> (102-103).

= Из кассационной жалобы И. Каляева в сенат (апрель 1905)

<...> Я не мог не прийти к заключению, что позор моей родины, это чудовищная война внешняя и внутренняя, этот открытый союз царского правительства с врагом народа - капитализмом - есть следствие той злостной политики, которая вытекает из вековых традиций самодержавия.

(Комментарий Б.Савинкова: «В юридической части своей жалобы Каляев, исполняя свой долг, старался провести строго партийную точку зрения, как он делал это и на суде. Он коснулся вопроса царевубийства и отношения партии к анархизму. В том и другом случае он не счел для себя возможным защищать свое личное мнение. Он писал...»).

...Если бы я имел в виду его величество, я сказал бы, что я действовал против его величества и не было бы мне надобности скрывать свою мысль в общей формуле «против императорского дома». Моя формула имеет ограничительное значение, и вовсе не касается в этом смысле его величества, как царствующего монарха. Моя партия, насколько я понимаю партийную политику, не ставила вопроса о личности его величества. В своем заявлении, как член партии, сознающий свой долг блюсти ее интересы, я также не

высказывал от себя больше, чем мне позволяла партийная дисциплина. Говоря о политике Александра III и т. д., я имел в виду не личность его величества, а партийную реакционную политику, в которой великие князья принимают самое невыгодное для его величества участие. Это я сказал словами: «Если верно то, что такие министры, как Плеве, губят монархию, то с еще большим основанием можно сказать, что такие великие князья, как Сергей Александрович, губят престиж династии». В изъяснении настоящего заявления я считаю долгом подробнее развить свою мысль о том, что ни партия, ни я не могут быть признаны анархистами. Поэтому, во избежание неправильного толкования моих мыслей, я заявляю свой протест против включения формулы - «дядя его величества» - в окончательную форму приговора.

В государственном вопросе партия социалистов-революционеров стоит на точке зрения европейской социал-демократии, проповедующей участие рабочего народа в государственном управлении посредством выборов в парламент. Наша партия, как и социал-демократы, выставляет в настоящее время требование всеобщего избирательного права и очень далека от анархистского отрицания блага государственного народоуправления. Я могу указать на программу, опубликованную в одном из номеров «Революционной России», а также на заявление по случаю убийства Плеве, в котором она явно отграничивает себя от анархистов, повторяя заявление «Народной воли». <...> (105-106).

= Казнь (9.05.1905)

<...> Протест этот сенатом уважен не был, и в понедельник, 9 мая, Каляев был перевезен на полицейском пароходе из Петропавловской крепости в Шлиссельбург. В ночь на 10 мая, около 10 часов вечера его посетил священник, о. Флоринский. Каляев сказал ему, что хотя он человек верующий, но обрядов не признает. Священник ушел. Во втором часу ночи, когда уже светало, Каляева вывели на двор, где чернела готовая виселица. На дворе находились представители сословий, администрации крепости, команда солдат и все свободные от службы унтер-офицеры. Каляев взшел на эшафот. Он был весь в черном, без пальто, в фетровой шляпе.

Стоя неподвижно на помосте, он выслушал приговор. К нему подошел священник с крестом. Он не поцеловал креста и сказал:

- Я уже сказал вам, что я совершенно покончил с жизнью и приготовился к смерти.

Место священника занял палач Филиппов. Он набросил веревку и оттолкнул ногой табурет.

Похоронен Каляев за крепостною стеною, между валом, окаймляющим крепость со стороны озера, и Королевской башней. <...> (102-103).

(Савинков Б. Избранное. Л., 1990)

Ремарка: Лицо и Система

Этот эпизод российской истории может показаться достаточно далеким от сюжетов данной книги. За одним-единственным исключением: речь здесь также идет о взаимоотношениях личности и общества (или «Лица» и «Системы») и об осознанном выборе человеком того или иного пути - «способа действия» в этих «взаимоотношениях». (Декабрь 1999).

В.П. Костенко
(1881-1956)

18.6. ЖИЗНЬ И СУДЬБА (ИНЖЕНЕР-КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ ВЛАДИМИР КОСТЕНКО)

(1)

Кем был В.П. Костенко

= Из очерка жизни и деятельности Владимира Полиевктовича Костенко (авторы: И.М. Короткин, И.Н. Соловьев) - вступительной статьи к 2-му изданию книги В.П. Костенко «На «Орле» в Цусиме» (Л.: «Судостроение», 1968)

[Первое издание книги В.П.Костенко «На «Орле» в Цусиме.Воспоминания участника русско-японской войны на море в 1904-1905 гг.» вышло в 1955 г. - А. А.]

<...> Владимиру Полиевктовичу Костенко принадлежит почетное место в отечественном кораблестроении.

Ученик и верный последователь выдающихся русских ученых Степана Осиповича Макарова и Алексея Николаевича Крылова, он на протяжении более чем полувековой научно-технической деятельности творчески продолжал их славные инженерные и научные традиции.

Активный участник проектирования и постройки судов, а также создания новых верфей, В.П. Костенко известен и как автор многих десятков научных работ. Диапазон вопросов, затронутых в этих работах, указывает на исключительную эрудицию автора в области кораблестроения и смежных областей промышленности. <...>

Владимир Полиевктович не имел ученых степеней и званий. Однако, как писал академик А.Н. Крылов, он был «вполне достоин ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации, которая вполне заменяется его трудами» (из письма А.Н. Крылова, февраль 1944). <...>

Уже в первые годы своей службы на флоте, особенно в период русско-японской войны, В.П. Костенко приобрел богатый опыт морской и боевой службы на кораблях.

Талантливость, исключительная энергия и трудолюбие позволили Владимиру Полиевктовичу с большой эффективностью использовать полученный опыт для совершенствования кораблей.

Владимир Полиевктович известен как неутомимый пропагандист отечественного кораблестроения и морского дела. Он горячо любил свою Родину: патриотизмом и любовью к морскому делу проникнуты и страницы его книги «На «Орле» в Цусиме».

Выступая в печати и устно перед различными аудиториями, В.П. Костенко неоднократно возвращался к Цусимской трагедии, освещая разные боевые эпизоды и разоблачая гнилость русского самодержавия - главного виновника Цусимского поражения. Наряду с этим он всегда с большим теплом говорил о героизме и самоотверженности русских моряков.

Широко известна его дружба с А.С. Новиковым, баталером с «Орла», ставшим впоследствии выдающимся писателем-маринистом. <...>

Владимир Полиевктович был крупным общественным деятелем.

Известна его революционная деятельность в дооктябрьский период. В советские годы он вел большую работу во многих общественных организациях и на предприятиях различных городов страны.

Но на большом жизненном пути В.П. Костенко встречалось и немало ухабов. После сражения у Цусимы он попал в японский плен; спустя несколько лет после возвращения из плена в Россию его заточили в Петропавловскую крепость. <...>

(И.М. Короткин, И.Н. Соловьев. Владимир Полиевктович Костенко (очерк жизни и деятельности) / В.П.Костенко. На «Орле» в Цусиме. Л., 1968, с. 3-4).

= Из книги А.С. Новикова-Прибоя «Цусима» (примечание 1 к тому 1)

^- <...> В.П. Костенко, с которым я плавал на броненосце «Орел» оказался как герой настолько необходим для моей книги, что если бы его не существовало в природе, то пришлось бы такового выдумать. Поэтому я уделяю ему в данном произведении так много места. Он фигурирует у меня под псевдонимом инженера Васильева. В целях конспирации так называли его на судне в узком кругу матросов-революционеров. Но теперь мне кажется, что я напрасно своевременно не опубликовал его под настоящей фамилией. Кстати, ответу на многочисленные вопросы моих читателей о судьбе этого героя: в настоящее время он работает в СССР по своей специальности и как исключительно талантливый инженер занимает крупный пост в советском кораблестроительстве. <...>

(Новиков-Прибой А.С. Собр. соч. в пяти томах, том 3. М.: Изд-во «Правда», 1963, с. 371).

= Биографическая справка

КОСТЕНКО ВЛАДИМИР ПОЛИЕВКТОВИЧ. 1881-1956.

Видный инженер-кораблестроитель, лауреат Гос. премии СССР (1950).

В 1904 г. окончил морское инженерное училище и был направлен на достройку эскадренного броненосца «Орел», на котором впервые в мире внедрил систему быстрого выравнивания крена и дифферента. На этом корабле в составе 2-й Тихоокеанской эскадры совершил переход на Дальний Восток, где принял участие в Цусимском сражении.

С 1906 г. помощник строителя линейного корабля «Андрей Первозванный». Был командирован в Англию для наблюдения за постройкой броненосного крейсера «Рюрик». В 1906-1910 гг. под руководством А.Н. Крылова работал в КБ Морского техн. комитета. В 1912-1917 гг. работал в Николаеве начальником Общества судостроительных, механич. и литейных заводов, затем главным инженером завода «Наваль». В 1915-1917 гг. разработал проект линейного корабля водоизмещением 45 тыс. тонн.

В 1919-1922 гг. технический руководитель судостроительных заводов в Николаеве, в 1922-1942 гг. член правления Ленсудопроекта. В 1926 г. незаконно репрессирован. После освобождения (1931) работал главным инженером Проектверфи. В 1941 г. снова незаконно репрессирован. В 1942 г. освобожден и назначен заместителем директора Проектверфи. С 1932 г. почетный член НТО им. акад. А.Н. Крылова. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Автор трудов «Теория корабля. Сопротивление воды движению судна» (1926), «Бронева защита боевых кораблей» (1947), «На «Орле» в Цусиме» (1955, 1968).

(См.: Доценко В.Д. Морской биографический словарь. СПб: LOGOS, 1995, с. 220-221)

(2)

В.П. Костенко. Воспоминания Н.В. Костенко

= Несколько вступительных слов

Впервые мне стало известно о Владимире Полиевктовиче Костенко из воспоминаний отца моей жены (З.Г. Вахарловской) - Глеба Анатольевича Вахарловского (1908-1998). Тот - сам видный кораблестроитель - около 25 лет был сослуживцем Владимира Полиевктовича (ГСПИ-2) и близко его знал.

Готовясь рассказать об жизни и судьбе В.П. Костенко – героя Цусимы и «Цусимы», выдающегося инженера-кораблестроителя, организатора промышленности,

ученого и литератора, человека удивительного таланта и необыкновенной силы духа, я колебался в выборе источников.

*И в конце концов счел за лучшее - полностью воспроизвести здесь очерк, написанный дочерью Владимира Полиевктовича - **Натальей Владимировной Костенко** (ныне покойной. - А. А. 2013) , по личным воспоминаниям и по материалам спасенного ею в блокадном Ленинграде архива отца.*

Сам по себе этот мемуарный очерк, впервые опубликованный в историческом альманахе «Цитадель» (1998) - произведение, на мой взгляд, замечательное. (Декабрь 1999).

= Владимир Полиевктович Костенко (Воспоминания дочери)

[В настоящей публикации, в отличие от состоявшейся в альманахе «Цитадель», очерк разбит на главы, заголовки которых согласованы с автором - Н.В. Костенко. - А. А.]

Корабельный инженер. Герой Цусимского сражения

Владимир Полиевктович Костенко родился 8 сентября 1881 г. (все даты до 1918 г. по старому стилю. - Н. К.) в семье земского врача Полиевкта Ивановича Костенко. В семье было пятеро детей - три сына и две дочери, старший - Владимир. Ко времени поступления первенца в первый класс гимназии в 1882 г. Полиевкт Иванович добился должности врача на железнодорожной станции в Белгороде.

В 1900 г. Владимир Полиевктович окончил в этом городе классическую гимназию с золотой медалью и поступил на первый курс кораблестроительного отделения Морского инженерного училища в Кронштадте. Училище он окончил 6 мая 1904 г. с золотой медалью и с занесением на мраморную доску и получил звание младшего помощника судостроителя. 17 мая 1904 г. он был назначен в Петербургский военный порт помощником строителя броненосца «Орел», а 26 августа - корабельным инженером этого броненосца, вошедшего в состав 2-1 Тихоокеанской эскадры, которой командовал вице-адмирал З.П. Рожественский.

2 октября 1904 г. эскадра из Либавы двинулась в легендарный поход к берегам Японии через три океана при полном отсутствии промежуточных баз и стоянок.

Костенко весь этот поход провел на «Орле» и стал участником генерального сражения русского и японского флотов 14-15 мая 1905 г. Он оказался единственным корабельным инженером, оставшимся в живых после Цусимского сражения. Будучи предельно израненным, «Орел» остался на плаву благодаря использованию на практике «теории непотопляемости» А.Н. Крылова, впервые реализованной в бою корабельным инженером броненосца. За время перехода Костенко рассчитал и заблаговременно обучил личный состав «Орла», как правильно заполнять забортной водой во время боя отсеки, противоположные повреждению. Благодаря этому кораблю в самый критический момент угрозы перевертывания уцелел.

Возвращение из японского плена. Анализ трагедии русского флота в Цусиме

В походе и в плену в Японии Владимир Полиевктович вел подробный дневник, в котором сделал глубокий анализ происходящих событий, причин поражения русского флота и гибели ядра эскадры - броненосца типа «Бородино». Узнавший об этой работе вице-адмирал З.П. Рожественский, также находившийся в плену, понимал, что собранные В.П. Костенко материалы о гибели русской эскадры могут неблагоприятно отразиться на его положении при разборе в России причин трагедии в Цусиме. Поэтому адмирал не был заинтересован в возвращении корабельного инженера из плена на Родину. В Японию на

имя Владимира Полиевктовича пришли письма от народовольца Русселя (Судзиловского).^{268 *}

Рожественский, вручая их Костенко, воспользовался случаем и произнес: «Вот Вам письма от Вашего друга Русселя. Берите и уходите. Но уж в Россию не показывайтесь».

Владимир Полиевктович свою судьбу решил иначе. Весной 1906 г. он возвратился из японского плена в Россию через Тихий океан, США, Англию, Францию, Швейцарию и Австро-Венгрию. В пути В.П. Костенко обработал и отредактировал свои дневниковые записи о Цусимском сражении, ставшие уникальным историческим материалом.

Впервые его записи в виде короткого конспекта были опубликованы в журнале Морской академии США в 1906 г. Из дневника Костенко: «Возвращаясь из плена через Тихий океан, я познакомился с флагманским артиллеристом Манильской эскадры флота США Робертом Уайтом, которого ознакомил с ходом Цусимского боя. С моего согласия он составил краткий конспект описания Цусимы и поместил его с несколькими эскизами от своего имени в журнале Морской академии “Unated states Naval Institute Proceedings” за апрель месяц 1906 года под заглавием “With the Russian Squadron at Tsushima».

В своем «Curriculum vitae» Владимир Полиевктович пишет:

«По возвращении в Россию я получил возможность ознакомить в ряде докладов личный состав руководства флота с моими наблюдениями и выводами. Наиболее существенными были мои следующие сообщения:

1. Морскому техническому комитету по предложению его председателя генерал - лейтенанта С.К. Ратника в мае 1906 года на тему «Броненосцы типа «Бородино» в Цусимском бою».

2. Морскому министру адмиралу А.А. Бирилеву: «Технические недостатки кораблей русского флота, выявившиеся в походе и в бою 2-й Тихоокеанской эскадры.

3. Верфям военного порта (впоследствии Адмиралтейскому судостроительному заводу) по предложению главного корабельного инженера Петербургского порта генерал-майора Д.В.Скворцова: «Конструктивные дефекты судовых устройств броненосца типа «Бородино», июль 1906 года.

4. Обществу русского судоходства: «Причины гибели русских броненосцев в Цусимском бою».

Строитель броненосца «Андрей Первозванный». Политически неблагонадежный. Заключение в «Крестах». Освобождение под залог

З.П. Рожественский дал о В.П.Костенко очень неблагоприятный в политическом отношении отзыв. Однако благодаря поручительству всех офицеров «Орла» и в том числе старшего офицера капитана 2-го ранга К.Л. Шведе 10 апреля 1906 г. Костенко назначили на должность помощника строителя броненосца «Андрей Первозванный» в Петербургском военном порту.

В свою очередь, по распоряжению департамента полиции, Петербургское охранное отделение по своим каналам вело наблюдение за вернувшимся из японского плена корабельным инженером. В августе 1906 г. Костенко арестовали. При обыске у него на квартире были обнаружены компрометирующие записи. Его обвинили в «написании противоправительственного сочинения, но не распространенного». За это ему грозили три года крепости без лишения прав.

По воспоминаниям Полиевкта Ивановича Костенко, во время посещения жандармского управления помощник прокурора Аккурти сообщил ему следующее: «Я Вам не должен говорить об этом, но как отцу я Вам скажу. В своем сочинении сын Ваш дурно отзывается о правительстве и упоминает о каком-то военном союзе... Я считаю, что, что нахождение его под стражей излишне и он будет освобожден».

---

²⁶⁸ Н.К. Судзиловский (1850-1930), русский социал-демократ, с 1874 г. эмигрант. В 1905 г. под конспиративной фамилией Руссель возглавлял «Комитет помощи русским пленным» в Кобе, фактически занимаясь революционной пропагандой среди военнопленных в Японии. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев - примечания Н.В. Костенко).

Владимир Полиевктович просидел 22 дня в одиночной камере в Петербургской тюрьме «Кресты» и был освобожден под залог в 300 рублей, внесенный его отцом. Это стало возможным после того, как Полиевкт Иванович несколько раз посетил жандармское управление и подал прошение в департамент полиции об освобождении сына. Затем В.П. Костенко вернулся на работу в Петербургский военный порт.

Командировки в Англию. Постройка «Рюрика». Предсказание гибели «Титаника»

В июле 1907 г. его командировали в Барроу (Англия) в качестве члена приемной комиссии и потом помощника наблюдающего за постройкой броненосного крейсера «Рюрик».²⁶⁹

С октября 1908 г. Костенко стал конструктором технического бюро Морского технического комитета (МТК) в Петербурге.

В июле 1909 г. Владимир Полиевктович вторично командировается в Англию (во главе группы слушателей кораблестроительного отделения Николаевской морской академии).

В то время в Белфасте на заводе «Хартлэнд энд Вулф» были заложены трансатлантические лайнеры ТИТАНИК и ОЛИМПИК. Ознакомившись с их моделями, Костенко сразу заметил, насколько опасно упрощение системы непотопляемости на этих гигантах. Он обратил на это внимание директора фирмы Карлейля: «Поймите, одна небольшая пробоина, и ТИТАНИКА не станет». Замечание Костенко сочли бестактным.

В воспоминаниях А.Н. Крылова об этом говорится следующее:

«Инженер Костенко представил блестящий отчет, в котором с ясностью показал недостатки в конструкции громадного (52.000 т) пассажирского лайнера «Титаник». В первый же рейс опасения Костенко подтвердились: ТИТАНИК от столкновения с ледяной горой получил сравнительно ничтожное повреждение, но вследствие упомянутых конструктивных недостатков через два часа потонул».

Узник Петропавловской крепости, помилованный Николаем II

Вернувшись из Англии Владимир Полиевктович начал готовиться к поступлению в морскую академию, но 23 марта 1910 г. был вторично арестован за связи с революционным движением, заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости и осужден на 6 лет каторги.²⁷⁰

После приговора, находясь в крепости, В.П. Костенко обвенчался 27 июня 1911 г. с Софией Михайловной Волковой в церкви Дома предварительного заключения.

София Михайловна родилась в 1885 г. в семье бывшего предводителя дворянства Старо-Оскольского уезда Михаила Федоровича Волкова. В 1902 г. она окончила Смольный институт, а в 1912 г. - историческое отделение историко-филологического факультета женских Бестужевских курсов в Петербурге. София Михайловна разделяла передовые взгляды, близкие к убеждениям Владимира Полиевктовича, относительно

---

²⁶⁹ За участие в Цусимском сражении В.П.Костенко был награжден орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, а за наблюдение за постройкой крейсера «Рюрик» - орденом Св. Станислава 2 ст.

²⁷⁰ У академика А.Н. Крылова в его «Воспоминаниях и очерках» (М.: Изд-во АН СССР, 1956) в примечании к главе воспоминаний «В.П.Костенко» сообщается, что в марте 1928 г. В.П. Костенко рассказал В.Н. Фигнер, что, наблюдая за работами на «Рюрике», он создал обширную организацию среди матросов - около 200 чел. Как пишет Вера Фигнер (В.Фигнер. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1932, с. 203), пропаганда имела целью произвести восстание Балтийского флота, во главе с «Рюриком». (Примечание Н.В. Костенко)

В.П. Костенко был членом партии эсеров в период 1902-1908 гг. О связях В.П.Костенко с революционным движением после возвращения из японского плена см. также в: Савинков Б. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990, с. 254-260. (Примечание - мое. - А. А.)

революционных событий, происходящих в России. Продолжая традиции жен декабристов, она была готова сопровождать мужа на каторгу.

Поскольку Костенко имел боевые награды, морской министр И.К. Григорович, по представлению А.Н. Крылова, ходатайствовал перед Николаем II о смягчении приговора одаренному молодому кораблестроителю, который собрал ценнейшие материалы о поведении в бою и повреждении броненосцев при Цусиме.

Во время приема морского министра с докладом Николай II сказал: «Нам талантливые люди нужны», и на приговоре написал: «Дарую помилование».

В.П.Костенко был уволен с государственной службы на флоте. По рекомендации Григоровича и Крылова 1 мая 1912 г. Владимир Полиевктович был принят на должность начальника технической судостроительной конторы Общества Николаевских заводов и верфей «Наваль».

Заступничество Крылова, Зилоти и Григоровича за В.П. Костенко

Необходимо отметить, что в сложной в политическом отношении судьбе сыновей Полиевкта Ивановича Костенко благородную роль сыграли видные представители российского флота того времени: морской министр адмирал И.К. Григорович, помощник начальника главного морского штаба генерал-майор С.И. Зилоти и председатель МТК генерал-майор А.Н. Крылов.

Привожу цитату из дневниковых воспоминаний Полиевкта Ивановича, работавшего врачом на железнодорожной станции Белгород:

«Однажды вечером ко мне явился жандарм со станции и говорит, что со ст. Курск жандармский начальник Курского отделения потребовал его к телеграфному аппарату и передал, что со скорым поездом № 5 едет Морской министр Григорович, просит меня быть у поезда и зайти к нему в вагон. Оказалось, что министр и Зилоти едут в Николаев и желают сказать мне несколько утешительных слов по делу сына. Зилоти пригласил меня после разговора с министром в свое купе и спросил, есть ли у меня еще столь даровитые дети, как Владимир Полиевктович? Я сказал: - Есть сын Михаил.²⁷¹

- Где же он? - В Чердыне, Пермской губернии, в ссылке.

На вопрос Зилоти - За что? - Полиевкт Иванович объяснил, что его сын Михаил Костенко студент, председатель библиотечной комиссии Петербургского Электротехнического института, выслан на 3 года в Чердынь Пермской губ. По заявлению Пуришкевича в «Земщине»: «Только тогда в институте будет спокойно, когда эти студенты будут арестованы и высланы».

Далее привожу слова Зилоти: - Отчего же Вы мне до сих пор ничего не сказали? - и обещал на обратном пути вызвать к поезду. Встреча опять состоялась в вагоне проходящего ст. Белгород поезда. Зилоти спросил, читал ли я манифест в память трехсотлетия Дома Романовых и подошел ли мой сын Михаил под него? Полиевкт Иванович: Манифест я читал, но по моему мнению ни мой сын, ни 10 его товарищей, с которыми он живет в Чердыне, под Манифест не подошли. Григорович ничего не сказал, но Зилоти увел меня в свое купе и сказал, что по его мнению как сын Михаил, так и его 10 товарищей будут освобождены. Через 2 дня я получил из Петербурга следующую срочную телеграмму: «Сын Ваш и его 10 товарищей по Манифесту освобождены. Директор Департамента Полиции Зуев».

Тотчас же срочной телеграммой я повторил телеграмму Зуева сыну в Чердынь. При свидании все пояснил мне Зилоти».

На руководящем посту в Обществе заводов и верфей «Наваль». Революция. Городской голова, потом - главный инженер Николаевских судостроительных заводов. Начальник управления промышленности ВСНХ Украины. Руководитель «Судотреста» (Ленинград).

---

²⁷¹ Брат В.П. Костенко Михаил Полиевктович Костенко (1889-1976) - ученый-электротехник, был избран действительным членом АН СССР в 1953 г.

В Николаеве за период с 1912 по 1917 г. под руководством В.П. Костенко, а также им лично было спроектировано, построено и сдано в эксплуатацию до 150 самых разнообразных военных кораблей и коммерческих судов.

Здесь в семье супругов Костенко родились дети: сын Михаил в декабре 1912 г., дочь Елена в июле 1914 и дочь Наталия в ноябре 1915 г.

1 сентября 1917 года В.П. Костенко был избран головой Николаевского городского управления, а 29 марта в 1919 г. выдвинут Союзом металлистов на руководящую работу в Губсовнархоз, а затем на должность главного инженера Николаевских государственных заводов «Наваль». В 1920 г. В.П. Костенко назначили членом правления технического руководства Объединенных Николаевских государственных судостроительных заводов. Здесь он руководил достройкой свыше 10 военных кораблей, в том числе и крейсера «Адмирал Нахимов».

Революционные годы были очень тяжелыми. София Михайловна, кроме заботы о своей семье, вела большую работу по оказанию помощи нуждающимся семьям служащих судостроительных заводов и верфей. «Наваль». Осенью 1920 г. она простудилась, получила воспаление легких, перешедшее в скоротечную чахотку, и умерла 25 декабря 1920 г. О благородной бескорыстной деятельности Софии Михайловны свидетельствует письмо сотрудников «Темвода» со 150-ю подписями:

«Глубокоуважаемый Владимир Полиевктович! Рабочие и служащие технической части «Темвода» выражают Вам чувство глубокого и искреннего соболезнования в постигшей Вас тяжелой утрате. Плоды самоотверженной деятельности незабвенной Софии Михайловны и вечная память о ней да послужат Вам утешением в Вашем безысходном горе...».

В.П. Костенко остался вдовцом с тремя малолетними детьми.

Забота о детях легла на плечи преданной няни - Марии Евграфовны Журавлевой, впоследствии вошедшей в семью как самый близкий и родной человек. Мы, дети, до последних дней ее жизни относились к ней как к родной матери.

В 1922 г. Владимир Полиевктович женился на Ксении Александровне Меранвиль де Сент-Клер, женщине совсем другого склада, чем София Михайловна. Впервые появившись в семье, новая жена Владимира Полиевктовича обратилась к Марии Евграфовне с требованием: «Отдайте теперь мне ключи от всех семейных ценностей», на что последовал ответ Марии Евграфовны: «Ключей не существует». Владимир Полиевктович всегда был бессребренником и не интересовался приобретением драгоценностей. София Михайловна часто говорила: «В жизни важно дать детям здоровье, образование и духовную культуру - это и есть драгоценности».

В том же году Костенко был переведен в Харьков на должность начальника Управления промышленности ВСНХ Украины. В декабре 1924 г. его по распоряжению председателя ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинского, назначили на должность члена правления по технической части «Судотреста» в Ленинграде. 1 ноября 1928 г. В.П. Костенко стал заместителем управляющего и председателем технического совета ленинградского «Судопроекта».

«Дело Судотреста». Расстрельный приговор В.П.Костенко. Соловецкий лагерь особого назначения

Однако не прошло и двух месяцев, как 27 декабря 1928 г. отец был арестован по делу «Судотреста» и приговорен к расстрелу. Его обвинили во вредительстве, заключавшемся в перерасходе сметной стоимости транспортных судов. Впоследствии папа рассказывал подробности:

«Обычно приговор приводят в исполнение на рассвете. На девятый день после объявленного мне приговора (расстрел) в 5 часов утра загремел замок моей одиночной камер и мне приказали: «Собирайтесь». Вели меня по длинному тюремному коридору. Я знал, что если в конце коридора повернут налево - расстрел, направо - возможны какие-

либо изменения судьбы. У несправедливо осужденного теплится надежда на чудо - высшую Божественную помощь».

Папу повели направо и зачитали новый приговор: «Ссылка на 10 лет в Соловецкий лагерь особого назначения».

В Соловки его отправляли в вагоне с самыми отпетыми уголовниками. Они быстро и ловко украли у инженера все теплые вещи и еду. Очень характерно для Владимира Полиевктовича, что, обнаружив это, он не дал им понять, что подозревает их в краже. Костенко начал в тактичной форме интересоваться их судьбами, расспрашивал, по каким статьям они осуждены и о сроках наказания. Постепенно перешел на рассказ о своей судьбе, о Петропавловской крепости, о Цусимском сражении, проявляя при этом большое участие к своим слушателям. Вернувшись на свое место, он нашел все свои вещи возвращенными.

На работу в ОКБ ОГПУ - под конвоем (Харьков, Ленинград). Освобождение. Главный инженер «Проектверфи». Проектирование судостроительных заводов нового типа

Высшие инстанции, учитывая огромную эрудицию В.П. Костенко, уже 30 ноября 1929 г. перевели его из Соловков в Особое конструкторское бюро (ОКБ) ОГПУ в Харькове, а через год, 29 октября 1930 г. - в ОКБ при ОГПУ в Ленинграде. Содержался он в Доме предварительного заключения, а на работу его возили под конвоем в «Судопроверфь».

Постановлением коллегии ОГПУ от 18 августа 1931 г. отца освободили, а 1 сентября назначили главным инженером «Проектверфи» (с 1937 г. - ГСПИ-2). Там он возглавил проектирование крупнейших судостроительных заводов в Комсомольске-на-Амуре и в Северодвинске. Три раза на правительственных совещаниях в присутствии Сталина Костенко отстаивал свой новый тип судостроительных заводов, где постройка и спуск кораблей осуществлялись на горизонтальных стапелях в закрытых сухих утепленных доках, находящихся выше горизонта акватории реки.

Против проекта завода нового типа возражали Я.Б. Гамарник (уполномоченный Совета Труда и Оборона ДВК) и С.А. Бергавинов (секретарь крайкома ВКП(б)). Они усматривали в выступлении Костенко стремление сгустить краски и, преувеличивая климатические трудности Дальневосточного края (ДВК), добиться утверждения своего проекта судостроительного завода нового типа.

Владимир Полиевктович на заседании Совета Труда и Оборона 16 октября 1932 года в присутствии Сталина убедительно доказал техническое превосходство своего проекта. После этого Сталин сказал, что в специальных вопросах надо полагаться на специалистов.

Необходимо отметить, что заседание проходило в 1932 г., всего через год после освобождения Костенко. Главный технолог завода в Комсомольске-на-Амуре В.Г. Истомин в книге «Амурский характер» вспоминает об этом заседании СТО в Кремле под председательством В.М. Молотова:

«После таких авторитетных оппонентов выступать В.П. Костенко было нелегко. Однако, кроме него, отстоять идею эллингов было некому. В.П. Костенко кратко, обстоятельно и аргументировано изложил те соображения, исходя из которых... именно такое и только такое решение приемлемо в условиях Амура с его немыслимыми перепадами уровня воды - до 10 метров... Таким образом, была окончательно определена судьба проекта завода, в основе которого лежала идея Костенко... Эта идея была воплощена в жизнь впервые в практике мирового судостроения».

Уже работая на свободе, Владимир Полиевктович всегда ощущал стремление ГПУ усмотреть фактор вредительства в его крупных замыслах - новом типе судостроительных заводов и выборе площадки и генеральном плане завода. Так, уже в 1935 г. в семье Владимир Полиевктович говорил: «Опять фабрикуют на меня дело»; через некоторое время: «Наверное, меня скоро арестуют».

Мне, как дочери Костенко, в 1964 г. военный трибунал Ленинградского военного округа выдал справку о реабилитации В.П. Костенко по делам, где указано и дело от 15 июля 1935 г., которое на него завели. Арестован он не был благодаря мужеству И.Ф. Тевосяна, видного партийного деятеля, который не подписал ордер на арест В.П. Костенко.

Относительно спокойно Владимир Полиевктович проработал до перевода министра (в тот период министерства назывались наркоматами) судостроительной промышленности И.Ф. Тевосяна в танковую промышленность. Новым министром утвердили И.И. Носенко.

Новое обвинение во вредительстве. Подробности допросов. Начало войны. Освобождение в 1942 г. Командировка в блокадный Ленинград

Тут уж Л.П. Берия взялся за Костенко. 25 февраля 1941 г. его арестовали и обвинили в преднамеренном выборе площадки для Северодвинского судостроительного завода на болотистом месте, что якобы повлекло за собой большие перерасходы при выполнении гидротехнических работ.

Впоследствии Владимир Полиевктович рассказывал подробности допросов:

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы преднамеренно выбрали площадку для Северодвинского судостроительного завода на болоте - это вредительство.

КОСТЕНКО: Петр Великий был первым вредителем, ведь он построил город на болоте, а я только завод. Будущая война докажет, что стратегически мною выбрано место абсолютно правильно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: О какой войне Вы говорите.

КОСТЕНКО: Война с Германией неизбежна.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Но Вы знаете, что Молотов заключил договор с Риббентропом о ненападении?

КОСТЕНКО: Война с фашизмом неизбежна.

...Я не согласился с обвинениями во вредительстве и ко мне применили методы физического воздействия... Например, меня посадили в клетку, такую, что нельзя было повернуть ни тело, ни голову. Выставили в ней на холод в одной рубашке и еще капали на меня холодную воду. Опасаясь переохлаждения сосудов головного мозга, я занялся дифференциальным исчислением, пока не потерял сознания... В одиночной камере ленинградской тюрьмы продолжал находиться и когда Германия напала на СССР...»

На одном из допросов следователь спросил: - Что Вы можете сказать о происходящих событиях в стране?

КОСТЕНКО: Началась война с Германией.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Откуда Вы это знаете? Путем перестукивания?

КОСТЕНКО: Я слышу гул самолетов и разрывы снарядов.

Вскоре после начала войны заключенного Костенко эвакуировали из Ленинграда в Златоустовскую тюрьму, где он просидел в одиночной камере до 10 июня 1942 г., когда в связи с прекращением дела его освободили.

Отец вспоминал, как ему в одиночную камеру вошел следователь и произнес: «Владимир Полиевктович, из Москвы пришло распоряжение срочно заняться Вашим делом». Я ответил: «А меня уже мое дело не интересует. Вы видите, в каком безнадежном физическом состоянии я нахожусь и лежу». Следователь возразил: «Я имею приказ и его выполняю».

Костенко был направлен в госпиталь, где его подлечили, подкормили, вручили железнодорожный билет до Москвы и дали небольшую сумму денег на дорогу. Владимир Полиевктович понимал тяжелую военную обстановку в стране и на железной дороге, предвидел возможные осложнения в пути с питанием, а денег ему дали мало. В Челябинске он нашел эвакуированную проектную организацию, представился администрации и обратился с просьбой собрать ему небольшую сумму денег с гарантией возврата по приезду в Москву. Благодаря известности Владимира Полиевктовича среди проектировщиков деньги были собраны, и он благополучно добрался до Москвы.

В.П. Костенко высказывал такое предположение о причинах освобождения:

«Правительству в 1942 году срочно понадобились точные сведения о техническом состоянии всех судостроительных заводов. Шла война, черноморские и балтийские порты были отрезаны, а Белое море и его «горло» - зимой в общем проходимо для транспортов...

Созданный при площадке завода в Северодвинске искусственный порт оказался в состоянии принимать транспорты с грузом «ленд-лиза» из Англии и США. Порт выполнял эту работу в течение всей войны, начиная с навигации 1942 г. Вот тогда подтвердилась правильность выбора площадки завода, о которой я говорил на допросе в ленинградской тюрьме еще до начала Отечественной войны!».

По прибытии из Златоуста в Москву в июне 1942 г. Владимир Полиевктович сразу явился в приемную к министру И.И. Носенко. Внешний вид его был ужасным. Бритый наголо арестант, с кровоизлиянием глаза, ноги обтянуты портянками, переплетенными веревочками, и настолько отекавшие, что вместо обуви на них одеты галоши. Видимо, его «импозантный» вид привлек общее внимание. В приемной зашептались. Секретарша его узнала. Потрясенный министр тут же определил Костенко в столовую для ответственных работников министерства, выдал ему ордера на одежду, небольшую сумму денег и поселил в гостиницу «Савой».

18 июня Владимир Полиевктович был назначен на должность заместителя начальника ГСПИ-2. Прежде чем отправиться в Омск, куда была эвакуирована эта организация, он получил правительственное командировочное предписание в блокадный Ленинград, куда прилетел на военном самолете.

Официальной целью командировки был сбор материалов для эвакуированного в Омск института. Помимо того, Владимир Полиевктович надеялся на возвращение ему рукописей, опечатанных при аресте в 1941 г., и, конечно же, хотел узнать что-либо о своей семье.

Семья В.П. Костенко

Для ясного представления о личной жизни В.П. Костенко мне необходимо осветить события, последовавшие в нашей семье после ареста папы в 1928 г.

Мачеха предъявила требование младшему брату папы, Михаилу Полиевктовичу, тогда доценту Ленинградского политехнического института, забрать у нее троих детей от первого брака. 16-летнего брата Михаила, который отлично заканчивал школу, дядя сразу забрал в свою семью. Мы с сестрой, школьницы 13 и 14,5 лет, остались с мачехой до конца учебного года. Михаил Полиевктович ежемесячно давал мачехе деньги на наше содержание. Несмотря на это мы оказались заброшенными и полуголодными подростками, но молчали, понимая страшную трагедию в семье. Я нашла временное облегчение нашего положения: договорилась с заведующей школьной столовой взять меня помощницей на выдачу завтраков и обедов во время школьных перемен, сбор и мытье посуды, уборку столовой в конце учебного дня. За это мы сестрой имели бесплатное школьное питание.

На лето нас отправили в Белгород к дедушке Полиевкту Ивановичу. Он 50 лет проработал врачом на железнодорожной станции, имел колоссальный опыт во всех областях медицины и заслуженно считался прекрасным диагностом, но получал в конце жизни небольшую пенсию.

Когда летом 1929 г. в газете появилось краткое сообщение, что Владимир Полиевктович приговорен к расстрелу, мимо дома дедушки прошла демонстрация, отдельные личности из которой выкрикивали: «Расстрелять его сына». Дедушку немедленно лишили пенсии. Осенью с началом учебного 1929 г. меня забрал в Ленинград Михаил Полиевктович, а сестру - в Москву родная тетя по матери - Мария Михайловна Корф.

Ксения Александровна осталась только со своим трехлетним сыном Александром, нашим сводным братом. Он умер пяти лет в 1931 г. Когда в 1930 освободили отца, мачеха сразу поставила перед ним ультиматум: «Я или твои дети». Мне было 16, брату Михаилу - 19, продолжать жить у нашего дяди возможности не было. Папа дал нам денег на комнату,

и мне с трудом удалось прописаться в невзрачную маленькую комнату в коммунальной квартире. Мы с братом поселились в ней, а сестра (ей было 17,5 лет) осталась в Москве у родственников.

Во время последнего ареста в 1941 г. отец проживал в Ленинграде на улице Декабристов в отдельной квартире с женой и ее старшей дочерью Елизаветой. Мы, трое его детей от первого брака, стали взрослыми и жили отдельно.

Частым гостем семьи папы был известный пушкинист Андрей Григорьевич Яцевич. Ксения Александровна, обладая хорошим литературным слогом, помогала Яцевичу в издании его книги «Пушкинский Петербург», где в разделе «От автора» он благодарит К.А. Костенко за помощь.

В момент прихода сотрудников НКВД с обыском к Владимиру Полиевктовичу Костенко 26 февраля 1941 г. у них на квартире был Яцевич. Его занесли в протокол присутствующих. Представитель НКВД, закончив обыск, опечатал кабинет с архивом Костенко и объявил ему, что он арестован. Отец мне рассказывал, что успел обратиться к Яцевичу: «Андрей! Если Вы почувствует, что я невозвратим, прошу Вас - женитесь на Ксенечке и никогда ее не оставляйте». (Яцевич был одиноким вдовцом). При встрече со мной Андрей Григорьевич сказал: «Ваш отец необыкновенный человек. Пожалуйста, передайте брату и сестре, что я всегда готов при необходимости вам помочь».

Всем известно, какая тяжелая судьба ожидала ближайших родственников арестованного. Я работала в «номерной» организации.

Меня вызвали в I отдел и лишили допуска на закрытые предприятия. Некоторое время я трудилась в Ленэнерго, но вскоре началась война, и я поступила на работу в военный госпиталь. Мой брат Михаил Владимирович был мобилизован в действующую армию, а сестра Елена Владимировна жила с мужем - военным моряком на Дальнем Востоке. Ксения Александровна, боясь принудительной эвакуации из Ленинграда как жена арестованного, стала фактической женой Яцевича и прописалась в его коммунальной квартире. Жить они продолжали вместе (мачеха, ее сестра и Яцевич) в отдельной квартире Костенко. Началась блокада Ленинграда, а в кухне на квартире отца была небольшая железная плита для обогрева и приготовления пищи.

В блокадном Ленинграде. Гибель близких

В результате голода, ежедневных бомбежек и обстрелов население города поголовно перестало платить за квартиры, которые в любой момент могли быть разрушенными. Ужасно голодали все ленинградцы и раненые в госпиталях, за исключением руководителей города и небольшого процента людей, как-то связанных с продовольствием. Воду брали из прорубей Невы, поскольку водопроводы замерзли. Я временно жила в квартире моего дяди Михаила Полиевктовича Костенко, который как член-корреспондент АН СССР вместе со всей семьей был эвакуирован в Ташкент. Хранителями его квартиры остались Татьяна Васильевна (сестра Ольги Васильевны - жены Михаила Полиевктовича) и я.

Моя личная небольшая комната находилась в доме на последнем, шестом этаже на соседней улице. Во время бомбежек оставаться там было очень опасно. В доме дяди на другом этаже проживал с женой Натальей Николаевной и дочерью другой брат папы - Василий Полиевктович по специальности технолог. В 1928 г. он был арестован по тому же делу Судотреста почти одновременно с арестом моего отца, осужден на 8 лет с конфискацией всего имущества и выслан в Медвежьегорск. Василий Полиевктович отбыл весь срок, вернулся в Ленинград и продолжал работать по специальности. Умер он весной 1942 г. от голода.

Периодически я ходила на квартиру папы и навещала мачеху. Жили мы в разных районах и на «визиты» требовалось много сил. В начале февраля 1942 г. от голода умерла старшая сестра Ксении Александровны, а 14 числа умер Яцевич. Похоронили их на

Волковом кладбище в одной могиле. Помогала домработница Яцевича. Тогда уже шло массовое захоронение в братские могилы. Отдельно хоронить было очень трудно.

В середине марта Ксении Александровне удалось получить за ее хорошую одежду небольшое количество крупы, но это не помогло - она заболела и слегла. В конце месяца началась выдача продовольственных карточек, как всегда, персонально по месту прописки. Ксения Александровна была уже не в состоянии идти в домконттору Яцевича, а мне выдали ее продуктовую карточку только после оплаты всей квартирной задолженности Яцевича. Управдом квартиры папы требовала отвезти больную мачеху по месту прописки и освободить квартиру В.П. Костенко, поскольку она была передана повару Балтийского завода. Имущество отца управдом разрешила вывезти при наличии завещания и при условии оплаты квартирной задолженности с ноября 1941 г. Мачеха была уже нетранспортабельна. Я срочно вызвала нотариуса, на квартиру папы и больная Ксения Александровна написала завещание на меня, как на родную дочь, так как в те времена завещать можно было только прямым наследникам. Я нарушила закон, введя в заблуждение нотариуса.

Умирая, мачеха меня просила: «Прости мне все плохое, что я сделала вам, детям. Я чувствую, что Володя жив. Прошу - выполни мою последнюю просьбу: не сдавай меня в братские могилы, а похорони на Волковом кладбище в общую могилу моей сестры и Яцевича».

Умерла Ксения Александровна 3 апреля 1942 г., а хоронила я ее только 8 числа. Помогала опять домработница Яцевича. Наступила весна и днем все таяло. На санках довести гроб от квартиры отца с улицы Декабристов на Волково кладбище по слякотной дороге было невозможно. Я от ближайшего продовольственного магазина получила двухколесную тележку с огромными колесами и доской. На протяжении всей дороги до кладбища гроб непрерывно скатывался, и мы, две истощенные, голодные женщины, совершенно обессилели. На кладбище нас встретил мужчина - один из почитателей Яцевича. Он в нашем присутствии произвел захоронение Ксении Александровны в могилу ее сестры и Яцевича. За это почитатель заблаговременно потребовал компенсацию - лучший костюм Андрея Григорьевича, в котором Яцевич в мирное время читал лекции «Лондон. Париж» (во время блокады ценились только очень хорошие носильные вещи).

Спасение архива В.П.Костенко (на санках - по невоскому человеку). «Я верила в чудо»

Совершенно измученная, голодная, я пешком добралась домой, пройдя почти через весь город. Предстояло еще решить проблему - куда перевезти все имущество арестованного отца: моя комната маленькая и на шестом этаже. В то время в доме Михаила Полиевктовича на втором этаже в коммунальной квартире Василия Полиевктовича освободились две комнаты с выходом во двор. Управдом согласилась меня в них прописать при условии оплаты задолженности за свою комнату на шестом этаже и за эти две комнаты. Я все оплатила. Деньги выручила за счет сдачи хороших вещей в комиссионный магазин.

Нужно было скорее вывезти архив отца. Поэтому в день смерти мачехи, несмотря на воздушную тревогу, я вскрыла опечатанный кабинет папы, в котором творился страшный разгром после обыска. Дождалась окончания бомбежки, собрала рукописные труды и, голодная, вечером, когда земля подмерзла, повезла часть их на санках от ул. Декабристов до Зимнего дворца к ближайшему лестничному спуску к Неве, далее по талому льду реки напрямую, минуя два моста, добралась на противоположный берег Невы, на пр. Добролюбова, в район, где я жила. Через мосты со строгой милицейской проверкой возить рукописи я побоялась, опасаясь быть задержанной по какому-либо поводу. Весь архив отца я перевезла по льду Невы в вечернее время, на что потребовалось несколько дней.

Мои тети Татьяна Васильевна и Наталья Николаевна категорически протестовали против моего хождения на квартиру папы, боясь, что это принесет неприятности не только мне, но, но также Михаилу Полиевктовичу и Михаилу Владимировичу (моему брату). Поскольку о судьбе арестованного Владимира Полиевктовича ничего не было известно. Татьяна Владимировна с целью повлиять на меня вызвала большого друга Михаила Полиевктовича, который подтвердил рискованность моей деятельности по спасению имущества отца.

Убежденность в его невинности и незаслуженности страданий вселяла уверенность, что я поступаю правильно и рискуя ради него делаю святое дело. Это придавало силы. Я верила в чудо, верила, что справедливость восторжествует.

При перевозке имущества папы с ул. Декабристов несколько крупных вещей на грузовую машину не поместились. Управдом разрешила оставить их в местной кочегарке. Время шло. Был уже июль 1942 г. Райфинотдел дознался, что завешание мною получено незаконно, что я не родная дочь Ксении Александровны и скрыла сведения об аресте отца.

Чудо свершилось: отец жив и на свободе!

Против меня было возбуждено дело. Подтверждались самые худшие опасения моих многоопытных благожелателей... Управдом сказала Татьяне Васильевне, что накануне, когда нас не было дома, приходил следователь НКВД и интересовался, кто проживает в квартире эвакуированного крупного ученого Костенко Михаила Полиевктовича. Просил передать, что придет на следующий день и чтобы мы обязательно были дома. Вечером, когда я пришла с работы, тетушка набросилась на меня, обвиняя, что это результат моей деятельности по спасению имущества арестованного отца. Тем более, что весь архив и вещи находились в том же доме, но в квартире Василия Полиевктовича.

Я была в отчаянии, но все же перетаскивала до вечера рукописные труды папы в брошенную мною комнату на соседней улице на 6-й этаж (ключ от комнаты остался у меня, поскольку такая жилплощадь никого не интересовала). О, если бы можно было передать словами, в каком состоянии безнадежности пережила я ту ночь и с какой мольбой обращалась к богу, прося о помощи.

На следующий день пришел следователь и сказал, что он хотел с нами познакомиться, чтобы иметь представление о тех, кто охраняет квартиру Михаила Полиевктовича. По городу разграбили много квартир известных людей, поэтому вышло распоряжение взять такие помещения под охрану. Узнав, что мы родственники и квартира таким образом охраняется, он записал данные наших паспортов и сказал, что претензий к нам не имеет. Удивительно, но я неоднократно ощущала, что в момент надвигающихся больших неприятностей меня кто-то незримо охраняет.

Но сутки до прихода следователя я прожила в страшной тревоге, не ожидая благополучного исхода. Именно поэтому я решила из дома, где проживал отец, срочно перевезти все оставшиеся в кочегарке вещи. Вот тогда действительно свершилось чудо. Когда я пришла за вещами, меня встретила управдом и вручила трехнедельной давности телеграмму на имя Ксении Александровны Костенко следующего содержания: «Златоуст. Освобожден. Срочно вышлите до востребования деньги дорогу. Целую Володя».

Моей радости не было предела. Я тут же решила, что папа уже в Москве: не получив ответа из осажденного Ленинграда, он, конечно, нашел способ достать деньги и добраться до столицы. Опять я срочно сдала в комиссионный магазин носильные вещи и телеграфом выслала в Москву на имя Новикова-Прибоя для В.П. Костенко порядочную сумму денег, сообщив свой адрес. С Новиковым-Прибоем папа всегда поддерживал деловые отношения.

Смертность в Ленинграде была страшная. Извещать за пределы города письменно об умерших было нельзя. Такая корреспонденция просто пропадала. На запрос папы я телеграфировала: «Ксения, Андрей, Лиза уехали к Александру» (наш умерший в 1930 сводный брат). Впоследствии в Москве мне рассказывали, что папа рыдал, получив такое

известие. А мне он говорил: «Андрей плохо разбирался в политике и недооценил опасности оставаться в осажденном городе, особенно таким неприспособленным людям, какими были они. Я бы этого не допустил и их вывез».

Суд в осажденном Ленинграде.

В начале июля 1942 г. я получила повестку в суд по делу о незаконном получении завещания. Немедленно отправила телеграмму: «Суд твоё имущество», с указанием даты. От неприятностей меня спасло лишь то, что Владимир Полиевктович прилетел на самолете в Ленинград и присутствовал на суде. Дело слушалось с представителем прокуратуры Ленинграда.

Когда судья зачитала обвинительный акт, папа попросил слово.

Судья резко спросила: «А вы-то кто такой?». Ответная речь папы была необыкновенно интересной. Он начал с момента ареста и обращения к Яцевичу с просьбой жениться на Ксении Александровне, далее рассказал, как после начала войны его как заключенного выслали из Ленинграда в тюрьму города Златоуста, где он просидел год и в июне 1942 г. был освобожден за отсутствием состава преступления.

Неожиданно для всех присутствующих на суде прокурор, называя папу по имени, вдруг воскликнул: «Владимир Полиевктович, не верю своим глазам - неужели это ВЫ?» Даже судебным органам показалось неправдоподобным: Костенко, человек, вторично подвергавшийся аресту в период сталинских репрессий, оказался не только освобожденным, но получил правительственное разрешение во время войны прилететь на военном самолете в осажденный Ленинград и лично присутствовать на суде. Дело, которое для меня могло окончиться очень печально, было сразу прекращено.

Я прописала папу в свою комнату, где находилось все его имущество, в том числе рукописные труды, которые я в страхе прятала в своей бывшей комнате. Посетили мы с папой Волково кладбище, до которого добирались через весь город пешком. Владимир Полиевктович привел в порядок общую могилу Ксении Александровны, ее сестры и Яцевича, насколько это было возможно в то военное время.

В Ленинграде отец проработал около месяца, подбирая различные материалы для основного института, эвакуированного в Омск. Папе я дала согласие ехать с ним в Омск. Он остался без семьи, с подорванным здоровьем и нуждался в постоянной заботе любящего человека. Я уволилась из военного госпиталя, оформилась в Ленинграде в конструкторский отдел ГСПИ-2 и получила командировку в город Омск вместе с папой.

Возвращение к работе. Дальневосточная командировка. Болезнь и излечение. Правительственная награда. Руководство эвакуацией ГСПИ-2 из Омска в Ленинград

При вылете на военном самолете из блокадного Ленинграда в Москву нам было разрешено взять с собой только по 16 кг багажа. Заметив, что отец берет с собой одни рукописи, я сказала: «Папа, посмотри на себя, какой ты больной. Как же мы будем жить в эвакуации без необходимых вещей?». Он с грустью ответил: «Знаешь что, жить прошлым - лучше совсем не жить. Я должен жить настоящим и будущим. Цель моей жизни - создавать ценное для последующих поколений». И, посмотрев на собранный архив, добавил: «Если ты это у меня отнимешь, то мне лучше совсем не жить».

По прибытии в Москву отец сказал: «Я хочу представить тебя министру судостроительной промышленности И.И. Носенко. Это он не устоял и подписал ордер на мой арест в 1941 г.» На приеме у министра папа предельно деликатно произнес: «Иван Исидорович, вот моя дочь, которая в период моего ареста в осажденном Ленинграде спасла весь мой архив - плоды трудов всей моей жизни». Носенко встал из-за стола, подошел и пожал мне руку.

Из Москвы в середине сентября мы выехали в Омск к месту нахождения эвакуированного института. Уже 24 сентября 1942 г. директор ГСПИ-2 А.С. Южаков

получил правительственную телеграмму от зам. министра: «Оформите пропуск, командуйте Костенко Владивосток, Хабаровск, Советскую Гавань, Комсомольск сроком на два месяца... Самарин».

Владимир Полиевктович выполнил правительственное задание и вернулся в Омск. После всех недавно пережитых потрясений такая ответственная командировка отрицательно повлияла на его здоровье. В начале 1943 г. папу поразил тяжелый инсульт. Паралич разбил всю правую часть тела. От полной инвалидности его спасла вовремя полученная путевка на алтайский курорт - в Белокуриху, где есть радоновые ванны. Конечно, довести парализованного человека из Омска в Белокуриху в военное время было очень трудно. Доехали поездом из Омска до Новосибирска. Здесь сутки ждали состав до г. Бийска. С большими препятствиями устроила папу в Новосибирске на ночь в комнату матери и ребенка, а сама приютилась на брошенных ящиках на вокзале. В Бийский поезд парализованного папу помогал посадить носильщик. От Бийска до Белокурихи пришлось добираться 90 км на простой телеге и по пути на пароме переезжать две реки. На курорте я договорилась с медицинским персоналом об уходе за больным отцом и вернулась в Омск на работу.

В результате двухмесячного лечения папы он начал поправляться и медленно самостоятельно передвигаться. Однако возвращаться одному в Омск ему было трудно, и мне пришлось за ним приехать. Осенью 1943 г. Владимир Полиевктович снова приступил к исполнению своих весьма обширных служебных обязанностей. В 1944 г. Костенко руководил реэвакуацией ГСПИ-2 в Ленинград, а 10 апреля 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени за участие в создании судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре.

По возвращении в Ленинград отец первое время жил у нас в семье в коммунальной квартире, где у моего мужа Е.Г. Генидзе, архитектора ГСПИ-2, имелись две комнаты. За период войны Ленинград был основательно разрушен. Жилищный вопрос считался наиболее сложным, но Владимир Полиевктович решил хлопотать о возврате своей отдельной квартиры. На мои возражения, что хлопоты о восстановлении его прав отрицательно повлияют на здоровье, он с грустью оправдывался, говоря: «Я большой процент своей жизни провел на четырех квадратных метрах с привинченной «парашей», но на свободе я привык жить в культурных условиях».

В.П. Костенко: стиль руководства

Даже будучи дважды репрессированным, Владимир Полиевктович остался верен своим демократическим убеждениям. После возвращения ГСПИ-2 в 1944 г. в Ленинград большинству служащих института было очень трудно налаживать жизнь в разрушенном городе. Однажды, когда директор института уехал в командировку, сотрудники атаковали Владимира Полиевктовича разными просьбами, зная его отзывчивость. Взяв на себя ответственность, Владимир Полиевктович как мог помогал им в различных бытовых вопросах. Вернувшийся директор вызвал Костенко и сделал ему замечание, упрекая, что в его отсутствие он превысил свои полномочия по административной линии, будучи руководителем только по технической части.

Дома папа сказал: «Я доволен, что смог помочь сотрудникам не в ущерб производству, а немного изменив метод административного управления. В жизни прежде всего надо не забывать быть человеком».

Первые послевоенные годы. Лауреат Сталинской премии - «по указанию Сталина»

Шел 1945 г. Хлопоты о квартире у отца приняли затяжную форму.

Папе исполнилось 64 года и, несмотря на перенесенные многочисленные удары судьбы, он сохранял огромный запас жизненной энергии. По делам службы ему часто приходилось ездить в командировки в Москву. Там он встречался с вдовой писателя

Ширяева - Татьяной Николаевной Кокушкиной, с которой много лет был знаком. 31 марта 1945 г. Владимир Полиевктович женился на Татьяне Николаевне, ставшей спутницей его последних лет жизни. Они поселились в коммуналке, где находилось его имущество. Только через два года он получил отдельную квартиру.

На судьбу отца и признание его многочисленных заслуг в науке ярлык «репрессированного» оказывал неблагоприятное влияние почти до конца жизни. В 1943 г. академик А.Н. Крылов и руководитель ГСПИ-2 ходатайствовали о присвоении В.П. Костенко ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации. В апреле 1944 г. ЦНИИ им. А.А.Крылова рассмотрел представленные документы и обратился в ВАК с ходатайством об этом. Далее дело по непонятным причинам застопорилось в инстанциях, и ученую степень так и не присвоили.

Не обошлось без шероховатостей у В.П.Костенко и при получении Сталинской премии за создание судостроительных заводов первого поколения. В 1950 г. коллегия министерства судостроительной промышленности исключила его как бывшего репрессированного из списка, поданного ГСПИ-2 на соискание Сталинской премии. Однако, когда И.И. Носенко представил список на утверждение, то Сталин, помня выступления Костенко о техническом превосходстве судостроительного завода нового типа, выразил неудовольствие решением коллегии министерства и дал понять министру, что Костенко допущен к секретной работе и коллегия не имела права судить о его политических убеждениях. Таким образом, В.П. Костенко был восстановлен в списке лауреатов по указанию Сталина. Об этом Носенко из Москвы лично сообщил Владимиру Полиевктовичу.

«В бездну Цусимы» В. Костенко и «Цусима» А. Новикова-Прибоя

Будучи свидетелем трагедии Цусимы, фиксируя все события опытным глазом специалиста, В.П.Костенко вел дневник, который представлял собой исторические мемуары, автор от первого лица излагал свои личные впечатления и переживания. Препятствием к опубликованию его трудов «В бездну Цусимы» и «История брони» явились аресты. Так, одобренные издательством и уже подготовленные к печати мемуары «В бездну Цусимы. Воспоминания моряка» значатся в каталоге Московского товарищества Писателей за 1928 г. Труд не был опубликован по причине ареста автора в 1928 г. и приговора к расстрелу в июле следующего года.

На свидании в тюрьме с женой Владимир Полиевктович, не чувствуя проблеска в судьбе, дал устное согласие на продажу своей рукописи о Цусиме писателю А.С. Новикову-Прибою, который служил баталером на «Орле». Ксения Александровна с малолетним сыном на руках и весьма ограниченная в средствах воспользовалась выгодным предложением Новикова-Прибоя и продала рукопись.

Младший брат Владимира Полиевктовича Михаил Полиевктович Костенко категорически возражал против передачи материалов о Цусиме. Он считал этот труд семейной реликвией, поскольку их отец Полиевкт Иванович Костенко систематизировал все письма, полученные от сына во время похода эскадры, подготовил их к печати и даже начал публиковать в 1918 г. в «Вестнике Южных дорог» под названием «От Кронштадта - до Цусимы. На броненосце «Орел» во второй Тихоокеанской эскадре» Публикация эта была прервана в связи с тем, что «Вестник» вскоре прекратил свое существование.²⁷²

В 1932 г. увидел свет замечательный роман А.С. Новикова-Прибоя «Цусима». В этой книге под именем инженера Васильева представлен Владимир Полиевктович Костенко, чей ценнейший документальный материал был широко использован писателем.

Уже после смерти А.С. Новикова-Прибоя (в 1944 г. и В.П. Костенко в 1956 г. аспирантка О.И. Осыкова, в то время не знавшая истинной причины передачи рукописи В.П.Костенко Новикову-Прибою, сделала такой вывод:

---

²⁷² Полиевкт Иванович Костенко после ареста В.П. Костенко в 1928 г. передал хранившиеся у него дневники сына о Цусимском сражении в краеведческий музей г. Белгорода.

«Важно отметить то обстоятельство, что когда Новиков-Прибой приступил к работе над «Цусимой», Костенко уже подготовил для публикации свои дневники под названием «В бездну Цусимы. Воспоминания моряка» (1928 г.)... При сравнении отдельных дневниковых записей Костенко со страницами «Цусимы» Новикова-Прибоя бросается в глаза не только фактическая, но и текстовая, стилистическая перекличка, «похожесть». Однако до сих пор нет работ, посвященных выяснению роли дневников В.П. Костенко в истории создания «Цусимы»... Такое исследование, видимо, наиболее своевременно именно сейчас, в связи с возрастанием интереса к жизни и творчеству А.С. Новикова-Прибоя и В.П. Костенко...».²⁷³

От «Последней ставки» (1936) до «На «Орле» в Цусиме» (1956)

Будучи уже на свободе, Костенко глубоко переживал судьбу, постигшую его воспоминание «В бездну Цусимы». В 1936 г. он пытался издать свои дневники под новым названием - «Последняя ставка». Удалось опубликовать 1-ю и 2-ю части «Последней ставки» в журнале «Новый мир», а в 1937 г. - отрывки из 3-й части в журнале «Краснофлотец». Дальнейшая публикация была прекращена по неизвестным причинам. В 1940 г. Костенко договорился об издании своей книги в полном объеме в новом Военно-морском издательстве. Второй арест (в начале 1941 г.) сорвал и эту попытку. Лишь в 1955 г. за несколько недель до его смерти издательство «Судпромгиз» выпустил весь труд Владимира Полиевктовича под названием «На «Орле» в Цусиме» (с небольшими сокращениями).

Будучи уже тяжело больным, несмотря на запреты врачей, он сам редактировал это (1-е) издание книги. Однажды я не выдержала и сказала: «Папа, ты всю жизнь боролся за свободу и справедливость. Почему ты упорно отвергаешь просьбу своих любящих детей - не вставать и выполнять назначение врачей?». На это папа ответил:

«Вы - это личное, а книгу я должен закончить для многих людей».

С Новиковым-Прибоем Владимир Полиевктович поддерживал дружественные корректные отношения, как он сам писал в книге «На «Орле» в Цусиме»: «...был связан с ним узами старой морской дружбы, выросшей и окрепшей в походе и в бою». При разговоре с родными на тему о тождественности описания целого ряда событий в обоих произведениях, Владимир Полиевктович отвечал: «Пусть читатель сам разбирается, кто с кого списывал».

Известный английский историк Westwood в своей книге «Свидетели Цусимы» пишет:

«Костенко дал очень смелые показания военному трибуналу в 1907 г., а затем, спустя почти полвека, было опубликовано его собственное - «На «Орле» в Цусиме». Последнее может рассматриваться как лучшее техническое исследование сражения, когда-либо опубликованное».²⁷⁴

Второй его исключительно ценный труд «Эволюция систем бронирования в связи с историей развития военных флотов» тоже постигла неудача. Военное издательство министерства Вооруженных Сил Союза ССР в 1948 г. подготовило к печати всю рукопись и уже была сделана верстка, но в 1949 г. издание приостановили из-за несправедливого обвинения «в космополитизме». Этот труд, в виде верстки, приобрела Военно-морская библиотека, по распоряжению адмирала С.Г. Горшкова. <...>

Взгляд на судьбу трудов В.П. Костенко из наших дней

В заключение мне хочется с современных позиций гласности обратить внимание на связь судьбы моего отца с событиями, происходившими в стране с начала революции.

---

²⁷³ Осыкова О.И. Проблемы типизации в романе А.С. Новикова-Прибоя «Цусима» / Материалы научно-практической конференции, вып. 3, «Русский язык, литература». Белгородский гос. педагогический институт им. М.С. Ольминского, 1970.

²⁷⁴ J.N. Westwood. Witnesses of Tsushima. Published by Sophia University, in cooperation with the Diplomatic Press. Tokio, Florida, 1970, p. 307.

Возможно, мне удастся сделать то, что не мог сделать он сам, говоривший в 1942 г. после освобождения из тюрьмы: «Лес рубят - щепки летят».

Для человека творческого характера наибольшей драмой в жизни была судьба его цусимских дневников. А.С.Новикова-Прибоя никак нельзя упрекнуть в непорядочности по отношению к Владимиру Полиевктовичу: он сделал его героем своей исторической эпопеи (под псевдонимом инженера Васильева). Так же нельзя поставить Новикова-Прибоя в вину версию о находке дневников, начатых в японском плену, в деревне у брата в улье. Наверное, тогда такой вариант судьбы дневников Костенко был наилучшим. Они не пропали и не оказались в случайных руках. Ими умело воспользовался писатель, находящийся под покровительством Горького и навсегда избравший себе морскую тему главной. Во многих его рассказах матросская масса изображалась носителем более высоких нравственных начал, чем обитатели кают-компаний. Писатель из народа, переживший рядовым матросом все события Цусимского похода рядом с Костенко и получивший его дневники, более чем кто-либо другой был способен создать морской роман, созвучный нескольким десятилетиям воспитательным задачам социалистического строя, многократно изданный и получивший Сталинскую премию. Критики признают историческую эпопею «Цусима» вершиной творчества Новикова-Прибоя, что вполне объясняется отсутствием следующих возможностей приобрести готовые материалы по близкой автору теме, какими явились уникальные дневники Костенко.

Решение вопроса о текстовом сходстве романа Новикова-Прибоя с дневниками отца - дело литературоведов, это не входит в мои задачи. Неуместно претендовать на соблюдение авторского права в соответствии с мировой практикой в стране, где повсеместно нарушались права граждан, записанные в самой демократической конституции.

Для В.П.Костенко же цусимские дневники стали, можно сказать, стартом для продолжавшейся всю жизнь работы по анализу мирового опыта военного кораблестроения, итогом которого стал фундаментальный труд «Броневая защита боевых кораблей». Неудача постигала этот труд неоднократно из-за арестов автора, начавшейся войны и под конец - из-за борьбы с «космополитизмом». Такая же судьба постигла ряд других ценных работ В.П. Костенко, написанных по поручению редакции «Морской сборник».²⁷⁵

Эпилог

В эпоху сталинских репрессий, доносов и расстрелов жизнь моего отца Владимира Полиевктовича Костенко была очень сложной и не раз висела на волоске. Только необыкновенная сила воли, духа и разума помогли ему выжить, отстоять свои научные идеи и демократические взгляды в этих страшных условиях, сохранив при этом удивительную черту характера - безукоризненную деликатность к своим оппонентам. Он умел в высшей степени корректно при всех обстоятельствах владеть обстановкой, будь то на докладах Сталину или в эшелоне с уголовниками на пути к Соловкам, чем невольно вызывал уважение окружающих к своей личности. Особенно показателен в этом отношении отзыв академика А.Н. Крылова по запросу НКВД в связи с его арестом в 1941 г.:

«На всех заседаниях Костенко излагал дела с полным знанием, хорошо подготовкой, ясно, точно, деловито. Совершенно так же в прениях он всегда проявлял свои обширные познания, приводя подходящие примеры из своего богатого практического опыта и всегда соблюдая по отношению к противнику безукоризненную корректность».²⁷⁶

---

²⁷⁵ Ныне один из главных трудов В.П. Костенко «История брони» готовится к изданию. Готовится также издание сборника, который включит работы, посвященные В.П. Костенко, а также ранее не публиковавшуюся главу его книги «На «Орле» в Цусиме»: «Возвращение в Россию». Наконец, предполагается третье, полное издание названной книги. (*Примечание - мое. Ноябрь 2000. А. А.*).

²⁷⁶ Архив Российской Академии наук, ф. 959, оп. 1, л. 292, л. 8.

В октябре 1953 г. в связи с преклонным возрастом отец перешел на работу по сокращенному графику, заняв должность главного технолога по судостроению в ГСПИ-2.

Скончался Владимир Полиевктович в Ленинграде 14 января 1956 г. и похоронен на Серафимовском кладбище, а реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР только 16 октября 1964 г.

(Костенко Н.В. Владимир Полиевктович Костенко (Воспоминания дочери) // Цитадель, 1998, № 2/7/, с. 65-79)

= Место заключения

Сегодня Наталии Владимировны Костенко уже нет в живых.

Мне доводилось бывать у нее дома, в однокомнатной квартире на Гражданке и держать в руках реликвии семейного архива - книги, документы, рукописи В.П. Костенко, в свое время спасенные его дочерью от уничтожения. Среди прочих бесценных документов в этом архиве хранились тетради технических записей Владимира Полиевктовича периода его работы в первых сталинских «шараших» (конец 20-х - начало 30-х гг.), а также дневниковые записи периода его заключения в Петропавловской крепости в 1910-х гг.²⁷⁷

Теперь этот семейный архив сохраняется внуком В.П. Костенко Кириллом Евгеньевичем Генидзе.

Общение с Натальей Владимировной Костенко всегда было праздником души, пиром ума, приобщением к духу.

А. А. Август 2013.

...За читательским интересом к биографии всегда стоит потребность увидеть красивую и богатую человеческую личность. Биография соединяет для читателя эстетические переживания, родственные тем, которые возбуждает слияние игрового и документального кинематографа: герой - как в романе, а сознание подлинности - как в жизни. Перед человеком не актер, который упав со смертельной раной, поднимается и раскланивается под аплодисменты публики, - речь идет о «полной гибели всерьез» (Пастернак). Наблюдая борьбу Сервантеса или Пушкина с клеветой, завистью и бездарностью, мы видим не актера, а гладиатора. И если, терзаясь судьбой Гамлета, мы не полезем на сцену спасать героя, то здесь в читателе пробуждается наивное, но и глубоко-нравственное желание вмешаться, лично принять участие...

Лотман Ю. Биография - живое лицо // Новый мир, 1985, № 2, с.28

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
Героям нашего времени
Не двадцать, не тридцать лет.
Тем не выдержать нашего бременя,

---

²⁷⁷ Эти последние чуть не пропали, уже в начале 80-х: Наталья Владимировна временно передала их в ГСПИ-2 для выставки, посвященной 100-летию В.П. Костенко; а затем, лишь с большим трудом, ей удалось вытребовать их обратно у организатора этой выставки Ф. Малкина. Некоторые документы, после этой юбилейной выставки, к ней так и не вернулись.

Нет!
Мы герои, веку ровесники.
Совпадают у нас шаги.
Мы и жертвы, и провозвестники,
И союзники, и враги.
Ворожили мы вместе с Блоком,
Занимались высоким трудом.
Золотистый хранили локон
И ходили в публичный дом.
Разрывали с народом узы.
И к народу шли в должники.
Надевали толстовские блузы,
Вслед за Горьким брели в босыки.
Мы испробовали нагайки
Староверских казацких полков
И тюремные грызли пайки
У расчетливых большевиков.
Трепетали, завидя ромбы
И петлиц малиновый цвет,
От немецкой прятались бомбы,
На допросах твердили «нет».
Мы все видели, так мы выжили,
Биты, стреляны, закалены,
Нашей родины, злой и униженной,
Злые дочери и сыны.
Анна Баркова (цит. по:
Воля. Журнал узников тоталитарных систем.
М., 1993, № 1, с. 4)

Е.С. Гинзбург
(1904-1977)

18.7. «КРУТОЙ МАРШРУТ» (ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ)

Несколько вступительных слов

Не знаю, как для других ровесников, а для меня - «Крутой маршрут» Евгении Соломоновны Гинзбург был, кажется, первой «самиздатской» книгой, прочитанной еще в 60-х.

Уже позднее - «на эту тему» - открылись для нас: «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Софья Петровна» Л. Чуковской, «Все течет...» В. Гроссмана. (Кое-что - уже не в «самиздате», а в «тамиздате», который «потеснил» собой «самиздат» в 1970-х).

И еще позже - очерки В. Шаламова и, наконец, «Жизнь – сапожок непарный...» Тамары Петкевич (издания конца 80-х - 90-х).

Если «дела» начала века находятся, понятно, за пределами нашего историко-биографического опыта, то события 30-х - 40-х - это драма поколения РОДИТЕЛЕЙ.

То - чему мы сами были уже современниками, однако - в детстве, отрочестве, юности. (Май 2000).

**«Не только летопись страданий,
но и внутренняя эволюция...»**

[Ниже - фрагмент («эпилог») книги Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» (1960-е гг.). - А. А.]

<...> В сущности, эта книга жила со мной больше тридцати лет. Сначала как замысел, потом как постоянное писание вариантов, перечеркивание целых больших кусков текста, поиски более точных слов, более зрелых размышлений.

Особенно это относится к той части книги, которая не угодила в опубликованный на Западе в 1967 году томик. Ведь жизнь продолжается, маршрут мой хоть и утратил за последние два десятилетия свою исключительную крутизну, но все же остается достаточно гористым. Да и возраст подошел предельный. Тот самый, когда сознание исчерпанности всего личного, беспощадная ясность по поводу отсутствия для тебя завтрашнего дня дарит тебе неоценимые преимущества: объективность оценок, а главное - постепенное раскрепощение от того великого Страх, который сопровождал моему поколению в течение всей его сознательной жизни.

И вот когда в свете этих закатных дней перечитаешь все еще лежащую в твоём столе неопубликованную часть книги, возникает непреодолимая потребность снова что-то переделывать. (Не в смысле фактов, конечно, а в смысле их подбора, освещения, а главное - суждений о них). С одной стороны это радует, как признак того, что душа еще не окостенела, еще способна к дальнейшему развитию, к пониманию новых явлений жизни. Но с другой стороны, эти бесконечные переделки (печальная участь всех рукописей, залежавшихся в столах!) в чем-то и портит работу, может быть, меняют к худшему ее интонацию.

Поэтому я и решила больше ничего не переделывать. Даже в отношении стилистической правки. ПУСТЬ ОСТАНЕТСЯ ВСЕ ТАК, КАК СКАЗАЛОСЬ, ПОТОМУ ЧТО ДАЖЕ ПОГРЕШНОСТИ СТИЛЯ ОТРАЖАЮТ ТО ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ ДУШИ, В КОТОРОМ ВСЕ ЭТО ПИСАЛОСЬ. *[Здесь и далее выделено мною. - А. А.]*

Меня часто спрашивают читатели: как вы могли удержать в памяти такую массу имен, фактов, названий местностей, стихов?

Очень просто: потому что именно это - ЗАПОМНИТЬ, ЧТОБЫ ПОТОМ НАПИСАТЬ! - было основной целью моей жизни в течение всех восемнадцати лет. Сбор материала для этой книги начался с того самого момента, когда я впервые переступила порог подвала в Казанской внутренней тюрьме НКВД. У меня не было за все годы возможности записать что-нибудь, сделать какие-нибудь заготовки для будущей книги. Все, что написано, написано только по памяти. Единственными ориентирами в лабиринтах прошлого являлись при работе над книгой мои стихи, сочиненные тоже без бумаги и карандаша, но благодаря тренированности моей памяти именно на поэзию четко отпечатавшиеся в мозгу. Я полностью отдаю себе отчет о «самодельном», кустарном характере моих тюремных и лагерных стихов. Но они заменили мне в какой-то мере отсутствующие блокноты. И в этом их оправдание.

Последовательно писать главу за главой я начала еще в 1959 году, в Закарпатье, где мы жили на даче. Я сидела под большим ореховым деревом на пенке и писала карандашом, держа школьную тетрадь на коленях. Первые главы я еще успела прочесть Антону. Он был уже неизлечимо болен. И я впервые похолодела, осознав близость его смерти, когда он заплакал, прослушав мою главу «Бутырские ночи».

После его смерти - 27 декабря 1959 года - я писала порывами.

То забрасывала на долгие месяцы, то иступленно работала чуть не целыми ночами. (Днем я в это время писала ради хлеба насущного расхожие статьи и очерки для периодической прессы, главным образом педагогической).

К 1962 году я стала автором объемистой рукописи примерно в 400 машинописных страниц. Это было совсем не то, что сейчас знают многие читатели первой части «Крутого маршрута». Этот первый вариант, написанный в том состоянии просветленной горечи, которое возникает после утраты близких, был полон самого сокровенного, доверяемого только бумаге. Эпиграфом к этому варианту были блоковские строчки: «Двадцатый век.

Еще бездомней, еще страшнее жизни мгла...». Тогда еще не участвовал в моей книге внутренний редактор, поскольку мысль о публикации вроде бы не возникала. Просто писала, потому что не могла не писать.

Но тут подоспел двадцать второй съезд партии, ожививший во мне самые несбыточные надежды. Затрепанная папка, которая была до тех пор тайным моим собеседником, моим конфиденнтом, вдруг приобрела в моих глазах новое значение. Мне показалось, что вот оно, настало наконец то желанное чаемое время, когда я могу высказаться вслух, когда мои правдивые свидетельства поддержат тех, кто искренно хочет, чтобы наш национальный позор и ужас не повторились.

Я еще и еще раз перечитывала свой первый вариант, битком набитый стихами и эмоциями, и поняла, что это не книга, а только материалы к ней. И я принялась за работу заново, беспощадно вымарывая целые страницы, которые еще вчера были мне бесконечно дороги. Я перечеркнула блоковский эпиграф, который обязывал к непосильному для меня общеполитическому раскрытию темы и взяла новый, из стихотворения Евтушенко, перемещавший центр тяжести в область конкретной борьбы с наследием Сталина.

А когда наступил конец моим многолетним квартирным мытарствам и я получила кооперативную однокомнатную квартиру, я сожгла старую папку, которую столько лет прятала и перепрятывала в коммунальных условиях. Иногда мне делается жаль, что я уничтожила ее, жаль той раскованности и абсолютной исповедальности, которые могли бы привлечь читательские сердца. Но в то же время я знаю, что в том первом варианте была масса лишнего, недостаточно продуманного, рыхлого по композиции.

Теперь я работала регулярно по многу часов, не ленилась сидеть за машинкой после утомительного редакционного дня. Теперь мне светила вполне определенная цель - предложить эту рукопись толстым журналам. Может быть, «Юности», где я уже печатала свои очерки? Или - чем черт не шутит! - даже «Новому миру», где уже появился к тому времени «Иван Денисович»?

Увы, вместе с надеждами на публикацию родился в моей душе и внутренний редактор, удививший меня на каждом абзаце своим обычным - «этого цензура не пропустит». И я начала искать более обтекаемые формулировки, нередко портила удавшиеся места, утешая себя тем, что, мол, подумаешь, одна фраза - не такая уж большая жертва за право быть напечатанной, дойти наконец до людей.

Все это очень отразилось на первой и начале второй частей «Крутого маршрута».

Как только рукопись попала в редакции двух популярнейших толстых журналов, началось пятилетнее плавание ее по бурным водам самиздата. Рукопись, с которой снимались десятки, а может, и сотни копий, с фантастической быстротой переходила границы Москвы. Когда я начала получать читательские отзывы из Ленинграда и Красноярска, из Саратова и Одессы, я поняла, что совершенно утратила контроль за удивительной жизнью моей ненапечатанной книги.

Нечего и говорить о том, как утешительно было находить в письмах незнакомых людей отклик на то сокровенное, что годами вынашивалось молчком. Эти письма, особенно написанные молодыми, развеивали мой давнишний страх перед гипнотизирующей силой возведенных на нас фантастических обвинений. Теперь я видела, что молодежь снимает шапку перед памятью моих погибших в застенках товарищей и благодарит меня за те кусочки правды, которые дошли до нее через мою книгу.

А вскоре пошли письма от писателей. И не только письма, но и авторские экземпляры книг с трогательными автографами. Я получила письма и книги от Эренбурга, Паустовского, Каверина, Чуковского, Солженицына, Евтушенко, Вознесенского, Вигдоровой, Пановой, Бруштейн и многих, многих других. Передавали мне и хорошие устные отзывы ученых, например, академика Тамма. Пришел со мной знакомиться и молодой историк Рой Медведев, чей отец погиб у нас на Колыме. Другая группа историков подарила мне свою книгу (сборник) с надписью: «Опередившей историков в понимании исторических событий».

Мне было абсолютно ясно, что всем этим я обязана отнюдь не каким-либо особым литературным качествам книги, а только ее правдивости. Изголодавшиеся по простому нелукавому слову, люди были благодарны всякому, кто взял на себя труд рассказать «де профундис» о том, как все это было НА САМОМ ДЕЛЕ. *[Здесь и далее выделено Е. Г. - А. А.]*.

Хочу еще раз заверить своих читателей, что я писала только правду. В тексте этой книги возможны, конечно, неточности, ошибки, вызванные смещениями памяти во времени. Но лжи, конъюнктурных ухищрений, сознательных замалчиваний здесь нет. В моем сегодняшнем возрасте, когда смотришь на жизнь уже как бы из некоторого отдаления, нет смысла хитрить. Итак, я написала правду. Не ВСЮ правду (ВСЯ, наверное, была и мне неизвестна), но ТОЛЬКО ПРАВДУ.

Да, чтобы написать ВСЮ правду, у меня не хватило бы ни информированности, ни умения, ни глубины понимания. Хватило меня только на то, чтобы не подчинять свое изложение софизмам, жонглирующим понятием «целесообразность», чтобы не подчинять свою мысль спекулятивным концепциям «данного момента». Я исходила из той простейшей мысли, что правда не нуждается в оправдании целесообразностью. Она просто ПРАВДА. И пусть целесообразность опирается на нее, а не наоборот.

Чем дальше я писала, все больше укреплялась в этом взгляде.

Пожалуй, с этой точки зрения оказался положительным тот факт, что я потеряла всякую надежду на публикацию книги у себя на родине. И если в первой части, во вступлении к ней, еще видна рука внутреннего редактора, то в дальнейшем тексте уже никакие посторонние соображения не отягощали меня.

Между тем, пока я работала над окончанием книги, первая часть распространялась самиздатом во все возрастающей геометрической прогрессии. Один ленинградский профессор - специалист по истории русской бесцензурной печати - сказал мне, что по его мнению, по впечатлению его наметанного глаза, моя книга побил рекорд по самиздатскому тиражу не только нашего времени, но и девятнадцатого века.

Были, однако, и люди, которым моя книга не понравилась. К моему большому огорчению, одним из них оказался Твардовский. В то время, как в отделе прозы «Нового мира» к моей работе отнеслись с сочувствием и пониманием, главный редактор почему-то подошел к ней с явными предубеждением. Мне передавали, что он говорил: «Она заметила, что не все в порядке, только тогда, когда стали сажать коммунистов. А когда истребляли русское крестьянство, она считала это вполне естественным».

Тяжкое и несправедливое обвинение. Конечно, мое понимание событий до тридцать седьмого года было крайне ограниченным, о чем я и пишу со всей искренностью. Но услышав такой отзыв Твардовского, я подумала, что вряд ли он прочел ее, а не просто бегло перелистал. Иначе он не мог бы не заметить, что ВОПРОС О ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАЖДОГО ИЗ НАС - ОСНОВНАЯ МОЯ БОЛЬ, ОСНОВНОЕ СТРАДАНИЕ. *[Выделено мною. - А. А.]*. Об этом я пишу подробно в главе, озаглавленной «Меа culpa» (моя вина). Но Твардовский не заметил даже этого заголовка.

В редакции «Юности», где меня много обнадеживали, рукопись тоже залежалась. А время между тем работало против меня. Все яснее становилось, что на эту тему наложено табу. И, наконец, в один прекрасный день редактор Полевой в разговоре со мной воскликнул: «Неужели вы всерьез надеялись, что мы это напечатаем?». После чего «Юность» переслала мою рукопись на хранение в Институт Маркса-Энгельса-Ленина, где, как писалось в сопроводительной записке, «она может явиться материалом по истории партии».

Таким образом, к концу 1966 года все надежды на какую-то кроме самиздатской, жизнь книги были погребены. И то, что произошло дальше, было для меня не просто неожиданностью - фантастикой!

Непредугадываемо переплетаются разные пути в нашем удивительном веке. Вдруг я увидела свою книгу (по крайней мере, первую ее часть и кусок второй) напечатанной в Италии. Меня - долголетнюю обитательницу ледяных каторжных норм в преобладающем звуком Ы в названиях местностей (МЫлга, ХаттЫнах и т. д.) - напечатали в сладкозвучном Милане. А потом и в Париже, и в Лондоне, и в Мюнхене, и в Нью-Йорке, и в Стокгольме и во многих других местах.

Мне довелось повидать некоторые из этих изданий, поддержать их в руках. Часть этих книг привез из заграничной поездки покойный Эренбург.

Это совсем новая тема, рожденная нашим странным временем и его феноменами. Тема о душевном состоянии автора подобных изданий. Противоречивые чувства раздирают его. С одной стороны, он не может сдержать естественного чувства радости при виде своей рукописи, превратившейся в книгу. Но с другой... Без моей правки, без всякого моего участия в издании... Без возможности исправить типографский брак (русское издание пестрит ошибками в орфографии и пунктуации)... Точно твоего погибавшего ребенка спасли какие-то чужестранцы, но при этом они его полностью оторвали от тебя. А тем временем и земляки дают несчастной матери почувствовать, что она виновата не только в том, что породила нежеланное для властей дитя, но и в том, что не смогла удержать его дома.

Так или иначе, книга вступила в новую фазу своего бытия из догутенберговской, самиздатовской, родной отечественной контрабанды она превратилась в нарядное детище разноречивых издательств, перекочевала в мир роскошной глянцевого бумаги, золотых обзоров, ярких суперобложек. Полное отчуждение произведения от его автора! Книга стала чем-то вроде взрослой дочери, безоглядно пустившейся «по заграницам», начисто забыв о брошенной на родине старушке-матери.

Но что же будет с остальной, неопубликованной частью книги?

Неужели ей суждено остаться не книгой, а тетрадкой? И на что тогда надеяться? На то, что «рукописи не горят»?

Как бы там ни случилось, я считала своим долгом дописать ее до конца. Главным образом не для того, чтобы изложить фактическую историю дальнейших лет в лагере и ссылке, а для того, чтобы читателю раскрылась внутренняя душевная эволюция героини, путь превращения наивной коммунистической идеалистки в человека, основательно вкусившего от древа познания добра и зла, человека, к которому через все новые утраты и мучения приходили и новые озарения (пусть минутные!) в поисках правды. И ЭТОТ ВНУТРЕННИЙ «КРУТОЙ МАРШРУТ» МНЕ ВАЖНЕЕ ДОНЕСТИ ДО ЧИТАТЕЛЯ, ЧЕМ ПРОСТУЮ ЛЕТОПИСЬ СТРАДАНИЙ. *[Выделено мною. - А. А.]*

И все-таки... Все-таки я хочу надеяться на то, что если не я и не мой сын, то, может быть, хотя бы мой внук увидит эту книгу полностью напечатанной на нашей родине.

(Цит. по: Гинзбург Е. Крутой маршрут. Смоленск, 1998, с. 646-652)

П.М. Абовин-Егидес

(1917-1997)

18.8. ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ (ПЕТР АБОВИН-ЕГИДЕС)

[И еще об одном человеке-легенде - Петре Марковиче Абовине-Егидесе (1917-1997). Ниже - композиция извлечений из вводной статьи и послесловия Тамары Абовиной-Егидес к книге П.М. Абовина-Егидеса «Философ в колхозе» (Москва-Марсель-Париж, 1998). - А. А.]

= Из статьи Т. Абовиной-Егидес

<...> Петр Маркович Егидес родился в 1917 году, 15 сентября. Это давало ему повод подчеркивать, что он – ровесник Октября. В разное время говорил об этом по-разному. Менялась жизнь - менялись мы, наши мысли, наши чувства, наши оценки - менялся наш опыт. У одних это происходило легко, были такие, у которых вообще ничего не менялось, а у кого-то процесс был результатом мучительных раздумий, радостных открытий, страданий и поисков. К таким людям принадлежал и Петр. <...>

Работы Петра Абовина-Егидеса тем и интересны, что они всегда исследуют почти классическую триаду: человека - жизнь - историю, т. е. время, в которое он дышал, творил, мучился и смеялся. Он не мог не выражать время - время не могло состояться без него. Нет, нет - здесь нет ничего гигантского, гиперболического, здесь просто факт - судьба и человек совпали. Трудная судьба, но интересная, яркая и полезная; личность - неординарная - любознательная и творческая. Он в своей судьбе и по своей жизни шел нога в ногу со своим Временем. Однако его личность отражает не эталоны, штампы, шаблоны и мифы этого времени, а отражает отношение людей к этому официозу. Его личность несет в себе огромный заряд критически-созидательного и оппозиционного отражения времени. Нет, это не означает, что Петр познал Истину. Он к ней стремился, звал других, уважал мнения этих других. Он, хотя и с трудом, умел сознаваться в своей неправоте и ошибках - он был полемист, он звал к диалогу.

Он был драматической личностью - сыном своего драматического времени, переживал экстремальные ситуации и сюрреалистические коллизии истории вместе со всей страной и своим народом. <...>

***

<...> П.М. Егидес в жизни прошел все этапы истории нашей страны, прошел их как настоящий Гражданин, хотя был такой момент, когда его в 1980 г. лишили этого гражданства.

В детстве он остался без родителей. Его отца в 1920 году расстреляли в ЧК. Петр сначала жил с бабушкой, но потом она была вынуждена отдать его в детский дом, т. к. не могла прокормить. О своих учителях и воспитателях он всегда вспоминал хорошо, с благодарностью.

Потом рабфак, ИФЛИ (Институт философии и литературы). Окончил исторический факультет и 3 курса философского.

Война. В первый же день пошел добровольцем на фронт.

Уже тогда он понимал, что Сталин ведет страну не по тому пути, что он - Чингизхан с партийным билетом в руках. Вместе с тем Петр считал, что «сначала победим в войне, а потом разберемся».

Но «разобрались с ним». Он стал жертвой античеловеческой практики - сажать в лагеря тех, кто побывал хоть небольшое время в плену. Действительно, будучи раненым в почку и потеряв сознание, Петр оказался в плену. Однако уже через 2 недели сумел бежать, перешел линию фронта и вновь вернулся в свою часть, думая, что встретят как героя - а встретили его 10-ю годами лагеря в Воркуте. Холод, голод, угольные шахты в полчеловеческих роста. Позже он говорил, что не может поверить, что этот кошмар был с ним. Его реабилитировали через 8 лет.

Поиски работы, работа в техникуме, потом защита диссертации.

Тему диссертации никто не хотел утверждать, т. к. она была о смысле жизни. Писал и защищал самостоятельно, но не отступал.

Стал работать на философских кафедрах и вдруг теории для него оказалось мало. Решил поехать в колхоз, в Пензенскую область, село Варварино. Там стал пробовать «строить» социализм. Для людей сделал много. Научил ценить труд, который справедливо

оплачивался, ибо предложил оплату труда производить по конечному результату. Люди ему поверили, что они могут делать больше и лучше, что их труд достоин уважения.

Здесь, в колхозе зародились его мысли о самоуправлении трудящихся, а также зачатки его философии панперсонализма, т.е. свободы человека во всех отношениях.

Но... крикунам-номенклатурщикам, которые с трибун клялись «новым», это новшество не понравилось, система оказалась сильнее, тупее и бесчеловечнее - она выплевывала все и всех, кто не укладывался в «норму». Его заставили после 6-ти лет покинуть колхоз.

Вновь вернулся к философии. Стал мучительно обдумывать природу тех ножниц, которые резали и ломали в стране все, что не подходило тотально-идеологической концепции сталинизма. Ломали судьбы людей, ломали их души, мысли, здоровье, жизнь. Петр стал заниматься этикой - наукой, которая должна была стать базой для освобождения и раскрепощения человека.

Пришла «оттепель», наступило небольшое «ослабление» в теории.

С трудом возникли и пробивали себе дорогу движение «шестидесятников», в философии - неомарксизма. Петр в 1967 году публикует в вышедшем в Тбилиси сборнике «Актуальные проблемы марксистской этики» статью, где утверждает, что в нашем обществе сохраняется отчуждение личности от общества, т. е. несвобода во всех отношениях, а без свободы личности нет и свободы общества и очень четкий намек, что нет и социализма. Статья, как и сам сборник, вызвала бурю критики. Журнал ЦК КПСС «Коммунист» напечатал разгромную рецензию, обвиняя многих авторов, и главным образом - Егидеса и Мильнера-Иринина, в отступничестве от марксизма-ленинизма, от классового и партийного подходов.

Грянул 1968 год, ввод советских войск в Чехословакию, попытавшуюся построить гуманный социализм. Эта инвазия расколола взгляды людей не только в нашей стране, но и во всем международном коммунистическом движении, подорвала окончательно авторитет КПСС.

Для многих, в том числе и для Петра, стало предельно ясно, что в нашей стране нет социализма, нет демократии. Лично для него это означало - надо что-то делать!

П. Егидес пишет рукопись «Единственный выход», где серьезно анализирует происходящие события. Затем он создает «Манифест», где в 14 пунктах оформляет свое понимание социализма, социалистической демократии. Все это послужило причиной того, что Петра в марте 1971 года репрессируют. И вновь он проходит круги ада — тюрьма, психушка. Так психически здоровый человек, человек светлого ума, напряженно ищущий правду и пути выхода страны из тоталитарного рабства, объявляется психически больным и по суду (что же это за суд?!) его приговаривают к лишению свободы и принудительном психиатрическому «лечению».

Через 2 года он на свободе, если, конечно существование в нашей стране можно считать свободой. Муки вновь пережитого заточения не делают его послушным молчуном, держащим кукиш в кармане.

В 1978 году он со своими товарищами (Раиса Лерт, Валерий Абрамкин, Владимир Гершуни, Глеб Павловский, Виктор Сокирко, Юрий Гримм) начинает явочным порядком «самиздатским» способом выпускать «свободный московский журнал «Поиски». В свет выходит всего 8 номеров.

Все в этом журнале было необыкновенно. Прежде всего - настоящий плюрализм, ибо его 7 редакторов имели разные взгляды, придерживались разных мировоззрений. «Поиски» стали опытом действительно демократической позиции в печати. С выходом 8-го номера от редакции потребовали закрытия журнала и угрожали арестом редакторов. 5-й номер был полностью реквизирован КГБ, который нарушил все нормы порядочности, а норм права тогда в нашей стране не существовало, а самого молодого редактора Валерия Абрамкина арестовали. Петру предложили: либо сгноим в тюрьме - либо Запад. Редакция решила - Запад.

С января 1980 г. - он на Западе. Бьется за выпуск каждого «Поиска» типографским способом. Без всяких компромиссов уберегает «Поиск» от попыток примазаться к ним тех, кто хотел бы исказить их действительно плюралистическое и демократическое лицо.

Во Франции, где он оказался в 1981 году, создается левыми силами «Комитет помощи «Поискам». С помощью «Международной амнистии» Петр делает все возможное, чтобы помочь своим товарищам по «Поискам», сидящим в тюрьмах, лагерях, психушках. На Западе он возглавлял «Объединенный комитет по спасению А.Д.Сахарова».

Ни минуты жизни без забот о делах в СССР.

В 1989 году нас после 9-ти лет ссылки пускают 1-й раз на свою Родину! Посещение ее ошеломляет, хочется кричать от радости...

Но... быстро понимаем, что процесс перехода от тоталитаризма к иному - демократическому, тем более - социалистическому обществу (а для себя Петр иного выбора и не мыслил) труден, тернист и далек от представлявшегося ему, когда он говорил: «Дайте мне табуретку - и я переверну весь мир!»

Табуретка в какой-то степени появилась, а мир повертывать оказалось труднее. Жизнь являла одну жестокость за другой. Демократия не получалась. Влезли в грязную войну в Чечне, мафия заполонила многие экономические и политические ниши. У многих опускались руки. Петр опять яростно ищет. И находит третий путь - создание самоуправления трудящихся на производстве, уничтожение наемного труда и превращение его в труд свободный. Если не сразу и везде - то хотя бы «оазисами», которые станут развиваться, окрепнут и подадут пример другим.

Егидес принимает самое активное участие в создании и работе новой партии - Партии самоуправления трудящихся, которую возглавил знаменитый офтальмолог Святослав Федоров. Кропотливая, с отдачей всех сил работа в партии. И как будто нет почти 80-ти лет. Он не дожидаясь 4 месяца, а очень хотел дожить, хотел немного перейти этот рубеж и много еще сделать. <...>

***

<...> В своих воспоминаниях «Философ в колхозе» Петр как бы соединяет личное (огромную личную заинтересованность в том, чтобы доказать, что социализма нет, но он возможен) с социальным (с поиском, пробой путей, средств созидания реалистическо-максимально-общественной справедливости).

Здесь, в этой работе [*«Философ в колхозе»*. А.А.], изложены его жизнь и жизнь его народа. С нее мы (его близкие и друзья) начинаем посмертную публикацию его трудов. Он много думал и писал. Его мысли, идеи, представляются нам плодотворными. Они не должны быть потеряны. <...>

***

<...> Начатый Петром Абовиным-Егидесом с приходом в диссидентское движение процесс активного сопротивления тоталитарной системе, ее тупости, бесчеловечности был очень долг и так и не доведен им до конца, и конец еще не близок - ведь идем мы медленно и зигзагами, которые уводят нас сегодня от справедливости, законности и соблюдения прав человека еще дальше, чем при коммунистах.

Вот почему в ближайшее время нам не прожить без романтиков, без их неустанного исторического поиска и самоотверженности. <...>

(Цит. по: Абовин-Егидес П.М. Философ в колхозе. Москва-Марсель-Париж, 1998, с. 5-8, 247-251)

= Из послесловия З. Апресяна к книге П. Абовина-Егидеса «Сквозь ад» (1991)

Книга «Сквозь ад» ... конечно произведет разное впечатление на разных читателей. Но лично мне кажется, что 76-летний философ, бывший детдомовец и сельский учитель, доброволец самого первого военного призыва и доброволец селянин 50-х годов, будучи реалистом и объективным аналитиком, в чем-то остался и романтиком. Я его так и

спросил: «Вы случайно не романтик-идеалист?». Рассмеявшись (часто улыбается, смеется - крепкий человек, жизнелюб), ответил: «Может быть». И что любопытно: несмотря на все происшедшее и происходящее в нашей стране, несмотря на лично пережитое, Петр Маркович, отрицая наличие у нас социализма, вместе с тем убежденно верит в возможность социализма, правда, того социализма, каким он себе его представляет. И нельзя не отметить сугубо нравственное: политический эмигрант остался куда больше социалистом, чем многие из тех, кто еще в недалекие годы клялся и зрелым, и развитым социализмом, делал на этом карьеру, зарабатывал деньги и ласку сильных мира сего. С ними-то он и полемизирует, показывая народу, что его хотят ввергнуть из огня да в полымя, в новый омут. <...>

(Апресян З. / Абовин-Егидес П.М. Сквозь ад. М.: Молодая гвардия, 1991) -^

= Из предисловия П. Абовина-Егидеса к книге «Сквозь ад» (1991)

<...> Даю тебе честное слово, читатель, что я написал эту книгу не потому, что считаю себя постигшим полную истину, а лишь, полагая, что мой более чем 70-летний жизненный опыт – причем довольно насыщенный - дает мне основание участвовать вместе с тобой в ее - истины - поисках. <...>

(Абовин-Егидес П.М. Сквозь ад. М., 1991, с. 4)

[Вот так же и мне хотелось бы, вслед за Петром Марковичем Абовиным-Егидесом, сказать. - А. А.]

А.Д. Синявский

(1925-1997)

Ю.М. Даниэль

(1925-1988)

18.9. СЛОВО И ДЕЛО АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ

[Ниже - фрагмент статьи Г.А. Белой «Да будет ведомо всем...», опубликованной в книге «Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля» (М.: Юнона, 1990). - А. А.]

<...> Судебный процесс начался 10 февраля 1966 г. и закончился 14 февраля.

Поскольку еще в 1948 году Советский Союз подписал «Всеобщую декларацию прав человека», принятую ООН, где статья девятнадцатая гласила, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их», причем оговаривалось, что «это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от государственных границ», то использование псевдонимов и пересылка рукописей за границу не могли быть вменены Синявскому и Даниэлю в вину. Их привлекли к суду по статье 70 Уголовного кодекса - за антисоветскую агитацию и пропаганду, распространение антисоветской литературы...

В составе экспертной комиссии - академик В.В. Виноградов, В.Н. Костомаров, Е.И. Прохоров, А.Л. Дымшиц.

Формально суд считался открытым, на самом деле пускали по пригласительным билетам, которые раздавались в учреждениях, выборочно... Масса народу - сочувствующие обвиняемым, да и просто любопытствующие - с раннего утра до поздней ночи толпились возле здания суда, на Баррикадной улице.

С первых же заседаний стало ясно, чем обвиняемые вызвали столь резкое раздражение своих первых и на тот момент едва ли не единственных в Советском Союзе читателей: это была МЕРА, глубина осмысления нашего социального устройства. Синявский и Даниэль критиковали не частные недостатки, не упущения и недочеты, но то, что мы сейчас называем словами Командно-Административная Система.

«В 1960-61 годах, - говорил на процессе Ю.Даниэль, когда была написана эта повесть (*«Говорит Москва»*. - Г. Б.), я, и не только я, но и любой человек, серьезно думающий о положении вещей в нашей стране, был убежден, что страна находится накануне установления нового культа личности».

Сюжет повести - объявление 10 августа Днем открытых убийств, мотивы, побуждающие людей внутренне оправдывать необходимость введения такой меры, пассивное отношение к насилию, конформизм, соглашательство, - все в повести изображено с нескрываемым сатирическим сарказмом. Это было непривычно, как непривычна была и та требовательность к себе, которая и сегодня не может не поразить читателя повести «Искупление». Даже под градом вопросов государственного обвинителя О.П. Темушкина Даниэль и не думал отрекаться от идеи покаяния перед жертвами репрессий, выраженной в повести с публицистической четкостью и остротой. Пытаясь быть понятым, Даниэль говорил о необходимости всеобщего внутреннего приобщения к трагическому опыту 30-40-х годов. Ему казалось общественно важным искоренить в человеке страх, который старательно растят в людях «чиновники режима». Выступая на процессе, Даниэль продолжал тему, первооткрывателем которой, как сейчас видно, он был: тему искупления живыми вины перед павшими, погибшими, оклеветанными. В повести «Искупление», на которую часто ссылались судьи, он говорил то, что многие повторяют сегодня как новую, только что открывшуюся им истину: «тюрьмы внутри нас», «правительство не в силах нас освободить», «мы сами себя сажаем».

Близостью голосов автора и героя усиливалась мысль, открыто сформулированная Даниэлем на процессе:

«Я считаю, что каждый член общества отвечает за то, что происходит в обществе. Я не исключая при этом себя. Я написал «виноваты все», так как не было ответа на вопрос «кто виноват?». Никто никогда не говорил публично - кто же виноват в этих преступлениях...».

Временами судебное заседание начинало походить на литературную дискуссию.

«Мне, как писателю, - говорил Синявский, отвечая на вопрос о переизбытке символов и иносказаний (как будто все это было подсудно), - близок фантастический реализм с его гиперсвободой, гротеском. Я указываю имена Гоголя, Шагала, Маяковского, Гофмана, некоторые произведения которых отношу к фантастическому реализму».

Что бы ни говорили государственный и общественный обвинители о художественных произведениях обвиняемых, этого они брать в резон не хотели. Спасая обвинение, они больше опирались на прямое авторское слово и ссылались на статью Синявского «Что такое социалистический реализм». Задолго до современных споров и размышлений о том, что делать с этим «неработающим» понятием, Синявский обнажил уязвимую суть метода, давно оторвавшегося от породившей его почвы. Он первым поставил вопрос о мертвящей нормативности, заключенной в термине «социалистический реализм». Анализируя самое его определение, «требующее» от писателя «правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии» и чтобы все это тут же сопровождалось «идейной переделкой трудящихся», Синявский иронизировал над строем мышления, предложившим советской литературе идти не от реальности, а от должного.

Сатирическая форма его рассуждений вызывала шок у судей. Ведь еще с конца 20-х годов в официальном сознании бытовало убеждение: всякий сатирик посягает на советский строй, Так судили о М. Булгакове. Так судили о Е. Замятине. Теперь так судили Синявского и Даниэля.

Имя Замятина неслучайно всплывает в памяти в связи с этим судебным процессом. «Почему танец - красив?» - задавался когда-то вопросом герой романа Замятина «Мы». И отвечал сам себе: «...потому что это НЕСВОБОДНОЕ движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной эстетической подчиненности, идеальной несвободе». Такую философию мира Синявский в своей статье назвал «телеологической», имея в виду именно осознанную и возведенную в ранг радостной нормы несвободу. «Как вся наша культура, как все наше общество, - писал он, - искусство наше - насквозь телеологично. Оно подчинено высшему назначению и этим облагорожено. Все мы живем в конечном счете лишь для того, чтобы побыстрее наступил Коммунизм».

Синявский подвергал сомнению не мечту человечества о коммунизме, но такое представление, где он, коммунизм, - только абстрактная Цель, а человек - такое же абстрактное Средство. Философия Цели и Средства, по его мнению, «толкает к тому, чтобы все без исключения понятия и предметы подвести к Цели, соотнести с Целью, определить через Цель». Оторванная от человека, фетишизированная Цель стала основой идеологии, которая узаконила насилие и антигуманность. «Чтобы навсегда исчезли тюрьмы, мы понастроили новые тюрьмы. Чтобы пали границы между государствами, мы окружили себя китайской стеной. Чтобы труд в будущем стал отдыхом и удовольствием, мы ввели каторжные работы. Чтобы не пролилось больше ни единой капли крови, мы убивали, убивали и убивали».

Сегодня, когда все, сказанное тогда Синявским, вошло в наш обиход, поражают не только его раннее прозрение, не только прямота откровения, но полное отождествление себя со своей страной, несчастьем своего народа. И когда, обращаясь к недругам, злорадно смеющимся над идеалами первых революционеров, Синявский с гневом говорил: «Что вы смеетесь, сволочи? Что вы тычете своими холеными ногтями в комья крови и грязи, облепившие наши пиджаки и мундиры?» - в его словах звучала боль за русский народ, боль за русскую культуру.

Мог ли понять его государственный обвинитель, совсем по Замятину поучавший Синявского на процессе?

«Свобода печати - не абстрактное понятие, - говорил О.П. Темушкин. - Это у нас настоящая свобода, у нас свобода в том, чтобы идти вместе с народом и за народом, на художественных произведениях воспитывать народ и, в первую очередь, молодежь. Свобода воспевать подвиги наших людей».

И, как говорится, ни-ни в сторону.

Но «мир жив только еретиками», говорил Замятин. И вопреки обвинительным речам, Синявский и Даниэль на процессе подняли еще одну крамольную тему: оба писателя впрямую говорили о свободе творчества. Если З. Кедринской авангардистская форма произведений Терца-Синявского казалась подражанием загнивающему Западу, то сам обвиняемый на процессе развил ее в философию творчества, предупреждая своих собратьев по перу, что без прививки «модернистского дичка», говоря его же, но более поздними словами, задохнется русская литература. Он напоминал: «Слово - это не дело, а слово: художественный образ условен, автор не идентичен герою»; он иронизировал над стремлением делить героев на положительных и отрицательных, и только; стесняясь за тех, кому вынужден был разъяснять простейшие вещи, он говорил: «Ведь правда художественного образа сложна, часто сам автор не может ее объяснить...».

Но все было напрасно: реальный водораздел между обвиняемыми и обвинителями проходил по черте, разделяющей самый тип их сознания. Формула «Кто не с нами, тот против нас» была незыблемой для обвинителей. С этой логикой в атмосфере накаленных

страстей открыто спорил Синявский. Он только точно указал причину глухого непонимания:

«...у меня в неопубликованном рассказе «Пхенц» есть фраза, которую я считаю автобиографической: «Подумаешь, если я просто другой, так уж сразу ругаться...». Так вот: я другой. В здешней наэлектризованной, фантастической атмосфере врагом может считаться любой «другой» человек. Но это не объективный способ нахождения истины...».

«О том, о чем я пишу, молчит и литература, и пресса, - говорил на суде Ю. Даниэль. - А литература имеет право на изображение любого периода и любого вопроса. Я считаю, что в жизни общества не может быть закрытых тем».

Это был акт духовного сопротивления, духовной независимости.

Нет, Синявский и Даниэль стали возмутителями спокойствия совсем не случайно. И сегодня это яснее, чем когда бы то ни было.

Я хорошо помню атмосферу процесса: это была атмосфера беснования, затягивающая все новых людей, обнаруживающая их духовную слабость, неспособность защитить себя, свое лицо. И вот уже вослед, после приговора, зряшно, не под петлей, не под угрозой расстрела пишут свое письмо профессора и преподаватели Московского университета, принародно каясь, что «знали Андрея Синявского». В увлечении красным словом обвинили они Синявского уже не только в клевете на русский народ, как это было на процессе, но и в клевете «на человеческую природу, на все человечество». А смирнейшего, любимого учениками доцента В. Дувакина, осмелившегося заявить на суде, что Синявский был «человек, ищущий истину, искренний и честный в своих исканиях», что его жизнь была жизнью «очень аскетической», что он был «погружен в русское искусство», отстранили от преподавания, разрешив ему в виде милости заняться незаметной библиотечной работой.

Страна разделилась - «образ врага», еще не умерший, воскрес.

Время до процесса было временем надежд на справедливость, силу легального протеста, весомость общественного мнения. Это была самая высокая точка в развитии гражданского самосознания, пик доверия к власти, «жажда достучаться до «верхов», найти с ними общий язык. Писали жены арестованных, писали друзья, незнакомые люди. Они не скрывали своих имен: М. Розанова, Л. Богораз, И. Голомшток, А. Гинзбург, А. Якобсон, И. Роднянская, Л. Копелев, Ю. Герчук, В. Корнилов, В. Меникер, Ю. Левин, Н. Кишилов. Письма шли в «Известия», в Президиум Верховного Совета СССР, в Президиум Верховного Совета РСФСР, в Московский городской суд, в Верховный суд СССР, в Верховный суд РСФСР. Свои услуги для защиты обвиняемых предложили видные деятели советской культуры и науки (в том числе Вяч. Вс. Иванов - ученый с мировым именем). Доброжелательные отзывы о творчестве Даниэля и Синявского послали в суд К.И. Чуковский и К.Г. Паустовский.

Не помогло.

Буря негодования поднялась за границей. В числе протестующих были крупнейшие деятели мировой культуры, практически все международные, творческие ассоциации и даже руководители ряда зарубежных компартий.

Не помогло.

Речь шла о демократии - а это много значило для пробудившейся страны, для ее самосознания, это много значило и для ее престижа за рубежом. Все требовали гласности (это слово - тоже из тех времен). Все требовали информации. Все требовали соблюдения законности.

Но мнение сограждан и зарубежных друзей Советского Союза было отодвинуто в сторону - за ненадобностью. Протесты писателей и ученых - брошены в корзину. Защитникам Синявского и Даниэля бесцеремонно дали понять, что в их мнении никто не нуждается.

Сегодня это может показаться странным: ведь все просили всего лишь открытой дискуссии, всего лишь открытого суда, всего лишь гласности. Ведь все говорили лишь о

свободе творчества, протестовали против отождествления художественного произведения с политической прокламацией. Всего лишь...

А в это время писатели торопливо исключали Снявского из своего Союза. 22 февраля 1966 года «Литературная газета» опубликовала заметку «В секретариате Московской писательской организации», где сообщалось о единодушном осуждении А.Д. Снявского и единогласном решении исключить его «из членов Союза писателей СССР как двурушника и клеветника, поставившего свое перо на службу кругов, враждебных Советскому Союзу».

В Институте мировой литературы отстранили от работы - не донес! - друга и соавтора Снявского благороднейшего человека Андрея Николаевича Меньшутина. <...>

...И все же эпоха оттепели еще давала о себе знать. Шестьдесят два литератора, пути которых потом далеко разошлись, но - все-таки! - шестьдесят два человека послали в адрес XXIII съезда партии протест против решения Верховного суда. М. Шолохову, заявившему с трибуны партийного съезда, что «оборотни» Снявский и Даниэль «аморальны» и что приговор НЕДОСТАТОЧНО суров, ответила Лидия Чуковская. В своем знаменитом «Открытом письме» она обвинила Шолохова в отступничестве от славных гуманистических традиций русской литературы.

...Много позднее, уже вернувшись из лагеря, уже покинув страну, Снявский начал свою статью «Литературный процесс в России» словами из «Четвертой прозы» О.Мандельштама: «Все произведения литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые - это мразь, вторые - ворованный воздух».

«Ворованным воздухом» дышать было трудно, опасно, тяжело.

Именно запрет на свободу порождал диссидентство, затем - эмиграцию. Искореняя свободу, общество выталкивало из себя лучших своих сынов.

Судебный процесс, а потом и лагерь не сломили ни Снявского, ни Даниэля. [Суд приговорил А.Снявского к 7 годам, а Ю.Даниэля - к 5 годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима. - А. А.]. Отбыв полностью свой срок, Даниэль сначала работал в Калуге, потом в Москве. Писал. Переводил. В печати появлялись переводы Ю. Петрова - теперь Даниэлю псевдоним был спущен свыше. Печатали почти анонимно, чтобы не вспомнили, чтобы сама память истерлась и забылась. (Канула в небытие и детгизовская книжка «Бегство», тираж которой был уничтожен).

Судьба Снявского сложилась иначе. После выхода Даниэля из лагеря ему сократили срок. Помыкавшись, поняв, что перед ним стена тупого противодействия, он выбрал эмиграцию. Его не выдворяли, не выталкивали, ему не предлагали уехать: его просто не печатали. В лагере он написал книги «Прогулки с Пушкиным» (1966-1968), «Голос из хора» (1966-1971), «В тени Гоголя» (1979-1973): изданы, соответственно, в 1975, 1973 и 1975-м. В эмиграции - «...Опавшие листья» В.В. Розанова (1982), роман «Спокойной ночи» (1984), где вспомнил и рассказал о процессе, и множество прекраснейших статей. Прав оказался Вяч. Вс. Иванов, заявивший в ответ на запрос юристов еще в 1966 г.: «Перерыв в литературной деятельности А.Д. Снявского не может не сказаться отрицательно на поступательном движении нашей литературы». Так оно и вышло. Когда сегодня мы читаем произведения В. Пьецуха, С. Каледина, Л. Петрушевской - авторов, которые вплотную приближаются к жизни людей, затерянных в лабиринтах коммунальных квартир, научных учреждений, многомиллионного города, когда мы видим нашу жизнь в зеркале фантастического реализма, когда, наконец, мы узнаем, что многие из современных повестей и рассказов вызрели в атмосфере 60-х годов, а всплыли на поверхность лишь сейчас, мы не можем не пожалеть, что не знакомы с прозой Снявского, зародившейся тогда же и впитавшей в себя традиции Гофмана, Гоголя и Достоевского.

В «Письме старому другу», написанному вскоре после процесса, В. Шаламов писал:

«Синявский и Даниэль первыми принимают бой после чуть ли не пятидесятилетнего молчания. Их пример велик, их героизм бесспорен. Синявский и Даниэль нарушили омерзительную традицию «раскаяния» и «признаний»... Если бы на этом процессе дали выступить общественному защитнику, тот защитил бы Синявского и Даниэля именем писателей, замученных, убитых, расстрелянных, погибших от голода и холода в сталинских лагерях уничтожения».

В этом же письме Шаламов утверждал не без гордости: «В мужестве Синявского и Даниэля, в их благородстве, в их победе есть и капля нашей с тобой крови, наших страданий, нашей борьбы против унижений, лжи, против убийц и предателей всех мастей».

Сегодняшние поколения живут открыто. Порою они оглядываются назад: время колебаний, время страха еще осталось в крови. Будем надеяться, что сегодняшние исторические перемены действительно необратимы. Но если придется нам стать лицом к лицу с теми, кто Цель ставит выше Средства и готов принести человеческие жизни в жертву новым абстракциям, пусть поможет нам высокий, выстраданный опыт наших старших товарищей - преданных анафеме родным народом, переживших отступничество учителей, отсидевших свои лагерные сроки, но не потерявших человеческого лица.

«Страна должна знать своих палачей», - говорим мы друг другу вот уже четверть века.

«Страна должна знать и своих героев», - хочу сказать я сегодня, называя - в полный голос - имена Андрея Синявского и Юлия Даниэля.

(Белая Г.А. «Да будет ведомо всем...» / Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля». М., 1990, с. 7-14)

= Из статьи писателя Дм. Еремина «Перевертыши» (Известия, 13 января 1966)

<...> В пасквильной повести Синявского-Терца «Любимов» выставлена задача показать - ни больше, ни меньше, иллюзорность и несбыточность самой идеи коммунистического переустройства общества. В бредовой фантазмагории этого пасквиля нелегко нащупать реальные прообразы действительности. Однако идейно-политическая суть ее вполне очевидна: это безудержное издевательство над законами истории, над теми, кто отдал жизнь в борьбе за наши великие цели, издевательство над страной и народом. Нахальство сочинителей достигает здесь поистине гомерических размеров. К каким только выдумкам не прибегает он, силясь доказать иллюзорность теории и практики коммунизма! До каких высот обывательского злорадства поднимается, показывая крушение города Любимова, в котором некий Тихомиров задумал добиться всеобщего счастья... при помощи гипноза! С каким смаком описывает Синявский-Терц крах коммунистического «эксперимента» и возвращение «любимовцев» к старым порядкам жизни! И особенно выделяет он «под занавес» такую многозначительную деталь: «Мужик с угрюмым спокойствием откровенно, на виду у всех мочился в котлован с незаполненным бетоном фундаментом...». У мужика ко всему этому, дескать, вполне определенное отношение!

Не менее характерна «повесть» Даниэля-Аржака «Говорит Москва», упоминавшаяся выше. Вкратце вот ее сюжет: по радио передается Указ о том, что «в связи с растущим благосостоянием и многочисленными пожеланиями трудящихся» (автор способен издеваться над чем угодно!) воскресенье 10 августа 1960 года объявляется... чем бы вы думали? «Днем открытых убийств» - по типу Дня шахтера, Дня учителя и т. п. И дальше рисуются чудовищные картины быта, выдаваемого за советский, показывается идиотизм людей, дисциплинированно занятых «идеями» всеобщей резни. Режут друг друга, сводят счета мужья и жены, всеобщий ужас захлестывает страну. И все это, разумеется, сдобрено солидными порциями пошлой эротики, рьяного разгула, разнузданного аморализма и человеконенавистничества. <...>

(Цит. по: Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля». М., 1990, с. 65-66)

= Из повести Н. Аржака (Ю. Даниэля) «Говорит Москва» (1960-1961)

<...> -...нет, нет, поймите меня правильно! кто-кто, а уж я-то не поклонник газетных штампов. Но факты есть факты, и надо смотреть им в глаза... Сознательность-то действительно выросла! Эрго: государство вправе поставить широкий эксперимент, вправе передать отдельные свои функции в руки народа! Вы посмотрите - бригады содействия милиции, комсомольские патрули, народные дружины по охране общественного порядка - это же факт! И факт многозначительный. Разумеется, и у них случаются ошибки, так сказать, ляпсусы, - узкие брюки порезали, девиц каких-то остригли - так ведь без этого не бывает! Издержки производства! Лес рубят!

И теперешний Указ это не что иное, как логическое продолжение уже начавшегося процесса - процесса демократизации. Демократизации - чего? Демократизации органов исполнительной власти. Идеал же, поймите меня правильно, - постепенное растворение исполнительной власти в широких народных массах, в самых так сказать, низах. То есть не в низах, я не так выразился, какие у нас низы, ну, вы меня понимаете... И поверьте моему слову, слову старого юриста - передо мной сотни, тысячи, десятки тысяч людей прошли – поверьте моему слову: народ в первую очередь сведет счеты с хулиганами, с тунеядцами, с отбросами общества... Да-да, помните, как у Толстого: «Всем миром навалиться хотят! Один конец сделать хотят!». Вот именно, Толя, «всем миром», общиной, так сказать, «обществом», по русски... <...>

(Цит. по: Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля». М., 1990, с. 65-66)

= Из повести Н. Аржака (Ю. Даниэля) «Искупление» (1963)

<...> Они продолжают нас ре-пре-ссировать! Тюрьмы и лагеря не закрыты! Это ложь! Это газетная ложь! Нет никакой разницы: мы в тюрьме или тюрьма в нас! Мы все заключенные! Правительство не в силах нас освободить! Нам нужна операция! Вырежьте, выпустите лагеря из себя! Вы думаете, это ЧК, НКВД, КГБ нас сажало? Нет, это мы сами. Государство - это мы. Не пейте вино, не любите женщин - они все - вдовы!.. <...>

(Цит. по: Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля». М., 1990, с. 146)

= Письмо 62 писателей (1966)

в Президиум XXIII съезда КПСС
в Президиум Верховного Совета СССР
в Президиум Верховного Совета РСФСР

Уважаемые товарищи!

Мы, группа писателей Москвы, обращаемся к вам с просьбой разрешить нам взять на поруки недавно осужденных писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Мы считаем, что это было бы мудрым и гуманным актом.

Хотя мы не одобряем тех средств, к которыми прибегли эти писатели, публикуя свои произведения за границей, мы не можем согласиться с тем, что в их действиях присутствовал антисоветский умысел, доказательства которого были бы необходимы для столь тяжкого наказания. Этот злой умысел не был доказан в ходе процесса А. Синявского и Ю. Даниэля.

Между тем осуждение писателей за сатирические произведения - чрезвычайно опасный прецедент, способный затормозить процесс развития советской культуры. Ни

наука, ни искусство не могут существовать без возможности высказывать парадоксальные идеи, создавать гиперболические образы. Сложная обстановка, в которой мы живем, требует расширения (а не сужения) свободы интеллектуального и художественного эксперимента. С этой точки зрения процесс над Синявским и Даниэлем причинил уже сейчас больший вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля.

Синявский и Даниэль - люди талантливые, и им должна быть предоставлена возможность исправить совершенные ими политические просчеты и бестактности. Будучи взяты на поруки, Синявский и Даниэль скорее бы осознали ошибки, которые допустили, и в контакте с советской общественностью сумели бы создать новые произведения, художественная и идейная ценность которых искупит вред, причиненный их промахами.

По всем этим причинам просим выпустить Андрея Синявского и Юлия Даниэля на поруки.

Этого требуют интересы нашей страны. Этого требуют интересы мира. Этого требуют интересы мирового коммунистического движения.

Члены Союза писателей СССР:

Чуковский К.И., Эренбург И.Г., Шкловский В.Б., Антокольский П.Г., Славин Л.И., Каверин В.А., Дорош Е.А., Анастасьев А.Н., Аникст А.А., Аннинский Л.А., Ахмадулина Б.А., Бабенышева С.Э., Берестов В.Д., Богатырев К.П., Богуславская З.Б., Боров Ю.Б., Войнович В.Н., Домбровский Ю.О., Жигулин А.В., Зак А.Г., Зонина Л.А., Зорин Л.Г., Зоркая Н.М., Иванова Т.Б., Кабо Л.Р., Кин Ц.И., Копелев Л.З., Корнилов В.Н., Крупник И.Н., Кузнецова И.Н., Левитанский Ю.Д., Левицкий Л.А., Лунгин С.Л., Лунгина Л.З., Маркиш С.П., Масс В.З., Михайлов О.Н., Мориц Ю.П., Нагибин Ю.М., Нусинов И.И., Огнев В.Ф., Окуджава Б.Ш., Орлова Р.Д., Осповат Л.С., Панченко Н.В., Поповский М.А., Пинский Л.Е., Рассадин С.Б., Реформатская Н.В., Россельс В.М., Самойлов Д.С., Сарнов Б.М., Светов Ф.Г., Сергеев А.Я., Сеф Р.С., Соловьева И.Н., Тарковский А.А., Турков А.М., Тынянова Л.Н., Фиш Г.С., Чуковская Л.К., Шатров М.Ф.

(Цит. по: Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля». М., 1990),

Ремарка: письма-дневники Юлия Даниэля

Недавно произошло важное событие в жизни отечественной культуры. Вышла в свет книга: Ю.Даниэль. «Я все сбиваюсь на литературу...». Письма из заключения. Стихи. М.: Общество «Мемориал», изд-во «Звенья», 2000, 896 с.

Здесь укажу лишь на одну примечательную особенность этого труда. 75 писем Юлия Даниэля 1966-1970 гг. - это продолжающийся изо дня в день ДНЕВНИК, отсылавшийся по частям, с периодичностью, диктуемой лагерно-тюремным регламентом. Вот и еще один яркий пример синтеза обращения к себе и к другим (близким людям): «письмо-дневник»... (Январь 2001).

А.В. Давыдов
(1925-1983)

18.10. 100 СЕМЕЙСТВ СЕЛА ВИКУЛОВО 20 ЛЕТ НАЗАД **(О самостоятельном социологическом исследовании и** **гражданском подвиге сельского учителя А.В. Давыдова) ²⁷⁸**

---

²⁷⁸ См. также: ДСиСА – 2 (Приложение к части 2).

[Ниже — мой отзыв на сохранившиеся в семейном архиве Давыдовых материалы социологического исследования, проведенного учителем А.В. Давыдовым в начале 70-х. Опубликовано, под этим названием, в районной газете села Викулово, Тюменской области (Красная звезда, 27.09.1995).

Перепечатан оттуда газетой «Тюменские известия» (1996). Здесь публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

= Отзыв на работу А.В. Давыдова 1973 г. (1995)

<...> Ко мне в руки попал замечательный документ: «Социологическая характеристика 100 семей райцентра Викулово». Пять страничек убористого (без интервалов) машинописного текста, с приложением большой рукописной матрицы, где по строкам — 311 членов обследованных автором семей, а по столбцам — 20 признаков, по которым эти люди характеризуются. Текст датирован: 12 мая 1973 года. И подписан: учитель А. Давыдов.

Зачин текста немудрящ, а, впрочем, точен:

Для более полного представления о населении райцентра — с. Викулово Тюменской области — автором настоящего исследования были учтены 100 семей, из них 80 соседских, хорошо известных автору, в старой части села. 10 семей были учтены по одной центральной улице (Чапаева) и еще 10 — по новой, окраинной (ул. 8 Марта). Все семьи учитывались сплошь, с пропуском всего 1-2 недавно поселившихся семей, незнакомых автору.

Затем следует добротное описание того, что в социологии принято называть «общими распределениями» социально-демографических характеристик: по полу, возрасту, образованию, социальному положению и профессиональным занятиям, а также по «происхождению» (коренные жители данного села, мигранты из сельской глубинки, из города и т. п.). Привычный к социологическим опусам того времени читатель ждет такого же распределения ответов опрошенных на вопросы анкеты, вроде: удовлетворены ли Вы своим трудом или каковы Ваши жизненные планы? Но нет этого, как нет и самой анкеты. Зачем спрашивать, когда то, что нужно для анализа, и так известно автору о каждом из трехсот человек.

К «социологической характеристике» у А.В. Давыдова относятся: «семейное хозяйство» и «состояние здоровья», «партийность» и «судимость», а также «отношение к алкоголю»... Но и не только эти так называемые «объективные» характеристики, а и «субъективные». Только это вовсе не их, обследованных, мнения, позиции, субъективное отношение к тем или иным предметам. А — тут уж на традиционный социологический опрос совсем не похоже! — собственная экспертная оценка исследователем «умственного развития», «нравственности» и даже «государственной лояльности» каждого из вошедших в его выборку.

Наверное, можно доверять такой экспертной оценке, ведь каждого из своих односельчан автор наблюдает в повседневной жизни, и, по-видимому, много лет. Вероятно также, он опирается и на групповое мнение, на рассказы каждого о себе и соседях (не «под протокол», не «для анкеты»). И вот фрагмент из середины этого неординарного, как уже понятно, социологического отчета:

...Будучи довольно хорошо знаком с рассматриваемыми семьями, автор стремился беспристрастно учесть особенно отчетливые черты морали, поведения. Относительно честных, хотя бы в отношении госимущества, но все же способных лицемерить, говорить не то, что думают, а что выгодно, отмечено среди граждан старше 18 лет (*таковых в выборке А. В. Давыдова 223 чел, или 78%.* — А. А.) только 41 человек. Из взрослых трудолюбивых учтено 90, но трудолюбивых в основном для себя, а в учреждениях работающих «абы день прошел»... Ленивых, беззаботных, довольствующихся «чем бог послал» нашлось 15 человек, отчасти из-за слабого здоровья, алкоголизма... Аккуратных, также преимущественно для себя, но на общество работающих зачастую «тяпяпа», учтено

132 чел., неаккуратных везде — 44. Явно грубых взрослых учтено 94 чел., вежливых же, даже с большой «натяжкой», только 36...

Я привел здесь пока «сугубо описательный» фрагмент. Сами по себе количественные соотношения полярных групп достаточно красноречивы. Но автор не останавливается на констатации фактов. Он интерпретирует, объясняет, пытается экстраполировать на будущее.

Продолжаю цитирование с оборванного места:

...При этом растущая смена будет, пожалуй, еще грубее. Воспитываемая государством ненависть к идейным «врагам» проявляется в ненависти односельчан, как и всех советских граждан (*добавляет автор, словно напрашиваясь на обвинение в антисоветской пропаганде! — А. А.*), в первую очередь друг к другу... О советских людях многие говорят и пишут как о смелых, но их смелость с грубостью проявляется обычно против тех, на кого их натравливает начальство, и против слабых «соплеменников», когда они «шерстят» друг друга так, что только «перья летят», выступления же односельчан против «сильных мира сего» в защиту обиженных, слабых — явление редкое, объясняемое еще и привычкой «помалкивать», разобщенностью людей. Учитывая это, автор только 15 взрослых отнес к смелым, зато трусливых насчитал 99, имея в виду именно «боязнь начальства». Большое число трусливых, боязливых объясняется еще, конечно, и возрастом, и знаниями, и строгостью законов...

И последняя цитата:

Большинство взрослого населения — «бездумные» обыватели; те из них, какие особенно сильно одурманены идеями тоталитарного режима, получают от государства больше благ равных себе, защищают существующий строй и свое положение особенно рьяно. Все же их насчиталось не так уж много (21), преимущественно старые члены КПСС, недалекие люди. Среди <...> членов КПСС и <...> комсомольцев далеко не все убежденные коммунисты, многие носят партийный билет как «щит-броню» от нападок, недоверия, как «всесоюзный пропуск» к лучшим местам и благам, к «ласке» государства. Все же явно преобладают и среди викуловцев пресловутые безответственные приспособленцы — 170–180 лиц старше 16 лет, политически темный народ. Недовольство жизнью наблюдается у многих, по крайней мере, у 46 учтенных, из-за бедности, рабского труда в прошлом в колхозах, из-за раскулачивания, репрессий сталинцев, недостатка товаров в магазинах, плохой морали населения, поведения молодежи, своих детей, из-за бесхозяйственности, притеснений верующих, общей несправедливости.

В заключающих работу выводах автор столь же деловит, сколько и бескомпромиссно откровенен. Картина жизни сибирского райцентра, с точки зрения его промежуточного (между сельской глубинкой и городом) положения в миграционных процессах, неблагоприятной демографической ситуации и массового ухудшения здоровья, убогости повседневного быта, узости духовных запросов, развития «нравственных пороков» («нечестность, неаккуратность, грубость, ненависть, зависть, разобщенность, эгоизм»), общественной пассивности, «с мировоззрением по государственному шаблону, хоть и недовольны многими изъянами экономики и культуры»... Картина абсолютно реалистичная, и даже может показаться это банальным, глядя с высоты сегодняшнего нашего миропредставления, но ведь делалось и писалось это в 1973 году!

Здесь важно выделить три момента: интеллектуальный, гражданственный и профессиональный.

Интеллектуальный. А. Давыдов вводит в свое обследование экспертную оценку «интеллектуальной одаренности». Его критерий достаточно строг, по крайней мере автор только одного человека в 100 семьях посчитал «оказавшимся с сильным аналитическим умом и исключительной памятью». Понятно, что он имел в виду не себя самого. Однако сам он, по-видимому, был достаточно одинок в кругу односельчан. Я имею в виду не меру коммуникабельности (без чего вряд ли можно так досконально узнать односельчан, хотя профессия учителя этому явно способствовала). А ясность понимания того, что же происходит в нашем обществе, и поиск новых способов дальше углубить и конкретизировать это понимание. Среди профессиональных социологов того времени

такой способностью «додумывать до конца» обладали немногие. И еще у меньшего числа это находило отражение в их трудах.

Гражданственный момент. Кому адресован этот текст? Односельчанам? Очевидно, нет. Насколько я могу предположить, не относился А. Давыдов и к кругу «профессиональных» диссидентов. В селе Викулово не выйдешь «на площадь», как в Москве (хотя были, конечно, и мало кому сегодня известные «провинциальные» диссиденты). Скорее всего, не адресовался этот текст и западным радиостанциям (не тот жанр!). Политический, экономический, литературный «самиздат» в ту пору был, но социологического не было (свидетельствую как профессионал). Значит, «в стол»? Скорее всего, так. Но само по себе хранение такой рукописи в столе — до первого обыска... Возможно, не ждал обыска. Все же, Викулово — не Москва. Значит, тайлся?

Не выдумываю мотивов. Предлагаю версию, которая мне кажется естественной: **«Делай то, что никто, кроме тебя, не сделает».** Не сделал (и не мог сделать никто в райцентре Викулово, Тюменской обл.), кроме А. Давыдова!

Момент **профессиональный**. А. Давыдов в социологии — любитель. Возможно, он был начитан в социологических трудах и даже знаком с исследованиями сибирской деревни, проводившимися под руководством акад. Заславской. Уж в вопросах социологической «методологии» и «методики» — явно не сведущ. Однако слово «социология» он употребляет не всуе (как это водится среди любителей). Может, и хорошо, что не искушен в профессиональных премудростях. Ибо интуитивно, как просто человек со здравым смыслом и высоким уровнем культуры, он смело нарушает каноны, которых, пожалуй, и не знает. Он действует, как «умственно одаренный человек» (выражение А.В. Давыдова). И действует лучше иных профессионалов!

В ту пору увлечения математически «надежно обоснованными» общесоюзными и т. п. выборками, автору этих строк, например, непросто было доказывать, что сплошное обследование пусть даже произвольно выбранной небольшой территориальной общности или, скажем, производственного коллектива — может оказаться куда информативнее для познания «универсальных» общественных процессов, чем эти выборки.

Или: ни одному профессиональному социологу не приходило в голову так оригинально совместить методы «включенного наблюдения», «социальной статистики» и «экспертной оценки» в «монографическом исследовании» (я заговорил профессиональным социологическим языком). Может быть, потому, что для этого нужно было «планировать» свое исследование не из академического или отраслевого кабинета...

Есть, конечно, в тексте А.В. Давыдова некоторые (с профессиональной точки зрения) «наивности», на которых не хочется акцентировать внимание. <...> Но, кстати, то, что у А. Давыдова — «наивность», то у немалого количества «профессиональных» социологов — недостаток профессиональной культуры (не столь уж редкое явление!), так что не хочется придирааться.

Разумеется, работа с «общими распределениями» (проценты относительно всей совокупности обследованных) — это еще только «прихожая» в эмпирическую социологию, которая, строго говоря, начинается с анализа связей между признаками (как зависит, скажем, «честность» или «государственная лояльность» от объективных социальных характеристик и т. п.). Автор не ставил перед собой такой задачи. Но примечательно, что возможность для ее решения он создал — приложенной к тексту «отчета» исходной матрицей, которая легко профессионально переводится в двумерные статистические таблицы, и даже (разумеется, с учетом ограничений, накладываемых относительно небольшим объемом выборки) возможен расчет коэффициентов корреляции, проведение факторного анализа и т. п. (о чем социологу-любителю знать совершенно не обязательно).

Подводя итог, хочется определить текст (эссе, опыт социального анализа, отчет — но перед кем?) А. В. Давыдова 1973 года как самостоятельное (в лучшем смысле этого слова!) социологическое исследование, выполненное провинциальным учителем, в силу

культурного, нравственного или гражданственного императива. Это — некий образец «интеллигентного поведения», не столь уж отличного от «рыцарского кодекса»: «делай, как должно (и как я могу), а там — будь, что будет!».

Вот все, что я могу сказать, ознакомившись с документом нашей истории и, позволю себе утверждать, андерграундной социологии, каковым является текст «Социологическая характеристика 100 семей райцентра Викулово».

...Мне говорили, что А. В. Давыдов — потомок легендарного героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Но это и все, что я о нем знаю! Как жилось ему среди его «обследованных», жителей села Викулово, в 1973 году? Как дальше сложилась его судьба? Впрочем, для моей профессиональной и нравственной оценки его труда это не имеет значения.

Ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН, к. ф. н. А.Н. Алексеев
Июнь 1995

Ремарка: жизнь не по лжи.

Лишь год спустя автор имел случай побольше узнать о герое своих заметок. Анатолий Васильевич Давыдов (1925–1983), педагог-новатор, краевед, правозащитник, здесь предстает лишь одним из частных эпизодов своей подвижнической жизни, одной из сторон своей универсальной личности.

Надо сказать, что представленная выше версия жизненной ситуации «простого» сельского учителя во время написания им своей «Социологической характеристики жителей райцентра Викулово» требует существенной корректировки.

Как автору стало известно от Нины Анатольевны Давыдовой, дочери А.В. Давыдова, ее отец в 1963–1964 годах привлекался к уголовной ответственности по ст. 70 («антисоветская агитация и пропаганда») УК РСФСР. Год он провел в тюремном заключении (какое-то время — даже в «психушке»), но в конце концов — путем последовательных кассационных жалоб! — сумел добиться отмены приговора (что может показаться даже невероятным).

Разумеется, органы государственной безопасности не оставляли «реабилитированного» своим вниманием и после освобождения из мест заключения. То есть — обсуждаемую здесь работу в 1973 г. А.В. создавал, хорошо понимая, чем это опять ему грозит!

У родственников сохранилась также рукопись автобиографического романа Анатолия Васильевича Давыдова (его название — «Андрей Орлов»), охватывающего события жизни автора вплоть до середины 60-х. Этот роман по праву может быть определен как своего рода учебник «жизни не по лжи». Очень надеюсь, что он еще найдет своего издателя, равно как и читателя... Память об А.В. Давыдове сегодня чтят его односельчане. В июне 1996 г. администрация Викуловского района Тюменской области приняла следующее постановление:

«Учитывая ходатайства группы граждан с. Викулово и отдела культуры администрации района, присвоить Викуловскому районному краеведческому народному музею имя его создателя и многолетнего руководителя Давыдова Анатолия Васильевича». (Апрель 1999)

3.3. Габайдулин

(род. 1928)

18.11. «Я ВАМ ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ...» (ЗАКИР ГАБАЙДУЛИН)

[Ниже - фрагмент воспоминаний 3.3. Габайдулина, опубликованных в журнале «Воля» (1993). - А. А.]

= Из журнала «Воля» (1993)

От редакции

У А.И. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ», в главе «Менять судьбу» о побегах из лагерей есть небольшой рассказ об одном из них, совершенном в Краслаге:

«В 1951 в том же Краслаге около десяти большесрочников конвоировались четырьмя стрелками охраны. Внезапно зэки напали на конвой, отняли автоматы, переоделись в их форму (но стрелков пощадили! - угнетенные чаще великодушны, чем угнетатели) и четверо, С ПОНТОМ конвоируя, повели своих товарищей к узкоколейке. Там стоял порожняк, приготовленный под лес. Мнимый конвой поровнялся с паровозом, ссадил паровозную бригаду, и (кто-то из бегущих был машинист) - полным ходом повел состав к станции Решеты, к главной сибирской магистрали. Но им предстояло проехать около семидесяти километров. За это время о них уже дали знать (начиная с пощаженных стрелков), несколько раз им пришлось отстреливаться на ходу от групп охраны, а в нескольких километрах от Решет перед ними успели заминировать путь, и расположился батальон охраны. Все беглецы в неравном бою погибли» (Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, т. 2. М.: Советский писатель - Новый мир, с. 369).

На самом деле происходило это несколько иначе.

«Я вам должен сказать, я слушал из Америки больше двух лет тому назад. Американский диктор читал вот это самое, что пишет Александр Исаевич Солженицын... Я знаю, что побегов было много в те годы и разные, но такой как наш был единственный... чтобы все знали, что Солженицын описал неправильно, о том что мы ехали по узкоколейке, а колея была широкая. А самое главное он написал, что при побеге нас всех десятерых постреляли. Вот что мне не понравилось, что он раньше времени меня похоронил, да еще окромя меня остались еще пятеро...» - писал Закир Зинатулович Габайдулин Н.А. Формозову. (Сопротивление в ГУЛАГе. М., Возвращение, 1992, май, с. 171).

Мы публикуем эти воспоминания как документальное свидетельство без какой-либо редакторской правки.

***

В 1948 году я был арестован за прогул от работы и отправлен в тюрьму. Где-то через месяц меня вызвали на суд. И там мне объявилиб что я обвиняюсь по Указу от 1947 года и должен понести наказание за прогул как за саботаж.

И так мне прокурор вынес - 7 лет лишения свободы. Дали мне последнее слово. Я сказал всему составу суда: «вы враги народа и недобитые ежовцы». После чего мне суд вынес 10 лет и пять лет поражения в правах с отбытием в строго режимных лагерях. Итак, моя жизнь покатила и поехала «по воронкам и столыпинским вагонам».

Первое время я не мог понять, что творится в юридических законах: абсолютно ни за что судят людей. Сначала я думал, что меня только одного осудили по Указу за прогул. А когда я увидел в тюрьме: таких как я сотни человек, здесь окончательно понял, что это террор и вредительство.

Да, я должен Вам сказать, что у меня ненависти было хоть отбавляй, притом я был настырным. За свое самолюбие я много страдал в лагерях, которые прошел, и всюду лагерная администрация колола мне глаза как саботажнику. А надзиратели были хуже немецких полицаев, постоянно ходили с железными тростями. За одно неправильное слово били этими тростями, садили в карцер или в барак усиленного режима. Но сколько они меня ни мордовали, я все равно перед ними на задних лапках не стоял и пощады не просил.

Сколько раз мне говорили товарищи, чтобы я воздерживался от несчастий, но я не мог себя сдержать. Почему и страдал больше других. Заключение понимали для чего

создаются такие Указы: им нужна была дармовая рабочая сила, вот они по плану и делали чистку, сколько, куда нужно заключенных.

Понадобилось в Китойлаг на новую стройку 60 тысяч человек, они быстро свезли со всего Советского Союза. Что такое Китойлаг? Станция Китой в Иркутской области. В то время там стоял густой лес. В 1947 году нагнали заключенных, спилили лес, поставили юрты и бараки, огородили колючей проволокой и - пошли шпалы заключенных.

Таких зон сделали 25 и почти в каждой было по две с половиной тысячи. Начали строить секретный комбинат и одновременно строить город Ангарск.

А согнали сюда заключенных: уголовников и политических, и даже женщин. Оцепление сделали больше этого комбината. В каждую смену со всех зон выводили на этот комбинат около двадцати тысяч заключенных. Другие строили для вольных жилые кварталы. Одним словом, работа кипела, комбинат рос. <...>

...Теперь опишу Краслаг. В 1949 году меня этапировали в Краслаг. Почему называется Краслаг? Я вам должен сказать: это Красноярский край, станция Решеты. В этих Решетах было само управление лагерей, зон было около, в то время, 15-и. В основном - леса повальные. На одну из них пришел (называется она Верхняя Поканаявка) ОЛП № 9 строгого режима.

Контингент лагерников был в зоне разный: и воры, и политические, и головорезы. Зона делилась на три группировки. На воровскую, на сучью и на мужицкую. Но мужики это вечные рабы. А воры и суки считали себя благородными. Но между ворами и суками постоянно была смертельная вражда, зачастую были трупы. Здесь в основном шла травля друг друга с помощью лагерной администрации, чтобы шло уничтожение самих себя. Ибо в то время администрация смеялась: якобы где-то они вычитали из истории Ленина, что он сказал, что преступный мир искоренит сам себя. Так вот администрация и действовала.

Зачастую и мужики страдали от этой мясорубки. В зоне был страшный произвол со стороны лагерной администрации: заключенных сильно избивали, спали на голых нарах, на ночь бараки замыкали, кормили очень плохо. Люди умирали от истощения. на работу водили далеко. Тогда в основном лес вывозили на лошадях по лежневке, труд был каторжный. Сколько людей вымерло, об этом знает один медведь, так называли там прокурора.

И вот меня упрятали в барак усиленного режима. В камере нас сидело где-то человек 25. И вот в один прекрасный день открылась дверь нашей камеры. Показался у порога начальник режима. Он обратился к нам: «Кто желает на работу?» Мы спросили: «Могилу копать?» он сказал: «Силосную яму скрывать». Мы согласились выйти.

На другое утро нас действительно вывели на силосную яму. Вышло нас 10 человек. Конвоировали нас два солдата. Поработали мы первый день, второй - стали потихоньку в доверие входить, ибо они нас просили разжечь им костер, мы разжигали. А другие заготавливали дрова для них и для себя. Вроде бы помаленьку вошли к ним в доверие.

Вот здесь-то мы между собой решили их обезоружить и бежать. У нас было много ненависти к солдатам этого взвода, ибо когда нас выводили из зоны на работу, или на лесоповал или на шпалорезку с большой партией, что они с нами вытворяли! Народ был истощен, еле-еле двигались. Солдаты всю партию, человек двести, клали в грязь и в воду, травили собаками, чтобы те нас драли. И все это делалось по указанию командира взвода. Зачастую нас клали без причины, из прихоти. Что мы пережили в те годы страшного произвола, я не желаю этого своему врагу.

И все это было, это не приукрашка. Я пишу это только кратко.

Хотя нас и считали врагами народа, но они были сами хуже варваров. И жаловаться было некому.

Вот я опишу всех десять человек, что правильно написал в своей книге Александр Исаевич. То есть я тороплюсь описать, ибо не надеюсь на свое здоровье, чтобы Вы могли знать всех.

Это:

- 1) Габайдулин Закир Зинатулович, статья 58-14.
  - 2) Алиматов Шер Мухамедович, статья 58.
  - 3) Волков Николай Петрович, статья 58 (уйгур).
  - 4) Виноградов Алексей, статья - (Приморье).
  - 5) Урозаев, статья - 59? 58. Срок - 25 лет.
- Вот этих четверых нет в живых.
- 6) Чикин Петр - уголовник (Алтайский край).
  - 7) Королев Петр - уголовник (Алтайский край).
  - 8) Барзилов Владимир, статья - ? Большой срок - 25 лет (Из Ростова-на-Дону).
  - 9) Устинов Иван, статья - 7. 8, срок - 6 лет (Средняя Азия).
  - 10) Миронов Николай, статья - 10, 7. 8 (Небит Даг).
- Пишу о своем побеге.

Вышли мы на работу в четвертый день, и окончательно решили действовать. И вот опять насобирали дров, а вернее разного хлама. Стали им разжигать костер. В это время солдаты от нас стояли в двух метрах, расслабленные в ожидании тепла. Вот в это время мы на них набросились, подскочили остальные наши товарищи. Отняли у них карабины, их было двое. Мы забрали два карабина, на каждый карабин по два магазина патронов. Сняли с них полушубки, шапки с звездами, а их одели в свои бушлаты и шапки. После чего отвели их в кустарник от силосной ямы метров за 500, связали их. А сами пошли по железной дороге по направлению к станции Сосновка, или как еще называли Лесозавод. Нам нужно было пройти около 5-и километров.

Пришли мы на эту станцию. Смотрим: стоит паровоз с двумя груженными вагонами лесом-долготьем в направлении Решет. Куда нам и нужно было ехать. Наш мнимый конвой договорился с машинистом довести нас до станции Ревучий на этих платформах. Машинист согласился и мы поехали, сначала он не подозревал, что мы беглецы. Проехали мы километров 30, но нас остановили на станции Копай Горка, рядом находилась женская зона. Подбежали к нам старший лейтенант и несколько женщин в военной форме. Здесь офицер приказал нашему конвою следовать за ним. Тогда Алиматов застрелил его с расстояния пяти метров, а женщин не стали стрелять.

Машинист все это видел, после чего мы управление паровозом взяли в свои руки и ехали так, как нам нужно было. В топку паровоза уголь бросали сами.

Проехали мы еще километров десять, тут нас изрядно обстреляли из пулеметов и автоматов из засады. Тогда же убили нашего товарища - Виноградова А. Машиниста ранили в ногу, но он нам говорил какое колесико нужно крутить. Мы уже этот паровоз вели произвольно. Подъезжая к станции Ревучий, нас еще пуще обстреляли уже с двух сторон. Здесь я был ранен в левую руку. Был ранен и Чикин в ногу, а Королеву оторвало пулей указательный палец. Тогда же и Волкову пуля попала выше локтя, ему раздробило кость, впоследствии ему ампутировали руку.

Паровоз весь изрешетили пулями, вода из тендера вытекла. И наш паровоз на подъеме застыл. Здесь мы были вынуждены с него сойти, да и боялись, что он может взорваться без воды, ибо топка топилась.

Это было 4 марта 1951 года.

Хоть и начало весны, но снег лежал большой, где-то сантиметров на тридцать. Мы отошли от железнодорожного полотна в кустарники, но уже кругом стояли солдаты вооруженные автоматами и карабинами. Они применили в нашу сторону огонь. Мы здесь залегли, выбрав удобные позиции для себя, и применили ответный огонь. Солдатам жить хотелось больше чем нам, они тоже попрятались. Смотрим: инструктор-собаковод направляется в нашу сторону, в руке пистолет, а собака у него на длинном поводу. Здесь, конечно, вначале мы застрелили этого собаковода, а потом собаку. Смотрим, второй собаковод крадется. Этого не смогли убить, но собаку застрелили. Когда солдаты поднялись в полный рост, а их было много, около четырех десятков, мы убили еще двух. Вроде бы стрельба прекратилась на некоторое время. Оказывается, в это время приехали

из Решет на дрезине начальник управления - полковник, начальник следственного отдела, тоже полковник и командир дивизиона.

Они дали указание солдатам в нас не стрелять. После чего командир дивизиона на расстоянии стал нам кричать, чтобы мы сдавались. «Никто в вас стрелять не будет, - кричит он. - Есть у нас указание Москвы, вас взять живьем».

Мы между собой переговаривали, что нам делать, ибо у нас в то время другого выхода не было (нас все равно бы постреляли, перевес был на их стороне) и мы решили сдаться.

Командир кричит: «Карабины отбрасывайте в сторону и идите ко мне!» Мы так и сделали, карабины отбросили и пошли.

Вот здесь нас солдаты взяли в кольцо и конвоировали до самой дрезины. Там нас усадили на нее и увезли в Решеты, в лагерный следственный изолятор. Медицина оказала нам помощь. Сделали нам перевязки, а Волкова на операционный стол, где ему ампутировали руку почти до самого плеча.

И вот начались наши мытарства по следственному отделу. Стали нам фабриковать дело: что мы хотели бежать за границу. Мы их фабрикацию не стали подписывать. Нас били, пугали каждый раз, но все равно мы не подписали.

Так нас теребили целых полгода. За это время наши дела отправляли в Москву два раза для применения статей суда военного трибунала. К нам применили четыре статьи (самые страшные): 58-14 - групповой побег; 58-11 - саботаж; 58-8 - террор; 59-3 пункт 16 - истребление людей.

После этого нас отправили из Решет в Канскую тюрьму Красноярского края. Нам еще до суда пришлось сидеть в этой тюрьме полгода.

Приехал Военный трибунал Новосибирского округа - тройка. На суде мы узнали о том: что наш одноделец - Урозаев покончил жизнь самоубийством (повесился) за три дня до суда. Так как мы сидели по одиночкам, то и не могли видеть друг друга и знать о других.

Итак, начался суд. Судили нас прямо в тюрьме, в Красном уголке.

Применили к двоим, как организаторам, статью 58 пункт 8 (террор), которая в то время означала - высшая мера наказания. Другие статьи не гласили высшей меры, так как в те годы расстрел был отменен.

Алиметову и Волкову присудили - террор, суд приговорил к расстрелу, без обжалования.

Нам остальным суд вынес по 25 лет строго режима лагерей, первых пять лет - тюремный режим.

Месяца через три после суда меня этапировали в Ригу для отбытия тюремного заключения. Я ровно год просидел, затем меня отправили в Брест-Литовскую тюрьму для дальнейшего отбывания наказания. Опять через год меня отправили в Ставрополь. Еще через год отправили во Владимирскую тюрьму, а последний год заключения отбыл в Тобольской тюрьме.

После тюрьмы меня этапировали опять в тот же Краслаг только не в 9 ОЛП, а на 12-й, рядом в восьми километрах. Но 12 зона с таким же режимом, что и 9 ОЛП.

Все тот же произвол, вся та же мясорубка и смерти ежедневно.

Через 9 месяцев меня этапировали в Китойлаг вторично. Пробыл я там около двух лет, затем меня перевели в Омские лагеря. После Омска перевели в Приморье, в Уссурийск. Одним словом покатали меня досыта.

В общей сложности я прошел много тюрем, постоянно шел транзитом. Только в одной Москве прошел через Краснопресненскую тюрьму четыре раза. Был также в тюрьмах в Сызрани, Куйбышеве, Сталинграде, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Армавире, Уфе, Челябинске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке. Только не был я в Магаданской тюрьме, а по всему Советскому Союзу прошел почти половину тюрем.

Но, правда, транзитчиков больше трех дней в одном месте не держали, отправляли дальше. За пройденный мною путь сколько я видел унижений, слышал оскорблений со стороны тюремных надзирателей - это я знаю один. <...>

(З. Габайдулин. Я вам должен сказать... // Воля. Журнал узников тоталитарных систем. М., 1993, № 1, с. 5-10)

А. Кубанин
(1949-1999)

18.12. «НАДО ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО НАДО...» **(АНДРЕЙ КУБАНИН)**

[Ниже - очерк А. Селезневой «Андрей», опубликованный в газете «Берегиня» (ежемесячная газета зеленых, издающаяся в Нижнем Новгороде), 2000, № 4. Он посвящен экозащитнику из г. Владивостока Андрею Кубанину (1949-1999). - А. А.]

= Из газеты «Берегиня» (2000)

Его биография укладывается в несколько строк. Выпускник Московского государственного университета. Морской зоолог. Кандидат биологических наук. Единственный в Приморье представитель Социально-экологического союза. Президент экологической организации «Эко-Логос». Вузовский преподаватель. Секретарь комиссии по общественной экспертизе АЭС при обществе изучения Амурского края. Инвалид второй группы.

За этой короткой схемой жизнь. Редкостно светлый и бескорыстный человек, неординарная яркая индивидуальность, личность удивительного масштаба. Он никогда не встретит своего пятидесятилетия.

Что можно сказать об удивительном человеке, жившем рядом с нами? Просто перечислить некоторые даты его жизни. Родился в 1949 году. Москвич. Из семьи репрессированного и расстрелянного известного московского экономиста. С четырнадцати лет - поездки на знаменитую, единственную в СССР биостанцию МГУ на Белом море. Затем - биофак Московского университета. Активное участие в знаменитых - и весьма опасных - дружинах охраны природы. Поездки в экспедиции на Дальний Восток. Приезд на работу в Институт биологии моря Дальневосточного отделения Академии наук СССР, Японское море, в которое был влюблен. Владивосток, ставший родным. Открытия - его имя попадает в мировые атласы, ему поступают приглашения на международные научные конгрессы. Начинаются годы перестройки. Малоупотребительное прежде слово «экология» становится одним из символов...

Экологическое движение привлекает самых активных, думающих и бескорыстных людей. Андрей становится одним из организаторов Всесоюзного социально-экологического союза, во главе которого - известный эколог Алексей Яблоков, тогдашний советник Президента по экологии, и Святослав Забелин.

Андрей - депутат демократически избранного и потом разогнанного городского Совета Владивостока. Он активно участвует в создании первой экологической программы Владивостока. Он пытается объединить многочисленных экологов, создает общественную организацию «Эко-Логос» - Приморский общественный фонд по поддержке экологических инициатив, активно распространяет экологическую информацию, проводит обучающие семинары.

А потом (возможно, и вследствие всех этих перегрузок) пришла болезнь. Бесконечные больницы. Ожидание сложной операции. Именно в больнице он узнал об аресте Григория Пасько. В больничной палате перед сложнейшей операцией на печени он

впервые собрал его адвокатов, биологов, журналистов. Выйдя из больницы, получив короткую передышку, еще не зная, насколько она коротка, он все свои силы направил на защиту законных прав Пасько. Он связался и с экологами всего мира, и с Комитетом его защиты. Он считал дело Пасько нарушением права человека свободно говорить о проблемах общества и, прежде всего, - о проблемах экологии, то есть о правах изначальных - на жизнь и здоровье человека.

Отсюда, именно из этого твердого убеждения, интерес Андрея к проблемам радиоактивности, утилизации и хранения радиоактивных отходов. Надо сказать, что эта тема, как и экологическое законодательство, в отличие от других, более конкретных, более прикладных, таких, как защита моря, лесов, чистоты воды, - неблагодарна для создания экологу популярного имени. Андрей Кубанин оставался в тени, хотя именно он первым сообщал всему миру и России о деле Пасько. Именно с ним держали связь защитники Пасько со всех концов страны.

Последние месяцы, что отпустила ему судьба, стали радостными и насыщенными. Активная правозащитная деятельность, связанная с экологией. Радость возвращения к науке - он с наслаждением работал в лаборатории у любимого микроскопа и писал научные статьи. Он вновь занялся своими любимыми мшанками, по которым был одним из крупнейших специалистов мира. Радость общения со студентами - он начал вести занятия у студентов ВГУЭСа (Владивостокского государственного университета экономики и сервиса). Все оборвалось внезапно смертельным кровотечением...

Он обладал теми качествами, что ныне весьма редки и совершенно немодны (если не сказать презираемы): бескорыстие и бесребренничество, деликатность и врожденная вежливость, рыцарство и жесткость по отношению к непорядочности, высочайшая образованность и бытовая непрактичность. Даже донкихотство (когда человек мог отказаться от квартиры в пользу более нуждающегося), яркий ум и острая аналитичность, юмор и мягкая ирония, стремление всегда помочь и взять на себя большую тяжесть, мягкость и умение не замечать чужих недостатков. Он смог сохранить влюбленность в жену до последнего дня. Он не смог стать жестким лидером. Он не вполне смог реализовать себя, свой высокий потенциал. Кто бы еще так бескорыстно, бесплатно, оставаясь в тени защищал Пасько? Но он сохранял оптимизм: надо делать то, что надо...

Анна Селезнева. Владивосток
(Берегиня, 2000, № 4)

[«Дело» Г. Пасько, военного журналиста, обвиненного в разглашении «государственных тайн» об экологических бедствиях, в котором так самоотверженно участвовал, в качестве правозащитника, природозащитник Андрей Кубанин, - это уже наши дни, т. е. СЕГОДНЯ. - А. А.]

Вместо заключения (к главе 18)

На этом заканчивается наша историческая панорама "дел" в лицах. Здесь - и относительно недавние, и "дела" давно минувших дней.²⁷⁹ А точнее - не "дела", а ЖИЗНИ, СУДЬБЫ, ЛИЦА...

Какую цель преследовал при этом автор книги?

Во-первых - за некоторыми исключениями - выбирал наименее известные "случаи". Так, например, вряд ли читатель что-либо знал до сих пор о С.Н. Поршнякове²⁸⁰ или об А.В. Давыдове; имя В.П. Костенко известно больше корабелам; воспоминания З.З.

---

²⁷⁹ ««Дела» давно минувших дней» - так назывался один из разделов рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001).

²⁸⁰ См. ДСиСА – 2 (Приложения к части 2).

Габайдулина публиковались в журнале, не имевшем массового распространения; имя Андрея Кубанина тоже вряд ли известно за пределами круга природозащитников; и т. д.

Во-вторых, намеренно взята почти вековая ретроспектива, чтобы подчеркнуть, что... преходящи режимы и идеологии, а подлинную историческую ценность представляет Личность, ее жизнь, ее устремления, позиция, ее духовная красота и сила.

В-третьих, чтобы стало окончательно ясным, что вся наша "драматическая социология" есть не более, чем крохотная точка "на ряби океана", частный эпизод (и в лучшем случае - "моделирующая ситуация") - в драме человеческой истории, жизни, да и науки.

(Июнь-сентябрь 2000).

Приложения к тому 2/1

Содержание

Приложение 1. СЕДЬМАЯ ГЛАВА: НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ
КО 2-Й ЧАСТИ "ВЫХОДА ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ"

Приложение 2. ТЕАТР И ПУБЛИКА. СОВРЕМЕННЫЙ ОТКЛИК НА ТРУДЫ
30-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

**

Приложение 1

СЕДЬМАЯ ГЛАВА: НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ КО 2-Й ЧАСТИ "ВЫХОДА ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ"

Казалось, первый том трилогии «Драматическая социология, социология
жизненного пути и социологическая ауторефлексия» - «Выход из мертвой зоны» - уже
написан.²⁸¹

Его (этого тома) последняя - седьмая - глава отводилась для «приложений». Среди
таковых предполагались фрагменты записей потаенных экспертных бесед рубежа 1970-х -
80-х гг. по вопроснику «ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?», ну и еще около десятка
текстов более ранних и последующих лет, так или иначе дополняющих основной сюжет
книги или резонирующих с ним.

И вдруг, «все поломалось»!

Первым «бесом-искусителем» оказался Леонид Кесельман, читавший «сырую»
рукопись и озаботивший меня проблемой «современного взгляда» на описываемые
события 80-х гг. Тогда я стал усердно комментировать тексты (документы) тех лет:
пояснения в квадратных скобках, «ремарки» и «справки» курсивом, к которым читатель
уже, вероятно, привык.

Но дальше... современные комментарии перестали уместяться в примечаниях,
пояснениях и репликах! Они стали все чаще выплескиваться в «приложения»...

А затем - чем дальше, тем больше - я убеждался в том, что ДРУГИЕ ЛЮДИ
(коллеги, друзья, а иногда и лично не знакомые) своими текстами комментируют,
дополняют, а иногда и опровергают автора - полнее, точнее, убедительнее, чем он может
сделать это сам.

Поначалу даже испугался: все же на титуле - только моя фамилия... А потом
успокоил себя: в конце концов, мне важно сообщить читателю некоторую информацию,
донести некоторую мысль или (иногда) чувство.

---

²⁸¹ Содержание тома 1 рукописи книги «Драматическая социология и социологическая
ауторефлексия» (1999-2001): **Часть 1. Приключения социолога-наладчика.** 1. Накануне («Ожидаете ли
Вы перемен?»). 2. Театр жизни на заводских подмостках. 3. Человек и его работа: вид изнутри. 4. Досуги
социолога-рабочего. 5. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь. 6. Год Оруэлла («Дело»
социолога-рабочего). **Часть 2. Седьмая глава.** Подробнее см: Из неопубликованных глав. Том 1
(Приложение).

И ЕСЛИ АВТОР СДЕЛАЕТ ЭТО С «ПОСТОРОННЕЙ» ПОМОЩЬЮ, МЫСЛЬ МОЖЕТ ВО ВСЕ НЕ ПРОИГРАТЬ, А ВЫИГРАТЬ.

Так возникла эта КНИГА В КНИГЕ, где вполне выдержан документальный жанр, только субъект «драматической социологии» и «социологической ауторефлексии» выступает уже не сочинителем, а редактором-составителем своего рода дайджеста, антологии, если угодно - хрестоматии. Или... альманаха?

Кажется, первым употребил это слово другой читатель этой рукописи - Виктор Дудченко, которому я исправно переливал растущую как на дрожжах «Седьмую главу» из своего компьютера на дискету. Он был свидетелем ее (главы) трансформации из скромного приложения в нечто весьма объемное и едва ли не самостоятельное. И В. Д. эту эволюцию приветствовал.

Правда, мой внутренний рецензент и соавтор сожалел, что остается не зафиксированной (не отслеженной) последовательность возникновения новых включений в эту главу, т.е. сам процесс ее становления. (Что действительно было бы интересно, но, пожалуй, это - уже особый сюжет).

Тут встревожился первый внутренний рецензент - Л. К.: «Слушай, ты же своими приложениями так перегрузишь лодку (книгу) на один борт, что она опрокинется и, чего доброго, пойдет ко дну!».

Я и сам забеспокоился. Пока, наконец, не понял, что эта особая глава, написанная ДРУГИМИ или О ДРУГИХ, есть равноправная часть книги, обеспечивающая как раз правильную БАЛАНСРОВКУ. Пусть будут две части (кстати, примерно равные по объему!). Причем одна без другой, как теперь автор уже уверен, не могут существовать. Относительно 1-й части («драматической социологии», как таковой) - эта 2-я часть («Седьмая глава») задает КОНТЕКСТ: исторический, научный, личностный.

Это - иногда иллюстрация, иногда пояснение, а иногда и ОБЪЯСНЕНИЕ того, что рассказано в «Приключениях социолога-наладчика» (будь то их событийная фабула, будь то «приключения духа»).

И вот оказалось: если автор хочет поделиться с читателем высоко значимыми для него идеями Ч.Р. Миллса, П. Сорокина, М. Полани, А. Швейцера, А. Ухтомского, В. Муравьева, А. Любичева, М. Гефтера, Г. Гачева, Р. Баранцева, А. Марасова - то лучше не пересказывать, а представить эти идеи В АУТЕНТИЧНОМ ВИДЕ! Что и сделано в «Седьмой главе», где обширное цитирование заведомо превышает по объему собственный авторский текст.

Далее. Если вся «драматическая социология» квалифицируется нами как почка или побег на «субъект-субъектной» ветви древа социального познания, то нельзя же не обозначить хотя бы эту ветвь, если не все дерево! Соотнести... Но как?

Опять же, лучше всего - «акупунктурой» извлечений из текстов создателей, скажем, «феноменологической школы» (А. Шюц, Г. Гарфинкель) или «социологии действия» (А. Турен) или «драматургической социологии» (И. Гофман) или современного анализа «жизненных историй» (Д. Берто). Либо их самих, либо ведущих представителей этих школ; или же - лучших их интерпретаторов.

Я здесь упомянул западные школы и направления. Но не менее уместно обратиться и к богатейшей отечественной традиции, причем - вовсе не только к собственно социологической. Ведь, по существу, глубоко социологична была и русская художественная публицистика, в частности, второй половины XIX века: М. Салтыков-Щедрин, Г. Успенский, А. Энгельгардт, В. Гиляровский, В. Короленко, А. Чехов...

Наконец, в уже давних или современных трудах моих коллег разных поколений (начиная с В.Шубкина, В. Ядова, Ю. Левады, И. Кона, В. Ольшанского, Р. Рывкиной, Т. Дридзе и далее - вплоть до самой молодой поросли: «дети старше нас, потому что они младше нас!» - выражение еще одного моего внутреннего рецензента - З. Вахарловской), нахожу предвосхищения или продвижения именно к тем идейно-научным горизонтам,

которые теперь как будто стали виднее социологу-испытателю (хотя далеко не сразу ему открылись). И здесь лучше - самим этим авторам предоставить слово.

(Примечательно, что нередко современные тексты друзей и коллег, с которыми когда-то вместе начинали, далеко опережают собственные результаты автора этой книги, который иногда «разбрасывался» или «отвлекался» от первоначальных замыслов - будь то в силу произвольной смены исследовательских интересов, будь то в силу внешних обстоятельств).

Тот же принцип - обращение к трудам коллег - использован и в обсуждении одной из главных тем книги: «человек в системе производственных отношений». «Материя» (как, впрочем, и «дух») социально-трудовых и - более широко! - общественных отношений, экспериментально исследованная автором в определенный исторический момент, понятно, имеет генезис и вовсе не останавливается в своем движении. Желательно соотнести этот анализ ставшего (к тому времени) - с «траекторией» исторического развития.

Как было - ДО? Как стало - ПОСЛЕ?

Одному человеку - всего не охватить... Вот он (автор этих строк) и ищет себе «собеседников» и «соавторов» (С. Рапопорт, Б. Максимов, В. Герчиков, Л. Гордон, Н. Поречная, Виктор Дудченко и др.). В итоге - сложилась композиция извлечений из работ коллег, позволяющая судить о ПАНОРАМЕ И РЕТРОСПЕКТИВЕ, в частности, производственной и социально-экономической сферы (хотя бы и эскизно, в первом приближении).

И, наконец: «Время жизни», «Жизненный процесс и истории жизни», «Жизненная позиция», «Творчество жизни», «Жизненный мир»... (Это - названия некоторых разделов «Седьмой главы»).

Невозможно все пережить, все испытать «на собственной шкуре»... Но разве духовное завещание С. Поршнякова, самостоятельное исследование А. Давыдова, заявления А. Базникина и В. Очаковского, правозащитные документы В. Сокирко, заметки и письма Р. Ленчовского и А. Кетегата, тексты С. Розета, Л. Кесельмана, А. Ющенко, В. Павленко, С. Чеснокова, С. Минаковой, воспоминания И. Грушевой и Н. Костенко, заметки А. Солипатрова и В. Тягушева, эссе В. Ронкина, «заповеди» В. Глухова, экзистенции Ю. Щеголева, разнообразное творчество О. Козиной и т. д., не говоря уж об уцелевших, по счастью, экспертных листах «Ожидаете ли Вы перемен?», - не являются отражением (и воплощением) того социально-личностного опыта, который отвечает (дает пищу для ответов...) на те же вопросы, что ставил перед собой - и прежде, и сегодня! - социолог-испытатель?

И этот опыт, это творчество (во всем многообразии его содержания и форм) наполняют уверенностью в том, что в своих поисках автор был - и остался! - вовсе не одинок.

Причем, как мне кажется, полнее и ярче всего раскрывается это богатство - в ДИАЛОГАХ. Иногда - диалоги в явной форме, например: личная переписка; иногда - в их не явной форме: «переключки», часто даже не осознаваемая самими собеседниками, а усмотренная и предъявленная «третьей стороной», т. е. автором-составителем. (Бывает, не нужны и комментарии - читатель сам заметит...).

Или вот, мифологизированное в конце 80-х (отголоски мифа сохранились и по сей день!), «дело» социолога-рабочего (см. главу 6: «Год Оруэлла»). По-настоящему осмыслить этот драматический эпизод (включая собственное поведение в тогдашней ситуации), можно, как я считаю, лишь «пошире раскрыв глаза» и увидев это «дело» - НА ФОНЕ ряда общеизвестных (а также совсем не известных, коим автор, кстати сказать, старался отдавать предпочтение в своем отборе) жизненных историй и исторических событий. (См., в частности, раздел: «Дела» давно минувших и недавних дней», в конце главы 7).

В итоге сложилось, в этой книге, нечто, вначале вовсе не планировавшееся - и не ожидавшееся! - мною. А теперь уже и трудно себе представить: как же можно было бы без всего этого обойтись, если хочешь что-то понять и что-то сообщить - о «времени в себе» и о «себе во времени»? И вообще - если хочешь дать читателю свободу выбора в самоидентификации не только с автором, но и с другими, любезными автору людьми: с их «приключениями», исканиями и раздумьями, с их судьбами, наконец.

...Самоорганизация материала в этой, 2-й части «Выхода из мертвой зоны» (не конструировавшейся, а именно выраставшей...) позволяет лучше уяснить (по крайней мере, так было для самого автора!) также и тематический состав, а точнее - латентную структуру всей книги: ОБЩЕСТВО, СОЦИОЛОГИЯ, ЛИЧНОСТЬ. Именно эта триада вынесена в название главы 7.

В «Седьмой главе» - 24 раздела, не равных по объему и по фактологической или смысловой насыщенности. Как правило, эти разделы соотнесены с той или иной из первых шести глав (а там - были отсылы к 7-й). Как бы приложения к этим главам...

Однако еще неизвестно - что к чему, на самом деле, является приложением.

...Книгу, как и жизнь, можно уподобить потоку («stream of life»). Река обычно начинается с родника, а по ходу течения - разливается и наполняется, питаясь из множества притоков (и сама питая собой почву и атмосферу). Пока эта река (жизни? творчества?) не впадет, наконец, в другую реку (или в озеро, или в море...).

Так вот: из каких источников возникло все описанное в предыдущих главах? И куда оно впадает? Это и составляет содержание 2-й части первого тома трилогии «Драматическая социология, социология жизненного пути и социологическая ауторефлексия».

А. Алексеев

Май - декабрь 2000

Приложение 2

ТЕАТР И ПУБЛИКА. СОВРЕМЕННЫЙ ОТКЛИК НА ТРУДЫ 30-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

= Отклик на книгу «Театр и публика: опыт социологического исследования 1960-1970-х годов»²⁸²

(авт. - Алла Корниенко, научный сотрудник Социологического института РАН)

Книга, о которой пойдет речь (1), возвращает читателя в то памятное театральное время, когда многие тогда еще ленинградские, не петербургские, театры именовались фамилией их предводителей. Говорили просто: театр Товстоногова, Театр Владимирова, Агамирзяна, Корогодского... За этими краткими названиями стояло многое: зрительская любовь к театру, осознание лидирующей роли главного режиссера — художественного руководителя в театральном коллективе, признание за лидером способности выковать из этого коллектива единое органичное творческое содружество с отчетливой и разделяемой зрителями гражданской позицией, выражаемой в постановках театра как откликах на волнующие общество проблемы. Наконец, подобные наименования свидетельствовали о том, что искушенная театральная публика, безусловно, различала исповедуемые

---

²⁸² Опубликовано в: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований, 2013, № 4.

О сборнике: Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов. Отв. ред. В.Н. Дмитриевский. М.: Государственный институт искусствознания, "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2013, - см. выше: Из неопубликованных глав. Том 2 (Глава 15)..

конкретным театром эстетические принципы и идеалы, определяющие его художественную манеру и актерское исполнительство.

Книга «Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960-1970-х годов», вышедшая недавно в серии «Социология и экономика искусства: научное наследие», предъявляет читателям материалы трех масштабных комплексных научных изысканий, проведенных междисциплинарной научно-исследовательской группой «Социология и театр», созданной в 1974 году при Ленинградском отделении ВТО. Первые два — «Социологическое изучение репертуара драматических театров СССР 1960–1970-х гг.» и «Театр в духовной жизни современного молодого человека» — относятся ко времени образования неординарного для той поры сообщества аналитиков, успешно проработавшего на театральной ниве более 15 лет (2). Третье научное изыскание «Зритель в театре» выполнено чуть позже. Каждый реализованный исследовательский проект нашел отражение в изданных соответственно в 1979 г. и 1981 г. под грифом ВТО и ВНИИ искусствознания научных монографиях «Театр и молодежь» и «Зритель в театре». Написанные по завершении проектов, монографии представляли собой малотиражные ротاپринтные издания; сегодня они труднодоступны для читательской аудитории и недостаточно известны среди театроведов и социологов. Поэтому состоявшаяся по инициативе Государственного института искусствознания публикация обеих монографий под одной обложкой в виде книги «Театр и публика» мыслится абсолютно правомерной и полезной по целому ряду причин. Она существенно облегчает интересующимся читателям доступ к оригинальным текстам; она знакомит с предложенным исследовательской группой, новым для того времени, междисциплинарным социолого-театроведческим подходом к изучению театральной жизни и театральной аудитории и демонстрирует возможности практического применения такого подхода. Выпущенная в свет книга интересна и с науковедческой точки зрения как очевидное свидетельство состояния отечественной социологии и отечественного театроведения в 70-е годы двадцатого столетия. Сверх того, поднимаемые и обстоятельно обсуждаемые авторами методологические проблемы, такие как качество опросного инструментария, надежность эмпирических данных, формирование выборки, способы математико-статистического анализа собранного материала и интерпретации полученных результатов исследования, не знают временных границ: они актуальны всегда. Итак, перед нами изданная книга. Ее открывает довольно обширное введение. Оно принадлежит перу известного специалиста в области эстетики, культурологии, социологического изучения театра Н.А. Хренова и являет собой прежде всего очерк по отечественной социологии искусства советского периода. Возникшая в 60-е годы на третьей волне растущего интереса к позитивизму как концептуальной базе исследований художественной культуры, социология искусства послужила теоретическим и практическим ориентиром в деятельности группы «Социология и театр». Дополнительно во введении обрисовывается широкий культурологический контекст рассматриваемых в книге исследований, с акцентом на явных и скрытых функциях культуры и ее фундаментальных оппозициях государство/культура, идеология/культура, способствующий более глубокому осмыслению последующих социологических сюжетов.

За обстоятельным введением идут две части, озаглавленные «Театр и молодежь. Опыт социологического исследования» и «Зритель в театре. Социологическое исследование театральной жизни». В полном соответствии с научной традицией описание предпринятых эмпирических изысканий в обеих частях подчинено классическому канону, диктующему поэтапное продвижение от концептуальных рамок исследования, его основных характеристик, методологии и процедуры к результатам работы и их интерпретации. Так, первая часть книги начинается с уточнения ключевых для авторов понятий спектакль, репертуар и текущий репертуар театра, потенциальная и реальная театральная аудитория, молодежная аудитория, что проясняет смысл заложенной в фундамент исследований теоретической формулы «театр — репертуар — потенциальная

молодежная аудитория», выражающей систему отношений между театром и молодежью. Различение понятий реальная и потенциальная театральная аудитория принципиально для авторов, поскольку в их задачи входило не только изучение театральных вкусов той молодежи, которая заинтересованно и достаточно регулярно посещает театр (его реальной аудитории), но и выявление культурных приоритетов его потенциальной аудитории — тех молодых людей, кто бывает в театре реже, предпочитая ему иные формы досуга. В установлении эмпирическим путем реального соотношения двух данных аудиторий и раскрытии специфики их культурных ориентаций собственно и заключалась одна из основных целей исследователей. Отдельный комплекс сформулированных авторами задач, сопряженных с анализом репертуара профессиональных ленинградских театров и тенденций в его эксплуатации, подчинялся другой важнейшей цели — зафиксировать особенности репертуарной «политики» отдельных театров и понять, как они сказываются на отношении зрителей к тому или иному театру в целом и к его конкретным спектаклям, в частности. Разработанная авторами теоретическая схема исследований предполагала сочетание трех направлений анализа: театроведческого, социологического и математико-статистического, сфокусированных на обоих субъектах взаимодействия — театре и зрителях — и системе связей между ними, что было новым для театральных изысканий той поры.

В методологическом разделе обсуждается использованный авторами комплекс приемов сбора эмпирической информации и ее математической обработки. Среди первых метод компетентных судей (экспертные процедуры), анализ статистики и массовый анкетный опрос. В числе вторых расчет принятых в социологии статистических распределений выделенных признаков, их корреляционных матриц, а также факторный анализ, позволивший обнаружить латентные переменные, обуславливающие присущие признакам взаимосвязи. Здесь же обосновывается выбор общей для исследований и театральных репертуаров, и театральной аудитории единицы наблюдения, коей стал спектакль (театральная постановка) — главный продукт как театрального «производства», так и зрительского «потребления». Процедурный раздел воспроизводит логику развертывания исследований во времени. Их старт — составление авторами «сводной» афиши девяти драматических и трех музыкальных ленинградских театров, охватившей 307 театральных спектаклей, прошедших на ленинградской сцене в 1973 году. По каждой постановке собиралась и изучалась статистика, касающаяся ее эксплуатационных характеристик за контрольный год: число зрителей, количество показов и пр. Опрос экспертов — ведущих театроведов Ленинграда — привнес нужные сведения о жанровой принадлежности каждого спектакля и оценки его идейно-нравственного звучания и художественного решения. В опоре на статистику авторами была очерчена структура театрального репертуара и выявлены тенденции его формирования и эксплуатации применительно ко всем 12 исследуемым ленинградским театрам вместе взятым и к каждому театру в отдельности. Аналогичным образом, т. е. в проекции на всю подконтрольную совокупность и на отдельные ее элементы, анализировался и массив экспертных суждений. Позже та же «сводная афиша» была включена в анкету массового опроса, в котором участвовали 1200 молодых людей в возрасте от 14 до 28 лет, представляющих различные группы учащейся и работающей молодежи. Мощный опросник, насчитывающий 212 признаков, дал возможность выяснить, какие формы культурного досуга предпочитают респонденты, в какой мере их интересует театральное искусство, какие театры и спектакли они любят и почему. Реализованный в исследованиях комплексный подход к анализу эмпирических данных, предполагавший параллельные сравнения трех информационных массивов — зрительского, экспертного и театральной статистики, помог авторам создать многомерное изображение театральной жизни Ленинграда той поры.

Результаты исследований молодежной театральной аудитории и самих театров (их репертуарной «политики», тенденций эксплуатации репертуара) преподносятся авторами

и изолированно, и в тесном переплетении друг с другом. Так, основная выборочная совокупность опрошенных молодых людей, насчитывавшая 1000 человек и олицетворявшая потенциальную театральную аудиторию, приобретает конкретные очертания благодаря их многочисленным социально-демографическим характеристикам и ранжированному авторами перечню предпочитаемых респондентами форм досуга. Среди последних посещение драматических и музыкальных театров занимает четвертое и пятое место соответственно, уступая лидерство кино, художественным выставкам и эстраде. Выделенная из потенциальной аудитории по установленному авторами критерию «количество просмотренных спектаклей», реальная театральная аудитория охватывает 76% респондентов и имеет в своем социально-профессиональном составе явный крен в пользу молодых инженеров и студентов. В этой аудитории налицо выраженный интерес к театру в целом, поддерживаемый ориентацией на серьезные формы культурного досуга: музеи, лекции, филармонические концерты. Исследование реальной аудитории по множеству признаков социального и материального положения, условий жизни участников опроса привело авторов к выводу, что любовь к театру уходит корнями прежде всего в традиции семейного воспитания респондента, определяемые культурным уровнем его родителей. Второй решающий фактор, обуславливающий отношение молодого человека к театру — срок его проживания в Ленинграде, указывающий на степень погружения в культуру крупного города. Совокупная театральная афиша представлена в двух ракурсах: с позиции однозначных объективных параметров театральных постановок (времени создания пьес, языка литературного оригинала и др.) и в свете тех неоднозначных характеристик спектаклей (таких как их жанр и оценки сценического воплощения), которые квалифицированно определяются лишь экспертным сообществом. В первом случае была использована театральная статистика, во втором авторы опирались на данные экспертного опроса, в котором 10 видных ленинградских театроведов оценивали каждый известный им спектакль по 20 признакам, начиная с его жанровой принадлежности и заканчивая музыкальным, художественно-декоративным и пластическим оформлением. Факторный анализ упомянутых признаков обнаружил две противоположные стратегии в формировании театрального репертуара: выбор постановок с отчетливым идейно-нравственным звучанием, обладающих, как правило, и высокими художественными достоинствами, и ориентация на спектакли чисто развлекательные, не имеющие художественной ценности. Изучение статистики по эксплуатации театрального репертуара выявило негативную тенденцию реализации репертуарной «политики» театров: их внятную установку на широкий показ развлекательного жанра, изгоняющего со сцены серьезную мысль, а следовательно, изгоняющего из театров серьезную публику. Пересечение же структуры совокупного театрального репертуара со вкусами реальной театральной аудитории показало, что в целом у молодежи нет преимущественной тяги к развлекательным и детективным спектаклям; напротив, ее больше привлекает идейно-нравственное содержание театральных постановок, их режиссерские находки и неординарное художественное решение. Разбиение реальной аудитории на 10 социально-профессиональных групп позволило авторам запечатлеть театральные вкусы каждой группы в плане ее любимых театров, жанров, спектаклей. Одновременно каждый из девяти исследуемых авторами драматических театров детально рассмотрен с точки зрения его экспертных оценок, и для каждого театра обрисован социально-профессиональный профиль «своего зрителя» — той заинтересованной и постоянной части театральной публики, на которую, главным образом, театр и ориентируется.

Последний шаг в предъявлении результатов исследований — раздел, посвященный проблемам построения двух многомерных типологий: театральных спектаклей и форм поведения молодежи в сфере досуга. Обе типологии получены с помощью

компонентного анализа. Авторы подробно изыясняют методологию и процедуру типологизации; последняя — путь от анализа парных коэффициентов корреляции контролируемых признаков к выявлению посредством метода главных компонент

тех латентных переменных, которые детерминируют существующие межпризнаковые связи. Применительно к театральным постановкам авторами обнаружены пять факторов, отражающихся в экспертных оценках спектаклей. Первые два, причастные к важнейшим тенденциям формирования репертуара, имеющие высокую информативность, позволили авторам точно вычислить место каждого театра в пространстве, образованном координатными осями «современное/традиционное решение спектакля» и «развлекательные/проблемные спектакли». Недоступные непосредственному наблюдению, эти выявленные факторы и явились для авторов основаниями типологизации театральных спектаклей. Означенная выше процедура, примененная к специальному «досуговому» блоку вопросов зрительской анкеты, также имела важный результат. Во-первых, были получены профили фактического досугового поведения молодежи. Предъявленные в книге, в том числе, и в графическом виде, они наглядно демонстрируют меру вовлеченности в различные формы культурного досуга разных молодежных групп: школьников, студентов, рабочих. Во-вторых, были выделены четыре типологизирующих фактора, скрыто влияющих на досуговые предпочтения молодых людей, сквозь призму которых проанализирована каждая молодежная группа. Успешно выдержанная проверка выделенных в обоих случаях типологических шкал на дифференцирующую и объясняющую способность стала главным методологическим итогом типологизации.

Вторая монография «Зритель в театре» начинается разделом, развертывающим картину театральной жизни страны и уже — Ленинграда — в 60-70-е годы с акцентом на присущих этому времени сценических поисках театров и наблюдаемых тенденциях во взаимоотношениях театра и аудитории. Описание давшего монографии свое название исследования «Зритель в театре», относящегося к 1977 г., повторим, не нарушает социологического канона. Как теоретическая, так и методическая его составляющая во многом опиралась на материалы ранее осуществленных авторами изысканий. Являясь их естественным продолжением, исследование «Зритель в театре» углубило концептуальный фундамент комплексного анализа театральной проблематики, в т. ч. за счет теоретической проработки понятий случайный и постоянный зритель, публика театра, повседневная театральная аудитория, а также уточнения общей схемы взаимодействия «театр — зритель» и встраивания ее в более широкую систему «зритель — художественная культура» и «зритель — культура». Методологический раздел подчеркнуто заострен на проблеме формирования выборки для опроса зрителей непосредственно в театре (прежде анкетирование проходило по месту учебы или работы респондентов). Авторы обосновывают новый вариант решения указанной проблемы, в котором двухступенчатая выборка есть результат специального отбора не зрителей в залах театров, а вначале самих театров и затем спектаклей, наиболее точно отражающих репертуарную «политику» этих театров. Здесь же подробно рассматриваются вопросы надежности и устойчивости собираемых данных, репрезентации зрительской аудитории, объясняются все введенные в анкету изменения. Не оставлена без внимания и организационная сторона опроса зрителей в театре, имеющая свою очевидную специфику. Участниками проведенного опроса стали зрительские аудитории (свыше 16000 человек) 21 спектакля трех ленинградских театров — БДТ, театра имени Ленсовета и театра имени В.Ф. Комиссаржевской. Изложение результатов исследования разбивается на три части по числу его основных направлений: изучение театральной аудитории, анализ поведения зрителей драматических театров в сфере культуры и выявление факторов формирования зрительских аудиторий. Располагая полученными в опросе сведениями о структуре и величине повседневной аудитории (3) трех вышеупомянутых театров, авторы рассчитали объем и структуру их реальной аудитории и построили для каждого театра ее модель. Корреляционный и факторный анализ данных зрительских опросов 1974 г. и 1977 г. обнаружил определенную закономерность поведения респондентов в сфере культуры, а именно их четкую приверженность одной из двух противостоящих друг другу досуговых

субкультур. Первая, условно именуемая авторами «традиционной», охватывает серьезные формы досуга (оперные и балетные спектакли, филармонические концерты, драматический театр, литературные вечера и пр.); вторая, названная «массовой», тесно сопряжена с облегченными формами досуга, такими как эстрада, цирк, оперетта, массовые гулянья. Ориентированные на драматический театр респонденты охотнее делали выбор в пользу «традиционных» форм культурной активности; те, кто больше склонялся к какому-либо «массовым» формам культуры, как правило, предпочитали не выходить за их рамки. Результаты второго зрительского опроса не только подтвердили сформулированный ранее вывод о решающем значении семейного воспитания, культурного уровня семьи в деле приобщения молодого человека к театру, но и значительно расширили его. Авторами установлено, что характер первичной социализации молодого человека сильнее влияет на его приверженность «традиционной» либо «массовой субкультуре, нежели текущие условия его жизни. Специально разработанной процедурой сравнения структур зрительских аудиторий трех театров получены свидетельства влияния на формирование этих аудиторий двух групп факторов — социальной (внеатрактальной) и театральской. Из дифференцирующих факторов социальной группы прежде всего выделяются пол, возраст, уровень образования и срок проживания в Ленинграде. В театральной группе доминируют «специфика театра» и «специфика спектакля», характеризующие, главным образом, общую идейно-творческую позицию театрального коллектива, с одной стороны, и особенности художественного воплощения спектакля (его жанр и сценические средства), с другой. Авторы демонстрируют, как формирование зрительской аудитории опосредовано не только взаимодействием той или иной группы факторов, но и их своеобразным противоборством. Между тем, по оценкам авторов, в каждом обследованном ими театре и на каждой избранной для анализа постановке, будь то программный спектакль, театральный фарс или серьезная комедия, в зрительском зале преобладают женщины, молодежь в возрасте от 17 до 25 лет, лица с высшим образованием, уроженцы Ленинграда и люди, прожившие в нем более 10 лет. Отмеченное обстоятельство, заключают авторы, есть результат действия общей мощной социокультурной установки, имеющей внеатрактальную природу. Конечная точка в описании результатов исследования — раздел, посвященный представленности ленинградских театров на ленинградском телевидении. Предъявленная авторами статистика показа по телевидению театральных спектаклей дополнена зрительскими оценками таких показов, полученными Б.М. Фирсовым и К. Муздыбаевым в 1975 г. в ходе социологического обследования аудитории (4). Общий вывод авторов: ленинградские театры прочно заняли постоянное место в сетке ленинградского телевидения, и телезрители это одобряют, однако условия показов порой оставляют желать лучшего. В заключение обзора добавим: различные срезы анализируемых авторами данных находят отражение в многочисленных таблицах, рисунках, матрицах, располагающихся по всей книге и особенно кучно в приложениях. В них же размещено немало исследований исследователей: обе методики зрительских опросов и экспертная анкета «Взгляните на афишу». Подведем итоги. В научный оборот введена новая книга —

плод коллективного труда целой группы исследователей. Она знакомит читателей с работами, выполненными более 30 лет назад и не утратившими научной значимости и сегодня. Сама книга как научный продукт отличается продуманностью композиции, строгой логикой изложения, четко сбалансированной структурой. Неоспоримое достоинство сочинения — почти полное отсутствие «семантических швов» — тех смысловых повторов, которые нередко бытуют в коллективных монографиях, где разные разделы пишутся разными авторами. Представленные же в книге социологические изыскания демонстрируют высокий уровень научного мышления их участников. Он проявляется всюду: в постановке подлежащей анализу проблемы, во встраивании этой проблемы в широкий социальный контекст, в проработанности концептуальных основ исследований, в искусном оперировании эмпирическими данными, в обстоятельности

аргументации. Научная культура находит выражение и в понимании обязательности для научного описания методологических сюжетов. В наши дни, к сожалению, ими часто пренебрегают. В подобных случаях за, как правило, эффектно поданной проблемой почти сразу же следуют не менее эффективные аналитические результаты; методология же редуцируется до указаний на тип исследования, время его проведения и объем выборки. Специфика пути, приведшего аналитиков к добытым результатам, опускается. Рассматриваемое нами издание реализует прямо противоположную стратегию. Развернутые на протяжении всей книги методологические рассуждения вновь и вновь актуализируют вечные для прикладных социологических исследований вопросы формирования выборки, качества методического инструментария, надежности эмпирического материала, достоверности интерпретационных схем. Кроме того, авторы выносят на повестку дня сугубо технические проблемы анкетных опросов и размышляют о найденных ими способах их разрешения, повышающих результативность анкетирования. В целом, сказанное означает, что вышедшая книга будет полезна не только специалистам в области театра, шире — области искусства, еще шире — культуры, но и тем далеким от названных сфер социологам_практикам, которые ищут образцовые примеры социологических изысканий и их предьявления научной общественности. Прделанная авторами работа ждет продолжения — такого же масштабного комплексного социолого-театроведческого анализа нынешней картины театральной жизни Петербурга. Сегодня она иная, чем прежде. Существенно увеличилось количество петербургских театров и их сценических площадок (многие театры обзавелись малыми сценами). Некоторые театральные учреждения кардинально изменили свой статус: так, бывший областной Малый драматический театр преобразовался в Театр Европы. В сводном репертуаре весьма заметно присутствие постановок негосударственных театров, упрочилась антреприза. Снятие идеологических запретов открыло необозримые просторы для свободного театрального творчества. Одновременно новые экономические порядки чрезвычайно обострили проблемы экономического выживания театров, что не могло не сказаться на их деятельности. Все эти и другие социальные факторы нуждаются в научном анализе. Не менее значим социальный прогноз театральной жизни северной столицы на ближайшие годы, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Что будет происходить с театром в век компьютерных технологий, предложивших человечеству принципиально новые виды социальных коммуникаций? Устоит ли театр перед натиском электромагнитных сигналов, как когда-то он выдержал победоносное вторжение в сферу культуры кинематографа и телевидения? Каким станет театральное искусство — этот оплот творчества — в пору резкого возрастания социальных языковых контактов и, как следствие, их неизбежной формализации? Авторы рассматриваемой книги уже внесли весомый вклад в поиск ответов на означенные вопросы, завершив ее, в расчете на будущие исследования, разделом по методологии прогнозирования театральной жизни, сфокусированным на надежности прогнозов и обеспечивающих ее процедурах. Вместе с тем сохраняет свою ценность рожденный авторами концептуальный замысел системного анализа театральной сферы и их методические и практические наработки. Дело за новыми аналитиками. Пока же хочется поздравить всех, кто причастен к появлению на свет нового добротного научного издания — книги «Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960-1970-х годов» — и поименно назвать тех исследователей, кто составлял группу «Социология и театр» в разные годы ее существования. Это А.Н. Алексеев, А.Я. Альтшуллер, Ю.М. Барбой, О.Б. Божков, В.Л. Владимиров, В.Н. Дмитриевский, Б.З. Докторов, Л.Е. Кесельман, Б.Н. Кудрявцев, Б. М. Фирсов.

(1) Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов. Отв. ред. В.Н. Дмитриевский. — М.: Государственный институт искусствознания, "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2013. — 400 с. — (Социология и экономика искусства: научное наследие).

(2) Подробнее о составе и деятельности группы "Социология и театр" в разные годы см. Божков О.Б. 15 лет социологического изучения театральной жизни Ленинграда. — Телескоп. 2008. № 6. С. 64-68.

(3) Под повседневной аудиторией театра понималась обобщенная совокупность людей, одновременно присутствующих в театре.

(4) См. Фирсов Б., Муздыбаев К. К построению системы показателей использования средств массовой коммуникации // Социологические исследования. 1975. № 1.

Конец тома 2/1